HANDBOUND
AT THE
UNIVERSITY OF
TORONTO PRESS

3317

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

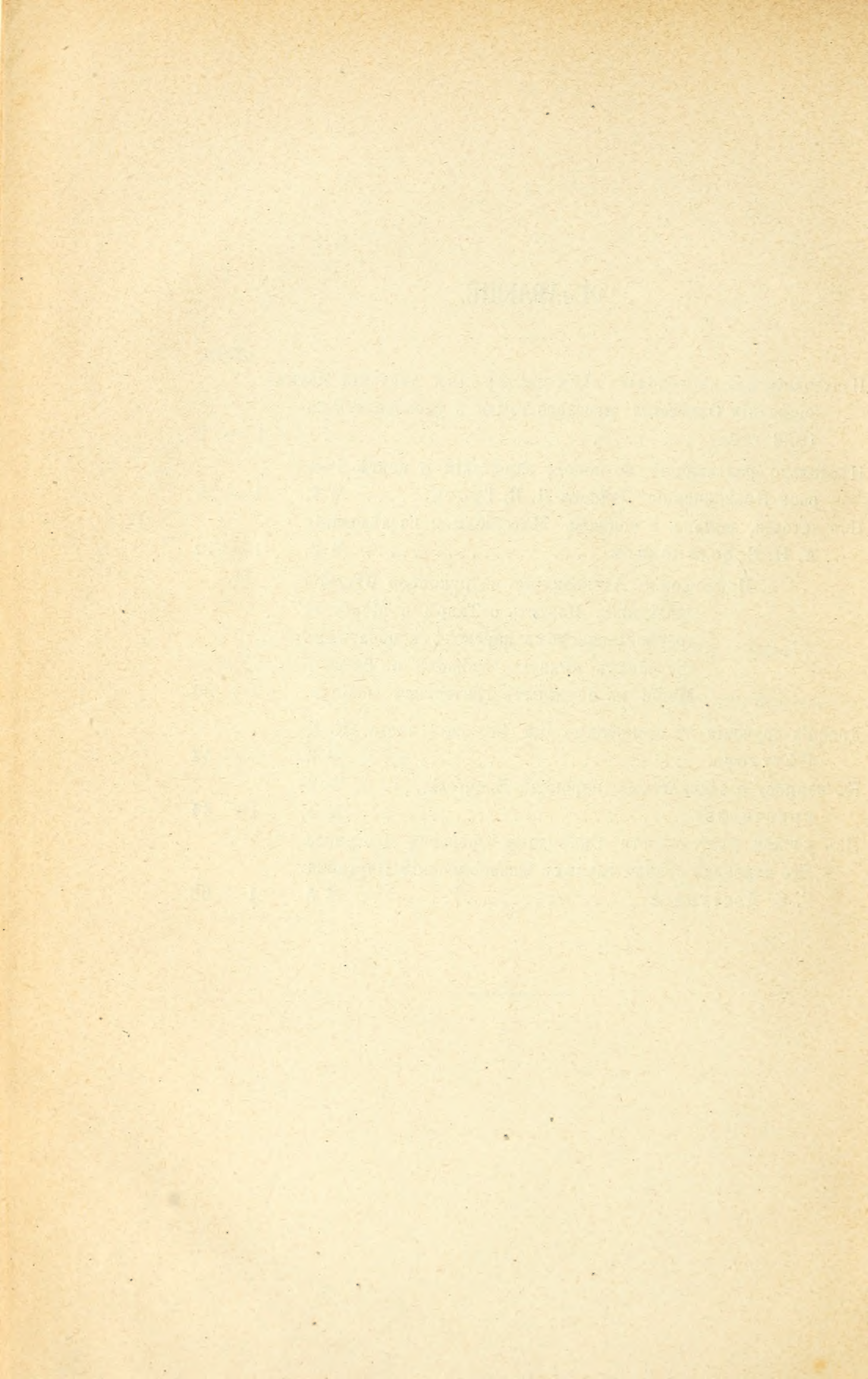
ТОМЪ СОРОКОВОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9-я лин., № 12).
1886.

PG
2013
A65
t. 40

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Январь 1887 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.



ИЗДАНІЯ

ВТОРОГО ОТДѢЛЕНІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

СБОРНИКЪ ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

Томъ I. Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ. И. И. Срезневскаго. — **Характеристика Державина какъ поэта,** Я. К. Грота. — **Сношенія П. И. Рычкова съ Академіею Наукъ въ XVIII столѣтіи,** П. П. Пекарскаго. — **Мнѣнія о Словарѣ славянскихъ нарѣчій,** А. Б. Шлейхера и И. И. Срезневскаго. — **Очеркъ дѣятельности и личности Карамзина,** Я. К. Грота. — **О второмъ Отдѣленіи Академіи Наукъ,** его же.

Томъ II. Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова, соч. П. П. Пекарскаго. — **Литовскія народныя пѣсни,** И. Юшкевича. — **Коренное значеніе родства у Славянъ,** П. А. Лавровскаго. — **Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755 — 1764 годовъ,** П. П. Пекарскаго. — **Труды югославянской академіи наукъ и художествъ,** И. И. Срезневскаго. — **Литературные труды П. И. Кеппена,** А. А. Куника. — Къ тому этому приложены два портрета: 1) митрополита Филарета московскаго. 2) П. И. Рычкова.

Томъ III. Древніе Славянскіе памятники юсоваго письма, съ описаніемъ ихъ и съ замѣчаніями объ особенностяхъ ихъ правописанія и языка, И. И. Срезневскаго.

Томъ IV. Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время, И. А. Чистовича. Цѣна каждаго тома 1 р. 50 к.

Томъ V. вып. I. **Воспоминанія о научной дѣятельности митрополита Евгенія.** И. И. Срезневскаго, съ прибавленіями гг. Полѣнова и Саввантова съ письмами къ Городчанинову и Анастасевичу. — **Переписка Евгенія съ Державинымъ,** Я. К. Грота, съ письмами къ гр. Хвостову и къ К. К. Гирсу. — **О словаряхъ Евгенія,** А. Ѳ. Бычкова, съ перепискою между преосв. и Ермолаевымъ и съ др. приложеніями. — Цѣна 75 коп.

Томъ V. вып. II. **Переписка А. Х. Востокова въ повременномъ порядкѣ,** съ объяснительными примѣчаніями И. И. Срезневскаго. — Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ VI. Литературная жизнь Крылова, Я. К. Грота. — **Дополн. біогр. извѣстіе о Крыловѣ,** его же. — **О басняхъ Крылова въ худож. отношеніи,** А. В. Никитенко. — **О языкѣ Крылова,** И. И. Срезневскаго. — **О басняхъ Крылова въ переводахъ на иностр. языки,** А. Ѳ. Бычкова. — **Сатира Крылова и его Почта Духовъ,** Я. К. Грота. — **Слово въ день юбилея Крылова,** преосв. Макарія. — **Пирогъ; Лѣнтяй; Кофейница,** драматич. сочин. Крылова. — **Пиръ** басня, его же — **Объясненіе Крылова. Письмо его къ В. А. Олениной. Замѣтка о нѣкот. басняхъ Крылова,** Я. К. Грота. — **О новомъ англ. переводѣ басенъ Крылова,** его же. — **Библіографическія и историческія примѣчанія къ баснямъ Крылова,** сост. В. Ѳ. Кеневичемъ. — **Матеріалы для біографіи Крылова,** доставл гг. Кеневичемъ, Княжевичемъ и Семевскимъ. — Къ книгѣ приложены снимки съ почерка Крылова. — Цѣна 2 р.

Томъ VII. О трудѣ Горскаго и Невоструева: «Описаніе славянскихъ рукописей Синодальной библіотеки», записка И. И. Срезневскаго. — **Записка о томъ же,** А. Ѳ. Бычкова. — **Дополненіе къ исторіи масонства въ Россіи XVIII столѣтія,** П. П. Пекарскаго. — **Толковый словарь В. И. Даля,** записка Я. К. Грота. — **О зоологическихъ названіяхъ въ словарѣ Даля,** записка Л. И. Шренка. — **О ботаническихъ названіяхъ въ словарѣ Даля,** замѣтка Ф. И. Рупрехта. — **Дополненія и замѣтки къ словарю Даля,** Я. К. Грота. — **Дополненіе къ областному словарю,** Н. Я. Данилевскаго. — **Объясненіе темныхъ и испорченныхъ мѣстъ русской лѣтописи,** Я. К. Эрбе-

на. — **Разсмотрѣніе рецензій «Описанія рукописей Синодальной Библіотеки»**, статья К. И. Невоструева. — **О греческомъ кондакарѣ XII—XIII в.**, архим. Амфилохія. — **Итальянскіе архивы и матеріалы для славянской исторіи**, В. Макушева.—**Отчеты о дѣятельности Отдѣленія за 1868 и 1869 гг. и очеркъ біографіи А. С. Норова**, сост. А. В. Никитенко.—Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ VIII. Ломоносовъ какъ писатель. Сборникъ матеріаловъ для разсмотрѣнія авторской дѣятельности Ломоносова. Составилъ А. Будиловичъ. — **Матеріалы для библіографіи литературы о Ломоносовѣ**, С. И. Пономарева. — **Замѣчанія объ изученіи русскаго языка и словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ**, И. Срезневскаго. — **Итальянскіе архивы и хранящіеся въ нихъ матеріалы для славянской исторіи. — II. Неаполь и Палермо. III. Неаполь, Бари и Анкона**, В. Макушева.—Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ IX. Историческія бумаги, собранныя К. И. Арсеньевымъ. Приведены въ порядокъ и изданы П. П. Пекарскимъ съ біографіею и портретомъ Арсеньева.—Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ X. Воспоминаніе о Сперанскомъ, А. В. Никитенко. — **Петръ Великій, какъ просвѣтитель Россіи**, Я. К. Грота.—**Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ**, Д. А. Ровинскаго. — **Когда основаны Уфа и Самара**, П. П. Пекарскаго. — **Повѣсть о судѣ Шемяки**, М. И. Сухомлинова. — **Библіографическія находки во Львовѣ**, Я. Ѳ. Головацкаго. — **Дополненія къ словарю Даля**, П. В. Шейна. — **Воспоминанія о Далѣ и Пекарскомъ**, Я. К. Грота.—Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ XI. Исторія Россійской Академіи. Выпускъ первый. М. И. Сухомлинова. — **Записка о путешествіи въ Швецію и Норвегію**, Я. К. Грота. — **Русскій театръ въ Петербургѣ и Москвѣ (1749 — 1774)**, М. Н. Лонгинова.—**Дополненіе къ очерку славяно-русской библіографіи В. М. Ундольскаго**, сост. Я. Ф Головацкимъ.—**Дополненія и замѣтки I. Ф. Наумова къ Толковому словарю Даля.** Къ книгѣ приложенъ портретъ академика Пекарскаго.—Цѣна 2 р.

Томъ XII. Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, И. И. Срезневскаго. — **Сборникъ Бѣлорусскихъ пословицъ.** И. И. Носовича.—Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ XIII. Общественная и частная жизнь Августа Людвига Шлецера, имъ самимъ описанная. Пребываніе и служба въ Россіи, отъ 1761 до 1765 г Извѣстія о тогдашней русской литературѣ. Переводъ съ нѣмецкаго съ примѣчаніями и приложеніями В. Кеневича (съ портретомъ Шлецера) Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ XIV. Исторія Россійской Академіи. Выпускъ второй. М. И. Сухомлинова.—Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ XV. Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, И. И. Срезневскаго. — **Палеографическія наблюденія по памятникамъ греческаго письма**, И. И. Срезневскаго. — **Отрывки греческаго текста каноническихъ отвѣтовъ русскаго митрополита Іоанна II**, А. С. Павлова.— **Матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта**, Я. К. Грота.—Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ XVI. Исторія Россійской Академіи. Выпускъ третій. М. Сухомлинова.—Цѣна 1 р. 75 к.

Томъ XVII. Апокрифическія сказанія о Ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ по рукописямъ Соловецкой библіотеки, И. Я. Порфирьева.—**Іерусалимъ и Палестина въ русской литературѣ, наукѣ, живописи и переводахъ (Матеріалы для библіографіи)**, С. И. Пономарева. — **Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи въ области великорусскаго нарѣчія**, М. А. Колосова. — Цѣна 1 р. 75 к.

Томъ XVIII. Екатерина II и Густавъ III, Я. К. Грота. — **Воспоминанія о четырехсотлѣтнемъ юбилеѣ Упсальскаго университета**, Я. К. Грота. **Подлинники писемъ Гоголя къ Максимовичу и напечатанные отрывки изъ нихъ**, С. И. Пономарева. — **Библіографическія и историческія замѣтки. Орѣховецкій договоръ.—Происхожденіе Екатерины I.** Я. К. Грота.—**Рѣчь въ**

торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ по случаю Столѣтняго юбилея Александра I. М. И. Сухомлинова.—На память о Бодянскомъ, Григоровичѣ и Прейсѣ, первыхъ преподавателяхъ славянской филологіи, И. И. Срезневскаго —Отчетъ коммиссіи о присужденіи преміи графа Н. А. Кушелева-Безбородки за біографію канцлера князя А. А. Безбородки, Я. К. Грота. — Замѣтки о сущности нѣкоторыхъ звуковъ Русскаго языка, Я. К. Грота. — Новые труды преосвященнаго Порфирія Успенскаго, С. И. Пономарева. — Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ XIX. История Россійской Академіи. Выпускъ четвертый. М. И. Сухомлинова.—Чешскія Глоссы въ Mater Verborum. Разборъ А. О. Патеры и дополнительныя замѣчанія И. И. Срезневскаго. — Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ XX. Некрологъ князя Вяземскаго, составленный акад. Я. К. Гротомъ. — Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ. Я. К. Грота. — Слово о двѣнадцати снахъ Шахаиши, по рукописямъ XV вѣка. Академика А. Н. Веселовскаго. — О славянскихъ редакціяхъ одного аполога Варлаама и Іоасафа. А. Н. Веселовскаго. — Свѣдѣнія и Замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ LXXXI—XC. И. И. Срезневскій. — Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности за 1878 годъ, составленный академикомъ М. И. Сухомлиновымъ. — Заботы Екатерины II о народномъ образованіи. Я. К. Грота. — Князь Вяземскій. М. И. Сухомлинова. — Памяти кн. Вяземскаго. С. И. Пономарева. — Разысканія въ области русскихъ духовныхъ стиховъ. Академика А. Н. Веселовскаго. Къ книгѣ приложены портреты кн. П. А. Вяземскаго и А. В. Никитенко. Цѣна 2 руб.

Томъ XXI. Записки объ ученыхъ трудахъ И. В. Ягича и А. Н. Веселовскаго, составленныя ак. Я. К. Гротомъ. — Русско-нищенскій словарь Минской губерніи мѣстечка Семежова. — Старообрядческій синодикъ. А. Н. Пыпина. — Разысканія въ области духовныхъ стиховъ. А. Н. Веселовскаго. — Диссидентскій вопросъ въ Польшѣ. И. А. Чистовича. — Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ. Ст. II. Я. К. Грота. — Фріульскіе Славяне. И. И. Срезневскаго. — Дополненіе къ Бѣлорусскому словарю. И. И. Носовича. — Отчетъ Отдѣленія р. яз. и слов. за 1879 г., составленный М. И. Сухомлиновымъ. — Нѣсколько припоминаній о научной дѣятельности А. Е. Викторова. И. И. Срезневскаго. Цѣна 2 руб.

Томъ XXII. Исторія Россійской Академіи. М. И. Сухомлинова. Выпускъ V.— Южно-русскія былины. А. Н. Веселовскаго. — Croissans-crescens и Средневѣковыя легенды о половой метаморфозѣ. А. Н. Веселовскаго.— О Ксанфинѣ. Греческая Трапезунтская былина Византійской эпохи. Г. С. Дестуниса. — Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ. И. И. Срезневскаго. — Отчетъ Отдѣленія русскаго языка и словесности за 1880 г., съ некрологомъ И. И. Срезневскаго, составленный А. Ѳ. Бычковымъ. Къ книгѣ приложенъ портретъ И. И. Срезневскаго. — Цѣна 2 руб.

Томы XXIII — XXVII. Русскія народныя картинки. Д. А. Ровинскаго. Книга I. Сказки и забавные листы. — Кн. II. Листы историческіе, календари и буквари. — Кн. III. Притчи и листы духовные. — Кн. IV. Примѣчанія и дополненія. — Кн. V. Заключеніе и алфавитный указатель именъ и предметовъ. — Цѣна за всѣ 5 томовъ 10 руб.

Томъ XXVIII. Жизнь и дѣянія великаго Тамерлана. Сочиненія Клавихо. Дневникъ путешествія ко двору Тимура въ Самаркандъ. 1403—1416. Подлинный текстъ съ переводомъ и примѣчаніями, составленными подъ редакціею И. И. Срезневскаго. — Разысканія въ области духовнаго стиха. III—V. А. Н. Веселовскаго. — Богатырское слово въ спискѣ начала XVII вѣка, открытое Е. В. Барсовымъ. Цѣна 2 р.

Томъ XXIX. Эрикъ Лаксманъ. Я. К. Грота. — Отчетъ II Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1881 годъ. А. Н. Веселовскаго. — Новыя свѣдѣнія о Котошихинѣ по шведскимъ источникамъ. Я. К. Грота. —

Библіологическій словарь и черновые къ нему матеріалы. П. М. Строева. Изданъ подъ редакціею А. Ѳ. Бычкова съ составленнымъ имъ особымъ указателемъ. Цѣна 2 р. 25 к.

Томъ XXX. **Памятники Болгарскаго народнаго творчества.** Выпускъ I-й Собралъ Владиміръ Качановскій. — Цѣна 1 руб. 50 коп.

Томъ XXXI. **Славянскія рукописи въ заграничныхъ библіотекахъ.** Г. Воскресенскаго. — **Письма Погодина къ Максимовичу.** С. И. Пономарева. — **Исторія Россійской Академіи.** Вып. VI. М. И. Сухомлинова. — **Отчетъ о первомъ присужденіи премій Пушкина.** Я. К. Грота, Н. Н. Страхова и О. Ѳ. Миллера. — **Отчетъ II Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1882 годъ.** А. Н. Веселовскаго. Цѣна 2 руб.

Томъ XXXII. **Очеркъ жизни и поэзіи Жуковскаго.** Составленъ и въ день его столѣтняго юбилея читанъ Я. К. Гротомъ.—**Пожаръ Зимняго дворца 17 декабря 1837 года.** Записка В. А. Жуковскаго. — **Списокъ сочиненій, переводовъ и изданій академика Я. К. Грота.** Составленъ С. И. Пономаревымъ. — **Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха. VI—XI.** А. Н. Веселовскаго. — **Письма В. С. Сопикова къ К. Ѳ. Калайдовичу.** Сообщилъ И. Шляпкинъ. — **А. Н. Радищевъ, авторъ «Путешествія изъ Петербурга въ Москву». I—VIII.** М. И. Сухомлинова. — **Замѣтки по литературѣ и народной словесности.** А. Н. Веселовскаго. I. — **Матеріалы для библіографіи литературы о Карамзинѣ. Къ столѣтію его литературной дѣятельности (1783—1883).** Собралъ С. И. Пономаревъ. Цѣна 2 руб.

Томъ XXXIII. **Отчетъ о дѣятельности II Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1883 годъ.** Составленный М. И. Сухомлиновымъ. — **Отчетъ о присужденіи Ломоносовской премін въ 1883 году, съ приложеніемъ четырехъ критико-палеографическихъ статей.** И. В. Ягича. (Съ тремя литограф. таблицами). — **Николай Ивановичъ Гнѣдичъ. Нѣсколько данныхъ для его біографіи по неизданнымъ источникамъ. Къ столѣтней годовщинѣ дня его рожденія (1784—1884).** Сообщилъ П. Тихановъ.—**Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ.** Статья третья. Я. К. Грота.—**Лекціи о русской литературѣ, читанныя въ Парижѣ въ 1862 г. С. П. Шевыревымъ.** Цѣна 2 р. 50 к.

Томъ XXXIV. **Разысканія о греческихъ богатырскихъ былинахъ средневѣковаго періода.** Д. Дестуниса. — **Описаніе славяно-русскихъ книгъ печатанныхъ кирилловскими буквами. Томъ I. Съ 1491 по 1652 гг.** Цѣна 1 руб. 50 коп.

Томъ XXXV. **Литовскія свадебныя народныя пѣсни,** записанныя Антономъ Юшкевичемъ и изданныя Иваномъ Юшкевичемъ. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Томъ XXXVI. **«Русское правописаніе». Руководство,** составленное по порученію Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ академикомъ Я. К. Гротомъ. — **Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности за 1884 г.** Составленъ и читанъ Я. К. Гротомъ. — **Южно-русскія былины.** Академика А. Н. Веселовскаго. (III—XI). — **Отчетъ о присужденіи Пушкинской преміи въ 1884 г.,** съ приложеніемъ рецензіи профессора И. В. Помяловскаго. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Томъ XXXVII. **Исторія Россійской Академіи.** Вып. VII. М. И. Сухомлинова. Цѣна 1 руб. 75 коп.

Томъ XXXVIII. **Вопросъ о Кириллѣ и Меѳодіи въ славянской филологіи.** И. В. Ягича. — **Странствующій Жидъ.** Предсмертное произведеніе Жуковскаго. — **«Книги законныя», содержащія въ себѣ въ древне-русскомъ переводѣ, византійскіе законы земледѣльческіе, уголовные, брачные и судебные.** А. Павлова. — **Взглядъ на учебную часть въ Россіи въ XVIII столѣтіи до 1782 г.** Графа Д. А. Толстаго. — **Академическая гимназія въ XVIII столѣтіи, по рукописнымъ документамъ архива Академіи Наукъ.** Графа Д. А. Толстаго. — **Академическій университетъ въ XVIII столѣтіи, по рукописнымъ документамъ архива Академіи Наукъ.** Графа Д. А. Толстаго.— **Къ изданію Иліады въ переводѣ Гнѣдича.** С. И. Пономарева.—

Отчетъ о дѣятельности Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1885 г. А. Н. Веселовскаго. Цѣна 2 руб.

Томъ XXXIX. Письма Добровскаго и Копитара въ повременномъ порядкѣ. Трудъ Орд. Акад. И. В. Ягича. (Съ портретомъ и двумя снимками автографовъ). Цѣна 2 руб.

ДРУГІЯ ИЗДАНІЯ ОТДѢЛЕНІЯ:

Сочиненія Державина съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота:

Томъ I (съ портретомъ Державина и 1-й жены его, со снимками и многочисленными рисунками). Спб. 1864: 4 р.

Томъ II (съ рисунками), 1865: 3 р.

Томъ III (съ портретомъ 2-й жены Державина). 1866: 2 руб.

Томъ IV (съ алфавитнымъ указателемъ къ 4-мъ томамъ). 1867: 2 руб.

Томъ V (съ портретомъ Державина, снимками и указателемъ). 1869: 2 руб. 50 коп.

Томъ VI (съ портретомъ Державина и указателемъ). 1871: 2 руб. 50 коп.

Томъ VII (съ указателемъ). 1872: 2 руб.

Томъ VIII (съ портретомъ, рисунками и снимкомъ). 1880: 5 руб.

Томъ IX (со снимками портретовъ, нотами и общимъ указателемъ ко всему изданію). 1883: 3 руб.

Цѣна всѣмъ **девяти томамъ** роскошнаго изданія **Сочиненій Державина** 25 руб.

Сочиненія Державина съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота:

2-е изданіе, общедоступное, безъ рисунковъ.

Томъ I (съ портретомъ Державина). Спб. 1868: 1 руб. — Томъ II. 1869: 1 руб. — Томъ III. 1870: 1 руб.—Томъ IV. 1874: 1 руб.—Томъ V. 1876: 1 руб. — Томъ VI. 1876: 1 руб. — Томъ VII. 1878: 1 руб.

Жизнь Державина (съ портретомъ, рисунками и снимкомъ). Спб. Т. I. 1880. Томъ II. 1883: Цѣна I тома 5 руб. II тома 3 руб.

Матеріалы для біографіи Ломоносова, собранные П. П. Билярскимъ. Спб. 1865. Цѣна 1 р. 50 к.

Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова, П. Пекарскаго. Спб. 1865. Цѣна 50 к.

Матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта. Бумаги Кара и Бибикова (со снимкомъ). Я. Грота. Спб. 1862. Цѣна 30 к.

То же. Переписка Екатерины II съ графомъ П. И. Панинымъ, Я. Грота. Спб. 1862. Цѣна 25 к.

То же. Бумаги, относящіяся къ послѣднему періоду мятежа и къ поимкѣ Пугачева. Я. Грота. Спб. 1874. Цѣна 60 к.

Письма Ломоносова и Сумарокова къ Шувалову, Я. Грота. 1862: 30 к.

Очеркъ академической дѣятельности Ломоносова. Его же. 1865: 20 к.

Письма Карамзина къ Дмитріеву. Съ портретомъ и снимками. Издали съ примѣч. Я. Гротъ и П. Пекарскій. Спб. 1866: 2 р.

Очеркъ дѣятельности и личности Карамзина. Я. Грота. Спб. 1868: 25 к.

Литературная жизнь Крылова. Его же. Спб. 1868: 25 к.

Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755 — 1764 годовъ. П. Пекарскаго. Спб. 1867: 35 к.

Путешествіе акад. Делиля въ Березовъ 1740 года. П. Пекарскаго. 50 к.

Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова, изслѣдованіе П. Пекарскаго (съ портретомъ и снимкомъ). Спб. 1867: 75 к.

Матеріалы для исторіи журнальной и литературной дѣятельности Екатерины II. П. П. Пекарскаго. Спб. 1863: 25 к.

Новыя извѣстія о Татищевѣ. Его же: 40 к.

Словарь Бѣлорусскаго нарѣчія, И. Носовича. Спб. 1870: 3 р.

Сербско-Русскій словарь, П. Лавровскаго. Спб. 1870: 1 р. 50 к.

Воспоминанія о В. И. Далѣ и П. П. Пекарскомъ, Я. Грота. Спб. 1874: 20 к.

Сочиненія и письма Хемницера, съ примѣчаніями Я. Грота. Спб. 1873: 1 р. 50 к.

Исторія Императорской Академіи Наукъ, П. Пекарскаго. Т. I. Спб. 1870. Цѣна 3 р. Т. II. Спб. 1873. Цѣна 3 р. 50 к.

Записка о путешествіи въ Швецію и Норвегію, Я. Грота. Спб. 1873: 25 к.

Исторія Россійской Академіи. М. Сухомлинова. Выпускъ I *). Вып. II, цѣна 1 р. 50 к. Вып. III, цѣна 1 р. 75 коп. Вып. IV, цѣна 2 р. Вып. V, цѣна 2 руб. Вып. VI, цѣна 2 руб. Вып. VII, цѣна 2 руб.

Екатерина II и Густавъ III. Я. Грота. Спб. 1877: 50 коп.

Воспоминанія о четырехсотлѣтнемъ юбилеѣ Упсальскаго университета. Я. Грота. Спб. 1877: 30 коп.

Рѣчь по случаю столѣтняго юбилея Александра I. М. Сухомлинова. Спб. 1877: 45 коп.

Библіографическія и историческія замѣтки. Орѣховецкій договоръ. Происхожденіе Екатерины I (со снимкомъ рукописи договора). Я. Грота. Спб. 1877: 25 к.

Чешскія Глоссы въ Mater Verborum. Разборъ А. О. Патеры и дополнительныя замѣчанія И. И. Срезневскаго. Цѣна 60 к.

XIII Словъ Григорія Богослова въ древнеславянскомъ переводѣ по рукописи Императорской Публичной Библіотеки XI вѣка. Критико-палеографическій трудъ А. Будиловича. Спб. 1875. 1 руб. 50 к.

Русская историческая библіографія за 1865—1876 включительно. Составилъ В. И. Межовъ. Томъ I. № 1—10,036. Спб. 1882. 2 р. 50 к. — Т. II. № 10,037—26,249. Спб. 1882. 2 р. 50 к. — Томъ III. № 26,250—36,810. Спб. 1883. 2 р. 50 к. Томъ IV. № 36,811—44,705. Спб. 1884. 2 р. 50 к. Т. V № 44,706—54,692. Спб. 1885. 2 р. 50 к.

Древніе памятники русскаго письма и языка (X—XIV вѣковъ). Общее повременное обозрѣніе. Трудъ И. И. Срезневскаго. Второе изданіе. Спб. 1882. 2 рубля.

Памятникъ глаголической письменности. Маріинское четвероевангеліе съ примѣчаніями и приложеніями. Трудъ И. В. Ягича. Спб. 1883 г. Цѣна 5 руб.

Списокъ сочиненій, переводовъ и изданій академика Я. К. Грота, съ приложеніемъ нѣкоторыхъ документовъ, относящихся къ 50 лѣтнему юбилею его. Спб. 1883. 20 коп.

Очеркъ жизни и поэзіи Жуковскаго. Рѣчь Я. К. Грота. Цѣна 25 коп.

Пожаръ Зимняго дворца въ 1837 году. Статья В. А. Жуковскаго. Цѣна 25 коп.

Н. И. Гнѣдичъ. Нѣсколько данныхъ для его біографіи, съ рисункомъ и снимкомъ его почерка. Сообщилъ П. Тихановъ. Цѣна 70 коп.

Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ. Я. Грота. Спб. 1884. Цѣна 2 р. 50 к.

Сочиненія и переписка Плетнева. Три тома. 1885. Издалъ Я. Гротъ. Ц. 6 руб.

Словарь Архангельскаго нарѣчія. Составилъ А. Подвысоцкій. 1885. Ц 2 руб.

Служебныя минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь. Въ церковнославянскомъ переводѣ по русскимъ рукописямъ 1095—1097 г. Трудъ И. В. Ягича, съ 6-ю таблицами снимковъ. Спб. 1886 г. Ц. 6 руб.

Матеріалы для исторіи Императорской Академіи Наукъ. Томъ I (1716—1730) съ 8 портретами. Спб. 1885 г. Ц. 3 р. — Т. II (1731—1735) съ 4 портретами. Спб. 1886 г. Ц. 3 руб. — Т. III (1736—1738). Спб. 1886 г. Ц. 3 руб.

Странствующій жидъ. Предсмертное произведеніе Жуковскаго по рукописи поэта. С. И. Пономарева. Спб. 1885 г. Ц. 50 коп.

Иногородные адресуютъ свои требованія въ Комитетъ Правленія Академіи Наукъ и, прилагая деньги по выставленнымъ здѣсь цѣнамъ, получаютъ книги безъ платежа вѣсовыхъ.

---

*) Отдѣльно уже не имѣется; но заключается въ томѣ XI Сборника Отдѣленія.

ЗАСѢДАНІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ОТДѢЛЕНІЕ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

Въ 1886 году.

Читано письмо Комитета Общества Славистовъ при Вѣнскомъ университетѣ на имя Академіи Наукъ съ просьбою о пожертвованіи, для образованія библіотеки этого Общества, изданій по Историко-Филологическому отдѣлу. — Положено отправить въ Комитетъ по экземпляру имѣющихся въ распоряженіи Отдѣленія изданій.

Одобрена къ изданію въ Сборникѣ Отдѣленія представленная академикомъ И. В. Ягичемъ рукопись извѣстнаго своими путешествіями П. А. Ровинскаго, содержащая подробное географическое и этнографическое описаніе Черногоріи съ новою картою этой страны.

Академикъ М. И. Сухомлиновъ представилъ въ рукописи нѣсколько окончательно изготовленныхъ листовъ словаря Ломоносовскаго языка въ видѣ образчика труда, которымъ, по порученію Отдѣленія, занимается кандидатъ Петербургскаго университета Смирновъ. Отдѣленіе, одобривъ этотъ образчикъ, вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлило имѣть въ виду, что вслѣдъ за этимъ трудомъ должны быть постепенно составляемы выписки и изъ нѣкоторыхъ другихъ русскихъ писателей въ видѣ матеріаловъ для новаго изданія академическаго словаря.

Академикъ И. В. Ягичъ доложилъ, что къ переводу сочиненія Хельчицкаго «Сѣть Вѣры», сдѣланному покойнымъ Ю. С. Анненковымъ, желательно приложить снимокъ имѣющагося при этомъ сочиненіи изображенія, и что въ бумагахъ Анненкова нашлось еще неизданное сочиненіе того же Хельчицкаго, которое, можетъ быть, заслуживало бы также напечатанія. — Положено

предоставить И. В. Ягичу распорядиться изготовленіемъ снимка и о содержаніи неизвѣстнаго сочиненія Хельчицкаго доставить Отдѣленію свой отзывъ.

Читано присланное на имя Отдѣленія письмо учителя калязинскаго городского училища Кузнецова съ приложеніемъ списка собранныхъ имъ областныхъ реченій. Положено благодарить г. Кузнецова, доставленный же имъ списокъ словъ пріобщить къ имѣющимся въ Отдѣленіи словарнымъ матеріаламъ.

Доложено о доставленномъ чрезъ посредство профессора Н. И. Ильминскаго сборникѣ областныхъ словъ Вологодской губерніи, составленномъ бывшимъ надзирателемъ орской киргизской учительской школы П. А. Баженовымъ. Положено, выразивъ составителю благодарность Отдѣленія, напечатать этотъ трудъ въ академическомъ изданіи.

По выраженному академикомъ Ѳ. И. Буслаевымъ желанію положено нѣкоторыя статьи его, составляющія продолженіе его «Очерковъ искусства» и разбросанныя въ разныхъ изданіяхъ, напечатать въ Сборникѣ Отдѣленія.

Предсѣдательствующій, заявивъ о вышедшей недавно брошюрѣ учителя Доброписцева подъ заглавіемъ «Возможно ли примѣнить Русское Правописаніе Я. К. Грота къ практикѣ», прочелъ краткій разборъ этой брошюры, изъ котораго видно, что замѣчанія автора ея могутъ быть раздѣлены на четыре категоріи: 1) замѣчанія, вовсе лишенныя основанія; 2) замѣчанія, проистекшія отъ недоразумѣній со стороны автора; 3) замѣчанія, въ которыхъ опечатка принята за ошибку, и 4) замѣчанія, которыя могутъ подать поводъ къ нѣкоторымъ дополненіямъ въ слѣдующемъ изданіи руководства. Отдѣленіе, имѣя въ виду, что брошюра г. Доброписцева можетъ вводить въ заблужденіе читателей, предоставило академику Я. К. Гроту составить, въ видѣ дополненія къ руководству «Русское Правописаніе», особую объяснительную записку, въ которой коснуться и другихъ заслуживающихъ вниманія замѣчаній по поводу руководства, и записку эту напечатать.

Академикъ А. Ѳ. Бычковъ, возвращая переданный ему на разсмотрѣніе первый томъ Бѣлорусскаго Сборника г. Романова, представилъ слѣдующій отзывъ объ этомъ трудѣ:

«Два первые выпуска I-го тома Бѣлорусскаго Сборника, изданнаго г. Е. Романовымъ, содержатъ въ себѣ произведенія народной литературы: пѣсни, пословицы и загадки, собранныя въ предѣлахъ только одной Могилевской губерніи. Въ эти выпуски вошло:

910 пѣсенъ, 301 припѣвъ, 757 пословицъ и 451 загадка. Все это въ совокупности составляетъ очень богатый матеріалъ для этнографа и филолога, отчасти новый, отчасти уже имѣвшійся въ печати, но здѣсь появляющійся въ болѣе исправномъ видѣ, съ сохраненіемъ по возможности особенностей говора, что нельзя не признать большимъ достоинствомъ.

«Пѣсни г. Романовъ раздѣлилъ на разряды, не скажу чтобы совершенно удачно и правильно, такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ по своему содержанію должны быть перенесены изъ одного разряда въ другой, изъ семейныхъ въ любовныя, и наоборотъ, и въ оба эти разряда многія пѣсни изъ припѣвокъ. При этомъ нельзя не пожалѣть, что нѣкоторые разряды пѣсенъ, какъ напр.: веснянка, купальская, жнейскія, свадебныя, г. Романовъ не сопроводилъ указаніями, при какихъ случаяхъ и обстоятельствахъ онѣ поются, въ какое время года или дня и т. п. Это дало бы возможность не только систематически распредѣлить пѣсни извѣстнаго разряда, но и прослѣдить постепенное ихъ измѣненіе, а по языку указать, откуда та или другая пѣсня зашла въ Могилевскую губернію.

«Между пѣснями, собранными г. Романовымъ, встрѣчаются весьма древнія, но не мало и новыхъ, составленныхъ нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, какъ напр. 1, 3 и 18 между военными (войны 1828 и 1831 годовъ; при этомъ особенно странно то обстоятельство, что пѣсня подъ № 1-мъ, гдѣ дѣйствующимъ лицомъ является Паскевичъ, поется повсемѣстно, какъ замѣчено собирателемъ) или 2 между духовными (послѣ разоренія старообрядческаго скита на р. Узѣ). Есть пѣсни, сохранившіяся отъ всякихъ передѣлокъ, и наоборотъ много такихъ, въ которыхъ едва-едва можно усмотрѣть первоначальный остовъ. Встрѣчаются пѣсни, возникшія на почвѣ Бѣлорусскаго края, но есть и занесенныя изъ Великой Россіи (всѣ духовныя и нѣкоторыя солдатскія) и Малороссіи (большая часть чумацкихъ пѣсенъ). Послѣднія, т. е. занесенныя, пѣсни г. Романовъ помѣстилъ въ свой Сборникъ потому, что онѣ «получили широкую распространенность въ губерніи и чрезъ то ассимилировались съ пѣснями несомнѣнно Бѣлорусскаго творчества».

«Не говоря о невозможности полнаго ассимилированія чуждыхъ пѣсенъ съ самобытными, было бы гораздо цѣлесообразнѣе, если бы собиратель выдѣлилъ всѣ таковыя въ особый отдѣлъ, тѣмъ болѣе, что и въ языкѣ ихъ встрѣчаются слова и обороты, не свойственные бѣлорусскому нарѣчію.

«Сколько мнѣ кажется, пѣсни записаны г. Романовымъ хорошо

и вѣрно, но при этомъ считаю нужнымъ замѣтить, что въ фонетическомъ отношеніи пѣсни въ Сборникѣ г. Романова значительно отличаются отъ пѣсенъ, собранныхъ также въ Могилевской губ. и печатаемыхъ г. Шейномъ въ своемъ Сборникѣ. Въ доказательство приведу одну изъ нѣсколькихъ пѣсенъ, сравнительно съ другими меньшую по объему:

Сборникъ Шейна.	Сборникъ Романова.
Гдзѣ тая барэлочка, Гдзѣ была горэлочка? Ци у хацѣ подъ лаўкою Заросла мураўкою? Ци ў сѣнцахъ подъ суднич- комъ Заросла припутничкомъ? Ци ў хацѣ подъ загнетомъ Заросла жоутомъ цвѣтомъ?	Идзѣ жъ тая барэлочка, што была горэлочка? Ци ў хаци подъ лавкой заросла муравкой, ци у сѣнихъ подъ судничкомъ заросла припут- никомъ, Ци у хаци подъ загнетомъ, за цьвила жовтымъ цвѣтомъ? Далѣе слѣдуютъ стихи, которыхъ нѣтъ у г. Шейна.

«Трудно рѣшить, на чьей сторонѣ болѣе точности. Можно надѣяться, что обѣщаніе г. Романова поговорить въ слѣдующихъ выпускахъ Сборника объ языкѣ разъяснитъ дѣло.

«Къ числу достоинствъ труда г. Романова слѣдуетъ отнести: приведеніе варіантовъ ко многимъ пѣснямъ, указаніе въ какихъ Сборникахъ были напечатаны сходственныя съ ними и означеніе при каждой пѣснѣ мѣстности, гдѣ она поется. Подчеркнувъ эти мѣстности на картѣ и обративъ особенное вниманіе на фонетическія особенности записанныхъ въ нихъ пѣсенъ, можно будетъ провести границы между говорами и разрѣшить разные этнографическіе вопросы. Но нельзя не посѣтовать, что ради экономіи и выигрыша мѣста г. Романовъ соединялъ нѣсколько стиховъ въ одинъ».

Въ связи съ имѣющимися въ виду Отдѣленія словарными трудами предсѣдательствующій заявилъ, что такъ какъ Опытъ Областного Словаря давно уже весь разошелся и составляетъ библіографическую рѣдкость, то весьма полезно было бы перепечатать его, сливъ съ нимъ и отдѣльно изданный дополнительный томъ, такъ какъ раздѣленіе этого Словаря на двѣ независимыя одна отъ дру-

гой части представляетъ въ употребленіи большія неудобства. Положено принять мѣры къ осуществленію этой мысли.

Согласно съ предположеніемъ Отдѣленія приступить къ новому изданію русскаго академическаго словаря въ исправленномъ и пополненномъ видѣ, академикъ Я. К. Гротъ въ теченіе лѣтнихъ вакацій занялся пересмотромъ словъ на одну изъ буквъ алфавита, и представивъ ихъ Отдѣленію въ новой обработкѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ прочелъ составленный имъ проектъ правилъ, которыхъ слѣдуетъ держаться при переизданіи словаря. Отдѣленіе, одобривъ эти правила, опредѣлило пригласить двухъ молодыхъ ученыхъ, кандидатовъ Петербургскаго университета, Смирнова и Пѣтухова, къ приготовительнымъ по этому дѣлу работамъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Я. К. Грота, съ тѣмъ чтобы въ окончательной редакціи словаря приняли участіе и прочіе члены Отдѣленія.

Академикъ М. И. Сухомлиновъ представилъ приготовленный имъ къ печати 8-й выпускъ «Исторіи Россійской Академіи». Положено сдѣлать распоряженіе объ изданіи рукописи.

Академикъ А. Н. Веселовскій представилъ оконченный печатаніемъ первый выпускъ своего труда: «Изъ исторіи романа и повѣсти», при чемъ заявилъ, что имъ уже приступлено къ продолженію этого изслѣдованія.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XL, № 1.

НѢСКОЛЬКО РАЗЪЯСНЕНІЙ

ПО ПОВОДУ ЗАМѢЧАНІЙ О КНИГѢ

РУССКОЕ ПРАВОПИСАНІЕ.

ЗАПИСКА Я. К. ГРОТА,

ЧИТАННАЯ ВО ВТОРОМЪ ОТДѢЛЕНІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1886.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Іюнь 1886.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

Успѣхъ книги «Русское правописаніе» при появленіи ея и желаніе сдѣлать все возможное для ея усовершенствованія въ новомъ изданіи побудили меня тогда же обратиться чрезъ газеты къ лицамъ, интересующимся этимъ дѣломъ, и въ особенности къ преподавателямъ русскаго языка, съ просьбою присылать мнѣ свои замѣчанія на быстро распространявшуюся книгу.

Вскорѣ мнѣ было доставлено не мало письменныхъ сообщеній, и въ печати явилось нѣсколько отзывовъ объ академическомъ руководствѣ.

Естественно было, что въ дѣлѣ, для всякаго близкомъ и въ которомъ поэтому всякій считаетъ себя полноправнымъ судьею, оказалось чрезвычайное разнообразіе взглядовъ: не было ни одного вопроса, по которому не обнаружилось бы двухъ противоположныхъ между собою мнѣній[1]). Такъ одинъ жалѣлъ, что академія не ввела въ наше правописаніе болѣе рѣзкихъ измѣненій, другой напротивъ былъ недоволенъ тѣмъ, что она иногда отступаетъ отъ общаго употребленія; одинъ упрекалъ насъ за недостаточную рѣшительность нѣкоторыхъ правилъ, другой одобрялъ

---

[1]) При самомъ выходѣ книги одинъ почтенный ученый выразилъ мнѣ сожалѣніе, что я пишу: *проектъ*, а не «проэктъ». Въ тотъ же день другой встрѣтилъ меня одобреніемъ за многое, найденное имъ въ этой книгѣ, и между прочимъ за то, что я пишу не «проэктъ», а *проектъ*, соображаясь съ латинскимъ projectum, тѣмъ болѣе что «проэктъ» грѣшитъ и противъ русской фонетики, требующей *е*, а не *э* послѣ другой гласной.

выражающуюся въ этомъ терпимость, вполнѣ согласную съ свободнымъ развитіемъ самаго языка.

Къ сожалѣнію, большинство упускало изъ виду ту основную идею, которой мы держались и которая была ясно высказана нами: не преобразовывать русское правописаніе, вообще стоящее на вѣрномъ пути, взялись мы, а желали только упорядочить его, соображаясь съ господствующимъ обычаемъ, исправляя лишь явно ошибочное, рѣшая сомнѣніе въ спорныхъ случаяхъ, приводя въ сознаніе то, что́ писалось безсознательно. Всѣ получавшіяся мною, крайне разнообразныя замѣчанія подвергаемы были тщательному обсужденію, и тѣ изъ нихъ, которыя не противорѣчили нашему основному взгляду, принимались во вниманіе. На основаніи ихъ уже во второмъ и въ послѣдующихъ изданіяхъ руководства сдѣланы были кое-какія измѣненія, правда, не въ способѣ написанія словъ, отъ котораго отступать не было достаточныхъ причинъ, а только въ нѣкоторыхъ объясненіяхъ и подробностяхъ правилъ, въ дополненіяхъ какъ въ текстѣ книги, такъ и особенно въ справочномъ указателѣ.

Приступая теперь къ 5-му изданію руководства, я счелъ обязанностью пересмотрѣть всѣ дошедшія до меня въ теченіе года замѣчанія, и намѣренъ въ настоящей запискѣ разобрать тѣ изъ нихъ, которыя въ томъ или другомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія; сверхъ того я предполагаю дать здѣсь нѣсколько объясненій по высказаннымъ нѣкоторыми лицами недоразумѣніямъ.

При установленіи письма для какого бы ни было языка правописаніе естественно бываетъ чисто-фонетическимъ, т. е. по возможности воспроизводитъ слышимые звуки рѣчи; но въ сущности написанное слово никогда не можетъ быть въ полномъ смыслѣ точнымъ изображеніемъ произносимаго.

Мы говоримъ, что каждый языкъ имѣетъ опредѣленное число членораздѣльныхъ звуковъ, но это только относительно справедливо. На дѣлѣ въ произношеніи каждаго звука можетъ быть почти безчисленное множество оттѣнковъ. Объяснимъ это примѣромъ. Извѣстно, что согласные *к* и *т* образуются, первый при-

косновеніемъ спинки языка къ нёбу, второй прижатіемъ кончика языка къ верхнимъ зубамъ. Но въ томъ и другомъ случаѣ можно представить себѣ цѣлую линію точекъ, къ которымъ попеременно можетъ прикасаться языкъ, и результатъ прикосновенія къ каждой точкѣ будетъ иной, т. е. звукъ отъ малѣйшаго видоизмѣненія мѣста будетъ видоизмѣняться. Между точками прикосновенія для артикуляціи *к* и *т* будетъ даже одна такая, въ которой оба звука почти не представятъ разницы. Это различіе произношенія звуковъ служитъ собственно источникомъ происхожденія различныхъ говоровъ или нарѣчій. Но есть еще другое обстоятельство, по которому писанное слово не можетъ во всей точности передавать произносимое: между двумя звуками, соединяемыми между собой въ живой рѣчи, всегда бываютъ переходы, правда почти неуловимые для слуха, но тѣмъ не менѣе существующіе: они на письмѣ не означаются. Мы означаемъ буквами только нѣкоторые характеристическіе, или, такъ сказать, центральные оттѣнки цѣлаго ряда звуковъ: для всѣхъ видоизмѣненій *к*, *т* и др. имѣемъ только по одной буквѣ [1]).

Вопросъ, въ какой степени русское правописаніе отвѣчаетъ цѣли воспроизводить господствующую на обширномъ пространствѣ Россіи живую рѣчь, можетъ быть рѣшаемъ различно: если имѣть въ виду, что азбука наша составлена изъ ц.-славянской и не имѣетъ знаковъ для нѣкоторыхъ звуковъ русскаго языка (особенно для неопредѣленныхъ гласныхъ), то надо конечно сознаться, что письмо наше въ фонетическомъ отношеніи неудовлетворительно; но если помнить двоякое значеніе нашихъ гласныхъ и весьма положительные законы произношенія нашихъ согласныхъ при встрѣчѣ ихъ между собою и въ концѣ словъ, то мы придемъ къ заключенію, что и теперь еще наше письмо въ значительной мѣрѣ сохранило фонетическій характеръ, т. е. за сказанными ограниченіями, слова́ у насъ пишутся такъ, какъ они произносятся: мы

---

[1]) H. Paul. Zur orthographischen Frage. Berlin 1880. Ср. замѣчанія Сиверса о переходныхъ звукахъ въ его «Основаніяхъ фонетики» (*Филол. Разысканія*[3], II, 118).

не знаемъ тѣхъ сочетаній буквъ для означенія одного звука, которыми такъ изобилуетъ письмо нѣмецкое, французское, англійскце, польское или чешское. Но вмѣстѣ съ тѣмъ фонетическое начало письма у насъ подчинено этимологическому, требующему, чтобы въ начертаніяхъ ясны были слѣды происхожденія и состава словъ. Только изрѣдка это требованіе нарушается.

Русское правописаніе развивалось постепенно изъ церковно-славянскаго, но подъ вліяніемъ произношенія, во многихъ случаяхъ рѣзко отличающагося отъ фонетики славянской: явилась потребность сближать старинное историческое письмо съ живою рѣчью, но, разумѣется, безъ системы и не всегда послѣдовательно, однакожъ во многихъ случаяхъ такъ положительно, что на этомъ основался обычай, произошло общее соглашеніе. Естественно, что въ раннемъ періодѣ цсл. письма сохранялись многія чисто-фонетическія начертанія. Это замѣтно особенно въ двухъ случаяхъ: во-первыхъ, при слитномъ письмѣ словъ съ предлогами, напр. когда писалось: **иштєзнѹти**, **ищєзъ**, **иштитати** вмѣсто: *изчезнути*, *изчезъ*, *изсчитати*, или: **иждивєниѥ**, **ицѣлѥниѥ**, **ишьствиѥ**, **вождєлати**, вм. *изживеніе*, *исцѣленіе* и т. д., и даже просто **въскричати** вм. *възкричати*, и, во-вторыхъ, при такомъ же сліяніи предлога съ другимъ словомъ, для избѣжанія удвоенія звуковъ, не свойственнаго цсл. языку: такъ писали: **расъмотрити**, **расѣꙗти**, **расѣшити**. Въ Остром. евангеліи мы находимъ: **ицр҃кве**, **ишъдъ**, **раширꙗѭтъ**. Почти во всѣхъ подобныхъ случаяхъ русскій языкъ, на основаніи этимологіи, согласной съ его произношеніемъ, возстановилъ цѣльность предлога, давъ ему въ слитномъ письмѣ, по древнему обычаю, фонетическое окончаніе *с* вмѣсто этимологическаго *з*, но не поступилъ подобно этому съ предлогами, оканчивающимися на *д* (над, под, пред) и не замѣнилъ это *д* буквою *т* передъ безголосными звуками. Такимъ же образомъ русскіе, по склонности ихъ фонетики къ усиленію звука *н* между двумя гласными, во всѣхъ страдательныхъ причастіяхъ полной формы стали писать два *н*: *желанный*, *спасенный*. Такое же усиленіе звука *т* оказа-

лось въ русской формѣ неопр. накл. *итти*, который въ цсл. писали съ однимъ *т*.

Всѣ частныя явленія этого рода, которыхъ вообще немного, объяснены въ руководствѣ, каждое въ своемъ мѣстѣ. Можно бы, пожалуй, указать нѣсколько категорій такихъ явленій, но это такъ просто, что всякій смышленый преподаватель самъ легко сумѣетъ ихъ вывести. Двѣ изъ нихъ сейчасъ уже были упомянуты; именно, фонетическое правописаніе имѣетъ мѣсто: 1) въ силу закона уподобленія звуковъ, который иногда не сходится съ словопроизводствомъ: измѣненію, по требованію слуха, подвергаются особенно свистящіе *з*, *с* и гортанный *к* въ предлогахъ и нарѣчіяхъ; такъ, вмѣсто: «возходъ, изполнять» пишутъ: *восходъ*, *исполнять*; вмѣсто: «сдѣсь, весдѣ» пишутъ: *здѣсь*, *вездѣ*; вмѣсто «кдѣ» пишутъ *гдѣ*. Мы видимъ тутъ приспособленіе предшествующей согласной къ послѣдующей въ мѣстоименныхъ корняхъ; изрѣдка встрѣчается такое измѣненіе и въ словахъ глагольнаго или вещественнаго корня, какъ-то: *мягкій*, *ноздри*, *отверстіе*, вмѣсто «мяккій» и т. д.; 2) вслѣдствіе наклонности органовъ рѣчи усиливать произношеніе согласныхъ *н* и *т* между двумя гласными, какъ видно изъ приведенныхъ выше случаевъ; 3) по требованію произношенія опускать одну изъ трехъ или даже четырехъ рядомъ стоящихъ согласныхъ; такъ пишутъ: *склянка*, *если*, *четверга*, вмѣсто: «стклянка, естьли, четвертка»; 4) по требованію слуха замѣнять гласную, хотя и правильную по закону словопроизводства или морфологіи, но въ произношеніи уступающую мѣсто другой, ясно слышимой, когда напр. пишутъ: *прямой*, *дорогой*, вмѣсто: «прямый, дорогій»; *кружокъ*, *лицо*, вмѣсто: «кружекъ, лице»; *латынь*, *псалтырь*, вмѣсто: «латинь, псалтирь»; *ребенокъ*, вмѣсто *робенокъ*; и 5) вслѣдствіе сліянія двухъ согласныхъ въ одну или превращенія ихъ въ другія двѣ согласныя, напр. въ словахъ: *Полоцкъ*, *двадцать*, *вождельнный*, вмѣсто: «Полотскъ, двадсять, возжелѣнный».

Правда, что для примѣненія того или другого начала письма къ данному случаю нѣтъ опредѣленнаго правила, и въ предпо-

чтеніи одного изъ нихъ встрѣчается непослѣдовательность, даже противорѣчіе, напр. пишутъ *двадцать* и въ то же время оставляютъ *с* въ мѣстоименіи *ся* послѣ *т* въ глаголахъ, напр. пишутъ *дѣлаться*, а не «дѣлатца», но въ томъ-то и дѣло, что въ правописаніи, какъ и въ самомъ языкѣ, рѣшающее значеніе окончательно принадлежитъ утвердившемуся обычаю, преданію и соглашенію. Ломоносовъ писалъ: *дватцать*, *тритцать*; но послѣдующая практика рѣшила по-своему: въ первой половинѣ этихъ числительныхъ именъ она сдѣлала поправку въ пользу этимологіи, замѣнивъ *т* буквою *д*, а во второй удержала уступку фонетикѣ. Вообще же правило Ломоносова, узаконяющее равномѣрное участіе обоихъ началъ въ русскомъ письмѣ, чрезвычайно вѣрно и никогда не утратитъ своей силы: «Въ правописаніи», сказано имъ, «наблюдать надлежитъ: 1) чтобы оно не удалялось много отъ чистаго выговора, и 2) чтобы не закрылись совсѣмъ слѣды произвожденія и сложенія рѣченій». Замѣчательно, что тутъ на первомъ мѣстѣ поставлено фонетическое требованіе. Этимъ-то требованіемъ оправдывается между прочимъ наше правило писать въ род. пад. ед. ч. муж. и ср. р. прилагательныхъ именъ: *простого*, *дорогого*, ибо что̀ можетъ быть противнѣе обычному выговору какъ формы: *простаго*, *дорогаго*? На возраженіе, почему же мы въ этомъ случаѣ не проводимъ фонетическаго начала до конца и не пишемъ: «простова, дорогова», я уже объяснялъ, что звукъ *г* въ этой формѣ у всѣхъ славянскихъ народовъ составляетъ ея исконную принадлежность, тогда какъ предшествующая этому звуку гласная въ разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ бываетъ различна (напр. въ цсл. *а*, въ сербскомъ *о*, въ польскомъ *е*), и притомъ окончаніе родит. падежа на *ого* издревле узаконено въ мѣстоименіяхъ, у которыхъ именит. падежъ ед. ч. муж. р. оканчивается на *ой* и которыя по формѣ своей ничѣмъ не отличаются отъ другихъ прилагательныхъ. Наконецъ, у насъ давно уже многіе и въ прилагательныхъ пишутъ *ого*, но никто не пишетъ *ова*, помня неудавшуюся въ 1830-хъ годахъ попытку Лажечникова. Замѣчаніе, будто *ого* есть исключительно мѣстоименная флексія, устра-

няется тѣмъ, что и въ мѣстоименіяхъ прилагательной формы, у которыхъ именит. падежъ ед. ч. муж. род. оканчиваетя не на *ой* съ удареніемъ, родительный получаетъ окончаніе *аго*: *котораго*, *онаго*.

Такимъ образомъ наше фонетико-этимологическое письмо образовалось въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ на основаніи однихъ и тѣхъ же началъ и можетъ продолжать свое дальнѣйшее развитіе не иначе какъ тѣмъ же историческимъ путемъ. Въ обоихъ отношеніяхъ письмо наше можетъ подвергаться измѣненіямъ, какъ было и до сихъ поръ, согласно съ тѣми двумя разумными правилами, которыя такъ ясно высказаны Ломоносовымъ. Въ прошломъ мы имѣемъ тому нѣсколько примѣровъ: такъ по первому правилу, т. е. чтобы письмо не слишкомъ противорѣчило выговору, лѣтъ сорокъ тому назадъ стали писать: *кривой*, *другой* вм. «кривый, другій»; по второму правилу исправлена напр. орѳографія словъ: *вѣдь*, *мелкій*, *прилежный*, *поперекъ*, *истинна*, *январь*, которыя прежде писались: «вить, мѣлкій, прилѣжный, поперегъ, истинна, генварь».

Но никакой будущности не имѣютъ предположенія тѣхъ, которые думаютъ, что со временемъ удастся ввести у насъ вполнѣ фонетическое правописаніе: письмá, точно такъ же какъ и самаго языка, нельзя свести съ его исторической почвы и двинуть по новой искусственной колеѣ. Еслибъ даже кому-нибудь вздумалось пополнить нашу азбуку недостающими буквами, то затѣмъ оставалось бы еще рѣшить вопросъ: гдѣ взять норму общаго всѣмъ русскимъ произношенія каждаго слова? Узналъ ли бы всякій въ читаемомъ имъ начертаніи то слово, которое пишущій, по обычному въ окружающей его средѣ произношенію, хотѣлъ изобразить? Явилось бы по нѣскольку мнѣній о томъ какъ писать одно и то же слово, и тутъ-то началась бы настоящая путаница въ правописаніи. Довольно примѣровъ того мы уже видѣли въ странахъ, гдѣ производятся попытки замѣнить установившееся историческое письмо фонетическимъ: у каждаго нововводителя своя система, которая и остается въ тѣсномъ кругу его послѣдователей. Да и у насъ уже не мало было безплодныхъ попы-

токъ передѣлывать русскую азбуку и писать по произношенію, какъ можно видѣть изъ очерка исторіи нашего правописанія во 2-мъ томѣ моихъ *Филологическихъ Разысканій*.

Слово должно имѣть на письмѣ такую же опредѣленную, всѣми признанную и всѣми тотчасъ узнаваемую форму, какую оно имѣетъ въ живомъ языкѣ: тогда только письменный образъ слова вызываетъ непосредственно, безъ пособія звуковой его формы, заключающееся въ немъ понятіе: вотъ почему важно единообразное правописаніе. Но достигнуть полнаго единообразія, совершеннаго согласія орѳографіи всѣхъ пишущихъ никогда не удастся: письмо, какъ и самый языкъ, живетъ, развивается, имѣетъ свою исторію, и нѣкоторое въ немъ колебаніе во всякій моментъ этой исторіи будетъ неизбѣжно. Поэтому и не должно слишкомъ смущаться кое-какими орѳографическими разнорѣчіями и относиться педантически ко всякому отступленію отъ того или другого признаваемаго лучшимъ правописанія. Какъ не вспомнить тутъ замѣчательной статьи Якова Гримма: «Ueber das pedantische in der deutschen sprache», изъ которой иное можно бы примѣнить и къ нашимъ черезчуръ взыскательнымъ грамотеямъ. Можно ли, напримѣръ, ставить ученику въ ошибку, когда онъ напишетъ *жолтый* вм. *желтый* или *козакъ* вм. *казакъ* и т. п.? Остерегаться надо, между прочимъ, излишней требовательности въ отношеніи къ переносу слоговъ изъ одной строки въ другую: вотъ почему я не могу согласиться съ г. Соломоновскимъ насчетъ важности затрудненій, которыя онъ встрѣчаетъ при соблюденіи изложенныхъ въ руководствѣ правилъ по этому предмету. [1])

Изъ необходимости заботиться о единообразіи письма не слѣдуетъ равнымъ образомъ, что когда слово въ живомъ языкѣ имѣетъ двоякую форму, грамматикъ долженъ произвольно устанавливать на письмѣ одно болѣе нравящееся ему начертаніе: онъ не только не обязанъ дѣлать это, но не имѣетъ на то никакого права.

---

[1]) См. статью И. С. Соломоновскаго: «Психологическая справка по поводу преподаванія словопроизводства» въ *Филологическихъ Запискахъ* г. Хованскаго 1886, вып. 1.

Отсюда видно, какъ несправедливы были упрекавшіе насъ въ томъ, напр., что мы говорили: «обращеніе *о* въ *а* при образованіи многократнаго вида у насъ еще не вполнѣ установилось», или когда мы признавали двѣ формы, наприм. для словъ: *кувырнуть* и *кувыркнуть*, *занавѣсъ* и *занавѣсь*, *заматерѣлый* и *заматорѣлый* и т. д. Обѣ формы этихъ и многихъ другихъ словъ въ языкѣ существуютъ, и выборъ той или другой въ данномъ случаѣ можетъ и долженъ быть предоставленъ пишущему. Были однакожъ критики, которые ставили намъ въ заслугу допущеніе двоякихъ формъ. Такъ профессоръ Варшавскаго университета А. И. Смирновъ замѣтилъ: «Прекрасную сторону указателя ак. Грота составляетъ то, что онъ часто даетъ въ немъ мѣсто двумъ формамъ, одинаково употребительнымъ на письмѣ или одинаково распространеннымъ въ выговорѣ. Этимъ устраняется педантизмъ, вольный и невольный, отъ котораго рѣдкіе изъ преподавателей могутъ быть свободны». [1]) Если вѣрить газетному реферату, другой критикъ (г. Стоюнинъ) въ собраніи преподавателей даже заявилъ, что допущеніе нѣкоторыхъ словъ въ двоякой формѣ составляетъ существенное достоинство нашего руководства. Это однакожъ не значитъ, что мы принимаемъ два способа *писать* слово; это только значитъ, что мы не передѣлываемъ языка, а допускаемъ и на письмѣ обѣ существующія въ немъ формы, потому что не считаемъ себя въ правѣ признавать во всѣхъ случаяхъ только одну изъ нихъ.

Часть доклада г. Стоюнина была напечатана [2]): несомнѣнно вѣрна его мысль, что перемѣны въ общепринятомъ правописаніи не должны быть проводимы черезъ школу. Это было еще прежде выражено и мною: по поводу предложенія одного критика ввести новое исключительно-этимологическое письмо, я замѣтилъ, что «школа должна чуждаться всякихъ опытовъ, еще сомнительныхъ въ своемъ результатѣ и можетъ-быть непримѣнимыхъ въ буду-

---

[1]) *Р. Филол. Вѣстникъ* 1885, вып. 3. Мои замѣчанія см. въ 1-мъ вып. этого журнала на 1886 г.

[2]) Въ журналѣ *Женское Образованіе*, февр. 1886 г.

щемъ»[1]). Г. Стоюнинъ совершенно правъ, указывая на противорѣчіе, въ какое ученики будутъ поставлены, когда увидятъ, что ихъ учатъ писать многія слова не такъ, какъ пишутъ въ книгахъ и всѣ грамотные люди. На этомъ основаніи я согласенъ, что хотя мое производство слова *ветчина* отъ корня *вяд* и неоспоримо и со временемъ вѣроятно установится соотвѣтственное его начертаніе, однако покуда лучше сохранить прежнюю историческую форму, въ которой это слово издавна является въ русскомъ письмѣ. Совсѣмъ иное представляетъ вопросъ: какъ поступать въ школѣ съ такими словами, которыя и въ печати пишутся двумя или тремя способами? Если каждый изъ этихъ различныхъ способовъ имѣетъ то или другое основаніе, то можно, пожалуй, согласиться съ мнѣніемъ г. Стоюнина, что «дѣло учителя въ такихъ случаяхъ сводится къ тому, чтобы, признавъ законными существующія начертанія и указавъ ихъ, выбрать одно какъ наиболѣе правильное и *предложить* своимъ ученикамъ держаться этого начертанія.» Но бываетъ и такъ, что въ печати безпрестанно являются ошибочно написанныя слова, какъ напр. *болѣнъ, видѣнъ* (вм. боленъ, виденъ), *цаловать* (вм. цѣловать), *ушиблєнъ* (вм. ушибенъ), *хлопочатъ* (вм. хлопочутъ), *сыпятъ* (вм. сыплютъ). Неужели учитель долженъ допускать такія ошибки только потому, что ученикъ видитъ ихъ въ книгахъ? Конечно, нѣтъ: явно ошибочныя начертанія должны быть исправляемы, несмотря на ихъ обычность, и устраненіе ихъ изъ литературы возможно только путемъ школы. Но и независимо отъ словъ такого рода важно все-таки, чтобы въ школѣ господствовало по возможности единообразное письмо, а этого нельзя достигнуть предоставленіемъ каждому преподавателю выбора той или другой ороографіи: многими уже было обращаемо вниманіе на неудобства, могущія происходить отъ такого произвола при перемѣнѣ учителя или при переходѣ изъ одного класса въ другой, изъ одного заведенія

---

[1]) См. Приложеніе къ 4-му изданію «Русскаго Правописанія»; также *Филолог. Разысканія* [3]. II, 216.

въ другое. Нельзя поэтому отрицать справедливость мнѣнія, которое въ послѣднее время не разъ было выражаемо въ печати,— о необходимости обязательнаго правописанія для школы. Это поняли нѣмцы: въ Пруссіи, въ 1870-хъ годахъ, министерство просвѣщенія рѣшилось принять мѣры для введенія во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ одной и той же ороографіи. Созвана была коммиссія изъ филологовъ и преподавателей, и по состоявшемуся въ ней, послѣ долгихъ преній, соглашенію, издана правительствомъ книжечка подъ заглавіемъ: «Правила правописанія и списокъ словъ для употребленія въ прусскихъ школахъ» [1]). Передъ спискомъ сдѣлано примѣчаніе: «Прибавленное въ скобкахъ при нѣкоторыхъ словахъ написаніе не обязательно, но не должно считаться ошибочнымъ». Полкнижки (21 стр.) занято правилами, а другая половина (22—46) спискомъ словъ. То же самое сдѣлано въ Баваріи и въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ Германіи, при чемъ однакожъ не вездѣ введены одни и тѣ же правила.

Само собою разумѣется, что и при такомъ обязательномъ письмѣ остается въ своей силѣ требованіе, чтобы учитель умѣлъ отличать важныя разнорѣчія отъ неважныхъ и чтобы предписываемая ороографія была въ возможной степени согласна съ наиболѣе распространеннымъ въ литературѣ письмомъ.

По этой-то причинѣ мы не сочли возможнымъ вывести изъ употребленія *ѳиту*, которая, несмотря на толки о ея излишествѣ, упорно держится въ бо́льшей части книгъ и періодическихъ изданій. Ломоносовъ, хотя и изгонялъ ее изъ русской азбуки, однакожъ самъ на практикѣ употреблялъ ее.

Вообще надо быть осторожнымъ при обсужденіи нѣкоторыхъ замѣчаній руководства относительно письма иностранныхъ заимствованныхъ словъ.

У насъ пишутъ: Крон*штадтъ* и: Соединенные *штаты*;

---

[1]) Regeln und Wörterverzeichniß für die deutsche Rechtschreibung zum Gebrauch in den preußischen Schulen. Подробное объясненіе основаній установленной здѣсь ороографіи явилось въ особой книгѣ подъ заглавіемъ: Kommentar zur preußischen Schulorthographie, von Wilmanns. Berlin 1880.

встарину писали *олтарь*, нынче же пишутъ *алтарь* (отъ лат. altare); до 1840-хъ годовъ писали: *Вестминстеръ*, *Вашингтонъ*, а съ тѣхъ поръ многіе стали писать: *Уэстминстеръ*. *Уашингтонъ*; названіе *Мехико* болѣе и болѣе вытѣсняетъ прежнее *Мексико:* не значитъ ли это, что русское правописаніе иностранныхъ словъ справляется съ ихъ подлиннымъ звуковымъ составомъ? Поэтому нельзя считать безусловно справедливымъ правило, противопоставляемое нашему, будто вообще «иностранныя слова нужно писать согласно съ произношеніемъ ихъ въ русскомъ говорѣ», нельзя тѣмъ болѣе, что произношеніе можетъ нерѣдко быть сомнительнымъ, напр. относительно удвоенія согласныхъ. Этотъ послѣдній вопросъ представляетъ особенную трудность. Повторю здѣсь то, что было сказано мною въ другомъ мѣстѣ [1]): «Относительно удвоенія согласныхъ въ заимствованныхъ словахъ одинъ изъ нашихъ критиковъ полагаетъ, что лучшимъ способомъ рѣшить этотъ вопросъ было бы во всѣхъ чужихъ словахъ отбросить вторую согласную, т. е. писать, напр., «комисія, асесоръ». Но самъ же онъ прибавляетъ: «за немногими исключеніями (касса, масса, ванна, вилла и т. п.)». Вотъ въ этихъ-то исключеніяхъ и кроется вся бѣда, потому что отъ приведенныхъ и имъ подобныхъ словъ есть производныя; слѣдовательно придется также писать, напримѣръ: *кассиръ*, *кассовый*, *массивный*, *вилледжіатура*. Отъ *колонна* пойдетъ *колоннада*, *колонновожатый*. Затѣмъ, нельзя же не только во множествѣ собственныхъ именъ, но и въ нѣкоторыхъ нарицательныхъ не удвоять согласныхъ для отличія одного имени отъ другого, напр., Мюллеръ (Müller) отъ Мюлеръ (Mühler), Келлеръ (Keller) отъ Кёлеръ (Köhler), балъ отъ балла, греческое фило (philo) отъ филло (phyllo, напримѣръ, въ словѣ phylloxēra). Оказывается, что намъ вполнѣ освободиться отъ удвоенія согласныхъ въ словахъ иностраннаго происхожденія невозможно. Нѣкоторому различію въ начертаніи ихъ не слѣдуетъ придавать слишкомъ большой важно-

---

[1]) Въ газетѣ *Новости* 1885, № 326, по поводу замѣчаній г. Малорошвилова.

тся. Но зачѣмъ же мы станемъ, вопреки произношенію и общепринятому обычаю образованныхъ народовъ, писать, напр., *преса, принцеса, Одеса, Прусія, програма* и т. д.?» Остается только согласиться, въ какихъ именно словахъ слѣдуетъ удвоять букву, и въ какихъ это не нужно, т. е. поступить такъ, какъ поступили французы, принявъ за авторитетъ словарь своей академіи.

Въ одной изъ газетъ было напечатано, что собраніе преподавателей сочувственно отнеслось къ правилу, будто бы помѣщенному въ «Русскомъ Правописаніи», о выбрасываніи слога *ир* изъ глаголовъ иностраннаго происхожденія, напр. *цитовать, формуловать*. Референтъ не раздѣляетъ этого сочувствія и приводитъ нѣсколько примѣровъ (галопировать, драпировать, лавировать, маршировать, пародировать) въ доказательство, что обычай переводить такимъ способомъ въ русскій языкъ нѣмецкіе глаголы на *iren* обратился уже въ законъ русскаго языка, отъ котораго (будто бы) никто и не думаетъ отступать.

По поводу этихъ замѣчаній я долженъ заявить: во-первыхъ, что въ цѣлой книгѣ «Русское Правописаніе» нѣтъ ни слова о глаголахъ этой формы (какъ предметѣ, вовсе не относящемся къ орѳографическимъ вопросамъ), а есть два-три случая, въ которыхъ при объясненіи правилъ говорится, что звуки *артикулуются*, что гласные бываютъ *йотованные* (термины, которые употреблялись уже и другими), да въ справочный указатель занесены глаголы: *импровизовать, организовать, парализовать, формуловать, цитовать*, какъ образчики попытокъ сокращать неуклюжее полунѣмецкое окончаніе, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ этому сокращенію не противится слишкомъ закоренѣлая привычка: «Такія попытки, сказано въ моихъ *Филолог. Разысканіяхъ* [3] (II, 400), конечно заслуживаютъ одобренія, но не всегда бываютъ удачны». Во-вторыхъ, нельзя сказать, чтобы оканчивать заимствованные глаголы на *ировать* сдѣлалось закономъ: недавно стали вводить въ употребленіе глаголы *скомбиновать* и *скомпоновать* (послѣдній впрочемъ взятъ, кажется, съ польскаго). И между менѣе новыми словами не мало иностранныхъ глаголовъ

оканчивающихся на *овать* безъ вставки *ир*; таковы напр. *аттестовать*, *конфирмовать*, *пасовать*, *претендовать*, *рекомендовать*, *трактовать*, *ревизовать*, *линевать*, не говоря уже о тѣхъ глаголахъ, которые, независимо отъ нѣмецкой или французской формы, образованы прямо отъ пришлаго существительнаго: *критиковать*, *фабриковать*, *интересовать*, *пробовать*, *танцовать*, *титуловать* и т. п. отъ именъ: *критика*, *фабрика* и проч.

Защитникамъ русскихъ глаголовъ на *ировать* не худо ознакомиться со взглядомъ самихъ нѣмцевъ на окончаніе, которое мы у нихъ такъ покладно заимствовали. Вотъ что говоритъ Яковъ Гриммъ по этому предмету: «Нѣкоторыя чуждыя нѣмецкому языку формы получили въ немъ непомѣрное развитіе. Лучшимъ тому примѣромъ могутъ служить безчисленные глаголы на *ieren*. Изъ разсмотрѣнія ихъ оказывается, что въ средне-нѣм. ихъ было около ста (теперь 160 слишкомъ) и что до второй половины XII стол. ничего подобнаго въ Германіи не было; они явились только путемъ придворной поэзіи, имѣвшей романское происхожденіе. Естественно, что при заимствованіи иностранныхъ словъ языкъ усвоиваетъ себѣ только самое слово, а отъ чуждой флексіи отказывается; но у насъ въ этихъ глаголахъ звукъ *r* — романская форма латинскаго инфинитива, которая во всякомъ другомъ наклоненіи тотчасъ исчезаетъ, — удержанъ въ цѣломъ спряженіи: надо сознаться, что нѣмцы показали самое грубое пониманіе чужой формы, введя въ свое подражаніе знакъ инфинитива и характерно сохранивъ его вездѣ, а къ этому привѣсивъ еще и свой собственный знакъ»[1]).

Относительно главы о знакахъ препинанія намъ было замѣчено, что основывать употребленіе ихъ на пріостановкахъ или паузахъ въ чтеніи неправильно, и что будто вѣрнѣйшимъ указаніемъ въ этомъ дѣлѣ служитъ интонація, состоящая въ повышеніи и пониженіи голоса, и т. д. Не надо забывать, что

---

[1]) J. Grimm. Ueber das pedantische in der deutschen sprache. Kl. Schriften. I. 343.

пріостановки въ чтеніи были поставлены нами въ зависимость отъ раздѣленія рѣчи на предложенія, находящіяся въ большей или меньшей связи между собою. Тѣмъ не менѣе помянутое замѣчаніе заставило насъ еще разъ пристально разсмотрѣть вопросъ о дѣйствительномъ началѣ пунктуаціи, и мы пришли къ убѣжденію, что хотя большинство теоретиковъ до сихъ поръ держится взгляда, что «знаками препинанія означаются бо́льшія или меньшія паузы, соблюдаемыя въ правильно произносимой рѣчи», но въ сущности цѣль знаковъ препинанія заключается просто въ показаніи состава рѣчи, въ уясненіи взаимной связи, болѣе или менѣе тѣсныхъ отношеній между предложеніями. Эту связь предложеній намъ нужно видѣть на письмѣ не только когда мы читаемъ вслухъ, но и при чтеніи про себя: вотъ лучшее доказательство, что не въ интонаціи тутъ дѣло. Только знаки восклицательный и вопросительный указываютъ на интонацію, но и при нихъ она можетъ быть различна. Назначеніе знаковъ препинанія — облегчать разумѣніе письменной рѣчи указаніемъ границъ между предложеніями, а отчасти и между членами ихъ [1]).

Разсмотрѣвъ въ предыдущемъ главныя изъ отдѣльныхъ замѣчаній, которыя съ разныхъ сторонъ были высказываемы по поводу «Русскаго Правописанія», я долженъ теперь остановиться на одной критической статьѣ, которая, и по обширности своей и по характеру, отличается отъ другихъ заявленій, вызванныхъ нашею книгой. Разумѣю брошюру: «Возможно ли примѣнить Русское правописаніе Я. К. Грота къ практикѣ?» Авторъ ея, нѣкто г. Доброписцевъ, задался мыслію доказать, что все наше руководство, отъ первой страницы до послѣдней, представляетъ только рядъ недостатковъ всякаго рода. Разобрать эту статью является тѣмъ болѣе нужнымъ, что прежде напечатанія она была читана въ довольно многочисленномъ собраніи преподавателей и потому могла возбудить недоразумѣнія въ педагогическомъ мірѣ.

---

[1]) Желающимъ въ подробности изучить вопросъ о пунктуаціи укажу на соч. Das princip der deutschen Interpunktion nebst einer übersichtlichen Darstellung ihrer Geschichte, von Dr. Alexander Bieling. Berlin 1880.

Едва ли можно ожидать, чтобы каждый изъ прослушавшихъ критику г-на Д. имѣлъ охоту и терпѣніе сличить для повѣрки каждое его показаніе или толкованіе съ соотвѣтствующимъ мѣстомъ руководства.

Уже во вступительной части своей брошюры авторъ обнаруживаетъ весьма смутныя понятія о предметѣ, въ которомъ беретъ на себя роль верховнаго судьи: «У насъ, говоритъ онъ на 1-й страницѣ, до настоящаго времени не выясненъ и чуть ли затронутъ вопросъ о томъ, долженъ ли *книжный языкъ* [1]) воспроизводить всякое звуковое видоизмѣненіе языка живаго, устнаго: долженъ ли филологъ сберечь новую нарождающуюся форму и пренебрегать старою,—или—дорожить древнею формою, охранять ее; слѣдуетъ ли на слово написанное смотрѣть, какъ на воспроизведеніе слова сказаннаго и видѣть въ немъ точную фотографію, подлинный образъ рѣчи устной, — или писать, какъ того требуетъ установившійся обычай, предоставивъ живому слову развиваться и идти своимъ путемъ, и ждать времени, когда *печатное слово* [1]) едва едва будетъ напоминать своимъ начертаніемъ устное слово».

Что это такое? Отдалъ ли авторъ самому себѣ ясный отчетъ въ своихъ сомнѣніяхъ? жаль, что онъ не подкрѣпилъ ихъ примѣрами. О какомъ *книжномъ языкѣ* тутъ говорится? До сихъ поръ подъ книжнымъ языкомъ разумѣли особенный складъ и тонъ рѣчи, а здѣсь этотъ терминъ долженъ означать просто письмо, которое нѣсколькими строками ниже названо еще *печатнымъ словомъ!* Въ подстрочномъ примѣчаніи г. Д. прибавляетъ, что въ моихъ «Спорныхъ вопросахъ русск. правоп. собрано нѣсколько замѣчаній разныхъ авторовъ о фонетическомъ и этимологическомъ началѣ письма; но о поставленномъ вопросѣ рѣчи нѣтъ». Сказанное мною выше на стр. 2—6 можетъ послужить, хотя и не отвѣчающимъ на этотъ столь неумѣло поставленный вопросъ, но не безполезнымъ прибавленіемъ къ тому, что̀ о занимающемъ насъ предметѣ содер-

---

[1]) Въ подлинномъ нѣтъ курсива.

жится въ Спорныхъ Вопросахъ. Жалобы критика на неопредѣленность и разнорѣчія русскаго правописанія непомѣрно преувеличены. Во всѣхъ существенныхъ вопросахъ письма́ у насъ грамотные люди слѣдуютъ установившейся практикѣ, и только въ частныхъ случаяхъ встрѣчаются отступленія, къ которымъ, какъ уже выше было замѣчено, не должно относиться слишкомъ педантически. Если мы сравнимъ нынѣшнія разнорѣчія нашего правописанія съ тѣми, какія въ немъ господствовали въ былое время, то найдемъ въ пользу настоящаго значительную разницу. Говоря о существующихъ въ правописаніи колебаніяхъ, обыкновенно упускаютъ изъ виду, что многія изъ нихъ относятся къ самому языку и потому не могутъ быть устранены орѳографическою регламентаціей. Продолжая свои разсужденія, нашъ критикъ такимъ же образомъ смѣшиваетъ понятіе о разнорѣчіяхъ правописанія съ понятіемъ о различіи между *формами книжнаго языка* и *формами областными* и между *формами словеснаго языка* и *формами живой рѣчи*, т. е. разные способы словообразованія и измѣненія словъ смѣшиваются у него со способами ихъ начертанія. Не распространяюсь подробнѣе объ этой теоретической части трактата г-на Д., такъ какъ она въ сущности къ задачѣ его не относится и разсмотрѣніе ея только напрасно утомило бы вниманіе читателей.

Переходя далѣе къ разбору руководства, авторъ постоянно приписываетъ его мнѣ одному, какъ бы не зная или не признавая въ немъ участія цѣлой академической коллегіи, на что однакоже ясно указано въ книгѣ: это незнаніе было нужно критику, чтобы придать видъ справедливости замѣчанію, что «академикъ Гротъ во многомъ отступаетъ отъ прежнихъ своихъ мнѣній и нерѣдко вводитъ начертаніе несогласное съ тѣмъ, котораго онъ держался и въ Фил. Разысканіяхъ и въ Сп. Вопросахъ». Приходится повторить здѣсь то, что было сказано мною по поводу того же упрека, сдѣланнаго мнѣ другимъ лицомъ: «Филологическія Разысканія имѣли характеръ изслѣдованія, и потому неудивительно, что я, болѣе и болѣе размышляя о томъ же предметѣ, на разстояніи

нѣсколькихъ лѣтъ приходилъ къ новымъ выводамъ. Пушкинъ когда-то сказалъ, что только глупецъ не мѣняетъ своихъ мнѣній. Тутъ же дѣло шло не о какихъ-либо важныхъ истинахъ и даже не о законахъ языка, а просто о лучшемъ способѣ изображать на письмѣ то или другое слово. При третьемъ изданіи Филологическихъ Разысканій немногія отступленія отъ прежнихъ моихъ начертаній оговорены и между прочимъ замѣчено: «оставаться въ дѣлѣ науки неподвижнымъ можетъ только тотъ, кто не мыслитъ или не трудится. Но къ этому въ настоящемъ случаѣ присоединяется еще и другое обстоятельство: одновременно съ нынѣшнимъ изданіемъ выходитъ составленное мною, по порученію Второго отдѣленія Академіи Наукъ, краткое руководство по русскому правописанію. Обсуждая каждый вопросъ нашей ороографіи вмѣстѣ съ моими сочленами, я долженъ былъ для пользы дѣла заботиться объ общемъ соглашеніи, а этого невозможно было достигнуть безъ нѣкоторыхъ съ моей стороны уступокъ. Затѣмъ и въ *Спорныхъ Вопросахъ* (то-есть во II-й части Филологическихъ Разысканій) нельзя было не сдѣлать тѣхъ же измѣненій».

Г-ну Д. кажется, будто принятый мною порядокъ изложенія. хотя «сообщаетъ руководству единство внѣшнее, но въ тоже время представляетъ значительныя затрудненія опредѣлять, этимологическому или фонетическому началу дается предпочтеніе». Это несправедливо: вездѣ весьма опредѣленно указывается то или другое основаніе письма. Что нѣкоторыя (очень немногія) объясненія помѣщены не въ текстѣ, а въ справочномъ указателѣ — такая мелочь, которая нисколько не измѣняетъ сущности дѣла и легко поправима.

Относительно существующихъ въ русскомъ письмѣ двухъ началъ критикъ упрекаетъ насъ въ томъ, будто бы «самая система примѣненія этимологическаго и фонетическаго правописанія представляется (т. е. въ руководствѣ нашемъ) неясною: никто не можетъ сказать, почему въ однихъ случаяхъ и въ какихъ предпочитается этимологическое правописаніе, а въ другихъ можно

писать согласно съ произношеніемъ». Но какимъ образомъ могли мы установлять *систему примѣненія* тамъ, гдѣ системы нѣтъ и быть не можетъ? Авторъ, очевидно, незнакомъ съ историческимъ ходомъ развитія правописанія: развѣ какая бы то ни было исторія вообще слагается систематически? Ссылаюсь на изложенное мною по этому предмету выше, на стр. 4—6.

Далѣе брошюра утверждаетъ, будто кромѣ началъ этимологическаго и фонетическаго «замѣтны въ Русскомъ Правописаніи и еще два; это—какъ произносится слово въ просторѣчіи и удобно ли оно съ извѣстнымъ начертаніемъ для занесенія въ словарь». Этимъ двумъ соображеніямъ критикъ придаетъ значеніе началъ: къ первому онъ конечно относитъ напр. указаніе, какъ должно писать встрѣчающіяся въ просторѣчіи имена: *Гаврила*, *Данила* и т. п.; но развѣ просторѣчіе можетъ быть изгнано изъ области литературы? развѣ и для встрѣчающихся въ немъ словъ не нужно единообразное письмо? То, что разумѣется подъ послѣднимъ началомъ (удобно ли слово для занесенія въ словарь), также относится только къ отдѣльному вопросу, и нельзя не признать вѣрнымъ того принятаго руководствомъ соображенія, что если напр. глаголъ писать слитно съ отрицаніемъ *не*, то придется каждый глаголъ помѣщать въ словарѣ два раза, какъ то: *знать* и *незнать*, *дѣлать* и *недѣлать* и т. д. Какая польза была бы отъ такого повторенія безчисленнаго множества словъ, и можетъ ли это соображеніе, относящееся также къ нѣкоторымъ составнымъ нарѣчіямъ, считаться общимъ орѳографическимъ началомъ?

Никто не станетъ оспаривать, что для сознательнаго письма нельзя обойтись безъ знанія фонетики языка, а изученіе фонетики, въ современномъ состояніи филологіи, невозможно безъ нѣкотораго знакомства съ законами физіологическаго образованія звуковъ. Въ этомъ убѣжденіи мы, въ своемъ руководствѣ, правиламъ орѳографіи предпослали, на основаніи новѣйшихъ изслѣдованій, очеркъ русской фонетики, въ которомъ по необходимости явилось нѣсколько новыхъ терминовъ. Эти термины показались нашему критику странными въ книгѣ, имѣющей практическое на-

значеніе. Между тѣмъ самые законы произношенія, для объясненія которыхъ они придуманы, чрезвычайно просты, элементарны, и составляютъ, такъ сказать, азбуку всей фонетики, слѣдовательно служатъ прямо къ практическому знакомству съ предметомъ. Но г. Д. считаетъ излишними свѣдѣнія, добытыя въ наше время языкознаніемъ съ помощью физіологіи. Нельзя же однако и въ педагогической литературѣ довольствоваться устарѣлыми толкованіями ради удобства или вкуса того или другого преподавателя, не желающаго знать современныхъ успѣховъ науки. Въ статьѣ «Lesen und Lesenlernen» академикъ Радловъ говоритъ: «По моему мнѣнію, необходимо, чтобы во всѣхъ учительскихъ семинаріяхъ, при обученіи родному языку, будущимъ учителямъ сообщаемо было *ясное понятіе о физіологіи звуковъ*, фонетикѣ и ея отношеніи къ орѳографіи»[1]).

Въ тѣхъ же видахъ мы нашли нужнымъ ввести въ русскую терминологію съ точнымъ значеніемъ три названія звуковыхъ группъ, служащихъ для словообразованія: affix, какъ общій для нихъ терминъ, praefix для звуковъ начальныхъ и suffix для звуковъ конечныхъ. Всякому ясно, что слово *приставка*, употреблявшееся до сихъ поръ для передачи термина praefix, собственно отвѣчаетъ общему названію affix, и потому мы перевели praefix правильно-образованнымъ словомъ *представка*[2]). Но и это слово не понравилось г-ну Д. «Это, разсуждаетъ онъ, не только новый терминъ, но и новое слово, едва ли удачное для обозначенія понятія *praefix; передъ* указываетъ на положеніе впереди какого либо предмета, а представленіе о соединеніи съ предметомъ обозначается предлогомъ *при*». (Потому-то, замѣчу я, намъ и нужно было слово *представка* для отличія отъ *приставки*). «*Представка*, продолжаетъ критикъ, въ разговорномъ языкѣ употребляется иногда въ значеніи *доставка* (представка дровъ, молока,

---

[1]) Internationale Zeitschrift für allgemeine Sprachwissenschaft. Leipzig 1884. I Band, 2 Heft, pag. 369.

[2]) Суффиксъ назвали мы *наставкой*. Этотъ терминъ уже употреблялся мною въ *Филол. Разысканіяхъ*, а впослѣдствіи являлся и въ другихъ трудахъ.

яицъ); въ словаряхъ академическомъ и Даля этого слова нѣтъ». Такого рода логика говоритъ сама за себя. Выходитъ, что надо изгнать изъ грамматики и термины: *предлогъ* и *союзъ*, потому что они въ живомъ языкѣ ходятъ совершенно въ другомъ значеніи. Между тѣмъ въ самой же брошюрѣ на слѣдующей страницѣ мы читаемъ: «неопредѣленность терминологіи — вообще больное мѣсто нашихъ грамматическихъ учебниковъ и требуетъ, какъ и и правописаніе, и пересмотра и обработки».

Далѣе замѣчено: «Что называется въ руководствѣ окончаніемъ, что суффиксомъ и вообще различаются ли какъ-нибудь эти термины, — понять довольно трудно». Нашему критику не вдогадъ, что окончаніе есть понятіе родовое, а суффиксъ — видовое. Суффиксы бываютъ двоякіе: словообразовательные и флективные, и потому *каждый* суффиксъ можетъ быть называемъ и *окончаніемъ*, такимъ же образомъ какъ каждый *глаголъ* или каждое *имя* могутъ быть называемы и *словомъ*. Въ примѣръ того, будто къ «окончанію» руководство относитъ иногда и часть основы, авторъ приводитъ прилагательное *коломенскій*; но въ прилагательныхъ: *чесменскій*, *прѣсненскій*, *гродненскій* и мн. др. развѣ окончаніе *енскій* принадлежитъ тоже къ основѣ, или составляетъ двусложный суффиксъ? Въ орѳографическомъ руководствѣ нужно было рѣзко отличить одно написаніе отъ другого, и вотъ почему двусложное окончаніе *енскій*, на какомъ бы основаніи оно ни являлось, приведено въ противоположность окончанію *инскій*; при чемъ однакожъ показано, что въ цѣломъ рядѣ именъ, какъ и въ имени *Коломна*, бѣглое *е* вставляется между двумя согласными, принадлежащими къ основѣ существительнаго.

Указываемое критикомъ выраженіе: «форма многократнаго наклоненія глаголовъ» въ подстрочномъ примѣчаніи къ § 38, — случайная обмолвка, въ которой слово *наклоненіе* употреблено вмѣсто: *вида*, что́ конечно было ясно всякому не предубѣжденному читателю. Въ другомъ мѣстѣ и явная опечатка выставляется какъ доказательство, что нами «безъ нужды передѣлываются слова». Дѣло въ томъ, что въ справочномъ указа-

телѣ перваго изданія пропущено было слово *клевъ*, а *клювъ* помѣщено съ объясненіемъ, принадлежавшимъ къ пропущенному слову. Конечно, очень жаль, что такая погрѣшность набора не была замѣчена при чтеніи корректуры, но она исчезла уже во второмъ изданіи, гдѣ оба слова напечатаны, каждое на своемъ мѣстѣ. А между тѣмъ г. Д., пишущій свою критику въ то время, когда расходится уже 4-е изданіе книги, считаетъ нужнымъ подробно остановиться на опечаткѣ 1-го изданія.

Какъ практическій способъ узнавать, когда глаголъ долженъ оканчиваться на *ывать*, а не на *овать*, въ руководствѣ замѣчено, что указаніемъ правильной ороографіи служитъ возможность «сокращеніемъ этого окончанія низвести глаголъ на степень несовершеннаго или, при предложномъ глаголѣ, совершеннаго вида: такъ изъ *дѣлывать* можно вывести *дѣлать* и т. д., тогда какъ подобнаго сокращенія нельзя примѣнить напр. къ глаголу *совѣтовать*. Трудно придумать болѣе простое указаніе: ясно, что этимъ нисколько не нарушается законъ образованія многократнаго вида отъ первой видовой формы; но г. Д. серьезно поучаетъ насъ, что «всѣ предшествующіе филологи обыкновенно первоначальною формою глагола признавали совершенный или несовершенный видъ», и что если даже составитель руководства употребилъ приведенное выраженіе, какъ пріемъ, то и какъ пріемъ оно не удобно, давая будто бы неточныя понятія о переходѣ изъ одного вида въ другой. Пусть всякій самъ судитъ о достоинствѣ подобной аргументаціи. Выше мы видѣли, что критикъ напоминалъ намъ практическое назначеніе руководства.

Смѣшеніе вопросовъ языка съ вопросами правописанія встрѣчается въ брошюрѣ безпрестанно. Въ примѣчаніи къ § 25 въ руководствѣ сказано: «Обращеніе *о* въ *а* при образованіи многократнаго вида у насъ еще не вполнѣ установилось. Нѣкоторые глаголы произносятся двояко: одни говорятъ: «обрабатывать, успокаивать», другіе не считаютъ позволительнымъ обращать тутъ *о* въ *а*». Несмотря на эту дѣйствительно существующую въ языкѣ неопредѣленность, брошюра замѣчаетъ: «Какъ изъ

текста Р. Пр., такъ и изъ Спр. Ук. нельзя выяснить, когда слѣдуетъ *о* усиливать въ данномъ случаѣ въ *а* и когда не слѣдуетъ». Да этого не можетъ покуда выяснить и грамматика: это зависитъ отъ употребленія въ живой рѣчи и вовсе не составляетъ задачи правописанія, которая заключается только въ томъ, чтобы правильно перелагать на письмо то, что́ произносится. Затѣмъ авторъ пытается пополнить здѣсь то, что́, по его мнѣнію, не досказано въ руководствѣ и, между прочимъ, даетъ такое правило: «Если вмѣстѣ съ усиленіемъ гласной *о* въ *а* и удареніе переходитъ на эту же гласную, то пишется *а*, напр. ходи́ть, ха́живать, проси́ть пра́шивать» и т. д. То есть, другими словами: когда *а* произнесено съ удареніемъ, то *а* и пишется. Но это самое гораздо проще выражено нами въ самомъ началѣ критикуемаго § 25. Тамъ сказано: «*а* ударяемое всегда пишется тамъ, гдѣ оно слышится, между прочимъ и въ глагольной формѣ многократнаго вида, въ которой оно образуется изъ *о*: устраивать, разговаривать, допрашивать». А опредѣлить, въ какихъ случаяхъ образуется эта форма, не есть дѣло руководства къ правописанію. Затѣмъ критикъ въ двухъ слѣдующихъ пунктахъ повторяетъ своими словами то, что говорится въ § 27 руководства, съ тою только разницею, что онъ пишетъ: «рости — выростить, возрощать, выростать», тогда какъ по нашему правилу, здѣсь слѣдуетъ писать *а*, сходно съ тѣмъ, какъ этотъ глаголъ и производные отъ него писались издревле. Итакъ г. Д., взявшись поправить и дополнить въ этомъ мѣстѣ руководство, не сказалъ ровно ничего такого, чего бы у насъ не было.

Увлекаясь своимъ стараніемъ отыскивать промахи въ Р. Пр., онъ тутъ же говоритъ между прочимъ: «Отъ корня *мок*, *мокнуть*. Русское Прав. производитъ *макать* — слово довольно странное, а въ соединеніи съ приставками опять *о*: *промокать*, *размокать*». Еслибъ г. Д., прежде этого замѣчанія, заглянулъ въ словари, то увидѣлъ бы, что показавшееся ему страннымъ начертаніе *макать* не только общеупотребительное, но и весьма древнее (Сл. Миклошича) и основано конечно на разумной потребности

отличать этотъ глаг. дѣйствительнаго залога, дающій формы: *обмакнýть*, *обмáкивать*, отъ глаг. среднихъ: *мóкнуть*, *обмóкнуть*, *обмокáть*.

Въ разборѣ § 38 о глаголахъ *раскаиваться*, *отчаиваться* и т. п. критикъ позволяетъ себѣ приписывать мнѣ выводы, противорѣчащіе тексту руководства. Тамъ сказано: «Впрочемъ гл.л. *таять* и *чаять* допускаютъ также церк.-сл. формы *истаявать*, *отчаяваться*, которыя, слѣдуя произношенію, иногда являются и съ *е* вм. *я*». Здѣсь говорится только о двухъ глаголахъ на основаніи словаря Миклошича, и притомъ на различіе въ ихъ начертаніи указано только какъ на фактъ, противъ котораго нѣсколько выше было замѣчено: «Итакъ правильны только начертанія: *раскаиваться*, *оттаивать*, *отчаиваться*, *осмѣивать*». По какому же праву г. Д. прибавляетъ: «стало быть, и *раскаяваться* и *осмѣявать*», а далѣе: «значитъ *истаевать*, *отчаеваться*, *раскаеваться*, *осмѣевать*, значитъ и *осѣевать*? — Нѣтъ, это прямо противоположно категорически высказанному въ руководствѣ правилу, въ дополненіе къ которому еще замѣчено: «у гл. *сѣять*, въ которомъ *я* принадлежитъ къ корню, этотъ звукъ не исчезаетъ въ другихъ формахъ, между прочимъ, и въ предложномъ *осѣявать*». Какъ назвать подобную критику?

Относительно глаголовъ *индевѣть* и *плѣсневѣть* брошюра выражаетъ сомнѣніе въ правильности этихъ формъ. Онѣ записаны въ руководствѣ согласно съ академическимъ словаремъ. *Плѣсневѣть* (отъ прил. *плѣсневой*, см. у Даля) не представляетъ никакого затрудненія; что касается *индивѣть*, то въ Областномъ словарѣ мы находимъ форму *íневѣть*, *заíневѣть*, а въ Дополненіи къ этому словарю: *заíнить*, *заíниться*, записанныя въ Псковской и Тверской губерніяхъ. Форма, указанная Обл. словаремъ, заимствована и Далемъ, который, конечно на основаніи ея, далъ и общеизвѣстному глаголу отъ существ. *иней* начертаніе «индевѣть». Иначе поступилъ г. Буслаевъ (Ист. Гр. I, стр. 83): при ссылкѣ на областныя формы: *иневѣть*, *заинить* онъ однакоже говоритъ: «Вставка *д* между плавнымъ и гласнымъ оказы-

вается въ глаголѣ *ин-д-ивѣть* вм. *ин-ивѣть*». Принятое здѣсь дѣленіе слоговъ указываетъ на предположеніе, что для образованія глагола суффиксъ существительнаго *ей* отброшенъ, и въ основаніе взятъ суффиксъ прилагательнаго *ивый*: подобному образованію глаголовъ есть въ языкѣ и другіе примѣры (какъ *паршивѣть* отъ *паршивый*), и едва ли такъ смотрѣть не вѣрнѣе, чѣмъ вводить въ составъ глагола часть суффикса *ей*. Вотъ почему и въ руководствѣ, согласно съ грамматикою г. Буслаева и академическимъ словаремъ, предпочтена форма *индивѣть*. Ссылаюсь на наше правило безъ явной причины не измѣнять общепринятаго правописанія. Академическій словарь былъ, естественно, въ числѣ основныхъ пособій, съ которыми я справлялся, стараясь не нарушать преемства въ трудахъ академіи и безъ особенной надобности не отступать отъ того, что̀ сдѣлано нашими предшественниками, которые, конечно, трудились также не легкомысленно.

Въ этомъ же отдѣлѣ брошюры читаемъ: «Есть другой разрядъ глаголовъ, о которыхъ не говорится въ Р. Пр. и которые отчасти по письму, отчасти по образованію, принадлежатъ къ спорнымъ. Откуда явился въ глаголахъ слогъ *ев*, не измѣняющійся въ *ю*: *затмевать*, *намѣреваться*, *обуревать*? Это необходимо разъяснить». Дѣйствительно, на происхожденіе этой формы еще не было обращено надлежащаго вниманія [1]). Взявъ за норму гл. (воз)*намѣриться*, мы по обыкновенному способу образованія многократнаго вида получимъ (воз)*намѣриваться*. Между тѣмъ въ обычай вошла форма *намѣрева́ться*. Это приводитъ къ заключенію, что когда, по звуковому требованію, удареніе упадетъ на слогъ *ва*, то предшествующій ему гласный *и* измѣняется въ *е*. Другимъ примѣромъ аналогическаго явленія можетъ служить

[1]) Павскій только вскользь упоминаетъ объ этихъ (всегда предложныхъ) глаголахъ, приводя слѣдующіе примѣры: *затмевать*, *отомщевать*, *надмевать*, *истощевать*, *растлевать*, *намѣреваться*, *обуревать*. Ошибочно причисляетъ онъ къ нимъ и гл. «сомневаться», производя его отъ *усомниться* и не сообразивъ, что въ основаніе его слѣдуетъ положить цсл. гл. мьнѣти.

двоякая форма уменьшительныхъ именъ съ суффиксомъ *це*. Когда на него не падаетъ удареніе, то, согласно съ древнимъ составомъ этой наставки (*ьце*), передъ нею является буква *и*: *маслице*, *ожерельице*, *платьице*, *имѣньице*; когда же подъ удареніемъ тотъ же суффиксъ принимаетъ форму *цо́*, то предшествующее *и* уступаетъ мѣсто гласной *е*: *серебрецо́*, *письмецо́*, *копьецо́*.

Возвращаясь къ глаголамъ формы *е̂ва*, замѣтимъ, что съ ними не должно смѣшивать тѣхъ, которые образованы отъ имѣющихъ въ основномъ видѣ *ѣ* передъ *тъ*, какъ напр. *сомнѣваться* отъ мьнѣти, *недоумѣвать* отъ *умѣть*. *Растлѣвать* отъ *растлѣть*, гл. средній, не должно смѣшивать съ *растлевать*, дѣйств. залога, отъ *растлить*.

Для правильнаго употребленія личныхъ глагольныхъ окончаній руководство въ § 34 предлагаетъ, между прочимъ, практическій пріемъ повѣрять единственное число по множественному и наоборотъ. Это подвергается также критикѣ брошюры, утверждающей, будто иногда въ обоихъ числахъ окончанія произносятся такъ неясно, что мы напр. слышимъ въ выговорѣ и встрѣчаемъ на письмѣ: «видешь, видютъ» и т. п. Но случаи подобнаго невѣжества къ счастію рѣдки, и для немногихъ полуграмотныхъ не слѣдовало лишать другихъ простого указанія, очень облегчающаго дѣло, которое, при однихъ теоретическихъ правилахъ спряженія глаголовъ, является запутаннымъ и сбивчивымъ. Притомъ, послѣ примѣровъ, приведенныхъ для отличія глаголовъ разныхъ окончаній, указаны въ руководствѣ примѣты, по которымъ узнаются глаголы, долженствующіе въ наст. времени оканчиваться на *ишь*, — *ятъ* или *атъ*, и, начиная со 2-го изданія, указаніе это для бо́льшей точности пополнено подстрочнымъ примѣчаніемъ. Въ 5-мъ изданіи оно будетъ еще распространено.

Въ первомъ же только изданіи была помѣщена, въ справочномъ указателѣ, при глаголѣ *лазить* форма 1 л. наст. вр. *лазю*, замѣненная въ послѣдующихъ изданіяхъ формою *лажу*. Это не мѣшаетъ г-ну Д. считать первую единственною, показанною въ руководствѣ при данномъ глаголѣ. Приравнивая ее къ такимъ

нелѣпымъ формамъ, какъ *ѣздію*, *лазію* и т. п.[1]), онъ совершенно упускаетъ изъ виду, что есть нѣсколько глаголовъ одной формы съ *лазить*, которые въ 1-мъ лицѣ наст. вр. не измѣняютъ передъ *ю* способной смягчаться согласной. Примѣры тому приведены у Востокова: *мерзю*, *слезю*, *тузю* (вм. тужу отъ тужить). Къ числу такихъ исключеній нѣкоторые присоединяютъ и форму *лазю*, для отличія отъ *лажу* при неопред. наклоненіи *ладить*. Въ извѣстномъ стихѣ[2]) Державинъ могъ предпочесть *лажу* для риомы къ *прокажу*. Тѣмъ не менѣе, начиная со 2-го изданія руководства, и мы, для соглашенія съ примѣромъ изъ Державина, предпочли форму *лажу*.

При словѣ *пріобрѣвшій*, въ справочн. указателѣ, сказано: «хотя неправильно, но почти вытѣснило форму *пріобрѣтшій*». Всякій, кто внимательно слѣдитъ за современнымъ развитіемъ языка, подтвердитъ это замѣчаніе. Несмотря на то, нашему критику понадобилось заявить, будто въ руководствѣ «отъ глагола *пріобрѣсти* образована совершенно неправильная форма *пріобрѣвшій* вмѣсто правильной *пріобрѣтшій*».

Что касается страд. причастія *спеленатъ*, то оно явилось въ нашемъ указателѣ съ оговоркою: «въ народномъ языкѣ», собственно для оправданія этой формы, недавно употребленной въ повѣсти одного талантливаго писателя и возбудившей сомнѣніе въ ея существованіи. Востоковъ не счелъ излишнимъ, даже въ своей грамматикѣ, привести вторыя формы страдат. причастія *знатъ* и *братъ*, разумѣется прибавивъ, что онѣ «принадлежатъ просторѣчію.»

Въ своихъ разсужденіяхъ о начертаніи гл. *итти* критикъ очевидно не вникъ въ наши основанія. Мы объясняли, что въ правильной формѣ «ити», по особенному звуковому составу ея (зубной звукъ между двухъ *и*), органы рѣчи повиновались потреб-

---

[1]) При этомъ, однакожъ критикъ самъ попадаетъ впросакъ, приводя, въ числѣ невозможныхъ образованій, форму *лазаю*, которая правильна и показана какъ въ академ. словарѣ, такъ и у Даля при гл. *лазать*.

[2]) «То съ ней на голубятню лажу».

ности опереться на единственную согласную и усилить ея произношеніе, чему на письмѣ соотвѣтствуетъ удвоеніе буквы; а критику кажется, что звукъ второго *т*, вызванный *произношеніемъ*, въ произношеніи же долженъ былъ обратиться въ *с*! и онъ спрашиваетъ: «почему тотъ же зубной звукъ *т* не сдваивается въ *плети*, *мети*, *цвѣти*, и др.? Предложные глаголы *взойти*, *войти* и пр., продолжаетъ онъ, сохранятъ свое начертаніе; теперь въ нихъ пропускается *д*; если же станутъ писать *итти*, то тогда тоже будутъ пропускать *т*». Во-первыхъ, почти всѣ, пишущіе *идти*, пишутъ также: *взойдти войдти*, *разойдтись*, что́ до очевидности нелѣпо, однакожъ для послѣдовательности неизбѣжно, а во-вторыхъ, въ предложныхъ глаголахъ удвоеніе *т* исчезаетъ по той же причинѣ, по которой оно является въ простомъ гл. *итти*, т. е. по звуковому требованію. Г. Буслаевъ, допуская обѣ формы *идти* и *итти*, въ текстѣ своей Истор. Грамматики употребляетъ и вторую. Даль хотя и ставитъ на первомъ мѣстѣ *идти*, но во всѣхъ примѣрахъ на это слово пишетъ *итти*. Павскій признаетъ исключительно послѣднюю форму [1]). Въ памятникахъ XV и XVI ст. этотъ глаголъ встрѣчается почти постоянно съ двумя *т*.

Самымъ вѣскимъ доводомъ въ пользу правописанія съ *д* могла бы служить форма страд. причастія: *найденъ*, *обойденъ*, такъ какъ эта форма обыкновенно принадлежитъ къ той же темѣ, какъ неопр. наклон. Но есть примѣры тому, что когда образованіе второго страд. причастія на *ен* отъ этой темы оказывается неудобнымъ, то такое причастіе образуется отъ основы настоящаго времени: это дѣлается во всѣхъ гл., у которыхъ коренная *д* или *т* исчезаетъ передъ примѣтою неопред. наклоненія *т*: *веденный*, *обрѣтенный*. Подобное встрѣчается и въ глаголахъ другого разряда: отъ гл. *гнить* есть сущ. *согнитіе*, но есть и *гніеніе*, предполагающее причастную ф. *гніенъ* отъ *гнію* (отъ *гнить* оно было бы *гненъ*); отъ *тереть*, *переть* есть причастія *тертъ*, *пертъ*, но есть и существительныя *треніе*, *преніе*, предполагающія формы

---

[1]) Въ *Филол. Набл.* (I, 112) цѣлыя двѣ страницы посвящены этому вопросу: помѣщаю выписку изъ нихъ въ особомъ прибавленіи.

трень и *прень* (отъ *тру* и *пру*). Такъ и для образованія причастій *найденъ, обойденъ*, въ помощь взята форма настоящаго времени *иду, идешь*. Наконецъ есть еще доказательство отсутствія *д* въ неопр. накл. разсматриваемаго глагола: это — существительныя: *наитіе*, ꙗ҄нитиѥ, произведенныя отъ неупотребительной формы страд. причастія на *т*, которую мы въ правѣ здѣсь предположить и которая совершенно исключаетъ корень *ид* изъ этой темы.

Брошюра признаетъ неправильными формы: сущ. *обрусеніе* и прич. *затменъ* на томъ основаніи, что при образованіи страд. причастіи на *енъ* отъ глаголовъ 2-го спряж. съ примѣтою *и*, согласная способная смягчаться смягчается; въ примѣръ того приводятся между прочимъ слова: *прошеніе* отъ *просить*, *кормленъ* отъ *кормить*. Здѣсь критикъ опять упускаетъ изъ виду, что есть глаголы, въ которыхъ для удобства произношенія или для избѣжанія странныхъ звуковъ, допускается образованіе этого причастія безъ смягченія предшествующей суффиксу *енъ* гласной. Это тѣ самые глаголы, на которые указано выше, когда рѣчь шла объ образованіи 1-го лица ед. ч. наст. вр. и которыхъ Востоковъ (Р. Гр. § 77) насчитываетъ не менѣе 16-и. Въ числѣ ихъ находятся глл. *обезопасить* и *тмить*, образующіе въ наст. формы: *обезопасю* и *тмю*, а слѣдов. и прич. *обезопасенъ* и *затменъ*. Къ этому разряду долженъ быть причисленъ и неупотребительный при жизни Востокова гл. *обрусить*, отъ котораго конечно нельзя произвести формы: «обрушу, обрушенъ». Такимъ же образомъ невозможны формы: «обезсмерчу, обезсмерченный» или «обезлѣшу, обезлѣшенный» отъ гл. *обезсмертить, обезлѣсить*. Все это подробности, на которыхъ невозможно было останавливаться въ краткомъ руководствѣ, да не было въ томъ и надобности, потому что онѣ относятся собственно къ морфологіи, а не къ правописанію.

Объ именахъ съ суффиксомъ *це* было уже говорено выше при другомъ случаѣ. Здѣсь прибавлю только, что самое произношеніе ясно указываетъ на несостоятельность приводимыхъ брошюрою формъ именъ «пряслеце, маслеце», въ которыхъ явствен-

но слышится *и* передъ *ц*, такъ же точно, какъ при паденіи акцента на конечный слогъ, *и* столь же замѣтно измѣняется въ *е*: *письмецо́*, *копьецо́*. Въ своихъ Филологическихъ Разысканіяхъ я первоначально также принималъ за общую норму *ие*, но исторія языка, при помощи сравнит. грамматики и словаря Миклошича, привела меня впослѣдствіи къ иному заключенію. Въ акад. словарѣ мы находимъ также начертанія: *маслице*, *ожерельице*, *свиданьице*.

Соглашаясь съ моими замѣчаніями о правописаніи именъ *Гаврила*, *Михайла* на основаніи ихъ склоненія съ женскими окончаніями, г. Д. считаетъ нужнымъ сдѣлать такую оговорку: «но едва ли можно заставить писать всѣхъ: *Михайлѣ*, *Гаврилѣ* и т. п., когда обыкновенно пишутъ и говорятъ не *Михаилу*, *Гаврiилу*, а *Михайлу*, *Гаврилу*». Само собою разумѣется, что въ подобныхъ случаяхъ слѣдуетъ писать такъ, какъ говорятъ: это вопросъ тона и оттѣнковъ рѣчи, а не правописанія; дѣло шло только о томъ, какъ употребительныя въ *просторѣчіи* формы *Михайла*, *Гаврила* слѣдуетъ писать въ имен. падежѣ, такъ какъ произношеніе неударяемыхъ *а* и *о* безразлично, а женское склоненіе въ другихъ падежахъ указываетъ на *а*. То же относится къ замѣчанію о нарицательныхъ именахъ муж. р. на *ишко*, *ко* и *ло*. Конечно, авторъ брошюры правъ, что никому нельзя запретить писать *сынишко*, но надо сознаться, что кто пишетъ *мальчишка* и въ то же время остается при формѣ *сынишко*, тотъ впадаетъ въ странное противорѣчіе съ самимъ собою. Да и кому же вообще можно запретить писать такъ, какъ ему вздумается?

Возражая на мое замѣчаніе о случаяхъ, когда въ уменьшит. окончаніи *енька* буква *н* теряетъ свое умягченіе, критикъ нашъ полагаетъ, что умягченіе *н* бываетъ тогда, когда удареніе является на слогѣ *ен*: *родѐнька*, *деревѐнька*, *ровѐнька*. Это правило ни на чемъ не основано, какъ показываютъ слова: *ноженька*, *рученька*, *рѣченька*, *маменька*, *батенька*, *душенька* и мн. др.

Противъ моего замѣчанія: «мы говоримъ двояко: въ *забытьи*

и въ *забытьѣ*» и пр. брошюра говоритъ: «можно составить довольно длинный списокъ такихъ словъ, но дѣло отъ того мало выигрываетъ, потому что остались два окончанія и которому изъ нихъ давать предпочтеніе, приходится руководствоваться личнымъ вкусомъ и соображеніемъ». Здѣсь авторъ опять не отдаетъ себѣ отчета въ различіи между языкомъ и правописаніемъ. Если языкъ допускаетъ двѣ формы, если у одного писателя мы находимъ: въ *забытьѣ*, а у другого: въ *забытьи*, если у прозаика читаемъ: въ *весельи*, а поэтъ, хоть для риомы, скажетъ: въ *весельѣ*, то не будетъ ли произволомъ теоретика отвергать одну изъ обѣихъ формъ? Мы не брались и не могли взяться за передѣлку живого языка, а задались только указаніемъ, какъ перелагать на буквы имѣющіяся въ языкѣ формы, и если для иного слова существуютъ двѣ, то конечно отъ говорящаго или пишущаго зависитъ выборъ той или другой, какъ и вообще въ выборѣ словъ, выраженій и оборотовъ каждый воленъ: та или другая форма можетъ быть въ данномъ случаѣ болѣе пригодна, смотря по оттѣнку языка и слога, по тону рѣчи и т. п.

Здѣсь же кстати будетъ остановиться на замѣчаніи, сдѣланномъ другимъ критикомъ [1]) относительно формы предложн. падежа ед. ч. существительныхъ именъ на *ій:* о *геніи*, о *Василіи*. Было высказано мнѣніе, что такая форма не согласна ни съ общимъ окончаніемъ этого падежа на *ѣ* въ именахъ муж. р., ни съ господствующею практикою, и что при окончаніи *іи* часто нельзя отличить мужского имени отъ женскаго, напр. въ начертаніяхъ: *объ Анастасіи*, о *Теренціи*. — Для рѣшенія этого вопроса мы должны обратиться къ исторіи языка: въ др.-славянскомъ на *ѣ* въ предложномъ падежѣ оканчивались только имена съ окончаніями: *ъ*, *о* и *а*; при всѣхъ другихъ окончаніяхъ именит. падежа предложный оканчивался на *и*. Въ русскомъ большая часть именъ муж. рода съ мягкимъ окончаніемъ (т. е. оканчивающіяся на мягкую согласную или на *й* съ предыдущими гласными: *а*, *е*, *ѣ*, *о*, *у*, напр. *конь*, *бой*) сравняли форму своего предложнаго паде-

[1]) Г. Модестовымъ.

жа съ именами на *ъ*, *о* и *а* (о конѣ, о богѣ); но имена на *ій* сохранили въ этомъ падежѣ древнее окончаніе на *и* (*іи*) по требованію закона уподобленія звуковъ, на основаніи котораго *ѣ* послѣ *і* устоять не можетъ и уступаетъ мѣсто этому же гласному. Такимъ образомъ имена всѣхъ трехъ родовъ, оканчивающіяся на *ій*, *ія*, *іе*, принимаютъ въ предложномъ падежѣ ед. ч. окончаніе *іи*. Доводъ же, что при такомъ окончаніи нѣтъ признака для отличія муж. рода отъ женскаго, устраняется тѣмъ, что то же неудобство существуетъ и при окончаніи предложнаго падежа на *ѣ*, и притомъ не въ однихъ собственныхъ именахъ Когда мы напр. читаемъ: объ *Александрѣ*, объ *Антонинѣ*, о *рабѣ*, то не видно, должно ли разумѣть Александра, или Александру и т. д.

Къ разряду недоразумѣній должно быть причислено также замѣчаніе, зачѣмъ въ первомъ изданіи руководства при словѣ *цыганъ* отмѣчены двѣ формы множ. ч. *цыганы* и *цыгане*. Онѣ приведены были потому, что обѣ употребительны. Впрочемъ, начиная со 2-го изданія, мы, по желанію нѣкоторыхъ изъ присылавшихъ мнѣ свои отзывы, удержали только первую форму, употребленную Пушкинымъ, такъ какъ дѣйствительно нѣтъ основанія оканчивать на *не* мн. число имени. не имѣющаго въ единственномъ суффикса *инъ*. Другое дѣло имена этой формы: у нихъ иногда встрѣчается несоотвѣтствіе между окончаніями ед. и множ. ч. Такъ отъ *болгаринъ* и *татаринъ* обыкновенно образуютъ во множ. *болгары* и *татары*, а не «болгаре» и «татаре». Вопросы этого рода относятся опять къ грамматикѣ, а не къ правописанію, и потому-то о нихъ въ текстѣ нашего руководства не было рѣчи.

Брошюра находитъ страннымъ, что въ прилагательныхъ *іюньскій*, *сентябрьскій* и образованныхъ отъ именъ слѣдующихъ за сентябремъ мѣсяцемъ удержано *ь* передъ суффиксомъ *скій*. Это, по мнѣнію критика, противорѣчитъ § 60, гдѣ сказано, что въ серединѣ слова *ь* опускается, когда мягкое произношеніе обусловливается послѣдующимъ мягкимъ звукомъ. Здѣсь критикъ не обратилъ вниманія на то, что слогъ *скій* не есть мягкій, потому что въ произношеніи слышится послѣ *к* не *і*, а твердый не-

опредѣленный гласный, который въ косвенныхъ падежахъ и пишется. При означенныхъ прилагательныхъ объяснено, что въ нихъ ѣ удерживается для облегченія выговора. Притомъ замѣчаніе мое о пропускѣ внутри словъ *еря* вопреки произношенію было превратно понято. Изъ сказаннаго по этому поводу выведено неправильное заключеніе, будто слѣдуетъ писать то *письмо*, то о *писмѣ*, тогда какъ у меня нигдѣ не упомянуто, чтобы сдѣланное мною наблюденіе надъ случаями пропуска *еря* внутри словъ относилось и къ флексіямъ одного и того же слова. Такое недоразумѣніе указываетъ конечно на необходимость изложить это наблюденіе нѣсколько иначе.

Коснувшись значенія двусложныхъ суффиксовъ *овскій* и *инскій*, составъ и употребленіе которыхъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ первый разъ были разъяснены мною, я не могъ, да и не имѣлъ надобности, въ краткомъ руководствѣ къ правописанію, распространяться о случаяхъ образованія прилагательныхъ съ этими суффиксами. Но вотъ какъ первоначально, еще въ 1870 г., изложено было мое изслѣдованіе о нихъ въ академическомъ Сборникѣ (т. VIII, стр. XIII): «Отъ собственныхъ именъ прилагательныя образуются: 1) лично-притяжательныя: *Петр-овъ*, *Алексѣ-евъ*, *Марі-инъ*; 2) лично-относительныя: *петр-ов-скій*, *алексѣ-ев-скій*, *марі-ин-скій*; 3) мѣстно-относительныя: *клин-скій*, *твер-ской*, *кам-скій*. Отсюда видно, что лично-относительныя образуются помощью двухъ приставокъ, изъ которыхъ послѣдняя *скій* присоединяется къ лично-притяжательному, — при мужскомъ окончаніи *овъ*, при женскомъ *инъ*. Такъ производятся прилагательныя и отъ иностранныхъ личныхъ именъ: *шекспировскій*, *гомеровскій*, *байроновскій*, *аннинскій* (не *анненскій*). Напротивъ, мѣстно-относительныя прилагательныя образуются присоединеніемъ окончанія *скій* прямо къ имени: *петербургскій*, *невскій*. Таковъ общій законъ образованія. Случается однакожъ, что ради облегченія выговора, у лично-относительныхъ опускается слогъ *ов* или *ин*, напр. *владимир-скій*, *гофман-скій*, *софій-скій*, и наоборотъ, у мѣстно-относительныхъ слогъ *ов* или *ин* вставляется,

напр.: *днѣпр-ов-скій*, *торжк-ов-скій*, *балахн-ин-скій*. Въ первомъ случаѣ опущеніе посредствующаго слога, а во второмъ вставка его должны быть отнесены къ числу довольно рѣдкихъ явленій». Въ Р. Правописаніи я счелъ достаточнымъ указать только на составъ двусложныхъ окончаній *овскій* и *инскій*; о первомъ вовсе не могло быть вопроса для письма; нужно было только объяснить, когда въ прилагательныхъ, произведенныхъ отъ именъ мѣстъ и урочищъ, слѣдуетъ писать *инскій* и когда *енскій*, и вотъ на основаніи сейчасъ изложеннаго мною наблюденія, сказано, что въ прилагательныхъ, произведенныхъ отъ *такихъ* именъ (т. е. именъ мѣстъ и урочищъ), для удобства выговора вставляются слоги *ов* и *ин*, обыкновенно опускаемые въ прилагательныхъ, образованныхъ отъ именъ мѣстъ и урочищъ. Послѣ помѣщенной и въ руководствѣ предварительной замѣтки всякому ясно, что это части сложныхъ суффиксовъ *овскій* и *инскій*. Нашъ критикъ вовсе не понялъ цѣли пункта 7-го въ параграфѣ 36-мъ (что́ ясно доказываютъ приводимые имъ примѣры однихъ лично-притяжательныхъ именъ) и считаетъ нужнымъ поставить на видъ, что слоги *ов*, *ев*, *ин* суть суффиксы, а не для удобства выговора вставляемые слоги. (См. выше, стр. 21).

«Въ словахъ иностраннаго происхожденія, произведенныхъ отъ такихъ словъ, которыя имѣютъ сочетаніе *іа* (§ 90), наше правописаніе, говоритъ г. Д., не установилось» и вслѣдствіе этого онъ предлагаетъ всегда писать *ія*, т. е. напримѣръ, «христіянскій, епархіяльный, специяльный, міязмы, діялектъ, діяметръ, патріярхъ». Наше предложеніе для единообразія писать въ такихъ случаяхъ, т. е. внутри словъ, всегда *іа* отвергается критикомъ потому, что «сочетаніе *іа* одно изъ невозможныхъ въ нашемъ языкѣ и несогласныхъ съ законами образованія». Но г. Д. не сообразилъ, что если послѣ *і* въ заимствованныхъ словахъ допускаются другія твердыя гласныя; если допускаются сочетанія *іо*, *іу*, также не свойственныя русскому языку; если пишутъ: *милліонъ*, *серіозный*, *пансіонъ*, *тіунъ*, *радіусъ*, то нѣтъ основанія не писать также сочетанія *іа* въ такихъ словахъ, какъ: *христіанинъ*, *спе-*

ціальный, *матеріалъ*, *азіатскій* и т. п.: къ словамъ иностраннаго происхожденія не всегда можно примѣнять каждое правило своего языка. Такимъ же образомъ въ нихъ пишутся рядомъ и другія гласныя, никогда не встрѣчающіяся въ русскомъ, напр. *силуэтъ*, *раутъ*, *алоэ*, *боа*, или допускаются сочетанія нѣкоторыхъ согласныхъ съ мягкими гласными, невозможныя въ русскихъ словахъ, напр. въ именахъ: *брошюра*, *Кяхта*, *гяуръ*, *Кюмень*.

Мы уже говорили выше о противодѣйствіи, какое встрѣчаетъ со стороны многихъ наше предложеніе писать *ого* вм. *аго* въ родит. пад. ед. ч. прил. муж. и ср. рода, у которыхъ именит. падежъ оканчивается на *óй*. Разумѣется, что и въ этомъ случаѣ г. Д. присоединяется къ нашимъ противникамъ; но всѣ столь пространно изложенные имъ доводы падаютъ предъ несообразностью писать одинаково окончанія двухъ формъ, которыя произносятся такъ различно, какъ напр. перв*аго* и втор*ого*. Уже нѣсколько столѣтій тому назадъ эта поразительная разница заставляла иногда писцовъ, для означенія ударяемаго звука *ó*, употреблять и букву *о*. Столь естественное и простое улучшеніе нашей ороографіи съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе проникало въ нее, и около 1860-хъ годовъ стало являться постоянно въ нѣкоторыхъ журналахъ и книгахъ. Что правило писать *ого* до сихъ поръ не встрѣчалось ни въ одной изъ нашихъ грамматикъ, ничего не доказываетъ: бывало, и окончаніе им. падежа на *óй* не признавалось ни въ грамматикахъ ни въ словаряхъ и считалось ересью, но естественно, что старая грамматика должна мало по малу дѣлать уступки требованіямъ живого языка. Въ защиту своего мнѣнія критикъ ссылается между прочимъ на Павскаго и говоритъ, что этотъ филологъ далъ образцы склоненій для всѣхъ прилагательныхъ, и склоняя *дорогой*, *лихой*, *плохой* какъ *тонкій*, прибавляетъ только: въ словѣ *большой* род. пад. *ого* и болѣе ни слова объ окончаніи *ого*». Это невѣрно: во 1-хъ, въ примѣч. къ § 112 своего перваго разсужденія Павскій говоритъ: «Ежели пишемъ худой вм. худый, то почему не писать худого или худова

вм. худаго?» А во 2-хъ, Павскій, представивъ пять таблицъ склоненія именъ прилагательныхъ, въ особомъ примѣчаніи говоритъ о тѣхъ, которыя, по требованію ударенія, вмѣсто *ый*, *ій* принимаютъ окончаніе *ой*, и хотя онъ прибавляетъ, что отъ этого склоненіе прилагательныхъ не измѣнится, однакожъ въ образецъ флексіи именъ: *чужóй*, *большóй*, *меньшóй* приводитъ полное склоненіе прилаг. *большой* съ окончаніемъ *ого* въ род. п. муж. и ср. р. ед. числа [1]. Это не значитъ, что онъ принимаетъ окончаніе *ого* только для прил. *большой*. Что касается написанія *худова*, то я уже выше объяснилъ, почему, допуская *о* въ первомъ слогѣ окончанія, мы во второмъ слогѣ отвергаемъ *в*. Въ подкрѣпленіе своихъ доводовъ противъ оконч. *ого* г. Д. выражаетъ опасеніе, что «обученіе правописанію въ школѣ со введеніемъ *ого* усложнится новымъ правиломъ и, нужно сказать, не особенно легкимъ, такъ что число ученическихъ ошибокъ должно сдѣлаться больше». Ужели же дѣйствительно трудно слѣдующее правило: «Когда прилагат. въ имен. пад. един. ч. муж. р. кончается на *óй*, то въ род. падежѣ пишите *ого*, напр. прямой, прямого; другой, другого».

Изъ того, что въ закрытыхъ слогахъ извѣстнаго разряда послѣ шипящихъ (ж ш ч щ) предлагалось писать *емъ*, напр. *ключемъ*, критикъ выводитъ заключеніе, что я совѣтую также писать въ *чужемъ*. Между тѣмъ тутъ же слово *чужой* было приведено въ числѣ словъ, въ которыхъ шипящая допускается передъ дифтонгомъ *ой;* повидимому, допущеніе *о* и въ косвенныхъ падежахъ такихъ прилагат. разумѣлось само собой; но оказывается, что тутъ была недомолвка, слѣдовательно редакція должна быть исправлена въ смыслѣ большей точности. При этомъ надо согласиться, что если ударяемое *о* можетъ слѣдовать за шипящею въ творит. пад. именъ жен. р.: *душою*, *душой*; *свѣчою*, *свѣчой*, то справедливо допустить это и въ твор. пад. именъ муж. род.: *ножомъ*, *ка-*

---

[1]) *Филол. Наблюденія*, Разсужд. II, Отд. 2, стр. 149—150.

рандашомъ, мечомъ, плющомъ. Но въ предлож. падежѣ мѣстоим. *что* должно остаться *е* (въ *чемъ*) по аналогіи съ другими падежами этого мѣстоименія: *чего, чему.*

Брошюра сѣтуетъ, что въ руководствѣ не объяснено, почему пишется *полъ-имѣнія*, а не «полымѣнія», или «полимѣнія». Это, кажется, и не требовало объясненія, такъ какъ замѣна сочетанія *ъи* буквою *ы* употребительна собственно только при сліяніи предлога, кончающагося на *ъ*, съ реченіемъ, начинающимся буквою *и*, а что касается написанія «поллиста» вм. *полъ-листа*, то на это согласиться нельзя, потому что «изъ двухъ рядомъ стоящихъ одинаковыхъ согласныхъ первая уподобляется второй и первое *л* умягчалось бы подъ вліяніемъ второго», какъ напр. въ словахъ: *аллея, милліонъ* (Р. Прав., стр. 88).

Замѣчаніе г-на Д., будто *ь* въ словѣ *возьму*, равно какъ и въ глагольныхъ окончаніяхъ *ть, шь, ь* (въ повелит. накл.) не замѣняетъ мягкой гласной, такъ мудрено, что останавливаться на опроверженіи его я не считаю нужнымъ.

Вопросу о слитномъ или раздѣльномъ написаніи нѣкоторыхъ словъ придается въ брошюрѣ излишняя важность; особенно въ этомъ дѣлѣ достигнуть полнаго соглашенія ни въ какомъ языкѣ невозможно. *Подъ рядъ* и *на ряду* пишу я врозь, потому что слитно написанныя слова *подрядъ* и *наряду* суть флективныя формы двухъ существительныхъ. Здѣсь кстати вообще коснуться вопроса о различномъ письмѣ словъ, имѣющихъ разное значеніе, но одинаково произносимыхъ. Само собою разумѣется, что въ большинствѣ случаевъ такое различеніе не нужно: значеніе слова видно изъ его отношенія къ рѣчи, изъ связи его съ другими словами, чему примѣрами и служатъ приведенныя мною въ руководствѣ слова: *суда* и *суды* (въ косвенныхъ ихъ падежахъ). Но когда въ самомъ двоякомъ происхожденіи или составѣ слова заключается причина различныхъ начертаній его, то нѣтъ основанія избѣгать такого различенія: вотъ въ какомъ смыслѣ я считаю правильнымъ писать двоякимъ образомъ такія слова, какъ напр. *лечу* и *лѣчу*, *балъ* и *баллъ*, *металъ* и *металлъ*, *колосъ* и *колоссъ*.

Ясно, что и въ этомъ пунктѣ руководство не представляетъ того противорѣчія, которое усматриваетъ нашъ критикъ. Двоякое начертаніе *миръ* и *міръ* въ двухъ разныхъ значеніяхъ слова въ сущности конечно не необходимо, но оно такъ укоренилось, что стараться изгнать его было бы напраснымъ трудомъ. Такого рода ороографическія мудрованія есть во всѣхъ языкахъ. У нѣмцевъ ихъ множество (напр. das и daß, wider и wieder). У французовъ, напротивъ,—масса такихъ словъ, которыя различать въ правописаніи непремѣнно нужно по причинѣ различнаго ихъ происхожденія и состава. Понятно, какая путаница происходила бы у нихъ на письмѣ, если бъ они стали писать одинаково, напр., всѣ разнозначащія слова, произносимыя какъ san (cent, sang, sans, sens) и sin (cinq, saint и проч.).

Разбирать разсужденія брошюры по поводу замѣчаній объ удвоеніи согласныхъ опять отказываюсь, видя, что пониманіе физіологіи звуковъ, необходимое для оцѣнки этихъ замѣчаній, совершенно чуждо автору, какъ уже и выше легко было заключить изъ его отзыва о новыхъ терминахъ во вступительной части руководства.

Оставляя въ сторонѣ нѣсколько отдѣльныхъ словъ, которыя войдутъ въ помѣщаемый ниже особый списокъ, нахожу не лишнимъ разъяснить г-ну Д. одно указываемое имъ мнимое противорѣчіе. Ему кажутся несогласимыми слѣдующія два положенія: «Мы должны дорожить всякимъ имѣющимся у насъ средствомъ нашей азбуки, чтобы въ возможной точности передавать начертаніе иноязычныхъ словъ» (стр. 71) и другое: «мы не обязаны примѣняться къ тонкостямъ иностраннаго произношенія» (стр. 73). Въ первомъ случаѣ рѣчь идетъ о *формѣ* словъ, во второмъ о ихъ *произношеніи:* это два совершенно разныя понятія. Возьмемъ для примѣра имя острова Ösel или французскаго города Eu: если мы по-русски напишемъ «Эзель» или «Э», то гласный звукъ подлинныхъ именъ останется неизвѣстнымъ, и можетъ произойти смѣшеніе ихъ съ нѣм. Esel (оселъ) и съ названіемъ принадлежащаго Франціи острова Aix (Э); но если

мы употребимъ введенную недавно въ московской печати букву ӭ [1]), то всякій сколько-нибудь знакомый съ языками нѣмецкимъ и французскимъ пойметъ, что тамъ въ составъ этихъ именъ входятъ гласныя Ö и Eu: такимъ написаніемъ мы, при недостаточности нашей азбуки, сдѣлаемъ все что можемъ, чтобы дать понятіе о *формѣ* подлинныхъ названій. Но это не обязываетъ насъ *произносить* ихъ такъ, какъ произнесетъ ихъ нѣмецъ или французъ. Въ приведенныхъ двухъ положеніяхъ я имѣлъ въ виду особенно разницу между собственными именами и нарицательными. Всего нужнѣе означать съ возможною точностью форму иностраннаго имени *собственнаго*, потому что иначе трудно угадать его и легко смѣшать одно имя съ другимъ. Мы пишемъ: *Бэръ*, *Тэнъ*, чтобы показать, что въ этихъ именахъ *э* не сжатое, а открытое (нѣм. ä, фр. ai): въ нарицательныхъ же именахъ *тема*, *меръ*, произносимыхъ такимъ же образомъ, не находимъ это нужнымъ.

Читатель, имѣвшій терпѣніе внимательно прослѣдить этотъ разборъ замѣчаній г-на Д., легко могъ убѣдиться, насколько они, за весьма немногими исключеніями, безпристрастны и справедливы.

Если невѣрны въ значительномъ большинствѣ частныя замѣчанія брошюры, то могутъ ли быть вѣрны и выводы ея, изложенные въ многословномъ «заключеніи», представляющемъ смѣсь громкихъ фразъ съ самыми сбивчивыми понятіями и явными противорѣчіями. Было показано, какіе съ виду серіозные вопросы, по мнѣнію критика никѣмъ еще не затронутые и ожидающіе рѣшенія, онъ ставилъ на 1-й страницѣ своей брошюры. Въ концѣ же самъ онъ пытается ихъ рѣшить, но рѣшаетъ такъ, что изъ его разсужденій трудно извлечь какую-нибудь опредѣленную мысль, кромѣ развѣ требованія какой-то строго установленной системы въ примѣненіи фонетическаго начала, — требованія, несостоятель-

---

[1]) Раціональность этой буквы вытекаетъ прямо изъ существованія ё: какъ йотованному *е* отвѣчаетъ нейотованное *э*, такъ и буква *ё* должна имѣть соотвѣтствующую ей нейотованную ӭ для множества иностранныхъ именъ, которыхъ мы безъ этой послѣдней не можемъ и приблизительно передать на письмѣ.

ность котораго выше была уже выяснена. Автору и тутъ все еще непонятно, что фонетическое начало беретъ верхъ надъ этимологическимъ только въ силу несогласія между словопроизводствомъ и произношеніемъ (когда иначе письмо, по словамъ Ломоносова, слишкомъ удалялось бы отъ чистаго выговора): случаи эти давно опредѣлены обычаемъ, но впредь могутъ явиться еще и другіе [1]). Повидимому, самъ г. Д. сознаетъ это: «Съ давнихъ поръ», говоритъ онъ, «русская живая рѣчь широкою струею вливалась въ книжную, вытѣсняла формы рѣчи литературной... Вторженіе живой рѣчи въ книжную равно ощутительно и въ настоящее время. Вотъ новое начало, — начало живой народной общерусской рѣчи, — иначе *фонетическое*, займетъ подобающее мѣсто въ нашемъ письмѣ». Послѣ этого какъ не подивиться, встрѣтивъ на слѣдующей стран. такія строки: «Но когда же и гдѣ правописаніе можетъ опираться на говоръ, на произношеніе? Въ какихъ случаяхъ оно можетъ подкрѣплять себя, ссылаясь на *фонетику*?» Въ отношеніи къ живой рѣчи народа критикъ нашъ не признаетъ существованія одного господствующаго нарѣчія, служащаго главнымъ источникомъ образованнаго или литературнаго языка: московское нарѣчіе, по его мнѣнію, не болѣе какъ областной языкъ, мѣстный говоръ; откуда же взять требуемое имъ общерусское фонетическое начало, этого онъ не объясняетъ. Изъ сопоставленія разныхъ мѣстъ вступленія и заключенія брошюры подтверждается замѣченное уже выше, что авторъ вовсе не отличаетъ, съ одной стороны, понятія о книжной рѣчи отъ понятія объ этимологическомъ письмѣ, а съ другой понятія о живомъ языкѣ отъ понятія о письмѣ фонетическомъ. Любопытно рекомендуемое авторомъ въ самомъ концѣ брошюры «уставщикамъ правописанія»(!) средство «создать систему право-

---

[1]) Здѣсь фонетическое письмо принимается въ смыслѣ противоположномъ этимологическому. Въ сущности же множество словъ русскаго языка представляютъ на письмѣ соединеніе фонетическаго начала съ этимологическимъ: они пишутся согласно съ словопроизводствомъ и произносятся совершенно такъ, какъ пишутся.

писанія, примѣнимую для нашего времени» (вмѣсто нынѣшней, никуда не годной?). Исполненіе этой трудной задачи, по его словамъ, «значительно будетъ облегчено работами, мнѣніями, взглядами представителей науки, какъ прежнихъ, много трудившихся, такъ и нынѣ трудящихся надъ уясненіемъ формъ языка; притомъ должно быть обращено вниманіе на голосъ современной литературы въ лицѣ лучшихъ ея представителей, между которыми есть лица высоко и научно образованныя, — наконецъ и голосъ народа — это фонетическое начало, но не областное, не мѣстное, а общерусское, долженъ быть принятъ во вниманіе». Въ своемъ усердіи отыскивать въ нашемъ трудѣ одни несовершенства г. Д. не замѣтилъ, что именно всѣ эти матеріалы для рѣшенія нашей задачи и были у насъ въ виду. Прекращеніе «орѳографической распри»(?), о которомъ онъ мечтаетъ, возможно уже и теперь, если каждый пишущій не будетъ настаивать на исключительномъ превосходствѣ своего письма, если каждый преподаватель будетъ руководиться не самолюбивымъ стараніемъ охранять свое личное правописаніе, а разумнымъ желаніемъ способствовать къ установленію единообразія въ этомъ дѣлѣ.

Изъ самой формы вопроса, поставленнаго въ заглавіи брошюры г-на Д., легко угадать выводъ нашего критика. На чемъ же основывается его отрицательный выводъ?

Всякій, кто безпристрастно отнесется къ нашему руководству, можетъ засвидѣтельствовать, что въ сущности оно заключаетъ въ себѣ очень немного такого, что несогласно съ общеупотребительнымъ правописаніемъ. Слѣдовательно вопросъ о примѣнимости нашей книги къ практикѣ сводится, собственно говоря, къ другому вопросу: возможно ли на практикѣ существующее нынѣ русское правописаніе? Отвѣтомъ на это служатъ сотни и тысячи книгъ, періодическихъ изданій и дѣловыхъ бумагъ, непрерывно выходящихъ изъ-подъ пера русскихъ людей. Наше руководство не что иное какъ краткій сводъ правилъ и фактовъ современной русской орѳографіи, поясняющій то, что въ ней правильно, исправляющій вкравшіяся въ нее невѣрности,

наконецъ, предлагающій весьма немногія измѣненія, которыя, какъ мы смѣемъ надѣяться, найдутъ себѣ оправданіе въ будущемъ.

Впрочемъ, я далекъ отъ мысли, чтобы въ составленномъ мною руководствѣ не было недостатковъ и слабыхъ сторонъ. Они были тѣмъ болѣе неизбѣжны, что русская грамматика еще далеко не окончательно разработана, и многое приходилось рѣшать въ первый разъ. Давно извѣстно, что несовершенство есть удѣлъ всякаго человѣческаго труда. Въ числѣ высказанныхъ разными лицами замѣчаній, требующихъ того или другого улучшенія въ нашей книгѣ, были конечно и весьма дѣльныя заявленія, за которыя не могу не быть признательнымъ, хотя и жаль, что къ нѣкоторымъ изъ нихъ примѣшивалось какое-то безотчетно враждебное чувство къ академіи. Но каково бы ни было несовершенство нашего руководства, мы не можемъ отказаться отъ сознанія, что здѣсь въ первый разъ современное русское правописаніе разсмотрѣно съ надлежащею полнотой и отчетливостью, и что сами тѣ, которые мелочною критикой стараются умалить значеніе этого труда, ему же обязаны наведеніемъ на многіе вопросы, до сихъ поръ остававшіеся незатронутыми въ изученіи русскаго языка.

ЗАМѢЧАНІЯ О НѢКОТОРЫХЪ ОТДѢЛЬНЫХЪ СЛОВАХЪ.

Изъ множества замѣчаній, доставленныхъ мнѣ частнымъ образомъ или напечатанныхъ въ разныхъ изданіяхъ, даю здѣсь объясненія только по тѣмъ, которыя казались мнѣ заслуживающими болѣе вниманія. Изъ остальныхъ нѣкоторыя будутъ приняты въ соображеніе при пересмотрѣ справочнаго указателя къ руководству.

Абониментъ. Такъ въ акад. словарѣ и у Даля, сходно съ произношеніемъ, несмотря на фр. abonnement. На томъ же основаніи и *аккомпаниментъ*. См. выше, стр. 25.

Алфавитъ. Нашу латинскую приписку alphabetum неизвѣстный критикъ замѣняетъ греческою *ἀλφάβητον*, но, сколько извѣстно, этого названія азбуки у самихъ Грековъ не было: оно позднѣе появилось въ латинской письменности. По крайней мѣрѣ, въ греческихъ словаряхъ его нѣтъ.

Безменъ. Г. Соболевскій[1]) полагаетъ, что *обычное* (будто-бы) правописаніе «безмѣнъ» вполнѣ правильно и заслуживаетъ предпочтенія. Сколько я могъ замѣтить, пишутъ большею частью согласно съ моимъ правописаніемъ: въ академическомъ словарѣ 1847 года, въ Толковомъ словарѣ Даля и во всѣхъ русскихъ словаряхъ, находящихся у меня подъ рукою, я нахожу *безменъ*. Такъ какъ *е* и *ѣ* произносятся совершенно одинаково, то въ звуковомъ отношеніи оба начертанія безразличны, но по несомнѣнно

---

[1]) См. *Русскій Филолог. Вѣстникъ* 1885, № 3.

чужеязычному происхожденію этого слова буква *ѣ* въ немъ неумѣстна.

Благодарствуй. Г. Малорошвиловъ замѣчаетъ, что это не повелит. форма: она сокращена изъ полной формы изъявит. накл. *благодарствуешь,—ете*, въ доказательство чего онъ приводитъ стихъ изъ Онежскихъ былинъ Гильфердинга:

Благодарствуешь Илья да сынъ Ивановичъ,
Збавилъ насъ отъ смерти отъ напрасныя.

Это объясненіе не уничтожаетъ сказаннаго мною, что общеупотребительное выраженіе «благодарствуй, благодарствуйте» неправильно.

Болѣ, менѣ. Г. Соболевскій ошибается, считая написаніе этихъ словъ съ окончаніемъ *е* общепринятымъ, и приписываетъ мнѣ странное мнѣніе, будто архаическія формы *боле*, *мене* суть формы сокращенныя изъ *болѣе*, *менѣе*. Я говорилъ о нынѣшнихъ начертаніяхъ *болѣ*, *менѣ*, которыя дѣйствительно въ пониманіи большинства пишущихъ являются сокращеніями полныхъ русскихъ формъ. «По общей формѣ сравнительной степени», сказано мною, «мы пишемъ: *болѣе*, *менѣе*, тогда какъ въ древнемъ языкѣ имѣлись только формы *боле*, *мене*; но наши новѣйшія формы окончательно утверждены употребленіемъ, и въ сокращенномъ видѣ (преимущественно въ стихахъ) пишутъ: *болѣ*, *менѣ* (*Филологическія Разысканія*[3], I, 352). Это правописаніе признаетъ и г. Буслаевъ. «Мы пишемъ, говоритъ онъ, *ѣ* вм. *е* въ формахъ сравнит. степени: *болѣе* (и усѣченно *болѣ*), *менѣе* (и усѣченно *менѣ*) вм. ц.-сл. **болѥ, мьнѥ**» и т. д. (*Ист. Гр.* I, 35). Одинъ критикъ осуждаетъ начертаніе **боле** (вм. **болѥ**), но справка съ словаремъ Миклошича убѣдила бы его, что это написаніе часто встрѣчается въ древнихъ памятникахъ. Относительно «тяжеле» я согласенъ, что это особая форма, независимая отъ *тяжелѣе* (какъ *дешевле*, *шире*). Павскій пишетъ *тяжеле*; у Даля въ окончаніи этого слова то *ѣ*, то *е*.

Бренчать. Неизвѣстный критикъ считаетъ это слово заимствованнымъ съ польскаго (brzęczyć) и отвергаетъ сближеніе его съ цсл. **бржцати** по той причинѣ, что носовыя гласныя у насъ утратили носовой призвукъ. Можетъ-быть, и дѣйствит. русское слово польскаго происхожденія, но цсл. форма приведена мною только какъ первообразъ нашего глагола, объясняющій происхожденіе въ немъ носового звука.

Ветчина. Написаніе «вядчина» предлагалось мною вовсе не потому, что я будто бы производжу это слово съ польскаго, какъ утверждаетъ г. Д., а въ силу значенія общеславянскаго корня *вяд*, появляющагося, между прочимъ, и въ русскомъ словѣ *вя*(д)*лить* (вяленая рыба). Дѣло шло объ исправленіи важнаго нарушенія этимологіи. Подробное изслѣдованіе мое о томъ появится въ Archiv für slavische Philologie; здѣсь же я замѣчу только, что производить *ветчина* отъ *ветхій* на основаніи встрѣчающихся въ *Домостроѣ* формъ «ветчина, ветшина» несправедливо, потому, во 1-хъ, что слово это не означаетъ *стараго* мяса и притомъ прилаг. *ветхій* значитъ *старый* только съ извѣстнымъ опредѣленнымъ оттѣнкомъ, который вовсе не подходитъ къ понятію о мясѣ, и во 2-хъ, что въ названіи *свѣжина*, противополагаемомъ слову *ветчина*, понятіе свѣжести разумѣется только въ томъ смыслѣ, что это не соленое и не копченое мясо.

Недавно появилось еще третье мнѣніе о производствѣ слова *ветчина*. Г. Соболевскій въ *Р. Филол. Вѣстникѣ* высказалъ догадку, что оно происходитъ отъ латыш. (впрочемъ мало достовѣрнаго) слова weksis, ein Halbschwein, которое даетъ ему поводъ предположить вышедшее изъ употребленія существительное *вечька* или *вечьца* и изъ него образовать древнюю форму *вечьчина*. Такое толкованіе едва ли требуетъ серіознаго опроверженія. Производство отъ корня *вяд* не допускается г. Соболевскимъ особенно на томъ основаніи, что мы называемъ ветчиною не всякое вяленое или копченое мясо, а исключительно мясо свиного окорока; но при этомъ онъ забываетъ, что то же мы ви-

димъ и въ другихъ языкахъ: такъ нѣм. Schinken, фр. jambon и русское *окорокъ*, означающія вообще извѣстную часть ноги и бедра животныхъ, употребляются только въ примѣненіи къ свиной тушѣ; точно такъ же и италіанское prosciutto, имѣющее вообще значеніе вяленаго мяса, говорится только о свиномъ мясѣ: какъ по своему производству отъ sciugare, сушить, вялить, такъ и по значенію, оно вполнѣ соотвѣтствуетъ русскому «вядчина». (См. выше стр. 10).

Взбалмошный. Такъ какъ это слово дѣйствительно далеко отступило отъ первообразнаго *баломутить* и притомъ имѣется существит. *взбалмошь*, то, согласно съ предложеніемъ г. Смирнова, есть основаніе измѣнить въ прилагательномъ *ч* на *ш*.

Вожжа. Неизвѣстный критикъ опровергаетъ это правописаніе на томъ основаніи, что за *вожжи* не водятъ и что изъ *д* двойнаго *ж* не бываетъ. Въ 1-мъ изданіи руководства было написано *возжа* въ предположеніи родства этого слова съ гл. *возить*, но я не могъ не уступить мнѣнію, сближающему это существит. съ словомъ *поводъ*, съ малор. *вижжи*, *вижки* и съ бѣлор. *вожки*. Въ Арханг. губ. вожжа въ оленьей упряжи называется *вожъ*. Переходъ *д* въ *ж* дѣло обычное, а удвоеніе этой шипящей могло быть вызвано такою же особенностью произношенія, какое въ Сѣверной Россіи слышится, напр., въ словѣ *дрож(ж)ать*.

Вотрушка. Вопросъ о происхожденіи этого слова и слѣдовательно о гласной въ первомъ слогѣ остается нерѣшеннымъ; но я положительно отвергаю повторяемое нерѣдко толкованіе, будто слово это образовано, посредствомъ перестановки звуковъ, изъ «творожка» или «творужка». Кто произноситъ *творогъ*, тотъ такъ же легко произносилъ бы «творожка» и не имѣлъ бы надобности въ перестановкѣ звуковъ своего роднаго и всѣмъ понятнаго слова. Притомъ не вездѣ въ Россіи вотрушки пекутся съ творогомъ. Производство отъ серб. и морав. *ватра* (огонь, очагъ) считаю сомнительнымъ: этого слова нѣтъ въ русскихъ нарѣчіяхъ, и потому трудно представить себѣ, чтобы отъ него въ уменьшительной формѣ назвалось у насъ печенье, неизвѣстное

подъ этимъ названіемъ у тѣхъ народовъ, которые имѣютъ слово *ватра*.

Вслѣдствіе. Въ теченіе, въ продолженіе. Одинъ изъ преподавателей, доставившихъ мнѣ свои замѣтки, находилъ въ этихъ двухъ различныхъ способахъ письма доказательство непослѣдовательности и недостатка системы. Тутъ опять забыто принятое нами правило держаться по возможности общаго или по крайней мѣрѣ наиболѣе распространеннаго обычая, когда въ немъ нѣтъ положительной неправильности. Во 2-мъ изданіи *Филол. Разысканій* я писалъ *въ слѣдствіе,* но почти нигдѣ въ печати не встрѣчалось это раздѣльное написаніе, тогда какъ видѣть словà «втеченіе, впродолженіе» слитно написанными случается очень рѣдко, и не безъ основанія: въ нихъ существительное иногда отдѣляется отъ предлога опредѣленіемъ, напр. *во все продолженіе.*

Гостиный, гостиница. По мнѣнію *Р. Фил. Вѣстника*, обычное правописаніе въ обоихъ этихъ словахъ требуетъ удвоенія *н*. Во второмъ изъ нихъ, дѣйствительно, почти всѣ пишутъ по произношенію два *н*, но въ прилагательномъ *гостиный* рѣдко кто позволитъ себѣ это удвоеніе, которое и въ живой рѣчи далеко не всегда слышится: тутъ слишкомъ ясно чувствуется суффиксъ *иный*, служащій къ образованію прилагательныхъ отъ названій многихъ животныхъ: *орлиный*, *лебединый*, *голубиный*, *львиный*, *соловьиный* и т. п. Образованное по тому же типу слово *гостиный* является въ этой именно формѣ и въ словаряхъ нашихъ. Вотъ почему и начертаніе *гостиница* должно быть признано правильнымъ: нѣкогда писали «истинна» (сущ. имя), но эта ороографія давно уже оставлена.

Грести. Отвергая, чтобы въ этой формѣ *с* явилось взамѣнъ *б*, неизвѣстный критикъ замѣчаетъ: «Любопытно было бы узнать, какъ академія образуетъ неопредѣл. накл. соверш. вида отъ *погребать*». Это сказано конечно въ увѣренности, что предполагаемая форма возможна только съ сохраненіемъ *б*. Между тѣмъ уже и въ др. слав. мы находимъ ее въ трояком видѣ: **погрєбѣсти, по-**

*

грести и **погрети** (иногда съ буквою ѣ). Первыя двѣ формы (съ исключеніемъ *еря* послѣ *б*) занесены и въ русскіе словари. Академическій приводитъ слѣдующій примѣръ изъ *Актовъ Археогр. Экспед.* (IV, 75): «велѣлъ его митрополита погресть». Въ неопр. накл. гл. *скрести*, *скресть* звукъ *б* совсѣмъ не является.

Деревяжка. Г. Соболевскій полагаетъ, что слово *деревяга*, отъ котораго я (вмѣстѣ съ Павскимъ) произвожу это уменьшительное, не существуетъ; но оно есть и въ академическомъ словарѣ и у Даля, хотя въ нѣсколько иномъ значеніи и хотя кромѣ его въ обоихъ словаряхъ находится и «деревяшка» съ буквою *ш*. Родительный падежъ множ. *деревяшекъ*, казалось мнѣ, не можетъ служить доводомъ противъ принятой мною орѳографіи, потому что есть и другіе примѣры неправильнаго произношенія шипящихъ въ производныхъ словахъ: такъ отъ сущ. *армякъ* произведено прилагательное *армяжный* вмѣсто «армячный». Формы «деревяха» мы нигдѣ не находимъ; къ суффиксу же *яга* (*ага*) Павскій относитъ довольно много словъ, и при имени *деревяга* ставитъ въ скобкахъ *деревяжка* (*Фил. Набл.* Разсужд. II, стр. 61).

Забіяка. По мнѣнію неизвѣстнаго критика, этого слова нельзя сближать съ гл. *забить*: оно де взято цѣликомъ изъ польскаго. Но въ польскомъ этому слову соотвѣтствуетъ zawadjaka, а болѣе близкое къ нашему zabojca значитъ убійца. Невѣрно и другое утвержденіе критика, будто *і* передъ гласнымъ всегда переходитъ въ *ь*, какъ доказываютъ слова: *піявка*, *піявица*, *сіяніе*, не говоря о тѣхъ, которыя употребительны только въ литературномъ языкѣ.

За границей. Повторю здѣсь то, что при другомъ случаѣ было сказано мною противъ образованія существительнаго «заграница»: «Вопросъ въ томъ, можно ли изъ адвербіальныхъ реченій: *за границу*, *за границей* образовать существительное *заграница*. Это все равно какъ если бы, напримѣръ, изъ реченій: *со временемъ*, *за рѣкой*, *втайнѣ*, *снаружи* образовать имена: «завремя», «зарѣка» (вмѣсто «зарѣчье») и т. п. При существованіи имени «заграница» пришлось бы уже говорить: «онъ ѣдетъ въ заграницу», «онъ живетъ въ заграницѣ». Прибавлю, что оспари-

ваемое мною слово произошло вѣроятно отъ дурно понятаго выраженія *изъ-за границы*, въ которомъ вмѣсто трехъ словъ увидѣли два: предлогъ *изъ* и имя *заграница*. Точно такъ можно бы, пожалуй, изъ выраженій: *изъ-за угла*, *изъ-за стола* образовать существительныя: «зауголъ, застолъ»!

Изьянъ. Въ этимологическомъ словарѣ Рейфа это слово произведено отъ персидскаго ziiân, зн. détriment, вредъ, ущербъ. Для объясненія словъ, заимствованныхъ изъ восточныхъ языковъ, Рейфъ пользовался указаніями тогдашнихъ оріенталистовъ нашихъ, особенно Шармуа, и въ большей части случаевъ ихъ толкованія оказываются вѣрными. Приведенное слово и по значенію и по созвучію весьма близко къ персидскому. Впрочемъ за сохраненіе въ немъ *еря* я особенно не стою́.

Калачъ. Хотя мною и приведена эта форма какъ наиболѣе употребительная (чего нельзя отрицать), но при ней какъ въ текстѣ, такъ и въ указателѣ замѣчено, что по производству (отъ *коло*) слѣдовало бы писать: *колачъ*. Въ главныхъ словаряхъ нашихъ вторая форма только допускается, но предпочтено правописаніе съ гласною *а*.

Капетолина. Г. Смирновъ предпочитаетъ написаніе «Капитолина», которое онъ нашелъ въ слав.-рус. святцахъ, но я держался подлинной греческой формы Καπετωλῖνα, принятой и въ извѣстномъ мѣсяцесловѣ протоіерея Вержинскаго (см. Pape's Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Braunschweig 1875, стр. 617).

Колодецъ. Почему слово *колодецъ* испорчено? спрашиваетъ г. Д., и приходитъ къ заключенію, «что слово колодезь, а не колодецъ испорчено». Это доказываетъ, что ему неизвѣстна первоначальная цсл. форма **кладѧзь**, о которой Миклошичъ въ своемъ словарѣ замѣчаетъ, что изъ окончанія **ѧзь** видно ея иноязычное происхожденіе (peregrinum esse arguit syllaba finalis **ѧзь**). Естественно, что для русскихъ этотъ суффиксъ былъ непонятенъ и что они въ такомъ общеупотребительномъ словѣ замѣнили его своимъ *ецъ*, точно такъ, какъ болгары изъ **кладѧзь** образовали

кладенец, а сербы *кладенац*. У насъ форма *колодецъ* давно уже пріобрѣла право гражданства, но она не успѣла вполнѣ вытѣснить первоначальную (колодезь).

Кропива. Крапива? Въ акад. словарѣ допущены обѣ формы; но въ цсл. (Сл. Вост. и Микл.) кропива. Шимкевичъ замѣчаетъ, что въ слав. нарѣчіяхъ корень *кроп* выражаетъ два понятія: о капельномъ видѣ жидкости и о большой теплотѣ: кропива жжетъ, и отъ этого же понятія заимствовано ея латинское названіе. Ср. малор. окропъ, окрипъ, зн. горячая вода, поль. ukrop=кипятокъ. Павскій говоритъ: «*Кропива* значитъ жгучая трава и происходитъ отъ затеряннаго гл. *кропить* (жечь, горѣть, грѣть), какъ лат. urtica отъ uro, жгу. Съ корнемъ *кроп*, прибавляетъ онъ, ср. наши стар. *кропъ*, горячая вода, и *укропникъ*, сосудъ съ горячею водою (*Филол. Набл.* II, 53).

Леса. Во всѣхъ словаряхъ (какъ въ академическомъ) мы находимъ это слово или исключительно въ приведенной формѣ, или по крайней мѣрѣ оно поставлено тамъ на первомъ мѣстѣ (какъ у Даля). Не знаю, почему г. Соболевскій считаетъ его родственнымъ съ общеславянскимъ *лѣсъ*, когда *леса* не имѣетъ никакого отношенія къ дереву и означаетъ длинную нить у удочки. Скорѣе можно сблизить это слово съ лат. licium, нѣм. Litze = нить, шнурокъ.

Лизанька. Въ этомъ начертаніи я послѣдовалъ Павскому (*Филолог. Набл.* II, 216), который такъ пишетъ въ виду того, что отъ имени *Лиза* не образуется уменьшительное первой степени (Лизя). Можно согласиться, что предлагаемая г. Соболевскимъ форма *Лизонька*, по ея аналогіи съ *березонька*, была бы правильнѣе, но прежняя (какъ и *лисанька* отъ *лиса*), имѣя за себя силу привычки, едва ли уступитъ ей мѣсто.

Мачеха. Здѣсь предпочитаю правильную форму обычной «мачиха» потому, что отъ *мать* послѣдняя не могла образоваться: суффиксъ *иха* служитъ только къ образованію женскихъ именъ отъ мужскихъ: *волчиха* отъ *волкъ*, *зайчиха* отъ *заяцъ*, *ослиха*, *слониха*, *купчиха*, *шутиха*, *щеголиха*, *подьячиха*, *повариха*, *двор-*

ничиха, *кузнечиха*, *мельничиха*, *старостиха* и др. Имя *мачеха*, по образованію, подходитъ къ слову *тетеха*. Приводимые г. Смирновымъ имена: *чудиха*, *облѣпиха*, *обнесиха* и пр. принадлежатъ, по своему производству, къ совершенно другому порядку словъ и не идутъ въ сравненіе съ *мачеха*.

Не что иное. Въ защиту начертанія *ничто иное* проф. Смирновъ приводитъ фразу, гдѣ эти слова стоятъ въ родительномъ падежѣ: «ничего иного *не* вижу». Но онъ не замѣтилъ, что въ послѣднемъ случаѣ два отрицанія. Я самъ признаю правильною форму *ничто* въ такомъ выраженіи: «Это *не* было *ничто* иное», но я противъ ея употребленія въ утвердительномъ предложеніи: «это *было ничто* иное». Тутъ, по-моему, слѣдуетъ писать: «это было *не что* иное».

Побѣдить; побѣжду́. По увѣренію нѣкоторыхъ должно говорить *побѣжу*. Однакожъ и Павскій принимаетъ формы: *награжду*, *огражду*, *убѣжду*, такъ же какъ: *возвращу*, *запрещу*, *посѣщу* отъ возвратить, запретить, посѣтить. (Разсужд. III, § 82).

Псалтирь. По мнѣнію нѣкоторыхъ, жен. рода, а не муж., какъ показано мною согласно съ словарями Миклошича и академическимъ; въ послѣднемъ приведено извѣстное выраженіе 32 псалма: «во псалтири десятоструннѣмъ». Но при формѣ *псалтырь* ак. словарь означаетъ ж. р. Даль при обѣихъ этихъ формахъ ставитъ: *об.* (общаго р.), т. е. считаетъ правильнымъ употреблять слово это и въ м. и въ ж. родѣ. Трудно, дѣйствительно, указать основаніе для предпочтенія того или другого.

Поздо. Я только указалъ на фактъ неупотребительности этой формы въ литературномъ языкѣ, предпочитающемъ *поздно*; но согласенъ, что обѣ формы равно законны. Первая тѣмъ только въ менѣе выгодномъ положеніи, что не имѣетъ соотвѣтственнаго прилагательнаго, ни полнаго, ни краткаго.

Постила или **пастила.** Я самъ прежде производилъ это слово отъ глагола *стлать*, но впослѣдствіи такое производство показалось мнѣ неправдоподобнымъ, какъ въ филологическомъ, такъ и въ техническомъ смыслѣ. То, что это названіе встрѣчается

уже въ памятникахъ XVI столѣтія, не можетъ служить доказательствомъ противъ его иностраннаго происхожденія. Сношенія Москвы съ Италіею начались еще во второй половинѣ XV вѣка. Сходство нашего слова со стариннымъ италіанскимъ pastiglia (произн. пастилья=тѣсто на фруктовомъ сокѣ) поразительно. Не даромъ акад. словарь допускаетъ и форму *пастила*. Даль, принявъ также обѣ формы, сближаетъ слово это съ лат. pasta, pastillum.

Потчевать. Встрѣчающаяся издавна въ русскихъ памятникахъ форма «потчиваю» могла произойти отъ неумѣнія обращаться съ глаголомъ такого чуждаго русскому языку образованія (см. мои *Филологическія Разысканія*[3], II, 504). Всякій, кто внимательно прочтетъ замѣтку Срезневскаго[1]), увидитъ, что онъ приходитъ къ двоякому выводу и что въ первой половинѣ своего изслѣдованія онъ совершенно согласенъ со мною, принимая форму *потчевать* и отвергая *потчиваю*.

Пѣсенникъ и **пѣсельникъ**. По академическому словарю и по Далю, *пѣсенникъ* употребляется въ двоякомъ значеніи и сборника пѣсенъ, и лица поющаго въ хорѣ, *пѣсельникъ* же только во второмъ значеніи. Установленіе такого различія въ формѣ слова, имѣющаго двоякій смыслъ, можетъ иногда быть полезнымъ для ясности рѣчи.

Редижировать. Нѣкоторые защищаютъ употребительную, но совершенно ошибочную форму «редактировать», которая никакъ не могла образоваться изъ сущ. *редакторъ*. Понятно, что изъ франц. inspecter, черезъ посредство нѣмецкаго inspektieren, могъ произойти глаголъ *инспектировать*, но чѣмъ оправдать *редактировать*? По этому образцу надобно бы говорить и «директировать» вмѣсто *дирижировать*. Не все, что вошло въ употребленіе, можно поддерживать. Петербургскіе лакеи и няньки ввели между прочимъ обычай говорить *одѣвать* (напр. пальто) вм. *надѣвать*. Неужели и это позволительно?

---

[1]) *Извѣстія* II-го Отд. Ак. Н., т. VII, вып. 3.

Снитокъ. Очень странно, что г. Смирновъ присоединяется къ Далю въ производствѣ этого слова отъ *снѣдь*. Такъ какъ и другая рыба употребляется въ пищу, то спрашивается: почему же именно снитки получили свое названіе отъ этого признака? Напоминаю и здѣсь старинную форму *снитейный*, занесенную въ акад. словарь съ слѣдующую ссылкой: «Да на Новосѣчи противо березы полтони снитейная, да подъ боромъ тоня сиговая» (*Акты Археогр. Экспед.* III, 157). Названіе *снитки* принадлежитъ къ числу рѣдко встрѣчающихся въ литературномъ языкѣ словъ, которыхъ правописаніе потому и не установилось. Даль принимаетъ три написанія: *снетокъ*, *снѣтокъ* и *снятокъ*. Въ акад. словарѣ находимъ только послѣднее. Не основывается ли оно на народной этимологіи? У этой рыбки нижняя челюсть длиннѣе верхней, у которой частичка какъ будто *снята*. Но нѣм. Stint, лит. stinta, поль. stynka заставляютъ предполагать близкую къ этому составу форму нашего слова съ перестановкою согласныхъ и съ гласною *и*.

Творогъ. Такъ это слово записано въ академ. словарѣ и у Даля, который рядомъ ставитъ *твóрогъ*. Г. Смирновъ въ пользу *а* въ первомъ слогѣ приводитъ, что у всѣхъ западн. славянъ «тварогъ», но съ западными слав. нарѣчіями мы относительно гласныхъ нерѣдко бываемъ въ прямомъ противорѣчіи. Въ Россіи, замѣчаетъ критикъ, больше говорятъ «тварогъ»: да развѣ въ произношеніи акающихъ есть разница между неударяемыми *а* и *о*?

Тормозъ. На основаніи приведеннаго мною же греч. τόρμος, я согласенъ измѣнить принятое мною прежде правописаніе академическаго словаря съ буквою *а* во второмъ слогѣ, тѣмъ болѣе, что и въ печати обыкновенно встрѣчается написаніе *тормозъ*, *тормозить*.

Хрестоматія. Г. Смирновъ совѣтуетъ писать *христоматія*, т. е. держаться рейхлиновскаго произношенія, чтобы не порывать историческихъ связей съ византійской образованностію, а напротивъ дорожить ими. На этомъ основаніи слѣдовало бы намъ, пожалуй, возвратить и форму *піитъ* взамѣнъ общеевропейской *поэтъ*?

Примѣчаніе къ стр. 27—28.

Вотъ что писалъ Павскій въ самомъ началѣ 1840-хъ годовъ о глаголѣ *итти*:

«Есть у насъ одно неважное слово *итти*, которое приводитъ въ замѣшательство писателей и писцевъ, такъ что одни предлагаютъ писать *итти*, другіе *идти*... Я утверждаю, что корень слову *итти* не есть *ид*, а *и*, и слѣдовательно надлежало бы писать: *ити*, какъ и дѣйствительно пишется въ библейскихъ и церковныхъ книгахъ. Остатки стариннаго вѣрнаго правописанія есть у насъ и теперь въ словахъ: *найти*, *зайти*, *пойти* и пр. Правда, нѣкоторые изъ нынѣшнихъ мудрецовъ и правописателей налагаютъ руки и на эти немногіе остатки и пишутъ и печатаютъ: *найдти* и пр. Но большая и лучшая часть писателей стоитъ еще на вѣрной дорогѣ. Кромѣ доказательства, почерпаемаго мною изъ церковныхъ книгъ, я нахожу еще не менѣе твердое доказательство въ другихъ однородныхъ языкахъ, гдѣ существуетъ корень *и*. Напр. въ санскритскомъ *и-тум*, *ja-тумъ* (= и-ти отъ корня *и*); въ греч. ἰέναι; въ лат. i-re, i-vi, i-tum, повел. i. Ошибка, укоренившаяся въ нынѣшнемъ нашемъ правописаніи, безъ сомнѣнія произошла отъ недальновиднаго соображенія. Поелику глаголъ *и* употребляется у насъ въ одномъ только неопредѣленномъ наклоненіи, а въ другихъ наклоненіяхъ виденъ глаголъ *ид*, то и представилось, что *и* есть сокращенный *ид*. Нѣтъ, это суть два глагола совершенно различные, и только тѣмъ они сходны между собою, что имѣютъ одно значеніе и въ спряженіи служатъ дополненіемъ другъ другу. Одинъ изъ нихъ (*и*) у насъ не пошелъ далѣе неопредѣленнаго наклоненія, а другой (*ид*) взялъ на себя должность изображать настоящее время. Власть изображать прошедшее время оба они предоставили третьему *шед* (= лат. cedo). Отъ того и вышло составное спряженіе: *ити*, *иду*, *шелъ*.... Въ польскомъ языкѣ корень *ид* взялъ на себя обязанность изображать и неопред. наклоненіе, предоставленное у насъ корню *и*; за то онъ и преобразовался тамъ въ iść (= исть), подобно какъ *вед*, *сѣд* преобразуются въ *весть*, *сѣсть*. Изъ этого соображенія видно, что пишущіе *идти* поступаютъ вовсе противъ аналогіи. Другое правописаніе *итти* нѣсколько сноснѣе потому, что нынѣшній языкъ и въ другихъ случаяхъ рѣшился удвоять буквы вопреки древнему правописанію».

(*Филолог. Наблюденія* Павскаго I, 113—114).

Г. Буслаевъ смотритъ на этотъ глаголъ нѣсколько иначе: признавая также цел. *и-ти* первоначальною формой, онъ въ 3-мъ изданіи своей Историч. Грамматики оправдываетъ вошедшее въ употребленіе написаніе *идти* тѣмъ, что «русскіе грамматисты произвели неопредѣленное наклоненіе уже отъ настоящаго времени: *ид-ти*». Но спрашивается: имѣли ли русскіе грамматисты основаніе для такого производства, да и кто же они такіе? Гречъ и Павскій писали *итти*; Востоковъ говорилъ: «*Идти*, или *итти*, *иду* спрягается какъ *вести*, *веду*» и т. д.; онъ прибавлялъ, что

въ неопред. накл. коренная согласная *д* не превращается въ *с*, какъ у другихъ глаголовъ этого разряда, а «остается неизмѣнною (и*д*ти) или же въ *т* превращается (итти), а въ сложныхъ глаголахъ выкидывается послѣ *й*». Итакъ для согласованія формы *идти* съ формами: *войти, зайти, найти* Востоковъ и Буслаевъ должны были прибѣгнуть къ тому непослѣдовательному толкованію, что при сліяніи съ предлогами форма *идти* возвращается къ своему первоначальному виду *и-ти*: *за-й-ти*, *во-й-ти*, *у-й-ти*; къ чему г. Буслаевъ счелъ нужнымъ прибавить весьма важное, но къ сожалѣнію, нынче почти никѣмъ не соблюдаемое предостереженіе: «а не *за-йдти*, *у-йдти* и проч.»

(*Истор. Грамм.* Изд. 3-е Ч. I, § 88).

Вѣрнѣе было замѣчаніе г. Буслаева въ первыхъ изданіяхъ его грамматики. Тамъ сказано: «Нынѣ употребительная форма *и-д-ти* или *и-т-ти* образовалась не отъ настоящаго времени *и-ду*, а отъ усиленія древней формы *ити*, помощію удвоенія звука т.» Жаль только, что къ этому прибавлено: «перешедшаго, по сродству, въ *д* въ формѣ *идти*». По какому закону *т* могло тутъ перейти въ *д*, когда произношеніе вовсе не требовало этого? Явно, что основаніемъ послужила ошибочная этимологія— перенесеніе корня настоящаго времени въ неопред. наклоненіе.

(*Опытъ Истор. Грамм.* М. 1868. Ч. I, §§ 87 и 49).

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ:

СТР.	СТРОКА.	НАПЕЧАТАНО:	ДОЛЖНО БЫТЬ:
7	15 св.	*истинна*	*истина*
49	12 сн.	Вержинскаго	Вершинскаго

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ОТДѢЛЕНІЕ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

Сентябрь — декабрь 1883 г.

Доложено (3 сентября) о послѣдовавшей въ недавнее время кончинѣ двухъ членовъ-корреспондентовъ Отдѣленія: А. Е. Викторова въ Пятигорскѣ и И. С. Тургенева въ Парижѣ. Въ виду ожидаемаго общаго участія ученыхъ учрежденій въ отданіи послѣдней чести знаменитому русскому писателю, котораго погребеніе должно вскорѣ послѣдовать, всѣ наличные члены Отдѣленія выразили намѣреніе присутствовать на ономъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлено предложить въ Общемъ Собраніи, не будетъ ли сочтено приличнымъ, чтобы и отъ другихъ двухъ Отдѣленій были на погребеніи представители.

Читано отношеніе управляющаго Департаментомъ Народнаго Просвѣщенія на имя академика Грота съ препровожденіемъ присланнаго командированнымъ за границу магистромъ Владиміромъ Качановскимъ рукописнаго сборника памятниковъ болгарскаго народнаго творчества. По порученію Отдѣленія академикъ Ягичъ принялъ на себя трудъ разсмотрѣть этотъ сборникъ.

Академикъ Сухомлиновъ читалъ составленную имъ, по порученію Отдѣленія, записку о значеніи и дѣятельности Россійской Академіи. По выслушаніи этой записки Отдѣленіе просило Михаила Ивановича прочесть ее въ публичномъ засѣданіи, имѣющемъ быть 21-го октября въ воспоминаніе дня открытія Россійской Академіи сто лѣтъ тому назадъ. При этомъ же случаѣ положено объявить заключеніе коммиссіи, разсматривавшей труды представленные на второй конкурсъ Пушкинскихъ премій, о присужденіи медалей троимъ изъ постороннихъ рецензентовъ этихъ трудовъ: гг. Буличу, Алексѣю Н. Веселовскому и П. И. Вейнбергу.

Академикъ Гротъ доложилъ, что онъ приготовляетъ къ печати извлеченную изъ его «Филологическихъ Разысканій» справочную книгу по русскому правописанію, которую желаетъ сообщить на обсужденіе сочленовъ, съ тѣмъ чтобы по взаимномъ соглашеніи въ подробностяхъ, она могла быть издана отъ имени Отдѣленія. Положено приступить къ чтенію этого труда въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій.

Въ засѣданіи 27-го октября академикъ Гротъ доложилъ, что имъ отъ имени Отдѣленія разосланы благодарственныя телеграммы тѣмъ учрежденіямъ, которыя по случаю памятованія столѣтія Россійской Академіи почтили Отдѣленіе своими привѣтствіями, къ которымъ на другой день послѣ собранія присоединилась еще депеша отъ Этнографическаго и Антропологическаго Отдѣловъ московскаго Общества любителей естествознанія, подписанная ихъ предсѣдателями: Вс. Миллеромъ и Анат. Богдановымъ.

Читано полученное изъ Ростова (Ярослав. губ.) приглашеніе особой коммиссіи членамъ Отдѣленія прибыть туда на открытіе такъ называемой «Бѣлой Палаты», съ которымъ связано предположеніе учредить Музей церковныхъ древностей. Положено въ день открытія, 29-го октября, выразить коммиссіи сочувствіе Отдѣленія съ пожеланіемъ успѣха предпринимаемому дѣлу.

Академикъ А. Н. Веселовскій представилъ приготовленное имъ для печати продолженіе изслѣдованія его о русскихъ былинахъ, которое и положено напечатать въ Сборникѣ Отдѣленія.

По поводу предстоящихъ: 1) открытія въ Прагѣ 6 (18) ноября возобновленнаго народнаго театра, и 2) юбилея Миклошича въ денъ 8 (20) того же мѣсяца, когда ему исполнится 70 лѣтъ, положено отправить въ эти дни въ Прагу и въ Вѣну поздравительныя телеграммы отъ имени Отдѣленія.

Присутствовавшій въ засѣданіи Отдѣленія, по приглашенію онаго, академикъ А. А. Куникъ прочелъ составленную имъ записку объ изданіи краткаго алфавитнаго каталога книгъ на славянскихъ нарѣчіяхъ, имѣющихся въ I Отдѣленіи Библіотеки Академіи Наукъ Отдѣленіе вполнѣ одобривъ предположеніе А. А. Куника, опредѣлило: по изготовленіи имъ означеннаго каталога напечатать оный въ Сборникѣ и отдѣльно.

ПУБЛИЧНОЕ ЗАСѢДАНІЕ ОТДѢЛЕНІЕ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ 21 ОКТЯБРЯ 1883 ГОДА[1]).

Въ пятницу, 21-го октября, въ часъ по полудни, въ больш о конференцъ-залѣ Императорской Академіи Наукъ, въ воспоминан і дня открытія Россійской Академіи, состоялось въ присутствіи многочисленной публики торжественное засѣданіе Отдѣленія русскаго языка и словесности.

Въ этотъ день ротонда, у которой на нѣкоторомъ возвышеніи находятся мѣста президента, вице-президента и каѳедра, — была убрана рѣдкими образцами тепличныхъ растеній. Среди этой зелени на подставкахъ красовались бѣлыя мраморныя изваянія: Петра I, Екатерины II и Александра I. Портретъ Государя Императора Александра III Александровича находится на стѣнѣ, надъ мѣстами академиковъ, съ правой стороны отъ публики. Прочія стѣны украшены портретами прежде царствовавшихъ императоровъ и императрицъ. Вся зала была занята рядами креселъ и стульевъ. Въ часъ дня она была переполнена публикою обоего пола; очень много лицъ, за неимѣніемъ мѣстъ, стояло. Между высокопоставленными лицами находились: министръ Народнаго Просвѣщенія, статсъ-секретарь И. Д. Деляновъ, оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода К. П. Побѣдоносцевъ, адмиралъ С. А. Грейгъ, баронъ Николаи, тайные совѣтники: Н. И. Стояновскій, П. Н. Батюшковъ, И. П. Корниловъ и много другихъ знатныхъ особъ, какъ высшихъ военныхъ, такъ и гражданскихъ чиновъ.

Президентъ Императорской Академіи Наукъ, министръ Внутреннихъ Дѣлъ, графъ Д. А. Толстой занялъ свое президентское кресло. По правую его руку помѣстился вице-президентъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ В. Я. Буняковскій, по лѣвую — пред-

---

[1]) Перепечатывается изъ *Правительственнаго Вѣстника* 22-го октября, № 232.

сѣдательствующій въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности, Я. К. Гротъ. По обѣимъ сторонамъ президентскаго мѣста за столами размѣстились академики. Членъ Отдѣленія, академикъ М. И. Сухомлиновъ, взойдя на каѳедру, произнесъ слѣдующую

Рѣчь о дѣятельности Россійской Академіи.

Ровно сто лѣтъ тому назадъ основано учено-литературное общество, получившее знаменательное названіе *Россійской Академіи*. Учредительный актъ подписанъ императрицею Екатериною II 30-го сентября 1783 года; открытіе и первое собраніе Россійской Академіи происходило 21-го октября 1783 года. Смыслъ и дѣятельность каждаго учрежденія, имѣющаго разумное право на существованіе, опредѣляются тѣми условіями, среди которыхъ оно возникло и которыя, въ свою очередь, создаются умственною и общественною жизнію страны.

Учрежденіе Россійской Академіи не было простою случайностью. Оживленный разговоръ о русской литературѣ между двумя русскими писательницами — Екатериною II и княгинею Дашковою, былъ только ближайшимъ, внѣшнимъ поводомъ къ осуществленію того, что давно уже занимало умы образованнѣйшей части русскаго общества. Россійская Академія обязана своимъ существованіемъ возникшему у насъ стремленію къ поднятію уровня нашей образованности и къ развитію народнаго самосознанія. Въ основу Россійской Академіи положена цѣль просвѣтительная. *Просвѣщеніе*, какъ девизъ Академіи, символически изображалось въ видѣ *книги* на жетонахъ, раздаваемыхъ академикамъ послѣ каждаго засѣданія.

Понятіе *просвѣщеніе* весьма обширно, а потому и въ кругъ академическихъ занятій входили разнообразные предметы. Въ различные періоды своей дѣятельности, Россійская Академія такимъ образомъ опредѣляла предстоящіе ей труды и задачи: обогащеніе и очищеніе русскаго языка; составленіе русской грамматики, риторики и піитики; собираніе и изслѣдованіе русскихъ древностей; изученіе отечественныхъ лѣтописей: изданіе твореній знаменитыхъ русскихъ писателей; составленіе христоматіи, по которой можно бы наглядно ознакомиться съ исторіею русскаго языка; переводы на русскій языкъ классическихъ произведеній иностранныхъ писателей; критическіе разборы сочиненій русскихъ авторовъ и т. д. Та-

кое расширеніе круга академической дѣятельности находится въ связи съ тогдашнимъ уровнемъ научныхъ требованій и съ тогдашнимъ состояніемъ образованности вообще. Невольно вспоминается при этомъ, что въ восемнадцатомъ столѣтіи наша Академія Наукъ должна была исполнять обязанности и академіи наукъ въ собственномъ смыслѣ, и университета, и гимназіи, и академіи художествъ, а въ иныхъ случаяхъ и Правительствующаго Сената.

При всемъ разнообразіи предметовъ, главнѣйшимъ изъ нихъ для Россійской Академіи неизмѣнно оставался отечественный *языкъ. Грамматика* признаваема была могущественнымъ орудіемъ *просвѣщенія.* Она изображалась, на академическихъ жетонахъ, въ видѣ *ключа премудрости*, повѣшеннаго на земномъ шарѣ и отверзающаго путь къ *просвѣщенію.*

Мысль объ особомъ, самостоятельномъ учрежденіи, посвященномъ разработкѣ *отечественнаго языка*, неоднократно возникала, въ прошломъ столѣтіи, въ немногочисленномъ кругу просвѣщенныхъ людей, дѣйствительно дорожившихъ судьбами русской литературы и образованности. Черезъ нѣсколько лѣтъ по учрежденіи Академіи Наукъ, въ стѣнахъ ея образовалось общество совершенно съ тѣми же цѣлями, какъ впослѣдствіи Россійская Академія: оно называлось *Россійскимъ Собраніемъ.* Непосредственнымъ предшественникомъ Россійской Академіи было *Вольное Россійское Собраніе*, учрежденное при Московскомъ университетѣ вскорѣ по введеніи тамъ преподаванія на русскомъ языкѣ.

Въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія живѣе, чѣмъ когда-либо, чувствовалась потребность въ такомъ учрежденіи, какъ Россійская Академія. Эти достопамятные года ознаменованы открытіемъ цѣлаго ряда училищъ, выработкою системы народнаго образованія, просвѣтительною дѣятельностью Новикова и другими выдающимися явленіями въ исторіи русской образованности. Чувство народнаго самосознанія находило себѣ удовлетвореніе въ открытіи учено-литературнаго общества, посвященнаго отечественному языку и отечественной исторіи. По убѣжденію образованнѣйшихъ людей того времени, «первый способъ къ распространенію въ народѣ просвѣщенія есть языкъ народный», и если наука будетъ говорить «не тѣмъ языкомъ, которымъ говоритъ народъ, то просвѣщеніе пребудетъ только между весьма малою частью гражданъ, а народъ останется въ невѣжествѣ». Въ занятіяхъ отечественною исторіею, въ изученіи памятниковъ старины учредители академіи видѣли

необходимое условіе для развитія въ народѣ сознательной любви къ отечеству.

Самый выборъ членовъ въ Россійскую Академію привлекалъ къ ней сочувствіе и уваженіе общества. Въ академики избраны были всѣ замѣчательнѣйшіе представители тогдашней литературы и науки: Державинъ, Фонвизинъ, Княжнинъ, Херасковъ, Румовскій, Лепехинъ, Озерецковскій, Болтинъ, князь Щербатовъ и др. И по выбору членовъ, и по своимъ стремленіямъ Россійская Академія находилась въ тѣснѣйшей связи съ «Собесѣдникомъ любителей россійскаго слова» — журналомъ, имѣющимъ такое значеніе въ исторіи нашей литературы и основаннымъ въ томъ же (1783) году, какъ и Россійская Академія. Основательницею «Собесѣдника» была княгиня Дашкова; редакторомъ — Козодавлевъ; сотрудниками — Державинъ, Фонвизинъ, Княжнинъ, Херасковъ и другіе писатели, избранные въ Члены Россійской Академіи при самомъ ея учрежденіи. Писатели, участвовавшіе въ «Собесѣдникѣ», выражали надежду, что при помощи этого журнала, русскій языкъ очистится, значеніе словъ опредѣлится, русскія сочиненія размножатся и разовьется любовь къ русской народности. Тѣми же надеждами были одушевлены и члены Россійской Академіи. Столѣтіе ея совпадаетъ съ столѣтіемъ «Собесѣдника», и, чествуя столѣтнюю годовщину Россійской Академіи, мы тѣмъ самымъ чествуемъ память писателей, участвовавшихъ въ «Собесѣдникѣ».

Лучшею порою въ академической жизни были безспорно первые года существованія академіи. Но обстоятельства измѣнились съ тѣхъ поръ, когда у насъ — говоря словами одного изъ членовъ Россійской Академіи — стало входить въ обычай распускать зонтики сей часъ же, какъ только заслышатъ, что въ Парижѣ идетъ дождь или надвигаются тучи. Во Франціи литераторы затрогивали политическіе вопросы: вслѣдствіе этого и у насъ стали подозрительно смотрѣть на литературныя общества. Къ общимъ причинамъ присоединились и особенныя, по отношенію къ Россійской Академіи. Немедленно по вступленіи на престолъ преемника Екатерины II, председатель академіи, княгиня Дашкова, была удалена отъ дѣлъ и сослана — за свое участіе въ іюньскихъ событіяхъ 1762 года. Въ первомъ, въ царствованіе Павла I, собраніи Россійской Академіи прочитанъ указъ объ увольненіи княгини Дашковой, а во второмъ — указъ о прекращеніи отпуска суммы на содержаніе академіи. Хотя Россійская Академія и не была оффиціально

закрыта, но она сдѣлалась учрежденіемъ опальнымъ, и дѣятельность ея остановилась на полупути. Произведенія въ родѣ тѣхъ, за которыя въ былыя времена осыпали академиковъ милостями, оказались до того не въ духѣ времени, что съ авторами ихъ боялись встрѣчаться не только въ академическихъ собраніяхъ, почти непосѣщаемыхъ, но и въ обществѣ.

Привѣтствуя воцареніе Александра I, членъ Россійской Академіи, знаменитый поэтъ, влагаетъ въ уста Екатерины слѣдующія строки, весьма любопытныя въ историческомъ отношеніи:

Давно я зло предупреждала,
Назначивъ внука вамъ въ царя;
Но вы внимать мнѣ не хотѣли,
Забывъ мою къ себѣ любовь,
Напасти безъ меня терпѣли, —
Я нынѣ васъ спасаю вновь.

Императоръ Александръ I, считавшій себя истиннымъ преемникомъ Екатерины, возвратилъ Россійской Академіи ея прежнее достояніе и назначилъ ей новыя суммы частію изъ Государственнаго казначейства, частію изъ Кабинета. Внѣшнія удобства, матеріальныя средства могли быть возстановлены однимъ почеркомъ пера. Но какимъ образомъ вызвать внутреннюю силу, вложить живую душу въ учрежденіе, задержанное въ своемъ развитіи при самомъ его началѣ? Откуда было взять другую Дашкову, другого Лепехина, другого Болтина?

Предсѣдателемъ возобновленной академіи назначенъ престарѣлый Нартовъ, мирно доживавшій свой вѣкъ въ академической средѣ, удаленной отъ всякихъ житейскихъ тревогъ. По смерти Нартова бразды правленія перешли къ Шишкову, который игралъ главную роль въ академіи еще при своемъ предшественникѣ. Въ апрѣлѣ 1813 года умеръ Нартовъ, а въ маѣ 1813 года президентомъ Россійской Академіи назначенъ Шишковъ. Въ этомъ званіи онъ оставался до конца дней своихъ; со смертію его прекратилось и самое существованіе Россійской Академіи. Въ теченіе почти тридцати лѣтъ судьба академіи положительно была въ рукахъ Шишкова, принадлежавшаго безспорно къ числу замѣчательнѣйшихъ людей своего времени.

При обычной безцвѣтности нашей общественной жизни, люди, подобные Шишкову, невольно привлекаютъ къ себѣ и вниманіе, и

сочувствіе. Искренность убѣжденія соединялась въ немъ съ благородною смѣлостью не скрывать правды ни передъ кѣмъ и никогда не измѣнять суровымъ требованіямъ долга. Съ необыкновенною настойчивостью, съ рѣдкимъ самоотверженіемъ защищалъ онъ справедливое дѣло, и не было силъ удержать его отъ разоблаченія истины. Такимъ борцомъ за правду являлся онъ всюду — и въ частныхъ совѣщаніяхъ съ вліятельными сановниками, и въ горячихъ преніяхъ въ Государственномъ Совѣтѣ. По этому поводу онъ самъ выразился такимъ образомъ: «я никогда не вступаюсь за себя— брани меня кто хочетъ; но гдѣ идетъ дѣло о вредѣ общему благу, тамъ я не могу молчать».

Закаленный для борьбы съ сильными противниками, Шишковъ обращался въ деспота при столкновеніи съ лицами, которыя не рѣшались дать отпора и безпрекословно уступали при первомъ натискѣ. Если перенестись мысленно въ тогдашнія засѣданія Россійской Академіи, то легко себѣ представить, какое впечатлѣніе производили на присутствующихъ рѣзкіе, рѣшительные приговоры Шишкова въ области, особенно дорогой его сердцу, т. е. въ славяно-русской филологіи. Шишковъ былъ проникнутъ убѣжденіемъ, что *языкъ* долженъ составлять завѣтную святыню не только для ученыхъ и писателей, но и для каждаго *человѣка* и *гражданина*. Съ одинаковымъ жаромъ онъ возставалъ и противъ невѣрныхъ выводовъ въ дѣлѣ о декабристахъ, и противъ неправильнаго употребленія глагола или дѣепричастія. Въ приливѣ негодованія онъ восклицаетъ: «нѣтъ возможности не скорбѣть, видя *языкъ* искаженнымъ и *правду* попираемою ногами».

Деспотизмъ Шишкова отозвался весьма невыгодными послѣдствіями и на академической дѣятельности, и на академической жизни. Для процвѣтанія литературнаго общества необходимо привлекать въ его среду самые крупные таланты, а Россійская Академія въ лицѣ своего вождя, вступила съ ними въ открытую войну, и желая выставить имъ соперниковъ, искусственно создавала «маленькихъ-великихъ» писателей. При оцѣнкѣ учено-литературныхъ трудовъ выдвигались на первый планъ произведенія президента, при чемъ торжественно заявляемо было что самъ прусскій король назвалъ ихъ знаменитыми, а профессора одного нѣмецкаго университета обѣщали руководствоваться сочиненіями Шишкова въ своихъ филологическихъ изслѣдованіяхъ. Если бы нѣмецкіе филологи сдержали свое обѣщаніе, то они должны были бы слово *кабинетъ* считать передѣлкою русскаго: *какъ бы нѣтъ*, а слово *плющъ* произ-

водить отъ глагола *пляшу*, какъ мѣсто гладкое, весьма удобное для пляски, и т. п.

Мы не скрыли темныхъ сторонъ преждевременно состарѣвшагося учрежденія. Въ чемъ же заключаются его свѣтлыя стороны?

Самое большое количество свѣта выпало на долю перваго, екатерининскаго, періода Россійской Академіи. Поставивъ ясно и опредѣленно главную цѣль своихъ занятій, академики дружно принялись за обширный и капитальный трудъ, — приступили къ составленію словаря русскаго языка. Выборъ источниковъ и распредѣленіе работъ сдѣланы были весьма разумно. Матеріалы для словаря извлекались изъ произведеній писателей и изъ живого языка народа; собирались слова областныя, мѣстныя, относящіяся къ народному быту, къ различнымъ промысламъ, ремесламъ и т. п. Собранное пересматривалось, провѣрялось и приводилось въ систему. Надо отдать справедливость тогдашней академіи: она умѣла соединить въ себѣ лучшихъ знатоковъ дѣла. Кто вѣрнѣе Румовскаго, Лепехина, Озерецковскаго, Котельникова могъ объяснить научныя понятія и названія, относящіяся къ области математическихъ и естественныхъ наукъ? Къ кому же было обращаться съ спорными вопросами по русской исторіи и древностямъ, какъ не къ членамъ Россійской Академіи: Болтину, князю Щербатову, Оленину, Мусину-Пушкину и т. д.? О достоинствѣ словаря необходимо судить сравнительно, т. е. принимать въ соображеніе тогдашнее состояніе филологіи не въ одной только Россіи, но и въ Европѣ вообще. И въ этомъ отношеніи словарь Россійской Академіи является трудомъ замѣчательнымъ, дѣлающимъ великую честь его составителямъ. По окончаніи главнаго своего труда Академія приступила къ работамъ по новому словарю, расположенному въ азбучномъ порядкѣ, и къ составленію русской грамматики. Предпріятія эти приведены къ окончанію въ слѣдующій періодъ.

Несмотря на всѣ невзгоды, пережитыя Академіею во второмъ періодѣ ея существованія, въ ней не исчезли окончательно лучшія преданія ея славнаго прошлаго.

Россійская академія постоянно вносила свои вклады въ нашу повременную литературу. О дѣятельности Россійской Академіи можно судить по слѣдующимъ ея изданіямъ, появившимся съ 1805 по 1840 годъ:

Сочиненія и переводы Россійской Академіи.

Извѣстія Россійской Академіи.

Повременное изданіе Россійской Академіи.

Краткія записки Россійской Академіи.

Труды Императорской Россійской Академіи.

Въ этотъ же періодъ Академія предприняла новое изданіе словаря, для котораго и было обработано академиками около пятидесяти тысячъ словъ.

Благодаря Россійской Академіи появились въ свѣтъ труды весьма важные для русской литературы и науки.

Когда, со смертью графа Румянцова, прекратилось изданіе государственныхъ грамотъ и договоровъ, Россійская Академія предоставила свои средства для продолженія изданія.

Россійская Академія предприняла чрезвычайно важное по отношенію къ русской исторіи изданіе, въ русскомъ переводѣ, византійскихъ и западно-европейскихъ лѣтописцевъ, а также и исландскихъ сагъ.

Россійскою Академіею изданы: Книга большому чертежу; Ключъ къ Исторіи государства Россійскаго, Карамзина, составленный Строевымъ; Иліада Гомера въ переводѣ Гнѣдича, и т. д.

При всей своей неподатливости, Шишковъ долженъ былъ уступить общественному мнѣнію, и въ члены Россійской Академіи избраны самыя крупныя величины тогдашняго литературнаго міра Карамзинъ, Жуковскій и, наконецъ, Пушкинъ. Въ тотъ же періодъ Россійской Академіи избраны въ академики Сперанскій и Уваровъ. Поворотъ къ лучшему высказался и въ томъ, что Академія присудила большія золотыя медали: Карамзину, Дмитріеву, Крылову и Жуковскому. Шишковъ, нѣкогда ожесточенный противникъ Карамзина и его послѣдователей, написалъ о Карамзинѣ сочувственную статью, которая и была прочитана въ засѣданіи Россійской Академіи. Пушкинъ, присутствовавшій въ этомъ засѣданіи, говоритъ: «невозможно было безъ особеннаго чувства слышать искреннія, простыя похвалы, воздаваемыя почтеннымъ старцемъ великому писателю».

Обращаясь къ академической жизни, замѣтимъ, что Россійская Академія въ ея первыя времена была едва ли не единственнымъ у насъ учрежденіемъ, въ основу котораго положено начало равноправности, сглаживающее и ослабляющее сословную рознь. Въ Россійской Академіи сходились братски, какъ совершенно равные другъ другу: вельможи, сановники, сильные міра и самый бѣдный людъ, скромные труженики, занимавшіе едва замѣтныя мѣста въ служебной іерархіи. Приходскій священникъ, не смѣвшій возражать консисторскому чиновнику, сидѣлъ рядомъ съ первенствующимъ

членомъ Св. Синода и свободно высказывалъ свои мнѣнія, не боясь угрозъ и преслѣдованій въ случаѣ разногласія съ начальствомъ. Отличительною чертою академической жизни было отсутствіе бюрократическихъ тисковъ. Академія не имѣла даже формальнаго устава. Когда зашла рѣчь объ учрежденіи Россійской Академіи, Екатеринѣ предлагали приказать своимъ статсъ-секретарямъ представить планъ французской, берлинской и разныхъ другихъ академій; но Екатерина нашла это совершенно излишнимъ, и утвердила, вмѣсто всякаго устава, тѣ немногія строки, которыя Дашкова набросала въ одинъ присѣстъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ разговора съ государынею-писательницею.

Основныя начала, проявлявшіяся въ академической жизни въ ея лучшія времена, оказывали свое благотворное вліяніе и впослѣдствіи. Имѣя оффиціальное право раздавать награды по собственному усмотрѣнію, Шишковъ писалъ Аракчееву, что онъ «не осмѣлится» представлять государю о наградѣ писателю до тѣхъ поръ, пока труды этого писателя не будутъ оцѣнены въ Россійской Академіи: иначе — прибавляетъ Шишковъ — «награды могутъ, вмѣсто снисканія ихъ достоинствомъ, быть получаемы чрезъ выпрашиваніе и угожденіе». Когда лицо, занимавшее одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ министерствѣ, сдѣлало академіи замѣчаніе съ цѣлью «*предварить* распространеніе заблужденій», Шишковъ счелъ это за вызовъ, брошенный академіи, и, въ качествѣ президента академіи, послалъ весьма рѣзкій отвѣтъ съ обычною примѣсью ироніи. Министерскіе чиновники — пишетъ Шишковъ — могутъ *предварять* заблужденія ученыхъ, но только въ томъ смыслѣ слова, что сами могутъ *предварительно* впадать въ заблужденія, предоставляя другимъ слѣдовать, если пожелаютъ, поданному примѣру.

Какъ основаніе Россійской Академіи, такъ и соединеніе ея съ Академіею Наукъ не зависѣло отъ причинъ болѣе или менѣе случайныхъ. Связь между двумя учрежденіями существовала издавна, и все клонилось къ тому, чтобы они слились въ одно нераздѣльное цѣлое. Въ первые года своего существованія Россійская Академія находилась въ живомъ общеніи съ Академіею Наукъ. Почти всѣ русскіе ученые, бывшіе въ то время членами Академіи Наукъ, из-

браны и въ члены Россійской Академіи. Впослѣдствіи связь между двумя, по существу своему однородными, учрежденіями ослабѣла, и это обстоятельство оказало невыгодное вліяніе на судьбу, какъ той, такъ и другой академіи. Россійская Академія черезчуръ расширила кругъ своихъ занятій къ явному ущербу ихъ научнаго достоинства. Въ Академіи Наукъ стало рѣзче обнаруживаться господство бюрократическаго начала и прискорбное для русскихъ ученыхъ отчужденіе отъ всего русскаго. Доказательствомъ этому служатъ данныя, приводимыя самими академиками въ достопамятномъ письмѣ ихъ къ императору Александру I. Соединеніе двухъ академій въ одну принесло каждой изъ нихъ своего рода пользу. Преобразованная Россійская Академія устранила отъ себя все то, что не соотвѣтствовало ученому учрежденію, и, не желая быть законодательницею въ изящной словесности, поставила главною своею задачею разработку научныхъ вопросовъ. Академія Наукъ выиграла и въ матеріальномъ, и въ научномъ отношеніи. Россійская Академія уступила Академіи Наукъ изъ своихъ собственныхъ средствъ четыреста тысячъ рублей на постройку Пулковской Обсерваторіи. Нравственное пріобрѣтеніе состояло въ томъ, что тѣснѣе завязывалась связь между Академіею Наукъ и умственною жизнію Россіи, и падали преграды, не дозволявшія русскимъ ученымъ вступать въ академическую среду. Россійская Академія дала Академіи Наукъ въ лицѣ Востокова такую научную силу, которою по справедливости могла гордиться русская наука. Имя Востокова занимаетъ одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ въ исторіи нашей Академіи Наукъ, подобно именамъ Эйлера, Ломоносова, Палласа, Лепехина, Бэра и ихъ достойныхъ сподвижниковъ на ученомъ поприщѣ. Припомнимъ при этомъ, что и Павскій, и Срезневскій, и Буслаевъ, и даже *Соловьевъ* избраны были въ члены преобразованной Россійской Академіи, получившей названіе Отдѣленія русскаго языка и словесности или *Втораго Отдѣленія Академіи Наукъ*.

Россійская Академія преобразована во Второе Отдѣленіе Академіи Наукъ въ 1841 году. Преобразованіе совершилось по волѣ императора Николая Павловича. Весьма любопытно, что императоръ Николай Павловичъ съ особеннымъ вниманіемъ слѣдилъ за ходомъ этого дѣла и настоятельно требовалъ, чтобы оно скорѣе приведено было къ окончанію.

Президентъ Россійской Академіи Шишковъ скончался въ ночь съ 9-го на 10 апрѣля 1841 года. На докладѣ министра народнаго просвѣщенія С. С. Уварова о смерти Шишкова государь написалъ:

«Представьте мнѣ проектъ соединенія Россійской Академіи съ Академіею Наукъ». Въ проектѣ своемъ Уваровъ предлагалъ образовать три академіи, а именно: *Академію Наукъ* въ тѣсномъ смыслѣ (sciences exactes), *Академію Русской Словесности* и *Академію Исторіи и Филологіи.* Всѣ три академіи должны составлять одно цѣлое подъ названіемъ: *Императорскія Соединенныя Академіи.* Вмѣстѣ съ тѣмъ Уваровъ ходатайствовалъ о назначеніи наслѣдника цесаревича *канцлеромъ* Соединенныхъ Академій, подобно тому, какъ самъ императоръ Николай I, будучи великимъ княземъ, былъ нѣкоторое время *канцлеромъ* Абовскаго университета. Государь не одобрилъ проекта, представленнаго Уваровымъ, и повелѣлъ: «подъ общимъ названіемъ *Императорской Академіи Наукъ* составить три отдѣленія: *первое* — собственно Академія Наукъ (sciences exactes); *второе* — Отдѣленіе словесное, въ коемъ заключалась бы и Россійская Академія; *третье*—Отдѣленіе Исторіи и Древностей, съ коимъ поставить въ сношеніе и Археографическую коммиссію». Вслѣдствіе этого учрежденъ былъ комитетъ для составленія общаго устава Академіи Наукъ. Предсѣдателемъ комитета назначенъ вице-президентъ Академіи Наукъ князь Дондуковъ-Корсаковъ, а членами: со стороны Россійской Академіи — Востоковъ и Языковъ, а со стороны Академіи Наукъ — Френъ и Фусъ. По проекту, составленному комитетомъ, полагалось въ Словесномъ Отдѣленіи восемь *ординарныхъ академиковъ* и пятнадцать *почетныхъ академиковъ.* Изъ восьми ординарныхъ академиковъ два — для славянскихъ нарѣчій: одинъ — для болгарскаго, сербскаго, хорватскаго и хорутанскаго, другой—для польскаго, чешскаго и словацкаго. Почетные академики избираются преимущественно изъ «знаменитѣйшихъ русскихъ писателей», а отчасти также изъ иностранныхъ ученыхъ, стяжавшихъ особенную славу на поприщѣ славянской словесности и языкознанія. По поводу избранія писателей въ почетные академики комитетъ высказался слѣдующимъ образомъ: «достоинство самаго учрежденія и польза словесности требуютъ, чтобъ вмѣстѣ съ представителями ученой лингвистики отечественной, Отдѣленіе заключало въ своемъ составѣ и представителей отечественной словесности въ собственномъ смыслѣ, т. е. писателей, снискавшихъ извѣстность отличными произведеніями по разнымъ родамъ литературы. Не принимая на себя постоянныхъ обязанностей и опредѣленнаго труда, они будутъ полезны Словесному Отдѣленію Академіи практическою своею опытностію въ языкѣ, вкусомъ и литературными талантами».

Государь находилъ, что дѣло ведется медленно, и на одной изъ докладныхъ записокъ министра написалъ: «Пора кончить съ дѣломъ Академіи, я все жду». 14 октября 1841 года написаны эти слова, а 19 октября 1841 года дѣло было не только представлено государю, но и послѣдовалъ высочайшій рескриптъ, на имя министра Народнаго Просвѣщенія, повелѣвающій «присоединить Россійскую Академію къ Академіи Наукъ въ видѣ особаго *Отдѣленія русскаго языка и словесности*». Тогда же утверждено государемъ и «Положеніе объ Отдѣленіи русскаго языка и словесности». Въ «положеніи» сказано, что «Академія Наукъ раздѣляется на три отдѣленія, въ числѣ коихъ Отдѣленіе русскаго языка и словесности занимаетъ второе мѣсто» и что Отдѣленіе русскаго языка состоитъ изъ шестнадцати ординарныхъ академиковъ. При первомъ образованіи своемъ Отдѣленіе состояло почти исключительно изъ членовъ Россійской Академіи. Въ числѣ первыхъ шестнадцати академиковъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности находилось четырнадцать членовъ Россійской Академіи, а именно: митрополитъ Филаретъ, епископъ Иннокентій, Востоковъ, Жуковскій, Крыловъ, князь Вяземскій, Арсеньевъ, Бутковъ, Каченовскій, Михайловскій, В. И. Панаевъ, Погодинъ, князь П. А. Ширинскій-Шахматовъ и Д. И. Языковъ. Сверхъ того тогда же назначены академиками: Плетневъ и И. И. Давыдовъ, и адъюнктами: Бередниковъ, Розбергъ, Строевъ и Шевыревъ.

Отдѣленіе русскаго языка и словесности приняло на себя дальнѣйшую разработку тѣхъ вопросовъ науки, которые были поставлены или только намѣчены Россійскою Академіею.

Къ числу главнѣйшихъ трудовъ и предпріятій, завѣщанныхъ Россійскою Академіею своему преемнику, принадлежитъ: составленіе словаря и грамматики, основаніе научнаго журнала или сборника, изданіе произведеній отечественныхъ писателей и т. п.

Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности составленъ и изданъ, въ 1847 году, обширный, въ четырехъ томахъ, Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка. Отдѣленіемъ же изданы:

Опытъ Областного великорусскаго словаря. 1852.

Дополненіе къ Областному великорусскому словарю. 1858.

Словарь бѣлорусскаго нарѣчія. 1870.

Сербско-русскій словарь. 1870.

Составленіе грамматики, считавшееся довольно легкимъ дѣломъ въ доброе старое время, когда придумывались *правила* для языка, потребовало чрезвычайныхъ усилій со стороны людей науки, оты-

сkивающихъ *законы* языка посредствомъ наблюденій надъ безчисленнымъ рядомъ данныхъ, подлежащихъ научному изслѣдованію. О томъ, что сдѣлано Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности для научной разработки отечественнаго языка, можно судить по филологическимъ трудамъ членовъ Отдѣленія: Востокова, Срезневскаго, Буслаева, Грота, Ягича и др. Назовемъ хотя нѣкоторые изъ этихъ трудовъ:

Мысли объ исторіи русскаго языка, Срезневскаго.

Филологическія Разысканія, Грота.

Историческая грамматика, Буслаева и т. д.

Живою лѣтописью трудовъ второго отдѣленія Академіи Наукъ служатъ его повременныя изданія, а именно:

Извѣстія Академіи Наукъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности (1852—1862). Десять томовъ, изъ шести выпусковъ каждый, съ прибавленіями:

1) Матеріалы для словаря русскаго языка и другихъ славянскихъ нарѣчій.

2) Памятники и образцы народнаго языка и словесности.

Ученыя записки второго Отдѣленія Академіи Наукъ (1854—1863). Семь книгъ.

Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности (1868—1883) Тридцать одинъ томъ.

«Извѣстія» и «Ученыя Записки» выходили подъ редакціею академика И. И. Срезневскаго. «Сборникъ» выходилъ и выходитъ подъ редакціею академика Я. К. Грота.

Для историко-литературныхъ изслѣдованій необходимо изданіе писателей, удовлетворяющее научнымъ требованіямъ. Многотомное изданіе сочиненій Державина останется навсегда памятникомъ литературной дѣятельности поэта и ученой пытливости издателя академика Грота. Трудъ, совершенный академикомъ Гротомъ по изданію Державина, совершенно справедливо называютъ подвигомъ, еще небывалымъ въ нашей литературѣ. Объяснительныя примѣчанія Я. К. Грота къ сочиненіямъ Державина составляютъ драгоцѣнное пріобрѣтеніе русской науки.

Въ самомъ выборѣ живыхъ силъ для академической дѣятельности можно замѣтить связь между Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности и лучшими преданіями Россійской Академіи. Къ числу такихъ преданій слѣдуетъ отнести стремленіе сблизиться съ умственною жизнью славянскаго міра и призвать въ русскую ученую среду выдающихся дѣятелей науки между западными и южными Славя-

нами. Россійская Академія находилась въ сношеніяхъ съ славянскими литературными обществами, какъ, напримѣръ, съ Матицей Сербской и т. п., дала средства Караджичу для путешествія по славянскимъ землямъ; отправила Венелина въ «ученое путешествіе по Болгаріи, странѣ классической для историковъ и филологовъ славянскихъ»; приглашала переселиться въ Россію Шафарика, Челяковскаго, Ганку и т. д. Мысль объ изученіи славянства и о вызовѣ славянскихъ ученыхъ встрѣтила живое сочувствіе въ ученомъ, составлявшемъ славу нашей Академіи Наукъ, въ знаменитомъ Бэрѣ. Когда въ Академіи Наукъ зашла рѣчь объ учрежденіи каѳедры для изученія языковъ и народовъ *не славянскаго* племени, обитающихъ въ Россіи, Бэръ доказывалъ, что сравнительное изученіе языковъ и народовъ *славянскаго* племени *еще важнѣе для Россіи*, и что приглашеніе западно-славянскаго ученаго составляетъ прямую и жизненную потребность нашей Академіи Наукъ. Завѣтной мысли Россійской Академіи суждено осуществиться только въ наше время. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ избранъ въ академики по Отдѣленію русскаго языка и словесности западно-славянскій ученый И. В. Ягичъ. Мы убѣждены, что самъ патріархъ славянской филологіи Востоковъ благословилъ бы нашъ выборъ, а научная высота, на которой находится избранный нами, привлекла бы къ нему искреннее сочувствіе незабвеннаго Бэра.

Не ограничиваясь выборомъ людей науки, Отдѣленіе русскаго языка и словесности, подобно Россійской Академіи, дорожитъ своимъ правомъ избирать въ члены академіи писателей-художниковъ, которыми по справедливости гордится современная намъ литература. Высоко цѣня литературныя дарованія и заслуги, Отдѣленіе избрало въ свои члены-корреспонденты: Тургенева, Достоевскаго, Гончарова, графа Льва Толстого, Майкова Островскаго и другихъ писателей.

Связующимъ началомъ между писателями-художниками и Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности да послужитъ любовь къ родному языку, доходившая до благоговѣнія и въ Пушкинѣ, и въ его ученикѣ, Тургеневѣ. Такой же взглядъ на языкъ, какъ на народную святыню и драгоцѣннѣйшій залогъ нашей народности исповѣдывали и проповѣдывали наиболѣе выдающіеся представители Россійской Академіи.

Русская научная терминологія, по различнымъ отраслямъ знаній, создана преимущественно членами Россійской Академіи. Они неуклонно стремились къ тому, чтобы наука въ Россіи говорила

по-русски, и чтобы свѣтъ ея распространялся въ русскомъ обществѣ. Нѣкоторые изъ членовъ Россійской Академіи призываемы были къ трудамъ по народному образованію и оставили глубокіе, неизгладимые слѣды своей просвѣтительной дѣятельности. Самые смѣлые и самые разумные голоса въ защиту свободы изслѣдованія и печатнаго слова принадлежали членамъ Россійской Академіи.

Само собою разумѣется, что и въ Россійской Академіи, какъ и во всякаго рода обществахъ, были и свѣтлыя, и темныя черты, было и благо и зло, т. е. и достоинства и недостатки. Но несправедливо бѣлое называть чернымъ, отрицая прямыя и несомнѣнныя заслуги. Дѣйствительныя свѣтила Россійской Академіи были безспорно и свѣтилами современной имъ русской литературы и науки. Имъ по праву принадлежитъ почетное мѣсто въ исторіи русской образованности. Признавая значеніе свѣтилъ, не станемъ осуждать и ихъ скромныхъ спутниковъ, желавшихъ принести посильную пользу обществу. Не жесткимъ укоромъ, а словомъ сочувствія и благодарности помянемъ въ этотъ день всѣхъ добросовѣстно потрудившихся въ учрежденіи, посвященномъ отечественному языку и словесности:

Всѣмъ честію — предшественникамъ нашимъ —
Не помня зла, за благо воздадимъ.

Затѣмъ на каѳедру взошелъ Я. К. Гротъ и сдѣлалъ слѣдующее сообщеніе:

«Будучи обязанъ, на основаніи правилъ объ академическихъ преміяхъ представить отчетъ о бывшемъ въ нынѣшнемъ году соисканіи премій А. С. Пушкина, нелишнимъ считаю припомнить въ немногимъ словахъ обстоятельства недавняго учрежденіи этихъ премій и перваго присужденія ихъ въ минувшемъ году.

Изъ собранныхъ на сооруженіе памятника великому поэту, подпискою по всей Имперіи, 100,000 рублей, оставалось, за покрытіемъ всѣхъ издержекъ на это предметъ, 20,000. Чтобы рѣшить, какое дать назначеніе этой суммѣ, комитетъ по сооруженію памятника Пушкину пригласилъ къ соучастію въ своихъ совѣщаніяхъ нѣсколько лицъ, пользующихся общимъ уваженіемъ, изъ круга литераторовъ и ученыхъ. По внимательномъ обсужденіи разныхъ предположеній, это собраніе, происходившее въ январѣ 1881 года, пришло къ заключенію, что самымъ достойнымъ памяти знаменитаго

поэта употребленіемъ образовавшагося капитала будетъ учрежденіе при Академіи Наукъ премій за изслѣдованія по исторіи языка и литературы, а также за сочиненія по изящной словесности, какъ въ прозѣ, такъ и въ стихахъ.

Вслѣдствіе того и была основана, съ Высочайшаго соизволенія, ежегодная премія въ 1,000 рублей, могущая быть раздѣляема и на двѣ половинныя, каждая въ 500 руб. На первомъ конкурсѣ, бывшемъ въ 1882 году, преміею имени нашего величайшаго поэта Академіи довелось увѣнчать поэтическіе труды двухъ давно снискавшихъ блестящую извѣстность писателей: А. Н. Майкова, признаннаго заслуживающимъ полной преміи за поэму «Два міра», и Я. П. Полонскаго, получившаго половинную премію за сборникъ стихотвореній, изданный имъ подъ заглавіемъ: «На закатѣ».

На бывшій въ текущемъ году второй конкурсъ было представлено *три* сочиненія и *два* перевода замѣчательныхъ поэтическихъ произведеній. Изъ числа первыхъ одно оказалось неподходящимъ подъ категорію трудовъ, допускаемыхъ на соисканіе этихъ премій, и было устранено.

Разборъ остальныхъ четырехъ трудовъ, на основаніи правилъ о Пушкинскихъ преміяхъ, приняли на себя: профессоръ Казанскаго университета Н. Н. Буличъ, профессоръ Московскаго университета Н. И. Стороженко, докторъ исторіи всеобщей литературы Алексѣй Н. Веселовскій и извѣстный переводчикъ стихотворныхъ произведеній П. И. Вейнбергъ.

Къ участію въ окончательномъ обсужденіи представленныхъ трудовъ приглашены были въ засѣданіе Отдѣленія русскаго языка и словесности, 7-го сего октября, члены-корреспонденты Академіи Наукъ И. А. Гончаровъ и А. Н. Майковъ, затѣмъ В. П. Гаевскій и П. И. Вейнбергъ, какъ единственный бывшій на лицо литераторъ изъ числа названныхъ гг. рецензентовъ. За болѣзнію И. А. Гончарова, коммиссія по присужденію Пушкинскихъ премій такимъ образомъ составилась изъ восьми членовъ, т.-е. пяти академиковъ и трехъ постороннихъ литераторовъ.

По прочтеніи имѣвшихся въ рукахъ Отдѣленія рецензій и выслушаніи сопровождавшихъ чтеніе разсужденій и замѣчаній, приступлено было къ закрытой баллотировкѣ каждаго изъ четырехъ подлежавшихъ разсмотрѣнію трудовъ отдѣльно; и въ результатѣ оказалось, что ни одинъ изъ этихъ трудовъ не соединилъ въ свою пользу требуемыхъ правилами двухъ третей всего наличнаго числа голосовъ.

Академія считаетъ пріятнымъ долгомъ публично выразить свою искреннюю признательность постороннимъ ученымъ и литераторамъ, обязательно принявшимъ участіе въ оцѣнкѣ подлежавшихъ суду ея сочиненій и переводовъ, и, кромѣ того, съ особеннымъ удовольствіемъ пользуясь предоставленнымъ ей правомъ, Академія, въ знакъ своей благодарности за доставленныя Отдѣленію обстоятельныя рецензіи, присудила золотыя медали гг. Буличу, Весселовскому и Вейнбергу».

Послѣ этого заявленія академикъ Я. К. Гротъ пригласилъ прибывшихъ въ Академію гг. депутатовъ съ привѣтственными адресами прочесть ихъ. Первая къ президентскому столу приблизилась депутація отъ Петербургскаго университета. Во главѣ ея находился исправляющій должность ректора университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ю. Э. Янсонъ, который прочелъ адресъ слѣдующаго содержанія:

«Вспоминая съ глубокою благодарностію о плодотворной, слишкомъ полувѣковой дѣятельности Россійской Академіи, Императорскій С.-Петербургскій университетъ привѣтствуетъ ея достойнаго продолжателя—II Отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ.

Прославленное незабвенными трудами Востокова, Срезневскаго и нынѣшнихъ дѣйствительныхъ его членовъ, Отдѣленіе русскаго языка и словесности расширило кругъ занятій Россійской Академіи и обогатило славяно-русскую филологію учеными подвигами и предпріятіями, которые займутъ почетное мѣсто въ исторіи русской науки и образованности».

За Петербургскимъ университетомъ слѣдовала Петербургская Духовная Академія, имѣвшая здѣсь своего представителя, профессора М. О. Кояловича. Онъ прочелъ слѣдующій адресъ Духовной Академіи:

«Милостивые государи. Нѣкогда въ этомъ святилищѣ наукъ великій русскій человѣкъ—Ломоносовъ обозрѣвалъ орлинымъ своимъ взгядомъ сокровища русскаго слова; съ свойственнымъ ему ясновидѣніемъ онъ находилъ ихъ и въ живыхъ говорахъ русскаго народа, и въ родствѣ всѣхъ славянскихъ нарѣчій, и въ церковныхъ книгахъ, читаемыхъ въ нашихъ православныхъ храмахъ, и съ поражающею силою указывалъ на эти сокровища иноземцу Шлецеру, какъ бы на кладъ, скрывающійся передъ его чужеземными глазами, но открытый и самъ собою дающійся русскому человѣку. С.-Петербургская Духовная Академія вспоминаетъ нынѣ объ этомъ передъ вами, милостивые государи, давно ей близкими, вѣрными храните-

лями завѣтовъ великаго Ломоносова и всѣхъ достойныхъ его преемниковъ, и сердечно привѣтствуетъ васъ въ этотъ знаменательный день вашего историческаго служенія родинѣ. Да развивается и торжествуетъ наше богатое и любезное русское слово и въ вашихъ достойныхъ трудахъ и въ другихъ трудахъ, направляющихся къ вамъ для вашей высшей оцѣнки и покровительства, и во всѣхъ отрасляхъ знаній на великомъ и многолюдномъ пространствѣ нашего Отечества».

Слѣдующая депутація была отъ Императорскаго Александровскаго лицея. Глава ея, директоръ лицея, дѣйствительный статскій совѣтникъ Н. Н. Гартманъ прочелъ нижеслѣдующій адресъ отъ лицея:

«Императорскій Александровскій лицей привѣтствуетъ Отдѣленіе русскаго языка и словесности, какъ вѣковое хранилище сокровищъ родного слова. Празднованіе столѣтія Россійской Академіи не можетъ быть чуждо лицею, воспитавшему величайшаго художника русскаго слова, воспитавшему старѣйшаго члена русскаго Отдѣленія Академіи, истолкователя громкихъ пѣснопѣній Державина.

«Всею душой присоединяясь къ настоящему торжеству, лицей желаетъ Отдѣленію многихъ вѣковъ существованія для служенія святому дѣлу возвеличенія русскаго слова: да растетъ и ширится русское слово, мощное и свободное!»

Этотъ адресъ, также, какъ и предыдущіе, былъ привѣтствованъ громкими рукоплесканіями.

По окончаніи чтенія адресовъ, академикъ Я. К. Гротъ прочелъ привѣтственныя телеграммы: 1) отъ Московскаго университета, 2) Варшавскаго университета, 3) Московскаго общества любителей россійской словесности, 4) Московскаго юридическаго общества, 5) Ярославскаго Демидовскаго лицея, 6) отъ Министра Путей Сообщенія, генералъ-адъютанта Посьета, и привѣтствія другихъ лицъ.

Собраніе кончилось въ началѣ третьяго часа пополудни. Въ заключеніе академикъ Гротъ заявилъ, что въ даръ Академіи поднесена изданная художникомъ Бобровымъ брошюра съ текстомъ г. Божерянова: «Столѣтіе журнала Собесѣдникъ любителей россійскаго слова». На первомъ листѣ этой брошюры изображены портреты, вверху нынѣ царствующихъ Государя и Государыни, а подъ ними императрицы Екатерины II, княгини Дашковой и Державина, и воспроизведена въ точности первая заглавная страница журнала, издававшагося въ 1783 г. при Академіи Наукъ.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XXXIII, № 1.

ОТЧЕТЪ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ
ВТОРОГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
ЗА 1883 ГОДЪ.

СОСТАВЛЕННЫЙ
М. И. Сухомлиновымъ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 л., № 12.)
1884.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Апрѣль 1884 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

ОТЧЕТЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

за 1883 годъ,

составленный академикомъ М. И. Сухомлиновымъ

и читанный имъ въ торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ 29-го декабря 1883 года.

Отдѣленіе русскаго языка и словесности, сверхъ обыкновенныхъ своихъ собраній, имѣло въ этомъ году два публичныя засѣданія: одно — въ память Жуковскаго, другое — въ день столѣтія со времени учрежденія Россійской Академіи.

30-го января этого года Отдѣленіе русскаго языка и словесности праздновало столѣтнюю годовщину рожденія Жуковскаго. Къ участію въ этомъ литературномъ празднествѣ были приглашены отдѣленіемъ нѣкоторые изъ писателей: профессоръ О. Ѳ. Миллеръ, А. Н. Майковъ, Я. П. Полонскій и П. И. Вейнбергъ. Засѣданіе отдѣленія почтилъ своимъ присутствіемъ Его Императорское Высочество Великій Князь Владиміръ Александровичъ. По представленію Отдѣленія, исходатайствовано г. президентомъ Академіи Наукъ 1,000 рублей на учрежденіе преміи Жуковскаго за лучшее о немъ сочиненіе, которое должно быть представлено къ 1-му мая 1885 года.

21-го октября происходило публичное засѣданіе Отдѣленія русскаго языка и словесности по случаю столѣтія Россійской Академіи. Ровно сто лѣтъ тому назадъ, 21-го октября 1783

года, открыта была Россійская Академія, преобразованная впослѣдствіи, въ 1841 году, во второе отдѣленіе Академіи Наукъ или въ Отдѣленіе русскаго языка и словесности. Отдѣленіе считаетъ своимъ долгомъ выразить искреннюю признательность тѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, которыя почтили отдѣленіе своимъ привѣтомъ въ этотъ знаменательный для Академіи день.

Съ живѣйшею благодарностью вспоминаетъ отдѣленіе и о содѣйствіи, оказанномъ ему писателями, участвовавшими въ академическомъ празднествѣ въ честь Жуковскаго, и членомъ Государственнаго Совѣта Н. И. Стояновскимъ, которому принадлежитъ почипъ въ устройствѣ чествованія памяти поэта въ Петербургѣ. Н. И. Стояновскій принялъ дѣятельное участіе и въ устройствѣ выставки портретовъ, рукописей и изданій Жуковскаго и вообще предметовъ, имѣющихъ отношеніе къ его жизни и литературной дѣятельности.

Отдѣленіе русскаго языка и словесности присудило въ этомъ году Ломоносовскую премію неутомимому труженику въ области литературной археологіи, о. архимандриту Амфилохію, руководствуясь при этомъ слѣдующими соображеніями.

Для успѣховъ русской филологіи, для полноты выводовъ, которые должны освѣтить историческій ходъ русскаго языка, необходимо изданіе многихъ важныхъ памятниковъ, описаніе и обозрѣніе малоизвѣстныхъ рукописныхъ сборниковъ, опредѣленіе ихъ палеографическихъ особенностей, и т. п. — словомъ, необходимы труды библіографическіе и археологическіе.

Уже первый трудъ, удостоенный Ломоносовской преміи по Отдѣленію русскаго языка и словесности, принадлежалъ къ числу такихъ явленій русской научной литературы, которыя, не задаваясь рѣшеніемъ какого либо спеціальнаго вопроса, сразу дѣлаютъ необходимымъ пособіемъ для успѣшной разработки цѣлаго ряда ихъ. Это было знаменитое «Описаніе славянскихъ рукописей синодальной библіотеки». Два раза послѣ того приходилось Отдѣленію присуждать преміи по лексикографическимъ и одинъ разъ по грамматическимъ трудамъ. Присуждая въ нынѣшнемъ

году Ломоносовскую премію, отдѣленіе воздаетъ должное неутомимой дѣятельности почтеннаго труженика въ области литературной археологіи архимандрита о. Амфилохія, окончившаго въ послѣдніе годы нѣсколько важныхъ трудовъ по древне-русской письменности въ связи съ греческою. Въ особенности выдается новѣйшій его трудъ — изданіе галичскаго четвероевангелія 1144 года, въ трехъ томахъ, 1882—1883 г. Памятникъ, нынѣ изданный о. Амфилохіемъ, занимаетъ видное мѣсто въ древнерусской письменности XII вѣка. Желая прослѣдить въ древнерусской письменности черты русскихъ нарѣчій, отличающихъ нынѣ югъ отъ сѣвера и запада, изслѣдователи исторіи русскаго языка останавливались главнымъ образомъ на этомъ памятникѣ, потому что нѣкоторыя внѣшнія обстоятельства, въ связи съ особенностями языка, заставляли предполагать, что памятникъ этотъ можно считать родоначальникомъ письменности юго-западно-русской. Теперь, когда памятникъ изданъ, изслѣдованіе всѣхъ особенностей его должно доказать, насколько подобныя предположенія основательны. Какъ въ другихъ многотомныхъ изданіяхъ почтеннаго археолога, такъ и въ этомъ трудѣ, напечатанномъ въ трехъ обширныхъ томахъ, встрѣчаются и такіе пріемы, съ которыми нельзя согласиться. Но несомнѣнная заслуга о. Амфилохія заключается какъ въ томъ, что онъ сдѣлалъ памятникъ доступнымъ для изслѣдователей, такъ и въ томъ, что приводимыми изъ другихъ памятниковъ разночтеніями далъ возможность вникнуть въ характеръ ихъ перевода, опредѣлить ихъ взаимную зависимость и ихъ отношеніе къ юго-славянскимъ подлинникамъ, въ высшей степени важнымъ въ филологическомъ отношеніи.

Трудъ почтеннаго ученаго, появившійся въ свѣтъ въ этомъ году, представляетъ новое доказательство неутомимой дѣятельности автора. Признавая неоспоримымъ, что труды его вообще вносятъ въ славянскую филологію богатый вкладъ драгоцѣнныхъ источниковъ и пособій, Отдѣленіе русскаго языка и словесности присудило о. архимандриту Амфилохію Ломоносовскую премію. Подробный отчетъ объ этомъ присужденіи, составленный акаде-

микомъ И. В. Ягичемъ, будетъ помѣщенъ въ изданіяхъ нашего отдѣленія.

Число академическихъ премій почти ежегодно увеличивается, а вмѣстѣ съ тѣмъ усложняются и занятія Отдѣленія, на которое возлагается какъ составленіе правилъ для премій, такъ и разсмотрѣніе сочиненій, поступающихъ на преміи. Къ общимъ трудамъ отдѣленія, въ этомъ году, относится составленіе проекта правилъ для преміи профессора Котляревскаго, учрежденныхъ вдовою его для увѣнчанія сочиненій по славянской археологіи и филологіи, и др.

Увеличеніе числа премій, присуждаемыхъ Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности; сопряженная съ этимъ весьма обширная переписка; многочисленность трудовъ, помѣщаемыхъ въ изданіяхъ втораго отдѣленія Академіи Наукъ, и другія соображенія послужили поводомъ къ тому, что г. президентомъ Академіи Наукъ, графомъ Д. А. Толстымъ, исходатайствовано было 5,000 руб. ежегодно на усиленіе средствъ Отдѣленія русскаго языка и словесности.

Къ числу трудовъ, возложенныхъ на Отдѣленіе русскаго языка и словесности, при ближайшемъ и непосредственномъ участіи одного изъ его членовъ, принадлежитъ изданіе матеріаловъ для исторіи Академіи Наукъ. Главнымъ источникомъ для этого изданія должно служить богатое собраніе рукописей, хранящихся въ такъ-называемомъ архивѣ академической канцеляріи. О значеніи этого архива, а равно и о большихъ затрудненіяхъ при пользованіи имъ можно судить по слѣдующему отзыву академика Пекарскаго, автора исторіи Академіи Наукъ: «Въ этомъ архивѣ нѣтъ описей, а потому, чтобы ознакомиться съ содержаніемъ хранящихся здѣсь матеріаловъ или найти какія-либо нужныя извѣстія, необходимо долгое и кропотливое разсмотрѣніе значительнаго количества фоліантовъ, писанныхъ по большей части дурною скорописью XVIII вѣка. Академическая канцелярія есть то самое учрежденіе, на самовластіе котораго такъ часто слышались жалобы отъ старинныхъ академиковъ. «Въ оной канце-

ляріи—говорится въ отвѣтѣ Сенату, 1745 года—всѣ президенты присутствовали, и къ профессорамъ ордеры, а во всѣ подчиненныя мѣста указы посылались. И всѣ дѣла происходили изъ канцеляріи; контракты съ профессорами, адъюнктами и съ прочими служительми» и т. д. Въ архивѣ академической канцеляріи находится много любопытныхъ матеріаловъ для исторіи не только просвѣщенія, но даже искусствъ и ремеслъ въ Россіи XVIII столѣтія. Занимаясь исторіею образованія въ Россіи, и пользуясь для этой цѣли рукописями Академіи Наукъ, графъ Д. А. Толстой убѣдился на опытѣ въ важномъ значеніи академическаго архива, и немедленно по вступленіи своемъ въ должность президента Академіи Наукъ обратилъ вниманіе на необходимость изданія архивныхъ матеріаловъ и прежде всего — протоколовъ академической канцеляріи. Но такъ-какъ за нѣкоторые годы, относящіеся къ первому періоду Академіи, вовсе не сохранилось протоколовъ, а между тѣмъ свѣдѣнія объ этой древнѣйшей порѣ академической жизни представляютъ особенный интересъ, то предположено, по крайней мѣрѣ на первый разъ, не ограничиваться одними протоколами, а помѣщать и другіе документы, имѣющіе отношеніе къ исторіи Академіи Наукъ и находящіеся въ академическомъ или въ другихъ какихъ-либо архивахъ. По ходатайству г. президента Академіи Наукъ, на изданіе матеріаловъ для исторіи Академіи Наукъ назначено по 5,000 рублей ежегодно, въ теченіе трехъ лѣтъ. Часть этой суммы опредѣлена для покрытія расходовъ по разбору и приведенію въ порядокъ массы бумагъ, хранящихся въ академическомъ архивѣ съ незапамятныхъ временъ. Подготовительныя работы по предпринятому изданію приближаются къ окончанію, и отдѣленіе надѣется вскорѣ приступить къ печатанію «Матеріаловъ для исторіи Академіи Наукъ».

Другой трудъ, предпринятый отдѣленіемъ въ истекающемъ году, относится къ области отечественнаго языка. Извѣстно, сколько недоразумѣній встрѣчается въ этой области вслѣдствіе крайней неопредѣленности нашего правописанія. Чтобы содѣй-

ствовать устраненію различныхъ невѣрностей и неточностей, преимущественно въ правописаніи, отдѣленіе признало нужнымъ разъяснить нѣкоторые спорные вопросы нашей грамматики, сообразно съ современнымъ состояніемъ филологіи, и съ тѣми требованіями, которыя указываются самою исторіею нашего языка. По порученію отдѣленія, академикъ Я. К. Гротъ составилъ руководство по русской фонетикѣ и орѳографіи, которое предназначается къ изданію *отъ отдѣленія*, и поэтому прочитывается и обсуживается въ засѣданіяхъ отдѣленія для общаго соглашенія во взглядѣ по всѣмъ вопросамъ этой части.

Въ истекающемъ году, какъ и въ предшествовавшіе годы, труды членовъ втораго отдѣленія Академіи Наукъ частію помѣщаемы были въ академическихъ изданіяхъ, частію выходили отдѣльными книгами.

Академикъ Я. К. Гротъ оканчивалъ печатаніе IX-го тома академическаго изданія сочиненій Державина, и особенно занятъ былъ приготовленіемъ полнаго указателя ко всему изданію, въ высшей степени необходимаго для изслѣдователей при пользованіи многотомнымъ изданіемъ. Въ девятомъ, послѣднемъ, томѣ, сверхъ разнаго рода дополненій къ предыдущимъ томамъ и множества пояснительныхъ примѣчаній, помѣщены и нѣкоторые историческіе документы, какъ напримѣръ новые матеріалы для исторіи пугачевщины и записка академика Штелина о послѣднихъ дняхъ царствованія Петра III, впервые появившаяся въ печати въ своемъ полномъ видѣ. Академикъ Штелинъ былъ домашнимъ человѣкомъ у Императора Петра III, и находился при немъ неотлучно въ роковые для него дни—28-го и 29-го іюня 1762 года. Кромѣ того въ этотъ томъ вошелъ между прочимъ словарь къ стихотвореніямъ Державинымъ, съ общимъ разсмотрѣніемъ языка его.

Продолжая труды свои по изданію сочиненій Плетнева, академикъ Гротъ окончилъ печатаніе прозы, занявшей два съ половиною тома. Затѣмъ, собравъ всѣ стихотворенія этого писателя, разбросанныя по журналамъ и альманахамъ двадцатыхъ годовъ,

онъ напечаталъ выборъ изъ нихъ, и приступилъ къ печатанію писемъ Плетнева. Въ настоящее время печатается переписка его съ Пушкинымъ.

Въ этомъ же году, академикъ Гротъ печаталъ третье изданіе своихъ «Филологическихъ Разысканій», пополненное многими новыми статьями. Первый томъ почти уже отпечатанъ.

Сверхъ того, преимущественно въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ, появились слѣдующія статьи нашего академика:

1. Замѣчанія о взаимномъ отношеніи нѣкоторыхъ славянскихъ и скандинавскихъ словъ, по поводу двухъ изслѣдованій шведскаго ученаго Тамма. Напечатаны въ Archiv für slavische Philologie и въ Филологическихъ запискахъ, издаваемыхъ въ Воронежѣ.

2. Императоръ Іосифъ II въ Россіи, по донесеніямъ шведскаго посланника Нольке,—напечат. въ «Русской Старинѣ».

3. Подробный обзоръ книги іенскаго профессора Сиверса: «Основанія фонетики», съ критическими замѣчаніями, — напечат. въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

4. Критическая оцѣнка появившейся на датскомъ языкѣ книги профессора славянскихъ нарѣчій въ Копенгагенскомъ университетѣ Каспара Смита: «Исторія русской литературы». Замѣтка о ней напечатана въ стокгольмскомъ литературномъ журналѣ и въ *Сборникѣ* втораго Отдѣленія Академіи Наукъ.

Академикъ Гротъ сотрудничалъ, по предметамъ, касающимся русской литературы, въ шведскомъ энциклопедическомъ словарѣ, издаваемомъ въ Стокгольмѣ, подъ названіемъ: Nordisk Familiebok.

По порученію Императорскаго Русскаго Историческаго общества, Я. К. Гротъ приступилъ къ печатанію, на французскомъ языкѣ, новаго, значительно пополненнаго изданія сохранившихся писемъ барона Гримма къ Императрицѣ Екатеринѣ II.

Академикъ А. Н. Веселовскій издалъ VI—X главы своихъ «Разысканій въ области русскаго духовнаго стиха», въ которыхъ преслѣдуетъ тѣ же цѣли сближенія славянорусскаго и иностраннаго народно-поэтическаго матеріала и ихъ взаимнаго объясненія. Результаты подобной работы могутъ одинаково послужить на

пользу той и другой изъ изучаемыхъ областей; разборъ 2-й главы Разысканій (св. Георгій въ легендѣ, пѣснѣ и обрядѣ), предложенный недавно Heinzel'емъ (Anzeiger von deutsches Alterthum und deutsche Litteratur, IX, 3 Juli 1883), служитъ доказательствомъ вниманія, съ которымъ представители западной науки начинаютъ слѣдить за русскими трудами этого рода. Важны для нихъ и особенности методологическихъ воззрѣній, обусловленныя не столько личными пріемами изслѣдователя, сколько особенностями его данныхъ; и научныя изслѣдованія этихъ данныхъ, которыя, будучи поставлены въ связь съ однородными западными, нерѣдко измѣняютъ взглядъ на происхожденіе и историческое развитіе общаго имъ круга воззрѣній. Такъ славяно-русскія и греческія сказанія о «крестномъ древѣ» освѣщаютъ сложныя судьбы этой легенды на западѣ, южно-славянскія и русскія представленія объ Ильѣ пророкѣ умѣряютъ крайности взгляда, давно выраженнаго и повтореннаго недавно — на тождественность народнаго Ильи съ Иліемъ-Геліосомъ и т. п.

Изслѣдованія автора о южно-русскихъ былинахъ», продолженіе которыхъ (гл. III—X) нынѣ печатается, также относятся къ общему вопросу о генезисѣ эпоса, давно отложившагося на западѣ въ литературныхъ формахъ и забывшаго ту, болѣе простую форму народной былевой пѣсни, которую лишь славянскій изслѣдователь можетъ изучить въ полнотѣ и относительно живомъ преданіи. Рядомъ съ «южно-русскими былинами» и «Разысканіями» авторъ началъ помѣщать въ запискахъ Академіи новый рядъ своихъ научныхъ работъ подъ названіемъ: Замѣтки по литературѣ и народной словесности. Явился пока первый выпускъ, въ которомъ помѣщенъ, между прочимъ, комментарій къ старой русской повѣсти о «Василіи королевичѣ златовласомъ чешскія земли», давно извѣстной по заглавію, но лишь недавно вновь открытой въ рукописяхъ Имп. публ. библ. нашимъ сочленомъ академикомъ А. Ѳ. Бычковымъ.

Академикъ И. В. Ягичъ издалъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ древне-славянской письменности, о которомъ

упоминалось въ отчетѣ за 1882 годъ—маріинское четвероевангеліе глаголическаго письма конца X-го или начала XI-го вѣка. Съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлалось извѣстнымъ, что В. И. Григоровичъ во время путешествія своего по Турціи пріобрѣлъ на Аѳонѣ глаголическое четвероевангеліе замѣчательной древности, представителей славянской филологіи какъ въ Россіи, такъ и за границею, не переставали настаивать на томъ, чтобы памятникъ былъ изданъ. Желанію этому суждено было осуществиться не ранѣе, какъ въ теченіи нынѣшняго года. Его опередило нѣсколькими годами изданіе такого же памятника, знаменитаго Зографскаго евангелія, которое на ряду съ Остромировымъ евангеліемъ составляетъ неоцѣнимый кладъ нашей публичной библіотеки. Если уже изданіе Зографскаго евангелія И. В. Ягичемъ въ 1879 году въ Берлинѣ встрѣчено было критикою очень сочувственно, то еще большей признательности въ правѣ ожидать сочленъ нашъ за строго-ученое изданіе Маріинскаго евангелія, въ которомъ онъ не ограничился вѣрною передачею текста и критическимъ подборомъ важнѣйшихъ разночтеній, но въ видѣ приложеній присоединилъ обширныя изслѣдованія, относящіяся къ палеографическимъ, грамматическимъ и другимъ особенностямъ издаваемаго памятника. Позволимъ еще указать на приложенный въ концѣ словарь (словоуказатель), какъ на трудъ образцовый.

Второй трудъ И. В. Ягича, о которомъ тоже упоминалось въ отчетѣ за 1882 годъ, изданіе памятниковъ древнерусской письменности, безъ котораго немыслима исторія русскаго языка — теперь уже настолько подвинулся, что первый томъ, обнимающій оба древнѣйшіе памятника древнерусской письменности послѣ Остромирова евангелія и двухъ сборниковъ Святослава, съ точно опредѣленными годами 1096 и 1097, выйдетъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Академикъ И. В. Ягичъ продолжалъ и въ этомъ году издавать свой ученый журналъ «Архивъ», спеціально посвященный славянской филологіи; седьмой томъ «Архива» выйдетъ надняхъ. Сверхъ многихъ критико-библіографическихъ статей, въ кото-

рыхъ редакторъ обозрѣваетъ широкую область славянской филологіи, по изданіямъ на различныхъ славянскихъ языкахъ, обращаютъ на себя вниманіе обширныя статьи, написанныя также самимъ редакторомъ о Синайскомъ требникѣ и молитвословѣ и о новѣйшей попыткѣ палеографическаго объясненія славянскаго письма.

Отвергая мнѣніе о происхожденіи глаголическаго письма изъ албанскаго, академикъ нашъ отстаиваетъ его греческій источникъ, полагая, что оно преимущественно, если не исключительно, образовалось изъ греческаго минускульнаго письма.

20-го іюля этого года скончался въ Пятигорскѣ членъ-корреспондентъ Академіи Наукъ по второму ея отдѣленію Алексѣй Егоровичъ **Викторовъ**.

По окончаніи, въ 1850 году, курса наукъ въ московской духовной академіи, А. Е. **Викторовъ** поступилъ на службу въ московскій архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Служба въ архивѣ пришлась какъ нельзя болѣе по душѣ **Викторову**: міръ рукописей сдѣлался роднымъ ему міромъ, изученію котораго онъ предался со всѣмъ жаромъ человѣка, угадавшаго свое настоящее призваніе. Ровно черезъ десять лѣтъ, въ 1862 году, **Викторовъ** назначенъ хранителемъ отдѣленія рукописей и старопечатныхъ книгъ въ московскомъ публичномъ и румянцевскомъ музеяхъ. Несомнѣннымъ доказательствомъ дѣятельности **Викторова** на этомъ поприщѣ служатъ слѣдующія, краснорѣчивыя данныя. До **Викторова**, въ отдѣленіи, которымъ онъ завѣдывалъ впослѣдствіи, старопечатныхъ книгъ было 200 и рукописей 800; при **Викторовѣ** и благодаря ему, число книгъ возросло до 3.000, а число рукописей — до 5.000. И эти богатства, накопленныя имъ съ необычайными усиліями и трудностями, онъ дѣлалъ общедоступными, открывая ихъ съ самою искреннею радостью для каждаго, желавшаго пользоваться ими съ научною цѣлью. Съ какимъ живымъ участіемъ относился онъ къ вопросамъ литературы и науки, объ этомъ могутъ засвидѣтельствовать всѣ тѣ лица, которымъ приходилось работать въ музеѣ и

бесѣдовать съ Викторовымъ. Въ душѣ ихъ сохранится навсегда его свѣтлый образъ и воспоминаніе о его неоцѣнимой готовности дѣлиться драгоцѣнными сокровищами, собиранію которыхъ онъ посвятилъ всю свою жизнь.

Работая неутомимо, Викторовъ обогатилъ нашу научную литературу весьма цѣнными вкладами. Назовемъ хотя нѣкоторые изъ нихъ

— Очеркъ собранія рукописей Ундольскаго.

— Каталогъ славяно-русскихъ рукописей Пискарева.

— Собраніе рукописей В. И. Григоровича.

— Собраніе рукописей П. И. Севастьянова.

— Собраніе рукописей И. Д. Бѣляева.

— Алфавитный указатель славянскихъ рукописей московской синодальной библіотеки.

— Кириллъ и Меѳодій. Новые источники и ученые труды для исторіи славянскихъ апостоловъ.

— Не было ли въ Москвѣ опытовъ книгопечатанія прежде 1564 года, и мн. друг.

Послѣднее изслѣдованіе есть часть обширнаго, неизданнаго еще труда. Къ числу важнѣйшихъ рукописныхъ трудовъ Викторова принадлежитъ описаніе Макарьевскихъ четьи-миней, сличенныхъ съ четьи-минеями другихъ русскихъ редакцій, съ указаніемъ подлинниковъ жизнеописаній въ греческихъ рукописяхъ или въ латинскихъ переводахъ въ Acta sanctorum и т. д.

---

22 августа этого года скончался членъ-корреспондентъ Академіи наукъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. Въ одно время съ Тургеневымъ избраны были, въ 1860 году, въ члены-корреспонденты Академіи наукъ: И. А. Гончаровъ—по Отдѣленію русскаго языка и словесности, Эрнестъ Ренанъ и Леопольдъ Ранке—по разряду

историко-политическихъ наукъ и Клодъ-Бернаръ—по біологическому разряду. Избирая Тургенева, Академія наукъ воздавала должное заслугамъ писателя, замѣчательнаго и по своему таланту и по своей образованности. Вполнѣ понимая значеніе науки, онъ искренно дорожилъ успѣхами просвѣщенія въ Россіи.

Научное образованіе свое Тургеневъ началъ въ московскомъ университетѣ, продолжалъ въ петербургскомъ и окончилъ въ берлинскомъ. Тургеневъ былъ студентомъ по историко-филологическому факультету, называвшемуся также и «словеснымъ факультетомъ» и «первымъ отдѣленіемъ философскаго факультета». Въ 1833 году Тургеневъ поступилъ въ московскій университетъ; пробылъ тамъ годъ, и выдержавъ экзаменъ изъ перваго курса во второй, перешелъ, въ 1834 году, въ петербургскій университетъ, гдѣ и окончилъ курсъ, въ 1836 году, съ степенью дѣйствительнаго студента. По тогдашнимъ правиламъ, «степени *дѣйствительнаго студента* удостоивались только тѣ, у коихъ въ частномъ числѣ изъ факультетскихъ предметовъ болѣе 3; при удостоеніи ученой степени *кандидата*, кромѣ баловъ въ частномъ числѣ не менѣе $3\frac{2}{3}$, особенно принималось въ уваженіе достаточное знаніе греческаго языка, прилежное посѣщеніе лекцій и явное возростаніе успѣховъ въ продолженіе трехлѣтняго курса». Не довольствуясь степенью дѣйствительнаго студента и «желая болѣе усовершенствоваться въ наукахъ посѣщеніемъ университетскихъ лекцій», Тургеневъ остался въ университетѣ еще на годъ, и снова держалъ окончательный экзаменъ. Въ журналѣ засѣданія перваго отдѣленія философскаго факультета, 24 іюня 1837 года, читаемъ: «дѣйствительный студентъ Тургеневъ, выпущенный изъ университета съ сею степенью въ прошломъ году; съ разрѣшенія совѣта, посѣщавшій цѣлый годъ лекціи третьяго курса, и оказавшій на нынѣшнемъ испытаніи вездѣ отличные или очень хорошіе успѣхи, удостоивается степени кандидата».

Будучи еще студентомъ, Тургеневъ выступилъ на литературное поприще. Онъ представлялъ на судъ профессора русской

словесности П. А. Плетнева свои первые опыты, въ числѣ которыхъ была и фантастическая драма *Стеніо*, написанная въ подражаніе Байроновскому Манфреду. П. А. Плетневъ пользовался особеннымъ сочувствіемъ своихъ слушателей: въ глазахъ ихъ онъ былъ окруженъ ореоломъ, какъ другъ Пушкина, Жуковскаго и Гоголя, какъ лицо, которому Пушкинъ посвятилъ своего Евгенія Онѣгина. Тургеневъ говоритъ: кто изучилъ Плетнева, не могъ не признать въ немъ

Души прекрасной,
Святой исполненной мечты,
Поэзіи живой и ясной,
Высокихъ думъ и простоты...

Одинъ изъ даровитѣйшихъ товарищей Тургенева такимъ образомъ отзывается о тогдашнемъ состояніи петербургскаго университета: «Какъ ни слабъ еще былъ духъ науки, и въ преподавателяхъ и въ учащихся, университетъ нашъ давалъ воспитанникамъ своимъ, по отношенію къ умственному ихъ развитію, гораздо болѣе, чѣмъ другія, спеціальныя учебныя заведенія высшаго разряда; въ нравственномъ же отношеніи вліяніе его оказывалось въ высшей степени благотворнымъ. Изъ стѣнъ университета студенты выходили съ несравненно болѣе чистыми понятіями и гораздо благороднѣйшими стремленіями, чѣмъ тѣ, какія пріобрѣтались и внушаемы были подъ домашнимъ кровомъ,—выходили съ горячимъ чувствомъ любви къ родинѣ, съ расположеніемъ содѣйствовать, по мѣрѣ силъ, всему для нея полезному, съ вѣрою въ будущность Россіи».

По выходѣ изъ петербургскаго университета, Тургеневъ отправился «доучиваться» въ Берлинъ. Въ берлинскомъ университетѣ было тогда много горячихъ приверженцевъ Гегеля, занимавшаго тамъ каѳедру философіи съ 1818 года до самой смерти своей, послѣдовавшей въ 1831 году. Идеи Гегеля считались высшимъ откровеніемъ философской науки и, благодаря усердію

гегелистовъ, распространяли свое вліяніе на различныя отрасли знаній. Находясь въ Берлинѣ, Тургеневъ «занимался философіей, древними языками, исторіей и съ особеннымъ рвеніемъ изучалъ Гегеля, подъ руководствомъ профессора Вердера». Тургеневъ пробылъ въ Берлинѣ около двухъ лѣтъ.

Годы ученія миновали; наступала пора самостоятельной дѣятельности. Тургеневъ сталъ раздумывать, что̀ ему дѣлать съ собою—оставаться ли на родинѣ или искать счастья подъ чужимъ небомъ. Располагая весьма значительными матеріальными средствами, онъ могъ не стѣсняться выборомъ и дать полную волю своимъ мечтамъ и предположеніямъ. Его природныя наклонности влекли его туда, гдѣ представлялось наиболѣе простора и пищи для художественнаго чувства, гдѣ жизнь могла бы устроиться хоть сколько нибудь сообразно съ тѣмъ идеаломъ, который выражается въ стихахъ поэта:

> Не дорого цѣню я громкія права,
> Отъ коихъ не одна кружится голова...
> Иная, лучшая потребна мнѣ свобода....
> По прихоти своей скитаться здѣсь и тамъ,
> Дивясь божественнымъ природы красотамъ,
> И предъ созданьями искусствъ и вдохновенья
> Безмолвно утопать въ восторгахъ умиленья—
> Вотъ счастье, вотъ права!

Благодаря счастливо сложившимся обстоятельствамъ Тургеневъ могъ свободно предаваться эстетическимъ наслажденіямъ. Но судьба зло подшутила надъ нимъ. Нежданно-негаданно онъ очутился въ обстановкѣ, вовсе неудобной для служенія музамъ, именно—въ съѣзжемъ домѣ второй адмиралтейской части. Арестованіе Тургенева произвело большое впечатлѣніе въ петербургскомъ обществѣ. Стали говорить, хотя и весьма робко, о томъ, что Тургеневъ не только писатель, но и дворянинъ, имѣющій двѣ тысячи крестьянъ, и вслѣдствіе этого ожидали какого-

либо заявленія со стороны дворянства, тѣмъ болѣе, что еще недавно самъ государь, обращаясь къ депутатамъ отъ дворянства, назвалъ себя первымъ русскимъ дворяниномъ. Что же касается до званія писателя, то за него некому было заступиться, и оставалось только съ горькою улыбкою повторять остроту, ходившую тогда по Петербургу: «напрасно говорятъ, что литература не пользуется у насъ уваженіемъ; напротивъ того—литература у насъ *въ части*».

Арестъ и послѣдовавшая затѣмъ ссылка имѣли, по свидѣтельству самого Тургенева, такое существенное вліяніе на его литературную дѣятельность, что мы считаемъ необходимымъ остановиться съ нѣкоторою подробностью на печальномъ событіи, которое должно быть представлено въ своемъ настоящемъ свѣтѣ.

Тургеневъ арестованъ за статью, написанную имъ по поводу смерти Гоголя. Жестокая потеря, понесенная русскою литературою, заставила русскихъ писателей взяться за перо для выраженія своей скорби: Некрасовъ выразилъ ее въ стихахъ, Тургеневъ—въ прозѣ. Статья или вѣрнѣе статейка Тургенева, подъ заглавіемъ: *Н. В. Гоголь*, написана подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ роковой вѣсти: авторъ писалъ ее обливаясь слезами—«плакалъ на взрыдъ». Тургеневъ говоритъ: «Гоголь умеръ! Какую русскую душу не потрясутъ эти два слова? Онъ умеръ, этотъ человѣкъ, котораго мы теперь имѣемъ право—горькое право, данное намъ смертію,—назвать великимъ писателемъ... Мы не въ силахъ теперь спокойно говорить о Гоголѣ. Самый любимый, самый знакомый образъ не ясенъ для глазъ, орошенныхъ слезами... Мысль, что его прахъ будетъ покоиться въ Москвѣ, наполняетъ насъ какимъ-то горестнымъ удовлетвореніемъ. Да, пусть онъ покоится тамъ, въ этомъ сердцѣ Россіи, которую онъ такъ глубоко зналъ и такъ любилъ,—такъ горячо любилъ, что одни легкомысленные или близорукіе не чувствуютъ присутствія этого любовнаго пламени въ каждомъ имъ сказанномъ словѣ... Миръ его праху, вѣчная память его жизни, вѣчная слава его имени!» Въ приведенныхъ нами выдержкахъ заключаются дан-

ныя, на основаніи которыхъ составленъ обвинительный актъ. Но кто былъ его составителемъ, и кѣмъ возбужденъ вопросъ о преслѣдованіи Тургенева. Самъ Тургеневъ приписываетъ всю бѣду навѣтамъ М. Н. Мусина-Пушкина, бывшаго въ то время попечителемъ с.-петербургскаго учебнаго округа и предсѣдателемъ цензурнаго комитета. Вотъ подлинныя слова Тургенева: «Я нисколько не намѣренъ обвинять тогдашнее правительство; попечитель с.-петербургскаго округа, теперь уже покойный, Мусинъ-Пушкинъ представилъ, изъ неизвѣстныхъ мнѣ видовъ, все дѣло какъ явное неповиновеніе съ моей стороны. Онъ не поколебался завѣрить высшее начальство, что онъ призывалъ меня лично, и лично передалъ мнѣ запрещеніе печатать мою статью. А я г. Мусина-Пушкина и въ глаза не видалъ, и никакого съ нимъ объясненія не имѣлъ. Нельзя же было правительству подозрѣвать сановника — довѣренное лицо — въ подобномъ искаженіи истины! Но все къ лучшему. Пребываніе подъ арестомъ, а потомъ въ деревнѣ принесло мнѣ несомнѣнную пользу: оно *сблизило меня съ такими сторонами русскаго быта, которыя, при обыкновенномъ ходѣ вещей, вѣроятно ускользнули бы отъ моего вниманія*».

Не знаемъ, откуда Тургеневъ заимствовалъ сообщаемыя имъ свѣдѣнія, но они не вполнѣ подтверждаются обстоятельствами дѣла. Оказывается, что Мусинъ-Пушкинъ не самъ возбудилъ дѣло, а былъ только привлеченъ къ нему въ качествѣ свидѣтеля, и въ показаніяхъ своихъ вовсе не упоминаетъ объ умышленномъ будто-бы неповиновеніи Тургенева. На вопросъ графа А. О. Орлова, была ли статья Тургенева представлена въ цензурный комитетъ, и «какое послѣдовало постановленіе относительно напечатанія» этой статьи, Мусинъ-Пушкинъ отвѣчалъ, 25 марта 1852 года, слѣдующее: «Статья о Гоголѣ представлена мнѣ была въ корректурѣ 29-го прошедшаго февраля цензоромъ Пейкеромъ, для помѣщенія въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ. Прочитавъ статью, я не дозволилъ оную печатать. Мнѣ казалось неумѣстнымъ писать о Гоголѣ въ такихъ пыш-

ныхъ выраженіяхъ, едва-ли приличныхъ, говоря о смерти Державина, Карамзина или нѣкоторыхъ другихъ нашихъ знаменитыхъ писателей, и представлять смерть Гоголя какъ незамѣнимую потерю, а нераздѣляющихъ это мнѣніе — легкомысленными или близорукими. Мнѣ казалось, что всѣ эти возгласы, какъ выраженія частнаго мнѣнія, не должно дозволять представлять какъ чувства, впечатлѣнія и воззрѣнія общія». За исключеніемъ этого письма, нѣтъ никакихъ слѣдовъ участія Мусина-Пушкина въ дѣлѣ о Тургеневѣ и о его статьѣ.

Поводомъ къ обвиненію Тургенева послужили другія причины, и прямыя и косвенныя. Нѣкоторыя изъ лицъ, читавшихъ статью Тургенева до появленія ея въ газетѣ, были нѣсколько озадачены тѣмъ, что авторъ называетъ Москву сердцемъ Россіи, а Гоголя — *великимъ* писателемъ. Въ томъ кругу нашего общества, гдѣ нѣмецкій языкъ предпочитался русскому, казалось весьма неприличнымъ сопоставить: Friedrich der grosse и Gogol der grosse. Одна высокопоставленная дама находила, что Тургеневъ наказанъ черезчуръ строго, и хотѣла ходатайствовать за него; но когда ей доложили, что онъ называетъ Гоголя *великимъ* человѣкомъ, она отказалась отъ своего намѣренія, замѣтивши, что Тургеневъ терпитъ подѣломъ.

Въ частномъ письмѣ Тургенева къ И. С. Аксакову были такія строки: «Скажу вамъ безъ преувеличенія: съ тѣхъ поръ какъ я себя помню, ничего не произвело на меня такого впечатлѣнія, какъ смерть Гоголя. Эта страшная смерть — историческое событіе, понятное не сразу; это — тайна, тяжелая грозная тайна... Ничего отраднаго не найдетъ въ ней тотъ, кто ее разгадаетъ. *Трагическая судьба Россіи* отражается на тѣхъ изъ русскихъ, кои ближе другихъ стоятъ къ ея нѣдрамъ... Гоголь погибъ! Мнѣ, право, кажется, что онъ умеръ потому, что рѣшился, захотѣлъ умереть... Г. Мусинъ-Пушкинъ не устыдился назвать Гоголя публично писателемъ лакейскимъ... Сидя въ грязи по горло, эти люди принялись ѣсть эту грязь, — наздоровье! Благороднымъ людямъ должно теперь крѣпче, чѣмъ ког-

да-нибудь, держаться за себя и другъ за друга. Пускай хоть эту пользу принесетъ смерть Гоголя»! Въ другомъ частномъ письмѣ, къ В. П. Боткину, Тургеневъ спрашиваетъ: «Нельзя ли попробовать напечатать то̀, что̀ я написалъ о Гоголѣ (разумѣется, безъ подписи) въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, какъ отрывокъ изъ письма отсюда? Je voudrais sauver l'honneur des honnêtes gens qui vivent ici». Усиливающимъ вину обстоятельствомъ признано и то̀, что «въ нынѣшнее время литераторы являются дѣйствующими лицами во всѣхъ бѣдственныхъ для государства смутахъ» и то̀, что «Тургеневъ долженъ быть человѣкъ пылкій и предпріимчивый». Въ оффиціальномъ докладѣ говорится только что Мусинъ-Пушкинъ запретилъ статью, а Тургеневъ «вмѣсто того, чтобы покориться рѣшенію начальствующаго лица, отправилъ статью свою въ Москву и напечаталъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ». На этомъ основаніи, графъ А. Ѳ. Орловъ предлагалъ: пригласить Тургенева въ третье отдѣленіе собственной Е. И. В. канцеляріи, сдѣлать Тургеневу должное внушеніе и учредить за нимъ секретный надзоръ. Государь написалъ на докладѣ: «Полагаю, этого мало, а за явное ослушаніе посадить его на мѣсяцъ подъ арестъ, и выслать на жительство на родину, подъ присмотръ».

Черезъ нѣсколько дней по арестованіи Тургенева, оберъ-полицеймейстеръ, по словесному требованію Л. В. Дубельта, предписалъ приставу исполнительныхъ дѣлъ второй адмиралтейской части, чтобы онъ отнюдь никого не допускалъ для свиданія съ содержащимся при этой части помѣщикомъ Тургеневымъ. Находясь подъ арестомъ, Тургеневъ написалъ письмо къ наслѣднику-цесаревичу Александру Николаевичу, къ которому писалъ неоднократно и во время своей ссылки, но неизвѣстно, получалъ ли на свои письма, черезъ кого бы то ни было, отвѣты.

16 апрѣля 1852 года арестованъ Тургеневъ, а 18 мая того же года высланъ на родину, въ деревню, орловской губерніи. Ему запрещено было посѣщать другія его имѣнія, находящіяся въ сосѣднихъ губерніяхъ. Послѣ нѣсколькихъ

неудачныхъ просьбъ о дозволеніи участвовать въ дворянскихъ выборахъ и пріѣхать въ столицу, Тургеневъ получилъ наконецъ желаемое разрѣшеніе. Оно послѣдовало 14 ноября 1853 года, но вмѣстѣ съ тѣмъ приказано «имѣть Тургенева подъ строжайшимъ присмотромъ». При смягченіи участи Тургенева приняты во вниманіе: его раскаяніе, его долговременная ссылка и то обстоятельство, что кромѣ статьи о смерти Гоголя «онъ ни въ чемъ неблагонамѣренномъ никогда замѣченъ не былъ». Прекращеніи ссылки Тургенева ревностно содѣйствовалъ графъ А. К. Толстой; объ этомъ съ благодарностью говоритъ самъ Тургеневъ.

По освобожденіи изъ ссылки, Тургеневъ осудилъ самъ себя на новую ссылку — на долгую, даже на вѣчную разлуку съ родиной. Покидая Россію, Тургеневъ, по его собственному свидѣтельству, весьма ясно сознавалъ всѣ невыгоды отторженія отъ родной земли и насильственнаго разрыва всѣхъ связей и нитей, прикрѣпляющихъ къ родному быту. Изъ всѣхъ обвиненій и укоровъ, падавшихъ на Тургенева, онъ самъ признавалъ несомнѣнно справедливыми тѣ, которые основывались на его удаленіи отъ родины. Но чѣмъ же объяснить его добровольное изгнаніе? Какъ на одну изъ причинъ Тургеневъ указываетъ на тогдашнее состояніе нашей общественной жизни и на то невыносимое положеніе, которое выпало въ ней на долю писателей. Онъ говоритъ: «Тяжелыя тогда стояли времена, — пусть читатель самъ посудитъ. Утромъ тебѣ, быть можетъ, возвратили корректуру, обезображенную красными чернилами, словно окровавленную. На улицѣ тебѣ попалась фигура господина Булгарина или друга его господина Греча. Бросишь вокругъ себя мысленный взоръ: взяточничество процвѣтаетъ, крѣпостное право стоитъ какъ скала, казарма на первомъ планѣ, суда нѣтъ, носятся слухи о закрытіи университетовъ. Литераторъ — кто бы онъ ни былъ — не могъ не чувствовать себя чѣмъ-то въ родѣ контрабандиста» и т. д. Но въ этихъ словахъ заключается столько же оправданія, сколько и осужденія. Тяжело было жить въ Россіи — говоритъ

Тургеневъ; но именно въ такую-то пору лучшіе люди и не должны покидать своей родной земли. Притомъ-же Тургеневъ вѣрилъ въ неизбѣжную побѣду добраго начала надъ злымъ, просвѣщенія надъ невѣжествомъ. Онъ говорилъ: «Рука Бога не перестанетъ сѣять въ души зародыши великихъ стремленій, и рано или поздно свѣтъ побѣдитъ тьму». Но для того, чтобы вѣру эту осуществить на дѣлѣ — чтобы содѣйствовать приближенію благотворнаго свѣта, надо обречь себя на борьбу, а для борьбы необходима сила воли. Отсутствіе этой-то силы и составляло ахиллесову пяту Тургенева. Онъ не только приносилъ повинную въ прирожденномъ своемъ грѣхѣ; но и самъ казнилъ себя, и казнилъ неумолимо — въ тѣхъ изображаемыхъ имъ вымышленныхъ лицахъ, лютое горе которыхъ заключается въ безсиліи воли. Подобно своимъ излюбленнымъ героямъ, онъ не могъ совладать съ своею судьбою. Онъ чувствовалъ ту бездну, которая находилась между нимъ, русскимъ писателемъ, и окружающею его средою; душа его рвалась въ Россію, а онъ все-таки оставался на чужбинѣ, лелѣя въ себѣ грустную думу, чтобы его «тоскующія кости» перенесены были на родину. Онъ всѣмъ сердцемъ понималъ слова поэта:

> И хоть безчувственному тѣлу
> Равно повсюду истлѣвать,
> Но ближе къ *милому предѣлу*
> Мнѣ все-бъ хотѣлось почивать. . . .

Взглядъ Тургенева на людей и людскія дѣла становился все мрачнѣй и мрачнѣй. Напрасно обращался онъ къ матери-природѣ; она являлась уже не любящею, а разрушительною силою: «Всѣ твари мои дѣти, — говорила она — я одинаково о нихъ забочусь и одинаково истребляю ихъ. Я тебѣ дала жизнь, я ее отниму, и дамъ другимъ — червямъ или людямъ, мнѣ все равно». . . Подавляемый мыслію о ничтожествѣ человѣка, со всѣми его мечтами и надеждами, Тургеневъ приходитъ къ тому печальному заключенію, что «самая суть жизни мищенски плоска.

Проникнувшись *этимъ* сознаньемъ, отвѣдавъ *этой* полыни, никакой уже медъ не покажется сладкимъ, — и даже высшее, сладчайшее счастье, счастье любви теряетъ все свое обаяніе. Человѣкъ полюбилъ, залепеталъ о вѣчномъ блаженствѣ, — смотришь: давнымъ давно уже нѣтъ слѣда самого того червя, который выѣлъ послѣдній остатокъ его изсохшаго языка»... По поводу споровъ и пререканій, вызванныхъ его сочиненіями, Тургеневъ замѣчаетъ: «Кто черезъ двадцать, тридцать лѣтъ будетъ помнить обо всѣхъ этихъ буряхъ въ стаканѣ воды и — о моемъ имени, съ тѣнью или безъ тѣни»?

По счастью для русской литературы, на этотъ послѣдній вопросъ можно дать отвѣтъ весьма опредѣленный. Имя Тургенева будутъ долго и долго и помнить и цѣнить всѣ тѣ, кому дороги будутъ судьбы родной словесности, кому дорого будетъ безсмертное имя Пушкина, ученикомъ котораго такъ искренно и такъ справедливо называлъ себя Тургеневъ. Выражая желаніе быть погребеннымъ «у ногъ Пушкина», Тургеневъ какъ бы намѣтилъ свое мѣсто и въ исторіи русской литературы: имя Пушкина будетъ стоять въ ней во главѣ того періода, въ которомъ Тургеневъ займетъ одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ.

Тургеневъ проникнутъ былъ живымъ, непоколебимымъ, благоговѣйнымъ сочувствіемъ къ своему великому учителю. Поэзія Пушкина служила путеводною звѣздою для Тургенева, и много содѣйствовала развитію его художественнаго таланта. Пушкину обязанъ Тургеневъ своимъ эстетическимъ воспитаніемъ — первыми лучами того свѣта, безъ котораго невозможно ни вѣрное пониманіе искусства, ни разумное служеніе ему. Тургеневъ совѣтуетъ каждому начинающему писателю вытвердить наизустъ и помнить какъ заповѣдь безсмертный сонетъ Пушкина:

Поэтъ, не дорожи любовію народной!
Восторженныхъ похвалъ пройдетъ минутный шумъ,
Услышишь судъ глупца и смѣхъ толпы холодной;
Но ты останься твердъ, спокоенъ и угрюмъ.

. . . . Дорогою *свободной*
Иди, куда влечетъ тебя *свободный* умъ,
Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ,
Не требуя наградъ за подвигъ благородный. . . .

Поясняя основную мысль сонета Пушкина, Тургеневъ находитъ, что свобода творчества такъ-же необходима для поэзіи, какъ свобода изслѣдованія для науки. Онъ говоритъ: «Ничто такъ не освобождаетъ человѣка, какъ знаніе, и нигдѣ такъ свобода не нужна, какъ въ дѣлѣ художества, поэзіи. . . Главный грѣхъ нашей критики состоитъ въ томъ, что она несвободна. . . Намъ во всемъ и всюду нуженъ баринъ: бариномъ этимъ бываетъ большею частію живой субъектъ, иногда какое-нибудь такъ называемое направленіе. . . Талантъ настоящій никогда не служитъ постороннимъ цѣлямъ; окружающая его жизнь даетъ ему содержаніе — онъ является ея сосредоточеннымъ отраженіемъ; но онъ такъ же мало способенъ написать панегирикъ, какъ и пасквиль. Подчиниться заданной темѣ или проводить программу могутъ только тѣ, которые другаго, лучшаго не умѣютъ».

Придавая такое существенное значеніе свободѣ поэтическаго творчества, Тургеневъ не только оставался вѣренъ лучшимъ преданіямъ и русской и вообще европейской литературы, но и находился на высотѣ современнаго ему уровня философской науки, именно той ея области, въ которую входили вопросы искусства, поэзіи, литературы.

Вопросъ о свободѣ художественнаго творчества поставленъ былъ съ особенною опредѣленностью Шиллеромъ въ его знаменитомъ разсужденіи объ эстетическомъ воспитаніи человѣка. Шиллеръ занимался рѣшеніемъ этого вопроса въ эпоху французской революціи, когда животрепещущія событія устремляли мысль не къ философской, а къ политической свободѣ. Но по глубокому убѣжденію Шиллера, для того, чтобы достигнуть свободы политической, необходимо открыть ей вѣрный путь, образовать живую силу общества — человѣка. При созданіи разумнаго обще-

ственнаго устройства, свободная воля человѣка должна подчиниться закону и вмѣстѣ съ тѣмъ не потерять своей свободы, а для этого необходимо согласить влеченіе, склонность съ требованіями долга. Такое соглашеніе и должно быть цѣлію эстетическаго воспитанія. Искусство, какъ и наука, не подлежитъ произволу. Художникъ есть сынъ вѣка, но горе ему, если онъ захочетъ быть его любимцемъ. Наслажденье художественнымъ произведеніемъ освобождаетъ духъ человѣка отъ всѣхъ оковъ, открывая его для благороднѣйшихъ впечатлѣній. Матерія, содержаніе можетъ потерять свое значеніе, а художественная форма не подлежитъ прихотямъ судьбы и людей. Римляне раболѣпно склоняли колѣна передъ цезарями, а созданія искусства—статуи стояли такъ же гордо и прямо. Человѣчество потеряло свое достоинство, искусство спасло и сохранило его, и т. д.

Взгляды, высказанные Шиллеромъ въ разсужденіи объ эстетическомъ воспитаніи, встрѣтили всеобщее сочувствіе. Ихъ признали вполнѣ вѣрными, глубокими и разумными такіе строгіе и геніальные судьи, какъ Вильгельмъ Гумбольдтъ, Кантъ и самъ Гете, осуждавшій Шиллера за его прежнія эстетическія сочиненія, въ которыхъ видѣлъ черезчуръ много идеализма. Идеи истинно великихъ мыслителей обладаютъ необыкновенною живучестью; время видоизмѣняетъ ихъ, придаетъ имъ новыя черты, но суть продуманнаго геніальнымъ умомъ остается надолго неизмѣнною.

Въ самый блестящій періодъ литературной дѣятельности Тургенева, въ научныхъ изслѣдованіяхъ первостепенныхъ ученыхъ Европы слѣдующимъ образомъ разсматривался вопросъ о художественномъ творчествѣ. Свобода признавалась необходимымъ условіемъ для художника и въ выборѣ предметовъ и въ ихъ изображеніи. Писатель-художникъ не долженъ быть связанъ ни предвзятою мыслію, ни направленіемъ кружка или партіи. Свѣтъ поэзіи, какъ и свѣтъ солнца, долженъ свѣтить и на праведныхъ и на неправедныхъ. Истинный художникъ, если даже онъ и принадлежитъ къ какой-либо партіи, не дойдетъ до фана-

тической нетерпимости, и отнесется участливо хотя къ нѣкоторымъ чертамъ и событіямъ въ жизни людей враждебной ему партіи, какъ напримѣръ, къ постигающимъ ихъ бѣдствіямъ и страданіямъ. При всемъ сочувствіи къ добру и къ нравственному достоинству человѣка, писатель имѣетъ полное право изображать и темныя стороны жизни; но рисуя картину зла, онъ указываетъ тѣ тонкія, невидимыя нити, которыя связываютъ человѣка, даже и въ его паденіи, съ его утраченнымъ образомъ — съ добрыми и свѣтлыми началами человѣческой природы. Тотъ, кто отвергаетъ художественное произведеніе потому только, что оно противорѣчитъ взглядамъ его партіи, тотъ обнаруживаетъ не только свое невѣжество въ эстетическомъ отношеніи, но и свою умственную ограниченность (als mensch bornirt ist), и т. д.

Главная задача художника состоитъ, по мнѣнію Тургенева, въ *правдивомъ* изображеніи жизни: «всякій писатель, *не лишенный таланта*, старается прежде всего вѣрно и живо воспроизводить впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ собственной и чужой жизни; *коли онъ правдивъ, значитъ онъ правъ*». Художественная правдивость составляетъ одно изъ отличительныхъ свойствъ произведеній Тургенева: ею восхищаются друзья нашего писателя; ея не отрицаютъ и его недруги. Въ ней же, въ этой правдивости, заключается источникъ и величайшихъ радостей и самыхъ горькихъ разочарованій, испытанныхъ Тургеневымъ на литературномъ поприщѣ.

Запрещая нѣкоторыя мѣста въ Запискахъ охотника, цензура руководствовалась тѣмъ соображеніемъ, что они «могутъ имѣть вредное вліяніе на бо́льшую часть нашихъ помѣщиковъ, которые, къ сожалѣнію, *походятъ во всемъ*» на помѣщика, изображеннаго Тургеневымъ (Мардарія Аполлоныча Стегунова). Лица, обвинявшія Тургенева въ нападкахъ на молодое поколѣніе, соглашаются однако же, что краски для изображенія такъ называемыхъ нигилистовъ онъ бралъ изъ дѣйствительной жизни.

Наибольшую долю радостей принесъ Тургеневу романъ его: «Дворянское гнѣздо» — одно изъ превосходнѣйшихъ произведе-

ній нашей беллетристики вообще. Замѣчательная способность художника переноситься въ созданный имъ міръ и вполнѣ овладѣвать и содержаніемъ и формою произведенія — обнаруживается здѣсь во всемъ своемъ блескѣ. Прямо изъ жизни взяты дѣйствующія лица романа; жизнію же созданы и ихъ взаимныя отношенія и самая судьба ихъ, разсказанная авторомъ съ искренностью лѣтописца, съ правдивостью мыслящаго наблюдателя и съ такимъ теплымъ, человѣческимъ участіемъ, которое производитъ на душу читателя неотразимое и возвышающее ее впечатлѣніе. Въ свѣтломъ, привлекательномъ образѣ «Лизы» является, какъ живая, та великая нравственная сила, которою стоитъ міръ и поддерживается вѣра въ человѣка, и которая, обнаруживаясь на дѣлѣ — принесеніемъ личныхъ интересовъ въ жертву требованіямъ долга и совѣсти, заставляетъ самыхъ закоренѣлыхъ скептиковъ сказать: «не умеръ Богъ въ душѣ людей». . . .

Поразительная противоположность между «Лизою» и «Варварою Павловною» показываетъ, какое значеніе придавалъ Тургеневъ, въ создаваемыхъ имъ типахъ, нравственному достоинству человѣка. Нравственное начало служитъ основою любви, въ какомъ бы смыслѣ ни понималось это слово — въ тѣсномъ ли (любовь мужчины къ женщинѣ) или въ самомъ широкомъ (любовь къ истинѣ, къ родинѣ, къ человѣчеству). Любовь, изображаемая Тургеневымъ такими тонкими и художественными чертами, не имѣетъ ничего общаго съ тѣми эротическими сюжетами, которые, по выраженію Шиллера, дѣйствуютъ на неразвитаго читателя, какъ опьяняющій напитокъ. Въ любви, какъ понималъ ее Тургеневъ, стремленье къ личному счастью облагораживается и возвышается живымъ, искреннимъ сочувствіемъ къ несчастію другихъ. На Тургенева, какъ на ученика Пушкина, падали иногда укоры въ восторженномъ поклоненіи небесной красотѣ «любящей и ласково поющей» музы, напѣвамъ которой совѣтовали предпочитать внушенія другой, неласковой и нелюбимой музы —

Печальной спутницы печальныхъ бѣдняковъ,
Рожденныхъ для борьбы, страданья и трудовъ...

Но эти музы враждебны только повидимому, т. е. если смотрѣть на нихъ съ предвзятою мыслью; въ поэзіи же они примиряются, и примиряющимъ началомъ служитъ любовь. Позволяю себѣ привести два изображенія примиряющаго дѣйствія любви, принадлежащія писателямъ, которые считаются обыкновенно представителями двухъ противоположныхъ направленій.

Въ больницу привели съ проломленной въ кровь головой

Стараго вора: въ острогѣ его
Буйный товарищъ изранилъ.
Онъ не хотѣлъ исполнять ничего,
Только грозилъ и буянилъ.
Наша сидѣлка къ нему подошла,
Вздрогнула вдругъ — и ни слова...
Въ странномъ молчаньи минута прошла:
Смотрятъ одинъ на другаго...
Кончилось тѣмъ, что угрюмый злодѣй,
Пьяный, обрызганный кровью,
Вдругъ зарыдалъ передъ первой своей,
Давно-погибшей любовью.
Смолоду знали другъ друга они...
Круто старикъ измѣнился:
Началъ молиться и ночи и дни,
Передъ врачами смирился...
Не было средства однако помочь ..
Все, чтó имѣла, она продала —
Съ честью его схоронила...

Въ одной изъ повѣстей Тургенева такимъ образомъ описывается впечатлѣніе, произведенное на человѣка, тогда еще молодаго, смертію женщины, прелестной и очаровательной, бывшей его первою любовью: «Я не остался глухъ на печальный го-

лосъ, долетѣвшій до меня изъ-за могилы. Помнится, нѣсколько дней спустя послѣ того дня, когда я узналъ о смерти Зинаиды, я самъ, по собственному неотразимому влеченію, присутствовалъ при смерти одной бѣдной старушки. Покрытая лохмотьями, на жесткихъ доскахъ, съ мѣшкомъ подъ головою, она трудно и тяжело кончалась. Вся жизнь ея прошла въ горькой борьбѣ съ ежедневной нуждою; не видала она радости, не вкушала отъ меду счастія... И помню я, что тутъ, у одра этой бѣдной старушки, мнѣ стало страшно за Зинаиду, и захотѣлось мнѣ помолиться за нее, за отца, — и за себя».

Горе и несчастія, постигающія человѣка, всегда находили сочувствіе у Тургенева, какъ писателя-художника. Самое страшное горе, самое жестокое несчастіе обрушилось на Базаровыхъ, отца и мать: они потеряли единственнаго сына. Все, что осталось у нихъ на землѣ — могила сына: «Приблизятся къ оградѣ, припадутъ, и станутъ на колѣна, и долго и горько плачутъ, и долго и внимательно смотрятъ на нѣмой камень, подъ которымъ лежитъ ихъ сынъ. Помѣняются короткимъ словомъ, пыль смахнутъ съ камня, да вѣтку елки поправятъ, и снова молятся, и не могутъ покинуть это мѣсто, откуда имъ какъ будто ближе до ихъ сына... Неужели ихъ молитвы, ихъ слезы безплодны? Неужели любовь, святая, преданная любовь не всесильна? О, нѣтъ! Какое бы страстное, грѣшное, бунтующее сердце ни скрылось въ могилѣ, цвѣты, растущіе на ней, безмятежно глядятъ на насъ своими невинными глазами: не объ одномъ вѣчномъ спокойствіи говорятъ намъ они, о томъ великомъ спокойствіи «равнодушной» природы; они говорятъ также о вѣчномъ примиреніи и о жизни безконечной».

Подобно своему великому учителю — Пушкину, сказавшему: «нѣтъ убѣдительности въ поношеніяхъ, и нѣтъ истины, гдѣ нѣтъ любви», Тургеневъ находилъ, что гдѣ «мало любви», тамъ «мало истины», и что «порицать имѣетъ право только тотъ, кто любитъ» и т. п.

Въ произведеніяхъ Тургенева слышится присутствіе того

начала, которое ведетъ къ уразумѣнію истины: негодованіе его не переходитъ въ ожесточенную ненависть и злобу; въ порицаніяхъ его проглядываютъ искры любви.

Въ отношеніи же къ самому Тургеневу, при оцѣнкѣ его литературной дѣятельности, сочувствіе и осужденіе высказывались, большею частію, независимо одно отъ другаго. Изъ многочисленныхъ читателей и судей Тургенева одни искренно его любили, другіе, составлявшіе впрочемъ меньшинство, сильно и очень сильно его порицали. И хвалы и порицанія, и любовь и ненависть объясняются отчасти особенностями таланта Тургенева, отчасти содержаніемъ его произведеній. По своему взгляду на призваніе художника, по своей чуткости и отзывчивости, Тургеневъ не могъ оставаться равнодушнымъ къ тому, что̀ происходило въ средѣ самой близкой его сердцу — что̀ совершалось въ русской жизни. Изображая яркими чертами животрепещущія событія и свободно анализируя ихъ, художникъ дотрогивался до самыхъ чувствительныхъ нервовъ общественнаго организма. Знаменитыя «Записки охотника» послужили уже поводомъ къ недоразумѣніямъ, не особенно впрочемъ серьезнымъ; но страшная буря разразилась надъ Тургеневымъ, какъ надъ авторомъ романа: «Отцы и дѣти».

Что касается «Записокъ охотника», то на нихъ смотрѣли преимущественно съ двухъ точекъ зрѣнія. Одни признавали ихъ прекраснымъ художественнымъ произведеніемъ; другіе видѣли въ нихъ протестъ противъ крѣпостнаго права.

По поводу новаго изданія «Записокъ охотника» высказаны были, въ 1852 году, однимъ изъ цензоровъ слѣдующія соображенія: «Вникнувъ внимательно въ содержаніе этихъ записокъ, и обсудивъ ихъ со всѣхъ сторонъ, невольно пріидешь къ заключенію, что при изданіи оныхъ г. Тургеневъ, человѣкъ, какъ извѣстно богатый, конечно не имѣлъ въ виду прибыли отъ продажи своего сочиненія, но вѣроятно имѣлъ совершенно другую цѣль, для достиженія которой и напечаталъ помянутую книгу . . . Мнѣ кажется, что книга Тургенева сдѣлаетъ болѣе зла, чѣмъ

добра... Полезно-ли, напримѣръ, доказывать нашему грамотному народу, что крестьяне наши, которыхъ авторъ до того опоэтизировалъ, что видитъ въ нихъ администраторовъ, раціоналистовъ, людей восторженныхъ и мечтательныхъ (Богъ знаетъ, гдѣ онъ нашелъ такихъ!), — что крестьяне эти находятся въ угнетеніи; что помѣщики ведутъ себя неприлично и противузаконно; что исправники и другія власти берутъ взятки, или, наконецъ, что крестьянину жить на свободѣ привольнѣе, лучше» и т. д.

Самъ авторъ упорно отрицалъ, что перомъ его руководило предвзятое намѣреніе послужить дѣлу, хотя и прекрасному — освобожденію крестьянъ. Онъ смотрѣлъ на свое произведеніе, какъ на попытку сближенія нашей литературы съ народною жизнію, какъ на одну изъ первыхъ нашихъ «деревенскихъ исторій» — dorfgeschichten. Существенная заслуга Тургенева заключается именно въ томъ, что онъ изображалъ крестьянскую жизнь въ ея настоящемъ видѣ, и своимъ правдивымъ изображеніемъ возбуждалъ сочувствіе къ судьбѣ крестьянина у всѣхъ непредубѣжденныхъ читателей. Весьма замѣчателенъ въ этомъ отношеніи отзывъ И. А. Гончарова, разсматривавшаго, по званію цензора, «Записки охотника» въ 1858 году, когда снова возникло дѣло объ ихъ изданіи. «Эта книга — говоритъ И. А. Гончаровъ — обратила на себя вниманіе тѣмъ, что въ ней мѣстами какъ-бы выражалось желаніе улучшенія быта крестьянъ, и второе изданіе ея до времени было пріостановлено. Такъ-какъ великое дѣло улучшенія крестьянъ, по высочайшей волѣ, приводится нынѣ въ исполненіе, то книга Тургенева не только потеряла всякое сомнительное значеніе, но она скорѣе можетъ подтвердить необходимость принимаемыхъ правительствомъ мѣръ. «Записки охотника» вовсе не имѣютъ жесткости въ изображеніяхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами: въ этомъ отношеніи книга эта далеко уступаетъ всему, что̀ появлялось въ одно съ нею время и позже ея. Авторъ не возбуждаетъ ни малѣйшаго озлобленія и раздраженія двухъ классовъ между собою: напротивъ,

мягкостью и художественностью изображеній придаетъ имъ характеръ комизма и тонкой, едва уловимой ироніи. Притомъ въ «Запискахъ охотника» нѣтъ преднамѣренныхъ желчныхъ описаній отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ: авторъ говоритъ о нихъ мимоходомъ, когда они попадаютъ случайно подъ руку. Вообще же и болѣе всего онъ рисуетъ типическія лица изъ разныхъ классовъ народонаселенія, и имѣетъ въ виду только поэтически-вѣрное воспроизведеніе характеровъ, мѣстностей, пейзажей, безъ всякихъ натянутыхъ стремленій выставить одни въ дурномъ, другіе въ выгодномъ свѣтѣ. Книга его прочтена всѣми, и на всѣхъ производитъ благородное, художественное впечатлѣніе. Поэтому второе изданіе ея было бы справедливымъ возвращеніемъ ей права вновь появиться въ кругу изящной отечественной литературы и стать на ряду съ лучшими ея произведеніями».

Роковымъ событіемъ въ литературной жизни Тургенева было появленіе въ печати романа его: «Отцы и дѣти»; роковымъ словомъ въ этой книгѣ было названіе: *нигилистъ*. Слово *нигилистъ* зашло къ намъ изъ Германіи, гдѣ оно издавна и изрѣдка употреблялось, но не въ одномъ и томъ же значеніи. Нѣкоторые изъ нѣмецкихъ писателей, конца восемнадцатаго и начала девятнадцатаго вѣка, выражали сожалѣніе, что литература, отвергая выработанныя жизнію идеи религіи и отечества, устремляется въ какую-то фантастическую высь, и теряя почву подъ ногами, витаетъ въ пустомъ пространствѣ и обращается въ ничто (nihil). Защитниковъ такого произвола фантазіи, вполнѣ отрѣшенной отъ дѣйствительности и желающей все создавать изъ *ничего*, Жанъ-Поль Рихтеръ, называетъ *нигилистами* (poetische nihilisten). Это названіе появилось у насъ впервые во время литературныхъ споровъ между такъ-называемыми классиками и романтиками: поборники классицизма обзывали *нигилистами* послѣдователей романтической школы. Надеждинъ въ статьѣ своей подъ заглавіемъ: *Сонмище нигилистовъ*, писанной болѣе пятидесяти лѣтъ тому назадъ, говоритъ: «Неужели для бѣдной нашей литературы

никогда не будетъ возврата съ зимы на лѣто? Неужели ей вѣчно мыкаться въ мрачной преисподней губительнаго *нигилизма*. Будетъ время, когда животворный свѣтъ мудрости озаритъ мрачный хаосъ буйнаго и всепрезирающаго невѣжества» и т. д.

Гораздо позднѣе, въ тѣ времена, когда Тургеневъ писалъ свои романы, слово *нигилизмъ* (nihilismus) употреблялось въ нѣмецкой литературѣ для обозначенія самаго крайняго, самаго безпощаднаго отрицанія, доведеннаго до послѣднихъ предѣловъ, отрицающаго всѣхъ и все. Такое настроеніе объясняется горькимъ разочарованіемъ всѣхъ тѣхъ, которые вѣрили въ революцію 1848 года, ожидая отъ нея видимыхъ и невидимыхъ благъ — полнаго торжества идеи свободы, равенства, братства и т. п. Несмотря на свою политическую подкладку, нѣмецкій нигилизмъ новѣйшей формаціи находится въ непосредственной связи съ тѣмъ движеніемъ философской мысли, представителями котораго являются гегелисты, т. е. новая или «лѣвая» школа Гегеля. Самымъ блестящимъ успѣхомъ пользовались въ свое время сочиненія Фейербаха, бывшаго ученика Гегеля, но круто своротившаго съ проторенной, идеалистической, дороги своего учителя и думавшаго пересоздать нѣмецкую науку внесеніемъ въ нее «здоровыхъ началъ реализма». Рѣзко порицаетъ Фейербахъ современную ему нѣмецкую науку, считая вопіющимъ ея недостаткомъ полнѣйшее отчужденіе ея отъ жизни, а слѣдовательно и отъ истины. Наука наша — говоритъ Фейербахъ — занимается и считаетъ себя въ правѣ заниматься только такими предметами, которые совершенно безразличны и для жизни и для человѣка. Какъ свобода нѣмецкаго плаванія простирается jusqu'à la mer, такъ и свобода нѣмецкой науки простирается jusqu'à la vérité... Корень всѣхъ человѣческихъ бѣдствій не въ умѣ и не въ сердцѣ, а въ желудкѣ. Къ несчастію, общество устроено такъ, что одни имѣютъ все для удовлетворенія самыхъ утонченныхъ требованій своего прихотливаго вкуса, другіе, напротивъ того, не имѣютъ ровно ничего, даже самаго необходимаго для ихъ тощаго желудка. Отсюда всѣ бѣдствія и страданія, всѣ умственныя и нравствен-

ныя болѣзни человѣчества. Все, что̀ не относится непосредственно къ распознаванію и уничтоженію этого зла, есть безполезный хламъ, и т. д.

Такимъ безполезнымъ хламомъ считали отрицатели и многое изъ того, передъ чѣмъ благоговѣли величайшіе умы всѣхъ вѣковъ и народовъ. Идеи долга, права, свободы, закона, человѣчества, и т. п. отвергались какъ лишнее бремя, какъ устарѣлые предразсудки. Однимъ изъ самыхъ крайнихъ отрицателей былъ Max Stirner, авторъ книги: Der Einzige und sein Eigenthum. Суть этой книги, когда-то надѣлавшей шума, заключается въ слѣдующемъ. Для человѣка нѣтъ и не можетъ быть никакихъ нравственныхъ правъ и никакихъ нравственныхъ обязанностей. Толковать о призваніи человѣка, о нравственномъ долгѣ и о тому подобныхъ вещахъ — просто глупо. Всякій человѣкъ въ такой же степени человѣкъ, какъ земля — планета, и требовать отъ человѣка, чтобы онъ былъ человѣкомъ въ настоящемъ смыслѣ слова, такъ же смѣшно, какъ говорить землѣ: будь настоящею планетою. Повиноваться кому и чему бы то ни было — произволу деспота или закону — одинаково нелѣпо. На всѣ толки о правѣ можно отвѣчать словами Шиллера: цѣлый вѣкъ свой я нюхаю носомъ, кто же однако далъ мнѣ право на это? —

Jahre lang schon bedien' ich mich meiner nase zum riechen;
Hab' ich denn wirklich an sie auch erweisliches recht?

Вмѣсто идеи долга, справедливости, общаго блага, и т. п., единственнымъ руководителемъ человѣческихъ дѣйствій долженъ быть *эгоизмъ*. Все что не *мое* или безразлично для меня или мнѣ враждебно. Народная свобода — не *моя* свобода: чѣмъ свободнѣе *народъ*, тѣмъ связаннѣе *я*, отдѣльное лицо: аѳинскій народъ, во времена самаго полнаго развитія своей свободы, создалъ остракизмъ и изгонялъ безбожниковъ. Единственное право есть то, которое пріобрѣтается силою, насиліемъ — nur deine gewalt, deine macht giebt dir das recht. Нормальный человѣкъ долженъ быть *эгоистомъ*, и всѣ отношенія между людьми должны опредѣляться степенью взаимной пригодности, той пользы и выгоды,

которую можетъ получить одинъ отъ другаго. Люди служатъ другъ другу пищею, и сильный пожираетъ слабаго для удовлетворенія своего эгоистическаго аппетита. Бери все съ бою; истребляй все, что лежитъ поперекъ дороги, и ожидай нападеній со стороны другихъ; кто побѣдитъ, тотъ и правъ. Словомъ, развертывается картина, изображенная поэтомъ:

Въ природѣ, въ этой общей чашѣ,
Нѣтъ ярлыковъ — мое и ваше!
Бери, что̀ хочешь. Все твое,
На что̀ глаза лишь разбѣжались!
А чтобы люди не кусались,
Кусайся самъ! Вотъ вамъ и все!
А то, глядишь, нагромоздили
Понятій, тонкостей, интригъ,
Да и не въ мочь пришлось! Уныли
И ходятъ, высунувъ языкъ....»

Призывая къ новой жизни давно-забытое у насъ слово *нигилистъ*, Тургеневъ обозначалъ имъ понятіе весьма сложное, для опредѣленія котораго требовалось много наблюдательности и зоркости. Это необходимо имѣть въ виду для вѣрной оцѣнки писателя-художника, воплотившаго въ живомъ образѣ такія черты, которыя въ дѣйствительности еще не были слиты въ одно нераздѣльное цѣлое. Тогда еще спорными и загадочными вопросами были и самое существо нигилизма, и его происхожденіе, и судьба, ожидающая его въ русскомъ обществѣ, и т. п. Посмотримъ же, въ какой мѣрѣ Тургеневъ содѣйствовалъ рѣшенію этой мудреной задачи.

Черты, разсѣянныя въ романѣ «Отцы и дѣти» и встрѣчающіяся отчасти и въ другихъ произведеніяхъ Тургенева, относятся очевидно къ различнымъ сторонамъ и видоизмѣненіямъ нигилизма, о которомъ ходили тогда еще самые смутные слухи. Для характеристики нашего писателя важно то̀, какія черты

бралъ онъ изъ дѣйствительности, и чѣмъ руководствовался онъ при своемъ выборѣ. Если взглянуть съ этой точки зрѣнія, то найдется немало данныхъ, показывающихъ: вопервыхъ, что онъ отмѣчалъ такія черты, которыя наиболѣе выдавались въ то время или по своей яркости или по внутреннему смыслу; вовторыхъ, — что авторъ искренно не желалъ отступить отъ истины, покривить душой и написать панегирикъ или пасквиль. Самъ Тургеневъ говоритъ: «Не въ видѣ укоризны, не съ цѣлію оскорбленія было употреблено мною слово: *нигилистъ*, но какъ точное и умѣстное выраженіе проявившагося *историческаго факта*».

Въ число признаковъ того понятія, которое называется у Тургенева *нигилизмомъ*, входитъ и умственная пытливость, стремленіе къ изслѣдованію и работа мысли. «Нигилистъ — это человѣкъ, который ко всему относится съ критической точки зрѣнія; который не склоняется ни передъ какими авторитетами; который не принимаетъ ни одного принципа на вѣру, какимъ бы уваженіемъ ни былъ окруженъ этотъ принципъ». Слова эти напоминаютъ отчасти тотъ взглядъ на одно изъ свойствъ нигилизма, который высказанъ знаменитымъ ученымъ нашимъ Н. И. Пироговымъ. «Нигилизмъ — говоритъ онъ — есть не что другое, какъ выродившійся скепсисъ науки. Онъ, подъ какимъ бы видомъ ни проявлялся — научнымъ или противонаучнымъ — есть все тотъ же самый червь сомнѣнія, искони скрытый въ запрещенномъ плоду райскаго дерева. Искать различія въ сущности научнаго скепсиса и современнаго нигилизма было бы тоже, что искать различія въ сущности льда отъ воды, воды отъ паровъ, здоровья отъ болѣзни. Если же эта болѣзнь науки показалась у насъ слишкомъ рано, то это значитъ, что условія, скрытыя въ самой почвѣ, въ строѣ общества, во всемъ окружающемъ, способствовали ея развитію» и т. д.

Одна изъ причинъ быстраго перехода отъ сомнѣнія, скептицизма, къ отрицанію объясняется, по Тургеневу, тогдашнимъ состояніемъ нашей общественной жизни. Я тогда положу оружіе, — говоритъ Базаровъ своему противнику — «когда вы

представите мнѣ хоть одно постановленіе въ современномъ нашемъ быту, въ семейномъ или общественномъ, которое бы не вызвало полнаго и безпощаднаго отрицанія». Подобное же, смягчающее обстоятельство указывали тогда и самые ревностные противники нигилизма въ нашей литературѣ. Одинъ изъ выдающихся ея представителей, въ статьѣ своей, направленной противъ нигилизма, какъ противъ вопіющаго зла, влагаетъ въ уста нигилиста такія рѣчи: «Если я назову бѣлое чернымъ и черное бѣлымъ, и это не помѣшаетъ никому получить слѣдующій чинъ, то скажите, положивъ руку на сердце, кто серьезно осердится на меня? Я вывожу силы разума изъ причинъ самыхъ обыкновенныхъ; я *пишу* о человѣкѣ,—отъ этого еще бѣда невелика; а какъ другіе *поступаютъ* съ нимъ? Укажите мнѣ идеалистовъ, которые въ первомъ нужномъ случаѣ не забываютъ, что человѣкъ не обезьяна, не лошадь, не оселъ?» и т. д.

Внутренняя несостоятельность нигилизма заключается, по мнѣнію Тургенева, въ безусловномъ, безцѣльномъ и огульномъ отрицаніи, не пощадившимъ ни науки, ни искусства, ни просвѣщенія. Лучшій изъ нигилистовъ говоритъ: «Я ни во что̀ не вѣрю, и что̀ такое наука — наука вообще? Есть науки, какъ есть ремесла, знанія, а наука вообще не существуетъ вовсе». Подобное отрицаніе науки находится въ несомнѣнной связи со взглядами Фейербаха, отголоски которыхъ, при сужденіи о научныхъ вопросахъ, такъ ясно слышались и въ статьяхъ, принадлежащихъ нѣкоторымъ изъ «умѣренныхъ нигилистовъ», какъ называла ихъ тогдашняя критика. Не случайно упоминаетъ Тургеневъ о томъ, что русскіе молодые люди толкуютъ о Фейербахѣ, и одинъ изъ самыхъ дѣльныхъ между ними «старался дать самому себѣ отчетъ, нужно ли ему заняться Фейербахомъ или же можно обойтись безъ него».

Еще рѣзче, нежели науку, отрицали искусство съ его идеальными стремленіями. «Рафаэль гроша мѣднаго не стоитъ» — говоритъ Базаровъ. Онъ же «выдумываетъ» о Пушкинѣ разныя «небылицы», искажаетъ его мысли и явно «клевещетъ» на

него. Это—также своего рода историческая черта, указывающая на то глумленіе надъ Пушкинымъ, которое такъ возмущало Тургенева въ статьяхъ такъ-называемыхъ «крайнихъ нигилистовъ». Вмѣстѣ съ искусствомъ отрицалось въ этихъ статьяхъ и все искусственное, и въ замѣну разрушаемыхъ кумировъ выдвигался *эгоизмъ*, о которомъ говорили съ умиленіемъ: какъ счастливы были бы люди, если бы, откинувши *искусственныя* понятія *идеала* и *долга*, сдѣлались бы *эгоистами* въ полномъ смыслѣ слова, и т. п.

Отрицаніе, возведенное въ систему, не можетъ имѣть просвѣтительнаго вліянія на умы. «Людямъ грѣшно бояться мысли, и отрицать знаніе, науку и вѣру въ нее» — говоритъ Тургеневъ: «Отрицайте все, и вы легко можете прослыть за умницу: это уловка извѣстная. Добродушные люди сейчасъ готовы заключить, что вы стоите выше того, что̀ отрицаете; а это часто неправда». Постоянное, всеобщее отрицаніе ведетъ къ умственной апатіи, къ лѣни, и обращаетъ человѣка, который могъ бы что̀-нибудь дѣлать, въ «злостнаго байбака», который «ничего не дѣлаетъ: лежитъ сытымъ брюхомъ кверху и говоритъ: такъ оно и слѣдуетъ лежать-то, потому что все, что люди не дѣлаютъ, все вздоръ и ни къ чему неведущая чепуха». Отрицаніе и разрушеніе авторитетовъ весьма часто не достигаетъ своей цѣли, и вмѣсто ожидаемой свободы приноситъ еще горшее рабство: «Умъ, направленный на одно отрицаніе, бѣднѣетъ, сохнетъ... Мы толкуемъ объ отрицаніи, какъ объ отличительномъ нашемъ свойствѣ; но и отрицаемъ-то мы не такъ, какъ свободный человѣкъ. Новый баринъ народился, стараго долой. То былъ Яковъ, а теперь Сидоръ: въ ухо Якова, въ ноги Сидору... Съ двумя-тремя химиками, неимѣющими отличить кислорода отъ азота, но исполненными отрицанія и самоуваженія, да съ *великимъ* Елисѣвичемъ, Ситниковъ, тоже готовящійся быть *великимъ*, толчется въ Петербургѣ и, по его увѣреніямъ, продолжаетъ дѣло Базарова» и т. д.

Таковы темныя стороны нигилизма, подмѣченныя Тургене-

вымъ. Чтобы судить о нихъ безпристрастно съ исторической точки зрѣнія необходимо обратиться къ такимъ источникамъ, правдивость которыхъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ особеннаго вниманія отзывъ Н. И. Пирогова, имѣвшаго возможность наблюдать нигилизмъ у самой, такъ сказать, его колыбели. «Сравните — говоритъ Пироговъ — новое германское поколѣніе съ нашимъ. Наше, можетъ быть, отъ природы смышленѣе и бойче; оно скорѣе живетъ. Да Богъ съ ней, съ этою смышленостью, если она заставляетъ насъ скорѣе сомнѣваться и блуждать безъ убѣжденій и безъ цѣли. Что пользы намъ отъ нашей младенческой сухотки? А иногда я думаю, ужъ не афектація ли это? Не прикрывается ли нашимъ скороспѣлымъ скептицизмомъ что-то другое? Не переодѣтая ли это въ нѣмецкое платье наша родная непослѣдовательность, та же самая, съ которою мужикъ такъ наивно говоритъ: «а Богъ его знаетъ» о томъ, что онъ могъ бы очень хорошо знать, и между тѣмъ слѣпо вѣритъ тому, чего вовсе не знаетъ или что знаетъ только по слухамъ? Можетъ-быть, нашъ модный нигилизмъ и есть что-то въ родѣ этого. Вѣдь онъ отвергаетъ и не хочетъ уже болѣе знать, Богъ вѣсть почему, ни Канта, ни Гегеля, а между тѣмъ очень наивно вѣритъ въ авторитеты Бюхнера, Молешота и Фохта. Вѣдь это собственно не отверженіе, а просто мѣна кукушки на ястреба» и т. д.

Романъ Тургенева «Отцы и дѣти» касается такихъ животрепещущихъ явленій, затрогиваетъ такіе жгучіе вопросы, что появленіе его вызвало, какъ и слѣдовало ожидать, чрезвычайно много недоразумѣній. По собственному свидѣтельству Тургенева, только два человѣка: Ѳ. М. Достоевскій и В. П. Боткинъ совершенно поняли Базарова, т. е. намѣренія автора при созданіи этого типа. А до какой степени трудно было сохранить полное безпристрастіе, всего лучше доказываютъ попытки самого Тургенева истолковать ту или другую черту своего произведенія, которое уже сдѣлалось предметомъ горячихъ споровъ и рѣзкихъ порицаній. Приведемъ наглядный примѣръ. Въ романѣ

Базаровъ совѣтуетъ бросить Пушкина и читать вмѣсто него Бюхнера: *Stoff und Kraft.* И отцы и дѣти поняли это мѣсто въ одинаковомъ смыслѣ; нѣкоторымъ изъ дѣтей оно показалось оскорбительнымъ. Желая смягчить впечатлѣніе, произведенное на дѣтей, Тургеневъ разъясняетъ имъ, что «*Stoff und Kraft* Базаровъ рекомендуетъ именно какъ популярную, т. е. *пустую* книгу». Но вотъ подлинныя слова Базарова Аркадію: «Твой отецъ Пушкина читаетъ. Растолкуй ему, что это никуда негодится. Вѣдь онъ не мальчикъ: пора бросить эту ерунду. Дай ему что̀ нибудь *дѣльное* почитать. — Что̀ бы ему дать? спросилъ Аркадій. — Да я думаю Бюхнерово *Stoff und Kraft* на первый случай. — Я самъ такъ думаю, замѣтилъ одобрительно Аркадій; *Stoff und Kraft* написано популярнымъ языкомъ». Очевидно, популярность изложенія указывается здѣсь не какъ недостатокъ, а какъ одно изъ достоинствъ книги, удачно выбранной Базаровымъ. *Популярность языка* не противорѣчитъ *дѣльности* содержанія. Да и какой бы смыслъ былъ въ совѣтѣ Базарова—бросить *ерунду* и читать *пустошь...*

Объясненія, предложенныя авторомъ по поводу «Отцовъ и Дѣтей», хотя и заключаютъ въ себѣ нѣсколько любопытныхъ подробностей, недостигли главной своей цѣли. Тургеневъ-коментаторъ не въ силахъ былъ поколебать и измѣнить впечатлѣніе, производимое образами, созданными Тургеневымъ-художникомъ.

Истиннаго Тургенева надо искать въ его художественныхъ произведеніяхъ, т. е. тамъ, гдѣ онъ — говоря его собственными словами — «творилъ свободно, мыслилъ о̀бразами». Давая себѣ отчетъ въ томъ или другомъ типѣ, необходимо принять въ соображеніе преобладающія свойства таланта писателя, его искренность какъ художника и его основныя воззрѣнія на свободу творчества.

Одна изъ самыхъ существенныхъ особенностей Тургенева, какъ писателя художника, заключается въ его наблюдательности. Она устремлена была къ тому, что происходило въ дѣйствитель-

ной жизни, и передъ проницательнымъ взоромъ художника являлись живыя лица, съ ихъ затаенными помыслами, съ ихъ свѣтлыми и темными сторонами. Ясное, не отуманенное никакимъ пристрастіемъ, наблюденіе надъ живою жизнью отражается и въ самомъ тонѣ разсказа, спокойномъ, ровномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ проникнутымъ ироніею — неизбѣжною спутницею правдиваго изображенія дѣйствительности. Иронія — тонкая, изящная и въ тоже время чрезвычайно мѣткая иронія — составляетъ одну изъ отличительныхъ чертъ художественныхъ произведеній Тургенева. Нѣкоторыя изъ его ироническихъ замѣчаній, по своей мѣткости, такъ и просятся пословицы. Иронія его большею частью падаетъ на какое-либо явленіе изъ современной дѣйствительности, и бросаетъ на него яркій и вѣрный свѣтъ, при помощи котораго можно разглядѣть самую суть предмета.

Не имѣя возможности входить въ сколько-нибудь подробныя разъясненія, мы должны ограничиться указаніемъ хоть нѣсколькихъ данныхъ, которыя говорятъ сами за себя, представляя живое доказательство вѣрности и мѣткости наблюденій нашего писателя.

По замѣчанію Тургенева, — «обо всемъ на свѣтѣ можно говорить съ жаромъ, съ восторгомъ, съ увлеченіемъ, но *съ апетитомъ* говоришь только о самомъ себѣ».

— Упорный «мужчина можетъ сказать, что дважды-два не четыре, а пять», упорная «женщина скажетъ, что дважды-два — стеариновая свѣчка».

— Предсѣдатель казенной палаты особенно любилъ весну потому, что въ это время года «каждая пчелочка съ каждаго цвѣточка беретъ взяточку».

— Жидъ, котораго подозрѣваютъ въ обманѣ, говоритъ: «Какъ можно! Да вы прикажите тогда мнѣ дать пятьсотъ.... четыреста пятьдесятъ палокъ, прибавляетъ онъ поспѣшно».

Когда въ Петербургѣ только что получено было извѣстіе о смерти Гоголя, одинъ изъ литераторовъ, «внутренно скорбѣвшій о подобной утратѣ», не могъ побороть въ себѣ «удовольствія

быть первымъ человѣкомъ, сообщающимъ огорашивающую новость, и съ судорожною поспѣшностью перебѣгалъ отъ одного лица къ другому, сообщая каждому неожиданное извѣстіе».

Въ одномъ изъ своихъ писемъ Тургеневъ говоритъ по поводу смерти Гоголя: «Воображаю себѣ, сколько дрянныхъ самолюбій станутъ взбираться на его могилу, и примутся кричать пѣтухами и вытягивать свои головки: — посмотрите, дескать, на насъ, люди честные, какъ мы отлично горюемъ, и какъ мы умны и чувствительны. Богъ съ ними!... Когда молнія разбиваетъ дубъ, кто думаетъ о томъ, что на его пнѣ выростутъ грибы: — намъ жаль его силы, его тѣни».

Желаніе *казаться, а не быть*, въ чемъ бы оно ни проявлялось, невыносимо и для нравственнаго и для художественнаго чувства. На какой бы пьедесталъ ни взбирались кажущіеся великаны — считаютъ ли они себя великими государственными людьми единственно потому только, что составили блестящую служебную карьеру; признаютъ ли себя великими мыслителями, хотя весь умъ ихъ заключается собственно въ «вызывающей, крикливой бойкости» — въ ихъ самодовольномъ поклоненіи своей собственной особѣ—проглядываетъ та же самая «спесь», олицетворенная поэтомъ, въ талантѣ котораго много родственныхъ чертъ съ талантомъ Тургенева:

Ходитъ Спесь, надуваючись,
Съ боку на бокъ переваливаясь,
Ростомъ-то Спесь аршинъ съ четвертью,
Шапка-то на немъ во цѣлу сажень....
Идетъ Спесь, видитъ: на небѣ радуга,
Повернулъ Спесь во другу сторону:
Не пригоже-де мнѣ нагибатися!

Изображаемый Тургеневымъ «свѣтскій левъ, надутый и важный, держался величественно, точно онъ былъ не живой человѣкъ, а собственная своя статуя, воздвигнутая по общественной подпискѣ».

Умъ—великое благо и великая сила; но нѣтъ несноснѣе «кажущихся умниковъ»; «нѣтъ хуже *деспотизма такъ-называемыхъ умныхъ людей*, которыхъ, какъ китайскаго болванчика, постоянно перевѣшиваетъ голова». Иной попадаетъ въ умники только потому, что жолчно бранитъ всѣхъ и каждаго. «Злюкъ, желчевикъ, но какая голова»! восклицаютъ легковѣрные, и предлагаютъ ему завѣдывать критическимъ отдѣломъ, и такимъ образомъ человѣкъ, нѣкогда кричавшій противъ авторитетовъ, самъ попадаетъ въ авторитеты. А какое самое подходящее, по мнѣнію Тургенева, названіе для подобнаго умника, можно видѣть изъ заглавія, даннаго Тургеневымъ своему мастерскому очерку.

Въ нѣкоторой части нашего общества недовѣрчиво смотрѣли на преобразованія, совершавшіяся у насъ въ шестидесятыхъ годахъ настоящаго столѣтія. Въ одномъ изъ романовъ Тургенева, относящихся къ этому времени, высокопоставленный политикъ снисходительно допускалъ просвѣщеніе, но съ тѣмъ, чтобы не было ни университетовъ, ни семинарій, ни народныхъ училищъ. Онъ не прочь и отъ прогресса, но чтобы не было ни гласнаго суда, ни земскаго самоуправленія, да — «дисциплины, дисциплины пуще всего не трогайте, а мосты, и набережныя и гошпитали вы можете строить, и улицъ газомъ отчего не освѣщать».

Несчастная слабость многихъ русскихъ заключается въ томъ, что они готовы и въ огонь и въ воду для устройства чужого благополучія, но не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія на свои домашнія дѣла. Одна русская барыня сдѣлалась вдругъ, неизвѣстно почему, «легитимисткой, и увѣряла всѣхъ, что когда она умретъ, то стоитъ только вскрыть ея тѣло, и на сердцѣ ея найдутъ начертаннымъ имя Генриха V». Мы никакъ не можемъ придумать порядочной «зерносушилки, которая избавила бы отъ необходимости сажать хлѣбные снопы въ овины какъ во времена Рюрика», а — настрочить статейку о значеніи пролетаріата во Франціи, или «поднять старый, стоптанный башмакъ, свалившійся съ ноги Сенъ-Симона или Фурье, и почтительно возложить его на голову и носиться съ нимъ, — это мы въ состояніи» и т. п.

Но были предметы, до которыхъ не могла касаться иронія Тургенева и къ которымъ онъ относился съ глубокимъ и непритворнымъ уваженіемъ и сочувствіемъ.

Идеальный міръ искусствъ былъ для Тургенева обѣтованною страною. Онъ говоритъ: «Развѣ нѣтъ великихъ представленій, великихъ утѣшительныхъ словъ: право, свобода, человѣчество, искусство! Искусство, пожалуй, сильнѣе другихъ, мною упомянутыхъ словъ. Венера милосская, пожалуй, несомнѣннѣе римскаго права или принциповъ 89-го года».

Тургеневъ высоко цѣнилъ науку, и говорилъ о ней съ тѣмъ искреннимъ одушевленіемъ, которое вполнѣ достойно просвѣщеннаго писателя: «Нужна образованность, нужно знаніе. Ученіе — не только свѣтъ, по народной пословицѣ, оно также и свобода... Не поощряйте, ради Бога, у насъ на Руси мысли, что можно чего-нибудь добиться безъ ученія. Нѣтъ, будь ты хоть семи пядей во лбу, а учись и учись» и т. п.

Любовь къ родинѣ присуща душѣ каждаго человѣка. Кого-же и любить, какъ не родину: «что́ выше всѣхъ сомнѣній, чему нельзя не вѣрить послѣ Бога», — говоритъ одинъ изъ героевъ Тургенева. Любовь къ родинѣ и вѣра въ нее проявляется различнымъ образомъ. У Тургенева, какъ у художника слова, она выразилась всего ярче въ благоговѣйной любви къ самому художественному произведенію русскаго народа—къ русскому языку. «Россія — говоритъ Тургеневъ — безъ каждаго изъ насъ обойтись можетъ, но никто изъ насъ безъ нея не можетъ обойтись. Горе тому, кто думаетъ обойтись безъ нея; двойное горе тому, кто дѣйствительно безъ нея обходится»!

Тургеневъ, и по своему чувству художественной мѣры и по своему взгляду на народность, тщательно избѣгалъ восторженныхъ отзывовъ о русскомъ народѣ, которые можно бы принять за самовосхваленіе. Тѣмъ замѣчательнѣе, что, при такой строгой сдержанности, всякій разъ, когда заходила рѣчь о русскомъ народѣ, Тургеневъ говорилъ такія вещи, которыя западаютъ въ душу читателя, пробуждая въ ней сочувствіе къ рус-

скому народу. Беру примѣры изъ произведеній, отличающихся особенною искренностью и задушевностію.

Когда русскія войска находились заграницею, одинъ изъ нашихъ солдатъ погибъ ни въ чемъ неповинною жертвою тогдашнихъ строгостей. Хозяйка, у которой жилъ солдатъ, обвиняла его въ томъ, что онъ обокралъ ее. Обвиненіе было совершенно несправедливое, да и украдены всего двѣ куры но, по военному времени и по приказу главнокомандующаго, солдата велѣно повѣсить. Когда его привели къ висѣлицѣ, хозяйка, неожидавшая такого страшнаго рѣшенія, стала горько плакать; а русскій солдатъ, котораго священникъ исповѣдалъ и причастилъ, обратился къ стоявшему подлѣ него: «Скажите ей, чтобъ она не убивалась: вѣдь я ей простилъ» .... Свидѣтель казни воскликнулъ: «праведникъ»! и слезы закапали по его щекамъ.

А сколько теплаго чувства, сколько истины и любви, въ небольшомъ «стихотвореніи въ прозѣ», названномъ: *Два богача.* «Когда при мнѣ — говоритъ авторъ — превозносятъ богача Ротшильда, который изъ громадныхъ своихъ доходовъ удѣляетъ цѣлыя тысячи на воспитаніе дѣтей, на лѣченіе больныхъ, на призрѣніе старыхъ, — я хвалю и умиляюсь. Но, и хваля и умиляясь, не могу я не вспомнить объ одномъ убогомъ крестьянскомъ семействѣ, принявшемъ сироту-племянницу въ свой разоренный домишко. — Возьмемъ мы Катьку, говорила баба, послѣдніе наши гроши на нее пойдутъ: не́ на что будетъ соли добыть, похлебку посолить. — А мы ее и несоленую, отвѣтилъ мужикъ ... Далеко Ротшильду до этого мужика»!

Одинъ изъ героевъ Тургенева, мучимый сомнѣніемъ, готовый отвергнуть всѣ авторитеты, склоняется передъ однимъ изъ нихъ, обращаясь къ нему съ такою мольбою: «А ты, невѣдомый намъ, но любимый нами всѣмъ нашимъ существомъ, всею кровью нашего сердца, русскій народъ, прими насъ не слишкомъ безучастно, и научи насъ, чего мы должны ждать отъ тебя».

Между этимъ, во многихъ отношеніяхъ еще «невѣдомымъ» миромъ и русскими писателями и учеными, составляющими не-

отъемлемую и необходимую часть великаго цѣлаго, называемаго русскимъ народомъ, — существуетъ и должна существовать неразрывная связь. Этимъ связующимъ началомъ, въ которомъ исчезаетъ всякая рознь, служитъ драгоцѣннѣйшее достояніе всего русскаго народа — могучій и прекрасный русскій языкъ. Говоря и думая на родномъ языкѣ, геніальный русскій ученый или писатель видитъ въ простомъ русскомъ человѣкѣ своего роднаго брата, «своего соотчича, русскую косточку». Тургеневъ считалъ священнѣйшею обязанностью русскихъ писателей дорожить русскимъ языкомъ, какъ своимъ роднымъ сокровищемъ. «Одна, послѣдняя просьба: — говоритъ Тургеневъ, обращаясь къ писателямъ — берегите нашъ языкъ, нашъ прекрасный русскій языкъ, этотъ кладъ, это достояніе, переданное намъ нашими предшественниками, въ челѣ которыхъ блистаетъ опять-таки Пушкинъ! Обращайтесь почтительно съ этимъ могущественнымъ орудіемъ; въ рукахъ умѣлыхъ оно въ состояніи совершать чудеса! Даже тѣмъ, которымъ не по вкусу «философскія отвлеченности» и «поэтическія нѣжности», людямъ практическимъ, въ глазахъ которыхъ языкъ не что иное, какъ средство къ выраженію мысли, какъ простой рычагъ, — даже имъ скажу я: уважайте, по крайней мѣрѣ, законы механики, извлекайте изъ каждой вещи всю возможную пользу. А то, право, пробѣгая иныя, вялыя, смутныя, безсильно-пространныя разглагольствованія въ журналахъ, читатель невольно долженъ думать, что именно *рычагъ*-то вы замѣняете первобытными подпорками, — что вы возвращаетесь къ младенчеству самой механики» . . . .

Тургеневъ поучалъ молодыхъ русскихъ писателей не только словомъ, но и дѣломъ — своими произведеніями, представляющими превосходные образцы русскаго литературнаго языка. Какъ въ своей поэзіи, такъ и въ своемъ языкѣ — въ своемъ замѣчательномъ умѣньи пользоваться сокровищницею родного языка Тургеневъ является достойнымъ ученикомъ Пушкина. Подобно Пушкину, онъ чрезвычайно строго относился къ своимъ произведеніямъ, и ревностно занимался обработкою ихъ со сто-

роны языка. Увлекательная, живая, художественная рѣчь Тургенева заключаетъ въ себѣ — если внимательно вникнуть въ нее — несомнѣнные признаки работы писателя, взвѣшивающаго каждое слово, каждое выраженіе. И не видавъ черновыхъ рукописей Тургенева, можно, въ иныхъ случаяхъ, полагать, что такое-то слово замѣнено другимъ; что порядокъ словъ измѣненъ вслѣдствіе такихъ-то соображеній, вытекающихъ изъ требованій языка, и т. п.

О какомъ-бы русскомъ писателѣ ни говорилъ Тургеневъ, какую-бы русскую книгу ни читалъ онъ, отъ его пытливаго взора не укрывалась ни одна черта, заслуживающая вниманія въ отношеніи языка. Описывая литературный вечеръ у П. А. Плетнева, Тургеневъ дѣлаетъ такое замѣчаніе о Плетневѣ: «Онъ вполнѣ выразился въ своихъ малочисленныхъ сочиненіяхъ, написанныхъ *языкомъ образцовымъ, хотя немного блѣднымъ*». Въ воспоминаніяхъ своихъ о Бѣлинскомъ, упомянувъ о повѣсти Д. В. Григоровича: «Деревня», Тургеневъ сейчасъ же прибавляетъ: «написана она *языкомъ нѣсколько изысканнымъ,* не безъ сантиментальности; но стремленіе къ реальному воспроизведенію крестьянскаго быта было несомнѣнно». Даже о лицѣ вымышленномъ, въ романѣ: «Наканунѣ», Тургеневъ говоритъ, «Берсеневъ не теряетъ даромъ времени; изъ него выйдетъ дѣльный профессоръ; ученая публика обратила вниманіе на его двѣ статьи. *Жаль только, что обѣ статьи написаны языкомъ нѣсколько тяжелымъ, и испещрены иностранными словами*», и т. п.

Независимо отъ свойствъ, которыя дороги въ русскомъ языкѣ каждому русскому писателю и ученому, Тургеневъ, во глубинѣ души своей, придавалъ русскому языку еще особенное, высокое значеніе, неподходящее подъ уровень обыкновенной любви къ нему. Для внутренняго міра Тургенева, для его ума и сердца, русскій языкъ былъ не только завѣтною святынею, но и великою нравственною силою, спасавшею его отъ колебаній и сомнѣній, отъ убійственныхъ тревогъ и отчаянія. Прямо изъ

души вылились слова Тургенева, которыя можно назвать его лебединою пѣснью: «Во дни сомнѣній, во дни тягостныхъ раздумій о судьбахъ моей родины, ты одинъ мнѣ поддержка и опора, о великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ. Нельзя вѣрить, чтобы такой языкъ не былъ данъ великому народу»!

ПРИЛОЖЕНІЕ.

ВОСПОМИНАНІЕ ОБЪ А. Е. ВИКТОРОВѢ.

(Академика А. Ѳ. Бычкова.)

22-го іюля 1883 года скончался въ городѣ Пятигорскѣ отъ брюшного тифа, на рукахъ незнакомыхъ людей, членъ-корреспондентъ Академіи Наукъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности Алексѣй Егоровичъ Викторовъ, извѣстный своими учеными трудами, между которыми изслѣдованія и описанія памятниковъ нашей древней письменности и печати занимаютъ особенно выдающееся мѣсто. А. Е. Викторовъ родился 2-го февраля 1827 года. Онъ былъ сынъ діакона с. Студенникова (Мценскаго уѣзда Орловской губ.) Георгія Захарова. На 14-мъ году возраста (въ 1841 году) его помѣстили въ Орловскую Духовную семинарію, гдѣ онъ окончилъ курсъ въ 1846 году. Въ августѣ того же года онъ поступилъ въ Московскую Духовную академію и 13 іюня 1851 года получилъ степень кандидата (курсъ наукъ въ академіи онъ окончилъ еще въ 1850 году). Въ 1852 году по болѣзни онъ былъ уволенъ изъ духовнаго званія и 16 мая того же года опредѣленъ на службу въ Московскій Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ младшимъ архиваріусомъ. Съ этого времени слѣдуетъ считать службу А. Е. Викторова и

наукѣ. Изъ духовной академіи Алексѣй Егоровичъ, по собственнымъ его словамъ, находящимся въ письмѣ, помѣщенномъ въ концѣ статьи И. И. Срезневскаго «Нѣсколько припоминаній о научной дѣятельности А. Е. Викторова» [1]), вынесъ «логическую выправку и умѣнье самостоятельно работать въ какой бы то ни было области» и благодарную память о двухъ профессорахъ А. В. Горскомъ и Ѳ. А. Голубинскомъ. Въ архивѣ Викторовъ познакомился съ дотолѣ невѣдомою ему археографіею, полюбилъ эту весьма сухую науку, требующую большого вниманія, точности и разнообразныхъ знаній, и не покидалъ ея во всю свою жизнь, полюбилъ ее настолько, что она завладѣла всѣми его помыслами, что ей посвятилъ онъ всѣ свои силы. Одною изъ первыхъ работъ Викторова въ архивѣ было сличеніе греческаго текста хроники Іоанна Малалы съ славянскимъ ея переводомъ, находящимся въ рукописномъ сборникѣ архива и въ хронографѣ Синодальной библіотеки. Во время своей службы въ архивѣ Алексѣй Егоровичъ приступилъ, какъ самъ выражается, «ощупью», къ изученію и описанію церковно-славянскихъ рукописей Синодальной библіотеки, и въ это же время предпринялъ громадный и въ высшей степени любопытный и важный трудъ, къ сожалѣнію неоконченный и потому не явившійся въ печати, это — описаніе Макарьевскихъ Чети-Миней. Въ этомъ трудѣ онъ намѣревался сличить Макарьевскія Чети-Минеи съ Чети-Минеями другихъ русскихъ редакцій и указать для помѣщенныхъ въ нихъ житій святыхъ подлинники, сохранившіеся въ греческихъ рукописяхъ, или вошедшіе въ Acta Sanctorum въ переводѣ на латинскій языкъ. Шесть лѣтъ неустанно изо дня въ день Викторовъ работалъ надъ рукопи-

---

[1]) Статья эта помѣщена въ 22 томѣ Сборника Отдѣленія Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Въ ней обстоятельно говорится о трудахъ А. Е. Викторова, сдѣлана имъ болѣе или менѣе подробная оцѣнка и приведенъ полный ихъ перечень до 1880 года. Въ настоящемъ воспоминаніи объ А. Е. Викторовѣ при тѣхъ его трудахъ, которые напечатаны послѣ составленія этого перечня, мною выставлены въ скобкахъ годы выхода ихъ въ свѣтъ.

сями Синодальной библіотеки въ скромной келліи ея ризничаго о. Саввы, нынѣ архіепископа Тверского и Кашинскаго, и здѣсь сошелся съ профессорами Московскаго университета Шевыревымъ, Бодянскимъ и Буслаевымъ, особенно съ послѣднимъ, котораго указаніямъ и наставленіямъ онъ много былъ обязанъ успѣхами въ своихъ дальнѣйшихъ занятіяхъ археографіею и палеографіею. По приглашенію Буслаева Викторовъ въ это время выступилъ также на педагогическое поприще, принявъ на себя, впрочемъ на короткое время, преподаваніе русскаго языка и исторіи литературы русской и иностранной въ Маріинско-Ермолаевскомъ женскомъ училищѣ. И эти обязанности онъ исполнялъ, какъ и всѣ другія, которыя несъ, съ полною добросовѣстностью, знаніемъ дѣла и увлеченіемъ.

Въ 1861 году Викторовъ по предложенію Ө. И. Буслаева былъ выбранъ помощникомъ библіотекаря Московскаго университета, а въ 1862 году былъ назначенъ хранителемъ отдѣленія рукописей и старопечатныхъ книгъ въ Московскомъ Публичномъ и Румянцевскомъ музеяхъ и въ этой послѣдней должности оставался до своей преждевременной кончины. Выборъ Викторова въ хранители слѣдуетъ назвать весьма удачнымъ: рѣдко можно найти человѣка столь преданнаго книжному дѣлу, какимъ былъ Алексѣй Егоровичъ. Съ этого времени началась для него кипучая дѣятельность, источникомъ которой служило желаніе и обогатить, на сколько возможно, ввѣренное ему отдѣленіе, и сообщить ему образцовый порядокъ. И дѣйствительно онъ достигъ и того, и другого. Своими просьбами, уговорами, хлопотами, усиліями, посредствами и настоятельными ходатайствами онъ успѣлъ ввести въ составъ музея цѣлыя весьма замѣчательныя собранія рукописей и старопечатныхъ церковно-славянскихъ книгъ и такимъ образомъ тѣсно связалъ свое имя съ учрежденіемъ, въ исторіи котораго ему будетъ безспорно отведена одна изъ самыхъ лучшихъ ея страницъ. Простыя цифры, указывающія насколько увеличилось въ музеѣ, благодаря А. Е. Викторову, число рукописей и старопечатныхъ книгъ за время завѣдыванія имъ по-

рученнымъ ему отдѣленіемъ, — а ихъ увеличилось: первыхъ съ 800 нумеровъ до 5.000, а вторыхъ съ 200 до 3.000, — могутъ служить самымъ безпристрастнымъ и краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ пользы, принесенной имъ музею. Если же мы обратимъ вниманіе на то, что всѣ эти собранія болѣе или менѣе подробно описаны Викторовымъ въ отчетахъ музея и въ отдѣльно изданныхъ каталогахъ, то нельзя не сознаться, что Алексѣй Егоровичъ этимъ самимъ принесъ огромную пользу и для всѣхъ занимающихся, облегчивъ имъ такимъ образомъ пользованіе богатствами музея, которыя иначе лежали бы подъ спудомъ. Перечислимъ изъ числа многихъ нѣкоторые его труды по этой части, составляющіе цѣнный вкладъ въ науку: «Собраніе славяно-русскихъ рукописей В. М. Ундольскаго. Библіографическій очеркъ», присоединенный къ каталогу, имѣющему заглавіе: «Славяно-русскія рукописи В. М. Ундольскаго» и ознакомившій ученыхъ со всѣми вообще отдѣлами этого весьма важнаго собранія и въ частности съ наиболѣе замѣчательными рукописями, не описанными ихъ собирателемъ, а потому и не вошедшими въ изданный каталогъ; «Каталогъ славяно-русскихъ рукописей Д. Пискарева»; «Собраніе рукописей В. И. Григоровича»; «Собраніе рукописей П. И. Севастьянова» (1881), «Собраніе рукописей И. Д. Бѣляева» (1881) и «Бумаги Н. В. Сушкова въ Московскомъ Публичномъ Музеѣ».

Преданный до самозабвенія дѣлу археографіи, искрестившій на свои средства почти всю Россію съ исключительною цѣлію обслѣдовать рукописныя и печатныя богатства, хранящіяся въ библіотекахъ монастырскихъ, правительственныхъ учрежденій и частныхъ лицъ, Викторовъ представлялъ собою рѣдкій въ наше время образецъ человѣка, жертвующаго всѣмъ излюбленному предмету, не ожидая за это никакого вознагражденія, даже никакихъ похвалъ. Очень часто послѣ продолжительнаго и утомительнаго переѣзда до намѣченнаго мѣста, Викторовъ немедленно приступалъ къ занятіямъ, нѣсколько часовъ сряду работалъ въ холодной и сырой комнатѣ, въ которой помѣщались рукописи и

книги, не обращая ни малѣйшаго вниманія на вредную и удушливую атмосферу подобныхъ книгохранилищъ, и донельзя былъ счастливъ, когда ему удавалось найти что-либо неизвѣстное или дополняющее его прежнія изысканія. Но кромѣ библіографическихъ трудовъ, несомнѣнно весьма полезныхъ, въ которыхъ разсѣяны разнаго рода замѣтки—плодъ иногда долгихъ и усидчивыхъ разысканій и счастливыхъ соображеній, доставившихъ Викторову извѣстность, какъ самаго лучшаго палеографа и библіографа,—нельзя пройти молчаніемъ и другіе его труды, обратившіе на него вниманіе ученыхъ и Академіи Наукъ. Къ числу такихъ принадлежатъ: «Алфавитный указатель славянскихъ рукописей Московской Синодальной Библіотеки», одинъ изъ самыхъ раннихъ его ученыхъ трудовъ, для котораго главнымъ пособіемъ служило описаніе славянскихъ рукописей Московской Синодальной библіотеки, составленное бывшимъ синодальнымъ ризничимъ, архимандритомъ Евстаѳіемъ; «Фотографическіе снимки съ миніатюръ греческихъ рукописей, находящихся въ Москвѣ», съ объяснительнымъ къ нимъ текстомъ; ихъ вышло три выпуска, въ которыхъ помѣщено 82 листа снимковъ изъ четырехъ рукописей; «Библіотека и историческая дѣятельность Московской синодальной типографіи», сочиненіе полемическаго характера, написанное по поводу статьи Безсонова: «Типографская библіотека въ Москвѣ. Историческій очеркъ» и заключающее въ себѣ много новыхъ и любопытныхъ данныхъ какъ о составѣ и судьбѣ типографской библіотеки, такъ и объ участіи Московской типографіи въ дѣлѣ исправленія богослужебныхъ книгъ; «Послѣднее мнѣніе Шафарика о глаголицѣ», значительное по объему сочиненіе, заслужившее самый одобрительный отзывъ строгихъ судей и отличающееся безпристрастіемъ при разборѣ мнѣній относительно времени происхожденія глаголицы и лица, которому принадлежитъ ея изобрѣтеніе; «Кириллъ и Меѳодій. Новые источники и ученые труды для исторіи славянскихъ апостоловъ», критическій обзоръ данныхъ о жизни и дѣятельности славянскихъ первоучителей, обнародованныхъ съ 1840-хъ годовъ по 1858 г.—время

появленія въ печати этого труда; «Описаніе записныхъ книгъ и бумагъ старинныхъ дворцовыхъ приказовъ, 1584 — 1725 г.», два выпуска (второй выпускъ вышелъ въ 1883 году). Въ составъ перваго выпуска вошло описаніе дѣлъ и документовъ Казеннаго приказа, Государевой Мастерской палаты и Царицыной Мастерской палаты, а въ составъ втораго — описаніе дѣлъ и документовъ, касающихся Оружейной палаты, Конюшеннаго приказа, Серебряной и Золотой палаты, Приказа Большаго Дворца, приказа тайныхъ дѣлъ, Государева Кабинета и дворцовыхъ церквей. Въ концѣ труда помѣщено описаніе записныхъ книгъ постороннихъ приказовъ по городу Москвѣ и по другимъ городамъ. Это изданіе, составляющее богатый источникъ для изученія царскаго быта и обихода, драгоцѣнно по многимъ обширнымъ извлеченіямъ, которыя Викторовъ помѣстилъ въ немъ изъ записныхъ книгъ; «Замѣчательное открытіе въ древне-русскомъ книжномъ мірѣ» — въ этой статьѣ сообщаются подробныя свѣдѣнія о Псалтири, первой книгѣ, напечатанной докторомъ Францискомъ Скориною 6 августа 1517 года; «Государственное древлехранилище въ теремахъ Московскаго Кремлевскаго Дворца» (1882), краткій очеркъ, въ которомъ Алексѣй Егоровичъ сообщилъ о находящихся въ древлехранилищѣ собраніяхъ письменныхъ памятниковъ, изъ которыхъ многіе первостепенной важности; «Стефанитъ и Ихнилатъ» (1881) — тексту этого памятника, изданному по тремъ древнѣйшимъ славянскимъ спискамъ, Викторовъ предпослалъ обозрѣніе редакцій и списковъ славянскаго текста и нѣсколько замѣчаній объ отношеніи его къ греческому подлиннику, и др. Въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ Алексѣй Егоровичъ помѣстилъ много документовъ весьма любопытныхъ или въ историческомъ, или въ историко-литературномъ отношеніяхъ. Мы здѣсь ихъ не коснемся, такъ какъ значеніе ихъ уже оцѣнено спеціалистами, а всѣ они перечислены въ упомянутой выше статьѣ Срезневскаго.

До сихъ поръ мы говорили о печатныхъ трудахъ Викторова; но извѣстно, что въ его портфеляхъ, кромѣ названнаго

выше Описанія Макарьевскихъ Чети-Миней, должны находиться частью почти оконченные, а частью только что начатые, слѣдующіе изслѣдованія и труды, которые желательно было бы видѣть изданными, по возможности въ скорѣйшемъ времени: «Краткое описаніе рукописей, хранящихся въ библіотекахъ, находящихся въ губерніяхъ Архангельской и Олонецкой», которое онъ предназначалъ для помѣщенія въ «Лѣтописи занятій Археографической коммиссіи»; «Систематическое обозрѣніе книгъ церковнославянской печати», въ которомъ книги каждаго разряда, напр. Азбуки, Учительныя Евангелія, Часословы и пр. долженствовали быть сличены между собою, съ указаніемъ разностей, встрѣчающихся въ ихъ составѣ, времени появленія этихъ разностей и т. д.; наконецъ, обширное сочиненіе, имѣющее цѣлію доказать, что книгопечатаніе существовало въ Россіи ранѣе появленія Апостола, напечатаннаго въ 1564 году Иваномъ Ѳедоровымъ. Часть этого любопытнаго сочиненія была читана на 3-мъ Кіевскомъ Археологическомъ съѣздѣ, возбудила общее вниманіе и появилась въ трудахъ съѣзда подъ заглавіемъ: «Не было ли въ Москвѣ опытовъ книгопечатанія прежде 1564 года?»

Трудами, подобными тѣмъ, которые совершилъ и намѣревался исполнить Викторовъ, постепенно, хотя и незамѣтно, расширяется кругъ знаній, и такими трудами нельзя не дорожить. Признаніе за ними извѣстной степени важности доказывается избраніемъ Викторова Академіею Наукъ въ члены-кореспонденты и многими учеными обществами — въ свои дѣйствительные члены. Въ лицѣ Викторова наука лишилась преданнаго ей всей душой, энергическаго и образованнаго работника, отсутствіе котораго будетъ ощутительно и для лицъ, занимающихся въ рукописномъ отдѣленіи Московскаго музея, и для ученыхъ, обращавшихся къ нему, какъ за разрѣшеніемъ разнаго рода вопросовъ, такъ и за справками и указаніями. Удовлетворять разнообразныя просьбы и посѣтителей музея, и иногородныхъ изыскателей и изслѣдователей древнихъ русскихъ письменныхъ и печатныхъ памятниковъ и сообщать имъ то, что для нихъ было нужно, составляло для

Викторова истинное, неподдѣльное удовольствіе, и не было примѣра, чтобы въ этомъ отношеніи съ его стороны встрѣчался отказъ. Его письма къ лицамъ, которыя вели съ нимъ переписку, часто представляли цѣлыя разсужденія, подкрѣпленныя доводами и ссылками, взятыми изъ богатаго запаса собранныхъ имъ свѣдѣній. Эта сообщительность Викторова и готовность со всѣми дѣлиться своими знаніями; его неукоснительное исполненіе служебнаго долга; его прямой характеръ, наконецъ, его отзывчивость на вопросы, возникавшіе въ жизни и въ средѣ общества, сообщали, въ высшей степени, привлекательность его личности для всѣхъ, болѣе или менѣе близко знавшихъ покойнаго Алексѣя Егоровича, не смотря на внѣшнюю его угрюмость и сосредоточенность. Желательно, чтобы наше отечество имѣло поболѣе дѣятелей, похожихъ на него, и чтобы ряды ихъ не умалялись, а напротивъ увеличивались.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XL, № 2.

ИЗЪ ИСТОРІИ
РОМАНА И ПОВѢСТИ.

МАТЕРІАЛЫ И ИЗСЛѢДОВАНІЯ

Академика **А. Н. Веселовскаго.**

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

ГРЕКО-ВИЗАНТІЙСКІЙ ПЕРІОДЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1886.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Сентябрь 1886 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

I.

ИСТОРІЯ ИЛИ ТЕОРІЯ РОМАНА?

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Въ исторіи поэтическихъ родовъ есть своего рода послѣдовательность, не вездѣ одинаково выдержанная, затемненная иногда посторонними вліяніями, ускорившими или извратившими правильный ходъ развитія, но на столько прозрачная, что она производитъ впечатлѣніе законности. Какъ послѣдовательныя измѣненія быта и ростъ общественнаго и личнаго сознанія выражались въ новыхъ формахъ политическаго устройства, въ выдѣленіи научнаго міросозерцанія изъ миѳическаго, философіи изъ религіи, исторіи изъ эпоса — такъ выражались они и въ поэзіи, въ чередованіи ея формъ, обусловленномъ измѣненіями ея идеальнаго содержанія. Вездѣ, гдѣ мы въ состояніи наблюдать продолжительную литературную исторію, на первомъ мѣстѣ являются тѣ произведенія народной поэзіи, незнающей творца, которыя мы обыкли объединять именемъ эпоса, и надо перенестись къ другому концу развитія, чтобы встрѣтить тотъ особый радъ повѣстей и разсказовъ, лишенныхъ традиціоннаго значенія и принадлежащихъ личнымъ авторамъ, которые назовутся новеллами, романами и т. д. Между ними и эпосомъ, въ опредѣленномъ выше значеніи этого слова, прошла цѣлая исторія, наполненная выдѣленіемъ — лирики и драмы. При какихъ условіяхъ совершилось это выдѣленіе?

Въ началѣ, въ праисторіи поэтическаго и вообще художественнаго развитія, слѣдуетъ предположить извѣстный синкретизмъ, не смѣшеніе, а отсутствіе различія между опредѣленными поэтическими родами, поэзіей и другими искусствами: нѣчто, до сихъ поръ живущее въ поэзіи народнаго обряда, какъ въ старогреческихъ народныхъ празднествахъ въ честь Діониса: поэзія поется и пляшется, сопровождается извѣстнымъ мимическимъ дѣйствомъ, выражающимъ тѣлодвиженіями эпическую канву пѣсни. Это, въ одно и то-же время, и эпосъ, и лирика, не отдѣленная отъ музыки, и драма; то и другое и третье, — понятое формально, какъ *формы* поэтическаго выраженія, которыя, наполненныя соотвѣтствующимъ содержаніемъ, выступятъ передъ нами послѣдовательно, какъ — эпосъ, лирика, драма. На первый разъ это — эпическій речитативъ съ лирическими порывами, обращеніями, припѣвомъ; драматическое дѣйствіе безъ драмы.

Изъ этого синкретическаго безразличія происходитъ, съ теченіемъ времени, рядъ выдѣленій. Выдѣляется, изъ связи съ пляской и драматической игрой, лирико-эпическая пѣсня, съ содержаніемъ, заимствованнымъ изъ стараго миѳа, преданія, либо навѣянная какимъ-нибудь событіемъ, взволновавшимъ народныя симпатіи. Мы можемъ составить себѣ приблизительное понятіе о нихъ по стилю гомерическихъ гимновъ (за вычетомъ ихъ художественной обработки), по средне-вѣковой кантиленѣ напр. о св. Фаронѣ, по сербскимъ и малорусскимъ историческимъ пѣснямъ-думамъ. Эпическій разсказъ, но глубоко захватывающій интересы, страсти пѣвца, потому патетическій. Такого рода пѣсня могла еще нѣкоторое время держаться при синкретическомъ обрядѣ, послѣ того какъ она уже выдѣлилась изъ его состава: на Фарейскимъ островахъ *плясали*, очевидно, мимически, пѣсню о пораженіи Сигурдомъ змѣя Фафнира, какъ въ Греціи—свадьбу Зевса и Геры, у Лонга — миѳъ о Панѣ и Сирингѣ.

Паѳосъ держится немногими поколѣніями; затѣмъ *настроеніе* замираетъ вмѣстѣ съ непосредственностью, но остается интересъ къ *содержанію* пѣсни: изъ лирико-эпической она становится эпи-

ческою, матеріаломъ не для пѣвца, а для сказителя. Таково отношеніе малорусскихъ думъ къ великорусскимъ былинамъ: надъ былиной никто не заплачетъ, какъ гомеровскій грекъ надъ разсказомъ Фемія и Демодока, какъ малороссъ надъ своею думой.

Эпическая пѣсня обособилась, ходитъ въ народѣ, изъ поколѣнія въ поколѣніе. Близкія лирическія симпатіи исчезли, не исчезъ интересъ къ разсказу: оторванныя, отдаленныя отъ живой памяти, пѣсни повторяются, искажаются, группируются вокругъ одного лица или событія, спѣваются около Сида, либо Ильи Муромца, либо битвы на Косовомъ полѣ. Такого рода полународные, полу-сознательные, т. е. личные своды-спѣвки, сохранились: они-то и могли лечь *въ основу* большихъ эпопей, причемъ для насъ все равно — называются-ли эти эпопеи Иліадой и Одиссеей, либо Пѣсней о Роландѣ.

Ихъ появленіемъ заканчивается первый періодъ поэтическаго развитія: это какъ бы вѣнчаніе зданія, общій аккордъ, въ которомъ сведены всѣ мотивы, все міросозерцаніе предъидущей, эпической эпохи.

Эпопея предполагаетъ развитую эпику, т. е. богатство эпическихъ пѣсенъ, и не только богатство, но и извѣстное внутреннее единство, обусловленное единствомъ содержанія. Поютъ много и на всѣ лады лишь о томъ, что всѣхъ живо интересуетъ; это что-то и есть живой центръ эпики. Эпохи, слѣдующія за большими народными движеніями, за періодами борьбы, въ которой участвуетъ и слагается народное самосознаніе — такія эпохи даютъ обыкновенно и обильные эпическіе всходы. Эпика идетъ по слѣдамъ исторіи. Видѣть въ древнихъ эпическихъ пѣсняхъ — миѳы, пріуроченные къ землѣ, въ герояхъ — боговъ, облекшихся въ человѣческій, хотя еще грандіозный образъ, — означало бы идти противъ теченія: антропоморѳическій миѳъ (а о немъ только и можетъ быть рѣчь въ данномъ случаѣ) слагается по образцу эпоса, а не наоборотъ; Гомеръ создаетъ греческихъ боговъ. Сходство миѳическихъ, эпическихъ, наконецъ сказочныхъ схемъ

не указываетъ необходимо на генетическую связь; и «въ Македоніи есть рѣка и въ Монмоусъ также рѣка; въ Монмоусъ ей зовутъ Вайя, а какъ зовутъ другая — совсѣмъ вышла изъ мой память; но это не большой бѣда; онѣ обѣ похожъ на другая, какъ два пальца на рука, и въ обѣ есть семга» (Генрихъ V, д. IV, сц. VII) — и тѣмъ не менѣе Македонія не Монмоусъ, какъ Генрихъ V не Александръ Македонскій. Сходство объясняется не генезисомъ одного мотива изъ другаго, а предположеніемъ общихъ мотивовъ, столь-же обязательныхъ для человѣческаго творчества, какъ схемы языка для выраженія мысли; творчество ограничивается сочетаніемъ данныхъ схемъ. Въ этомъ смыслѣ сказка можетъ быть на столько-же отраженіемъ миѳа, на сколько осадкомъ эпической пѣсни или — народной книги.

Характеристика такъ называемаго эпическаго міросозерцанія предложена была не разъ. Его черты извѣстны: общность умственнаго и нравственнаго кругозора, невыдѣленность личности; нѣтъ поэта, а пѣвецъ ото всѣхъ и за всѣхъ, поющій про то, что всѣмъ извѣстно и всѣхъ интересуетъ какъ могъ-бы спѣть всякій другой, а онъ лучше другихъ лишь потому, что ему болѣе другихъ дарованъ божествомъ даръ общаго слова — эпоса.

Я не развиваю въ подробности этихъ положеній, тѣмъ болѣе, что это было сдѣлано недавно Шпильгагеномъ съ картинностью романиста и односторонностью человѣка, для котораго весь эпосъ выразился типически — въ Гомерѣ.

Сравнивая положеніе современнаго романиста съ положеніемъ эпическаго пѣвца, Шпильгагенъ[1]) указываетъ на одно, по его мнѣнію, неоспоримое преимущество послѣдняго передъ первымъ: на чувство общности, «которое, обусловленное одинаковостью привычекъ семейной жизни, солидарностью общественныхъ интересовъ, единствомъ духовнаго кругозора у всѣхъ и каждаго, отъ царя до пастуха, дѣйствовало въ средѣ гомеровскихъ людей, какъ чисто-стихійная сила. Если походъ подъ Трою

---

[1]) Friedrich Spielhagen. Beiträge zur Theorie und Technik des Romans Lpz. 1883, стр. 135 и слѣд.

въ самомъ дѣлѣ имѣлъ мѣсто, въ чемъ теперь никто не сомнѣвается, то не надо было большаго краснорѣчія, ни велѣнія боговъ, чтобы побудить къ предпріятію греческія племена: они собрались и пошли на Трою, какъ въ осеннюю пору собираются стаи перелетныхъ птицъ, направляясь къ югу, ведомыя таинственнымъ, непреодолимымъ влеченіемъ. Если и былъ опредѣленный поводъ къ походу, то онъ имѣлъ не бо́льшее значеніе, чѣмъ для развитія давно подготовлявшагося недуга то, что медики зовутъ случайной причиной. Когда въ этой массѣ, одушевленной однимъ овладѣвшимъ ею чувствомъ, просыпается личная воля, её ставятъ у позорнаго столба, насильно вгоняютъ её въ общую волю, какъ то было съ Ѳерситомъ, либо она трагически сокрушается, какъ у Ахилла. Но и объ Ахиллѣ слѣдуетъ помнить, что его гнѣвъ вызванъ отобраніемъ у него Бризеиды, принадлежавшей ему по праву почетнаго дара, что онъ считаетъ себя, или лучше, *знаетъ* себя оскорбленнымъ въ глазахъ *другихъ*, и въ сравненіи съ этимъ мотивомъ паѳосъ оскорбленнаго, любящаго сердца (сл. Ил. IX, 340—3) почти не имѣетъ значенія. Позднѣе, когда, по смерти Патрокла, ему приносятъ умилостивительные дары, онъ, отягченный страшнымъ горемъ, не даетъ большой или и никакой цѣны этому внѣшнему возстановленію своей чести; но Агамемнонъ и другіе князья сознаютъ этотъ актъ, какъ необходимый. Но всего характернѣе сознаніе самого героя, принимающаго утрату друга, какъ косвенную божью кару за гнѣвъ, побудившій его забыть свои прямыя обязанности передъ вождемъ войска и общественнымъ благомъ.»

Нераздѣльность индивидуальной и народной души у гомеровскаго человѣка указываетъ на особое положеніе и гомеровскаго пѣвца. Онъ по стольку и пѣвецъ, по скольку принадлежитъ своему обществу. «Онъ не созерцаетъ міръ изъ прекраснаго далека и лишь въ праздничной обстановкѣ, онъ живетъ въ немъ всецѣло и каждый день ему праздникъ. У него нѣтъ своего «музея», своего кабинета: первый же шагъ на пути художнической карьеры вводитъ его въ величественную мастерскую, отовсюду

освѣщенную солнцемъ греческой жизни, вторгающейся въ окна со всѣмъ богатствомъ своихъ образовъ и красокъ. Въ этой мастерской оно застаетъ много работниковъ, мастеровъ и учениковъ, всѣхъ за одною работой, которая станетъ и его дѣломъ и не подниметъ въ немъ вопросовъ о томъ: *что* и *какъ* дѣлать, потому что на то и другое уже отвѣтило ему готовое преданіе. Оно указало ему на прошлую исторію его народа, теряющуюся къ верху — въ золотыхъ облакахъ Олимпа, къ низу — въ поколѣніи современныхъ пѣвцу людей, «οἷοι νῦν εἰσιν». Что до способа выраженія, то оно дано ему въ напѣвахъ, унаслѣдованныхъ отъ поколѣнія къ поколѣнію, въ языкѣ, разработанномъ и во всѣхъ отношеніяхъ готовомъ для художественныхъ цѣлей: наконецъ, въ поэтическомъ методѣ, предуставившемъ для него: веденіе басни, соразмѣреніе и соединеніе частей въ одно цѣлое, цѣлесообразную смѣну свѣта и тѣни, красоту и необходимость контрастовъ, гармонію переходовъ и законы ретардаціи, необходимость эпизодовъ, — вообще всѣ тѣ средства, которыми эпическое творчество должно пользоваться свободно, если желаетъ достигнуть своей цѣли.

«Послѣднее и высшее, что отличаетъ гомерическихъ пѣвцовъ отъ современныхъ поэтовъ и въ чемъ послѣдніе могутъ особенно имъ позавидовать — это горделивое сознаніе, что они поютъ лишь про то, что ихъ публика желаетъ, о чемъ никогда не устанетъ слушать; радостная, постоянно наполняющая ихъ увѣренность, что всякій аккордъ, ими взятый, отзовется въ душахъ ихъ слушателей: что ихъ думы, чувствованія, впечатлѣнія не что иное, какъ думы, чувствованія, впечатлѣнія ихъ народа.

«Оттого въ ихъ устахъ воззваніе къ музѣ въ началѣ пѣсни, либо и въ срединѣ, когда богатство эпическаго матеріала ихъ одолѣвало, — это воззваніе — не фраза, а яркое выраженіе вѣрнаго, вытекшаго изъ фактовъ, сознанія: что они, единичные пѣвцы, черпаютъ свои пѣсни изъ рѣки, которой таинственные источники скрыты отъ ихъ глаза въ невѣдомой дали; что они передаютъ лишь то, что имъ было дано, издавна уготовлено, и

въ нихъ дѣйствуетъ сила, которой могучее дѣйствіе они не объясняли и не могли объяснить изъ личнаго дара, а относили, какъ все непонятное, на счетъ непосредственнаго воздѣйствія божества.

«Въ этомъ скромномъ отступленіи личности поэта за поэтическій геній всего народа, дѣлающій поэта лишь органомъ и глашатаемъ своего могущества, наравнѣ съ другими органами и глашатаями, и лежитъ объясненіе и возможность той идеальной, не тенденціозной объективности, въ цѣломъ и частностяхъ, которой мы удивляемся въ гомеровскихъ поэмахъ и которая на всегда недостижима для современнаго поэта.

«Говорить объ «идеѣ» гомеровскихъ поэмъ можно лишь въ томъ смыслѣ, въ какомъ Рафаэль понималъ свою святую «идею»: тотъ прототипъ, который онъ прозрѣвалъ своимъ духовнымъ окомъ и относительно котораго образъ, начертанный имъ на полотнѣ, являлся лишь какъ несовершенное воспроизведеніе. Тотъ прототипъ, наполнявшій всѣ желанія гомеровскаго пѣвца, есть именно міръ, понятый, какъ цѣлое, обнимающій жизнь людей и природы, охваченный во всей шири, отъ одного полюса къ другому, отъ выраженій героической силы до глубочайшей печали, какая только овладѣвала душею древняго человѣка: отъ вѣчнаго солнечнаго свѣта, обтекающаго высоты Олимпа — до ночи Тартара, куда никогда не проникаетъ лучъ Геліоса . . .

«Итогомъ всего сказаннаго будетъ заключеніе, что у поэта гомеровской поры нечего искать личнаго, ему принадлежащаго воззрѣнія на міръ и отношенія жизни. Онъ не столько поэтическій органъ своего народа, сколько органъ своего поэтическаго народа. У него нѣтъ выбора въ сюжетѣ, потому что сюжетъ ему данъ въ матеріалѣ преданій и миѳовъ, издавна выработанныхъ; у него нѣтъ выбора и относительно средствъ, которыя подсказаны ему установленнымъ поэтическимъ методомъ и обычнымъ до него пѣснопѣніемъ. Его герои — не его идеалы, а «представительные люди» его народа, въ которыхъ выразилась его сущность, какъ сущность божества въ различныхъ народныхъ богахъ. Вольно пѣвцу прибавить къ этимъ представительнымъ

образамъ ту или другую черту (что онъ, несомнѣнно, и дѣлалъ), но измѣнить ихъ до основанія онъ не могъ; доля его личнаго участія ограничивалась предпочтеніемъ, которое онъ могъ оказывать одному образу передъ другимъ, смотря по своему вкусу и поэтической наклонности. Во всемъ остальномъ его личное «я» исчезало въ объектѣ, отстраняя отъ себя всякую отвѣтственность за содержаніе и форму пѣсни, всякую критику со стороны слушателя, какъ несправедливую и непригодную, по скольку она основывалась на индивидуальной симпатіи или антипатіи. Его отношеніе къ дѣлу и къ публикѣ точно характеризуется словами Тилемаха къ матери, когда она проситъ Фемія оставить «печальную пѣсню» о «горестномъ возвращеніи изъ подъ Трои, уготованномъ Ахейцамъ Палладой Аѳиной»:

> Какъ-же ты хочешь пѣвцу запретить въ удовольствіе наше
> То воспѣвать, что въ его пробуждается сердцѣ? Виновенъ
> Въ томъ не пѣвецъ, а виновенъ Зевесъ, посылающій свыше
> Людямъ высокаго духа по волѣ своей вдохновенье.

(Од. I, 347—350).»

Это единеніе пѣвца и народа, это царство общей пѣсни при различныхъ, такъ сказать, стихійныхъ ея исполнителяхъ, было лишь фактомъ времени. Дальнѣйшій историческій процессъ велъ необходимо къ разъединенію, къ дизинтеграціи быта и міровоззрѣнія, къ выдѣленію изъ общей связи новыхъ сословныхъ и политическихъ группъ и обособленію личности въ сферѣ этихъ новыхъ формацій. Обобщая, такимъ образомъ, я, главнымъ образомъ, имѣю въ виду Грецію съ ея прозрачнымъ, менѣе прерваннымъ, чѣмъ въ другихъ средахъ, развитіемъ.

Обособленность личности означаетъ: ослабленіе чувства солидарности между общественной единицей и обществомъ, понятымъ всецѣло; иное пониманіе религіозныхъ и политическихъ вопросовъ, чѣмъ ходячее въ большинствѣ; у единицы является свой особый, болѣе или менѣе ограниченный міръ, во всякомъ случаѣ не тождественный съ общимъ, иногда прямо ему противо-

положный; есть желаніе заявиться передъ этимъ общимъ, сосчитаться съ нимъ, тѣмъ болѣе, чѣмъ дороже чувство только что отвоеваннаго внутренняго міра съ его новыми откровеніями. Они просятъ исхода и находятъ его — въ личной философіи, объясняющей себѣ явленія жизни и міроустройства не совсѣмъ такъ, какъ учило о томъ общее религіозное преданіе, нерѣдко въ разрѣзъ съ нимъ; въ личной поэзіи, личной не въ томъ только смыслѣ, что она исходитъ изъ единицы, впервые ощутившей себя не сказителемъ общаго, всѣмъ извѣстнаго преданія, а творцемъ-поэтомъ, но и потому, что эта поэзія уйдетъ на долгое время въ анализъ собственнаго «я», его горя и радости, его порывовъ и разочарованій.

Таковъ генезисъ лирической поэзіи, но въ то-же время и драмы. Новый, личный поэтъ не могъ относиться къ содержанію древняго эпическаго преданія также, какъ пѣвецъ гомеровской эпохи: онъ на столько отчужденъ отъ него, на сколько, отчасти по крайней мѣрѣ, разложилъ его въ своемъ сознаніи, вложилъ въ него свою собственную душу. Пріученный къ самонаблюденію, къ анализу своей психики, онъ вносилъ его и въ тѣ традиціонные, миѳическіе разсказы, которые составляли основныя темы эпоса. Отъ этого получалось новое освѣщеніе: главный интересъ не сосредоточивался, какъ въ былое время, на событіи, а на участіи, которое принимало въ немъ то или другое лице, на ихъ мотивахъ и побужденіяхъ, на ихъ внутренней борьбѣ, однимъ словомъ на всемъ томъ мірѣ личности, который раскрытъ былъ новымъ прогрессомъ исторіи.

Слѣдствіемъ такого взгляда было, что иныя стороны общаго всѣмъ эпоса перестали привлекать вниманіе, другія выдвинулись на первый планъ: сюжеты для драмы, которая, съ точки зрѣнія содержанія, является продуктомъ разложенія эпоса подъ вліяніемъ личной мысли. За формой дѣло не стало: мы помнимъ мимическій, театральный элементъ народнаго обряда, изъ котораго выдѣлилась когда-то, отвѣчая зову времени, эпическая пѣсня; эта традиціонная форма пришлась теперь кстати; въ ней Эсхилъ,

Софоклъ и Эврипидъ выразили свое лирическое пониманіе древнихъ сюжетовъ миѳа.

Между Эсхиломъ и Эврипидомъ прошла, въ какихъ нибудь два поколѣнія, цѣлая исторія. Эсхилъ еще близокъ къ эпическому пониманію, его трилогіи обнимаютъ широкіе концы эпоса, и трагическая вина лежитъ въ цѣлыхъ поколѣніяхъ, не въ отдѣльныхъ личностяхъ; преступленіе и кара посылаются божествомъ и мало обоснованы психически. Всё это мѣняется: для Еврипида все дѣло во внутренней драмѣ; не даромъ Аристотель назвалъ его наиболѣе трагическимъ изъ греческихъ трагиковъ: мотивъ миѳа является не болѣе, какъ психологической задачей; весь интересъ отданъ конфликту, происходящему въ личности, драма выростаетъ изъ нея, не извнѣ, — по велѣнію свыше.

Религіозное значеніе миѳа оттого умалялось, на что и указано было противниками Еврипида: въ поэтическомъ смыслѣ это былъ прогрессъ: что онъ не осуществился фактически, еще не говоритъ противъ вѣрности заключенія. Освобожденная отъ «вѣры угольщика» поэзія могла вращаться въ миѳахъ какъ спеціально-поэтическомъ матерьялѣ, измѣнять ихъ въ извѣстной мѣрѣ, пріобщить къ ходячимъ и тѣ, которые вначалѣ имѣли лишь значеніе мѣстнаго, не общественнаго вѣрованія (Пиндаръ); а это пріучило искать поэтическое содержаніе за предѣломъ древняго, условнаго преданія: не среди боговъ и героевъ, а у простыхъ смертныхъ, гдѣ комедія почерпала несложные мотивы своего смѣха, а эллинистическіе разскащики открывали иного рода струю: *поэзію личной жизни*, подъ вліяніемъ которой даже строгіе миѳы получили болѣе мягкое романтическое освѣщеніе.

То, что Эрдманнсдёрферъ назвалъ, можетъ быть, не совсѣмъ точно, «періодомъ греческой *новеллы*», характеризуетъ этотъ поворотъ мысли. Къ нему неудержно вели историческія обстоятельства: упадокъ общественной жизни, ослабленіе національнаго самосознанія, отсутствіе прочныхъ кругозоровъ и общихъ цѣлей для народной дѣятельности — всё это порывало связь съ прошлымъ, съ его поэтической идеализаціей, уединяя человѣка, тѣмъ

болѣе поэта, въ самого себя, въ его внутренней міръ, откуда онъ попытается возстановить на свой страхъ болѣе или менѣе цѣльную картину внѣшняго міра: свой личный эпосъ (Ich-Epos), сказалъ-бы я, примѣняя терминологію Шпильгагена.

Таковы общественно-психологическія посылки, изъ которыхъ вытекли, на крайней границѣ древне-греческаго развитія, тѣ произведенія, которыя мы называемъ новымъ именемъ романовъ, тогда какъ Греки называли ихъ «драмами», «драматическими разсказами». Мы по другую сторону кряжа, за которымъ лежитъ общій всѣмъ эпосъ, съ его традиціонными сюжетами и носителями-пѣвцами. Въ романѣ все не традиціонно: поэтъ — сознательный творецъ своего сюжета, ему принадлежатъ и герои, обыкновенно влюбленные, занятые исключительно собою, своей любовью: любовь естественно становилась въ центрѣ интересовъ, ограниченныхъ личной жизнью; романисты отвѣчали лишь голосу времени. Вокругъ героевъ устраиваются другія дѣйствующія лица, служащія главнымъ образомъ къ ихъ развитію и освѣщенію, притянутыя къ центру, тогда какъ герой эпоса высится надъ своимъ міромъ такъ же естественно, какъ вершина во главѣ горнаго хребта. — Обстановка, въ которую вдвинуто дѣйствіе этихъ романовъ, двоякая: либо это широкіе горизонты, иногда удаляющіеся въ фантастическую даль, большія пространства, по которымъ движутся дѣйствующія лица; либо укромный уголокъ, уединенный въ море и природу. И здѣсь романисты были на высотѣ того настроенія, которое овладѣваетъ обществомъ подъ впечатлѣніемъ односторонне развитаго личнаго идеала: я разумѣю беззавѣтное стремленіе въ даль, томительное исканіе чего-то за тридевятью землями, какъ въ Александріи Псевдокаллисѳена, — либо тамъ, гдѣ до тѣхъ поръ никогда ничего не искали, а теперь думаютъ обрѣсти покой и счастье: въ идилліи Лонга.

Теченія мысли, намъ хорошо извѣстныя: онѣ не разъ повторялись въ исторіи, находя себѣ идеальное выраженіе въ утопіяхъ, поэтическое въ идилліяхъ Астреи и Робинзона.

Въ этомъ смыслѣ Шлоссеръ былъ правъ, говоря, что исторію народа можно написать по его романамъ; я бы обобщилъ: по его поэтической литературѣ. Матеріалъ богатый и благодарный, если умѣть воздержаться отъ излишняго недовѣрія — и отъ крайней довѣрчивости къ бытовой подкладкѣ поэтической идеализаціи [1]).

Греческій языческій романъ не досказался до конца: онъ явился слишкомъ поздно, когда изсякли живыя поэтическія силы націи. Римляне его не досказали, подражатели, какъ всегда: Апулей лишь обработалъ сюжетъ греческаго разсказа, помѣстивъ въ немъ прелестный эпизодъ объ Амурѣ и Психеѣ, народную сказку, которую будутъ помнить и тѣ, кто поспѣшитъ забыть содержаніе романа. Онъ написанъ прозой; греческіе романы избрали эту болѣе реальную форму изложенія: ихъ проза принадлежитъ софистической школѣ, но она подъ стать сюжетамъ. Разрывъ эпоса съ исторіографіей также отмѣченъ водвореніемъ прозы — а романъ водворялъ въ литературѣ новый жанръ и интересы къ обыденному, хотя бы и опоэтизированному.

II.

Византійскій романъ явился внѣшнимъ, школьнымъ подражаніемъ греческому: тѣ-же положенія и типы, тѣ-же идеалы, которые жизнь давно оставила позади себя; новаго — стихотворная форма, указывающая на забвеніе стиля, да стремленіе къ простѣйшимъ сказочнымъ сюжетамъ, напр. въ эпизодахъ Ливистра и Родамны и въ Каллимахѣ и Хризорроѣ. Лишь на почвѣ христіанской легенды греческій романъ нашелъ продолженіе, отвѣтившее идеальной сторонѣ его задачи: явленіе, мало изученное до сихъ поръ, не смотря на старую популярность и своеобразную прелесть Климентинъ.

[1]) См. оцѣнку этихъ противоположныхъ увлеченій въ моихъ отчетахъ о книгахъ Роде (Журн. М. Нар. Пр. 1876, ноябрь, стр. 107—112, 116—118) и Шульце (Журн. М. Нар. Пр. 1882, іюнь).

Надо перенестись къ половинѣ среднихъ вѣковъ, чтобы снова встрѣтиться съ зарожденіемъ поэтическихъ разсказовъ, которые на этотъ разъ, дѣйствительно, хотя и нѣсколько случайно назовутся романами. Говоря о средневѣковой литературѣ, слѣдуетъ поступиться той идеей цѣльности, которую мы выносимъ напр. изъ изученія литературы греческой. Новымъ людямъ пришлось во многомъ начинать съизнова, но многое привнесено было и со стороны и вліяніе классическаго преданія опредѣлило формально или и ускорило ходъ естественной эволюціи. Тѣмъ не менѣе ходъ ея ясенъ и послѣдовательность та-же. Западные люди также начали съ эпоса, остатки котораго до сихъ поръ живутъ въ народной былевой пѣснѣ и синкретическомъ обрядѣ. У насъ есть свѣдѣнія о древнихъ лирико-эпическихъ кантиленахъ, и весьма вѣроятно, что эпическія пѣсни прошли черезъ народный сводъ, прежде чѣмъ подвергнуться литературной обработкѣ въ древнѣйшихъ французскихъ Chansons de geste и Нибелунгахъ.

И на западѣ появленіе лирики, какъ особой литературной формы, въ отличіе отъ народной, вызвано было опредѣленнымъ общественнымъ прогрессомъ, выдѣленіемъ личнаго сознанія изъ массоваго — на первый разъ на почвѣ сословно-рыцарской. Лирика явилась, когда сознана была цѣнность личнаго чувства, религіознаго или поэтическаго настроенія, личнаго поэтическаго подвига. Я указываю на трубадуровъ и миннезингеровъ: они также субъективны и сословно-тенденціозны, какъ Алкей.

Явленіе средневѣковой драмы, по сравненію съ греческой, выходитъ изъ органической связи развитія: церковь рано приняла ее подъ свой покровъ, сдѣлала литургической мистеріей; ея дальнѣйшая разработка шла въ той же колеѣ, опредѣленной церковнымъ преданіемъ. Для оцѣнки естественнаго роста литературы она не идетъ въ счетъ.

За то рыцарскій романъ непосредственно объусловленъ тѣми-же причинами, которыя вызвали и лирику. Онъ предполагаетъ обособленіе поэта отъ народнаго пѣвца, ослабленіе интереса къ общему эпическому преданію, исканіе новаго слова, новыхъ темъ

и формы выраженія. На все это отвѣтили рыцарскіе романы. Ихъ содержаніе не народное: нѣсколько бретонскихъ разсказовъ, двѣ три мистическихъ легенды дали матеріалъ для цѣлой литературы, въ которой элементъ личнаго изобрѣтенія взялъ вскорѣ перевѣсъ надъ основной канвою подлинниковъ. Но и самое внесеніе этихъ сюжетовъ, до тѣхъ поръ таившихся въ глухомъ кельтскомъ захолустьи, въ широкіе литературный круговоротъ, охватившій изъ Франціи всю Европу, было своего рода актомъ творчества. Ланцелотъ и Gauvain, Тристанъ и Изольда и т. п. явились неожиданно носителями личнаго рыцарскаго идеала, гдѣ на первомъ мѣстѣ красуются слова: любовь и courtoisie. Вокругъ этого сосредоточивается все дѣйствіе романа, копятся подвиги и приключенія, какъ въ греческомъ романѣ любовники соединяются, помытарствовавъ и натерпѣвшись по бѣлу свѣту. Интересно сходство задачи, особое значеніе, какое дается чувству любви, незнакомому въ такомъ именно смыслѣ традиціонному эпосу. Потому именно, что въ общественномъ развитіи наступила новая пора, явились тамъ и здѣсь и новыя задачи поэзіи и соотвѣтствующія формы выраженія: французскіе романы «бретонскаго» цикла и romans d'aventures слагаются инымъ стихомъ, чѣмъ народныя chansons de geste, а одна группа бретонскихъ романовъ рано появляется и въ прозаическихъ пересказахъ.

Если припомнить, что Амадисы, которыми такъ увлекалась европейская читающая публика XVI и отчасти XVII вѣка, и по типу и по содержанію идеаловъ, лишь нѣсколько преувеличенному, являются прямымъ продолженіемъ «бретонскаго» цикла, то мы указали на одно теченіе, по которому шло въ Европѣ развитіе романа. Разрушительная критика Сервантеса не остановила движенія: тѣ-же излюбленныя темы — любви и куртуазіи, и военнаго подвига отражаются и въ придворно-героическомъ романѣ эпохи Фронды, которому суждено было наводнить Германію и, въ далекихъ отраженіяхъ, проникнуть и къ намъ.

Другой точкой отправленія для современнаго романа была итальянская новелла; вмѣсто рыцарской среды — среда итальян-

скаго города, съ ея богатой буржуазіей, развитой личностью и относительной сохранностью классическаго образовательнаго преданія. Эпоса здѣсь нѣтъ, его забыли еще до Виргилія, за то жива та Lust zum Fabuliren, которая характеризуется для среднихъ вѣковъ сборниками фабльо́ и легендъ, восточныхъ разсказовъ и нравоучительныхъ прикладовъ. Они и явились матеріаломъ для итальянской новеллы. Я имѣю, главнымъ образомъ, въ виду создателя этого художественнаго рода — Боккаччьо. Въ его пересказѣ ходячія темы преобразились въ нѣчто новое, типическіе образы прибаутки или умильной повѣсти приближаются къ характерамъ, характеры раскрываются передъ нами въ ихъ побужденіяхъ, надеждахъ, опасеніяхъ, ихъ обстановка содѣйствуетъ ихъ освѣщенію, какъ и стиль разсказа, строгій въ грустной феодальной легендѣ о Гризельдѣ, смѣющійся въ сказкѣ о веселой, беззаботной дочери царя del Garbo: тамъ замокъ и бѣдная деревня, здѣсь блужданіе по морямъ и доламъ, точно въ греческомъ романѣ, съ которымъ Боккаччьо былъ отчасти знакомъ.

Такова итальянская новелла, одинъ изъ источниковъ новѣйшаго романа. Самъ Боккаччьо сдѣлалъ къ нему приступъ въ своей Fiammetta'ѣ, повѣсти бѣдной дѣйствіемъ, наполненной анализомъ чувствъ любящей, оставленной женщины, колеблющейся между отчаяніемъ и надеждой, живущей воспоминаніями, жадно хватающейся за каждое слово, прислушивающейся къ каждому слуху о миломъ, чтобы снова чаять или опасаться. Въ Fiammetta'ѣ есть длинноты и свойственный Боккачьо пріѣдающійся реторизмъ; тѣмъ не менѣе это — первая попытка психологическаго романа въ Европѣ, интересная и по своему біографическому матерьялу: авторъ разсказалъ намъ, подъ другими именами, исторію своей собственной любви, какъ въ XV в. Эней Сильвій взялъ сюжетъ своей латинской повѣсти о Лукреціи и Эвріалѣ — изъ романическихъ похожденій Гаспара Шлика съ одной сіэнской горожанкой.

Послѣ Боккачьо волна новеллы течетъ неудержимо, пере-

ходя и за границы Италіи: итальянскія новеллы переводятся во Франціи и Германіи; Маргарита Наваррская имъ подражаетъ; повѣсти Грина всецѣло, «Euphues» Лилли отчасти, стоятъ подъ ихъ вліяніемъ, какъ и романы Викрама, въ которыхъ нѣмецкая критика тщится открыть самостоятельный зародышъ нѣмецкаго романа. — Когда съ половины XVI в. старые греческіе романы начали являться въ изданіяхъ и переводахъ на новые языки, участь этого рода въ Европѣ была уже упрочена и ему предстояло широкое развитіе: отъ «Амето» Боккаччьо, «Аркадіи» Санназаро и «Діаны» Монтемайора — къ Астреѣ; отъ романовъ въ стилѣ picaresco къ реальному французскому роману половины XVII вѣка и Гриммельгаузену; отъ Амадисовъ къ Донъ-Кихоту, отъ салонно-героическаго Grand Cyrus и собратій къ тонкой психологіи Princesse de Clèves M-me de la Fayette. Я опустилъ изъ этой связи фантазиста Раблэ, какъ не думаю слѣдить за дальнѣйшими проявленіями этого рода въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, когда романъ становится почти общественной силой, любимой литературной формой, грозящей заслонить собою всѣ остальныя, отвѣчающей на всѣ вопросы времени, но и обязанной постоять за себя передъ назойливымъ вопросомъ: въ чемъ его суть, его эстетическая законность, причина популярности?

Задача романиста — представить намъ идеальное изображеніе жизни, лучше сказать, извѣстной жизненной полосы въ образахъ и дѣйствіяхъ измышленныхъ имъ лицъ, исполненныхъ бытовой и психологической правды. Субъективный, какъ всякій человѣкъ нашего времени, онъ, очевидно, субъективно смотритъ и на жизнь и ея явленія: въ его героахъ несомнѣнно присутствуютъ частицы его собственнаго «я», хотя, быть можетъ, и не въ исключительномъ смыслѣ Шпильгагена, отождествляющаго героя каждаго романа съ его авторомъ; то цѣльное пониманіе жизни, подъ тѣмъ или другимъ угломъ, которое составляетъ основу и фонъ его романа, опять-же его личное, которое другіе могутъ не раздѣлять, не принять, потому что личная художественная правда не всегда есть гарантія признанія. Поло-

женіе романиста не то, что у эпическаго пѣвца: герои не приходятъ къ нему сами, носимые народной симпатіей, и его міросозерцаніе не есть по необходимости общее: старая цѣльность нарушена. Шпильгагенъ горько сѣтуетъ о томъ:

«Современный человѣкъ, и то въ исключительныхъ случаяхъ, кончаетъ тѣмъ, съ чего начинаетъ гомеровскій, проникаясь общимъ чувствомъ своего народа, паѳосомъ своего времени; но и эта цѣль разумнаго семейнаго и общественнаго воспитанія дается лишь одному избраннику, сильному духомъ! И какъ часто достигнувъ её, онъ видитъ себя обманутымъ, видитъ или подозрѣваетъ, что то чувство было ложное, паѳосъ не настоящій; что все это слѣдуетъ исправить, замѣнить чѣмъ нибудь другимъ; что ему самому суждена страшная доля снова вправить въ пазы вышедшій изъ нихъ міръ. — Не говорите, будто къ такимъ печальнымъ выводамъ, заключающимъ въ самихъ себѣ не кажущееся только противорѣчіе, приходятъ лишь помраченныя гамлетовскія натуры, неясныя поэтическія души. Есть и другіе люди, въ жилахъ которыхъ не течетъ ни капли меланхолической крови датскаго принца, совершенные антиподы сыновей Аполлона, съ трезвымъ пониманіемъ жизни, съ способностью къ практической дѣятельности. Между ними встрѣчаются исключительныя натуры, посвящающія, въ ясномъ сознаніи самихъ себя, всѣ свои мысли, думы и стремленія, высокія дарованія и горделивую силу — на служеніе общему дѣлу: неустанно работая для его преуспѣянія, нерѣдко съ успѣхомъ, осуществляя на дѣлѣ давнишнія надежды и чаянія народа, онѣ вправѣ ощущать себя, какъ воплощеніе его воли. А развѣ не было замѣчено не разъ, развѣ не стало это какъ-бы общимъ правиломъ, что тѣ даровитые, роковые люди въ концѣ блестящей карьеры жалуются на отсутствіе признанія у своихъ современниковъ? что они аппелируютъ отъ непонявшаго ихъ настоящаго къ болѣе разумному будущему, становясь лицемъ къ лицу съ задачей, напоминающей квадратуру круга: задачей — создать общее благо народа противъ желанія большей части этого народа?»

Таково положеніе современнаго героя-практика: очевидно, Лео изъ «Одинъ въ полѣ не воинъ». Но положеніе поэта-избранника ничѣмъ не лучше. Передъ живописцемъ сидѣлъ моделью — самъ Гёте.

«У него быстрый, проницательный и, вмѣстѣ, спокойно-ясный взглядъ прирожденнаго наблюдателя; способность скоро и легко сочетать отдаленное съ ближайшимъ; глубокое, страстное влеченіе къ природѣ, къ жизни; неутомимая страсть разыскивать тайныя причины человѣческихъ дѣйствій въ вожделѣніяхъ, склонностяхъ людей; творческая фантазія, вступающая въ свои права, гдѣ кончается опытъ, и строящая идеальные выводы изъ тѣхъ нестройныхъ началъ, которыми часто всё ограничивается въ жизни». Однимъ словомъ, эпическій геній, какой рождается столѣтіями, не уступающій первому гомериду. Что онъ будетъ дѣлать? «Вѣчное море не баюкало его своимъ таинственнымъ пѣснопѣньемъ, съ берега не манила его, еще мальчика, синяя даль, грезы подвиговъ, и нѣтъ вдохновеннаго пѣвца, который повѣдалъ-бы пытливому юношѣ о дѣлахъ его народныхъ героевъ». У него нѣтъ ни народа, ни героевъ, будничная, буржуазная жизнь душитъ его, и онъ спасается отъ нея въ природу, съ Гомеромъ подъ мышкой; у него одинъ выходъ — «уйти въ себя и тамъ обрѣсти новый міръ». И онъ находитъ его и воссоздаетъ цѣною крови сердца, долгаго художническаго искуса, борьбы съ языкомъ: онъ пишетъ Вертера. И равнодушная публика проснулась противъ ожиданія, и у ней зазвучала гдѣ-то въ сердцѣ струна: автора превозносятъ, имъ зачитываются, молодые люди подражаютъ его костюму, несчастно-влюбленныя дѣвушки, прежде чѣмъ броситься въ воду, прочитываютъ нѣсколько страницъ въ его романѣ. На голоса мелкихъ завистниковъ нечего обращать вниманіе: но вотъ раздается голосъ человѣка, стоящаго внѣ разсчетовъ вражды и зависти, остроумнаго, знатока искусства, къ которому прибѣгаютъ въ художественныхъ вопросахъ, какъ къ высшему судьѣ. А онъ говоритъ, что ни одинъ античный, т. е. настоящій, нормальный человѣкъ, не

сталъ-бы чувствовать и дѣйствовать, какъ герой новаго романа; что авторъ, надо полагать, невѣрно понялъ Гомера, котораго его герой постоянно носитъ съ собою; что сентиментальный полусвѣтъ, въ которомъ представляется его міръ, ничуть не напоминаетъ свѣтлое солнце Гомера, а то, что онъ называетъ міромъ, въ сущности — его міръ, который существуетъ для него одного и будетъ существовать до тѣхъ поръ, пока онъ самъ не станетъ на болѣе высокую и свободную точку зрѣнія. Критика кончалась практическимъ совѣтомъ, обращеннымъ къ Гёте: присоединить къ Вертеру двѣ-три новыхъ главы, новое окончаніе — и «чѣмъ циничнѣе, тѣмъ лучше»! — Совѣтъ напоминаетъ такой-же, извѣстный, обращенный по адресу Апеллеса.

Характеристика современнаго романиста и его субъективнаго міра, въ сравненіи съ объективнымъ міромъ эпическаго пѣвца не можетъ не быть названа удачной. Причемъ только тутъ сравненіе съ Гомеромъ? Развѣ личный писатель нашего времени можетъ стать на его мѣсто, Гомеръ мыслимъ-ли въ положеніи романиста, не переставъ быть Гомеромъ? Вопросъ — для теоретиковъ романа.

III.

Первымъ сознательнымъ теоретикомъ явился Huet въ своей извѣстной книгѣ: De l'origine des Romans (Paris, 1670). Его обширная начитанность поставила его на историческую точку зрѣнія: исторія романа начинается съ грековъ, но въ средніе вѣка онъ сплывается для автора съ народной эпопеей — смѣшеніе, которому суждено было на долго остаться господствующимъ.

«Въ былое время, говоритъ Huet, подъ именемъ романовъ разумѣли не только прозаическіе, но и болѣе того романы, писанные стихомъ: Giraldi и его ученикъ Pigna въ своихъ трактатахъ de'Romanzi имѣютъ въ виду лишь послѣдніе, указывая въ образецъ на Боярдо и Аріосто. Въ настоящее время преобладаетъ другое пониманіе, и мы называемъ романами фиктивныхъ

изображенія любовныхъ приключеній, написанныя въ прозѣ и художественно, для удовольствія и поученія читателей. Я говорю о фикціяхъ, чтобы отличить ихъ отъ дѣйствительной исторіи: о любовныхъ приключеніяхъ, потому что любовь — главный сюжетъ романовъ. Они должны быть писаны прозой, чтобы согласоваться со вкусомъ нашего времени; написаны художественно и по извѣстнымъ правиламъ — иначе разсказъ будетъ нагроможденъ безъ связи и лишенъ красоты....

«Я не говорю здѣсь о стихотворныхъ романахъ, тѣмъ менѣе объ эпическихъ поэмахъ, также стихотворныхъ и существенно отличающихся отъ романовъ, хотя между ними есть и черты сходства и хотя мнѣніе Аристотеля, по которому поэтъ — болѣе поэтъ по изобрѣтенію, чѣмъ по своимъ стихамъ, позволяетъ причислить къ поэтамъ и писателей романа. Петроній считаетъ отличіемъ поэмы: широкое дѣйствіе, вмѣшательство боговъ, сильный и смѣлый слогъ, такъ что она производитъ впечатлѣніе скорѣе вѣщанія, исходящаго отъ боговъ, чѣмъ точнаго и вѣрнаго разсказа. Романы болѣе просты, менѣе возвышенны и образны въ изобрѣтеніи и выраженіи, поэмы болѣе чудесны, въ границахъ вѣроятности; въ романахъ вѣроятнаго больше, хотя встрѣчается и чудесное. Поэмы болѣе выработаны и правильны въ композиціи, въ нихъ менѣе событій и эпизодовъ; романы допускаютъ то и другое въ большемъ количествѣ, ибо, не будучи столь возвышенны и образны, они не на столько утомляютъ умъ, который получаетъ возможность наполняться бо́льшимъ количествомъ различныхъ идей. Наконецъ, сюжетомъ поэмы бываетъ военное или политическое дѣйствіе, о любви она говоритъ случайно, тогда какъ, наоборотъ, въ романахъ она — главный сюжетъ, а политика и война являются на второмъ планѣ».

Huet ведетъ начало романа съ востока и его извѣстной любви къ розсказнямъ; но лишь въ рукахъ греческихъ писателей онъ получилъ впервые художественное значеніе. «Греки, въ такой степени усовершенствовавшіе бо́льшую часть наукъ и искусствъ, что ихъ считали ихъ изобрѣтателями, занялись и романомъ, дали

болѣе изящную форму тому, что на востокѣ было грубо и безформенно, подчинивъ его правиламъ эпопеи и собравъ въ одно художественное цѣлое тѣ разбросанныя, не упорядоченныя части, какія представлялъ предшествовавшій имъ романъ (?)». Huet перечисляетъ его греческихъ представителей, между которыми особливо хвалитъ Геліодора; изъ позднѣйшихъ называетъ (псевдо-) Дамаскина, Евстаѳія и Ѳеодора Продрома; характеризуетъ Апулея.

До первыхъ вѣковъ христіанства «искусство романа еще держалось въ нѣкоторомъ блескѣ; оно пало вмѣстѣ съ образованностью и имперіей, когда дикіе народы сѣвера привнесли свое невѣжество и варварство. До тѣхъ поръ романы писались ради удовольствія, теперь начали сочинять баснословные разсказы, потому что, не зная истины, не могли писать о дѣйствительности.» — Примѣрами у Huet являются безразлично — романы объ Артурѣ и Кругломъ столѣ и Карловингскія сказанія. Для современной Европы французы представляются обновителями романическаго рода.

Когда въ 1814 году Дёнлопъ (Dunlop) написалъ свою знаменитую History of fiction, переведенную впослѣдствіи съ дополненіями Либрехтомъ, ему оставалось лишь наполнить схему историческаго развитія романа, начертанную его предшественникомъ; но для уясненія эстетической сущности романа и его поэтической законности за это время не было сдѣлано ни шагу впередъ. Въ томъ, что было писано по этому вопросу, замѣчается всюду тоже смѣшеніе романа съ народнымъ эпосомъ, кульминирующее въ изреченіи Смоллета (въ предисловіи къ его Roderick Random): «романъ, несомнѣнно, одолженъ своимъ существованіемъ невѣжеству, тщеславію и суевѣрію» (Romance, no doubt, owes its origin to ignorance, vanity and superstition).

Между тѣмъ факты продолжали бить въ глаза и нельзя было эстетической критикѣ не сосчитаться съ явленіемъ, которое грозило поглотить или устранить ея старыя построенія; съ романистомъ — этимъ «сводвымъ братомъ поэта», какъ иронически

называлъ его еще Шиллеръ. И эстетика не заставила себя ждать: романъ, несомнѣнно, относится къ повѣствовательному роду, а во главѣ его стоитъ эпосъ съ его идеальнымъ выраженіемъ въ гомерическихъ поэмахъ или, лучше, поэмахъ Гомера, котораго Вертеръ всегда носилъ съ собою, которому Гёте хотѣлъ подражать въ своей буржуазной идилліи: Германъ и Доротея. Подражаніе вышло превосходное: тотъ же покойный горизонтъ, медленно, съ постепенными повтореніями развертывающійся разсказъ, та-же эпическая образность. В. фонъ Гумбольдтъ спѣшитъ обобщить впечатлѣнія этого новаго эпоса и гомеровскаго и даетъ намъ опредѣленіе эпопеи, до сихъ поръ продолжающее царить въ эстетикахъ, въ учебникахъ, и — у Шпильгагена, для котораго эпопея — «повѣствовательное поэтическое изображеніе человѣчества, на сколько послѣднее можетъ быть представлено извѣстнымъ народомъ въ извѣстную эпоху.» Это такъ же прозрачно, какъ скелетъ, съ котораго сорвали живое тѣло; такъ обще, что въ этомъ пустомъ пространствѣ помѣщаются, исчезая, и гомеровская поэма, и новелла Боккаччьо, и романъ Зола̀. Ясно одно: что воспроизведеніе гомеровской поэзіи, какое позволилъ себѣ Гёте, возможно лишь подъ условіемъ выбора соотвѣтствующаго сюжета, простыхъ нравовъ и несложныхъ отношеній, допускающихъ и соотвѣтствующее выраженіе. Гёте совершенно цѣлесообразно выбралъ для этого деревенскую идиллію, за которой, гдѣ-то вдалекѣ, пробѣгаетъ историческая волна; явись она на авансценѣ, эпическій покой и объективная образность исчезли-бы, какъ призракъ. «Одинъ въ полѣ не воинъ» въ изложеніи «Германа и Доротеи» также немыслимъ, какъ гомеровскій образный языкъ и повторенія напр. въ Давидѣ Копперфильдѣ, идеалѣ современнаго романа, по мнѣнію Шпильгагена.

Все это должно было быть яснымъ именно для него, такъ раздѣльно и характерно представившаго намъ коренное, историческое отличіе эпическаго пѣвца и современнаго поэта, цѣльнаго и—расторженнаго міросозерцанія, безразличной объективности и страст-

наго субъективизма. — Чѣмъ объяснить послѣ этого постоянныя, обильныя ссылки на Гомера по поводу того или другаго вопроса, поднятаго теоріей романа? Тѣмъ, что самъ авторъ — субъективистъ, что правильная, историческая постановка взгляда на отношенія эпоса и романа не мѣшаетъ ему безсознательно вносить въ обсужденіе перваго критеріи, выработанные на почвѣ послѣдняго; что думая повѣрять себя вѣчнымъ Гомеромъ, онъ говоритъ о Гомерѣ — Шпильгагена. Сущность этого Гомера намъ не вполнѣ ясна: что это — пѣвецъ или пѣвцы, пѣсни которыхъ объединились въ Иліадѣ или Одиссеѣ? Шпильгагену извѣстенъ такъ называемый «гомеровскій вопросъ», онъ говоритъ кое-гдѣ объ *интерполяціяхъ.* Для теоріи эпоса, стало быть, съ точки зрѣнія автора — и теоріи романа, это вопросъ не исключительно археологическій. Приведемъ примѣры.

У эпическаго пѣвца матеріалъ готовый: въ миѳѣ, въ языкѣ, въ пріемахъ «сказительства», которые подсказываютъ ему и мастерство сцѣпленія одного разсказа съ другимъ, и умѣнье ввести эпизодъ. Всему этому современный поэтъ принужденъ обучиться самъ — и, надо полагать, Шпильгагенъ не укажетъ ему, какъ на типъ художественнаго эпизода, на длинный разсказъ Одиссея, вторгшійся въ поэму въ ея VII пѣснѣ (ст. 241—97) и отнявшій у ней впослѣдствіи IX-ую по XII-ую. Очевидно, муза здѣсь измѣнила пѣвцу, если не подшутила надъ нимъ — интерполяція. Разсказъ Одиссея о его приключеніяхъ Шпильгагенъ разсматриваетъ въ связи съ тѣмъ, что онъ называетъ, въ узкомъ смыслѣ этого слова, Ich-roman, т. е. ведущійся отъ лица героя. Дѣло легкое и, въ то-же время, трудное, ставящее автора въ тупикъ въ тѣхъ случаяхъ, особенно, когда герою слѣдуетъ разсказать своимъ читателямъ или слушателямъ объ обстоятельствахъ, которыхъ онъ не былъ очевидцемъ, о которыхъ не могъ и слышать. Приходится прибѣгать къ уловкамъ, въ родѣ слѣдующихъ. Одиссей разсказываетъ, что его спутники прикололи быковъ Геліоса, пока самъ онъ блуждалъ по острову или спалъ. Лампетія спѣшитъ къ Геліосу съ докладомъ; тотъ на Олимпъ

съ жалобой безсмертнымъ богамъ и Зевсу, который обѣщаетъ отмстить оскорбленному. — Но какъ узналъ обо всемъ этомъ Одиссей, который ничего этого не видѣлъ и не слышалъ? «Все это слышалъ я отъ прекраснокудрой Калипсо, а ей повѣдалъ, говорила она, быстрый Гермій» (Од. XII, ст. 389—390). Такъ поясняетъ разсказчикъ — «и съ какой, поди, серьозной миной, хитрецъ!» — замѣчаетъ Шпильгагенъ. Замѣчаніе вполнѣ понятное развѣ для какого-нибудь юмористическаго или комическаго романа, въ разсказѣ о небылицѣ въ лицахъ. Точки зрѣнія, очевидно, перепутались, потому что въ данномъ случаѣ не надо было ни напускной серьозности, ни хитроумной выдумки ни герою, ни пѣвцу эпоса, въ которомъ люди постоянно общаются съ богами. А что, если эта ссылка на Калипсо и Гермія, характеризующая будто-бы пріемъ личнаго разсказчика, не что иное, какъ неловкая интерполяція? Шпильгагенъ допускаетъ эту возможность.

Если постоянныя обращенія отъ романа къ Гомеру могутъ быть истолкованы, какъ уступка историческаго взгляда въ пользу личной теоріи, то мы не иначе отнесемся къ двумъ главамъ книги Шпильгагена, трактующимъ о вопросѣ: Новелла или романъ? Романъ или новелла?

Дѣло въ томъ, что современная литература наводнена не только романами, но и «повѣстями», «разсказами», «новеллами», причемъ иная новелла — какъ будто романъ, тогда какъ другому роману лучше-бы назваться новеллой, повѣстью. Шпильгагенъ не доволенъ этой черезполосицей, принимаетъ дѣло къ сердцу, какъ будто оно идетъ о сути, а не о кличкахъ. Какъ романъ онъ мѣрилъ эпосомъ, такъ теперь находитъ нужнымъ установить особую эстетическую категорію, съ высоты которой и будутъ судиться романисты и новеллисты. Въ полку Гомера онъ ставитъ Боккаччьо, его новелла будетъ образцемъ, типомъ всѣхъ послѣдующихъ. Опредѣленіе ея такое: она выводитъ на сцену уже готовые характеры, которые, столкнувшись, даютъ въ результатѣ исходъ, заранѣе опредѣленный ихъ сущностью; въ романѣ, наоборотъ, выступаютъ не готовые люди, а развивающіеся

въ той широкой жизненной обстановкѣ, которая является необходимой декораціей романа: здѣсь все дѣло въ развитіи, и конфликтъ не предусмотрѣнъ, такъ какъ обусловленъ именно ходомъ развитія, можетъ видоизмѣниться подъ давленіемъ среды и т. п.— Если такъ, то почему не пооткровенничать и не назвать новеллами тотъ легіонъ французскихъ романовъ, которые въ сжатомъ введеніи разсказываютъ всю праисторію своихъ героевъ, чтобы вывести ихъ, уже готовыми для развязки, въ ту часть разсказа, которая одна, собственно, и можетъ быть названа романомъ? Шпильгагенъ предпочитаетъ бросить имъ презрительную кличку, не имѣющую стоимости этикетки: это не романы, а развѣ послѣднія главы романовъ. — Но если ужь быть новеллѣ, какъ особо патентованному, литературному роду, то какъ помирить старинную новеллу, въ которой главный интересъ отданъ «особому сцѣпленію условій и обстоятельствъ», съ современной, обращающей вниманіе на «особенности данныхъ характеровъ»? Какъ понять примѣчаніе автора (стр. 47—8, прим.), что новелла — «основная форма всякой эпической поэзіи, снова впадающей въ неё, какъ скоро замолкаетъ большая эпопея»?

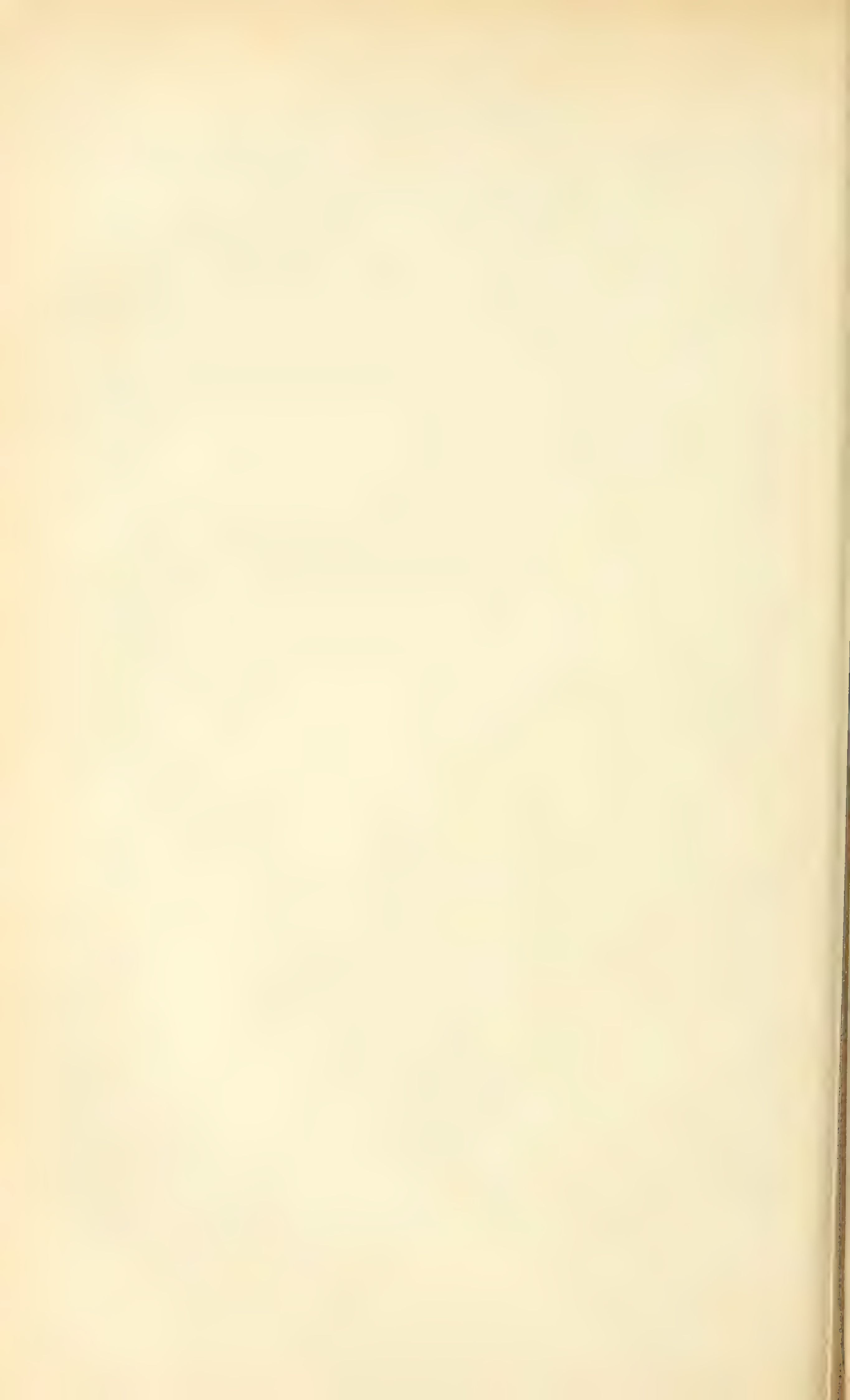
Наши романы, повѣсти-новеллы пишутся прозой; эпосъ знаетъ лишь стихъ. «Это была драгоцѣнная связь (Einband), безъ которой его листки разлетѣлись-бы въ теченіи его странствованій по ту и по сю сторону греческаго моря, развѣялись-бы, какъ негодная мякина. Стихъ былъ Аріадниной нитью для пѣвца, при помощи которой онъ могъ пускаться въ лабиринтъ своихъ пѣсенъ, разсчитывая выйти къ свѣту. Болѣе того: онъ сдерживалъ фантазію, принуждая её созерцать міръ и людей лишь въ свѣтѣ идеи, изображать ихъ идеально—потому что стихъ исключаетъ все прозаически-грубое и плоское, какъ чистая масса льда въ глетчерахъ не принимаетъ въ себя сора и щебня. — Гекзаметръ не допустилъ бы сказать даже о Ѳерситѣ, что онъ схватилъ — насморкъ; мы скажемъ подобное не объ одномъ только Ѳерситѣ, мы увидимъ нашихъ героевъ въ халатѣ и туфляхъ, не потому чтобы мы были неизлѣчимыми филистерами и прирожден-

ными камердинерами, а потому что мы — люди новаго времени. Мы иначе смотримъ на всё, чѣмъ древніе, видимъ дальше и ближе ихъ, видимъ такія ускользающія величины, которыхъ они не схватили-бы своимъ макроскопическимъ взглядомъ, если-бы онѣ и существовали въ ихъ время; а иныя изъ нихъ и не существовали вовсе. Дѣло въ томъ, что свѣтъ съ тѣхъ поръ расширился на столько, что мы болѣе не знаемъ, гдѣ стоятъ пограничные столбы Геркулеса — или же знаемъ, что ихъ и вовсе нѣтъ; вмѣстѣ съ тѣмъ свѣтъ этотъ сталъ богаче содержаніемъ, такъ богатъ, что тогдашняя точка представляется намъ теперь цѣлымъ міромъ. И не въ области одной лишь физической природы: въ насъ самихъ, въ нашемъ мозгу и сердцѣ снуетъ и создается цѣлый новый міръ мыслей и ощущеній, о которыхъ не чаяли гомеровскіе греки. И этотъ-ли широкій, богатый, безконечно разнообразный внѣшній и внутренній міръ возсоздать современному эпику въ поэмѣ и пѣснѣ?»

Разумѣется — нѣтъ; не думали о томъ и греческіе романисты и средне-вѣковые перескащики бретонскихъ романовъ, писавшіе прозой — не потому, чтобы не вѣрили въ Геркулесовы столбы или усматривали въ каплѣ воды цѣлый міръ инфузорій, а потому, что ощутили себя чѣмъ-то отдѣльнымъ отъ эпика, не разскащиками стараго преданія, а изобразителями новаго, реальнаго, либо того, что казалось реальнымъ. Замѣна старой формы новою обусловлена была измѣненіемъ содержанія, и новая удержалась на столько прочно, что теорія романа берется упрочить ея законность, подсказавая ей особое, трансцендентальное значеніе — въ уровень съ понятіями XIX-го вѣка.

Но она лучше сдѣлаетъ, если чаще будетъ прислушиваться къ урокамъ исторіи. Исторія поэтическаго рода — лучшая повѣрка его теоріи: она сдѣлаетъ невозможными слишкомъ широкія, хотя бы и поэтическія обобщенія, укажетъ надлежащее мѣсто и тѣмъ блестящимъ, критическимъ замѣткамъ, которыми исполнена книга Шпильгагена, и удалитъ изъ «теоріи романа» рѣдко, но рѣзко бьющій въ глаза характеръ рецептуры. Намъ,

разумѣется, любопытно бываетъ проникнуть вмѣстѣ съ поэтомъ, романистомъ въ тайники его мастерской, узнать напр. отъ Шпильгагена, что, приступая къ роману, онъ составляетъ вначалѣ послужные списки всѣхъ своихъ героевъ, съ ихъ паспортными примѣтами; что бóльшая часть произведеній Тургенева навѣяна, по его собственному признанію, дѣйствительными жизненными фактами и живыми лицами, что измышленіе фабулы ему давалось не легко, почему Бѣлинскій находилъ въ немъ относительную слабость фантазіи и т. д. Всё это — матеріалъ для характеристики внѣшнихъ пріемовъ того или другаго романиста; но мы никогда не узнаемъ тайну единенія автора съ его героями, заставившую напр. Тургенева плакать надъ послѣдними страницами своего «Отцы и дѣти». Процессъ личнаго творчества «покрытъ завѣсой, которой никто и никогда не поднималъ и не подниметъ.» (Шпильгагенъ); но мы можемъ ближе опредѣлить его *границы*, слѣдя за вѣковой исторіей литературныхъ теченій и стараясь уяснить ихъ внутреннюю законность, ограничивающую личный, хотя-бы и геніальный починъ.



I.

ХРИСТІАНСКІЯ ПРЕВРАЩЕНІЯ ГРЕЧЕСКАГО РОМАНА.

ЖИТІЕ КСАНТИППЫ, ПОЛИКСЕНЫ И РЕВВЕКИ.

Греческій романъ, поздній плодъ разлагавшейся языческой культуры, нашелъ въ христіанскую пору двоякое отраженіе: чисто формальное — въ византійскомъ романѣ, идеальное въ небольшой группѣ памятниковъ, которое позволено объединить подъ названіемъ — романа христіанскаго.

Византійцы въ родѣ Эвстаѳія, Ѳеодора Продрома и Никиты Евгеніана поняли своихъ предшественниковъ съ той, наименѣе существенной ихъ стороны, которой не для одного лишь Дёнлопа исчерпывается значеніе романа: со стороны «fiction». Они въ сотый разъ пересказывали ихъ сюжеты, разнообразя ихъ новыми именами и сочетаніями излюбленныхъ положеній. Новаго въ пониманіе жизни, что именно и составляетъ вкладъ старо-греческаго романа въ общее развитіе, они ничего не внесли: то-же изображеніе, не пониманіе любви, обставленное той-же, нѣсколько загрубѣвшей реторикой; тотъ-же общественный и религіозный кругозоръ, который христіанскіе писатели воспроизводили какъ нѣчто присталое къ ихъ сюжету, къ литературному роду, зами-

равшему въ ихъ подражаніяхъ. Нѣкоторое движеніе впередъ замѣчается и среди этихъ эпигоновъ романа, но оно не лежало въ сознаніи авторовъ и, можетъ быть, случайно, не имѣло будущности. Я разумѣю бо̀льшій реализмъ въ изображеніи жизни, нерѣдко граничащій съ грубостью: припомнимъ у Продрома кривлянье и фокусы безстыжаго скомороха, у Евгеніана — пляску подгулявшей старухи. Въ связи съ этимъ стоитъ вторженіе народнаго стиля, конкретныхъ сравненій, любимыхъ народной пѣсней (напр. дѣвушки съ садомъ-виноградомъ и т. п.), плохо мирящихся съ напускнымъ шаржемъ другихъ частей изложенія. Одно шло изъ школы, другое изъ жизни, подсказавшей автору Каллимаха и Хрисорроп и новый сюжетъ — въ распространенной народной сказкѣ. Ничто лучше этого романа не доказываетъ, что для византійскихъ его представителей существеннымъ въ ихъ жанрѣ былъ именно внѣшній элементъ фикціи, баснословія, въ формахъ котораго укладывались старые, полупонятые идеалы. Иначе было на западѣ и именно въ эпоху, къ которой относятъ Каллимаха и Хрисоррою: является рыцарскій романъ, romans d'aventures и бретонскаго цикла, также съ сюжетами изъ народныхъ сказокъ и преданій, но съ идеальнымъ содержаніемъ, тогда-же назрѣвшимъ въ общественномъ и личномъ развитіи. Старыя сказочныя схемы одухотворились новыми вѣяніями; оттуда жизненность этого литературнаго рода, и далѣе примѣняющагося къ движеніямъ исторіи: отъ бретонскаго цикла къ Амадисамъ и далѣе къ героическимъ романамъ XVII вѣка. Византійскій романъ захирѣлъ именно вслѣдствіе архаичности своего идеальнаго содержанія, которому въ жизни отвѣчало лишь немногое. Не спасла его и стихотворная форма, въ которую онъ начинаетъ облекаться, въ противоположность къ прозѣ древняго романа: это было дѣломъ школьнаго пріема, тогда какъ въ той-же формѣ рыцарскаго романа отзывается стихъ народныхъ эпическихъ lais.

Но обратимся къ собственно христіанскому роману и прежде всего — къ опредѣленію его понятія. Что такое — христіанскій

романъ? Chassang [1]) включаетъ въ его область и апокрифы, особливо отреченныя Дѣянія; Baring-Gould [2]), кромѣ того, цѣлый рядъ Житій. Для того и другаго изслѣдователя, стало быть, главное въ понятіи романа — *фикція*, что̀, само по себѣ, еще не отдѣляетъ его ни отъ эпоса, ни отъ сказки; ни тотъ ни другой не различаютъ сознательной *личной* фикціи отъ традиціонной и унаслѣдованной, составляющей объектъ общаго или мѣстнаго преданія и вѣры, т. е. *моментъ эпоса*. Въ области апокрифа и христіанской, особливо мученической легенды его необходимо признать для *извѣстной* поры развитія; христіанскаго эпоса нельзя же искать въ Араторахъ и Ювенкахъ. Выдѣлить въ этой области *моментъ романа* — это, въ сущности, вопросъ стиля и литературныхъ пріемовъ. Греческій романъ выдвинулъ на первый планъ мотивъ *личной любви:* перепетіи любовниковъ поставили вопросъ о *судьбѣ*, *τύχη*, управляющей человѣческими дѣлами; перепетія сводились къ пріемамъ: *странствованія*, *разлуки*, *похищенія*, *спознанія*. — Вопросы личной жизни и ея отношеній къ верховному водительству поставлены были и христіанствомъ; всякій разъ, когда въ какомъ-нибудь произведеніи христіанскаго характера эти мотивы совпадаютъ содержательно съ мотивами греческаго романа и выражаются въ его *формахъ* — позволено говорить о романическихъ пріемахъ напр. Климентинъ [3]) — и житія, которымъ мы озаглавили это изслѣдованіе. Въ томъ-же смыслѣ понимаю я сближеніе «пасторали» и «робинзонады» греческаго романа — съ христіанской идеализаціей Ѳиваиды и чудесъ египетскаго отшельничества [4]).

---

[1]) Histoire du roman dans l'antiquité, стр. 234 слѣд.; сл. 263.

[2]) Early christian greek romances. въ Contemporary Review 1877 г., October стр. 858 слѣд.

[3]) Слѣдующія далѣе сообщенія касаются греческаго текста Гомилій, не поднимая вопроса объ ихъ отношеніяхъ къ Recognitiones.

[4]) Сл. Weingarten. Der Ursprung des Mönchthums im nachconstantinischen Zeitalter, въ Zeitschrift für Kirchengeschichte hrgs. von Theod. Brieger, I B. (1877), стр. 5—6, 26, 568—72.

I.

Главное содержаніе старо-греческаго романа составляетъ любовь; любовь, плотская въ основѣ, обнимающая всё существо влюбленныхъ, все для нихъ освящающая въ мірѣ. И здѣсь всѣмъ правитъ любовь, въ этомъ ея высшая законность; въ этомъ трансцендентальномъ ея пониманіи исчезаетъ плотскій мотивъ, понятіе *μοιχεία*: любящій — невольное орудіе какого-то всеобщаго, непререкаемаго начала.

Таковы руководящія идеи греческаго эротическаго романа, хорошо резюмированныя въ Климентинахъ отъ лица александрійскаго грамматика Апіона. Климентъ-язычникъ томится сомнѣніями и вопросами вѣры, болѣетъ духомъ, ища истины; когда Апіонъ спрашиваетъ его о причинахъ его недуга, онъ прикидывается влюбленнымъ безъ надежды на успѣхъ. Грамматикъ совѣтуетъ ему прибѣгнуть къ помощи магіи, но его совѣтъ отвергнутъ; тогда Апіонъ обѣщаетъ написать отъ имени Климента посланіе къ его воображаемой милой, съ такими «похвалами прелюбодѣйству» (*μοιχείας ἐγκώμιον*), что ни одной женщинѣ не устоять противъ нихъ.

Содержаніе посланія слѣдующее (Homil. V, гл. X—XIX). Привѣтствовавъ милую отъ имени Эрота, «древнѣйшаго между всѣми младенца», влюбленный говоритъ: «Я знаю, что ты интересуешься философіей и по побужденіямъ добродѣтели стремишься подражать жизни лучшихъ мужей». — Кто-же эти лучшіе, какъ не боги прежде всего, а въ людяхъ философы? Они одни знаютъ, какія изъ дѣяній добрыя или дурныя по природѣ, какія, не будучи таковыми, считаются такими по постановленію законовъ. Такъ нѣкоторые почитаютъ дурнымъ дѣломъ прелюбодѣйство, хотя оно во всѣхъ отношеніяхъ дѣло хорошее, ибо творится по велѣніямъ Эрота къ преумноженію жизни. Эротъ — древнѣйшій изо всѣхъ боговъ; безъ Эрота нѣтъ смѣшенія и зарожденія ни стихій, ни боговъ и людей, ни неразумныхъ животныхъ, ни всего осталь-

ного. Всѣ мы — орудія Эрота; творя черезъ насъ, онъ παντὸς τοῦ γεννωμένου ψυχαῖς ἐπιδημῶν ἐστι νοῦς. Оттого мы стремимся исполнить его волю не по своему желанію, а по его велѣнію. Желая по его волѣ и вмѣстѣ пытаясь ограничить это желаніе въ угоду такъ называемаго воздержанія (σωφροσύνης) — развѣ мы не совершимъ величайшее кощунство, дѣйствуя наперекоръ старѣйшему изъ боговъ и людей? И такъ, пусть откроются передъ нимъ всѣ двери, отмѣнятся дурные законы, поставленные ревнивыми людьми .... Невозможно удержать Эрота, взыскивающаго души, ибо страсть любящихъ не произвольная. — Эти общія положенія поясняются разсказами о любовныхъ похожденіяхъ Зевса, о богахъ, μηδὲ τῶν ἀρρένων τὰς μίξεις φυλασσομένων ὡς αἰσχράς; о наградахъ, которыми Зевсъ взыскалъ своихъ любовницъ и любовниковъ и ихъ ближнихъ; о мудрецахъ, подчинявшихся велѣніямъ Эрота. Но къ чему терять время на новые примѣры? Довольно тебѣ, изъ боговъ, примѣра Зевса, изъ философовъ — Сократа; не огорчай любящаго тебя, ибо, совершая противное богамъ и героямъ, ты поступишь кощунственно и навлечешь на себя подобающее наказаніе; подражая богамъ, снищешь ихъ благодѣянія.

Получивъ отъ Аппіона это письмо, Климентъ дѣлаетъ видъ, что отправилъ его по назначенію и получилъ отвѣтъ, — написанный имъ самимъ. Его онъ и показываетъ Аппіону (Hom. V, гл. XXI—XXVI). Воображаемая милая отрицаетъ божество и главенство Эрота: если онъ вожделѣетъ по своему произволу, то самъ несетъ въ себѣ страданіе и наказаніе, и потому — не богъ: если же стремится къ соитію не по своей волѣ, то опредѣляющій его волю сильнѣе его. Любовь — не богъ, а вожделѣніе самаго любящаго, воспитываемое надеждою, умаляющееся отчаяніемъ (ἀπογνώσει); любовныя похожденія боговъ придуманы людьми, чтобы прикрыть ихъ примѣромъ собственное распутство; да то и не боги, а тираны и маги, гробницы которыхъ и теперь еще видимы. И такъ Эротъ — не богъ, а животное вожделѣніе, внушенное творцемъ всего въ цѣляхъ продолженія жизни, дабы

человѣческій родъ не прекратился, а подъ предлогомъ наслажденія изъ сущности имѣющаго умереть произошелъ другой человѣкъ, и притомъ въ законномъ бракѣ, чтобы, познавъ своего отца, онъ питалъ его въ старости, чего не въ состояніи сдѣлать дѣти, рожденныя въ прелюбодѣяніи. Вотъ почему родители, озабоченные цѣломудріемъ (σωφροσύνη) своихъ дѣтей, должны наставлять ихъ въ немъ прежде чѣмъ наступитъ пора вожделѣній, сдерживая ихъ страхомъ закона и — раннимъ бракомъ.

Христіанскія воззрѣнія на любовь, проводимыя безъименной писательницей посланія, т. е. самимъ Климентомъ, развиваются далѣе въ рѣчи апостола Петра (Hom. XIII, cap. XIII слѣд.), настаивающаго на томъ, что «τὰ τέλη τῆς σωφροσύνης καλά, τὰ δὲ τῆς μοιχείας χαλεπά». Поводомъ къ рѣчи является судьба Маттидіи, матери Климента. Братъ ея мужа воспылалъ къ ней нечистою страстью; избѣгая грѣха, она говоритъ, что видѣла сонъ, повелѣвавшій ей удалиться на время изъ Рима съ двумя старшими сыновьями, Фаустомъ и Фаустиньяномъ; буря разбила ея корабль, надолго разлучила съ сыновьями, которыхъ она считаетъ погибшими, а сама она обречена влачить жалкое существованіе на одномъ рыбацкомъ островѣ. Перехваченные въ морѣ пиратами, проданные въ Кесарію какой-то Юстѣ, которая ихъ воспитываетъ, Фаустъ и Фаустиньянъ оказываются впослѣдствіи учениками ап. Петра подъ именами Аквилы и Никиты; мать встрѣчается съ ними негаданно, какъ передъ тѣмъ свидѣлась съ младшимъ своимъ сыномъ, Климентомъ, и еще свидится съ мужемъ, который отправился её разъискивать и теперь признанъ ею — въ лицѣ одного старика, работника. Вся семья, надолго раздѣленная, чудеснымъ образомъ собралась снова — любимая греческимъ романомъ ἀναγνώρισις, но съ своеобразнымъ объясненіемъ, которое даетъ ему ап. Петръ: это — плодъ и награда σωφροσύνη: еслибъ Маттидія поддалась наущеніямъ грѣха, ничего подобнаго не случилось-бы, ибо и добродѣтельный во всѣхъ другихъ отношеніяхъ человѣкъ понесъ-бы подобающее наказаніе за преступленіе противъ цѣломудрія. Слѣдуетъ пространная

похвала цѣломудрой жены: она — блаженное напоминаніе перваго творенія, когда единый Господь создалъ одному мужу единую жену; ея красота въ благоустроеніи души, ароматы — добрая слава, прекрасныя одежды — стыдъ; она не даетъ поводовъ нравиться кому-бы то-ни-было, кромѣ мужа, избѣгая общества юношей, сдержанная и относительно старцевъ, предпочитая честную бесѣду безпорядочному смѣху.

Μάρτυς Θεός, πολλοί φόνοι μοιχεία μία: таково общее заключеніе этого панегерика цѣломудрію, которое одно спасло-бы и язычника, еслибъ крещеніе не было необходимымъ условіемъ спасенія.

Μοιχεία и *σωφροσύνη* — такова на первыхъ порахъ противоположность языческой и христіанской любви, тамъ и здѣсь понятой какъ плотскій актъ, но ограниченный въ послѣднемъ случаѣ цѣлью — продолженія человѣческаго рода и границами библейской семьи. Дальнѣйшее развитіе, дошедшее до крайности особливо на почвѣ гнозы, будетъ — отрицаніе семьи, воздержаніе отъ половаго акта даже между супругами, какъ грѣховнаго, какъ «*γεωργία τοῦ θανάτου*», «*ὁ φραγμὸς ὁ σκοτεινός*», «*τὸ μεσότοιχον τῆς φθορᾶς*[1]); наконецъ прославленіе дѣвственности, какъ состоянія близкаго къ святости. Образцы такого пониманія разсѣяны повсюду въ гностическихъ Дѣяніяхъ апостоловъ, особливо Дѣяніяхъ Θомы; но это — идеалъ и большей части житій. Остановимся лишь на одномъ изъ нихъ, потому что, если вѣрить мнѣнію Baring-Gould'a, оно представило-бы примѣръ особаго, въ своемъ родѣ исключительнаго взаимодѣйствія греческаго романа — и аскетическаго житія. Ахиллъ Тацій, жившій уже въ пору христіанства, разсказалъ намъ о приключеніяхъ Клитофонта и Левкиппы, въ обычномъ стилѣ языческаго романа, съ тѣмъ-же реальнымъ пониманіемъ любви, увѣнчанной послѣ долгихъ приключеній — бракомъ. Клитофонтъ и Левкиппа живутъ въ Финикіи, въ Тирѣ;

---

[1]) Сл. отреченныя дѣянія ап. Филиппа у Tischendorf'а, Apocal. apocryph., Additamenta, p. 143; сл. его-же Acta apostolorum apocrypha, p. 80.

житіе свв. Галактіона и Эпистиміи [1]) переселяетъ ихъ въ Эдессу и досказываетъ ихъ исторію: у нихъ нѣтъ дѣтей и они горюютъ о томъ; однажды пустынникъ Онуфрій, заставъ Левкиппу плачущей, разспрашиваетъ её о причинѣ ея горя: мужъ недоволенъ ея бездѣтностью. Онуфрій обѣщаетъ ей потомство подъ условіемъ, чтобъ она крестилась; та соглашается и, когда оказалась беременной, обо всемъ извѣщаетъ мужа, который и самъ принимаетъ христіанство [2]). У нихъ родился сынъ, названный Галактіономъ по причинѣ бѣлоснѣжнаго цвѣта кожи. Когда ему минуло 24 года, отецъ женитъ его на красавицѣ Эпистиміи, именитой и богатой, но Галактіонъ рѣшилъ самъ съ собою — воздержаться отъ исполненія брачнаго долга, что и дѣлаетъ, не смотря на протесты и соблазны Эпистиміи, которая, убѣжденная имъ, въ свою очередь становится христіанкой и, вмѣстѣ съ мужемъ, мученицей. — Такъ на разстояніи одного поколѣнія идеалъ μοιχεία смѣнился идеаломъ дѣвственнаго воздержанія.

Самъ по себѣ въ романическую тему онъ укладывался плохо; но онъ вызывалъ протесты, которые и выражались нерѣдко — въ пріемахъ стараго романа. Дѣвственницъ, цѣломудренныхъ обыкновенно преслѣдуютъ представители языческой μοιχεία; Каллимахъ въ отреченныхъ Дѣяніяхъ ап. Іоанна доходитъ въ своей невоздержной страстности до посягательства на — тѣло бездыханной Друзіаны; всего обычнѣе похищенія и увозы, любимыя формулы стараго романа, и въ связи съ тѣмъ — переодѣванія, маскирующія полъ красавицы. Такъ Поликсену увлекаетъ отвергнутый ею любовникъ, позднѣе эпархъ; какіе-то дикіе люди посягаютъ на неё; ей дважды совѣтуютъ облечься въ мужское платье. Өекла (въ Дѣяніяхъ ея и ап. Павла) готова остричь себѣ волосы, чтобы свободнѣе слѣдовать за своимъ наставникомъ, какъ Маріамна, переодѣтая мужчиной, за своимъ братомъ ап. Фи-

[1]) Симеонъ Метафрастъ у Сурія, Vitae Sanctorum, 5 Novembris, сл. Baring-Gould, l. c. p. 871—2.

[2]) Сл. въ Дѣяніяхъ ап. Іоанна, приписанныхъ Прохору, подобный-же эпизодъ о трибунѣ Василіи и его неплодной женѣ Харитѣ, только что починъ обращенія принадлежитъ мужу.

липпомъ (отреченныя Дѣянія Филиппа), какъ въ житіяхъ встрѣчаемъ цѣлый рядъ подвижницъ и мученицъ, скрывающихъ свой полъ: свв. Евфросину и Анну, Сусанну, Марію и Евгенію.

Новымъ мотивомъ можетъ показаться, что, въ сущности является лишь христіанской метаморфозой стараго.

Домогающійся или отверженный любовникъ обращался съ мольбою и приношеніями къ Эроту и Афродитѣ; но языческіе боги представлялись христіанину не только въ эвгемеристическомъ освѣщеніи Климентова посланія, а и чаще того — демонами, властвующими надъ человѣкомъ плоти, побуждающими его къ грѣху, къ μοιχεία; къ нимъ и обращался любовникъ, отвергнутый христіанской дѣвственницей; магія — огрубѣвшій, въ формахъ народнаго фетишизма, языческій культъ. Аппіонъ совѣтуетъ мнимо-влюбленному Клименту прибѣгнуть къ магіи, ставя въ примѣръ самого себя: будучи еще юношей и безнадежно влюбленнымъ, онъ обратился къ египетскому магу, который научилъ его своимъ заклинаніямъ (ἐπαοιδήν); съ ихъ помощью онъ достигъ своей цѣли. Въ житіи св. Панкратія [1]) язычникъ Элидъ воспылалъ страстью къ христіанкѣ Сергіи; какой-то монтанъ даетъ ему «τὸ βιβλίον τῶν ἐρωτικῶν ἐκπυρώσεων», «βιβλίον ἐπιφερόμενον δαιμονικοὺς ἔρωτας», по которой они вызываютъ демоновъ соблазна, оказывающихся на этотъ разъ безсильными. Такими оказываются они и въ легендѣ о магѣ Кипріанѣ, насылающемъ демоновъ на христіанку Юстину, и въ житіи св. Маріи Антіохійской и магѣ Μέγας [2]); въ житіи Ксантипы, Поликсены и Ревекки похититель Поликсены увлекаетъ её также при помощи демоновъ — въ Вавилонъ; но молитва дѣвственницы услышана: Петру, направлявшемуся тогда въ Римъ, было откровеніе о встрѣчномъ кораблѣ и томящейся на немъ душѣ; онъ молится, а демоны говорятъ магамъ, бывшимъ на суднѣ похитителя, что они не въ силахъ противустоять Петру и необходимо перемѣнить

---

[1]) См. слѣдующую главу.

[2]) Zahn, Cyprian von Antiochien und die deutsche Faustsage, p. 22 слѣд.; 129—130.

направленіе пути. Корабль пристаетъ не къ Вавилону, а къ берегамъ Эллады.

Дѣвственница всюду торжествуетъ, охраняемая своей чистотой и силою ангеловъ; лишь въ эпизодѣ отреченнаго житія св. Василія Великаго, приписаннаго Амфилохію Иконійскому, помощь мага приводитъ къ браку, но и въ его формахъ преступное торжество *μαγεία* требуетъ очищенія и достигаетъ его — покаяніемъ [1]).

Пониманіе любви радикально измѣнилось, а вмѣстѣ съ нимъ и понятіе красоты, столь существенное въ старо-эллинскомъ міросозерцаніи, наполняющее и древній романъ цѣлыми страницами восторженныхъ, иногда банальныхъ описаній. Чудеса классическаго искусства такъ глубоко обусловлены религіей, что это — явленія не дѣлимыя; оттого останки художественной старины представляются демоническими, жилищемъ демоновъ [2]); не вызывая восторговъ, они еще только служатъ предметомъ какого-то страннаго любопытства: въ Климентинахъ (Hom. XII, гл. XII) спутники апостола Петра просятъ его посѣтить вмѣстѣ съ ними островъ Арадъ и посмотрѣть тамъ на диковинки: два громадной величины виноградныхъ ствола и — какое-то произведеніе Фидія (*ἐκβάντες δὲ τοῦ σκάφους εἰσῄειμεν ἔνθα οἱ ἀμπέλινοι στῦλοι ἦσαν, ὁμῶς ἅμα αὐτοῖς ἄλλος ἄλλο τι τῶν Φειδίου ἔργων ἐθεώρει*). — Физическая красота не только потеряла всякую цѣнность, но и заподозрѣна, какъ вызывающая нечистые помыслы; Христосъ былъ некрасивъ собою, доказывалъ Тертулліанъ (De carne Christi, cap. 9), а апостолъ Павелъ такъ описывается въ отреченныхъ Дѣяніяхъ его и Ѳеклы [3]): онъ небольшаго роста, плѣшивъ, съ кривыми ногами, крѣпкаго сложенія, съ сросшимися бровями и большимъ носомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ полонъ благодати (*χάριτος*); Онисифору онъ представляется то человѣкомъ, то ангеломъ. — Ксантиппа болѣетъ душей, но едва увидѣла незнакомаго ей

---

[1]) Zahn, l. c., p. 131—2.

[2]) Сл. мои Разысканія II, стр. 31 (изъ житія св. Ѳеодора Сикеота).

[3]) Сл. Tischendorf, Acta apostolorum apocrypha, стр. 41 слѣд.

Павла, какъ ея сердце забилось: у него тихая поступь человѣка, всегда готоваго включить въ свои объятіи гонимаго; благоволеніе разлито въ лицѣ, обѣщающемъ уврачевать немощнаго; онъ такъ милостиво озирается туда и сюда, какъ будто предлагаетъ помощь всѣмъ, бѣгущимъ отъ пасти змѣя. Онъ — врачъ души, единственный, который могъ-бы помочь больному рабу Проба.

«Павлу-же вступившу въ домъ Онисифора, разсказывается далѣе въ Дѣяніяхъ его и Ѳеклы, бысть великая радость и колѣнопреклоненіе и преломленіе хлѣба и Божіе слово о воздержаніи и воскресеніи, Павлу глаголющу: Блаженны чистые сердцемъ, ибо они узрятъ Бога; блаженны соблюдающіе тѣло въ чистотѣ, ибо съ ними будетъ бесѣдовать Господь; блаженны отрекшіеся отъ міра, ибо они праведными нарекутся; блаженны имущіе женъ не въ жены мѣсто, ибо они избрали въ удѣлъ себѣ Господа; блаженны имущіе страхъ Божій, ибо они будутъ какъ ангелы Божіе; блаженны блюдущіе крещеніе, ибо они успокоятся у Отца и Сына; блаженны милостивые, ибо они будутъ помилованы и не узрятъ дня страшнаго суда; блаженны тѣла дѣвственныхъ, ибо они угодны Богу и не утратятъ награду своей непорочности, ибо по слову Отца это дѣло будетъ имъ — дѣломъ спасенія во дни его Сына, и они успокоятся во вѣки вѣковъ». Этимъ неслыханнымъ, откровеннымъ рѣчамъ внимала денно и нощно, не отходя отъ сосѣдняго окна, Ѳекла, дочь Ѳеокліи и невѣста Ѳамирія, и ликуя отдавалась вѣрѣ, желая лицезрѣть ап. Павла, котораго до тѣхъ поръ она лишь слышала, но не видѣла. Замѣтивъ, что въ теченіи трехъ сутокъ дочь не отходитъ отъ окна, не ѣстъ и не пьетъ и, потерявъ всякій стыдъ, всё только слушаетъ лживыя, обманчивыя рѣчи пришельца, мать посылаетъ за женихомъ Ѳеклы и говоритъ ему: «Этотъ человѣкъ возмущаетъ всю Иконію — и твою Ѳеклу; жены и юноши ходятъ къ нему и научаются страху Божію и непорочной жизни; вотъ и дочь моя, точно паукъ, привязанный къ окну словами Павла, одолѣваемая страннымъ желаніемъ и чудеснымъ влеченіемъ, вся

отдалась его рѣчамъ и подпала ихъ власти. Пойди къ ней и поговори: она вѣдь тебѣ обручена». Ѳамирисъ и мать идутъ къ ней, допрашиваютъ любовно о причинахъ ея страннаго поведенія, плачутъ; она даже не повернулась къ нимъ: она слушаетъ Павла.

Эта сцена у «окна» понравилась: въ легендѣ о Кипріанѣ св. Юстина также заслушивается, сидя у окна, проповѣди дьякона Праилія и горитъ желаніемъ свидѣться съ нимъ лично[1]); въ житіи Ксантиппы и сверстницъ Ксантиппа смотритъ изъ окна, томимая тайнымъ горемъ, когда видитъ шествующаго по стогнамъ города ап. Павла.

Не только измѣнились понятія любви и красоты, но переставились и роли домагающагося и дарующаго. Клеандръ въ романѣ Никиты Евгеніана поетъ подъ окномъ Каллигоны вызывающую пѣснь реальной любви; въ христіанской легендѣ сама дѣвушка, женщина заслушивается изъ своего терема рѣчей, вѣщающихъ о дѣвственности и чистотѣ, отдается имъ всецѣло и готова слѣдовать за человѣкомъ, открывшимъ ей невѣдомый дотолѣ міръ красоты, красоты убѣжденнаго слова, влекомая, какъ Ѳекла, ἐπιθυμίᾳ καινῇ καὶ πάθει δεινῷ.

Этого неяснаго и вмѣстѣ страстнаго чаянія, Sehnsucht куда-то и къ чему-то, переполняющей душу и вмѣстѣ съ тѣмъ не эгоистической, древній романъ не знаетъ. Стремленіе въ невѣдомую, баснословную даль находило выраженіе въ географическихъ романахъ и сказкахъ; но это далеко не то побужденіе, которое заставляетъ томиться и странствовать Климента и Кипріана — въ поискахъ за истиной.

Климентины открываются признаніемъ: «Я, Климентъ, римскій гражданинъ, первую молодость провелъ добродѣтельно, такъ какъ съ дѣтства мои мысли обращались отъ похоти къ горю и печали. Мнѣ присуща была дума, не знаю, откуда взявшая свое начало, что послѣ смерти меня не будетъ и никто меня не помянетъ, ибо безконечное время предастъ забвенію всё и вся; что я не буду болѣе существовать, не зная сущихъ и не знаемый

[1]) Zahn, l. c., p. 21—2.

ими; что меня когда-то не было — и не будетъ. Созданъ-ли былъ міръ и что было до него? Если онъ былъ всегда, всегда и будетъ, если былъ созданъ, то пройдетъ. А за его гибелью что настанетъ — если не тишина и забвеніе? А можетъ быть, и будетъ что, о чемъ теперь невозможно и помыслить». — Это тоже состояніе «испытующаго», какъ у Василія Великаго, тревожимаго вопросомъ о томъ, что правитъ міромъ, *τύχη* или *ἀνάγκη*, и ищущаго разрѣшенія; и какъ онъ отправился въ Сирію и Александрію въ поискахъ за своимъ учителемъ и другомъ, философомъ Эвстаѳіемъ, такъ и Климентъ ищетъ отвѣта на свои сомнѣнія въ противорѣчіяхъ философскихъ школъ, готовъ даже поѣхать въ Египетъ и обратиться тамъ къ какому-нибудь магу, вызывателю душъ; его томитъ страшный вопросъ о безсмертіи души. Всѣ исканія напрасны, — когда распространяются слухи о Спасителѣ, его благовѣстіи и чудесахъ; о томъ всѣ толкуютъ, самъ Климентъ слышитъ въ Римѣ чью-то проповѣдь о немъ. Онъ рѣшается отправиться въ Іудею, но противный вѣтеръ заноситъ его въ Александрію, гдѣ онъ знакомится съ ученикомъ Спасителя, ап. Варнавой, слышитъ его разсказы о Христѣ и защищаетъ его отъ насмѣшекъ философовъ, или скорѣе, филологовъ (*ὅτι εἰκῇ φιλόλογοί ἐστε καὶ οὐ φιλαλήθεις φιλόσοφοι*). Онъ хотѣлъ-было уѣхать съ нимъ вмѣстѣ въ Іудею, но его задержали дѣла; черезъ нѣсколько дней онъ отправляется одинъ въ Кесарію, гдѣ, предупрежденный Варнавой, ап. Петръ принимаетъ его дружественно и приглашаетъ сопутствовать ему въ его проповѣдномъ хожденіи по городамъ и весямъ (Hom. I).

Признанія Купріана[1]) представляютъ такой-же рядъ исканій и блужденій, приводящихъ нѣсколько инымъ путемъ къ той-же цѣли. Еще ребенкомъ посвященный Аполлону, онъ на седьмомъ году допущенъ былъ къ таинствамъ Митры; явившись въ Аѳины, гдѣ родители записали его гражданиномъ, онъ, еще десятилѣтній, несъ факелъ Деметры, сѣтовалъ, облеченный въ бѣлыя одежды,

---

[1]) Zahn, l. c., p. 30 слѣд.

по Персефонѣ и прислуживалъ въ храмѣ Паллады. «Былъ я и н Олимпѣ, который они называютъ жилищемъ боговъ, и былъ посвященъ въ звуки торжественныхъ рѣчей и высокопарнаго разсказа. Видѣлъ я тамъ деревья чарующаго свойства и злаки, дѣйствовавшіе, казалось, по наитію боговъ; позналъ смѣну временъ года въ зависимости отъ смѣны вѣтровъ, и различіе дней подъ вліяніемъ противоположныхъ силъ. Видѣлъ я тамъ хоры демоновъ: одни пѣли, другіе воевали, третьи строили ковы, чиня обманъ и смущеніе; видѣлъ я бранную силу каждаго бога и богини, пребывая сорокъ дней въ мѣстѣ, откуда, какъ бы изъ царской твердыни, высылаются на землю духи — творить каждый свое дѣло въ народахъ. Я питался лишь древесными плодами по заходѣ солнца; когда мнѣ минуло пятьнадцать лѣтъ, семь гіерофантовъ познакомили меня съ дѣйствіемъ каждаго изъ нихъ, ибо родители мои сильно радѣли о томъ, чтобъ я позналъ всё сущее на землѣ, въ воздухѣ и морѣ, и не только природное зарожденіе и погибаніе злаковъ, деревьевъ и тѣлъ, но и силы, которыя вселилъ въ нихъ, въ противоположность къ творенію Божію, князь сего міра».

Приведенный образчикъ можетъ служить характеристикой религіознаго синкретизма автора Кипріановой исповѣди, который и далѣе ведетъ святого отъ одной степени знанія къ другой, болѣе высокой и таинственной: съ Олимпа къ Аргосъ и Элиду, отъ Фригійцевъ и варваровъ къ таинствамъ Египтянъ и Халдѣевъ; вся доступная язычнику мудрость раскрылась передъ Кипріаномъ, самъ князь сего міра, дьяволъ, предсталъ ему во очію и принимаетъ его въ услуженіе. Силой его онъ творитъ чудеса, обѣщаетъ Аглаиду помочь ему овладѣть Юстиной, въ которую и самъ влюбляется; но крѣпость христіанской дѣвственницы обнаруживаетъ тщету его усилій — и того, что ему казалось знаніемъ. Полное знаніе раскрывается ему въ христіанствѣ.

Климентъ и Кипріанъ странствуютъ, влекомые жаждой истины; странствуютъ за своими наставниками святыя дѣвственницы, испытывая лишенія, подвергаясь опасностямъ оскорбленія

и увоза. Къ мотиву странствованія, любимому древнимъ романомъ, присоединяется нерѣдко и столь-же популярный мотивъ признанія, recognitio людей близкихъ, на долго разлученныхъ и сходящихся снова противъ чаянія. Такъ кончаются Климентины и житіе Ксантиппы, Поликсены и Ревекки. Въ той чертѣ, что Ксантиппа, избѣгая преслѣдованій деверя, ссылается, какъ на поводъ къ своему отъѣзду, на вѣщій сонъ, также сохранился романическій пріемъ: блужданіе, несчастіе, но и будущія recognitiones героевъ часто предрекаются видѣніемъ, темнымъ пророчествомъ. Похищенная Поликсена сѣтуетъ, вспоминая, какъ Ксантиппа велѣла купить въ Римѣ за дорогую цѣну книги и вечеромъ, гадая по нимъ о судьбѣ сестры, вычитала то, что съ ней приключилось на дѣлѣ; вѣщая была мать моя, назвавъ меня Поликсеной-многоскитальной, говоритъ она въ другомъ мѣстѣ, играя словами, какъ Геліодоръ именемъ Хариклея = χάρις и κλέος. Вѣщее пророчество, сонъ, неизмѣнно опредѣляющій будущее — всё это сводится къ понятію судьбы, τύχη, существенной для міросозерцанія стараго романа: въ Климентинахъ она выражается словомъ γένεσις, лат. genitura, црквнослав. родъ, въ смыслѣ прирожденной человѣку доли, отъ которой никуда не уйти (сл. Hom. XIV и XV).

Ап. Петръ креститъ въ морѣ мать Климента, Маттидію; всѣ возвращаются домой, лишь ап. Петра что-то задержало на пути. Вернувшись, онъ разсказываетъ, въ чемъ дѣло: какой-то старикъ-работникъ наблюдалъ за ними изподтишка, пока они совершали таинство; когда всё было кончено, онъ рѣшился выйти и подать свое наставленіе людямъ, которыхъ онъ видѣлъ совершающими погруженіе и моленіе, т. е. заблуждающимися; ибо «нѣтъ ни Бога, ни провидѣнія, но всё подвержено судьбѣ» (οὔτε γὰρ Θεός ἐστιν, οὔτε πρόνοια, ἀλλὰ γενέσει τὰ πάντα ὑπόκειται); молишься-ли ты, или нѣтъ, ты все-же испытаешь долю, на роду тебѣ написанную (εἴτε γὰρ εὔχῃ, εἴτε μή, τὰ ἐκ τῆς γενέσεως πάσχειν ἀνάγκην ἔχεις), какъ испыталъ и я: я былъ богатъ, благочестивъ и милосердъ, а отъ судьбы (τὴν πεπρωμένην) не

ушелъ — и онъ разсказываетъ въ третьемъ лицѣ свою собственную исторію, которую Петръ уже знаетъ: это исторія Маттидіи, старикъ — ея мужъ, Фаустъ. Когда впослѣдствіи признаніе совершилось и семья соединилась вновь, Петръ спрашиваетъ Фауста: что-же твоя вѣра въ родъ, въ долю? (οὐκοῦν ἔργῳ πέπεισαι νῦν, ὅτι οὐ συνέστηκεν τὰ κατὰ τὴν γένεσιν;). Ей онъ противополагаетъ вѣру въ божественное провидѣніе, πρόνοια: оно опредѣлило участь его семьи; еслибъ она оставалась при немъ, можетъ быть, ихъ слуха не коснулись-бы божественные глаголы; вотъ почему понадобилось и странствованіе, и кораблекрушеніе, и продажа въ рабство, и подозрѣніе въ смерти. Всё это негаданное сочетаніе событій въ виду высшей цѣли обнаруживаетъ руку *промысла* (сл. Hom. IV, гл. XII; Hom. XII, гл. XXIV); въ скитаніяхъ и страданіи Поликсены ап. Павелъ усматриваетъ идею очищающаго *испытанія:* надо страдать, дитя мое, дабы познать Спасителя нашего Іисуса Христа. (сл. Hom. XV, гл. IX).

Новое, дотолѣ невѣдомое понятіе любви вступало въ права стараго: вѣра въ τύχη, γένεσις расширилось въ представленіе промысла; осталась старая канва: странствованій, похищеній, вѣщихъ сновъ и нежданныхъ спознаній, остались традиціонные пріемы романа, на сколько они были совмѣстимы съ новыми темами. Нигдѣ въ древнемъ романѣ не встрѣтишь такъ изящно построенной сцены признанія, съ такой сознательно проведенной retardatio, какъ въ Климентинахъ (Hom. XII): разсчетъ на эффектъ, не переходящій въ сентиментальность, какъ въ сценѣ въ саду, въ житіи Ксантиппы, напоминающей своимъ колоритомъ поэтическій эпизодъ первоевангелія Іакова.

Ап. Петръ и его спутники посѣщаютъ островъ Арадъ; на пути встрѣча съ нищей, сидѣвшей на порогѣ дома. Почему ты не работаешь? спрашиваетъ апостолъ. — Рукъ нѣтъ у меня, одинъ лишь образъ рукъ; я искусала ихъ съ тоски — и она разсказываетъ о себѣ. Вышла она замужъ за именитаго человѣка, у ней было трое дѣтей, но въ неё влюбился деверь; подъ предлогомъ вѣщаго сна

она удалилась на время съ двумя старшими сыновьями, буря настигла ихъ въ морѣ, и она одна осталась въ живыхъ, выброшенная на этотъ островъ. Она ищетъ тѣла своихъ дѣтей; женщины утѣшаютъ её разсказами о своемъ собственномъ горѣ — но она не на столько зла, чтобъ утѣшаться чужей бѣдой. Одна бѣдная старуха, еще въ юности потерявшая мужа-моряка, приняла её къ себѣ въ домъ; она заболѣла, а у меня отнялись руки — я и прошу милостыни. — Петръ догадывается, что передъ нимъ мать Климента, только что разсказавшаго ему, что̀ ему самому было извѣстно о судьбѣ его семьи. Въ это время подходитъ Климентъ: Я вездѣ искалъ тебя, говоритъ онъ Петру; что теперь станемъ дѣлать? — Тотъ велитъ ему пойти напередъ къ лодкѣ, а самъ разспрашиваетъ нищую: пусть назоветъ себя и сыновей. Она даетъ ложныя указанія: будто она изъ Эфеса, ея мужъ изъ Сициліи. — Петръ недоумѣваетъ: Хотѣлъ было я порадовать тебя, думалъ, что ты та самая женщина, о которой я недавно слышалъ. — Она проситъ его досказаться: Неужели есть кто несчастнѣе ея? Петръ говоритъ, что у него есть ученикъ, сообщившій ему нѣчто подобное ея приключеніямъ. Услышавъ о томъ, нищая упала въ обморокъ; Петръ её поддерживаетъ, успокоиваетъ: что съ нею? спрашиваетъ онъ её. Она вся опустилась, точно опьянѣлая, но смутное чаяніе чего-то хорошаго возвращаетъ ей бодрость. Она третъ себѣ лицо, спрашиваетъ, гдѣ тотъ юноша?— Скажи мнѣ напередъ его имя. — Климентъ. — Это тотъ, кто не задолго говорилъ со мною. — Она бросается къ ногамъ Петра, проситъ его поспѣшить къ лодкѣ. Онъ говоритъ: Когда увидишь его, будь спокойна, пока не покинешь острова. — Онъ ведетъ её за руку; увидѣвъ это, Климентъ улыбается, но изъ почтенія къ учителю, и самъ беретъ её за руку. Только что коснулся ея, какъ она вскрикнула и бросилась къ нему въ объятія, называя его сыномъ, осыпая поцѣлуями. Климентъ не знаетъ въ чемъ дѣло, хочетъ оттолкнуть безумную, но удержался — ради Петра. — Что ты это дѣлаешь, сынъ мой Климентъ? говоритъ апостолъ: вѣдь ты отталкиваешь — мать свою!

Напомню взаключеніи сходную сцену признанія въ житіи св. Ксенофонта[1]), напоминающемъ отчасти очертанія Климентинъ.

Въ Царьградѣ при дворѣ Константина Великаго жилъ набожный сенаторъ Ксенофонтъ; у него и жены его Маріи было два сына, Іоаннъ и Аркадій, которыхъ они любили, какъ зѣницу ока. Когда они окончили свое воспитаніе дома, родители послали ихъ для усовершенствованія въ Беритъ, знаменитый въ то время своей юридической школой[2]). Сыновья отправились, простившись съ больнымъ отцомъ; черезъ нѣсколько дней буря разбила ихъ корабль, братья обнялись и поцѣловались, прощаясь на всегда. Волны разнесли ихъ: Іоанна выбросили неподалеку отъ одного монастыря, гдѣ принятый дружелюбно, онъ становится монахомъ; Аркадій, также приставшій къ берегу, идетъ въ Іерусалимъ, бѣдный, безъ средствъ для продолженія занятій; старый игуменъ побуждаетъ и его вступить на путь иночества. — Между тѣмъ, безпокоясь объ участи сыновей, родители послали въ Беритъ раба для поисковъ; онъ приноситъ вѣсть о гибели судна. Марія была дома одна: Господь далъ, Господь и отнялъ, да будетъ благословенно его имя! говоритъ она. Вечеромъ вернулся мужъ въ сопровожденіи слугъ, несшихъ факелы; ужинъ былъ накрытъ и онъ сѣлъ за столъ; видитъ, что жена опечалена, глаза полны слезъ. Онъ спрашиваетъ её, что съ нею; она перемѣнила предметъ разговора и черезъ нѣкоторое время, желая приготовить мужа исподоволь къ страшной вѣсти, говоритъ, что посланный ими рабъ находится уже на обратномъ пути. Ксенофонтъ вскочилъ изъ за стола въ сильномъ волненіи: Гдѣ-же посланный? спрашиваетъ онъ — Откуда-ты знаешь, что онъ уже здѣсь? Развѣ болѣзнь не могла задержать его на дорогѣ? — Но гдѣ-же письма? — Ты успѣешь прочесть ихъ и завтра; а теперь поужи-

---

[1]) AASS. Jan. 26, Jan. III, p. 338—345.

[2]) Объ юридической школѣ въ Беритѣ см. примѣчаніе К. Мюллера къ Liber junioris philosophi in quo continetur totius orbis descriptio, къ § 25. Сл. Geographi graeci minores v. II, p. 517 (= Geographi latini minores ed. Riese, p. 109).

най себѣ спокойно — А у самой слезы катились по лицу. Ксенофонтъ пристально посмотрѣлъ на неё и спросилъ глухимъ голосомъ: Здоровы-ли дѣти? — Она все разсказала. «Хвала Господу, даровавшему мнѣ столь разумную и сдержанную жену!» сказалъ онъ, подошелъ къ ней, поцѣловалъ и принялся утѣшать; у нея слезы полились теперь градомъ; сдерживать себѣ было не зачѣмъ. — Черезъ нѣкоторое время Ксенофонтъ и Марія рѣшаются отправиться въ Палестину, чтобы разузнать объ участи сыновей; въ Іерусалимѣ они встрѣчаютъ слугу, состоявшаго при нихъ и подтверждающаго вѣсть о кораблекрушеніи. Прошло три года въ поискахъ, когда неутѣшные родители зашли однажды въ монастырь, гдѣ пребывалъ Аркадій. Игуменъ догадывается изъ ихъ разсказа, что одинъ изъ ихъ сыновей находится при немъ, а вѣсти, недавно до него дошедшія, позволяютъ ему заключить, что и другой обрѣтается въ другой обители. Ободривъ родителей, онъ велитъ имъ прибыть къ нему на Голгоѳу въ извѣстный день; пока онъ соберетъ необходимыя свѣдѣнія. — Случилось такъ, что Іоаннъ былъ въ то время въ Іерусалимѣ; пославъ за нимъ и побесѣдовавъ, игуменъ утверждается въ своемъ подозрѣніи. Во время бесѣды вошелъ Аркадій. «Разскажи мнѣ о себѣ еще разъ, да по порядку», говоритъ игуменъ Іоанну; онъ разсказываетъ снова; услышавъ его повѣсть, Аркадій задрожалъ, протянулъ руки и упалъ къ ногамъ игумена со словами: Это — братъ мой! Іоаннъ призналъ его по голосу; по лицу они и не признали-бы другъ-друга, такъ измѣнила ихъ постническая жизнь. Братья въ умиленіи обнимаютъ другъ друга, а игуменъ совѣтуетъ имъ воздержаться: сейчасъ явятся ихъ родители, не повредила-бы имъ внезапная радость! Они пришли, подряхлѣвшіе съ горя; ихъ глаза устремлены были на игумена: что-то онъ откроетъ имъ? На монаховъ они не обратили вниманія. Возрадуйтесь, дѣти мои, и восхвалите Бога! говоритъ старикамъ игуменъ: ваши дѣти нашлись: теперь отправьтесь домой и устройте пиръ, на который и я приду съ этими моими учениками, а послѣ обѣда приведу вамъ и вашихъ сыновей. — За столомъ сыновья едва сдерживаютъ свое волне-

ніе; разговоръ сводится къ восхваленію святой жизни иноковъ въ лаврахъ Палестины. Ксенофонтъ хвалитъ ихъ мирное житіе: счастливъ былъ-бы я, еслибъ мои сыновья взыскали эти юдоли спасенія и покоя въ тиши зеленыхъ луговъ. — Но вѣдь это лишило-бы тебя ихъ общества? замѣчаетъ игуменъ. — Это всё равно; я былъ-бы счастливъ, еслибъ хотя еще разъ увидѣлъ ихъ. — Коли такъ, то пусть скажетъ свое слово одинъ изъ этихъ монаховъ и повѣдаетъ намъ, почему онъ избралъ иноческій жребій.—Аркадій началъ дрожащимъ голосомъ: Я и братъ мой, здѣсь присутствующій, рождены были въ Византіи отъ добрыхъ христіанскихъ родителей; имя одному было Ксенофонтъ, другому Марія.... Признаніе, на долго задержанное, наконецъ совершается, заключаясь молитвой къ Господу, снова собравшему вкупѣ разлученныхъ.

II.

Въ предъидущемъ очеркѣ мы старались охарактеризовать нѣкоторые изъ тѣхъ формулъ и пріемовъ, развитыхъ на почвѣ греческаго романа, которые христіанскій писатель, прошедшій извѣстную школу и увлекаемый внѣшнимъ сходствомъ сюжета и положеній, безсознательно находилъ въ своихъ литературныхъ воспоминаніяхъ. Въ этомъ смыслѣ мы позволяемъ себѣ говорить о романическихъ чертахъ и въ житіи Ксантиппы, Поликсены и Ревекки, которое передаемъ въ извлеченіяхъ и краткомъ пересказѣ.

Βίος καὶ πολιτεία τῶν ἁγίων καὶ ὁσίων γυναικῶν Ξανθίππης, Πολυξένης καὶ Ῥεββέκκας, συγγραφεὶς παρὰ Ὀνησίμου ἀποστόλου μαθητοῦ τοῦ ἁγίου Παύλου.

Τοῦ μακαρίου Παύλου ὄντος ἐν τῇ Ῥώμῃ διὰ τὸν λόγον τοῦ Κυρίου, ἔτυχεν τινα δοῦλον ἀνδρὸς βασιλικοῦ τῆς Σπανίας καταντῆσαι ἐν τῇ Ῥώμῃ διὰ γράμματα τοῦ Κυρίου αὐτοῦ καὶ ἀκοῦσαι τὸν λόγον τοῦ θεοῦ παρὰ Παύλου τῆς χρυσῆς ὄντως καὶ καλῆς ἀηδόνος. Κατανυγέντος δὲ σφόδρα τοῦ δούλου ἐκείνου καὶ μὴ δυναμένου

προσπαραμεῖναι καὶ κορεσθῆναι τοῦ θείου λόγου διὰ τὸ ἐπείγεσθαι αὐτὸν ὑπὸ τῶν γραμμάτων, μετὰ λύπης μεγάλης ὑπέστρεψεν εἰς τὴν Σπανίαν, καὶ μὴ δυνάμενος ἐκφάναι τινὶ τὴν ἐπιθυμίαν αὐτοῦ δια τὸ εἶναι τὸν κύριον αὐτοῦ εἰδωλολάτρην, ἦν κατόδυνος ἀεὶ τῇ ψυχῇ καὶ στενάζων πάνυ· οὗτος δὲ ὁ δοῦλος ἦν ἔντιμος καὶ πιστὸς τοῖς κυρίοις αὐτοῦ. Χρόνου δὲ διππεύσαντος, ἠσθένει ὁ παῖς καὶ ἐλεπτύνετο τῇ σαρκί. καὶ προσεσχηκὼς αὐτῷ ὁ κύριος αὐτοῦ εἶπεν πρὸς αὐτόν· τί σοι γέγονεν, ὅτι οὕτως συμπέπτωκας τῷ προσώπῳ; Λέγει αὐτῷ ὁ παῖς· πόνος μέγας τυγχάνει, δέσποτα, ἐν τῇ καρδίᾳ μου, καὶ οὐδ' ὅλως δύναμαι ἀναπαύ[εσθαι]. Λέγει αὐτῷ ὁ κύριος αὐτοῦ· καὶ τίς ἐστιν ὁ πόνος ὃς οὐ δύναται ὑπὸ τοῦ ἐμοῦ ἀρχιατροῦ θεραπείας τυχεῖν; Ἔφη ὁ παῖς· ἔτι μου ὄντος ἐν τῇ Ῥώμῃ ὑπέμνησέν με ὁ πόνος οὗτος καὶ ἀνακλητικὴ αὐτοῦ συμφορά. Λέγει ὁ κύριος αὐτοῦ· καὶ οὐκ ἔγνως τινὰς τούτῳ τῷ πένθει παραπεσόντας καὶ θεραπείας τυχόντας; Λέγει ὁ παῖς· ναί. Ἀλλὰ ποῦ ἐστιν ὁ ἰατρὸς ἐκεῖνος; Ἐν τῇ Ῥώμῃ κατέλιπον αὐτόν· ὅσοι τοίνυν ὑπὸ τοῦ ἰατροῦ περιωδεύθησαν καὶ διὰ τοῦ ὕδατος ὑπ' ἐκείνου διῆλθον, ἔτυχον καὶ θεραπείας παραχρῆμα. Ὁ δὲ κύριος αὐτοῦ εἶπεν· οὐκ ὀκνητέον μοι και πάλιν πέμψαι σε εἰς Ῥώμην, ὅπως ἰάσεως τύχῃς. Καὶ ἐν τῷ λέγειν αὐτοὺς ταῦτα, ἰδοὺ καὶ ἡ κυρία αὐτοῦ ὀνόματι Ξανθίππη, ἐπακροασαμένη τῶν λόγων τούτων καὶ μαθοῦσα τὴν περὶ τοῦ Παύλου διδασκαλίαν, λέγει· τί τὸ ὄνομα τοῦ ἰατροῦ ἐκείνου ἢ τί αὐτοῦ ἡ πρὸς ἄμυναν τοῦ τοιούτου πάθους θεραπεία; Λέγει ὁ παῖς πρὸς αὐτήν· Ἐπίκλησις ὀνόματος καινοῦ καὶ χρῖσις ἐλαίου καὶ λουτρὸν ὕδατος· ταύτῃ οὖν ἐπιμελείᾳ ἐγὼ ἑώρακα πολλοὺς ἀνιάτους ἔχοντας πόνους θεραπείας τυχόντας. Ταῦτα δὲ αὐτοῦ λέγοντος τὰ ξόανα τῶν εἰδώλων τὰ ἐν τῇ οἰκείᾳ ἱστάμενα ἤρξαντο ταράττεσθαι καὶ καταπίπτειν. Διενεύσατο δὲ αὐτῷ ἡ κυρία αὐτοῦ λέγουσα· Ὁρᾷς, ἀδελφέ, τὰ ξόανα τῶν εἰδώλων ταραττόμενα, πῶς οὐ φέρουσι τοῦ λόγου τὴν δύναμιν; — Ἀνέστη δὲ ὁ κύριος αὐτοῦ ὀνόματι Πρόβος ἀπὸ τοῦ μεσημβρίου ὕπνου, σκυθρωπὸς πάνυ· ὁ γὰρ διάβολος ἐτάραξεν αὐτὸν σφόδρα τῆς γνώσεως τοῦ θεοῦ ἐλθούσης ἐν τῷ οἴκῳ αὐτοῦ· καὶ ἠρώτα τὸν παῖδα καθεξῆς πάντα. Καὶ ὁ μὲν παῖς προνοίᾳ θεοῦ ἀρρωστίᾳ συλληφθεὶς κατέλυσε τὸν ἀνθρώπινον βίον· Ἡ δὲ Ξανθίππη

ἀνιάτως πάνυ εἶχεν τὴν ψυχὴν περὶ ταύτης τῆς διδαχῆς, ὁμοίως δὲ καὶ Πρόβος ἐλυπεῖτο περὶ τῆς Ξανθίππης ὅτι ἦν κατατήκουσα ἑαυτὴν ἔκτοτε τῇ ἀγρυπνίᾳ καὶ ἐγκρατείᾳ καὶ τῇ λοιπῇ σκληραγωγίᾳ. Ἀπελθοῦσα δὲ ἡ Ξανθίππη πρὸς τὴν κλίνην ἑαυτῆς καὶ ἀναστενάξασα εἶπεν· Οἴμοι τῇ ἀθλίᾳ τῇ ἐν σκότει κατακειμένῃ, ὅτι οὐκ ἔμαθον τὸ ὄνομα τοῦ καινοῦ διδασκάλου ἵνα ἐπικαλεσάμην αὐτοῦ τὴν εὐχήν· καὶ τί εἴπω οὐκ οἶδα· ἐπικαλέσομαι τῷ ὀνόματι τοῦ θεοῦ αὐτοῦ; ἀλλ᾽ οὐκ οἶδα τοῦ εἰπεῖν. Ὁ ὑπὸ τοῦ δεῖνος κηρυσσόμενος θεός, ὅμως οὖν ἐν ὑπονοίᾳ λέξω, ὁ τοὺς ἐν ᾅδῃ φωτίσας θεὸς καὶ τοὺς ἐν σκότει παιδαγωγήσας, ὁ ἐλευθέρων καὶ βασιλέων κύριος καὶ ὑπὸ δούλων ἀξίων κηρυσσόμενος ἐν ὅλῳ τῷ κόσμῳ, ὁ ὑπὸ ἀνθρώπων ἁμαρτωλῶν φωνούμενος ὡς ἀδελφὸς καὶ τάχιστα ὑπακούων, ᾧ οὐδὲ ἀρχάγγελοι ὕμνους ἀξίους ἀναπέμψαι ἰσχύουσιν, ὁ κἀμὲ τὴν ταπεινὴν καὶ ἀναξίαν δείξας τὸν σπόρον τὸν ἀεὶ ζῶντα καὶ μένοντα, λαβεῖν δέ με αὐτὸν ἡ ἀγνωσία οὐ παραχωρεῖ· τάχυνον καὶ τα περὶ ἐμέ, δέσποτα, ὅτι σῷ θελήματι ἀκουστόν μοι σεαυτὸν ἐποίησας, καὶ τῇ σῇ εὐσπλαγχνίᾳ δεῖξόν μοι ἐμφανισμὸν τοῦ κήρυκός σου πρὸς τὸ μαθεῖν με παρ᾽ αὐτοῦ τὰ σοὶ εὐάρεστα, καὶ δέομαί σου, ἔπιδε ἐπὶ τὴν ἄνοιάν μου ὁ θεός, καὶ φώτισόν με τῷ φωτί τοῦ προσώπου σου, ὁ μηδέποτέ τινα παρορῶν τῶν ἐν ἀληθείᾳ ἐπικαλουμένων σε. — Λέγει πρὸς αὐτὴν Πρόβος ὁ ἀνὴρ αὐτῆς· Τί σκύλλεις σεαυτήν, κυρία, ἐπὶ τοσοῦτον, καὶ οὐδ᾽ ὅλως γίνῃ πρὸς τὸ ἀναπαυθῆναι; Ἔφη ἡ Ξανθίππη· Οὐ δύναμαι ἀναπαύ[εσθαι], ὅτι πόνος ἀνίατος τυγχάνει ἐν ἐμοί. Ὁ δὲ Πρόβος εἶπεν πρὸς αὐτήν· Καὶ τίς σοι ἐστὶν ὁ πόνος ἢ ἡ λύπη, ὦ κυρία, ὅτι οὐ καταρκῶ ἐγὼ εἰς παραμυθίαν σου; πάντα γὰρ ὅσαπερ ἠβούλου μέχρι τῆς σήμερον ὑπούργησά σοι, καὶ νῦν τί ἐστιν ὃ ἔχεις καὶ οὐκ ἀναγγέλλεις μοι; Λέγει αὐτῷ ἡ Ξανθίππη· Τοῦτό σε μόνον παρακαλῶ, κύριέ μου, ἄνες μοι μικρὸν καὶ τὸ σήμερον μόνον καταμόνας σε καθευδῆσαι».

Провъ соглашается, лишь-бы унялась ея печаль, а она удалилась къ себѣ и продолжаетъ сѣтовать и печаловаться вслухъ. Слышитъ это Провъ и, увидѣвъ её на другое утро съ глазами, воспаленными отъ слезъ, снова проситъ её высказать ему причину ея печали. Она успокоиваетъ его, «ὅτι οὐ μή σε βλάψῃ ἡ ἐμὴ

ἀδημονία, ἀλλ' εἰ εὗρον χάριν ἐνώπιόν σου, πρόελθε νῦν εἰς τὸν ἀσπασμὸν κἀμὲ ἔασον ἑαυτὴν πληροφορῆσαι ὡς βούλομαι.... Καὶ ὑπακούσας αὐτῇ προῆλθε παρευθὺ τοὺς ἀσπασμοὺς ὑποδέξασθαι τῶν ἐξόχων τῆς πόλεως· αὐτὸς γὰρ ἦν ὁ παρ' αὐτοῖς μέγας, ἦν δὲ καὶ γνωστὸς Νέρωνι τῷ βασιλεῖ. Καὶ καθίσας ἐν τῷ προσώπῳ αὐτοῦ λύπη πολλὴ ἐφαίνετο· ὅς, ἐρωτώμενος τὴν αἰτίαν τῆς λύπης παρὰ τῶν ἐξόχων τῆς πόλεως, ἔλεγεν αὐτοῖς εἰς πολλὰς καὶ ἀνυποστάτους αἰτίας ἐμπεπτωκέναι. Προῆλθεν δὲ καὶ ἡ Ξανθίππη ἐπὶ παράδεισον τοῦ ἐγκύψασαν αὐτὴν μετεωρισθῆναι πρὸς πληροφορίαν τοῦ ἀνδρός, καὶ ὁρᾷ τὴν τέρψιν τῶν δένδρων καὶ τὸν διάφορον κελαδισμὸν τῶν ὀρνέων, καὶ στενάξασα λέγει· Ὦ εὐπρέπεια κόσμου, ὃν γὰρ ἕως τοῦ νῦν ἐνομίζομεν αὐτοματισμὸν εἶναι, νῦν ἐγνώκαμεν ὅτι ὑπὸ τοῦ εὐπρεποῦς εὐπρεπῶς ἐδημιουργήθη τὰ πάντα. ὢ ἐξουσία καὶ ἐξαίρεσις σοφίας, ὅτι οὐ μόνον ἐν ἀνθρώποις μυρίας γλώσσας ἐνέθηκεν, ἀλλὰ καὶ ἐν ὀρνέοις διαφόρους ὥρισε φωνάς, ὡς ἐξ ἀντιφώνων καὶ ὑπηκόων ἡδυφθόγγους καὶ κατανυκτικοὺς ὑπὸ τῶν ἰδίων ἔργων ὑποδέχεσθαι ὕμνους. ὢ τερπνότης ἀέρων τὸν ποιητὴν ἀνεικαστον ὑποδεικνύουσα. [1]) τίς μου τὸ πένθος εἰς εὐφροσύνην μετατρέψει; Καὶ πάλιν εἶπεν· Ὁ ὑπὸ πάντων ἀνυμνούμενος θεός, δός μοι ἀνάπαυσιν καὶ παραμυθίαν. Τούτων δὲ λεγομένων ὑπ' αὐτῆς, ἐπανῆλθεν καὶ ὁ Πρόβος ἀπὸ τῆς πλατείας εἰς τὸ ἄριστον, καὶ ὡς εἶδεν τὸ πρόσωπον αὐτῆς ἠλλοιωμένον ἀπὸ τῶν δακρύων, ἤρξατο ἐκτίλλειν τὰς τρίχας τῆς κεφαλῆς αὐτοῦ, εἰπεῖν δὲ αὐτῇ τέως τι οὐκ ἐτόλμησεν διὰ τὸ μὴ ἐπικερασθῆναι ἐν τῇ θλίψει αὐτῆς ἑτέραν θλῖψιν. Παρευθεὶς δὲ ἀνέπεσεν ἐπὶ τῆς κλίνης αὐτοῦ καὶ στενάξας εἶπεν· Οἴμοι ὅτι οὔτε κἂν τέκνον παραμυθίαν ἔσχον ἐξ αὐτῆς, ἀλλ' ὀδύνην μόνον ἐπ' ὀδύνην κερδαίνω. οὐ πλήρεις εἰσὶ δύο ἐνιαυτοὶ ἀφοῦ συνεζεύχθην αὐτῇ, καὶ ἤδη ἀποστασίαν μελετῶ. Ἦν δὲ πάντοτε ἡ Ξανθίππη ἀποσκοπεύουσα διὰ τῶν θυρίδων εἰς τὰς πλατείας τῆς πόλεως· ὁ δὲ μακάριος Παῦλος, ὁ κήρυξ καὶ διδάσκαλος καὶ φωστὴρ τῆς οἰκουμένης, ἐξελθὼν τῆς Ῥώμης κατήντησεν καὶ ἐν τῇ Σπανίᾳ κατὰ πρόνοιαν θεοῦ, καὶ ἐγγίσας τὰ πρόθυρα τῆς πόλεως, στὰς προσηύξατο καὶ σφραγίσας ἑαυτὸν εἰσῄει εἰς τὴν

---

[1]) Сл. съ этимъ отрывкомъ Clem. Hom. III, гл. XXXIV.

πόλιν· Ἡ δὲ Ξανθίππη ὡς εἶδε τὸν μακάριον Παῦλον πράως καὶ ὁμαλῶς βαδίζοντα καὶ πάσῃ ἀρετῇ καὶ συνέσει κεκοσμημένον, ἐτέρφθη πάνυ ἐν αὐτῷ καὶ ἔπαλλεν συνεχῶς ἡ καρδία αὐτῆς καὶ ὥσπερ ἐξ ἀπροσδοκήτου χαρᾶς συλληφθεῖσα λέγει ἐν ἑαυτῇ· Τί ὅτι πολυσαλεύτως πάλλει μου ἡ καρδία ἐπὶ τῇ ὁράσει τοῦ ἀνδρὸς ἐκείνου; τί πρᾶος αὐτοῦ καὶ ὁμαλὸς ὁ περίπατος ὡς εἴ τις ἐκδέχεται διωκόμενον ἐναγκαλίσασθαι; τί εὐμενὲς αὐτοῦ τὸ πρόσωπον, ὡς εἴ τις θεραπεύει ἀσθενεῖς; τί εὐμόρφως περισκοπεῖ ὧδε κἀκεῖσε ὡς εἴ τις θέλει βοηθῆσαι τοῖς φυγεῖν βουλομένοις ἐκ στόματος δρακόντων; τίς δέ μοι καὶ ἀναγγελεῖ ὅτι τυγχάνει οὗτος ἐκ τῆς ποίμνης τῶν κηρύκων; εἰ ἦν μοι δυνατόν, ἤθελον ἅψασθαι τοῦ κρασπέδου τῶν ἱματίων αὐτοῦ ἵνα ἴδω τὴν εὐμένειαν καὶ πρόσδεξιν αὐτοῦ καὶ εὐωδίαν. Ἔλεγεν γὰρ αὐτῇ καὶ τοῦτο ὁ παῖς ὅτι καὶ τὰ κράσπεδα τῶν ἱματίων αὐτῶν μύρων πολυτίμων εὐωδίαν ἔχουσιν. Ἤκουσεν δὲ ὁ Πρόβος τῶν ῥημάτων αὐτῆς καὶ εὐθέως ἐξεπήδησεν δι' ἑαυτοῦ ἐπὶ τὸ ἀμφόδιον, καὶ κρατήσας τῆς χειρὸς τοῦ Παύλου εἶπεν αὐτῷ· Ἄνθρωπε, ὅστις εἶ οὐκ οἶδα, πλὴν καταξίωσον ἐν τῇ οἰκίᾳ μου εἰσελθεῖν, ἴσως γένηταί μοι πρόφασις σωτηρίας. Ὁ δὲ Παῦλος πρὸς αὐτὸν εἶπεν· Εὖ σοι ἔσται, τέκνον, ἐπὶ τῇ αἰτήσει σου· καὶ ἀπῆλθον ἅμα πρὸς Ξανθίππην· ὡς οὖν εἶδεν ἡ Ξανθίππη τὸν μέγαν Παῦλον, ἀπεκαλύφθησαν αὐτῆς οἱ νοεροὶ τῆς καρδίας ὀφθαλμοὶ καὶ ἀνέγνω ἐν τῷ μετώπῳ αὐτοῦ ταῦτα ἔχοντι ὥσπερ σφραγίδας χρυσᾶς· Παῦλος ὁ τοῦ θεοῦ κῆρυξ. Τότε ἐξαλλομένη καὶ χαίρουσα ἔρριψεν ἑαυτὴν εἰς τοὺς πόδας αὐτοῦ καὶ περιπλέξασα τὰς χεῖρας αὐτῆς κατεφίλει τὰς βάσεις τῶν ποδῶν αὐτοῦ καὶ ἔλεγεν· Καλῶς ἐλήλυθας ὧδε, τοῦ θεοῦ ἄνθρωπε, πρὸς ἡμᾶς τοὺς ταπεινούς, τοὺς μετὰ εἰδώλων εἰς εἴδωλα ἀναστρεφομένους и т. д. — Павелъ велитъ ей встать, говоритъ, что пришелъ сюда, посланный Христомъ: лишь силой заставилъ онъ её подняться, а она спѣшитъ принести ему золоченое кресло. Пробъ ничего не понимаетъ, лишь удивляется ихъ бесѣдѣ: Павелъ успокоиваетъ ея страстную поспѣшность; Богъ всё устроитъ со временемъ, говоритъ онъ ей: дьяволъ возбуждаетъ своихъ приверженцевъ противъ проповѣдниковъ слова Божія. Увѣренности Ксантиппы, что его молитва надъ Пробомъ прогонитъ отъ него злого духа, онъ

противопоставляетъ свой опытъ: узы и побои, которымъ онъ подвергался τῇ ὑποβολῇ αὐτοῦ καὶ ἐνεργείᾳ.

Между тѣмъ о прибытіи Павла узнали въ городѣ, и многіе изъ видѣвшихъ въ Римѣ его чудеса стекаются посмотрѣть на него. Пробу это не нравится: его домъ — не гостинница; а Ксантиппа сѣтуетъ, что Павелъ удалится отъ нихъ καὶ ἡ ἐκκλησία ἀλλαχοῦ μέλλει γενέσθαι. Εἶτα ταῦτα διανοουμένη ἡ Ξανθίππη ἔθηκεν τὴν χεῖρα αὐτῆς εἰς τὸν πόδα Παύλου καὶ λαβοῦσα χοῦν, μετακαλεσαμένη τὸν Πρόβον, ἔθηκε τὴν χεῖρα αὐτῆς ἐπὶ τὸ στῆθος αὐτοῦ καὶ εἶπεν· Κύριε ὁ θεός μου, τὰ συμφέροντα ἔνθου ἐν τῇ καρδίᾳ ταύτῃ καὶ ὁ ἐμὲ τὴν ταπεινὴν ἐπιζητήσας ἀγνοοῦσάν σε. Αἰσθανθεὶς δὲ ὁ Παῦλος τῆς προσευχῆς αὐτῆς καὶ αὐτὸς ἐσφράγισεν. Καὶ ἐπὶ ἡμέρας πλείους ἀκολύτως εἰσῄει ὁ λαος. — Происходятъ исцѣленія, а Ксантиппа проситъ Павла окрестить её, когда дьяволъ снова воздвигнулъ Проба, который Павла изгоняетъ изъ дома, а жену запираетъ ἐν κουβουκλείῳ.

Одинъ изъ именитыхъ мужей города, Филоѳей, приглашаетъ апостола въ свой домъ; какъ-бы Пробъ не учинилъ тебѣ какогонибудь безпокойства изъ-за меня, говоритъ ему Павелъ. Καὶ ὁ Φιλόθεος πρὸς αὐτὸν ἔφη· Οὐχὶ, πάτερ, οὐδ' ὅλως ὑποπίπτω αὐτὸν, οὐ γὰρ ἐν ἄλλῳ τινὶ μείζων μου τυγχανει, εἰ μὴ ἐν ἀξιώματι, καὶ τοῦτο τῶν γονέων τῆς Ξανθίππης ὑπερ ἐμὲ ὄντων. εἰ δὲ ἥξῃ ὁ Πρόβος προς με. καὶ ἐν πλουτῳ καὶ ἐν πολέμῳ ὑπὲρ ἐκεῖνον τυγχάνω.— Павелъ переселяется къ нему; услышавъ о томъ, Ксантиппа радуется: Филоѳей убѣдитъ и ея мужа принять христіанство. Ночью, когда Пробъ заснулъ, отягченный виномъ, она, подкупивъ своихъ стражей, идетъ къ Павлу, принимаетъ отъ него крещеніе и успѣваетъ возвратиться, прежде чѣмъ Пробъ проснулся. Черезъ нѣсколько дней самъ Христосъ явился къ ней — въ образѣ Павла.

Между тѣмъ Пробъ видѣлъ страшный сонъ, велитъ поскорѣе позвать τοὺς σοφοὺς Βαιρανδον (далѣе: Βάρανδος) καὶ Γνωστέα; объясняя ему его видѣніе διεσάφησαν αὐτῷ ἐκεῖνοι περὶ τῆς βασιλείας τοῦ Χριστοῦ καὶ τοῦ σταυροῦ καὶ τοῦ βαπτίσματος καὶ τῆς ἀποστολῆς τῶν δούλων αὐτοῦ τῶν κηρυττοντων αὐτόν, καὶ συνεβου-

λεύσαντο αὐτῷ πιστεῦσαι καὶ δέξασθαι τὸ τοῦ Παύλου βάπτισμα, καθὼς καὶ τῇ νυκτὶ ἑώρακεν. — Онъ посылаетъ ихъ посмотрѣть — жива-ли Ксантиппа: вотъ уже двадцать девять дней, какъ она не принимала пищи. Они застаютъ её славословящей Господа и бросаются ей въ ноги: пусть помолится и о нихъ, дабы и они пріобщились къ Христову стаду. Ксантиппа отсылаетъ ихъ къ Павлу; они идутъ, съ ними Ксантиппа и Пробъ, и застаютъ Павла проповѣдующимъ. — На другой день Пробъ снова отправляется къ апостолу, который и креститъ его. На радостяхъ Ксантиппа устраиваетъ у себя дома пиръ: всѣ веселятся и благодарятъ Бога.

Μετὰ δὲ τὸν πολυτέλευτον δεῖπνον ἐκεῖνον ἀναστάντες ἀπὸ τῆς τραπέζης ἀμφότεροι, ὁ μὲν Πρόβος ἀπῆλθεν πρὸς τὴν ἀκρόασιν τοῦ λόγου, ἡ δὲ Ξανθίππη ἀνεγίνωσκε τοὺς προφήτας ἐν τῷ κοιτῶνι αὐτῆς, ἀνακειμένης τῆς ἀδελφῆς αὐτῆς Πολυξένης. Ἠγάπα γὰρ ἡ Ξανθίππη τὴν Πολυξένην πολλὰ, ὅτι ἦν νεωτέρα ὑπὲρ αὐτὴν καὶ ὡραία τῇ ὄψει· καὶ ὁ Πρόβος δὲ ἠγάπα αὐτὴν πάνυ· Ἀπελθούσης δὲ Ξανθίππης πρὸς τὸν Παῦλον, ἔμεινεν μόνη ἡ Πολυξένη ἐν τῷ κοιτῶνι διὰ τὸ τὴν τροφὸν αὐτῆς ἀπελθεῖν πρὸς Παῦλον μετὰ Ξανθίππης· Καὶ περὶ τὸ μεσονύκτιον ἀνήρ τις δυνατὸς ἐν χρήμασι καὶ βοηθεία, εὑρὼν ἀνεωγμένας τὰς θύρας, εἰσελθὼν ἀφήρπασε τὴν Πολυξένην· αὕτη δὲ μὴ εὑρίσκουσα πῶς διαφύγῃ, ἔλεγεν· Οἴμοι τῇ παραδεδομένῃ τῷ λοιμεῶνι τούτῳ· ἤκουσεν γὰρ παρά τινος ὅτι κατὰ τοῦ μνηστῆρος αὐτῆς ἐποίησεν μάχην, καὶ εἰς ἄμυναν καὶ λύπην αὐτοῦ σκοπήσας καιρὸν εὔθετον, ἔλαβεν αὐτήν· ἦν γὰρ ἀνὴρ ἀποστερητὴς καὶ ἀνήμερος πάνυ καὶ ἐξησκημένος εἰς τὸ κακὸν ποιεῖν. Λαβόντες δὲ αὐτὴν ἐξῆλθον ἔξω τῆς πόλεως, ἕλκοντες ἐπὶ τὴν θάλασσαν· αὐτῆς δὲ περιβλεπομένης ἔνθεν κἀκεῖθεν, οὐκ ἦν ὁ ἐξαιρούμενος αὐτήν. Καὶ στενάζουσα ἔλεγεν· Οἴμοι, ἀδελφή μου Ξανθίππη, ἑπτακοσίους πλήρεις χρυσίνους ἔπεμψας εἰς Ῥώμην καὶ βίβλους ἐκόμισω ἵνα τὰ ἐμὰ δι' αὐτῶν προφητεύσῃς· ἑσπέρας γὰρ ἀνεγίνωσκες· «κατενοουν εἰς τὰ δεξια και ἐπέβλεπον και οὐκ ἠν ὁ ἐπιγινώσκων με· ἀπώλετο φυγὴ ἀπ' ἐμοῦ και οὐκ ἔστιν ὁ ἐκζητῶν τὴν ψυχήν μου». Καὶ ἰδοὺ συνήντησάν μοι τῇ ἀθλια τα τῆς προφητειας του λογια. — Καὶ ὡς ταῦτα

ἔλεγεν, ἔφθασαν τὸν αἰγιαλὸν καὶ μισθωσάμενοι πλοῖον ὥρμουν ἐπὶ τὴν Βαβυλῶνα· εἶχεν γὰρ ἀδελφὸν τοπάρχην ἐκεῖσε ὁ ταύτην καθαρπάσας. Ἀντέπνευσεν ἄνεμος ἐναντίος τοῦ μὴ πορευθῆναι αὐτοὺς δι' ἐκείνης· κωπηλατούντων δὲ αὐτῶν ἐν τῇ θαλάσσῃ, ἰδοὺ καὶ ὁ ἀπόστολος Πέτρος ἦν παράγων ἐν πλοίῳ ἐπειγόμενος ὑπὸ ὁράματος γενέσθαι εἰς Ῥώμην, διὰ τὸ ἐξελθόντος Παύλου ἐπὶ τὴν Σπανίαν εἰσελθεῖν ἐν τῇ Ῥώμῃ πλάνον τινὰ καὶ μάγον ὀνόματι Σίμωνα καὶ λῦσαι τὴν ἐκκλησίαν, ἣν συνεστήσατο ὁ Παῦλος. Καὶ ἰδοὺ πορευομένου αὐτοῦ ἤκουσεν φωνῆς λεγούσης αὐτῷ οὐρανόθεν· Πέτρε, αὔριον συναντήσει σοι πλοῖον ἐρχόμενον ἀπὸ τῆς Σπανίας, ἀναστὰς συν πρόσευξαι ὑπὲρ τῆς τεθλιμμένης ἐν αὐτῷ ψυχῆς. — Петръ молится, а демоны говорятъ магамъ, что̀ были на кораблѣ, что имъ не подъ силу бороться съ Петромъ и надо перемѣнить направленіе плаванія. Корабль пристаетъ, среди бури, къ Элладѣ, гдѣ въ то время находился апостолъ Филиппъ. Вслѣдствіе бывшаго ему откровенія онъ выходитъ съ народомъ на морской берегъ: судно пристало, всѣ бывшіе на немъ, измученные бурей, попадали на землю замертво; Филиппъ сдаетъ Поликсену на руки одному изъ своихъ учениковъ, а самъ идетъ, славя Бога. Между ученикомъ и похитителемъ Поликсены, оправившимся отъ морской болѣзни, заводится споръ: послѣдній находитъ поддержку въ одномъ родственникѣ, мѣстномъ Комитѣ (εὑρὼν ἐκεῖσε συγγενέα αὐτοῦ κόμητα) готовится дѣйствовать силой (συναγαγὼν χιλιάδας ὀκτώ); тотъ, кто пріютилъ у себя дѣвушку, хочетъ выйти навстрѣчу одинъ, λαβὼν τὸν ἐπενδύτην Φιλίππου, когда его извѣщаютъ, что она скрылась ночью. Онъ предается горю — что-то онъ отвѣтитъ апостолу? А между тѣмъ рабы говорятъ ему, что его домъ уже окруженъ большой толпой, καὶ οὔτε ἡ πόλις αὐτοὺς φέρει. Онъ хочетъ умереть: ἴσως κἂν ἐν τούτῳ πληροφορηθῇ ὁ δοῦλος τοῦ Χριστοῦ Φίλιππος, ἐπεὶ εὑρεθήσομαι ὡς καταφρονήσας τῆς αὐτοῦ ἐντολῆς. Рабы готовятся бѣжать, покинувъ своего господина; опомнившись, они въ числѣ тридцати человѣкъ выходятъ противъ враговъ со знаменіемъ креста и одеждой Филиппа: 5000 человѣкъ избили, остальныхъ обратили въ бѣгство. Возвратившись

домой съ побѣднымъ славословіемъ, они находятъ хозяина по прежнему въ слезахъ и ободряютъ его.

Между тѣмъ Поликсена забрела εἰς ἐρήμους τόπους ὀρέων, сѣла и принялась сѣтовать; затѣмъ, снова пустившись въ путь καὶ διελθοῦσα αὐχένιον μικρὸν ἐνέπεσεν εἰς ὕλην, σφόδρα δασεῖαν καὶ μεγάλην; вошла въ пещеру львицы, ушедшей на ту пору за добычей. — Новыя жалобы Поликсены: ὦ μήτηρ ἐμή, πῶς προιδοῦσά μου τὴν ξενιτείαν Πολυξένην με ὠνόμασας; ἆρα τίς ἄλλος ἐνέπεσεν εἰς τοσαύτας θλίψεις καὶ συμφοράς; περὶ ἐμοῦ, ἀδελφή μου Ξανθίππη, ἀνεγίνωσκες λέγουσα· «ἐταλαιπώρησα καὶ κατεκάμφθην ἕως τέλους», ἀλλὰ ταῦτα σοῦ ὀδυνομένης ἐφθέγγου, ἐγὼ δὲ ἐπὶ στρωμνῆς ἀνεκείμην μηδ᾽ ὅλως μεριμνῶσα περὶ τῶν κακῶν μου». — Настало утро и явилась львица; Поликсена заклинаетъ её Богомъ ап. Павла не трогаетъ её, еще не удостоившуюся крещенія, и львица останавливается вдали, смотря на Поликсену, которая идетъ далѣе — на востокъ. Львица выводитъ её изъ лѣсу; Поликсена молится о ней, чтобы она никогда не попадалась въ руки охотника — и та возвращается въ свое логовище.

Поликсена выходитъ на большую дорогу и плачетъ, не зная, куда ей идти; многіе проходятъ мимо, она ни къ кому не обращается; можетъ быть вспомянетъ меня Богъ Павла, говоритъ она, рѣшаясь обратиться къ тому, кто почувствуетъ къ ней жалость. «Καὶ ἰδοῦ παρῆγεν ὁ τοῦ Θεοῦ ἀπόστολος Ἀνδρέας πορευόμενος ἐκεῖνον τὸν τόπον, καὶ ὡς ἤγγισεν τῇ Πολυξένῃ, εὐθὺς ἔδραμεν πρὸς αὐτόν. Καὶ λέγει ὁ Ἀνδρέας· Μὴ ἐγγίσῃς μοι, τέκνον, ἀλλ᾽ εἰπέ μοι, τίς ει καὶ πόθεν; Καὶ εἶπεν αὐτῷ ἡ Πολυξένη· Ἐγὼ μέν, Κύριέ μου, ξένη εἰμὶ τῶν ἐνταῦθα, ὁρῶ δὲ τὸ πρόσωπόν σου χαρίεν καὶ τὰ λογια σου ὡς λόγια Παύλου, καὶ ὑπολαμβάνω τοῦ αὐτοῦ σε θεοῦ εἰναι. Ὁ δὲ Ἀνδρέας συνῆκεν ὅτι περὶ τοῦ ἀποστόλου λέγει καὶ φησιν· Καὶ ποῦ σὺ ἐπίστασαι τὸν Παῦλον; Ἡ δὲ εἶπεν· Εἰς τὴν πατρίδα μου εἰς Σπανίαν. Ὁ δὲ Ἀνδρέας λέγει πρὸς αὐτήν· Καὶ πῶς σὺ ἐνταῦθα τυγχάνεις τῆς χώρας πολὺ ἀφεστηκοσης; Ἡ δὲ λέγει· Διὰ τὸ κακῶς ἀεὶ προσκεῖσθαι μου ἐν ταῖς ὑμῶν διδασκαλίαις. — Она проситъ апостола окрестить её; они находятъ воду, и въ то

время какъ ап. Андрей молится надъ источникомъ, ἰδοὺ τις παρθένος ὀνόματι Ῥεββέκα ἐκ φυλῆς Ἰσραὴλ αἰχμάλωτος ἀχθεῖσα ἐν τῇ χώρᾳ ἐκείνῃ ἦλθεν τοῦ ὑδρεύσασθαι. По виду она заключаетъ, что Андрей изъ числа апостоловъ, преклоняется передъ нимъ и также проситъ окрестить τὴν αἰχμαλωτισμένην καὶ τρίτον πεπραμένην, τήν ποτε ὑπὸ προφητῶν τιμωμένην, νυνὶ δὲ ὑπὸ εἰδωλολατρῶν ἐνυβριζομένην. — Апостолъ, совершивъ надъ ними таинство, велитъ имъ не разлучаться; они хотѣли бы послѣдовать за нимъ, но онъ не допускаетъ того и идетъ своей дорогой. — Куда имъ направиться? Реввекка боится, чтобы ея не хватилась ея госпожа. Поликсена совѣтуетъ идти въ горы — къ львицѣ. Καὶ ἤρξαντο ὁδεύειν· καὶ ἰδοὺ κατ᾽ οἰκονομίαν Θεοῦ συναντῶσιν κτηνίτην, ὃς ἰδὼν αὐτὰς λέγει· Ὑμεῖς οὐκ ἐστὲ τῆς χώρας ταύτης καὶ ὡς ὁρῶ οὐδὲν γήινον ἐπιφέρεσθαι. Κελεύσατε οὖν ἐκ τοῦ παιδὸς ἡμῶν ἄρτον φαγεῖν καὶ ἓν ἀργύριον λαβεῖν πρὸς τὸ μνημονεύειν τοῦ παιδὸς ὑμῶν, ὁπόταν ἀγοράζητε ἄρτον. Καὶ σπεύσας καθεῖλεν τοὺς μαρσίπους ἀπὸ τῶν ὄνων, καὶ στρώσας ἐπὶ τῆς γῆς, ἀνέκλινεν τὰς παρθένους καὶ λέγει αὐταῖς· Ἐπειδὴ ὁ οἶνος ὃν βαστάζει ὁ παῖς ἡμῶν ὑπὸ Ἑλλήνων συνήχθη, εἴπατέ μοι ποίας πίστεως ἐστέ, ἵνα οὕτως καὶ ἀπολαύσωμεν. Ἡ δὲ Πολυξένη εἶπεν· Ἡμεῖς, ἀδελφέ, οἶνον οὐκ ἀπολαύομεν, ἐσμὲν δὲ τοῦ θεοῦ Παύλου. Καὶ ὁ κτηνίτης λέγει· Ἐπὶ γῆς ἐστιν ὁ θεὸς οὗτος; Ἡ δὲ Πολυξένη ἔφη πρὸς αὐτόν· Ὁ θεὸς πανταχοῦ ἐστιν, καὶ ἐν οὐρανῷ καὶ ἐπὶ γῆς. Ὁ δὲ κτηνίτης ἀκριβῶς θέλων μαθεῖν εἶπεν· Ἆρα καὶ αὐτὸς ὁ Παῦλος τοῦτον ἔχει τὸν θεόν, τὸν ὑπὸ τοῦ Φιλίππου κηρυσσόμενον; Ἡ δὲ Πολυξένη ἐπιγνοῦσα ὅτι χριστιανός ἐστιν, λέγει· Ναί, ἀδελφέ, οὗτος ἐστιν πάντων Θεός, ὃν κηρύσσουσιν Παῦλος καὶ Φίλιππος. Ὁ δὲ κτηνίτης ταῦτα ἀκούσας συνεχῶς ἐδάκρυεν· ἡ δὲ Πολυξένη εἶπεν· Ἆρα μὴ καὶ σὲ κατείληφεν ἡ προνοία τοῦ Θεοῦ, ὅτι οὕτως ἐδάκρυσας; Ἔφη ὁ κτηνίτης· Εἰ θέλεις μαθεῖν ὅτι ἐδάκρυσα, ἄκουσον τἀληθῆ, οὐ γὰρ χρὴ ἀποκνῆσαι τὰ περὶ Χριστοῦ ἐξαγγέλλειν· ἐγὼ ἐμαθητεύθην ὑπὸ Φιλίππου τοῦ ἀποστόλου Χριστοῦ καὶ ἰδὼν πῶς ἡ μέριμνα αὐτοῦ πᾶσα ἦν εἰς τοὺς πτωχούς, ἔλαβον εἴ τι εἶχον καὶ διεπώλησα, καὶ λαβὼν τὸ τίμημα ἠγόραζον ἄρτους καὶ οἶνον καὶ διεδίδουν αὐτὰ εἰς τὰς πόλεις τοῖς

δεσμένοις. Ὡς οὖν ἐποίουν τοῦ[το] ἐπὶ ἱκανὸν χρόνον ἐν τῇ πλησίον πόλει, εἷς τις λελωβημένος ἔκραξεν λέγων· Οὐκ αὐτὸς δὲ ἐλάλει, ἀλλ' ὁ Σατανᾶς διὰ τοῦ στόματος αὐτοῦ· οὐδὲν θέλω, οὐ λαμβάνω τι παρὰ σοῦ, ὅτι χριστιανὸς εἶ. Καὶ ἐπανέστη μοι ὅλη ἡ πόλις καὶ ἐζήτουν με κρατῆσαι. Ἔτρεχον δὲ ἄλλος ἀλλαχοῦ, μέσον αὐτῶν πορευομένου μου, καὶ μηδενὸς ὁρῶντος με. Ἐξελθὼν δὲ τῆς πόλεως ἔδωκα αἶνον καὶ δόξαν τῷ Θεῷ ὅτι οὕτως μου ἀντεποιήθην· ηὐξάμην δὲ τῷ θεῷ μου ἵνα συναντήσω τινὶ γινώσκοντι τὸ πανάγιον αὐτοῦ ὄνομα. ὅπως ταῦτα διηγησάμενος ἀνέσεως τύχω· οἱ γὰρ τῆς χώρας ταύτης οὐδόλως βούλονται ἀκούειν τὰ περὶ Χριστοῦ, πλήρεις ὄντες ἀσεβεῖς καὶ ἀνάμεστοι κακίας. Παρακαλῶ οὖν ὑμᾶς, λάβετε καὶ ὑμεῖς ἓν νόμισμα παρ' ἐμοῦ, εἰ δὲ δοκεῖ, καὶ εἰς τοὺς ὄνους ἐπαναπά[υ]ητε. — Поликсена проситъ его проводить ихъ до морскаго берега, откуда онѣ могли-бы перебраться въ Испанію; пастухъ совѣтуетъ Поликсенѣ облечься въ мужское платье, чтобы кто-нибудь, прельстившись ея красотой, не похитилъ её. Остановившись въ гостинницѣ, они на другой день продолжаютъ путь; καὶ ἰδοὺ παρήρχετό τις ἔπαρχος ἐπὶ τὴν Ἑλλάδα πορευόμενος, ὃς ἰδὼν τὰς παρθένους ἐκέλευσεν ἁρπαγῆναι τὴν Πολυξένην ἐπὶ τὸ ἅρμα αὐτοῦ. Пастухъ бѣжитъ за нимъ съ воплями, но его отгоняютъ побоями; опечаленный, онъ идетъ къ апостолу Филиппу, которому всё разсказываетъ. Тотъ утѣшаетъ его: Поликсену онъ знаетъ, онъ отдалъ её на попеченіе τινὶ ἀδελφῷ, который также былъ огорченъ ея исчезновеніемъ, но онъ и его утѣшилъ: ничего съ Поликсеной не сдѣлается, διὰ γὰρ τῆς θλίψεως αὐτῆς καὶ ξενιτείας πολλοὶ ἐπιγνώσονται τὸν Θεόν.

Между тѣмъ эпархъ увелъ Поликсену въ городъ и заперъ её ἐν κουβουκλείῳ, а Реввекку похитилъ одинъ изъ воиновъ, но она тайкомъ убѣжала εἴς τινὸς πρεσβύτιδος οἶκον ἥτις εὐμενῶς δεξαμένη τὴν παρθένον εὖ ἐποίησεν μετ' αὐτῆς: она успокоиваетъ сѣтующую Реввекку, которая разсказываетъ ей о себѣ и о Поликсенѣ. А та также печалится: νῦν ἔγνων ἀκριβῶς πῶς φθονεῖ ὁ διάβολος τὴν παρθενίαν, и молится объ ея сохраненіи. Καὶ ἔτι αὐτῆς εὐχομένης, ἦλθον οἱ ὑπηρέται τοῦ ἀπαγαγεῖν αὐτὴν πρὸς τὴν κοίτην τοῦ ἐπάρ-

χου; она убѣждаетъ ихъ не трогать её: вернувшись къ эпарху они докладываютъ, ὅτι ἡ παρθένος ἀπὸ τοῦ φόβου συνεσχέθη πυρετῷ λάβρῳ. Эпархъ велитъ оставить её въ покоѣ; ночью Поликсену посѣщаетъ его сынъ: не страшись, говоритъ онъ ей, «οἶδα γὰρ ἀπὸ τῆς προσευχῆς σου ὅτι τοῦ οὐρανίου θεοῦ τυγχάνεις νύμφη· ἐγὼ γὰρ οἶδα τοῦτον τὸν θεόν, ὃς ὑπ' οὐδενὸς νικᾶται ποτέ· ἀνὴρ γάρ τις ἔνδοξος τῷ προσώπῳ ἐν Ἀντιοχείᾳ πρὸ χρόνων τινῶν ἐκήρυττεν τοῦτον τὸν θεόν, ᾧ καὶ παρθένος τις πιστεύσασα ἠκολούθει αὐτῷ καὶ ἐκινδύνευσεν διὰ τὴν εὐμορφίαν αὐτῆς, ἡ ὄνομα Θέκλα, περὶ ἧς ἤκουσα πρὸς θηρία κατακριθεῖσαν. Ἐγὼ οὖν συνεχῶς ἠτένιζον πρὸς τὸν ἄνδρα, αὐτὸς δὲ ἐπισημειωσάμενος εἶπεν μοι· Προσχεῖ σοι ὁ θεός, τέκνον. Ἔκτοτε οὖν χάριτι Χριστοῦ οὐκ ἀπῄειν εἰς τὰς θυσίας τῶν εἰδώλων, ἀλλὰ ποτὲ μὲν ἀρρωστίαν προσποιούμενος, ποτὲ δὲ καὶ εἰς ἀσχολίας τινὰς ἑαυτὸν παρίστων. Ἔλεγέν μοι ὁ πατήρ μου· ὅτι ἐπειδὴ οὐ σπεύδεις εἰς τὴν θυσίαν τῶν θεῶν, διὰ τοῦτο οὐδὲ εὐρωστεῖς, μὴ ὢν ἄξιος τῶν θεῶν. Ἐγὼ δὲ ἔχαιρον ἀκούων μὴ εἶναι ἄξιος τῶν θυσιῶν τῶν εἰδώλων.—(Того мужа онъ называетъ Павломъ). — Онъ велитъ Поликсенѣ облечься въ его одежду и поспѣшить къ морю, куда и онъ придетъ, λαβὼν χρήματα. — Подслушалъ этотъ планъ одинъ изъ рабовъ и доноситъ эпарху; разгнѣванный, онъ приказываетъ бросить виновныхъ на пожраніе звѣрямъ; но выпущенная на нихъ львица припадаетъ къ ногамъ Поликсены и лижетъ ихъ. — Это чудо побуждаетъ эпарха и горожанъ увѣровать въ Бога Поликсены, которая говоритъ, что вскорѣ явится къ нимъ ὁ τοῦ Θεοῦ ἄνθρωπος и наставитъ ихъ въ вѣрѣ. — Поликсена торопится отплыть въ Испанію; ἐμοῦ δὲ Ὀνησίμου πλέοντος ἐπὶ τὴν Σπανίαν πρὸς τὸν Παῦλον, ἐδεξάμην παρα Κυρίου ἀποκάλυψιν λέγουσάν μοι· Ὀνήσιμε, τὸ πλοῖον ἐν ᾧ συ εἶ νῦν, μέλλει καταντᾶν εἰς τα μέρη τῆς Ἑλλάδος, εὑρήσεις δὲ εἰς τὸν αἰγιαλὸν τοῦ λιμένος παρθένους δύο μετὰ καὶ νεανίσκου ἑνός. Ὑπούργησον αὐτοῖς καὶ διάσωσον πρὸς τὸν Παῦλον. — Онисимъ встрѣчаетъ на берегу Поликсену и Реввекку и эпархова сына, искавшихъ судна. Они готовятся отплыть, но по волѣ Божіей ихъ задержала на недѣлю буря, а въ это время Лукій,

ученикъ ап. Павла, бывшій съ Онисимомъ, проповѣдуетъ слово Божіе, вслѣдствіе чего увѣровали 20000 человѣкъ. — Когда настала удобная къ отплытію погода, эпархъ снова удержалъ насъ на недѣлю, говоритъ Онисимъ, пока не обратились къ истинной вѣрѣ всѣ тамъ бывшіе. *Πλευσάντων δὲ ἡμῶν ἡμέρας εἴκοσι πάνυ ἐκοπίασεν ἡ Πολυξένη καὶ παρεβάλομεν εἰς νῆσον τινὰ χάριν ἀναπαύσεως. Καὶ ἰδοὺ ἄνδρες τινὲς ἄγριοι καὶ πεπ(ο)ρωμένοι καταβάντες πρὸς ἡμᾶς καὶ ἰδόντες τὴν Πολυξένην, παρεσκευάζαντο εἰς πόλεμον. χάριτι δὲ Χριστοῦ οἱ ἡμέτεροι ἀντιποιούμενοι τῆς Πολυξένης ἐνίκησαν αὐτούς· ἦσαν δὲ οἱ ἀλλόφυλοι ἄνδρες πλείονες καὶ δυνατώτεροι. Ἡ οὖν Πολυξένη φοβουμένη μὴ πάλιν αἰχμάλωτος γένηται, ἔρριψεν ἑαυτὴν εἰς τὴν θάλασσαν, ὁ δὲ κύβερνος ἥρπασεν αὐτὴν μηδὲν κακὸν παθοῦσαν. Ἐμβάντων δὲ ἡμῶν ἐν τῷ πλοίῳ ἐφύγομεν, ἦσαν γὰρ οἱ τόποι τραχυνοί* (ркп. *τραχεισῶν*) *καὶ κάθυλοι, καὶ ἐφοβήθημεν προσμεῖναι.* — Черезъ 12 дней они прибыли въ Испанію; Павелъ ихъ привѣтствуетъ, Поликсена обнимаетъ его и говоритъ: *εἰ μὴ ὅτι προέκειτό μοι ἡ θλίψις αὕτη, ἐπεὶ ἐβλασφήμησα ἄν σε· νῦν δὲ δέομαι καὶ ἱκετεύω μὴ παραδοθῆναί με ἔτι εἰς τοιαύτας θλίψεις καὶ συμφοράς. Ὁ δὲ Παῦλος δακρύσας εἶπεν. Οὕτως ἡμᾶς θλιβῆναι δεῖ, τέκνον, ἵνα τὸν ἀντιλήπτορα ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστὸν ἐπιγνῶμεν. Ἡμῶν δὲ τὰ γράμματα τῶν ἀδελφῶν ἀποδιδόντων τῷ Παύλῳ δραμών τις ἀπήγγειλεν τῇ Ξανθίππῃ τὴν παρουσίαν τῆς Πολυξένης.* При видѣ сестры Ксантиппа падаетъ въ обморокъ; прійдя въ себя, говоритъ, что въ теченіи 40 дней не выходила изъ дома и всё молилась, чтобъ Господь сохранилъ дѣвственность Поликсены, которой похититель и женихъ принимаютъ крещеніе. Общая радость. По смерти Проба и удаленіи Павла въ Римъ три святыя жены ведутъ добродѣтельную жизнь, многихъ обращая на путь истинной вѣры, по кончинѣ прославленныя чудесами.

III.

Житіе — Ксантиппы, Поликсены и Ревекки пересказано нами по ркп. Московской Синодальной библіотеки № CLXII (л. 259 recto слѣд. [1]); см. о немъ Florez, España sagrada. III. Append. № 8 и Acta Sanctorum Sept. VI, a. d. 23 (въ числѣ praetermissi). Легенда объ обращеніи ап. Павломъ Ксантиппы и Проба, извѣстная автору житія ап. Петра и Павла, приписаннаго Симеону Метафрасту (Acta SS. Jun. t. V, p. 416 слѣд.), Минологію Василія (подъ 23 Сентября), Михаилу Гликѣ (ed. Bonn, стр. 441) и, какъ мѣстное преданіе, въ Laminium и Libisosa, является единственнымъ въ Испаніи отзвукомъ повѣрья объ испанской проповѣди ап. Павла. О ней говоритъ Климентъ Римскій и фрагментъ Муратори, но уже Посланіе Иннокентія I къ Деценцію приписываетъ проповѣдь христіанства въ Италіи, Галліи, Испаніи, Африкѣ и Сициліи — исключительно ученикамъ ап. Петра и его наслѣдниковъ, а дѣянія втораго римскаго собора при Геласіи I утверждаютъ, что посѣщеніе Испаніи, предположенное ап. Павломъ, никогда не состоялось. Тогда какъ Григорій Великій (Moralia, l. XXXI въ концѣ) и статья, приписанная Исидору, De vita et obitu Sanctorum, говорятъ о немъ, другіе памятники о немъ умалчиваютъ, какъ то Breviarium apostolorum, laterculus apostolorum и Мартирологій Іеронима; лишь у Адона встрѣчается упоминаніе о путешествіи ап. Павла въ Испанію, но съ замѣткой: creditur. — Съ VII-го вѣка, когда водворяется представленіе объ ап. Іаковѣ, какъ просвѣтителѣ Испаніи, преданіе о такой-же роли ап. Павла было забыто. Можетъ-ли это служить къ хронологическому опредѣленію нашего житія, гдѣ это преданіи является еще въ силѣ? Метафрастъ, Минологій

---

[1] Мы пользовались спискомъ, сдѣланнымъ для проф. В. Г. Васильевскаго, приготовляющаго полное изданіе житія.

и Глика могли почерпать свои свѣдѣнія изъ болѣе древняго легендарнаго источника [1]).

Зависимость списателя житія, скрывшагося за именемъ Павлова ученика Онисима, отъ литературы отреченныхъ апостольскихъ Дѣяній, сказывается цѣлымъ рядомъ подробностей, но есть и прямое указаніе на Дѣянія ап. Павла и Θеклы (см. выше стр. 59). Θекла, прислушивающаяся у окна къ проповѣди апостола, напомнила намъ сходную сцену съ Ксантиппой. Ксантиппа — не дѣвственница, но ея отношенія къ мужу разработаны по типу сходныхъ положеній, излюбленныхъ гностическими актами, проповѣдующими воздержаніе супруговъ: какъ въ отреченныхъ Дѣяніяхъ ап. Θомы Мигдонія отдаляется отъ своего мужа Харизія, а въ житіи ап. Андрея у псевдо-Авдія Максимилла отъ Эгеата, такъ говоритъ Пробу Ксантиппа: *ἄνες μοι μικρὸν καὶ τὸ σήμερον μόνον καταμόνας σε καθευδῆσαι*. — Явленіе Ксантиппѣ Христа въ образѣ ап. Павла — подробность стольже любимая гностической легендой, отвѣчаетъ такому-же видѣнію Θеклы; въ отреченныхъ Дѣяніяхъ ап. Θомы и Филиппа (въ Гіераполѣ) Христосъ не рѣдко является въ образѣ того и другаго апостола.— Львица, не трогающая Поликсены, напоминаетъ подобную-же сцену въ Дѣяніяхъ Θеклы.

Компиляторскіе пріемы автора житія лучше всего выразились въ попыткѣ ввести въ свой разсказъ, помимо ап. Павла, одного изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ легенды, еще и апп. Петра, Филиппа и Андрея. О Петрѣ сказано только, что онъ направлялся въ Римъ, оставленный ап. Павломъ, и направлялся туда — съ цѣлью борьбы съ Симономъ. — Лукія, ученика ап. Павла, знаютъ *περίοδοι Βαρνάβα*. — Филиппа Поликсена видитъ въ Элладѣ; но кромѣ этого географическаго термина въ разсказѣ о немъ нѣтъ ничего общаго съ Отреченными Дѣяніями апостола именно въ Элладѣ. — Далѣе Поликсена идетъ *πρὸς*

[1]) Ср. Lipsius, Petrussage. p. 162; его-же: Die Apocryphen Apostelgeschichten u Apostellegenden. II, п, p 216--18.

ἀνατολάς и встрѣчается съ апостоломъ Андреемъ, шедшимъ въ «ту мѣстность». Какая мѣстность разумѣется — не ясно, какъ не ясно было, вѣроятно, и списателю житія: на Черномъ морѣ, — или въ Ахайѣ?[1]) — Хорошенькій эпизодъ о милостивомъ κτηνίτης, конкретно понявшимъ заповѣдь милостыни, снова указываетъ на кругъ гностическихъ Дѣяній, постоянно её проповѣдующихъ. Въ Прохоровскомъ житіи ап. Іоанна говорится о встрѣчѣ апостола съ какимъ-то калѣкой, предлагавшимъ прохожимъ раздѣлить съ нимъ его трапезу; онъ говоритъ о себѣ, что онъ здѣсь — чужой, искупаетъ страданіями свои и родительскіе грѣхи, и что ему доставляетъ удовольствіе оказывать помощь странникамъ. — Замѣтимъ въ бесѣдѣ κτηνίτης съ Поликсеной вопросъ, долженствовавшій обнаружить ея христіанство: предлагая ей вина, онъ съ умысломъ говоритъ, что добыто оно руками эллиновъ-язычниковъ, а Поликсена отвѣчаетъ, что ни она, ни Реввекка его не пьютъ — потому-ли, что оно эллинское, или по другой причинѣ, по которой воздерживались отъ него напр. и Энкратиты?

Но подробный разборъ житія Ксантиппы, Поликсены и Реввекки со стороны его источникомъ и исторической стоимости не лежитъ въ моей задачѣ, и не въ моихъ силахъ. Избравъ его предметомъ сообщенія, я хотѣлъ-лишь обратить вниманіе на струю романа, обусловившую иныя литературныя обработки житійныхъ сюжетовъ. Эта *литературная* сторона дѣла, какъ мнѣ кажется, слишкомъ мало обращала на себя вниманія при научной разработкѣ житій. Они привлекали историка, особливо историка церкви, вызывая вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ текстовъ, ихъ сохранившихъ, о большей или меньшей достовѣрности данныхъ, ими представляемыхъ, или, наоборотъ, объ ея отсутствіи и богатствѣ народно-миѳологическаго содержанія, напр. въ легендѣ о св. Пелагіи (Usener) и т. п. Но легенда не только историческій,

[1]) По Минологію Василія Поликсена наставлена въ истинной вѣрѣ ап. Павломъ; по удаленіи его изъ Испаніи, она отправляется ἐν Πάτραις τῆς Ἀχαΐας къ ап. Андрею, который и окрестилъ её.

а, для извѣстной поры развитія, и *литературный фактъ:* она слагалась по извѣстному *образцу*, допускала *реторическое развитіе*, обогащаясь *общими мѣстами житійнаго стиля*, привлекая къ себѣ изъ круга любимыхъ *чудесъ и видѣній* тѣ, которыя наиболѣе отвѣчали образу восхваляемаго святого или подвижницы. Такъ развивался, изойдя изъ простѣйшей пѣсни народно-историческаго характера, и свѣтскій феодальный эпосъ, параллельно съ величественнымъ эпосомъ христіанской легенды, такъ удачно охарактеризованнымъ Ренаномъ. Тамъ и здѣсь первичный фактъ принадлежитъ исторіи и непосредственному вѣрованію, но его идеализація совершалась въ области литературныхъ теченій, по пріемамъ, которые полезно было-бы изучить совмѣстно.

II.

ЭПИЗОДЪ О ТАВРѢ И МЕНІИ ВЪ АПОКРИФИЧЕСКОМЪ ЖИТІИ СВ. ПАНКРАТІЯ.

Память св. Панкратія тавроменійскаго значится въ римскомъ мартирологіи подъ 3-мъ Апрѣля, подъ какимъ числомъ болландисты собрали и разобрали тѣ данныя его біографіи, которыя представляются имъ достовѣрными. Въ греческихъ минеяхъ св. Панкратій памятуется подъ 9-мъ Іюля, и подъ тѣмъ-же числомъ отреченное его житіе помѣщено въ сборникѣ 1023 года, которымъ мы пользуемся для слѣдующихъ сообщеній; въ вѣнскомъ спискѣ — подъ 28-мъ Февраля. Житіе это извѣстно было Каэтану [1]) и даже переведено для него Яковомъ Сирмондомъ, но онъ не пожелалъ его напечатать, какъ баснословное; въ бумагахъ Каэтана нашелъ этотъ переводъ Франческо Скорсо, издатель гомилій Ѳеофана Керамея, и мы можемъ заключить изъ его краткихъ указаній, что бывшій у него въ рукахъ греческій текстъ житія, приписаннаго ученику и наслѣднику св. Панкратія, Эвагрію [2]), въ общемъ былъ сходенъ съ разбираемымъ далѣе. «Igitur narratur, Taurum quemdam nomine, Chananaeum, a Syris captum et mercatori Romano venditum in Calabria, ductum ad Renaldum (въ нашемъ текстѣ: Ῥέμινδος) toparcham, cui uxor erat Maenaea Macedonissa; sed cum Renaldus in eo bello quod gessit

---

[1]) Онъ пользовался имъ въ своей Isagoge ad historiam sacram siculam, у Graevius, Thesaurus Antiquitatum et Historiarum Siciliae etc. Lugduni Batavorum. 1723, v. II, стр. 1 слѣд.

[2]) Τῶν δὲ μακαρίων ἀποστόλων οὐδεὶς βίους ἀνεγράψατο αἰτίως· ἔδοξε κἀμοὶ ....ἐρευνῆσαι καὶ ἐκλέξασθαι παρὰ αὐτοπτῶν καὶ θεοφόρων ἀνδρῶν τὰ περὶ τούτων. ἀπό τε Κλήμεντος Ῥώμης καὶ Εὐαγρίου Σικελοῦ καὶ Ἐπιφανίου τῆς Κύπρου (монахъ Епифаній въ житіи ап. Андрея. сл. Epiphanii monachi et presbyteri edita et inedita, cura A. Dressel, p. 45).

contra Aquilinum, in Calabria regem, caesus esset, Maenaea Tauro nupsit. Mox Aquilinus rex copias contra Taurum eduxit; isque cum Maenaea conjuge in Siciliam profugit, ubi Tauromenium a conjugibus Tauro et Maenaea conditum est» [1]). Изъ двухъ авторовъ гомилій, соединяемыхъ подъ именемъ Θεοфана Керамея [2]), первый, жившій въ половинѣ IX вѣка [3]), имѣлъ передъ собою ту-же редакцію житія, судя по упоминанію—Тавра и Менип, имена которыхъ онъ толкуетъ иносказательно. Ὁ ἱερὸς τοίνυν Παγκράτιος, καθὼς ὁ τὰ κατ' αὐτὸν ἱστορήσας Εὐάγριος ἠκριβώσατο, ἀνατολῆθεν ὁρμώμενος, καὶ ὑπὸ τῶν ἱεροτελεστικῶν χειρῶν τοῦ κορυφαίου τῶν μαθητῶν ἀρχιερεὺς γεγονώς, ἐν τῇ καθ' ἡμᾶς ταύτῃ νήσῳ ἐκπέμπεται, καὶ πρὸς ταύτην τὴν πόλιν Ταύρου καὶ Μενείας περοιτηκώς, πρότερον μὲν τὰ τῶν δαιμονίων ἐκκαθαίρει βδελύγματα, καὶ τὰ βέβηλα συντρίβει ἀγάλματα, ὧν ἐξόχως ἐτιμῶντο Φάλκων, καὶ Λύσσων, καὶ Σκάμανδρος. Εἶτα μετάγει πρὸς τὴν εὐσέβειαν τὸν ἡγεμόνα τῆς πόλεως Βονιφάτιον, θείους τε ναοὺς καὶ ἱερὰ δειμάμενος καταγώγια, καὶ πολλοὺς πρὸς τὴν ἀληθῆ πίστιν μεταγαγών, ἐπισφραγίζει μαρτυρίῳ τὸ τέλος.—Говоря далѣе о грѣховномъ мірѣ, онъ видитъ въ немъ πολλὰ μὲν τῆς πονηρίας τὰ πνεύματα, πυκνὰ δὲ τῆς ἁμαρτίας τὰ κύματα, ἀλλεπάλληλα τῶν πειρασμῶν τὰ ῥεύματα, ἅπερ καθ' ἡμῶν ἐγείρει ὁ νοητὸς ἄγριος ταῦρος, ὁ τὴν μανίαν σύνοικον ἔχων, καὶ πόλιν κτίζων ὑπὸ πονηρῶν ἐπιτηδευμάτων συνῳκισμένην.... Ὁρᾷς τοῦ νοητοῦ ταύρου καὶ τῆς μανίας τὴν πόλιν, ἣν οἰκεῖν κατεκρίθημεν; [4]).

---

[1]) Migne, Patrol. graec. t. CXXXII: Theophanis archiepiscopi Tauromenii in Sicilia cognomento Ceramei Homiliae etc. стр. 62.—Въ концѣ греческаго житія, переведеннаго для Каэтана, находилась приписка, въ которой кто-то, можетъ быть, переписчикъ, резюмировалъ имена языческихъ божествъ, встрѣчающихся въ житіи: Φάλκων ἐν τῇ παραλίᾳ, Λύσσων ἐν τῷ τετραίππῳ, Διὰς ἐν τῇ οἰκίᾳ Ἐλίδου σὺν τῷ εἰδώλῳ Σκαμάνδρῳ. Ἡ θεὰ Ἄρτεμις Ἥρωνος θυγάτηρ πλησίον τῆς καταβάσεως τῶν ὑδάτων. Сл. l. c. p. 1001, прим. 17.

[2]) Сл. Amari, Storia dei Musulmani di Sicilia I, p. 487 слѣд.

[3]) Иные относятъ его къ X-му вѣку, въ которомъ (послѣ 965 года) прекращается существованіе и греческой тавроменійской каѳедры. Сл. статью Архим. Арсенія: Θеофанъ Керамевсъ, архіепископъ Тавроминскій, Странникъ 1884 г., Май, стр. 3.

[4]) Migne, l. c. p. 1000—1.

Amari [1]) относитъ проповѣдь, изъ которой мы заимствовали приведенный отрывокъ, ко времени Михаила II (820—829), и именно къ возстанію Евфимія (827); житіе Панкратія, которое имѣетъ въ виду проповѣдникъ и которое я считаю тождественнымъ съ Каэтановымъ и разбираемымъ далѣе, относится, стало быть, къ болѣе раннему времени, что подтверждается съ другой стороны и отсутствіемъ какихъ либо указаній въ немъ на сарацинскій погромъ (съ 827 года) [2]). Что оно составлено было въ Сициліи и именно въ эпоху иконоборства — тому свидѣтельствомъ служитъ интересъ автора къ мѣстнымъ сициліанскимъ и южно-итальянскимъ отношеніямъ и особое, можно сказать чрезмѣрное вниманіе, обращенное на почитаніе иконъ и смежные съ нимъ вопросы. Интересно при этомъ замѣтить, что выставляя ихъ на первый планъ, авторъ житія ни словомъ не намекаетъ на какіе-нибудь вызванные ими протесты или преслѣдованія; можетъ быть, это молчаніе позволено истолковать какъ хронологическій признакъ: что житіе составлено въ періодъ преобладанія православія между двумя эпохами иконоборства, между 780 и 813 годами; либо въ самомъ началѣ иконоборческой эпохи, приблизительно до 730-хъ годовъ. За послѣднее предположеніе говоритъ, кажется, и тотъ фактъ, что главными противниками Панкратіевой проповѣди являются въ житіи — іудеи и монтаны, въ которыхъ, очевидно, нельзя видѣть «жителей горъ», какъ толковали другіе [3]), а извѣстныхъ еретиковъ, противъ которыхъ, равно какъ и противъ евреевъ, обращены были первыя мѣры Льва Исаврянина: τούτῳ τῷ ἔτει (a. M. 6214) ἠνάγκασεν ὁ βασιλεὺς τοὺς Ἑβραίους καὶ τοὺς Μοντανοὺς βαπτίζεσθαι. οἱ δὲ Ἰουδαῖοι ἀπροαιρέτως βαπτιζόμενοι ἀπελούοντο τὸ βάπτισμα καὶ ἐσθίοντες μετελάμβανον τὴν ἁγίαν δωρεὰν καὶ ἔγραινον τὴν πίστιν. οἱ δὲ Μοντανοὶ διαμαντεύσαντες ἑαυτοῖς καὶ ὁρίσαντες ἡμέραν εἰςῆλθον

[1]) l. c. I, p. 493—4.

[2]) Сл. Amari, l. c. I, стр. 266.

[3]) Между прочимъ, еп. Порфирія, Первое путешествіе въ Аѳонскіе монастыри и скиты, ч. II, отд. I (1877), стр. 86.

εἰς τοὺς ὡρισμένους οἴκους τῆς πλάνης αὐτῶν καὶ κατέκαυσαν ἑαυτούς (Theophanis Chronographia, ed. de Boor, I, p. 401).

Для болѣе точнаго хронологическаго опредѣленія послужитъ, вѣроятно, небольшой эпизодъ объ аварахъ, встрѣчающійся въ житіи. Сообщая въ краткомъ очеркѣ содержаніе послѣдняго, я укажу и на мѣсто, занимаемое этимъ эпизодомъ, разборомъ котораго думаетъ заняться проф. Васильевскій. Упоминаніе аваровъ указываетъ во всякомъ случаѣ, что ихъ имя еще не было забыто; они живутъ у Дирахія и Аоинъ: такъ показываютъ въ житіи авары, взятые въ плѣнъ Вонифатіемъ. Куда былъ направленъ его походъ — не видно; но когда въ другомъ мѣстѣ житія говорится о частыхъ бояхъ Тавроменитовъ у Дирахія, весьма вѣроятно, что и здѣсь подъ врагами слѣдуетъ разумѣть аваровъ. Монемвасійская хроника знаетъ ихъ въ Пелопоннезѣ между 580 и 805 годами; вставка въ лѣтопись, которую Ламвръ относитъ ко времени позже XIII вѣка, говоритъ, что ихъ опустошенія вызвали выселеніе грековъ изъ Пелопоннеза, между прочимъ въ Калабрію и Сицилію, и именно въ Val di Demona, т. е. въ мѣстность, откуда направился походъ тавроменитовъ противъ аваровъ язычниковъ [1]).

Обращу еще вниманіе на географическій терминъ Калабріи, обозначавшій въ прежнее время область между Отранто и Бриндизи и лишь впослѣдствіи перенесенный съ юговосточнаго полуострова Италіи на югозападный. Это второе обозначеніе, свойственное нашему тексту, могло-бы служить къ его хронологіи, если возводить его употребленіе, какъ-то обыкновенно дѣлается, къ началу X-го вѣка; но уже въ посланіи римскаго синода 680 года къ VI-му вселенскому собору встрѣчаются подписи епископовъ Тавріаны (*Γεώργιος ἐλάχιστος ἐπίσκοπος τῆς ἁγίας*

---

[1]) Сл. Монемвасійскую хронику у Ламвра, Ἱστορικὰ μελετήματα (1884) стр. 97 слѣд.; сл. стр. 100: καὶ ἡ μὲν τῶν Πατρῶν πόλις κατῳκίσθη ἐν τῇ τῶν Καλαβρῶν χώρᾳ τοῦ Ῥηγίου .... τότε καὶ οἱ Λάκονες τὸ πατρῷον ἔδαφος καταλιπόντες ἐν τῇ Σικελίᾳ ἐξέπλευσαν κατοικοῦντες ἐν τόπῳ καλουμένῳ Δέμενα καὶ ἀντὶ Λακεδαιμονιτῶν Δεμενῖται κατονομάζονται. — О Деменѣ и Val Demone см. Amari, l. c. I, стр. 167 слѣд.

ἐκκλησίας Ταυριανῆς ἐπαρχίας Καλαβρίας), Vibo-Valentia'и (Βίβωνος) и Тропеи, какъ калабрійскихъ — въ указанномъ выше географическомъ смыслѣ [1]).

Греческое житіе св. Панкратія еще не было издано по древнимъ спискамъ; объ одномъ вѣнскомъ говоритъ Ламбецій (Comment. libr. VIII, p. 199 слѣд.); слѣдующія извлеченія и пересказъ сдѣланы по рукописи московской Синодальной библіотеки, № 15 in fol., 1023 года (л. 122 об. — 227 лиц.), причемъ привлеченъ былъ къ сравненію и вѣнскій списокъ, Cod. Ms. Hist. Graec. № III, ol. 11 [2]). Криптоферратскимъ текстомъ, особливо важнымъ по своей древности [3]), я пока могъ воспользоваться лишь отрывочно [4]), но и въ границахъ доступнаго мнѣ сравненія убѣдился, что онъ представляетъ, вмѣстѣ съ вѣнскимъ и описаннымъ далѣе славянскимъ, нѣсколько отличную *стилистически* рецензію, тѣмъ не менѣе восходящую къ одному, съ синодальнымъ

---

[1]) Сл. Rodotà, Dell'origine, progresso e stato presente del rito greco in Italia, v. I, p. 29—31; Mansi, Conc. t. XVI, p. 139 слѣд.; Muratori, Rer. Ital. Script. t. X: De tabula chorographica medii aevi commentaria, sectio XXV, § 143, p. CCCV—VIII.

[2]) Рукопись содержитъ минологій за Февраль; житіе св. Панкратія начинается съ л. 267 recto, ab. Inc.: Βίος καὶ πολιτεία καὶ μαρτύριον τοῦ ἁγίου ἀποστόλου καὶ ἱερομάρτυρος Παγκρατίου. Ἐγένετο μετὰ τὸ ἀναληφθῆναι τὸν Κύριον ἡμῶν Ἰν Χν εἰς τοὺς οὐρανοὺς καὶ καθεσθῆναι ἐν δεξιᾷ τοῦ Πατρὸς ὅθεν οὐκ ἐχωρίσθη, ἦλθον οἱ ἀπόστολοι οἱ αὐτοῦ μαθηταὶ ἀπὸ τοῦ ὄρους τοῦ καλουμένου Ἐλαιῶνος εἰς Ἱερουσαλήμ. — Вѣнскій списокъ цитуется далѣе какъ W. — На другія рукописи греческаго житія: криптоферратскую (о ней см. въ текстѣ), ватиканскую и мессинскую (S. Salvatoris Messanae) указываетъ Di Giovanni, Codex diplomaticus Siciliae, t. I (1743 г.), стр. 358 и въ приложенной къ изданію Dissertatio I De primaria institutione Ecclesiae Siculae.

[3]) Въ недавно вышедшемъ описаніи рукописей Grotta Ferrata'ы рукопись отнесена къ X—IX вѣкамъ (Сл. Codices Cryptenses, seu Abbatiae Cryptae Ferratae in Tusculano, digesti et illustrati cura et studio D. Antonii Rocchi, Romae, 1884, p. 145—6, series tertia, cod. quintus: B. β. v'); въ письмѣ ко мнѣ о. Рокки опредѣляетъ ее X-мъ.

[4]) Благодаря любезному посредничеству А. М. Гезена и благосклонности его Высокопреосвященства кардинала Питра, я получилъ отъ о. Рокки, нынѣ блюстителя Гроттаферратскаго аббатства, отрывокъ интересовавшаго меня текста, приблизительно отвѣчающій половинѣ напечатаннаго мною эпизода о Таврѣ и Меніи. Я надѣюсь въ ближайшемъ будущемъ издать соотвѣтствующій отдѣлъ житія по гроттаферратскому списку.

спискомъ, оригиналу.—Изъ греческихъ текстовъ мнѣ еще извѣстенъ помѣщенный въ Βίβλος καλουμένη Καλοκαιρινή ἐν ᾗ εἰσὶ γεγραμμένοι μερικοὶ βίοι ἁγίων τινῶν οἱ ὡραιότεροι τοῦ Καλοκαιρίου.... παρὰ Ἀγαπίου μοναχοῦ (Ἐνετίῃσιν 1801, 1818, 1851) [1]): житіе пересказано въ сокращенномъ видѣ, съ инымъ распорядкомъ подробностей и значительно смягченнымъ мѣстно-сицилійскимъ колоритомъ. — О древнемъ славянскомъ переводѣ сохранились свѣдѣнія въ двухъ записяхъ: въ ркп. Ундольскаго № 231 помѣщенъ переводъ житія Антонія Великаго, написаннаго Аѳанасіемъ Александрійскимъ; въ концѣ (л. 309 об.) переводчикъ говоритъ, что это житіе, а также житіе Петрова ученика Панкратія, переведены на славянскій языкъ по порученію «строителя церковнаго Іоанна, господина архіепископа болгарскія земли, яко не сущимъ преложенымъ николиже предъ нами». Проф. Голубинскій [2]) полагаетъ, что разумѣется Іоаннъ, поставленный архіепископомъ въ 1019 году.—Подобную-же приписку къ переводу Антоніева житія встрѣтилъ Сахаровъ въ одномъ сборникѣ XVII вѣка: «не на свой же разумъ надѣющіися, ни собою дерзнухомъ на дѣло сіе, толь велико суще, но принуждени отъ строителя церковнаго Іоанна Болгарскія земли. Не точію Антонія Великаго житіе повелѣни быхомъ преложити, но и пречуднаго Петрова ученика Панкратія, яко не сущимъ преложенымъ никимъ же преже насъ» [3]). Шафарикъ видѣлъ въ Іоаннѣ — Іоанна Экзарха. — Наконецъ тоже житіе Антонія находится въ сербскомъ торжественникѣ XIV вѣка [4]), переводчикъ называетъ себя Іоанномъ пресвитеромъ, но въ послѣсловіи есть отличія и недоразумѣнія: «мы же м҃лещє цр҃ков'наагo ї҆ѡ а҃ г҃наа архыеп҃кпа ї҆же бы҃ патрїа҃рхь боугарьсцѣй земли, не҃ се тьк'мо житиѥ велі́кого а҃ноонил, нь҃ и пречю҃наагo чюдот'ворца не҃потаѥнаго

---

[1]) Сл. Παπαδόπουλος Βρετός, Νεοελληνικὴ φιλολογία I. № 370, стр. 137.

[2]) Голубинскій, Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей болгарской, сербской и румынской (М. 1871). стр. 708—9; сл. его-же: Исторію русск. церкви, I, стр. 747.

[3]) А. Поповъ, Описаніе рукописей и т. д. А. И. Хлудова, I, стр. 393—4

[4]) l. c. стр. 393 слѣд.

житиꙗ, ꙗко же не соущемь прѣложеномь никымы же прѣ̃ нами, того дѣлꙗ приноудише нашоу̃ гроубость» и т. д. — Очень вѣроятно, что и въ послѣдней приписке разумѣется Панкратій: непотаеный не то-ли, что: не апокрифическій? — Несомнѣнно, что Панкратіево житіе переведено было совмѣстно съ Антоніевымъ; интересно, что ни одна изъ трехъ рукописей не присоединила къ послѣднему и перваго, сохранившагося въ сербскомъ спискѣ XIII—XIV вѣка, недавно поступившемъ въ собственность императорской публичной библіотеки изъ собранія еп. Порфирія[1]). Начало житія, разобраннаго и отчасти пересказаннаго еп. Порфиріемъ[2]), утрачена, и въ срединѣ его есть недочеты, которые пополняетъ сообщаемый далѣе пересказъ греческаго оригинала. Судя по нѣкоторымъ подробностямъ переводчикъ пользовался имъ въ текстѣ болѣе близкомъ къ вѣнскому, чѣмъ къ синодальному, и передавалъ его на столько дословно и механически, что во многихъ случаяхъ уразумѣть переводъ безъ помощи подлинника не представляется возможности. Такъ выраженіе греч. текста: διὰ Ριγίου τόπου κρυώδους передано такъ: Ригиломь мѣстомь *кроуꙍдось;* ὁ μεν Ῥέμινδος τῷ γένει ἔθνους ξανθοῦ = родомь страны ксантовы; но: Ῥέμινδος ὁ ξανθός = Ремалдь *роусыи.* Это необходимо имѣть въ виду при разборѣ дѣйствительно интереснаго словаря переводчика, въ которомъ еп. Порфирій открылъ «много древне-славянскихъ словъ и изрѣченій, коихъ мы не употребляемъ»[3]). Укажу на нѣкоторыя изъ нихъ: вь *ꙍкроинѣцю* игемоньскую (ркп. игоуменьскоую) и вь *котыгу* упатьскую = χλανίδα ἡγεμονίας καὶ ἱμάτιον ὑπατικόν; *съворитыи*[4]) поꙗсь . . . .

---

[1]) Сл. Краткій обзоръ собранія рукописей, принадлежавшаго преосв. епископу Порфирію, а нынѣ хранящагося въ Имп. Публ. библ. СПБ. 1885, стр. 5. По указанію г. Шляпкина житіе св. Панкратія Тавроменійскаго находится еще въ ркп. Воскресенской Новоіерусалимской библіотеки, № 124: Житіе и чудеса св. Панкратія, бывшаго еп͠па Тавроменіи, описанное Евагріемъ, въ .ѳ͠. день Іюля (скорописью XVII вѣка на 386 листахъ).

[2]) Первое путешествіе и т. д., стр. 39 слѣд.

[3]) l. c. стр. 96—7.

[4]) Micl. Lex. съвора = fibula; сл. Ducange, Gloss. med. et inf. Graec. s. v. σωληνωτός.

щить ѥго *вълър'митыи* и копиѥ ѥго *магеутьское*=τὴν σωληνωτὴν ζώνην.... τὴν ἀσπίδα τὴν χειμευτὴν καὶ τὸ δόρυ αὐτοῦ τὸ μαγευτόν; зачело *вълър'ма* = ἀφορμὴ τῆς χυμεύσεως (вар. χωνεύσεως)[1]); радоуисе *сълоучею* корабльныи=χαίρε τύχη τοῦ πλοίου; акы *щоудовинь* = δίκην γίγαντος; *моуть* = ἀνάκλασις τοῦ σαλοῦ, *моуты* = τρικυμίαι; николи же *моуть* се примѣси = οὐδέποτε ἀφροδισίᾳ συνεμίγη и т. д. Признавая «современность, подлинность и вѣрность» житія, приписаннаго Евагрію, и лишь въ нѣкоторыхъ догматическихъ и символическихъ подробностяхъ усматривая вставки IV—VI вѣковъ, еп. Порфирій [2]) простираетъ свою оцѣнку подлинности и на эпизодъ о Таврѣ и Меніи, относя войны пеласго-эллина Ремальда (греч. Ρέμινδος) и латинянина Аквилина къ 1690 г. до Р. Х. [3]).

Что до времени, когда сдѣланъ былъ славянскій переводъ житія, то изслѣдователь, не принимая въ разсчетъ указанныхъ выше (стр. 70—71) рукописныхъ свидѣтельствъ, опредѣляетъ его terminus ad quem 1075—83 годами и, ближе, время его составленія—906 годомъ или около [4]). Дальнѣйшія соображенія [5]) автора отличаются нѣкоторою фантастичностью: будто греческое житіе св. Панкратія *издано* было Кирилломъ епископомъ катанскимъ и, по благословенію его, сдѣланъ переводъ для далматинскихъ сербовъ и харватовъ, спеціально для сицилійскихъ матросовъ—славянъ, заинтересованныхъ тою подробностью житія, что первыми христіанами въ Сициліи были морскіе гребцы, и привезшихъ его переводъ въ Далмацію. Оттуда оно занесено было на Аѳонъ; списокъ еп. Порфирія принадлежалъ хиландарскому монастырю.

Не разбирая этихъ соображеній, замѣчу, мимоходомъ, что въ этомъ спискѣ нѣтъ эпизодическаго упоминанія о древнемъ славянскомъ становищѣ подъ Сиракузами, о которыхъ говоритъ греческій текстъ.

---

[1]) У Миклошича Lex. вълъръмитъ = vermiculatus, vermilius, vermelatus, ergo ruber, coccineus? [2]) l. c. стр. 88, 91. [3]) стр. 85—6. [4]) l. c. стр. 94, 96. [5]) l. c. стр. 96, 110.

I.

Надписаніе житія (л. 122 об. с. 1): Εὐαγρίου ἐπισκόπου εἰς τὸν βίον καὶ τὰ θαύματα τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Παγκρατίου ἀρχιπροέδρου Ταυρομενίας[1]).—Когда Господь нашъ Іисусъ Христосъ еще пребывалъ среди людей, отецъ св. Панкратія ἐν τοῖς ἐπέκεινα Ἀντιοχείας ὁρίοις οἰκῶν ὑπὸ θείας ἐλλαμφθεὶς χάριτος λαβὼν τὴν ἑαυτοῦ γυναῖκα καὶ[2]) Παγκράτιον τὸν μονογενῆ αὐτοῦ υἱὸν ᾤχετο εἰς Ἱεροσόλυμα. καὶ εἰσελθὼν εἰς μίαν τῶν πόλεων τῆς Ἰουδαίας, ὁρᾷ τὸν Κύριον ἡμῶν διδάσκοντα τὰ περὶ τῆς βασιλείας τῶν οὐρανῶν (л. 122 об., с. 2). Пришельцы увѣровали въ Христово благовѣстіе; вернувшись назадъ, Панкратій безпокоится: πῶς τὰ ἱερὰ μάθω γράμματα καὶ ἀκολουθήσω τῇ πίστει μὴ ἔχων τὸν ποιμαίνοντά με καὶ ὁδηγοῦντα διδάσκαλον; ποῖος χριστιανὸς ὁδηγήσει[3]) με καὶ ποιήσω τὸ θέλημα τοῦ Χριστοῦ μου; (л. 123 лиц., с. 2). Родители Панкратія умираютъ; самъ-же онъ ἦν ἐν τῷ λεγομένῳ Πυργίσκῳ θείᾳ μελέτῃ ἀεὶ ἐξασκούμενος (ib.). Сюда, «ἐπὶ τὰ μέρη τοῦ Πόντου» (ib.), приходитъ ап. Петръ, рукополагаетъ епископомъ Максимина, которому преподаетъ правила церковнаго устроенія, и ставитъ у Пиргиска церковь. По просьбѣ Панкратія Петръ креститъ его ближнихъ; имъ и нищимъ Панкратій раздаетъ свое имѣніе, а апостолъ зоветъ зографа Іосифа и велитъ ему написать τὴν εἰκόνα τοῦ Κυρίου[4]) ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, ἵνα ἰδόντες οἱ λαοὶ ἐπὶ πλεῖον πιστεύσωσιν ὁρῶντες τὸν τύπον τοῦ σταυροῦ[5]) καὶ ὑπόμνησιν λάβωσι τῶν παρ' ἡμῶν πρὸς[6]) αὐτοὺς κηρυχθέντων (л. 125 лиц. с. 2 — об. с. 1). Петръ велитъ также списать свой собственный ликъ и Панкратіевъ, на память приходящимъ, которые въ немъ признáютъ апостола, а о Панкратіи скажутъ: οὗτός ἐστιν

[1]) За исправленія слѣдующихъ далѣе отрывковъ греческаго текста приношу мою искреннюю благодарность проф. Г. С. Дестунису.

[2]) W, f. 267 r. b: καὶ τὸν μονογενῆ υἱὸν αὐτῶν Παγκράτιον τριετῆ ἄγοντα τὴν ἡλικίαν ᾤχετο.

[3]) W, f. 267 v. a: ὁδηγήσει με τὸν λόγον καί.

[4]) W, f. 268 r. a: μου.

[5]) W, f. 268 r. a: τὸν τύπον τῆς μορφῆς.

[6]) W, f. 268 r. a: λαμβάνωσιν τῶν παρ' ἡμῶν εἰς.

ὁ οἰκοδομήσας τὸν πύργον τοῦ σκευοφυλακίου. Ὁ οὖν παῖς ὁ ζωγράφος καὶ ταύτας ἀπετέλεσεν, ἐπιγράψας ἑκάστῃ εἰκόνι[1]) τὸ ἴδιον ὄνομα· οὕτως γὰρ [2]) ἐποίουν οἱ [3]) ἀπόστολοι ἐν ταῖς πόλεσι καὶ κώμαις ἀπὸ Ἱεροσολύμων ἕως Ἀντιοχείας. ἀναλογισάμενος δὲ Πέτρος ἐποίησε[4]) τὴν ἱστορίαν πᾶσαν τῆς ἐνανθρωπήσεως τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ[5]), ἀφ᾽ οὗ ὁ ἄγγελος τὸ Χαῖρε κέκραγε τῇ παρθένῳ μέχρις οὗ[6]) ἀνελήφθη ὁ Κύριος ἡμῶν Ἰησοῦς Χριστός. καὶ ἐκέλευσε κοσμεῖσθαι τὰς ἐκκλησίας διὰ τῆς ἱστορίας ταύτης (л. 125 об. с. 1). Панкратій говоритъ Петру, что у него есть крестъ, ὃν ὁ μακάριος πατήρ μου παρά τινων πραγματευτῶν ἱεροσολυμιτῶν ὠνήσατο, δοὺς αὐτοῖς πεντακόσια νομίσματα.... ἦν γὰρ ὅλος ἐκ χρυσίου καθαροῦ καὶ λίθων πολυτελῶν συνηρμένος. οὗτος γὰρ ἦν κατ᾽ οἰκονομίαν θεοῦ ἀποσταλεὶς πρὸς τὸν μακάριον πατέρα Παγκρατίου διὰ τὸ αὐτοπροαίρετον εἰς ἀγαθὸν τοῦ ἀνδρός. ὃν ἰδὼν ὁ[7]) ἀπόστολος καὶ γνοὺς τῷ πνεύματι τὴν εἰς αὐτὸν οἰκονομίαν παραυτὰ λαβὼν ξύλον κέδρινον ἐνεκόλαψε [8]) καὶ ποιήσας θήκην ἔνσυρτον κατέκλεισε[9]) αὐτὸν ἐκεῖ καὶ παρέδωκε[10]) τῷ ἐπισκόπῳ εἰρηκὼς[11]) φόβῳ προσέρχεσθαι καὶ προσκυνεῖν αὐτὸν[12]) (л. 125 об. с. 2). Собираясь покинуть свой кровъ, Панкратій молится предъ образомъ Спасителя и животворящимъ крестомъ, плачетъ и причитаетъ надъ гробницами родителей и, простившись со своими домашними, беретъ съ собой одного Евагрія, списателя его житія. Вмѣстѣ съ ап. Петромъ они переправляются на кораблѣ въ Антіохію, гдѣ апостолъ проповѣдуетъ и креститъ вмѣстѣ съ Маркіаномъ (л. 126 об. с. 1: ἦν δέ τις ἀποσταλεὶς ἀπὸ Ἱεροσολύμων

---

[1]) W, f. 268 r. a: ἑκάστην εἰκόνα.

[2]) W, ib. οὖν.

[3]) W, ib. οἱ ἅγιοι ἀ.

[4]) W, ib. πεποίηκεν.

[5]) W, f. 268 r. a: Ἰησοῦ Χριστοῦ καθὼς τὴν ἐκκλησίαν (b) διεκοσμοῦσαν ἀπ᾽ ἀρχῆς, ὅτε ὁ ἄγγελος.

[6]) W, f. 268 r. b: μέχρις ὅτου καὶ.

[7]) W, f. 268 v. a: ὁ μακάριος ἀ.

[8]) W, ib. ἐνέκοψεν.

[9]) W, ib. ἐνέβαλεν.

[10]) W, ib. παρέδωκεν αὐτόν.

[11]) W, ib. εἰρηκὼς = λελαληκώς

[12]) W, ib. — φ.

ἐκ [1]) τῶν ἀποστόλων τῶν τὰ δεύτερα φερόντων ἐξ αὐτῆς ὑπάρχων τῆς πόλεως τῷ γένει); то-же онъ дѣлаетъ и далѣе, по городамъ и весямъ, творя чудеса надъ больными и бѣсноватыми. Услышавъ о томъ, что онъ въ Киликіи, апостолъ Павелъ (л. 127 лиц. с. 1) ἐλθὼν ἀντέστη [2]) κατὰ πρόσωπον Πέτρου καὶ τῶν λοιπῶν ἀποστόλων τῶν ἐκ τοῦ χοροῦ τῶν δώδεκα καί φησι πρὸς αὐτούς· ἕως πότε οὐ χειροτονεῖτε ἐπισκόπους ἐκ τῶν μαθητῶν τῶν ἀκολουθούντων ὑμῖν καὶ ἐκπέμπετε εἰς τὰ ἑσπέρια μέρη; Совѣтъ Павла понравился апостоламъ и они, по указанію Св. Духа, избираютъ мужей и посылаютъ ихъ (ib.) κατὰ τὰ μέρη Ἰταλίας καὶ Ἀφρικῆς. Петръ отправляетъ Маркіана и Панкратія (ученикъ Павла, Κρίσκης, уже отбылъ въ Галлію, л. 127 лиц. с. 2), которые находятъ у морскаго берега два судна, готовые къ отплытію: одно изъ Сиракузъ, съ капитаномъ Ромиломъ, другое изъ Тавроменіи: его хозяинъ — Ликаонидъ, котораго ап. Петръ назвалъ въ крещеніи Епифаніемъ. Предупрежденные о томъ, апостолы спѣшатъ къ морю, гдѣ крестятъ моряковъ, производятъ чудесныя исцѣленія и совершаютъ литургію; Петръ говоритъ новообращеннымъ: τὰς δὲ ἀτάκτους φωνὰς Ἰουδαίων τε τῶν ἀσεβῶν καὶ τῶν μιαρῶν [3]) Μοντανῶν καὶ τὰ μυθικὰ Ἑλλήνων ἀποστρέφεσθε (л. 128 лиц. с. 1). Проповѣдь апостола обнимаетъ всю священную исторію (сотвореніе міра, грѣхопаденіе, убійство Авеля; діаволъ научаетъ мужеложству и идолопоклонству; потопъ; Авраамъ, Исаакъ и т. д.) и переходитъ къ нравственнымъ наставленіямъ; Маркіану и Панкратію онъ вручаетъ (л. 131 обор. с. 2) πᾶσαν ἐκκλησιαστικὴν κατάστασιν· [4]) εὐαγγέλια δύο, ἀποστόλους δύο, οὓς [5]) συνέταξεν ὁ θεῖος ἀπόστολος Παῦλος, δισκοποτήρια δύο ἀργυρᾶ, σταυροὺς δύο ἔχοντας ῥάβδους κεδρίνας [6]), τόμους δύο τῶν θείων ἱστοριῶν ἔχοντας τὴν διακόσμησιν

[1]) W, f. 269 r. b: ὑπὸ τῶν ἁγίων ἀποστόλων ἐκ τῶν μαθητῶν τὰ δεύτερα ἐχόντων.

[2]) W, f. 269 v. b: ἦλθεν καὶ ἀνέστη.

[3]) W, f. 270 v. b: καὶ ἀκαθάρτων Μοντανῶν τὰ μυθικὰ Ἑλλήνων παίδων

[4]) W, f. 274 r. b: τόμους δύο τῶν θείων μυστηρίων, εὐαγγέλια δύο.

[5]) W, ib. ἐκήρυξεν ὁ μακάριος Παῦλος.

[6]) W, ib. κεδρίνους τὴν διακόσμησιν τῆς ἐκκλησίας ἤγουν (v. a) τὴν εἰκόνα τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, τὴν παλαιάν τε καὶ νέαν διαθήκην, ἃ ἐγένοντο.

τῆς ἐκκλησίας ἤγουν τὴν εἰκονικὴν ἱστορίαν τῆς παλαιᾶς τε καὶ νέας διαθήκης οἳ ἐγένοντο κατὰ κέλευσιν τῶν ἁγίων ἀποστόλων· (f. 132, об. с. 1) καὶ πάλιν ἔλεγεν αὐτοῖς· θέλω δὲ ὑμᾶς ἐκκλησιῶν οἰκοδομὰς ποιοῦντας διακοσμεῖν αὐτὰς οὕτως· καὶ λαβὼν[1]) τοὺς πίνακας οὓς ἦν ἱστορήσας ὁ Ἰωσὴφ καὶ ἀναπτύξας, ὑπεδείκνυεν[2]) αὐτοῖς λέγων·[3]) θὲς πρῶτον τὸν εὐαγγελισμόν, τὴν γέννησιν, τὸ πῶς ἐβαπτίσθη ὑπὸ τοῦ Προδρόμου, τοὺς μαθητάς, τὰς ἰάσεις, τὴν προδοσίαν, τὴν σταύρωσιν. τὴν ταφήν, τὴν ἐκ τοῦ ᾅδου ἔγερσιν καὶ τὴν ἀνάληψιν. ταῦτα[4]) ἐν τῇ ἐκκλη(с. 2)σίᾳ διακοσμεῖτε, ἵνα ὁρῶντα τὰ πλήθη τῶν εἰςιόντων[5]) τοῦ χαρακτῆρος τὸν τύπον, καὶ ὑπόμνησιν τῆς ἐνανθρωπήσεως τοῦ Κυρίου λαμβάνοντα ἀναζωπυροῦνται καὶ θερμοτέραν τὴν πίστιν ἐνδύονται.

Маркіанъ отправляется на кораблѣ Ромила, Панкратій на суднѣ Ликаонида. Вѣтеръ, въ началѣ попутный, раздѣлилъ впослѣдствіи путниковъ, и корабль Панкратія пристаетъ «ἐν τόπῳ ἐπιλεγομένῳ Φάλκωνι»[6]). Въ первый разъ мы встрѣчаемся съ упоминаніемъ *Тавра и Меніи*, f. 133 r. c. 1.

(I) οὐ μέντοι ἦν λιμὴν ἐν τῷ τόπῳ, ἀλλ' ὁρμιστία τις. ἦν γὰρ ὁ τόπος κατείδωλος ὑπὸ δαιμόνων κατεχόμενος, καὶ δαιμόνων πλῆθος ἦν ἐν αὐτῷ. ἐπειδὴ ὁ τόπος ἐκεῖνος κῆπος λαχάνων ὑπῆρχε Φαλκωνίλλης[7]), μητρὸς Φάλκωνος, ἀπογόνου Μενίας τῆς Ταύρου γυναικός. αὕτη οὖν ἡ Φαλκωνίλλα σοφὴ ἦν καὶ φαιδρὰ (f. 133 r. c. 2) τῷ προσώπῳ εἰς ὑπερβολήν, ὡς ἐμφέρεται ἐν τοῖς ἱστορικοῖς, ὥστε διὰ τὴν πολλὴν αὐτῆς σοφίαν καὶ φαιδρότητα δῶρα πολύτιμα προσέφε-

---

[1]) W, f. 275 r. b: ὁ μακάριος.

[2]) W, ib. ὑπέδειξεν.

[3]) W, ib. θῆσαι μὲν πρῶτον

[4]) W, ib. τ. πάντα.

[5]) W, ib. ἐν τῇ ἐκκλησίᾳ εἰς ὑπόμνησιν τῆς ἐνανθρωπήσεως τοῦ Κυρίου ἔρχονται καὶ ἀναζωπυροῦνται ὁρῶντες πρῶτον τὸν τύπον (f. 275 v. a) τοῦ χαρακτῆρος ὡς προσείρηκα ὑπόμνησιν λαμβάνουσιν καὶ θερμοτέραν τὴν πίστιν ἐνδύονται.

[6]) Сл. Falcone nella provincia, diocesi, tribunale correzionale, corte di appello e circolo delle assise di Messina, circondario di Castroreale, mandamento di Novara di Sicilia, collegio elettorale di Patti e corte di cassazione di Palermo. — Moltedo, Dizionario dei communi del Regno d'Italia, 2[da] ed. (Napoli, 1881).

[7]) W, f. 275 v. b: διότι ἦν αὐτὸς ὁ τόπος κῆπος λαχάνων Φαλκονίλλας.

ρον αὐτῇ χάριν τοῦ ὁρᾶν καὶ θαυμάζειν τὴν ὡραιότητα τοῦ κάλλους[1]) αὐτῆς. αὕτη γεννᾷ υἱὸν καὶ ἐκάλεσε τὸ ὄνομα αὐτοῦ Φάλκωνα κατὰ τὸ αὐτῆς ὄνομα. ἦν δὲ ὁ παῖς εὐφυὴς καὶ φαιδρὸς πάνυ· καὶ κατελθὼν τερφθῆναι ἐν τῷ κήπῳ ἐξέψυξεν ἄφνω καὶ ἀπέθανεν, καὶ ἐτάφη ἐν αὐτῷ τῷ κήπῳ. ποιήσαντες οὖν ναὸν πάνυ τερπνὸν τῆς πατρῴας αὐτῶν κατακοσμήσεως, ἔστησαν ἐπάνω τοῦ τάφου ἀνδριάντα λίθινον λαξευτόν, ὃν καὶ ὠνόμασαν θεὸν Φάλκωνα. εἶτα ἐνέγκαντες παῖδα ἔφηβον προσήνεγκαν αὐτῷ θυσίαν καὶ ἀπώσατο· ἔτι οὖν προσθέντες προσήνεγκαν αὐτῷ τρεῖς ἐφήβους παῖδας καὶ ἑβδομήκοντα τρία μοσχάρια ἄρρενα καὶ καλά, καὶ ἐδέξατο (f. 133 v. c. 1), καὶ σφάξαντες τοὺς τρεῖς παῖδας καὶ τὰ ἑβδομήκοντα (W, f. 276 r. a: τρία) μοσχάρια ἐπετέλεσαν τὴν μιαρὰν θυσίαν. — Жертвы эти приносились въ теченіи 360 лѣтъ. Какъ только Панкратій вступилъ на берегъ и ударилъ о-земь древкомъ креста, демоны завопили, но умолкаютъ по молитвѣ святого, который, остановившись въ домѣ Ликаонида, самъ идетъ съ нимъ и Евагріемъ въ храмъ Фалькона, взявъ съ собою (f. 134 r. c. 2) τὸν τίμιον καὶ ζωοποιὸν σταυρὸν καὶ τὰ ἅγια εὐαγγέλια καὶ τὴν εἰκόνα τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ καὶ τὴν τοῦ ἀποστόλου Πέτρου καὶ τὰς καθολικὰς αὐτοῦ δύο ἐπιστολάς[2]). По повелѣнію Панкратія демоны бросаютъ храмъ и идолъ Фалькона за тридцать стадій въ море, гдѣ они и сами обречены пребывать до суднаго дня: (f. 135 r. c. 2) καὶ εὐθέως σὺν τῷ λόγῳ Παγκρατίου γέγονεν ἦχος σφοδρὸς ὥσπερ ἀνέμου καὶ ἐφάνησαν ὡσεὶ πλῆθος κοράκων καὶ γυπῶν; таковъ видъ демоновъ; шумъ отъ паденія Фальконова капища такой, какъ будто рухнула гора.

На другой день Ликаонидъ проситъ Панкратія дозволить ему сходить въ городъ, повидать Вонифатія игемона и Авриліана политарха; возвращаясь изъ путешествія онъ обыкновенно навѣщаетъ ихъ и приноситъ посильные дары; на этотъ разъ онъ

[1]) W, ib. (вмѣсто χάριν — κάλλους) ὡς καὶ θαυμάσαι τὴν ἀγαθότητα τῆς ψυχῆς.

[2]) W, f. 276 v. b: τὴν εἰκόνα τοῦ Κυρίου ἡμων Ἰῦ Χῦ καὶ τοῦ μακαρίου Πέτρου τοῦ ἀποστολου τὰς καθολικὰς καὶ τὴν ἱστορίαν τῆς ἐνανθρωπήσεως τοῦ Κυρίου ἡ(f. 277 r. a)μῶν Ἰῦ Χῦ ἃ καὶ ποιήσας ἐν πίναξι χαρτῴοις σὺν τῆς τοῦ ἀποστόλου εἰκόνος. καὶ ταύτας τὰς δύο εἰκόνας σὺν τῷ σταυρῷ διακατέχων προσῆλθεν . . . .

беретъ съ собою (f. 135 v. c. 1) *ἀμφιτάπητα ἓξ πάνυ καλὰ* (c. 2) *ἔντερπνα ἀσιανὰ καὶ τριάκοντα κεράμια ἐλαίου καὶ ἕτερα τριάκοντα κεράμια οἴνου Νυσσαίου*. Вонифатія онъ застаетъ въ преторіи, столующимъ съ тремя друзьями, и привѣтствуетъ его: *χαίροις*..., *Κύριε ἡγεμόν, ἀξίως τὸ λαμπρὸν περιβεβλημένος, δι' οὗ καὶ τοποκτίστης ἐκλήθης* (ibid.); поднявшись изъ за стола игемонъ идетъ на вышку съ однимъ пріятелемъ трибуномъ и Ликаонидомъ, котораго разспрашиваетъ объ Азіи, Лакедемонѣ и восточныхъ странахъ. Всѣ они пребываютъ въ мирѣ, отвѣчаетъ Ликаонидъ, (f. 136 r. c. 1) *διότι εἰρήνη μεγάλου θεοῦ ἐπεσκίασεν αὐτοὺς καὶ σώζει τοὺς αὐτῷ προσπελάζοντας καὶ πᾶσαν ἀκαταστασίαν κατεπράϋνεν ὡς θεὸς ἀληθινός*. Вонифатій пораженъ отвѣтомъ, а Ликаонидъ пользуется этимъ и принимается поучать его, кто такой Христосъ, когда игемона вызываетъ толпа жрецовъ, пришедшихъ ему повѣдать объ исчезновеніи Фалькона (сл. f. 137 r. c. 1—2: *οὐχὶ σὺ ἐπίστασαι τὸν φοῖβον καὶ καθαρὸν Φάλκωνα υἱὸν Φαλκονίλλης;*). Можетъ быть, онъ удалился въ другой городъ, презрѣвъ ваши животныя жертвы, говоритъ Вонифатій, велитъ имъ разойтись и успокоиться, пока онъ не произведетъ слѣдствія, а самъ возвращается къ Ликаониду. Тотъ спѣшитъ раскрыть передъ нимъ тщету язычества и истину христіанства (f. 137 v. c. 2: *οὐκέτι οὖν, ὡς ἔφη, Φάλκονι καὶ τῇ Ἥρωνος*[1]) *θυγατρὶ καὶ τοῖς λοιποῖς ἀκαθάρτοις θύωμεν θεοῖς*), разсказываетъ о своемъ путешествіи, встрѣчѣ съ Панкратіемъ и далѣе, до чуда надъ Фалькономъ. Игемонъ пораженъ, спрашиваетъ, почему Ликаонидъ не привелъ съ собою и Панкратія; Ликаонидъ обѣщаетъ устроить свиданіе съ нимъ и указываетъ, какъ поступить: пусть игемонъ соберетъ изъ эпархіи войско и выведетъ его, для смотра (*ἀδνούμιον*), по сосѣдству съ мѣстомъ, гдѣ укрывался святой. Вонифатій такъ и дѣлаетъ; восторженные клики воиновъ, привѣтствовавшихъ игемона, остановили Авриліана политарха, готовившагося вооружиться противъ Вонифатія по наущенію жрецовъ, недовольныхъ имъ и Ликаонидомъ, о которомъ узнали, что онъ привезъ Панкратія, проповѣдника Христа.

[1]) W, f. 280 r. b: Ἥρωος.

Игемонъ выводитъ собравшееся войско за городъ и, сдѣлавъ ему смотръ и распустивъ, хочетъ увидать святого, когда снова является толпа жрецовъ и горожанъ, прося разслѣдованія по дѣлу Фалькона. Они не унимаются, когда люди Вонифатія говорятъ имъ, что теперь, вечеромъ, не время для розысковъ, пусть подождутъ до завтра; не дѣйствуетъ на нихъ и увѣщаніе, которое велитъ имъ передать игемонъ; они принимаются голосить f. 144 r. c. 1: *ποῦ ἡ εὐπρέπειά σου, καθαρώτατε Φάλκον; ποῦ ἡ μορφὴ τοῦ μεγίστου ἀνδριάντος σου; πῶς ἀφανὴς ἐγένου ἐκ τῶν σῶν ἐραστῶν, φοῖβε καὶ καθαρώτατε Φάλκον:* Они упрекаютъ Вонифатія въ безпечности и равнодушіи (c. 2): *ὦ θεοὶ Λύσσον καὶ Ζεῦ*[1]) *καὶ ἡ μεγάλη θεὰ ἡ Ἥρωνος θυγάτηρ καὶ Ἀρτεμὰ ἐν ἱκανότητι πολλῇ ὑπάρχοντες καὶ οἱ λοιποὶ θεοί, μὴ ἀρεστὸν ἐνώπιον ὑμῶν φανείη, ἀήττητοι καὶ μέγιστοι, περὶ Φάλκωνος τοῦ μεγάλου θεοῦ καὶ συνεστίου ὑμῶν, ἀλλ' ἐκζητήσατε τὴν τούτου ἀπώλειαν.* Они идутъ къ Авриліану, но тотъ, пораженный внезапной немочью и безгласный, не въ состояніи ничего предпринять и лишь киваетъ головою.

Поздно вечеромъ Вонифатій отправляется къ Панкратію, который, предупрежденный Ликаонидомъ, принимаетъ его въ епископскомъ облаченіи, сидя на престолѣ, съ крестомъ въ рукахъ и иконами Спасителя и ап. Петра. Вонифатію кажется, что святой окруженъ пламенемъ, и онъ бросается передъ нимъ на колѣни, не рѣшаясь сѣсть возлѣ него; чудо исчезаетъ, какъ только Панкратій разоблачился. Святой осѣняетъ Вонифатія знаменіемъ креста, принимаетъ участіе въ его трапезѣ; за трапезой слѣдуетъ молитвословіе, во время котораго молнія внезапно освѣщаетъ покой, а вокругъ Панкратія Вонифатію по прежнему видится огненный ореолъ. Тогда святой велитъ Евагрію принести ему *τὸ εὐαγγέλιον καὶ τὰς ἐν ἱστορίᾳ μεμβράνας καὶ τὰς δύο εἰκόνας αἳ ἦσαν ἐνώπιον ἡμῶν, ὅτε τὸν πάννυχον ἐπετελοῦμεν αἶνον, σὺν τῷ σταυρῷ τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ* (f. 146 r. c. 2). По приказанію святого Евагрій читаетъ евангеліе отъ Матѳея,

---

[1]) W, f. 286 v. b: *Δία καὶ ἡ μεγάλη θεὰ ἡ Εἴρωνος θυγάτηρ καὶ Ἀρτεμᾶ ἀπ' ἀδελφῶν ξένε δὲ* (sic) *ἀλλ' ἐν ἱκανότητι πολλῇ ὑπάρχων καὶ οἱ λοιποὶ θεοί.*

а Панкратій объясняетъ игемону и Ликаониду евангельскую исторію — по изображеніямъ и въ пространномъ поученіи пересказываетъ Ветхій и Новый Завѣтъ, избраніе апостоловъ и свое собственное крещеніе — до страданія Спасителя. — Вонифатій увѣровалъ и, отправляясь на слѣдующее утро въ городъ, приглашаетъ туда и Панкратія. Ликаонидъ совѣтуетъ святому подождать ночи, какъ-бы не учинили чего демоны въ предчувствіи своего пораженія. Святой даетъ ему рукописаніе, которое Ликаонидъ, вернувшись въ Тавроменію, кладетъ тайкомъ у идола Лиссона, въ Тетраиппіи (f. 153 r. c. 1: τὸ Τετραίππειον; W, f. 301 v. r: Τετραίππιν) — и демоны принуждены прекратить свои вопли, когда Панкратій и Ликаонидъ, руководимые звѣздою, ночью вступаютъ въ городъ, гдѣ въ теченіи сорока дней пребываютъ въ преторіи игемона.

Между тѣмъ нечистые языческіе іереи съ нестройной толпой приходятъ въ преторій, назойливо напоминая Вонифатію, что предстоитъ празднество Лиссона и жалуясь, что съ тѣхъ поръ, какъ прибылъ Ликаонидъ, ихъ боги умолкли; обвиняя самого игемона въ равнодушіи къ нимъ. Вонифатій обращаетъ обвиненіе на нихъ самихъ: они сами небрежны и косны; сорокъ дней прошло со времени смотра, а они не искали своего Фалькона, да и теперь пришли лишь потому, что наступаетъ празднество Лиссона, а они падки до жертвенныхъ приношеній. Тѣмъ не менѣе онъ обѣщаетъ имъ присутствовать на праздникѣ, и Панкратій, которому онъ сообщаетъ о своихъ бесѣдахъ съ жрецами, поддерживаетъ колеблющагося и проситъ его, въ свою очередь, построить для него церковь. Онъ самъ указываетъ мѣсто вблизи городскихъ стѣнъ, обращенное къ востоку и морю, а Ликаонидъ, идетъ (f. 155. r. c. 2 = W, f. 304 v. a) къ κεραμιστὰς, φησὶν αὐτοῖς· ἐκέλευσεν ὁ ἡγεμὼν πλινθεῦσαι πλίνθους καὶ ὀπτῆσαι πυρὶ, [κ]υιστορικὸν γὰρ οἶκον βούλεται οἰκοδομῆσαι. οἱ δὲ εὐθὺς εἴχοντο τοῦ ἔργου. ἀπέστειλεν δὲ καὶ ὁ Βονιφάτιος τοὺς παῖδας αὐτοῦ καὶ συνέλεξαν βουλκανικοὺς λίθους καυσωθέντας διὰ τὸ γενέσθαι τὸ καταπέτασμα τοῦ εὐκτηρίου ἐλαφρόδομον. Въ тридцать дней зданіе было готово,

и Панкратій совершаетъ въ немъ службу; одинъ Вонифатій, къ своему огорченію, еще не удостоился причастія. Чудо въ церкви (f. 155 v. c. 2): ὅτι ἀφοῦπερ τὸν θεῖον ἀπήρξατο ὕμνον, οὐ διέλιπε πῦρ περιαστράπτον τὴν ἐκκλησίαν πάνυ φοβερὸν, ὡς δοκεῖν καταφλεχθῆναι πάντας ἡμᾶς. Ὅτε δὲ τὴν ἡδυτάτην σάλπιγγα καὶ μελίρρυτον φωνὴν ὁ ἅγιος ἀνέπεμψε Παγκράτιος, τηνικαῦτα πάντες οἱ πέριξ γυψόπλαστοι καὶ ὑέλινοι θεοὶ ἐν τοῖς χρυσοκολλήτοις καὶ [1]) διαχρύσοις [θρόνοις] κείμενοι ἐδαφισθέντες συνετρίβησαν, κονιορτὸς γενόμενοι καὶ χνοῦς, ὡς ἀπὸ ἅλωνος θερινῆς. Жрецовъ въ то время въ храмахъ не было, они готовились къ празднеству Лиссона и радовались сооруженію Вонифатія, полагая, что новый храмъ воздвигнутъ Аполлону, еще не имѣвшему въ Тавроменіи своего ἄγαλμα. Они благодарятъ его (f. 156 v. c. 1): οἶδεν γὰρ ἡ πρόνοια Λύσσωνος καὶ ἡ μεγάλη (W, f. 306 r. a: δύναμις) Διὸς καὶ ἡ τύχη τῆς ἡμετέρας θεᾶς [2]) Ἀρτέμιδος Ἥρωνος θυγατρὸς, ὅτι πολύς ἐστι ἡμῖν ἀγὼν περὶ Φάλκωνος. Между тѣмъ какъ Ликаонидъ относитъ и кладетъ у идола Лиссона второе посланіе къ нему Панкратія, жрецы сами сбираются въ храмъ, думая кстати посмотрѣть на новый, сооруженный игемономъ (c. 2), ἐν τῷ παραλίῳ γὰρ Διοσκορίδους [3]) ἡτοίμαζον τὰ τῆς θυσίας ἔργα. ὡς δὲ ἀνῆλθοσαν κατὰ τὸ εἰωθὸς λαχμὸν ποιῆσαι εἰς (f. 157 r. c. 1) ποῖον θεὸν θυμιάσωσι πρῶτον, οὐ χρησμὸς ἐδήλου τῆς κληδόνος ἐν τῷ Διί, οὗ τὴν κεφαλὴν κατέχουσιν οἱ ἱστοριογράφοι κεφαλαιώδη τινὰ τοῦτον ἀνιστοροῦντες. Въ храмѣ Дія (acc. sing. τὸν Δίαν) они находятъ всѣхъ идоловъ упавшими и разбившимися, то-же и въ другихъ: они предаются плачу и

[1]) W, f. 305 r. a: διαλίθοις θρόνοις ἐγκείμενοι.

[2]) W, f. 306 r. a: Ἥρονος θυγατρὸς. Каэтанъ (Isagoge, стр. 8) исправляетъ: Ἀρτέμιδος Ἥρας θυγατρὸς: «Diana, Herae filia. Hera autem dicta est Ceres. Causam refert Pausanias (in Arcadicis). Dianam vero haud quidem Latonae, sed Cereris filiam fuisse Aeschylus docet, quod ab Aegyptiis accepit idem Pausanias».

[3]) Какъ видно изъ контекста, храмъ, куда направляются жрецы, находился вблизи церкви св. Панкратія, по сосѣдству съ которой дѣйствительно сохранились слѣды какого-то языческаго храма. Сл. Aug. J. C. Hare, Cities of Southern Italy and Sicily. London 1883, стр. 401.

сѣтованіямъ (с. 2): *τίς ἀναγγελεῖ ταῖς περὶ Μάγαρ*[1]) *καὶ Λουγδῖνον* (v. с. 1) *καὶ ταῖς λοιπαῖς ἐπαρχίαις αἷς πολλάκις ἐν πολέμοις συμβαλόντες αἰχμαλώτους συνέσχομεν πάντας τοὺς ἐν αὐταῖς*; — Народная толпа идетъ къ преторіи и бранитъ Вонифатія — второе упоминаніе *Тавра* и *Меніи*:

(II) f. 157 v. с. 2: не боги-ли дали тебѣ золото и серебро, *οὐ πᾶσαν μεταλλικὴν τέχνην Ταύρου καὶ Μενίας σοὶ δέδωκαν, ὥστε καὶ τὰ [κ]υιστορικά σου πεφραγμένα*[2]) *τυγχάνειν ἐσθῆτος λαμπρᾶς, βύσσου τε καὶ πορφύρας καὶ κοκκίνου ἀνεικάστου*; — Вонифатій препирается съ ними (f. 158 r. с. 1): *πόλεμον ἐπὶ πόλεμον ἀντεισάγετε. Οἱ δὲ πάλιν ἐν πολλῷ θυμῷ ἔλεγον· ἀνάξιε τῆς ἡγεμονίας, καὶ ποῖον πόλεμον ἀντεισάξεις*[3]) *τῷ πολλοστῷ λαῷ τούτῳ; Καὶ ὁ Βονιφάτιος· Οἷον ἡ χάρις τῆς θείας προνοίας ὀρέξει. Οἱ δὲ πρὸς αὐτόν· Ἀλλ’εἰπὲ ἡμῖν, εἰ φίλος εἶ τῶν μεγίστων θεῶν, ποίαν θεὰν καὶ χάριν εἶπες πόλεμον ἡμῖν ἐπενεγκεῖν; τὴν θεὰν Ἥρωνος ἢ Ἀφροδίτην Ἀθηνῶν; Καὶ ὁ ἡγεμὼν ἀπεκρίνατο· Προσέχετε τῷ ῥήματι τούτῳ· οὐκ ἐμνημόνευσα θεᾶς Ἥρωνος θυγατρός οὐδὲ πάλιν Ἀφροδίτης, ἀλλὰ θείας χάριτος καὶ δυνάμεως.* — Противъ игемона поднимаются гнѣвные крики, но они умолкаютъ послѣ его предложенія: поставить въ храмахъ мудрыхъ мужей, свѣдущихъ въ отеческихъ преданіяхъ: пусть удостовѣрятся, что приключилось съ ихъ богами. — Панкратія, находившагося тѣмъ временемъ въ церкви, охранялъ св. Духъ: никто не видѣлъ новаго зданія. — Поставивъ по два мужа въ каждомъ изъ капищъ, народъ отправляется къ храму Лиссона, неся въ рукахъ вѣтки мирта и лавра, (f. 158 v. с. 2), *αἱ δὲ νεάνιδες*[4]) *φωνὰς ᾄδουσαι ἀφροδητικὰς ἔλεγον τῷ Λύσσωνι· χάρις σοι, χάρις σοι, μέγιστε θεὲ Λύσσον, ὅτι ἡ σὴ εὐάρεστος πρόνοια τὴν ἐτήσιον πολιτικὴν εὐωχίαν ἀπήρτισεν ἡμῖν.* Въ началѣ онъ отказывается отъ отвѣта, но его продол-

[1]) Такъ въ W, f. 307 r. a; въ синод. сп. Μάγδαν. Сл. Macara = Heraclea Minoa, недалеко отъ Агригента, у Cluverius, Sicilia antiqua, l. I, c. XVII (сл. ib. l II, c. X: o Machara.

[2]) W, f. 307 v. a: εἰσὶν αἰσθήτων λαμπρῶν.

[3]) W, f. 307 v. b: ἀντεισάγεις.

[4]) W, f. 308 v. b: ἐν κυμβάλοις.

жаютъ молить (f. 159 r. c. 1): ты оказывался *ἐν πλούτῳ περιφανέστατος ὡς καὶ* [1]) *τύχην καλεῖσθαί σε ἐν πᾶσι μεταλλικοῖς εἴδεσι*; онъ указываетъ на другого, болѣе мощнаго бога, который побѣдилъ Фалькона, Дія и его самого; его-то ученика привезъ сюда Ликаонидъ; наконецъ онъ отвѣчаетъ (f. 159 v. c. 2 = W, f. 309 v. b — 310 r. a): *κληδόνα ἀσφαλῆ λαβόντες πορεύεσθε. τότε ἐνέγκαντες φιάλην χρυσῆν ἐν ᾗ τοὺς κληδόνας ἐπέβαλλον, ἔπλησαν αὐτὴν ὕδατος ἀσκήπτου, καὶ προσεγγίσαντες τῷ ἀνδριάντι ἐπεκαλοῦντο ἕκαστος κληδόνα λαβεῖν. ἐπέβαλον δὲ ἐν τῷ ὕδατι τὰ ἑαυτῶν δακτύλια* [2]) *καὶ προσελθὼν εἰς ἐξ αὐτῶν* [3]) *πάνυ τὴν τραγῳδίαν πεπειραμένος, ἔλεγε κατὰ τὴν ἑκάστου τύχην. καὶ τὸ πάρεδρον* [4]) *ἐδίδου τὴν φωνὴν αὐτοῦ λέγον· Λάβε. ἐπιβαλόντος οὖν τὴν χεῖρα κατὰ τὸ ἔθος, ἀνῆλθεν ὁ χρησμὸς τῆς θυσίας καὶ ᾐτήσατο Βονιφάτιον λαβεῖν εἰς θυσίαν* [5]). Это рѣшеніе объявляютъ Бонифатію, а онъ идетъ объявить его святому, находившемуся въ церкви. Тотъ велитъ ему мужаться: онъ самъ пойдетъ съ нимъ и посрамитъ демона.

Между тѣмъ мужи, оставленные въ храмахъ, докладываютъ жрецамъ, что въ девятомъ часу (когда Панкратій пѣлъ утренній канонъ) ихъ идолы снова пали — и это чудо повторяется въ присутствіи жрецовъ, которые направляются къ церкви Панкратія, но ея не видятъ, слышатъ только пѣніе; лишь только гимнъ кончился и святой совершилъ знаменіе креста, мракъ, окружавшій церковь, разсѣялся, и жрецы его узрѣли. Они заклинаютъ его сказать имъ, кто онъ: *μὴ ὁ μέγας θεὸς Ἀπόλλων εἰ ὁ τῶν Ἀθηνῶν*; (f. 161 r. c. 2); онъ говоритъ имъ о себѣ, о Богѣ христіанъ, о томъ, что онъ сокрушитъ Лиссона, — а они вѣрятъ

---

[1]) W, f. 309 r. a: *τύχη καλὴ ἅπασιν ἐν μεταλλικοῖς ἴδεσιν.*

[2]) Такъ въ W, f. 310 r. a. и слав. переводѣ; въ синод. *δακτύλους.*

[3]) W, ib. *εἰς τὴν τραγῳδίαν πάνυ.*

[4]) Сл. Just. Mart. Apolog. II, p. 65: *Νεκρομαντεῖαι μὲν γὰρ καὶ αἱ ἀδιαφθόρων παίδων ἐποπτεύσεις, καὶ ψυχῶν ἀνθρωπίνων κλήσεις, καὶ οἱ λεγόμενοι παρὰ τοῖς μάγοις ὀνειροπομποὶ καὶ πάρεδροι, καὶ τὰ γινόμενα ὑπὸ τῶν ταῦτα εἰδότων, πεισάτωσαν ὑμᾶς ὅτι καὶ μετὰ θάνατον ἐν αἰσθήσει εἰσὶν αἱ ψυχαί.* — Сл. Clementina, Hom. II, c. XXX: παρεδρίαι.

[5]) О бросаніи sortes въ воду сл. Plaut. Cas. II, 4, 6; Suet. Tib. 14.

ему и бесѣдуютъ о томъ на обратномъ пути: (f. 162 r. c. 2) εἷς δέ τις ἀρχιφιλόσοφος, ὅστις καὶ τὰς βίβλους πασῶν τῶν ἰατρικῶν ὑποθέσεων[1]) πεπιστευμένος ἦν, τοὔνομα Ξάνθιππος, τῇ χειρὶ κατασείσας εἶπεν πρὸς τὸν λαόν· Ἄνδρες, σιγήσατε μικρόν, καὶ ἐρῶ ὑμῖν τὴν δύναμιν τοῦ πράγματος. ὑμεῖς προεβάλλετέ με ἄρχειν ἐν τῇ πόλει πάντων τῶν ἰατρικῶν πραγμάτων[2]), πρὸ δὲ ολίγων μηνῶν τοῦ χρονικοῦ τούτου κύκλου τίς ἦν οὐκ οἶδα (f. 162 v. c. 1) ἀνὴρ ἄξιος τῷ εἴδει ἦλθε πρός με και ἐπιδέδωκέ μοι βιβλίον λέγων· Λάβε, Ξάνθιππε, βιβλίον ἰατρικὸν ἐκ τῆς ἄνωθεν δυνάμεως[3]). ὅπερ ἐγὼ δεξάμενος εἶπον πρὸς τὸν ἄνδρα· Τίμιε ἄνερ, λάβε καὶ σὺ χρήματα. ὁ δὲ φθαρτὸν καὶ βδελυκτὸν ἀποκαλέσας τὸν χρυσὸν ἀφανὴς γέγονεν. ἐγὼ δὲ τὴν βίβλον ἐπὶ χεῖρας λαβὼν καὶ μικρὸν ἀναγνούς, εὗρον ἄνδρας τέσσαρας μίαν φωνὴν φθεγγομένους καὶ τὴν διήγησιν ἀνέφερον εἰς Χριστόν τινα υἱὸν θεοῦ ἀληθινοῦ. ἔχει με[4]) οὖν, ὦ ἄνδρες, ὅτι οὗτος ὁ ἄνθρωπος τοῦτον ἦλθε κηρύξαι ἡμῖν. Онъ разсказываетъ далѣе, что какъ только внесъ ту книгу въ домъ свой, онъ освѣтился чуднымъ свѣтомъ и произошли исцѣленія. — Услышавъ этотъ разсказъ, они хотѣли было вернуться къ Панкратію, либо пойти посмотрѣть на чудесную книгу Ксантиппа (оказывающуюся впослѣдствіи евангеліемъ), но діаволъ помѣшалъ этому — и вотъ они идутъ къ тетрапиліо, сзываютъ къ жертвѣ народъ, приводятъ и Вонифатія; его разоблачили, связали назадъ руки; онъ озирается — не видать-ли Панкратія. Какъ только явился святой въ сопровожденіи Евагрія и одного изъ моряковъ, крещенныхъ апост. Петромъ, съ крестомъ и иконами, съ Вонифатія спали путы, а пораженный народъ опускается на колѣни. По повелѣнію святого демонъ ввергается въ море съ страшнымъ крикомъ и вихремъ; змѣю, жившему въ ямѣ при храмѣ Іиссона и питавшемуся кровью жертвъ, Панкратій приказываетъ выйти, накинувъ ему на шею ремень; f. 164 r. c. 1: καὶ εὐθὺς σπαράξαν ἑαυτο τὸ θηρίον συ-

[1]) W. f. 312 v. b. θεσπισμάτων.

[2]) W, ib. ὡς καὶ πολλὴν ἐπιμέλειαν πεποίηκεν. πρὸ δὲ.

[3]) W, f. 312 v. b: στιχθὲν τῷ δυνάμει πολλοστῇ ἰατρεύοντι τὰ νοσήματα· ἐδεξάμην οὖν ἐγὼ το βιβλίον ἐν ταῖς χερσὶν μου καὶ εἶπον.

[4]) W, f. 313 r. a: μοι.

ρισμὸν μέγαν καὶ ἰσχυρὸν ἀπετέλεσεν, ὥστε φανῆναι τὴν γλῶσσαν αὐτοῦ ὡς ἐσχάραν πυρός. ἀνελθὸν δὲ ἐκ τοῦ λάκκου διεῤῥάγη ἀπὸ ἄνωθεν ἕως κάτω; его ввергаютъ въ море; въ одной его кости 60 литръ!

Увѣровавшій народъ возвращается вмѣстѣ съ Панкратіемъ въ городъ, жрецы издѣваются надъ своими идолами, а больной Авриліанъ, узнавъ о случившемся, умираетъ. Только демоны не успокоились, кружатся вокругъ Панкратія въ видѣ вороновъ, желая напугать его; по его молитвѣ они падаютъ на землю и очутились — свиньями, которыхъ святой загоняетъ въ одну пещеру и запечатлѣваетъ знаменіемъ креста: они пробудутъ тамъ до скончанія дней. Въ городѣ остались невѣрующими лишь монтаны и іудеи; идолы первыхъ рушатся, когда Панкратій благословилъ городъ на всѣ четыре страны свѣта. — На другой день крестятся толпы народа, приходятъ изъ сосѣднихъ округовъ, изъ-подъ Этны; на вопросъ Вонифатія, почему онъ не удостоенъ крещенія, Панкратій велитъ ему не торопиться, а Евагрію объясняетъ, что игемонъ будетъ крещенъ наслѣдникомъ его, Панкратія, на тавроменійской епископіи.

(III) Въ одинъ изъ дней Вонифатій ведетъ святого и Евагрія въ преторіи и (f. 166 r. c. 1) ἔν τινι οἰκίσκῳ μικρῷ τοῦ πραιτωρίου ἔδειξεν ἡμῖν πάντας τοὺς θησαυροὺς τῆς ἡγεμονίας αὐτοῦ, χρυσίον πολὺν καὶ ἀνείκαστον καταμόνας, ὡς γὰρ ἐπὶ ἅλωνος σίτου ἢ ἀποθήκης κριθῆς [1]), οὕτως ἦσαν πεπλησμένα τὰ κοιαιστορικὰ [2]) ταμιεῖα τοῦ χρυσίου. ἐμφέρεται γὰρ ἐν τοῖς ἱστορικοῖς Ταύρου καὶ Μενίας ὡς ὅτι ἦν αὕτη ἡ Μενία ἐκ γένους Ἀλεξάνδρου τοῦ [3]) τῶν Μακεδόνων, ὅθεν καὶ Μακεδόνισσα ἐλέγετο. ἥτις Μενία ἁπάσης μεταλλικῆς τέχνης ὑπῆρχεν ἐν πείρᾳ πολλῇ, καὶ τὰ μαζικὰ στίλβουσα [4]) ἀόκνως, τὴν πόλιν αὐτῆς ἐνέπλησε χρυσίου καὶ ἀργυρίου καὶ τοσοῦτον (c. 2) ὡς τε μή τινα εὑρίσκεσθαι ἐν τῇ πόλει ἐν

---

[1]) W, f. 316 v. b: σιτικῆς ἢ ἀποθήκων κριθῆς.

[2]) Ркп. υεστορικά.

[3]) W, ib. βασιλέως.

[4]) Такъ въ W, ib.; въ синод. στιλβώσασα.

ἐνδείᾳ ὑπάρχοντα. πολλοὶ γὰρ τῶν πέριξ ἐπαρχιῶν ἐρχόμενοι[1]) ἐνεμπιπλῶντο. Что дѣлать съ этимъ богатствомъ? спрашиваетъ Вонифатій — Раздать бѣднымъ — Но ихъ нѣтъ, — и святой рѣшаетъ, улыбаясь: ἔστω τὰ τῆς ἡγεμονίας εἰς τὴν ἡγεμονίαν καὶ τὰ τοῦ πραιτωρίου εἰς τὸ πραιτώριον (ib.).

Слѣдуетъ нѣсколько исцѣленій и обращеній: Хриза, жрица Ἥρωνος, страдавшая проказой, приходитъ искусить Панкратія и, исцѣленная имъ, отказывается увѣровать; святой насылаетъ на неё ту-же болѣзнь еще въ большей мѣрѣ, но сжалившись надъ ея просьбами, вновь исцѣляетъ, креститъ подъ именемъ Бенедикты и ставитъ діакониссой при церкви. Вмѣстѣ съ Панкратіемъ и другими она идетъ въ храмъ Ἥρωνος, свергаетъ идоловъ и указываетъ святому на груду золота. Что съ нимъ дѣлать, когда нѣтъ бѣдныхъ? Панкратій, въ отвѣтъ ей, говоритъ о грѣховности «филаргиріи». Впослѣдствіи онъ поручаетъ Бенедиктѣ двухъ сестеръ — сиротъ, изъ которыхъ старшую хиротонисуетъ въ діакониссы; младшая, Сергія, будетъ жить съ нею въ кельѣ при храмѣ.—Ксантиппъ получаетъ въ крещеніи имя Эпафродита.

Вонифатій проситъ святого благословить его на брань, f. 171 лиц. с. 1: ἔθος ἡμῖν ἐστι τοῖς ἐναντιουμένοις ἡμῖν τὰς[2]) ἡμῶν ἐπιδείκνυσθαι ἀνδραγαθίας; на должность политарха избранъ, съ согласія святого, сынъ Авреліана, Элидъ, отказавшійся креститься, пока не окрещенъ Вонифатій; а Панкратій медлитъ этимъ, ибо тотъ еще суровъ и человѣкъ крови: такъ говоритъ святой Евагрію, котораго посылаетъ сопутствовать войску.

Войско собралось (f. 172 v. c. 1) ἀπό τε τῶν Μολικῶν[3]) καὶ Ἐτναίων καὶ τῆς παραλίου Τίτου καὶ τοῦ σὺν αὐτῷ τέρμονος κατὰ

---

[1]) W, ib. (вмѣсто ἐρχόμενοι) χάριν πλούτου ἤρχοντο καί.

[2]) W, f. 322 v. b: ἀνδραγαθίας ἡμῖν ἐμποιεῖσθαι καὶ τούτους τροποῦσθαι.

[3]) W, f. 324 v. b: Μολικῶν. Разумѣется, вѣроятно, крѣпостца La Mola, на утесѣ, господствующемъ надъ Тавроменіей—Таорминой. Сл. далѣе: τοῦ Μολικοῦ χάσματος; Fazellus, l. c. I, стр. 100; Hare, l. c. стр. 402; Guido Giordani, Indice generale dei Communi del Regno d'Italia ecc. (Milano, 1883): Castel Mola (già Mola), circondario Castroreale-Messina, pretura Taormina, sezione elettorale Messina-Taormina ecc.

μεσημβρίαν τοῦ ἄγοντος τόπου. Множеству сошедшихся мужей нечего удивляться, f. 174 r. c. 2:

(IV) ἐπειδὴ πασῶν τῶν περὶ Σικελίαν καὶ Καλαβρίαν πόλεων ἡ Ταύρου καὶ Μενίας πόλις ἐντιμοτέρα ἦν καὶ ὑπερέχουσα, ἔν τε χρυσίῳ καὶ ἀργυρίῳ καὶ ἐσθῆτι καὶ λοιποῖς μεταλλικοῖς εἴδεσιν, οὐ μὴν ἀλλὰ καὶ ἐν πολέμοις [1]) ἐπιτήδειος. καὶ γὰρ πολλάκις ἐν τῷ Δυρραχίῳ πολέμους κροτήσαντες πλείους ἢ τετρακοσίας ἀνεῖλον χιλιάδας, ὥς τε γενέσθαι αὐτοὺς ὀνομαστούς. ἐκόμισαν δὲ καὶ αἰχμαλωσίαν ἐν τῇ πόλει ταύτῃ ἐκ τῆς παρατάξεως τοῦ πολέμου χιλιάδας ὀγδοήκοντα χωρὶς γυναικῶν καὶ παιδίων. Οἱ δὲ Μακεδόνιοι ἀκούσαντες ἀνδραγαθίας αὐτῶν συνήντησαν αὐτοῖς ἐν Τερεντῷ εἰς τὸ πεδίον καὶ συνήψαντες πόλεμον μετ'αὐτῶν (v. c. 1) θρασυνόμενοι ἐν ὀργῇ οὐκ ἴσχυσαν ἀντιστῆναι τοῖς περὶ Ταῦρον, ἀλλ'ἡττηθέντες ἔφυγον ἀπὸ προσώπου αὐτῶν. ἀπεβάλοντο δὲ τοῦ ἰδίου λαοῦ πλείους ἢ ἑξήκοντα χιλιάδας. οἱ δὲ λοιποὶ θεασάμενοι τὴν ἱκανότητα καὶ αὐστηρίαν τῶν Ταυρομενιτῶν, κατέλιπον τὸν ἴδιον ἄρχοντα καὶ τὸν βασιλέα ἑαυτῶν [2]) καὶ ἦλθον ἐν τῇ πόλει ταύτῃ. καὶ ἐξ ἑτέρων δὲ πόλεων πολλοὶ ἤρχοντο ἐνταῦθα διὰ πλοῦτον καὶ λοιπὴν ἱκανότητα.

Войско удаляется, напутствуемое благословеніемъ Панкратія. Между тѣмъ Элидъ, или, вѣрнѣе, Ὄνειδος, говоритъ, играя созвучіемъ, списатель житія, оказался врагомъ христіанъ: поставивъ тайкомъ въ своемъ домѣ идола Скамандра онъ (f. 176 v. c. 1) παραγίνεται πρός τινα γόητα τῶν λεγομένων Μοντανιστῶν καὶ ἤρξατο συνδιασκοπεῖν αὐτῷ περὶ ἐρωτικῶν καὶ μυθικῶν ὑποθέσεων τῆς αὐτῶν ματαίας πλάνης. Ὁ δὲ πλάνος ἐκεῖνος Μοντανὸς τοῖς πολλοῖς αὐτοῦ καὶ ἀπατηλοῖς λόγοις τελείως τὸν ἄθλιον ἀπεπλάνησεν. Оказывается, что Элидъ воспылалъ страстью къ младшей изъ двухъ сестеръ-сиротъ, которыхъ Панкратій пристроилъ при церкви; и вотъ, призвавъ къ себѣ старшую, діакониссу, онъ даетъ ей понять свою власть и указываетъ, что его связь съ сестрой, Сергіей, побудитъ и его принять христіанство. Опечаленная этимъ откровеніемъ діаконисса оповѣщаетъ Панкратія,

---

[1]) Такъ въ W, f. 326 v. b; въ синод. πολεμισταῖς.

[2]) W, f. 327 r. a: τὴν ἰδίαν βασίλειαν.

сестру и Бенедикту, а Элидъ зоветъ къ себѣ на пиръ главенствующихъ изъ монтановъ и іудеевъ; (f. 177 v. c. 1) εἰσελθόντων δὲ αὐτῶν ἐν τῷ λουτρῷ τῷ διπαγίνῳ, ἀνέπεσον εἰς τὸ μιαρὸν συμπόσιον εὐωχούμενοι ὡσαύτως καὶ αἱ τούτων ἄσεμναι θήλειαι εἰς τὸ ἕτερον τοῦ λουτροῦ μέρος, ἃς πρὸς εὐφρασίαν πλείονα καὶ διέγερσιν τῶν αὐτῶν ἀνδρῶν ἐκεκλήκει ὁ ἀνόσιος. Εὐφρανθέντες οὖν ὑπὲρ κόρον, ἤρξαντο συντυχίας ἐρωτικὰς[1]) πρὸς ἀλλήλους ποιεῖσθαι. βουλόμενοι γὰρ οἱ Ἰουδαῖοι τὴν ἀρέσκειαν τοῦ μιαροῦ πολιτάρχου εἰς πέρας ἄγειν, μάλλον αὐτὴν τὴν διαβολικὴν προεβάλλοντο χρῆσιν. οἴτε Μοντανοὶ παρενέγκαντες (c. 2) εἰς μέσον βιβλίον τῆς πορνικῆς μανίας τοὺς ἐραστὰς ἐπεκαλοῦντο δαίμονας. — Элидъ говоритъ о своей любви и рѣшеніи: либо дѣвушка отдастся ему, либо онъ забьетъ её на смерть; тѣ оправдываютъ его. Когда всѣ вышли, одинъ монтанъ говоритъ Элиду (ib): ἆρα γε, πολιτάρχα, ἀνέγνως τὸ βιβλίον τῶν ἐρωτικῶν ἐκπυρώσεων; Ὁ δὲ πρὸς αὐτόν· πολλάκις ἠθέλησα τοιούτοις[2]) ἐντυχεῖν καὶ ποιήματα στοιβισμάτων καταμαθεῖν, ἀλλ' ἡ συμφορὰ τῶν πραγμάτων (f. 178 r. c. 1) τῆς πόλεως καὶ ἡ τοῦ πατρός μου τελευτὴ οὐκ εἴασάν με εἰς τοῦτο ἐλθεῖν· ὅμως κἂν ἀπὸ τοῦ νῦν παρενεχθήτω πρός με ἡ τῶν βιβλίων τούτων[3]) συντυχία καὶ καταμάθω αὐτήν. Ὁ δὲ πονηρὸς ἐκεῖνος διδάσκαλος[4]) παρέσχεν αὐτῷ βιβλίον ἐπιφερόμενον[5]) δαιμονικοὺς ἔρωτας. εὐθὺς οὖν ἐπικαλεσάμενοι δαίμονας ὀξεῖς εἰς ὑπακοὴν παρέστησαν αὐθωρὸν τὸ ὕφος τοῦ πράγματος. ὡς γὰρ ἔλεγεν ὁ ἀπευκταῖος Μοντανός, νῦν δὲ πιστὸς καὶ εὐπειθής, ὅτι ὥςπερ Αἰθίοπες τόξα κατέχοντες καὶ βέλη οὕτως ἐφάνησαν οἱ δαίμονες, οὕςτινας ὁ ἄθλιος Ἔλιδος πρὸς τὰς ἁγίας παρθένους ἐξέπεμψεν. — Но демоны ничего не въ силахъ сдѣлать дѣвственницамъ: ангелъ, вооруженный мечемъ, отгоняетъ ихъ— и они идутъ жаловаться къ Элиду на свое безсиліе, а тотъ жалуется своимъ на мага Панкратія, увлекшаго въ христіанство любимую имъ дѣвушку. — Панкратій, Ликаонидъ и Ксантиппъ

---

[1]) W, f. 330 v. b: κατὰ Ἀφροδίτην.

[2]) W, f. 331 r. b: τοιοῦτον.

[3]) W, f. ib. v. a: τοῦ βιβλίου τούτου.

[4]) W, f. ib.: καὶ δεινότατος Μοντανός.

[5]) W, ib.: καλούμενον.

стоятъ ночью на молитвѣ; утромъ святой рукополагаетъ Ксантиппа діакономъ; вскорѣ являются и посланные отъ Элида, уводящіе связанными обѣихъ сестеръ, діакониссу и Сергію. Сергіи Элидъ говоритъ, что хочетъ на ней жениться и требуетъ, чтобы, отрекшись отъ Христа, она воскурила ѳиміамъ Скамандру. Она отказывается. Тогда онъ проситъ старшую сестру убѣдить Сергію — но она поддерживаетъ ея рѣшимость; обѣ обезглавлены, и Панкратій съ христіанами хоронитъ ихъ (f. 181 r. c. 1) εἰς τόπον λεγόμενον Βαράγδου τεῖχος [1]), гдѣ онѣ совершаютъ чудеса. — Когда святой объявляетъ вѣрующимъ въ церкви о случившемся, они изъявляютъ въ одинъ голосъ готовность сжечь (f. 181 v. c. 2) τάς τε οἰκίας καὶ τὰς τρωγλοδυσίας τῶν μιαρῶν αὐτῶν καὶ ἀκαθάρτων θεῶν [2]). Панкратій удерживаетъ ихъ; въ его присутствіи злоумышлявшіе противъ него іудеи и монтаны препираются съ христіанами, которые грозятъ имъ возвращеніемъ Вонифатія, говоря, что еслибы не вечеръ, они заперли-бы ихъ въ тюрьмы. Это наводитъ на нихъ такой страхъ, что на другое утро, забравъ женъ и дѣтей и имущество, (f. 183 r. c. 2) εἰσῆλθον διὰ τοῦ Φιλιππικοῦ εἰς τὰς σκάφεις αὐτῶν πρὸς Συρακοῦσαν ἀπαίρειν βουλόμενοι [3]). Трижды посылаетъ Панкратій увѣрить ихъ въ своихъ мирныхъ намѣреніяхъ, увѣщая остаться; возвращается лишь монтанъ — магъ, давшій Элиду волховскую книгу и становящійся христіаниномъ; Панкратій же (f. 183 v. c. 1 = W, f. 338 r. a) κατελθὼν διὰ τοῦ Μολικοῦ χάσματος εἰς τὸν τοῦ τείχους περίπατον, καὶ ἀνελθὼν ἐν τῷ βουνῷ, молится: поднялась буря и всѣ отплывшіе погибаютъ въ морѣ. — Элидъ опечаленъ, но не хочетъ слышать увѣщаній святого, который однажды говоритъ своимъ: Радуйтесь, черезъ два дня явится съ побѣдой Вонифатій. Онъ самъ встрѣчаетъ его на берегу благословеніемъ; дѣло Элида отложено

---

[1]) W, f. 334 v. b: ἐν τόπῳ ἐπιλεγομένῳ Βαράγδου τείχους.

[2]) W, f. 336 r. a: τὰς οἰκίας αὐτῶν καὶ τὰς τρωγλοδυσίας αὐτῶν (т. е. Іюдеевъ и Монтановъ).

[3]) W, f. 337 v. a: κατῆλθον διὰ τοῦ Φιλικοῦ τόπου εἰς τὰς σκαφεῖς αὐτῶν ἐμπληθέντες ἅπασαν περιουσίαν αὐτῶν σὺν γυναιξὶ καὶ παίδων καὶ τέκνοις καὶ (b) παιδίσκων, βουλόμενοι διαπλεῦσαι ἐν Συρακούσῃ.

до распущенія войска. Совершивъ въ станѣ литургію, Панкратій спрашиваетъ игемона, къ какой національности принадлежатъ его плѣнники: оказывается, что это — авары [1]), ἔθνος [2]) μιαρὸν, μηδόλως γλώσσης ἑλληνίδος [3]) μετέχον· παράκειται δὲ [4]) παρὰ τὰς τοῦ Διρραχίου καὶ Ἀθηνῶν ἐπαρχίας. Спрошенные черезъ толмача, они говорятъ: ἡμεῖς ἔθνος ἐσμὲν Ἀβαρικὸν καὶ θεοὺς σεβόμεθα παντοίων ἑρπετῶν καὶ τετραπόδων ὁμοιώματα. Σὺν τούτοις ἅπασι τῷ τε πυρὶ καὶ ὕδατι καὶ ταῖς μαχαίραις ἡμῶν σπένδομεν· ἰδόντες οὖν ἡμεῖς ἐν τῷ πολέμῳ τὰ ὅπλα ὑμῶν ἀστράπτοντα ἐν ταῖς χερσὶν ὑμῶν ὡς φῶτα λαμπάδων, ἐξέστημεν καὶ νομίσαντες ὅτι οἱ θεοὶ ὑμῶν εἰσὶ. πέμψαντες εἰς τοὺς ναοὺς ἠγάγομεν καὶ ἡμεῖς τοὺς ἐπιστημοτέρους ἡμῶν θεοὺς [5]) καὶ ἐστήσαμεν κατέναντι ὑμῶν· οἵτινες ἡνίκα ἐθεάσαντο ἔμπροσθεν ὑμῶν τὸ πῦρ προπορευόμενον, ὥσπερ κηρὸς διελύθησαν (f. 185 r. c. 2 — v. c. 1). Панкратій креститъ плѣнниковъ, ставитъ священниковъ и діаконовъ, которые расходятся по эпархіямъ вмѣстѣ съ отрядами войска; въ числѣ другихъ идетъ и списатель житія, Евагрій. Когда онъ вернулся, Вонифатій сзываетъ на площади народъ для суда надъ Элидомъ (Вонифатій возсѣдаетъ на престолѣ Тавра), который ничего не отрицаетъ и желаетъ умереть язычникомъ. Онъ казненъ.

---

[1]) Въ печатномъ текстѣ житія у Агапія (сл. выше, стр. 69) объ аварахъ сказано только: ἤφεραν δὲ καὶ σκλάβους πολλοὺς Ἀβάρους ἀπὸ τὸν πόλεμον. Извлекаемъ изъ древнеславянскаго перевода житія св. Панкратія мѣста, относящіяся къ аварамъ. Л. 73 лиц. вси авареськ ꙗзыкь зѣло скврьньнь николиже приближающесе ѿчьска и ꙗлиньска ꙗзыка. прилежеть же драчевьскыихь аѳинѣискыих ѡбластии; л. 74 об. мыи аваревьска чедь ꙗсмы и по(ч)томь бг҃ы подобиꙗ всѣхь четврѣногыихь, ѡгнь и водоу и мьче наше. видѣхомь же вь вась и все ꙗже на брани акы свѣть бльстещьсе и оужасохомьсе, и пославше вь црквища бг҃ь нашихь, вьзехомь ꙗже имѣхомь мыи бг҃ы искоуснѣише, рекьше да с нами бороуть, и прѣдь поставихомь. видѣвьшеи ти чинь браньныи и свѣтильныкы свѣтьлыни ꙗ прѣдьидоущеꙗ и свьтещесе прѣдь бранию, абиꙗ разидошесе и быше ни вь что же акы воскь ѡбониꙗвь ѡгнь и акы брьниꙗ вь водѣ.

[2]) W, f. 340 v. a: πάνυ.

[3]) l. c. τῆς πατρικῆς γλώσσης.

[4]) l. c. ταῖς τοῦ Δορχχίου καὶ Ἀθηνῶν ἐπαρχίαις.

[5]) W, f. 341 r. a: τοῦ συμμαχῆσαι ἡμῖν· καὶ προστήσαντες αὐτοὺς ἑωρακότες καὶ αὐτοὶ τὴν τάξιν τοῦ πολέμου καὶ τοὺς φωστῆρας τοὺς φαιδροὺς τοὺς προβαίνοντας καὶ διαλάμποντας ἔμπροσθεν τοῦ πολέ(b)μου, εὐθέως διελύθησαν καὶ ἐγένοντο ὡσεὶ κηρὸς ὀσφρανθεὶς πυρός.

Черезъ два года являются изъ эпархій священники, прося Панкратія прибыть къ нимъ и освятить церкви — что̀ онъ и дѣлаетъ. Голосъ свыше трижды велитъ ему поставить въ пресвитеры діакона Эпафродита (= Ксантиппа) и послать одного (f. 190 r. c. 2 = W, f. 347 v. a) τοῖς μέρεσι Τορακινέας [1]). Гдѣ это — Эпафродитъ не знаетъ, но предоставивъ себя волѣ Божіей, ѣдетъ на мулѣ. Далѣе списатель житія разсказываетъ будто-бы со словъ Эпафродита. Первую ночь онъ провелъ тамъ, гдѣ остановился мулъ; вторую у нѣкой воды (f. 190 v. c. 2): ταῦτα δὲ τὰ ὕδατα διὰ τοῦ χειμάρρου πλησίον κατέρχονται τῆς πόλεως Συρακούσης, (f. 191 r. c. 1) ὁ δὲ τόπος ἐκεῖνος Κερνήδολος ὑπὸ τῶν σοφιστῶν ὠνόμαστο [2]). На третій день онъ прибылъ на назначенное ему мѣсто, а узналъ онъ это потому, что мулъ отказывался идти далѣе; то мѣсто было (c. 2) πετρώδης. καθεσθεὶς οὖν ἐν ἑνὶ τῶν πλακωμάτων καὶ ἐξενέγκας ὅπερ ἦν αὐτῷ ὁ μακάριος Παγκράτιος δεδωκὼς ἅγιον εὐαγγέλιον, ἀνεγίνωσκε [3]) στήσας ἔμπροσθεν αὐτοῦ τὸν τίμιον σταυρόν. Въ той мѣстности властвовалъ топархъ Μελαφών (далѣе: Μελαφὼρ) [4]); святого увидѣла впервые женщина, ἧς ὁ ἀνὴρ ἦν γεηπονῶν καὶ ἔχων θεριστὰς ἐν τόπῳ λεγομένῳ Κλοζόνιν [5]). Нагрузивъ осла хлѣбами и виномъ, она направлялась къ работникамъ, когда увидѣла Эпафродита сидящаго и читающаго, остановилась и заглядѣлась. Завязывается бесѣда: онъ говоритъ ей о Богѣ, Творцѣ всего, о значеніи креста и евангелія;

---

[1]) Въ слав. переводѣ: вь страны таракыньскые земли; у Агапія: εἰς τὰ μέρη Ταρακονίας. Можетъ быть, Τυρακῖναι Стефана Византійскаго? Сл. Fazellus. De rebus siculis (ed. Amico e Statella), v. I, p. 456, прим. 10; Holm, Geschichte Siciliens im Alterthum I, p. 368, прим. къ стр. 73. Сл. Vito Amico, Dizionario topografico della Sicilia, tradotto dal latino ed annotato da G. Dimarzo (Palermo. 1855), I, 628.

[2]) W, f. 348 v. a: αὐτὰ οὖν τὰ ὕδατα κατερχόμενα ἐκπορεύονται εἰς χειμάρρου ὄνομα πλησίον τῆς Συρακουσίων πόλεως, ὃς ὀνομάζεται Κερνήδιλος ὑπὸ τῶν σοφιστῶν (Проф. Дестунисъ предлагаетъ читать: οἰκιστῶν).

[3]) W, f. 348 v. b: ἐξενέγκας τὸ ἅγιον εὐαγγέλιον ὅπερ ἦν δόσας αὐτῷ ὁ μακάριος Πανκράτιος μᾶλλον δὲ ὁ ἦν δεξάμενος ὑπὸ ἀγγέλου πρὶν ἡμᾶς κατελθεῖν κηρύξαι τὸν λόγον τοῦ Θεοῦ, ἀνεγίνωσκεν.

[4]) l. c. ἦν δὲ Μελάνφορο(ς) τοπάρχης τῶν ἐκεῖσε χωρίων.

[5]) l. c. Κλοζώνοις.

та считаетъ его самого богомъ; я такой-же человѣкъ, какъ и ты, говоритъ онъ и проситъ, въ доказательство того, дать ему хлѣба и вина: вотъ уже второй день, какъ онъ ничего не ѣлъ. Когда женщина явилась къ своимъ, мужъ упрекаетъ её, почему она такъ запоздала: работники едва не ушли съ работы. Та говоритъ о видѣнномъ: незнаемый мужъ, передъ нимъ (f. 191 v. c. 2) στῦλος ὡς ἀστραπή (f. 192 r. c. 1) καὶ ἐν ταῖς ἀγκάλαις αὐτοῦ πῦρ κατέχει, καὶ ἐκ τοῦ πυρὸς ἐκείνου λόγους ἀποφθέγγεται (=W, f. 349 v. a); она видѣла его ἐν τῷ πλακώματι Μελαφόρου [1]) πλησίον [2]) τοῦ ὕδατος (ib.). Мужъ самъ отправляется къ Эпафродиту, пораженъ чудомъ, его окружающимъ, считаетъ его богомъ; тотъ говоритъ ему о Христѣ. Оказывается, что крестьянинъ слышалъ о Немъ: одинъ изъ Его учениковъ (Маркіянъ) прибылъ въ Сиракузы, разсказываетъ онъ — и самъ желаетъ услышать благовѣстіе и принять крещеніе. Эпафродитъ соглашается: принеси только (f. 192 v. c. 1 = W, f. 350 r. b) ἄμφια καινά. Доставъ ихъ въ сосѣднемъ селеньи, онъ возвращается къ Эпафродиту, который креститъ его въ потокѣ, водрузивъ противъ него крестъ и икону Спасителя: ἐγὼ γὰρ Εὐάγριος πελέκει τὸ ξύλον εὑρὼν ἐποίησα τὴν εἰκόνα τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ ἐν [3]) αὐτῷ καθὼς ἦν ἐκτείνας τὰς ἀχράντους αὐτοῦ χεῖρας· εἶχε δὲ μῆκος τὸ ξύλον ὡσεὶ πῆχυν ἕνα (c. 2), πλάτος δὲ σπιθαμὴν μίαν. τὸ δὲ ξύλον ὑπῆρχε κυπάρισσος· ὡς οὖν ἔστη καὶ ἡγίασεν.—Крещающемуся представилось, что икона возложила руку на его голову; онъ идетъ оповѣстить своихъ работниковъ, которые, увидя его, разбѣжались: одежда неофита, въ которую онъ былъ облеченъ, показалась имъ огненной. Онъ говоритъ имъ о видѣнномъ и что сталъ христіаниномъ, и тѣ стремятся къ святому, который креститъ ихъ (ночное явленіе діавола, пытающагося ихъ застращать), жену крестьянина и его троихъ дѣтей. Новообращенныхъ онъ посы-

[1]) W, f. 349 v. b: Μελαμφόρου.

[2]) l. c. χειμάρρου.

[3]) W, f. 350 v. a: εἰς αὐτὸ ὀρθόστατον κατὰ κέλευσιν Παγκρατίου. ἦν δὲ τὸ ξύλον ὡσεὶ μίας ἥμισυ πήχης τὸ μῆκος καὶ πλάτος αὐτοῦ ὡσεὶ πιθαμῆς καὶ ἀνατόντα χειρός· τὸ δὲ ξύλον ἦν κυπάρισσος· ὡς δὲ ἔστη καὶ ἡγίασεν.

лаетъ проповѣдывать слово Божіе въ эпархіяхъ; они совершаютъ чудесныя исцѣленія, о чемъ слухъ идетъ окрестъ (f. 196 r. c. 1) ἀπὸ Μελαφόρου ἕως Πετρονίκης Παλαδίου τῆς τρυφερᾶς παραλίου καὶ ὡς κατέρχεται ἡ ἀλσότης Πλατάμου τοῦ χειμάρρου [1]). Откуда вы? спрашиваетъ народъ у посланныхъ Эпафродита, и тѣ отсылаютъ ихъ къ нему; онъ креститъ ихъ, между ними всё эллины, нѣтъ ни монтана, ни іюдея. Услышавъ о томъ сошлись и увѣровали во Христа (f. 196 v. c. 1=W, f. 355 v. a) οἱ τοπάρχαι τῶν Μαζικῶν μερῶν καὶ Λιβυτῶν [2]); лишь топархъ Мелафоръ (Μελαφώρ; W, f. 355 v. a: Μελάνφορος) былъ въ то время на островѣ Мелитѣ; вернувшись и онъ крестился. — Слухи о проповѣди Эпафродита, посланнаго Панкратіемъ, доходятъ до епископа Сиракузъ, Маркіана; онъ удивляется такому вторженію въ чужую эпархію и въ этомъ смыслѣ пишетъ Панкратію письмо. Отвѣчая, Панкратій указываетъ на повелѣніе, бывшее ему свыше, и съ этимъ письмомъ посылаетъ Евагрія. Маркіанъ былъ въ ту пору (f. 199 v. c. 1) ἔξω ἐν ταῖς δυσὶ πόλεσι τῆς παραλίου οἰκῶν ἐν ἐπισήμῳ τόπῳ ἐν ταῖς τρωγλοδυσίαις τῶν Μοντανῶν πλησίον [3]) τῆς συναγωγῆς τῶν Ἰουδαίων. Маркіану было откровеніе касательно посланничества Эпафродита, и онъ говоритъ Евагрію, что скорбитъ теперь о своемъ письмѣ къ Панкратію, и что оказалъ уже Эпафродиту нѣкую поддержку. Онъ жалуется на іудеевъ и монтановъ, f. 200 r. c. 2 ἀλλὰ καὶ

---

[1]) Нынѣ Platani, древній Lykos или Halykos? Сл. Holm, l. c. I, стр. 31—2. Сл. соотвѣтствующее мѣсто въ W, f. 354 r. b: ἀπὸ Μελανφόρου ἕως Πετρονίκης πολλὰ δὴ τοῦ τῆς τρυφερᾶς παραλίου καὶ (v. a) κατερχομένης τῆς ἀλσότης Πλατάμου τοῦ χειμάρρου; слав. пер., л. 89 об.: ѿ Мелефора мѣстьнааго старѣишины до Петроникиѥ Паладиѥвы размлаженааго приморіꙗ исходещаа до альса платамьскаго потока.

[2]) Разумѣется, быть можетъ, provincia *Lilybetana* = val di *Mazara*? Сл. Fazellus, l. c. p. 402, 405, 467; Amari, Storia dei Musulmani in Sicilia, I, p. 467. Или слѣдуетъ оставить Λιβυτῶν въ связи съ Μάζικες, Μαζίκαι, Mazaces = названіемъ народа въ Mauretania Caesariensis? Сл. Pape, Wörterbuch d. griech. Eigennamen ad. v. Μάζικες и Verba Seniorum у Migne, Patrol. lat. t. LXXIII, p. 803, 1010 и прим. на стр. 813.

[3]) W, f. 358 v. a: τῶν Ἰουδαίων τῆς βοῆς.

οἱ μηδικοὶ φαρμακοὶ τὰς μαγικὰς[1]) αὐτῶν φαντασίας τοῖς λαοῖς ἐμφανίζοντες ἐπὶ τοὺς μύθους αὐτῶν ἔτρεπον[2]). Ἔτι δὲ κατελθόντων ἡμῶν ὑπὸ δυτικαῖς τισι τρώγλαις, ἔφη πρός με· ταῦτα, τέκνον, τὰ δαιμονοστάσια ἅπερ ὁρᾷς, ἡ τῶν πονηρῶν Μοντανῶν πεποίηκε συναγωγή, ἐν οἷς ᾤκουν λεγεῶνες δαιμόνων. Но Господь проявилъ надъ ними свою чудесную силу, и весь городъ крестился; лишь немногіе остались, которыхъ діаволъ побудилъ (f. 200 v. c. 1) ὅπως ἀπελθόν(c. 2)τες ὀρύξωσιν ἔνθα τὰ τῶν Σκλάβων κεῖνται σκηνώματα περὶ ὧν οἱ παλαιοὶ συγγραφεῖς ἱστοροῦσι, καὶ ἀνεγείρωσι ναόν τε καὶ θυσιαστήριον καὶ πόλιν οἰκοδομήσωσιν ἐν μέσῳ τῶν τάφων, ὃ καὶ ποιῆσαι ἐπεχείρησαν· ἐμοὶ δὲ τῷ ταπεινῷ γέγονέ τις ἔμπνευσις τοῦ ἀπελθεῖν εἰς τὸν τόπον καὶ τοὺς ἀκαθάρτους δαίμονας καθεῖρξαι ἐν τοῖς ἐκεῖσε ἀδύτοις, ὃ καὶ πεποίηκα τῇ χάριτι τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ[3]). — По порученію Панкратія Евагрій посѣщаетъ Эпафродита, а затѣмъ вмѣстѣ съ Маркіаномъ отправляется въ Тавроменію. Панкратій отвѣчаетъ тѣмъ-же и вмѣстѣ съ Маркіаномъ ѣдетъ въ Сиракузы (архонты Гордій и Селевкъ f. 203 v. c. 2; сл. W, f. 359 v. a, и passim), гдѣ ему было прозрѣніе о калабрійскомъ властителѣ Акилинѣ, замышлявшимъ разрушить Тавроменію (f. 204 r. c. 2 = W, f. 368 v. b),

(V) περὶ Ἀκυλίνου βασιλέως τῆς χώρας Καλαβρίας, ἀπογόνου τοῦ ἑτέρου Ἀκυλίνου τοῦ λεγομένου Ἄνθονος· οὕτως γὰρ ἦν ἡ προσωνυμία αὐτοῦ, ἐπειδὴ πάντες οἱ ἐκεῖσε βασιλεῖς τὴν αὐτὴν ἐπεφέροντο προσηγορίαν[4]).

Не сказавъ никому ни слова, не посѣтивъ даже Эпафродита, котораго вызываетъ въ Сиракузы, передавъ его паству въ вѣ-

[1]) W, f. 359 v. a: καὶ διαβολικάς.

[2]) W, f. 359 v. a: ἐκτρέπουσιν. καὶ ἔτι ὀλίγον κατῆλθον ἅμα τῷ μακαρίῳ ὑπὸ δυτικαῖς τρισὶν τρώγλαις. ὁ δὲ μακάριος πρός με.

[3]) W, f. 364 v. a: ἔτι δὲ ὀλίγον ἦν ἐμπνέων ὁ διάβολος κατὰ τῆς τοῦ Χριστοῦ ποίμνης. καὶ λαβὼν ὀλιγοστοὺς ἐκ τῶν Ἰουδαίων καὶ Μοντανῶν, ἀπελθόντες ἔθαψαν ὅπου καὶ τὰ τῶν Σκλάβων ἔκειντο σκηνώματα, ἃ καὶ ἀνεγράψαντο οἱ ἱστοριογράφοι. Καὶ ἀπελθόντες ἐποίησαν θυσίαν πονηρὰν ἐν τοῖς τάφοις, οἷς καὶ ἤθελον πόλιν καὶ ναὸν ἀνοικοδομῆσαι· σκεψάμενοι οὖν τοῦ ἐγχειρίσαι, ἦλθεν μου ἐκ θείας ἀποκαλύψεως τοῦ ἀπελθεῖν ἐκεῖσε и т. д.

[4]) W. f. 368 v. b: διὸ πάντες οἱ τῶν ἐκεῖσε βασιλεῖς Ἀκυλίνου ὄνομα περιῆγον.

дѣніе Маркіана, Панкратій спѣшитъ въ Тавроменію. Вонифатій былъ на охотѣ; за нимъ посылаютъ верхомъ гонца; на другой день, собравъ народъ и причастивъ его, Панкратій готовится объявить пока лишь одному игемону о предстоящей опасности.

VI f. 205 v. c. 2 — 212 r. c. 1. На поляхъ внизу подъ вторымъ столбцемъ л. 205 об. написано: Περὶ Ταύρου καὶ Μενίας καὶ τῆς τῆς πόλεως γενέσεως [1]). «Φέρε οὖν μοι τὸν βίον Ταύρου, ὅνπερ μοι πολλάκις ἀνέγνως· ἐν ᾧ ἐμφέρεται περί τε Ῥεμίνδου καὶ Μενίας [1*]) καὶ Ἀκυλίνου βασιλέως Καλαβρίας. καὶ πῶς ἡ πόλις γέγονε, πῶς τε ὁ Ταῦρος σὺν τῇ Μενίᾳ ἐνταῦθα παρεγένετο καὶ πῶς ὑπῆρχον τὰ σύνορα [2]) αὐτῶν. καὶ ἐρῶ σοι ἐκ τῆς ἀναγνώσεως ταύτης πῶς καὶ ποίου πολέμου ἀφορμὴν λαβὼν [3]) ὁ ἀπόγονος Ἀκυλίνου ἐνταῦθα παραγίνεται. ζητῆσαι γὰρ βούλεται τοῦ ἀρχαίου πολέμου τὴν ἐκδίκησιν». Ὁ δὲ Βονιφάτιος ἀποστείλας ἤνεγκε [4]) τὸ βιβλίον. ὅπερ λαβόντες εἰσήλθομεν ὁμοῦ εἰς τὸ εὐκτήριον, ὅ τε μακάριος Παγκράτιος καὶ Βονιφάτιος κἀγὼ σὺν αὐτοῖς. καὶ εὐθέως προετρέψαντό [5]) με ἀναγνῶναι. ὡς δὲ ἀνέγνων λόγους διαφόρους [6]) καὶ τρόπαια πολεμικά, λέγει πρός με ὁ μακάριος· περὶ Ταύρου καὶ Ἀκυλίνου καὶ τοῦ μεγάλου αὐτῶν πολέμου ἀνάγνωθι, τέκνον (f. 206 r. c. 1). Τότε ἀναπτύξας εὗρον τὸ κεφάλαιον περὶ τῶν τερμόνων Ἀκυλίνου καὶ Ῥεμίνδου καὶ ὁποίους ἕκαστος αὐτῶν κατεῖχον τόπους καὶ ποίους πολέμους κατώρθωσαν [7]). καὶ φησιν·

Ῥέμινδος καὶ Ἀκυλῖνος οἱ βασιλεῖς ἦσαν ἐν ἰνδικτιῶνι τῆς ἐτῶν [8])

---

[1]) W, f. 370 r. b — 376 r. b. Inc. Τέκνον, ἔνεγκαί μοι τὸν βίον Ταύρου; Crypt. Ferr. f. 140 a: ἔνεγκέ μοι.

[1*]) Crypt. Ferr. f. 140 a: περὶ Ῥεμάλδου καὶ Μενείας; такъ и далѣе.

[2]) W, f. 370 r. b: κατεῖχον τὰ συνόρια; Crypt. Ferr. f. 140 a id.

[3]) W, l. c. ποίῳ πολέμῳ ἀφορμὴν λαβὼν θελει παραγενέσθαι ἐνταῦθα; Crypt. Ferr. f. 140 a: ποίῳ τρόπῳ ὁ πολέμιος ἀφορμὴν λαβὼν θέλει παραγενέσθαι.

[4]) W, ibid. τάχιστα οὖν ἐκπέμψας ὁ Β. παρηνέχθη ἡ βίβλος; Crypt. Ferr. f. 140 a: то-же (πέμψας).

[5]) W, l. c. προετρέψαντο, Crypt. Ferr. f. 140, b. id.; синод. προσετρέψαντο.

[6]) W, f. 370 r. b: διαφόρους λόγους καὶ πολεμικὰ, λόγους μὲν (f. 370 v. a) μυθικοὺς, πολέμους δὲ ἀμυθήτους, λέγει; Crypt. Ferr. f. 140 b: διαφόρους πολέμους καὶ πολεμικὰ πολλά, λόγους μὲν и т. д.

[7]) W, l. c. ποίους πολέμους κατ᾽ἀλλήλων ἐκρότουν; Crypt. Ferr. f. 140 b ἐκρότουν.

[8]) Син. αὐτῶν; W, l. c. ἐδίκτῳ, ἑαυτῶν; Crypt. Ferr. f. 140 b: ἐν ἰνδίκτῳ τῆς τῶν ἐτῶν ἀρχῆς.

ἀρχῆς οὕτως διακατέχοντες· ἀπὸ πελάγους [1]) τῆς παραλίας Καλαβρίας [2]) καὶ ὡς κατέρχεσθαι [3]) διὰ Ῥιγίου τόπου χρυώδους οὕτω καλουμένου καὶ Πελούρου τὸ ἀνανεῦον [4]), καὶ Κάστρου [5]) τοῦ Παλαιοῦ [6]) καὶ Τραφικῆς καὶ Τουρικοῦ [7]) ὕδατος Ἐπταδέλθου δὲ Κάρου [8]) τὰς ὑψηλάς, καὶ ἕως τῆς [9]) παραλίας τῶν Σαλινῶν [10]) πάντα ταῦτα κατεῖχεν ὁ Ῥέμινδος. Ὁ δὲ Ἀκυλῖνος ἦν καὶ αὐτὸς κατέχων τόπον πολὺν καὶ λαὸν καὶ πόλεις ὀχυρὰς ἀπὸ τῆς αὐτῆς παραλίας ἕως Πριωνικῶν ὀρέων καὶ Σιλανικῶν [11]) καὶ ἕως πόλεως Ταραντοῦ καὶ ὡς κατέρχεται μέχρι Κογχύλου ποταμοῦ [12]). Ὁ μέντοι Ῥέμινδος ὀλιγοστὸς ἦν πρὸς Ἀκυλῖνον ὥστε καὶ φόρους αὐτῷ τελεῖν. Ὁ δὲ Ἀκυλῖνος μὴ προσχὼν τοῖς φόροις [13]) Ῥεμίνδου καὶ τοὺς τόπους καθαρπάζειν ἐβούλετο [14]) καὶ τὸν πλοῦτον καὶ τοὺς ἄνδρας [15]) σὺν Μενίᾳ τῇ σοφῇ καὶ

---

1) W, l. c. πελάγου.

2) Принято чтеніе W, l. c.; въ синодальномъ: Ἀδρία

3) W, Crypt. Ferr.: синод. κατέρχεται.

4) W, l. c., Crypt. Ferr.; синод.: καὶ ὄρος οὕτω καλούμενον Πελούρον τῶν ἀνέων (?).

5) Такъ въ W, l. c. и Crypt. Ferr.; въ синодальномъ: Καστόρου.

6) М. б. Palecastrum?

7) Син. W. του ῥοικοῦ; Crypt. Ferr. f. 140 b: τυρικοῦ; слав. турьскыѥ воды.

8) W, l. c. Κάρρου.

9) W, l. c. τῆς αὐτῆς.

10) W, l. c. Σαλινῶν, καὶ ἅπαντα διεκατεῖχεν ὁ ποτὲ Ρ. ἦν δὲ τὸ γένος ἔθνους ξανθοῦ, εὐμήκης καὶ πάνυ δυνάστης. Ὁ δὲ Ἀ. ἦν καὶ αὐτός.

11) W, 370 v. b, Crypt. Ferr. f. 140 b: Σιλονικῶν, синод. Σολινικῶν. Разумѣется, вѣроятно, горный хребетъ Sila.

12) W, l. c. ἕως Τηροπόλεως καὶ χειμάρρου Κογχύλου. Въ оригиналѣ оба города могли быть упомянуты рядомъ, какъ далѣе: ἕως χειμάρρου Κογχύλου καὶ Ταραντοῦ καὶ τῶν ὁρίων Τηροπόλεως. = Tiriolo? Привожу весь этотъ географическій эпизодъ по ркп. Crypt. Ferr. f. 140 b: ἀπὸ Σαλίνων καὶ ἀνωτέρω τῆς Καλαυρίας καὶ κατέρχεσθαι διὰ Ρυγίου τόπου χρυόδους οὕτω καλουμένου καὶ Πελλούρου τὸ ἀνανεῦον καὶ Κάστρου τοῦ Παλαιοῦ καὶ Τραφικῆς καὶ Τυρικοῦ ὕδατος Ἐπταδέλφου δὲ Κάρου τὰς ὑψιλάς, καὶ ἕως τῆς αὐτῆς παραλίας τῶν Σαλινῶν ἅπαντα ταῦτα διακατεῖχεν ὁ ποτὲ Ῥέμαλδος· ἦν δὲ τὸ γένος ἔθνους ξανθοῦ, εὐμηκῆς καὶ πάνυ δυνάστης. Ὁ δὲ Ακυλίνος ἦν καὶ αὐτὸς πάνυ πλῆθος τόπων καὶ λαῶν διακατέχων καὶ πόλεις ἰσχυράς, ἀπὸ δὲ τῆς Καλαυριάς ἕως Πριονικῶν ὀρέων καὶ Σιλονικῶν καὶ ἕως Τυροπόλεως χειμάρρου καὶ Κογχίλου. Сл. соотвѣтствующее мѣсто въ славянскомъ переводѣ, Приложеніе, стр. 69—70.

13) W, l. c. τῶν φόρων; Crypt. Ferr. f. 140 b: id.

14) W, l. c. ἤθελεν; Crypt. Ferr. l. c. ἔθελεν.

15) W, l. c. αὐτοῦ σὺν Μενίᾳ τῇ μεγάλῃ τῇ φαιδρᾷ (синод. σφοδρᾷ) τε καὶ σοφῇ. Ἦν δὲ καὶ αὐτὴ Μακεδόνισσα. Crypt. Ferr. l. c. id.

μεγάλῃ καὶ φαιδρᾷ (c. 2). Ἦσαν δὲ ὁ μὲν Ῥέμινδος τῷ γένει ἔθνους ξανθοῦ εὐμήκης τε καὶ σφόδρα δυνάστης· ἡ δὲ Μενία Μακεδόνισσα μὲν τῷ γένει τὴν δὲ ἄνω πρόνοιαν σεβομένη καὶ εἰς βοήθειαν ἐπικαλουμένη. Συχνοτέρους τοιγαροῦν πολέμους πρὸς ἀλλήλους συνέβαλον ὅ τε Ἀκυλῖνος καὶ Ῥέμινδος. — Ἡ δὲ τοῦ Ταύρου γένεσις τοιαύτη τίς ἐστιν· Ταῦρος οὖν οὗτος ὁ πολὺς ἐν σαρκικῇ δυνάμει Χαναναῖος ἦν τῷ γένει καὶ ἐν τοῖς αὐτοῖς ὁρίοις ἐτέχθη τοῦ Χάμ, ἀπόγονος δὲ τοῦ Νεβρὼδ ἐκείνου, λέγω τοῦ Νεβρὼδ τοῦ ἐν τῇ Γενέσει ἐμφερομένου. Οἱ οὖν ἱστορικοὶ δεκάτην [1]) γενεὰν εἶναι τοῦ Νεβρὼδ τὸν Ταῦρον ἱστοροῦσιν· Ἀνελθόντες δὲ οἱ μονόζωνοι Συρίας, ἐπολιόρκησαν μίαν τῶν πόλεων Χὰμ καὶ κατελάβοντο αὐτὴν [2]) καὶ λαβόντες τὴν αἰχμαλωσίαν ἤγαγον εἰς Συρίαν. ἦν δὲ καὶ ὁ Ταῦρος σὺν τῇ ἑαυτοῦ μητρὶ ἐν τῇ αἰχμαλωσίᾳ ὢν ὡσεὶ ἐτῶν πεντεκαίδεκα. [3]) ὅτε οὖν ἦλθεν ἡ προνομὴ εἰς διαμερισμὸν καὶ προνομὴν τοῖς ἄρχουσιν, ἤχθη καὶ ὁ Ταῦρος εἰς μέσον (f. 206 v. c. 1). ὁ δὲ διανομεὺς τοῦ ἐξισασμοῦ ἰδὼν τὸ παιδάριον πάνυ ὡραῖον, ἔλαβεν αὐτὸ σὺν τῇ μητρὶ λαθραίως καὶ τοῖς ἰδίοις δούλοις συνέταξεν. γνοὺς δὲ ὁ ἄρχων [4]) τὸ γεγονὸς ἀηδῶς πρὸς αὐτὸν εἶχεν ὡς πίστιν μὴ φυλάξαντα. Ναύκληρος δέ τις ἐκ τῆς μεγαλοπόλεως Ῥώμης ὑπάρχων καὶ ἐν τῇ Συρίᾳ τότε τὰς ἰδίας ποιούμενος πραγματείας, ἐρωτήσας τὸν ἄρχοντα εἰ ἔξεστιν δόντα τὴν τιμὴν ὠνήσασθαι τὸν Ταῦρον, ἐπέτρεψεν ὁ ἄρχων τοῦτο γενέσθαι. καὶ δεδωκὼς ὁ ναύκληρος τριάκοντα χρυσίνους ζαχευτοὺς [5]) ὠνήσατο τὸν Ταῦρον σὺν τῇ μητρί. καὶ ποιήσας τὰς λοιπὰς αὐτοῦ πραγματείας, ἐξέπλευσεν ἀπὸ Συρίας ἐλθεῖν ἐν Ῥώμῃ. πνεύσαντος δὲ λιβὸς ἀνέμου, οὐκ ἴσχυσε κατὰ τοὺς Ἰταλικοὺς διαπλεῦσαι κόλπους, ὅθεν ἐξ ἀνάγκης κατήχθη εἰς Ῥίγιον [6]), ἵνα διὰ τοῦ στενωποῦ Φάρου ἐκπλεύσῃ. τῶν

---

[1]) W, f. 370 v. b: ὃν οἱ ἱστοριόγραφοι ὑπεγρά(f. 371 r. a)ψαντο αὐτὸν εἶναι δεκάτην; сл. Crypt. Ferr. f. 141 a.

[2]) W, l. c.; синод. — αὐτόν.

[3]) W, l. c. ὅτε οὖν ἐξῆλθεν ἡ προνομὴ διασπαρῆναι ἐν τοῖς ἄρχουσιν, ἦλθεν καὶ Ταῦρος εἰς μέσον· ὁ δὲ μονοδότης τοῦ ἰσασμοῦ ἰδὼς; Crypt. Ferr. l. c. id.

[4]) W, l. c. ἀρχιάρχων; Crypt. Ferr. l. c.: Ἀχὴρ ὁ ἄρχων; слав. т. (сл. приложенія стр. 70): арьхиръ кнезь.

[5]) W, f. 371 r. b: ζαχευτούς; синод. γαζευτούς, Crypt. Ferr. l. c. χαζευτούς.

[6]) W, l. c. ἐν Ῥιγείω; Crypt. Ferr. f. 141 b.: ἐν Ρυγίῳ.

δύο γὰρ πελάγων τὸ μαγικὸν ἐν αὐτῷ[1]) ἐστιν ὅπερ οἱ γεωμέτραι στενωπὸν (c. 2) κεκλήκασιν. ὅταν γὰρ ἀνάκλασις τοῦ σάλου αὐτοῦ γένηται, τίς ὑποστήσεται τὰς τρικυμίας αὐτοῦ; κατάξας[2]) τοιγαροῦν ὁ ναύκληρος[3]) ὡράθη ὑπὸ τῶν Ῥεμίνδου ὑπασπιστῶν. οἱ καὶ ἐθαύμασαν ἰδόντες τὸ κύτος τῆς νηός, καὶ πέμψαντες πρὸς Ῥέμινδον ταχυδρόμους ἐδήλωσαν αὐτῷ περὶ τοῦ πλοίου. ὁ δὲ ἐλθὼν καὶ προσεγγίσας τῇ σκάφῃ λέγει· Χαῖρε τύχη τοῦ πλοίου, καλός σου ὁ φόρτος. Καὶ ὁ ναύκληρος σὺν τοῖς ναυτικοῖς ἀπεκρίνατο· Χαίροις καὶ αὐτός, τοπάρχα, καλῶς τὰ κατὰ σὲ διοικοῦνται, ἡ πρόνοια τῶν θεῶν διαφυλάξει σε. Καὶ ὁ Ῥέμινδος ἔφη· Τίς ὁ φόρτος τῆς νηός; Οἱ δὲ ναῦται λέγουσιν· Εἴ τι δ'ἂν βούλῃ, πάντα γὰρ ἀγαθὰ ἔχομεν. ἦν δὲ ὁ Ταῦρος ζαγρῶς περιπατῶν ἐν τῷ περιστρώμνῳ τοῦ πλοίου, ὃν θεασάμενος ὁ Ῥέμινδος ἔφη πρὸς τὸν ναύκληρον· Τίς ἐστιν ὁ νεανίας οὗτος; Καὶ ὁ ναύκληρος· Ὁ δοῦλός σου, ὠνησάμην αὐτόν. Καὶ ὁ Ῥέμινδος (f. 207 r. c. 1)· Δός μοι τὸ παιδάριον. Καὶ εὐθέως δεδωκὼς ἑξήκοντα χρυσίνους ὠνήσατο τὸν Ταῦρον σὺν τῇ ἰδίᾳ μητρί· φιλοτιμήσας δὲ αὐτοὺς οἴνῳ καλλίστῳ καὶ παντοίαις διατροφαῖς ἔφη· Ὁπηνίκα εὔθετος ὁ πλοῦς τοῦ στενωποῦ γένηται, ἐκπλεύσατε ὑγιαίνοντες. ἦν γὰρ πονηρὸς ὁ διάπλους ἀπὸ τῆς πολυκυμίας στοιχιζόμενος. γενομένου δὲ αἰσίου τοῦ πλοὸς διέπλευσεν ἡ ναῦς. Ὁ δὲ Ῥέμινδος λαβὼν τὸν Ταῦρον σὺν τῇ μητρὶ ἀπεκόμισεν ἐν τῇ ἐπαρχίᾳ Σαλινῶν εἰς τὰ ἴδια. ἡ οὖν γυνὴ αὐτοῦ θεασαμένη τὸν Ταῦρον εἶπεν· Οἶδεν ἡ ἄνω πρόνοια ὅτι καλὸν τὸ παιδάριον ὅπερ ὠνήσω, κύριέ μου ἄνερ. ἡ δὲ Μενία ἦν ὡσεὶ ἐτῶν ὀκτωκαίδεκα[4]), φρόνιμος δὲ λίαν καὶ σοφή. ὡς δὲ εἶδεν τὴν μητέρα Ταύρου, ζηλοτυπήσασα μήπως Ῥέμινδος ἡδονήν τινα ἐργάζηται ἐν αὐτῇ, δοῦσα αὐτῇ φάρμακον ἀνεῖλεν αὐτήν. ἑωρακὼς οὖν ὁ Ταῦρος τὴν τελευτὴν (c. 2) τῆς ἑαυτοῦ μητρός, χολωθεὶς νοσήματι περιπέπτωκεν, ὡς λέγειν πάντας ὅτι ὁ παῖς ὁ Χαναναῖος τελευτᾷ. Καὶ Ῥέμινδος τέθλιπται δι' αὐτόν. ἡ δὲ Μενία λαβοῦσα κλίνην καὶ στρωμνὴν ἁπαλήν, ἀνήνεγκε τὸν Ταῦρον ἔν τινι ὑπερῴῳ

---

[1]) W, l. c. τῷ τόπῳ; Crypt. Ferr. l. c. id.

[2]) W, l. c.; синод. κατέξας.

[3]) W, l. c. ὁ ναύκληρος ἐν ἐπισήμῳ τόπῳ; Crypt. Ferr. l. c. id.

[4]) W, f. 371 v. b: πάνυ δὲ παλαιὰ τὸ φρονήματι καὶ σοφή; Crypt. Ferr. f. 142 a, id.

ἔχουσα μεθ' ἑαυτῆς δύο παιδίσκας. Καὶ λαβοῦσα τὴν κεφαλὴν τοῦ παιδὸς καὶ ἐπὶ τὸν ἴδιον ἀναβιβάσασα κόλπον περιεπτύσσετο λέγουσα· Μὴ οὕτως, παιδάριον, ἀθύμει καὶ λυποῦ, εἰ γὰρ καὶ ἡ μήτηρ σου κεκοίμηται,[1]) ἀλλ' ἐγὼ νέα καὶ σὺ παιδάριον, Ῥέμινδος δὲ προβαίνει ἡμᾶς. ταῦτα καὶ ἕτερά τινα πρὸς αὐτὸν ἡ Μενία λαλήσασα, ἤρθη ἡ μνήμη τῆς μητρὸς Ταύρου ἐκ τῆς καρδίας αὐτοῦ καὶ προσεκολλήθη τῇ Μενίᾳ καὶ εὐθέως ᾐτήσατο φαγεῖν [2]). ἡ δὲ Μενία, καρύκευμα ἐκ τρυφεροῦ ἐρίφου ποιήσασα, ἐπέδωκεν αὐτῷ, καὶ [3]) ἐνίσχυσε καὶ ἀνέστη ἀπὸ τῆς ἀρρωστίας αὐτοῦ. Ὁ δὲ Ῥέμινδος ὁρῶν τὸν παῖδα σχῆμα ἀνδρίας περικείμενον [4]), ἀπέδοτο αὐτὸν ἐν τοῖς στρατεύμασι (f. 207 v. c. 1) διδάσκεσθαι μεταποιεῖν τὰς καθέδρας τῶν ἵππων· καὶ ἐπὶ πέντε ἑτέρους χρόνους ἐγένετο ὁ Ταῦρος ἀνὴρ εὐμήκης καὶ εὔρωστος τῇ ἡλικίᾳ, ποικίλα [5]) ἤθη καὶ πράξεις ποιούμενος, ἔν τε πολεμικοῖς τοξεύμασι καὶ λίθων βολαῖς καὶ ἐν ἄλλοις τισὶν ἀνδραγαθήμασιν, ὡς λέγειν Ῥέμινδον ἀναψυχὴν [6]) εὑρηκέναι τὸν παῖδα τοῦτον ὑπὲρ πάντας τοὺς παῖδας αὐτοῦ. Ὁ δὲ Ἀκυλῖνος γνοὺς τὴν ἀνδρίαν αὐτοῦ τὴν ἐν πολέμοις ἐπειρᾶτο μαθεῖν παρά τινων καί φησιν· Πόθεν ὁ παῖς ὁ εὐφυὴς ὁ προπορευόμενος Ῥεμίνδῳ, ὃς δίκην γίγαντος τόξον τείνει καὶ λίθον βολίδι βάλλει; Οἱ δὲ εἶπον· Ἐκ Συρίας ὠνήσατο αὐτόν. Οὕτως μὲν οὖν ὁ Ταῦρος παρὰ πάντων ἐθαυμάζετο [7]) διὰ τὴν πολλὴν αὐτοῦ ἰσχύν. τὸ γὰρ τόξον αὐτοῦ οὐδεὶς ἠδύνατο τεῖναι, τὰ δὲ βαστάγματα ἅπερ μετὰ κόπου ἕτεροι ἐπὶ τῶν ὤμων ἐπεφέροντο, αὐτὸς ῥαδίως ἐν μιᾷ χειρὶ ἐβάσταζεν· οὐ μόνον δὲ τὴν ἰσχὺν εἶχεν, ἀλλὰ καὶ σοφὸς ἦν καὶ τροπαιοῦχος (c. 2)· πολλάκις γὰρ τῶν ὄχλων εἰς τὰ συμπόσια τῶν ἑαυτῶν θεῶν συναθροιζομένων καί τισι παραβολαῖς καὶ δυσλήπτοις νοήμασι πρὸς ἀλλήλους κεχρημένων, οὐχ' εὑρίσκετο ὅμοιος Ταύρου ἔν τε ἰσχύϊ καὶ παραβολαῖς μυθικαῖς. συνῆλθον

---

[1]) W, l. c. ἐγὼ ἀντὶ μητρός σοι γενήσομαι, κἀγὼ νέα καὶ σὺ παῖς; сл. Crypt. Ferr. f. 142 a.

[2]) W, f. 372 r. a: καὶ πιεῖν; Crypt. Ferr. l. c. id.

[3]) W, l. c. λαβὼν ἔφαγεν καὶ; Crypt. Ferr. l. c id.

[4]) W, l. c. σχήματα ἀνδρείας περιβεβλημένον; Crypt. Ferr. l. c. id.

[5]) W, l. c. (вм. ποικίλα) πάνυ δὲ; Crypt. Ferr. f. 142 b. id.

[6]) W, l. c. ἀναψυχήν, Crypt. Ferr. l. c. id.; синод. ἀναψυχή.

[7]) W, f. 372 r. a: παρὰ πᾶσιν ἐθαυμάσθη; Crypt. Ferr. l. c. id.

τοίνυν ἐν μιᾷ πλήθη βοῶν ἐν τῷ λεγομένῳ Σαλινικῷ ὕδατι ἐν οἷς ὑπῆρχον ταῦροι δωδεκαετεῖς ἄγριοί τε καὶ ἀνήμεροι, οἷς πώποτε οὐκ ἐτόλμα τις προσεγγίσαι. διεγερθεὶς δὲ ὁ Ταῦρος ἔμπροσθεν πάντων, ἐκράτησε τὸν ὑπερμεγέθη καὶ ἀγριώτερον πάντων καὶ δήσας σχοινίῳ ἐκρέμασεν ἐν τῇ μιᾷ αὐτοῦ χειρί, ὥςτε καὶ ἐκ τούτου ὀνομαστὸν γενέσθαι τὸν Ταῦρον καὶ οἷον ἕτερον οὐκ ἦν ἐν ταῖς ἡμέραις ἐκείναις εὑρεῖν. αὕτη οὖν ἡ φήμη τῆς ἀνδρίας Ταύρου. τοιοῦτος δὲ ὢν οὐδέποτε ἀφροδισίᾳ συνεμίγη, οὐδὲ ἠτήσατο κοίτην γυναικός· τῆς γὰρ ἑαυτοῦ ἰσχύος ὁ σοφὸς[1]) τὴν λαγνείαν ἐν ταῖς γραφικαῖς ἱστορίαις εὕρισκεν ἐπίβουλον.

Ἐν δὲ ταῖς ἡμέραις ἐκείναις παραγίνεται Ἀκυλῖνος ἐκπορθῆσαι τοὺς περὶ Ῥέμινδον (f. 208 r. c. 1), καὶ ἦν ἀγὼν πολὺς ἐν αὐτοῖς τὸ πῶς Ἀκυλίνῳ ἀπαντήσωσιν. ἡ δὲ σοφὴ Μενία λαβοῦσα τὴν ἑαυτῆς περιουσίαν ἀπέκρυψεν ἑαυτὴν ἔν τινι τόπῳ. Ῥέμινδος δὲ λαβὼν τὸν ἑαυτοῦ λαὸν ὀλιγοστὸν ὄντα πάνυ πρὸς τὸ τοῦ Ἀκυλίνου πλῆθος, ἐξῆλθεν εἰς συνάντησιν αὐτοῦ ἔχων καὶ τὸν Ταῦρον μεθ' ἑαυτοῦ. Ὅτε οὖν συνῆψαν τὸν πόλεμον, στραφεὶς ὁ Ταῦρος ἀπὸ Ῥεμίνδου τοῦ πλῆξαι τινὰ τῶν ὑπεναντίων, πέπτωκεν ὁ Ῥέμινδος καὶ τέθνηκεν. Ὁ δὲ Ταῦρος ἐπιστραφεὶς καὶ τὸν ἑαυτοῦ κύριον πεπτωκότα καὶ πεπληγμένον θεασάμενος, κύψας ἔλαβε τὸ δακτύλιον τῆς χειρὸς αὐτοῦ καὶ ἐπιβὰς ἵππῳ ταχυτάτῳ ἔφευγεν. Οἱ δὲ ὑπενάντιοι κατεδίωκον ὄπισθεν αὐτοῦ. αὐτὸς δὲ ὑποστρέψας ἀνεῖλεν ἐξ αὐτῶν ὡσεὶ τριάκοντα ἄνδρας, καὶ οὕτως οἱ λοιποὶ πτοηθέντες ἀφῆκαν πορεύεσθαι. Ὁ δὲ ἐλθὼν ἔνθα ἦν ἡ Μενία κρυπτομένη, ἀνήγγειλεν αὐτῇ ὅτι «Ῥέμινδος ὁ κύριός μου πληγεὶς ἐν τῷ πολέμῳ ἐτελεύτησεν». ταῦτα ἀκούσασα διέρρηξε τὸν ἑαυτῆς χιτῶνα (c. 2) ἀπὸ ἄνωθεν ἕως κάτω καὶ [ἐπὶ]τὴν κεφαλὴν κόνιν καταπάσασα, ἐκάθητο πενθοῦσα. προσελθὼν δὲ ὁ Ταῦρος ἤρξατο λέγειν· ὦ κυρία μου σοφὴ Μενία, διὰ τί οὕτως ὀδύρῃ καὶ τὴν καρδίαν σου ἡ λύπη πεπλήρωκεν; οὐχὶ ἡ σὴ παράκλησις τοῦ ἱερογέρου με ἀνέστησε καὶ μνήμην μητρός μου ἀπήλειψεν; οὐχὶ σὺ εἴρηκάς μοι ὅτι «κἀγὼ νέα καὶ σὺ παιδάριον, καὶ Ῥέμινδος προβεβηκώς»; ἡ δὲ Μενία ὑπόμνησιν λαβοῦσα τῶν παρ' αὐτῆς πάλαι ῥηθέντων κατεστάλη ἐκ τῆς προλαβούσης ὀδύνης καὶ φησιν· Οὕτως ἔχει,

[1]) W, l. c., Crypt. Ferr. f. 143 a. id.: ὡς σοφος.

παιδάριον, καὶ γὰρ προβεβηκὼς ἦν Ῥέμινδος. Τότε ὁ Ταῦρος πρὸς τὴν ἑαυτοῦ κυρίαν ἔφη· Δός μοι τὴν σωληνωτὴν ζώνην τοῦ κυρίου μου καὶ τὴν ἁπλῆν μάχαιραν καὶ τὴν ἀσπίδα τὴν χειμευτὴν καὶ τὸ δόρυ αὐτοῦ τὸ μαγευτόν. ἡ δὲ ἐξενέγκασα δίδωσιν αὐτῷ πάντα. καὶ λέγει Ταῦρος· Ἄσπασαί με, κυρία μου Μενία, ὅτι τὸ αἷμα Ῥεμίνδου τὸ ἐκχυθὲν σήμερον ἐπὶ τὴν γῆν ἐκδικῆσαι πορεύομαι (f. 208 v. c. 1) εἰς Ἀκυλῖνον τὸν κύνα, καὶ συντρίψω αὐτὸν ἐν λιθοβολίδι. ἡ δὲ ἀσπασαμένη αὐτὸν λέγει· Ἄπελθε, ἡ ἄνω πρόνοια συμμαχήτω σοι. σκοπῷ δὲ τὸν πόλεμον κρότησον, μήπως καὶ σὲ Ἀκυλῖνος ἀποκτείνῃ. τότε ἔγνω ὁ Ταῦρος φίλημα γυναικὸς ἐν τῷ ἑαυτοῦ στόματι [1]). συναθροίσας δὲ τοὺς περιλειφθέντας ἐκ τοῦ πολέμου ἄνδρας ὡς ἑξάκις χιλίους, λέγει αὐτοῖς· Ἀπέλθωμεν πρὸς Ἀκυλῖνον.[2]) οἱ δὲ ἀπεκρίναντο· Καὶ τί ποιήσομεν ἑξακισχίλιοι ἄνδρες πρὸς ὀγδοήκοντα χιλιάδας; Καὶ ὁ Ταῦρος ἔφη· Τοῦτο πάντως κἀκεῖνοι λογίζονται ὅτι τε ὀλιγοστός ἐστιν ὁ λαὸς ἡμῶν καὶ ὅτι [3]) ἀπέθανε Ῥέμινδος καὶ οὐ μὴ παραγένωνται πρὸς ἡμᾶς ἐν ἀμεριμνίᾳ ὄντες. εὑρήσομεν οὖν αὐτοὺς ἀναπεσόντας ἐν ἑνὶ τόπῳ [4]) καὶ ποιήσομεν εἰς αὐτοὺς εἴ τι δ' ἂν βουληθῶμεν. Καὶ οἱ ἄνδρες εἶπον (c. 2)· Καλῶς εἴρηκας, Ταῦρε, ἀλλὰ τίς ἡμῖν ἄρξει καὶ τὰ πολεμικὰ τῆς τύχης ἐμβάλλει; Καὶ ὁ Ταῦρος ἔφη· Πάντες ὑμεῖς πολέμου πεῖραν ἔχετε, εἰ δὲ βούλεσθε, ἄρχομαι ὑμῖν ἐγὼ καὶ τὴν τύχην τοῦ πολέμου ἐπιδίδωμι. Καὶ οἱ ἄνδρες εἶπον· Σὺ μέν, ὦ Ταῦρε, εἰ καὶ τὴν ἰσχὺν περίκεισαι, [5]) ἀλλ' οὖν ἄπειρος εἶ πολέμου καὶ τύχην δοῦναι οὐκ ἐπίστασαι. Καὶ ὁ Ταῦρος ἔφη· Πειράσατέ με, κἀγὼ πρόθυμος γενήσομαι ἐν τῷ πολέμῳ [6]) πλὴν ὡς ἂν διαστήσω ὑμᾶς· καὶ

---

[1]) W, f. 373 r. a: φιλίαν γυναικὸς ὡς μονον ἐν τῷ στόματι ἤγγισεν; Crypt. Ferr. f. 143 b: φίλημα γυναικὸς ὡς μόνον ἐν τῷ στόματι ἤγγισεν.

[2]) W, l. c. Οἱ δὲ ἄνδρες πρὸς αὐτόν· Καὶ τί ποιήσωμεν; Ὁ δὲ Τ. πρὸς αὐτούς· Πολεμήσωμεν. Καὶ οἱ ἄνδρες πρὸς αὐτόν· Καὶ τί ποιήσωμεν ἑξάκις χίλιοι. Crypt. Ferr. l. c. id.

[3]) W, f. 373 r. b: Μάλιστα ὅτι ἀπέθανεν Ρ. καὶ ἔφυγεν ὁ λαὸς καὶ οὐ μή; Crypt. Ferr. l. c. id. (этимъ ограничиваются доставленныя мнѣ выписки изъ криптоферратскаго текста).

[4]) W, l. c. ἐν ἑνὶ τῶν ποϊκῶν τόπων.

[5]) W, l. c. ἐπεὶ παιδάριον εἶ, πεῖραν πολέμου καὶ τύχην μὴ ἐπιστάμενος δοῦναι.

[6]) W, l. c. καὶ ὡς διαστήσω ὑμᾶς, οὕτως ποιήσατε, ὁ καὶ εὑρήσετε νίκην ἐκφέρων.

εὑρήσετε νίκην, εὖ οἶδα. Τότε ἐξῆλθον οἱ ἄνδρες σὺν αὐτῷ καὶ ἦλθον ὡς ἀπὸ σταδίου ἑνὸς οὗ ἦν Ἀκυλῖνος. Λέγει οὖν ὁ Ταῦρος τοῖς ἀνδράσιν· Χωρίσατε ἑαυτοὺς δεξιὰ τρισχίλιοι, καὶ ἀριστερὰ τρισχίλιοι, καὶ οἱ μὲν τὴν ὀρεινὴν διακρατήσατε, οἱ δὲ τὴν παραλίαν, ἐγὼ δὲ μονώτατος διασκοπήσω τί διαπράττονται οἱ περὶ Ἀκυλῖνον. Καὶ ἐπορεύθη ὁ Ταῦρος μόνος, γενόμενος δὲ πλησιέστερον (f. 209 r. c. 1), ὁρᾷ πηγὴν καὶ ἄνδρας ἓξ φυλάσσοντας τὴν βάσιν τοῦ πολέμου. Καὶ ἐπιπεσὼν αὐτοῖς λαθραίως (ἀ)σπασάμενος τὴν ἑαυτοῦ μάχαιραν τοὺς μὲν τρεῖς ἀπέκτεινεν, τοὺς δὲ ἄλλους δήσας ἤνεγκε πρὸς τοὺς ἑξάκις χιλίους ἄνδρας. Οἳ καὶ ἐθαρσοποιήθησαν ἐκ τούτου. εἰ γὰρ μὴ τοῦτο ἐγεγόνει, οὐκ ἐπείθοντο τῷ Ταύρῳ. Οἱ οὖν κρατηθέντες τρεῖς ἄνδρες πᾶσαν τὴν δύναμιν Ἀκυλίνου ἐξεῖπον τοῖς περὶ τὸν Ταῦρον, ὅτιπερ καὶ πολλῷ οἴνῳ βαρυνθέντες εἰσὶ καὶ ὅτι φύλακας ἑτέρους οὐκ ἔχουσιν. Τότε θάρσος λαβόντες οἱ περὶ τὸν Ταῦρον, τοὺς μὲν ἄνδρας τούτους ἀπέκτειναν, ἀναζεύξαντες δὲ τὰ ἅρματα ἑαυτῶν, ὁ μὲν Ταῦρος μέσην ὁδὸν ἔβαινεν, οἱ δὲ ἄνδρες αὐτοῦ δεξιὰ καὶ ἀριστερὰ ἐπορεύοντο. ὅτε οὖν ἐπῆλθον τοῖς περὶ Ἀκυλῖνον, ἔρρηξε φωνὴν ὁ Ταῦρος ὥστε σκότος γενέσθαι ἐπ' αὐτοὺς (f. 209 r. c. 2)· ἦν γὰρ παρεικάσαι τὴν φωνὴν αὐτοῦ εἰς φωνὴν λέοντος. Ἐπιπεσόντες αὐτοῖς οἱ ἑξακισχίλιοι ἄνδρες τοῦ Ταύρου ἀπέκτειναν ὡσεὶ πεντήκοντα χιλιάδας ἐκ τῶν περὶ Ἀκυλῖνον. Ὁ δὲ Ἀκυλῖνος οὐκ ἔτυχε πεσεῖν, φυγὼν δὲ μετὰ τῶν καταλειφθέντων εἰσῆλθεν ἐν τῇ Μεσοδοπόλει [1]). οἱ δὲ περὶ τοῦ Ταύρου ὑπέστρεψαν χαίροντες ἐκ τῆς παρατάξεως τοῦ πολέμου. εὐφημοῦντες τὸν Ταῦρον ὡς ἄξιον τοῦ ἄρχειν αὐτοῖς· καὶ ἐλθόντες πρὸς Μενίαν ἔλεγον· Κυρία ἡμῶν Μενία, πάντες ἡμεῖς δοῦλοί ἐσμεν Ταύρου τοῦ ἄρχοντος ἡμῖν, ὃς ἔδωκεν ἡμῖν τύχην μεγάλην οἵαν ποτὲ ἡ καθ' ἡμᾶς ἐπαρχία οὐκ ἔσχεν. δῶμεν οὖν καὶ ἡμεῖς αὐτῷ πάντες φιλοτιμίαν. θέλησον λοιπόν, κυρία, καὶ σὺ προσομιλῆσαι αὐτῷ καὶ γενέσθαι [2]) εἰς σὲ τὸν κύριον ἡμῶν Ταῦρον. Καὶ λαβόντες αὐτὴν καὶ πάντα [3]) τὰ αὐτῆς, ἦλθον ἐν τῇ πόλει αὐτῶν καὶ ἐνέγκαντες τὸν Ταῦ-

---

[1]) W, f. 373 v. b: Μελοδοπόλει.

[2]) W, l. c. γενέσθω εἰς σὲ ὁ κύριος ἡμῶν (f. 374 r. a) Ταῦρος καὶ σὺ πρὸς αὐτόν.

[3]) W, l. c. ἃ ἦν αὐτῇ μετασταθέντα ἐν τῷ τόπῳ τῷ κρυπτῷ, ἦλθον ἐν τῷ οἴκῳ αὐτῆς καὶ ἀνενέγκαντες αὐτὴν ἐν κλίνῃ συνελάβοντο καὶ Ταῦρον καὶ συνέμιξαν αὐτούς.

ρον (f. 209 v. c. 1) καὶ τὴν Μενίαν ἤνωσαν ἀλλήλοις. Καὶ τότε ἔγνω ὁ Ταῦρος κοίτην γυναικὸς ἀρκεσθεὶς μόνῃ τῇ Μενίᾳ καὶ ἄλλῃ γυναικὶ μὴ προσομιλήσας ἕνεκεν ἡδονῆς σαρκός. οὕτω τοιγαροῦν γέγονεν ἡ Ταύρου καὶ Μενίας μίξις καὶ ἐν λήθῃ ἐγένετο Ῥέμινδος ὁ ξανθός.

Ὁ δὲ Ἀκυλῖνος ἦν θυμομαχῶν καὶ διανοούμενος τί ἂν ποιήσῃ περὶ τὸν Ταῦρον. ἀπελθὼν οὖν καὶ στρατολογήσας ἐκ πασῶν τῶν πόλεων Καλαβρίας ὡσεὶ χιλιάδας ἑξακοσίας, συνήχθη ἔν τινι τόπῳ καὶ λαβὼν [1]) ζώνην μαντικὴν εὗρε τὸν Ταῦρον νικᾶν, καὶ παρετηρεῖτο ἡμέραν εὑρεῖν ὅπως ἀποκτείνῃ τὸν Ταῦρον. Κατανοήσαντες δὲ οἱ περὶ τὸν Ταῦρον τὸ πλῆθος Ἀκυλίνου καὶ μαθόντες εἶναι ἑξακοσίας χιλιάδας, παρελύθησαν καὶ εἶπον πρὸς Ταῦρον· Φύγωμεν ἀπὸ προσώπου Ἀκυλίνου, ὅτι οὐ μὴ δυνηθῶμεν ἀντιστῆναι αὐτῷ. ἀρεσθεὶς οὖν ὁ Ταῦρος τῇ συμβουλίᾳ αὐτῶν, λαβὼν νύκτωρ πάντα τὸν πλοῦτον αὐτοῦ, ἐνέβαλεν ἐν πλοίοις σὺν γυναιξὶ καὶ τέκνοις (c. 2). ἀπελθὼν δὲ ὁ σοφὸς ἀντικρὺ Ἀκυλίνου, ἧψε πλῆθος πυρὸς πρὸς ἀπάτην τῶν ἐναντίων, ἀφανίσας δὲ καὶ τὰ ἴχνη τῶν ποδῶν τοῦ λαοῦ πρὸς τὸ μὴ γνωσθῆναι ταχέως τῷ Ἀκυλίνῳ τὰ περὶ αὐτοῦ, εἰςῆλθεν εἰς τὰς ἰδίας σκάφεις καὶ διεπέρασεν ἔνθα νῦν ἐστιν ἡ πόλις αὐτοῦ. εὑρὼν δὲ τὸν τόπον εὐρύχωρον ἐποίησεν ἀσφάλειαν καὶ ὑδραγωγοὺς καὶ δεξαμενὰς παμμεγέθεις [2]), καὶ ὠχύρωσεν ἑαυτόν. ἀκούσασαι δὲ αἱ πέριξ ἐπαρχίαι, συνυπούργησαν αὐτῷ καὶ ἔχρισαν αὐτὸν ἡγεμόνα τοῦ ἄρχειν αὐτοῖς. τότε ἀριθμήσας τὸν ἅπαντα λαόν, εὗρεν ὡσεὶ ἑβδομήκοντα χιλιάδας. Καὶ λαβὼν χρήματα εἰς πλῆθος διέδωκεν αὐτοῖς. Οἱ δὲ ἐπαρχιῶται ἐνέγκαντες σῖτον [3]), ἐνέπλησαν τὴν πόλιν.

Ὁ μέντοι Ἀκιλῖνος ἐλογίζετο ἐν ἑαυτῷ ὁποίαν ἐνέδραν ποιήσας δράξηται Ταύρου καὶ τοῦ λαοῦ αὐτοῦ. Παραγενόμενος δὲ εἰς τοὺς οἴκους αὐτοῦ οὐχ' εὗρεν οὐδέν· νομίσας δὲ ὅτι ἐν ἑνὶ τῶν κατάλσων ὀρέων ἐστὶν ὁ Ταῦρος, ἐξῆλθεν (f. 210 r. c. 1) ἐρευνῶν πάντα

---

[1]) W, f. 374 r. a: ἐμβαλών.

[2]) До сихъ поръ сохранились остатки знаменитыхъ тавроменiйскихъ водопроводовъ и пяти водоемовъ. Описанiе этихъ остатковъ, равно какъ греческаго театра и навмахiи, см. въ Nuova Raccolta di Opuscoli IV, стр. 3 слѣд.; также Opuscoli XVIII, стр. 202 слѣд.

[3]) W, f. 374 v. a: καὶ οἶνον.

τοπον τῆς Καλαβρίας, ἀναζητῶν μέχρι μηνὸς, ἀπὸ παραλίου Σαλινῶν [1]) ἕως χειμάρρου Κογχύλου καὶ Ταραντοῦ [2]) καὶ τῶν ὁρίων Τηροπόλεως [3]) καὶ ἕως τῆς μικρᾶς καὶ ἀλιμενεύτου θαλάσσης· καὶ μὴ εὑρὼν αὐτὸν ὑπέστρεψε πάνυ κοπιάσας καὶ πολλοὺς ἐκ τοῦ λαοῦ αὐτοῦ ἀπορρίψας. Ἡ δὲ πάνσοφος Μενία ἡ Μακεδόνισσα τὸν μάντιν αὐτῆς καλέσασα [4]) ἔφη· ὦ μάντεον [5]), πῶς [6]) τὰ μεταλλικὰ [7]) εὕρωμεν; Ὁ δὲ λέγει· ἡ ἄνω πρόνοια συνεργήσει· καὶ ἀναζητήσας εὗρεν αὐτά, ἅτινα καὶ αὐτῇ μόνῃ ὑπέδειξεν [8]). ἐπικαλεσαμένη δὲ τὴν ἄνω πρόνοιαν [9]) ἐποίησε χρυσίου καθαροῦ πλῆθος πολὺ καὶ ἄργυρον [10]) καὶ χαλκὸν καὶ σίδηρον, μόλυβδόν τε καὶ κασσίτερον, [11]) ὧν οὐκ ἦν ἀριθμός· καὶ οὕτω λοιπὸν πεπλούτικε τὴν πολιν ἑαυτῆς ὥστε καὶ τὴν ἀφορμὴν τῆς χωνεύσεως [12]) ὑποδεῖξαι πᾶσιν.

Ἡνίκα δὲ ἅπαντα τὰ κατὰ τὴν χρείαν (c. 2) τῆς πόλεως ἀπήρτισται, ἤκουσεν Ἀκυλῖνος ὅτι Ταῦρος πεπερακὼς ἐποίησε πόλιν ἰσχυρὰν [13]) καὶ τὰ συντείνοντα αὐτῇ [14]) ἡτοίμασεν ἅπαντα καὶ ἄνδρας ἐκτήσατο πολεμιστὰς εἰς βοήθειαν αὐτοῦ, καὶ πλοῦτος πολὺς ἐν τῇ πόλει αὐτοῦ εὕρηται, καὶ ὅτι τὸ χειμευτικὸν γήδιον [15]) εὑρέθη ἐν τῇ πόλει αὐτοῦ, καὶ ἐκ τούτου πεποίηκε πλοῦτον πολύν. ταῦτα μαθὼν καὶ τρωθεὶς τὴν καρδίαν διὰ τὸν πλοῦτον τὸν περὶ τὸν Ταῦρον, ἔσπευδε [16])

---

[1]) W, l. c. Σαλίνων.

[2]) W, l. c. Τεραντοῦ.

[3]) W, l. c. Τυροπόλεως.

[4]) W, l. c. ἐνέγκασα τὸν μαντεῶνα αὐτῆς.

[5]) W, l. c. μαντεῶν μου.

[6]) W, l. c. ποῦ.

[7]) W, l. c. εἴδη εὕροιμεν.

[8]) Синод.: ἀναζητήσασα .... αὐτὴ μόνη (исправленіе проф. **Дестуниса**); W, l. c.: ὁ δὲ ἀπελθὼν εὗρεν πάντα, ἅτινα καὶ αὐτὴ μόνη ὑπέδειξεν.

[9]) W, f. 374 v. b: τὸν τῆς ἄνω προνοίας θεόν.

[10]) W, l. c. εἰς πλησμονὴν.

[11]) W, l. c. μόνον οὐχ εὗρον ποιῆσαι. οὕτως λοιπόν.

[12]) W, f. 374 v. b: χυμεύσεως.

[13]) W, l. c. ἰσχυρὰν καὶ τὰ ἐγχειρίζοντα ἅπαντα καὶ ἄνδρας.

[14]) Исправленіе принадлежитъ проф. Дестунису; ркп. син.: κατὰ συντείνον τὰ αὐτῇ.

[15]) W, l. c. γήδιον τοῦ μεταλλικοῦ.

[16]) W, l. c. ἔσπευσεν δὲ Ἀ. ποιῆσαι πολεμον καὶ προκαταλαβέσθαι τὴν πόλὶν του, ἀποκτεῖναι Ταῦρον καὶ τοὺς περὶ αὐτὸν μαχητὰς, οἰστρωθεὶς δι' ἃ ἤκουσεν μεταλλικὰ εἶναι ἐν τῷ τόπῳ αὐτοῦ, καὶ τοῦ συλλαβέσθαι καὶ τὴν σοφὴν Μενίαν.

πόλεμον ποιῆσαι καὶ ἀποκτεῖναι μὲν Ταῦρον, τὴν Μενίαν δὲ συλλαβέσθαι διὰ τὰ μεταλλικὰ ἔργα. Καθοπλίσας τοίνυν τὸ περὶ αὐτὸν ἄθροισμα τοῦ λαοῦ, διεπέρασεν ἐν νυκτὶ καὶ ἐσκήνωσεν εἰς τὸ πεδίον καὶ ἀθρόον ἐκάλυψε πᾶσαν τὴν γῆν καὶ ἠλάλαξαν ἰσχυρῶς τὰ στρατεύματα. Ὡς δὲ ἤκουσαν τὴν βοὴν καὶ τὸν ἀλαλαγμὸν οἱ περὶ τὸν Ταῦρον, ἐξέστησαν καὶ ἔλεγον· Τίς ἡ βοὴ αὕτη; Γνοὺς δὲ ὁ Ταῦρος ὅτι Ἀκυλῖνος διεπέρασεν (f. 210 v. c. 1) προσκαλεσάμενος τοὺς περὶ αὐτὸν ἄνδρας ἔφη· Ἀνδρίζεσθε ὑμεῖς, Ἀκυλίνου γὰρ ἡ φωνή. Οἱ δὲ ἀκούσαντες ἐφοβήθησαν, καὶ ὁ Ταῦρος εἶπεν· Μὴ δειλανδρίσητε, ὦ ἄνδρες, ἰδοὺ γὰρ κἀγὼ μόνος ἀλαλάξω. οἶδεν γὰρ ἡ ἄνω πρόνοια, οὐ μὴ ἡττηθῶμεν ὑπ' αὐτοῦ. καὶ εὐθέως ἀνελθὼν ἐφ' ὑψηλοῦ τόπου μονώτατος ἔκραξε φωνὴν ὡσεὶ ἀνδρῶν πολλῶν· ὧδε εἰμὶ Ταῦρος, ὧδε εἰμί, καὶ οὐ φοβήσομαι ἀπὸ προσώπου Ἀκυλίνου. τῇ δὲ ἕωθεν ἐπέστη ὁ καιρὸς τοῦ πολέμου, καὶ λέγουσι πρὸς ἀλλήλους οἱ ἄνδρες Ταύρου· Οὐ μὴ ἀντιπαραταξόμεθα ἡμεῖς πρὸς Ἀκυλῖνον, ἐπειδὴ πλῆθος πολύ ἐστιν· καὶ ἐβουλεύσαντο ἀποκτεῖναι τὸν Ταῦρον [1]) καὶ πρὸς Ἀκυλῖνον φυγῆναι, προδοῦναι τε τὴν σοφὴν Μενίαν καὶ πάντα τὸν πλοῦτον αὐτῆς, ἵνα, φησί, γένηται ἓν βασίλειον Καλαβρία καὶ Σικελία. Γνοὺς δὲ ὁ Ταῦ(c. 2)ρος τὴν ἐπιβουλὴν τῶν ἀνδρῶν καὶ σοβαρῷ ὄμματι ἐμβλέψας αὐτοῖς εἶπεν· ὦ ἄνδρες, τί τὸ βούλευμα ὑμῶν; τί διαλογίζεσθε περὶ τοῦ πολέμου; ταῦτα εἰπὼν διεσκέδασε [2]) τὴν βουλὴν αὐτῶν. καὶ ἀποκριθέντες εἶπον αὐτῷ· ὡς ἡ βουλή σου ἔχει. Τότε λέγει αὐτοῖς ὁ Ταῦρος· ἀναζεύξατε [3]) ἕκαστος τὰ ἅρματα ὑμῶν τὰ πολεμικὰ καὶ κατέλθωμεν εἰς τὸ πεδίον, καὶ εἰ οὐκ ἀνδραγαθήσω εἰς τύχην πολέμου, τὸ βουλευόμενον παρ' ὑμῶν γενήσεται [4]). Καὶ ἤρεσεν αὐτοῖς ὁ λόγος Ταύρου. κατελθόντες δὲ εἰς τὸ πεδίον, ἔστησαν κατέναντι Ἀκυλίνου. καὶ διεπέμψατο ὁ Ταῦρος πρὸς Ἀκυλῖνον λέγων· σὺ εἶ Ἀκυλῖνος ὁ πολὺς ἐν ἀνδρίᾳ, κἀγὼ Ταῦρος, ὁ μικρὸς καὶ ἀδόκιμος ἐν πείρᾳ πολεμικῇ, ὃς δὴ καὶ παιδάριον λογίζομαι. τί ὅτι ἦλθες ἀποκτεῖναι ἀνθρώπους, πρόθεσιν ἔχοντας δουλεύειν

---

[1]) W, f. 375 r. b: καὶ προνομὴν ἐν φυλακῇ ποιῆσαι καὶ πρός.

[2]) W, l. c. μετεποίησεν.

[3]) W, l. c. ἀναζευξάτω.

[4]) W, f. 375 r. b: βεβουλευμένον .... πληρωθήσεται.

σοι, ἵνα πάντα τὰ ἐμὰ σὰ ἔσονται, καὶ ποίησον [1]) (f. 211 r. c. 1) εἰρήνην καὶ μὴ ἐκπορθήσῃς πόλιν μου καὶ λαόν μου ἀποκτείνῃς ἐν ῥομφαίᾳ. θέλησον οὖν ἐν ἐμοί [2]), τῷ μικρῷ Ταύρῳ, σὺ, ὁ παμμεγέθης Ἀκυλῖνος, τὴν ἀνδρίαν σου ἐπιδείξασθαι καὶ ἐξέλθωμεν εἰς τὸ πεδίον, ἐγώ τε καὶ σὺ μονώτατοι, καὶ ἀπόκτεινόν με, καὶ λαμβάνεις τὰ ἐμὰ πάντα σὺν τῇ Μενίᾳ εὐθέως τὰ κατὰ σὲ εὑρηκώς. Καὶ ὁ Ἀκυλῖνος ἀντεδήλωσε λέγων· Ἄκουσον, Ταῦρε παιδάριον Ῥεμίνδου, οὗτινος τοὺς φόρους ἠπαίτησα [3]) ὡς δυνατὸς Ἀκυλῖνος· οἶδεν ἡ πρόνοια [4]) τῶν μεγίστων θεῶν [5]) (οὐ γὰρ ὄμνυμί σοι τὴν ἄνω πρόνοιαν ὡς ἡ ἐπαοιδὸς Μενία ἡ ῥυπαρά), ὅτι ἐὰν ἐξέλθωμεν εἰς τὸ πεδίον μονώτατοι καὶ κατισχύσῃς μου [6]), κάτεχε τὴν βασιλείαν μου καὶ πάντα τὰ κατ' ἐμέ. Καὶ ἤρεσεν ὁ λόγος ἐνώπιον ἀμφοτέρων. ἐξελθόντων δὲ αὐτῶν (c. 2) εἰς παράταξιν [7]) πολεμικήν, ὁ γενναῖος Ταῦρος ἀποθέμενος ἅπαντα φόρτον [8]) καὶ λαβὼν ἐν τῇ λιθοβολίδι αὐτοῦ λίθον ἕνα ὡς εἰκοσιτεσσάρων λιτρῶν τῷ βάρει καὶ σφενδονήσας εὐστόχως, δέδωκεν Ἀκυλίνῳ ἐπὶ τὸ στῆθος καὶ συνέτριψεν αὐτὸν πάντοθεν. ἰδόντες δὲ οἱ περὶ Ἀκυλῖνον τὴν πτῶσιν αὐτοῦ, παρελύθησαν καὶ ἔμειναν τρέμοντες ἀπὸ προσώπου Ταύρου. Ἀνέκραξε δὲ Ταῦρος τοῖς ἑαυτοῦ ἀνδράσι λέγων· Σφάξατε φονεῖς ἄνδρας, σήμερον γὰρ μεγάλης προνοίας τύχην εὕρομεν [9]), καὶ πάντας τοὺς ἐχθροὺς ἡμῶν ἡ ἄνω πρόνοια εἰς χεῖρας ἡμῶν συνέκλεισεν. Ἐξελθοῦσαι δὲ αἱ ἑβδομήκοντα χιλιάδες Ταύρου ἀπέκτειναν Ἀκυλίνου χιλιάδας πεντήκοντα καὶ πεντάκις χιλίας. οἱ μὲν γὰρ ἐν τῇ θαλάσσῃ πίπτοντες ἀπεπνίγοντο, οἱ δὲ λοιποὶ περὶ τὸ Ἐτναῖον ὄρος (f. 211 v. c. 1) πεφευγότες γνωριζόμενοι ὑπὸ τῶν ἐπαρχιῶν, ὡς ἄνδρες φόνιοι καὶ αἱμοχῦται, ἀνῃροῦντο. Τότε ὁ Ταῦρος περικρατὴς ἐν ἅπασι γέγονε καὶ

---

[1]) W, f. 375 v. a.; синод. ποιήσῃς.

[2]) Синод. οὖν ἐμοί; W, l. c. δὲ ἐν ἐμοί.

[3]) М. б.: ἀπήτησα (Дестунисъ), или παρήτησα (Ернштедтъ); W, f. 375 v. a: ἠπαίτησα.

[4]) W, l. c. ἡ πρόνοια; синод. ἡ ἄνω πρόνοια.

[5]) W, l. c. ἡ πολλὰς ἡμῖν νίκας παρασχοῦσα.

[6]) W, l. c. με.

[7]) W, f. 375 v. b: ἀπάντησιν.

[8]) W, l. c. φόρτον ἅρματος καί.

[9]) W, l. c. εὑρήκαμεν ὡς πάντας.

οἱ ὄχλοι περιέθηκαν αὐτῷ χλανίδα ἡγεμονίας καὶ ἱμάτιον ὑπατικόν. καὶ ἔλεγον φωνῇ ἰσχυρᾷ· ζῆθι, Ταῦρε τοποκτίστα, ζῆθι ἡγεμὸν καὶ ἀνδρεῖε ὕπατε! τοιούτους καί τινας ἑτέρους πλείονας ἐπαίνους ἐπεφώνουν αὐτῷ· αὐτὸς δὲ διαπεράσας ἐπόρθησε τὸν οἶκον Ἀκυλίνου καὶ [1]) πάντας [τὰς] πόλεις, ἅσπερ κατεῖχεν, οἱ περὶ τὸν Ταῦρον ἄνδρες ἠρήμωσαν. Ἐγένετο δὲ μονοκράτωρ καὶ πολύφημος ὁ Ταῦρος κατὰ τὴν ὁμοιότητα Νεβρὼδ καὶ τῷ εἴδει καὶ τῷ ἤθει φοβερώτατος, εὐμήκης τὸ ἀνάνευμα [2]), τὸ στέλεχος πολύς, ἀνδρομερής, βραχίοσιν ἰσχύων ὡσεὶ λέων, κοῦφος δὲ τοῖς ποσὶν ὡσεὶ δρομικὴ δορκάς. Κτίζει οὖν ἐν Καλαβρίᾳ πόλιν λεγομένην Ταυριάνας τὰς μικρὰς καὶ (c. 2) λιθοπλοῖσας τὰς σκάφεις Ἀκυλίνου ἐκόμισεν ἐκεῖ. [3]) ὡς δὲ προεῖπον, ὁ Ταῦρος δέκατός ἐστιν ἀπὸ Νεβρὼδ καθὼς ἐμφέρεται ἐν ταῖς ἱστορικαῖς βίβλοις τῶν σοφῶν. Τὸ τόξον δὲ αὐτοῦ κεῖται ἐν τῷ πραιτωρίῳ, ὅπερ τεῖναι οὐδείς ποτε ἴσχυσεν· ἦν δὲ καὶ τὸ ξύλον τοῦ δόρατος αὐτοῦ ὡσεὶ [4]) δοκὸς οἴκου, ἡ δὲ ἀσπὶς αὐτοῦ εἶχεν κύκλον ὡσεὶ ὀργυῶν τεσσάρων, τὴν δὲ ζώνην αὐτοῦ οὐδεὶς ἠδυνήθη ῥαδίως ἐπ᾽ ὤμων ἆραι. οὗτος οὖν ὁ πολὺς Ταῦρος ἐγένετο πολεμιστὴς καὶ ἀνδρεῖος καὶ οὐκ ἀντέστη αὐτῷ ἔθνος ἢ βασιλεία πώποτε. πλοῦτος τε πολὺς τῇ πόλει αὐτοῦ παρηκολούθησεν. Οἱ οὖν σοφοὶ συμμίξαντες τὰς δύο ὀνομασίας ὠνόμασαν τὴν πόλιν αὐτοῦ Ταυρομένιον [5]), καὶ ἥνπερ ἐν Σαλίναις ᾠκοδόμησε πόλιν ὁ Ταῦρος μετὰ τὴν ἀναίρεσιν Ἀκυλίνου, ἐκάλεσε Ταυριανὰς τὰς μικράς. Ἐποίησε δὲ Ταῦρος τοῖς μεγιστᾶσιν αὐτοῦ οἴκους εὐπρεπεῖς, λουτρά (f. 212 r. c. 1) καὶ ὕδατα ἀγωγιμαῖα [6]) καὶ φιλοτιμίας πλείονας. Ἡ δὲ Μενία ἐποίησε τῷ Ταύρῳ θρόνον ἐκ χρυσίου καθαροῦ ὅλον διαυγῆ καὶ διάλιθον. πᾶσαι δὲ αἱ ἐπαρχίαι ἐρχόμεναι ἐδίδουν ἑαυτὰς καὶ ὑπετάσσοντο τῷ Ταύρῳ διὰ τῶν οἰκείων οἰκητόρων· αὐτὸς δὲ ὑπεδέχετο πάντας εὐμενῶς καὶ πρεπόντως.

---

[1]) W, f. 376 r. a: τὰς πόλεις ἠρήμωσαν ἃς διεκατεῖχεν· ἐγένετο δὲ μονοκράτωρ.

[2]) Чит. ἀνάστημα (Дестунисъ); W, f. 376 r. a: ἀμηκὴς τὸ ἀνάνευμα.

[3]) W, l. c. ὡς προεῖπον, καθὼς ἐμφέρεται ἐν τοῖς ἱστορικοῖς βίβλοις τῶν σοφῶν, δεκάτη γενεὰ φθάξει Ταῦρος τοῦ Νεβρώθ.

[4]) W, f. 376 r. b: ὡσεὶ οἴκου ἢ ὡς ἀντίου ὑφαίνοντος μεσοδόμου. ἦν δὲ καὶ ἡ ἀσπίς.

[5]) W, l. c. — αν.

[6]) W, l. c. καὶ ὕδατα ἀγωγιμαῖα; синод. λουτρά τε ἀγωγιμαῖα.

Ἐνταῦθα μὲν οὖν πληροῦται ὁ περὶ Ταύρου λόγος, μέχρι τούτων ἐσχηκὼς [1]) τὴν διήγησιν [2]).

Таковъ послѣдній и самый пространный эпизодъ, посвященный Тавру и Меніи въ житіи Панкратія, которое мы доскажемъ въ немногихъ словахъ.

Переправившись ночью, Акилинъ съ 600-тысячнымъ войскомъ (f. 212 r. c 2) ἦλθον ἐν τῷ Φιλιππικῷ, εὐθέως δὲ ἀνελθόντες κατεκράτησαν τὰς ἀρχὰς τῶν ὑδάτων καὶ τὴν πόλιν περιεκύκλωσαν [3]). Въ городѣ вооруженныхъ людей всего 40 тысячъ, жителей обуялъ страхъ, и они готовы обвинить мага — Панкратія, побудившаго ихъ отринуть старыхъ боговъ; они затѣваютъ предать смерти его и Вонифатія, а городъ врагу, но Панкратій убѣждаетъ ихъ положиться на помощь Божію и на содѣйствіе эпархіи, а игемонъ по порученію святого трижды обращается къ народу, прося его разойтись по домамъ и не заботиться: Господь будетъ сражаться за нихъ. Дѣйствительно: Панкратій съ Еваграемъ и новопоставленнымъ діакономъ Татіаномъ выходитъ на городскую стѣну съ крестомъ и иконами, по молитвѣ святого наступаетъ мракъ, и непріятели начинаютъ побивать другъ друга. Оставшіеся въ живыхъ 4000 человѣкъ крестятся; они говорятъ, что крестъ и иконы на городской стѣнѣ показались имъ — солнцами f. 215 r. c. 1: τρεῖς ἡλίους ἐθεωροῦμεν ἐν τῷ τείχει τῆς πόλεως ὑπὲρ τὸν ἥλιον τῆς ἡμέρας λάμποντας, ὧν τὴν λαμπηδόνα μὴ φέροντες, σκότους γεγόναμεν ἔμπλεοι (сл. W, f. 378 v. a). Изъ числа новообращенныхъ Панкратій рукополагаетъ нѣсколько священниковъ, которыхъ посылаетъ въ Калабрію, гдѣ распространяетъ благовѣстіе Христово, пока ап. Петръ, на пути въ Римъ черезъ Равенну, не поставилъ въ Регіумѣ епископомъ св. Стефана.

---

[1]) W, l. c. ὅρον.

[2]) Для сравненія съ повѣстью древняго житія сообщаемъ въ приложеніи № 2 соотвѣтствующій эпизодъ древнеславянскаго перевода по рукописи еп. Порфирія и краткое его изложеніе по тексту печатныхъ греческихъ Миней (сл. выше, стр. 70).

[3]) W, f. 376 v. b: ἔστησαν ἐν τῷ Φιλικῷ τοπίσκῳ καὶ ἀνῆλθαν καὶ κατεκράτησαν; слав. пер. на Филичьскѣмь мѣстѣ.

Еще разъ Евагрій ѣдетъ къ Маркіану по порученію Панкратія, къ которому нежданно являются новые гости. Оставивъ родину, онъ роздалъ свое достояніе и рабовъ бѣднымъ, а частью и церкви, епископомъ которой поставленъ былъ Максиминъ (W: Максимъ). Узнавъ, что Панкратій въ Сициліи, Максиминъ (f. 216 r. c. 1; сл. W, f. 380 r. a) πλήσας δύο σκάφη ἐλαίου κρητικοῦ καὶ διαφόρων θυμιαμάτων καὶ στολὰς ἱερὰς τῶν Ἀρμενίας ὑφαντῶν καὶ ἐμβαλὼν εἰς τοὺς σκάφεις τοὺς παῖδας Παγκρατίου, ἀπέστειλεν ἐν Σικελίᾳ. Панкратій отвѣчаетъ Максимину такими-же дарами, и эти сношенія продолжаются нѣсколько лѣтъ; вернувшись ἐν τῷ κόλπῳ τοῦ Πόντου (f. 216 r. c. 2; W, f. 380 v. a: ἐν τῇ μάλῃ τοῦ Πόντου), рабы Панкратія разсказываютъ, что видѣли его.

Однажды святой говоритъ Евагрію, что по своей смерти желаетъ его имѣть своимъ преемникомъ: пусть, по его кончинѣ, отправится вмѣстѣ съ Вонифатіемъ въ Римъ, гдѣ ап. Петръ рукоположитъ его во епископа, а онъ самъ, вернувшись, окреститъ Вонифатія. — Пока онъ посылаетъ Евагрія въ одну изъ незанятыхъ эпархій; игемонъ также выѣзжаетъ по дѣламъ изъ города, гдѣ остается Артагаръ, родомъ хананей, братъ Авриліана и дядя Элида, такой-же язычникъ, какъ они. Рѣшившись воспользоваться случаемъ, чтобъ отдѣлаться отъ Панкратія, онъ, посовѣтовавшись съ своими, зазываетъ его въ преторій, подъ предлогомъ совершенія литургіи, и здѣсь продолжаетъ пировать, пить и плясать въ его присутствіи и поклоняться идолу Скамандру. Святой останавливаетъ его; по его молитвѣ идолъ падаетъ; тогда они набрасываются на Панкратія, истязаютъ его и, убивъ, прячутъ тѣло (f. 219 v. c. 1) εἰς μίαν φαγάδα τῆς γῆς μήκοθεν τοῦ πραιτωρίου. Видѣлъ всё это христіанскій мальчикъ, спасшійся отъ преслѣдованія тѣмъ, что бросился съ стремнины; ангелъ сноситъ его бережно (c. 2) εἰς τὸν αἰγιαλὸν τὸν λεγόμενον διαθάλασσον ὡς ἐπὶ βορρᾶ μήκοθεν τοῦ κρημνοῦ. На другой день, когда явились Евагрій и Вонифатій и не находятъ святаго, молніеподобный свѣтъ надъ мѣстомъ, гдѣ было скрыто его тѣло, служитъ имъ указаніемъ; мальчикъ обнаруживаетъ убійцъ, и они

казнены. — Тѣло святого вначалѣ погребено втайнѣ отъ народа: впослѣдствіи его мощи перенесены торжественно въ другое мѣсто. Исполняя его завѣтъ Евагрій и Вонифатій отправляются въ Римъ; ап. Петръ встрѣчаетъ ихъ, Евагрія ставитъ епископомъ Тавроменіи, а тотъ вернувшись, креститъ Вонифатія, который и остается жить при епископѣ, остригши волосы и передавъ другому игемонію. Оба строятъ церковь въ честь святого, которую Евагрій велитъ расписать изображеніями изъ Ветхаго и Новаго Завѣта; въ ней икона Панкратія, f. 226 v. c. 1. *καὶ ὅταν βλέπω αὐτὸν ἐν τῇ εἰκόνι, δοκῶ ὅτι ἐν* (c. 2) *σαρκί ἐστι καὶ ἐντυγχάνω αὐτῷ* (=W, f. 390 r. a). Евагрій ставитъ Татіана священникомъ, Ликаонида діакономъ; оба остаются служителями при св. мощахъ, совершающихъ чудеса.

II.

Извлеченія изъ житія вышли гораздо подробнѣе, чѣмъ того требовалъ эпизодъ о Таврѣ и Меніи, но я желалъ подѣлиться и другими свѣдѣніями историческаго, географическаго и культурнаго характера, которыми богато житіе. Я въ особенности старался не опустить ни одного указанія на мѣстности Сициліи и южной Италіи, среди которыхъ разыгрывается романъ о Таврѣ и Меніи, предоставляя другимъ дополнить мой, къ сожалѣнію, слишкомъ скудный географическій комментарій [1]). — На аваровъ у Аѳинъ и Диррахія я уже указалъ, какъ на интересный хронологическій терминъ; послужитъ-ли подобной цѣли упоминаніе какихъ-то древнихъ славянъ у Сиракузъ — пусть рѣшатъ историки, если эти славяне не фантастичнѣе типическихъ Escler старофранцузскаго эпоса. — Археологи обратятъ вниманіе на *τρωγλοδυσίαι* = сицил. ddieri, во множествѣ встрѣчающіеся въ Сициліи [2]); спи-

[1]) По мѣстной археологіи Тавроменіи, для которой наше житіе дастъ нѣсколько фактовъ, см. литературу, указанную Holm'омъ, l. c. II, стр. 438.

[2]) Holm, l. c., I, 101 слѣд. и прим.

сатель житія, очевидно, считалъ ихъ жилищами. Замѣчательный упадокъ классическихъ воспоминаній представляютъ имена языческихъ божествъ, Лиссона [1]), Скамандра [2]), Фалькона, наконецъ Ирона или Ироны (?): въ очеркѣ аварскихъ вѣрованій, едва-ли не преобладаютъ общія мѣста, въ какихъ представлялось древнему христіанину всякое неизвѣстное ему, грубое язычество.

Съ οἱ μονάζωνοι Συρίας (VI), къ которымъ попадаетъ въ плѣнъ Тавръ, я сравниваю параллельное выраженіе въ изданной мною греческой повѣсти о св. Ѳеодорѣ: царь видитъ во снѣ ἄνθρωπον ἄζωστον (слав. переводъ: опоясався), котораго велитъ разыскать; св. Ѳеодоръ находитъ его въ Сиріи [3]).

Что касается до разсказа о Таврѣ и Меніи, введеннаго въ легенду, то его появленіе не случайное, а предусмотрѣнное составителемъ житія, приготовившимъ его исподоволь, рядомъ напоминаній и намековъ, разсѣянныхъ въ текстѣ, и лишь въ концѣ изложившимъ его подробно [4]). Самый разсказъ принадлежитъ къ роду тѣхъ légendes des origines, которыми полны старыя итальянскія хроники, видѣвшія, напр., въ названіи Флоренціи, Fiorenza, сплоченіе двухъ именъ: Fiorino и Renzo, какъ въ Тавроменіи сошлись, будто-бы, имена Тавра и Меніи. Легенды эти, обыкновенно, школьнаго происхожденія, но за нѣкоторыми изъ нихъ позволено предположить существованіе болѣе древняго на-

---

[1]) По Каэтану (Isagoge, стр. 26—7) либо Юпитеръ, либо Вакхъ, оба съ эпитетомъ Λύσων. Проф. Дестунисъ указываетъ мнѣ на Λύσσις Λευκίππου, Inscript. 2, 3221, и на Λυσσάρης новогреческой былины. Сл. Дестунисъ, Разысканія о греческихъ богатырскихъ былинахъ средневѣковаго періода, стр. 72.

[2]) Сл. въ числѣ языческихъ божествъ (Аполлона, Зевса, Посейдона) Скамандра (Sakamandros) въ эѳіопской (Кирпичниковъ, Св. Георгій и Егорій Храбрый, стр. 18) и коптской легендѣ о св. Георгіи (Zoega, Catalogus Codicum Copticorum и т. д., стр. 241: Apollo, Mercurius, Jupiter, Scamander, Faustus et Hercules). По Каэтану (l. c. стр. 7): Scamander fluvius in Sicilia prope Segestam fuit.... ab iisdem (sc. Segestanis) consecratus, eadem superstitione, qua ceteri Siciliae amnes fontesque.... Deus.... a Segestanis ad Tauromenitas transmissus.

[3]) Разысканія I, стр. 15—16.

[4]) Эпизоды житія, касающіеся разсказа о Таврѣ и Меніи, отмѣчены нами послѣдовательно №-ами отъ I до VI, на которые и сдѣланы далѣе ссылки.

роднаго сказанія, либо его элементовъ, послужившихъ основой для ученой саги. Изъ того, что эта сага, на перекоръ исторіи, пыталась объяснить названіе Тавроменіи изъ именъ ея основателей, Тавра и Меніи, еще не слѣдуетъ, чтобы очертанія разсказа не могли быть мѣстными и народными, хотя, быть можетъ, имена были и не тѣ, какія сохранилъ нашъ пересказъ житія. Говоря о возможной народности древнѣйшаго содержанія, я отличаю её отъ народности — изложенія: немногое, напоминающее стиль народнаго эпоса, напр. въ характеристикѣ Тавра, легко представить себѣ — не отзвукомъ старой пѣсни, а стилистическими воспоминаніями составителя легенды. Я указываю напр. на львиный голосъ Тавра[1]), на его кичливое, дважды повторенное: Я здѣсь! въ виду непріятеля; на типическую черту народной былины, что самъ богатырь ѣдетъ «въ середку матицу», тогда какъ его войско заходитъ справа и слѣва и т. д.

Составитель житія ссылается по поводу Тавра и Меніи на какія то историческія книги (I: о Фалькониллѣ; III, VI; сл. подобную же ссылку при эпизодическомъ упоминаніи славянъ). Другимъ источникомъ могли быть мѣстныя преданія и разсказы, напр. о гигантскомъ лукѣ, хранившемся въ преторіи Тавроменіи (VI), которыми могли, впрочемъ, воспользоваться, уже составители утраченной «исторіи». — Если она когда либо существовала, то была романомъ на темы мѣстнаго преданія [2]). Стиль романа

---

[1]) Сл. въ Διήγησις Ἀχιλλέως ed. Wagner, v. 1303 слѣд. (объ Ахиллѣ): ὡς λέων ἐβρυχίστην, — καὶ πάντες ἐδειλίασαν ἐκ τῆς φωνῆς του μόνον.

[2]) Авторъ приписки (рукою XIV вѣка) къ показанію Вибія Секвестра: Tauromenius (рѣка) inter Syracusas et Messanam, a quo oppidum Tauromenium; *quod oppidum* εὐσεβῶν χώρα dicitur (Vibii Sequestris, De fluminibus, fontibus, lacubus, nemoribus, paludibus, montibus, gentibus per litteras, у Riese, Geogr. lat. minores, стр. 151), могъ имѣть въ виду поэтическую легенду о двухъ добродѣтельныхъ братьяхъ, εὐσεβεῖς, чудеснымъ образомъ спасшихся, спасая отца и мать при изверженіи Этны. Легенда эта обыкновенно локализуется у Катаніи (сл. Holm, l. c., p. 25 и прим.); если εὐσεβῶν χώρα очутилась у Тавроменіи, то напомнимъ у Едризи, вблизи того-же города, гору *Tûr* «celebre pei miracoli e *noto per tanti esercizii di pietà*». Сл. L'Italia descritta nel libro del Re Ruggero, compilato da Edrisi, ed. M. Amari e C. Schiapparelli. Roma, 1883, p. 31.

отзывается кое-гдѣ и въ пересказѣ житія; я обращаю вниманіе напр. на первыя отношенія Меніи и Тавра.

Роль македонянъ въ романѣ объясняется, быть можетъ, литературными воспоминаніями. Какъ Псевдокаллисѳенъ заводилъ Александра Македонскаго въ Италію и Сицилію, такъ въ нашемъ текстѣ тавромениты бьются съ македонянами, которыхъ побѣждаютъ. Интересна подробность, что битва происходитъ «ἐν Τερεντῷ εἰς τὸ πεδίον»; можно предположить, что разумѣется здѣсь Отранто: сл. κάστρον Τερεντοῦ въ одномъ документѣ X-го вѣка и современное обозначеніе Отранто у мѣстныхъ грековъ: Derentó [1]). Вѣроятнѣе однако, что дѣло идетъ о Тарентѣ; въ вѣнской Александріи Дарій пишетъ Александру: недовольный своими предъидущими захватами ты «ἦλθες καὶ εἰς τὴν Ἀσίαν καὶ εἰς τὴν Ἀγρίδαν (= Αχρίδαν) καὶ εἰς τὰ Τάραντα κοντὰ εἰς τὸν τόπον μου ἐπάτησες». Оставшіеся въ живыхъ македоняне поселяются въ Тавроменіи. Если это было уже при Таврѣ (сл. τοῖς περὶ Ταῦρον, IV), то какъ помирить хронологически это обстоятельство съ тѣмъ, что еще до основанія города юноша Тавръ женится на македонянкѣ Меніи, женѣ Реминда?

Менія не только македонянка (VI), но и изъ Александрова рода (III); ея эпитеты: σοφὴ καὶ μεγάλη καὶ φαιδρά (VI); особливо σοφή, πάνσοφος, мудрая, вѣщая; въ противоположность къ Акилину, противнику ея перваго и второго мужа, она поклоняется «вышнему промыслу», τὴν ἄνω πρόνοιαν (VI), какъ Александръ у Псевдокаллисѳена (I, 26: πέπεισμαι τῇ διδαχῇ τῆς ἄνω προνοίας) и въ источникѣ сербской Александріи; передъ поединкомъ съ Тавромъ Акилинъ говоритъ объ ἄνω πρόνοια τῶν μεγίστων θεῶν и замѣчаетъ: οὐ γὰρ ὄμνυμί σοι τὴν ἄνω πρόνοιαν ὡς ἡ ἐπαοιδὸς Μενία ἡ ῥυπαρά (VI). Это противоположеніе единобожія и язычества повторяются далѣе въ житіи — въ формахъ язычества и христіанства. Язычниками явятся: Акилинъ Аноонъ — противникъ Тавра, и второй Акилинъ, пошедшій войною на Таврова

[1]) Morosi, Studi sui dialetti della Terra d'Otranto, стр. 192 и прим. 1; сл. стр. 38, прим.

преемника Вонифатія; христіанство послѣдняго какъ-бы предваряется отвлеченнымъ вѣроученіемъ Меніи. Изъ ея рода оказывается Фальконилла, мудрая и столь прекрасная, что ей приносили дары, лишь-бы поглядѣть на неё и полюбоваться на ея красоту; ея юный, прекрасный сынъ Фальконъ, внезапно унесенный смертью въ саду, гдѣ онъ гулялъ, и тамъ-же погребенный, сочтенъ впослѣдствіи богомъ, и первое чудо Панкратія обращено противъ него. (I) — Позднѣе въ городѣ Тавра и Меніи (и Фальконииллы) мы встрѣчаемъ игемономъ Вонифатія: онъ возсѣдаетъ на престолѣ Тавра, Ликаонидъ величаетъ его наименованіемъ топоктиста — какимъ величаютъ Тавра и его воины, послѣ побѣды надъ Акилиномъ (VI); къ нему перешли всѣ сокровища Тавра и Меніи (II, III), столь великія, что въ Тавроменіи нѣтъ бѣдняковъ (III, IV, VI).

Происхожденіе этихъ сокровищъ связано съ вѣдовствомъ Меніи. Акилинъ также вѣдунъ; ища случая убить Тавра, онъ обращается къ ζώνην μαντικὴν (VI); но знанія Меніи особаго, нѣсколько загадочнаго рода: она знаетъ всякое рудное дѣло, ἁπάσης μεταλλικῆς τέχνης ὑπῆρχεν ἐν πείρᾳ πολλῇ (III); какъ узнать руды (πῶς τὰ μεταλλικὰ εὕρωμεν), спрашиваетъ она своего волхва и съ помощью вышняго промысла нашла ихъ и сотворила несчетное количество чистаго золота и серебра, мѣди и желѣза, свинца и олова, всѣхъ впервые научивъ плавильному дѣлу — ибо въ самомъ городѣ нашлась руда, χειμευτικὸν γήδιον, т. е. вѣроятно, χυμευτικὸν (χύμα): годный къ плавкѣ. Сл. χειμευτής—алхимикъ; χειμευτικός, относящійся къ χειμευτής; когда Тавръ (VI) проситъ Менію дать ему τὴν ἀσπίδα τὴν χειμευτὴν ея мужа — не означаетъ-ли это: литой щитъ, и не въ томъ-ли смыслѣ слѣдуетъ истолковать тотъ-же эпитетъ у Porph. Cer. 99, 14, неистолкованный въ средне-греческомъ словарѣ Софокла: ἱππέυει δὲ ἐκεῖσε ὁ βασιλεὺς ἐφ' ἵππου ἐστρωμένου ἀπὸ σελλοχαλίνου χρυσοῦ διαλίθου χειμευτοῦ, ἠμφιεσμένου ἀπὸ μαργάρων? Сл. въ поэмѣ о Дигенисѣ, изд. Мильяраки (Βασίλειος Διγενὴς Ακρίτας .... ὑπὸ Ἀντ. Μηλιαράκη. Ἐν Ἀθήναις 1881), vv. 2190—1: Δώδεκα σελλοχάλινα .... τὰ δύο ἦσαν χυμευτὰ μετὰ λιθομαργάρων, и также

vv. 1215, 1553, 2262, съ замѣчаніемъ издателя, что его текстъ (съ острова Андра) нерѣдко замѣняетъ соотвѣтствующее выраженіе трапезунтскаго (изд. Саѳой и Леграномъ) такими какъ *πλουμιστός, ἀκριβός, τορνευτός*; «*ἐσήμαινε δὲ βεβαίως τὴν διὰ χυμικῆς συνθέσεως ἢ χωνεύσεως πολυτίμων μετάλλων διακόσμησιν διαφόρων πραγμάτων*» (p. 163). Сл. еще *Διήγησις τοῦ Ἀχιλλέως* (Wagner, Trois poèmes grecs du moyen âge inédits, p. 25, 34) v. 809: *χυμευτὰ βραχιόλια*; v. 1120: *περιστήρια χυμευτά*, и выше, стр. 104: W, *ἀφορμὴν τῆς χυμεύσεως* (спнод. ркп. *χωνεύσεως*) и стр. 97: *ζαχευτοὺς* (вм. *ζαχυτούς*?).

Менія, стало быть, изобрѣтательница руднаго, плавильнаго дѣла, а это изобрѣтеніе представлялось какимъ-то волшебствомъ. Акилинъ не даромъ затѣваетъ — убить Тавра, а Менію полонить, *διὰ τὰ μεταλλικὰ ἔργα* (VI).

Имя Меніи отвлечено отъ Тавроменіи; но я припомню еще древнее *Μέναι*, нынѣ Mineo, въ четырехъ миляхъ отъ волканическаго озера и святилища Паликовъ, сицилійскихъ божественныхъ братьевъ, которые представляются сыновьями то Зевса и нимфы Ѳаліи, то Гефеста или тождественнаго съ нимъ Адрана — и Этны, у которой стоялъ храмъ Адрана (гдѣ нынѣ Adernò, древній Hadranon), съ вѣчнымъ огнемъ и статуей бога, вооруженной копьемъ[1]). Несомнѣнны отношенія Паликовъ къ волканическимъ явленіямъ или источникамъ — но, можетъ быть, и къ ремеслу Гефеста и *μεταλλικὰ ἔργα*. Въ послѣднемъ именно смыслѣ интересно сосѣдство Паликовъ и *Μέναι*, которыя я не прочь сблизить съ созвучной Меніей. Современное повѣрье зоветъ озеро Паликовъ — озеромъ donna'ы Fetia'и; замѣтимъ еще въ двухъ миляхъ или около того отъ Mineo = Menai пещеру, о которой въ XVI вѣкѣ (1557 г.) разсказывали «esser nata una bellissima donna chiamata Lamia, gran meretrice e fattucchiera, dove anch'oggi vi è un luogo detto Lamia dalle operazioni di questa

[1]) Holm, l. c. I, p. 69, 75—7, 94 и прим. къ стр. 69 на стр. 364.

donna». Демоны, обитавшіе въ пещерѣ, удалились изъ нея, когда тамъ положено было тѣло св. Агриппины [1]).

Если Μέναι, (Ταυρο)μενία — не восточнаго происхожденія, подобно Адрану и Паликамъ, то указанныя отношенія могли-бы повести къ соотвѣтствующей этимологіи, въ связи съ скрс. mani: драгоцѣнное украшеніе, носимое на шеѣ, ожерелье, амулетъ; греч. μανιάκης, μάννος, μόννος: золотая повязка на шеѣ; лат. monile; старосакс. meni, англос. mene, сѣв. men, староверхненѣм. menni: ожерелье; сѣв. собственное имя Menglöd = блистающая ожерельемъ. Можетъ быть, общее значеніе было: *подѣлка* изъ драгоцѣннаго металла, золота; старосѣв. men въ множ. ч. означаетъ вообще: драгоцѣнности; въ Grottasöngr служанки короля Frodi мелютъ для него на волшебной мельницѣ *золото* и миръ, gull ok frið [2]); имена дѣвушекъ Fenja и *Menja* (сл. тотъ-же разсказъ въ Skáldskaparmál c. XLIII), почему золото зовется *мукою Меньи*, meit Menju gôð (Sigurdarkv. III 50). — Напомню еще ожерелье Фреи Brîsinga men = Brisingorum monile, вѣроятно скованное или отлитое въ огнѣ (brising) [3]) — и Фрею, покровительницу лангобардовъ [4]), въ древней исторіи которыхъ мы встрѣтимъ и имя нашей *Меніи*: она мать Audoin'а, жена «regis Pissae» [5]).

Легенды о происхожденіи искусства τῆς χωνεύσεως естественно пріурочивались къ природнымъ волканическимъ горниламъ, какъ Мены неподалеку отъ озера Паликовъ, замѣненныхъ какой-то феей; Менія въ сосѣдствѣ съ Этной, въ Тавроменіи, вблизи которой, по свидѣтельству Эдризи, находился золотой рудникъ [6]). Очень вѣроятно, что слѣды этихъ и подобныхъ представленій

---

[1]) Pitrè, Biblioteca delle tradizioni popolari siciliane, v. XII, p. 285—6.

[2]) Объ этомъ мотивѣ сл. сопоставленія Liebrecht'a, Zur Volkskunde p. 302; Rolland, Rec. des chansons populaires, t. I, p. 272.

[3]) J. Grimm, D. Myth., 4-e Ausg., стр. 254—5 и 518.

[4]) Въ извѣстномъ разсказѣ Origo gentis Longobardorum c. I и у Павла Діакона, l. I, c. 8.

[5]) Hist. Longobardor. Cod. Gothani, c. 5.

[6]) Сл. L'Italia descritta nel libro del Re Ruggero, etc. p. 32.

сохранились кое-гдѣ въ современныхъ повѣрьяхъ и мѣстныхъ сагахъ, можетъ быть, отчасти подъ прикрытіемъ — чуждыхъ именъ. Меня напр. всегда интересовалъ вопросъ о популярности Артура и феи Морганы именно въ Сициліи и не хотѣлось вѣрить, чтобы она могла быть объяснена одною популярностью романовъ бретонскаго цикла, откуда образъ феи-красавицы («è la Griciota'na fata Morgana»; «la Fatuzza Mariana tu mi pari») проникъ въ народную пѣсню и названіе извѣстнаго миража, видимое съ Мессинскаго побережья[1]); король Артуръ — въ баснословные разсказы сицилійскихъ поселянъ XII вѣка. Естественнѣе предположить народную, мѣстную подкладку, облегчившую уподобленіе пришлаго образа[2]). О мѣстномъ демонѣ *Адранѣ*, у подошвы Этны, Нимфодоръ говоритъ, ὅπως ἐμφανής ἐστι καὶ ἐς τὸ τῶν δεομένων προχείρως εὐμενής τε ἅμα καὶ ἵλεως; посвященные ему псы выводятъ на настоящій путь заблудившихся странниковъ (Aelian. Hist. Anim. 11, 20). Въ XII вѣкѣ Гервасію Тильберійскому разсказывали (narrant indigenae), что въ Mongibel = Этнѣ заключенъ король Артуръ, во дворецъ котораго забрелъ однажды конюхъ эпископа катанскаго, отыскивая заблудившагося коня. Эту легенду повторилъ съ варьянтами Цесарій Гейстербахскій; старо-французская поэма о Florian et Florete помѣщаетъ въ Этнѣ и чудесныя палаты феи Морганы: тамъ она воспитываетъ Фло-

---

[1]) Сл. Placido Reyna (XVII вѣка) у Graf, Appunti per la storia del ciclo brettone in Italia (Giornale storico della letteratura italiana, fasc. 13—14, стр. 98): «Haec vero de sirenibus fabula aliam vulgi de saga quadam cui nomen Morgana, narrationem aeque fabulosam in memoriam mihi rovocat, quoniam et haec ad delicias tractus Peloritani declarandas inventa videtur. Formosissimam hanc esse sagam narrant, quae terram nostram incolat ac saepennumero, qua potentia praedita sit, admirabili ratione demonstrat». — Въ Mazzara'ѣ подобное-же явленіе носитъ названіе: Città di frà Lucchino. Сл. R. Castelli, Credenze ed usi popolari siciliani (Palermo 1880), p. 21.

[2]) Подобное слѣдуетъ предположить и для народныхъ, мѣстныхъ отраженій каролингскаго эпоса въ Италіи. Сл. A. D'Ancona ed E. Monaci, Una leggenda araldica e l'epopea carolingia nell' Umbria (Imola, 1880); F. Torraca, Una leggenda napoletana e l'epopea carolingia, въ Studi di Storia letteraria napoletana, p. 153—164 (Livorno, 1884); Pitrè, Le tradizioni cavalleresche popolari in Sicilia, Romania № 50—51, p. 380, 391—2. Сл также мою замѣтку: Die Rolandssage in Ragusa, въ Archiv für slav. Philologie, V, 1.

ріана, сына палермитанскаго короля, который впослѣдствіи освобождаетъ, при помощи Артура, свою мать, осажденную въ Монреале, совершаетъ подвиги — и затѣмъ снова увезенъ феей въ Mongibel, гдѣ живетъ въ безмятежномъ счастьи съ Флоретой[1]). За предѣлами бретонскаго романа у Морганы своя исторія, въ которой трудно отличить долю личнаго вымысла отъ мѣстныхъ или литературныхъ воспоминаній. Въ Huon de Bordeaux она — мать Auberon'а, котораго прижила отъ Цесарія, отца Юлія Цесаря[2]); у Berni (Orl. Inn. c. XXXVI слѣд.) она царитъ на днѣ рѣки; у нея несмѣтныя сокровища, какъ и у нашей Меніи, такой-же мудрой и вѣщей, и отчасти — волшебницѣ, ἐπαοιδός, какъ бретонская фея — или *magara* калабрійско-сицилійскихъ повѣрій, богатыхъ разсказами о кладахъ, тамъ или здѣсь зачарованныхъ какой нибудь феей.

Первый мужъ Меніи, *Реминдъ* (VI) названъ τῷ γένει ἔθνους ξανθοῦ — что напоминаетъ обычное опредѣленіе для западныхъ народовъ въ хризмахъ и видѣніяхъ, касающихся судебъ Константинополя: τὰ ξανθὰ γένη, ξανθὸν γένος[3]). Ρέμινδος, (Ρέβινθος у Агапія) очевидно, не латинское и не греческое имя, можетъ быть, лангобардское: Raginmund, Раймундъ, какъ Renaldus въ Каэтановомъ спискѣ житія = *Raginwald, Rainaud, если это не описка вмѣсто Ρέμαλδος криптоферратскаго, Ремалда старославянскаго текста, — можетъ быть, Romuald, (*Hromwald или *Romwald)? Вспомнимъ Менію лангобардскихъ генеалогій.

---

[1]) G. Paris, La Sicile dans la littérature française du moyen âge, Romania № 17, p. 108—113. Въ Maugis d'Aigremont герой воспитывается въ Сициліи феей Oriande.

[2]) Въ прозаическихъ романахъ, вытекшихъ изъ старо-французской поэмы, отцемъ Оберона является Юлій Цесарь, матерью — властительница Тайнаго острова или Кефалоніи, а самъ онъ роднится съ Александромъ Македонскимъ, отъ котораго, мы видѣли, произошла и наша Менія. Сл. Graf, I complementi della Chanson d'Huon de Bordeaux, p. XII—XIII. Aimé de Varennes въ своемъ Florimont дѣлаетъ властительницу Тайнаго или Незримаго острова (île Célée) любовницей Флоримона, дѣда Александра Македонскаго.

[3]) Сл. мои Опыты по исторіи развитія христіанской легенды, I, I, стр. 54, 61 и прим. 1.

Другая родословная ставится для *Тавра*. Онъ — хананей; хананеями является и вся семья Авриліана (Авриліанъ, Элидъ. Артагаръ, сл. VI). По Аппіану въ сѣверовосточной части Сициліи дѣйствительно жили палестиняне (Παλαιστινῶν γῇ); старое сициліанское преданіе утверждало, что первоначально весь островъ былъ заселенъ изъ Ханаана, а въ XVI вѣкѣ въ Палермо показывали башню Baych, будто-бы построенную Исавомъ [1]). Несомнѣнны восточные, и именно семитическіе элементы въ этническомъ составѣ, миѳологіи и ономастикѣ древнѣйшей Сициліи. Гольмъ полагаетъ [2]), что Оріонъ, которому приписываютъ большія сооруженія на сѣверо-востокѣ острова, принадлежитъ этому восточному теченію, и подкрѣпляетъ свою догадку объясненіемъ названія Небродовъ — кряжа горъ, тянущихся отъ Пелорскаго мыса къ западу вдоль сѣвернаго побережья Сициліи. Въ Небродахъ онъ подозрѣваетъ Немврода, такого-же героя-охотника, какъ Оріонъ, и во многомъ съ нимъ тождественнаго. — Тавръ нашей повѣсти не только хананей, но и въ десятомъ колѣнѣ потомокъ — Немврода. — О пришествіи Немврода = Сатурна въ Италію говоритъ Graphia aureae urbis Romae; за нимъ явился туда-же и Italus съ сиракузцами; одна латинская хроника, указанная Graf'омъ [3]), дѣлаетъ его сыномъ Немврода (postea dicta fuit Italia ab Italo Jullio rege Siciliae qui fuit filius supradicti Nenroth, et fuit terciogenitus et regnavit in Italia), какъ у равеннскаго анонима онъ — сынъ Камбиза (Itania ab Itano tertio Seth filio.... Tercio vocata est Italia ab Italo duce sapientissimo filio Cambissis). — О царѣ Italus знали уже древніе: Ѳукидидъ дѣлаетъ его царемъ жившихъ на итальянскомъ материкѣ сикуловъ, Антіохъ Сиракузскій — энотрійцемъ, вводителемъ земледѣлія и культуры; ему и Миносу приписываютъ изобрѣтеніе сисситій; самниту Itanus (= Italus?)

[1]) Holm, l. c. I p. 91 и прим.

[2]) L. c. I p. 95; см. p. 13.

[3]) Graf, Roma nella memoria e nelle immaginazioni del medio evo, I, p. 83 прим.

у Климента Александрійскаго — изобрѣтеніе особаго рода щитовъ. — Italus = Taurus? «Τυῤῥηνοὶ γὰρ ἰταλὸν τὸν ταῦρον ἐκάλεσαν» (Apollod. Bibl. II, 5. 10)[1]).

Онъ является въ Италію и, на первыхъ порахъ, въ Регіумъ, еще мальчикомъ, но мальчикомъ необычайной силы, которую онъ тотчасъ и проявляетъ въ войнѣ Ременда и Акилина: никто не можетъ натянуть его лука, съ трудомъ несетъ иной на плечахъ тяжесть, которую онъ легко вращаетъ; «ἐν ταῖς γραφικαῖς ἱστορίαις» его ранняя мощь объясняется его дѣвственностью; — какъ у Давида и Самсона[2]); дикаго быка онъ связалъ веревкой и повѣсилъ на рукѣ[3]) — откуда, будто бы, и прозвище героя. Когда по смерти Ременда онъ впервые снаряжается въ бой противъ Акилина, Менія даетъ ему доспѣхи своего покойнаго мужа, между прочимъ, какой-то поясъ — и волшебное копье. Въ концѣ разсказа древко Таврова копья сравнивается съ стропиломъ дома, а щитъ имѣлъ въ окружности четыре сажени; Акилина онъ поражаетъ въ грудь изъ пращи камнемъ, въ которомъ вѣсу было 24 литра[4]).

Мѣстность первыхъ подвиговъ Тавра — южная Италія, ближе — область, отвѣчающая позднѣйшей византійской темѣ Калабріи[5]). Не вдаваясь въ разборъ очевидно испорченныхъ географическихъ обозначеній нашей повѣсти, замѣтимъ только, что царство Ременда простирается отъ калабрійскаго побережья черезъ Регіумъ ἕως τῆς παραλίας τῶν Σαλινῶν; по гроттоферратскому тексту точкой отправленія и конечнымъ пунктомъ гра-

---

[1]) Сл. Heisterbergk, Ueber den Namen Italien (Freib. u. Tübingen, 1881), стр. 147—8 и passim; Lenormant, La Grande Grèce, I, стр. 249 слѣд.

[2]) Въ коптскихъ поученіяхъ о преимуществахъ дѣвственности (Zoega l. c. p. 580 и 584) образцами ея являются: Авель, Іезекіиль, Даніилъ, Іеремія, Іисусъ Навинъ, Илья, Елисей, Іоаннъ Креститель; «Samsonem autem et Davidem tunc temporis leones ursasque superasse quo nondum cognoverant mulieres».

[3]) Βοῦν ἄγριον ἐν χώρᾳ νεμόμενον ἐκράτησα τῶν κεράτων, καὶ ἐν κύκλῳ συσσείσας καὶ σκοτήσας, ῥίψας ἀνεῖλον αὐτόν (Διαθήκη Ἰούδα, γ). Сл. Διαθήκη Γὰδ, α.

[4]) Τὸν Ἀχὼρ βασιλέα, ἄνδρα γιγάντων, βάλλοντα τόξα ἔμπροσθεν καὶ ὄπισθεν, ἐφ' ἵππου ἀνελόμενος, λίθον ἑξήκοντα λιτρῶν ἀκοντίσας, δέδωκα τῷ ἵππῳ καὶ ἀπέκτεινα αὐτόν (Διαθ. Ἰούδα, ib.).

[5]) Сл. выше стр. 68—69.

ницы являются тѣ-же Салины; въ Регіумѣ Реминдъ впервые видитъ Тавра, но пребываетъ онъ ἐν τῇ ἐπαρχίᾳ τῶν Σαλινῶν. Для опредѣленія этой мѣстности есть указаніе, что по смерти Акилина Тавръ строитъ «ἐν Σαλίναις», «ἐν Καλαβρίᾳ» городъ своего имени: Ταυριανὰς τὰς μικράς (μικρὰς по отношенію къ Тавроменіи?). Разумѣется, быть можетъ, Taurianum, Tauriana, Ταυριανὴ, которую Помпоній Мела помѣщаетъ между Скиллой и Метавромъ, а новые географы[1]) ищутъ либо въ нынѣшнемъ Torretto, въ 23 миляхъ къ юговостоку отъ Vibo и на востокъ отъ Никотеры, либо у Gioja, при устьѣ рѣки Метавра. Послѣднюю мы могли-бы въ такомъ случаѣ сблизить съ «салинійской рѣкой» (?), гдѣ Тавръ совершаетъ свой подвигъ съ дикимъ быкомъ, тавромъ. — Границы салинійской области остаются тѣмъ не менѣе смутными для меня; названіе Салинъ одно изъ распространенныхъ въ Италіи: напомню лишь сосѣднюю съ Реджіо Val delle Saline въ южныхъ отрогахъ Апеннинъ, у Capo delle Armi.

Царство Акилина-Анѳона, противника Реминда, а впослѣдствіи Тавра, лежитъ, судя по контексту, къ сѣверу отъ указанной области: отъ салинійскаго (западнаго-калабрійскаго) побережья до хребта Силы и Тарента.

Какъ Акилинъ-Анѳонъ сраженъ юнымъ Тавромъ, такъ его преемникъ и родичъ, тоже Акилинъ, царь Калабріи и такой-же язычникъ, идетъ войной противъ Таврова преемника, христіанина Вонифатія, и погибаетъ съ войскомъ, потому что иконы и крестъ, вынесенные на городскую стѣну Панкратіемъ, Евагріемъ и Татіаномъ, кажутся врагамъ тремя солнцами и, внезапно ослѣпленные, они обращаютъ оружіе другъ противъ друга. — Выше я указалъ на этотъ параллизмъ двухъ Акилиновъ; если онъ не созданъ списателемъ житія, и мы имѣемъ дѣло не съ раздвоеніемъ одного и того-же типа, то сближеніе или отождествленіе легко могло состояться по аналогіи именъ и отношеній. Могли разсказывать

---

[5]) Сл. Cluverii It. Ant. II, 1271 и 1293; Forbiger, Handbuch der alten Geographie, a. v. Taurianum; Pauli, Realencyclopädie d. class. Alterth. a. v. Metaurus и Tauriana.

о войнѣ стараго властителя (Ремпнда) съ могучимъ языческимъ королемъ Калабріи (Акилинъ); о явленіи юнаго богатыря (Тавра) на помощь первому; о бранныхъ подвигахъ юноши и чудесной помощи свыше, ниспосланной христіанамъ. Замѣните въ этой схемѣ Ремпнда — Карломъ Великимъ, *Акилина* — *Аголаномъ* (Agulanz, Agolanz, Aigolandus, Agulandus), Тавра — Роландомъ; оставьте то-же мѣсто дѣйствія (Калабрія; Aspramonte — южная отрасль Апеннинъ, около Реджіо), усильте противоположность между христіанами и язычниками-сарацинами — и вы получите схему старо-французской поэмы Aspremont, содержаніе которой извѣстно было уже въ первой половинѣ XII-го столѣтія, и въ основѣ которой предполагаютъ обыкновенно память объ итальянскомъ походѣ Карла Великаго въ 773 году. — Содержаніе поэмы вкратцѣ слѣдующее [1]):

Карлъ Великій столуетъ съ своими французами въ Духовъ день, когда является сарацинъ, Balanz, посланникъ царя Agolant'а, и обращается къ Карлу съ дерзкимъ вызовомъ: три земли, три части свѣта ему извѣстны, Азія, Европа и Африка; большей изъ нихъ владѣетъ его повелитель, но онъ хочетъ подчинить себѣ и остальныя; онъ — непобѣдимъ, Карлу лучше покориться, иначе

Tant te querrons que te porrons trover,
Ne te garra bois ne terre ne mer,
Se ne en pues come oiselez voler.

Разгнѣванный императоръ, котораго Naimes удерживаетъ отъ насильственныхъ дѣйствій противъ посла, объявляетъ ему, что черезъ четыре мѣсяца его увидятъ подъ Aspremont, куда возвращается и посолъ:

Par ses jornées a Balanz tant erré
Qu'il vint à Rome, s'a trois jours sejorné;

---

[1]) L. Gautier, Les épopées françaises, 2-e éd., t. III, p. 70—81; Nyrop, Den oldfranske Heltedigtning, p. 83—91. Цитаты заимствованы изъ перваго сочиненія; иныя взяты у Bekker'a. Fierabras p. LIII—LXVI. Я имѣлъ также въ виду изложеніе въ Hist. littér. de la France, t. XXII, p. 300—318.

Au quart s'en torne, n'i a plus demoré.
Puille trespasse, en Calabre est entrez,
Au quart jor est en Aspremont montez.

Войско Французовъ направляется къ кряжу Aspremont, за которымъ расположились полчища Agolant'a и его сына, молодаго Eaumont (сѣв. Iasmundr). Развѣдчикомъ идетъ вначалѣ Richier, но въ горахъ его лошадь пожрана грифомъ, скорпіонъ сорвалъ съ одной ноги его шпору — и онъ возвращается вспять. Тогда отправляется Naymes: въ горахъ холодно и снѣжно, ему приходится переправляться верхомъ черезъ потокъ среди льдинъ; старый, двухсотлѣтній змѣй гнѣздился тамъ, пожирая всякаго звѣря, приходившаго на водопой: Naymes сноситъ ему голову, которая падая, издаетъ пламя; камень-самосвѣтъ, найденный въ ней, онъ прячетъ въ сумку, равно какъ и лапу убитаго имъ грифа. Ночь прошла подъ открытымъ небомъ, на морозѣ, въ схваткахъ съ медвѣдями и леопардомъ, котораго убиваетъ конь витязя. Лишь послѣ всѣхъ этихъ приключеній Naymon'у удается перебраться по ту сторону Aspremont'a; онъ видитъ станъ и шатеръ Agolant'a

659 Et voit ou Far maint nef et maint dromunt,
Et en Calabre et maint pui et maint mont. (Bekker)

Между тѣмъ лазутчикъ-сарацинъ докладываетъ о движеніи Карлова войска Agolant'у, находившемуся въ Реджіо (à Rise l'amirable cité. Bekker). Посланный имъ на развѣдку Gorhan, сынъ Balan'a, встрѣчается на пути съ Naimon'омъ, и послѣ боевой схватки, въ которой Naimes старается щадить противника, оба ѣдутъ къ Аголану, гдѣ, послѣ вызова королю, посланцу Карла пришлось-бы плохо, еслибы не Balanz: онъ узналъ его и, въ отплату за пріемъ, оказанный ему самому во Франціи, говоритъ, что это — не Naimes, а одинъ изъ простыхъ Карловыхъ людей. Аголанъ его отпускаетъ: черезъ три дня быть битвѣ подъ Аспремономъ. И битва разгорѣлась: Карлъ едва не погибъ подъ ударами Eaumont'a, Аголанова сына, но на выручку поспѣлъ

его племянникъ, юноша Роландъ. Передъ началомъ похода его вмѣстѣ съ четырьмя товарищами заперли изъ боязни, чтобъ они какъ нибудь не увлеклись и не ушли съ войскомъ; но они вырвались изъ заключенія и на лошадяхъ, отбитыхъ у какихъ-то бретонцевъ, нагнали своихъ.—Поединокъ съ Eaumont—первый богатырскій подвигъ Роланда: онъ сражаетъ противника, завладѣваетъ его конемъ Viellantif и знаменитымъ мечемъ Durendal; такъ и въ Chans. de Roland C. 36 v., 18—37 r., 6:

He Durandal de bonne congneue,
. . . .
En Aspremont fustez Eumont tolue

Далѣе на помощь христіанамъ является чудо: Турпинъ несетъ древо честнаго креста:

Torpins porta la sainte croix le jor,
En nule terre n'ot nule si grant tor,
Come la croiz dont cele resplendor.
Par cele croiz sanble Aufriquanz le jor
Que li solauz am perde sa luor

———

La sainte croiz dona clartet si grant,
Que la valée au va resplendissant,
Et cil d'Aufrique s'en vont moult esmaiant,
Nen i ot nul, tant orgueillox proisant,
De la peor ne remut son talent (Gautier III 91)

———

Aufricans prenent entr'aus à conseiller:
«Mahomes doinst celui mal encombrier
Qui de cel prestre a fait confanonier!
Son confanon voi au ciel atouchier,
Vez une nue par desus apoier;
Nel veés vos reluire et flamboier
Que li solaus en laisse son rayer! (H. l. de la France l. c. 313).

Вмѣстѣ съ тѣмъ съ горы одинъ за другимъ спускаются на виду у цѣлаго войска три чудесныхъ всадника. Какъ тебя звать? спрашиваетъ одного изъ нихъ Ожье. Я св. Георгій,

Si ai partout le premier cop dou champ,
Mais je l'ai ci doné à cest enfant (Gautier III 91),

говоритъ онъ, указывая на Роланда; его спутники: св. Димитрій (Domitre Hist. litt. 313; у Gautier 91: Domnin) и Маврикій: они сражаются въ ряду французовъ. Agolant погибаетъ подъ ударами племянника Girard'a de Fraite, Claire'a, котораго преданіе считало основателемъ клермонскаго замка (Hist. litt. 306); побѣдители вступаютъ въ Реджіо (Rise), крестятъ всѣхъ, въ числѣ другихъ и вдову Аголана, которую выдаютъ за сына венгерскаго короля, Florent. Онъ провозглашенъ королемъ Апуліи и Калабріи.

Таковы общія очертанія поэмы объ Aspremont или Аголанѣ — и мы хотимъ попытаться ближе обосновать сближенія съ легендой о Таврѣ и Меніи, предложенныя выше. *Agulant*, можетъ быть, перегласовка имени Акилина, Ἀκυλῖνος = Aquilinus, часто смѣшивавшагося (въ житіяхъ) съ *Aquilanus*. Aquilinus, -a дали-бы въ старофранц. языкѣ Aiglin, -e, или Aquilin -e [1]), въ южноитальянскихъ говорахъ Aculino (Agulino), -a; сл. въ сказкѣ изъ Абруццъ *fata Culina* или *Culinda* (= Aquilina) [2]). — Aculino (Aculano) = Agulant? Я не касаюсь здѣсь вопроса: не является ли имя Акилина, подъ стать Реминду, классической перегласовкой какого-нибудь германскаго, или ближе, лангобардскаго, которое объяснило бы намъ за одно и — Аголана. Укажу въ лангобард-

---

[1]) Сл. *Aiglina* въ одномъ стихотвореніи Guillem de la Tor у Suchier, Denkmäler provenz. Literat. u. Sprache, v. 22; *Aquiline* въ *Aquilon* de Bavière, изданномъ въ извлеченіи Thomas'омъ, Romania № 44, p. 550; сарацина Aquilant въ Bastard de Buillon, и т. п.

[2]) De Nino, Usi e costumi abruzzesi, vol. 3⁰, p. 343, прим. 1. Сл. Gennaro Finamore въ Archivio per lo studio delle tradizioni popolari III, ı, p 35 (fata Donna Culina, хранительница клада). Въ итальянскихъ и ладинскихъ сказкахъ ея имя является съ такими варьянтами: Aquilina, Culina, Culinda, Colina, Chelina, Chilina. Сл. R. Köhler у Warnke, Die Lais der Marie de France, стр. LXXXV, прим. 1.

скомъ ономастикѣ имена отъ $\sqrt{}$ ag (agi, agin, agil) и въ Origo gentis Longobardorum (ок. 668 г.) — «regem nomine Agilmund, filium Aioni» (P. Diac.: Agelmund filius Aionis). Agilmund = Eaumont?; Aquilinus = *Agiling? — Agio = староверхненѣм. Ecco, средневерхненѣм. Ecke. Ecke — герой извѣстной нѣмецкой поэмы, гдѣ онъ борется съ Дитрихомъ Бернскимъ, отбивающимъ у него извѣстный мечъ Eckesahs. Сл. Durandal въ рукахъ Аголана и Омона [1]).

Наслѣдникъ Аголана *Florent*, сынъ венгерскаго короля, напоминаетъ венгерскаго короля Flore въ Berte au grand pié — и прозвище Аквилина: Ἄνθων — можетъ быть, вмѣсто ἀνθῶν = *Florens*? Въ романѣ объ Aquilon de Bavière, отрывки котораго недавно были изданы Томасомъ, есть генеалогія Роландова меча Durendal, гдѣ передъ именами его послѣднихъ владѣльцевъ, Аголана и Омона (Eaumont), встрѣчаются другія, заимствованныя отъ *flos;* имена взяты отовсюду, но знаменателенъ самый фактъ накопленія. Роландъ обращается къ своему мечу: Ai! brand che tant por ta bontés es renomés e tant noble baron ont por toi tant onor e fame aquistés! Que poit dir Juda Machabeu, che toi porta primermant; che poit dir li fil del roi Priame, ce fu Ector che por toi conquis cil Hercules de cui se parle tant; che poit dir *Fioramont* da Duraz che toi porta e por toi conquista tant onor quand la pulzele da l'Ixole celee li dona toi por grand amistés; che poit dir li roi Alexandre; che poit dir *Fi(o)ravant*, li fil a li roi *Fiorel;* che poit dir Tavian, son fil; che poit dir li roi Braibant; che poit dir ly [fil a ly] rois Agolant, ce fu Haimont che toi fist tant onor? [2]). — Роландъ поражаетъ не Аголана, какъ можно

[1]) Иное объясненіе имени Agolant у Gravell'я, Die Charakteristik der Personen im Rolandsliede p. 131 (прим. 37).

[2]) Romania l. c., p. 567; сл. подобное-же обращеніе на стр. 565, гдѣ имена слѣдующія: Juda Machabeu; Hector, li fil al roi Priam de Trogie; Alexandre; Fioramont da Duraz; Fioramont (= Fioravant) li ardis; Braibant; Helmont. — Fioravant и Fiorel извѣстны изъ Reali di Francia; Fioramont, въ сосѣдствѣ съ Александромъ, = Florimont Aimon'a de Varenne (Сл. p. 550 прим. 2 и извле-

было-бы ожидать по аналогіи съ Тавромъ, а его сына, но Аголанъ сраженъ такимъ-же юношей, Клеромъ, давшимъ имя Клермону, какъ Тавръ — Тавроменіи. Я обращаю еще вниманіе на интересное сходство чудесъ, сопровождающихъ ту и другую битву: блескъ, пуще солнечнаго, исходящій изъ креста. Въ связи съ другими чертами сходства получаетъ значеніе и этотъ мотивъ, отзывающійся общимъ мѣстомъ легенды.

Старофранцузская поэма не пріурочила-ли къ Карлу Великому, къ его итальянскимъ походамъ и типической борьбѣ съ Сарацинами—южноитальянское, византійско-лангобардское сказаніе, которое норманны могли застать еще въ относительной свѣжести и перенести нѣсколько его именъ и положеній во французскій эпосъ, какъ на сѣверѣ переносили въ свои романы — бретонскія сказки? Можно сомнѣваться, чтобъ свв. Георгій, Димитрій и Маврикій, чудесные помощники, принадлежали спеціально французской обработкѣ: издавна популярные въ греческой церкви народные тропайофоры должны были быть извѣстны на итальянско-византійскомъ югѣ, гдѣ сложилась и Панкратіева легенда — и стоитъ статуя святаго, между Таорминой и Саро Schiso, тамъ, гдѣ когда-то халкидійцы воздвигли изображеніе Аполлона Архагета, направившаго ихъ къ этой мѣстности. Интересно, что старонѣмецкія поэмы, въ которыхъ удержалась память и имя Панкратія, указываютъ на восточно-византійскія отношенія. Такъ въ Wolfdietrich B, 349 Эльза = Sigeminne даетъ Вольфдитриху ein palmâtsîdîn hemde,

> *sant Pangrâzien* heiltuom dar inne versigelt was
> von zwein und sibenzic vachen: dar inne er vil dicke genas

(сл. ib. строфы 688 и 729: Sant Pangrâzien heiltuom въ рукояти Вольфдитрихова меча Rose; Wolfdietrich D, VI, строфа 160). То-же въ Orendel'ѣ, 1656: sê ein guot swert in dîn hant und halt es

---

ченія на стр. 563—4). Для генеалогіи мечей сл. Chanson d'Antioche II, 12 (мечъ Requite перешелъ изъ рукъ Александра Великаго къ Птолемею, Іудѣ Маккавею, Веспасіану и друг.) и т. п.

wol mit sînne, da ist sant Pancrâzien. Варіанты къ послѣднему мѣсту даютъ: *Branckirtzegen*, *Brandans*, что указываетъ, быть можетъ, на вульгарную форму имени: *Brancatus* = Pancratius [1]).

Я ограничился въ предъидущемъ очеркѣ лишь постановкой нѣкоторыхъ вопросовъ, заслуживающихъ, какъ мнѣ кажется, особаго вниманія. Переживаніе греческаго преданія въ современныхъ народныхъ повѣрьяхъ и обрядахъ южной Италіи не подлежитъ сомнѣнію; въ отдѣльныхъ случаяхъ можетъ быть поднятъ вопросъ: возводить-ли ихъ къ древнему эллинскому элементу Великой Греціи, къ позднѣйшему ли періоду греческой колонизаціи послѣ турецкаго погрома — или къ VIII—XI вѣкамъ, когда подъ властью византійскихъ императоровъ южная Италія, уже успѣвшая ороманиться, эллинизуется на ново, и отъ Тарента до Реджіо (крайнихъ географическихъ пунктовъ нашей повѣсти) возникаетъ новая Италія, греческая по языку, нравамъ, церкви и національному чувству, Греція, которую еще застали норманскіе завоеватели [2]). Съ точки зрѣнія этой-то Греціи насъ и интересуетъ параллель, предлагаемая греко-итальянской легендой къ одному изъ сюжетовъ карловинскаго эпоса — какъ въ разсказѣ салернскаго монаха о Хожденіи Карла Великаго къ лангобардскому герцогу Арихису мы увидѣли такую-же, только болѣе яркую параллель къ старофранцузской поэмѣ о паломничествѣ Карла въ Константинополь [3]).

---

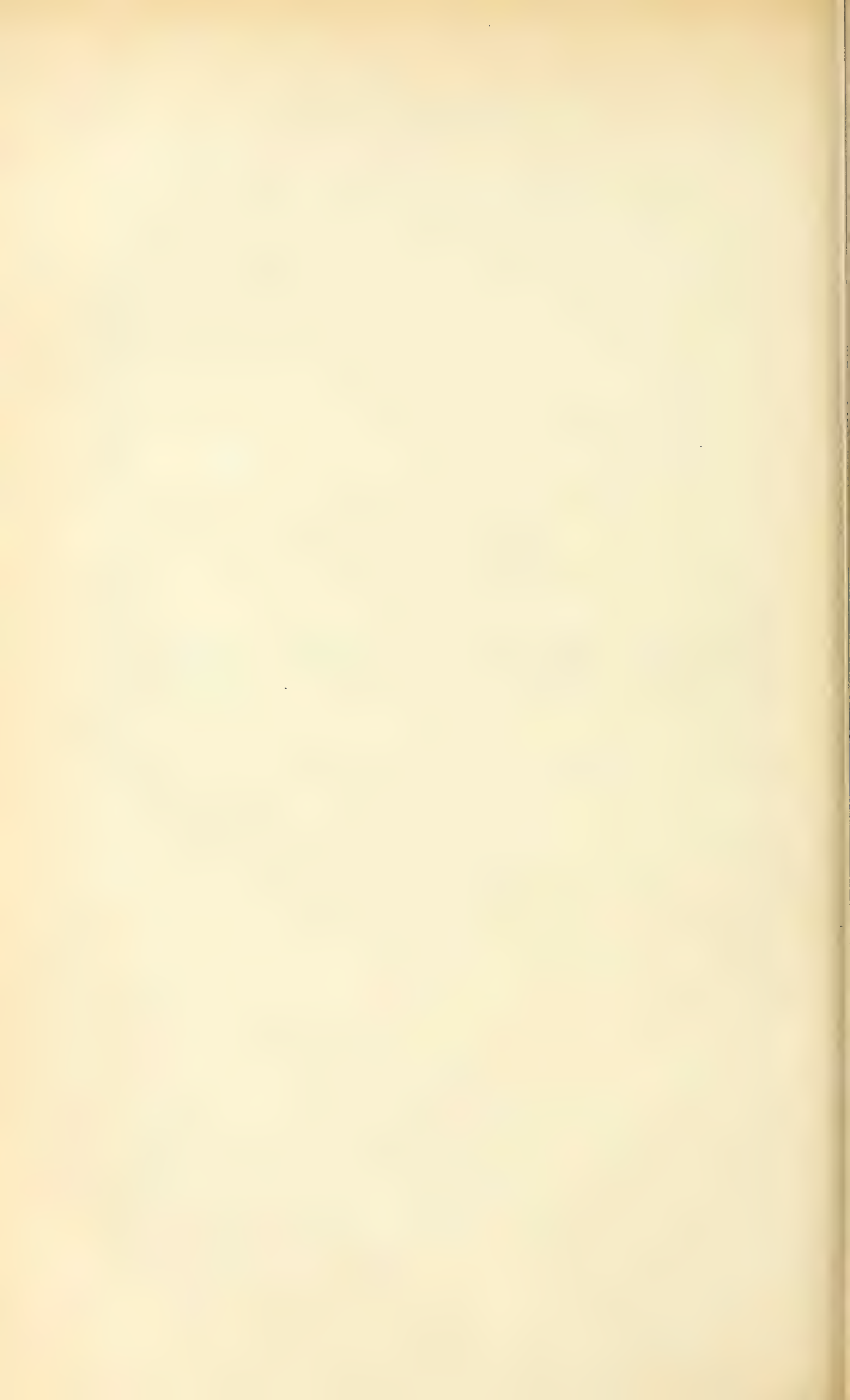
[1]) Deutsches Heldenbuch III; IV, стр. 290; AASS. Aprilis I, 238.

[2]) Lenormant, l. c. I, Préface, p. VII; II, p. 390 слѣд. Сл. P. Meyer, Les premières compilations françaises d'histoire ancienne, въ Romania № 53 стр. 70, прим. 5 (изъ старофранц. прозаическаго roman de Troie): «Et par toute Calabre li païsant ne parlent se grizois non. Encore en Puille, en maint leuz, ont il le service Nostre Seigneur es mostiers a la maniere de Grece et en grizois lengage».

[3]) См. мои Южно-русскія былины, гл. VI, стр. 235—237.

III.

КЪ ВОПРОСУ ОБЪ ИСТОЧНИКАХЪ СЕРБСКОЙ АЛЕКСАНДРІИ.



КЪ ВОПРОСУ ОБЪ ИСТОЧНИКАХЪ СЕРБСКОЙ АЛЕКСАНДРІИ.

Романъ объ Александрѣ Македонскомъ существуетъ въ двухъ старыхъ южно-славянскихъ пересказахъ: одинъ изъ нихъ — сохранившійся въ спискѣ Московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ и вошедшій, съ отмѣнами, въ составъ Эллинскаго лѣтописца, представляется переводомъ Псевдо-Каллисѳена, типа BC, съ интерполяціями изъ Іосифа Флавія, Епифанія и др.; другой, распространенный преимущественно въ сербскихъ спискахъ и дважды изданный [1]), восходитъ къ особому греческому оригиналу, представителями котораго являются, съ одной стороны, вѣнская рукопись XV — XVI вв., вывезенная изъ Константинополя Бусбекомъ, изданная въ отрывкахъ Каппомъ [2]),

[1]) Starine III (1871 г.): Jagić, Život Aleksandra Velikoga, стр. 203—331 (цитуется: Jag.); Новаковић, Приповетка о Александру Великом. У Београду, 1878 (цитуется: Нов.).

[2]) Kapp, Mittheilungen aus zwei griechischen Handschriften als Beitrag zur Geschichte der Alexandersage im Mittelalter, въ Programm des k. k. Real- und Obergymnasiums im IX Gemeindebezirke in Wien. Wien, 1872, стр. 38 слѣд. Кромѣ Александріи, въ сборникѣ помѣщены еще: Исторія Аполлонія Тирскаго, поэмы о Петрѣ Провансскомъ и прекрасной Магелонѣ, о Флорѣ и Платцафлорѣ, о Троянской войнѣ: всѣ въ политическихъ стихахъ и, какъ видно изъ заглавій и изданій, съ содержаніемъ, заимствованнымъ по большей части изъ западныхъ источниковъ. Подробное описаніе рукописи см. у Wagner, Carmina graeca medii aevi, Lips. 1874, p. IX, слѣд.

и нынѣ впервые напечатанная въ приложеніи къ этому труду [1]); съ другой — ново-греческая народная книга объ Александровыхъ дѣяніяхъ и ея сербскій и болгарскій переводы [2]). Текстъ Бусбека, не представляющій видимыхъ пропусковъ, очевидно списанъ былъ съ рукописи, изобиловавшей ими, въ чемъ убѣждаютъ частые перерывы въ связи разсказа и сравненіе съ другими его редакціями. Такъ эпизодъ о Куманахъ и смежный съ нимъ о Филиппѣ и Анаксархѣ, пытавшемся похитить Олимпіаду (Нов. кн. I, гл. 15—16; греч. нар. кн. стр. 23—28), страннымъ образомъ сведены въ одинъ (сл. W, стр. 15, прим. 1); тогда какъ сербская Александрія (Нов. кн. II, гл. 16 слѣд.; греч. нар. кн. стр. 107 слѣд.) помѣщаетъ между смертью Дарія и войной противъ Пора подробный разсказъ о посѣщеніи Александромъ невѣдомыхъ странъ, брахмановъ-нагомудрецовъ у земнаго рая, — вѣнскій текстъ (W, стр. 43 слѣд. и прим. на стр. 43) опускаетъ весь этотъ эпизодъ. Между тѣмъ, напутствуя Александра, Іеремія говоритъ ему: *κοντὰ εἰς τὴν παράδεισον θέλεις ὑπαγένῃ, καὶ ἐκεῖ θέλεις εὕρῃ ἄνδρες καὶ γυναῖκες εἰς ἕνα νησὶν φυλακωμένους, ὁποῦ εἶναι τὸ φαΐ τους καὶ ἡ ζωή τους ἀπὸ ὀπώρα, οὐχὶ ἄλλον τίποτε, καὶ ἡ ἐνδυμασία τους ἔναι τὸ πετζί τους μὲ τὸ μαλλί τους σκεπασμένη· καὶ κοντὰ εἰς τοὺς ἀγγέλους μὲ ἀγάπην εὐφραίνονται· καὶ τὸ ὄνομά τους εἶναι Μάκαροι ἀπὸ τὸν θεόν* (W, стр. 46; сл. греч. нар. кн. стр. 71; Новак. II, гл. I, стр. 49). Позднѣе (W, стр. 63) Александръ на смертномъ одрѣ держитъ такую рѣчь: *ἠπήγαμεν ὅλην τὴν οἰκουμένην καὶ τὴν ἔρημον εἴδαμεν καὶ ἕως τὸν παράδεισον ἤλθαμεν, ὅπου εἶχεν ζήσει ὁ προπάπους μας Ἀδάμ, καὶ ἕως τὴν ἄκραν τῆς γῆς ὑπήγαμεν καὶ τὴν ὕψωσιν τοῦ οὐρανοῦ εἶδα καὶ εἰς τὰ βάθη τῆς θαλάσσης ἐσέβηκα.* Сл. греч. нар. кн. стр. 182:

---

[1]) Цитуется: W, съ ссылкой на страницы нашего изданія.

[2]) Я пользовался слѣдующими изданіями: *Ἱστορία τοῦ μεγάλου Ἀλεξάνδρου τοῦ Μακέδονος. Βίος, πόλεμοι καὶ θάνατος αὐτοῦ.* Венеція, 1852 (цитуется: *греч. нар. книга*); Історіа на великій Александра Македонца, преведе отъ Гръцки Протопоповичъ. Бѣлъ-градъ, 1844 (цитуется: *бол. нар. книга*). — О сербской народной книгѣ см. Новаковичъ, l. c., стр. XXV.

ἐγυρίσαμεν ὅλην τὴν οἰκουμένην, κοντὰ εἰς τὸν παράδεισον ἐπήγαμεν, καὶ εἰς τὴν ἄκραν τῆς γῆς· ἀκόμη εἰς τὴν θάλασσαν ἐμβήκαμεν, ὅλα τὰ εἴδαμεν; Нов. III, гл. 31, стр. 149: в'соу вьселѥн'ноу прѣкхь и до раю доидохь, идѣже Адамь прѣдѣдь нашь жиль бѣше, и в'се [m: крае земле видехомь, и висиноу небесноу оузнахомь, и гльбиноу мора разоумехомь (сл. Jagić, l. c., стр. 328).— О хожденіи къ раю говорятъ подробно и сербскій текстъ и греческая народная книга; несомнѣнно, о немъ говорилось и въ оригиналѣ вѣнскаго списка. Иначе слѣдуетъ отнестись къ другимъ указаніямъ Александровой рѣчи: объ испытаніи небесной высоты и морской глубины — эпизодамъ, извѣстнымъ изъ Псевдокаллисѳена [1]). О первомъ согласно молчатъ и сербскій текстъ, и греческая народная книга; вѣроятно, о нихъ ничего не говорилось и въ опущенномъ эпизодѣ рукописи Бусбека; лишь въ греческой народной книгѣ (стр. 166—167) помѣщенъ разсказъ о посѣщеніи Александромъ морской глубины — не задолго до его кончины. Тѣмъ страннѣе воспоминаніе Александра, удержавшееся во всѣхъ рецензіяхъ: о подвигахъ, вовсе имъ не совершенныхъ — судя по тексту. Слѣдуетъ ли предположить такое же отношеніе уже для оригинала *x*, при чемъ память объ извѣстныхъ приключеніяхъ Александра, не разсказанныхъ авторомъ, могла явиться у него случайно, когда онъ писалъ прощальную рѣчь своего героя? Или же въ *x* эти приключенія были разсказаны, и опущены лишь въ *y*, непосредственномъ подлинникѣ существующихъ греческихъ и славянскихъ рецензій Александріи, а греч. нар. книга воспроизвела одно изъ нихъ (испытаніе морской глубины), слѣдуя какому нибудь другому источнику?

Въ сербскомъ текстѣ (Нов. II, гл. 2—4) и греч. нар. книгѣ (стр. 72—77) Александръ, посѣтивъ Іерусалимъ, идетъ на Египетъ; въ вѣнской рукописи этотъ эпизодъ выпалъ, хотя Іеремія и говоритъ: ἐσύ, Ἀλέξανδρε, ὕπαγε εἰς τὴν Αἴγυπτον (W, стр. 46).

---

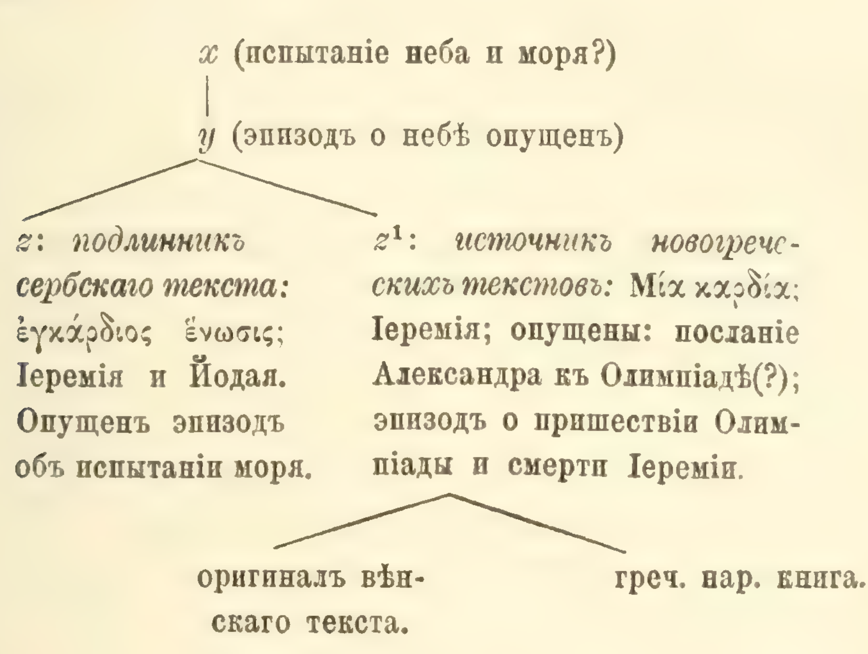
[1]) Къ литературѣ этого сказанія сл. O. Zingerle, Die Quellen zum Alexander des Rudolf von Ems. (1885), стр. 5, прим. 2.

Укажемъ, кромѣ отмѣченнаго въ нашемъ оттискѣ W, стр. 50, прим. 1, еще на одинъ большой пропускъ вѣнскаго текста: опущено все, что̀ легенда заставляла совершать Александра между смертью Пора и его собственнымъ отравленіемъ (сл. W, стр. 60; Нов. III гл. 6—29, стр. 107—145; греч. нар. книга, со стр. 140 до 175 приблизительно), то-есть, эпизоды объ Амазонкахъ и Кандакѣ; выпали: имя брата Вріонуса, его соучастника въ отравленіи, упоминаніе ихъ матери, разсказъ о смерти пророка Іереміи. Такъ какъ послѣдняго эпизода (смерть пророка Іереміи) нѣтъ и въ греческой народной книгѣ, сходной во всемъ остальномъ съ соотвѣтствующимъ отдѣломъ сербскаго текста, то мы получимъ еще генеалогическое указаніе: что въ непосредственномъ источникѣ вѣнской рецензіи и греческой народной книги (z^1) этой подробности уже не существовало. Этому источнику свойственно было и особое названіе для города, построеннаго Александромъ: μία καρδία, тогда какъ въ оригиналѣ сербскаго перевода (z) стояло соотвѣтствующее ἐγκάρδιος ἕνωσις (сл. далѣе гл. I и X); и появленіе въ Іерусалимѣ одного Іереміи, тогда какъ сербскій текстъ называетъ, рядомъ съ нимъ, и Йодаю-Іюду; и отсутствіе разсказа о пришествіи Олимпіады въ Вавилонъ (Нов. III, гл. 26), хотя на этотъ разсказъ есть указанія — и Александръ, умирая, τὴν Ὀλυμπιάδα τὴν μητέρα του... ἐπίασεν ἀπὸ τὸ χέρι (W, стр. 62). Греческая народная книга сократила и кое-гдѣ измѣнила изложеніе своего подлинника, не трогая его плана, кое-гдѣ обнаруживая воздѣйствіе другаго источника, быть можетъ какого-нибудь пересказа Псевдокаллисѳена; списокъ Бусбека, вѣроятно, сохранилъ бы намъ болѣе полное отраженіе оригинала, еслибъ не страдалъ чисто-внѣшними матеріальными опущеніями, къ числу которыхъ относится, вѣроятно, и неупоминаніе имени Лаомедонта въ эпизодѣ о Римѣ (W, стр. 32; сл. Нов. I, гл. 22, стр. 35; греч. нар. кн. стр. 54) и др.

Особо стоитъ слѣдующее: въ эпизодѣ о войнѣ съ Поромъ (Нов. III, гл. 2) сербскій текстъ приводитъ письмо Александра къ Олимпіадѣ, въ которомъ онъ извѣщаетъ её о своихъ приклю-

ченіяхъ со времени смерти Дарія, но въ иномъ, болѣе древнемъ порядкѣ, чѣмъ это изложено въ самомъ разсказѣ о подвигахъ (сл. далѣе, гл. II). Ни въ W, ни въ греч. нар. книгѣ этого посланія нѣтъ; находилось-ли оно въ y, и лишь опущено въ z^1?

Предлагаемая здѣсь родословная текстовъ не что иное, какъ первый опытъ сравненій, которому предстоитъ измѣниться въ частностяхъ по мѣрѣ раскрытія новаго матеріала, славянскаго и греческаго.



О близости z и z^1 можно заключать изъ сравненія сербскаго перевода съ текстомъ Бусбека. Беру на выдержку нѣсколько строкъ изъ начала (Нов. I, гл. 1, стр. 1—2; W, стр. 1—2):

... вь петотысоуштное же лѣто сего стоянія, и царствоуюштоу великаго Рима Таркинію царю, начелствоуюштоу інсраилитьскымь людемь, еуврейскомоу господьствоу, Іодае архіереоу и Іеремію пророкоу, господствоуюштоу же вьсточнымь странамь Дарію сыноу Куроусовоу, об'дрьжештоу Индію тогда Пороу, великомоу царю, и Егуптомь же великымь обладаюштоу Никтонавоу

Ἐπὶ ἔτους ͵ε ἐβασίλευσεν εἰς τὴν παλαιὰν Ῥώμην ὁ Ταρκιανὸς ὁ βασιλεύς, καὶ εἰς τὴν ἀνατολὴν ἐβασίλευσεν ὁ Δάρειος, ὁ υἱὸς τοῦ Κυρίσου καὶ ὅλα τὰ βασίλεια τοῦ κόσμου αὐτόν ἐτελοῦσαν λιζάτον· καὶ εἰς τὴν Ἱερουσαλὴμ ἦτον αὐθέντης εἰς τοὺς Ἰσραηλίτας ὁ προφήτης Ἰερεμίας ἀρχιερεύς· καὶ εἰς τὴν Αἴγυπτον ἐβασίλευσεν ὁ πονηρὸς καὶ ἀστρονόμος Ἐκτέναβος (далѣе Νεκτέναβος),

вльхвоу соуштоу и царю, тогда фридіискымь же странамь и македонскои земли и еладскымь островомь обладаюштоу Філиппоу Грькоу и Еллiноу, роди же се тогда емоу сынь, и нарече име емоу Александрь [1]), по грьчьскомоу ѩзыкоу глаголеть се избрань моужь, избрань же изь млада ꙗвлꙗаше се и добльстьвьнь, красьнь же и благооб'разнь кь вьсѣмь зрештимь его бѣ. Се же не бѣ емоу оть тѣлеснаго рожденіа ни оть чловѣчьскаго оустроѥніа, но (ркп. ни) оть великаго божіа промысла.... Глаголюштіи бо ѥго быти сына цара Филиппа льжоуть, нь сы сынь ѥсть цара егупѣтскаго Анехтенава, великаго вльхва.

ὅλην τὴν Αἴγυπτον· καὶ μὲ τὴν γῆν τῶν Ἀλατήνων· καὶ ὁ Φίλιππος ὁ Ἕλληνος ἐβασίλευσε τὴν Μακεδονίαν μὲ τοὺς Φιλίππους καὶ μὲ τὴν Φιλιππόπολιν. Τοῦ Φιλίππου τοῦ βασιλέως ἐγεννήθη τέκνον ἄρρεν· καὶ οὐδὲν ἦτον σπόρος ἐδικός του, ἐπεὶ ἦτον σπόρος ξένος, καθὼς τὸ θέλετε ἀκούσει· καὶ ἐπωνόμασαν τὸ ὄνομα τοῦ παιδίου εἰς ταὶς ἡμέραις Ἀλέξανδρον ῥωμαϊκά· καὶ εἶχεν ἀπὸ τῆς ἄνω προνοίας χάριν μεγάλην· λέγουν ὁ κόσμος ὅλος, ὅτι ἔναι υἱὸς τοῦ Φιλίππου τοῦ βασιλέως ὁ Ἀλέξανδρος· καὶ οὗτος ὁ λόγος ἔναι ψευδός, τὸ ἀληθὲς ἔναι τοῦτο· τοῦ βασιλέως τῆς Αἰγύπτου υἱὸς τοῦ Νεκτέναβου τοῦ πονηροῦ καὶ ἀστρονόμου.

Румынская Александрія, переведенная съ сербской и не представляющая самостоятельнаго источника, была принята во вниманіе, на сколько она доступна была автору [2]). Если онъ позволилъ себѣ объединить греческіе, славянскіе и румынскіе тексты Александріи подъ названіемъ «сербской», то поводомъ къ тому было особое распространеніе этой рецензіи стараго романа на славянскомъ югѣ и популярность ея сербскаго перевода. Предлагаемый далѣе разборъ источниковъ Александріи, изъ котораго уже сдѣлано было сообщеніе въ двухъ статьяхъ Журнала

[1]) Сл. соотвѣтствующій отрывокъ нашей Александріи въ хронографѣ 1-й редакціи у А. Попова, Хронографы, вып. I, стр. 121.

[2]) См. M. Gaster, Literatura populara romanà (1883), p. 7—31. Стараго изданія румынской Александріи (1797) я не видѣлъ (см. Dimitrie Jarcu, Bibliografia chronologica romana sau Catalog general de cartile romane imprimate de la adoptarea imprimeriei... si pana asta-di. Bucuresci. 1873, стр. 18), но могъ пользоваться изданіемъ 1862 г. (Історіа лȣї Алеѯандрȣ чел маре; далѣе цитуется: рум. нар. книга), эпизодомъ Александріи по рукописи конца XVIII вѣка, въ спискѣ П. А. Сырку, и рукописной румынской Александріей (XVIII в.), принадлежащей археологическому музею при Кіевской Духовной Академіи, № 372 (текстъ съ значительными пробѣлами); цитуется: рум. К.

Министерства Народнаго Просвѣщенія (1884, Іюль и Сентябрь), не притязаетъ на всестороннее рѣшеніе вопросовъ, поднимаемыхъ этимъ интереснымъ памятникомъ. Пополненіе труда поневолѣ приходится поставить въ зависимость отъ знакомства автора съ нѣкоторыми источниками, либо недоступными ему (нѣкоторыя южно-славянскія ркп.), либо имѣющими появиться въ свѣтъ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ. Я имѣю въ виду давно ожидаемое изданіе Поля Мейера [1]. — и desideratum всякаго, занимающагося судьбами европейской Александріи: критическій текстъ Historia de preliis [2]. Авторъ полагаетъ однако, что и при тѣхъ матеріалахъ, которыми онъ могъ располагать, получились нѣкоторыя общія точки зрѣнія, которыя полезно было подвергнуть обсужденію спеціалистовъ.

---

[1] См. пока его Études sur les manuscrits du Roman d'Alexandre, Romania, № 42—3, p. 213—332.

[2] Сл. пока текстъ Historia, изданный Zingerle, l. c. стр. 129 слѣд. Дальнѣйшія ссылки на Hist. de prel., гдѣ нѣтъ особаго указанія, разумѣютъ текстъ Zingerle.

I.

ЮНОСТЬ И ПЕРВЫЕ ПОДВИГИ АЛЕКСАНДРА ДО ПРИШЕСТВІЯ ВЪ ІЕРУСАЛИМЪ.

(Новаковичъ кн. I, Pseudocallisthenes C, I, cap. 1—38.)

Введеніе въ текстъ сербской Александріи, приведенное нами выше, не находитъ себѣ соотвѣтствія ни въ различныхъ редакціяхъ Псевдокаллисѳена, ни у Юлія Валерія, ни въ Historia de preliis [1]). Минуя подробность о леканомантическихъ продѣлкахъ Нектанеба (Pseudocall. I, 1), необходимую для уразумѣнія послѣдующаго (l. c. I, 3), разсказъ прямо переходитъ къ нашествію враговъ на Египетъ. У Псевдокаллисѳена I, 2 оно ничѣмъ не мотивировано: какой-то не названный соглядатай доноситъ о нашествіи безсчисленныхъ варварскихъ народовъ, которые и перечисляются; о Даріи нѣтъ рѣчи; Нектанебъ хвалитъ въ стражѣ его бдительность, но порицаетъ отсутствіе мужества: οὐ γὰρ ἐν ὄχλῳ ἡ δύναμις, ἀλλ' ἐν προθυμίᾳ ὁ πόλεμος· καὶ γὰρ εἷς λέων πολλὰς ἐλάφους ἐθηρεύσατο (C ἐχειρώσατο), καὶ εἷς λύκος πολλὰς ἀγέλας προβάτων (C ποιμνίων) ἐσκύλευσεν. Ὥστε οὖν πορευθεὶς ἅμα τῷ ὑπό σοι στρατοπέδῳ τὴν ἰδίαν παράταξιν φύλαττε· λόγῳ γὰρ ἑνὶ τῶν βαρβάρων ἀναρίθμητον πλῆθος πελάγει ἐπικαλύψω.

Въ сербской Александріи и ея греческомъ источникѣ война противъ Египта мотивирована желаніемъ «окольныхъ» царей

---

[1]) Сл. Pseudocallisthenes ed. C. Müller, стр. 1; Zacher, Pseudocallisthenes, p. 7 слѣд.; Kinzel, Zwei Recensionen der Vita Alexandri Magni interprete Leone archipresbytero Neapolitano (Berlin 1884), p. 1 слѣд.; Zingerle, l. c. стр. 129.

избавиться отъ лукаваго мужа, побѣждавшаго ихъ своимъ волшебствомъ. «Ἐζαρέστησεν ὁ κόσμος ὅλος τὴν ἀστρονομίαν του καὶ τὰ μαγικά του· καὶ ἐποίησαν βουλὴν μὲ τὸν Δάρειον τῆς Περσίας καὶ ὁ βασιλεὺς τῆς Βερίας (= Ἰβερίας) καὶ ο βασιλεὺς τῆς Λεντίας καὶ πολλοὶ ἕτεροι βασιλεῖς οὗτοι· «Ἄς ἐξέλθωμεν μὲ τὰ φουσάτα μας πρὸς τὸν μάγον νὰ τὸν διώξωμεν, τὸν μάγον καὶ Αἴγυπτον». Καὶ ἐσύναξαν οἱ βασιλεῖς φουσάτα πάμπολλα ἀναρίθμητα· ἦτον δὲ εἰς τὸ σύνορον τῆς Περσίας ἕνα κάστρον καὶ εἶχαν αὐθέντην εἰς τὴν μέσην τοὺς Αἴγυπτον, ὀνόματι Βερκαρίαν· ἰδόντας ὁ συνορίτης ὁ Βερβέρης φουσάτον πολλὸν μαζώμενον, ὁποῦ ἔρχονται καταπάνου τοῦ βασιλέως Αἰγύπτου τοῦ Νεκτέναβου, ἐπῆγεν εἰς αὐτὸν καὶ ὡμολόγησέ τον περὶ τὰ φουσάτα, τὸ πόσαις χιλιάδες ἔρχονται, καὶ εἶπεν τοῦ Νεκτέναβου· «ὅτι νὰ ἠξεύρῃς, ἔρχεται ὁ βασιλεὺς τῆς Περσίας, ὁ Δάρειος, ὁποῦ τὸν ἐμαυτὸν του ὀνομάζει ἴσος μὲ τὸν θεὸν καὶ ἔφθασεν καὶ ἐσέβη εἰς τὸ σύνορόν σου μὲ τὰ φουσάτα του πολλὰ ἀναρίθμητα καὶ μὲ ἄλλους βασιλεῖς ἑτέρους ἔρχονται καταπάνου σου, ὥσπερ ὅταν ἀγριεύσουν τὰ κύματα τῆς θαλάσσης καὶ οὐδεὶς ἠμπορεῖ ἀριθμήσει αὐτά, εἰ μὴ εἷς θεός· τόσον φουσάτο ἔρχεται καταπάνω σου νὰ πολεμήσῃ». Ὁ βασιλεὺς ὁ Νεκτένεβος ἐγέλασεν καὶ εἶπεν· «σῦρε ὀπίσω εἰς τὸ βασίλειόν σου καὶ κατανόει καλῶς καὶ πάλιν νὰ μοῦ ἀποστείλῃς λόγον ἐγλήγορα ἐπιστολὴν γραμμένην» (W, стр. 2).

Въ греч. нар. книгѣ (стр. 8—9) эпизодъ этотъ передается сокращенно; цари тѣ-же: Дарій персидскій, ὁ Βασιλεὺς τῆς Λενθίας καὶ τῆς Ἰβηρίας καὶ ἄλλοι πολλοί; имя стража Βερβέρης. Согласіе двухъ греческихъ текстовъ противъ славянскаго и его греческаго прототипа сказывается при сравненіи съ Новак. I, гл. 2: противъ «Нехтенава» совѣщаются «ѩзыци: Персціи, *Ивери*, *Кіане*, *Арапи*, Ѥтиопіа, Ѥлагы, и инии въсточ'ніи ѩзыци мнози. Сл. Jagić, l. c., p. 220 и прим.; въ варьянтахъ отмѣтимъ еще: *Ассиани* (Ѩзиѩни); въ Рум. рки. № 175 (Пыпинъ, Очеркъ, стр. 304):.... Аксіане, Віѡни и Елани. Сл. Pseudocall. I, гл. 2 (и разночтенія, приведенныя Миллеромъ): Ἴβηρες, Καύκωνες, Ἄραθρες (Ἄραβες). — Далѣе «краишт'никь Вер'вехь» или Верверихь (Рум. рки. № 175, Пыпинъ, Очеркъ, стр. 304:

Вѣрвѣрихъ, Верверухъ)[1] говоритъ: «вѣдомо да ти ѥсть, цароу, ꙗко сьмрьтію животь из'мѣноукши дьньсь: Даріе, пер'скыи царь, на мегю землѥ твоѥ доиде, иже тьк'мить се богомь, сь в'сѣми вьсточ'ними цари». Въ отвѣтѣ Нектанеба текстъ Ягича (р. 221) снова поминаетъ Дарія, но Нов. стр. 4 говоритъ «о нашьствіи **Ѥ**_зрьксена_ кралꙗ на **Ѥ**гуп'ть и вьсточ'ныихь царь». **Ѥ**зрьксенъ— можетъ быть = Artaxerxes (_Artaxerxen?_) въ Hist. de preliis: «quadam autem die, dum nuntiatum fuisset ei, quia Artaxerses rex Persarum .... veniret super eum»; «venit super te Artaxerses rex Persarum»; «propter Artaxersen regem Persarum[2]); сл. у Кедрина (ed. Bonn. t. I, стр. 264): _ὁ βασιλεὺς Αἰγύπτου Νεκτεναβὼ μὴ φέρων τὴν ἔφοδον τοῦ Ἀρταξέρξου, παραλαβόντος τότε τὴν Αἴγυπτον .... κατέλαβε τὴν Πέλλην._ Сл. для имени Нов. II, гл. 9: «**Ѥ**ксер'сена (вар. Асексен, Еѯерьксень и др.; Jag., стр. 266) Пер'скыи царь зѣло прѣвьзнесь се, оть Даф'неа смѣрень бысть» = новогр. нар. кн., р. 89: _ὁ βασιλεὺς τῆς Περσίας Ξέρξης ἀπὸ τὴν ὑπερηφανίαν του τὴν πολλὴν ἐσκοτώθη ἀπὸ τοῦ Δαφναίονος τοὺς ἀνθρώπους, καὶ ἐχάθη_; Нов. I, гл. 22: Ексеексень (вар. Езарксенъ, **Ѥ**ѯерѯень и др.; сл. Jag., стр. 240) перьсидиски царь = W, стр. 24: _ὁ Ἐξερξέν_, новогр. нар. кн., р. 41: _ὁ Ξέρξης_; Нов. II, гл. 7: Сексена цара (вар. Ексер'ксна) = W, стр. 50: _τοῦ Ἐξερξένου_, новогр. нар. кн., стр. 84: _τοῦ Ξέρξου_.

Отпустивъ «краишника» Нектанебъ пишетъ по всѣмъ градамъ и странамъ египетскимъ, чтобъ они готовились на брань. «Самь же вь полатоу царскоу вьшедь влшьбноую леканомать начеть творити, златоу роукомию воды налиꙗвь и двѣ войске оть воска сьтворивь, соупротив'ноу и свою, и сиомь хитростію бити се на водѣ. Видѣ свою воискоу одь Персь побиваемоу, и видѣ (богы египетьскіе) крьмеште кораб'лѥ вар'вар'скыѥ, вьводеште воискоу вь **Ѥ**гупть. И вь недооумѣниѥ вьпадь и

---

[1]) Сл. въ среднегр. романѣ о Ливистрѣ и Родамнѣ (изд. у Wagner, Trois poèmes grecs) _египетскаго_ царя Βερδερίχος.

[2]) Zingerle, l. c. стр. 129, 130, 131; Kinzel, l. c. стр. 7; id.: Lamprechts Alexander (Halle, 1885), стр. 3 прим., стр. 4 прим.

въсплакавь се рече: О горе тебе, Ѥгупте, на многа лѣта слави се сь царемь своимь, и вь ѥдино лѣто погибѣ и сь царемь своимь...» Не будучи въ силахъ противиться врагамъ, Нектанебъ остригаетъ голову и бороду, въ полночь выходитъ изъ дворца и бѣжитъ въ Македонію, въ Филиппы («въ Филипоусть», «Пилипусть»); «сѣдь-же тоу вь ѥдиномь мѣстѣ скров'нѣ, врача себе оуказоваше быти и маистора хытра оть звѣздочьтьць Ѥгуп'тьскыихь». Между тѣмъ, не найдя царя, египтяне предаются печали; «писаниѥ же обрѣтоше на одрѣ его глаголюште сице: Любими мои Ѥгуп'тене, зла вашего не могохь зрѣти и вь иноу страноу зем'лѣ отидохь, и по .л.-тихь лѣтѣхь младь пріидоу кь вамь. Сиѥ же писаниѥ обрѣт'ше Ѥгуп'тенѣ, вь златѣ Нехтенава изьваıаше на висоцѣ стльпѣ, по срѣдѣ Ѥгуп'та поставише, и вь роукоу ѥго писаниѥ оно, и на главоу ѥго писань вѣн'ць злать положише, сами же кь Пісадону (вар. въ текстахъ Ягича, Рум. 175 и Кириллобѣлозерскомъ № 1088, XV вѣка: Пасидону) притекше богоу своѥмоу о Нехтенавѣ молѥште се выпрашахоу. Онь-же, вь снѣ ıавль се имь рече: по .л.-хь лѣтѣхь кь вамь имать прити, и м'чь неоуломніи деснице персидскіе имать затоупити, и враги ваше Персіи подь ноги ваше имать покорити». (Нов. I, гл. 3 = Jag., l. c., p. 222—3).

Въ W (стр. 2—4) и соотвѣтствующемъ отдѣлѣ новогр. нар. книги (стр. 9—10) леканомантическія продѣлки Нектанеба переданы сокращенно. W: египетскій богъ Аполлонъ держитъ сторону Дарія [1]); Нектанебъ удаляется въ Филиппы (въ греч. нар. кн.: *εἰς τὴν χώραν τῶν Φιλίππων, ὀνομαζομένην εἰς τὸ παλαιὸν Πέλλα*); нѣтъ спроса у оракула, а въ посланіи Нектанеба есть новая черта: онъ завѣщаетъ Египтянамъ: *νὰ μοῦ ἱστορήσετε τὸ πρόσωπόν μου εἰς τὸν στύλον καὶ νὰ μοῦ βάλετε τὸ στεφάνι μου εἰς τὸ κεφάλιν τῆς ἱστορίας καὶ εἴ τις ἔλθῃ καὶ σταθῇ εἰς τὸν στύλον καὶ πέσῃ τὸ στεφάνι μου εἰς τὸ κεφάλιν του, αὐτὸν τὸν ἄνθρωπον νὰ τον προσκυνήσετε· ὅτι αὐτός ἐστιν ὁ υἱός μου.*—То-же въ греч.

---

[1]) Сл. Mizraim, бога-покровителя Египта, у Wünsche Bibl. rabb. f. XV, 167, XVI, 15.

нар. кн., р. 10: подробность перенесенная сюда изъ Pseudocall. C II, гл. 27. — Ближе всего къ контексту этого эпизода Pseudocall. I, гл. 3, ред. A (и L) = Hist. de prel., Zing. стр. 130—1: Нектанебъ удаляется черезъ Пилусій въ Пеллы; Египтяне спрашиваютъ о немъ τὸν προπάτορα τῶν Ἥφαιστον, который отсылаетъ ихъ διὰ χρησμῳδίας πρὸς τὸν ἀόρατον τοῦ Σινωπίου (C: ἐν τῷ ἀδύτῳ τοῦ Σεραπείῳ θεός; Hist. de prel., стр. 131: ad Serapin). Не оттуда-ли, вслѣдствія описки, Пасидонъ, Писадонъ сербскихъ текстовъ? Пророчество, бывшее имъ, Египтяне изображаютъ на пьедесталѣ Нектанебовой статуи.

Въ Македоніи Нектанебъ вскорѣ снискалъ славу великаго врача и волхва. Олимпіада, жена Филиппа, была неплодна, и это охладило его любовь къ ней. Однажды, уходя на войну, онъ говоритъ женѣ: «аште до враштеніа моего не боуде ти отрочета, не кь томоу очіи мои видиши». Олимпіада опечалена; рабыня указываетъ ей на мудраго Египтянина, который поможетъ ей въ бѣдѣ. Призвавъ Нектанеба, она проситъ его «хытростию своѥю неплодныѥ оутробы моеѥ сьоузь раздрѣшити и силномоу цароу Филипоу срьдце оутврьдити кь моѥй люб'ви». Нектанебъ, прельстившійся красотой царицы, говоритъ ей: «виждоу богы, хотештеѥ сь тобою быти, Амона и Финеса и Ѥркоуріа великаго (вар. у Ягича р. 224: Амон и Пеннес и Еркулис; Амонь и Финеса и Екроулаѩ; Кир. Бѣл. ркп.: Амона и Пинеса и Екроуліа; Рум. 175: Амона и Финеса); да аште симь вьходь сьтвориши кь себѣ, то великоу цароу мати боудеши». Далѣе одинъ лишь Аммонъ является къ Олимпіадѣ; Еркурій, можетъ быть, Меркурій = Гермій, въ образѣ котораго позднѣе является Аммонъ (Pseudocall. II, 13); или-же слѣдуетъ читать Еркулій = Ираклъ, одно изъ выраженій триипостаснаго Аммона, ὁ τρίμορφος θεὸς Ἄμμων; другимъ былъ Діонисъ (l. c. A, I, гл. 6, 7) — можетъ быть Пинесъ, Финесъ нашего текста? Сл. Pseudocall. A, I, 6: θυρσόκομον Διόνυσον; 7: Διονύσου πανθεοῦ— Нектанебъ остается жить въ небольшомъ покоѣ при дворцѣ и вскорѣ является къ Олимпіадѣ въ образѣ бога Аммона: «глава

орьлова и на ней рози василискови и ока си (вар. оѣас; опашь) аспидова и ного львове, криоути же грыпсови, злати и чрьни: сицовь образь бѣ Амоновь». Такъ прельстилъ онъ царицу; уходя, онъ говоритъ ей, что она зачала царя вселенной, и велитъ позвать себя, когда настанутъ роды. Когда-же приспѣлъ часъ рожденія, онъ ободряетъ её: «Подрьжи себе, о царице, не родити дондеже благорастворен҆ни часъ придеть; аште вь сіи часъ родиши, раба и непотребна чловѣка родиши, коло бо кроуга небеснаго вь лоуне стоить; сьги пождавши мало, дондеже небесние планите на оустави станоуть и стихие прѣстоупанѥ [1]), цара царемь родиши и велеоумьна чловѣка. — Пождьвши же роди великаго Александра мѣсеца Марта (вар. Маꙗ) вь .ві. дьнь вь час .ѳ.; рождьшоу се отрочетоу и излезьшомоу на светь проплакавь рече: вь .м.-но лѣто паки возврраштоу се тебѣ, мати. Олимьбіада же вьз҆мьшии отроче кь Дафнеоноу Аполоноу вь црьквь принесе, и оть того отрочиштоу благосовити се молаше и оть книгочіи Аполоновехь и вльховь искаше оувидети каково сіе отроче хоштеть быти. Влышьб҆ною же хитростию моудрьцемь ꙗвль се Аполонь писмени кь нимь прорицаше о Алексенд҆роу имоуште сице: ꙗко отроче сіе в҆сои подсльньч҆нои царь боудеть, благочьстіемь и моудростию и разоумомь великь ꙗвль се; отьца же своего оубивь по .м. лѣтоу кь матери зем҆ли отидеть». (Нов. I, гл. 4—6, Jagić, p. 223—225).

Вѣнскій текстъ (W, стр. 4—7) въ пересказанномъ нами эпизодѣ близко отвѣчаетъ славянскому. Тамъ и здѣсь Филиппъ, отправляясь на войну (въ W стр. 4 Дарій вызываетъ его къ себѣ съ вспомогательнымъ войскомъ), говоритъ женѣ, что если къ его возвращенію она не родитъ ему потомка, ея глаза его больше не увидятъ. Нектанебъ вѣщаетъ Олимпіадѣ, что её посѣтятъ

[1]) Сл. варьянты: докле небеске планите на уставу стану не тих преступани; на оуставоу станоуть и стихе пристоупанию; докле се прелети небески на уставу стану тихие приступа (Jag. стр. 225 и прим.); Кириллобѣлозерскій сп., л. 23 об.: н҃бніи планити станоутъ оустѣхвѣ и стихнетъ (sic); Рум. № 175: дондеже н҃бсніе планиты на уставу станутъ и стихіе преступленіе створеть. — Сл. далѣе, Нов. I, 8 = Jag. стр. 226 и прим., эпизодъ того-же содержанія и въ столь-же испорченномъ текстѣ.

ὁ Ἀμῶν ἢ ὁ Φιλογένης ἢ ὁ Ἀρκοῦτζης, ὁ θεὸς ὁ μέγας, послѣ чего самъ является къ ней въ образѣ Аммона; сл. такую-же тройственность въ славянскихъ текстахъ: Амонъ, Финесъ (= Φιλογένης?), Еркурій (Ἀρκοῦτζης?). — Нектанебъ присутствуетъ при рожденіи Александра, καὶ ὅταν εἶδεν ὅτι ἐπλάτυνεν ἡ νύκτα καὶ ἐδυνάμωσεν τὸ γύρισμα τοῦ οὐρανοῦ καὶ τὰ στοιχεῖα τῆν γῆς, καὶ εἶπεν καὶ ὥρμησεν τὴν βασίλισσαν, καὶ ἐγέννησεν τὸ παιδί. Олимпіада несетъ ребенка, εἰς τὴν ἐκκλησίαν τὸν Δαφνιῶνα τὸν Ἀπόλλωνα: ночью въ пророческомъ сновидѣніи жрецъ Аполлона видитъ славу, ожидающую ея сына.

Греч. нар. книга (стр. 10—14) обличаетъ въ соотвѣтствующемъ разсказѣ вліяніе Псевдокаллисѳена: Нектанебъ обѣщаетъ Олимпіадѣ, что она родитъ отъ бога Аммона, который явится ей ночью *во снѣ* и пребудетъ съ нею. Благодаря волховскимъ продѣлкамъ Нектанеба Олимпіада дѣйствительно видитъ бога, ὡσὰν ἕνα τράγον μεγαλοκέρατον, и на другое утро извѣщаетъ о томъ мага: ἀπόψε εἶδα τὸν θεὸν ἐκεῖνον εἰς τὸν ὕπνον μου, καὶ ἐπιθυμῶ πολλὰ νὰ μείνω μὲ αὐτον. Нектанебъ обѣщаетъ это подъ условіемъ, что онъ самъ останется во дворцѣ διὰ νὰ κάμω συντροφίαν τοῦ θεοῦ τοῦ Ἄμμωνος. Нарядившись въ шкуру и съ рогами козла, онъ каждую ночь посѣщаетъ Олимпіаду, которая, зачавъ отъ воображаемаго Аммона, боится тѣмъ не менѣе, что скажетъ на это Филиппъ. Нектанебъ обѣщается все уладить. — Въ отличіе отъ вѣнскаго текста и славянскихъ пересказовъ, и опять же въ распорядкѣ Псевдокаллисѳена, греч. нар. книга заставляетъ Александра родиться уже по возвращеніи Филиппа, котораго Нектанебъ напередъ приготовилъ своими чарами къ увѣренности, что сынъ, зачатый въ его отсутствіи, дѣйствительно божественнаго происхожденія. О рожденіи чудеснаго ребенка лишь разсказывается, что оно сопровождалось знаменіями грозы, бури и вихря (р. 16).

Какъ уже сказано выше, этотъ распорядокъ греч. нар. книги поддерживается Псевдокаллисѳеномъ, гдѣ рожденіе Александра также совершается по возвращеніи Филиппа. Выберемъ изъ

текстовъ Псевдокаллисоена соотвѣтствія съ пересказанными выше эпизодами. Наказъ Филиппа неплодной Олимпіадѣ является лишь въ C, I, гл. 4: *Τοῦ οὖν Φιλίππου βασιλέως ἀτέκνου μετὰ τῆς Ὀλυμπιάδος τυγχάνοντος, καὶ μέλλων χρονίαν ἀποδημίαν ποιήσασθαι ἐν πολέμῳ, προσκαλεσάμενος τὴν ἑαυτοῦ γυναῖκα Ὀλυμπιάδα καὶ γενόμενος μετ᾽ αὐτῆς, ἔφη «ὦ γύναι, τοῦτο γίνωσκε, ὅτι ἐὰν μή μοι τέξῃς τέκνον, ἐπανιόντος μου ἐκ τοῦ πολέμου, οὐκ ἔτι τοῖς κόλποις μου προσπελάσεις». Διαφαυσάσης οὖν τῆς ἡμέρας, ἤρχετο ὁ Φίλιππος ἐπὶ τὸν πόλεμον σὺν παντὶ τῷ στρατῷ αὐτοῦ.* Служанка докладываетъ опечаленной Олимпіадѣ о Нектанебѣ, за которымъ она и посылаетъ. Слѣдующая во всѣхъ рецензіяхъ Псевдокаллисѳена сцена, въ которой Нектанебъ гадаетъ по своей астрологической табличкѣ о судьбѣ (*γένεσιν*) Олимпіады, не находитъ себѣ соотвѣтствія въ данномъ эпизодѣ нашихъ текстовъ; мы встрѣтимъ его позже. — Далѣе говорится (согласно съ греч. нар. книгой) о сновидѣніи Олимпіады, будто Аммонъ сочетается съ нею (Pseudocal. C, I, гл. 5); она желаетъ видѣть его на яву, и Нектанебъ обѣщаетъ ей это подъ условіемъ, чтобъ ему отведенъ былъ покой во дворцѣ (l. c. гл. 6) и самъ является къ ней въ видѣ бога Аммона: *ἡτοίμασεν ἑαυτῷ πόκον κριοῦ ἁπαλώτατον σὺν τοῖς κέρασι τῶν κροτάφων αὐτοῦ, καὶ ταῦτα χρυσῷ παραπλήσια, καὶ σκῆπτρον ἐβέλινον, καὶ ἱμάτιον λευκόν, καὶ τρίβωνα καθαρώτατον κατέχων τῇ χειρὶ αὐτοῦ δρακοντιοῦντα* (sic). Соединившись съ Олимпіадой онъ пророчитъ ей: *Διάμενον, γύναι, κατὰ γαστρὸς ἔχεις ἄῤῥενα παῖδα ἔκδικόν σου γινόμενον καὶ πάσης τῆς οἰκουμένης κοσμοκράτορα βασιλέα.* — Олимпіада сообщаетъ Нектанебу о посѣщеніи Аммона: она жаждетъ его посѣщеній и соглашается на требованія мага: *παράσχου μοι τὸν τόπον τοῦτον εἰς τὸ κοιμᾶσθαι ἀπαρενόχλητον, ἵνα τὸν συνήθη αὐτῷ καθαρισμὸν ποιήσω, καὶ ἐλεύσεται πρός σε, ὅταν βούλῃ.* Олимпіаду, безпокоющуюся о томъ, какъ отнесется мужъ къ ея беременности, онъ успокоиваетъ будущей помощью Аммона (l. c. C, I, гл. 7). — Рожденіе Александра отнесено, какъ мы сказали, ко времени по возвращеніи Филиппа, именно къ 12-й главѣ: когда настало время рожденія, Нектанебъ,

καταμετρήσας τοὺς οὐρανίους δρόμους ἐψυχαγώγει αὐτὴν τοῦ μὴ σπεῦσαι ἐπὶ τῷ τοκετῷ. καὶ συγκλονήσας τὰ κοσμικὰ στοιχεῖα τῇ μαγικῇ τέχνῃ χρώμενος ἐμάνθανε τα ἐνεστῶτα καὶ λέγει αὐτῇ· Γύναι, ἐπίσχες σαυτήν, ἐὰν γὰρ νῦν ἀποκυήσῃς, ὑπόδουλον καὶ αἰχμάλωτον τέξεις ἢ μέγαν τέρας. И во второй разъ онъ велитъ ей мужаться: *Καρτέρησον, ἔφη, ὀλίγον, γύναι· ἐὰν γὰρ νῦν ἀποκυήσῃς, γάλλος ἔσται καὶ ἀπρόκοπος ὁ γεννώμενος. . . . Πάλιν οὖν κατανοήσας τοὺς οὐρανίους δρόμους τῶν κοσμικῶν στοιχείων ἐπέγνω τὸν σύμπαντα κόσμον μεσουρανοῦντα, καὶ λαμπηδόνα τινα ἐξ οὐρανοῦ ἐθεάσατο ὡς τοῦ ἡλίου μεσουρανοῦντος. καὶ ἔφη πρὸς τὴν Ὀλυμπιάδα· «Δίδου νῦν πρὸς γέννησιν φωνήν». Καὶ αὐτὸς δὲ ἐπένευσεν αὐτῆς τὸν τοκετόν. καὶ εἶπεν αὐτῇ· «Βασιλέα ἄρτι τέξεις κοσμοκράτορα».* При рожденіи Александра былъ такой громъ и молнія, *ὥστε τὸν σύμπαντα κόσμον κινεῖσθαι* (сл. нар. греч. книгу).

Возвратимся къ послѣдовательности славянскихъ и вѣнскаго текстовъ: Александръ родится, когда Филиппъ былъ еще на войнѣ и извѣстился о рожденіи сына — явленіемъ во снѣ бога Аммона (въ одномъ варьянтѣ, Jag. стр. 225 прим: Еремиды призракь), въ образѣ льва, съ золотыми рогами; онъ несетъ Александра и вѣщаетъ царю: «радоуи се и весели се, цароу Филипе, ꙗко соуностати свое побѣди, сына родивь Алексен'дра, велика и нарочита цара». Филиппъ разспрашиваетъ объ этомъ видѣніи македонскихъ философовъ, Менандра и Аристотеля, когда орелъ, пролетѣвъ сквозь шатеръ царевъ, опустилъ на Филиппа яйцо. Тотъ вскочилъ съ одра, яйцо разбилось упавъ на землю, и изъ него вылезла змѣя, которая, обойдя его и желая снова пробраться въ отверстіе, издохла у входа въ него. Истинный сонъ видѣлъ ты въ эту ночь, говоритъ царю Аристотель, тогда какъ вѣстники Олимпіады приносятъ вѣсть о рожденіи сына. Филиппъ спѣшитъ домой (въ градь Филипоусть. Филипус) и любуется наслѣдникомъ («вьторыи прѣкрасныи Іосіфѣ, вьторыи храбре Ахилешоу»), котораго отдаетъ на руки Аристотелю: пусть научитъ его философской премудрости и «омирскимъ писменамъ» (Нов. I, гл. 7—8 = Jag. l. c., p. 225—6).

Въ W, стр. 7—8 этому эпизоду отвѣчаетъ: явленіе во снѣ бога Аммона съ Александромъ на рукахъ; Филиппъ обращается за толкованіемъ къ одному Аристотелю; слѣдуютъ подробности объ орлѣ, роняющемъ яйцо на плечо Филиппа (слав. т.: на крило), яйцѣ и змѣѣ и — пришествіе пословъ отъ Олимпіады; Александра Филиппъ находитъ *ἔμορφον ὡσὰν τὸν Ἰωσὴφ τὸν πάγκαλον*. — Греч. нар. книга (p. 14—16) опускаетъ разсказъ объ орлѣ, находящійся уже у Псевдокаллисоена, но въ остальномъ ближе къ нему: *Ἐπῆγεν ὁ Νεκτεναβὸς, καὶ ἐπῆρεν ἕνα πουλίον λεγόμενον κουκουβάγια, καὶ ἔκαμε μὲ αὐτὸ ταῖς μαγίαις του, διὰ νὰ ἰδῇ ἐνύπνιον ὁ Φίλιππος τὴν ἐγγαστρίαν τῆς Ὀλυμπιάδος*. Во снѣ онъ увидѣлъ Аммона съ Олимпіадой, который говорилъ ей, что она родитъ сына, будущаго властителя міра. Спрошенный Филиппомъ, какой-то магъ объясняетъ ему, что боги взыскали его жену за ея красоту. Въ этомъ смыслѣ Филиппъ успокоиваетъ смущенную Олимпіаду: вѣдь боги *μᾶς κάνουν ὅ τι θέλουν*; но въ немъ еще осталось сомнѣніе и онъ хочетъ допросить жену. Узнавъ о томъ, Нектанебъ принимаетъ образъ, уже встрѣтившійся намъ въ славянскихъ пересказахъ (Пов. I. гл. 5): *ἦτον τὸ κεφάλι του ὡσὰν ἀετοῦ, τὰ πτερά του ὡσὰν τοῦ βασιλίσκου, οἱ πόδες του ὡσὰν τοῦ πάρδου*. На виду у всѣхъ онъ *ἐπῆγε νὰ ἀγκαλιάσῃ τὴν Ὀλυμπιάδα, καὶ τὴν ἐφίλησε, καὶ ἔπειτα, μεταμορφωθεὶς εἰς εἶδος γερακίου, ἐπέταξεν*. На вопросъ испуганнаго царя Олимпіада отвѣчаетъ, что это — Аммонъ, и Филиппъ успокоивается.

Греч. нар. книга, очевидно, понимаетъ дѣло такъ, что Нектанебъ творитъ какія-то чары надъ *κουκουβάγια* (сова), чтобы вызвать во снѣ Филиппа видѣніе Аммона. У Pseudocall. C. I. гл. 8 Нектанебъ *λαβὼν θαλάσσιον . . . ἱέρακα, τοῦτον ἐμάγευσεν, καὶ ὅσα ἐβούλετο εἰπεῖν τὸν ἱέρακα ἐν ὀνείροις τῷ Φιλίππῳ. ὁ ἱέραξ ἔλεγεν αὐτῷ, μαγικαῖς κακοτεχνίαις παρασκευάσας αὐτὸν ἵπτασθαι. καὶ ἐλάλησε τῷ Φιλίππῳ ἐν ὀνείρῳ, καθὼς προσετάχθη παρὰ τοῦ Νεκτεναβῶ*. — Птица какъ-бы наговариваетъ сновидѣніе; *ἱέραξ* — священная птица Аммона — и Филиппу дѣйствительно видится во снѣ Аммонъ, соединяющійся съ его женою и вѣщающій:

Γύναι, συνέλαβες παῖδα ἄρρενα, ὃς καὶ θάνατον τοῦ πατρὸς ἐκδικήσει. Снотолкователи объясняютъ это видѣніе въ томъ смыслѣ, что Олимпіада зачала отъ Аммона, послѣ чего Филиппъ, вернувшись, утѣшаетъ жену: она не виновна, *εἰς πάντα γὰρ δυνάμεθα οἱ βασιλεῖς, πρὸς δὲ τοὺς θεοὺς οὐ δυνάμεθα* (C, I, 9). Черезъ нѣсколько дней онъ однако снова выражаетъ подозрѣніе и обѣщаетъ наказать любовника; тогда Нектанебъ прибѣгаетъ къ чарамъ, явившись въ образѣ дракона, увивающагося вокругъ Олимпіады, лобзающаго её и исчезающаго въ образѣ орла. Филиппъ увѣровалъ въ присутствіе божества: *ἔδειξε δὲ ἡμῖν καὶ θεοῦ Ἄμμωνος μορφὴν καὶ Ἀπόλλωνος καὶ Ἀσκληπιοῦ* (C, I, 10)[1]. Уже за тѣмъ (C, I, 11) слѣдуетъ чудо съ птицей, снесшей яйцо на лонѣ царя, и вышедшемъ изъ яйца *μικρὸν δρακόντιον*. Чудо передается въ знакомыхъ намъ чертахъ; толкователь знаменія (въ редакціи A: Антифонтъ) даетъ ему тоже толкованіе: «*Βασιλεῦ, ἔσται σου υἱός, ὃς περιελεύσεται ὅλον τὸν κόσμον πάντας τῇ ἰδίᾳ δυνάμει ὑποτάσσων, ὑποστρέφων δὲ εἰς τὰ ἴδια βασίλεια ὀλιγοχρόνιος τελευτήσει. ὁ γὰρ δράκων βασιλικὸν ζῶόν ἐστι· τὸ δὲ ᾠὸν παραπλήσιον τῷ κόσμῳ, ὅθεν ὁ δράκων ἐξῆλθεν. Κυκλεύσας οὖν τὸν κόσμον καὶ βουλόμενος ὅθεν ἐξῆλθεν εἰσελθεῖν οὐκ ἔφθασεν, ἀλλ' ἐτελεύτησεν.*

Переходя къ обученію Александра славянскіе тексты разсказываютъ, что въ одинъ годъ онъ изучилъ у Аристотеля Иліаду и Одиссею, и «Органь великыи за годиноу наоучи». За это ненавидятъ его сверстники и говорятъ ему: «ꙗко аште бы кь Нехтенавоу вльх'воу шьль, о Алексан'дре, онь те би наоучиль небеснааго кроуга хождению и часовниѥ хытрости и прѣстоупаниѥ (вар. небеснаго кроуга хождению, и часовь лоуниихь и стихие прѣстоупаниѥ; и часовныхь и стихиѥ прѣстоупаниѥ; небеснога круга хотение и часове луне; небесьнаго кроуга хождению и часовь лоуньниихь и стихие прѣстоупаниѥ и др.). Александръ говоритъ о томъ матери, которая, призвавъ Нектанеба, поручаетъ ему сына. Нектанебъ научаетъ его египетской и «вирги-

---

[1] Сл. выше, стр. 143 и 144—5, сказанное о триипостасномъ Аммонѣ.

лійской» хитрости [1]); Филиппъ не нарадуется. — Однажды Аристотель «.р. (вар. .д. ста) дѣтіи сьбра, соувръстныхь Алексен҆дроу, хотеи испитати нарокь кго, и прѣдь кдинѣми Алексен҆дра постави воеводоу, прѣдь дроузема же Потоломѣа нѣкоего юношоу сына Ар҆факсадова воиводѣ Филипова, и сихь наредн бити се вь сынгрите Филипове (вар. у двору Филипову). Дѣти же вьзѣм҆ше стаии, ими же рать творахоу; кгоже крьвав҆лахоу, ть ꙗко побѣждень изь боꙗ исхождааше. Алексен҆дроу же паче вьсѣхь прѣспѣвающтоу соупротив҆нымь одолѣ, и оть вьсѣхь дѣтіи ꙗко царь прослав҆кнь бысть; и зрѣше чюд҆ныи Аристотель, дидаскаль кго, и див҆лаше се глаголк: благочьстивомоу моужоу и бози и врази помагають, и злочьстивомоу ни присни кго помагають. Кь нкмоу же рече Аристооель: Фер҆нпре (вар. френпре) Алексен҆дре, аште царь на земли наречеши се, ч҆то добро дидаскалоу сьтвориши? Вьз҆глагола же кь нкмоу Алексен҆дрь: Велѣоумноу моужоу не подобакть прѣжде даніа обѣштавати, нь аште азь вьзнесоу се, и ты сь мною великь боудеши зѣло; лоза бо не прилѣп҆лакть се дал҆ныхь дрѣвѣхь аште и висока соуть, нь ближнимь, аште и мала соуть. Тако и царь великы оубо чтеть по достоꙗнию, прис҆нике же своке любить векк».

У Александра былъ обычай ходить до обѣда къ Аристотелю, вечеромъ-же къ Нектанебу, отъ котораго онъ научился «хожденіа небеснаа, .вı. живот҆ныихь небесных и .з. планить.... сиꙗ же на кедесь (вар. кеньдосе; дьсце; таблици) оуписан҆на бѣхоу по подобію». Названія планетъ испорчены; вотъ варіанты: «*сльноу*, лоуноу *и лоуноу*, *извьсто акинось*, *сикронось*, *афродитикрь* идол҆ноумь *ера*»; «*сльнна* же и *лоуноу*, *завесть и акин҆тисть*, *кроность*, *арись*, *афоровить*, *ср҆мись*, *ира*»; «*и завесть и акинонсть*, *кронось*, *арись* (рки. дрись), *афровись*, *ермись*, *ира*»; «*иакинство кроносу*, *арис*, *арповии*, *армис*». Разумѣется такая-же таблица, πινακίδιον, съ астрологическими знаками, по какой

---

[1]) О значеніи этого термина см. Jagić въ Arch. f. slav. Philol. II, 437—81: Die südslavischen Volkssagen von dem Grabancijaš dyak und ihre Erklärung; см. особенно стр. 456 и дополнительное примѣчаніе на стр. 713.

у Pseudocall. C, I, гл. 4 Нектанебъ волхвуетъ Олимпіадѣ: ἔχων δὲ ἀστέρας ἑπτὰ καὶ ὡροσκόπον, ἥλιον καὶ σελήνην· καὶ ὁ μὲν ἥλιος κρυστάλλινος, ἡ δὲ σελήνη ἀδαμαντίνη, ὁ δὲ λεγόμενος Ζεὺς ἀέρινος, ὁ δὲ Κρόνος ὀφίτης, ἡ δε Ἀφροδίτη σαπφείρινος, ὁ δὲ Ἑρμῆς σμαράγδινος. У Юлія Валерія перечень такой: Зевсъ, Солнце, Луна, *Марсъ*, Меркурій, Венера, Сатурнъ. Я не сомнѣваюсь, что въ основѣ непонятнаго: *извѣсто акинось*, завесть и акинтисть, завесть и акїонисть лежитъ что-нибудь въ родѣ Ζεὺς ἀέρινος (Pseudocall. l. c., A и L: τὸν Δία αἰθερίτου λίθου) вм. ὑακίνθινος; что, можетъ быть, нѣкоторыя изъ странныхъ именъ не что иное, какъ искаженіе эпитетовъ; арись, арис могло стоять вм. Аресъ = Марсъ Юлія Валерія. Сл. W, стр. 9: ἀπ' αὐτοῦ (т. е. Нектанева) ἔμαθεν (Александръ) τῶν τρεχομένων ζῳδίων τοῦ οὐρανοῦ ἐπὶ τὰς ζώνας καὶ τὰς καμάρας καὶ τοὺς ἑπτὰ πλανήτας ἀρχή· Κρονος, Ἄρης, Ἀφροδίτης, Ἕρμης, Ἥρα, Δίας, Ἥλιος. Καὶ ἔγραψεν εἰς σκέδον (сл. слав. т.: кседесь). — Въ греч. нар. кн. стр. 17 этихъ подробностей нѣтъ. Сл. Cosmas Hierosol. Ad Carm. S. Gregorii Theol., о зодіакѣ: ἄλλοι δὲ ζώνας ὀνομάζοντες τοὺς ἑπτα οὕτως ἀριθμοῦνται· Κρόνος, Ζεύς, Ἥλιος, Ἄρης, Ἀφροδίτη, Ἑρμῆς, Σελήνη [1]), и славянскую статью «о небеси»: «есть же на семъ долнемъ небеси *Луна*, и на вторѣмъ по сеи *Ермисъ*, на третіемъ есть *Афродитъ*, на четвръtомъ небеси *Слънце*, на пятомъ *Арисъ*, на шестомъ *Зевсъ*, на седмомъ *Кронъ*» [2]).

Однажды Александръ спросилъ Нектанеба: «Възвѣсти ми, оучителю, како великаго божіаго промисла тваремь знахорь еси, и како обьявиши сие чловѣкомь земльнымь? Онь-же кь немоу рече: Божіи великыи недовѣдомыи и непостижими промысль сы недовѣдомо како мнѣ бысть, ими же соуд'бами вѣсть чловѣчьскомоу обьяви родоу, яко да съдѣтель оть твари своеи познаеть се». —

---

[1]) Migne Patrol. gr. t. 38 p. 461—462; въ Hist. de prel. Нектанебъ говоритъ Александру, что звѣзды Herculis, Mercurii и Jovis вѣщаютъ ему близкую смерть. Сл. Zingerle, стр. 139.

[2]) Пам. старинн. русск. литер. III, стр. 156.

А знаешь-ли ты, какая будетъ тебѣ смерть? — Нектанебъ говоритъ, что онъ будетъ убитъ своимъ собственнымъ сыномъ; въ опроверженіе его словъ, Александръ свергаетъ его «сь високаго регетоньскаго (вар. реготоского) камене близь судишта царьскаго» (W, стр. 10: *ἀπὸ τὸ σπήλαιον .... ἔμπροσθεν τὴν βασιλικὴν κρίσιν*; греч. нар. кн. стр. 18: *ἀπὸ τὸν πύργον*). Умирая, Нектанебъ открываетъ ему, что онъ и есть его сынъ; о томъ знаетъ одна Олимпіада; «азь-же, сыноу мои Алексен̕дре, отхождоу вь адь вь нижныхь, идѣже прѣдани соуть вьси елин̕сціи богы оть великаго Саваоть-бога». Тѣло убитаго Александръ приноситъ къ матери, которая всё разсказала ему по истинѣ.

Между тѣмъ къ Филиппу является начальникъ его конюховъ и говоритъ: «да знашь, цароу, ѩко вь *лакимiахь* (вар. свиренницах; Кир. Бѣл. стадехъ; W, стр. 10: *εἰς τὴν λακινίαν σου*; греч. нар. кн. стр. 19: *εἰς τὴν λακινίαν τῆς βασιλείας σου*) твоихь конь чюд̕нъ роди се, чюднеи оть вьсѣхь конь: волоукı глава на десной бѣдри (и?) розы сь (вар. за, междоу) оушима злати ѩвили се бише». — Сл. W, стр. 10: «*ἔχει εἰς τὴν δεξιάν του μερίαν εἰς τὸ μερὶ βουκέφαλον μὲ κέρατα καὶ μὲ αὐτία ἕναν πήχαν*»; «*ἐθαύμασαν .... τὸ σημεῖον εἰς τὸ μερί*»; греч. нар. кн. стр. 19: *μὲ ἕνα σημάδι εἰς τὸ δεξιόν του ποδάρι, ἔχοντας τὸ κεφάλι εἰς εἶδος βοϊδιοῦ, μὲ κέρατα μεγάλα ἕως μίαν πήχην*; сл. Hist. de prel. Zing. 140: dicebatur Bucefalas propter aspectus torvitatem seu ab insignis, quod taurinum caput in armo habebat ustum, seu quod de fronte eius quedam mine corniculorum protuberabant. — Когда привели чудеснаго коня (въ надписаніи главы онъ названъ «доучипаломъ»), царь велитъ сдѣлать ему «гвоздяную конюшню»; передъ нимъ метали осужденныхъ на смерть, и никто не смѣлъ приступиться къ нему кромѣ Александра, завидѣвъ котораго онъ «отметаше ıрость, тихо хрепеташе кь немоу, поклоненıе кь цароу своıемоу показоуı. Ѥдиною же Алексен̕дрь за оухо ıего похвати прозоромь, онь-же сь тихостію послѣдоваше ıемоу, ıако юньць ıар̕мникь. И се поклоненıе коня Алексен̕дрь видѣвь, ключе оть клети вьз̕мь, кь коню вьниде и сего осѣдлавь, вьсѣде на нь и на кон̕ско оуристованıе

поиде». Филиппъ, смотрѣвшій тогда изъ своей палаты на ристаніе македонскихъ витязей, дивится сыну; витязи, спѣшившись, поклонились ему какъ царю. Александръ всѣхъ опередилъ и едва остановилъ «твердоустаго» коня «на четирехь звѣровид'нихь (вар. на честихь изворехь, чьстыихь изворихь, честими извори), градь же сьзда тоу и нарече име кмоу Драмь, по срьб'скомь кзыкоу Потечиште» (W, стр. 11: *βρύσαις ἡ πολλαῖς.... Δρομὴ Καλή*). Филиппъ предвидитъ будущія побѣды Александра: «О горе приближаюштіимь се македониискымь прѣдѣломь, ико вь остры мьчь Алексен'дровь падоуть и кон'ми македоніискыми попран'ни боудоуть. И кь Македоникомь посмеивь се рече: ико вь подоби Ираклiа витеза теталиского видехь Александра дьньсь моего, текоушта на вологлавомь коноу». Онъ даетъ ему тысячу сверстниковъ, чтобы вмѣстѣ съ ними упражняться въ охотѣ и воинскомъ дѣлѣ.

Содержанію приведенныхъ главъ (Нов. I, гл. 8—10, Jag. l. c., p. 226—230) отвѣчаетъ W, стр. 8—11, за вычетомъ одного эпизода, очевидно опущеннаго, хотя на него я не указалъ въ моемъ оттискѣ текста: пропускъ приходится на стр. 8, строкѣ 10—11-й сверху: *καὶ ὁ βασιλεὺς — ἔκρασεν*, отвѣчая Нов. стр. 10, строка 6 сверху (*царь* Филипь *призва*), до стр. 11, строка 9 сверху (Аристотель.... *собра*). Такимъ образомъ мы не знаемъ, что отвѣчало въ W «вергиліиской мудрости» Нов. стр. 11; Птолемея (въ описаніи военныхъ игръ) нѣтъ; на нѣкоторыя частныя согласія обоихъ текстовъ указано было выше.— Греч. нар. кн. стр. 16—21 разсказываетъ, что четырехлѣтній Александръ отданъ былъ въ обученіе Аристотелю (грамматикѣ, риторикѣ, философіи); сверстники завидуютъ ему; онъ самъ просится у матери пойти въ науку къ Нектанебу (*τὰ ἀστρονομικὰ καὶ μαγικά*); *ἀπὸ δὲ τὸ ταχὺ ἕως τὸ γεῦμα ἐπήγαινεν ὁ Ἀλέξανδρος εἰς τὸν Ἀριστοτέλη, καὶ ἐσπούδαζε, καὶ ἀπὸ τὸ γεῦμα ἕως τὸ βράδυ πάλιν ἐπήγαινεν εἰς τὸν πονηρὸν Νεκτεναβόν*. Слѣдуетъ разсказъ о военной игрѣ мальчиковъ, устроенной Аристотелемъ: однимъ отрядомъ предводительствовалъ Александръ, другимъ Птолемей.

Александръ всегда побѣждаетъ, а Аристотель спрашиваетъ: *Ἀλέξανδρε, ἀνίσως γένῃς βασιλεύς, καὶ ὁρίσῃς τὸν κόσμον ὅλον, τί καλὸν θέλεις τοῦ κάμῃ;* Ὁ Ἀλέξανδρος ἀπεκρίθη καὶ τοῦ εἶπε· *Διδάσκαλε, ἀνίσως γένῃ αὐτὸ ὁποῦ λέγεις, καὶ γίνω Αὐτοκράτωρ τοῦ κόσμου ὅλου, ἐσένα θέλω σὲ κάμῃ μέγαν ἄνθρωπον, νὰ εἶσαι πάντα μετ' ἐμένα.* Καὶ ὁ Ἀριστοτέλης τοῦ εἶπε· *Χαῖρε λοιπὸν, Ἀλέξανδρε Αὐτοκράτωρ, ὅτι εἰς ἐσένα θέλει ἔλθῃ τὸ βασίλειον νὰ ἐξουσιάσῃς ὅλον τὸν κόσμον.*—Нектанебъ поучаетъ Александра распознавать звѣзды; астрологической таблицы нѣтъ: Александръ спрашиваетъ волхва, знаетъ-ли онъ, какая ему приключится смерть; получивъ извѣстный намъ отвѣтъ, сбрасываетъ его съ башни и узнаетъ отъ него и отъ матери тайну своего рожденія. — Тогда Филиппу приносятъ вѣсть о Вукефалѣ; Филиппъ дивится ему и велитъ запереть *εἰς ἕνα σταῦλον ξεχωριστὸν*, гдѣ никто не осмѣливается подойти къ нему; но къ Александру онъ ласкается и лижетъ ему руки. Ὁ Φίλιππος *εἶχε συνήθειαν, καὶ μίαν φορὰν τὴν ἑβδομάδα ἔδιδε θέλημα νὰ κάμουν ἱπποδρόμιον οἱ ἄρχοντές του μὲ τοὺς πρώτους καβαλλαραίους του, καὶ τρέχοντας τὰ ἄλογα, αὐτὸς ἐκάθητο καὶ τοὺς ἐκύτταζεν.* Когда Александръ выѣхалъ на ипподромъ на Вукефалѣ, всѣ поклонились ему, какъ царскому сыну. Слѣдующая за тѣмъ подробность сложилась, быть можетъ, подъ вліяніемъ эпизода объ «олимпійскихъ играхъ», въ которомъ Гефестіонъ Псевдокаллисоена, какъ спутникъ Александра, уступилъ мѣсто Птолемею во всѣхъ отраженіяхъ разбираемаго нами текста. Александръ проситъ Птоломея *διὰ νὰ τρέξουν μαζῆ*, и опереживаетъ его *ἕως ἑνὸς τόξου βολὴ, καὶ ὅλοι ἐθαύμασαν, διατὶ ὁ Πτολεμαῖος ἦτον ὁ πρῶτος εἰς τὸ τρέξιμον.* Филиппъ радуется и говоритъ: *Οὐρανὲ, ἥλιε καὶ σελήνη, σήμερον νὰ ἠξεύρετε, ὅτι τὸ σπαθὶ τοῦ Ἀλεξάνδρου μὲ τοὺς Μακεδόνας θέλουν συντρίψει τὰ σπαθία ὅλα τοῦ κόσμου.* Онъ даетъ Александру сверстниковъ, съ которыми тотъ предается военнымъ упражненіямъ.

Весь этотъ отдѣлъ «о юности Александра» представляется въ значительно иномъ видѣ, чѣмъ у Псевдокаллисоена. Филиппъ не хотѣлъ было воспитать Александра, ибо онъ не его сынъ.

но рѣшается на это, такъ какъ онъ божественнаго рода — и въ память покойнаго своего сына отъ первой жены. Описывается наружность Александра, перечисляются учителя: между прочимъ, учитель грамматики Полиникъ, реторики Анаксименъ, философіи Аристотель. Александръ не только самъ обучаетъ своихъ сверстниковъ, но, собравъ, упражняетъ ихъ въ военныхъ играхъ: *ὁπότε δὲ ἑωράκει μέρος ἡττώμενον ὑπὸ τοῦ ἑτέρου, εἰς τὸ ἡττώμενον μέρος μετέβαινε, καὶ ἐβοήθει καὶ πάλιν ἐνίκα, ὡς φανερὸν ἦν ὅτι αὐτὸς ἡ νίκη.* Въ это время приводятъ къ Филиппу «*ἐκ τῶν ἱπποφορβίων αὐτοῦ*», чудеснаго коня человѣкоядца; *θεασάμενος δὲ αὐτοῦ τὸ μέγεθος Φίλιππος ὁ βασιλεύς, καὶ ὅτι βοὸς κεφαλὴν ἔχει ἐκτετυπωμένην ἐν τῷ δεξιῷ μηρῷ καὶ κέρας ἐν τῇ κεφαλῇ, ἐθαύμασε.* Онъ велитъ его запереть въ *σιδηροῦν κάγκελλον* и бросать ему преступниковъ (Pseudocall. C, I, гл. 13). Редакція A говоритъ, что Вукефала привели *οἱ τῆς Καππαδοκίας ἄρχοντες*: Hist. de Prel. quidam principes Capadoces, или princeps Capadocie [1]). О знаменіяхъ коня говоритъ ред. C еще I, гл. 15, на этотъ разъ согласно съ A и B.

Тогда какъ сербская Александрія, W, нар. греч. кн. и, согласно съ ними, Hist. de prel. (Zingerle, стр. 138 слѣд.) разсказываютъ о Вукефалѣ уже по смерти Нектанеба, Псевдокаллисоенъ C, I, гл. 14, помѣщаетъ её между приводомъ чудеснаго коня и первымъ выѣздомъ на немъ Александра. Филиппъ радуется успѣхамъ юнаго героя, но сѣтуетъ, что онъ не похожъ на него. Обезпокоенная этимъ Олимпіада проситъ Нектанеба прочесть въ звѣздахъ, что имѣетъ противъ нея Филиппъ: присутствовавшій при томъ Александръ спрашиваетъ, можетъ-ли и онъ это сдѣлать. Нектанебъ обѣщаетъ научить его и вечеромъ идетъ съ нимъ въ пустынное мѣсто за городомъ, гдѣ Александръ свергаетъ его съ стремнины: твоя вина, говоритъ онъ ему, что стремясь познать небо, ты не зналъ, что совершится на землѣ. Но онъ зналъ это, потому что ему вѣдома была смерть отъ руки

---

[1]) Kinzel, Zwei Recensionen, стр. 9: Zingerle, l. c. стр. 140.

сына. Онъ открываетъ Александру, что онъ отецъ его, и мать подтверждаетъ это, когда Александръ приносъ ей трупъ убитаго. — Филиппъ спрашиваетъ Дельфійскій оракулъ, кто будетъ послѣ него царемъ; отвѣтъ: тотъ, кто проѣдется по городу верхомъ на Вукефалѣ (С, I, гл. 15). — Аристотель обращается къ своимъ ученикамъ, между которыми были и царскія дѣти, съ вопросомъ: что они сдѣлаютъ для него, когда воцарятся; отвѣтъ Александра близокъ по содержанію къ такому-же отвѣту въ сербской Александріи: *περὶ τῶν μελλόντων μοι πραγμάτων ἄρτι μὴ πυνθάνῃ τῆς αὔριον ἐνέχυρον μὴ ἔχων, τότε δώσω σοι τοῦ καιροῦ καὶ τῆς ὥρας ἐλευσομένης.* Нар. греч. кн., можетъ быть перенесла на Александра, одну изъ общихъ отповѣдей (Аристотелю) Александровыхъ сверстниковъ: «*ἔσῃ παρ᾽ ἐμοὶ συνδίαιτος καὶ ἔνδοξόν σε παρὰ πάντας ποιήσω*»; «*διοικητήν σε ποιήσω, καὶ τῶν ὑπ᾽ ἐμοῦ κρινομένων πάντων σύμβουλόν σε καταστήσω*» (l. c., гл. 16). Одинъ изъ этихъ отвѣтовъ, равно какъ и предъидущій, могли находиться въ первоисточникѣ нашего текста — если нар. греч. кн. и здѣсь не подновлена изъ Псевдокаллисѳена. — Александру было пятнадцать лѣтъ, когда проходя однажды мимо конюшни Вукефала, онъ слышитъ его страшное ржаніе; стратархъ Птолемей говоритъ ему, что тутъ запертъ конь человѣкоядецъ. Услышавъ голосъ Александра онъ ласково заржалъ, и когда тотъ подошелъ къ клѣткѣ, палъ на переднія ноги и вытянулъ языкъ (какъ бы готовясь облобызать своего господина). Отстранивъ сторожей, Александръ входитъ къ Вукефалу, кругомъ котораго лежали остатки пожранныхъ имъ людей, и вскочивъ на него, ѣдетъ по Пеллѣ. Когда докладываютъ о томъ Филиппу онъ восклицаетъ: *Χαίροις, Ἀλέξανδρε κοσμοκράτορ* (l. c. гл. 17).

Продолжая наше сравненіе текстовъ мы пришли къ разсказу объ олимпійскомъ состязаніи Александра.

«Въ олимбискихь-же странахь двѣ коле сьтворене бѣхоу близоу соуштихь Дафенеона Аполона, а на техь же колехь вьсходеште витези оть земле хитростию елиньскою некоесю оухиштрение, кобь себе и нарокь иитахоу, .д. вь коупе и осьмь тор-

наюштимь се». Александръ хочетъ туда отправиться; Филиппъ сначала останавливаетъ пятьнадцатилѣтняго юношу, но потомъ отправляетъ съ Птолемеемъ и другими витязями, снабдивъ его конями и всѣмъ, что подобало царевичу. Состязаніе представлено какимъ-то боемъ: «Тоу-же Александрь пришьдь сь неглиторьскима (Кир. Бѣл. сп.: еглиторьскима) витезома борити се вьроучи. Лаомедушемъ (вар. Лаомендушу) и Калистеноушемь, онь же сь воеводою своимь Потоломеемь. И тоу оубо заврьтевьшима се обема колома, четире се стекьше витези, оударивьшимь-же се имь, Александрь же Калестеноуша оуби, Потоломѣй же Лаомедоуша оурва». Всѣ дивятся красотѣ Александра, а нѣкій философъ Ураній говоритъ: «Моудрость и храбрость не многолѣтиемь почтен'на ксть, нь тврьдими и добрими срьдци». Узнавъ отъ Александра, кто онъ, онъ продолжаетъ: «Слышахь оть оучителкй глаголюштихь, кко вьстати имать оть Македоник оть Филипова града царь, и поразить вьсе к'незе западник и сьроушить в'се царе вьсточ'ньк, да аште ты кси, Алексен'дре, милостивь боуди градоу нашемоу. — О сихь же Алексен'дрь насмиявь се рече: Не моимь промышлениемь, о философе, нь вышняго промысла произволкюштоу и дѣюштоу» (Пов. I, гл. 11—12 = Jag. l. c., p. 230—1).

Въ вѣнскомъ текстѣ (W, стр. 11—13) Александръ идетъ въ Олимпію («νὰ κονταρεύῃ εἰς τὴν Ὀλυμπιάδα», «εἰς τὸ νησὶν τῆς Ὀλυμπιάδος») съ Птолемеемъ, состязается μὲ δύο ἀδελφοὺς ἀπὸ τὴν Ἐγκλητέραν .... τὸν Λαουμέτρον (далѣе Λαομετρούστην) καὶ τὸν Καλλιστερνούστη; философъ не названъ, но лишь вслѣдствіе небольшаго пропуска, на который указано въ моемъ оттискѣ W, стр. 12 прим. 2. Отвѣчая философу Александръ говоритъ: ὦ φιλόσοφε, οὐδὲν μου φαίνεται ὅτι ἐγὼ εἶμαι, ἀμὴ ἀπὸ τοῦ θεοῦ ἡ χάρις καὶ ἡ ἐλεημοσύνη νὰ γένῃ. Греч. нар. кн. (р. 21—3) ничего не знаетъ о Лаомедонтѣ и Каллисоенѣ и держится ближе къ Псевдокаллисоену. Каждыя пять лѣтъ совершаютъ Эллины олимпійскія игры въ Мореѣ, куда со всѣхъ концевъ земли собирались цари, игемоны, архонты и всякіе люди: одни боролись

голые, другіе бѣгали въ запуски пѣшкомъ или верхомъ или на колесницахъ, тѣ метали камни и т. д. Побѣдителей награждали и ихъ слава распространялась повсюду. Отецъ снаряжаетъ туда Александра вмѣстѣ съ Птолемеемъ, *καὶ μετ' ὀλίγον καιρὸν ἔφθασεν εἰς τὴν Ἐπαρχίαν τοῦ Γαστουνιοῦ* [1]), *εἰς χώραν λεγομένην Πῆσσαν, εἰς τὴν ὁποίαν ἐγίνοντο οἱ Ὀλυμπιακοὶ Ἀγῶνες. Εἰς αὐτὴν ἦτον ἐκεῖνος ὁ θαυμαστὸς ναὸς τοῦ Ὀλυμπίου Διός.* Здѣсь онъ встрѣчается съ сыномъ Дарія, Николаемъ, который не отвѣчаетъ на его поклонъ и выслушиваетъ отъ него такую рѣчь: *ὄντως υἱὸς εἶσαι τοῦ ὑπερηφάνου Δαρείου, ὁποῦ ὀνομάζει τοῦ λόγου του θεόν· ὅμως τόσον ἐσὺ ὡσὰν καὶ αὐτὸς ἀπὸ τὴν πολλήν σας ὑπερηφάνειαν ὀγλίγωρα θέλετε πέσει κάτω.* Онъ вызываетъ его на другой день на бой. *Τὴν ἐρχομένην ἡμέραν εὐγῆκαν καὶ οἱ δύο καβαλλαραῖοι ὡσὰν δύο ἀετοὶ ἐπάνω εἰς τὰ ἄλογα, καὶ ἄρχισαν διὰ νὰ τρέχουν. Εἰς τὸ πρῶτον τρέξιμον μὲ ἐπιτηδειότητα ὁ Ἀλέξανδρος ἔκαμε καὶ ἐσκόνταψε τὸ ἄλογον τοῦ Νικολάου, ὁ ὁποῖος ἔπεσε κάτω νεκρός, διὰ τὸ νὰ τὸν ἐπλάκωσεν ἡ σέλα.* Александра побѣдителя всѣ славятъ и величаютъ.

Pseudocall. C, I, гл. 18—19 даютъ-ли поводъ предположить, что въ прототипѣ греч. нар. книги, вѣнской рукописи и слав. текстовъ въ числѣ соперниковъ Александра находились и Николай — и Лаомедонтъ и Каллисоенъ, только въ нѣсколько иной роли? Или и въ этомъ случаѣ отличія нар. греч. книги слѣдуетъ объяснить позднѣйшимъ подновленіемъ?

Однажды когда Александръ бесѣдовалъ съ своими сверстниками, зашла рѣчь о томъ *ὡς ὅτε εἰς Πῖσαν ἁρματηλατοῦσιν οἱ δοκιμώτεροι τῶν βασιλέων παῖδες, καὶ τῷ νικήσαντι ἆθλα διδοῦσιν ἀπὸ τοῦ Ὀλυμπίου Διός· ὃς δ' ἂν ἡττηθεὶς, παρὰ τῶν νικησάντων θανατοῦται.* Пятнадцатилѣтній Александръ просится у отца и, снарядившись какъ слѣдуетъ, отправляется вмѣстѣ съ другомъ своимъ Гефестіономъ. Въ Пизѣ онъ встрѣчается съ Николаемъ,

---

[1]) Древнему округу Илиды, Пизатидѣ, соотвѣтствуетъ приблизительно новый округъ Гастуни. Нынѣшній городокъ Гастуни сѣвернѣе мѣстности, гдѣ былъ городъ Πῖσα, и ближе къ морю.

сыномъ акарнанскаго царя Ардея (Ἀρδέου C. Ἀραίου B; въ Hist. de Preliis, Zingerle, l. c., p. 142: rex Arideorum, Aridorum; въ греч. нар. книгѣ — Дарія), сильнымъ и рослымъ, который, привѣтствуя Александра, называетъ его μειράκιον и не хочетъ вѣрить, чтобъ онъ явился сюда не простымъ зрителемъ, а борцемъ. Александръ, уличивъ его въ высокомѣріи, говоритъ, что хочетъ состязаться съ нимъ самимъ въ бѣгѣ на колесницахъ, и не только побѣдитъ его, но и убьетъ (C, I, гл. 18). Насталъ день ристанія: послѣ четвертаго круга нѣкоторые изъ состязающихся обезсилѣли; остаются Николай, Кимонъ; μετὰ δὲ τούτους Λαομέδων ὁ Λύβιος ἦν τέταρτος; третьимъ, стало быть, былъ Александръ? Народъ кричитъ Лаомедонту: Τί τὴν φυγὴν συμπάσχεις, ὦ Λαόμεδον, καὶ σὺν μειρακίῳ ἦλθες μαχέσασθαι; μὴ κατάνευε ἁρματηλατῶν». Ὁ δὲ Λαομέδων φησὶ πρὸς αὐτούς· «Ὑμεῖς οἱ τοῦ Ὀλυμπίου ἄπιτε ἀπ' ἐμοῦ· κἀγὼ παρὰ τοῦ μειρακίου ἐκδέχομαι στεφάνους ἐκ τοῦ μειλιχίου Διός». Ὁ δὲ Ἀλέξανδρος φησὶ πρὸς αὐτόν· «Ναί, οὕτως ἔχει· ἀπὸ γὰρ τοῦδε τοῦ ἀγῶνος καὶ ἡ τοῦ πατρὸς πραγματεύεταί μου βασιλεία». Καὶ ταῦτα εἰπών, καὶ κρατήσας τῆς χειρὸς αὐτοῦ κατεφίλησεν αὐτόν, λέγων· Ἴδε καὶ νέος Οἰνόμαος. — Въ слѣдующемъ далѣе бѣгѣ Александръ выѣзжаетъ на колесницѣ, запряженной четырьмя конями: съ правой руки Вукефалъ, съ лѣвой Пегасъ; ἐξῆλθον δὲ ἅμα Νικόλαος καὶ Καλλισθένης μέσον τὸν Ἀλέξανδρον ἔχοντες, ὧδε κἀκεῖσε περισκοποῦντες τὸ πῶς αὐτὸν θανατώσουσιν. . . . Καὶ ὁ μὲν Καλλισθένης πλαγίως ἐκ δεξιῶν, ὄπισθεν δὲ αὐτοῦ ἦν Νικόλαος, οὐχ οὕτως ἔχων τὸ νικῆσαι ὡς τὸ ἀναιρῆσαι τὸν Ἀλέξανδρον· ἦν γὰρ ὁ πατὴρ τοῦ Νικολάου ὑπὸ Φιλίππου ἐν τῷ πολέμῳ ἀναιρεθεὶς ποτε. ὡς δὲ τὸν ἐπὶ τῇ σφενδόνῃ κατέλαβον τόπον, ἐνδίδωσι τὰς ἡνίας Ἀλέξανδρος· καὶ ὁ Βουκέφαλος περικυλίει τοὺς ἵππους καὶ τὸν μὲν Καλλισθένην περιδραμὼν τῇ σφενδόνῃ ἀπερρίψατο· τὸν δὲ Νικολάον συνεχώρησε προαπελθεῖν αὐτόν· ὁ δὲ Νικόλαος ἀγνοῶν τὴν ἐνέδραν διέβη, ἔχων τὴν δόξαν τοῦ νικηθῆναι· καὶ λοιπὸν ἤλαυνε πρῶτος, μετὰ δὲ ταῦτα σκονδυλίζει ὁ δεξιὸς ἵππος τοῦ Νικολάου ὁ ἐπὶ τῷ ῥυμῷ τοῦ ἅρματος (сл. у Müller'a, въ разночтеніяхъ: ркп. C ἐπὶ τῷ πρώτῳ ἅρματι), καὶ συμπεσόντων

τῶν ἵππων καταπίπτει ὁ Νικόλαος. Ὁ οὖν Ἀλέξανδρος ἐπιβαίνει τῇ ὁρμῇ τῶν ἵππων ἑαυτοῦ, καὶ παρερχόμενος ἐπιλαμβάνεται τῶν ἀξόνων (ркп. С τῷ ἄξονι) τῶν ὀπισθίων τοῦ Νικολάου· καὶ σὺν τῷ ἡνιόχῳ καὶ τοῖς ἵπποις τελευτᾷ ὁ Νικόλαος. — Александра вѣнчаютъ; оракулъ вѣщаетъ будущія побѣды побѣдителю — Николая (С, I, 19): вмѣстѣ съ нимъ отправляется въ Македонію и Лаомедонтъ, ὁ συναρματηλατήσας αὐτῷ· οὐκ ἐβούλετο γὰρ καταλεῖψαι αὐτον (l. c. гл. 20). — Подлинникъ сербской Александріи удержалъ память о Лаомедонтѣ С, но изъ соперника Александра сдѣлалъ врага, поставивъ его рядомъ съ Каллисѳеномъ.

Разсказъ о несостоявшемся второмъ бракѣ Филиппа на Клеопатрѣ, Pseudocall. C, I, гл. 20—2, крайне сокращенъ въ текстахъ нашей Александріи: нѣтъ имени Клеопатры. нѣтъ и подробностей о примиреніи Филиппа и Олимпіады при содѣйствіи Александра. Близость къ редакціи С сказывается въ мелочи: войдя въ палаты отца Александръ «παρ' αὐτοῦ τῇ τραπέζῃ ἐκελεύθη καθεσθῆναι (C, I, 20); тоже у Нов. I, 13, W, стр. 13, греч. нар. кн., p. 23. — Лизій ободряетъ Филиппа къ новому браку, отъ котораго произойдутъ законныя дѣти; оскорбленный этою рѣчью Александръ убиваетъ его ударомъ кубка (Hist. de prel., Zing., l. c. 143: baculo) и неистовствуетъ противъ остальныхъ свадебныхъ гостей, изъ которыхъ многіе ищутъ спасенія въ бѣгствѣ. Сл. Нов. I, 13: «Настав'льше же кго (т. е. Филиппа) Олимпіадоу поустити, пристоупив'ше рече: Весели се, цароу Филипе, ѩко бол'шоу царицоу (вар. женоу) вьзель кси, прьваа блоуд'ница бѣ. а си цѣломоудрьна кстъ». Разгнѣванный Александръ «столь маль вьзьмь трехь сихь сьтворьшиихь оуби, дроузи же, и не хотеште, низь полатоу скакахоу» — послѣ чего (гл. 14) Филиппъ велитъ вернуть Олимпіаду. а вторую жену отослать. — Въ W, стр. 13 (по ошибкѣ или вслѣдствіе пропуска) самой Олимпіадѣ присвоены слова подущавшаго: она посылаетъ Филиппу кубокъ съ виномъ и говоритъ: пей и веселись, о царь, ибо ты взялъ за себя лучшую жену, ὅτι ἡ πρώτη σου ἡ γυναῖκα ἦτον πουτάνα. Въ греч. нар. книгѣ (p. 23) гнѣвъ Александра вызванъ жалобой

Олимпіады, послѣ чего онъ *ἐπῆρεν ἕνα σκαμνίον* (W, *σκαμνοπούλον*) *μὲ τὸ ὁποῖον ἐφόνευσε τρεῖς ἄρχοντας ἀπὸ ἐκείνους ὁποῦ εἶχαν κάμη αὐτὴν τὴν προξενίαν* (W, *τρεῖς ἐξ αὐτουνοὺς ὁποῦ ἔκαμαν τὴν δουλείαν*). *οἱ δὲ λοιποὶ ἔφυγαν, καὶ ἐγλύτωσαν ἀπὸ τὸν θάνατον.*

Послѣ этого эпизода тексты Pseudocall. B и A продолжаютъ такимъ образомъ: Филиппъ отправляетъ Александра противъ возставшей Меѳоны; усмиривъ её, Александръ возвращается и встрѣчаетъ у отца пословъ Дарія, явившихся съ требованіемъ дани; они отосланы со срамомъ; слѣдуетъ еще посылка Александра противъ какого-то ѳракійскаго города, чѣмъ и пользуется нѣкій Павзаній, чтобы похитить Олимпіаду и смертельно ранить ея мужа. — Редакція C относитъ посольство Дарія ко времени по смерти Филиппа (гл. 26)[1], а за походомъ на Меѳону помѣщаетъ разсказъ о скиѳской войнѣ, гл. 23: Филиппъ слышитъ о томъ, что Скиѳы готовятся напасть на него съ 400-тысячнымъ войскомъ, совѣтуется съ своими мегистанами, что предпринять, и по указанію Аристотеля назначаетъ вождемъ своихъ силъ Александра. Взявъ съ собою тридцать тысячъ юныхъ воиновъ и осмотрѣвъ расположеніе непріятеля, онъ велитъ ночью зажечь вокругъ него огни, и въ одномъ мѣстѣ устроить засаду. Скиѳы, заключивъ по огнямъ о численности Македонянъ, думаютъ спастись бѣгствомъ, но направляются — къ засадѣ, гдѣ не было огня и, предполагалось, не было и войска; а Александръ слѣдуетъ за ними по пятамъ, Македоняне нападаютъ на нихъ спереди и сзади и началась сѣча, которую прекращаетъ Александръ, говоря побѣжденнымъ: *Ἴδατε ὡς ἡ πρόνοια παρέδωκεν ὑμᾶς εἰς χεῖρας τῶν Μακεδόνων, καὶ οὐκ ἠδυνήθητε ἀντιστῆναι τὰ ἴχνη τῶν ποδῶν ἡμῶν.* Скиѳы признаютъ себя его рабами, и онъ ведетъ ихъ, снявъ съ нихъ цѣпи, въ Филиппополь, а позднѣе отпускаетъ подъ условіемъ ежегодной дани

[1]) Такъ можно заключить изъ варьянтовъ Миллеровскаго изданія, стр. 27 (сл. Zacher, Pseudocallisthenes, стр. 116—117); но уже въ разночтеніяхъ къ гл. 23 B, стр. 23, встрѣчается, въ разсказѣ о послахъ Дарія, цитата изъ C. Нѣтъ-ли въ C двойнаго разсказа о посольствѣ? При компилятивномъ характерѣ C это не представляется невѣроятнымъ.

и военной помощи (I, C, гл. 23; сл. гл. 24). — Между тѣмъ о нашествіи Скиѳовъ узналъ нѣкій «*Ἀνάξαρχος ὁ καὶ Παυσανίας* (перваго имени A и B не знаютъ), *ὁ τῶν Θεσσαλονικέων τύραννος*», бывавшій въ гостяхъ у Филиппа и воспылавшій страстью къ его женѣ. Взявъ съ собой двѣнадцать тысячъ войска онъ отправляется, будто-бы въ помощь Александру, но въ сущности съ намѣреніемъ похитить Олимпіаду. Услышавъ о возвращеніи сына, Филиппъ ѣдетъ къ нему на встрѣчу вмѣстѣ съ женою; этимъ пользуется Анаксархъ, чтобъ увлечь её, смертельно ранивъ преслѣдовавшаго мужа. Когда узналъ о томъ Александръ, пустился съ немногими всадниками въ погоню за похитителемъ и приводитъ его передъ умирающаго Филиппа, которому даетъ въ руки мечь, говоря: «*ὦ πάτερ μου, ἀνάστηθι καὶ ἀμύνου τὸν ἐχθρόν σου ἐν τῇ χειρί σου*». Филиппъ убиваетъ его собственноручно: такъ пусть будетъ со всякимъ противникомъ Александра! Его вмѣстѣ съ Олимпіадой онъ назначаетъ своимъ преемникомъ, а ему говоритъ: Вѣрно сказалъ Аммонъ твоей матери, что ея сынъ будетъ мстителемъ за своего отца. — Тѣло умершаго несутъ *ἐπὶ χρυσίου κραβάτου* и хоронятъ въ Пеллѣ (C, I, гл. 24).

Тексты сербской Александріи замѣняютъ въ скиѳскомъ эпизодѣ C — Скиѳовъ Куманами, *Κουμάνοι* новогр. нар. кн.; въ вѣнскомъ спискѣ, стр. 13, одна глава надписана: *περὶ ὅταν ἤκουσεν ὁ Φίλιππος, ὅτι ἦλθαν οἱ Κουμάνοι καὶ Ἀλαμῖται*; далѣе послѣдніе названы *Ἀλαμάνοι* и упоминается еще народъ *Σακουλάται*; въ эпизодѣ о взятіи Аѳинъ (W, стр. 24, 25, 26) Куманы названы подъ рядъ съ Аламанами, либо: *οἱ Κουμάνοι τῆς Ἀλαμανίας*; Александръ посылаетъ въ городъ *ἕναν ἄρχοντα μέγαν εὐγενικὸν ἀπὸ τοὺς Κουμάνους καὶ Ἀλαμάνους, ὀνόματι Ἀρράδαξον*. Мы уже выше (стр. 132; сл. W, стр. 15, прим. 1) замѣтили, что въ этомъ отдѣлѣ вѣнская рукопись указываетъ на пробѣлъ въ своемъ подлинникѣ, смѣшивая два разсказа: походъ на Клумановъ = Скиѳовъ и разсказъ объ Анаксархѣ = Павзаніи, вслѣдствіе чего Филиппъ убиваетъ не послѣдняго, а кого-то изъ Кумансихъ вождей. — Куманское нашествіе случилось во время Филипповой

болѣзни; такъ и у Новаковича: Филиппъ впалъ въ великую немощь, о чемъ слышатъ «сѣверныѥ странѣ Коумане» и готовятся пойти на него съ 500-тысячнымъ войскомъ. Призвавъ сына, царь говоритъ ему: «Любимыи сыноу мои, Алексен'дре, се дньсь тебѣ пришло ѥсть бити се за своѥ отьчьство, вьзмь воискоу на бои поиди». Онъ отправляется съ 30 (или 400)-тысячнымъ войскомъ, видитъ Куманъ стоящихъ «неуред'но», «вь ношть тоу сь своими вои пришьдь, ог'нѥ многыѥ около повелѣ наложити, и трубамь многогласнымь и накарадамь и праскавицамь около повелѣ бити». Отъ страха Куманы обращаются въ бѣгство; въ послѣдующемъ боѣ «оубиѥн'но бысть .н. тисоушть, и оть Макѥдонѣнь .в. тисоушти, тера же ихь Алексен'дрь .г. дьніи и .г. ношти и оуби оть нихь .рн. тисоушть», а десять тысячъ отводитъ въ плѣнъ. Онъ говоритъ имъ: «Видѣсте-ли, о дроузи, ѣко божіи промыс'ль прѣдасть вась вь роукы макѥдон'скые, и мьчь вашь, наостривы се на Макѥдониѣни, дьньсь притоупи се оть ихь роукь; цара вашега Ат'лампша (вар. Алтампша; Кир. Бѣл. Ѡг'ламыша) оубивь и вась живѣхь оухватихь, да аште хоштете животь вашь коупити, зем'лю вашоу кь моѥи земли приложите и вь ѥдино сь Макѥдоньны боудете». Они просятъ отпустить ихъ домой и дать имъ царя; Александръ ставитъ имъ «братоучеда своѥго прьваго, Ланцатоура (вар. Ван'цатоура; въ русск. спискахъ: Тура, сл. Пыпинъ, Очеркъ, стр. 49; наоборотъ, въ румынск. нар. кн. стр. 14, въ соотвѣтствіи съ первой частью имени: Алеѯандрꙋ ле дѣте домн пре върул съꙋ *Франца*) именемь, мала оубо тѣломь, велика же храбьрствомь». — Тѣмъ временемъ пелагонскій (вар. пелагонитьски) царь Анаксархъ (вар. Анасархось, Асанархось, Асархоз, Анархоз; Навахѡдѡсѡрь; Кир. Бѣл. сп. Анакорносъ) полюбилъ Олимпіаду когда гостилъ у Филиппа; «Соломонь прѣмоудріи рече: Не боуди оуѣзв'лѥнь добротою чоуждеѥ жены, ѣко да не видиши свою оуѣзвлѥн'ноу». Съ двѣнадцати-тысячнымъ войскомъ онъ является какъ бы на помощь Филиппоу и увлекаетъ Олимпіаду, когда она вышла за городъ на встрѣчу сыну, а Филиппа ранитъ. Александръ настигаетъ Анаксарха «на мѣстѣ нарицаѥ-

момь Змиксп» (вар. Изьмьки, Измiскiп; кω се зωве змиишьскω) и приводитъ къ отцу: «встани, рече, о Филипе, врагоу свомоу стани ногомь за грьло, и освѣти се кмоу роукою своею». Филиппъ убиваетъ его, а сына благословляетъ: «Сыноу мои Алексен҆дре, роукы вьсѣхь на тебе, и твоє на всѣхь». Тѣло Филиппа несутъ въ городъ на золотомъ одрѣ (Новак. I, гл. 15—16 = Jag. l. c., p. 231—233).

Въ W стр. 13—16 разсказъ, въ сущности, тотъ-же; имя Куманскаго царя Ἀπλαμήστης; въ опущенномъ эпизодѣ должны были находиться имена его наслѣдника (= Ванцатуръ) и Анаксарха. — Въ греч. народн. кн. (сл. р. 23—8) нападеніе Кумановъ (въ числѣ 150 тысячъ) также совершается во время болѣзни Филиппа; замѣтимъ, что далѣе, въ эпизодѣ о разгромѣ Аѳинъ, упоминается о Куманахъ и — Аламанахъ, гдѣ славянскіе тексты удерживаютъ лишь первыхъ: ὁ Ἀλέξανδρος ἐσκότωσε τοὺς Κουμάνους, τοὺς Ἀλαμάνους (40—1); Арфадій (Куманинъ въ слав. текстахъ) ἀπὸ τὴν Ἀλαμανίαν (42—3); наконецъ: οἱ Κουμάνοι τῆς Ἀλαμανίας (44). — Александръ выходитъ противъ нихъ съ 30-тысячами войска; о хитрости Александра (огни) не упоминается вовсе: онъ нападаетъ на враговъ врасплохъ, ночью, когда они готовились уйти, преслѣдуетъ 3 дня и 3 ночи и убиваетъ ихъ сорокъ тысячъ, въ числѣ другихъ и царя Ἀπλαμέστης. Обратившись ко своимъ Александръ говоритъ: ἴδετε, συντρόφοι μοι καὶ ἠγαπημένοι μου φίλοι, πῶς μὲ τὴν δύναμιν καὶ εὐεργεσίαν τοῦ Θεοῦ ἐνικήσαμεν τοὺς Κουμάνους.... Τότε πάλιν εἶπε πρὸς τοὺς Κουμάνους· βλέπετε, ἄρχοντες Κουμάνοι, πῶς σᾶς παρέδωκεν ὁ Θεὸς εἰς τὰ χέρια τῶν Μακεδόνων, ἐπειδὴ τὰ σπαθία σας ἐτζακίσθησαν, τὰ δὲ τῶν Μακεδόνων σπαθία ἀκονίσθησαν ἀπὸ ἐσᾶς, καὶ ἀπὸ τὸν βασιλέα σας τὸν Ἀπλαμέστη. — По ихъ просьбѣ онъ отпускаетъ ихъ во-свояси, ставитъ царемъ «τὸν ἐξάδελφόν του, ὁποῦ ἦτον πρῶτος κυνηγός» (имени нѣтъ). — Анаксархъ названъ царемъ τῆς Πελαγωνίας; онъ прежде бывалъ у Филиппа на пути εἰς τὴν Περσίαν, а теперь явился во главѣ 12-тысячнаго войска, влекомый любовью къ Олимпіадѣ; не зналъ, несчастный, изреченія Соломона: ἄνθρωπε,

ἂς εἶσαι εὐχαριστημένος καὶ ἀναπαυμένος εἰς τὴν ἀγάπην τῆς γυναικός σου καθὼς σοῦ ἔτυχε, καὶ μὴ εἰς ξένην γελασθῇς, ἵνα μὴ πάθῃς πλέον παρὰ ἐκεῖνα ὁποῦ πράξεις, χάνωντας τὴν ζωήν σου, ὁμοῦ μὲ τὸν πλοῦτόν σου. — Александръ настигаетъ его *εἰς τὸν ποταμὸν τὸν λεγόμενον Μεστόν*, и приводитъ къ Филиппу, который убиваетъ его, попрекнувъ его прежней дружбой и дарами; слѣдующія (стр. 28) слова его напоминаютъ слова Александра къ своему убійцѣ (l. c., p. 183; сл. W, стр. 63): *τὸ ποτήριον ὁποῦ ἐκέρασες, νὰ τὸ γευθῇς καὶ ἐσύ*, тогда какъ въ рѣчи Филиппа къ сыну отзываются слова умирающаго Дарія: *ἡ πίκρα μου ὅλη ἐγύρισεν ὀλίγον εἰς χαράν* (Нов. II, 14: жалость моя на радость прѣврати се; сл. W, стр. 56, греч. нар. кн. стр. 105).... *ὕπαγε, υἱέ μου, τὰ κεφάλια τοῦ κόσμου ὅλα νὰ σὲ προσκυνήσουν καὶ το χέρι τὸ ἐδικόν σου νὰ εἶναι ἐπάνωθεν ὅλου τοῦ κόσμου.* (греч. нар. кн. стр. 28; сл. W, стр. 16: то-же). — Покойнаго несутъ *εἰς ὁλόχρυσον κρεββάτι* (W, l. c. *διάχρυσον ἁμάξι καὶ κρεββάτιν*).

Замѣтимъ въ текстахъ сербской Александріи и греч. нар. книгѣ замѣну при Анаксархѣ эпитета: онъ не Солунскій, какъ у Псевдокаллисоена, а Пелагонскій царь; далѣе у Pseudocall. C. I, 26 является Солунскій тираннъ Поликратъ, сынъ Анаксарха; у него сынъ Харимедъ; въ соотвѣтствующихъ эпизодахъ сербскаго романа и параллельныхъ греческихъ текстовъ вмѣсто Поликрата названъ *Ἀρχιδονούστης*. Кар'хидонъ, у него сынъ Поликратъ; отношенія къ Анаксарху забыты, но Кархидонъ царитъ—въ Солуни. Замѣна Солуни — Пелагоніей, можетъ быть, обусловлена забвеніемъ родственной связи между Поликратомъ-Кархидономъ и Анаксархомъ, хотя вѣроятнѣе, что эта связь принадлежитъ фантазіи редактора C и географическая перестановка совершилась въ обратномъ направленіи. — Что до замѣны Скиѳовъ Куманами, то на хронологическое ея значеніе обратилъ вниманіе уже Нова-ковичъ (l. c., p. XXVI): по его мнѣнію Куманы могли попасть въ нашъ текстъ лишь въ XIII вѣкѣ, когда удалившись изъ Валахіи и Молдавіи передъ напоромъ Татаръ, они поселились въ за-

падной Болгаріи и сѣверовосточной Македоніи. Новаковичъ имѣлъ въ виду лишь славянскій пересказъ Александріи, не ея греческій подлинникъ, по отношенію къ которому его соображенія теряютъ свою силу, тѣмъ болѣе, что Куманы = Половцы нашего романа живутъ не на Балканскомъ полуостровѣ, а въ «сѣверной странѣ», откуда являются съ несмѣтными полчищами. Въ 1065 г. они дѣйствительно перешли Дунай въ числѣ 60000 человѣкъ и распространились по Болгаріи до Эллады; по большей части они погибли въ борьбѣ съ Болгарами и Печенѣгами; остальные поселены были въ Македоніи. Подъ 1078 г. они упоминаются снова какъ союзники Печенѣговъ въ набѣгѣ, доведшемъ ихъ подъ стѣны Адріанополя (Attaliota, ed. Bonn, p. 298, 300—301; Scylitza, ed. Bonn, v. II, 739, 741); въ 1087 году венгерскій король Соломонъ увлекъ ихъ и Печенѣговъ къ новому вторженію въ Македонію, остановленному битвой при Кулѣ; въ слѣдующемъ году, опоздавъ на помощь къ Печенѣгамъ, успѣвшимъ поразить императорское войско при Дерстрѣ, они потребовали отъ нихъ доли добычи, и получивъ отказъ, разбили ихъ на голову. Императоры пользуются враждой двухъ одноплеменныхъ ордъ: Половцы становятся ихъ союзниками противъ Печенѣговъ; ихъ ханы, извѣстные въ русской исторіи Тугорканъ (Τογορτὰκ, Τογορτᾶ) и Бонякъ, участвовали главнымъ образомъ въ пораженіи печенѣжскихъ полчищъ при Хиринѣ въ 1091 году (у Левуніона при устьѣ Марицы) — но они-же помогли (въ 1094 г.) самозванцу, выдававшему себя за Константина, сына бывшаго императора Романа Діогена, убѣжать изъ своего заключенія въ Корсуни и вторгнуться въ предѣлы Романіи. Походъ кончился несчастливо какъ для претендента, такъ и для Половцевъ, остатки которыхъ были въ 1095 году разбиты при Малой Никеѣ подъ личнымъ начальствомъ Алексѣя Комнина: 7000 человѣкъ были убиты, 3000 взяты въ плѣнъ, а въ Адріанополь явилось половецкое посольство, изъявляя готовность жить въ мирѣ съ имперіей и служить императору [1]).

[1]) Васильевскій, Византія и Печенѣги, Ж. М. Нар. Просв. 1875, Ноябрь, p. 147, 157—8; 161 слѣд.; Декабрь, стр. 279 слѣд., 289 слѣд., 296; Иречекъ,

Мы попытаемся впослѣдствіи воспользоваться этими данными для хронологіи нашего памятника. а пока предложимъ еще нѣсколько замѣтокъ въ объясненіе его Куманскаго эпизода.

Византійцы употребляютъ въ XI вѣкѣ для Печенѣговъ, въ XII для Кумановъ-Половцевъ классическое обозначеніе — Скиѳовъ. Подъ Скиѳами, въ эпизодѣ C, разумѣется, вѣроятно, одна изъ этихъ народностей; сербская Александрія говоритъ прямо о Куманахъ—и Аламанахъ, Аламитахъ. Аламаны, можетъ быть, вмѣсто Valani = Куманы у Ruysbroek'a (сл. варьянтъ: Alani — Alamani въ Gesta Reg. Franc. c. 2, Bouqu. II, 542); одна половецкая орда называлась Уланами и таково-же было имя ея хана: царище Уланище нашихъ былинъ. Но не вѣроятнѣе-ли, что Аламаны отвлечены отъ Ἀλαμανία (сл. W и новогр. нар. кн.) = *Ал-Каманія*, какъ зовутъ страну Кумановъ Эдризи и другіе арабскіе географы?

Имя Куманскаго царя: *Алтамышъ*, Атламышь, Ἀτλαμέσης, рум. нар. кн. стр. 13: Алталміш и т. д. Если предпочесть чтеніе *Атламышъ*, то у Курція (l. VII, c. VII и слѣд.) и Плутарха (Alexander, c. XLV, XLVI) говорится о походѣ Александра противъ Скиѳовъ, царя которыхъ побѣдилъ отецъ его Филиппъ; имя этого царя—*Ateas*[1]). Сл. Justin., 9, 2, § 1 слѣд.; Orosii, Historiar. adv. paganos III, 13, § 4 слѣд.: Филиппъ «ad Scythiam quoque cum Alexandro filio praedandi intentione pertransit. Scythis tunc *Atheas* regnabat: qui cum Histrianorum bello premeretur, auxilium a Philippo per Apollonienses petiit, sed continuo Histrianorum rege mortuo et belli metu et auxiliorum necessitate liberatus pactionem foederis cum Philippo habitam dissoluit. Philippus dimissa obsidione Byzantii Scythicum bellum totis viribus adgreditur commissoque proelio, cum Scythae et numero et virtute praestarent, Philippi fraude vincuntur. In ea pugna XX milia puerorum ac feminarum Scythicae gentis capta, pecorum magna

---

Ист. Болгаръ, пер. Бруна и Палаузова, стр. 272, 274—5, 289 слѣд., 296. Сл. еще W. Tomaschek, Die Gothen in Taurien, 40, 49—50.

[1]) Droysen, Gesch. Alexanders des Grossen (2 изд. 1877 г.), p. 124, прим. 1.

copia abducta, auri atque argenti nihil repertum: nam et ea res primo fidem inopiae Scythicae dedit. Viginti milia nobilium equarum sufficiendo generi in Macedoniam missa (слѣдуетъ, послѣ упоминанія о войнѣ съ Трибаллами, побѣда Филиппа надъ *Аѳинянами*).

Замѣтимъ мимоходомъ, въ связи съ народной румынской книгой, замѣнившей Кумановъ—Татарами, что имени Атламыша отвѣтилъ бы, въ половинѣ XIV вѣка, татарскій ханъ *Athlamos*, разбитый трансильванскимъ воеводой Андреемъ Лацкимъ. (Сл. Schwandtner, Script. rer. Hungar. I, 177).

Арфаксадъ, Ἀρφάξαδος, Ἀρφάδιος производитъ впечатлѣніе персидскаго имени; что до *Сакулатовъ*, то это, быть можетъ Сколоты, т. е. черноморскіе, «царскіе» Скиѳы. Разумѣется, это сближеніе чисто предположительное: въ старослав. Вопросахъ и отвѣтахъ Аламаникъ, поставленный рядомъ съ Фругомъ, несомнѣнно, нѣмецъ: «*Аламаникъ* орель есть»; позже слѣдуютъ такія опредѣленія: «*Куманинъ* пар҆дусь есть»; «*Аламанинь* зебрь есть»—между Угриномъ и Зыхомъ; «*Сакулатинъ* биволь есть»—между Цаконцемъ и Персомъ (Тихонравовъ, Пам. II, стр. 441). Въ другомъ спискѣ Сакулатинъ отсутствуетъ, а вмѣсто Аламанина повторенъ Аламаникъ съ такимъ опредѣленіемъ: песъ есть (ib. p. 447), тогда какъ въ первомъ, при перечисленіи полувѣрныхъ народовъ, пошедшихъ отъ Яфета, стоятъ рядомъ: *Ськулятѐ Зыхыи* (p. 441; сл. Буслаевъ, Очерки, II, 499), т. е. въ томъ же сосѣдствѣ, какъ выше Аламанинъ и Зыхь. Очевидно, здѣсь не можетъ быть рѣчи объ Ἀλαμανοί = нѣмцы византійскихъ писателей и не къ нимъ слѣдуетъ привязать названіе Аламанчо = Турокъ, встрѣчающееся въ жаргонѣ каменщиковъ на Балканскомъ полуостровѣ [1]).

По смерти отца Александръ сзываетъ въ Филиппы Македо-

---

[1]) Сл. Arch. f. slav. Philol. VIII, 1, p. 101 и мою замѣтку l. c., стр. 334—5. Сл. еще Miklosich, Die türkischen Elemente, стр. 9 (alaman=Räuber); арабск. аламан — грабежъ; монг. — убійство; въ киргизскомъ: толпа, отрядъ всадниковъ, добыча, набѣгъ (сообщенія барона Розена и акад. Радлова).

нянъ и Пелагонянъ, Еладянъ (Єлагінномь, Єладеномь, Еладином; сл. W, стр. 16: τοὺς Μακεδόνους καὶ τοὺς Πελαγονίτας καὶ τοὺς Ἐλαδομίους μικροὺς τε καὶ μεγάλους; греч. нар. кн. 29: Μακεδονῖται, Πελαγονῖται, Ἑλλαδῖται) и Кумановъ, и извѣщаетъ ихъ о смерти Филиппа: онъ всемъ правилъ «по достоинию, мнѣ же господ'ствовати како повелѣвате?». Отвѣчаютъ въ слав. текстахъ Филонъ, Селевкъ, Антіохъ, Антигонъ и Птоломей (Нов. I, гл. 17 = Jag. l. c., p. 233—5); въ вѣнскомъ спискѣ (W, стр. 17): Филонъ, Селевкъ (ὁ Λευκούστης) Антіохъ, Антигонъ и Птолемей; тѣ-же имена въ греч. нар. кн., р. 29—31 (Φιλόντης, Λευκούστης, Ἀντίοχος, Ἀντίγονος и Πτολεμαῖος). — Отвѣтъ Филона въ слав. текстахъ не совсѣмъ ясенъ: «О кралю Алексен'дре, в'сакыи възрасть чловѣчь вь [своемь] чиноу потрѣб'нь ѥсть. Алексен'дрь рече: Старость ѥсть чьстнаа, нь не многолѣт'наа (W, стр. 17: ὦ Ἀλέξανδρε βασιλέα, πᾶσα ἄνθρωπος πρέπει νέους τοῦ ταξειδίου εἰς τὸν βασιλέα κοντὰ του νὰ ἦναι καὶ οἱ γέροντες εἰς τὴν βουλὴν τοῦ βασιλέως· Ὁ Ἀλέξανδρος εἶπεν· οἱ γέροντες πολλὰ εἶναι τιμημένοι, ἀμὴ εἶναι ὀλιγόχρονοι; сходно въ греч. нар. книгѣ, стр. 29—30). Селевкъ указываетъ Александру, ссылаясь на Соломона, на необходимость царю имѣть хорошихъ совѣтниковъ; Антіохъ: «Царемь ч'тение домов'нои(?)трѣбоуѥть; стари же чловѣци покои трѣбоують, младимь же цариѥмь воѥвати подобаѥть, ꙗко да вь младости потроудив'ше се, на старость покои обрѣштоуть (Нов. стр. 20; Jag. стр. 234: старим царем течене покоино е, младим царем трибуе воевати, ере у младости своеи помуче се, да у старости покои имию; новогр. нар. кн. стр. 30: τοὺς γέροντας πρέπει νὰ στέκουν εἰς τὴν πολιτείαν μὲ τὸν βασιλέα, καὶ νὰ μὴ λείπουν παντελῶς ἀπὸ κοντά του· οἱ δὲ νέοι νὰ στρατεύωνται, ὅτι ἔχουν θάρρος εἰς τὴν νεότητά τους καὶ δύναμιν· ὅταν δὲ γηράσουν νὰ εἶναι ἀναπαυμένοι. Сходно въ W, стр. 17). — Антигонъ совѣтуетъ тотчасъ-же напасть врасплохъ на сосѣднихъ царей, чтобы такимъ образомъ отвлечь ихъ вниманіе отъ македонскихъ дѣлъ; Птоломей: «подобаѥть намь воискоу прѣмѣнити въ свѣт'лаа ороужіа и белегь твои на штитѣхь поставити, ꙗко да знають, комоу цароу

воюють, да не рекоуть соусѣди наши, ѩко оумрѣхомь кд'ньги сь Филипомь царемь. Сіѥ Алексен'дроу оугод'но ѩви се, и посла по все коваче и по в'се штитаре вь земли своѥи вь Филипоусть брати се. И шлѣмови начеше ковати, и на штитѣхь белегь свои ставити волюю (вар. *львову*) главоу, на хел'мѣхь же рози василіска сь аспидовѣми крилоути, и на всакь дьнь ороужахоу ковачи четире ста витязь вь цѣло ороужіѥ, оклопи-же на львовехь кожахь прѣстав'лѥн'ни бѣхоу и хакизма парижемь (вар. фарижем) оть кор'кодиловехь кожь чиѥна бѣхоу». Тоже въ греч. текстахъ: W, стр. 18: *ὥρισεν σουσάνια καὶ μπαρμπούταις νὰ ποιήσουν· εἰς τὰ σκουτάρια ὥρισεν νὰ γράψουν κεφάλιν τοῦ λέοντος καὶ εἰς ταὶς μπαρμπούταις νὰ κάμουν τοῦ βασιλίσκου τὰ κερατόπουλα μὲ τῆς ἀσπίδας ταὶς ἐλάταις σμικτὰ νὰ ἦναι· καὶ ὥρισεν τοὺς μαστόρους τὴν καθὴν ἡμέραν νὰ ἀρματώσουν υ̅ ἀνθρώπους χωρὶς τοὺς χρυσοπτερνιστηράτους τῶν πρωτοκαβαλαραίων, ὥρισεν νὰ τοὺς κάμνουν ἀρματωσία τῶν ἀλόγων ἀπὸ τὸν κορκόνδειλον καὶ αὐτουνῶν σουσάνια λαμπρὰ περιχρυσωμένα*; греч. нар. кн. 31: *ἐπρόσταξεν νὰ δουλεύσουν σουσάνια, ἤγουν σιδηροποκάμισα μὲ περικεφαλαίας, καὶ εἰς τὰ σκουτάριά τους νὰ γράψουν κεφαλὴν λέοντος, εἰς δὲ τὴν περικεφαλαίαν νὰ κάμουν βασιλίσκου κερατόπουλα, καὶ τῆς ἀσπίδος αἱ κορύφαις νὰ εἶναι σμικταῖς. ὥρισε τοὺς μαστόρους νὰ ἀρματώσουν τὴν ἡμέραν τετρακοσίους ἀνθρώπους χωρὶς τοὺς χρυσοπτερνιστεράτους, κάνωντας καὶ τῶν ἀλόγων ἁρμάτωσιν ἀπὸ τὸν κορκόδυλον μὲ σουσάνια περιχρυσωμένα.* — *Коркодилова*, *корконди.юва* (греч.) кожа встрѣтится намъ не разъ въ описаніи вооруженія: разумѣется, вѣроятно, не крокодилъ, а носорогъ, персид. *kerkodon*, арабск. *karkadán* [1]). Щиты изъ кожи слона и носорога до сихъ поръ въ употребленіи у нѣкоторыхъ африканскихъ племенъ.

Вся эта сцена: совѣщанія и вооруженія Александра развита своеобразно изъ Pseudocall. C, I, 25: Александръ «*ἐκτίθεται κατὰ πᾶσαν πόλιν διατάγματα βασιλικά. Συναθροισθέντες δὲ ἐκ πασῶν τῶν χωρῶν παρεγένοντο εἰς Μακεδονίαν αὐθαίρετοι πάντες*

---

[1]) Сл. Zacher, Pseudocall. p. 158.

ὡς ὑπὸ θεοπνεύστου φωνῆς μετακληθέντες. Παραχρῆμα δὲ προστάσσει ἐπισυναχθῆναι πάντας τοὺς ἐν οἷᾳ δήποτε τεχνουργίᾳ ἐγκεχειρισμένους, ἔν τε σιδήρῳ καὶ χαλκῷ καὶ ξύλοις. Καὶ τοῖς μὲν χαλκεῦσι προστάσσει θώρακας καὶ περικεφαλαίας καὶ ξίφη καὶ δόρατα ποιεῖν. τοῖς δὲ ξυλουργοῖς ἀσπίδας καὶ τόξα καὶ δοράτων ἀστάς. Ἀνοίξας δὲ Ἀλέξανδρος τὰς τοῦ πατρὸς ὁπλοθήκας μετέδωκε τοῖς νέοις τὴν πανοπλίαν. Онъ проситъ ветерановъ отца послужить и ему; тѣ отказываются — за старостью; Александръ убѣждаетъ ихъ — указаніемъ на нѣкоторыя преимущества ихъ возраста. — Это и составляетъ тему совѣтовъ, которые въ нашемъ тексты даютъ царю Филонъ, Селевкъ и Антіохъ.

Услышавъ о смерти Филиппа, Дарій шлетъ въ Македонію Кандарха (Кан҆дар҆коусь, Кандаркус) съ посланіемъ: «Даріѥ царь пер҆скыи, тькмь земльнымь богомь, вь коунѣ сльн҆цемь сиѩѥ оть вьстока и до запада, и всѣмь земльнымь царемь царь и властемь владоуштимь господинь, кь обрѣтаюштіимь се вь Макѥдоніи пишоу». Слышалъ я, что Филиппъ умеръ, оставивъ по себѣ сына отрока; пришлите его мнѣ для воспитанія при моемъ дворѣ вмѣстѣ съ другими царевичами, которыхъ у меня болѣе сорока; если-бы онъ оказался недостойнымъ власти, я пришлю вамъ другаго царя, а пока пусть правитъ вами Кандархъ. — Когда посолъ явился въ Македонію, его привели къ Птоломею, а тотъ доставилъ его въ Филиппы, гдѣ Антіохъ принуждаетъ его подъ страхомъ смерти поклониться Александрову копью. Царя онъ видитъ возсѣдающимъ на престолѣ, украшенномъ «зѣло искоуснимь златомь и зелнимь каменіемь и слоновемь кости»; на немь вѣнецъ «оть амьфіра (вар. самфира) камена и оть великаго бисера сь мірсіловемь сьплетань листіемь, обь десноую ѥго и о левоую много м҆ножьство виоезь вь венце стоѩхоу». Селевкъ читаетъ посланіе Дарія, которое разгнѣванный Александръ разодралъ со словами: «не подобаше цароу вашемоу Дарію главоу зреште кь ногама беседовати; не тако бо Македоніа безглавна ѥсть, ѩкоже Дарію мнить се бити». Въ отвѣтномъ письмѣ онъ говоритъ, что «млекомь сьсоуштимь отрокомь питати вь полатѣ царской

не подобаеть бити, нь добелехь месь ꙗдоуштимь»; пусть Дарій подождетъ не много, и онъ самъ явится къ нему и водворится со своими Македонянами. Кандарха Александръ отпускаетъ, подаривъ ему македонское вооруженіе (и шлемъ), который пусть надѣнетъ, когда будетъ сражаться противъ него: его не убьютъ. — Дарій смѣется надъ Александровымъ письмомъ, но Кандархъ останавливаетъ его: въ юношѣ онъ видѣлъ «многолѣтноую старость; да аште болешта зоуба не истрьгнеши, много страдати имаши оть нѥго; финика (вар. кифариса, ѣпариза) бо млада не истрьгь, о стара не коушаи се (вар. остаревшомоу не троуди се). — Снова посылаетъ Дарій къ Александру: Кливоу (Клитовоуша, Клетовоуш, Клитоуш), чтобы искусилъ умъ юнаго царя, которому шлетъ подарки: «строуг'лоу и коло (вар. коло дрѣвено) и [два ковьчега велика праздна и] велицѣ двѣ врекѥ мака». Въ посланіи своемъ онъ объясняетъ ребячествомъ Александра — презрѣніе, съ которымъ онъ отнесся къ его первому письму; вотъ почему онъ посылаетъ ему «строуглоу, ꙗко да сикю заврьтаѥ играѥши, и коло, имь же младен'ци играють»; ковчеги пусть наполнитъ данью за три года, макъ пусть пересчитаетъ — столько войска у Дарія, грозившаго, въ заключеніи, велѣть привести къ себѣ Александра связаннымъ. — Александръ качаетъ головой, услышавъ содержаніе Даріева письма: о «неизьчтен'ноѥ грьдынѥ твоѥго високооумиꙗ, Даріѥ, ꙗко богоу небесномоу подобиши се, и не знаюшти и чловѣкомь можеши ли подоб'нь бити! До небесь вьзнесе се, и до ада сьнидеши». Онъ начинаетъ жевать макъ, велитъ разбить ковчеги, а Дарію отвѣчаетъ по поводу его подарковъ: «да вѣси, ꙗко кроугь кола сего вьсеѥ зем'лѥ кроугь приѩти ми подобаѥть, и на те оустрьмити се, и врьтѣти се имаши прѣдь мною ꙗко строугла, макь же твои вьсь сьж'вахь, и тако сили твоѥ побѣдивь сьтроу. Ков'чеге же твоѥ мѣсто дара приѩхь; доволюи вьсточ'ними странами [m.: между подобними тебе Перьси попоуе страшливеми соуште и невоиньствьнеми, запада же остани се, ꙗко да вь немь не надеши се, и довольнь боуди оброки своими. — И даровавь Клитовоуша отпоусти, вьдавь

емоу кьбль пьпра: «Вь место твое мьчьник воиске оудахь тебѣ кьбль пьпра. И сего сьжвавь храбрость мое воиске оузнаеши.» (Нов. I, гл. 18—20 = Jag. l. c. p. 235—238).

Тѣ-же подробности въ W, стр. 18—22 = греч. нар. кн. р. 31—38: имена посланниковъ: Καταρκούστης, Κλητευούστης (W); Κανταρκούστης, Κλητευούστης (греч. нар. кн.); въ первомъ посланіи Дарія по вѣнскому списку сорокъ царевичей воспитываются при персидскомъ дворѣ (W, 18: въ греч. нар. кн. этого нѣтъ); посланникъ видитъ Александра возсѣдающимъ εἰς σελλίν ὑψηλόν..., ὅλον μὲ τὸ χρυσάφιν καὶ μὲ λιθαροπουλα.... καὶ εἶχεν εἰς τὸ κεφάλιν τοῦ στέμμαν ἀπὸ λιθαροπουλον ζαφεῖραν μὲ ῥαβιθάτον μαργαριτάρι καὶ μὲ τῆς μυρσίνης τὰ φύλλα πλεμένον· καὶ ἀπὸ τὴν δεξιάν του μερίαν ἔστεκαν πάμπολλοι πρωτοκαβαλεραῖοι ὅλοι μὲ τὰ στεφάνια τὰ χρυσὰ εἰς τὰ κεφάλια (W; сл. греч. нар. кн. стр. 33: подробности о витязяхъ нѣтъ). Кандарху Александръ даритъ шлемъ съ своимъ знаменіемъ (W, σημάδι) или именемъ (гр. нар. книга); въ отвѣтѣ Александра Дарію W, 20 представляетъ лишнюю подробность (ὥσπερ τὸ ἵππωρον τὸ ἄγουρον μουδιάζον τοῦ ἀνθρώπου τὰ δόντια....); въ рѣчи Кандарха одно изъ сравненій заимствовано отъ кипариса, какъ въ варьянтахъ славянскаго текста. — Подарки Дарія: γουργουρίτζα ξυλίνη (W; греч. нар. кн. γουργοῦρα) καὶ βίτζανα (W; греч. нар. кн. βέργα, но далѣе βύτζα), σεντούκια εὔκαιρα δύο καὶ συναπόσπορον δύο σάκκια γεμάτα (W; сл. греч. нар. кн. 35). — Объясненіе подарковъ Александромъ то-же; привожу текстъ нар. греч. книги (37): ὡσὰν γυρίσει ἡ γουργοῦρα, ἔτζη θέλω γυρίσει τὸν κόσμον ὅλον, καὶ θέλω τὸν κυριεύσει, ἐρχόμενος καὶ εἰς εσένα. ὡσὰν ἐμάσησα τὸν συναπόσπορον, καὶ τὸν ἔπτυσα, οὕτω τὰ φουσάτα σου θέλω τζακίσει μὲ τὸ θέλημα τοῦ οὐρανοῦ καὶ τοῦ Κυρίου Σαβαώθ. Τὰ σεντούκια ἐδέχθηκα ὡς μέγα δῶρον, ὡσὰν τὰ κάστρα, ὁποῦ θέλω πάρη. Σώνει σου ἡ Ἀνατολὴ μὲ τὸ Περσικὸν μέρος τὸ σκιαζάρικον νὰ ὁρίζῃς, καὶ ἀπὸ τὴν Δύσιν νὰ ἀπέχῃς. Интересно отличіе W, 22, въ объясненіи ковчеговъ: τὰ σεντούκια.... ἐδέχθηκα μὲ τὰ καλὰ ὡς μέγα δῶρον. καὶ ὅπως ἐτζάκισά τα, οὕτως θέλω παραλάβει τὰ κάστρα σου ὅλα

και θέλω τὰ χαλάσει. — Александръ посылаетъ Дарію *ἕνα μόδι πιπέρι* (W; греч. нар. кн.) съ извѣстнымъ наставленіемъ.

Pseudocall. C, I, 26 упоминаетъ о первомъ посланіи Дарія въ послѣдовательности нашихъ текстовъ, противъ AB, I, 23, которые говорятъ о немъ еще до смерти Филиппа. Посланникъ не названъ, послы преклоняются передъ копьемъ по вызову Антіоха; требованіе Дарія иное: прислать ему обычныхъ сто золотыхъ яицъ по двадцати литръ вѣсомъ. — Второго посланія нѣтъ: о немъ говорится лишь позже, C, I, 36—38, послѣ цѣлаго ряда Александровыхъ подвиговъ; тѣмъ страннѣе представляются подарки Дарія мальчику: *ἔπεμψά σοι σκῦτος καὶ σφαῖραν καὶ κιβώτιον χρυσίου, ἵνα αἱρίσῃ ὁπότερον βούλει, τὸ μὲν σκῦτος μηνύον σοι ὅτι ἔτι παιδεύεσθαι ὀφείλεις, τὴν δὲ σφαῖραν, ἵνα μετὰ τῶν συνηλικιωτῶν σου παίζῃς καὶ μὴ ἀγερώχων ἡλικίαν τοσούτων νέων ἐκπείθῃς, ὥσπερ ἀρχιλῃστὴς μετὰ σεαυτοῦ φέρεις καὶ οὕτω ταράσσεις.* Персидское могущество неодолимо, *τασαῦτα γάρ μοί ἐστι πλήθη στρατοπέδων ὅσα οὐδὲ ψάμμον ἐξαριθμῆσαί τις δύναται . . . Ἔπεμψά σοι καὶ κιβώτιον χρυσοῦ μεστὸν, ἵνα ἐὰν μὴ ἔχῃς τροφὰς δοῦναι τοῖς συλλῃσταῖς σου, δώσεις αὐτοῖς τὴν χρείαν, ὅπως ἕκαστος αὐτῶν δυνηθῇ εἰς τὴν ἰδίαν πατρίδα ἐπανακάμψαι. καὶ μετὰ ταῦτα εἰςβαλὼν ἐν αὐτῇ τοὺς ἐτησίους φόρους ταχέως μοι ἀπόστειλον* (C, I, 36). Сочетаніе странное: Дарій посылаетъ Александру ларецъ полный золота съ тѣмъ, чтобы онъ имѣлъ, чѣмъ содержать своихъ товарищей по ремеслу, а затѣмъ наполнилъ бы снова слѣдуемой Персамъ данью! Послѣдняя черта принадлежитъ исключительно редакціи C; AB знаютъ только о присылкѣ ларца съ золотомъ; авторъ C могъ имѣть передъ собою, кромѣ этихъ редакцій, и иную, сходную съ прототипомъ сербскаго текста = C[1], гдѣ ковчегъ (ихъ два) присланъ — пустой. Замѣтимъ впрочемъ въ приведенной выше выпискѣ изъ W, 22, что Александръ получилъ ковчеги не пустые, а *μὲ τὰ καλά*; славянскіе тексты и греч. нар. книга о томъ не знаютъ. — Александръ отвѣчаетъ: *τὸν μὲν γὰρ σκῦτον ἔλαβον, ἵνα ταῖς ἐμαῖς λόγχαις καὶ ὅπλοις δείρω τοὺς βαρβάρους καὶ ταῖς ἐμαῖς χερσὶν εἰς δουλείαν καθυποτάξω· τῇ δὲ*

σφαίρα ἐσήμανάς μοι ὡς τοῦ κόσμου ἐπικρατήσω· σφαιροειδὴς γὰρ καὶ στρογγύλος ὁ κόσμος τυγχάνει· τὸ δὲ κιβώτιον τοῦ χρυσίου μέγα σημεῖον ἔπεμψάς μοι· ὑποταγὴν γὰρ ἑαυτοῦ ἐμήνυσάς μοι· νικηθεὶς γὰρ ὑπ' ἐμοῦ φόρους μοι τελέσεις (C, I, 38).

Какъ во всѣхъ редакціяхъ Псевдокаллисѳена, такъ и въ нашемъ текстѣ, первые походы Александра направлены не противъ Дарія. Собравъ свое войско на полѣ подъ Филиппами и оставивъ изъ 500 (вар. 600) тысячъ 300 на охрану Македоніи, остальныя-же взявъ съ собою, Александръ идетъ на Солунскаго царя Кархидона, который, узнавъ о его приближеніи, шлетъ ему много золота «и конь .р. из'браних и колесницоу златоу оукрашеноу и сына своего Полоукратоуша». Въ посланіи своемъ къ Александру онъ писалъ: «Радость тебе приношоу имети нарокь и чьсть дан'ноу тебѣ оть бога. Міи вси слишахомь и о сихь благодаривьше боги великие кь дрьжаве царствию твоемоу приложити се изволихомь соупротивити се тебѣ не могоуште, ноуждоу лоубочьстіа сьтворихомь, сына своего Поликратоуша слоужити тебе на чьсть послахомь, и сь многоценими дарьми вь царстви твоемь да обретаемь се (Jag. стр. 239: С многоцениими дарми, ки у царстви нашем находе се. Ми, ако угодно теби е, у царстви нашем да находимо се), и тебе елика по силе нашей дани и воискоу да давамо, и милостивь боуди намь, Филиповь сыне, вьса бо подроучна тебе промисль вишни сьтворити имать, и аште оугодно ꙗвить се сие наше малое молениe и посланиe, кь царствоу ти да придемо». Александръ любовно принимаетъ Поликрата, а Кархидона благодаритъ не столько за дары, сколько за «приклонныя» и любезныя рѣчи. «Глаголю тебе прич'тоу, ꙗко прѣклоноу главоу ни мьчь не сечеть. Сынь бо твои сь мною есть, ти же вь царстви сѣди, мнѣ-же на помошть .ві. тисоушть воиске посилаи, на годиште .т. талантть злата посилаи» (Нов. I, гл. 21 = Jag. l. c. p. 238—9).

Въ вѣнскомъ спискѣ солунскіе властители названы: *Ἀρχιδονούστης* и *Πολυκρατούστης* (сл. W, стр. 22—3); въ греч. нар. книгѣ: *Ἀρχιδονούστης* и *Πολυκαρτούστης*. Оба текста разсказываютъ вообще согласно съ славянскимъ, но въ посланіи Кархидона есть нѣко-

торыя отличія; Поликрату Александръ говоритъ, W: *διὰ τὴν ἀγάπην τοῦ βασιλέως τοῦ πατρός σου νὰ ἦσαι ἀδελφός μου ἐγκαρδιακός* (греч. нар. кн. *ἀγαπημένος*); въ отвѣтѣ Кархидону выражено тоже настроеніе; сл. греч. нар. кн. стр. 39—40: *εὐχαριστοῦμέν σε εἰς τὴν ἐπιστολὴν ὁποῦ μᾶς ἔστειλες, ὄχι διὰ τὰ δῶρα ὁποῦ μᾶς ἔστειλες μὲ τὸν υἱόν σου, ἀμὴ διὰ τὰ γλυκά σου λόγια, καὶ διὰ τὴν ἀγάπην, μὲ τὴν ὁποίαν μᾶς προσεδέχθης. Τὸ κεφάλι ὁποῦ προσκυνᾷ, σπαθὶ ἀκονισμένον δὲν τὸ κόπτει* (сл. W, 23). Онъ проситъ царя прислать ему 12 тысячъ вспомогательнаго войска (W; греч. нар. кн.: и ежегодно платить 80 талантовъ).

Выше мы сказали, что въ соотвѣтствующемъ отдѣлѣ Псевдокаллисоена С солунскій царь названъ не Кархидономъ, а Поликратомъ, у него сынъ—не Поликратъ, а Харимедъ. Имѣемъ-ли мы здѣсь дѣло съ перестановкой собственныхъ именъ и искаженіемъ одного изъ нихъ: Харимедъ—Кархидонъ? Варьянтъ Pseudocall. A I, 29: *Χαλκηδονίοις* вм. *Καρχηδονίοις* наводитъ насъ на другія соображенія. Сербская рецензія ведетъ Александра, согласно съ Pseudocall. C, послѣ Солунскаго эпизода—въ Аѳины и Римъ; Historia de preliis упоминаетъ Аѳины лишь позже [1]), а передъ походомъ на Римъ говоритъ о какихъ-то враждебныхъ отношеніяхъ—къ Халкидону. Изложеніе страшно запутано: BM: Et post hec congregata multitudine (B hostium) cepit ire Romam. principes vero milicie mandaverunt ei sex milia talenta auri et coronas centum novem milia, deprecantes illum, ut concederet illam Calcedoniis (B illis pugnam Calcedonis?). post hoc autem ingressus est Italiam, et inde sulcato pelago perrexit Africam. principes milicie Africe rogaverant Alexandrum, ut auferret ab illis Romanorum principatum. Verumtamen apprehendit Calcedonem et dixit: vobis dico, Calcidonenses, aut pugnate viriliter aut subjugamini sub potestate pugnantium, et exiit a Calcedonia et precepit

[1]) Zingerle, l. c., стр. 147. 166 слѣд.; сл. ib. стр. 29 и прим. 2; Kinzel, Zwei Recensionen, стр. 11, 14. Привожу тексты по Кинцелю, удерживая его сиглы. Изданіемъ: Historia Alexandri Magni. Argentine, 1494. я пользовался по экземпляру Имп. Публ. библіотеки.

militibus suis, ut ingrederentur cum eo naves et exirent in Saranitidam (B Faranitidam) insulam, atque recepit ibi divinationem a deo Amone. Нѣсколько иначе въ D-Be: post aliquos dies congregato exercitu et multitudine preparata cepit Italiam navigare et veniens (ad) Calcedoniam expugnavit (Utr. cepit expugnare) eam. Calcedones autem supra muros civitatis ascendentes (stantes), ei fortiter resistebant. quibus Alexander ait: vobis dico, Calcedones, aut pugnate viriliter aut potestati subjugamini pugnatorum. verum tamen Calcedoniam apprehendit. — (D) Exiens inde et navigando (Be navigato) pelago ingressus est Italiam (Utr. cepit ire Romam) volens Romanorum superbiam refrenare. Consules vero Romanorum adventum Alexandri audientes valido sunt timore perterriti et congregato populo auri talenta LX milia et coronas aureas centum direxerunt Alexandro, supplicantes illi ut eos nullatenus expugnaret. Alexander vero recepto a Romanis tributo et a cunctis Italiam habitantibus usque ad mare occidentis, quorum regio vocatur Europa, reliquit eos in pace. Et exinde sulcato pelago Africam properavit, in qua paucos rebelles invenit, [et] eam suo imperio subiugavit. Exiens autem de Africa precepit militibus suis, ut ingrederentur secum naves, et venit ad Pharāradem (Be Pharatutinem, Utr. Faranididam) insulam ad deum Hamonem consulendum.

Во всемъ этомъ запутанномъ отрывкѣ Халкидонъ, Χαλκηδών, несомнѣнно, не что иное, какъ Καρχηδών — Карѳагенъ [1]); сирійскій переводъ Псевдокаллисѳена [2]) представляетъ туже за-

---

[1]) Сл. подобную замѣну Халкидона Карѳагеномъ у Павла Діакона 1. 18, Hist. Misc. c. 6 и Кедрина, Heracl. VI въ разсказѣ объ осадѣ Халкидона Персами. Тоже въ житіи св. Анастасія Персіянина: Charcedonia вм. Chalcedon. Сл. Acta SS. n. ed. Jan. III ad. d. XXII, p. 40 и 36. Сл. еще ркп. Синод. библ. № 86 (XVI вѣка: Александрія Псевдокаллисѳеновскаго типа), въ описаніи камней, украшавшихъ ефудъ первосвященника: анѳраѯъ ѕѣло черменъ есть ѡбразомь, бываеть в *Халкидонѣ лювіисцемъ, иже нарицаетсѧ Африкіи.*

[2]) Сл. Woolsey, Notice of a life of Alexander the great, translated from the syriac by Rev. Dr. J. Perkins, въ Journ. of the American Oriental society, IV v. (1854), p. 369 и 388. — Сирійскій текстъ Александріи приготовляется къ изданію Беджемъ.

мѣну именъ (Халкидонъ вм. Кархидона) въ эпизодѣ Pseudocall. C. I, 30, который я приведу для сравненія: подчинивъ себѣ Римлянъ и взявъ съ нихъ дань и войско (A, I, 29: ἔλεγον δὲ καὶ πλείονας αὐτῷ δώσειν στρατιώτας εἰ μὴ τὸν πόλεμον συνῆπτον τοῖς Χαλκηδονίοις = Καρχηδονίοις?), Александръ переправился въ Африку; οἱ δὲ τῶν Ἀφρῶν στρατηγοὶ ὑπήντησαν αὐτῷ καὶ ἱκέτευον αὐτὸν ἀποστῆναι ἀπὸ τῆς πόλεως αὐτῶν Καρθαγένης (Миллеръ предлагаетъ читать, согласно съ Валеріемъ и, прибавимъ, съ Hist. de preliis: ἀποστῆναι Ῥωμαίους τῆς πόλεως)· ὁ δὲ Ἀλέξανδρος τὴν ἀδράνειαν αὐτῶν καταγνοὺς εἶπε πρὸς αὐτούς· «Ἢ κρείττονες γίνεσθε ἢ τοῖς κρείττοσιν ὑμῶν φόρους τελεῖτε»· Καὶ ἔλαβε παρ αὐτῶν φόρους. Κἀκεῖθεν ἀναζεύξας πᾶσαν τὴν Λιβύην ὑπερθέμενος εἰς τὴν Ἀμμωνιακὴν παραγίνεται· καὶ ἐμβαλλόμενος τὰ πλεῖστα πλήθη τῶν στρατοπέδων εἰς τὰς ναῦς κελεύει αὐτοὺς ἀποπλεῖν καὶ περιμένειν (αὐτὸν ред. A) εἰς τὴν Πρωτηίδα νῆσον; ред. A: εἰς τὴν Φαρίτιδα νῆσον — ближе къ текстамъ Hist. de preliis.

Во всѣхъ доселѣ извѣстныхъ рецензіяхъ Псевдокаллисѳена эпизодъ о Карѳагенѣ и вообще дѣянія Александра въ Африкѣ разсказаны послѣ того, какъ онъ побывалъ уже въ Римѣ. Какъ объяснить, что въ Hist. de prel. послѣдовательность является обратная? Можно-бы предположить, что передъ авторомъ находился текстъ, сходный съ подлинникомъ сербской Александріи, и что, встрѣтя въ немъ передъ римскимъ эпизодомъ какого-то Кархидона = Халкидона (= Поликрата Псевдокаллисѳена), онъ увлекся созвучіемъ его имени съ Карѳагеномъ = Кархидономъ и перенесъ къ болѣе раннему времени, что у Псевдокаллисѳена приводилось лишь въ I, 30, опустивъ при томъ — содержаніе разсказа о Кархидонѣ = Поликратѣ. Труднѣе допустить другую возможность — существованіе какого-нибудь текста Псевдокаллисѳена съ послѣдовательностью: Поликратъ, Карѳагенъ, Римъ, которая исказилась-бы впослѣдствіи въ двухъ направленіяхъ: подлинникъ сербской Александріи опустилъ Карѳагенъ = Кархидонъ, перенеся его имя на Поликрата: Кархидонъ; авторъ Hist. de prel., наоборотъ, забылъ Поликрата и Карѳагенъ назвалъ — Халкидономъ.

Обратимся къ эпизоду о Поликратѣ у Pseudocall. C, I, 26: Александръ считаетъ свое войско; *συναριθμήσας δὲ πάντας τοὺς παρόντας αὐτῷ, οὓς εἶχεν ἀπὸ τοῦ πατρὸς αὐτοῦ Φιλίππου, εὗρε χιλιάδας ἑβδομήκοντα ἑπτὰ καὶ τοξότας ἑξακισχιλίους πεντακοσίους. Ἀπέστειλε δὲ καὶ πρὸς Σκύθας ἄγγελον, φσάν, εἰ βούλοιντο, ἐλεύσονται πρὸς αὐτὸν εἰς συμμαχίαν.* Они присылаютъ ему 70 тысячъ конныхъ стрѣльцевъ. Съ этимъ войскомъ Александръ отправляется на Солунь, тиранъ которой, Поликратъ шлетъ ему золото и серебро и сына Харимеда съ письмомъ, въ которомъ значилось, между прочимъ, слѣдующее: «*ἐπειδήπερ τῇ προνοίᾳ ἀδυνατεῖ οὐδὲν, πάντα [δὲ] τῇ τύχῃ ὑποτάσσεσθαι χρέος ἐστὶ, καὶ σὲ τὸν θειότατον ἡμῶν βασιλέα ἀκριβῶς εἰδότες ἐκ θείας προνοίας γεγονότα, καὶ ὡς τὰ δοκοῦντά σοι εὐχερῶς ἡ τύχη πεποίηκεν· δουλικῶς κἂν μὴ θέλωσιν οἱ τὴν ὑπ' οὐρανὸν ἅπαντες κατοικοῦντες τῷ κράτει σου τὸ σέβας ἀπονεμέτωσαν. Ὅθεν κἀγὼ ἀκριβῶς ἐπίσταμαι τὰ σὰ εὐτυχῆ πλεονεκτήματα, καὶ τὴν πρός σέ μου δούλευσιν διὰ τοῦδε τοῦ εὐτελοῦς γραμματίου μου ἀνήγαγον. Ἐν ἀκριβείᾳ δὲ πιστῶσαι βουλόμενος τῷ κράτει σου, πέπομφά σοι καὶ ὃν μοι ἡ τύχη μονογενῆ παῖδα ἐχαρίσατο, σὺν οἰκτροτάτοις δώροις.* — Въ отвѣтномъ письмѣ Александръ говоритъ Поликрату: *τὴν ὑπ' Ἀναξάρχου τοῦ πατρός σου ἐξαυθεῖσαν ὀργὴν κατέσβεσας, οὐ τοῖς ἀποσταλθεῖσιν ἡμῖν δώροις σου, ἀλλὰ τῇ παρακλήσει τοῦ γράμματος καὶ τῇ τοῦ υἱοῦ σου ἀποστολῇ.* — Сербская Александрія не знаетъ о родственныхъ отношеніяхъ Поликрата къ Анаксарху и слѣдующаго за тѣмъ похода Александра «*ἐπὶ τοῖς ἄνω Σκύθαις*», которые отвращаютъ войну обѣщаніемъ выслать Александру, готовящемуся итти *πρὸς Λακεδαιμονίαν*, вспомогательное войско. — Это двоякое упоминаніе Скиѳовъ (въ виду ихъ дальнѣйшаго участія въ дѣлѣ противъ Аѳинъ) едва-ли представляется нужнымъ: еще съ перваго похода противъ нихъ (= Куманъ сербск. Александріи) они обѣщали Александру военную помощь.

Александръ идетъ на Аѳины; «Аѳинеускыи градь великь бѣше и в'сакыимь оукрашеникмь земльнымь оукрашень и мьчтаникмь; .ві. риторь (вар. филожофоф) обладаше имь и всоу зем'лю еллин-

скоу окрьмляше господствомь и соудомь правимь». Аѳиняне рѣшаютъ не пускать къ себѣ Александра, хотя философъ Софоклъ (вар. Софок'ліи, Сопокли, Софоклинь) и говоритъ, что трудно будетъ противустоять побѣдителю Кумановъ, Анаксарха и Кархидона. «Дроуги же философь (Андистень, Антистен) рече: оть нелиже Аѳина зачела се ѥсть, ниедини царь не прѣѥть ю, оть нелиже великыи царь Фока (вар. Диониспе, Дионижии) на Аѳіноу пріиде и рьва сию много, ничто не оуспевь праздиь отиде, и Ексеексень (вар. Езарксен, Ѥѯерѯень и др.) перьсидиски царь на ни пришьдь некогда сь силою великою, не тьчию ничто оуспевь и оть нась разбиень, бѣжа, и вь ѥдиномь отоцѣ (вар. рици) макѥдон'скомь оутону; да не подобаеть намь, тако сил'немь, Филиповоу сыноу дати се». Далѣе выступаетъ сторонникъ Александра, Діогенъ: онъ видѣлъ Александра въ Олимпіи, слышалъ, какъ отозвался о немъ, пророча ему славную будущность, философъ Ураній, и теперь совѣтуетъ встрѣтить Александра съ честію: онъ благъ, и не сразившись съ нами, послѣдуетъ далѣе — въ Римъ. Не понравилось это Аѳинянамъ: «оу всакомь моудрьци до воле лоудости», говорятъ они, тогда какъ Діогенъ удаляется къ Александру, который, ставъ подъ Аѳинами, посылаетъ туда куманина Арфаксада (Ар'факса, Арпастада, Апразата, Арьфаза) съ требованіемъ покорности. Съ трудомъ нашли въ городѣ драгомана, понимавшаго куманскую рѣчь; когда уразумѣли ея содержаніе, драгомана убиваютъ, а Александру велятъ сказать, что ему не подобаетъ зваться Аѳинскимъ царемъ: «мнози бо тебе подобни царие подроуч'ни соуть вь Аѳине, и мнози больши витези и философи вь Аѳине вьдварають се. Да довольнь боуди вь Македонии царствовати, ıакоже бо хоте вьшьль еси зде, и ıакоже хоштеши, и не изидеши оть соудоу». — Разгнѣвался Александръ: «Горе земли, еюже обладають мнози!» Онъ велитъ съ четырехъ сторонъ палечь на городъ; «беше видение стрѣль летештее вь градь ıако облакь»; но горожане дѣлаютъ вылазку изъ воротъ, убили десять тысячъ Кумановъ, съ другой стороны — четыреста конниковъ положили «банестрами» (вар. балиштри; чаграми), «и оухиштрениемь

некоемь ог҆нь изь града врьгоше оу Александровоу заставоу, вь малк его не опалише». Вечеромъ, отойдя въ станъ и поставивъ стражей вокругъ войска, Александръ совѣтуется съ своими властелями: какъ быть? Діогенъ говоритъ, что взять Аѳины невозможно: въ немъ болѣе двухъ сотъ тысячъ ратниковъ; лучше выманить ихъ въ поле и, побѣдивъ неискусныхъ въ бою, завладѣть городомъ. Александръ прибѣгаетъ къ хитрости Грековъ подъ Троей: отойдя на двѣнадцать поприщъ, оставляетъ всю добычу, овецъ и воловъ, при такомъ посланіи: Не вѣдалъ я силу боговъ вашихъ; они явились мнѣ, страшные, во снѣ и велѣли вернуться вспять; взявши воловъ, принесите ихъ въ жертву богамъ вашимъ и помолитесь обо мнѣ, да помилуютъ меня.—На другое утро, увидѣвъ, что непріятель удалился, и повѣривъ писанію Александра, граждане заключили: «оть страха побѣже сынь Филиповь» и бросились преслѣдовать его, несмотря на предупрежденіе аѳинскаго философа Промаха: онъ видѣлъ во снѣ «ѣко великаго бога Аполона храмь паде се, и пирьгове (вар. прагове, тргове) вьси Аѳинек оборише се, и врата великаа Аріква леда[1]) падоше се. И Алексен҆дра видѣхь на льву (вар. волоуи глави) вь градь Аѳінеоу вьходешта, и видѣхь Макидонѣани срьпи носеште, и класик пшенично, израстьше вь ширинахь града нашего, пожинахоу и зелено и зрѣло». Александръ ожидалъ Аѳинянъ на «Костоломѣнскомь (вар. Кастилисцемь, Каталинском, Каталиньсцемь, Каталинском) лоузе»; на «Виталійскомъ» (вар. Витальскомъ, Витанскомъ) полѣ происходитъ ихъ встрѣча съ Александромъ, у котораго двѣсти тысячъ пѣхоты и 100 тысячъ всадниковъ (вар. 100 тысячъ пѣхоты и столько-же конниковъ). Увидѣвъ войско, услышавъ «глась троубамь и накарадамь и праскавицамь», они догадались объ обманѣ и, не будучи въ состояніи убѣжать, поневолѣ пошли на бой. Македоняне принялись ихъ сѣчь и гнать черезъ всё Виталійское поле, до самого города, куда вошли вмѣстѣ съ Аѳинянами. «Бѣше же видѣти

---

[1]) *Аріева леда* можетъ быть —Ἄρεως πάγος по догадкѣ проф. Дестуниса.

жалостьно видѣниѥ, дѣти же и жены кь своимь текоуште на срѣтеніе, и обои оубиваxоу се, жени и дѣти, и вы'лю до небесе досежоуштоу, обои замѣсише се по срѣдѣ града и крьви пролѣваxоу се». Александръ ѣздитъ посреди на вологлавомъ конѣ и проситъ прекратить сѣчу; молятъ его о томъ и аѳинскія жены. «Онь-же не моги оуставити сѣчь, повелѣ градь запалити. Людие и жены оу коулоу (вар. турие) оутекоше и спасоше се оть ог'ня. Тогда глаголѥмыи иxь великыи и див'ныи храмь богь аѳинепскыиxь сь вьсѣми богы паде се и из'горе. — Се слышавь Алексен'дрь рече: Аште быше се бози были, сами оть ог'ня спасли се быше. Пакы же Алексен'дрь ꙗрость и жалость смѣсивь рече: Дьньсь макꙇдон'скаа ороужіа крьвию аѳінепскомь окрьвавише се, и не произволениѥмь моимь, нь ниxь неоумѣниѥмь. Диогѥнь философь рече: О горе непрѥмлюштіиxь моудріиxь сьвѣта; добрѣ речен'но ѥсть: моудра накажи моужа и вьз'любить те, безоум'на же, и вьз'ненавидить те; даи прѣмоудроу виноу, и прѣмоудреи боудеть. И вьсплака же градь аѳін'скыи (вар. Афина вса и Тива), и сь нѥю сметоше се в'си отоци вьселѥн'сціи, жалꙗxоу аѳінепска паденіа (вар. слишавьше сие царие сикилисци жалеште великаго аѳинепскаго града велико падение) царіѥ вьселѥн'сціи велицін. Сіа же слышавь Алек'сендрь, рече: Главоу не разбивь, не можь моз'га испити (Нов. I, гл. 22 = Jag. l. c., p. 239—243).

Изъ соотвѣтствующаго эпизода вѣнской рукописи (W, стр. 23—9) отмѣтимъ слѣдующее: изъ Солуни Александръ идетъ εἰς τὴν Ἀθήνα [1]), гдѣ правили тогда двѣнадцать «риторовъ»; εἰς ὅλους τοὺς Ἕλληνας ἦτον διδασκάλεῖον· καὶ ἡ φρόνησις τῶν Ἑλλήνων ἦτον ὅλο μὲ τὸ δίκαιον; имена говорящихъ pro и contra: Софонііі (sic), Діогенъ и Антистенъ; въ рѣчи послѣдняго упомянуты: персидскіе цари Діонисій и Ксерксъ (Ἐξέρξέν); рѣчь Діогена, нѣсколько подробнѣе развитая, чѣмъ въ слав. переводѣ (съ ссылкой на философа Уранія), встрѣчена насмѣшкой: εἰς πᾶσα

---

[1]) О формѣ Ἀθήνα (въ греч. нар. кн. Ἀθῆναι) сл. Дестунисъ, О покореніи и плѣненіи, произведенномъ Персами въ аттической Аѳинѣ (СПБ. 1881), p. I.

ἄνθρωπον φρόνιμον ἔναι καὶ λουλία πολλή, говорятъ Аѳиняне. Арфадаксъ, князь Кумановъ и Аламановъ, не разумѣетъ *γλῶσσαν ῥωμαϊκήν*, почему потребовался драгоманъ; стрѣлы (*σαγίταις*) Кумановъ ἔπεφταν *εἰς τὸ κάστρον ὥσπερ σύγνεφα ὁπόταν βρέχῃ*; Кумановъ убито 10 тысячъ, у Македонянъ 500 пѣшихъ и 1500 конниковъ. Александръ спрашиваетъ, что ему сдѣлать «*εἰς τοὺς Ἀγαρηνοὺς τοὺς πονηροὺς τοὺς Ἀθηναίους*»; въ городѣ, по словамъ Діогена, десять тысячъ вооруженныхъ. Александръ оставляетъ «*ἀγελάδια καὶ ταυρία παχεῖα ᾳφ' καὶ πρόβατα διαλεκτὰ ͵β*»: онъ проситъ Аѳинянъ принесть ихъ въ жертву богу Аполлону. Отъ преслѣдованія Александра ихъ пытается удержать какой-то Промахъ: ему видѣлось во снѣ *ὅτι τοῦ Ἀπόλλωνος ὁ ναὸς ἔπεσεν καὶ τοῦ κάστρου οἱ πύργοι ἐχάλασαν καὶ ἡ πόρταις ἡ μαρμαρένιαις τοῦ Δαρείου ἐχάλασαν, καὶ ὁ Ἀλέξανδρος ἐσέβην εἰς τὸ κάστρον καβελάρης, ἐπερπάτειεν ταῖς ρούγαις τοῦ κάστρου· καὶ εἶχεν ἐξεβῇ εἰς τὸ κάστρον μας σιτάρι σύριμον καὶ ἄγουρον, καὶ οἱ στρατιῶταις τοῦ Ἀλέξανδρου τὸ ἐθέριζαν*. Этотъ образъ удержанъ и далѣе, въ описаніи взятія Аѳинъ: Македоняне «*ἐτζάκισάν τους* (т. е. Аѳинянъ) *καὶ ἔκοπταν τοὺς ὡσὰν καλλιεργάταις εἰς δασὺν χωράφιν*». Александръ поджидаетъ враговъ *εἰς τὸν λόγκον τῆς Μαστελείας* и встрѣчается съ ними *εἰς τὸν κάμπον τῆς Βηταλείας*. Въ городъ онъ въѣзжаетъ на Вукефалѣ; «*ἡ γυναῖκες καὶ τὰ παιδία ἀνέβαινον ἀπὸ τοὺς πύργους μὴ νὰ ἐγλυτώσουν, καὶ ἄλλοι ἔδραμαν εἰς τὸν ναόν τους τὸν Ἀπόλλωνα διὰ νὰ ἐγλυτώσουν, καὶ ἀπὸ τὸν θυμὸν τῆς ἱστίας ἀπὸ τοὺς πύργους ἐγκρεμνίζονται· Τότε καὶ ὁ ναὸς ὁ μέγας τοῦ Ἀπόλλωνος ὁ ὡραῖος ἐκεῖνος, ὁποῦ ἦσαν οἱ θεοὶ τῶν Ἑλλήνων, ἄψε καὶ ἐκάηκε μὲ ὅλους τοὺς θεούς*, надъ безсиліемъ которыхъ смѣется побѣдитель. — «*Ὁ Διογένης ὁ φιλόσοφος εἶπεν· Ἐὰν οὐδὲν πάθῃ ὁ ἄνθρωπος, οὐδὲν ἠμπορεῖ νὰ μάθῃ, ἀμὴ καλὰ λέγει ὁ λόγος· τζάκισε τοῦ ἀνθρώπου τὸ κεφάλι, καὶ τότε νὰ πείθεται. ὅμως καλὰ λέγει ὁ Σολωμών· δίδου σοφοῦ ἀφορμὴ, καὶ σοφώτερος ἔσται· τότε ἡ Ἀθήνα ἐτρόμαξεν, τότε ἡ Θήβα ἐθρήνησεν, τότε τὰ νησία ὅλα ἤκουσαν, καὶ ἐτρόμαξαν, καὶ τὰ βασίλεια τῆς Δύσης ἐθρήνησαν, τῆς Σικελίας καὶ τῆς Λακεδαιμονίας, καὶ ἔπεσαν εἰς φόβον μέγαν καὶ εἰς*

λογισμόν, τὸ τί νὰ ποιήσουν· ὁ Ἀλέξανδρος εἶπεν· τὸ κεφάλιν ἂν οὐδὲν τὸ τζακίσης, τὸν ὀμυαλὸν οὐδὲν ἠμπορεῖς νὰ τὸν φάγης.

Объ Аѳинахъ греч. нар. книга (см. р. 40—48) говоритъ: *Ἦτον αἱ Ἀθῆναι κάστρον μέγα μὲ κάθε πρᾶγμα στολισμένον, ὁποῦ δὲν εὑρίσκετο παρόμοιον εἰς τὸν κόσμον, καὶ εἶχε μέσα δώδεκα ῥήτορας* (далѣе: *οἱ φιλόσοφοι*), *ὁποῦ τὸ ἐκυβερνοῦσαν, φρονιμωτέρους ἀπὸ ὅλους τοὺς Ἕλληνας. Εὑρίσκοντο ἐκεῖ διδασκαλεῖα, καὶ πᾶσα φρόνησις τῶν Ἑλλήνων, καὶ μὲ δικαιοσύνην ἐκυβερνοῦσαν τοὺς Ἕλληνας* — Имена философовъ, препирающихся другъ съ другомъ: *Σοφονίας, Ἀντισθένης* и *Διογένης*; содержаніе рѣчей то-же, что въ слав. текстахъ. Съ тѣхъ поръ, какъ стоятъ Аѳины, никто не подчинялъ ихъ себѣ, говоритъ Антисѳенъ: *Δαρεῖος ὁ βασιλεὺς τῆς Περσίας ἦλθε καὶ ἀπέκλεισέ την, καὶ ἐπολέμησέ την, ἀλλὰ τίποτε δὲν ἐδυνήθη νὰ κάμη, μόνον εὔκαιρος ἐδιέβη καὶ ἐντροπιασμένος. Ἄλλος βασιλεὺς τῆς Περσίας ὁ Ξέρξης ἦλθεν εἰς τὰς Ἀθήνας μὲ δύναμιν πολλὴν, ὅμως οὔτε αὐτὸς τίποτε δὲν ἔκαμε, μονον νικημένος ἐδιέβη ἀπὸ τοὺς Ἀθηναίους, ἐπειδὴ εἰς ἕνα ποτάμι τῆς Μακεδονίας, ὀλίγον ἔλειψεν ὁποῦ δὲν ἐπνίγη αὐτὸν, καὶ τὰ φουσάτα του* (W, стр. 24, о Ксерксѣ: *εἰς ἕναν ποτάμιν τῆς Μακεδονίας ἐπνίγηκαν*). — Діогенъ также ссылается на изреченіе Уранія и совѣтуетъ учествовать Александра дарами, *ἐπειδὴ αὐτὸς θέλει μᾶς ἀφήσει ζακόνια καλὰ νὰ ἔχωμεν εἰς τὸν τόπου μας, καὶ ἀπ' ἐδῶ θέλει σηκωθῇ νὰ ὑπάγῃ εἰς τὴν Ῥώμην.* — Діогена не слушаютъ: *εἰς κάθε ἄνθρωπον φρόνιμον καὶ μεγάλη λολάδα εὑρίσκεται* [1]); онъ переходитъ къ Александру, который посылаетъ въ Аѳины аламанскаго архонта *Ἀρφάδιον*, объясняющагося черезъ драгомана: *αὐτὸς γλῶσσαν Ἑλληνικὴν δὲν ἤξευρε νὰ συντύχη.* Аѳиняне велятъ отвѣтить Александру, *ὅτι αἱ Ἀθῆναι δὲν τὸν προσκυνοῦν. Ἂς ἠξεύρῃ ὅτι ἄλλοι καλλήτεροι βασιλεῖς ἀπὸ αὐτὸν ἦλθαν εἰς τὰς Ἀθήνας, καὶ δὲν τοὺς ἐπροσκυνήσαμεν, ἐπειδὴ εἰς ὅλον τὸν κόσμον καλλήτεροι φιλόσοφοι καὶ πρωτοκαβαλαραῖοι δὲν εἶναι* [2]). *Σώνει τον ἡ Μακεδονία νὰ*

---

[1]) Въ сербск. текстѣ: до воле *лоудости*; *λολάδα* отъ новогр. *λολός* = глупый, какъ отъ *τρελλός* — *τρελλάδα* и *τρέλλα*.

[2]) Иначе въ W, стр. 25, въ отвѣтѣ Аѳинянъ: *ὅτι καὶ ἄλλοι βασιλεῖς καλλίτεροι*

βασιλεύῃ, καὶ ἄς εὔγῃ ἀπὸ τὸν τόπον μας ὡσὰν δὲν θέλει. Драгомана убиваютъ; Александръ нападаетъ на городъ съ четырехъ сторонъ; *οἱ Κουμάνοι τῆς Ἀλαμανίας ἐτόξευσαν μὲ σαΐταις ὡσὰν νέφος μελισσῶν;* Аѳиняне убиваютъ ихъ 10 тысячъ, да три тысячи Македонянъ, сами же, потерявъ всего десять человѣкъ, *ἔρριξαν στίαν ἀπὸ τὸ κάστρον, καὶ ὀλίγον ἔλειψε νὰ καύσουν καὶ τὸν Ἀλέξανδρον.* Слѣдуетъ отступленіе Александра, совѣщаніе съ мегистанами и извѣстный намъ совѣтъ Діогена (въ Аѳинахъ 10 тысячъ храбрыхъ); въ письмѣ къ Аѳинянамъ, какъ и въ W, ничего не говорится о сновидѣніи Александра, а лишь о гнѣвѣ на него Аполлона, которому пусть и принесутъ въ жертву оставленныя имъ *γελαδοπρόβατα*, дабы онъ смиловался надъ Александромъ; Аѳиняне находятъ въ его станѣ *τὰ χίλια ἀγελάδια, τὰς τέσσαρας χιλιάδας πρόβατα* и говорятъ: *βέβαια ἀπὸ τὸν φόβον του ἔφυγεν ὁ υἱὸς τοῦ Φιλίππου.* Какой-то архонтъ, именемъ *Τιρόμαχος* пытается удержать Аѳинянъ отъ преслѣдованія, разсказавъ имъ свой сонъ: онъ видѣлъ *ὅτι τοῦ Ἀπόλλωνος ὁ ναὸς ἔπεσε, τοῦ κάστρου οἱ πύργοι ἐχάλασαν, ἡ πόρταις ἡ μαρμαρένιαις ἔπεσαν, καὶ ὁ Ἀλέξανδρος εἰσέβη καβαλλάρης, περιπατῶντας εἰς τὰς ῥούγας, καὶ τὸ κάστρον ἐγέμισε σιτάρι δασὺ ὥριμον καὶ ἄγουρον, καὶ οἱ στρατιῶται τοῦ Ἀλεξάνδρου τὸ ἐθέριζαν* [1]). — Александръ поджидаетъ

ἦλθαν κατεπάνου μας, καὶ οὐδὲν τοὺς ἐπροσκυνήσαμεν· ὅτι κάλλιον κάστρον καὶ δυναμώτερον φουσάτο οὐδὲν ηὑρίσκεται πούπετες.

Сл. у **Дестуниса**, l. c., v. 30 слѣд., плачъ Аѳинъ:

Οὐαὶ μοι τὴν κατονείδιστον περὶ τὰς πολεις ὅλας,
Ἔκπαλαι τὴν παμφούμιστην περὶ τὰς πόλεις ὅλας,
Οὐδέποτε τὴν κύψασαν ποσῶς εἰς δουλοσύνην,
Τὴν ἀνδρεωμένην πάντοτε περὶ τὸν κόσμον ὅλον,
Τὴν φρόνιμον, την πάνσοφον περὶ τὰς πόλεις ὅλας,
Τὴν γεμισμένην τῶν λαῶν ὡς πλῆθος τῆς μελίσσης.

[1]) Въ слав. текстѣ образъ жатвы = битвы выраженъ яснѣе. Сл. Διήγησις τοῦ Ἀχιλλέως (**Wagner**, Trois poèmes grecs, p. 18):

572 καὶ ὥσπερ νὰ κόπτουν θερισταὶ χωράφιν δασωμένον,
καλοὶ, ἰσχυροὶ καὶ δυνατοί, καὶ χορτασίαν μὴ ἔχουν,
οὕτως τοὺς ἐκατέκοπταν καὶ χορτασίαν οὐκ εἶχον.

Сл. v. 1310.

непріятелей εἰς τὸν λόγγον τῆς Κασταλίας, καὶ διέταξε τὰ φουσάτα του εἰς τρία μερτικὰ, τὸ κάθε ἕνα κατὰ τὴν τάξιν του. Εἰς τὸν κάμπον τῆς Βαταλίας (вѣроятно: battaglia; не оттуда-ли Виталійское поле слав. пересказовъ?) οἱ Ἀθηναῖοι ἔφθασαν τὸν Ἀλέξανδρον, ὁ ὁποῖος παρευθὺς ὥρισεν καὶ ἐκτύπησαν τὰ ὄργανα καὶ ἐξέβησαν τὰ φουσάτα ἀπὸ τὸν λόγγον ὁποῦ ἦσαν κρυμμένα. Устрашенные Аѳиняне принуждены вступить въ битву, Александръ верхомъ на Вукефалѣ пытается удержать своихъ отъ сѣчи (мольбы женъ и дѣтей); не успѣвъ въ этомъ ὥρισε νὰ βάλουν στίαν εἰς τὸ κάστρον. Αἱ γυναῖκες καὶ τὰ παιδία ἀνέβαινον εἰς τοὺς πύργους νὰ γλυτώσουν, ὅμως ἀπὸ τὴν φωτίαν ἐγκρεμίζονταν κάτω καὶ ἐσκοτώνονταν. Ἄλλοι ἔτρεχον εἰς τὸν ναὸν τοῦ Ἀπόλλωνος διὰ νὰ γλυτώσουν, ἀμὴ καὶ ἐκεῖνος ἐκάη μὲ ὅλους τοὺς θεοὺς τῶν Ἑλλήνων. Τότε ὁ Ἀλέξανδρος ἐγέλασε και εἶπεν· ἐὰν ἦσαν οἱ θεοὶ τῶν Ἑλλήνων θεοὶ ἀληθινοὶ, ἤθελον διαφεντευθῇ ἀπὸ τὴν φωτίαν νὰ μὴ καοῦν. Ἐλυπήθη ὅμως τὸν λαὸν καὶ ἔλεγε· σήμερον τῶν Μακεδόνων τὰ ἅρματα ἠκονίσθησαν ἀπὸ τὸ αἷμα τῶν Ἀθηναίων, ἀλλὰ δὲν εἶναι τὸ πταίσιμον ἀπὸ ἐμένα, ἀμὴ ἀπὸ αὐτοὺς διὰ τὴν ἀγνωσίαν τους. — Τότε ὁ Διογένης ὁ φιλόσοφος εἶπεν· ὁ ἄνθρωπος ἂν δὲν πάθῃ, δὲν μαθαίνει καλὰ, ἐπειδὴ λέγει ὁ λόγος· τζάκισαι τὸ κεφάλι τοῦ ἐχθροῦ σου, διὰ νὰ σὲ πείθεται, καὶ νὰ σὲ φοβᾶται. Ἐγὼ τὸ προεῖπα τῶν Ἀθηναίων, ἀλλ' αὐτοὶ τὸν λόγον μου δὲν ἠθέλησαν ποτὲ νὰ ἀκούσουν. Αἱ Ἀθῆναι καὶ αἱ Θῆβαι τῶρα κλαίουν πικρῶς, καθὼς καὶ τὰ βασίλεια τῆς Δύσης, Σικελίας καὶ Λακεδαιμονίας ἔφριξαν, καὶ ἔπεσαν εἰς φόβον μέγαν καὶ εἰς πικρὸν λογισμόν.

Упоминаніе во всѣхъ текстахъ сѣтующихъ Ѳивъ является общимъ мѣстомъ, подобно плачу Запада, Сициліи и Лакедемоніи, если не предположить, что въ оригиналѣ сербской Александріи говорилось — и о разрушеніи этого города. Обратимся для разрѣшенія этого вопроса къ Pseudocall. C, I, 27: послѣ эпизода съ Поликратомъ Александръ идетъ на Эллиновъ, экзархи которыхъ, слыша о его нашествіи, собираются для совѣщанія въ Аѳины: ἐκεῖσε γὰρ ἦν αὐτῶν ἡ ἀρχή. Δώδεκα δὲ ῥήτορες τῷ τότε καιρῷ διεῖπον πᾶσαν ἀρχὴν Ἑλλάδος. Антисѳенъ и Парменидъ стоятъ

за сопротивленіе: Ἔχομεν λόγους ἐκ προγόνων, ὁπόταν τῇ πόλει ἡμῶν ἐπῆλθε Διόνυσος (Діонисій слав. текстовъ), ὁ πᾶσαν ὑποτάξας γῆν· ἀλλὰ ἀντεῖπον αὐτῷ Ἀθηναῖοι, καὶ μέγιστα κατ' αὐτοῦ ἦραν τρόπαια, καὶ ἀχρεῖον αὐτὸν ἀποστρέφουσιν ὡσεὶ ἀδράνεον». — А кто въ то время начальствовалъ Аѳинянами, спрашиваетъ Діогенъ? — Атрей и Оилей, первый царь Македонскій. «Καὶ ὁ Διογένης ἐπὶ τούτῳ γελῶν ἔφη· «Καὶ ὡς φωρᾶς ὕλην ἐξ αὐτῶν παραστήσατε μόνον, καὶ ἐρῶ ὑμῖν Ἀλέξανδρον ἀντιπαρατάξεσθαι. Εἰ δὲ μὴ τοῦτο ποιήσετε, οὐ μόνον Ἀλέξανδρον οὐ μαχέσεσθε, ἀλλὰ καὶ τὴν Θήβαν ἐδαφίσετε.» Діогена не слушаютъ и нечестно отсылаютъ Александровыхъ пословъ, пришедшихъ съ мирными предложеніями. Александръ отступаетъ на 12 миль отъ города, поджидая Скиѳовъ, говоря объ Аѳинянахъ: Καὶ, ὦ ὑμεῖς, ἐξ ἐσχάτου μετανοήσαντες οὐδὲν ὠφελήσετε». Когда укрѣпленіе подоспѣло, Александръ дѣлаетъ приступъ; καὶ οὐκ ἦν ἀριθμὸς τῶν τοξοτῶν· ἀπὸ γὰρ τῆς βολῆς ὁ ἥλιος οὐκ ἐφαίνετο. — Вслѣдъ за этимъ эпизодомъ С передаетъ нѣкоторыя подробности, которыми В, начинающій походы Александра со взятія Ѳивъ, открываетъ свой разсказъ (B, I, 26): распространился слухъ о смерти Александра; Ѳиванцы перебиваютъ поставленный Филиппомъ гарнизонъ; *Александръ идетъ на Ѳивы*, προσέπεσε ταῖς Θήβαις, гибель которыхъ вѣщаютъ страшныя знаменія: Σημεῖα δὲ τοῖς Θηβαίοις τῶν μελλόντων κακῶν ἐγένετο· τὸ γὰρ τῆς Δήμητρος ἱερὸν ἀράχνη περιεκάλυψε, τό τε τῆς Δίρκης καλούμενον ὕδωρ αἱματῶδες ἐγένετο. Послѣ этого В тотчасъ-же говоритъ о взятіи города; С продолжаетъ самостоятельно: Καὶ ἦν ἰδεῖν θαῦμα μέγιστον ἐν Ἀθήναις. Οἱ γὰρ ἐν τοῖς τείχεσι χάριν τοῦ πολέμου ἱστάμενοι δίκην φύλλων ἐκ τοῦ τείχους κατήρχοντο· καὶ οὐκ ἦν ὁ ἀνθιστάμενος Ἀλεξάνδρῳ. Παραλαβὼν δὲ ταύτην ὁ βασιλεὺς κατέσκαψε πᾶσαν τὴν πόλιν. — Слѣдуетъ извѣстная бесѣда Александра съ Діогеномъ, просящимъ царя не затмить ему солнца — и затѣмъ уже *походъ противъ Ѳивъ*, переданный сходно, хотя и пространнѣе, съ изложеніемъ А, который помѣщаетъ его гораздо позже (I, 46).

Пересказанный нами отдѣлъ С указываетъ на смѣшанный

характеръ этой рецензіи, въ которомъ мы уже убѣждались и убѣдимся на другихъ примѣрахъ. Упоминаніе Ѳивъ во время осады Аѳинъ мотивировано внѣшнимъ образомъ, нарушающимъ послѣдовательность; однимъ изъ источниковъ редактора могъ быть текстъ сходный съ источникомъ сербской Александріи, ограничивающейся разсказомъ о паденіи Аѳинъ. Съ сѣтованіемъ Ѳивъ сл. въ текстѣ, спеціальномъ для С, угрозу Діогена Аѳинянамъ: καὶ τὴν Θήβαν ἐδαφίσετε.

Если въ Аѳинскомъ эпизодѣ сербской Александріи мы могли видѣть значительное отличіе отъ соотвѣтствующаго отдѣла въ С, то тѣмъ болѣе слѣдуетъ то замѣтить относительно разсказа объ Александровомъ походѣ на Римъ. Что въ С лишь намѣчено, здѣсь развито подробно, общими мѣстами и описаніями, напоминающими таковыя-же въ слѣдующихъ далѣе разсказахъ — о пришествіи Александра въ Трою и Іерусалимъ.

Изъ Аѳинъ онъ направляется къ Риму[1]) съ 1400-ами витязями; «тогда срѣтоше его царь тракiискыи и поул'скыи и дамал'скыи и готь'скыи и трвал'скыи[2]), и принесоше ему дари многи

---

[1]) Римскій эпизодъ нашей Александріи, внесенный въ хронографъ 1-й редакціи см. у А. Попова, Хронографы вып. I, стр. 119—120.

[2]) Вар. кнези и цари трацииски и мацедонски и сиѣелииски и муриискн и пулииски и гонитански и тривалииски; кнези тракисци и лакедемоньсци и моуреисци и дальмацисци и трилисисци и поульсци; кнези тарьсицьки и маѣедωрисци и муреиньски и дальматиньски и гωнитансци. — Готскіе витязи упоминаются въ одномъ спискѣ Александріи (Jagić, l. c., p. 260, прим. 10), въ эпизодѣ о Мимандѣ: «гωтиньсци витези»; Готы и Далматинцы въ войскѣ Александра — въ отрывкахъ ирской Александріи: «die Grossherren der Thracier und die Fürsten der Aethicer und die vornehmsten der Athener und die Könige der Thessalier und die äolischen Grosskönige und die Heere aus dem Lande Moesia, *und die tüchtigste Schaar, die je von einem Könige gewonnen wurde, nämlich die Gothen und Dalmaten und Dardaner, und Istrien und Rhätien und Pannonien.* (См. Kuno Meyer, Eine irische Version der Alexandersage. Lpz. 1884, p. 22). У Орозія, которымъ пользовался авторъ ирскаго пересказа, этихъ подробностей нѣтъ, но Готы дважды упоминаются въ связи съ Александромъ: I, 16, 2: Gothi, quos Alexander evitandos pronuntiavit; VII, 34, 5: maximas illas Scythicas gentes formidatasque cunctis maioribus, Alexandro quoque illo Magno..... evitatas,.... hoc est Alanos, Hunos et Gothos. — У Іорнанда, смѣшивающаго Готовъ съ Скиѳами и Гетами, Филиппъ Македонскій женится на дочери гот-

без'числьныи, стѣми царьскыѥ многоцѣн'ные и даани .ві.-мь лѣтомь, и имень царьскыихь лишише се, сатрапомь повелѣ звати се имь». Римляне, управлявшіеся въ то время общиною, какъ и Аөиняне, (вар.: и слышавшіе, какъ они пострадали) рѣшаютъ на совѣтѣ: впустить Александра въ городъ «сь почьст'ми мнозѣми и сь дар'-ми, отложьше се на отьчьскыхь оуставѣхь, милостию непоколѣбимою на законѣхь быти. Кь Богоу же своѥмоу Амоноу вь црьковь притекоше и молѣахоу се ѥмоу вьз'вѣстити имь ѥже о Алексен'дри. Сы же вь с'нѣ ꙗвль се рече имь: Моужіе великаго града Рыма, не бойте се Алексен'дра, сынь мои ѥсть. Нѣкогда ходив'шоу ми по нѣкоѥи потрѣбѣ вь Макѥдонію, быхь сь матерію ѥго Олим'біадою, и семоу быв'шоу роди се Алексен'дрь». По совѣту бога Александра встрѣчаютъ съ честью: четыре (вар. 12) тысячи витезей въ вѣнцахъ и двѣ тысячи дѣвицъ, всѣ на бѣлыхь коняхъ, «и крьзма црьвена и везена сь златомь, и прочіихь люди тисоушта и четири ста (вар. 14 тысячъ), сіи же в'си ношахоу дафиново вѣт'выѥ вь роукахь сь златомь». Двѣ тысячи іересвъ идольскихъ, съ свѣчами вь рукахь, вынесли ему «крьз'мо великога цара Соломона црьвено (вар. велико и многоцинно), ѥже бѣ вьзель Навьходоносорь царь, ѥгда плѣни Іерусалимь. И изнесоше блюдь самотвор'ныхь тисоуштоу и двѣ стѣ (вар.

скаго (=гетскаго) царя Гудилы, «ut tali affinitate Macedonum regna firmaret». Далѣе говорится о его попыткѣ разграбить подвластный Готамъ Одиссъ — и разсказывается нѣчто, напоминающее пришествіе Александра въ Іерусалимъ у Іосифа Флавія и др.: «unde et sacerdotes Gothorum illi qui pii vocabantur subito patefactis portis cum citharis et vestibus candidis obviam egressi patriis diis, ut sibi propitii Macedonas repellerent, voce supplici modulantes. Quos Macedones sic fiducialiter sibi occurrere contuentes stupiscent et, si dici fas est, ab inermibus terrentur armati nec mora soluta acie quam ad bellandum construxerant, non tantum ab urbis excidio abstinuerunt, verum etiam et quos foris fuerant jure belli adepti, reddiderunt, foedereque inito ad sua reversi sunt». Iordanis Getica, ed. Mommsen, p. 73. Сл. Скиөовъ = Готовъ въ Александріи Псевдокаллисөеновскаго типа, въ описаніи камней на ефудѣ первосвященника: «аоукинфъ аки оучермленъ есть, обрѣтаетжеся по оутреніи варвари и Соурїиисцѣи и *Скуфію же Готфьи давнїи;* да тѫ оубо вноутрь великыѧ *Скѵфіа* въ поустыни есть дебрь велика зѣло» и т. д. Ркп. Синод. библ. № 86 (XVI в.). Въ Архивскомъ спискѣ этого эпизода нѣтъ.

.ві. блоудь самотворьниихь оть .ві. камень многоценихь), еже бѣ поставиль Соломонь царь вь храмѣ господни вь светаа светыхь, сь каменикмь многоцѣн'ныимь, и вѣн'ць Соломоновь, вь немь же бѣхоу .г. камени, имоуште .ві. дѣист'віи исцѣлкніа (вар. прибавляетъ: и .ві. имень сыновь Исраилевь бехоу); и изнесоше кмоу стемоу цар'скоу Сивилѣ (вар. юш'ке Сивиле, царице южаске Сивиле) царице, имоуште дѣиствіа многовльшб'наа; и парижа изведоше подь кнпаз'момь (вар. епазмом, хакизмомь, халкизмомь) кор'кодиловемь, оседлана сед'ломь оть камена адаман'та; и изнесоше емоу ороужик Агамкоуша (вар. Агемононь, Адаменуш, Агамемноушь) кралк, иже вьзеше вь Трои Алексан'дрово, Парижа, сына троискога кралк Прѣмоуша (вар. Приѣмуша, Прѣльмоужа); изнесоше кмоу копик лифан'диново (вар. алефандиново, елефантово) сь бисеромь обнизано и каменикмь многоцѣн'ныимь Алк'ша Телемоника и прочіихь копи .і. (вар. прибавляетъ: и стемь прочихь .з.); и изнесоше емоу штить попеть аспидовомь кожомь Таркиніа рим'скога цара»[1]). — Александръ ѣдетъ на Вукефалѣ, въ вѣнцѣ египетской царицы Клеопатры съ двѣнадцатью драгоцѣнными камнями, «коик же повод'нпе и троуб'ник гласи наредн по подобію.... Близь же быв'шемь имь, витези и дѣвице рим'скык сь конь

---

[1]) Сл. нар. рум. кн. стр. 27—8 (дары Римлянъ): «ші ꙟтраръ ꙟ четате, ші мѣрсеръ ла Бісѣріка лȣі Соломон че о фъкȣръ Савела (рум. К. Савила) ꙟпъртъ тѣса сора лȣі Соломон че съ зіче Сфѫнта Сфінтелор, ші съ ꙟкінаръ ші шезȣ Алеѯандрȣ ꙟ скаȣнȣл (рум. К. четатѣ) Рѫмȣлȣі, ші ꙟчепȣръ а скоате дарȣрі, о міе де бліде де аȣр (рум. К. сї де блиде де аȣръ кȣ піетре скумпе ꙟподобите каре фусѣ алȣ Соломон ꙟпъратъ ші маї скоа̀ корона лȣі Соломон ꙟпърат нецісȣт прецȣл еі; ші маї скоа̀ ѡ стема а Савелеі ꙟмпъртъ тесін), ші скоасеръ плашка ші смȣрлȣкȣл лȣі Соломон, тот кȣ окї де шарпе, ші ера ꙟтрѫнсȣл треї пієтрії де авѣ 12 токмѣле ші тоате боалеле віндека, ші скоасеръ стема ꙟмпъртѣсеі Савелії чѣ де мȣлт прец .... ші скоасеръ сабіѧ лȣі Аремлеȣс Краіȣ дела Троада (рум. К.: сабіе де анкитъ хіеръ алȣі Иракліе ꙟмпърат че ѡ лȣѡа дела Троада четате), ші скоасеръ сȣліца лȣі, де ос де елефант, тот кȣ мъргъріта̀ре, ші скоасеръ павеза лȣі Патрікіе (рум. К. Таркеніе) ꙟмпъратул, ꙟвълȣітъ кȣ піѧле де аспидъ (рум. К. прибавлено: ші маї скоа̀ ȣн инел ал Сирамидеї ꙟмпъртесін ші ꙟтрȣ ачел инел ера̀ фъкȣт часорник ші съ веде черюл кȣ тоате стелиле ші стрълȣчіе ка ȣн лȣчафъръ, нецісȣт прецул луі).

сьсѣд'ше (вар. на фарижехь поклонише се Александроу, сь конь же не сьседоше; иначе: с кони саседше) поклонише се Алексен'дроу и рекоше: многа лѣта Алексен'дру сегаи свѣтѣ цароу. И сіє рекше отстоупише на страну, и дроузи, по нихь пришьдыше, прославише єго. И попове (вар. іереи), пришьдьше сь свѣштами и кадил'ницами, покадише єго воньми различ'нимо и прославише єго вь коупѣ веселеште се. Вышьдь же вь градь Римь, приведоше єго вь храмь Аполоновь (вар. прибавляетъ: поклониише се), іереи же Аполонови срѣт'ше покадише єго, и поклонише ємоу злато и ливань и змир'ноу, сіа оубо царьскаа дарованіꙗ соуть, и изнесоше ємоу писаниє, имоуште сице: «Вь петитисоушт'ноє (вар. три, шест тисуѣно) лѣто вьстати имать оть Макєдоніє єдинорогь коз'ль и поженеть в'се пар'доусе запад'ниє (вар. прибавляетъ: грьдѣливиє превьзносештеи се) и по томь кь вьстокоу оустрьмить (вар. вьзвративь) се, идеже великыи ов'нь двоиросыи, ємоуже рози до облакь (вар. оть юга на северь досежоуть). Сего єдинорогыи оударить рогомь вь срьдце, оубиеть, и потресоуть се Миди и Финици и вьсточ'ныи вьси єзыци, и острыє мьча пер'скаго притоупить (вар. добавляетъ: и вь Римь пришьдь царь сьврьшень прославить се; и семоу белегь вь Римь пришьствіа боудеть, ꙗко сь миромь поклонити се емоу вьсь Римь безь вьсакие рати)». — Философъ (вар. философы) толкуетъ Александру это пророчество Даніила: пардусы — западные цари, двурогій овенъ—восточныя царства Персіи, Мидіи и Финикіи; единорогій козелъ — Александръ, который говоритъ: «ꙗко промыслоу божию волꙗ єсть, тако да боудеть, сил'ни бо падоше и немошт'ніи прѣпоꙗсаше се силою. И тоу веселештоу се ємоу сь Римлꙗны и Макєдонꙗни, пріидоше кь нємоу вьса царьствіа запад'наа, и принесоше ємоу дари многоцѣн'ни, молеште се емоу не ратовати ихь. Алексен'дрь о семь оумиливь се, даань и воискоу .ві. лѣтомь даше ємоу, Лаомедоуша (вар. Лаомедона, Лаумедона) свога присного и любимога вь Римѣ цара постави, и в'сѣмь западнимь царемь.

«Злато же много и воискоу вьз'мь на оучеш'коу земьлю (вар. юш'ке стране) оустрьми се, тамо же шьствіе творе, царства

многа и крѣп'ка поразп и всоу вьселкн'ноу прѣшьдь, даже до Окіана рѣкы дошьдь и трехь рѣкь иже в'соу землю обьтичють. Звѣри обрѣте тамо чловѣкообразнык и двокглавы, зміеви ногы имоуште (вар. и двоеглави зміе), сь ними рать сьтворь великоу, и тѣхь побѣди, звѣри бо, ороужіа не имоуште, вь скорѣ падоше. И на желѣзноую нѣкоую гороу вышьдь, жены дивиѣ на Алексен'дра вьсташе, и рать великоу сь ними сьтвори, вь кдинь чась тисоуштоу (вар. .р., петдесет) одь воиске кго оубише. В'се жены тіи крила имѣхоу, и нок'ти ꙗко срьпи крѣп'кы бѣхоу зѣло, тѣло-же ихь одѣꙗн'но бѣше власы, и прѣлетаюште, изьдирахоу вокмь очи (вар. и лица раздирахоу). Сіа же слышавь Алексен'дрь повелѣ трьстіа запалити. Жены же не вѣдѣште ог'ньное кст'ство вь пламень вьлетахоу, и тѣмъ крила пз'гарахоу, и на землю падахоу. Сік же вои прискачоуште оубивахоу и тѣхь оубише веке .к. (вар. десет) тисоуштъ.

«И Окіана рѣкы дошьдь, вь вьселкн'ноу врати се» (Нов. I, гл. 22, стр. 32—6 = Jag. l. c., p. 243—6).

W (стр. 29—33) передаетъ in extenso эпизодъ о пришествіи Александра въ Римъ. Я остановлюсь лишь на нѣкоторыхъ особенностяхъ и отличіяхъ. На пути въ Римъ Александра встрѣчаютъ *ὅλοι οἱ βασιλεῖς καὶ οἱ ἀφέντες τῆς Ταρσίας καὶ τῆς Λακεδαιμονίας καὶ τῆς Σικελίας καὶ τοῦ Μωρέως (ὅλων) καὶ τῆς Πουλίας ὅλον τὸ ῥηγάτον καὶ οἱ Γότθοι ὅλοι*; они приносятъ ему, между прочимъ, *λιζάτον τριῶν χρονῶν*. Римскіе архонты (о римской «общинѣ» ничего не говорится), слышавшіе о паденіи Аѳинъ, совѣщаются и рѣшаются принять Александра съ честью: *θέλει ἀφήκει καλὰ ζακόνια εἰς τὸν τόπον μας*. Они обращаются въ своемъ затрудненіи къ богу Аполлону (далѣе: Аммону) и получаютъ извѣстный намъ отвѣтъ. Римляне посылаютъ: *τέσσαρες χιλιάδες ἀρχοντόπουλα μὲ χρυσὰ στεφάνια εἰς τὰ κεφάλια τους, ὅλα εἰς φαρία ἔμορφα, εἰς συνάντησι τοῦ Ἀλεξάνδρου καὶ δύο χιλιάδες κορίτζια ἐκλεκτὰ ὅλα μὲ στεφάνια χρυσὰ καὶ εἰς φαρία καλὰ καὶ τὰ ἄλογά τους σκεπασμένα μὲ ὁλόχρυσα σκεπάσματα ἔμορφα· καὶ ἄλλαις σαράντα χιλιάδες ἀνθρῶποι ὅλοι μὲ δάφνες εἰς τὰ χερία τους ἐβαστοῦσαν καβαλαραῖοι*

πλεμένα μὲ τὸ χρυσάριν· καὶ τοῦ θεοῦ οἱ ἱερεῖς τῶν Ἑλλήνων μὲ δύο χιλιάδες γέροντες καὶ τόρτζαις ἀναμέναις ἐβαστοῦσαν εἰς τὰ χέρια τους. Они приносятъ ему τὸ μέγα ἀπανωφόρι τοῦ Σαλομῶντος, ὁποῦ εἶχεν πάρη ὁ βασιλεὺς Ναβουχοδονόσωρ ἐκ τὴν Ἱερουσαλὴμ, καὶ δώδεκα σταγόνια [1]) πολυτίμητα λιθαρόπουλα, ὁποῦ τὰ εἶχεν βάλη ὁ Σολομὼν εἰς τὴν ἁγίαν Σιὼν εἰς τὰ Ἅγια τῶν Ἁγίων, καὶ τὸ στέμα τοῦ Σολομῶντος μὲ λιθάρια τρία, ὁποῦ ἔφεγκαν τὴν νύκταν, καὶ παρακάτου εἶχεν λιθαρόπουλα δώδεκα, ὁποῦ ἦσαν οἱ μῆνες γραμένοι εἰς αὐτὰ, καὶ ἄλλα δώδεκα λιθαρόπουλα ἀπὸ ἀχαντήλη καὶ ἡ ἀντιγραφὴ εἰς τὰ λιθαρόπουλα. ἤφεραν καὶ τὸ στέμαν τῆς βασιλίσσας τῆς Σοβιλίας, ὁποῦ ἦτον τέτοιαν τέχνη, ἃ ὀφθαλμὸς οὐκ εἶδεν· ἤφεράν του καὶ γριβὶν [2]) φαρὶν ἔμορφον μὲ τοῦ κορκονδείλου τὸ σκέπασμα μὲ τὰ πολυτίμητα λιθαρόπουλα· ἤφεράν του καὶ τὰ ἅρματα τοῦ Πριάμου, ὁποῦ ἦσαν βασιλικὰ, καὶ εἶχαν τα ἐπάρη εἰς τὴν Τρωάδα· ἠφέρασιν καὶ κοντάρια ἀλεφάντινα ἐγκοσμισμένα καὶ ἕτερα στέματα ἑπτὰ. ἤφεράν του σκουτάριν τοῦ Ταρκιανοῦ τοῦ βασιλέως, ὁποῦ ἦτον τοῦ βασιλέως τῆς Ῥώμης. — Александръ въѣзжаетъ на Вукефалѣ, съ вѣнцомъ Клеопатры на головѣ, украшеннымъ двѣнадцатью драгоцѣнными камнями, при звукахъ накръ и трубъ (ἀνακαράδες καὶ τρουμπέταις). Сначала привѣтствуютъ его οἱ πρωτοκαβαλαραῖοι τῆς Ῥώμης, возглашая ему: πολλὰ τὰ ἔτη; затѣмъ τὰ κορίτζια, наконецъ іереи μετὰ λαμπάδων καὶ θυμιάματος. Они идутъ въ храмъ Аполлона, καὶ ἐπροσκύνησαν ὁμοῦ καὶ ὁ Ἀλέξανδρος· καὶ ἐδώρησέ του ὁ ἱερέας τῶν Ἑλλήνων τοῦ θεοῦ τοῦ Ἀπόλλωνος σμύρνον καν λίβανον, ὅτι αὐτὰ εἶναι δῶρα βασιλικά. — Слѣдуетъ чтеніе и объясненіе Даніилова пророчества: ἐπὶ ἔτους ε ἐξεβῆ θέλει τράγος μονοκέρατος καὶ θέλει διώξη τοὺς πάρδους τῆς δύσης ὅλης, ὁποῦ μάχονται εἰς μὲ τὸν ἄλλον, ὁποῦ πολλὰ ὑψώνονται·

---

[1]) σταγόνια: такъ и въ греч. нар. книгѣ; въ слав. (= рум.) т. блюди. Σταγὼν означаетъ, между прочимъ, легкоплавкій металлъ: stannum, ит. stagno? (Дестунисъ).

[2]) Новогреч. γρίβας, γριβανὸς — fuscus, ex nigro albicans (Passow, Carmina popul., въ Index'ѣ); cheval gris (Digenis Akritas, ed. Sathas et Legrand. Glossaire) (Дестунисъ).

καὶ πάλιν θέλει γυρίσει πρὸς τὸν νότον καὶ θέλει πατάξῃ τοὺς λέοντας· ἔπειτα θέλει ὑπαγαίνῃ εἰς τὴν ἀνατολὴν καὶ θέλει εὕρῃ τὸν κριὸν τὸν θαυμαστόν, ὁποῦ ἔχει κέρατα μακρειά, τὸ ἓν καθὲν κέρατον ἕως τὸν νότον ἀκουμπᾶ, καὶ τὸ ἕτερον κέρατον ἕως τὸν βορέαν· καὶ θέλει τὸν ἐκτυπήσῃ ἀπέσω εἰς τὴν καρδίαν μὲ τὸ κέρατον καὶ θέλει τον σφάξῃ· καὶ ἀπ' αὐτοῦ θέλει τρομάξει ὁ λαὸς τῆς Φοινικίας καὶ τῆς ἀνατολῆς ὅλης οἱ βασιλεῖς καὶ ἡ γλώσσαις ὅλαις, καὶ θέλει τζακίσει τὰ σπαθία τῆς Περσίας ὅλης καὶ θέλει ἔλθει εἰς τὴν Ῥώμην τὴν μεγάλη καὶ θέλει ὀνομαστῇ ἄξιος βασιλέας τῆς οἰκουμένης ὅλης. — Объясненіе философами пророчества (львы — западные цари, баранъ — цари Востока, Мидянъ и Финикійцевъ; козелъ — Александръ) нѣсколько спутано: нѣтъ пардусовъ, тогда какъ слав. пересказы опустили львовъ; сл. далѣе нар. греч. книгу; отвѣтъ Александра тотъ-же. — Цари запада приходятъ къ нему съ покорностью; онъ подчиняетъ ихъ, вмѣстѣ съ Римомъ, одному изъ своихъ (ὁκάποιον ἐδικόν του ἐνεμπιστευμένον ἀπὸ τὴν Μακεδονίαν ἐποίησεν αὐθέντην εἰς τὴν Ῥώμην; за Μακεδονίαν скрылось, можетъ быть, созвучное — Лаомедонтъ) и, продолжая путь среди завоеваній, доходитъ εἰς τὸν Ἠκιανὸν ποταμὸν, гдѣ встрѣчаетъ въ пустынѣ разныя чудовища: двуглавыхъ змѣеногихъ звѣрей, съ человѣкоподобными лицами, желѣзную гору, крылатыхъ женъ, терзавшихъ воиновъ когтями и прогнанныхъ огнемъ. — Отъ рѣки Океана Александръ возвращается εἰς τὸν κόσμον.

Укажу на нѣкоторые варьянты въ соотвѣтствующемъ отдѣлѣ греч. нар. книги (стр. 48—55). Цари, встрѣчающіе Александра: οἱ αὐθεντάδες τῆς Λακεδαιμονίας καὶ τῆς Πουλίας, ὅλον τὸ Ῥιακόν, καὶ οἱ Γότθῃ (нап. Γόλθῃ) [1] ὅλῃ; они приносятъ χαράτζιον χρόνων δώδεκα. Римляне совѣщаются (объ «общинѣ» нѣтъ рѣчи: это, быть можетъ, глосса славянскаго переводчика), обращаются къ Аполлону. Описаніе встрѣчи и даровъ то-же, что въ вѣнскомъ текстѣ; тотъ-же перечень и та-же численность. Изъ отличій отмѣтимъ: τῆς βασιλίσσης τῆς Σιβύλλας; ἄλογον ἄσπρον (W, γριβὶν

[1] Сл. въ рки. Іорнанда написаніе Gothescytha и др. вм. Golthescytha.

φαρίν); щитъ (такъ, вмѣсто κοντάρι) Тарквинія ἦτον σκεπασμένον μὲ τῆς ἀσπίδος τὸ τομάρι, согласно съ слав. текстомъ, которому спеціально принадлежитъ упоминаніе Аякса — не подъ впечатлѣніемъ-ли троянскаго эпизода? — Александръ въѣзжаетъ при звукѣ трубъ (τρουμπέταις) и органовъ (μὲ κάθε λογῆς ὄργανον), раздѣливъ свое войско на двѣнадцать отрядовъ; его встрѣчаютъ οἱ πρωτοκαβαλλαραῖοι, за тѣмъ τὰ κοράσια, οἱ γέροντες, наконецъ іереи. Въ толкованіи Даніилова пророчества пардусы — цари Запада, львы — Сѣвера, двурогіе бараны — цари Востока, Мидяне и Финикійцы; однорогій козелъ — Александръ [1]) — Оставивъ властителемъ Рима и запада Лаомедонта (κάποιον φίλον του Ταλαμεδόν) онъ идетъ на сѣверъ и доходитъ до Океана, ὁποῦ τρέχει ὁλόγυρα τῆς οἰκουμένης, εἰσέβη εἰς τοὺς ἐρήμους τόπους, εὗρῆκε ζῶα θαυμαστά, μὲ πρόσωπον ἀνθρώπινον, δικέφαλα, ποδάρια ὡσὰν ἀσπίδα ἔχοντα. Ἐπολέμησε μὲ αὐτά, καὶ ἐνίκησέ τα, διότι τὰ ζῶα ἐκεῖνα ἅρματα δὲν εἶχαν, καὶ ἔπεφταν ὀγλίγωρα. Ἀπ' αὐτὰ ἐδιέβη εἰς βουνὸν πετρωτόν, ὥσπερ σιδηρένιον, ἀπὸ τὸ ὁποῖον εὐγῆκαν γυναῖκες κατεπάνω τοῦ Ἀλεξάνδρου καὶ ἔκαμαν πόλεμον μέγαν μὲ τὰ φουσάτα, σκοτώνοντας αὐτὴν τὴν ἡμέραν ἀπὸ τοὺς στρατιώτας του ἑκατὸν χιλιάδες. Αὐταῖς αἱ γυναῖκες εἶχαν πτερὰ ὡς ἀετοί, καὶ νύχια

---

[1]) Животная символика народовъ въ этомъ толкованіи едва-ли имѣетъ въ виду народы, покоренные Александромъ — по разсказу Александріи. Иначе можно-бы указать на слав. Вопросы и отвѣты (Тихонравовъ, Памятники Отр. русск. лит. II, 447), по которымъ «куманинъ *пардосъ* есть». Сл. въ Словѣ о Полку Игоревѣ: «По русской земли прострошася Половци, акы пардуже гнѣздо». — У Іоанна Златоуста, въ толкованіи Даніилова пророчества, Александръ отвѣчаетъ то козлу (Adversus Judaeos V, Migne, Patrol. gr., t. 48, p. 893—4: κριὸν μὲν καλῶν τὸν τῶν Περσῶν βασιλέα τὸν Δαρεῖον, τράγον δὲ τὸν τῶν Ἑλλήνων βασιλέα, Ἀλέξανδρον λέγω τὸν Μακεδόνα), то парду (In Epist. I ad Thessal. cap. I Hom. II, y Migne, Patr. gr., t. 62, p. 399). — Въ толкованіи бл. Ипполита на видѣнія Даніила с. 1 (Migne, Patr. gr. t. 10, p. 641—3) львица съ орлиными крыльями = Вавилонъ, медвѣдь = Персы, пардъ = Еллинъ Александръ, что согласно съ талмудическимъ комментаріемъ у Wünsche, Bibl. Rabb., вып. IX, p. 3—4, XXII, p. 88—9. — Припомнимъ въ связи и «двурогаго» (Dûl-karnaim) Корана и арабскихъ легендъ, котораго приравнивали то къ Киру, то къ Александру Македонскому (Donath, Die Alexandersage im Talmud und Midrasch. Fulda 1873), p. 16 слѣд.

ὡσὰν δρέπανον. Ἦτον δυναταῖς κατὰ πολλά, ἐπετοῦσαν ἄνωθεν τοῦ φουσάτου, καὶ ἐκτυποῦσαν τῶν στρατιωτῶν εἰς τὰ πρόσωπα. Ὡσὰν εἶδεν ὁ Ἀλέξανδρος ἐκείνων τὰ καμώματα, εὐθὺς ὥρισε καὶ ἔδωκαν φωτίαν εἰς τὰ καλάμια, ἐπειδὴ ὁ τόπος ἐκεῖνος ἦτον καλαμώδης. Αὐταῖς ὡσὰν ἐπετοῦσαν ἄνωθεν τῆς φωτίας ἐκαίονταν αἱ πτεροῦγές τους, καὶ ἔπεφταν κάτω, καὶ ἔσφαξάν ταις τὰ φουσάτα, τὰ ὁποῖα ἐσκότωσαν ἀπ' αὐταῖς ἕως εἴκοσι χιλιάδες. — Александръ возвращается вспять.

Приведемъ изъ Pseudocall. C, I, 27 эпизоды, отвѣчающіе походу на Римъ и къ окраинамъ Океана.

Послѣ взятія Аѳинъ (и Ѳивъ. Сл. выше, стр. 186—7) Александръ идетъ на Римъ; ему на встрѣчу выходятъ πρέσβεις ἐκ πάντων τῶν ἐθνῶν, καὶ προσκυνοῦσιν ἔμπροσθεν αὐτοῦ ἄγοντες δῶρα αὐτῷ χρυσὸν καὶ ἄργυρον ὅσον οὐκ ἦν ἀριθμός. Συνέρχονται δὲ αὐτῷ πάντες εἰς συμμαχίαν. Καὶ δὴ καταλαμβάνει τὴν Ῥώμην· καὶ προϋπαντῶσιν αὐτῷ οἱ Ῥωμαῖοι μετὰ χορῶν καὶ τυμπάνων, κλάδους δάφνης ἔχοντες ἐν ταῖς χερσὶν αὐτῶν, καὶ τῷ Ἀλεξάνδρῳ ἐπισειόντες, βασιλέα κοσμοκράτορα τοῦτον ἀναγορεύουσιν. Εἰσελθὼν δὲ ἐν τῇ πόλει ἄπεισιν ἐν τῷ Καπετωλίῳ Διός. Καὶ ὁ ἱερεὺς τοῦ Διὸς δέχεται αὐτόν, καὶ ξενίζεται παρ' αὐτοῦ. Διατριψάντων οὖν ἐν τῇ Ῥώμῃ, ἰδοὺ καὶ ὁ Λαομέδων ὁ συναρματηλατήσας αὐτῷ σὺν χιλιάσι πεντήκοντα ἧκεν εἰς συμμαχίαν Ἀλεξάνδρου, ἔχων μεθ' ἑαυτοῦ δῶρα ἔν τε χρυσίῳ καὶ λίθοις, καὶ μαργάροις. Δέχεται δὲ τοῦτον Ἀλέξανδρος καὶ γνησίως αὐτὸν κατασπάζεται· καὶ «Ὦ γενναῖε, εἶπεν, ἥκάς μοι καὶ μετὰ Δαρείου μαχομένῳ σύμμαχος εἶναι».

Ἀπάρας οὖν πάλιν ἀπὸ Ῥώμης, ὥρμησε κατὰ δυσμῶν· καὶ οὐκ ἦν αὐτῷ ὁ ἀνθιστάμενος. Καὶ προϋπαντῶσιν αὐτῷ πᾶσαι αἱ βασιλεῖαι τῶν δυσμῶν. Καὶ δώροις ἐκμειλίσσονται αὐτόν, καὶ παρακαλοῦσιν αὐτὸν μὴ ἐπιβῆναι τοῖς ὁρίοις αὐτῶν. Καὶ λαβὼν τὰ δῶρα ἀνθυποστρέφει, καταλείπων αὐτῶν πάντων κύριον τὸν Λαομέδοντα, συνταξάμενος φόρους αὐτῷ τελεῖν μέχρι καὶ χρόνων δώδεκα. Ἐκεῖθεν δὲ τοῖς τοῦ νότου πέρασιν ἐπιβαίνει· καὶ ὑπέταξεν ἔθνη πολλὰ καὶ ποικίλα· καὶ διῆλθε τὴν οἰκουμένην, καὶ εἰσῆλθεν τὴν ἀοίκητον γῆν, καὶ διώδευσε μέχρι τοῦ ὠκεανοῦ ποταμοῦ. Καὶ εὗρεν ἐν τοῖς τόποις ἐκεί-

νοις ἀνθρώπους διϰεφάλους, ϰαὶ ἐπολέμησε μετ' αὐτῶν, ϰαὶ ἥττησεν αὐτοὺς ϰαταϰράτως, ϰαὶ ἔφυγον ἀπ' αὐτοῦ. Ἐϰεῖθεν οὖν διελθὼν εὗρε γυναῖϰας δυσθεωρήτους ϰαὶ λίαν μεγίστας ϰαὶ πάντων ὧν διῆλθον δυσμαχωτέρας. Αὐταὶ δὲ ἐν τῷ τρέχειν τοὺς μασθοὺς αὐτῶν ἐν τοῖς ὤμοις τιθέασιν. Ἔνδυμα δὲ αὐταῖς ἡ τῶν τριχῶν δασύτης. Αὗται δὲ ἐπελθοῦσαι πτεροῖς εἶχον πετόμεναι. Εἰς παντελῆ δὲ ἀπορίαν ἦλθον οἱ Μαϰεδόνες ταύτας ὡς ἐθεάσαντο πετομένας ϰαὶ πρὸς αὐτοὺς μαχομένας. Ἀλέξανδρος δὲ ταύτας ὡς εἶδεν, ἐϰέλευσε πῦρ ἀνάπτεσθαι ϰαὶ ὑπεράνωθεν μαχεῖν. Αἵτινες τὴν φύσιν τοῦ πυρὸς ἀγνοήσασαι ἀσϰόπως ϰατέπεσον ἐπ' αὐτοὺς ϰαὶ τῶν πτερῶν ϰαέντων οὐϰέτι ἀνασχέσθαι ἴσχυσαν· πεπτωϰυῖαι δὲ ἀνῃρέθησαν ὑπὸ τῶν στρατιωτῶν τοῖς ξίφεσιν. Ἀνεῖλον δὲ αὗται τοῖς ὄνυξι στρατιώτας ἑϰατόν. Τοιῷδε τῷ τρόπῳ χρησάμενοι μόλις διῆλθον αὐτάς. Τῶν ἐϰεῖσε δὲ οὐϰέτι διελθεῖν ἔχοντες, τοῦ Ὠϰεανοῦ ποταμοῦ ϰωλύοντος τῆς εἰσόδου, τὴν ἀριστερὰν παράλιον πιάσαντες τοῦ Ὠϰεανοῦ ϰαὶ τὰ πρὸς βορρᾶν περιπατήσαντες τὴν οἰϰουμένην ϰατέλαβον.

Начиная съ слѣдующей главы (I, 28) Псевдокаллисоенъ C не отвѣчаетъ болѣе, въ распорядкѣ содержанія, тексту нашей Александріи. Отъ предѣловъ Океана онъ заставляетъ Александра вернуться въ Македонію, затѣмъ переправиться въ Азію, гдѣ при Граникѣ онъ побѣждаетъ Даріевыхъ сатраповъ. Онъ проходитъ Іонію, Карію, Лидію, *Фригію* и Ликію и изъ Памфиліи (I, 28) переправляется въ Сицилію и — снова въ Римъ (I, 29). Далѣе путь идетъ въ Африку: Кароагенъ принужденъ платить дань (I, 30); слѣдуетъ пространный эпизодъ объ основаніи Александріи (I, 31—33), походъ въ Египетъ (I, 34) и Сирію и взятіе Тира; τὰς δὲ τρεῖς ϰώμας τὰς συμμαχησαμένας αὐτῷ εἰς μέτρον πόλεως μιᾶς ἀνεγράψατο ϰαὶ Τρίπολιν αὐτὴν ὠνόμασεν (C, I, 35).... Καὶ ἀντιϰρὺς αὐτῆς (Тира) Σέλευϰος ὁ στρατάρχης αὐτοῦ πόλιν οἰϰοδομεῖ, ἥτις ἐϰλήθη Νιϰατορία· ϰαὶ Ἀντίοχος τὴν ϰατ' Ἀσίαν ϰτίζει Ἀντιοχείαν· Ἐν τούταις Ἀλέξανδρος θυμομαχήσας εἶπεν αὐτοῖς· Οὐϰοῦν ϰαταλιπόντες Μαϰεδονίαν διήλθομεν τὸν σύμπαντα ϰόσμον ϰαὶ ἐν Ἀσίᾳ ϰαταλαβόντες ϰτίστας Μαϰεδόνας μαθεῖν ϰαταναγϰάζομεν τὸ στρατιωτιϰὸν ἀποβαλόμενοι φρόνημα (I, 36). Слѣ-

дуетъ война противъ Дарія и лишь позже (I, 42) — вторичное? посѣщеніе Фригіи: ἐλθὼν εἰς τὸν Σκάμανδρον ποταμόν, ὅπου ἥλλατο Ἀχιλλεύς, ἐνήλλατο καὶ αὐτός. Θεασάμενος δὲ τὸ ἑπταβόειον Ἀλέξανδρος οὐ πάνυ μέγα, οὐδὲ οὕτω θαυμαστὸν καθὼς συνέγραψεν Ὅμηρος, εἶπε· «Μακάριοι ὑμεῖς οἱ ἐντυχόντες τοιούτου κήρυκος, τοῦ Ὁμήρου, οἵτινες ἐν μὲν τοῖς ἐκείνου ποιήμασι μεγάλοι γεγόνατε, ἐν δὲ τοῖς ὁρωμένοις οὐκ ἄξιοι τῶν ὑπ' ἐκείνου γεγραμμένων». Καὶ προσελθὼν αὐτῷ ποιητής τις εἶπεν· «Ἀλέξανδρε βασιλεῦ, κρειττόνως ἡμεῖς γράψομεν τὰς πράξεις Ὁμήρου». Ὁ δὲ Ἀλέξανδρος εἶπε· «Βούλομαι παρ Ὁμήρῳ Θερσίτης εἶναι ἢ παρα σοὶ Ἀγαμέμνων». — У Юлія Валерія Александръ приноситъ жертвы Гектору, Ахиллу и другимъ героямъ, особливо Ахиллу: haec enim a sese, non ut ab externo ac superstitioso, verum ut consanguineo ac religioso dedicari. Въ стихотворной молитвѣ Александръ связываетъ свой родъ съ родомъ Эака, Пелея, Ахилла, и наконецъ, Харопса.

> Hic Molossorum
> Regni potitus auctor exstitit stirpis nostrae:
> Sicque justum inclitum matris [genus]
> E qua subortus vestro sanguini adnector.
> Quaesoque nomen adseras tuum nobis,
> Bellisque praestes gloriasque subtexas и т. д.

Haec praecatus in istum Alexander modum, ibidem flumen Scamandrum cum videret, clypeumque Achilli templo Herculis consecratum, nec alvei illius latitudinem demiratus, nec magnificentiam clypei pondusve famosum, «O te beatum Achillem, fertur saepe dixisse, qui Homero praedicatore celebraris». Сл. Plutarchi, Alexander, c. II: Ἀλέξανδρος τῷ γένει πρὸς πατρὸς μὲν ἦν Ἡρακλείδης ἀπὸ Καράνου, πρὸς δὲ μητρὸς Αἰακίδης ἀπὸ Νεοπτολέμου; такъ у Кедрина (ed. Bonn. I, p. 264 съ ссылкой на Діодора) и Малалы (ed. Bonn., p. 193).—Слѣдуетъ то-же предложеніе—воспѣть подвиги Александра, и тотъ-же отвѣтъ (сл. Müller, p. 48).

Иной распорядокъ представляютъ тексты сербской Александріи: возвращаясь отъ Океана во вселенную, Александръ

прибылъ «вь Неглитор'ви» (вар. Глитероу, Инглитеру, Иньгритероу), гдѣ велитъ войску отдохнуть и за тѣмъ, снарядивъ 12 тысячъ галеръ (вар. тисуħ и двп сти), по тысячѣ (вар. 600) человѣкъ въ каждой, отправиться на востокъ, «по великои поучине мор'скои поити и по вар'вар'сцѣхь кзыцѣхь» (вар. по великои Барбарии). Передъ собою онъ посылаетъ Птоломея и Филона, пусть забираютъ города и земли и берутъ съ нихъ дань, а съ нимъ съѣдутся въ Египтѣ. Самъ онъ отправляется съ тремя тысячами (вар. 300) галеръ, надъ которыми поставилъ начальникомъ Антіоха; надъ другими тремя тысячами Селевка, на третьими Византа. «Алексен'дрь же приспѣ вь Егупть и тоу паде воиска, и начеше градь зидати, и нарече кго вь свое име Алексен'дріа» (вар. Александрь же вь Егуп'ть приспевь сь своими голіами, идеже златотечени Ниль вь море пристаеть, и градь сьзда вь име свое великь и краснь ѕѣло). Этимъ немногимъ ограничиваютъ свой разсказъ объ основаніи Александріи сербскіе тексты; что Псевдо-каллисѳенъ сообщаетъ непосредственно объ Египтѣ, упоминается отчасти далѣе, въ порядкѣ, обусловленнымъ другимъ источникомъ нашей рецензіи, о которомъ позже. — Селевкъ, приставъ въ Киликіи, становится основателемъ Селевкіи, Антіохъ—Антіохіи, Византъ приплывъ «вь теснотоу тракіискаго (вар. трацииского) мора» — Византію [1]). «О семь-же Алексен'дрь много оскрьбивь се, не знаk, кои где присталь kсть, и по .л. дьніи оузна о всѣхь, г'де кои приста и градь сьзда. И по малѣ сьсташе се в'си и градь

---

[1]) Въ Славянской Александріи другаго типа, представляемаго Архивскимъ спискомъ, Византія также является въ соединеніи съ своимъ эпонимомъ — Визомъ, но въ разсказѣ другого рода: Александръ идетъ «на царѧ Вѫза въ градъ Вооузантію европьскыѩ страны; вьѣдеже въ лодіахъ и пріиде въ (В)оузантію, и бывши брани велицѣ, и побѣди Александръ. И посла къ немоу Вѫзъ изъ града дары многы, просѧ оу него мира, и да емѫ помощь моужа храбры и силны». По смерти Александра, Олимпіада отправляется къ отцу своему, царю Фолу, «въ мурьскую землю»; Вузъ женится на ней и «вда еи за вѣно Римъ» (Синод. библ. № 86, XVI в.). Всего этого эпизода нѣтъ въ Архивскомъ спискѣ; источникомъ второй его половины были откровенія Псевдо-Меѳодія. Сл. Тихонравова, Пам. Отреч. русск. литературы II, стр. 217—218 и мою замѣтку: Phol als aethiopischer König въ Archiv für slav. Philologie II, стр. 84—6.

сьздаше, и нарекоше име кго Осикнось (вар. кнькарьдиось еносиль, енгардиос носпса, еликардіωсь еносіль, еньградиωсь енωсись; въ болгарской рецензіи нашей Александріи у Jagić, Opisi i izvodi I, стр. 22: енкардиωсь енωсись; Кир. Бѣл. сп. л. 62 л.: едино еносисъ), иже глаголкть се срьбьскыи: кдиносрьдьни сьстан'кь (вар. вьсесрьди станакь, все единни станак, вьсесрьдни станакь; Jagić, Opisi, l. c. I, стр. 23: въсесрьдіи станокъ; Кир. Бѣл. сп.: сстанокъ)». Здѣсь они остаются шесть мѣсяцевъ, дожидая конницу; являются Птоломей и Филонъ и говорятъ о своихъ бояхъ съ царями «варварскими» (вар. од царев барбарских и етиопских), которыхъ приводятъ связанными. Отпустивъ ихъ подъ условіемъ — посылать ему въ теченіи двѣнадцати лѣтъ по сту тысячъ войска (вар. дань въ теченіи 3-хъ лѣтъ и 50 тысячъ войска), Александръ направляется въ Азію, гдѣ создаетъ городъ Тріополь (вар. Триполь). Когда его приближенные хотятъ построить еще и другой городъ, онъ говоритъ: «не подобакть намь воин'ство оставити, да градове зиждемо, нѣсть бо вь нихь твьрьдк (вар. ни крепости, нь вь воисце и вь храбрехь витезехь). Мало ли градовь твьрдихь и крѣп'кыихь мы разорис'мо храбростію и воиньствомь?» (Нов. I, гл. 22—23 = Jag. l. c., p. 246—8).

Сл. пересказъ вѣнскаго текста (W, стр. 33—35): Александръ доходитъ до *κάστρον τῆς Ἐγκλιτέρας*; Селевкъ (*Σελεύκιος*), Антіохъ и Византъ — основатели городовъ: Антіохъ «*εἰς τὸ στένωμα τῆς Μαύρης θαλάσσης, τῆς Θρακίας*»; Византъ «*ἦλθεν εἰς τῆς Θρακίας τὸ στένωμα, κατωθίων τοῦ Ἱέρκου, καὶ ἔπεσεν εἰς τῆς Μαύρης θαλάσσης τὸν λαιμόν, τῆς Σκουτάρης κοντά, καὶ ἔκτισεν καὶ αὐτὸς κάστρον καὶ ἐπονόμασέν το καὶ αὐτὸς εἰς τὸ ὄνομα τὸ ἐδικόν του Βυζάντια*». Подъ *στένωμα* слѣдуетъ разумѣть, вѣроятно, *στενόν*, какъ назывались берега Босфора Ѳракійскаго либо и одинъ европейскій берегъ отъ св. Мамы до Чернаго моря. — Непонятное: *τοῦ Ἱέρκου*, можетъ быть, = *τοῦ Ἱεροῦ*? — Филону и Птоломею поручено сдѣлать набѣгъ на *Βαρβαρία* и *Θεσπία*. — Самъ Александръ основываетъ городъ своего имени: *ἔφθασεν εἰς τὴν Αἴγυπτον μὲ τὰ καράβια ὅλα, ὁποῦ ὁ χρυσοστρεγχάμενος ποταμὸς τρέχει*,

καὶ αὐτοῦ ὥρισεν καὶ ἔκτισεν κάστρον, καὶ ἐπωνόμασέν του ὄνομα τοῦ κάστρου Ἀλεξανδρία. — Городъ, основанный всѣми вождями вмѣстѣ называется *Μία Καρδία*; позднѣе основанъ *Τρίπολι Πενταπόλεον* (sic). Отъ дальнѣйшихъ построеній Александръ удерживаетъ своихъ.

Отличія новогреч. нар. кн. (р. 55—58): *Ἰγκλητέρα*; число галеръ (*κάτεργα χοντρὰ*) и войска то-же, что въ слав. текстахъ и W; Александръ посылаетъ Филона и Птоломея съ конницей *εἰς τὴν Μπαρμπαρίαν*. «*Ὁ Ἀλέξανδρος ἀτός του εἰσέβη εἰς τὴν κόνιν* (? ; W, стр. 33: *κόκα*), *καὶ ἔρριξαν τὰ κάτεργα ὅλα εἰς τὴν θάλασσαν*»; Антіохъ, Селевкъ (*Σελεύκιος*), Византъ (*Βυζάντιος*—и *Βύζας*) и Александръ отправляются каждый съ тремя тысячами галеръ. По прошествіи 30 дней и ночей Александръ прибылъ въ Египетъ, *ἐκεῖ ὁποῦ τρέχει ὁ χρυσοῤῥόας ποταμὸς* и основываетъ Александрію; подобное дѣлаетъ Слевкъ, Антіохъ (*ἦλθεν εἰς τὸ κάστρον τῆς Μαύρης θαλάσσης τῆς Θράκης*) и Византъ (*ἦλθεν εἰς τὸ στένωμα τῆς θαλάσσης κάτωθεν εἰς τὸ λαιμὸν τοῦ Σκουταριοῦ*). Между тѣмъ Александръ, находившійся въ Александріи, безпокоится *διὰ τοὺς Βοϊβοντάδες του καὶ διὰ τὴν ἀρμάδαν του*. Но вотъ однажды, въ полдень (*ὥραν μεσημερίου*; W, 34: *τὸ μεσημέριν*), является Антіохъ, за нимъ Селевкъ и Византъ и разсказываютъ о своихъ сооруженіяхъ; общій городъ названъ *Μία Καρδία*. — Гонцы приходятъ сказать, что къ вечеру прибудутъ Птоломей и Филонъ, которые повѣствуютъ о своихъ войнахъ *εἰς τῆς Μπαρμπαρίας τὰ μέρη καὶ εἰς τὰ βασίλεια τῆς Αἰθιοπίας* и т. д. — Слѣдуетъ основаніе Триполя, но нѣтъ попытки воеводъ основать новый городъ, и вызваннаго ею изреченія Александра. — Замѣтимъ по поводу Варваріи, упоминаемой рядомъ съ Эѳіопіей, что у Моисея Хоренскаго одна изъ трехъ частей Эѳіопіи носитъ названіе Варваріи [1]). Что до *Ἰγκλητέρα, κάστρον τῆς Ἐγκλιτέρας* (W), то въ объясненіе этой подробности у меня нѣтъ ничего, кромѣ нѣкоторыхъ

[1]) Saint Martin, Mémoires historiques et géographiques sur l'Arménie. Paris, 1881, t. II, p. 344.

соображеній. Въ «олимпійскомъ эпизодѣ» нашей Александріи о Лаомедонтѣ говорится, что онъ родомъ изъ — Англіи; позже Александръ дѣлаетъ его властителемъ Рима и всего Запада. Въ среднегреческихъ поэмахъ о Велисаріи [1]) воспѣвается, главнымъ образомъ, его походъ противъ *Ἐγκλητέρα*, *Ἀγκλητέρα* (*γῆ*, *νησί*, *κάστρον τῆς Ἐγκλητέρας*):

> *τὸ δὲ νησὶν ὁπούῤῥιψε ζυγὸν τὸ τῶν Ῥωμαίων,*
> *ὁποῖον ἐδιαυθέντευεν ὁ ῥὴξ τῆς Ἐγκλητέρας,*
> *ὁ ἀποπτύσας χαλινὸν τῆς Κωνσταντίνου πόλης* [2]).

Въ *Ῥιμάδα περὶ Βελισαρίου* [3]) онъ сравнивается, въ эпизодѣ о покореніи Англіи — съ Александромъ Македонскимъ (*προστάττει Βελισάριος, Ἀλέξανδρος ὁ μέγας*): не воспоминаніе-ли это о нашей Александріи? Такъ или иначе, но въ краткой передачѣ романа объ Александрѣ у Кедрина (ed. Bonn. I, 267) вслѣдъ за приключеніемъ съ Кандакой разсказывается: *ἐκεῖθεν δὲ πρὸς Ἄφασιν καὶ Γάδειρα καὶ τὰ Βρεττανήσια ἔθνη γενόμενος* (sc. *ὁ Ἀλέξανδρος*), *χιλίας τε ὁλκάδας κατασκευασάμενος, αὐτὸς μεν τὸ δεξιόν του Ἰνδικοῦ ποταμοῦ διέπλει μέρος, Ἡφαιστίωνι δὲ τὸ ἕτερον ἐγχειρίσας ἐπὶ τὸν Ὠκεανὸν ἀνῆλθε· τῷ δὲ βασιλεὶ Ξανδάμη* (sic) *πολεμήσας καὶ τοῦτον τροπωσάμενος, πρὸς τοὺς Βραχμᾶνας ἀφίκετο.*

Слѣдующій непосредственно эпизодъ о посѣщеніи Александромъ Трои развитъ внѣшнимъ образомъ изъ данныхъ Псевдокаллисоена и Юлія Валерія — краткимъ пересказомъ троянской войны и описаніемъ вооруженія и убранства древнихъ героевъ и героинь. Нѣкоторыми данными этого описанія мы воспользуемся далѣе, какъ моментомъ для хронологическаго опредѣленія разбираемаго нами памятника.

Покоривъ всю Азію, Александръ приходитъ во Фригію (кь стране приділскои, вар. фаридиской), «вь царство нѣкок (вар.

---

[1]) Wagner, Carmina Graeca medii aevi, p. 304—321, 322—347 (Эммануила Георгиллы), 348—378.

[2]) l. c., p. 329, v. 236 слѣд.

[3]) l. c., p. 356, v. 259.

вь Трою), иже вь нѣкаа времена Ел'лины прѣкм'ше разориште жены ради нѣкык Ѥлѣноуше (вар. Елене) кралꙗ лакидон'скаго (вар. лацедемонскога) Мелеоуша (вар. Менелауша). [Ову бо] кралꙗ африкіискаго (вар. придиискога) Прѣельмоужа (вар. Прпамуша, Прѣльмоужа) [сынъ], именемь Алексен'дрь Парижь, на вѣрѣ вьзьмь, вь Трою градь приведе, [не] благодар'нь (вар. неверан) ꙗвль се свомоу господиноу. Менелаоушь же краль селев'киискык и пелагон'скык и оеталіискык (вар. лпбииске и ниллиске и теталиске; ливиске и кіликиске ї елиске и прилагонитьтаске и теталиске; ливиське и килиське) царе и витези на помощть призвавь, жены ради свок Ѥленоуше, на Трою град оустрьми се, и всоу африкіискоую (вар. фридиискоу, придииску) зем'лю острію мьча прѣдавь, .иі. лѣть Трою, великыи градь, рьваше и прѣкше, и вьсь моужьскь поль огню и мьчю прѣдаше (вар. прибавляетъ: десет лит и седам мисеци град троиски рваше и приѣше хитростю Урикшешову), ꙗкоже Омирь вь своихъ к'нигахь пишеть. Тоу бо тогда мнози витези падоше вь остри мьча оть Ѥллинь (вар. приб. И од Елен такое не изреченни — изрочити — витези падоше). Оть исконы бо града того обичаи оузакониша се, коликымь великымь повин'ны соуть злымь (вар. од почела женам од злога обичаѣ узакони се злим обичаем и чиненем кривим бити; оть искони женами оть грьдаго обичаꙗ оугрьди се намь великимь и лоукавимь зломь повиннимь бити), прьвѣк бо Адамь женою прельштень бысть и паде, великыи и крѣп'кыи Сам'псонь женою погибе, и прѣмоудрыи вь чловѣцѣхь Соломонь жены ради адь наслѣди (вар. ада наследи). И вь Трои градоу мнози храбри витези и царіе за кдиноу женоу погибоше».

Александра принимаютъ съ драгоцѣнными дарами [1]: «изнесоше кмоу ороужіе Ахилеша, Пер'леоуша (вар. Прѣльша, Перлиша) кралꙗ сына, на львове кожи прѣсталкно, и штить Аꙗк'иа Теламониꙗ (Иꙗкша Тельмоносꙗ, Аѣкеша Телемонніа) и прьстень

[1]) Соотвѣтствующій отрывокъ нашей Александріи въ хронографѣ 1-й редакціи см. у Попова, Хронографы, вып. I, стр. 120.

ѥгупьтьскыѥ кралице (вар. Ѥгоупе, троиске царице) оть камена ан'дракса, имѣюшть силоу таковоу, иже вь великоу немошть (вар. вь лоун'ноу; гдо би од мисеца немоћан) вьпадь, и на нь вьзраѥ, исцѣлеваше. — Изнесоше ѥмоу на иконе написань образь Минерве кралице (вар. госпоге Минерьве), на нь вьзраюшти троискаго кралѩ дьшти (вар. приб. Кашандра) вьса ѥлика о Трои градѣ прилоуч'ша се разоумѣваше (вар. прорече). И изнесоше ѥмоу крьзно Поликсеніѥ (вар. Поликшене) госпогѥ, дьштере кралѩ Прѣмоуша (вар. Прѣльмоужа, Припамуша), юже прьстеноваль бѣше Ацилешь Пер'леоушевикь, ѥгда одь Грькь отврьже се, и кь Трои пристоупи, ѥго-же оубише братіа вь полатѣ на вечери лоукав'ствомь (вар. и тоу его оубише братіа ее сь лоукавьствомь на вери вь храме Аполона трьнога дельфильскога, оуби же его Александрь и Дивоушь; ту га убише братѣ не Париж и Дивуш с влхавством у цркви Аполона Пебуша, на вери Припамуша крала). Алексен'дрь же видѣвь крьзно чюдодѣистьв'но (вар. приб. почуди се. еpe тако зламене имише:) ѥгда облачаше се вь нь Поликсеніа (вар. Поликшена) госпогѩ, четиремь различиѩмь подоблѩше се, и четири образѣ оуказоваше различ'ни оть различнаго каменіа. Ѥгда на зелено каменіѥ вьзраше, прибиваше се зѣлено каменіѥ бѣломоу ѥѥ лицоу, и подоб'нь бѣше образь ѥѥ лоуне небесной и паоуновоу позлат'номоу перію; ѥгда ли на црьвено каменіе вьзраше, бѣлоѥ лице ѥѥ неран'жаномоу видѣнию прибиваше се; ѥгда ли на плавет'но каменіѥ вьзраше, прибиваше се плаветь кь бѣломоу лицоу ѥѥ, и небесной плавети образь ѥѥ подобл'ѩше се (вар. приб. када на жуто камине призираше, к белости лица нее приликоваше и образ нее даници сютра истекшои противлаше се); ѥгда-ли вь нѥи исхождаше, различнаа блистаніа блисташе оть камен'ныихь видовь, ѩже оть крьзна того исхождахоу. То крьзно Алексен'дрь видѣвь и подиви се женѣ тои паче всѣхь жень, и сию похваливь не толико за див'ноу оноу свитоу, колико за вѣроу и любовь, юже кь Ацилешоу показа. Ацилешоу бо оумьр'шоу, иномоу моужоу не хоте назвати се жена, глаголаше бо кь себѣ: ѥмоу же вьсь мирь не бѣ подоб'нь витежьст'воу и храб-

рости и красотѣ кго, како кго запаметити имамь, или иномоу нарешти се жена? Ни вь поработаник себе не вьсхоте дати Трою разбив'шомоу цароу, нь изволи паче сьмрть и Ацилешевь гробь, него жива поработити се вь пелагон'скоу землю. И се моужеоумник жены, кже по моужи своимь любовь и чьсть сьблюдоше, двоıа имь ксть мьзда, оть Бога мьзда и оть чловѣкь похвала; «болк ми ксть, рече, сь моужемь моимь оумрети, нежели срам'но жити». — И изнесоше емоу вѣн'ць ктриве госпогк (вар. тежде госпожде; теђере гиспие; те госпое кђере): кгда кьто на главоу постав'лıаше, невидимь бываше вь дьне, вь нощти же ıако ог'нь свьтѣше се. И изнесоше кмоу бележьць ороуж'ныи (вар. хеѣм) прѣмогаго (вар. моћнога) Ѥктора, сь бисеромь и сь каменикмь оукрашень и сьскор'фіинеми (вар. скор'пииними, скорпииними) зоуби и аспидовеми кости (вар. нокьти), и кипазмо (вар. хакиз'мо, хаизмо) оть рибіе коже. И принесоше кмоу к'ниги нѣкоего философа Омира (вар. оть Рима), кою бѣше сьписаль о троискомь разореніи оть искони до скон'чаніа. И сію Алексен'дрь прочьть, и тоу подвигь великыихь витезь слышавь, радости и жалости испльнивь се, рече: О колици сил'ныи падоше се жены ради мрьзкык и лоукавик! Алексен'дрь же вь градь троискыи вьшьдь, и Троıане же вьпрашаше глаголе: Где витеземь гробове соуть? Они-же ведоше кго на гробы ихь. И вьзьмь ливань и змир'но, покади ихь гробы, и вьсплакавь рече: О див'ни вь чловецѣхь храбри витези и львове, Ацилешоу, Ѩк'шате (вар. Ѩкоушоу, Аѣкешу) и Ѥкьторе (вар. приб.: и Несторе), аште быхь вась живѣхь видѣль, азь по достоıанию чьсть вьздаль быхь вамь (вар. приб.: и господинь светоу назваль се бихь сь вами), да кгда оумрьли ксте, жрьт'воу вамь, ıако живемь, ливань творoу и вьздаю, нь поминакми (вар. блажени) ксте и по сьмрьти своеи, понеже великоу и дивьноу списателоу вь повестехь прилоучисте се Омироу . . . . Се же слышав'ше философи (вар. приб. Менандрь и Аристоклеи; Менандаръ и Ариштотил) и кь Алексен'дроу рекоше: «Великыи цароу Алексен'дре, Ацилеша, Пер'леоуша сынь, по отьци брать ти кcть, оть Амона бо бога и Федиде (вар. Петиде, Тетиде)

жени родиль се єсть, и ти, Алексен'дре цароу, оть Амона бога и Олим'біади царице родиль се єси, и по прилице ѩко єдиного отьца єста. Да аште сьмрьть прилоучить ти се, о цароу, бол'шими похвалами и подвигы царство твое напишемь и похвалимь, нежели Омирь фригіскии (вар. фрииідискии) [и] єл'лин'скыихь царь (вар. царев)». Алексен'дрь же кь нимь рече: Бол'ше ми єсть вь Омировѣхь писаніихь царь конюхоу звати се, нежели оть вашихь писаніи єдинои (вар. всои) зем'ли царь звати се».

Вѣнскій списокъ (W, стр. 35—38) называетъ Фригію — Франгіей (Φραγγία, но и Φαρυγκία, Φρυγγία); Александръ приходитъ εἰς τὸ κάστρο τὴν Τρωάδα, который Еллины осаждали 12 лѣтъ и разрушили διὰ μίας γυναικὸς, τὴν ὡραιότητα, τὸ ὄνομα αὐτῆς Ἑλένη· ἦτον γοῦν γυνὴ βασιλέως ἐκ τὴν Μωρέαν ἐκ τὸν τόπον τῆς Λακεδαιμονίας, τοῦ Μενελάου τοῦ βασιλέως· ὁ βασιλεὺς ὁ Πρίαμος ἦτον βασιλεὺς τῆς Φαρυγκίας καὶ εἶχεν υἱὸν τὸν Ἀλέξανδρον τὸν Πάριν· καὶ ἠπῆγεν εἰς τὸν θεὸν τοὺς τὸν Ἀπόλλωνα εἰς τὴν Λακεδαιμονίαν νὰ προσκυνήσει· καὶ ὡς εἶδεν τὴν ὡραιοτάτην καὶ πάντερπνον Ἑλένη, ἔδραξέν την καὶ ἤφερέν την εἰς τὴν Τρωάδα, καὶ οὔτε τὸν βασιλέα τὸν Πρίαμον, οὔτε τοὺς Τρωαδίταις ἐφάνη καλὸν διὰ τὴν ἅρπαξιν τῆς Ἑλένης, καὶ ἀνευχάριστον ἐδέκτηκαν τὸν Πάριν. Менелай идетъ на Трою съ царями τῶν Ἑλλήνων τῆς Κιλικίας καὶ τῆς Λαττωνίας (пелагонскими?) καὶ τῆς Ἀταλίας (Θессаліи? Сл. слав. т.).... τῷ καιρῷ ἐκείνῳ οἱ πρωτοκαβαλαραῖοι τῆς Τρωάδος ἐσκοτώθησαν ἀπὸ τὸ χέρι τῶν Ἑλλήνων καὶ ἀπὸ τοὺς Ἕλληνας διὰ μίαν γυναῖκα μαγαρισμένη. ὁ προπάπους μας Ἀδὰμ διὰ γυναῖκα ἐξεβλήθη τῆς τρυφῆς τοῦ παραδείσου, ὁ Σαμψὼν ὁ θαυμαστὸς καὶ ἀνδρειωμένος διὰ γυναῖκα κακὴ ἐχάθη, ὁ Σολωμὼν ὁ θαυμαστὸς καὶ παμφρόνιμος τῆς οἰκουμένης ὅλης διὰ γυναῖκα τὸν Ἀδάνην ἠκολούθησε τὸν βασιλέα καὶ ἐξέπεσεν· τῷ καιρῷ ἐκείνῳ εἰς τὴν περιφούμιστον Τρωάδα οἱ ἀνδρειωμένοι ἔπεσαν διὰ μία γυναῖκα· καὶ τὸ ὕστερον ἐποίησαν σκευὴν δολερὰν καὶ ἠπῆραν τὸ κάστρον τὴν Τρωάδα, ὡς γράφει τὸ βιβλίον τοῦ Ὅμηρος. — Александру приносятъ дары: ἤφεράν του καὶ τοῦ υἱοῦ [Пелеева] τοῦ Ἀχιλλέως τὸ σκουτάρι· ἦτον πετζομένο μὲ τὸ πετζὶ τοῦ λέοντος καὶ ἦτον

στορισμένον (στολισμένον?).... — Затѣмъ въ подлинникѣ вѣнской рукописи кое что опущено: слав. тексты говорятъ о Поликсенѣ, между прочимъ: «подоб'нь бѣше образь ке лоуне небеснои и паоуновоу позлат'номоу перію = въ вѣнск. спискѣ (непосредственно за предъидущимъ): τὸ πρόσωπόν του (sic), ὥσπερ τὸ φέγγος εἰς τὸν οὐρανόν, οὕτως ἔλαμπεν, καὶ ὥσπερ τοῦ παγονίου τὰ πτερά. Затѣмъ новый пропускъ, вѣроятно, отвѣчающій слѣдующему мѣсту слав. текста (о Поликсенѣ): «различнаа блистанія блисташе оть камен'ныихь видовь.... То крьзно Алексен'дрь видѣвь и подиви се» = ὁποῦ εἶναι χρυσὰ καὶ πράσινα καὶ κόκκινα, οὕτως ἔλαμπεν πάμπολλα θαυμαστόν· καὶ ὡς τὸ εἶδεν ὁ Ἀλέξανδρος ἐθαύμασεν. — Слѣдующая далѣе подробность не находитъ себѣ соотвѣтствія въ славянскихъ текстахъ и, очевидно, не у мѣста, хотя ничто не мѣшаетъ предположить, что она находилась и въ подлинникѣ, хотя въ иной связи и большей сохранности: ἤφεραν καὶ τῆς Βρυσιάδος τὸ μαντέλο [1]) ὅλον μὲ χρυσομάργαρον πολλὰ τετιμημένο ὅπου ἐξέστη πᾶσα ἄνθρωπος ἀπὸ τὴν ἐμορφάδα ὁποῦ εἶχεν· ὁποῦ ἀγάπα ὁ Τρώιλος τοῦ Καλκᾶ τῆς θυγατρός. — Послѣ того мы снова возвращаемся къ Ахиллу, къ разсказу о томъ, какъ его убили διὰ τὴν θαυμαστὴν Πολυξένην εἰς τὸν ναόν τους, τὴν θυγατέρα τοῦ βασιλέως τοῦ Πριάμου. καὶ ὅταν ἐπάρθη ἡ Τρωάδα, αἰχμαλωτίσθην ἀπὸ τοὺς Ἕλληνας, καὶ ἔσφαξέ την ὁ υἱός του ὁ Πύρος ἀπάνου εἰς τὸν τάφον τοῦ πατρός του τοῦ Ἀχιλλέως, καὶ ἀπόθανεν. καὶ ἐπαίνεσέ την πολλὰ ὁ Ἀλέξανδρος ὡς ἤκουσεν, καὶ ἐκαύχησε τὴν τιμὴν της τῆς γυναικὸς ἐκείνης, ὅτι πῶς ἐκράτησεν τὴν τιμήν της, ὅπου ἄλλην γυναῖκα τέτοια δουλεῖα οὐδὲν ἐποίησεν. καὶ ὅλοι τὴν ἐπαίνεσαν· ὁ Ἀλέξανδρος ηὗρεν τοὺς λόγους γραμμένους καὶ ἐξέστην ἀπὸ τὴν ἐμπιστοσύνη καὶ τὴν φρόνησιν τῆς Πολυξένης καὶ εἶπεν· ἀπὸ τὸν θεὸν ἔχει συμπάθειον καὶ ἀπὸ τὸν κόσμον ἔχει ἔπαινον ὁποῦ οὐκ ἠθέλησεν νὰ πάρῃ ἄνδρα, καὶ καλὸν ἐποίησεν, ὅτι ὁ θάνατος ὁ τιμημένος ἔχει τιμὴ μεγάλη περὶ τὴν ἄχρηστον ζωὴν καὶ τὴν ἀτιμωμένη· ἀκόμη ἔβγαλαν τῆς βασιλίσσας ἐκείνης (слав. ктриве?

---

[1] μαντέλο = ит. mantello.

тежде?) τὸ στεφάνι· καὶ ὅταν τὸ ἔβανεν εἰς τὸ κεφάλι του, τότε ἄφαντος ἐγίνετον ἀπὸ ὅλους τοὺς ἀνθρώπους· καὶ τὴν νύκταν ἔλαμπε ὡς λαμπάδα. ἀκόμη τῆς ἔβαλαν ἀπανωκλίβανον [1]), ὁποῦ τὸ ἔβανεν ἀπανωθέον τῶν ἁρμάτων, καὶ ἦτον ἐγκοσμισμένο μὲ πολυτίμητον λιθαρόπουλον καὶ μὲ χρυσομάργαρον, καὶ τὸ σκέπασμα ἦτον ἀπὸ τῆς ἀσπίδος τὸ πετζί· ἠφεράν του καὶ τὸ βιβλίον τοῦ Ὅμηρος ὁποῦ εἶχεν γράψη ἀπὸ τὴν ἀρχὴν τοὺς πολέμους καὶ τὸν χαλασμὸν τῆς Τρωάδος ἐκ τὴν ἀρχὴν ἕως τέλος· καὶ ἠπῆρεν ὁ Ἀλέξανδρος τὸ βιβλίον καὶ ἄρχισεν νὰ τὸ ἀναγνώθη· καὶ αὐτοῦ ηὗρεν τοὺς πολέμους γραμμένους τῶν καλῶν καὶ ἀνδρειωμένων καὶ θαυμαστῶν καὶ μεγάλων ἀπελάτων. Онъ умиляется и радуется и сѣтуетъ о витязяхъ, погибшихъ ради одной γυναῖκα μαγαρισμένη. По его просьбѣ ему показываютъ гробницы (ркп. ὀνόματα вм. μνήματα) павшихъ; онъ воскуряетъ смирну и ливанъ, взывая къ Ахиллу и Гектору: еслибъ они были въ живыхъ, онъ одарилъ бы ихъ и возвысилъ, νὰ χαρῶ εἰς τὸν κόσμον μετ' ἐσᾶς. Философы, ὁ Μενέλαος καὶ ὁ Ἀριστοτέλης εἶπαν τοῦ βασιλέως τοῦ Ἀλεξάνδρου· ὁ Ἀχιλλέας καὶ ἡ βασιλεῖα σου εἶστεν ἑνοῦ πατρὸς παιδία τῶν Ἑλλήνων. τὸν θεόν τους τὸν Ἀμῶν εἶστεν υἱοί· καὶ ἐμεῖς οἱ δύο τιμητικώτερα θέλομεν γράψη τὰ ποιήματά σου παρὰ τὸν Ὅμηρον τῆς Φραγγίας. Отвѣта Александра нѣтъ.

Греч. нар. кн. (р. 58—60) сильно сократила весь этотъ эпизодъ. Главныя отмѣны и совпаденія: Александръ приходитъ εἰς τῆς Φρυγίας τὸ μέρος; Менелай царитъ въ Мореѣ и идетъ на Трою съ царями Эллиновъ. Что говорилось о Поликсенѣ, ошибочно перенесено на Елену: много Эллиновъ и Троянцевъ пало; εἰς αὐτὸ ἐπαινέθη ἡ Ἑλένη, νὰ μὴ θελήση νὰ γένη ἄλλου ἀνδρὸς γυνή, καὶ εἶπε· κάλλιον θάνατος μὲ τιμὴν παρὰ ζωὴ ἄτιμος. — Александру подносятъ: «τὸ στεφάνι τῆς βασιλίσσας ἐκείνης» (Елены!); «τὸ κλίβανον τοῦ ἀνδρειωμένου Ἕκτορος»: остальные дары опущены;

---

[1]) Новогреч. нар. кн. κλίβανον Гектора = слав. бележець ороуж'ныи: сл. Нов. II, гл. 9: възмь бѣлежьць на оружіе = новогреч. нар. кн. стр. 86: ἔβαλεν ἀπάνω κλίβανον σημάδι: въ Διήγησις Ἀχιλλέως у Wagner'a, Trois poèmes grecs, p. 5, v. 126: ἀπανωκλίβανον.

нѣтъ и философовъ и Александровой отповѣди. — Съ (Менандромъ) и Аристо*клеемъ* (Аристотелемъ) слав. текстовъ, (Менелаемъ) и Аристотелемъ вѣнскаго сл. въ Hist. de Prel.: *Clito*midis, *Cleto*medus (Kinzel, Zwei Recens. стр. 13; Zingerle, l. c. стр. 160).

Лишь теперь (послѣ .зі. либо .гі. лѣтъ) Александръ возвращается въ Македонію; Олимпіада и Аристотель встрѣчаютъ его на рѣкѣ Скамандрѣ и всѣ направляются въ Филиппополь. Черезъ три мѣсяца, когда войско его отдохнуло по домамъ и снарядилось наново, Александръ устремляется на востокъ съ стотысячной (вар. 50) ратью: у всѣхъ одно и тоже оружіе и «белези, и ѥд'наци хелмове и рогове (вар. с рогови; хеими и пера) на нихъ, на всѣхь штитовехь львове главѣ и на всѣхь фарижехь ѥднака кѥпазма (вар. хакиз̃ма) кор'кодилова, и тако повелѣ всѣмь шаторѣ около царева шатора ставити, а иному никомоу тоу вьмѣшати се. И вь макѥдон'скоу воиску постави благообразныхь жень двѣ тисоушти, и тѣмь повелѣ колес'нице и шаторе одредити, терьꙗха (вар. етеріꙗхар'ха, етїарьха) нѣкоѥго надь ними постави, вьса о тѣхь же на разоумно оуправ'лꙗти, и ѥгда кто женоу трѣбоваше, кь терьꙗхоу (вар. етеріархоу, етерїароу) шьдь и златицоу давь, женоу вьзимаше, и колико ноштіи сію дрьжаше, толико златиць даꙗше ѥи. И в'сакаа воюючти сь Алексен'дромь по подобію и оуставоу нарежданше се; .р. (вар. 50) тисоушть Макѥдонꙗнь конь себѣ нарециль бѣше, ꙗко ѥгда Алексен'дрь на конь вьсѣдаше, ѥднемь часомь в'си на конихь обрѣтахоу се; и ѥгда Алексен'дрь на обѣдь сѣсти хотеше, и тогда в'си они на трапезѣ обрѣтахоу се, и в'си сь нимь закд'но бѣхоу, и никотори бо оть нихь хоужд'ши бѣше, нь в'си на ѥднацѣхь конихь и свитами и ороужіемь». Воеводой поставленъ Птоломей; убитыхъ изъ Македонской дружины Александръ замѣщалъ другими, избранными мужами, дабы число ихъ не умалялось (Нов. I, гл. 25 = Jag. l. c., p. 251—2).

Сл. соотвѣтствующій отрывокъ вѣнск. текста W, стр. 38—9: рѣка Скамандръ; Александръ былъ въ отлучкѣ три года; показаніе срока, на который онъ распускаетъ свое войско, очевидно,

испорчено; ἐποίησαν τὴν φορεσίαν ὅλοι ὅμοια καὶ τὰ ἅρματα τους ὅμοια, μὲ τοῦ βασιλίσκου τὰ κερατόπουλα ἡ μπαρμπούταις ἐγκοσμισμέναις, καὶ εἰς τὰ σκουτάριά τους ἦσαν στορισμένοι λέοντες μὲ τὰ πτερὰ πλεμένα τῆς ἀσπίδας· καὶ τὰ ἄλογά τους ἦσαν κουβερτιασμένα ὅλα ἀπὸ πετζὶ κορκοδείλου. — Теріарху (этеріарху) отвѣчаетъ далѣе 'ταιρεάρχης; златицѣ=ἕνα χρυσὸν φλορί. — «καὶ πάντα οἱ ρ̄ τῶν Μακεδόνων ἦσαν κοντά του, καὶ ὅλοι τὸ γιῶμα καὶ τὸν δεῖπνον εὑρίσκονταί τον εἰς τὴν τάβλα του· καὶ μὲ ταύτους ὡμίλειεν. Птоломея Александръ ставитъ воеводой надо всѣми. — Изъ греч. нар. кн. (р. 60—62) отмѣтимъ: Олимпіада и Аристотель встрѣчаютъ Александра, отсутствовавшаго три года, εἰς τὸ ποτάμι τῆς Κασάνδρας; онъ отпускаетъ войско по домамъ на шесть мѣсяцевъ; войска сто тысячъ: «ἐφοροῦσαν ὅλοι οἱ Μακεδόνες μίαν φορεσίαν, τὰ ἅρματά τους ὅλα μὲ τοῦ βασιλίσκου τὰ κερατόπουλα, τὰ κοντάριά τους καὶ ἡ περικεφαλαίαις τους εἶχαν εἰς ταῖς κορυφαῖς λέοντας ἱστορισμένους μὲ πτερὰ τῆς ἀσπίδος πλεγμένα ἀπὸ πετζὶ κροκοδύλου». — ἐταιριάρχης, χρυσὸ φλωρί. — «πάντοτε αἱ ἑκατὸν χιλιάδες τῶν Μακεδόνων ἦτον κοντά του, καὶ εἶχαν πολλὰ χαρίσματα ἀπὸ τὸν Ἀλέξανδρον. Μὲ αὐτοὺς ὡμίλει κάθε ἡμέραν, γινόμενος μικρότερος παρὰ ὅλους. — Воевода Птоломей; та-же забота о пополненіи Македонской дружины, какъ въ слав. текстѣ и W.

Всѣхъ этихъ подробностей нѣтъ у Псевдокаллисѳена.

Александръ идетъ на востокъ «и клици волкю кь нкмоу пріидоше, сіи чьсть и проштеніе оть него пріимише; клици же против'ляхоу се, симь грады раз'биваше и тѣхь острию мьча прѣдаваше. И о семь страхь и трепеть в'се асіискык страны приим'ше, и цари палестин'скыи і квреиско господст'во и вьсь Ѥгуп'ть». Подручные Дарію, они извѣщаютъ его о македонскомъ нашествіи, и тотъ шлетъ къ Александру пословъ съ такою эпистоліей: до меня дошла вѣсть, «ꙗко в'соу Ѥладоу обькть и до Рима дошьдь и в'се запад'ниі царе и стране помель кси, и Океана рѣкы дошьль кси и не тьчию симь довол'нь кси, нь и юж'ниі вар'вар'скыі и кѳіоп'скыі и в'се запады (вар. стране, граде западскеі), под'роуч'ныі моимоу царствоу, поколѣбаль кси, и

многаа оть нихь богатства прикль кси, и еште недовол'нь кси, нь и на Аф'рикію (вар. на Асию и на Придию), соуштоу мою зем'лю, настоупиль кси сь подоб'ними тебе гоусари Макидонiани, вь заб'веніє подроученіє наше полож'ше, кже кь царствоу ми имѣсте сь в'сѣми инѣми цари». Онъ велитъ ему ограничиться одной Элладой и готовъ освободить его отъ дани; въ случаѣ неповиновенія, вся вселенная не укроетъ его отъ персидской силы. — Прочтя посланіе, Александръ раздираетъ его въ гнѣвѣ и хочетъ повѣсить (вар. на древи.... распети) поклисарей; Македоняне говорятъ ему, что это не въ царскомъ обычаѣ; да вѣдь они посланы не къ царю, а къ разбойнику, отвѣчаетъ Александръ, но даруетъ жизнь посламъ, замѣчающимъ ему, что убивъ ихъ, онъ именно уподобится разбойнику, и обѣщающимъ прославить въ Персіи его имя. Въ отвѣтѣ Дарію Александръ говоритъ, что въ его посланіи нѣтъ «царска оустава подобик (вар. оустава и подобиѩ; царскога имена). Ты прѣтиши намь, како запад'наа царства прѣкхомь и разорихомь. Вѣдомо да ксть царствоу ти, ѩко всакь чловѣкь иштеть оть иж'нихь на выш'наа постоупити. И мы се разоумѣв'ше, западь прѣкм'ше на вьстокь идемь. Ты прѣтиши намь, говоре, ѩко не може нась вса вьселкн'наа оукрити прѣдь очима твоима. Вѣдомо да ти кстъ, ѩко вьса вьселкн'наа пльна кстъ мокго имене и Макидониѩнь, ихь же ты хоусаре наричешь. Ты велишь нась терать, а мы сами кь царствоу ти идемо. Ако нась и некѩцѣхь и младѣхь велишь быти, нь паче камена адаман'та острѣишіи тебѣ ѩвимь се и паче пьпренѣхь зрьнь лютѣишіи, и господинь свемоу твомоу наречемь се. На выш'ныи промысль надѣкмь се, кмоуже ты противѣши се (вар. кому ти такмиш се). Тькьмь бить не оуздаи се оу Пер'сиди противоу нась изыти. Жене соуть сь тобою оукрашен'ны, Макидонѩне же соуть львове неоукротими; волкю своkю сьмрьть за животь коупоують. — Дарие же кпистолію прочьть и ѩрости и гнѣва испльнивь се рече поклисаромь: Кокго вьз'раста кстъ Алексен'дрь, каква ли оума, кокго ли лѣта рожденикмь, колико ли воиске оу нкго кстъ? Они же отвѣштав'ше рекоше: Лѣти оубо л.-лѣтнь

кесть, оумь же старь кесть оу нкего; краснь, храбьрь зѣло и соудь правь имать (вар. приб. роука же податлива, езикь непотвор'нь до коньца), прѣмоудрость же кего вь посланихь познакши, о цароу: воиске же сь нимь видѣхомь .е. сьть тисоушть. Прѣмоудрыи же Соломонь вь к'нигахь своихь пишеть: Посмѣѩник оусть и погледь очию и постоупь ногама вьз'вѣштаеть ѩже о моужи. Дарік же сік вь оумь вьсприкмь, рече: Вь истиноу сіа соуть великыихь царь бѣлези, нь не м'ню истына семоу быти». Онъ велитъ своему войску собраться на Сенаарскомъ полѣ, гдѣ когда-то «языки» создали столпъ (вар. пир'гь, туран), боясь «вьтораго потоп'наго нашьствіа», и совершилось смѣшеніе языковъ; а самъ пишетъ въ Египетъ и Іерусалимъ: пусть не предаются Александру и ждутъ помощи отъ него (Нов. I, гл. 25—7 = Jag. l. c., p. 252—254).

Разсказъ W, стр. 39—43, сходенъ съ славянскимъ; только въ началѣ Даріевой эпистоліи элементъ самовосхваленія болѣе развитъ и въ перечисленіи странъ, завоеванныхъ Александромъ, есть отличія. Сл. «еште недовол'нь кеси, нь и на Аф'рикію (вар. *на Асию и на Придию* = Фригію?), соуштоу мою зем'лю, настоупиль кеси съ подоб'ними тебе гоусари Македонѩни» = «*καὶ οὐδὲν ἐχόρτασες, ἀμὴ ἀποκότησες καὶ ἦπῆρες μου ὅλα τὰ λιζάτα καὶ ἦλθες καὶ εἰς τὴν Ἀσίαν καὶ εἰς τὴν Ἀγρίδαν καὶ εἰς τὰ Τάραντα κοντὰ εἰς τὸν τόπον μου ἐπάτησες μὲ τοὺς ἀτιμωμένους τοὺς ῥυμπαραίους τοὺς Μακεδόνας*»; сл. греч. нар. кн. 64: *εἰς τὴν Ἀσίαν κοντὰ εἰς τὸν τόπον μου, πατῶντάς τον μὲ τοὺς ἅρπαγας τοὺς Μακεδόνας*. Въ подлинникѣ могло стоять: *εἰς τὴν Ἀσίαν καὶ εἰς τὴν Φρυγίαν*, которую греч. нар. кн. опустила, славянскіе тексты передѣлали въ Придію и — Африкію, W въ *Ἀγρίδαν*, т. е. *Ἀφρίδαν*; Тарентъ присоединился не столько по сосѣдству, сколько по какому-то преданію, сохраненному, какъ мы видѣли, повѣстью о Таврѣ и Меніи, и перенесшему на Александра Македонскаго историческія воспоминанія объ Александрѣ Эпирскомъ [1]). — Въ отличіе отъ

---

[1]) Сл. въ приложеніи экскурсъ: Болгарскія побывальщины объ Александрѣ Македонскомъ.

слав. перевода и греч. нар. кн. (стр. 64) нѣтъ черты, что Александръ хочетъ повѣсить пословъ Дарія, о письмѣ котораго говоритъ: *ὅτι οὐδὲν ἦτον βασιλικὴ τάξη* (греч. нар. кн. 65: *δὲν γράφεις βασιλικά*). Греч. нар. книга сокращаетъ, въ отвѣтѣ Александра, подробности о перцѣ и адамантѣ, и характеристику Александра въ рѣчахъ Даріевыхъ пословъ; W отвѣчаетъ здѣсь славянскому тексту, и въ слѣдующемъ отрывкѣ становится понятнымъ лишь при сравненіи съ нимъ: *ἔχει (ὁ Ἀλέξανδρος) τὸ χέρι του νὰ δωρῇ τὴν ἅπασαν ἡμέρα .... ὁ Σολωμὼν ὁ φρόνιμος εἰς τὰ χαρτία του ἔλεγεν· τοῦ στόματος τὸ γέλασμα καὶ τὸ περπάτημα του ἔχει βασιλικὸν ὁ Ἀλέξανδρος* (sic). — Дарій сзываетъ войско *ὁποῦ ὁκάποτε ἡ γλῶσσαις ἀρχέρισαν νὰ κτίζουν τὴν πυργοποιίαν*; греч. нар. кн. 66: *εἰς τὸν ποταμὸν τῆς Πυργοποιίας* = Сенаарское поле славянскихъ текстовъ. Сл. греч. нар. кн. стр. 62—67.

Письма Дарія и Александра отвѣчаютъ, въ большей своей части, Pseudocall. C, I, гл. 36—8, за исключеніемъ тѣхъ подробностей (подарки Дарія Александру и ихъ символическое толкованіе Pseudocall. C, I, 36 и 38), которыми нашъ текстъ воспользовался въ иномъ мѣстѣ (Нов. I, гл. 19—20; сл. выше, стр. 172—5). Конкорданція съ текстомъ C, прерванная, какъ мы видѣли, вторженіемъ троянскаго эпизода и разсказомъ о военныхъ приготовленіяхъ Александра, снова возстановляется. Эпизоду объ основаніи Селевкіи, Антіохіи и т. д. отвѣтилъ въ текстѣ C, I, 36 такой-же о построеніи Никаторіи и Антіохіи; затѣмъ онъ продолжаетъ согласно съ нашимъ: *Καὶ καταλαβὼν* (Александръ) *τὴν ὁδοιπορίαν κατὰ ἀνατολὰς ποιεῖται. Καὶ ὅσοι μὲν προυπήντων αὐτῷ, συγγνώμης ἠξιοῦτο, ὅσοι δὲ τὸ σύνολον ἀντιλέγειν ἐτόλμων, τὰς πόλεις αὐτῶν ἐκ βάθρων κατέσκαπτε καὶ ἡ ῥομφαία αὐτοῦ διήρχετο ἐπ' αὐτούς, καὶ δὴ φόβος καὶ τρόμος πᾶσαν τὴν ἑῴαν κατέτρεχεν, ὡς καταλιμπάνειν τὰς πόλεις αὐτῶν καὶ φεύγειν.* Слухъ о томъ доходитъ и до Дарія, который шлетъ Александру (извѣстные намъ дары) и эпистолію, изъ текста которой выдѣлимъ черты, спеціально принадлежащія редакціи C: *Ἀκήκοα γὰρ ὡς πᾶσαν παραδραμὼν γῆν Ἑλλάδος, τελείως αὐτὴν κατηδάφησας*

καὶ μέχρι Ῥώμης καὶ ταῖς ἐνδοτέραις βασιλείαις τῶν δυσμῶν ἐπέβης, οὐ μὴν ἀλλὰ καὶ μέχρι Ὠκεανοῦ τῆς κατὰ νότου ἄκρας ὥδευσας, καὶ πολὺν σεαυτῷ συνήθροισας πλοῦτον. Τούτοις δὲ πᾶσι μὴ ἀρκεσθεὶς, ἐπὶ τὴν Ἀσίαν καὶ Φρυγίαν ἐπέβης. Καὶ ταῦτα μὲν πεπραχὼς κατεφρονήθης παρ' ἡμῶν, ὡς μὴ φροντίδα περὶ Ἑλλάδος ἔχειν ἡμᾶς. Σὺ δὲ ἐπὶ πλεῖον θρασυνθεὶς κατετόλμησας ὅλως καὶ τῇ ἑῴᾳ ἐπιβῆναι, καὶ ληστρικῶς περιὼν λεηλατεῖς τὰς πόλεις ἐπιλαθόμενος τῆς δουλικῆς τύχης, καὶ ὅτι τῷ Περσικῷ κράτει πάντες δουλεύουσι, καὶ οὐκ ἔστιν ὁ ἀντιλέγων. Λοιπὸν τοὺς τῇ σῇ μωρίᾳ ὑπαχθέντας Μακεδόνας ἀντίστρεφε καὶ τῆς Ἑλλάδος ἄρχειν ἀρκέσθητι (C, I, 36).— **Слѣдуетъ извѣстная намъ сцена съ послами Дарія (C, I, 37) и въ отвѣтѣ Александра (ib. 38) такія выраженія:** «Καὶ ὅτι ἔγραψας τὰ περὶ τῆς Ἑλλάδος, μὴ φρόντιζε, ἀλλ' οὐδὲ τῶν κατὰ δυσμῶν βασιλέων. Ταῦτα καὶ ἡμεῖς ἀκριβῶς ἐπιστάμεθα. Πᾶς γὰρ ὁ τὰ κρείττονα ἔχων, τὰ χειρόνων οὐκ ἐφίεται. Ὁ δὲ τῶν χειρόνων περιγενόμενος σπουδάζει καταλαβεῖν καὶ τὰ κρείττονα. Τὰ τοιαῦτα οὖν καὶ ἐν ἡμῖν παρηκολούθησε· τὰ γὰρ χείρονα καταλαβόμενος καὶ τῶν κρειττόνων περιγενέσθαι σπουδάζομεν. Ἀλλ' εἰ καὶ ὡς ἀνηλίκους ἡμᾶς καταφρονεῖς, ὑπὲρ τὸν ἀδάμαντά σοι λίθον ἐπελεύσομαι. Καὶ μηδαμῶς σοι περὶ τούτου φροντίς, θαῤῥῶν γὰρ τῇ προνοίᾳ ἐλεύσομαι ἐπὶ σε, καὶ κύριος γενήσομαι τῶν σῶν, κἂν μὴ δοκῇ σοι, καὶ οὐχ ὑποστήσῃ τὰ ἴχνη τῶν ποδῶν μου, καὶ ἔμπροσθεν παίδων Μακεδόνων ἐξουδενωθήσῃ.

На этомъ мы остановимъ пока разборъ сербской Александріи сравнительно съ Псевдокаллисѳеномъ и попытаемся обобщить нѣкоторые изъ полученныхъ въ разбродъ результатовъ. Пока мы выяснили лишь фактъ особой близости сербской рецензіи къ Псевдокаллисѳену C, который представляется мнѣ довольно неловкимъ сводомъ вульгаты B съ тѣмъ особымъ текстомъ романа,— назовемъ его C[1] — который, съ другой стороны, легъ въ основу пересказовъ, объединенныхъ нами подъ названіемъ «сербской Александріи».

Слѣдующая таблица поможетъ уяснить наше положеніе:

Pseudocall. B.	Pseudocall. C.	Серб. Ал.
	1. Лаомедонтъ въ Олимпіи (I, 19, 20)	1. Лаомедонтъ въ Олимпіи.
	2. Война съ Скиѳами (I, 23)	2. Война съ Куманами.
	3. Первое посольство Дарія (I, 26, 36, 37)	3. Первое посольство Дарія.
	4. Поликратъ Солунскій (I, 26)	4. Солунскій царь Кархидонъ.
	5. Походъ на Аѳины (и Ѳивы I, 27)	5. Походъ на Аѳины.
	6. Пришествіе въ Римъ. — Лаомедонтъ (I, 27)	6. Пришествіе въ Римъ; Лаомедонтъ.
	7. Александръ доходитъ до Океана (I, 27)	7. Александръ доходитъ до Океана.
(Взявъ Ѳивы I, 27)		
a. Александръ возвращается въ *Македонію* (I, 28)	a. Александръ возвращается въ *Македонію* (I, 28)	
b. Переходитъ въ *Азію*: побѣда при *Граникѣ*. — Фригія (I, 28)	b. Въ *Азіи*, побѣда при *Граникѣ*. — Фригія (I, 28)	
c. (Изъ Памфиліи) въ Сицилію и *Римъ* (I, 29)	c. (Изъ Памфиліи) въ Сицилію и *Римъ* (I, 29)	
d. *Карѳагенъ*, основаніе *Александріи*; походъ *въ Египетъ* (I, 30—34)	d. *Карѳагенъ*, основаніе *Александріи*; походъ *въ Египетъ* (I, 30—34)	7*. Основаніе Александріи.
e. Взятіе Тира (I, 35)	e. Взятіе Тира (I, 35)	
	8. Основаніе Никаторіи (Селевкомъ) и Антіохіи (I, 36)	8. Основаніе Селевкіи и Антіохіи (Троянскій эпизодъ. — Александръ снаряжается къ войнѣ).
	9. Второе посольство Дарія (I, 36—8)	9. Второе посольство Дарія.

Миллеръ (Pseudocall. прим. къ I, 27) предполагаетъ что №№ 5—7 нашей схемы для C почерпнуты редакторомъ этого текста изъ той-же рецензіи романа, откуда онъ заимствовалъ и № 1. Сравненіе съ сербской Александріей убѣждаетъ насъ, что 1) этой рецензіи принадлежали всѣ №№ 1—9, общіе C и нашимъ текстамъ; 2) что редакторъ C въ нѣкоторыхъ случаяхъ крайне не искусно спаялъ ему рецензію съ текстомъ B, не страшась противорѣчій и наивностей. Въ C¹ говорилось по поводу перваго посольства Дарія (сл. выше, № 3), что онъ послалъ Александру ковчеги, дабы онъ наполнилъ ихъ данью (сл. сербск. Александрію); въ B — ковчегъ съ золотомъ — для его товарищей; въ C эти черты вошли въ странное сочетаніе другъ съ другомъ: посылается ковчегъ съ золотомъ, и этотъ-же ковчегъ слѣдовало наполнить данью! (сл. однако выше, стр. 174). — Тому-же редактору принадлежитъ, вѣроятно, идея — сдѣлать Поликрата = Кархидона сыномъ Анаксарха = Павзанія (сл. нашъ № 4), что-бы такимъ образомъ тѣснѣе сплотить разсказъ C¹ (о Поликратѣ = Кархидонѣ) съ эпизодомъ о Павзаніи, стоявшемъ уже въ B (сл. выше стр. 165). — Принадлежалъ-ли эпизодъ о Ѳивахъ (сл. нашъ № 5) къ старому составу C¹, или внесенъ изъ B, — это я ставлю пока вопросомъ. — C¹ доводилъ Александра *отъ Рима* до *Оксана* (сл. нашъ № 7) — и затѣмъ, вѣроятно, въ *Египетъ* (сл. № 7* нашей схемы для сербск. Александріи); въ эти границы редакторъ C включилъ цѣлый эпизодъ изъ B, заставивъ Александра побывать въ Македоніи, Азіи и *снова въ Римъ*, и затѣмъ уже въ *Египтъ*. Здѣсь C¹ и B снова сходились: но тогда какъ въ первомъ (сл. сербск. текстъ, № 7*) дѣло шло лишь объ основаніи Александріи, C, слѣдуя B, помѣщаемъ цѣликомъ весь египетскій эпизодъ романа (основаніе Александріи, статуи Нектанеба въ Мемфисѣ и т. д.), говоритъ о взятіи Тира — и, снова обращаясь къ C¹, сообщаетъ, согласно съ сербской Александріей, объ основаніи новыхъ городовъ (Никаторіи = Селевкіи и Антіохіи). — Послѣ этого ряда совпаденій C и сербской Александріи, вмѣнимыхъ C¹, сербскій пересказъ представляетъ два лишнихъ

эпизода: о Троѣ и о военныхъ приготовленіяхъ Александра. Первый реторически развиваетъ, что̀ въ текстахъ Псевдокаллисѳена разсказано лишь позднѣе; имѣемъ-ли мы право, при разногласіи С и серб. сп., вмѣнить это пріуроченіе тексту C^1? Замѣчу во всякомъ случаѣ, что въ слѣдующемъ далѣе (сл. нашъ № 9) второмъ посланіи Дарія, онъ говоритъ Александру: С, I, 36: ἐπὶ τὴν Ἀσίαν καὶ Φρυγίαν ἐπέβης, сербск. сп.: на Асию и на *Придию* (вар. Аф'рикію); Александръ, стало-быть, уже былъ во Фригіи? Можно было-бы разумѣть Фригію въ С, I, 28 — но это упоминаніе относится къ вставкѣ изъ В (сл. нашъ № b), и въ ней Фригія — просто упоминается, между тѣмъ какъ посланіе Дарія особливо на него налегаетъ: Азія и — Фригія. — Можетъ быть, это даетъ поводъ заключѝть что и въ C^1 эпизодъ о Фригіи и Троѣ стоялъ на томъ-же мѣстѣ, какое онъ занимаетъ въ сербск. Александріи, хотя, вѣроятно, не въ томъ-же текстѣ.

Что автору Hist. de preliis могъ быть знакомъ какой-нибудь текстъ C^1 — это мы предположили выше по поводу его Халкедона = сербск. Кархидона (см. стр. 176 слѣд.). Присоединю къ этому и еще одно указаніе: въ сербск. романѣ Александръ строитъ Александрію, пока его сподвижники основываютъ въ Сиріи другіе города; дождавшись ихъ и войска Птоломея и Филона, онъ переправляется съ ними въ Азію. Сл. Kinzel, l. c., p. 11: Александръ строитъ Александрію; et dedit comitatum militibus suis ut irent ad Scalonam (вар. Ascalonam) et expectarent eum; — Подчинивъ Египетъ онъ «accepta milicia perrexit Siriam». См. Zingerle, l. c., стр. 148.

Слѣдующій отдѣлъ сербской Александріи (Нов. кн. II, стр. 46 слѣд. = Jag. стр. 254 слѣд.) вводитъ насъ въ разсказъ о войнахъ Александра противъ Дарія. Прежде чѣмъ перейти къ сравнительному разбору этой части текста, что̀ потребуетъ подробныхъ сближеній, мы изложимъ въ общихъ чертахъ ея планъ и послѣдовательность и опредѣлимъ ея спеціальный источникъ.

———

II.

ПСЕВДОКАЛЛИСѲЕНЪ С, II, 23 И СЛѢД. И ПЛАНЪ СЕРБСКОЙ АЛЕКСАНДРІИ.

Такимъ оригиналомъ представляется мнѣ какая-то редакція посланія Александра къ Олимпіадѣ и Аристотелю, отвѣчающая Pseudocall. C, II, гл. 23 и слѣд., только лишенная эпистолярной формы. Послѣдовательность въ соотвѣтствующемъ эпизодѣ Псевдокаллисѳена такая:

1. *Пораженіе и смерть Дарія;* женитьба Александра на Роксанѣ. Онъ велитъ *Селевку* собрать персидское войско и, соединивъ его съ македонскимъ, идетъ на Египетъ (гл. 23).

2. Мирное вшествіе Александра въ *Іерусалимъ* (гл. 24).

3. Александръ въ *Египтѣ* (гл. 25—28).

4. Покоривъ знаемый міръ, онъ отправляется въ *незнаемыя страны*. Его встрѣчи:

a) Исполинскія волосатыя жены и гигантскіе муравьи (гл. 29).

b) Рѣка, три дня текущая водой, три дня пескомъ (гл. 30). Александръ называетъ ее Ἀμόρρους; это — Самбатіонъ талмудическихъ легендъ; мы встрѣтимъ ее у Эльдада (сл. далѣе нашу гл. V); древняя редакція эпистоліи Пресвитера Іоанна помѣщаетъ въ Индіи «fluvium . . . lapidum», за которой обитаютъ «X tribus Judaeorum».

c) За песчаною рѣкой Александръ «κόσμον ἄλλον κατέλαβε».— Встрѣча съ малорослымъ мирнымъ народцемъ, ростомъ [οὐχὶ

ἀλλὰ] πῆχυν τε καὶ ἥμισυ. — Озеро со статуей Сезонхоса космократора и надписью на ней, что досюда доходилъ Сезонхосъ, но не могъ проникнуть далѣе (гл. 31).

d) Александръ идетъ далѣе, направляясь *κατὰ τὴν ἅμαξαν τοῦ πόλου*. Въ лѣсу Ἀνάφαντος живутъ великаны, въ 24 аршина ростомъ. — Македоняне нападаютъ на нихъ съ крикомъ и трубнымъ звукомъ и прогоняютъ, при взаимныхъ потеряхъ (гл. 32). — Позднѣе встрѣчаются голые, черные, волосатые люди, спавшіе на камняхъ. Къ одному изъ нихъ подводятъ красивую дѣвушку; онъ принимается пожирать ее, и когда ее у него отняли, убѣгаетъ съ лаемъ. Его товарищи, напавшіе на войско съ камнями и дреколіемъ, прогнаны огнемъ. Македоняне просятъ Александра вернуться; онъ говоритъ: *οὐκ ἐμὸν τὸ ἀντιστρέφεσθαι, ἀλλα τῇ τύχῃ δοτόν* (гл. 33).

e) Статуи Геракла и Семирамиды и запустѣлый дворецъ послѣдней. — Встрѣча съ шестирукими и шестиногими людьми и кинокефалами. — Громадный ракъ, вышедшій изъ моря, уноситъ палую лошадь; ночью Македоняне защищаютъ свой лагерь отъ морскихъ чудовищъ, разведя огни (гл. 34).

5. Александръ приходитъ къ морю; въ шести стадіяхъ отъ берега лежитъ *островъ брахмановъ* или Оксидраковъ. Сначала отправляется туда Филонъ, потомъ Александръ (гл. 35). — Редакція С разсказываетъ здѣсь о посѣщеніи Александромъ брахмановъ и его бесѣдѣ съ Дандаміемъ, что̀ другіе пересказы относятъ къ слѣдующей книгѣ III, гл. 5 и слѣд.

6. Вернувшись отъ брахмановъ, Александръ идетъ далѣе, къ чудесной рѣкѣ, на берегу которой выростали съ восходомъ солнца деревья, ростя до шестаго часу, и затѣмъ, убавляясь постепенно, исчезали (сл. далѣе, въ гл. V-й, чудесно выростающія деревья въ Хожденіи Зосимы). — Въ рѣкѣ находились черные камни; кто ихъ касался, чернѣлъ; были тамъ змѣи и рыбы, варившіяся не въ кипяткѣ, а въ холодной водѣ; птицы, изъ которыхъ исходило пламя, когда къ нимъ прикасались (гл. 36). — На дальнѣйшемъ пути дневной свѣтъ постоянно уменьшается: встрѣ-

чаются диковинные звѣри о шести ногахъ, о трехъ и пяти глазахъ, величиною въ десять локтей; другіе, похожіе на онагровъ, величиною въ двадцать локтей, съ шестью глазами, изъ которыхъ лишь два были зрячіе; кинокефалы и морскія чудовища (гл. 37).

7. Войско идетъ по безлюдной пустынѣ, гдѣ не видать ничего, кромѣ неба и земли, въ полной темнотѣ. Остановившись у морскаго берега, Александръ хочетъ переправиться на островъ, откуда слышна греческая рѣчь, но людей не видно (Лейденская рукопись Псевдокаллисоена: слышится стихотворное привѣтствіе сыну Филиппа, происшедшему отъ египетскаго сѣмени, исполнившему предзнаменованіе, лежавшее въ его имени). Воины, пытавшіеся перебраться на островъ вплавь, унесены раками; устрашенный Александръ возвращается вспять [Слѣдуетъ разсказъ о попыткѣ Александра извѣдать морскую глубину] (гл. 38)[1].

8. Александръ велитъ перекинуть мостъ черезъ одну лощину (φάραγξ) съ надписью: ἐνθάδε Ἀλέξανδρος εἰσελθὼν ἤγειρεν ἁψῖδα, ἐν ᾗ πανστρατὶ διαβὰς, ἄκρας θέλων γαίας καταλαβεῖν, ὡς τῇ προνοίᾳ ἔδοξε. Они приходятъ въ страну, гдѣ не свѣтитъ солнце: ἐκεῖ οὖν ἐστὶν ἡ καλουμένη μακάρων χώρα. Съ немногими спутниками онъ идетъ развѣдать страну, взявъ съ собою, по совѣту одного старика, кобылицъ (B ослицъ; въ Лейденскомъ текстѣ Pseudocall. соединены оба варьянта: ἵππους θηλίους, καὶ ἐν ἑτέρῳ λόγῳ ὄνους θηλίας), жеребята которыхъ остались въ лагерѣ. — Идя въ темнотѣ εἶδον τινὰ τόπον, καὶ ἦν ἐν αὐτῷ πηγὴ διαυγὴς, ἧς τὸ ὕδωρ ἤστραπτεν ὡς ἀστραπή· ἦν δὲ ὁ ἀὴρ ἐκεῖνος εὐώδης καὶ πάνυ γλυκύτατος. Александръ хочетъ ѣсть: его поваръ Андрей, собираясь готовить, намѣревается омыть сушеную рыбу въ свѣтломъ источникѣ, но рыба, оживъ, ускользаетъ отъ него. Онъ никому не говоритъ объ этомъ чудѣ, а воды набралъ съ собою въ сосудъ (гл. 39). Въ теченіе нѣкотораго времени не видать ни солнца, ни луны, ни звѣздъ. Двѣ птицы съ человѣческими лицами

---

[1]) Что поставлено въ скобкахъ относится къ эпизодамъ, не находящимся въ соотвѣтствующей части сербской Александріи.

вѣщаютъ Александру: Ἡ χώρα ἣν πατεῖς, Ἀλέξανδρε, τοῦ θεοῦ μόνου ἐστίν. ἀνάστρεφε δείλαιε· μακάρων χώραν πατεῖν οὐ δυνήσῃ. Ἀνάστρεψον οὖν, ἄνθρωπε, καὶ τὴν δεδομένην σου γῆν πάτει, καὶ μὴ κόπους πάρεχε σεαυτῷ.... Ἐκκαλεῖ σε ἡ ἀνατολὴ, Ἀλέξανδρε, καὶ ἡ Πώρου βασιλεία νίκῃ ὑποταχθήσεταί σου.

Слѣдуя совѣту старика и Александра, воины берутъ съ собою все, что̀ находятъ на землѣ: камни, куски земли. По нѣкоторомъ времени они выходятъ изъ области тьмы, руководясь ржаніемъ жеребятъ, оставшихся въ станѣ и отвѣчавшихъ кобылицамъ (гл. 40). — Кто захватилъ что-либо съ собою, увидѣлъ, что его находка была чистое золото[1]). [Поваръ говоритъ о видѣнномъ имъ чудѣ, но не о захваченной имъ съ собою живой водѣ, которую онъ даетъ Калѣ, побочной дочери Александра отъ Уны. Узнавъ о томъ, Александръ завидуетъ ихъ безсмертію, дочь изгоняетъ, а Андрея велитъ бросить въ море, навязавъ на шею камень. Она становится нереидой, онъ — морскимъ демономъ. — Ὁ δὲ Ἀλέξανδρος ὑπέλαβε διὰ τῶν σημείων τούτων ἐκεῖσε εἶναι τὰ ἄκρα τῆς γῆς· ὡς δὲ ἔφθασαν εἰς τὴν ἀψῖδα ἣν ἔκτισεν Ἀλέξανδρος, ἔγραψεν πάλιν ἐν αὐτῇ οὕτω διὰ γλυφίδος· «Οἱ βουλόμενοι εἰσελθεῖν ἐν τῇ τῶν μακάρων χώρᾳ, δεξιᾷ πορευέσθωσαν». — Слѣдуетъ разсказъ о попыткѣ Александра извѣдать небесную высоту; птица, съ человѣкоподобнымъ лицомъ, велитъ ему вернуться на землю; двѣ другихъ птицы говорятъ, что кто пойдетъ на право, увидитъ много чудеснаго. Такъ Александръ и сдѣлалъ] (гл. 41).

---

[1]) Въ армянской статьѣ о драгоцѣнныхъ камняхъ разсказывается, что когда Александръ отправился въ Темную страну, то у подошвы одной горы подкова его лошади стукнула обо что-то. Онъ спросилъ: «Что это такое?» Мудрецы, бывшіе при немъ, сказали: «Это алмазъ, который происходитъ отъ росы небесной.... за этою горой есть песчаная равнина, полная алмазовъ, но не населенная никѣмъ, кромѣ птицъ». Способъ ихъ добычи, указанный мудрецами, тотъ же, что у Марко Поло III, с. 19 (о добычѣ алмазовъ въ царствѣ Мутфили), въ 1001 ночи (77 ночь: разсказъ Синдбада); у Геродота (III, CXI) тѣмъ же способомъ добывается Арабами корица, въ русскомъ Азбуковникѣ — іакинфъ. Сл. Патканов ъ, Драгоцѣнные камни, ихъ названія и свойства по понятіямъ Армянъ въ XVII вѣкѣ (СПБ. 1873), стр. 2—3 и 8, прим. 7.

9. Онъ приходитъ къ озеру, въ которомъ вода была сладка, какъ медъ; въ рыбѣ, выскочившей изъ воды, находятъ — камень-самосвѣтъ, который Александръ велитъ оправить въ золото; по ночамъ онъ служитъ ему вмѣсто свѣточа [1]). — Ночью изъ озера выходятъ женщины, которыя сладко поютъ. — Встрѣча и борьба съ гиппокентаврами. — Послѣ шестидесятидневнаго пути войско Александра τὴν οἰκουμένην κατέλαβεν (гл. 42). — [въ гл. 43 помѣщено письмо Александра къ Олимпіадѣ, вкратцѣ повторяющее гл. 23—42].

10. Александръ отправляется въ походъ противъ Пора. Въ странѣ и городѣ Геліоса оракулъ Аполлона, подъ священными деревьями, вѣщаетъ ему о его близкой смерти. — Встрѣча съ малорослыми людьми, одноногими, съ овечьими хвостами; нѣкоторые изъ нихъ пойманы и отпущены на свободу. Издали они начинаютъ издѣваться надъ Александромъ, что такой неразумный человѣкъ не достоинъ сражаться съ ними и не въ силахъ ихъ побѣдить. Александръ посмѣялся этой выходкѣ, въ первый разъ послѣ того, какъ ему было пророчество о его смерти (гл. 44). — Компилятивный характеръ С и здѣсь сказался дублетомъ: въ третьей книгѣ Псевдокаллисѳена редакція AVB помѣщаетъ послѣ смерти Пора эпизодъ о брахманахъ (гл. 5—16), а AV, непосредственно за тѣмъ, Посланіе Александра къ Аристотелю о чудесахъ Индіи. Текстъ С, говорившій о брахманахъ въ другомъ мѣстѣ (С, II, за 35 главой), опускаетъ и Посланіе, но прихватилъ послѣдній его эпизодъ (сл. изданіе Müller'а, стр. 123): о деревьяхъ солнца и луны, вѣщающихъ Александрову кончину. Такимъ образомъ С представляетъ такую комбинацію: передъ походомъ противъ Пора оракулъ Аполлона подъ священными *деревьями* вѣщаетъ смерть Александру (С, гл. 44 = C^1); слѣ-

---

[1]) Въ поэмѣ о Ротерѣ (ед. Rückert, v. 4952 и слѣд.) описывается такой-же камень-самоцвѣтъ, принесенный Александромъ изъ чужой земли (von vremideme lande), куда ни прежде, ни послѣ его не заходила ни одна христіанская душа. Названіе тому камню: Claugestian. Сл. Zacher, Zur Basler Alexanderhandschrift, въ Zs. für deutsche Philol. X, стр. 109—110.

дуетъ походъ и пораженіе Пора — и новое вѣщаніе *деревьевъ* (= АВ III, 17).

Содержаніе всего этого эпизода воспроизведено въ сербской Александріи, съ двумя главными отмѣнами. Одна изъ нихъ касается эпизода о брахманахъ, который будетъ разсмотрѣнъ нами особо (сл. гл. IV); другая — маршрута Александра: тогда какъ Pseudocall. C ведетъ его послѣ смерти Дарія въ Іерусалимъ и Египетъ, сербскій текстъ заставляетъ его начать свой путь съ Іерусалима и Египта и затѣмъ уже сражаться съ Даріемъ и Крезомъ. Значеніе этого плана выяснится намъ впослѣдствіи; но я укажу теперь же на одну интересную непослѣдовательность сербскаго текста, раскрывающую намъ, что въ одномъ изъ его источниковъ распорядокъ представлялся именно такой, какой является у Pseudocall. C. Въ кн. III, гл. 2 (Новаковичъ) Александръ пишетъ матери о своихъ подвигахъ, содержаніе которыхъ было разсказано передъ тѣмъ подробно: тамъ Александръ начиналъ свое побѣдное шествіе съ Іерусалима, здѣсь — съ побѣды надъ Даріемъ. Привожу текстъ посланія, для того, чтобы облегчить его сравненіе съ слѣдующимъ подробнымъ разборомъ соотвѣтствующаго отдѣла романа, напомнивъ предварительно (сл. выше стр. 134—5), что этого посланія нѣтъ ни въ вѣнской Александріи, ни въ греческой народной книгѣ.

«Вѣсте бо ѩкоже прѣжде писасмо, како Пер'сид'ско царство прѣкхомь и цара ихь Дарию оубихомь, и дьштерь кго себѣ женоу оузехомь, и вь коупѣ Макєдонию сь Пер'си ськдинихь. И тако сихь вьсъхь ськдинихь, и вь Іеросалимь пріидохь. Людик же града того бога великаго нѣкокго имѣюште; и обрѣтохь сего азь силнѣиша паче богь нашихь. Видѣхь и поклонихь се кмоу, и вѣровахь вь нь. Име кмоу ксть свєть Господь Саваоѳь, невидимь же ксть сь чловѣчьскыма очима, нь оумомь оубо тьчию кдинємь кдва довѣдомь кєть. [И оть тоудоу вьстахь, вь Егупьть придохь; и тоу цара єгупьтьскаго стльпь обрєтохь, иже царство свок оставивь, и вь чоуждоу отбєгь бєше землоу (= Нектенавъ); имѣк разоумь, да разоумєєть. И тоу вьселѣньскє богє похоуливь,

и серафими славимаго прославихь Саваоѳа бога, сего помоштию ороужавь се на вьсточноу краи земле оустрьмихь се. И мѣста многа прѣшьдь ноуждна и оусильна, гори непроходние и пола непрѣзрима, и до дивихь чловѣкь доидохь, иже некогда Сьньхоса раз'бише, цара великаго и сильнаго. И тоу образь Сьньхоса царя обретохь на стльпе висоце, оу злате изьваянь беше. На томь стльпе о раз'бои его оуписано беше, како его раз'бише диви човецн]. И оть тоудоу вьставь сь вои своими и лоугове тьмне прѣидохь, и блата великаа прѣидохь и рѣкоу великоу прѣшьдь, юже ширина дьнь хода, и тако до царства Ираклiина и Се(ми)рамиде царице. И образѣ ихь на стльпѣ высоцѣ оть злата сьтворень бѣше. И оть тоудоу кь вьстокоу шьствіе творе, человѣкы многоразликыю раз'ликоую, обрѣтохь шестороуке и шестоногыю и звѣры и жени, ихьже писати не вьзмогохь кь вамь. Тако кь макарон'скыимь отокомь пріидохь, и вь них вьшьдь, богы наше тамо искахь видѣти. И много вьпрашахь и никдиного оть ихь обрѣтохь; нь паче макарон'скыи царь вьз'вѣсти мнѣ сь клетвою глаголю: ꙗко кл'лин'сціи бози вь дол'нюшихь свезан'ни соуть оть в'сѣхь бога Саваоѳа. И отоке ихь прѣшьдь, и мѣсто нѣкою оугледахь, идеже прѣотьць нашь Адамь жиль бѣше, иже наричеть се Іедѣмь, вь немь же богь раи насади на вьстоцѣ. Тоу мене два чловѣкообраз'на птикы срѣтоста, и кь мнѣ рекоше: Алексен'дре цароу, не кь томоу кь раю иди; не имаши бо юго видѣти, плам'но бо ороужію стрѣжеть юго, и опалити те имать. И се слышавь, вь вьселюн'ноу вьз'вратихь се, и не оумѣюште опеть вь вьселюн'ноу ити, и рѣкамь послѣдовахь .д.—имь, иже оть раꙗ вь вьселюн'ноую текоуть, и на десноу страноу шьствию творе, за годиште вь вьселюн'ноу изыдохь, и на землю ин'діиского цара Пора доидохь, и рать сь нимь сьтворити имамо, ꙗко скорою сьтворить се божію повелѣнію».

Сообщенная нами эпистолія сохранила, очевидно, въ краткихъ чертахъ, содержаніе и *распорядокъ* того древняго текста, которымъ воспользовался редакторъ сербской рецензіи для разсказа о подвигахъ Александра. Передавая въ извлеченіи этотъ

разсказъ, непосредственно примыкающій къ содержанію, пересказанному въ предъидущей главѣ, я удерживаю, для удобства сравненія, распредѣленіе, принятое мною при передачѣ соотвѣтствующаго эпизода Псевдокаллисѳена С.

1. Мирное вшествіе Александра въ Іерусалимъ (Новаковичъ, II, гл. 1); сл. § 2 въ моей схемѣ Псевдокаллисѳена и далѣе VII-ю главу.

2. Александръ въ Египтѣ (Новаковичъ, II, гл. 2—4); сл. § 3 моей схемы.

3. Война съ Даріемъ, его пораженіе и смерть; женидьба Александра на Роксанѣ; оставивъ въ Персіи Селевка (Нов. II, гл. 5—16) онъ «самь на лидон'ског царa на Криса поиде», котораго и побѣждаетъ, а сокровища его раздаетъ войску (Нов. II, гл. 17). Сл. § 1-й моей схемы. Объ этомъ и предъидущемъ параграфѣ сл. далѣе гл. III.

4. «И тако на десноу страноу вьстока поиде, и в'се ѩзыке прикмь до краи землѥ доиде». Его встрѣчи:

a) Косматыя исполинскія жены (Нов. II, гл. 17) и чудовищные муравьи (Нов. II, гл. 18). Сл. тотъ-же § схемы; греч. нар. кн. стр. 108.

b) «И оть тоудоу на рѣкоу дошьдь, ꙗже ширина бѣше ꙗко дьнь хода. И тоу Алексен'дрь вь недоумѣниѥ вьпаде, мостове на рѣцѣ тои сьтворити повеле» (Нов. II, гл. 18); сл. тотъ-же § моей схемы; греч. нар. кн. тамъ-же.

c) «Людиѥ .... колико лакьть велици .... питици же нарипахоу се». Озеро, статуя Сезонхоза и надпись: «Чловѣче, аште к'то хоштеть на вьстокь поити, до здѣ дошьдь, опеть се врати, [не кь томоу и оноуге имаши поити]. Азь бо ѥсьмь Сьн'хось, иже свѣмоу свѣтоу быхь царь. И краи землѥ вьсхотѣхь видѣти, и сь воискою великою на сиѥ полѥ доидохь. И вьсташе на ме диви чловѣци, и всоу мою воискоу раз'бише, и мене на семь полю оубише». Нов. II, гл. 19, сл. III, гл. 12. Сл. тотъ-же § схемы и Pseudocall. III, C. гл. 21; греч. нар. кн. стр. 108—110. Рум. нар. кн. стр. 62, въ отличіе отъ слав. и греч. текстовъ,

заставляетъ питиковъ жаловаться Александру: «авем невое де кокорі, къ віи ла ної ші не мънѫнкъ поамеле, храна ноастръ, ші не батем кѹ ей, чі ѹне оара не бат ей, алте орї ⱡї батем ної»: вліяніе разсказа о битвахъ пигмеевъ съ журавлями [1]). — Начиная съ эпизода о статуѣ Сезонхоса мы можемъ пользоваться для сравненія румынской Александріей, по списку 1620 года, отрывки которой напечатаны были Віани [2]). Надпись Сезонхоса здѣсь гласитъ: «еѹ Санхос ⱡпърат лѹмю лоуме тоть. ши *врѹю съ възь ши раюл*.... ши чине ва вре... сь маргь *ла рай* ши пьнь аича сь винь, иэрь де ича сь сь ⱡнторкь ⱡнапои, кь ва пери» (стр. 445—6; сл. рум. нар. кн. стр. 62). Слав. текстъ говоритъ въ первомъ случаѣ о *«краи землю»*, во второмъ: «Човече, аште к'то хоштеть на *въстокь* поити, до здѣ дошьдь, опеть се врати»; греч. нар. кн. *τὴν ἄκραν τῆς γῆς; εἴ τις ἔλθῃ ἕως ἐδῶ, πλέον ἐμπρὸς νὰ μὴν ὑπάγῃ*.

d) «Люди .... страшни видѣникмь, и два сеж'нѥ оубо дльзи, кос'мати же в'си». Они не нападаютъ на Македонянъ, «лоукаво на воискоу погледоуюште. И оубоѩвь се Алексеи'дрь, рече: Сіи соуть людиѥ, иже Сьнхоса нѣкогда разбише». Къ одному изъ нихъ подводятъ жену; онъ начинаетъ ее пожирать, ее отнимаютъ; «онь же гласомь великмь вресноувь, женоу поусти. Глась же кго оуслышав'ше дивіи моужіѥ, толико ихь наѩха много множьство на воискоу, ѥлико числа не бѣше; дрѣвикмь бо и каменикмь воиникы биѩхоу». Македоняне просятъ Александра: «до волѥ намь всоу зем'лю прикм'ше, починоути даи мало». Александръ успокоиваетъ ихъ: «не кь томоу вы маломошт'ни боудете, вьсь бо

---

[1]) Въ русскихъ спискахъ Александріи эти *питици* обратились въ *птиць* и изображаются съ птичьими головами. Сл. Буслаевъ. Очерки. II, стр. 371 и соотвѣтствующее изображеніе; ркп. Хлудовскаго сборника, № 249 (XVII в.). л. 163.

[2]) Сл. Columna lui Traian, Noua serie. anulu IV (1884), стр. 445 слѣд. — Въ дополненіе къ сказанному выше стр. 136, прим. 2 замѣтимъ, что первое печатное изданіе румынской Александріи относится не къ 1797, а 1796 году и вышло въ Могилевѣ. Сл. Pop, Disertatie despre tipografiile romînesti in Transilvania, Sibiu, 1828, p. 90 (у Picot. Rev. crit. 1885 г. № 34. стр. 144).

свѣть прием'ше, и на кон'ць идемь, и приспѣсмо; скоро вь зем'лю нашоу вьз'вратити се имамо» (Нов. II, гл. 20; такъ, съ отмѣнами, и въ соотвѣтствующемъ § моей схемы). Сл. греч. нар. кн. стр. 110—12; Bianu, l. c. стр. 446—8.

e) Статуи Праклія и Семирамиды: «дворове поусте Праклиеве»; шестирукіе и шестиногіе люди; псоглавые; чудовищные раки (Нов. II, гл. 21; сл. тотъ-же § схемы). Греч. нар. кн. стр. 112—113: статуи τοῦ Ἡρακλέους и τῆς Σεβίρας: Bianu. 448: Араклие, Сьрамида. Текстъ Bianu и рум. нар. кн. 64 опустили здѣсь всѣ остальныя встрѣчи Александра до «нагомудрецовъ», вторая совсѣмъ, первый перенеся ихъ (по ошибкѣ) непосредственно послѣ эпизода о нагомудрецахъ (шестирукіе и шестиногіе люди; псоглавые, чудовищные раки). Сл. Bianu, l. c. стр. 451—2.

5. (Нагомудрецы), 6 (чудныя встрѣчи), 7 (блаженные) Нов. II, гл. 22—27 — отвѣчаютъ, приблизительно, содержанію соотвѣтствующихъ №№ моей схемы. Обо всемъ этомъ эпизодѣ см. IV-ю главу.

8. Возвращаясь отъ блаженныхъ, Александръ «вь вьселен'ноу идоше, на десноу страноу сь вьстока оустрьми се, и прѣшьдьше л. дьни, прѣровь дльбокь на поли томь обрѣте. И сего прѣити не могы, камароу на немь зиданоу сьтвори, и тоу воискоу свою прѣведь в'соу», велитъ написать на мосту: «Алексен'дрь царь на краи земле дошьдь, и по сиеи камаре высокои прѣиде сь в'сою воискою своею, и тоу .д. дьни ходивь, до тьм'не земле доиде» (Нов. II, гл. 28). — «И тоу оубо сь изьбран'ними Македони на кобилахь вьсѣд'ше, имѣюште ждрѣбо'це, и ждрѣбо'це ихь на становехь оставише, они же вь тьм'ноу землю выидоше». Кто вынесъ оттуда земли, камень или дерево — все то очутилось золотомъ, жемчугомъ, драгоцѣннымъ камнемъ (гл. 29). Двѣ птицы съ человѣкообразными лицами говорятъ Александру: «Алексен'дре цароу, по что божіа гнѣва коснoути се хоштеши, и вь поустыхь кьсниши земляхь? Нь походи, не крьмаи; чека бо те Индіа и Форово велико господ'ство, еже пришьдь, раздроушити имаши.

И див'лешаа прьвихь оузрпши. И .s. дьнь прѣшьдь, кзеро нѣкокго доидоше, и тоу станомь своимь ста, и кести начеше искати. Магкрь же Алексен'дровь рибп соухи вь блатѣ томь омити понесе. кгда же ихь ок'васи, тог'да они ожпвеше и[оу] кзеро оутекоше. Алексен'дрь же, сик слышавь, подиви се, и вопсцѣ в'сои окоупати се рече. И кони и в'си окоупав'ше се, з'драви и крѣп'ци бише» (гл. 30). Сл. греч. нар. кн. стр. 121—3 и № 8 схемы.

Отличія сербскаго текста отъ Pseudocall. C, въ эпизодѣ о водѣ безсмертія, поддерживаются отчасти другими источниками. Во французскомъ романѣ (ed. Michelant. стр. 332 слѣд.) какіе-то старцы говорятъ Александру о трехъ чудесныхъ источникахъ: кто искупается въ одномъ — помолодѣетъ (fontaine de jouvence), кто въ другомъ, видимомъ лишь однажды въ году, получитъ безсмертіе (источникъ безсмертія); сила третьяго источника такова, что если покойникъ пролежитъ четыре дня возлѣ него и его тѣло будетъ вспрыснуто его водою, онъ воскреснетъ (источникъ съ «живой» водою). Въ первомъ купается Александрова дружина и молодѣетъ (стр. 348 слѣд.); источникъ безсмертія находитъ какой-то Македонянинъ Enoc и, не предупредивъ Александра, самъ погружается въ него; въ наказаніе за это Александръ велитъ замуровать его въ столбъ, гдѣ ему приходится до конца дней оплакивать свое безсмертіе (р. 335). Что до источника съ живой водой, то о немъ разсказывается (р. 334) извѣстная легенда о поварѣ и рыбахъ. Передавая её, оригиналъ сербскаго текста очевидно забылъ его спеціальное назначеніе: оживлять, перенеся на него дѣйствіе какой-то fontaine de jouvence, которую румынскій текстъ, въ отличіе отъ всѣхъ другихъ, помѣстилъ въ странѣ нагомудрецовъ. Въ соотвѣтствующемъ эпизодѣ Pseudocall. C (сл. выше, стр. 222) можно предположить подобное-же смѣшеніе: рыбы, погруженныя въ воду, *оживаютъ*, а поваръ Александра и его побочная дочь, Кала, отвѣдавъ ея, становятся *безсмертными*. Въ соотвѣтствующемъ болгарскомъ разсказѣ, напечатанномъ мною (Archiv f. slav.

Phil. I, 608—11) Калѣ отвѣчаетъ безъименная дочь Александра, въ народномъ болгарскомъ преданіи у Миладиновыхъ — его сестра (l. c. стр. 608); въ словинской легендѣ нѣчто подобное разсказывается о сестрѣ Соломона, Sěmbilja'ѣ = Сивиллѣ, только источникъ безсмертія сталъ источникомъ вѣщаго знанія: «Bog je pravil enkrat Solomonu, da naj gre, ako hoče biti najmodrejši, na oni vrt k studencu ter naj pije in se naj umije s studenčnico. Sěmbilja pa je to skrivaj slisàla, in sató je prehitela svojega brata ter se napila in umila s studenčnico; zatorej je bila modrejsà od Solomona»[1]. — Отмѣтимъ, наконецъ, соотвѣтствующій эпизодъ въ восточныхъ Александріяхъ: у Фирдуси Александръ отправляется вмѣстѣ съ Хисромъ (Ильей) за область мрака, къ источнику безсмертія: достигнувъ его, Хисръ погружается въ его воды, купаетъ коня, и возблагодаривъ Бога, подаетъ чашу воды и Александру, но невидимый голосъ предупреждаетъ его не пить и указываетъ на бѣдствія старости, неустранимыя при безсмертіи. Александръ отказывается отъ напитка. Такъ и у Низами, съ тою разницею, что Хисръ и его конь успѣли выкупаться и напиться воды въ источникѣ, который исчезаетъ изъ глазъ, когда подходитъ Александръ. Вслѣдъ за этой легендой Низами сообщаетъ намъ ея греческую и арабскую версіи: по первой Илья и Хисръ находятъ источникъ, въ которомъ оживаетъ опущенная туда соленая рыба, и искупавшись въ немъ, становятся безсмертными: по второй источникъ найденъ Ильей и Хисромъ, а Александръ ищетъ его въ теченіи сорока дней, пока Серошъ не предупреждаетъ его о тщетѣ его поисковъ; онъ подаетъ ему небольшой камень: пусть поищетъ въ Каабѣ что-нибудь равное ему по вѣсу. — Это извѣстный разсказъ о *камнѣ* (= черепѣ—ненасытномъ глазѣ), съ которымъ мы познакомимся далѣе изъ Iter ad Paradisum. Интересно встрѣтить въ Pseudocall. C. вслѣдъ за эпизодомъ

---

[1]) Сл. Kres, 1882 г., стр. 577: Narodno blagó s Tolminskega, priobčil J. Fonovsky: Sv. Sèmbilja. Сл. мою замѣтку въ Archiv f. slav. Philol. VIII, 330: Sèmbilja = Sibylla.

о водѣ безсмертія (II, 41), упоминаніе *«камня самосвѣта»* (II, 42) [1].

9. Александръ подходитъ къ озеру, въ которомъ вода «слад'ка бѣ, ꙗко захарь»; камень-самосвѣтъ, найденный въ рыбѣ; его носятъ передъ войскомъ на копьѣ (εἰς τὸ φλάμπουρον του) «мѣсто лоучева фаноса» (ὡσὰν φανάρι); жены, выходящія изъ озера и поющія дивными голосами (ὡς φαίνεται ἐκεῖναι ἦτον αἱ Νερεΐδες, ὁποῦ ἀκούομεν τώρα εἰς τὰς ἱστορίας) [2]; встрѣча съ исполинами: «одь поꙗса горѣ чловѣкь, а одь поуп'ка же долоу конь». Нѣкоторые изъ нихъ попадаютъ въ плѣнъ хитростью; «толико бо они брьзи бѣхоу, ꙗкоже имь ништо на зем'ли не оутецаше, и такови они стрѣл'ци бѣхоу, ꙗко ништо роуками своими не грѣшахоу. И симь Алексен'дрь ороужіа сьтвори, и стрѣле, и м'чеве наоучи ихь носити, и много ѥмоу на р'ванꙗхь поработаше. Да ѥгда ихь вь вьселѥн'ноу изведе, и вѣтроу стоуденоу на нихь дьх'ноув'шоу, и тако в'си помрѣше. Алексен'дрь же .р. дьни прѣшьдь, кь прѣдѣломь вьселѥн'скыимь приближисе» (Нов. II, гл. 31; греч. нар. кн. стр. 123—4; сл. № 9 схемы).

10. «И тоу вь сльньч'ныи градь приде, и вь сльньч'нѣмь градоу поклони се. Писаніа же тоу обрѣте, ꙗже о сьмрьти ѥго

---

[1]) Grion, I Fatti di Alessandro Magno, p. XCVII—XCIX; Donath, Die Alexandersage in Talmud und Midrasch (Fulda, 1873), стр. 34 слѣд. Сл. Spiegel. Die Alexandersage bei den Orientalen, стр. 29.

[2]) Въ русскихъ спискахъ этому эпизоду отвѣчаетъ, быть можетъ, встрѣча Александра съ Горгоніей (сл. Пыпинъ, Очеркъ, стр. 48; Буслаевъ, Очерки II, 371 и тамъ-же соотвѣтствующее изображеніе) «имущи же лице и перси и руки человѣчески, а нози и хвостъ имѣетъ аки у коня; на главѣ же ей за власъ мѣсто зміи имѣетъ и выросташе всякими лицы». Образъ, вѣроятно, наполовину навѣянный слѣдующей въ нашемъ текстѣ встрѣчей съ кентаврами, тогда какъ о Горгонѣ самой говорится, что она, подобно Сиренѣ, привлекала къ себѣ и животныхъ и людей. — Замѣчу, впрочемъ, въ Hist. de prel. пространной редакціи (Zingerle, p. 63 и 218 прим.) встрѣчу Александра съ mulieres, que dicuntur *lamie*, pulcras valde, capillos usque ad talos, pedes habentes equorum. То-же во французскомъ прозаическомъ романѣ объ Александрѣ, пересказанномъ Weissmann'омъ (Alexander, Gedicht des zwölften Jahrhundert, vom Pfaffen Lamprecht etc. Frankf. a. M. 1850, v. II, p. 397): *женщины о лошадиныхъ ногахъ.* Въ старопечатномъ текстѣ 1506 г. онѣ названы *iantres.*

вьзвѣштахоу». Встрѣча съ единоногими людьми, объ, «овчихъ опашахъ». Схваченные и отпущенные на свободу, они издали надсмѣхаются надъ Александромъ: «о безоум'ныи Алексен'дре, како всѣхь чловѣкь прѣмоудрѣи ѥси, а ми те прѣмоудрисмо! Како нась поусти? Месо наше слагѥ ѥсть паче вьсѣхь месь, коже же наше толико тврьди соуть, ꙗко никдно гвоздиѥ пробити ихь не можеть; благо же оу нась толико ѥсть, бисера и многоцѣн'нога каменіа, ѥмуже нѣсть числа (τὸ κουφάρι μας γέμει πολύτιμα λιθαρόπουλα καὶ χοντρὸν μαργαριτάρι, καὶ τὸ πετζί μας σίδηρον δὲν τὸ ἀπερνᾷ). Сіѥ же Алексен'дрь слышавь и радостьнь бывь, насмѣявь се рече: По истинѣ в'сака соѩ (ἄνθρωπος) оть ѥзыка своѥго погибаѥть. И се рекь, воисцѣ ороужати се повеле, и тако, оноу гороу обышьдь, и двѣ тисоушти оть нихь оухвативь (εὐθὺς ὥρισε, καὶ ἁρματώθησαν διακόσιαις χιλιάδες καβαλλαρέοι μὲ λαγωνικά, πάρδους καὶ ζαγάρια. Ἐτριγύρισαν ὅλον τὸ βουνον, ἀπόλυσαν τὰ ζαγάρια, τους πάρδους καὶ τὰ λαγωνικά, καὶ οὕτως ἐπίασαν τους....), и вь станове ихь приведь, коже имь одирати повеле. И толико имь месо слад'ко бѣше, ꙗко никдино месо таково. Месо же ихь Пер'сомь и Іегуп'теномь ꙗсти повелѣ, вь ложиштехь ихь толикои зеленога каменіа обрѣтоше, ѥмоуже числа не бѣше. И тако .ѕ. дьни прѣшьдьшоу на ин'діиске прѣдѣлѣ приспѣше. Тоу Алексен'дрь много смѣявь се: .ѕ. бо мѣсець имѣше не насмѣявь се; оть нелиже сьмрьть ѥмоу проповѣдаше, оть толе вьсег'да жалостьнь бѣше, и всакь бо чловѣкь прооувѣдаѥ сьмрьть свою жалостію радость замѣшаѥть» (Нов. II, гл. 32; греч. нар. кн. стр. 124—5; сл. соотвѣтствующій § схемы).

Таково распредѣленіе повѣствовательнаго матеріала въ доступныхъ мнѣ текстахъ сербской Александріи. Такъ было, вѣроятно, и въ ея подлинникѣ, и въ другомъ его отраженіи, представляемомъ ново-греческою народною книгой и ея сербскимъ и болгарскимъ переводами.—Только въ пештскомъ текстѣ сербской Александріи (Новак. l. c. p. X) эпизодъ о брахманахъ помѣщенъ послѣ борьбы съ Поромъ, стало быть какъ у Pseudocallisthenes A и B; вмѣсто Іефанта, Ифанта, Ἐυάγνθης, Evaинѳъ,

какъ названъ начальникъ нагомудрецовъ въ сербскомъ текстѣ и новогреческой и болгарской народной книгѣ — является, согласно съ Псевдокаллисоеномъ (= Палладіемъ), имя Дандамія. — Все это указываетъ либо на болѣе древнюю форму сербской (= греческой) редакціи (Новаковичъ, стр. XI), либо на позднѣйшее воздѣйствіе какого нибудь текста Псевдокаллисоена А В.

Для генеалогіи сербской Александріи интересно замѣтить, въ какихъ другихъ пересказахъ стараго романа встрѣчаются особенности ея плана, поставившаго эпизодъ Іерусалима передъ смертью Дарія. Въ старо-славянскомъ переводѣ Псевдокаллисоена по архивскому списку послѣдовательность такая: *Египетъ* (Тиръ, Газа и т. д.), *Іерусалимъ* (Іосифъ Флавій); *пораженіе Дарія:* посланіе Александра къ Олимпіадѣ, въ томъ-же текстѣ, начинаетъ упоминаніемъ о смерти Дарія и далѣе ведетъ Александра въ невѣдомыя страны. — Въ Эллинскомъ лѣтописцѣ, воспринявшемъ тотъ-же переводъ, порядокъ измѣненъ: *Іерусалимъ*, *Египетъ*, *пораженіе Дарія:* стало быть, какъ въ сербскомъ изводѣ, при полной независимости этого текста отъ предъидущаго. — Европейскія обработки Александровой саги восходятъ къ латинской передѣлкѣ Псевдокаллисоена, Historia de Preliis (X вѣка), и именно къ ея *пространной* редакціи [1]), уже давшей нѣсколько важныхъ параллелей къ нашему тексту—въ имени Артаксеркса, какъ противника Нектанеба (сл. выше, стр. 141) [2]), въ пріуроченіи эпизода о Букефалѣ (сл. выше, стр. 155) [3]), въ помѣщеніи Халкидона (= Кархидона) передъ Римомъ (сл. выше, стр. 176—178) [4]), наконецъ — въ введеніи Іерусалима въ такую послѣдовательность Александровыхъ походовъ: *Египетъ, Сирія, Іерусалимъ, Дарій* [5]).—Josippon [6]), пользовавшійся текстомъ Historia'и,

---

[1]) О ней сл. Zingerle, l. c., p. 22 слѣд.

[2]) l. c. ib. прим. 1.

[3]) l. c. стр. 28.

[4]) l. c. стр. 29.

[5]) l. c. стр. 23.

[6]) Josippon, sive Josephi Ben Gorionis Historiae Judaicae libri sex. Ex Hebraeo latine vertit Gagnier. Oxonii, 1706.

разсказываетъ въ lib. I, c. 5 о вступленіи Александра въ *Іерусалимъ*, подвластный Дарію; далѣе (lib. II, гл. 9), слѣдуя Historia'и, о походѣ въ Италію и *Африку* (Ливію, Варварію) и окончательномъ *пораженіи Дарія;* въ lib. II, c. 10 о попыткѣ Александра проникнуть черезъ область чудовищныхъ народовъ и животныхъ, къ *Рехавитамъ* (= рахманамъ) въ страну мрака; лишь въ слѣдующей главѣ (lib. II, c. 11) повѣсть переходитъ къ *Пору*. — Это почти послѣдовательность сербской Александріи: *Іерусалимъ*, *Египетъ*, *смерть Дарія*, *нагомудрецы*, *Поръ*.

Все это указываетъ на особую обработку Псевдокаллисѳена, типа $C = C^1$, чѣмъ и объяснилось бы согласіе плана въ независимыхъ другъ отъ друга передѣлкахъ романа.

III.

АЛЕКСАНДРЪ ВЪ ЕГИПТѢ. ВОЙНА СЪ ДАРІЕМЪ.

Мы видѣли, что сербская Александрія измѣнила послѣдовательности, въ которой посланіе Александра къ Олимпіадѣ и Аристотелю по Pseudocall. C разсказывало объ Александровомъ походѣ на Дарія, и измѣнила въ такомъ порядкѣ: 1) *Іерусалимъ* — 2) *Египетъ* — 3) *Дарій* — 4) *Невѣдомыя страны*. Помѣщеніе Іерусалима «во главѣ угла», точкой отправленія дальнѣйшихъ подвиговъ, обусловлено всѣмъ міросозерцаніемъ нашего текста, почему я и предпочитаю разобрать этотъ эпизодъ позднѣе, по разсмотрѣніи другихъ частностей. Начну съ — Египта и Дарія.

(Изъ Іерусалима) Александръ идетъ на Египетъ: Египтяне готовятся къ бою; «Алексен'дрь же воискамь рече рьвати градь крѣп'ко». Въ жаркую пору онъ купается въ холодномъ озерѣ и впадаетъ въ тяжкую болѣзнь. Его войско въ страхѣ и жалости, а Египтяне пишутъ врачу его Филиппу письмо: если онъ отравитъ Александра, то будетъ имъ царь. Получивъ это письмо, Филиппъ насмѣялся надъ нимъ и разорвалъ, а въ отвѣтъ написалъ такъ: «О безоум'ни и нес'мысльныи ослы Ѥгуп'тене! Аште царствію вашемоу похотель быхь, вь скорѣ мои господинь Алексен'дрь даль би ми иная, бол'шаа вашего, царствіа, ихь-же мьчемь своимь прѣятъ. Азь-же вьса сіа прѣзрѣхь, Алексен'дра же паче

изволихь имѣти, паче всѣхь царствіи земльныихь, вьсь бо мирь недостоинь ѥсть ѥдиного власа, падаюшта оть глави ѥго. Вѣдомо да ѥсть вамь, ѣко Алексен'дрь здравь ѥсть, нь оухыштрениѥ нѣкоѥ творить, ѣко да искоусить ваше невѣр'ствиѥ, заоутра же хоштете видѣти ѥго на великомь коню ѣздѣшта, здрава и весела». Испуганные этимъ Египтяне пишутъ Александру, будто самъ Филиппъ намѣренъ отравить его; это письмо попадаетъ въ руки Антіоха и Александра, который еще держитъ его въ рукахъ, когда входитъ Филиппъ, неся въ рукахъ чашу съ врачебнымъ зельемъ, которое и предлагаетъ больному выпить. «Алексен'дрь же вьставь и потирь вь роуцѣ приѥмь и просльзивь се рече: Любимыи мои Филипе, теж'ко ми ѥсть сиѥ пити. Филипь же рече: Цароу, пи, не бои се; по льст'но ти ѥѥ бити. — Царь же рече: На пол'зу ли сиѥ мнѣ даѥши, любими мои? Филипь же врачь, царево соумнениѥ разоумѣвь, вьз'мь потирь оть роукоу царевоу и половиноу испить». Послѣ него пьетъ и Александръ, а Филиппу показываетъ подметное посланіе Египтянъ. «О великыи цароу Алексен'дре, говоритъ врачъ, «о твоѥи главѣ всѣхь царь земльныхь глави висеть; да аште сиѥ вьсхотѣль быхь сьтворити, ѥдине твоѥѥ главе падениѥмь вьса вьселен'наа поколѣбала се би. И вьсь миръ нѣсть достоинь ѥдиномоу власоу падаюштоу оть главы твоѥѥ. И тебе оубивь, которомоу господиноу рабь назваль се бихь? Нь бол'ше ѥсть мнѣ живоу вь зем'лю выити, нежели твоимь животомь вьсь мирь поколѣбати». Проспавъ весь день Александръ просыпается здоровымъ, вечеромъ веселится съ своими Македонянами, а на утро подступаетъ подъ городъ. «И около града .р. пракь постави, и много люди изби вь градоу. И бѣ видѣти стрѣли вь градь летеште, ѣко облакы; Ѥгуптѣне же прѣзь дьнь (вар. прѣзь зьдь, рѣкше града) не можахоу гледати, и вьзоупише велиѥмь гласомь глаголюште: Помилоуи нась, цароу Алексен'дре, цара нашего Нехтенава сыне, старь бо оть нась ошьль ѥси, и пакы младь кь намь пришьль ѥси». Александръ велитъ остановить сѣчу, а Египтянъ спрашиваетъ, что они разумѣютъ подъ тѣми словами. Они разсказываютъ ему о Нектанебѣ и объ оставленномъ имъ

писаніи: «Оть вас отхождоу старь, и пакь пріидоу кь вамь младь, и сикови белегь боудеть моѥго пришьствіа: ѥгда кь образоу моѥмоу пріидоу и поклоню се ѥмоу, ѥже на стльпѣ стоить срѣдь града Ѥгуп'та, тогда вѣн'ць оть роукы ѥго на главоу мою пад'неть». Чудо это совершается надъ Александромъ. «И тоу рече царь четири стльпи сьздати велик, и на ѥдиномь стльпѣ себѣ вь златѣ сьтворити повелѣ, на в'торомь Потоломѣа воѥводоу, на третиѥмь Антиоха, на четврьтомь Филона храбраго, и вьси кь вьстокоу зрѣти; и на свои стльпь Алексен'дрь вьзыидь, бѣ бо високь зѣло. и по Ѥгуп'тоу погледавь, повеле ѥго разбити вьсоуде. Филипа-же врача господина Ѥгуп'тоу сьтворити. самь же вь Ѥгуп'те наиде скровишта прьвыихь царь (Нов. II. гл. 2—4 = Jag. l. с., р. 257—9).

Въ вѣнской рукописи весь этотъ эпизодъ выпалъ, хотя онъ несомнѣнно находился въ ея подлинникѣ (сл. выше стр. 133). — Отличія нар. греч. кн. (р. 72—76): Египтяне одновременно пишутъ Филиппу, прося его отравить Александра, и Александру съ доносомъ на Филиппа. Въ отвѣтномъ посланіи Филиппъ говоритъ Египтянамъ: ἐσεῖς εἶστε κλέπται, γαϊδάροι καὶ ἄγροικοι ὡσὰν τὰ ζῷα; выпивъ зелье, Александръ показываетъ врачу посланіе, имъ полученное, а тотъ предъявляетъ ему письмо, съ которымъ обратились къ нему Египтяне. — Эпистолія Нектанеба говоритъ, что онъ вернется черезъ тридцать лѣтъ, и что на кого упадетъ вѣнецъ, тотъ будетъ — сынъ его: подробность, которую греч. нар. кн. = W разсказала и раньше (сл. выше стр. 142—3). — Поставивъ Филиппа властителемъ Египта Александръ «εὗρε πολλὰ βλωτίδια (новогр. βλατίδι, у Евстаѳія βλατεῖδι, м. ж. вм. βρέτιδι = χρήματα κρυμμένα), καὶ ὅλα τὰ ἐμοίρασεν εἰς τὰ στρατεύματά του».

Весь разсказъ объ египетскомъ походѣ Александра довольно близко воспроизводитъ подробности соотвѣтствующаго отдѣла Александрова посланія къ Олимпіадѣ и Аристотелю, C II, гл. 25—28. Какъ и въ сербскихъ текстахъ Египетъ, осаждаемый Македонянами, представляется городомъ = Мемфисъ (сл. C I, 34 = B): тамъ стоятъ палаты Нектанеба и его статуя; на ея

груди начертаны слова: "Ὃς ἂν τοῖς ἐμοῖς ἐφέρπει δόμοις, [καὶ ᾧ] τοδε τὸ στέφος θήσομαι τῇ αὐτοῦ κεφαλῇ, τοῦτον παῖδα ἐμὸν πάντες εἶναι νοεῖτε· τὴν δὲ ἅπασαν αὐτὸς νοστήσει γαῖαν· τοῦδε τοὔνομα δοθῇ πόλει τῇδε» (C II, 27). Какому *этому* городу? Александръ вѣдь находится въ *городѣ* Египтѣ, — не въ мѣстности, гдѣ имъ основанъ городъ его имени — Александріи. Слѣдующая глава (C II, 28) начинается такъ: «Διατρίψας οὖν ἐκεῖσε (т. е. въ городѣ Египтѣ = Мемфисѣ) Ἀλέξανδρος χρονον τινά, πόλιν οἰκοδομεῖν ἐγχειρίζεται κίοσί τε πλείσταις αὐτὴν κατακοσμήσας καὶ τὰ τείχη πύργοις εὐμήκεσι καὶ μεταρσίοις κατοχυρώσας, ἐν δὲ τῇ κατὰ ἀνατολὴν πύλῃ μεταρσιώτατον πάντων ἕνα πύργον οἰκοδομήσας, ἐν αὐτῷ τὴν ἑαυτοῦ στήλην ποιήσας ἵδρυσε, περὶ αὐτὸν δὲ Σελεύκου (вм. Птоломея сербск. Алекс.) καὶ Ἀντιόχου καὶ Φιλίππου τοῦ ἰατροῦ», который и поставленъ властителемъ Египта, тогда какъ Селевку удѣлена Персія, о чемъ славянскій текстъ ничего не говоритъ въ нашемъ эпизодѣ. — О томъ, что упомянутый городъ — Александрія — нигдѣ не сказано, согласно съ извѣстными намъ текстами сербскаго романа, раньше разсказавшаго объ основаніи этого города. Такъ могло быть и въ C[1]: a) Александръ, возвращаясь отъ окраинъ Западнаго океана, заходитъ въ Египетъ и здѣсь строитъ Александрію; b) лишь позже разсказывалось о походѣ въ Египетъ, осадѣ города = Мемфиса, статуѣ Нектанеба и воздвигнутыхъ Александромъ столпахъ. Редакторъ C воспользовался, какъ мы видѣли, для перваго отдѣла = *a* всѣмъ, что нашелъ въ B, и сообщилъ подъ рядъ — и объ основаніи Александріи и о статуѣ и оракулѣ Нектанеба (C I, гл. 31—34; сл. стр. 199 и 216 и таблицу на стр. 215): во 2-мъ = *b* онъ ограничился (въ посланіи къ Олимпіадѣ и Аристотелю) воспроизведеніемъ C[1], отчего получился дублетъ — и вторичное появленіе Нектанеба и его прорицанія, въ которомъ упоминаніе города, названномъ Александромъ по своему имени, относится къ совершившемуся факту: Александрія уже построена, но Нектанебъ предвидѣлъ это раньше — какъ предвидѣлъ и пришествіе Александра. Слѣдующія постройки Александра, очевидно,

относятся *не къ Александріи*, какъ-то предположилъ Zacher (Pseudocallisthenes, p. 135, § 28).

Обратимся къ разсказу о войнѣ съ Даріемъ.

a) *Бой у Евфрата. Мимандъ.* Вѣстники сообщаютъ Александру, что Дарій съ своимъ войскомъ подошелъ къ Евфрату (Ѥфрать, Епрат); туда-же идетъ и Александръ. Онъ велитъ переписать свое войско: у него 600 (вар. 300) тысячъ конницы и 400 тысячъ пѣшихъ; у Дарія тысяча тысячъ (вар. 50 тыс. тыс.) конниковъ и столько-же (вар. десять тыс. тыс.) пѣхоты — о чемъ говорятъ, подъ страхомъ повѣшенія, схваченные персидскіе лазутчики. Александръ приказываетъ продержать ихъ до ночи, и поведя ихъ на возвышеніе, показываетъ безсчисленные огни, зажженные по его приказанію: пусть судятъ о числѣ его войска. Отпуская ихъ онъ говоритъ: «Законь ѥсть Македонѣномь, ѥго же на бою оухватають, главоу отсѣцають, никого жива не поуштають; да аште сь Дариѥмь сьразимь се, ви оу бои не идете, болѥ бо ѥсть чловѣкоу свои животь, неже свега свѣта богатьст҆во. Цароу же вашемоу Дарию р҆цѣте: цароу сь царемь не подобаѥть бити се; да ѥгда нач҆немь быти се, иштите ме на златои колес҆ници мегю львовеми белези (вар. главами). Где видите позлаѥѥне хел҆мѣ и типанѣ фариже, тоу ѥсть макѥдон҆скыи пльѥь». — Обо всемъ ими видѣнномъ и слышанномъ лазутчики докладываютъ Дарію, который велитъ отрѣзать имъ языки, дабы не повѣдали они того Персамъ. На совѣтѣ рѣшено — самому Дарію — царю не вступать въ бой съ разбойникомъ Александромъ; призвавъ «воѥводоу великаго, Миман҆доу (вар. Минанта) именемь», онъ велитъ ему: «шесть [сть] тисоушть вьз҆мь изьбран҆ныхь Пер҆сь и двѣ стѣ тисоушть Мидѣнь, [и .в. тисоуште Етиопь] и .д. ста тисоушть пешьць стрѣльць, и Тиг҆рь (ошиб. вм. Евфратъ: сл. новогр. нар. кн. р. 78 = W) рѣкоу прѣшьдь, Алексен҆дра. сына Филипова, кь мнѣ приведете. Аште же побегнеть, а ты терай, не остани га се ѥго нигде, [и оу мои нароѥь походи]. боги пер҆скыми оукрѣп҆лѥѥмь». Александръ съ своей стороны ободряетъ Македонянъ (вар. Македоници конаси и пелагонитьсци

витези и лакемедоньсци витези; мацедониискн боиници и пелагонитасци; пелагωдиньсци витезωви и гωтиньсци витези) помощью «Бога Саваоѳа», напоминаніемъ Рима, Іерусалима и Египта; коли мы побѣдимъ Дарія, «господа в'семоу кговоу боудемь. Аште ли онь нась раз'бикть, то в'са вьселен'наа не можеть нась оукрити прѣдь образомь кго. Болк ксть намь на бою оумрѣти, неже ли прѣдь Пер'си бѣжати; в'сакомоу бо велеоумноу моужоу болк поч'тена сьмрьть, неже срамотьнь животь. Вѣдомо да ксть вамь, ιако раз'бити ихь хоштемь, понкже цара ихь нѣсть сь ними, вьсака бо воиска безь цара свокго безьглав'на ксть. Видите ихь неоуправ'но на бои идоуштихь, вь скорѣ бѣжати нач'ноуть, без'глав'ни бо соуть; ви же знакте, ιако Пер'си ов'це наричоуть се, Макидонишне же вльци, и прѣдь кдинемь вльком многе ов'це бегають. Пер'си бо на бои погнани соуть, ви же свокю волкю и сь царемь своимь идете. Нь молю вьсѣхь вась храбро на бои сь поити, паче инѣхь боевь; кгда бо воиска на воиску идеть брьзо, остротоу [воиске] онок [храбростию своею] оубивакть». Раздѣливъ свое войско на три полка, онъ поручаетъ два изъ нихъ Антіоху и Птоломею, а самъ остается съ Македонскимъ. «И тако брьзо поиз'див'ше, копіа оуломише, [и мьчеве трьгоше], пакы же соузоубь мьчеви оудрише се». Персы бѣгутъ, преслѣдуя ихъ Александръ «кь Дарикевоу околоу приспѣше»; Дарій ускакалъ на конѣ; павшихъ Александръ велитъ погрести, оставшихся въ живыхъ отпустилъ съ честью, сказавъ: «р'цѣте цароу вашемоу Дарію: Довол'но боуди об'рокы своими». Мимандъ убитъ; Александръ, перейдя Евфратъ, разрушаетъ мосты.

b) *Вторая битва. Вавилонъ.* Между тѣмъ Дарій приказалъ своему войску собраться къ Вавилону, на Сенаарское поле; собралось двѣсти тысячъ (вар. .в. сте тисоуште тисоушть), съ ними онъ идетъ на Александра, который внутренно страшится, но снова ободряетъ своихъ: «О любими мои, да вѣсте, ιако в'сакь бѣгак брьжи кеть тераюштаго. Многе коуч'ке мѣд'веда тераютъ, нь малѣ оуждають; и кдномоу львоу рик'ноув'шоу, мнози звѣріе оумирають» и т. д. У Александра тысяча тысячъ (вар. 30 т.)

ратниковъ; «и повелѣ вь воисцѣ личити (вар. клицати), ѥко аште к'то нач'неть прѣгк раз'бикніа драти, безь расоужденіа да оумреть ѥко рат'никь» (sic). — Ночью пророкъ Іеремія, явившись ему во снѣ, обѣщаетъ ему въ брани помощь Бога Саваоѳа; ободренный этимъ Александръ вступаетъ въ бой при трубныхъ звукахъ. «И бѣше видѣти вьп'ль конь и чловѣкь и клопоть оружіа, ѥко зем'ли той достоужити се, сѣчоу бив'шоу оть оутра до плад'не». Три дня и три ночи Македоняне преслѣдуютъ Персовъ, потерявшихъ 400 (вар. 200) тысячъ убитыми и двѣсти плѣнными, которыхъ Александръ отпускаетъ во свояси, веля имъ болѣе на бой не выходить.

Пока Дарій съ сотней конниковъ бѣжитъ въ стольный градъ «Пер'сиполь», Александръ идетъ на Вавилонъ; «граждане же на .р. пьпришть (вар. 15 миль) не даѥхоу кмоу [кь градоу] прити, толика бѣ сила ихь (вар. толико бише Бабилон велик колико рика Епрат посреди нега течаше), ѥко рѣка Ѥфрать вьхождаше вь нь непрѣходимаа» (вар. ѥко реце Ефратоу вьтецаюштоу вь нь, непрѣходне соушти и велице, идеже изь раѥ истецаше). Александръ велитъ повыше города копать «водоваждоу» и разъ ночью, когда вавилоняне были въ храмѣ Аполлона, отводитъ воду въ поле и по сухому руслу проникаетъ въ городъ, который велитъ зажечь. По просьбѣ горожанъ, онъ велитъ прекратить пожаръ; его величаютъ царемъ и приносятъ дары: «изнесоше кмоу злато Даріксво, иже бѣ тоу, ,в. тисоукк таланьть (вар. .в. сте тисоушть злата таланьть; дви тисући таланат) и тисоуштоу (вар. 500) конь зоб'ныхь Даріквехь из'ведоше, и .р. львовь вь златихь веригахь, и тисоуштоу пар'доусь лов'ныихь, и сто фарижь (вар. парижь) аравіискыихь, иже соуть изрочити оть всѣхь конь. И изнесоше кмоу двѣ тисоушти блюдь (вар. здил) самотвор'ныихь Даріквехь, и двѣ тисоушти роговь слонов'нихь, златомь окован'ныихь, и великыи бисерь на нихъ, и каменик многоцѣн'но, тисоуштоу (вар. .і. тисоушть) оружіа цѣла сь златомь и бисеромь, и тисоуштоу потирь изваѥнѣхь оть раз'лич'ныихь камень и многоцѣн'ныихь. И десеть

тисоушть кѥпазмь (вар. хакиз'мь; схакузмь конскыхь), иже бѣхоу оть рибіѥ коже, ихь-же железо похватити не можеть. И крьзно Сексена (вар. Ексер'ксна, Стерстсна, Ѯерьѯена) цара пер'скаго, иже бѣ сьтворен'но оть зміѥвѣхь очію, сь многоцѣн'ныимь камениѥмь, и вѣнаць Сьн'хоса вьселѥн'скаго цара, и трапезоу оть сам'фира камена Даріѥвоу; ѥгда на нѥи ꙗдеше, нпкьдь злосрьдь не бываше». (вар. приб. И тоу Александрь сьтвори вь Вавилоне .л. дьни; либо: 50 дней).

Услышавъ о взятіи Вавилона, Дарій сѣтуетъ: мнилъ онъ себя сильнѣе Бога небеснаго, а нынѣ одинъ отъ малыхъ царей разрушилъ его силу. «О окаꙗн'наа чести моꙗ, вь прьво кь мнѣ посмѣа се, и напоконь гор'ко кь мнѣ озре се. По истинѣ рекль ѥсть рекыи: Сѣѥи и сь радостію неправед'но, сь плачемь и жалостию пожнеть. Прѣмоудріи Соломонь вь писанихь своихь рекль ѥсть: Иже чоуждаа сь радостію вьзехь и своихь сь жалостию лишихь се». Его утѣшаютъ, говоря: «О великыи цароу Даріѥ, великымь корабомь великаа паденіа соуть, и велиціи вѣтри велика дрѣва полам'лꙗють (вар. приб. мала слаба находеѣи поминую). И царство множьствомь людіи сьстоить се, ꙗкоже море великыми вльнами и плаваꙗштимь страш'но ꙗвлꙗѥть се». Вчера разбилъ насъ Александръ, завтра мы его побѣдимъ.

c) *Ависъ*. «Нѣкы прис'ныи и любимь милостникь властеличикь Даріѥвь», именемъ Ависъ (вар. Амвисъ, Амьвись, Ан'вись, Имамвись, Амивиз), приходитъ къ Дарію и, напомнивъ ему о благодѣяніяхъ, которыми осыпалъ его царь, говоритъ о своей готовности положить за него жизнь — убивъ Александра. Если ты сотворишь это, отвѣчаетъ Дарій, то освободишь Персію и «сьмрьть твоꙗ вь мѣсто живота вьмѣнить се, и мнѣ цар'ство оть роукы твоѥѥ дасть се, и ты великь оть Пер'сь наречеши се. — И сіи рекь Даріѥ; Ан'вись же вьз'мь бѣлежьць (вар. приб. Македонииски) на ороужіѥ своѥ вь Алексен'дровоу воискоу вьмѣси се. Алексен'дроу же ороужноу ꙗздѣштоу и свою прѣписоуюштоу воискоу, Анвисоу же близоу ѥго приꙗхав'шоу, мьчь свои трьгь, хотеше Алексен'дра по очию оудрити, и грѣшивь, врьхоу хел'ма

оудари его [ш. и вьсь врьхь отсече, и косме кго ѩко бритвою мьчемь остроугавь. Александрь же мнѣвь, ѩко оть своихь емоу быстъ невера, рече: Не оудари ме роука перьсидиска, нь ме оудари роука Макидониска. И Амьвисоу же повьторити не даше, нь мьчь емоу вьзмьше и хльмь его вьсь сьньмьше, кь Александроу приведоше». На вопросъ Александра онъ объявилъ чистосердечно, что намѣревался убить его изъ любви къ своему господину; ты заслуживаешь смерти, говоритъ ему Александръ, «нь понеиже за господина своего поболель еси, и главоу свою положиль еси, ѩко оть Македонѩнь сьтвориль се еси, се тебе оть роуки мое животь тебе дароую, понеиже дело сьтвориль еси, еже никтоже нигдѣже не сьтвори. И здравь кь цароу своемоу походи, и тако емоу р҆ци: Его-же богь хранить, того чловѣкь не оубиваеть; кгоже богь не хранить, того вьсе роуки чловѣчьскык оублоусти не могоуть; да прѣломи неоуломное свое срьдце и отложи прѣвьзносноую свою грьдиноу, и царствию моемоу поклони се], и дани мнѣ даи и сь подроучними цари почиваи». — Вернувшись назадъ, Амвисъ обо всемъ докладываетъ Дарію и прибавляетъ: «тебе дьньсь в҆соу работоу мою платихь мьчемь, и животь мои оть роукы Алексен҆дрови вьзехь дьньсь. Вьса добра, кликa сьтвори ми, дьньсь животомь моимь платихь ти; азь бо дьньсь мрьт҆вь кcьмь тобою, а Алексен҆дромь живь кcьмь. Ѥлика могохь, сьтворихь; богь, кго-же любиѩше, сьхрани. Да покланѩмь се тебе, цароу Даріе, работати хоштоу, иже ми животь дароваль кcть». — Дарій опечаленъ: «кмоу же бози соупротив҆лѩють се, томоу чьсть на безьчьстіе (вар. срића на несрићу) прѣмѣноукть се, и того и прис҆ни и любиміи дроузи оставлѩють; добрѣ-бо рече рекыи: Вьз҆ношеніе годишт҆на кола и низ҆ношеніе имать ниско; и в҆сакь вьз҆носеи се, смѣракть се, а смѣраки се, вьзносить се». Одаривъ и отпустивъ Ависа, Дарій поручаетъ ему сказать Александру: «Не прѣвьзноси се зѣло, вьсакь бо вьзносеи се, вь скорѣ смѣрить се. Сьн҆хось царь зѣло прѣвьзнесь се, оть дивиихь людіи смѣрень бысть; Ѥксер҆сена (вар. Асексен, Ѥѕерьсень, Ѥѕерьксень) пер҆скыи царь зѣло прѣвьзнесь се, оть Даф҆неа

смѣрень бысть (вар. ѡдь Антинань, Антиѩни, Антиѣна = Аѳиняиъ); и азь оубо прѣвьзнесохь се, и оть своихь смѣрень быихь, и ты оубо аште прѣвьз'несеши, смѣриши се». Коли можно, пусть удовольствуется «оброкы своими»; ему же лучше смерть, чѣмъ уступка: «царь цароу не кланѩѥть се николиже». Пусть готовится на брань: черезъ пятдесятъ дней онъ выступаетъ противъ него съ Персами и Индійцами, или побѣдитъ, либо умретъ съ честью на родной землѣ. — Выслушавъ Ависа, Александръ, покачавъ головою, сказалъ: «О царствѣ нѣсть мира ни сь кымь, царство бо велика гора ѥсть и висока зѣло, водами и воштіами различними оукрашен'на, ѩже вѣр'ныимь красна и слад'ка ѩв'лѩѥть се, невѣр'нымь же непристоуп'на и притран'на (вар. страшна). И на сію чловѣкь вьшьдь, и на красотоу ѥѥ вьзирак. не мнить се слести когда, аште разоумомь окрьм'лѩѥть се».

d) *Александръ поклисарь.* Въ ту ночь явился Александру во снѣ пророкъ Іеремія «съ философомь Іерусалимьскымь» (вар. с Пиникием архиереем ерусолимским; сь Финеемь; са асьпи арьхиерьми ерузалемьсциеми) и велитъ ему итти къ Дарію въ качествѣ своего собственнаго посланника. Напрасно удерживаютъ его Антіохъ и Птоломей (вар. и Филиппъ), которымъ онъ поручаетъ, въ случаѣ своей смерти, всѣ царства раздѣлить между собою, македонскій же полкъ соблюсти добрѣ. — Облекшись въ персидскую одежду («облѣкло», вар. свиту), финикійскій плащь и македонскую шляпоу «съ аспидовѣми розп и златѣми печат'ми», онъ несетъ свое собственное посланіе Дарію, который, желая удивить Александрова посла, «парастась велик сьтвори»: онъ сидитъ на высокомъ престолѣ, «около нѥга ѩко лица аггелскаа сьтворен'на бѣхоу. Вьса же палата оть злата свѣт'ла сьтворен'на бѣше, и ѩко лица аггел'скаа томоу ѩко богоу прѣдстоѩхоу. Стльпове злати камениѥмь многоцѣн'ныимь оукрашен'ны бѣхоу; четири же камены на четпре оугле тоѥ полати бѣхоу, иже вь ношти ѩко ог'нь вь мѣсто свѣшть (вар. лоуча) свѣтехоу». Всѣ дивятся наряду Александра, а одинъ персіянинъ читаетъ его посланіе къ Дарію: Помнишь-ли ты, какъ ты хотѣлъ меня, еще

юнаго, лишить престола — а теперь Господь сотворилъ меня «господина отьчьствоу моемоу и вьсѣмоу свѣтоу»; ты велѣлъ привести меня къ себѣ — а вотъ я самъ пришелъ и хочу назваться господиномъ всему твоему. Но я не немилостивъ: если ты смиришься и дашь мнѣ дань, то господствуй по прежнему; «аште-ли ти се неугодно ѥсть, то Пер'сомь ты низ'матарь (вар. неприател) ѥси, и симь заклати се радь ѥси оть Макѥдоніиского мьча. Боуди готовь сь в'сѣми своими на бои .еі. дьнь (вар. 16), на Ар'сопор'ской (вар. Арьспнеисце, Арспноиской) рѣцѣ. — Писание же Даріѥ слышавь, кь своимь си рече: Надѣꙗше ли се к'то таковеи подвижи и таковеи ꙗрости оть Макѥдоніе изыти? Алексен'дрь же, стоѥ прѣдь нимь, рече: Не чюдо, аште Макѥдонꙗне свѣтомь обладають. Даріѥ же рече: По ч'то? Алексен'дрь рече: По ч'то соуть вьси ѥдиносрьди и храбри безь кон'ца и моудри же и любими. — Пер'сенинь же нѣкто рече: По ч'то тако великомоу цароу глаголѥши? Онь-же рече: Сил'на господина вол'нь поклисарь».

Позванный на трапезу къ Дарію, сидя противъ него на поклисарскомъ мѣстѣ, онъ прячетъ за пазухоу первую и вторую золотую чашу, имъ выпитую. Объ этомъ говорятъ Дарію, а одинъ вельможа замѣчаетъ Александру, что за царскимъ столомъ такъ не дѣлаютъ; онъ отвѣчаетъ: «Оу господина мога Алексен'дра прьвоу и вьтороу чашоу всакыи поклисарь себѣ оузимать». — Кандархъ (Кан'дар'коусь, Кандаркус), ходившій когда-то посломъ въ Македонію, призналъ Александра и говоритъ о томъ Дарію: «Дьньсь в'соу волю твою бози сьтворише». Дарій радуется: «Честь (вар. срића) тихомь лицемь кь мнѣ обраштати се начеть», говоритъ онъ, но у него еще есть сомнѣніе: «Вьсѣхь главь глава не обѣшаѥть се, нь кон'ци (вар. на единомь коньцоу)». Кандархъ ручается головой, что это Александръ; тотъ между тѣмъ замѣтилъ, что о немъ говорятъ, и «прьстень вь тобол'ци врьхов'ныи (вар. влховни) вьзеть (вар. у тѡбѡцу, мошни), иже бѣ вь Трои вьзль Клеопатре егупьт'ске царице: ѥгда ть прьстень на роукоу став'лꙗаше, оть всѣхь невидимь бываше. И вь роукоу ѥго вьз'мь, хоте искоусити

Дарикво малодоушіе. Даріе же кь нкмоу рече: Прилична ми те кь Алексен҆дроу кажоуть. Онь-же рече: Приликы ради любить ме господинь мои, приличьнь бо кмоу кс҆мь, и мнози мнѣ поклонише се, мнѣв҆ше ме Александра». Дарій выходитъ изъ-за трапезы въ ложницу, гдѣ совѣщается, какъ схватить Александра; съ царемъ вынесли свѣточи, а Александръ пользуется темнотой, чтобы снять съ себя «многоцѣн҆но крьз҆но и [македониски] клобоукь»; возложилъ на роуку волховской перстень и вышелъ изъ палатъ. У первыхъ городскихъ воротъ онъ даетъ привратнику золотую чашу: возми её и храни, говоритъ онъ, царь Дарій послалъ меня нарядить стражу. Его пропускаютъ; такъ было и у вторыхъ воротъ, гдѣ онъ заявляетъ, что посланъ царемъ за воеводами, «да страже оутврьдеть». Тогда онъ садится на коня и кь разсвѣтоу былъ на Синорской (далѣе: асор҆скаа, асирскаа; вар. Арьсинейска; на Сираску рѣку) рѣкѣ, которую нашелъ замерзшей; на той сторонѣ его ждали Антіохъ, Филонъ и Антигонъ. — Между тѣмъ Дарій поручилъ «Кан҆дар҆коусоу и Клидоуксоу» (вар. Крисоу, Клису лидонскому цару) схватить Александра; его ищутъ въ палатѣ и не находятъ; спрошенные вратари повѣдали всю истину; Кандархъ съ тремя стами конниковъ гонится за нимъ, но добравшись до рѣки къ восходу солнца, находитъ её отмерзшей, а Александра на томъ берегу. «По ч҆то терате вѣтра, кго-же не можете оухватити? говоритъ онъ имъ; онъ будетъ ждать Дарія на асирской рѣкѣ, которая «всакоу ношть замрьзаше, прѣзь дьнь же, размразив҆ши се, течаше сь каменикмь и паромь замѣсив҆ши се». Узнавъ о неудачной погонѣ, Дарій сѣтуетъ: «О невѣрнаа и неоустав҆наа чести (вар. несриħе), како чловѣкомь ис-прьва слад҆ка являкши се, и на послѣдькь гор҆шіи кда обрѣтакши се!».

Замѣтимъ по поводу волшебнаго перстня *египетской* царицы *Клеопатры*, взятаго Александромъ *въ Троѣ*, что новогр. нар. кн. р. 95 также говоритъ о немъ — едва-ли не въ слѣдствіе древняго смѣшенія, совершившагося уже въ прототипѣ обоихъ текстовъ. Мы видѣли, что въ эпизодѣ о посѣщеніи Александромъ Трои (Нов. I, 24; сл. выше, стр. 203—4) ему приносятъ пер-

стень «*Ѥгоупе*, троиске царице», имѣвшій цѣлебную силу; варьянтъ говоритъ о перстнѣ «*єгупѣтскыѥ кралице*»; особыя свойства перстня — дѣлать человѣка незримымъ — могли быть подсказаны слѣдующею далѣе чертою: о вѣнцѣ *другой царицы* (Поликсены), дѣлавшій надѣвшаго его невидимымъ (сл. выше. стр. 205); въ вѣнцѣ египетской царицы *Клеопатры* Александръ въѣзжалъ въ Римъ — раньше посѣщенія Трои (сл. выше, стр. 190 и 193). Этимъ путемъ имя Клеопатры перенесено было въ Трою, чему способствовало созвучіе: Гекаба=Гекуба, Египетъ, и мы получаемъ увѣренность, что въ оригиналѣ греч. нар. кн., знающей перстень Клеопатры и ничего не говорящей (въ эпизодѣ о Троѣ) о перстнѣ Гекубы — послѣдняя подробность имѣла мѣсто.

е) *Посланіе къ Фору и бой на Арсинойской рѣкѣ.* Дарій пишетъ Фору, сколько бѣдъ претерпѣлъ онъ отъ Македонскаго отрока; дважды побѣжденный имъ, онъ готовится на третій, послѣдній бой, и проситъ Форовой помощи: твои войска непобѣдимы, «ты же тькмь богомь ѥси». Прочтя посланіе Форъ говоритъ, качая головою: «Нѣсть радость, ѥи же не примѣшаѥть се жалость; и Даріѥ бо нѣкогда тькмь богомь бѣше, нынѣ-же оть Макѥдонѣнь гонимь ѥсть». Онъ велитъ своимъ вельможамъ пойдти къ Дарію, взявъ «.д. тисоуште тисоушть воиске», а Александра привести къ нему; онъ желаетъ его видѣть, «моудра бо ми ѥго и сьмысльна казоують». — Дарій обрадованъ помощью: у него самого войска — тысяча тысячъ. — Между тѣмъ индійскіе воеводы послали къ Александру своихъ лазутчиковъ, которые схвачены; поставивъ ихъ на высокомъ мѣстѣ, Александръ пропускаетъ мимо ихъ всю свою рать, и одаривъ, отсылаетъ обратно: они разсказываютъ о мужественномъ видѣ и численности Македонянъ. «Сьстав'шима же се двѣма воискама, сльньце оубо оть праха помрьче; страхь же и Индіане и Макѥдонѣне обьѥть. Вь коупѣ же замесив'ше се, ѥдини оть дроузѣхь не познавахоу се. Вѣтроу-же боур'ноу вь ѥдино дьх'ноув'шоу, и прахь оть нихь отѥм'шоу, и тако сѣшти начеше се. Вьсь дьнь сѣчоу быв'шоу, Алексен'дрь трьпѣти сего не могыи, нь сь заставою своѥю сь

тисоуштоу тисоушть избран'ныихь витезь по срѣде ихь вьниде, и самь мегю ними на златои колес'ници по срѣде ихь вьниде». — Индійцы и Персы обращаются въ бѣгство.

f) *Отъ смерти Дарія до хожденія Александра въ «невѣдомыя страны».* Самъ Дарій бѣжитъ къ «Пер'сиполю», когда двое близкихъ къ нему вельможъ, «Кар'даньвоушь и Арпз'вар'нь (вар. Кан'дарьвоусь, Кандракус, Ар'зиваржь, Арпзван, Арьзиварнь) настигаютъ его, и пронзивъ его мечами и стащивъ съ коня, оставляютъ полуживымъ.—Между тѣмъ Александръ посылаетъ Финика (вар. Филона) сказать Персамъ, что Дарій убитъ; къ Индійцамъ его-же (вар. Филона) съ увѣщаніемъ, что онъ отпуститъ ихъ съ честію; если-же тѣ и другіе обратятся въ бѣгство, ихъ ожидаетъ смерть; вмѣстѣ съ тѣмъ Селевкъ велитъ Индійцамъ, по порученію Александра, сдать оружіе и коней. «Филонь кь нимь пристоупивь повелѣниѥ Алексен'дрово рече; они же на землю пад'ше, поклонише се, стегове же в'се Форове и великиѥ накараде и великиѥ троубы и конѥ в'се и ороужіа Филоноу прѣдаше». Отпуская ихъ Филонъ велитъ сказать Пору: «Боуди доволюѥ индіискыимь царьствомь, и оу своей оу храброи земли, и роукоу помошти кь чюждимь на Макєдоніане не посилаи. Вѣдомо да ѥсть тебе, Форе, индіискыи цароу, ꙗко ꙗа Филонь, по милости Алексен'дрове, Пер'сомь господинь назвахь се, и соусѣдь тебѣ бити имамь. Перси же слышав'ше, оть Индіань отдѣлише се и кь Филоноу пристоупише, и семоу мѣсто Алексен'дра поклонише се».—Согласно съ этимъ позднѣе въ распредѣленіи своего наслѣдія Александръ даетъ *Филону «пер'с'ко господст'во»*, ... Селевкию же даде «рым'ско господство, Лаомедоушоу же даде Неглитор'ско (вар. енглитерско) господ'ство» (Нов. III, гл. 16). Но мы знаемъ изъ эпизода о Римѣ, что его властителемъ, а вмѣстѣ и всего Запада (и «неглиторскимъ») поставленъ былъ Лаомедонтъ (сл. выше, стр. 191); на Селевка — Римъ перенесенъ, очевидно, по ошибкѣ. У Нов. II, 16 Александръ, покоривъ Персію и снаряжаясь въ походъ противъ Криза, «Селев'кіа вь Пер'сидѣ остави»; Филонъ сопровождаетъ Алек-

сандра въ его хожденіи по невѣдомымъ странамъ (Нов. II, гл. 22), отъ предѣловъ Индіи посланъ имъ въ Персію (Нов. III, гл. 1), откуда онъ позднѣе и является съ войскомъ на помощь Александру, воевавшему съ Поромъ (Нов. III, 4; сл. гл. 5). Новогр. нар. кн. стр. 130, 132 говоритъ въ этомъ случаѣ о Селевкѣ и Филонѣ, какъ правившихъ въ Персіи; въ завѣщаніи своемъ (ibid. p. 181) Александръ распредѣляетъ: τοῦ Σελεύκου τὴν Περσίαν καὶ Βαβυλῶνα, ...τοῦ Φίλωνος τὴν Μηδίαν. Сл. Pseudocallisthenes C II, гл. 28 (см. выше, стр. 238) и III, 33: Σέλευκον μὲν Πέρσαις καὶ Ἰνδοῖς βασιλεύειν, ... Φίλωνα δὲ τὸν καὶ Βύζαντα τὴν Μακεδονικὴν διέπειν ἀρχὴν, τὰ περὶ Ὀλυμπιάδος πλεῖστα παραινέσας αὐτῷ (Hist. de prel. p. 263: Seleucus .... Babyloniam gentesque vicinas obtineat). — Смѣшеніе Филона и Селевка въ разбираемомъ нами эпизодѣ находилось, вѣроятно, уже въ подлинникѣ сербскихъ текстовъ и новогр. нар. книги.

Не доѣзжая до Персеполя Александръ находитъ умирающаго Дарія, который, подозвавъ его къ себѣ, говоритъ: «Азь ѥсьмь Даріѥ царь, ѥго-же коль годишт'ноѥ до небесь вьз'виси, и честь неоустав'наа до ада с'низи». Онъ проситъ Александра не дать ему умереть подъ конскими копытами; «не тако бо, ꙗкоже Пер'си, немилостивь ѥси, нь вѣмь те благодар'на и благооутроб'на бити и благодѣтел'на кь своимь злотворомь, тако бо вьсѣмь велеоумнимь подобаѥть. Добрѣ бо рече рекыи: Не вьз'даи зла за зло, ꙗко да и богь оть зла избавить те!». Сойдя съ коня и покрывъ Дарія своимъ плащемъ, Александръ велитъ положить его на золотую колесницу; «носил'но дрѣво вьз'мь на рамо положи, и вьзмь постоупи .г.-шть самь царь». — Дарія приносятъ въ городъ, на царскій дворъ, гдѣ кладутъ на золотомъ одрѣ; «Алексен'дрь же вь многоцѣн'но крьзно и одѣло облькь се, и вѣн'ць цара Соломона на главоу свою положи, и жьзьль злати вь роукоу свою вьз'мь, на прѣстолѣ велицѣмь цара Даріа сѣде». Персы и Македоняне величаютъ его, когда приводятъ персидскую царицу и дочь ея Роксанду. Увидѣвъ её Дарій умиляется и говоритъ ей: «Се тебѣ моужа ненадѣина приведохь оть Макѥдониѥ не моимь хо-

тениѥмь, нь божіимь изволѥниѥмь. Сего бо богь сьтвори Пер'сомь цара, и в'семоу нашемоу господ'ствоу и имѣнию. Не тако бо напрас'но хотехь бракь твои, ꙗкоже прилоучи се дньсь быти, нь вьсе подсльньчныѥ царе и к'незе мыш'лꙗхь сьбрати на веселость брака твоѥго, и радость твою сь мнозѣмь веселиѥмь сьтворити хотехь. Вь мѣсто бракь твоихь крас'нихь (вар. мисто госпои и господичан великих) многиѥ дньсь пролиꙗше се крьви на брацѣ (вар. пиру) твоѥмь, макѥдон'скиѥ и пер'скыѥ». Онъ велитъ ей любить Александра, а его проситъ принять её: «ꙗко рабоу прими себѣ, аште годе ти есть, и женоу себе поими: красна бо есть и моудра ѕѣло». Трижды поцѣловавъ её, онъ подводитъ её къ Александру, который «Роксандоу за роукоу приемь и вьсесрьдно сию полоубивь и сладко целовавь, сь собою на престоле посадивь, и вен'ць сь глави своеи сьньмь, на главоу еи постави, и прьстень сь роуки своеи сьньмь, на роукоу еи постави». Она будетъ царствовать со мною до своей смерти, говоритъ онъ Дарію, а тотъ поручаетъ ему свою жену — «се мати тебе вь место Олимбіаде есть» — и своихъ Персовъ: «Лоуби Перьшане, верьни бо господиню своемоу соуть; и жалость моꙗ на радость прѣврати се».

Убійцъ Дарія, Каньдарвоуша и Аризварна, Александръ велитъ повѣсить: «проклеть бо ѥсть, иже господьскога оубицоу хранить и градьскаго издавчию хранить». Вступивъ въ городъ, онъ вѣнчается съ Роксандою и пишетъ Олимпіадѣ и Аристотелю письмо: семь лѣтъ не писалъ онъ имъ, отвлеченный войною съ Даріемъ, который, трижды побѣжденный, «дьштерь свою Роксандоу вь мѣсто дара мнѣ принесе. Азь же, без'мѣрноую красотоу лица ѥѥ видѣвь, женоу себѣ поѥхь. И вѣдомо да ѥсть вамь, ꙗко дон'деже жен'скаа любовь срьдце моѥ не обыкла бѣше, никако мене мисль нахогꙗше о вась и о домаш'нихь; да оть нелиже жен'скаа любовь вь срьдце оустрѣли мене, оть толе и о мирскихъ мислити начехь; ни бо вьмѣнꙗхь, гдѣ оубити ме хотеть, где ли оубити хоштоу». Онъ остается въ Персеполѣ, одѣлъ Македонянъ въ персидскую одежду, Персовъ по македонски,

Даріеву казну роздалъ войску, а коней велитъ хранить. «Стльпь же великь по срѣдѣ Пер'сидѣ сьтворити повелѣ, и на ніємь себе оу златѣ изваіати повеле. На ть стльпь вьзьшьдь, велегласно всѣмь слишештимь рече: Вѣдомо да ієсть вамь, Пер'си и Ин'діане (вар. вьси Македоніане), іако азь ваша многобожиіа идол'скаа проклинаю, и на серафимѣхь почиваіємомоу богоу поклоніаю се, небо и зем'лю сьздав'шомоу, оть хероувимь славимомоу невиди-момоу и необьзримомоу и неизьчтен'номоу трисветыми гласи славимомоу. И се рекь: Богь богомь и всѣмь видимымь тваремь твор'ць помошт'никь ми боуди в'семрьз'киіє потрѣбити идоли скврьн'ныіє». — Даріева злата нашлось «.ві. истерьнь (вар. би-стернь, стернь, густеран) пльнѣхь и .к. (вар. 14) коукь пльнехь искоусна злата, и .ві. пир'говь многоцѣн'на каменіа и бисера, іємоу же не бѣ числа, и тисоуштоу тисоушть конь зоб'ныхь; львовь же и пар'доусь лов'ныихь и соколь и грипьсь (вар. грипь-сось, грипосов) оузвод'ныихь (вар. изводнихь), имь же числа испитати не могохь». Войска, переписаннаго на «персидскомъ полѣ» оказалось «.д. ста тисоуште тисоушть конниковъ» (вар. тыс. тысячъ).

По прошествіи года, оставивъ въ Персидѣ Селевка (сл. выше стр. 248), Александръ идетъ на «лидон'скаго цара на Криса», который не хочетъ поклониться Александру, но схваченъ его людьми; «и толико богатьства оу ніего обрѣтоше, ієлико око не видѣ и оухо не слиша. — И се Алексен'дрь воисцѣ раздѣли (вар. воиски разда), и тако на десноу страноу вьстока поиде и в'се ієзыки приіємь до краи земліє доиде» и т. д. (Новак. II. 5—17 = Jag. l. c., стр. 259—277.)

Для эпизода о Даріи, который я сообщилъ цѣликомъ по сербскимъ текстамъ, вѣнскій (W, стр. 46—57) представляетъ лишь неполную параллель, такъ какъ нѣкоторые эпизоды его выпали, почему въ основу слѣдующаго сравнительнаго обозрѣнія, расположеннаго по отдѣламъ славянскаго пересказа, положена греч. нар. книга, стр. 76—107.

а) Стража (βίγλα; W то-же) Александрова схватываетъ

Даріевыхъ *καταπατητάδες* (W то-же). — У Александра 600 тыс. конницы, 100 тыс. пѣхоты; у Дарія тыс. тысячъ одного и столько-же другого (въ W нѣтъ этой подробности). — Лазутчикамъ Персамъ Александръ велитъ сказать Дарію, *ὅτι πρέπει βασιλεὺς μὲ βασιλέα νὰ πολεμήσουν οἱ δύο ὁμοῦ*; самимъ имъ онъ совѣтуетъ не выходить на бой — что согласно съ славянскимъ текстомъ, почему слѣдующая непосредственно подробность перенесена сюда изъ другого мѣста (изъ эпизода объ индійскихъ лазутчикахъ, сл. далѣе, стр. 255), либо искажена: Александръ даетъ плѣннымъ Македонское вооруженіе, дабы въ битвѣ ихъ щадили Македоняне. — Славянскіе тексты не знаютъ этой черты ни въ *a* ни въ *e*. — Все это опущено въ W. — Дарій велитъ лазутчикамъ вырѣзать языки; ему не прилично ратиться съ разбойникомъ (*ἅρπαγος*; W, *ρουμπᾶς*), вмѣсто себя онъ посылаетъ воеводу Миманта (греч. нар. кн. *Μίμας, — αντος*; W *Μίμαντος*), съ 200 тыс. Мидянъ, 200 тыс. Эѳіоповъ и 100 тыс. пѣшихъ стрѣльцовъ; въ W другія цифры, тѣ-же народности и *δήμους* несомнѣнно вм. *Μήδους*. — Мимантъ долженъ перейти Евфратъ (греч. нар. кн.; W). — Рѣчь Александра передъ боемъ (къ *Μακεδόνες, Παμφλαγόνες καὶ Λακεδαιμόνιοι*; W: *Μακεδόνες καὶ Λακιδαιμονίτες*) таже, что въ сербск. текстѣ, но съ отличіями; только въ W Александръ является верхомъ на Вукефалѣ (Нов. II, 5: на великога коня всѣдь); преслѣдуя бѣгущихъ Персовъ. онъ *ἦλθεν ἕως εἰς τὸ κονάκι τοῦ Δαρείου* (W: *πέσιμον*). Сл. W, стр. 46—8.

b) Дарій велитъ своему войску собраться къ Вавилону; у него два милліона, у Александра тысяча тысячъ. Александръ ободряетъ своихъ: *ἀπὸ τῶν λεόντων τὴν φωνὴν πολλὰ ζῶα φοβοῦν, ἔτζη καὶ οἱ ἐχθροί μας, μόνον νὰ ἀκούσουν, ὅτι ὑπάγωμεν κατεπάνω τους, ἀπὸ τὸν φόβον τους ἀποθαίνουν.* — Отсюда W совпадаетъ съ греч. нар. кн.: явленіе Іереміи; вступая въ битву Александръ *ὥρισε νὰ λαλήσουν τὰ μουσικὰ ὄργανα ἀπὸ τὰ δύο μέρη, καὶ τὰ φουσάτα του τὰ ἐμοίρασεν εἰς τρία. Ὁ Δαρεῖος ὡσὰν εἶδε τὸν Ἀλέξανδρον, διαίρεσεν εὐθὺς καὶ αὐτὸς τὰ ἐδικά του εἰς τρία μέρη* (нѣтъ

въ слав. т.; въ W иначе: Александръ ὥρισεν καὶ ἐλαλοῦσαν τὰ ὄργανα ἀπὸ ταῖς δύο μεραῖς; далѣе: ἀπὸ τὰ δύο μέρη — о македонскомъ и персидскомъ войскѣ). — Во время битвы «τόσον κόψιμον καὶ αἱματοχυσία ἔγειναν αὐτὴν τὴν ἡμέραν, ἀπὸ τὸ ταχὺ ἕως τὸ βράδυ, ὥστε ἐτρόμαξεν ἡ γῆ, ἐπειδὴ τὸ αἷμα ἔτρεχεν ὡσὰν ποταμός» (въ W нѣтъ). — Македонянъ убито 5 (W: 20) тысячъ, Персовъ 104, а 200 (W, id.) взяты въ плѣнъ и отпущены, съ тѣмъ, чтобъ не являться на бой. Дарій бѣжитъ εἰς τὸ κάστρον τῆς Περσίας, а Александръ беретъ Вавилонъ извѣстной намъ хитростью; W о ней ничего не знаетъ. — Дары Вавилонянъ по греч. нар. кн. для сравненія съ W и славянскимъ текстомъ: ἐξέβαλαν τὸ χρυσάφι τοῦ Δαρείου, τάλαντα δύο χιλιάδες, ἄλογα τοῦ σταύλου χίλια, λέοντας ἑκατὸν μὲ ἅλυσες ἀργυραῖς, πάρδους τοῦ κυνηγίου χιλίους, ἄπια (W φαρία) ἀράπικα πεντακόσια καταπολλὰ ὀγλίγωρα, κλοντύρια (W σταγόνια [1]) χρυσᾶ δύο χιλιάδες, κούπαις χίλιαις, ἄλογα ἁρματωμένα χιλιάδες τρεῖς μὲ τῶν ὀψαρίων τὰ πετζία, ὁποῦ δὲν τὰ περνᾷ σίδερον, τὸ ἐπανωφόρι τοῦ Ξέρξου (W Εξερξένου) τοῦ βασιλέως τῆς Περσίας, ὁποῦ ἦτον μὲ τῶν ὀφιδίων τὰ ὀνύχια, ἐγκοσμημένον μὲ πολύτιμα λιθαρόπουλα, τὸ στέμμα τοῦ Σεσόγχου τοῦ βασιλέως, ὁποῦ ἔγεινε καὶ αὐτὸς τοῦ κόσμου ὅλου βασιλεὺς (въ W о Сезонхосѣ ничего нѣтъ), τὴν τράπεζαν (W τάβλα) τοῦ βασιλέως Δαρείου, ὁποῦ ἦτον καμωμένη ἀπὸ ζαφύρια, πρᾶγμα πολύτιμον, τὸ ὁποῖον εἶχε πρὸς τούτοις καὶ τόσον θαυμαστὴν ἐνέργειαν ὁποῦ ὅταν ἔτρωγεν ἐπάνω εἰς αὐτὴν, ποτὲ κακὴν καρδίαν δὲν εἶχεν. — Въ Вавилонѣ Александръ остается 30 дней; сѣтованія Дарія короче, чѣмъ въ слав. текстѣ; его утѣшаютъ: τὸ καράβι τὸ μεγάλον, ὅταν τὸ πολεμῇ πολὺς ἄνεμος, κινδυνεύει ἕως νὰ ὑπάγῃ εἰς τὸν λιμένα. Сравнительно съ слав. текстомъ это изреченіе, недостающее въ W, очевидно, испорчено. Сл. W, стр. 48—50.

c) Эпизодъ объ Ависѣ = Ἄβυσσος, выпавшій въ W (сл. стр. 50 прим. 1), разсказанъ существенно также, какъ въ слав. текстѣ. Когда Ависъ обнаруживаетъ желаніе удалиться къ Александру,

---

[1]) Сл. выше, стр. 193, прим. 1.

Дарій восклицаетъ: *τοῦ καλοῤῥοιζίκου ἀνθρώπου οἱ Θεοὶ καὶ οἱ ἄνθρωποι τοῦ βοηθοῦν, τοῦ δὲ κακοῤῥοιζίκου καὶ οἱ ἄρχοντές του ἀφίνουν τον, ὅτι ὁποιος ὑψώνεται πολλὰ, ὀγλίγωρα πέφτει κάτω.* Онъ велитъ напомнить Александру примѣры Сезонхоса, Ксеркса и свой собственный; Ксеркса, который *ἐσκοτώθη ἀπὸ τοῦ Δαφναίονος τοὺς ἀνθρώπους*, въ слав. текстѣ: оть Даф'неа, т. е., вѣроятно, Дафнійскаго Аполлона Аѳинянъ, которыхъ, какъ мы видѣли (сл. выше, стр. 243) слѣдуетъ подразумѣвать въ варьянтахъ слав. текстовъ: Антпнань, Антиꙗни, Антпѣна. — Общее размышленіе Александра о власти сильно искажено: *τὸ βασίλειον εἶναι γλυκὺ πρᾶγμα· διὰ τὸ ὁποῖον πρέπει κάθε βασιλεὺς νὰ μάχεται καθὼς ἠμπορεῖ* (!).

d) Іеремія является во снѣ Александру, *ἐνδεδυμένος ἀρχιερατικὴν στολὴν*; говоритъ: пусть пойдетъ посломъ къ Дарію, *καταπάτησαι τον, ὁμοῦ μὲ τὰ στρατεύματα τῆς Ἰνδίας, ὁποῦ ἔρχονται καταπάνω σου* (такъ и въ W, противъ слав. текстовъ). Александръ, котораго удерживаютъ отъ хожденія Птоломей, Филонъ и Антіохъ, *ἐνεδύθη Περσικὴν φορεσίαν, εἰς τὸ κεφάλι του ἔβαλε χαλμοῦτζαν* (W *χλαμοῦτζαν*) *μὲ χρυσομάργαρον, ὁμοῦ μὲ λιθαρόπουλα ἐγκοσμημένον, ἐπάνω εἰς τὴν φορεσίαν του ἔβαλε τάμπαριν* (W *ταπάριν φοινικιότικον*) *μὲ τῆς ἀσπίδος τὰ κερατόπουλα, καὶ μὲ χρυσαῖς φόλαις μεγάλαις.... Ὁ Δαρεῖος ἐκάθητο εἰς ἕνα θρόνον ὑψηλὸν βήματα τέσσαρα* (W *ὑψηλὸν πολλὰ*), *καὶ τριγύρω του ἦσαν ὡσὰν ἀγγελικὰ πρόσωπα, μὲ λαμπάδες· τὸ παλάτιον ἦτον ὅλον περιχρυσωμένον, καὶ ἐστολισμένον ὡραιότατα, ἔχοντας τέσσαρας στύλους εἰς τὴν μέσην, ὁμοῦ μὲ τέσσαρα λιθάρια, τὰ ὁποῖα ἔφεγγαν τὴν νύκτα ὡσὰν λαμπάδες εἰς ὅλον τὸν παλάτιον* (W *καὶ εἰς ταῖς τέσσαρες κώχαις ἔφεγγεν ὅλον τὸ παλάτιν ὡσὰν λαμπάδες*). — Въ посланіи Александръ назначаетъ Дарію бой черезъ 15 дней *εἰς τὸν ποταμὸν τῆς Ἀρμενίας*, W *τῆς Ἀρσενίας*. — *Κανταρκοῦσης* (W *Καταρκοῦσης*) догадывается, что послъ и есть — самъ Александръ, докладываетъ о томъ Дарію, который говоритъ: *Ἴσως ἐγύρισεν ἡ τύχη μου πάλιν εἰς ἐμένα* (въ W нѣтъ). — О перстнѣ Клеопатры сказано было выше (стр. 246—7). — Привратникамъ

Александръ говоритъ, что посланъ νὰ διατάξω τὰς βίγλας τοῦ φουσάτου; въ другой разъ νὰ κράξω τοὺς Βοϊβοντάδες νὰ ἔλθουν μέσα εἰς τὴν βουλὴν τοῦ βασιλέως (W id.). — За Александромъ гонятся съ тремя-стами конниковъ ὁ Κανταρκούστης μὲ τὸν Κρίστην τὸν βασιλέα (W. Καταρκούστης, Κρίστης); въ слав. варіантахъ: Крису, Клису лидон'скому царю — всюду подъ вліяніемъ слѣдующаго далѣе Криса, царя индійскаго, съ которымъ воюетъ Александръ; у Новак. Клидоуксъ, что ближе къ настоящей формѣ имени: Александра узналъ Кандархъ, когда-то ходившій въ Македонію: могъ признать и другой посолъ туда-же: Κλητευούστης, Клитовоуш, Клив (сл. выше, стр. 172); Кливъ сталъ Клисомъ — и Крисомъ уже по одному созвучію. — Переправившись черезъ рѣку, замерзавшею ночью, Александръ глумится надъ своими преслѣдователями: Ἄνεμον διώχνετε, ἀμὴ τὸν ἄνεμον τινὰς δὲν τὸν φθάνει; Βλέπετε μὲ τὰ ὀμμάτιά σας, ὅτι τῶν Μακεδόνων τὰ ἄλογα δὲν τὰ κρατοῦν οὐδὲ βουνὰ οὐδὲ ποτάμια, τί ἀκολουθεῖτε εἰς μάτην (W. id.). Сл. W, стр. 50—55.

е) Въ отдѣлѣ о Порѣ новогреч. нар. кн. разсказываетъ въ эпизодѣ объ индійскихъ лазутчикахъ уже извѣстное намъ (сл. стр. 252): о томъ, что Александръ велѣлъ снабдить ихъ Македонскимъ вооруженіемъ, прибавляя черту (вырѣзываніе языковъ), также встрѣчавшуюся раньше (сл. выше стр. 252: бой на Евфратѣ), и нѣсколько новыхъ подробностей въ описаніи битвы: всѣ смѣшались, не узнаютъ другъ друга въ сѣчѣ; «ἔσυρναν τὰ σπαθία τους οἱ Μακεδόνες ὡσὰν οἱ καλοὶ θερισταὶ εἰς τὸν καιρὸν τοῦ θέρους εἰς δασέα χωράφια, κατασφάζωντας πολλους ἐκείνην τὴν ἡμέραν. ὡσὰν ἐνύκτωσεν, ἐφοβήθησαν οἱ Ἰνδοὶ καὶ οἱ Πέρσαι, καὶ ἄρχισαν νὰ φεύγουν· τὴν αὐγὴν ὅμως πάλιν ἦλθαν εἰς τὸν πόλεμον. Ὅταν τοὺς εἶδεν ὁ Ἀλέξανδρος, δὲν ἠμπόρεσε νὰ βαστάξῃ, μόνον ὁρμῶντας εἰς τὸ στράτευμα τῆς Ἰνδίας μὲ τὸ τάγμα του ἑκατὸν χιλιάδες, ὁποῦ ἦσαν ὅλοι διαλεκτοὶ, ἔκαμε μεγάλους φόνους καὶ πολλούς. — W (сл. стр. 55 и прим. 1) опускаетъ этотъ эпизодъ, изъ котораго сохранилось лишь нѣсколько фразъ въ описаніи боя на Евфратѣ: ὁ ἥλιος ἀπὸ τὸν κονιορτὸν ἐσκοτίσθη (сл. Нов. II.

гл. 13, стр. 69—70: сльнце оубо оть праха помрьче).... τῇ αὐτῇ τῇ ὥρα ἔσυρεν ἄνεμος δυνατὸς καὶ ἐγάλασεν ὁ κονιορτός.

f) W непосредственно продолжаетъ: τῇ αὐτῇ τῇ ὥρα δύο ἠγαπημένοι του (sc. Δαρείου) μεγιστάνοι, ὁ Καταρκούστης καὶ ὁ Ἀρισβανούστης, πολλὰ ἐγκαρδιακοὶ τοῦ Δαρείου, ἔσυραν τὰ σπαθία τους καὶ ἐκτύπησάν τον — и приводитъ къ нему Александра. — Греч. нар. книга помогаетъ намъ восполнить пропущенное: Дарій бѣжитъ εἰς τὸ κάστρον τῆς Περσίας; его убійцы: ὁ Κανταρκούστης καὶ ὁ Ἀρισβαρζάνης; Александръ посылаетъ μερικοὺς στρατιώτας сказать Персамъ, что Дарій убитъ; Филона — къ Индійцамъ (Селевка нѣтъ; сл. выше, стр. 248—9). — Бесѣда Александра съ Даріемъ; раненаго Дарія ἐβάστα ὁ Ἀλέξανδρος ἀπὸ τὴν μίαν μερέαν ἕως ἕνα τοξόβολον. — Сцена Дарія съ Роксаной (Ροξάνδρα) и Александромъ сильно сокращена: нѣтъ ни одной изъ тѣхъ поэтическихъ фразъ, которыми такъ богатъ соотвѣтствующій отдѣлъ славянскаго текста, нѣтъ и проповѣди Александра въ пользу единобожія. — Сокровища Дарія: δώδεκα στέρναις (W id. = новогреч. στέρνα: cisterna; сл. слав. истернь, бистернь и т. п.) ὅλον χρυσάφι ἁγνόν, εἴκοσι ὀσπήτια γεμάτα ἀσῆμι, καὶ δώδεκα πύργους φλωρία. Εὑρῆκαν καὶ ἑκατὸν χιλιάδες ἄλογα τοῦ σταύλου θρεμμένα, τριακόσιαις χιλιάδες στρατιωτικὰ (W вмѣсто того: χίλιες χιλιάδες ἄλογα εἰς τὴν λακινίαν[1]) χωρὶς ταῖς φοράδες), πετρίταις καὶ γρύπες τοῦ κυνηγίου χιλίους, λέοντας τοῦ κυνηγίου μαθημένους πεντακοσίους. — Пробывъ въ Персіи годъ (о Селевкѣ нѣтъ рѣчи, сл. выше, стр. 248—9), Александръ идетъ на лидійскаго царя Криса (Κρίσην). — W кончаетъ этотъ эпизодъ иначе: καὶ οὕτως ὁ Ἀλέξανδρος ὤρθωσεν καὶ ἐπῆγεν εἰς τῆς Ἰνδίας τὰ φουσάτα ἤγουν εἰς τὸν βασιλέα (sc. Πῶρον), обличая тѣмъ новый пропускъ въ своемъ текстѣ (сл. стр. 55 прим. 1).

Трудно опредѣлить отношенія разобраннаго нами эпизода о Даріи къ соотвѣтствующему отдѣлу Александровой эпистоліи Pseudocall. II, С 23 слѣд., плану которой слѣдуетъ, съ немно-

---

[1]) О λακινία см. выше, стр. 152.

гими отмѣнами, сербская рецензія романа, начиная съ разсказа о посѣщеніи Александромъ Іерусалима. Войнѣ съ Даріемъ въ эпистоліи отведена всего одна, коротенькая глава, с. 23: Александръ пишетъ: услышавъ что Дарій стоитъ со многими царями и сатрапами περὶ τὸν Ἰσσικὸν κόλπον, я, собравъ много козъ, возжегъ ночью свѣточи на ихъ рогахъ; увидѣвъ ихъ непріятели испугались численности нашего войска и обратились въ бѣгство. На мѣстѣ побѣды онъ строитъ городъ Αἰγάς, и «ἐν τῷ Ἰσσικῷ κόλπῳ.... πόλιν Ἀλεξάνδρειαν τὴν κατὰ Ἰσσόν. Κακεῖθεν πάλιν ὡδεύσαμεν μέχρι τῆς ὁδοῦ τῆς τῶν Ἀρμενίων χώρας, οὗ ἐστι τοῦ Εὐφράτου καὶ Τίγριδος ποταμοῦ ἡ πηγή». Здѣсь онъ находитъ Дарія, смертельно раненаго Бессомъ и Аріобарзаномъ (ὑπὸ Βήσσου καὶ Ἀριοβαρζάνη), но еще дышущаго: покрываетъ его своимъ плащемъ и хоронитъ почетно. Женившись на Роксанѣ, онъ велитъ Σελεύκῳ τῷ ἄρχοντι ἅπαν το Περσικὸν ἐπισυνάξαι στράτευμα, и соединивъ его съ Македонскимъ, идетъ на Египетъ.

Селевкъ, собирающій персидскія силы, далъ, вѣроятно, поводъ къ тому смѣшенію, которое мы вмѣнили прототипу сербской рецензіи: правителемъ Персіи являлся то Филонъ — то Селевкъ.

Война противъ Дарія начинается, по *эпистоліи*, съ битвы при Иссѣ; такъ и въ *разсказѣ* объ этой войнѣ у Pseudocall. I, 41 (битва на Граникѣ С. I. 28 = В. сл. выше, стр. 215) — но въ этомъ разсказѣ ничего не говорится о военной уловкѣ Александра (огни на рогахъ козъ), о которой сообщается лишь значительно позже С, II, 13: приблизившись къ Персеполю Александръ велитъ вести позади войска скотъ, къ спинамъ и хвостамъ котораго привязаны вѣтви, поднимавшія страшную пыль; Персы заключаютъ изъ этого о численности Александрова войска; ночью — другая уловка: огни, зажженные на рогахъ скота. — Эпистолія соединила, стало быть, въ разсказѣ объ одной битвѣ, Pseudocall. I, 41 и II, 13, опустила слѣдующее хожденіе за тѣмъ Александра-посла къ Дарію, его переправу черезъ рѣку Странгу (II. 14), которую Hist. de prel. краткаго типа называетъ Stragan, распространенный текстъ: Granicus (или *Tigris*), qui Persica

lingua Stragana appellatur[1]), редакція С *Арсиноей* (С II, 15: *ἐπὶ τὸν Στράγγαν τὸν καλούμενον καὶ Ἀρσινόην*); битву на этой рѣкѣ (ib. гл. 16) — и прямо переходитъ къ убіенію Дарія Бессомъ и Аріобарзаномъ — въ *Арменіи*, гдѣ *истокъ Тигра* и Евфрата. По Pseudocall. С II, 20 Александръ находитъ умирающаго Дарія, переправившись съ Македонянами черезъ *τὸν Ἀρσινόην τὸν καὶ Στράγγαν λεγόμενον ποταμόν* — въ которой мы узнаемъ *арсинойскую* рѣку нашей Александріи; вар. новогреч. нар. кн.: *εἰς τὸν ποταμὸν τῆς Ἀρμενίας*, можетъ быть, не искаженіе Арсинои: Арменію въ разсказѣ о смерти Дарія, называетъ, мы видѣли, и эпистолія: *въ Арменіи* дѣйствительно находилось озеро *Ἀρσηνή*, протекаемое *Тигромъ* (Zacher, Pseudocall., р. 130, къ Pseudocall. II, 14): арсинойская рѣка и *ποταμὸς τῆς Ἀρμενίας*.

Краткое изложеніе всего этого эпизода въ Эпистоліи даетъ лишь немного матеріаловъ для сравненія съ соотвѣтствующимъ отдѣломъ нашей Александріи. Попытаемся сблизить ея съ тѣмъ, что о Даріи разсказывается въ самомъ текстѣ Псевдокаллисѳена.

а) Первый бой у Евфрата отвѣчаетъ, вѣроятно, бою на Иссѣ (Pseudocall. С, I, 41), передъ которымъ (С, I, 39) говорится о посланіи Дарія къ сатрапамъ Гидаспу и Спинѳиру (= Jul. Val.). Персы бѣгутъ; *ἦν δὲ μετ' αὐτῶν Ἀμύντας Ἀντιοχεύς, ὃς περαιτήκει πρὸς Δαρεῖον, ἐν τοῖς ἔμπροσθεν χρόνοις Μακεδόνων ὢν τύραννος*. Въ началѣ главы редак. А (= Val.) объ Александрѣ говорится: *ὥρμησεν ἐπὶ τὸν πόλεμον διὰ τῆς Ἀραβίας*. — Въ соотвѣтствующемъ эпизодѣ Hist. de prel. (Zingerle, стр. 156—9; Kinzel, Zwei Recens., стр. 13) Дарій пишетъ сатрапамъ Prinus (Primus) и Antilochus; слѣдуетъ бой на рѣкѣ Straga (въ одной рки. распространенной редакціи: Granicus), Аминтѣ отвѣчаетъ Aminta (Amonta, Admonta): Potentissimus vir scilicet princeps milicie Darii regis sedebat tunc in illo tempore cum valida manu hostium super *Arabiam*. Что дѣло идетъ о боѣ на Иссѣ

[1]) Zingerle, стр. 26, 186.

доказываетъ между прочимъ слѣдующее сближеніе: Hist. de prel. et tam forte extitit ipsa pugna donec obtenebratus est sol compatiendo super tale homicidium nolendo videre tantum sanguinem = Pseudocall. I, 41: *καὶ αὐτὸς δὲ ὁ ἥλιος συμπαθήσας τοῖς γινομένοις καὶ μὴ κρίνας θεωρεῖν τὰ τοσαῦτα μιάσματα συνεφὴς ἐγένετο.* — Названіе рѣки Страгой = Странгой — Граникомъ могло бы дать поводъ къ предположенію, что разумѣется битва на Граникѣ (Pseudocall. C, I, 28). Отвѣтъ на это даетъ Лампрехтъ (ed. Kinzel, стр. 138 слѣд.) или его французскій оригиналъ (l. c. стр. 144; сл. v. 1220: alsus hôrt ich maister Alberichen sagen, по ркп. Vorau), въ разсказѣ котораго событія на Иссѣ и Граникѣ не только соединены, но и перенесены въ окрестности — Евфрата: Дарій оповѣщаетъ письмомъ двухъ своихъ вельможъ, Marios unde Typotes, чтобъ они не пускали Александра uber das wazzer Eufrates (l. c. v. 1165). Zingerle (l. c. стр. 31 прим.) и Kinzel (l. c. стр. 138 прим.) сближаютъ эти имена съ именами сатраповъ, упомянутыхъ выше наканунѣ Исса, а между тѣмъ дѣло идетъ о битвѣ на Граникѣ, разсказъ о которой Лампрехтъ-Альберихъ основали на историческомъ преданіи (Arrian. I, 15; Plutarchi 16; Diodor. XVII, 19. Сл. Kinzel, l. c. p. XLVIII и прим. на стр. 143—7), удержавъ его главныя черты. Новымъ является лишь имя Даріева воеводы *Mennes* (Kinzel, l. c. p. 142, Vor. hs. v. 1198), которому Дарій поручаетъ начальство надъ войсками; Александръ едва не погибъ подъ его ударами, но спасенный Клитомъ (Vor. hs. v. 1276: Daclym), въ свою очередь поражаетъ противника (l. c. v. 1380).— Mennes напоминаетъ Kinzel'ю (l. c. p. XLVIII и 147 прим.: сл. Zingerle, стр. 119—121) *Мемнона*, упоминаемаго Арріаномъ и Діодоромъ въ числѣ Даріевыхъ полководцевъ. Можетъ быть, это *Мимантъ* нашей Александріи? — Если первоначально разумѣлась битва на Граникѣ (сл. Hist. de Prel.: Straga-Granicus), то она несомнѣнно перенесена на мѣсто Исса и пріурочена къ Евфрату, какъ въ нашихъ текстахъ, гдѣ непосредственно за битвой говорится о переходѣ Александра черезъ эту рѣку

и разрушенныхъ на ней мостахъ — что Pseudocall. C, II, 9 разсказываетъ лишь позже. Огни, разложенные по повелѣнію Александра, отвѣчаютъ-ли извѣстному намъ эпизоду Pseudocallisthenes C, II, 13: о свѣточахъ на рогахъ козъ, или это повтореніе общаго мѣста, извѣстнаго намъ изъ разсказа о нашествіи Скиѳовъ-Кумановъ?

bc) За переходомъ черезъ Евфратъ слѣдуетъ у Pseudocall. C, II, 9 (Hist. de Prel. стр. 176—8) битва на рѣкѣ Тигрѣ, во время которой какой-то не-названный Персъ, переодѣтый Македоняниномъ, пытается убить Александра, прельщенный обѣщаніемъ Дарія: сдѣлать его царемъ и дать ему руку дочери. Александръ похваляетъ и отпускаетъ его. — Сербск. Александрія обратила битву на Тигрѣ въ бой подъ Вавилономъ и вставила разсказъ о взятіи этого города, неизвѣстный по текстамъ Псевдокаллисѳена. Анонимный Персъ названъ Ависомъ, эпизодъ о немъ развитъ новыми мотивами. Замѣтимъ только, что наставленіе Дарія о высокомѣріи, которое Ависъ долженъ передать Александру, напоминаетъ посланіе Дарія къ Александру Pseudocall. C, II, 17: *Καὶ γὰρ καὶ Ξέρξης ὁ τὸ φῶς μοι δείξας ὑπερφρονήσας μέγαν ἔρωτα ἔσχεν εἰς τὴν Ἑλλάδα στρατεύεσθαι, ἄπληστος χρυσίου γενόμενος καὶ τῆς ἄλλης εὐδαιμονίας τῆς ὑπαρχούσης ἡμῖν ἐκ πατέρων· Ἀπέθανεν οὖν τὸ πολὺ χρυσίον καὶ τὸ ἀργύριον καὶ πολλὰς σκηνὰς ἀπολέσας ὑπὲρ Κροῖσον τὸν Λυδὸν πλουτήσας, καὶ τὸν ἐνεστῶτα θάνατον οὐκ ἐξέφυγε.* Не изъ этого-ли упоминанія слѣдуетъ объяснить появленіе *лидійскаго Кріза*, въ сербской Александріи, гдѣ онъ принужденъ покориться — Александру? Сл. въ Hist. de prel. письмо Дарія послѣ битвы на Странгѣ (Арсинойской рѣкѣ): *Xerxes .... habuit turpitudinem in Ellada* (Zing. p. 190).

d) Pseudocall. C, II, гл. 10—12 (Hist. de prel. p. 179—83) наполнены письмами, не двигающими дѣйствія далѣе; письмомъ Дарія къ Пору (гл. 11; сл. Hist. de prel. стр. 182 и 192) нашъ текстъ пользуется позднѣе, а пока совпадаетъ, въ разсказѣ о посольствѣ Александра, съ Pseudocall. C, II, гл. 13—15 (пер-

вая часть 13-й главы говоритъ о продѣлкѣ Александра съ козами и свѣточами; сл. Hist. de prel. стр. 183): Аммонъ, явившись Александру въ образѣ Гермія, велитъ ему идти посломъ къ Дарію: его спутникъ Эвмилъ; «ἐκαθέζετο δὲ Δαρεῖος ἐπί τινος ὑψηλοτάτου δίφρου, διάδημα φορῶν ἐκ λίθων πολυτίμων, ἐσθῆτά τε σηρικὴν Βαβυλωνίοις ὑφάσμασι καὶ χρυσονήμασιν ὑφασμένην καὶ πορφύραν βασιλικὴν χρύσεά τε ὑποδήματα διὰ λίθων κεκοσμημένα μέχρι τῶν κνημῶν αὐτοῦ. χρύσεα δὲ ἀγγελίδια ἐπάνωθεν αὐτοῦ ἥπτοντο, ἕτερα δὲ περὶ τοῖς ποσὶν αὐτοῦ καὶ κύκλῳ αὐτοῦ περιέστραπτον λυχνία· σκῆπτρα δὲ ἑκατέρωθεν, στίφη δὲ μυριάδων πέριξ αὐτοῦ». — Александръ прячетъ за пазуху испиваемыя имъ чаши, число ихъ не показано (Hist. de Prel.: три. Сл. Kinzel, l. c., p. 16; Zing. p. 186), да и вообще онѣ далѣе оказываются ненужными (какъ въ сербск. Александріи), потому что Александръ ускользаетъ отъ стража, схвативъ у него факелъ и ударивъ имъ по лицу. — Узнаетъ его на пиру у царя какой-то Παράγγης (вар. Πασαργῆς, Ασαργὰς и др.; Hist. de Prel., Kinzel, l. c. p. 18: Anepolis, Anepolus, Anapolus; сл. Zing. Hist. de prel. p. 186).

е) Письмомъ Дарія къ Пору, съ просьбой о помощи, помѣщенномъ у Pseudocall. C, II, гл. 11, нашъ текстъ пользуется лишь теперь, передъ описаніемъ битвы на Арсинойской рѣкѣ = C, II, гл. 16. Письмо въ славянскомъ пересказѣ очень близко къ Псевдокаллисѳену; въ описаніи битвы есть общія мѣста, снова напоминающія бой на Иссѣ Pseudocall. C, I, 41: καὶ οὐκέτι ἦν διακρῖναι οὔτε Πέρσην, οὔτε Μακεδόνα οὔτε συμμάχους οὔτε σατράπας οὔτε ἱππέας οὔτε πεζοὺς ὑπὸ τοῦ πολλοῦ κονιορτοῦ. οὔτε γὰρ ὁ ἀὴρ ἐφαίνετο, οὔτε ἡ γῆ ἐθεωρεῖτο ὑπὸ τῶν πολλῶν λύθρων καὶ σωμάτων καὶ ἁρμάτων ἐῤῥιμμένων χαμαί. Καὶ αὐτὸς δὲ ὁ ἥλιος συμπαθήσας τοῖς γινομένοις καὶ μὲ κρίνας θεωρεῖν τὰ τοσαῦτα μιάσματα συνέφης ἐγένετο. — Hist. de prel. p. 188—189 здѣсь ближе къ Pseudocallisthenes C, II, 16, но когда въ одномъ текстѣ пространнаго типа (Zing. p. 189 прим.) Дарій бѣжитъ къ Персиполю, мы получаемъ новое соотвѣтствіе съ слав. текстомъ (сл. выше, стр. 248).

f) Отъ Pseudocall. C, II, 16 сербская Александрія прямо переходитъ къ убійству Дарія Бессомъ и Аріобарзаномъ, которые наказаны; къ бесѣдѣ Дарія и Александра, которому умирающій царь предлагаетъ въ супруги дочь свою Роксану = Pseudocallisthenes C, II, 20—21. — Всё остальное принадлежитъ спеціально нашему тексту: такъ переговоры съ Персами и Индійцами при посредствѣ Филона, (Финика) и Селевка; описаніе Даріевыхъ сокровищъ; война противъ Криза. — C, II, 20 особливо развиваетъ предсмертную рѣчь Дарія: «Ὁ σύμπασαν δοκῶν κυριεύειν γαῖαν, νυνί, ὡς ὁρᾷς, γυμνὸς εἰς γαῖαν ἔρριμμαι, ὅ ποτε ὑπὸ μυριάδων δορυφορούμενος καὶ οἷα θεὸς δοξαζόμενος, ἀπροστάτευτος, μόνος καταλέλειμμαι. Μνήσθητι, Ἀλέξανδρε, οἵας δόξης ἄφνω ἐξέπεσα, σὺ αὐτόπτης γενόμενος. Καὶ μὴ ἐάσῃς ὅλως ἐν ταύτῃ τῇ ταλαιπορίᾳ τελευτῆσαί με. ἐπίσταμαι γὰρ σπλάγχνα ἔχειν σε. Ἕλλην γὰρ εἶ σύ, καὶ οὐκ ὠμὸς Πέρσης ὡς οἱ παρ' ἡμῖν». Προστάσσει οὖν Ἀλέξανδρος, καὶ φέρουσι τὴν μητέρα Δαρείου καὶ τὴν γυναῖκα καὶ τὴν θυγατέρα αὐτοῦ Ῥωξάνην. Ὡς δὲ εἶδεν αὐτὰς Δαρεῖος εὐθὺς ἀπώλολεν καὶ ἀφασίᾳ συσχεθεὶς καὶ δακρύων πληρωθεὶς ὅλως καὶ σφόδρα τὴν καρδίαν πονήσας, καὶ τὴν ψυχὴν λίαν λυπηθεὶς ὑπὲρ τὸ δέον ἐν πολλῇ ταπεινώσει, καὶ ἀτενίσας ὀφθαλμοὺς δακρύων πλήρεις, μόλις κινηθεὶς λόγον ἐφθέγξατο πρὸς Ἀλέξανδρον· Εὐχαριστῶ σοι, ὦ βασιλεῦ Ἀλέξανδρε.... Καὶ ἀναψυχὴν λαβὼν Δαρεῖος καὶ καρδίας θεραπείαν, καὶ ἐκτείνας τὴν χεῖρα αὐτοῦ καὶ τὴν θυγατέρα κρατῆσας, εἶπε· Ταύτην, Ἀλέξανδρε βασιλεῦ, δέχου ὡς δῶρον. ἔσται δέ σοι δούλη σὺν τῇ μητρί· μία γενέσθω ἡ συγγενεία и т. д. — Съ сербск. Александріей (Александръ возсѣдаетъ на престолѣ, въ вѣнцѣ Соломона) сл. Hist. de Prel. (Kinzel, l. c. p. 20; Zing. p. 196): sedit Alexander in throno aureo, quem Cyrus rex Persarum quondam construxerat.

Матеріалъ Псевдокаллисѳена, разработанной въ отдѣлѣ нашего текста, посвященномъ отношеніямъ Александра и Дарія, представляется приблизительно слѣдующій: Pseudocall. C, I, 41 (сл. Hist. de Prel.); II, 9 (и 17); 13—15; 11; 16; 20—21. Кое-гдѣ обнаруживается сходство изложенія, но оно скрадывается

въ сербской рецензіи обиліемъ общихъ мѣстъ, реторическихъ описаній и особливо наставительныхъ изреченій. На нихъ не скупится ни Дарій, ни Поръ, ни Александръ: подвижникъ меча, онъ на столько-же, по крайней мѣрѣ, гномикъ, не забывшій Гомера, но съ бо̀льшей любовью цитующій Библію. Такое освѣщеніе его, лежащее въ общемъ планѣ нашей Александріи, обнаружится при разборѣ нѣкоторыхъ ея подробностей, которыя до сихъ поръ мы нарочно обходили.

IV.

ЭПИЗОДЪ О НАГОМУДРЕЦАХЪ (брахманахъ).

Къ разсказу о пораженіи Дарія примыкаетъ въ разбираемомъ нами романѣ хожденіе Александра въ невѣдомыя страны. Выше (стр. 226 слѣд. и 219 слѣд.) мы разобрали его планъ сравнительно съ Pseudocall. C, предоставивъ себѣ (стр. 224) подробнѣе разсмотрѣть эпизодъ о брахманахъ-нагомудрецахъ нашей Александріи, приблизительно отвѣчающій §§ 5—7 установленной нами схемѣ Псевдокаллисѳена C (сл. выше, стр. 228).

1. Побѣдивъ Дарія и Креза, Александръ «на десноу страноу вьстока поиде» (Новак. II, гл. 17) — и доходитъ по нѣкоторомъ времени до нагомудрецовъ (гл. 22 и слѣд.), на островѣ, куда переправляется сначала Филонъ, за нимъ Александръ. Нагомудрецы говорятъ по гречески и разсказываютъ о себѣ (Нова-ковичъ II, гл. 23): «Име твоѥ прежде многыихь лѣть провьз'вѣсти намь Ирак'лыи царь, наше же пришьствіѥ да вьзвѣстимь тебѣ. Ираклиѩ витезь сь Семирамидою Еллиномь царь бѣше, Тракіи и всои земли царствоваше, ꙗко оть вась наричеть се Макєдоніа. Неправде же многѣ и оубіиствоу и крьвомѣствоу и клетвопрѣстоуп'лѥнию настав'шоу, сіа Ирак'лиѥ видѣвь, ѥзыкь нашьствіѥ на зем'лю тоу, рече: «Моужоу велеоумноу вь поустиныхь изьбра себѣ житіѥ, и прѣмоудрыи вь чловѣцѣхь Соломонь глаголѥть: болѥ ѥсть чловѣкоу оть великиѥ немошти страдати,

нежели чловѣчьска стоуда трьпѣти». И се рекь Иракʼліа, и тисоуштоу голіи сьтвори, и правиѥ и чьстʼныѥ землѥ доиде, сь женами и сь децами своими, вь голиѥ ихь поставивь, и самь сь царицею своѥю, неправʼди ради и безаконіа, оть вьселѥнʼниѥ побѣже, и цѣло годиште плоувь и до землѥ сіѥ, и доиде, идеже ты, Алексенʼдре, стльпове ихь и образѣ оу златѣ изваꙗнѣ видѣль ѥси, и оубо многаа лѣта царствоваше сладʼко и добрѣ Ираклія царь сь Семирамидою царицею. И оба легь, оумрѣста. Нась же безʼглавʼнѣхь вь земли тои оставише, дрѣва вʼса запаливʼше, ꙗко да опеть вь неправедʼноу земʼлю не отидемо. Ми же прьвʼнѥмоу зломь обычаю послѣдовавʼше, и тако богь разʼгнѣва се на нась за безакониꙗ наша, и дивиѥ люди, ихь же ты видѣль ѥси, на нась напоусти, и царствіѥ наше разʼдроушише, и многиѥ оть нась оубыше. Мы же, не оумѣюште коуде вь вьселѥнʼноую изьлести, вь царстви же своѥмь оть дивиихь люди не могоушти жити, и вь си отокь вьселихомь се».

Въ W весь эпизодъ о «хожденіи» выпалъ и мы принуждены ограничиться соотвѣтствующими мѣстами новогреческой народной книги (p. 114—115): блаженные говорятъ Александру: ἡμεῖς ἀπὸ πολλοὺς χρόνους τὸ ἠξεύρομεν, ὅτι ἤθελες νὰ ἔλθῃς ἐδῶ νὰ μᾶς ἰδῇς, καὶ νὰ σὲ ἰδοῦμεν, ἐπειδὴ μᾶς τὸ εἶπεν ὁ βασιλεὺς Ἡράκλης μὲ τὴν Σεβίραν τὴν βασίλισσαν, ὁποῦ ἦτον βασιλεῖς τῶν Ἑλλήνων εἰς τὴν Μακεδονίαν, καὶ ὕστερα ἀφ' οὗ ἄρχισαν νὰ κάμουν οἱ Ἕλληνες τὰς ἀσελγείας των, εἶδε τὴν ἀκαθαρσίαν τους, ἔκαμε κάτεργα χοντρὰ πεντακόσια, ἐσύναξεν ὅλους τοὺς φρονίμους ἀπὸ τὸ βασίλειόν του καὶ ἐξέβη ἀπὸ τὸν παράνομον τόπον. Ἦλθε λοιπὸν αὐτοῦ ὅπου εἶδες τοὺς στύλους καὶ ἐκεῖ ἔζησαν καὶ οἱ δύο χρόνους πολλοὺς καὶ ἀπέθανον. Ὁ Ἡράκλης ὁ βασιλεὺς ἐπροφήτευσε καὶ εἶπέ μας τὸ ὄνομά σου καὶ πῶς θέλεις ἔλθῃ ἐδῶ. εἰς τὸν θάνατόν του ἔκαυσε τὰ καράβια ὅλα, διὰ νὰ μὴ γυρίσωμεν ὀπίσω εἰς τὸν ἁμαρτωλὸν κόσμον. ἀλλ' ἀρχίσαμεν νὰ κάνωμεν παρανομίας ὡσὰν ἤμασθεν μαθημένοι τὸν πρῶτον καιρόν. ὅθεν βλέποντας ὁ Θεὸς τὰς παρανομίας μας, ὠργίσθηκέ μας καὶ ἔστειλε τοὺς ἀγρίους ἀνθρώπους, καὶ ἐσκότωσαν μας. Ὅσον ἐγλυτώσαμεν, κατεφύγαμεν εἰς τὸ νησὶ τοῦτο.

Нагомудрецы указываютъ Александру на острова блаженныхъ въ Океанѣ: тамъ обитали, по изгнаніи изъ рая, прародители, родились Каинъ и Авель, совершилось первое братоубійство и рожденъ праведный Сиѳъ. Господь извелъ Адама и Евву изъ острова во вселенную, а Сиѳа съ чадами оставилъ; «и тіи соуть нагомудрьци, родив҆ше же се оть Сита, Адамоу оубо вьноуци суть». Такъ у Новаковича, II, гл. 24 и въ новогреческой народной книгѣ (стр. 115—116): ὁ Ἀδὰμ καὶ ἡ Εὔα εἶχαν ἐντολὴν διὰ τὸ ξύλον, ὁποῦ ἦτον μέσα εἰς τὸν παράδεισον νὰ μὴ φάγουν, ἀλλὰ παρήκουσαν τὸν λόγον τοῦ Θεοῦ καὶ ἔφαγαν, ὅθεν ἐξωρίσθηκαν ἀπὸ τὸν παράδεισον. Ἦλθον εἰς τὸν τόπον αὐτὸν, ὅπου διέτριψαν χρόνους ἑκατὸν, ἔχοντες πάντοτε τὸ βλέμμα τους πρὸς τὸν παράδεισον, καὶ ἔκλαιαν πικρά. Ἐγέννησαν δύο υἱοὺς, τὸν Κάϊν καὶ τὸν Ἄβελ. Ὁ διάβολος ἔβαλε τὸν Κάϊν καὶ ἐσκότωσε τὸν Ἄβελ τὸν ἀδελφόν του. Ἐθρηνοῦσαν πολλὰ ὁ Ἀδὰμ καὶ ἡ Εὔα διὰ τὸν φόνον τοῦ Ἄβελ. Εἶδεν ὁ Θεὸς τὸν πολὺν καὶ ἀπαρηγόρητον θρῆνόν τους, καὶ ἔστειλεν Ἄγγελον καὶ εἶπε· διὰ τί κάνετε τόσον θρῆνον καὶ ἐβαρέθη ὁ Θεὸς ἀπὸ ἐσᾶς; Ὁ Θεὸς ἀπὸ τὴν γῆν τὸν ἔπλασε, καὶ πάλιν εἰς τὴν γῆν τὸν ἀπέστειλεν, εἰς τὴν ὁποίαν ὅλοι καταντοῦν ὅσοι ἐγεννήθησαν καὶ γεννηθοῦν. Ὁ Θεὸς θέλει σᾶς δώσει ἄλλον υἱὸν τὸν Σὴθ, ἀντὶς τοῦ Ἄβελ· πλὴν εὐγῆτε ἀπὸ τὸν τόπον τοῦτον, καὶ πηγαίνετε νὰ κατοικήσετε ὅλην τὴν οἰκουμένην. Ἀφ' οὗ τελειωθοῦν πέντε χιλιάδες καὶ πεντακόσιοι χρόνοι, πάραυτα θέλετε ἰδῆ πάλιν τὸν Παράδισον. Μετὰ καιρὸν ἐγεννήθη ὁ Σὴθ, ἀνετράφη, καὶ ἐτεκνοποίησεν εἰς τὸ νησὶ αὐτὸ τῶν Μακάρων, οἱ ὁποῖοι Μάκαρες εἶναι ἀπὸ τὴν γενεὰν τοῦ Σήθ. — Сл. болгар. нар. кн. стр. 97 слѣд.; рум. нар. кн. стр. 64 слѣд. (на островъ переправляется сначала Птолемей); Bianu, l. c. стр. 448 слѣд. (на островъ переправляется Антіохъ).

2. Покинувъ мудрецовъ Александръ отправляется далѣе и доходитъ до высокаго острова (греч. болг. нар. кн.: горы), съ котораго видитъ вдали острова блаженныхъ. Поставивъ на горѣ свою статую изъ золота, съ мечемъ въ рукѣ, показывавшей на острова, онъ снова пускается въ путь и добирается до высокой горы:

«За тоуи же гороу привезань бѣше чловѣкь веригами гвоздѣнеми; тисоуштоу же сѣжань высокь бѣше и двѣ сте сѣжьнь дебель. И сего же Алексен'дрь видѣвь сь Макидонпани, подивисе. И кь семоу же не смѣюште пристоупити, поминоуше. Плачоуштоу же чловѣкоу, глась кго. .д. дьни слишахоу. Кь горѣ велицѣи пришьдьше, женоу великоу обрѣтоше веригами кь горѣ тои привезаноу, тисоуштоу сѣжань дльгоу и двѣ сте дебелоу; зми же великь о ногоу кк свиль се бѣше, и за оуста ю дрьже, не даваше ки глаголати. И .н. дьни хода прѣшьдьше, кчаніе нѣкок ноуждно слышахоу и кзера великаа и пльна зміи видѣвше. И тоу моукамь мню бити, вь нихь же чловѣци грѣш'ніи моучити се имоуть. До океана рѣкы доидоше и макарон'скы отокь видѣв'ше; .к. бо пьпришть оть зем'лк отстоıахоу. И тоу Алексен'дрь сь вои своими таномь ста, и Алексен'дрь голик сьтворити повелѣ» (Нов. II, гл. 25; греч. нар. кн. 116—117; болгар. нар. кн. 99). Рым. нар. кн. стр. 66 знаетъ лишь первую, текстъ Віани, стр. 452—3 первую и вторую встрѣчи, при чемъ философы объясняютъ Александру, что тѣ мужчина и женщина — Адамъ и Евва.

3. Начало слѣдующей 26-й главы въ изданіи Новаковича представляетъ пропускъ: далѣе я сообщаю содержаніе по Кирило-Бѣлозерской рукописи № 1088, XV вѣка (= Jag. стр. 283—4), кстати, какъ образчикъ ея текста.

«И вшёъ в голью Птоломѣѧ (Jag. Филона) с собою поимъ ко ѡстровоу блаженых пріиде. Бѣ же во ѡстровѣ томъ трава высока и красна ѕѣло и ѡвощіемъ оукрашена. едина оубо созрѣвахоу, а дроугаѧ процвѣтахоу, третіѧ же проз.ябахоу, плода ихъ множество по земли лежахоу. Птици же красны по древїю сѣдѧще различныѧ и красны пѣсни поѧхоу, источници сладкыѧ воды ѿ кореніѧ древъ тѣхъ течахоу. вноутрь же вшё Александръ, единъ ѿ них срѣтъ его рё: Александре, миръ тебе, брате! Ѡнже к немоу рё: всѧ радость да боудет. Алексанрже хотѣ к немоу повѣствовати, ѡнже рё: поиди въ ноутреноую и приведоу тѧ ко старѣйшемоу нашемоу Ивантоу, ѡнже всѧ скажеть тебѣ ѡ животѣ твоё и ѡ смрти твоеи, и ѡ прочих всѣх провозвѣсть ти во истиноу.

Александръже внoутрь вше̑. шествіе творяше. множства много людей тѣхъ срѣтахоу и в лице его целовахоу. Александръже видѣвъ ихъ оудивися, бгы бо ихъ помышляше быти а не чл̑вкы. И ведоша его ко црю своему Ивантоу. Иван же бѣ по̑ древо̑ по̑ нѣкоимъ красны̑ лежа и вода бли̑ его течаше, простерже бѣ на̑ нимъ покровъ ѿ листвія древъ тѣхъ. Александръже ре̑ к немоу: Радоуися, Ивантe рахманскы оучтлю. Ивантъ же ѿвѣща ре̑ к немоу: многа лѣта Александроу црю неоуставнаго свѣта! что к намъ пріиде, црю перстна̑ мира его̑ ради гради мятоутся и кровь изливаетсѧ? И пріимъ его за роукоу бли̑ себя посади и ѡбьемъ главоу Александровy своими роуками и сію ѡблобызыва ре̑: Радуйся всѣхъ главъ глава, егда бо ве̑ мир пріимеши и к томоу ѿчъства своего не оузриши, егда вся земьская приѡбращеши, тогда и *ада наслѣдиши.* Сія же Александръ слыша̑. сжалиси ѕѣло, Ивантоу ре̑: Почто сіе слово ре̑ ми? Иванже ре̑ емоу: Велеоумномоу не по̑бае̑ толковати. Александръ же ре̑ к немоу: Аще повелиши да принесем ти что ѿ потребны̑ наши̑ е̑ не ѡбрѣгастся в земли вашеи. Ѡни же вси яко единѣми оусты рекоша: Даи же намъ, црю Александре. бесмертіе; помираем бо. Александр же к ни̑ ре̑: яко не бесмертенъ азъ есмь. каково бесмртіе вамъ подамъ? И Птоломѣю (Нов. Филону) ре̑. хлѣбъ чистъ и вино принести повелѣ. Ивантъ же сіе видѣ ничто̑ не пріемъ ре̑: Не намъ пища сія. но вамъ. мнѣ-же пища сія ѿ древа сего есть, питіе же ѿ источника сего есть, земнородно бо ми есть тѣло, ѿ мтри земли питаетсѧ, ѡдѣніе же ми есть листвіе, а оумъ нашь есть на нбсе̑. не печемся ни ѡ чемъ земны̑ спроста: а житіе наше бестрашно есть. а на многа лѣта продлѣемсѧ. егда̑ ѿ житіѧ сего тлѣнна̑ отходимъ, въ дроугое нетлѣнное приходимъ идѣже оумъ нашь всегда. — И ѡ си̑ Александръ подиви̑ прослезивсѧ ре̑: Во истиноу сіи чл̑вци бжтвеное житіе живоуще, Ивантоу ре̑: ѿкоудоу зде вселистесѧ? Ѡнже к немоу ре̑: Адамли оубо внoуци есмѧ, яко̑ и вы есте. Адамоу бо ѿсоудоу бжіимъ повелѣніемъ ѿшешоу, мы̑ ѡстахомсѧ зде. снове Сифовы есмѧ сна Адамова. его̑ вмѣсто дарова Бъ Авелѧ. Ре̑ же Ивантъ ко Алеѯандроу: Вы

оубо пестрыѧ (ркп. перстыѧ) ризы носите и различныѧ пища ꙗсте и ратоующе ратоуеми, бьюще и бьеми, закалающе (закалаеми) подобни себѣ человци и ѿ ни закалаеми. и цртва и величества ищете. и ꙗкож оубози члвци оумираете и помышлѧете всегда ѡ пленовѣ и ѡ ратѣ и ѡ кровопролитїи. егдаж ва не лоучитсѧ рать, тогда на дивїе ѕвѣри находѧще оубиваете ихъ, и тако тѣло свое съ дшами прелщаете и напрасно оумираете. Елицѣхже ѿ ва сты мнитесѧ си в макарискы (ркп. маририскы) ѡтоцѣ глють быти и жити. да ѿколе ты во блжны во ѡстрвъ вшелъ еси? (Нов. II, гл. 26, стр. 87: ако ли клицехь оть вась светыхь мните, и сихь вь Макарон'скыихъ отоцѣхь мните быти и жити глаголкте, да оть коле ты въ Макарон'скыи отокь дошьль кси, аште оть праведнокь вашихь кого познавакши ли, ишти кда кого наидеши здѣ). Александрже к немоу ре: Всѧ глемаꙗ тобою слака ми ꙗвиша, но скажи ми како вы ражаетесѧ, понеже [же]ньска полоу в ва не вижоу? Ивантъ же ре: Оу на есть жены, но не соу зде, но во ино ѡстровѣ противоу намъ соут, на го единою сѣмо приходѧ к на. .л. днъ, пакы възвращаютсѧ во свои ѡстровъ (Нов. I. с. р. 87: на годиноу же кь нимь приходимо кдноушть, и сь ними прѣбыв'ше .л. дьніи, пакы вьз'вратимь се вь отокь сь). егдаж кои родитсѧ дѣтищь, не к томоу ѿць его с женою сочтаетсѧ, аще моуж снъ породитсѧ, трехъ лѣт взимаемъ его, аще женскыи полъ родитсѧ, с женами пребываю. Алеѯандрже к немоу ре: Хотѣл бы ѡстровъ тои видѣти, аще ва оугодно есть. Ивантъж ре к немоу: Ѡстрва того доидеши, вноутрьж ничтож имаши видѣти, до негож дошед вноутрь не поглѧдаи. не имат бо члвкъ живъ быти вноутрь поглѧдавъ. Александрже сими словесы оувѣри во ѡстровъ поиде ѡнъ. Сл. Нов. II. гл. 26; греч. нар. книга, стр. 117—119 = болг. нар. кн. стр. 99—102. Укажемъ на нѣкоторыя отличія греческаго текста. Въ описаніи острова блаженныхъ есть новыя подробности: *Εἶχε τὸ νησὶ ἐκεῖνο πωρικὰ πολλὰ καὶ ἀναρίθμητα. Ἦτον τὸ νησὶ ἱστορισμένον μὲ εἰκόνας καὶ ἄλλα θαυμαστὰ πράγματα, τὰ ὁποῖα δὲν τὰ εἶδεν ὀφθαλμὸς ἀνθρώπου. Ὁ καρπὸς ἐκείτετο εἰς τὴν γῆν πολὺς, καὶ εἰς τοὺς λάκκους*

τῶν δένδρων ἐκάθοντο πουλία περισσά πολλῶν λογιῶν, ὁποῦ ἐλαλοῦσαν εὔμορφα, τῶν ὁποίων ὁ κελαδισμὸς ἦτον χαρᾶς καὶ λύπης ἀνταμωμένος. Въ разговорѣ съ Эвантомъ нѣтъ вторичнаго указанія, что блаженные — потомки Сиѳа, и нѣтъ характерной просьбы: дать имъ безсмертіе. Хлѣбъ и вино приноситъ не Птоломей и не Филонъ а Антіохъ; у Bianu, l. c. стр. 454 Птоломей и Антіохъ являются спутниками Александра у Эванта.—Румынская Александрія (рум. нар. кн. 68; рум. К. $^{30}/_{43}$; Bianu 455—6) представляетъ въ нашемъ эпизодѣ нѣсколько лишнихъ подробностей, не встрѣченныхъ нами въ славянскихъ текстахъ: Эвантъ сидитъ на золотомъ престолѣ и въ золотомъ вѣнцѣ; у его ногъ источникъ; зачерпнувъ въ немъ воды, онъ подаетъ кубокъ Александру: то вода юности; когда состарѣется человѣкъ и искупается въ ней, будетъ снова, какъ тридцатилѣтній. Александръ говоритъ, что воспользуется этимъ даромъ впослѣдствіи, а кубокъ съ водою запечаталъ и велитъ хранить [1]).

4. (Александръ отправляется на островъ) «и столпъ высокъ во ѡстровѣ то҃ ѡбрѣте ꙗко гра҃ (Новак.: зьдь мѣдень видѣвь вь отоцѣ томь), и ѡколо сего ше҃ вноутрь возрѣти не смѣ. Бг҃у единому возможно бѣ, а чл҃вкоу не возможн°. Столпъ же во ѡстровѣ то҃ постави высокъ ѕѣло, и себѧ на немъ въ златѣ сътворити повелѣ, словеса҃ греческаꙗ на немъ писавъ гл҃юща сице: Алексан҃ръ (царь) цре҃мъ весь свѣт пріатъ и ѡстрова сего присп҃ѣ, и бл҃жены

---

[1]) Bianu, l. c., p. 455—6: «ши-ꙋ̆ лоуѡ҃ Еван'ть (т. е. кубокъ), ши-ꙋ̆ ↑плꙋ де апь де сꙋпть пичорей лꙋи динь фьнтьнь ши-ꙋ̆ деде лꙋ Алеѯандрꙋ: «цине поклон̆ де ла мине цие». Алеѯандрꙋ зисе: «де че есте бꙋнь ача҃ста»? ей зис҃: «кьнд ↑бьтрьнеще ѡмꙋл ши де сь ва скьлда, ель ва ↑тинери ши фи-ва ка де .л. де ани». Ши сокоти Алеѯандрꙋ кь: «дека вою бьтрьни, ку ача҃ста мь вою скьлда ши ꙗрь вою фі тиньрь ши нꙋ вою маи мꙋри». Ши астꙋпь кондирюл бине ши-ꙋ̆ печетлꙋи ши-ꙋ̆ деде ла ꙋн апрод҃ сь-ль тот҃ пьзаскь пьнь ва фи ел.» Шмидтъ сообщаетъ то-же преданіе, какъ народное (l. c., p. 28—9), съ такими подробностями: будто служители Александра тайкомъ выпили эту живую воду и стали безсмертными и вѣдающими будущее: нарѣчницами, судицами или рожаницами (ursitorele), по другому повѣрью (у Шоттовъ) феями (măiestrele), что сидятъ обыкновенно на стрѣхахъ домовъ. — Въ основѣ этого сказанія о живой водѣ лежитъ эпизодъ Псевдокаллисѳена объ Андреѣ и Калѣ.

ωстровы видѣвъ и тоу бги еллинсти бгом не ωбрѣт. еллинсти бзи в долнѣиших ада в тартарь геωны моучими соу съ дїаволо повеленіемъ бга Саваωоа. Да аще кто дроугіи по мнѣ прїиде во ωстровъ сеи, на вся гладаи, внoутрь не гладаи. бoу бо единомоу возможно. И вь макары ωстровы воз(в)ративсѧ ко Ивантоу пристоупивъ Алексаnръ ре: Возвѣсти ми ω нагомдрецѣхь, что напреди есть. Ѡн же к немоу ре: Море сіе, в немже ωстрови мнози наши соут, ωкіанъ наричетсѧ и всю землю ωбтичет и вси рѣки в него текоут. по ωнои же странѣ гороу юже зриши ωвощіѧми различными оукрашеноу, то есть Единъ ѿ ва нарицаетсѧ, идѣже Гь Бь Саваωоъ в зачало лѣтом раи насади и на встоцѣ во Едемѣ. и тоу Адама праωтца наше вселилъ бѧше. Ѡнже завистїю діаволею ωтпаде, оувы мнѣ, заповѣдь бжію престоупи изъ раѧ изгнанъ бы. Алексаnрже к немоу ре: Могоу ли раѧ видѣти? (Новак.: Іефан'ть же кь нкму рече: не имать доуша вь пльти соуштіа раѧ видѣти, горою бо . . . .) горою великою мевеною ωбложенъ а на-|д|верми его шестокрилатїе Серафими с пламѧнны ωроужїемъ стоѧть. но поиди, Алексаnре, ωтноудоуже пришел еси, послѣдоуи четыре рѣкам (Новак.: рѣкама, оть раѧ текоуштима, и вь вьселкн'ноую походи; инако бо видѣти не можеши. Рѣкамь бо имена соуть сіа) им же соут имена Гиωнъ, Фисонъ, Тигръ, Ефратъ. Алексаnръ же хотѧ изо ωстрова изыти, и вси его слако ωблобызахоуть. Алеѯаnрже к ни ре: Аще бы ми не скорбь за Макидонѧнъ, ꙗко да в чюжих землѧх не погибноуть, здѣ оубо с вами ωсталъ бы и агглъское житіе съ вами пожил бы (Новаковичъ: и вь в'торок божіе пришьствік близоу раѧ на зем'ли обрѣль се быхь) и второе пришествіе близоу раѧ ωбрѣлъ бы сѧ. Иваптъ же ре к немоу: Поиди сь миро, Алеѯандре, всю прїемъ землю, послѣдь и самъ въ ню поидеши» (л. 121 лиц. — 126 лиц.). — Сл. Новак. II, гл. 26—30. — Въ греч. нар. кн. стр. 120—122 (= болг. нар. кн. стр. 102—104) Александръ услышавъ о томъ, что жены блаженныхъ обрѣтаются на одномъ островѣ, хочетъ посѣтить τὸ νησὶ ἐκεῖνο. Эвантъ отвѣчаетъ: τὸ νησὶ θέλεις τὸ ἰδῇ, ἀμὴ μέσα τίποτε δὲν θέλεις ἰδῇ· εἰς τὸ κτισμα χαλκοῦν θέλεις ὑπάγῃ, ἀμὴ μέσα μὴ

βουληθῇς νὰ κυττάξῃς, ὅτι πλέον ζωὴν δὲν ἔχεις. Ὁ Ἀλέξανδρος δὲν ἐπίστευσε τοὺς λόγους του καὶ ἐδιέβη εἰς τὸ νησί· ἀλλὰ τίποτε δὲν εἶδε μέσα. Ἐδιάβη καὶ εἰς τὸ κτίσμα τὸ χαλκοῦν, τὸ ἐπεριπάτησεν ὁλογύρα, καὶ δὲν ἐτόλμησε νὰ τηρήσῃ μέσα, εἰς τὸ ὁποῖον μόνον ὁ Θεὸς ἠξεύρει τί ἦτον. — Надписи Александра нѣтъ; слѣдуетъ возвращеніе къ Эванту и вопросъ о раѣ. — Иначе въ нар. рум. книгѣ, стр. 69—71: Александръ хочетъ видѣть островъ женщинъ и спрашиваетъ о немъ Эванта; тотъ отвѣчаетъ, что — *рай* окруженъ водой, обведенъ мѣдной стѣной и т. д., и никто не можетъ его видѣть: пусть лучше Александръ вернется на свѣтъ, гдѣ его ожидаетъ Порово господство. Вмѣсто того онъ отправляется съ войскомъ на островъ женщинъ, проходитъ мимо города, не взглянувъ въ него: далѣе — до земнаго рая, гдѣ два ангела останавливаютъ его (его ждетъ Порово господство), говорятъ о четырехъ рѣкахъ, истекающихъ изъ Эдема; пусть послѣдуетъ теченію Евфрата. Выйдя на свѣтъ, Александръ ставитъ столбъ съ надписью, что онъ доходилъ до рая и вернулся вспять, остановленный ангелами.

Разборъ сообщеннаго нами эпизода сербской Александріи можетъ привести къ нѣкоторымъ выводамъ относительно его источниковъ. Прежде всего бросается въ глаза, что нагомудрецы нашего 1-го и 3-го параграфовъ являются какъ-бы дублетомъ. Одни пришли на острова съ царемъ Ираклiемъ: они отвлечены, вѣроятно, отъ статуй Иракла (и Семирамиды), встрѣченныхъ Александромъ на пути къ брахманамъ-оксидракамъ, какъ у Pseudocall. C. III. c. 34, либо непосредственно за оксидраками-гимнософистами, какъ въ Hist. de prel. пространной редакціи (Zing. l. c., стр. 214—216). У Орозія. Histor. adv. pag. III, 19 (= Justin. XII, 7, 12) говорится: «peragrata perdomitaque Alexander India cum ad saxum mirae asperitatis et altitudinis, in quod multi populi confugerant, perveniret, cognoscit Herculem ab expugnatione ejusdem saxi terrae motu prohibitum». Такъ дословно въ нѣкоторыхъ текстахъ Historia de prel. пространнаго типа (Zing. стр. 216, прим.), называющихъ Иракла —

Hercules, тогда какъ краткая версія, помѣстившая эпизодъ о статуяхъ въ другомъ мѣстѣ, употребляетъ форму Eraclius (Zing. стр. 38, прим. 2; Kinzel, Zw. Recens., стр. 30). Въ Roman d'Alixandre (ed. Michelant) не разъ говорится о границахъ, статуяхъ, гротѣ Иракла и Либера, при чемъ обращаютъ на себя вниманіе варьянты именъ: *Arcus*, Ercules (p. 312), bornes *Arcu* (p. 316), Libis et *Arcus* (p. 317), Ercules. Liber (p. 336, сл. 337), Hercul et Liber. Къ формѣ *Arcus* восходитъ несомнѣнно Ἀρκούτζης вѣнской Александріи = Еркулій славянскихъ текстовъ, тамъ и здѣсь сосѣдящіе съ именами божества, въ которомъ мы признали Діониса = Liber (сл. выше, стр. 143 и 145).

Всѣ эти представленія, равно какъ и разсказъ о городѣ, не покоренномъ Иракломъ, далеки отъ нашей легенды о народѣ Ираклія, удалившемся «неправды ради и беззаконія». Очевидно, при одномъ и томъ-же имени измѣнилось содержаніе разсказовъ. Царь греческій Ираклій, предвозвѣстившій своему народу будущее пришествіе Александра (сл. выше, стр. 265—266), напоминаетъ византійское представленіе объ императорѣ Иракліи-звѣздочетѣ, которому славянскія [1]) и румынскія [2]) рукописи, несомнѣнно восходящія къ греческому оригиналу, приписываютъ составленіе Громника съ цѣлымъ рядомъ астрологическихъ предсказаній, вродѣ слѣдующихъ: «а̑ще въ число̀ близ'нъче по́грьмить, то подвигь и̑ недугь въ ч҇лвцехь и̑ п'шеницамь тлѧ̑, плавающи^м' мльва..., а̑равитен^о̑ погибель..., и ꙗ̑влені̑[е] некоторому сы́ну»; либо: «болѧрѡ^м и̑ гра^д мь и̑ ц҇ремь погыбль и въ е̑гѵ̑п'тьскей стра́не мльва»; «бе́да по вьселен'ней ч҇лвко̑, оу̑ Ц҇ригра^д у гла^д и̑ па́губа, последиже́ въста́неть дру́гь на друга»; «кнеземь метежь и̑ войска^ѡ мь погы́бель и̑ на места гла^д и̑ прѣселені̑е».

Вторые «нагомудрецы» называются потомками Сиѳа — представленіе, связанное, несомнѣнно, съ древнимъ преданіемъ,

---

[1]) Тихонравовъ, Пам. отреч. русск. лит. II, стр. 361—72 (два текста; сл. Jagić, Opisi, IV, стр. 41 слѣд.: Сказаніе ѡ громовници (безъ имени Ираклія) и тамъ-же (стр. 43—44) греческій текстъ; Gaster. Literatura. стр. 509.

[2]) Тихонравовъ, l. c. II, стр. 363, 364, 366, 366—7.

помѣщавшимъ ихъ вблизи земнаго рая. Въ эѳіопской книгѣ Адама разсказывается, что по смерти прародителя Сиѳъ отдѣлилъ свой родъ отъ Каинова, удалившагося на западъ, а самъ остался на сѣверной сторонѣ, на горѣ у пещеры сокровищъ, гдѣ схоронено было тѣло Адамово. Сиѳъ и его потомки жили въ чистотѣ, праведности и благочестіи, не зная ни зависти, ни вражды, ни коварства, за что получили названіе дѣтей Божіихъ; земныя дѣла ихъ не занимали: они не сѣяли, не собирали жатвы, а питались плодами деревьевъ; ихъ мысли обращены были къ небу, они постоянно славословили Господа, и пѣснопѣніе ангеловъ доносилось до нихъ: они могли ихъ видѣть и слышать, потому что рай находился на небольшомъ разстояніи подъ ними и вѣтеръ приносилъ къ нимъ его благоуханія [1]). — Откровенія псевдо-Меѳодія имѣютъ въ виду ту же легенду, когда говорятъ: «тогда же (по кончинѣ Адама) ѿлѫчисѧ и Сиѳовъ родъ ѿ Каинова и възвѣдошѧ сърод̑ство свое на горѫ нѣкѫѭ сѫщѫѭ прѣмо раю» [2]).

У Эвтихія Александрійскаго, повторяющаго разсказъ эѳіопскаго апокрифа, гора, на которой похороненъ Адамъ и поселяются сыновья Сиѳа (Bani Elohim = Сыны Божіи), находится въ Индіи [3]). Позднѣе ихъ перенесли на Гермонъ, гдѣ по отреченной книгѣ Эноха [4]) состоялось совѣщаніе ангеловъ, *сыновъ*

---

[1]) Migne, Dict. des apocryphes, t. I, p. 342—343.

[2]) Тихонравовъ, l. c. II, стр. 213—214. Сл. въ славянскихъ Вопросахъ и отвѣтахъ (l. c. II, 441) ту-же легенду (о сынахъ Сиѳа и Каина), перенесенную въ другое поколѣніе: когда Господь проклялъ Хама, Симъ и Яфетъ «Хама отрекошеся: да не прикоснетсе чеда наша кь чеда Хамовіи, понеже будеть проклето семѣ его, нь да поиму̑ комужо своꙗ чеда. Симь имаше .п҃. с҃новь и .п҃. дыцеріи и б҃лви ихь. и оусимовіи с҃нове рекоше: не прикоснимѐ сестримь своимь, понеже потопь быстьи вь свѣть погибнеть. И сьвориш .в. храміне. братіа вь едну седеху, а сестри вь дру̑, тьчію на снедь сьбирахусе. и бише тако .еі. лѣтъ. И виде бѢ трьпеніе и и посла агг҃ла своего, ѿ очію плодехусе (въ другомъ спискѣ стр. 446: бесплотно со ѡчима плодꙑхоу̑), и ѿ техь изыдоше .е҃. езикь правовѣрни». Сл. Буслаевъ, Очерки II, 499.

[3]) Migne, Patrol. gr. t. CXI: Eutychii Alexandrini Patriarchae Annales, p. 910—13.

[4]) Migne, Dictionnaire des apocryphes, II, p. 428—30, ch. VII.

Божіимъ, смѣшавшихся съ дочерями человѣческими (Быт. VI, 1). Эти сыны Божіи отождествлены были съ сынами Сиѳа, впервые у Юлія Африкана [1]), и о послѣднихъ стали разсказывать слѣдующее: зная отъ Адама о благѣ, которое онъ вкушалъ въ земномъ раю, они удалились на гору Гермонъ, гдѣ и проводили жизнь въ цѣломудріи и страхѣ Божіемъ, отчего ихъ и прозвали сынами Божіими. Отъ нихъ ведетъ свое начало монашество; позднѣе, впавъ въ искушеніе, они соединились съ дочерями потомства Каина и съ тѣхъ поръ слывутъ нечестивыми [2]).

Ясно, что народъ Ираклія и потомки Сиѳа принадлежатъ двумъ различнымъ представленіямъ сербской Александріи, обнаруживающей въ нашемъ эпизодѣ еще и другія воспоминанія, плохо помиренныя между собою и потому легко возстановимыя. Такъ напримѣръ, разсказъ о Сиѳовыхъ нагомудрецахъ и ихъ царѣ Эвантѣ, несомнѣнно, разработанъ по типу гимнософистовъ Псевдокаллисѳена и Палладіевой статьи: ихъ игуменъ или начальникъ Дандамій повторился въ Эвантѣ; просьба о безсмертіи встрѣчается и у Псевдокаллисѳена (AVB III, 6 = C, II, за 35 главой: *Αἰτήσασθέ με τί θέλετε καὶ δώσω ὑμῖν. — Οἱ δὲ ἐξεβόησαν πάντες λέγοντες· Δὸς ἡμῖν ἀθανασίαν* [3]); какъ нагомудрецы сербской Александріи однажды въ году общаются съ своими женами, живущими на другомъ островѣ, такъ и брахманы Палладія — съ женами,

---

[1]) Migne, Patrol. gr. t. X. p. 66.

[2]) D'Herbelot. Bibliothèque orientale II. 117. Сл. у Веніамина Тудельскаго (Bergeron. Voyages t. I. p. 16) о сосѣднихъ съ Сидонянами языческихъ Dogzüm: у нихъ нѣтъ ни религіи, ни власти; они живутъ дикарями въ горахъ и пещерахъ. Leur païs a trois journées d'étendue jusques à la Montagne d'*Hermon*. Abominables par leurs incestes, les Pères se marient à leur filles. Ils célèbrent tous les ans une fête où tant les hommes que les femmes assistent à un banquet commun, où ils changent entre eux de femmes. Leur sentiment est que, lorsque l'âme d'un homme de bien est séparée de son corps, elle entre dans celui de quelque enfant qui est dans le moment même engendré; que si c'est un méchant homme, la sienne passe dans le corps d'un chien ou d'une autre bête.

[3]) Сл. Bocados de Oro, ed. Knust въ Mittheilungen aus dem Escurial (Stuttg. literar. Verein, 141-e Public.). p. 294 (бесѣда Александра съ berhemios = брахманами) и прим. a. b: сл. ib. p. 454—5.

находящимися по ту сторону Ганга. — Этотъ эпизодъ нашего текста особенно намъ интересенъ, потому что яснѣе всего обнаруживаетъ слѣды внѣшняго спая. Эвантъ сообщаетъ Александру, что у нихъ жены на иномъ островѣ, противу нихъ; когда Александръ обнаруживаетъ желаніе посѣтить то мѣсто, ему говорятъ, что, дойдя до него, онъ не долженъ пытаться посмотрѣть внутрь его: «не имат бо чл҃вкъ живъ бытп вноутрь погладавь». Добравшись до острова, Александръ видитъ высокую мѣдную стѣну, точно городъ, но не смѣетъ взглянуть внутрь ея — ибо это возможно одному Богу! — Очевидно, все это идетъ не къ мѣстопребыванію женъ нагомудрецовъ, не дававшихъ повода къ заявленію такой святой таинственности, а скорѣе всего къ описанію земнаго рая, которое и даетъ далѣе Эвантъ: онъ лежитъ по ту сторону Океана на горѣ, обведенъ мѣдною стѣною, и туда нельзя проникнуть смертному. Въ славянскомъ текстѣ и греч. нар. книгѣ Александръ успокоивается на этомъ указаніи, но въ румынской нар. книгѣ онъ въ самомъ дѣлѣ доходитъ до Эдема. — Несомнѣнно, здѣсь произошло смѣшеніе: въ одномъ изъ источниковъ сербской Александріи говорилось а) о нагомудрецахъ (сынахъ Сиѳа), которыхъ посѣтилъ Александръ, и b) о его неудачномъ хожденіи къ земному раю, обведенному мѣдною стѣною, недоступному людямъ. Подъ вліяніемъ Палладіева сказанія у нагомудрецовъ явились жены, живущія на другомъ, отдаленномъ отъ нихъ островѣ; введя эту подробность въ составъ предъидущаго источника, редакторъ не сумѣлъ распорядиться съ скопившимся у него матеріаломъ и заставилъ Александра отправиться къ брахманскимъ женамъ, окруживъ ихъ непонятной тайной и неприступною заповѣдностью земнаго рая.

Результатомъ этого сопоставленія является, что между источниками сербскаго романа находился и разсказъ о хожденіи Александра къ земному раю, въ родѣ извѣстнаго, талмудическаго по происхожденію, встрѣчающагося у Низами, въ латинской обработкѣ XII вѣка, въ Roman d'Alexandre и его интерполяціи и въ нѣмецкомъ отраженіи старофранцузской Александріи, приписывае-

мой Aubry de Besançon [1]). Въ латинскомъ текстѣ повѣсти говорится, что Александръ дошелъ до рѣки Ганга, «qui et Physon, cujus origo est Paradisus voluptatis»; послѣ продолжительнаго плаванія онъ видитъ «quasi edificium civitatis mire altitudinis et longitudinis. Quo cum nimia difficultate pervenientes, flumine suos impetus quodammodo propter littora cohibente sonitusque fragorem mitius producente, littoris angustia tellusque lutea secus maceriam iter pedestre vetabat. quapropter urbis latus, quod absque termino porrigebatur ab aquilone in austrum, pene triduo non absque tedio navigavere, explorantes sicubi forte pateret aditus ad ingrediendum. Macerie illius magna erat equalitas, nullis turribus seu propugnaculis in giro surgentibus, cujus tota superficies adeo veteri musco erat obducta, ut lapidum nulla appareret compositio vel junctura». — Александру не удается проникнуть внутрь, только изъ одного окошка ему подають чудесный камень, перевѣшивающій всѣ тяжести и оказывающійся впослѣдствіи символомъ ненасытнаго человѣческаго глаза [2]). Такъ толкуетъ Александру старикъ еврей, объясняющій, что городъ, имъ видѣнный, былъ земной рай: quod vidisti, o bone rex, urbs nec dici debet, nec est, sed maceria solida, et *impenetrabilis omni carni*, quam in terminum ulterius progrediendi statuit universorum conditor justorum spiritibus carne solutis et ibidem corporis

---

[1]) Alexandri Magni Iter ad Paradisum, ed. J. Zacher 1869; сл. Heinemann Vogelstein. Adnotationes quaedam ex litteris orientalibus petitae ad fabulas, quae de Alexandro magno circumferuntur (1863), p. 12—26; Donath. Die Alexandersage in Talmud und Midrasch (1873). стр. 34 слѣд.; Is. Lévy, *Revue des études juives* I. 293—300 (1881); Roman d'Alexandre (ed. Michelant). стр. 493—8: своеобразный пересказъ легенды. вслѣдъ за которымъ иныя рукописи романа вставляютъ её еще разъ, въ редакціи болѣе близкой къ латинскому тексту (сл. P. Meyer, Études, l. c., p. 228 слѣд.); Lamprechts Alexander. ed. Kinzel. v. 6614 слѣд. Сл. Grion, l. c., стр. CXLIII—V (эпизодъ изъ Fatti di Cesare).

[2]) Въ roman d'Alexandre (ed. Michelant) онъ видитъ «sor une piere *l'uel d'un home* gisant» (l. c. стр. 498), неизмѣримой тяжести котораго дивится; въ разсказѣ, интерполированномъ въ романъ, райскій камень замѣнило райское яблоко (Meyer, l. c.).

resurrectionem prestolantibus. fruuntur autem ibi quiete opaca, quam deus illis disposuit, sed non perhenni. quoniam post judicium recepta carne cum creatore suo regnabunt in eternum [1]).

Для хронологіи легенды о хожденіи Александра къ земному раю интересны слѣдующія соображенія Моисея Баръ-Кефы, сирійскаго епископа половины X-го вѣка: рай находится внѣ доступной людямъ земной области: одни полагаютъ его гдѣ-то въ океанѣ, на островѣ, на недоступныхъ горныхъ стремнинахъ, другіе по ту сторону океана, обтекающаго землю. И это вѣроятно: «*nemo enim unquam regulorum eo profectus paradisum conspexit:* qui si intra eam mundi partem quae ab hominibus habitatur positus esset, procul dubio *reges* qui id facere potuissent visum eum ivissent: a qua re tamen omnes adhuc.... abstinuere. Ait enim, qui in hac sunt sententia, aiunt mare illud quod inter hanc nostram et illam terram interfluit, innavigabile esse, ideoque neminem *regum* illuc trajecisse [2]).

Имя старѣйшины («царя») Спновыхъ сыновъ я не берусь объяснить: Ѥ*фантъ*, *Ифантъ*, *Ивантъ*, *Евантъ* (сербск. Александрія), Εὐάνθης (греч. нар. кн.), *Еваинѳъ* (болг. нар. кн.), *Евантъ* (Bianu), *Івант* (рум. нар. кн.).

---

[1]) Zacher, l. c., p. 21, 29.

[2]) Mosis Bar-Cepha, episcopi syri Commentaria de paradiso, y Migne, Patrol. gr. t. CXI, p. 496 (part. I, c. XII).

V.

СТРАНА БЛАЖЕННЫХЪ ВЪ АЛЕКСАНДРИИ И РАХМАНЫ-РЕХАВИТЫ ВЪ ХОЖДЕНИИ ЗОСИМЫ.

Сыновъ Сиѳа, сосѣдящихъ съ обителью Эдема, Эвтихій Александрійскій помѣстилъ гдѣ-то въ Индіи. Страну блаженныхъ естественно было представить себѣ гдѣ-нибудь далеко, у крайнихъ предѣловъ обитаемаго міра; матеріаломъ для изображенія ихъ святого житія могли быть идеализованныя свѣдѣнія о дѣйствительныхъ бытовыхъ отношеніяхъ въ средѣ того или другого народа; въ христіанскую пору эта идеализація получила опредѣленный колоритъ: блаженные живутъ вблизи земнаго рая.

Точкой отправленія для его индійской локализаціи могли быть представленія о буддистскихъ сраманахъ. Мегасѳенъ (у Страбона XV, стр. 711 слѣд.) различаетъ среди индійскихъ философовъ поклонниковъ Діониса и Иракла и, далѣе, Брахмановъ и Сармановъ. «Τοὺς δὲ Σαρμάνας, τοὺς μὲν ἐντιμοτάτους ὑλοβίους φησὶν ὀνομάζεσθαι, ζῶντας ἐν ταῖς ὕλαις ὑπὸ φύλλων καὶ καρπῶν ἀγρίων, ἐσθῆτας δ'ἔχειν ἀπὸ φλοιῶν δενδρείων, ἀφροδισίων χωρὶς καὶ οἴνου. τοῖς δὲ βασιλεῦσι συνεῖναι, δι'ἀγγέλων πυνθανομένοις περὶ τῶν αἰτίων, καὶ δι'ἐκείνων θεραπεύουσι καὶ λιτανεύουσι τὸ θεῖον [1]).

---

[1]) Сл. C. Müller, Fragmenta Histor. Graec. v. II, p. 435—9 и прим. издателя.

Этихъ Сармановъ, не имѣющихъ ни городовъ, ни селъ, питающихся и одѣвающихся отъ деревьевъ, пьющихъ лишь воду пригоршней и не знающихъ брака. — Климентъ Александрійскій сравнивалъ съ Энкратитами [1]). Позднѣе идеализація пошла и далѣе, если въ Камаринахъ, сосѣднихъ съ Брахманами, позволено усмотрѣть древнихъ Сармановъ-Срамановъ. Въ Expositio totius mundi et gentium, переводѣ греческаго трактата IV-го вѣка, передѣланномъ, преимущественно со стороны стиля, какимъ-то писателемъ поры Фульгенція (= текстъ C), разсказывается о Камаринахъ, которыхъ ищутъ у индійской Κάρμαρα, Κάμαρα Птолемея [2]):

«Gentes aiunt esse Camarinorum in partibus orientis, *cuius terram Moyses Eden nominando descripsit;* unde et fluvius maximus exire dicitur et dividi in *quattuor flumina*, quorum nomina haec sunt: *Geon*, *Phison*, *Tigris et Euphrates*. Isti autem homines, qui praedictam terram inhabitant, sunt valde pii et boni, apud quos *nulla malitia invenitur neque corporis neque animi*. Si autem vis aliquid certius discere: dicunt eos quod neque pane hoc nostro communi utuntur neque aliquo simili cibo neque igne, quo nos utimur, sed panem quidem eis plui per singulos dies asserunt, et bibere de agresti melle et pipere. Ignis autem eorum solis esse perhibetur flagrantiae tantae, ut statim quod e caelo in terram diffunditur, potuissent omnes exuri, nisi se cito in fluvium mitterent, in quo tamdiu volvuntur, donec idem ignis in locum suum denuo revertatur».

Къ этому эпизоду, находящемуся лишь въ позднѣйшей редензіи текста (= C), примыкаетъ начало древняго (= G), который и сообщаемъ далѣе, безъ указаній всѣхъ стилистическихъ отличій C.

«Sunt autem et sine imperio, se regentes videlicet. Escam vero non utuntur omnibus communem. Scilicet quod neque mali-

---

[1]) Strom. I, 15, 71, ed. Dindorf.

[2]) Сл. Riese, Geographi latini minores, p. 105—7; сл. Prolegom. p. XXX и XXXII и C. Müller, l. c., v. II, p. 513—515.

tiam corporis nostri habent; neque enim pulex neque pediculus nec cimex aut lendes apud eos invenitur, aut in corpore aliquid infirmum. Neque enim vestimenta utuntur omnibus communia: sed ita inlibata est vestis eorum, quae neque insordidari potest; et si hoc contingat, per ignis gladium loturam expectant, ardens enim melior fit [1]). Neque seminant neque metunt. Sunt enim species excellentes variae et preciosae, veluti lapides pretiosi, hoc est smaragdi, margaritas, iacinti et carbunculus et saphirus in montibus, et inde omnes exeunt sic, secundum hunc modum. Fluvius exiens exit in montibus, per singulos dies ac noctes manans, magis vero adsidet (C: decurrens enim fluvius diebus et noctibus montem abscindit et illius crusta aquarum impetum trahit), in multitudine aquae trahitur. Proximae gentis astutia invenit artem, per quam quae exinde exeunt invenire possit; facientes retias in angusta loca fluvii suscipiunt ventura [2]). Cum

---

[1]) Сл. примѣчаніе Миллера, l. c., къ § 5 (Steph. Byz. s. v. Βραχμᾶνες, съ ссылкой на Hierocles Syrus ἐν τοῖς Φιλίστορσι; Plin. 19, 4, 19) и Marco Polo: «Ibi sunt montes, ubi sunt bonae venae de acçaio et andanico, et in ista montanea est una alia vena unde fit salamandra. Salamandra autem non est bestia sicut dicitur quae vivat in igne, sed dicam vobis quomodo fit salamandra. Слѣдуетъ описаніе приготовленія асбеста: et fit inde pannus sive tovaliae.... et quandocumque sunt sucidae, ponuntur in igne et non comburuntur nec laeduntur, sed fiunt albae sicut nix, et istae sunt salamandrae, et aliae sunt fabulae quod sit bestia» (Recueil de Voy. t. I, p. 343, 344; сл. Yule, The book of ser Marco Polo I, стр. 194—5). Въ посланіи Пресвитера (сл. слѣд. прим.) salamandrae = vermes: сл. Roman d'Alexandre, ed. Michelant, p. 54 (beste): въ Baudouin de Sebourc, p. 54—5, въ роли саламандры очевидно является фениксъ.

[2]) Съ приведенными извлеченіями изъ Expositio сл. слѣдующія изъ посланія Пресвитера Іоанна (ed. Zarncke): въ его странѣ нѣтъ *ядовитыхъ звѣрей*: inter paganos per quandam provinciam nostram transit *fluvius*, qui vocatur *Ydonus*. Fluvius iste *de Paradiso progrediens*, expandit sinus suos per universam provinciam illam diversis meatibus, et ibi inveniuntur naturales lapides, smaragdi, saphiri, carbunculi и т. д. (§§ 21, 22);... nemus situm est ad radicem montis Olimpi, unde fons perspicuus oritur, omnium specierum in se saporem retinens.... dierum trium non longe a *paradyso*, unde Adam expulsus est (§ 27). Слѣдуетъ описаніе «harenosum mare sine aqua» (§ 31) и «fluvius lapidum» (§ 32, за которымъ живутъ «X tribus Judaeorum» § 41); «juxta desertum inter montes inhabitabiles sub terra fluit *rivulus* quidam, ad quem non patet transitus, nisi ex fortuito casu. Et *quicquit de harena rapit, lapides preciosi sunt et gemmae*, quia

tanta vero felicitate neque laborant neque aegrotant, solum autem moriuntur scientes et diem mortis suae: moriuntur enim omnium centum decem et octo et centum viginti annorum. Et maior minoris mortem non videt, nec parentes filiorum. Scientes singuli diem mortis suae sibi faciunt sarcofagum de aromatibus varium, quoniam ad eos omnia aromata abundant. et ponens se ibi expectat expetentem animam; ventura autem hora omnes salutans et omnibus valedicens sic debitum reddit. et est multa securitas. Et hoc quidem huius gentis bona ex parte diximus: multa enim habentes dicere praetermisimus. Habitatio autem terrae eorum est mansionum septuaginta». — За нами слѣдуютъ «occidentes Brachmani», сосѣдящіе съ Кармарой и у Птолемея [1]); далѣе regio Eviltarum, библ. Evilat, которую географъ Равеннскій и Епифаній помѣщаютъ рядомъ съ Брахманами [2]); «altera gens quae vocatur Emer»: «post hos regio quae appellatur Nebusa, qua invenitur tyrannorum initium». Отсюда уже начинается область людскаго труда: «hinc seminatio et messio. Praedictae autem gentes sive Camarinas vivunt pomis et piper et mella; Camarini panem enim caelestem cotidianum accipiunt. Inter eos omnis nec irascitur, nec iudicium appetunt, neque rixa neque cupiditas neque dolum vel aliquit mali est».

---

harena et sabulum nihil aliud sunt nisi lapides preciosi et gemmae. Et rivulus iste fluit in aliud flumen amplioris magnitudinis, in quod homines terrae nostrae intrant et *maximam habundantiam preciosorum lapidum inde trahunt* (§§ 38—9). In alia quadam provincia juxta torridam zonam sunt *vermes*, qui lingua nostra dicuntur *salamandrae*. Isti vermes non possunt vivere nisi in igne et faciunt pelliculam quandum circa se, sicut alii vermes, qui faciunt sericum. Haec pellicula a dominabus palacii nostri studiose apparatur, et inde habemus pannos et vestes ad omnem usum excellentiae nostrae. *Isti panni non nisi in igne fortiter accenso lavantur* (§§ 42—3). — Fur nec praedo invenitur apud nos, nec adulator habet ibi locum nec avaricia. Nulla divisio est apud nos (§ 46).

[1]) **Müller**, l. c. прим. къ § 4.

[2]) l. c. прим. § 9. По замѣчанію издателя «in libris Generationum ex Evilat originem ducunt gymnosophistae, vel, secundum Syncellum, Γαγγινοί, Gangis accolae». Толкуя Быт. II, 10 Моисей Баръ Кефа говоритъ, что одна изъ райскихъ рѣкъ, Физонъ, «totam Indorum ditionem alluit (haec enim Havilae nomine significatur): въ ея пескѣ и на берегахъ много золота и драгоцѣнныхъ камней. Сл. **Migne**, Patrol. gr. t. CXI, part. I, c. XXI (p. 512) и XXVIII (p. 528).

Иную локализацію страны «блаженныхъ» представляютъ отреченныя дѣянія ап. Матвѣя [1]). Въ Коптскомъ текстѣ разсказывается, что онъ явился для проповѣди въ градъ Prokumenos, т. е. веселія, либо, по арабскому синаксарю, въ страну *Блаженныхъ*, съ которыми всегда общается Господь. Апостолъ видитъ Его, спустившагося на свѣтломъ облакѣ, видитъ арханг. Гавріила, приведшаго съ собою 144 тысячи младенцевъ, избитыхъ Иродомъ; весь народъ вторитъ ихъ словословію. Въ этой странѣ не ощущаютъ потребности въ золотѣ и серебрѣ, не ѣдятъ мяса и не пьютъ вина; пищей служитъ медъ, питьемъ — роса съ древесныхъ листьевъ. На женъ своихъ эти люди не взираютъ съ плотскою похотью, первородныхъ дѣтей посвѣщаютъ Богу на трехлѣтнее служеніе: не носятъ одеждъ, сдѣланныхъ рукой человѣка и не знаютъ лжи. Юноша у нихъ не говоритъ передъ лицомъ старца, жены не соблазняютъ мужей и не соблазняются ими; когда вѣетъ вѣтеръ, онъ приноситъ имъ благоуханіе (райскихъ?) садовъ. Нѣтъ тамъ ни зимы, ни лѣта, ни инея, а дуновеніе жизни. — Греческая редакція тѣхъ-же дѣяній предполагаетъ подобный-же эпизодъ: мальчика, въ образѣ котораго предсталъ Христосъ, апостолъ принимаетъ за одного изъ виѳлеемскихъ младенцевъ, видѣнныхъ имъ въ *раю*: коптскій апокрифъ имѣетъ, очевидно, въ виду этотъ *земной рай*; его изображеніе напоминаетъ и гимнософистовъ Палладія и сыновъ Сиоа, къ которымъ вѣтеръ также доноситъ райское благоуханіе. Интересно при этомъ, что непосредственно за посѣщеніемъ страны блаженныхъ или веселія ап. Матвѣй по коптскому тексту идетъ въ Kahanat, страну языческихъ прорицателей или жрецовъ, въ которыхъ Lipsius видитъ вавилонскихъ маговъ, тогда какъ греческія дѣянія заставляютъ его отправиться въ Мирну, Μυρμηκιών таврическаго Херсонеса, по мнѣнію Гудшмидта, а англосаксонская поэма объ ап. Андреѣ помѣщаетъ свою Mermedonia — въ Эѳіопіи.

---

[1]) Lipsius, Die Apocryphen Apostelgeschichten und Apostellegenden II, 2, стр. 108 и далѣе; сл. стр. 119 и I, стр. 603—4.

Это открываетъ намъ новую область, къ которой пріурочивали страну блаженныхъ. Псевдокаллисөенъ С несомнѣнно помѣщалъ её гдѣ-то въ Африкѣ: туда-же приводятъ Александра и талмудическія легенды, которыя мы разсмотримъ въ болѣе общей связи.

Въ IV-й (апокрифической) книгѣ Эздры XIII разсказывается о десяти колѣнахъ израильскихъ, что Салманассаръ, царь ассирійскій, μετέθηκεν αὐτοὺς πέραν τοῦ ποταμοῦ, καὶ μετετέθησαν εἰς γῆν ἄλλην· αὐτοὶ δὲ ἑαυτοῖς ἐβουλεύσαντο τοῦτο, ἵνα ἐγκαταλίποιεν τὸ πλῆθος τῶν ἐθνῶν καὶ πορευθεῖεν εἰς πορρωτέραν χώραν, ὅπου οὐπώποτε κατῴκησε γένος ἀνθρώπινον, ἵνα ἐκεῖ γε τηροῖεν τὰ νόμιμα αὐτῶν, ἃ οὐκ ἦσαν τηροῦντες ἐν τῇ χώρᾳ αὐτῶν. δι'εἰσόδων δὲ στενῶν τοῦ Εὐφράτου ποταμοῦ εἰσῆλθον. ἐποίησε γὰρ αὐτοῖς τότε ὁ ὕψιστος σημεῖα καὶ ἔστησε τὰς κρήνας τοῦ ποταμοῦ, ἕως ἂν διέλθωσι. δι' αὐτῆς δὲ τῆς χώρας ἦν ὁδοιπορία πολλὴ ἔτους ἑνὸς καὶ ἡμισέως, ἡ δὲ χώρα ἐκείνη καλεῖται Ἀρζαρέθ (въ лат. текстѣ: Arzareth; въ сир. Arzaph, finis mundi; въ арабск. Acsarâri et Ararawin). τότε κατῴκησαν ἐκεῖ ἕως τοῦ ἐσχάτου καιροῦ. καὶ νῦν, πάλιν ἀρξομένων ἐλθεῖν, πάλιν ὁ ὕψιστος στήσει τὰς κρήνας τοῦ ποταμοῦ, ἵνα δύνωνται διελθεῖν» [1]).

Указанія апокрифа на загадочный Ἀρζαρέθ вызывало попытки объясненія — и вотъ десять израильскихъ колѣнъ принялись искать повсюду: во Фригіи, въ Мидіи до Кавказа, въ Африкѣ, въ горахъ Seloug, наконецъ у баснословной рѣки Самбатіонъ, которую находятъ у Ливана, въ Африкѣ, Курдистанѣ и т. п., либо отожествляютъ съ Гангомъ: шесть дней она течетъ, на седьмой, субботній, ея воды останавливаются [2]). Разсказывали

[1]) Сл. A. Hilgenfeld, Messias Judaeorum (1869), стр. 101 и тамъ-же соотвѣтствующіе эпизоды латинскаго (стр. 176—7), сирійскаго (стр. 256), эөіопскаго (стр. 316—7) и арабскаго (стр. 372—3) текстовъ. Латинскій текстъ у Fritzsche, Libri apocryphi veteris Testamenti graece (1871), стр. 634—5.

[2]) Neubauer, La géographie du Talmud, p. 33—34, 299, 372, 386; сл. 400 слѣд. О Самбатіонѣ см. Grünbaum, Nachträge zu den Bemerkungen über die Samaritaner, въ Zeitschr. d. deutsch. morgenl. Gesellschaft, B. XXIII, стр. 627—630; его-же: Jüdisch-deutsche Chrestomathie (1882), стр. 497—8; Midrasch Bereschit Rabba у Wünsche, l. c., Lief. II, стр. 48.

о десяти колѣнахъ, что они изгнаны за *«горы мрака»*; Guedalia ibn Yahia говоритъ о *«Каспійскихъ горахъ»* [1]), что сближали съ извѣстными подробностями Псевдокаллисоена С III. 26: Александръ запираетъ за двумя горами, сошедшимися по его молитвѣ, нечистые народы: Гога, Магога и др.; то мѣсто онъ назвалъ *каспійскими воротами*, горы стоятъ ἐν τῷ ἀφανεῖ κόσμῳ. Тотъ же разсказъ повторяется и въ III, 29 (А, С): горы «ὑπερβάλλουσι γὰρ εἰς ὕψος τὰς τοῦ οὐρανοῦ νεφέλας, καὶ οὕτως ἐκτεταμένα εἰσὶ τὰ ὄρη ὡς τείχη δύο ἐκ δεξιῶν καὶ ἐξ εὐωνύμων πρὸς βορρᾶν ἕως τῆς μεγάλης θαλάσσης τῆς ὑπὸ ἄνσον (sic) καὶ τὸν σκοτεινὸν τόπον». Распространенное въ средніе вѣка отождествленіе нечистыхъ народовъ Александра съ десятью колѣнами израильскими опредѣлило пріуроченіе послѣднихъ за Каспіей [2]) и *«горами мрака»*, гдѣ властвуетъ и царь *Кассіи* талмудической легенды о немъ и объ Александрѣ Великомъ; если, какъ полагаютъ [3]), Cassia (сознательное) искаженіе Caspia, то оно обратило бы насъ еще разъ къ памяти о каспійскихъ горахъ Александріи.

Легенда о царѣ Кассіи, впослѣдствіи примѣненная къ Давиду и Соломону [4]), распространена была въ нѣсколькихъ пересказахъ и въ средніе вѣка извѣстна въ переводахъ съ арабскаго. Въ древнѣйшей редакціи (Bereschit Rabba) ея содержаніе слѣдующее [5]): Александръ пошелъ къ царю Кассіи, за горы мрака; тотъ встрѣтилъ его, неся золотые хлѣбы (кашу?) на золотомъ

---

[1]) Israél Levi, La légende d'Alexandre dans le Talmud et le Midrasch, *Rev. des études Juives* № 13, Juillet-Septembre 1883, p. 86. Сл. Grünbaum, Nachträge. l. c., стр. 629, прим. 1 (колѣна Іюды и Симона *за горами мрака*).

[2]) Сл. библіографическую замѣтку въ моихъ Южно-русскихъ былинахъ. вып. II, стр. 178—9, прим. 1; Zingerle, l. c., стр. 67, 95, 101, 124. Если Рудольфъ Эмсскій говоритъ объ этихъ Евреяхъ, что они окружены горами и вѣчно *волнующимся песчанымъ моремъ*, то это—образъ рѣки Самбатіонъ и Эпистоліи Пресвитера Іоанна (сл. выше, стр. 219).

[3]) Levi, l. c., стр. 86.

[4]) l. c., стр. 92; сл. мои Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ. стр. 97 и прим. 2—3; Bocados de Oro ed. Knust, l. c., p. 296—297: Cay = Cassia.

[5]) Israél Levi, l. c., стр. 84 слѣд.; Wünsche, Bibl. rabbinica IV, стр. 143.

блюдѣ. «Развѣ мнѣ нужны твои богатства?» спросилъ Александръ. «А развѣ тебѣ нечѣмъ было кормиться, что ты пришелъ сюда?» — «Я пришелъ, чтобы посмотрѣть, какъ вы судите». Въ это время явились къ царю два человѣка; одинъ жалуется на другого: «Вотъ онъ продалъ мнѣ поле, а я нашелъ въ немъ кладъ, котораго не имѣлъ въ виду купить». — Отвѣтчикъ: «Я продалъ ему поле со всѣмъ, что въ немъ было». Царь спросилъ одного изъ нихъ: «Есть ли у тебя сынъ?» «Есть». «А нѣтъ ли у тебя дочери?» спрашиваетъ онъ другого. «Есть». «Такъ пожените ихъ, и пусть кладъ будетъ ихъ собственностью», рѣшаетъ царь. Замѣтивъ удивленіе Александра, онъ самъ удивляется: «Развѣ я несправедливо разсудилъ?» «Справедливо». «Какъ бы у васъ рѣшили это дѣло?» «Мы предали бы смерти истца и отвѣтчика, а ихъ достояніе захватили бы». «Идетъ ли у васъ дождь?» «Идетъ». «Свѣтитъ ли солнце?» «Да». «Есть ли у васъ малыя животныя?» «Есть». «Такъ ради нихъ, а не для васъ идетъ дождь и свѣтитъ солнце, ибо сказано: Человѣка и звѣря спасаешь ты, Предвѣчный» [1]).

Въ 1083 году аббатъ Ламбертъ разсказалъ ту же повѣсть какому-то прелату: вмѣсто царя Кассіи является начальникъ брахмановъ Ди(н)димъ, съ которымъ Александръ бесѣдуетъ у Палладія и Псевдокаллисөена. Содержаніе суда то-же, нѣтъ только предложенія покончить споръ миромъ. Узнавъ отъ Александра, что въ его странѣ природа расточаетъ свои благодѣянія человѣку, Ди(н)димъ замѣчаетъ: Haec quidem dona Creatoris licet alendis ibi pervenirent creaturis, scirent profecto homines tantae injustitiae et cupiditatis illa non suis modo debita meritis, sed in eadem subsistentibus vel volatilibus vel bestiis. Съ этими измѣненіями легенда о судѣ вошла, какъ увидимъ, въ Roman d'Alexandre [2]).

---

[1]) Сл. въ моихъ Разысканіяхъ VIII, стр. 315, прим. 1, болгарскую легенду объ Ильѣ: хлѣбъ оставленъ людямъ не ради нихъ, а — для собаки. Легенда эта встрѣчается и въ другихъ народныхъ пересказахъ.

[2]) I. Lévi, l. c., стр. 92 и 93, прим. 1.

По талмудическимъ повѣрьямъ за «горами мрака» живутъ и Амазонки. Въ Pesikta Rab Kahana Александръ идетъ къ царю Кассіи, за горы мрака, но далѣе — царь забытъ, и говорится о городѣ Карѳагенѣ, населенномъ женщинами, которыя увѣщаютъ завоевателя, что ему одинаково не будетъ почета, побѣдитъ ли онъ ихъ или будетъ ими побѣжденъ. Александръ удаляется, смущенный мудростью женщинъ, идетъ въ городъ, который зовется *Африкой*, — и здѣсь-то ему подносятъ золотые яблоки, гранаты и хлѣбы, какъ выше въ разсказѣ о царѣ Кассіи. Развѣ у васъ ѣдятъ золото? спрашиваетъ Александръ. — Развѣ у васъ не то-же, что ты къ намъ явился? — Я пришелъ не для вашего богатства, а чтобъ узнать ваше правосудіе — и онъ знакомится съ нимъ въ слѣдующемъ далѣе разбирательствѣ въ присутствіи царя [1]). — Въ Вавилонскомъ Талмудѣ (Thamid 31 b) Александръ бесѣдуетъ на своемъ пути къ югу съ мудрецами (десять вопросовъ) и спрашиваетъ, какимъ образомъ ему проникнуть въ *Африку*. Тѣ отвѣчаютъ, что онъ будетъ остановленъ «горами мрака», и совѣтуютъ взять съ собою ливійскихъ мулицъ, привычныхъ къ темнотѣ. — Съ эпизодомъ о мулицахъ мы уже встрѣтились у Псевдокаллисѳена (С (сл. выше, стр. 221) [2]). —

---

[1]) I. Lévi, l. c., p. 89; то-же у Wünsche, Bibl. rabbin. XXX Lief., p. 93—4 (Pesikta des Rab Kahana) и XXII, p. 184 (Midrasch Wajikra Rabba). Сл. разсказъ изъ Ваикра Раба у Оршанскаго, Талмудическія сказанія объ Александрѣ Македонскомъ, въ Сборникѣ статей по еврейской исторіи и литературѣ, кн. I, вып. 1, стр. 12—14; Bocados de Oro, ed. Knust, l. c., p. 315 и прим. a.

[2]) Эпизодъ о мулицахъ или кобылахъ, характерный для Псевдокаллисѳена и его отраженій, встрѣчается и отдѣльно въ связи съ «страною мрака». Марко Поло помѣщаетъ её въ Сибири: её посѣщаютъ Татары ради добычи, ѣдутъ на кобылахъ, жеребятъ которыхъ оставляютъ у входа въ область вѣчной тьмы, и выбираются изъ нея лишь благодаря инстинкту кобылъ, чующихъ жеребятъ издали. Подобную легенду разсказываетъ Rashiduddin о походѣ на сѣверъ, въ *страну мрака* (Karâ Hulun), миѳическаго прародителя Турковъ и Татаръ, Ughuz'a: онъ велѣлъ *оставлять на пути всѣхъ стариковъ*, но одинъ изъ нихъ, мудрый Bushi Khwaja, убѣдилъ своего сына взять его съ собою — въ сундукѣ, ибо предвидѣлъ, что его совѣтъ пригодится. Совѣтъ — уже извѣстный намъ изъ Псевдокаллисѳена (сл. Yule, The book of ser Marco Polo, v. II, стр. 414—415). Въ румынской сказкѣ у Шоттовъ (Walachische Märchen стр. 12—13) разсказывается про страну, гдѣ существовалъ обычай

Слѣдуетъ разсказъ о царствѣ женщинъ, также стыдящихъ завоевателя и подносящихъ ему золотой хлѣбъ, вмѣсто обыкновеннаго, котораго онъ просилъ: «Еслибы ты хотѣлъ обыкновеннаго, тебѣ слѣдовало-бы оставаться въ твоей странѣ!». Далѣе Александръ приходитъ къ благоуханному источнику, въ которомъ оживаютъ опущенныя въ него соленыя рыбы (= Pseudocall. C: сл. выше, стр. 221); омывши его водою свое лицо, онъ доходитъ вверхъ по его теченію до вратъ Эдема, гдѣ ему подаютъ черепъ (камень?), символъ ненасытнаго человѣческаго глаза: положенный на вѣсы онъ перевѣсилъ всѣ несмѣтныя царскія сокровища (сл. выше, стр. 277—9). Къ этому эпизоду примыкаетъ, за горами мрака, извѣстный уже намъ судъ у Африканскаго царя [1].

Съ этой версіей Вавилонскаго Талмуда интересно сличить французскій романъ объ Александрѣ (ed. Michelant, p. 493 слѣд.), въ эпизодѣ, который мы отнесли (сл. выше, стр. 277—8, прим. 1) къ своеобразнымъ пересказамъ легенды о «хожденіи къ земному раю». Александръ ищетъ прѣсной воды для своего войска; какой-то крестьянинъ указываетъ ему на рѣку, окружающую гору, на которой высится городъ, обведенный стѣною.

убивать стариковъ; одинъ юноша пожалѣлъ своего отца и спряталъ его въ погребѣ въ пустой бочкѣ. Ту страну опустошало чудовище, гнѣздившееся въ *темной пещерѣ* съ такимъ множествомъ ходовъ, что изъ нея невозможно было выбраться, еслибъ и удалось убить чудовище. Когда жители отправились противъ него, старикъ совѣтуетъ сыну взять *кобылу съ жеребенкомъ*, жеребенка убить и закопать у входа въ пещеру, а кобылу вести съ собою. Бой былъ удачный, но побѣдители потерялись-бы въ темномъ лабиринтѣ, еслибъ кобыла не принялась ржать, ища жеребенка, и не указала-бы пути къ мѣсту, гдѣ онъ былъ закопанъ. — Gaster, Liter. pop. rom. стр. 29 указалъ на отношеніе этой сказки къ соотвѣтствующему эпизоду Псевдокаллисоена. Пользуюсь случаемъ, чтобы исправить нѣкоторыя неточности, вкравшіяся на стр. 271 прим. 1: въ строкѣ 8-й ссылка на стр. 28—9 имѣетъ ввиду указанную книгу Гастера: въ строкѣ 9 чит.: служительницы вм. служители; въ строкѣ 11 указаніе на Шоттовъ должно быть уничтожено. Сл. Gaster, l. c.

[1] Neubauer, l. c., p. 403—4; Donath, l. c., стр. 26—9; Ehrmann, Aus Palästina und Babylon. p. 27—31, № 23; Giuseppe Levi, Parabole, leggende e pensieri, raccolti dai libri talmudici, p. 218—222; Isr. Lévy, La légende d'Alexandre dans le Talmud, въ *Rec. des études juives*, t. I, p. 294—5, 297, 298; Оршанскій, l. c., стр. 8—11.

Вода той рѣки такова, что отъ нея безопасно могутъ отвѣдать лишь люди не знающіе стяжанія, жадности и предательства; названіе этой «священной» рѣки — «Мудрость» (Sapience), она служитъ обороной городу, котораго не взять и Александру; тамъ властвуетъ мудрый Gimel, замѣнившій въ слѣдующемъ далѣе судѣ — талмудическаго царя Кассіи. Онъ предлагаетъ Александру рѣшить извѣстный намъ споръ о кладѣ, и когда тотъ говоритъ, что завладѣлъ бы имъ самъ, еслибъ дѣло было предоставлено его рѣшенію, гнѣвно порицаетъ его: «той воды тебѣ не отвѣдать!». И въ самомъ дѣлѣ изъ свѣтлой и прозрачной она стала красной и ядовитой. Александръ принужденъ увести свое войско и первая его встрѣча — камень съ лежащимъ на немъ человѣческимъ глазомъ.

Африку Талмуда, съ ея горами мрака, искали въ Африкѣ и на Кавказѣ (Africa = Iberica), Кассію сближали съ страной Киссіевъ (Κίσσιοι), съ Кавказомъ, съ Casium въ Египтѣ, съ Kisnia'ей въ горахъ Тавра [1]) и Каспійскими вратами, куда Guedalia ibn Yahia помѣстилъ, какъ мы видѣли, и десять исчезнувшихъ израильскихъ колѣнъ, — тогда какъ Eldad ben Mahli, авантюристъ IX вѣка (около 880 и до 890 г.) говорилъ о пребываніи четырехъ изъ нихъ (колѣна Дана, Нафтали, Гадъ и Ашеръ) въ *Эѳіопіи* и *южной Аравіи* (Kusch, Chavila): они ведутъ кочевую жизнь, но умѣютъ владѣть и оружіемъ, чтобъ отражать нападенія язычниковъ; знаютъ Библію, не зная Талмуда и Мишны и постояннаго календаря. О колѣнѣ Дана Элдадъ разсказывалъ, что оно выселилось въ Эѳіопію до раздѣла царства при Ровоамѣ и Іеровоамѣ, дабы не принять участія въ братоубійственной распрѣ между Іудой и Израилемъ; впослѣдствіи, послѣ ассирійскаго завоеванія и паденія Самаріи, къ нимъ присоединились и три другія колѣна. На ихъ границѣ, по ту сторону рѣки Саббатіонъ или Самбатіонъ, живутъ Bene Mosche, то-есть, сыновья Моисея: потомки тѣхъ Левитовъ, которые повѣсили свои гусли

[1]) Isr. Lévy, l. c. (1883 г.) p. 85—87 и прим. 2 на стр. 85.

на ивахъ Евфрата и не захотѣли пѣть Сіонскія пѣсни на неосвѣщенной землѣ. Когда Халдеи принуждали ихъ къ тому, они откусили себѣ пальцы; тогда облако подняло ихъ на высоту и перенесло въ страну Chavila. Рѣка окружила селеніе любимцевъ Божіихъ, въ защиту отъ враговъ, но въ ней не текла вода, а съ страшною быстротой и шумомъ катился песокъ и камни. Это и есть Самбатіонъ, текущій въ продолженіе шести дней, въ субботу-же покоящійся и окутанный густымъ туманомъ: никто не можетъ переправиться черезъ рѣку, почему остальныя колѣна сносятся съ Bene Mosche лишь издали, не имѣя возможности вступить въ ихъ страну, въ которой водятся лишь чистыя животныя [1]).

Въ пересказѣ Псевдокаллисѳена у Іосиппона II, 10 (ed. Gagnier, стр. 71—72) сынамъ Моисея отвѣчаютъ рехавиты. Александръ достигъ «горъ мрака», гдѣ солнце не свѣтитъ, и хотѣлъ дойдти до сыновей Іонадава, сына Рехавова, и до колѣнъ, обитающихъ за горами мрака. Съ избранными воинами онъ идетъ въ темнотѣ, взявъ съ собою ослицу, жеребенка которой оставилъ у входа въ то мѣсто. — Это эпизодъ о ливійскихъ мулицахъ въ приведенной выше талмудической легендѣ.—Птицы съ человѣкоподобными лицами говорятъ Александру, что ему не вступить

[1]) Graetz, Geschichte der Juden, V. B. стр. 288—94 и прим. 19; ср. русскій переводъ (СПБ. 1883), стр. 225—30 и прим. 19; Carmoly, Rélation d'Eldad le Danite, Paris, 1838, даетъ нѣсколько иной текстъ сказанія, отличающійся отъ пересказа Гретца. См. Гаркави, Сказанія еврейскихъ писателей о Хазарахъ и т. д., стр. 11 слѣд. — Разсказъ Эльдада о колѣнѣ Дана въ Эѳіопіи и о Bene-Mosche подтверждается, въ извѣстной мѣрѣ, свѣдѣніями о современныхъ абиссинскихъ Falascha, исповѣдующихъ еврейство. Они по преимуществу земледѣльцы, но знакомы и съ ремеслами и нерѣдко поступаютъ добровольно въ абиссинское войско. Точно исполняя правила очищенія и соблюдая *субботній день* строже другихъ евреевъ, они не придаютъ большого значенія праздникамъ и жертвоприношеніямъ и не имѣютъ никакого понятія ни о Мессіи, ни о Талмудѣ. Ихъ этническое названіе *Falascha* означаетъ: *пришельцы*; другіе *Kaila* = *не переходи, т. е. через рѣку*, чего они никогда не дѣлаютъ въ субботній день: искаженіе — или источникъ повѣрья о рѣкѣ Саббатіонѣ? Ср. Richard Andree, Zur Volkskunde der Juden. Bielefeld und Leipzig, 1881, стр. 81—88.

въ землю рабовъ Божіихъ, на острова, въ которыхъ обитаютъ Божіе святые, сѣмя Авраамово. Пусть идетъ на Пора индѣйскаго, котораго побѣдитъ. — Вернувшись вспять, Александръ ставитъ у входа памятникъ, на которомъ въ надписи изображаетъ все видѣнное имъ.

Рехавиты (Ῥαχαβεὶν, Ἀρχαβεὶν, Ἀλχαβεὶν) являются въ Библіи типомъ *праведниковъ:* Іеремія, 35, ставитъ въ примѣръ Іудейскому народу послушаніе, съ которымъ они исполняли завѣтъ отца своего Іонадава: «Не пейте вина, ни вы, ни дѣти ваши, во вѣки. И домовъ не стройте, и сѣменъ не сѣйте, и виноградниковъ не разводите, и не имѣйте ихъ, но живите въ шатрахъ во всѣ дни жизни вашей, чтобы вамъ долго прожить на той землѣ, гдѣ вы странниками». И Іеремія говоритъ имъ: «За то, что вы послушались завѣщанія Іонадава, отца вашего, и храните всѣ заповѣди его, поступаете, какъ онъ завѣщалъ вамъ, за то такъ говоритъ Господь Саваоѳъ Богъ Израилевъ: не отнимется у Іонадава, сына Рехавова, мужъ, предстоящій предъ лицемъ моимъ во всѣ дни».

Потомками этого Іонадава представлялись въ IV вѣкѣ (Нилъ † около 430 г.) Ессеи, кенитскій народецъ, жившій на западъ отъ Мертваго моря и сохранившій чистыя преданія древняго Моисеева закона лишь въ слабой связи съ Іерусалимскимъ храмомъ [1]). Филонъ, сравнивающій Ессеевъ съ гимнософистами, говоритъ, что они живутъ въ деревняхъ, занимаясь земледѣліемъ и мирными ремеслами, *ἀχρήματοι καὶ ἀκτήμονες*, не ведя торговли, не выдѣлывая оружія и не зная рабства, соблюдая «*τὴν παρ' ὅλον τὸν βίον συνεχῆ καὶ ἐπάλληλον ἁγνείαν*» и воздерживаясь отъ клятвы. Прославляя ихъ добродѣтельное житіе, Филонъ особливо указываетъ на *τὴν παντὸς λόγου κρείττονα κοινωνίαν*: они живутъ общиной; заработокъ каждаго отдѣльнаго лица шелъ на общую пользу; нигдѣ, какъ у нихъ, не выразился идеалъ коммунисти-

[1]) Это сближеніе поддерживаетъ нынѣ Hilgenfeld, Die Ketzergeschichte des Urchristenthums. Lpz. 1884. стр. 87 слѣд., книгой которою я и пользуюсь далѣе.

ческаго патріархальнаго строя: τὸ ὁμωρόφιον ἢ ὁμοδίαιτον ἢ ὁμοτράπεζον. — Въ псевдофилоновской ὑπὲρ Ἰουδαίων ἀπολογία вся эта характеристика является съ чертами христіанскаго шаржа, обращающаго воздержность Ессеевъ въ принципіальное воздержаніе отъ брака, о которомъ говоритъ и Іосифъ Флавій, замѣчая впрочемъ (Bell. iudaic. II, 8, 13): ἔστι δὲ καὶ ἕτερον Ἐσσηνῶν τάγμα, δίαιταν μὲν καὶ ἔθη καὶ νόμιμα τοῖς ἄλλοις ὁμοφρονοῦν, διεστὸς δὲ τῇ κατὰ γάμον δόξῃ. μέγιστον γὰρ ἀποκόπτειν οἴονται τοῦ βίου μέρος, τὴν διαδοχήν, τοὺς μὴ γαμοῦντες, μᾶλλον δέ, εἰ πάντες τὸ αὐτὸ φρονήσειαν, ἐκλιπεῖν ἅπαν τὸ γένος τάχιστα. δοκιμάζοντες μέντοι τριετίᾳ τὰς γαμετάς, ἐπὰν τρὶς καθαρθῶσιν εἰς πεῖραν τοῦ δυνᾶσθαι τίκτειν, οὕτως ἄγωνται. Какъ особенности Ессеевъ Іосифъ отмѣчаетъ: бѣлыя одежды, воздержаніе отъ умащенія елеемъ, любовь къ правдѣ и преслѣдованіе всякой лжи, соблюденіе субботы и субботняго покоя еще болѣе строгое, чѣмъ у остальныхъ Евреевъ; смертную казнь, постигавшую всякаго хулителя Моисея. — У Плинія, Hist. Nat. V, 17 (15) Ессеи живутъ на западъ отъ Мертваго моря, «gens sola et in toto orbe praeter ceteras mira, sine ulla femina, omni venere abdicata, sine pecunia, socia palmarum. in diem ex aequo convenarum turba renascitur, large frequentantibus. quos vita fessos ad mores eorum fortunae fluctibus agitat. Ita per seculorum millia (incredibile dictu) gens aeterna est, in qua nemo nascitur. tam fecunda illis aliorum vitae poenitentia est». — Выше было сказано, что Нилъ видѣлъ въ нихъ потомковъ Іонадава, De monastica exercitatione c. 3: Ἰουδαίων δὲ ὅσοι τοῦτον ἐπίμησαν τὸν βίον εἰσὶ μὲν τοῦ Ἰωναδὰβ ἀπόγονοι, πάντας δὲ τους ὡσαύτως βιοῦν ἐθέλοντας προσιέμενοι εἰς τὴν αὐτὴν ἐνάγουσι πολιτείαν ἐν σκηναῖς κατοικοῦντες διὰ παντὸς οἴνου τε καὶ πάντων τῶν πρὸς τὸ ἁβροδίαιτον ἀπεχόμενοι καὶ δίαιταν ἔχοντες εὐτελῆ καὶ τῇ χρείᾳ συμμετρημένην τοῦ σώματος. σφόδρα μὲν οὖν ἐπιμελοῦνται τῆς ἠθικῆς ἕξεως, τῇ θεωρίᾳ δὲ τὰ πολλὰ παραμένουσιν, ὅθεν καὶ Ἰεσσαῖοι καλοῦνται, αὐτοὺς λογίους δηλοῦντος τοῦ ὀνόματος. Καὶ ἁπλῶς ἐστὶ αὐτοῖς πάντοθεν κατωρθωμένος ὁ τῆς

φιλοσοφίας σκοπός, οὐδαμοῦ τῶν πραγμάτων διαμαχομένων τῷ ἐπαγγέλματι. Ср. De voluntaria paupertate ad Magnam c. 39: Καὶ Ἰουδαίων μέν τινες μὴ ἀπαιτούμενοι ἀκτημοσύνην παρὰ τοῦ νόμου ἑκουσίως ταύτην ἠσπάσαντο, ἀμερίμνως τὸ θεῖον θρησκεύειν βουλόμενοι ἐν σκηναῖς κατοικήσαντες καὶ παντὸς ἀπεχόμενοι τοῦ περισπᾶν τῶν κρειττόνων δυναμένου τὸν νοῦν, ὥς φασιν αὐτοὶ τοῖς ἐπερωτῶσιν ἐκείνους καὶ μαθεῖν τὴν καινίζουσαν σπουδάζουσιν ἀγωγὴν τοῦ βίου· «Ἀμπελὼν καὶ ἀγρὸς καὶ οἶκος οὐκ ἐγένετο ἡμῖν» (Ier. 35, 9), τὴν ἐπιμέλειαν τούτων εἰδότες ἐμποδίζειν τῇ πρὸς τὴν εὐσέβειαν ἐργασίᾳ.

Преслѣдуя свое сближеніе Ессеевъ съ Рехавитами Hilgenfeld возводитъ начало первыхъ къ древней порѣ, до сооруженія Іерусалимскаго храма. Когда впослѣдствіи онъ уже сталъ центромъ еврейскаго культа, Ессеи продолжали сохранять своихъ собственныхъ священниковъ и свои обряды. Ихъ представителемъ явился Іонадавъ, принявшій около 884 года до Р. Х. участіе въ сверженіи царскаго дома, оказавшагося невѣрнымъ заповѣдямъ Іеговы (2 Цар. 10, 15, 23 слѣд.). Заповѣдуя своему роду воздерживаться отъ вина, не строить домовъ, не устроять полей и виноградниковъ и жить въ шатрахъ, онъ имѣлъ въ виду противодѣйствовать паденію нравовъ и распущенности жизни, водворившихся въ Палестинѣ, преимущественно въ городахъ, подъ вліяніемъ финикійской царевны, вступившей въ царскій домъ. Когда въ 558 году Навуходоносоръ шелъ на Іерусалимъ, бѣглые Ессеи-Рехавиты могли искать защиты въ городѣ, и здѣсь-то видѣлъ ихъ Іеремія. И позже они являются въ Іерусалимѣ, но большинство оставалось на старыхъ мѣстахъ, въ прежнемъ патріархально-общинномъ быту, подвергавшемся вѣяніямъ времени. Воздержаніе Ессеевъ отъ брака, о которомъ говоритъ Іосифъ Флавій, незнакомое древнимъ Ессеямъ, могло водвориться у нихъ впослѣдствіи, съ появленіемъ людей, искавшихъ уединенія отъ міра въ тишинѣ деревенской религіозной коммуны.

Въ XII вѣкѣ Веніаминъ Тудельскій помѣщаетъ Рехавитовъ къ сѣверу отъ пустыннаго Senaar'а. Ихъ страна, простираю-

щаяся на 15 дней пути, лежитъ между горами сѣвера; въ ней много хорошихъ, укрѣпленныхъ городовъ; жители занимаются хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ, отдавая десятину своимъ духовнымъ руководителямъ, постоянно преданнымъ наукѣ и проповѣди, оплакивающимъ Сіонъ и Іерусалимъ, пребывая въ пещерахъ и хижинахъ, ходя въ лохмотьяхъ, воздерживаясь отъ вина и мяса и прерывая постъ лишь въ субботніе дни. Веніаминъ перечисляетъ ихъ города (Théma или Thenai, Télimaas или Tilmaas, Chabar), прибавляя, что, по преданію, они построены были колѣнами Рувима, Гада и полу-колѣномъ Манассіи, высланными сюда Салманассаромъ, царемъ Ассирійскимъ. Отъ Chabar'а начинается — Индія (Voyage de Benjamin, fils de Jonas, y Bergeron, Voyages, t. I. p. 41—42).

Этихъ-то праведныхъ потомковъ Рехава помѣщаетъ за горы мрака легенда у Іосиппона, и тамъ-то посѣтилъ ихъ, по старославянскому хожденію, пустынникъ Зосима; но то, что̀ онъ разсказываетъ о нихъ, объ ихъ чудесномъ выселеніи, облачной рѣкѣ, незнаніи лѣтосчисленія и т. п., воспроизводитъ извѣстныя намъ очертанія легенды о «сынахъ Моисея».

Хожденіе Зосимы напечатано профессоромъ Тихонравовымъ по двумъ спискамъ: въ древнѣйшемъ (XIV вѣка) недостаетъ, къ сожалѣнію, въ срединѣ трехъ листовъ, и вообще есть пропуски, восполняемые второю рукописью.

Зосима живетъ въ пустынѣ, постясь и молясь Богу, «дабы видилъ жизнь бл҃ственыхъ чл҃вкъ». Ангелъ вѣщаетъ ему, что его молитва услышана, «ꙗко ити имаши ко бл҃жнымъ, нъ не пребуди с ними, ни да възнесетсѧ ср҃це твоѥ, рекыи тако .м҃. дн҃ии хлѣба не въкуси, слово б҃ьѥ выше хлѣба ѥсть и д҃хъ ст҃ыи выше вина ѥсть». Сорокъ дней идетъ Зосима пустыней; верблюдъ, преклонивъ передъ нимъ колѣна, принимаетъ его на себя, несетъ дальше и кладетъ «на мѣстѣ страшнѣ. и б҃лше ту множество звѣрии лютыхъ рыкающи. и видивъ см҃рть и оубоꙗхсѧ и мл҃тву сотворихъ къ б҃гу. И бы҃ на мѣстѣ томъ трусъ великъ со гл҃мъ и възвеѥ бурѧ велика и взѧтъ мѧ ѿ землѧ и веземши мѧ на крило своѥ

и несе мѧ; и бѣхъ молаи бӑ во вѣтрѣ томъ и не вѣдахъ камо идѧ, и постави мѧ на мѣстѣ рекы именемъ коумыи (нов. ркп. Еумеаси, Еумелии) и сию хотѧхъ преити. И възпи река глющи: Зосимо, члвче бии, не можеше проити сквозѣ мѧ, немощьно бо члвку проити водъ моихъ, нъ вниже воды до нбсе. И азъ возрѣвъ и видѣхъ стену облачну ѿ землѧ до нбси и рё ми облакъ: «Зосима, члвче бии, сквозѣ мѧ не проходить ни птица ѿ мира сего, ни духъ вѣтренъ ни слнце ни превабитель дыяволъ; ѿ суктного мира никто же можеть проити сквозѣ мѧ». Это — «горы мрака» талмудическихъ преданій, непроглядное облако, окутавшее рѣку Самбатіонъ. По молитвѣ Зосимы два дерева выростаютъ по обѣ стороны рѣки, наклоняются другъ къ другу и даютъ возможность путнику перебраться на тотъ берегъ: «мѣсто то исполнено вонѧ добры, ни холма, нъ бѧше землѧ равна чвѣты вѣнцана и оукрашена». Зосима встрѣчаетъ нагого, сидящаго мужа, который видитъ въ немъ человѣка божія — иначе ему не перейдти бы черезъ рѣку и облако [1]), — и говоритъ ему: «Азъ единъ отъ блаженыхъ человѣкъ; поиди, брате, да тя веду ко старцемъ нашимъ». Увидя пришельца «отъ суетнаго мира», старцы хотятъ помолиться Господу Богу, «да явитъ намъ таину сию, цы уже будетъ кончина приспѣла». Ангелы спускаются съ неба и говорятъ, что Зосима посланъ къ нимъ Богомъ, чтобы пробыть съ ними семь дней и исписать ихъ «житіе». Зосиму поручаютъ слугѣ, «и веде мя въ хижю свою и бѣховѣ подъ древомъ пребывая отъ 6-го часа до 9-го. Тогда вкушаховѣ, исхожаше вода отъ кореніа древу, слажьшее меду, пияховѣ дондеж насыщахомся, и пакы возвращашеся вода въ мѣсто свое». Услышавъ о прибытіи Зосимы, многіе начинаютъ приходить, чтобы посмотрѣть на него и разспросить его; желая отдохнуть, онъ проситъ «человѣка божія» говорить приходящимъ, что его, Зосимы, нѣтъ. Это приглашеніе ко лжи возмущаетъ старцевъ, они велятъ Зо-

---

[1]) Отсюда начинается пропускъ въ ркп. XIV вѣка; дальнѣйшее разсказано по новому списку.

симѣ удалиться отъ нихъ, но склоняются къ его слезной просьбѣ и даютъ ему, начертанное на доскахъ, житіе свое.

«Услышите, услышите, сынове человѣчьстии, человѣкъ нашихъ житие, нарицаемыхъ блаженыхъ, яко отъ тѣхъ же есмы блаженыхъ человѣкъ, но егда проповѣдаяше Еремѣа пророкъ, яко градъ нашь преданъ будетъ въ руцѣ иноплеменникъ, и сверже с себе ризы своя и облече в сякно тѣло свое и посыпа пепеломъ главу свою и перстью посыпа одръ свои и заповѣда людемъ, да възвратятся отъ дѣлъ своихъ безаконыхъ,—услышав и то отецъ нашь Рехомъ (далѣе Рехамъ), сынъ сыновъ Адамль, и рече къ намъ: «Слушайте, сынове и дщери, Рехома, отца вашего: съвлецѣте ризы съ тѣлъ вашихъ; хлѣба отъ огня да не ясте и вина ни олу не пиите и меду да не вкуси[те], донелѣж услышитъ Господь молитву нашу». Они послушались, ихъ постъ и молитва отвратили гнѣвъ Господень отъ Іерусалима. «Потомъ-же умре царь града Иерусалима и бысть царь инъ. Собрашажеся людие къ нему и повѣдаша о насъ и рѣша: Суть, царю, здѣ людие твои, съ женами не смѣшаются». Призванные царемъ они ссылаются на завѣтъ Рехома, который не хотятъ преступить, почему и ввержены въ темницу. Ночью ангелы, раскрывъ верхъ темницы, выносятъ ихъ за волосы «на облакы и принесе ны къ рѣцѣ. И рѣша къ намъ ангели: Аможе идеть вода, идѣте и вы. — И идохомъ су ангелы. Тогда приведоша ны на землю сию, и тогда погыбе вода рѣкы сея и разсѣдеся мѣсто то, взиде вода отъ бездны и огради землю сию. И прииде облакъ и ста отъ воды до небеси, и тако разсѣя ны Господь по всей земли сей и предалъ ны ес жизнь мѣста сего».

Далѣе блаженные говорятъ уже о своемъ житіи: они безъ грѣха, хотя и не безсмертны; питаются земными плодами и водой отъ корня дерева, сладчайшей меду: то ихъ брашно и пиво[1]; молятся денно и нощно; нѣтъ у насъ ни винограда «ни съсуда желѣзна, ни дому, ни житиа, ни огня, ни ножа, ни иного желѣза

[1]) Отсюда снова начинается древній текстъ, который и приводимъ.

на дѣло, ни сребра, ни злата, ни тяжка ни легока оу насъ николиже. А иже поимакть жену собѣ, дондеже будета оу нею двѣ чадѣ, и по двою дѣтеи разлучактсѧ другъ ѿ друга и пребываста оба въ чтотѣ не вѣдущи была ли коли въ сокупленьи, но ıакоже исперьва чтоту хранѧщи, и кдинъ кю сочтактся или жену или мужь, а другок пребывакть. И нѣ оу нā числа лѣмъ ни годомъ ни мцемь ни денемь, нъ ıакоже кдинъ днь тако вси суть. В пещерахъ же нашихъ лежать листвик плоско велико нетлѣньно древѧнок, на томъ почиваkмъ подъ древесы; и кмы нази ıакоже вы глте и имѣkмъ одежю правѣдну, не стымся другъ друга. Въ .г҃. чā вкушакмъ по всѧ дни, исходить бо плодъ въ .г҃. чā и ıамы и пикмъ ѿ него дондеже насыщесѧ».

Сравненіе обоихъ текстовъ г. Тихонравова указываетъ въ этомъ мѣстѣ еще на большой пропускъ въ древнѣйшемъ изъ нихъ, не показанный въ рукописи. Что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ пропускомъ, а не съ позднѣйшею вставкой новаго списка, показываетъ слѣченіе: блаженные говорятъ, что ангелы вѣщаютъ имъ о дѣлахъ людей, и что они молятся о нихъ; что постомъ деревья перестаютъ приносить плоды, взамѣнъ ихъ падаетъ съ неба манна, а въ день Воскресенія Христова деревья снова даютъ плодъ: такъ они узнаютъ смѣну временъ года. Время своей смерти они провидятъ и подробно говорятъ о ней: Господь пріемлетъ души блаженныхъ, ангелы поютъ на небесахъ, и мы слышимъ ихъ. Здѣсь снова вступаетъ древній текстъ: «Мы покмъ. англи слышатъ глā нашь на нбхъ, и тако межи нами и англы восходить слава пѣнию. И егда дша поклонитсѧ гви, тъгда падемь ниць, кгда же въздвигнеть ю, тъгда (рки. кгда) и мы востанемъ ѿ землѧ. кгда дша поидеть на мѣсто покоıа. тъгда мы ходѧще въ цркві сконцаѥ млтва Гу Бу».

Принявъ отъ старцевъ ихъ «житіе», Зосима идетъ назадъ: снова преклонились передъ нимъ деревья и верблюдъ понесъ святого, который, вернувшись въ свою пещеру, побѣдоносно выдерживаетъ нападеніе дьявола.

Таково Хожденіе Зосимы къ блаженнымъ *Рахманамъ*. Въ древ-

немъ текстѣ они не названы; позднѣйшій говоритъ, въ надписаніи статьи, о хожденіи Зосимы «в Раˣмани»: въ другихъ списскахъ: «О Рахманѣхъ Зосимохожденіе». Это сближеніе библейскихъ Рахавинъ съ Рахманами (какъ въ разсказѣ Ламберта замѣна царя Кассія Дандаміемъ), принадлежавшее, несомнѣнно, подлиннику Хожденія, выразилось всего ярче въ изображеніи быта блаженныхъ людей, указывающемъ на вліяніе Псевдокаллисѳена и Брахмановъ Палладія. Библейскіе Рехавиты воздерживаются отъ вина; блаженные Зосимы — отъ вина и елея: сл. Pseudocall. AVB III, c. 6 = C. II, за 35 главой: Александръ предлагаетъ начальнику брахмановъ, Дандамію, сокровища и одежды, *вино* и *елей*, Дандамій отъ всего отказывается, беретъ только елей — но лишь затѣмъ, чтобъ вылить его въ присутствіи Александра на костеръ. Вспомнимъ, впрочемъ, что и Рехавиты-Ессеи воздерживались отъ вина и елея — и брака, съ исключеніями и предварительнымъ трехлѣтнимъ испытаніемъ женъ. Въ Хожденіи брачное воздержаніе Рехавитовъ, заявленное въ началѣ, далѣе смягчается: каждый изъ блаженныхъ «поимаетъ жену себѣ, донелѣже будетъ у него двое чадъ», а затѣмъ оба пребываютъ въ чистотѣ. Такъ и брахманы Псевдокаллисѳена III, 6: *ἔχομεν δὲ ἕκαστος τὴν ἰδίαν γυναῖκα, καὶ κατὰ σελήνης γένναν πορεύεται ἕκαστος εἰς τὴν ἰδίαν γυναῖκα, καὶ πλησιάζει αὐτῇ ἕως οὗ τέκῃ δύο παιδία, καὶ λογιζόμεθα τὸν μὲν ἕνα ἀντὶ τοῦ πατρὸς, τὸν δὲ ἄλλον ἀντὶ τῆς μητρός*. Палладій (Müller, Pseudocall. стр. 105, гл. 9: вставлено уже въ редакціи A) повторяетъ этотъ разсказъ съ бо̀льшими подробностями: жены брахмановъ живутъ отдѣльно отъ нихъ, по ту сторону Ганга, непроходимаго (*δυσπεράτου*, l. c. c. 10), кромѣ двухъ мѣсяцевъ въ году, когда мужья переправляются къ своимъ женамъ, чтобы пробыть съ ними сорокъ дней. — То-же повѣствуется позднѣе, Pseudocall. AVBC III, c. 25, объ Амазонкахъ: онѣ живутъ на островѣ, сходясь съ своими мужьями, пребывающими по ту сторону рѣки, лишь однажды въ году, въ теченіе тридцатидневнаго срока. — Брахманы и Амазонки помѣщены именно въ этой, не непосредственной послѣдо-

вательности, въ редакціи АВ. за разсказомъ о пораженіи Пора; съ Амазонками Александръ списывается лишь послѣ ряда другихъ приключеній, посѣтивъ, между прочимъ, царство Кандаки, властительницы Мероэ: между тѣмъ, въ посланіи, которымъ онъ извѣщалъ ихъ о своемъ прибытіи (Pseudocall. III, c. 25), онъ говоритъ, что побѣдилъ Дарія, индійскихъ вождей, посѣтилъ брахмановъ — и теперь хочетъ взыскать ихъ. Гдѣ представлялъ себѣ редакторъ А жилище Амазонокъ? Въ посланіи къ Олимпіадѣ III 27 (= Val.) Александръ приходитъ къ нимъ отъ статуй Иракла, среди непроглядной тьмы; такъ и въ Hist. de prel. краткой редакціи [1]: «movimus inde (отъ статуй Иракла) et ingressi sumus desertum, invenimus loca frigida atque obscura, ut paene non agnosceremus nos». Въ томъ-же текстѣ пространнаго типа (Zing. стр. 214—216) путь Александра такой: Оксидраки-*гимнософисты* — статуи Иракла и — *Амазонки* (mulieres.... neque viri erant inter eas). Наконецъ и въ Pseudocall. C, III, 26 Амазонки помѣщены въ сосѣдствѣ съ страной мрака и горами, за которыми заключены нечистые народы.

Возвратимся къ нашему Хожденію. Его Рехавиты-Рахманы не только напоминаютъ Бене-Моше Эльдада, но по легендѣ и тожественны съ ними: то-же выселеніе изъ Іерусалима, чтобы не поступиться своимъ обѣтомъ или убѣжденіемъ; однихъ выноситъ облако, другихъ ангелъ; тамъ и здѣсь чудесная рѣка, окутанная облакомъ-туманомъ; кочевая жизнь и отсутствіе жилищъ: Рехавиты не знаютъ счета времени, Бене-Моше — календаря. Разница лишь въ историческомъ пріуроченіи, не выходящемъ изъ области библейскихъ воспоминаній.

Съ другой стороны, Рехавитовъ-Рахмановъ Зосимы нельзя отдѣлить отъ потомковъ Рехава, за «горами мрака», въ разсказѣ

---

[1] Лишь при корректурѣ этой главы я могъ воспользоваться древнѣйшимъ изъ извѣстныхъ текстовъ краткой рецензіи Hist. de preliis, изданной Ландграфомъ. Сл. Die Vita Alexandri Magni des Archipresbyters Leo (Historia de preliis). Nach der Bamberger und ältesten Munchener Hs. hrsg. von Dr. G. Landgraf (Erlangen 1885). Сл. p. 130.

Іосиппона; и какъ послѣдніе вдвинуты въ географію Александріи, такъ и блаженные Зосимы вторгаются въ нее чертами, напоминающими брахмановъ Псевдокаллисѳена и Палладія.

Гдѣ представить себѣ рехавитовъ-рахмановъ Хожденія — на это отвѣтить тѣмъ труднѣе, что мы колеблемся, къ какому изъ извѣстныхъ церковному преданію святыхъ Зосимъ прислонить ихъ апокрифическаго соименника. Можно выбирать между Зосимой Киликійцемъ, епископомъ Капра-Вавилона и впослѣдствіи синайскимъ отшельникомъ [1]), и Зосимой житія св. Маріи Египетской. Онъ жилъ въ одномъ изъ палестинскихъ монастырей и отличался такою святостью жизни, что Господь удостоивалъ его своими откровеніями. Но у него явилось самомнѣніе: Ἆρά γε ἔστιν ἐν τῇ γῇ μοναχὸς, ὁ δυνάμενος ξένον τι παραδοῦναί μοι, ἢ ὠφελῆσαί με ἰσχύων, ὅπερ οὐκ οἶδα, οὐδὲ πέπραχα, εἶδος ἀσκήσεως; ἆρα εὑρίσκεται τῶν ἐν ἐρήμῳ φιλοσοφούντων ἀνὴρ ὃς κατὰ πρᾶξιν ἢ θεωρίαν προτεύει μου; Ταῦτα δὲ λογιζομένου τοῦ γέροντος, ἐφίσταταί τις αὐτῷ καί φησι πρὸς αὐτόν· Ὦ Ζωσιμᾶ, καλῶς μὲν καὶ ὡς ἦν δυνατὸν ἀνθρώπῳ ἠγώνισαι, καλῶς δὲ καὶ τὸν ἀσκητικὸν δρόμον διήνυσας· πλὴν οὐδεὶς τῶν ἐν ἀνθρώποις ἐστὶν ἔχων τὸ τέλειον, ἀλλὰ μείζων ἐστὶν ὁ ἀγὼν ὁ προκείμενος τοῦ παρῳχηκότος ἤδη, κἂν ὑμεῖς οὐ γινώσκετε. Ἵνα γνῷς καὶ αὐτὸς οὖν, πόσαι εἰσὶ καὶ ἄλλαι πρὸς σωτηρίαν ὁδοὶ, ἔξελθε ἐκ τῆς γῆς συγγενείας σου, καὶ ἐκ τοῦ οἴκου τοῦ πατρὸς, καθάπερ Ἀβραὰμ ἐκεῖνος ὁ ἐν πατριάρχαις αἰδέσιμος (Gen. XII), καὶ δεῦρο εἰς τόδε τὸ μοναστήριον. τὸ πλησίον Ἰορδάνου τοῦ ποταμοῦ διακειμένον. Чудесный мужъ ведетъ его къ вратамъ монастыря, лежавшаго такъ уединенно, что многіе изъ сосѣдства вовсе и не знали о его существованіи; не безъ намѣренія привелъ туда Господь Зосиму. Иноки ведутъ святую жизнь: εἶδε δὲ γέροντας πράξει καὶ θεωρίᾳ ἐκλάμποντας καὶ τῷ πνεύματι ζέοντας, καὶ τῷ Κυρίῳ δουλεύοντας· Ψαλμῳδία γὰρ ἦν ἀκατάπαυστος, στάσιν ἔχουσα παννύχιον· καὶ ἐν χερσὶν εἶχον ἀεὶ τὸ ἐργόχειρον. καὶ οἱ ψαλμοὶ ἐπὶ στόματος. Λόγος γὰρ ἀργὸς

[1]) Духовный Лугъ Іоанна Мосха, гл. CXXIII—IV.

οὐκ ἐπολιτεύετο, φροντὶς πραγμάτων παρ' ἐκείνοις οὐκ ἐχρημάτιζε, πρόσοδοί τε δι' ἔτους ἀριθμούμεναι τε καὶ συναγόμεναι καὶ μέριμναι βιωτικοῖς μόχθοις ἁρμόζουσαι, οὐδὲ ὀνόματι παρ' αὐτοῖς ἐγνωρίζοντο.... Ταῦτα Ζωσιμᾶς, ὡς εἶπεν, θεώμενος ᾠκοδομεῖτο λίαν ἐπεκτεινόμενος πρὸς τὰ ἔμπροσθεν, ἀεί τε συναύξων τὸν δρόμον τὸν ἴδιον, καὶ συνεργάτας εὑρὼν καλῶς τὸν θεῖον νεουργοῦντας παράδεισον. Великій постъ передъ Воскресеньемъ Христовымъ эти иноки справляли такъ, что, перебравшись на ту сторону Іордана, расходились каждый по одиночкѣ, проводя время въ славословіи и молитвѣ, питаясь нерѣдко одними злаками. Вмѣстѣ съ другими отправился и Зосима, все далѣе и далѣе углубляясь въ пустыню, εἰς ἐπιθυμίαν δὲ ἦλθεν, ὡς ἔλεγε, γενέσθαι κατὰ τὴν ἐνδότερον ἔρημον ἐλπίσας.... εὑρεῖν τινα πατέρα κατ' αὐτὴν διατρίβοντα, δυνάμενον αὐτὸν συμβάλεσθαι πρὸς τὸ ποθούμενον [1]). Здѣсь онъ встрѣчается съ св. Маріей *Египетской.*

Между сообщенною выдержкой изъ житія и Хожденіемъ есть несомнѣнное сходство очертаній, а отчасти и замысла.

---

[1]) Migne, Patrol. graec. t. LXXXVII, стр. 3700, 3701, 3704

VI.

Св. Макарій и οἱ Μάκαρες.

Предъидущая глава назначена была выяснить, что сыны Сиѳа сербской Александріи, сосѣдящіе съ земнымъ раемъ, недоступнымъ смертнымъ, стоятъ не одиноко въ группѣ памятниковъ, приспособившихъ къ христіанскимъ представленіямъ древнія утопіи о святомъ, блаженнымъ житіи [1]).

Тотъ же образъ земнаго рая, неприступнаго, обведеннаго желѣзною и мѣдною стѣною, извѣстенъ намъ еще изъ другаго памятника, важнаго для вопроса объ источникахъ сербской Александріи, и именно для нашего эпизода: о нагомудрецахъ-Рахманахъ. Мы выдѣлили въ немъ (стр. 265 слѣд.) № 1 (нагомудрецыИраклія), какъ принадлежавшій особому сказанію; но въ какихъ отношеніяхъ находятся другъ къ другу слѣдующія статьи: прохожденіе Александра по юдоли мытарствъ (№ 2), посѣщеніе нагомудрецовъ, сыновъ Сиѳа (№ 3), и хожденіе къ земному раю (№ 4)? Оказывается, что эта связь не случайная: она встрѣчается въ отреченномъ сказаніи о трехъ инокахъ, обрѣтшихъ св. Макарія. Въ греческой минеѣ (подъ 23-мъ Октября) житіе

[1]) Объ этихъ утопіяхъ сл. Riese, Idealisirung der Naturvölker des Nordens in der griechischen und römischen Literatur (1875); сл. франц. переводъ F. Gache et Sully Piquet. L'idéal de justice et de bonheur et la vie primitive des peuple du Nord dans la littérature grecque et latine (Paris, 1885).

св. Макарія отдѣлено отъ хожденія къ нему иноковъ; но вѣроятно, что первоначально второе служило введеніемъ къ первому [1]), какъ въ старославянскомъ текстѣ, извѣстномъ въ спискѣ XIV вѣка [2]) и въ томъ-же столѣтіи знакомомъ на Руси, судя по ссылкѣ на него архіепископа Новгородскаго Василія.

Сообщаемъ содержаніе легенды, на сколько она касается нашего вопроса.

Три инока, Сергій, Θеофилъ и Оугинъ (Торж. Евгень, лат. Hyginus) отправляются въ монастырь Асклипія (лат. Asclepion), что въ Месопотаміи сирской: они хотятъ странствовать всю жизнь, лишь бы дойдти до мѣста, «гдѣ прилежи҃ нбо к земли». Посѣтивъ Іерусалимъ и поклонившись его святынямъ, они обращаются «на въсто слнца», переходятъ Тигръ и вступаютъ въ Персію, «на полѧ чта, іменемъ Асиѧ, ідѣж оубиі стыи Меркуреи Оульѧна парвата (παραβάτης)». Въ Ктезифонѣ они поклонились тѣламъ трехъ св. отроковъ, Ананіи, Азаріи и Мисаила, и всту-

---

[1]) См. латинскій текстъ житія въ Acta SS. Oct. X, a. d. 23 Oct., p. 566—71 и у Migne, Patrol. lat. t. LXXIII, p. 415—26 (сл. ibid. прим. къ житію Макарія, 1 и 4).—Идеѣ о хожденіи трехъ иноковъ къ Макарію отвѣчаетъ отчасти содержаніе староиталіанской легенды о хожденіи трехъ монаховъ при-евфратскаго монастыря въ земной рай. Сл. Miscellanea di opuscoli inediti o rari dei secoli XIV e XV. Torino, 1861, p. 165; Leggende del secolo XIV (Firenze, 1863, v. II, p. 489 слѣд.) и Scelta di curiosità letterarie № 106. — Отрывокъ, помѣщенный въ такъ называемой записной книжкѣ (Zibaldone) Антоніо Пуччи, относится, очевидно, не къ этой легендѣ, какъ полагалъ Graf (Giornale Storico della letteratura italiana, vol. I, fasc. 2, p. 285), а скорѣе къ какому-нибудь житію Макарія, судя по Piccinachi (= Pichiti, Pygmaei), малорослому народцу, встрѣченному иноками.

[2]) Изд. Тихонравовымъ, l. c. II, стр. 59—77 (два текста). Далѣе приводится текстъ Паисіевскаго сборника (XIV в.), Тихонравовъ, стр. 59—66 (сл. Пам. старинной русск. литер. III, стр. 135 слѣд.); пропускъ (стр. 65) восполняется текстомъ XVII в., ib. стр. 66—77, и сербскимъ торжественникомъ XIV вѣка (у А. Попова, Описаніе рукописей и т. д. Хлудова, стр. 396—404). Сл. собраніе ркп. И. Д. Бѣляева оп. А. Викторовымъ, № 54, XIV вѣка: редакція отличная отъ напечатанныхъ.—Извѣстны два румынскихъ перевода житія: одинъ (съ греческаго?) въ числѣ житій, изданныхъ митрополитомъ Досиθеемъ (Jaşi, 1682), другой (съ славянскаго), недавно напечатанный по рукописи Gaster'омъ (Revista pentru Istor., Archeol. şi Filol., An. III, v. V, стр. 89 слѣд.), параллельно съ Досиθеевскимъ.

пили въ Индію. Здѣсь они зашли въ одну пустую хижину, хозяева которой застаютъ пришельцевъ и, считая ихъ соглядатаями (исходатаи, Торж. сходатаи), собираютъ противъ нихъ толпу. Иноковъ хотятъ сжечь въ домѣ, затѣмъ запираютъ ихъ, намѣреваясь уморить голодомъ и жаждой; но когда, по прошествіи десяти дней, застаютъ ихъ въ живыхъ, выгоняютъ ихъ прутьями изъ своей страны. По дорогѣ они питаются древесными плодами. Далѣе идетъ уже страна чудесъ: путники вступаютъ въ землю *песьихъ главъ* (лат. terram Chananaeorum ingressi sumus, qui ab aliis Cynocephali dicuntur; рум. легенда у Досиѳея: цара Кънкжниlор)[1], которые ихъ не тронули: «по вса мѣста собѣ живуть, межи камень гнѣзда сносивше». (Торж. кьждо на камени нази, гнѣзда створише). Далѣе на востокъ страна «трепастокъ» (лат. Pichiti, Pygmaei)[2], которые, завидѣвъ странниковъ, бѣгутъ отъ нихъ; затѣмъ высокая гора, «їдѣже ни слнце сиѥеть, ни древа есть, ни трава ростеть, развѣе гадъ и змиѥмъ свистающи^м^ ї съкрегующи зубы, аспиды, ехидны і оували і василисты. і видѣхом^м^ їныѧ зміѧ многи имъ имани не вѣдѣхомъ». Заткнувъ уши воскомъ, чтобы не слышать нестерпимаго змѣинаго свиста, и спустившись съ горы, иноки вступаютъ «въ землю пусту ї велику» и область темной мглы, откуда выходятъ, руководимые сначала оленемъ, потомъ голубемъ.

«Ідохомъ по голуби томъ і ѡбрѣтохомъ столпъ и комару ї баше написано ѡкртъ еа: си столпъ поставилъ есть Александро црь Макидоньскии іда ѿ Халкидона[3]) ї побѣдивъ

---

[1]) Сл. cătcăunĭ (căpcăunĭ) въ румынской Александріи у Gaster, Lit. pop. rom. p. 27, прим. 2, замѣтку P. Meyer'а о старофранц. Chenelius, Canineus въ Romania № 27, p. 441—444 и въ концѣ нашего изслѣдованія экскурсъ: «Хананеи-Кинокефалы Александріи и иконографическія изображенія св. Христофора».

[2]) Съ варіантомъ: Pytici сл. Pithikus Іосиппона въ эпизодѣ, отвѣчающемъ Pseudocall. II, c. 32 (сл. Gaguier, l. c. II, c. 10, стр. 69) и рум. текстъ у Досиѳея: цара Пиѳичилор; но слич. далѣе латинскій текстъ Хожденія: ipsa vero gens in statura et altitudine sua non plus quam mensuram *unius cubiti* habebat.

[3]) Халкидонъ загадоченъ на столько-же, на сколько въ Hist. de prel.; сл. выше, стр. 177—178. Рымынск. легенда у Досиѳея сходится здѣсь съ латин-

Персы, воевалъ есть до сего мѣста, се сѧ нарѣ тма. Да аще хощеⷮ кто мину се мѣсто, то на лѣво їдет, всѧ бо воды мира сего ѿ лѣвое страны приходѧ; да иже сѧ тѣхъ водъ надержиⷮ, то їдеⷮ на свѣтъ, а на десную страну су горы велики і ёзеро полно змиї (лат. Absidam istam fecit Alexander Philippi Macedo imperator, quando persecutus est Darium regem Persarum. Qui terram hanc ingredi voluerit, ad manum sinistram vadat; ad dextram enim terra invia et rupibus et angustiis est plena). То бѧшеⷮ написа на столпѣ Александровѣ». Путники идутъ въ лѣвую (?) сторону (рум. Дос. стѫнга), среди смрада (и тьмы?); «і прихожаше ны гла ꙗко ї кони ржуще (рум. Дос. шй венїѧ хрѣмъть маре, ка де некезътꙋрї дé кáй мꙋлц), ї приближихомъ на глаⷭ тъ, і видѣхо езеро полно змии, ꙗкоⷤ бѧше не видѣⷮ воды поⷣ нпм (Торж. поⷣ змыами) ї слышахомъ плачь и стенанье люто. ї бѧше ёзеро то полно члвкъ. ї преде инъ (Торж. прииде ны) гла съ нбсе гла: си суть люⷣе ѡсужениї, ти бо сѧ люⷣе ба ѿвергоша. да мы [с] страхоⷨ ї трепетомъ минухоⷨ ѡзеро то ѡсуженоё. ї пошеⷣ мало дни и оузрѣхо горѣ .в. мужа (Торж. видѣхо двѣ горѣ высоцѣ и тоу видѣхомь моужа; лат. т.: venimus inter *duos montes* altissimos, et in medio ipsorum apparuit nobis homo longa statura) велика в' высоту р. локотъ. ї бѧше привѧзанъ веригами медѧны по всему тѣлу, ї пламѧнь палѧшеⷮ все тѣло его, ї вопиꙗше глмъ великї. їсхожаше гла мужа того до .л. поприщь. ї оувидѣвши ны мужетъ нача плакати, приклапꙗсѧ к земли, і бѧше ѡпалено все тѣло ёго. Мыⷤ ѿ страха покрывше лице своё минухом гору ту, їдохо дни ї .е. слышаще гла его. ї припрохоⷨ стремнѣ мѣсте и глубоцѣ ї видѣхо ту жену стоꙗщу простовласу (лат. т.: capilli autem hujus mulieris ad terram usque descendebant; рум.

ской, приведенной въ нашемъ текстѣ: «ачéсть стлъпь аꙋ радикáть Алеѯáндрꙋ Ѱипърáтꙋль Мачедóнилор. кѫндь аꙋ гонúть пре Дáріе Пéрсꙋль; чúне ва врѫ съ съ'ндерептѫзе дѫчúчѫ, съ ѫ'и а стѫнга дин' кътр-о вин áпеле; шй чине ва'млá, съ ѫ сꙋнетеле áпелорь ши ва еши лá лꙋмúнꙋ. кѣ'н а дирѣпта сѫнт мꙋнць ши рѫпі, шй ѫзере мáре плине де шéрпі».

Доспѳ.: десплетитѫ) на краи глубины ї змиї баше великъ ѡбилъса ѡколо еа ѿ ногу ї до главы, ї хотѣ рещи слово едино, ї не даша еи, ї заїмаше еї оуста хобото҃ ї бьꙗшеть ю по оустомъ хобото҃ да не гл҃ть ничто. їниїже гл҃аси їсхожаху їс пропасти глубоки народа многа їзъ глубины вопиюще: помилуи ны г҃и, помилуї ны сп҃се б҃а въшнѧ. Мы ж ѿ страха того (їдохо҃) рекохо҃: г҃и ѡпрости жи[во]тъ нашь, ꙗко видѣста ѡ҃чи наши чю҃са сиꙗ, и тру҃ (Торж. соудь; рум. Доспѳ.: ѡсѫнде) на земли сеї. ї паки поїдохо҃ ѿ мѣста того плачюще и ѡбрѣтохо҃ мѣсто другоё ї древа баху смоковнымъ ѡбразо҃ на мѣсте томъ, ї на древехъ тѣхъ множество народа птиц (Торж. множство птиць неб҃ныи) тмы тмами баше, ї рѣ҃ їхъ баше ꙗко чл҃вча, ї вси единимъ гл҃мъ вопиꙗху҃ гл҃ще: ѡстави ны вл҃ко ї помилуї ны г҃и, мы бо согрѣшихо҃ на҃ всеꙗ твари. Мы ж оуб҃зиї та чю҃са слышавше ї видѣвше ї поклонихомъ г҃ви гл҃ще: г҃и яви на҃ чюдеса сиа, ꙗже ёсмы видѣли ї слыша҃. ї молящимъ намъ б҃у ї раступиса земла пре҃ нами, їз҃ гла҃ гл҃а: ни есть вы дано видѣ҃ дѣлъ тѣхъ, но їдѣте путе҃ свої. Мы же минухомъ на мѣсто їное страшно ї ту видѣхо҃ мужи .д҃. ре ѡбраза же їхъ нѣ҃ сказа҃, ї баше же пре҃ с҃тми тѣми мужи ѡружье ѡстро ї стрегуще твердо, змиеве со ехидна҃ ѡбьстоꙗхуть ѡколо (рум. Доспѳ.: шѝ наинтѧ лѡр дáрде аскѹцѫте де лѹчїѧ, шѝ фóкь мáре фъръ сáмѫ, ши смóалѫ шѝ ꙗрбѫ пѹчóасѫ, змéй ши ехи́дне ши келéй). А се .д҃. мужи вѣнца носаща на глава красны ї в рукахъ своїхъ имуща палица злата [1]). Да мы оубозии падохомъ на земли ниць ї воспихомъ: помилуїте, мужи нб҃нії, да быша не прикоснули сѧ на҃ (Торж.: да би се на҃.... не прикосноуле) ѡружьꙗ та. ї ѿвѣща (Торж.—ше) намъ гл҃ще: Въсташа (Торж. вьстав'ше) їдѣте пу-

---

[1]) Лат. текстъ: devenimus ad locum honorabiliorem ac speciosissimum, in quo quatuor viri stabant, habentes figuras venerabiles, tamquam mira pulchritudine decoras, ut credi aut fari omnino facile vix possit: isti siquidem coronas aureas, gemmis et lapidibus honorifice compositas, in capitibus habebant, et in manibus palmas aureas gestabant; ignis vero maximus ac terribilis ante illos, et spathas acutissimas ante se tenebant. Nos vero ista cernentes, ac valido perculsi timore, exclamavimus etc.

темъ своимъ, аможе вы веде (Торж. Гѣ; рум. Дос. Дѹмнезъѹ); не боіте ничтоже. не владѣеть бо ва ѡзлоби ѡроужье се, мы бо ї блюде до дни суднаго. Да мы то слышавше прекртившеса ї поклонихомъ ї прославихомъ Ба ї минухо ꙗко дша не имуще. їдохомъ днїї .м. ї в напраснѣ и гла слышахом народа многа зѣл ї насытихомъ блгоуханьа многа ї ѿ гла поющих блгоуханно многа (Торж. и идохо .м дни вь напраснѣ гласѣ и приде поющь наро многь, и блгоуханиꙗ и тьмиꙗна многа зѣло насытыхомьсе ѿ мира и ѿ гла поющихь). сонъ ны ѡбумори, да мы оуспохо ї въстахо, ѡли слипати оустомъ наши ѿ блгости па меду їста. ї въставше ї видѣхомъ цркві ї баше ꙗ[ко] ледана (лат. т.: quae tota quasi crystallina videbatur; рум. Доспѳ.: бесарикь маре де кристаль) ї велика, посреже цркви тоа ѡлтарь знаманованъ, посредиж ѡлтара того источни знамананъ водныи бѣлъ, ꙗко млеко (лат. т.: et de altari aqua egrediebatur, quae lactis candidissimi colorem habebat); ї видѣхо ту мужи страшны зѣ ѡкртъ воды стоꙗща ї поꙗхуть агльскиꙗ пѣ. ї видѣвше то мы трепещюще ꙗко мртви, да единъ ѿ них красенъ зѣ, да тот ны ре приступи: се есть источни бесмртнъ, ѡжидаꙗ праведныx насладити. Мыж то слышахо ї прославихомъ ба ї минухо мѣсто то со страхо, ї в радости велицѣи быхо, ꙗко бъ вѣсть, но баху оустнѣ наша ѡслажени ѿ воды тоа, до .г. го дни слипахуса оустнѣ наша ꙗко ѿ меду. ї доїдохомъ рѣки великиа зѣло ї насытихомъ блгости ї прославихомъ ба. ї къ .ѳ. тому часу сущю ї сѣдохо на брезѣ оу рѣки тоꙗ, размышлающе, что створи рецѣ сеи. ї баше по рецѣ тои свѣтъ седмирицею сего свѣта свѣтлѣе. ї помолихомъ на .д. страны земла. И баху вѣтри в земли тои їнаци тварью: западныи вѣтръ зеленъ тварью, а ѿ въстока слнцю ѿ раа рыжъ вѣтръ ꙗко ї желтъ, а ѿ полунощи вѣтръ ꙗко кровь чта, а ѿ полуднивныа страны вѣтръ бѣлъ, ꙗко снѣгъ. слнце теплѣе сего .з. мижды, ї древа болши сихъ ї краше ї частѣиши ї [едино] плодовито, а другое неимуще пло, ї горы выше сихъ ї земла .в. лицѣ їмущи, червлена ї бѣла, ї птици всѣми лици».

Румынскій текстъ (у Досиѳея) во всемъ этомъ описаніи сходенъ, если не тождественъ съ славянскимъ; латинскій значительно разнится: послѣ видѣнія мужей, пѣвшихъ ангельскую пѣснь (voces cherubim), онъ продолжаетъ такимъ образомъ: Nos autem haec intuentes, timuimus valde. Ipsa vero ecclesia a parte meridiana similitudinem habebat lapidis prasini pretiosi, a parte australi colorem sanguinis mundissimi praetendebat, a parte autem occidentali tota erat alba instar lactis et nivis candidissimae; stellae super ipsam ecclesiam plus quam hujus mundi sidera lucebant, sol ibi septempliciter lucebat et calebat, quam in hujus terrae regione; alpes et arbores omnes plus altae, et folia ac fructus plures ac dulciores, quam istius mundi arbores habebant; sed et aves coeli aliter resonabant, quam aves terrae istius: omnis autem terra ipsa duplices habebat colores, id est, una facies alba erat ut nix, et alia rubicundissimis coloribus erat. Nos igitur stupentes et in eodem loco adorantes, ac ipsos viros salutantes, cum timore egressi, coeptum iter arripere festinavimus [1]).

Путники испытываютъ далѣе нападеніе какихъ-то *малорослыхъ людей* (бѧхоу низци зѣло; лат. текстъ: non autem inter illos longiorem praeterquam unius cubiti staturam vidimus) и идутъ (латин. текстъ, выше ничего не говорившій о рѣкѣ, прибавляетъ теперь: transeuntes flumen), питаясь лядиной, «ни с локо ѿ землѧ в въсоту; да то грызуще проїдохомъ землю ту, ї бѧше лѧдина та бѣла, но паче меду иста (такъ и въ рум. Дос.; лат. текстъ: herbas candidas et albas, sicut lac, dulces velut mel, altas vero usque ad unum cubitum) [2]); да ту лѧдину грызуще ізмѣнихомъ си лица своѧ». Тропа приводитъ ихъ къ пещерѣ, отдохнувъ въ которой, они видятъ идущаго къ нимъ старца, страшнаго видомъ,

---

[1]) Рукописный румынскій текстъ Хожденія, изданный Гастеромъ (l. c., стр. 11), сходенъ съ латинскимъ въ нашемъ эпизодѣ: подобно ему онъ не знаетъ образа вѣтровъ, различныхъ «тварью», и такъ описываетъ церковь: «Și partê mănăstirii despre apus era verde, și de ceealaltă era roșie ca sângele» и т. д.

[2]) Сл. во франц. Хожденіи Александра къ земному раю, Meyer, Études, l. c, p. 233: Si *blanche i voit l'erbe com se il fust negié.*

покрытаго съ ногъ до головы бѣлыми, какъ снѣгъ, волосами, служившими ему вмѣсто одежды. Это—*св. Макарій*, который, узнавъ о намѣреніи иноковъ увидѣть, гдѣ «прилежить нбо к земли», такъ поучаетъ ихъ: «чада моя милая, не можеть чловкъ плотянъ ѿ женьска грѣха родився того мѣста видѣти, ни тѣхъ чюсъ ни силъ Га ба нашего Іса Ха. Аз бо грѣшныи мнобо ѡкушахся і плакахся къ бу да бы видѣлъ чюда тѣ, і рече ми англъ: Не прогнѣваи га ба своего, создавшаго тя, нихтоже можеть того мѣста доити. Да и азъ рекох: почто ги мои? и рече ми: ѿ сего мѣста есть поприщь .к. ідѣже еста .в. града, единъ желѣзенъ а другии мѣданъ, да за тѣма градома раи бии, ідѣже былъ .а. е Адамъ съ Евгою на въстокъ слнца за раемъ. да ту нбо прилежи (рум. Дос. ра́юль спре ръсъри́ть, оунде ѡдихна́ште че́рюль), і внѣ рая поставилъ есть Бгъ хиравими і сирафими, ѡружье пламянно в рукахъ імущи стрещи рая і древа животна. сут же та хиравии ѿ ногу до пупа члвци, а перси лвовы, а глава іною тварью (рум. Дос. ка́пѹль де змъѹ). а руцѣ яко ледяни, і ѡружье пламянно в рукахъ іхъ, внѣ стѣнъ градныи, да не можеть ту внити никтоже. суть бо ту силы страшныя мнози зѣло і ликове англьстиі ту пребываютъ, і поясе нбнии ту суть ідѣже почиваеть нбо. Сл. лат. текстъ: De isto, inquit, loco viginti sunt milliaria usque ad paradisum, ubi Adam et Eva in deliciis erant. Posuit denique Dominus ante eundem paradisum cherubim cum ignea rhomphea atque volubili, ad custodiendum vitae lignum; et habet a pedibus usque ad umbilicum similitudinem hominis, pectus sicut pectus leonis, manum sicut crystallum, habens gladium ut servet Paradisum, ne aliquis illuc proximare valeat.

Св. Макарій разсказываетъ инокамъ о томъ, какъ онъ тайно покинулъ жену, съ которой сочетали его родители; какъ пришелъ въ пустыню, руководимый ангеломъ, дикимъ мужемъ, оленемъ и змѣемъ; объ искушеніи, въ которое былъ введенъ коварствомъ дьявола, и о покаянномъ искусѣ, который онъ наложилъ на себя. Побесѣдовавъ съ святымъ, странники собираются въ

обратный путь; два льва, прислуживавшіе св. Макарію, доводятъ ихъ «до темны̑ мѣстъ. бп҃їмъ повелѣньемъ дошедше ѡбрѣтохомъ столпъ и комару александрову». Здѣсь львы покидаютъ ихъ, и они, вступивъ въ Персію и, перейдя Тигръ, находятъ христіанъ.

Такъ кончается легенда, локализованная гдѣ-то въ пустынѣ за Іорданомъ, гдѣ въ сосѣдствѣ съ Макаріемъ *римскимъ* находится и земной рай, куда онъ напрасно пытался проникнуть. Епифаній Агіополитъ [1]), очевидно, имѣетъ ввиду тѣ-же отношенія, но помѣщаетъ дѣйствіе — въ Африку, на югъ отъ Александріи, разумѣя Макарія *египетскаго*: πρὸς νότον τῆς Ἀλεξανδρείας ἡμερῶν ἓξ κεῖται ὁ ἅγιος Μακάριος ὁ μέγας, ὁ πλησιάσας τὸν παράδεισον. Въ коптскомъ житіи этого Макарія [2]) также разсказывается, что онъ тайкомъ покинулъ жену, съ которой сочетали его родители, и удалился въ пустыню. Далѣе слѣдуетъ такой эпизодъ: среди озера онъ увидѣлъ островъ, переправившись на который встрѣтилъ нагихъ мужей, съ черной и грубой кожей, отросшими волосами и ногтями, такого страшнаго вида, что онъ счелъ ихъ за привидѣнія и молча созерцалъ. Они говорятъ ему, что живутъ въ пустынѣ, не зная ни обители, ни одежды, подобной той, какую видятъ на немъ. Много лѣтъ тому назадъ они пришли сюда, и съ тѣхъ поръ ни одного человѣка, кромѣ него, не видали; видали въ горахъ разныхъ звѣрей и дикихъ людей, которые, однакожь, благодаря Бога, имъ не дѣлаютъ зла. Они всегда ходятъ нагіе, имъ не вредитъ ни лѣтній зной, ни холодъ зимою. Макарій принимаетъ ихъ благословеніе и возвращается вспять.

Тѣ-же образы встрѣтились мнѣ въ коптскомъ разсказѣ о Хожденіи Пафнутія къ пустынножителямъ Египта, IV вѣка [3]):

---

[1]) Allatii Σύμμικτα, Colon. Agrippinae 1653, l. I, p. 55.

[2]) Zoega, Catalogus Codicum Copticorum etc. qui in Museo Borgiano asservantur. Romae 1810, p. 48 слѣд.

[3]) Recueil de travaux relatifs à la philologie et à l'archéologie Égyptiennes et assyriennes, publ. sous la direction de G. Maspero, v. VI, lib. 3—4: Amélineau, Voyage d'un moine Égyptien dans le désert, p. 166 слѣд. (указаніе О. Э. Лемма).

отшельники прикрываютъ свою наготу волосами, спускающимися на тѣло точно грива парда, либо пальмовыми листьями; питаются злаками; ангелы сослужатъ имъ. Пафнутій остановился отдохнуть у источника и дивится множеству пальмъ, гранатовыхъ, фиговыхъ и другихъ деревьевъ, плоды которыхъ были слаще меда, тогда какъ мирты издавали прелестный запахъ. Кто насадилъ ихъ здѣсь? Пафнутію всё это кажется божьимъ раемъ. Четыре прекрасныхъ юноши, съ овчиной шкурой у пояса, называютъ его по имени, радуются его приходу, разсказываютъ о томъ, какъ они поселились здѣсь. Семь дней пробылъ у нихъ Пафнутій; настала суббота, и юноши велятъ ему приготовиться, ибо ангелъ Господень является къ нимъ совершать литургію (σύναξις), и кто причастится изъ его рукъ, очищенъ будетъ отъ всякія скверны. Пока они говорятъ, разлилось несказанное благоуханіе; всѣ встали и воспѣли славословіе Господу нашему Іисусу Христу: ангелъ является, совершаетъ литургію на хлѣбѣ и винѣ и, благословивъ всѣхъ, паритъ на небо въ лучезарномъ сіяніи. На другой день повторяется то-же, и ангелъ велитъ Пафнутію вернуться назадъ въ Египетъ и повѣдать всѣмъ любящимъ Бога, какъ подобаетъ служить ему.

Едва-ли можно усумниться, что сообщенныя нами легенды о Макаріи Римскомъ и Макаріи Египетскомъ представляютъ лишь двойственное пріуроченіе одного и того-же содержанія, подобно тому какъ въ романѣ объ Александрѣ страна чудесъ, имъ посѣщенная, помѣщается то въ Индіи, то въ пустыняхъ Египта.

Что до чудесъ, описанныхъ въ Хожденіи трехъ иноковъ, то они привнесены въ него изъ Александріи, но получили новую христіанскую и, быть можетъ, ранѣе того, библейско-талмудическую окраску, что̀ притянуло въ составъ разсказа и новыя подробности — по аналогіи.

Сличеніе нашей легенды съ письмомъ Александра къ Олимпіадѣ и Аристотелю у Псевдокаллисоена, LBC, II, с. 31—41 докажетъ это положеніе:

Вступивъ въ Индію, иноки Хожденія встрѣчаютъ прежде всего *«Песьи главы»;* они живутъ *«межи камень гнѣзда сносивше»;* далѣе: *трепястокъ*, лат. *Pichiti*, Pygmei. Сл. Pseudocallisthenes II, c. 31: διελθὼν δὲ τὸν Ἀμόρρουν ποταμὸν Ἀλέξανδρος, κόσμον ἄλλον κατέλαβε. Ἀνθρώπους μὲν εὗρεν εὐτελεῖς καὶ λίαν σμικροτάτους ὡς εἶναι τὸν τέλειον ἄνθρωπον [οὐχὶ ἀλλὰ] πῆχύν τε καὶ ἥμισυ (= Pychiti); c. 32: ἄνθρωποι παμμεγέθεις; c. 33: ἄνθρωποι... ἄγριοι ἐπὶ πετρῶν καθεζόμενοι; c. 34: μετὰ οὖν ὁδὸν ἡμέρων τριῶν ὁ Ἀλέξανδρος κατέλαβε χώραν Κυνοκεφάλων; c. 37: κἀκεῖθεν ἀναχωρήσας Ἀλέξανδρος ἦλθεν εἴς τινα τόπον, ἔνθα ἦσαν ἄνθρωποι κυνοκέφαλοι.

Иноки вступаютъ въ область *мглы*, гдѣ не сіяетъ солнце, водятся страшныя змѣи и гдѣ имъ служатъ руководителями — олень и голубь. Это руководительство развито, быть можетъ, изъ болѣе древняго мотива, полузабытаго въ нашемъ текстѣ, какъ увидимъ далѣе[1]). Сл. Pseudocall. II, c. 38: τὸν δὲ ἥλιον οὐκέτι ἐθεώρουν, ἀλλὰ μαῦρον τὸν ἀέρα ἐπὶ ἡμέρας δέκα.

Голубь выводитъ путниковъ къ *столпу* и *камарѣ* съ надписью, что ихъ поставилъ здѣсь *Александръ*, идя отъ *Халкедона* и побѣдивъ *Персовъ*: *«воевалъ есть до сего мѣста, сеся нарѣ тма»;* кто хочетъ выйдти на свѣтъ, пусть направится влѣво, а на право будутъ великія горы и озеро, полное змѣй. Иноки идутъ *вправо* (въ нашихъ текстахъ, очевидно, ошибочно: на лѣвую страну): ихъ первая встрѣча — озеро съ змѣями. Таинственный міръ лежитъ по ту сторону Александрова столпа; посѣтивъ его, они снова возвращаются къ нему, къ «темнымъ мѣстамъ». Сл. Pseudocall. II, c. 39 (C): ἐκεῖθεν οὖν πάλιν ὥδευσεν Ἀλέξανδρος μετὰ τοῦ στρατοῦ αὐτοῦ· καὶ ἀναχωρήσαντες εἰς τόπον τινὰ ἐπίπεδον· μέσον δὲ τῆς πεδιάδος φάραγξ ἦν διαχωρίζουσα. Ἐκείνην οὖν Ἀλέξανδρος γεφυρώσας ἔγραψεν ἐν αὐτῇ γράμματα Ἑλληνικὰ καὶ Περσικὰ καὶ Αἰγυπτιακά· αἱ δὲ γραφαὶ διηγόρευον ταῦτα· «ἐνθάδε Ἀλέξανδρος εἰσελθὼν ἤγειρεν ἀψίδα, ἐν ᾗ πανστρατὶ διαβάς,

---

[1]) Сл., впрочемъ, у Плутарха, Alexander c. XXVII, 2 вороновъ, вожатаевъ Александрова войска, сбившагося съ пути (со ссылкой на Каллисѳена).

ἄκρας θέλων γαίας καταλαβεῖν, ὡς τῇ προνοίᾳ ἔδοξε». Καὶ διὰ τριῶν ἡμερῶν ἦλθεν εἰς τόπους ὅπου ὁ ἥλιος οὐκ ἔλαμπεν. Ἐκεῖ οὖν ἐστὶν ἡ καλουμένη Μακάρων χώρα». Побывавъ въ странѣ блаженныхъ, Александръ возвращается, Pseudocall. II, гл. 41 (LC): «ὡς δὲ ἔφθασαν εἰς τὴν ἀψῖδα ἣν ἔκτισεν Ἀλέξανδρος, ἔγραψε πάλιν ἐν αὐτῇ οὕτω διὰ γλυφίδος· Οἱ βουλόμενοι εἰσελθεῖν ἐν τῇ τῶν Μακάρων χώρᾳ δεξιᾷ πορευέσθωσαν». Ближе къ фразѣ хожденія надпись въ печатныхъ текстахъ Historia de preliis (пространной редакціи): посѣтивъ палаты солнца и услышавъ вѣщанія солнечнаго и луннаго деревьевъ, Александръ велитъ поставить два мраморныхъ столба и написать на нихъ: «Ego Alexander Philippi Macedonis hanc absidam erexi *post confusionem Darii regis Persarum* et Pori regis Indorum. *Quicunque vult ulterius pertransire, manu sinistra tendat. Qui autem manu dextra processerit, multa inveniet obstacula*, que impedient gressum suum» [1]).

Слѣдующая далѣе подробность Хожденія, что путники идутъ среди *смрада* и къ нимъ доносится *«гла҃ ꙗко і кони ржуще»* — непонятна безъ сопоставленія съ извѣстнымъ намъ эпизодомъ Pseudocall. C, II, с. 39—40: Александръ вступилъ въ страну блаженныхъ и, не находя пути среди темноты, слѣдуетъ совѣту одного старика: отправиться далѣе, взявъ съ собою кобылицъ либо ослицъ, оставивъ ихъ жеребятъ въ лагерѣ. Это даетъ ему возможность впослѣдствіи выбраться изъ мрака, потому что ржанію кобылицъ отвѣчало такое же ржаніе жеребятъ, опредѣлявшее направленіе обратнаго пути: ἐξῆλθε (Александръ) πρὸς τὴν φωνὴν τῶν θηλείων ἵππων (B. τῶν πώλων καὶ τῶν μητέρων αὐτῶν). Καὶ οὕτως τῆς παννυχίου ἐκείνης ἐξῄεσαν γῆς (сл. выше, стр. 221—2, 289—290 прим., 292).

За приключеніемъ съ кобылицами помѣщенъ въ Псевдокаллисоенѣ эпизодъ о безсмертной водѣ. Между тѣмъ и другимъ мы встрѣчаемъ въ Хожденіи нѣсколько новыхъ образовъ, имѣющихъ

---

[1]) Kinzel, Zwei Recensionen etc., стр. 26.

характеръ мытарствъ и интересныхъ для вопроса объ источникахъ сербской Александріи.

Прежде всего — *озеро*, полное змѣй, терзающихъ грѣшниковъ, въ него вверженныхъ; *великанъ, прикованный цѣпями къ горѣ и объятый пламенемъ: жена, стоящая на краю стремнины и обвитая змѣей:* все это встрѣтилось на пути Александра, лишь въ нѣсколько другомъ порядкѣ (великанъ, жена, озеро) — въ извѣстномъ намъ эпизодѣ сербской Александріи. Сл. выше стр. 267—8, § 2.

Далѣе путники Хожденія видятъ множество *птицъ* на деревьяхъ, вопіявшихъ: «Помилуй насъ Господи, ибо мы согрѣшили паче всей твари». Я полагаю, что такая же подробность находилась и въ подлинникѣ сербской Александріи, судя по греческой (= болгарской) народной книгѣ, отнесшей эту черту позднѣе, въ описаніе острова блаженныхъ: на деревьяхъ сидитъ множество красивыхъ птицъ, которыхъ пѣніе представляло смѣшеніе ликованія и печали. Очевидно, этотъ образъ не идетъ къ острову блаженныхъ, но понятенъ въ связи съ соотвѣтствующимъ мѣстомъ Хожденія. Представленіе души птицей извѣстно было древнему Египту, гдѣ обычно ея изображеніе въ видѣ копчика съ человѣческой головой, бородатой или нѣтъ, смотря по полу. То-же представленіе встрѣчается и у Гностиковъ [1]), и мы вправѣ спросить себя, не въ томъ-ли же смыслѣ слѣдуетъ понимать у Псевдокаллисоена птицъ съ человѣческими лицами, останавливающихъ Александра на границѣ страны блаженныхъ (сл. выше, стр. 222)? Въ легендѣ Макарія (и соотвѣтствующемъ эпизодѣ сербской Александріи) птицы являются именно въ этомъ значеніи, часто встрѣчающимся въ христіанской символикѣ. Укажу лишь на видѣніе св. Антонія Великаго (Migne, Patrol. lat. t. 73, p. 1044 и 1126); Петръ Даміани говоритъ о душахъ,

---

[1]) Leemans, Horapollinis Niloi Hieroglyphica, lib. I, c. VII. p. 8—9 и прим. на стр. 150; Lauth, Horapollon, въ Sitzungsber. d. philos. philol. u. hist. Cl. der K. b. Akad. d. Wiss. zu München, 1876, p. 78; Lepsius, Die Chronologie der Aegypter, стр. 183.

освободившихся отъ чистилищныхъ мукъ и летавшихъ птицами; св. Патрика онѣ сопровождаютъ стаями, черныя и бѣлыя; въ путешествіи св. Брандана райскія птицы — ангелы, продолжавшіе повиноваться Люциферу, когда онъ отпалъ отъ Господа; не погрѣшившіе гордыней, но и не безгрѣшные, почему они и наказаны менѣе другихъ.

Бранданъ пристаетъ къ берегу, на которомъ высплось дерево

491. Itant blanche cume marbre,
E les fuiles mult sunt ledes,
De ruge blanc taceledes.
De haltece par vedue
Muntout le arbre sur la nue;
Des le sumet desque en terre
La brancheie mult la serre
E ledement s'estent par l'air,
Umbrajet luin e tolt le clair,
Tute asise de blancs oiseus:
Unches nul hom ne vit tant beus.

На вопросъ Брандана одна изъ птицъ отвѣчаетъ:

520. Angele sumes,
E enz en ceil jadis fumes,
E chaïmes de halt si bas
Od l'orguillus e od le las,
Par superbe que relvelat;
Vers sun seignur mal s'eslevat.
Cil fut sur nus mis à meistre
De vertuz Deu nus dut paistre;
Puroc que fut de grand saveir,
Si nus estout à meistre aveir.
Cil fud mult fels e superbe,
En desdein prist la Deu verbe.
Puis que out ço fait, lui servimes
E cum anceis obedimes:
Pur ço sumes deseritet
De cel regne de veritet;
Mais quant iço par nus ne fud,
Tant en avum par nus vertud;

N'avum peine si cum cil
Qui manerent orguil cum il.
Mal n'en avum fors sul itant
La Majested sumes perdant,
La presence de la glorie
E devant Deu la baldorie.
Le nun del leu que tu quesis,
C'est *as oiseus li Paraïs.*

Подъ вечеръ птицы поютъ:

558. Od dulces voices mult halt crient
E enz en le cant Deu mercient [1]).

Я полагаю, что птицы Хожденія не имѣютъ иного значенія, какъ то, какое даетъ имъ легенда о св. Бранданѣ, представляющая и другія интересныя параллели къ разбираемому нами памятнику. Таковы: адскій островъ, полный смрада и пламени и стоновъ грѣшниковъ, откуда демонъ бросаетъ въ путниковъ схваченную имъ въ кузнѣ раскаленную полосу (v. 1198 слѣд.); мученіе Іюды Искаріотскаго (v. 1212 слѣд.; сл. въ Хожденіи, въ описаніи области мытарствъ, прикованнаго ко скалѣ грѣшника); образъ пустынника Павла, напоминающаго Макарія (v. 1538 слѣд.); облако мрака (v. 1648 слѣд.), черезъ которое приходится держать путь къ земному раю, обведенному высокою, возвышающеюся до небесъ стѣною (v. 1670 слѣд.); райскіе камни (v. 1800), которые подаетъ Брандану ангелъ: мотивъ изъ Iter ad Paradisum.

Старофранцузскій романъ о Baudouin de Sebourc воспроизвелъ всѣ эти подробности Брандановой легенды, съ мученіемъ Іюды и адскимъ островомъ [2]), но въ эпизодѣ о раѣ представляетъ

---

[1]) Fr. Michel, Les voyages merveilleux de St. Brandan. Paris 1878. Сл. еще vv. 578—579, 850 и слѣд., 1624 и слѣд.

[2]) Эпизодъ объ Іюдѣ встрѣчается еще въ продолженіи Huon de Bordeaux; представленіе адскаго острова — въ легендѣ объ обрѣтеніи и перенесеніи мощей св. Антонія, гдѣ цѣлый рядъ подробностей напоминаетъ мотивы Макарьевской. Посланные идутъ, руководимые звѣздою; «inde vero profecti sunt per aspera et devia montium in plano Ioseu, in quo herbas et poma incredibilis saporis et odoris invenerunt, ac de ipsis accipientes comederunt et Deo

нѣкоторыя отличія: у его входа сидятъ Энохъ и Илья, которые вводятъ путниковъ, Baudouin и Polibant, въ вертоградъ, полный вѣчно зеленыхъ деревьевъ; между ними одно, черное, какъ уголь: это то, плодомъ котораго согрѣшилъ Адамъ. Илья подаетъ пришельцамъ яблоко: кто отвѣдаетъ его, перейдя 30-лѣтній возрастъ, помолодѣетъ до этихъ лѣтъ, перешедшіе эту пору станутъ дряхлыми стариками. Есть тамъ и птицы, мелодически поющія и другія, въ которыхъ смѣшались представленія о Фениксѣ и Саламандрѣ: въ ткань, сотканную изъ ихъ перьевъ, Папа завертываетъ нерукотворенный образъ Господень.—Птицы—несомнѣнно тѣ-же кающіяся души, яблоко отвѣчаетъ райскому камню, какъ

---

laudes reddiderunt. Postea iter arripientes devenerunt inter montes altissimos et terribiles ubi non intrat sol nec arbor vel herbae crescunt, sed serpentes, dracones innumerabiles, leones, tigrides, pardos, sorices sicut volpes, aspidos, basiliscos et unicornes invenerunt infinitos et alias innumerabiles feras, quarum nomina sive naturas penitus ignorabant». Путниковъ они не трогаютъ. «Post vero decem et novem dies ipsis euntibus pervenit ad nares eorum pessimus et intolerabilis foetor, de quo sicut mortui proni in terram oraverunt ad Dominum ne tolleret animas eorum. Post haec autem surgentes viderunt lacum magnum et multitudinem serpentum ignitorum. Et ex ipso lacu exivit ululatus et planctus non modicus et vox desuper prorupit dicens: Locus poenarum est iste et judicii, in quo cruciantur omnes qui Christum perjurando et debitam fidem non servando negaverunt et mandata ejus non custodierunt». — Далѣе посланцы приходятъ къ мѣсту, наполненному деревьями; звѣзда, небесный голосъ, наконецъ чудесная птица указываютъ ихъ, гдѣ похоронены мощи святого: «ecce quaedam avis alba sicut nix rubeum habens rostrum apparuit, stetitque super quamdam arborem, quae facta erat in modum tentorii; et ibi manabat fons irriguus, omnem saporem in se retinens et suavissimus tanquam nectar; et coepit sonare alas suas sicut tintinnabula, quasi diceret et demonstraret ut ibi foderent». — Позднѣе, когда мощи перевозятъ въ Константинополь, путники «viderunt a longe quamdam insulam magnam terribilem et saxosam per totum; et paucas ibi arbores viderunt, et erat plena officinis fabrorum». Слышны были какъ-бы раскаты грома, и весь островъ содрагался отъ грохота молотовъ о наковальни. «Ecce duodecim ex habitatoribus illius insulae veniebant foras ad aliquod opus faciendum. Erant magni decem pedum in altitudine et tenebrosi et ignei». Усмотрѣвъ проѣзжихъ, они зовутъ товарищей, и вскорѣ является цѣлая толпа «forcipes portantes in manibus et furcas ferreas cum clavis igneis». Они готовятся сжечь путниковъ, но ангелъ Господень поразилъ ихъ и погрузилъ въ море, такъ что «tota pene aqua combusta est usque ad profundum. Et per totam diem navigantes semper ululatum nimium audiebant» (Analecta Bollandiana, v. II, p. 347 слѣд.).

въ Хожденіи къ земному раю, интерполированному въ нѣкоторые тексты французской Александріи[1]), и въ старо-италіанскомъ романѣ объ Ugo d'Alvernia[2]), гдѣ мы встрѣтимъ и эпизодъ о райскихъ птицахъ — падшихъ ангелахъ — и новую иллюстрацію источниковъ сербскаго романа.

Уго приходитъ къ морю, загороженному съ трехъ сторонъ горами; и горы и море въ пламени, изъ смрадныхъ водъ поднимаются страшные вопли и показываются мучимыя души. Это не адъ — туда другой путь, а юдоль мытарствъ: si è un ramo d'inferno, ma non è di quel fondo, ma è d'una sembianza che n'è in tutto il mondo, massimamente in Cicilia, in verso Bolsena e in altri diversi luoghi . . . .; è questo lato che tu vedi, con molti altri che ne sono, fatti *per dispetto di quegli che piovvono dal cielo.* E sappi che una parte di loro n'andarono in abisso, nel cientro della terra, altri ne rimasono in terra, altri in aria si stanno. — Услышавъ эти объясненія отъ посланца Божія, Уго переносится съ помощью двухъ грифовъ на ту сторону моря, видитъ дьяво-

[1]) P. Meyer (Études, l. c., p. 217, 234, 246) полагаетъ, что замѣна *глаза* (= талмудическій камень) *яблокомъ* принадлежитъ интерполятору, нашедшему первый въ своемъ текстѣ и — въ разсказѣ о Хожденіи, въ которомъ, ради разнообразія, замѣнилъ одинъ образъ другимъ. По всей вѣроятности онъ руководился при этой замѣнѣ такими-же соображеніями, какъ и авторъ Baudouin de Sebourc по отношенію къ легендѣ о Бранданѣ; въ легендѣ о св. Евфросинѣ (Прологъ 11 Сентября) разсказывается, что онъ былъ въ раю и принесъ оттуда три яблока. — Мотивъ о ненасытномъ глазѣ — черепѣ, своеобразно разработанный, встрѣчается въ одной болгарской сказкѣ у Шапкарева, Български народни прикаски и вѣрования (Пловдивъ 1885), № 21, стр. 18.

[2]) Эпизодъ о посѣщеніи ада изъ Storia di Ugo d'Alvernia Андрея da Barberino былъ списанъ для меня въ 1866—1867 годахъ по рукописямъ Magliab. Palch. II, № 58 и 59, по которымъ весь романъ изданъ недавно трудами Zambrini и Bacchi della Lega (Scelta di Curiosità letterarie, disp. 188 и 190. Bologna, 1882, 2 vv.). Существуютъ двѣ франко-венеціанскія версіи этого памятника; подробный анализъ одной, по рукописи Падуанской семинаріи, сдѣлалъ Crescini (*Propugnatore*, v. XIII, parte II, p. 44—69); туринскій текстъ разобранъ былъ Graf'омъ (*Giornale di Filologia romanza* I, стр. 92 слѣд.) и изданъ недавно Renier въ Scelta di Curiosità letterarie № 194 (Bologna. 1883). Обращаемъ читателя къ подробному предисловію проф. Renier. Слѣдующія въ текстѣ цитаты сдѣланы по изданію Zambrini и Bacchi della Lega, v. II. p. 11—12, 32—34, 56: мой списокъ представляетъ нѣкоторыя разночтенія

ловъ, мучающихъ души Хама, Фараона, Саула и Ирода—и далѣе находитъ трехъ пустынниковъ, изъ которыхъ одинъ оказывается его двоюроднымъ братомъ. Еще юношей онъ покинулъ тайкомъ отеческій домъ, чтобы посѣтить святыя мѣста Рима, Кампостельи и Іерусалима, а затѣмъ поселился съ товарищами въ пещерѣ на горѣ, гдѣ присталъ Ноевъ ковчегъ. Уго и пустынники взбираются на вершину горы и видятъ здѣсь множество звѣрей, сошедшихся мирно на поклоненіе ковчегу: дѣло было въ пятницу — день освященный воспоминаніями о прекращеніи потопа, рожденіи и страданіи Господа. — Разставшись съ пустынниками, Уго идетъ по теченію райской рѣки (Нилъ), проходитъ долины, населенныя львами и слонами, которые его не трогаютъ, и наконецъ встрѣчаетъ долину птицъ: онѣ сидятъ на деревѣ такъ густо, что не видно листвы, покрыли весь лугъ, черныя какъ галки (mulacchie); e facevano tra loro si dolce canto, che era cosa maravigliosa a udire, e dicevano quel Salmo: Ecce quam bonum et quam jucundum fratres in unum. Изумленный Уго молитъ Господа открыть ему тайну этого зрѣлища; одна изъ птицъ объясняетъ ему: sappi che noi siamo di quelli spiriti che piovenno dal cielo; ma noi non fumo di quella intenzione che sono quegli, che furono condannati da Dio in inferne: chè quando venne il punto della grande ruina, il cielo tutto tremò; allora tutti gli angioli e arcangioli, dominazioni, cherubini, serafini, potestate furono ripieni di paura, quando udirono la voce di Dio; e tutti traboccarono, molti ve ne rimasero nell'aria, molti in terra, gli altri andarono nel profondo, e noi, che siamo qui, fumo di quelli che rimanémo in terra, e non faciano bene nè male; ma pure è nostra intenzione di riavere con Dio qualche accordo del peccato; e per questo ci tiene a questo modo: così in terra e in mare ci stiamo, come l'onde ci menano così andiamo; tutto dì peschiamo, e nulla possiamo prendere, e a questo modo portiamo pena del nostro peccato. Bene è vero che un dì della settimana noi restiamo di fatiche, e questo è la domenica, e non abbiamo [travaglio] quando usciamo dal mare in questo luogo, ed è para-

diso nostro. E così staremo qui oggi e stanotte, e domane, quando il giorno schiarirà, ci partiremo e sosterremo quello che è a noi destinato; e allora si raddoppiano le pene nostre, come è laude di Dio.

Птицы провожаютъ нѣкоторое время Уго, передъ которымъ Нилъ вскорѣ закрылся темнымъ облакомъ: trovò una nugola come tenebre scura. ed era come un muro, e alta e tagliata insino all'aria, e divideva la luce. Qui Ugo vidde dappresso uno pilastro di muro, dov'erano lettere intagliate, che dicevono: Uomo, che vai per questa parte, non passare davante, se tu non sei pieno di fede e dirittura e fuori di peccato; e se altro fai, caro ti costerà. — Приготовивъ себя молитвой и покаяніемъ, Уго пускается въ путь, и послѣ трехдневнаго блужданія во мракѣ выѣзжаетъ на прелестный, цвѣтующій лугъ: обѣтованную землю (terra santa di promissione), гдѣ жилъ Адамъ до грѣхопаденія. Путь идетъ снова вдоль по Нилу, на гору, гдѣ Уго, напившись воды и поѣвши злаковъ, засыпаетъ; проснувшись, онъ чувствуетъ себя здоровымъ, легкимъ, какъ перышко, и видитъ передъ собой двухъ цвѣтущихъ старцевъ: Илью и Эноха, которые даютъ ему три драгоцѣнныхъ райскихъ плода и указываютъ дальнѣйшій путь, опять-же черезъ область мрака, окружающаго земной рай.

Въ Хожденіи нашихъ иноковъ, за эпизодомъ о птицахъ, слѣдуетъ также встрѣча съ четырьмя вооруженными вѣнчанными мужами, но ихъ значеніе другое: они не обитатели рая, а стоятъ стражами на границѣ, гдѣ кончается юдоль мученій и открывается путь въ другую: онъ идетъ среди пѣнія и благоуханій, которыя наводятъ на путниковъ сонъ; очнувшись, они видятъ большую, точно хрустальную церковь, изъ которой струится источникъ, въ немъ вода бѣлая «*яко млеко*»: вокругъ стоятъ мужи, поющіе ангельскую пѣснь: «*се есть источникъ безсмертенъ*»: отъ той воды уста путниковъ слипаются точно отъ меду, такъ *она сладка*.

Послѣ долгаго эпизода, удалившаго насъ отъ маршрута Александріи, мы снова возвращаемся къ нему — и къ той же

главѣ романа — потому что безсмертный источникъ Хожденія представляется мнѣ лишь христіанскою перелицевкой другаго: *πηγὴ διαυγὴς, ἧς τὸ ὕδωρ ἤστραπτεν ὡς ἀστραπή· ἦν δὲ ὁ ἀὴρ ἐκεῖνος εὐώδης καὶ πάνυ γλυκύτατος*; мертвая рыба, опущенная въ него, оживаетъ (Pseudocall. II, LBC, c. 39), поваръ Александра и Кала, побочная дочь царя, напившись той воды, становятся *безсмертными:* она — нереидой, онъ — морскимъ демономъ (l. c. LC, c. 41). Сладость воды напоминаетъ и гл. 42: *τὸ δὲ ὕδωρ ἐκεῖνο* (озера) *μέλιτος ἀνθόμιον ἦν*.

Слѣдующее затѣмъ описаніе великой рѣки, необычнаго свѣта, надъ нею разлитаго, солнца болѣе теплаго, горъ и деревьевъ болѣе высокихъ, чѣмъ на землѣ и т. д. — отзывается общими мѣстами, служащими къ поэтическому описанію Эдема. Странный образъ разноцвѣтныхъ вѣтровъ встрѣчается и въ житіи Андрея Юродиваго, въ описаніи рая, представившагося во снѣ святому. На эту параллель указывали уже другіе[1]): подулъ благоуханный вѣтеръ, какъ бы отъ кадила, которымъ ангелы кадятъ на небеси передъ престоломъ Божіимъ; послѣ этого подулъ другой духъ, дыханіе его было какъ дымъ, видъ же его бѣлъ какъ снѣгъ.... Потомъ возсталъ отъ сѣвера еще вѣтеръ, «болій и черменъ видѣніемъ, а зарями яко же солнцу зашедшю»; деревья начали колебаться тихо, какъ волны, испуская благоуханіе.... Пересталъ этотъ третій духъ, и настала великая тишина.... внезапно началъ отъ узкія (оужьскыя) страны краснообразнаго онаго лика дыхати духъ, издавая прекрасное благоуханіе. Садъ колебался и испускалъ благоуханіе мосхоса .... Умолчалъ четвертый духъ, и сады не двигались. — Въ латинскомъ текстѣ Хожденія тѣ же цвѣта примѣнены не къ вѣтрамъ, а къ чудесной церкви.

До сихъ поръ интересъ разсказа возрасталъ, хотя и не равномѣрно, въ одномъ направленіи: чувствовалось приближеніе къ земному раю. Нападеніе какихъ-то малорослыхъ людей на путниковъ является въ этой связи страннымъ диссонансомъ, тѣмъ

[1]) Сахаровъ, Эсхатологическія сочиненія и сказанія въ древне-русской писменности, стр. 221, 225 и стр. 223 прим. 1.

болѣе, что тотчасъ послѣ того они обрѣтаютъ — *Макарія*, то-есть, *блаженнаго*, *нагого*, одѣтаго лишь своими волосами, то-есть, *нагомудреца*[1]). Отъ него *земной рай* всего въ 20-ти поприщахъ: онъ за *желѣзной* и *мѣдной оградой* (въ лат. текстѣ этой подробности нѣтъ), охраняется херувимами и серафимами, и *ни одинъ смертный не можетъ его видѣть.* — Мы все еще на почвѣ Александріи, по ту сторону надписи, которую поставилъ Александръ: въ *странѣ блаженныхъ*, ἡ καλουμένη Μακάρων χώρα.

Предложенный разборъ даетъ намъ право на нѣсколько выводовъ.

1. Авторъ Хожденія трехъ иноковъ, Сергія, Θеофила и Игина воспользовался какимъ нибудь христіанизованнымъ пересказомъ Посланія Александра къ Олимпіадѣ и Аристотелю (Pseudocall. II, гл. 31 — 41), и именно разсказомъ о Хожденіи въ страну блаженныхъ, τῶν Μακάρων, съ которыми сблизилъ по типу и имени пустынножителя св. Макарія.

2. Редакторъ сербской Александріи (и ея греческаго подлинника) воспользовался для своего эпизода о нагомудрецахъ:

a) сказаніемъ о нагомудрецахъ, какъ народѣ царя Ираклія;

b) какимъ нибудь, сказаніемъ, сходнымъ по типу съ тѣмъ, которое было въ рукахъ и у автора Хожденія, судя по слѣдующему совпаденію плана:

---

[1]) *Малорослые* люди въ сосѣдствѣ съ Макаріемъ, одѣтымъ *одними лишь волосами*, напоминаютъ индійскихъ пигмеевъ у Ктезія, въ отрывкѣ Συλλογὴ τῆς περὶ ζῴων ἱστορίας, собранной по порученію Константина Багрянороднаго. Пигмеи (οἱ δὲ πλεῖστοι πήχεος ἑνὸς καὶ ἡμίσεος) ἕως μὲν οὖν ἂν ὦσι παῖδες μικροὶ, ξύλινα ἱμάτια φοροῦσι, выросши, одѣваются своими волосами: κόμην ἔχουσι μακροτάτην μέχρι ἐπὶ τὰ γόνατα καὶ ἔτι κατωτέρω καὶ πώγωνα μέγιστον πάντων ἀνθρώπων, ὥστε ἕλκεσθαί φασιν αὐτοὺς πρὸς τοῖς ποσὶν, ἅτε μικρῶν ὄντων, τοὺς πώγωνας, ἐξόπισθεν δὲ τὴν κώμην εἶναι πολὺ κάτωθεν τῶν γονάτων. ἐπειδὰν γοῦν τὸν πώγωνα μέγαν φύσωσιν, οὐκέτι ἀμφιέννυνται οὐδὲν ἱμάτιον, ἀλλὰ τὰς τρίχας τὰς μὲν τῆς κεφαλῆς ὄπισθεν καθιένται, τὰς δὲ ἐκ τοῦ πώγωνος ἔμπροσθεν· ἔπειτα περιπυκασάμενοι τὰς τρίχας περὶ πᾶν τὸ σῶμα ζώννυνται, καὶ οὕτως ἀνθ᾿ἱματίου ταῖς θριξὶν ἀμπέχονται. Сл. у Ламвра, Ἱστορικὰ μελετήματα (1884), стр. 63—4.

Сербск. Александрія.	*Хожденіе.*
α) великанъ, прикованный къ горѣ	α) озеро съ змѣями
β) женщина, прикованная къ горѣ	β) великанъ, прикованный къ горѣ
γ) озеро съ змѣями	γ) женщина, привязанная на краю стремнины
δ) (райскія птицы)	δ) птицы, какъ образъ мытарствъ
ε) нагомудрецы, потомки Сиѳа	ε) нагомудрецъ Макарій
ζ) земной рай, обведенный неприступной стѣною.	ζ) земной рай, неприступный за желѣзной и мѣдной оградой.

c) эпизодомъ Псевдокаллисѳена, либо Палладіевою статьей о брахманахъ, ихъ начальникѣ Дандаміи и женахъ на другомъ островѣ. Этотъ эпизодъ былъ, какъ мы видѣли, неловко введенъ въ составъ Ьε, что̀ произвело издавна запутанность въ изложеніи, встрѣчающуюся какъ въ старыхъ текстахъ сербской Александріи, такъ и въ новогреческой народной книгѣ (сл. выше, стр. 271—3).

Интересна въ разобранномъ эпизодѣ сербской Александрріи и Макаріева житія послѣдовательность *мытарствъ и земнаго рая:* это послѣдовательность Данте, помѣщающаго земной рай на вершинѣ горы чистилица. У Псевдокаллисѳена, въ *посланіи Александра къ Олимпіадѣ и Аристотелю*, которое мы не разъ привлекали къ сравненію (сл. выше, стр. 219 слѣд.), путь идетъ сначала среди чудовищъ и диковинныхъ народовъ — къ странѣ блаженныхъ съ ея источникомъ безсмертія, пока вѣщія птицы съ человѣкоподобными лицами не останавливаютъ завоевателя (С, II, с. 40; сл. Новаковичъ, кн. II, гл. 30). Въ *письмѣ къ Олимпіадѣ* (Pseudocallisthenes III, c. 27—29), представляющемся мнѣ въ нѣкоторомъ смыслѣ дублетомъ къ предъидущему, Александръ сообщаетъ о томъ, что посѣтивъ страну кинокефаловъ, безголовыхъ, шестирукихъ и т. п. людей и чудныхъ звѣрей, онъ присталъ къ острову «солнечнаго града»: πύργοι δὲ ἦσαν δώδεκα χρυσίῳ καὶ σμαράγδῳ ᾠκοδομημένοι. Καὶ τὸ τεῖχος τῆς πόλεως ἦν ἐκ λίθων Ἰνδικῶν. ἧς καὶ τὸ περίμετρον ἦν ὡσεὶ σταδίων ἑκατὸν εἴκοσι; посреди драгоцѣнный жертвенникъ съ изображеніемъ колесницы и возницы; ἰδεῖν δὲ αὐτὰ οὐκ

ἦν ῥάδιον διὰ τὴν ὁμίχλην. — Эѳіопскій жрецъ солнца велитъ путникамъ удалиться отъ того мѣста; они идутъ далѣе во мракѣ и приходятъ къ Низейской полянѣ (по эмендаціи Цахера вм. Λύσου λιμένα), гдѣ на высокой горѣ «εἶδον οἰκίας καλὰς χρυσοῦ καὶ ἀργύρου γεμούσας· εἶδον δὲ καὶ περίβολον μέγαν ἐκ λίθου σαπφείρου, ἔχοντα ἀναβαθμοὺς ρν´ καὶ ἄνωθεν ἱερὸν στρογγύλον ἔχον στύλους ζ´ σαπφείρου καὶ ἀναβαθμοὺς ρ´»; посреди храма на золотомъ ложѣ лежитъ мужъ въ шелковомъ одѣяніи, съ закрытымъ лицомъ; чудесный камень самосвѣтъ разливаетъ повсюду сіяніе; изъ золотой клѣтки птица вѣщаетъ человѣческимъ голосомъ: «Ἀλέξανδρε, παῦσαι λοιπὸν τῷ θεῷ ἀντιτασσόμενος, καὶ ὑπόστρεφε εἰς τὰ ἴδια μέλαθρα καὶ μὴ προπετεύου ἀναβαίνειν εἰς οὐρανίους ὁδούς».

Historia de preliis краткаго состава [1]) воспроизводитъ встрѣчи Александра изъ посланія Александра къ Олимпіадѣ и Аристотелю (Pseudocall. C, II, c. 32—3, 36, 38): homines agrestes, homo pilosus, деревья, растущія съ солнцемъ, птицы, испускающія огонь (сл. выше, стр. 220—1); затѣмъ «arbor, quae non habebat fructum neque folia et sedebat super avis, quae habebat super caput suum lucentes radios sicut sol, quae vocabatur Phenix» [2]). Слѣдуетъ, согласно съ письмомъ къ Олимпіадѣ, Pseudocall. C, III, 28, видѣніе чудеснаго дворца съ лежащимъ въ немъ таинственнымъ мужемъ. — Тексты *Hist. de prel. пространной редакціи* присоединяютъ къ этому и вѣщаніе деревьевъ солнца и луны (Pseudocall. AB, III, 17; C у Müller'a, стр. 123; сл. выше, стр. 223—4), слѣдуя «*Epistola Alexandri Magni Macedonis ad Aristotelem magistrum suum*». Въ этой статьѣ,

---

[1]) Landgraf, p. 110 слѣд.

[2]) Это сухое дерево перешло изъ Hist. de prel. въ европейскія Александріи и подъ ихъ вліяніемъ локализировано у Марко Поло въ мѣстности, гдѣ по разсказамъ произошла нѣкогда битва Александра съ Даріемъ. Сл. мои Опыты по исторіи развитія христіанской легенды I, I, стр. 323 слѣд.; сл. стр. 323—4, прим. 2. — О птицѣ на вершинѣ сухого райскаго дерева см. Разысканія, IV, стр. 63 слѣд.

распространенной въ рукописяхъ съ IX-го вѣка [1]), эпизодъ о деревьяхъ солнца и луны развитъ особыми подробностями [2]): путь къ нимъ идетъ среди змѣй и дикихъ звѣрей; индійцы, мужчины и женщины, которыхъ видитъ Александръ и его спутники, одѣты въ шкуры, ихъ жрецъ «habebat nigrum corpus, dentes caninos, aures illius perforate erant et pendebant ibi gemme.... Cepimus perambulare ipsam silvam, que erat inclusa intra maius edificium parietum, vidimus largissime currere opobalsamum de ramusculis arborum». Александръ дивится высотѣ деревьевъ, а жрецъ объясняетъ ему, quod numquam in ipsa loca plueret, sed neque fera neque avis, neque serpens in ipsos terminos intrant, quia antiquitus a maioribus indorum locus ipse consecratus esset soli et lune. Volui ibi immolare victimas, sed non dimisit me ipse sacerdos, dicens non licere in ipso loco aut incensum de libano facere, aut qualecumque animal occidere». Самого его Александръ видитъ въ такомъ положеніи: involutus pellibus jacebat, et erat ante illum posita magna gleba de libano in tabula ebena que illi de cena remanserat, et ibi possitus culter, nam ere et ferro et plumbo et argento et auro abundat. Opobalsamum et libanum manducant et bibunt aquam que de vicino monte exit».

Это напоминаетъ Дандамія Палладіевой статьи, Эванта у сыновъ Сиѳа и блаженныхъ Рехавитовъ.

Я съ умысломъ остановился на этихъ подробностяхъ, интересныхъ для исторіи христіанскихъ передѣлокъ Александріи, въ которыхъ чудовищные народы и звѣри обращались въ фантасмагорію мытарствъ, страна блаженныхъ приготовляла видѣнія рая и на-ново примѣнялись — вѣщія птицы, видѣнія солнечнаго града и драгоцѣнныя палаты Низейской поляны.

Въ связи съ этимъ стоитъ мое предложенное выше (стр. 228, § 5; сл. стр. 265) сравненіе эпизода о нагомудрецахъ сербской Александріи съ §§ 5—7 нашей схемы Pseudocall. C: брахманы (II, 35), въ сосѣдствѣ со статуями Геракла (с. 34), очутились

---

[1]) Zacher, Pseudocallisthenes, p. 106.

[2]) Zingerle, l. c., p. 42—4.

нагомудрецами Ираклія, приключенія с. 36—7 далѣе матеріалъ для чистилищныхъ видѣній; таинственный островъ, съ котораго слышатся какіе-то голоса (с. 38), отвѣтилъ-бы обители потомковъ Сиѳа: за ними начинается страна блаженства (с. 39) — Эдемъ. — Въ пространной редакціи Hist. de Prel. Александръ посѣщаетъ Оксидраковъ или *Гимнософистовъ* (Zing. 214), направляется отъ нихъ *къ статуямъ Иракла* (ib. 216) и лишь послѣ ряда приключеній приходитъ къ *брахманамъ* (ib. 220); далѣе (ib. 236) примыкаютъ описанныя выше встрѣчи и хожденіе къ деревьямъ солнца и луны. — Краткая редакція относитъ статуи Иракла въ другое мѣсто (= Pseudocall. AV. III, 27) и не знаетъ дублета Оксидраковъ и Брахмановъ. И на этотъ разъ пространный текстъ далъ намъ параллели къ особенностямъ сербскаго романа: Оксидраки вблизи статуй Иракла — народъ Ираклія, Брахманы съ Дандамомъ отвѣчаютъ сынамъ Сиѳа и Эванту — эпизоду, разработанному, какъ мы видѣли (сл. выше, стр. 276—7), по плану Палладіевой повѣсти.

VII.

ГЕРМІЙ — ІЕРЕМІЯ ВЪ СЕРБСКОЙ АЛЕКСАНДРІИ.

Говоря выше о христіанскихъ передѣлкахъ Александрова романа, я имѣлъ въ виду главнымъ образомъ Александрію сербскую. Какъ совершались эти передѣлки, пріурочивавшія старыя имена и отношенія къ новому пониманію, — это покажетъ для нашего памятника эпизодъ объ Іереміи, который мы нарочно выдѣлили изъ общей связи разсказа, чтобы сосредоточить на немъ особое вниманіе.

Имя Іереміи было популярно въ переводной литературѣ апокрифовъ, напримѣръ, изъ Повѣсти о Плѣненіи Іерусалима [1]), въ талмудическихъ источникахъ которой я не встрѣчалъ до сихъ поръ поэтическаго эпизода о семидесятилѣтнемъ снѣ Варуха и Авимелеха [2]): легенды, становящейся въ рядъ многихъ другихъ разсказовъ о вѣковомъ успеніи [3]). Сказаніе объ Іереміи, о Реха-

---

[1]) Тихонравовъ, Пам. отреч. русск. лит., I, стр. 273 и слѣд.; А. Поповъ, Описаніе рукописей и т. д. А. И. Хлудова, стр. 406 слѣд. (по торжественнику XIV вѣка); отрывки болѣе древняго текста у Срезневскаго, Пам. юсоваго письма, стр. 185—186, подъ ошибочнымъ заглавіемъ: «Сказаніе Іоанна Богослова».

[2]) Къ легендамъ о вѣковомъ успеніи сл. мой отчетъ о книгѣ Koch'a, Die Siebenschläferlegende, въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1883, Ноябрь, стр. 152 слѣд.

[3]) Сл. Wünsche, Bibl. rabb. Lief. XIX, стр. 158 и слѣд.; XIII, стр. 21 и слѣд.; XIV, стр. 106; Ehrmann, l. c., стр. 19—20, № 16; Gaster, Literatura

витахъ-рахманахъ могло сблизить имя Іереміи съ содержаніемъ Александріи: этимъ скорѣе, чѣмъ замѣной созвучныхъ именъ, можно было бы объяснить себѣ пророка Іеремію, играющаго такую роль въ ея сербской рецензіи и, вѣроятно, въ ея подлинникѣ.

Имя Іеремія есть, такъ-сказать, показатель этой рецензіи; въ немъ образно выразились библейско-христіанскія идеи, проник-

---

populara romană, стр. 340 и слѣд.: Deramarea Ierusalimuluĭ şi legenda proroculuĭ Ieremia; его-же: Beiträge zur vergleichenden Sagen- und Märchenkunde (Bukarest, 1883), с. XI, p. 79 и слѣд. Въ славянскомъ текстѣ (по Хлудовскому списку), разсказывается, что предвидя взятіе Іерусалима, Іеремія молилъ Господа объ Авимелехѣ: «не хощоу да видить исчезновеніа града и запоустѣніа юго. нъ да помилоуеши и да не скрьбить. И рече гь їереміи. посли и вь виноградъ агрипповь. и покрыю и азь стѣнемь горы. дондѣже вьзвращоу люди вь градъ». Такъ Іеремія и поступаетъ: войдя съ Варухомъ въ алтарь онъ, по повелѣнію Господа, предаетъ землѣ сосуды служебные, «и абиѥ пожрѣть ѥ земліа»; а на утро посылаетъ Авимелеха въ село Агриппово принести смоквъ недужнымъ людямъ. Халдѣи уводятъ Іеремію въ Вавилонъ вмѣстѣ съ другими плѣнниками; Варухъ-же «изыде изь града плачесе.... и прѣбы вь гробѣ. аггломь приходещимь и повѣдающимь ѥмоу ѡ всѣхъ иже вьзвѣсти ѥмоу ими. Авимелехь же шьдъ принесе смоквы вь зной. и дошьдъ дрѣва ѥдиного, сѣде подь сѣнию ѥго почити мало. и прѣклонь главоу свою подь кошемь смокьвъ оуспе. и сотвори спѧ ѯѕ лѣть.... И посемь вьставь ѿ сна.... и ѿкрывь кошь смокьвъ, ѡбрѣте ѿ смокьвъ млѣко каплюще» (Хлуд. стр. 408; Тихонравовъ, l. c., стр. 277 и слѣд.). Мусульманскіе писатели разсказываютъ нѣчто подобное о Іереміи, котораго отожествляютъ съ Эздрой — Ozaïr: будто бы, отведенный въ Вавилонъ Навуходоносоромъ и чудеснымъ образомъ освобожденный изъ плѣна, онъ остановился не вдалекѣ отъ разрушеннаго тогда Іерусалима, въ деревнѣ Diar-ânab (мѣсто виноградника), гдѣ нашелъ смоковницы и лозы, отягченныя плодами, которыхъ набралъ. Изъ этой мѣстности ему видны были развалины города и храма; сѣтуя объ ихъ участи, онъ часто помышлялъ, что имъ никогда не подняться. Тогда Господь навелъ на него вѣковой сонъ. Семьдесятъ лѣтъ спустя по смерти Навуходоносора, Персидскій царь Ношекъ велѣлъ возстановить Іерусалимъ и его храмъ, и когда это было исполнено по прошествіи тридцати лѣтъ, Господь воскресилъ и Эздру, которому сто лѣтъ показались однимъ днемъ. — Замѣтимъ, что мусульманское преданіе, согласно съ нашимъ апокрифомъ, заставляетъ Іеремію умереть въ Іерусалимѣ. Сл. D'Herbelot, Bibliothèque orientale, s. v. Irmia и Ozaïr. Ѳеодосій указываетъ на «lucum filiorum Ammon, ubi dormivit Abimelech annis quadraginta sex». T. Tobler et J. Molinier, Itinera Hierosolymitana, p. 67; сл. еще нашего Зосиму (Чтен. въ Об. Ист. и Древн. 1871, кн. I, стр. 27), Хожденіе архимандрита Грееенья (Русск. Филолог. Вѣстн. 1885, № I, стр. 27 и прим. 3) и др.

кающія какъ западные пересказы стараго романа, такъ въ особенности нашъ текстъ, съ его частыми ссылками на Соломона, упоминаніемъ Бога-Саваоѳа и апокалипсическимъ (или народнымъ?) образомъ воиновъ-косцевъ (Апок. XIV, 14 слѣд.; сл. выше, стр. 181 и 185). Если я не ошибаюсь именно этотъ синкретизмъ и дѣлаетъ для насъ такъ привлекательнымъ типъ средневѣковаго Александра: типъ героя въ цвѣтѣ силъ и стремленій, не знающаго границъ тому и другому, тогда какъ рядомъ неустанно слышится одна и та-же грустная нота, звучащая и въ размышленіяхъ мудрецовъ, сошедшихся надъ гробницей Александра [1]), и въ вступленіи Альбериховой Александріи: что все въ жизни суета суетъ.

Dit Salomon al premier pas
Quant de son libre mot lo clas:
Est vanitatum vanitas
Et universa vanitas.

Прослѣдимъ появленіе Іереміи въ нашемъ текстѣ.

Мы видѣли, что сербская рецензія, опирающаяся на редакцію Псевдокаллисѳена особаго типа, помѣстила эпизодъ о посѣщеніи Александромъ Іерусалима (и Египта) до пораженія Дарія (сл. выше стр. 224, 233—4). Этотъ распорядокъ, свойственный не одному лишь сербскому изводу, обусловленъ, быть можетъ, библейскимъ освѣщеніемъ старой легенды, которое редакторъ усилилъ, предоставивъ Іереміи роковую роль въ своемъ романѣ.

Онъ начинается такимъ образомъ: «Бысть великои божіеи прѣмоудрости създавши храмь себѣ и седмими сего оутврьдивша стльпы, вь петотысоуштное же лѣто сего стоꙗніа, и царствоуюштоу великаго Рима Таркинию царю, начелствоуюштоу же іисраилитьскымь людемь, еуврейскомоу господьствоу, *Іодае архіереоу*

[1]) Сл. Нравственныя изреченія философовъ Honein ben Ishak'a († около 873 г.) у Stern'a, Zur Alexander-Sage (Wien, 1861), стр. 25—8, ихъ староиспанскій переводъ (El libro de lòs buenos proverbios) у Knust'a, Mittheilungen aus dem Eskurial, стр. 56—58 и тамъ-же Bocados de Oro, стр. 301—5, съ прим. о на стр. 303—5.

(далѣе: Іуда) и *Іеремію пророкоу*, господствоуюштоу же высточнымь странамь Дарію сыноу Куроусовоу» и т. д. (сл. выше, стр. 135). Въ вѣнскомъ текстѣ упоминается въ Іерусалимѣ лишь αὐθέντης εἰς τοὺς Ἰσραηλίτας ὁ προφήτης Ἰερεμίας ἀρχιερεύς (W, стр. 1).

Филиппъ былъ на войнѣ, когда родился Александръ. Объ этомъ событіи онъ извѣщенъ во снѣ явленіемъ бога Аммона; въ одномъ варіантѣ сербскаго текста вмѣсто него названъ «Еремиы прωрωкь» (сл. выше, стр. 147).

О мирномъ пришествіи Александра въ Іерусалимъ и его бесѣдахъ съ іереями коротко говоритъ Pseudocall. C, II, c. 24. Иначе сербскій текстъ: въ Іерусалимѣ обладаютъ еврейскими сонмищами пророкъ *Іеремія* и іерей именемъ Іуда, вар. Іода (Нов. стр. 46); у Jag. l. c. стр. 254 одинъ Іеремія; въ одной болгарской рецензіи нашего текста, описанной Ягичемъ (Opisi i izvodi I, стр. 24): Иода; въ вѣнскомъ текстѣ (W, стр. 43) и греческой народной книгѣ p. 67: ὁ προφήτης Ἰερεμίας: болгарская народная книга: Архіепископъ пророкъ Іеремій, p. 54; рум. нар. кн., стр. 33: то-же. — Вѣстники Евреевъ говорятъ Александру, что они подручны Дарію, и ему не войдти въ городъ, пока онъ не побѣдитъ ихъ властителя; Александръ отвѣчаетъ, что не пойдетъ на него, не поклонившись великому въ Іерусалимѣ, и обѣщаетъ освобожденіе отъ персидскаго ига. Іеремія также указываетъ своимъ на Александра, какъ на грядущаго освободителя и, явившись ему во снѣ въ одеждѣ Аарона, побуждаетъ его: «иди въ Іеросалимь, и тоу, поклонивь се великомоу Богоу Саваоѳоу, на Даріа иди, и сего побѣдивь, Персомь господинь наречеши се» (Нов. стр. 48; сл. W, стр. 44 и греч. нар. кн., стр. 69: ὄνειρον Ἀλεξάνδρου). Вступивъ въ Іерусалимъ и исповѣдавъ великаго Бога, Александръ отправляется въ Египетъ; Іеремія провожаетъ его до полудня, открываетъ ему пророчества Даніила и говоритъ: «помощь Бога Саваоѳа призиваи, и силоу перьскоу побѣдиши, и вративь се, Іегупьть пріимѣши и Фора великаго оубиеши . . . . , и высемоу оть выстока и до запада царь наречеши се.

и ѥгда сіа вьса сьвршиши, тогда близоу раѭ доидеши, и тоу чловѣкы наидеши, иже не живоуть дебелостию пльтьскою обрѣменѥн'ни, ѩкоже мыи, нь мпр'но нѣкако живоуть, близь бо аггельскаго житіа соуть. Сіи блажени нарекоуть се оть Бога» (Нов. стр. 49; сл. W, стр. 45—6; греч. нар. кн., стр. 71). Іеремія проситъ Александра принять дары отъ Іерусалимлянъ: «и повелѣ Іѥреміа принести камень лих'нитарь, на нѥмь же бѣ писан'но име Господа Бога Саваоѳа, ѥгоже на хел'мѣ ношаше Ісоусь Навиовь, ѥгда на бои исхождааше на иноплемен'ники, и повеле принести мьчь Голіата иноплемен'ника, ѥгоже оуби на рати Давидь, царь ѥврѣискыи, и повелѣ принести хел'мь крѣп'каго Сам'псона сь змѣѥви нок'ти, и копіѥ Сам'псоново адаман'тово, ѥмоуже не стоѩше никдино ороужіѥ, и принесоше ѥмоу штить оть акін'та гвоз'діа, ѥмоуже не можеть косноути се никдино железо, кои бѣше биль Анаѳана, сына Саоулова» (Нов. II, стр. 49—50; сл. W, стр. 46, греч. нар. кн. 71—72). Приведу по вѣнской рукописи перечень подарковъ, поднесенныхъ Александру: *ἤφεραν λιθαρόπουλον λυχνιτάρι, καὶ εἰς αὐτὸ τὸ λυχνιτάρι ἦτον γραμμένο τὸ ὄνομα τοῦ Σαβαώθ, καὶ αὐτὸ το λιθαρόπουλον ἐβάστα εἰς τὴν μπαρμποῦτα του ὁ υἱὸς τοῦ Ναυῆ* (греч. нар. кн. *ὁ Ἰησοῦς τοῦ Ναυῆ*), *ὅταν ὑπάγαινε νὰ πολεμίση μὲ ἀλλόφυλα ἔθνη· ἤφεράν του καὶ τὸ σπαθὶ τοῦ Γολιὰθ τοῦ Ἕλληνος*[1]), *ὁποῦ τὸν ἐτρόπωσεν ὁ Δαβὶδ τῶν Ἐβραίων. ἤφεράν του καὶ τὴν μπαρμποῦτα τὴν διχαλὴν τοῦ ἀνδρειωμένου τοῦ Σαμψῶν μὲ τὸν ὀφιδίων τὰ ὀνύχια κολλημένη* (греч. нар. кн.: *μὲ τῶν ὀφιδίων τὰ ὀνύχια κοσμημένη*; сл. 164: *μὲ τῆς ἀσπίδος τὸ πετζὶ κολλημέναις*); *ἤφεραν του καὶ τὸ κοντάρι τοῦ Σαμψοῦ, ἀδαμάντινον το ξίφος, ὁποῦ κανένα σίδερο οὐδὲν ἠμπορεῖ νὰ τὸ κρατήσει· καὶ ἤφεράν του σκουτάρι σιδερέϊνον ἀπὸ ἄνικον* («оть акін'та»?), *ὁποῦ ἄλλον σίδερον οὐδὲν τὸ ἐπέρνα, ὅπου εἶχεν γένη τοῦ Υἱωπανθάνου τοῦ υἱοῦ τοῦ Σαοὺλ τοῦ βασιλέως.*

---

[1]) Болг. нар. кн. р. 58: Голіаѳъ эллинскій — буквальный переводъ съ новогреческаго, гдѣ Эллинъ означаетъ вообще богатыря и въ этомъ смыслѣ является въ одной трапезунтской пѣснѣ эпитетомъ царя Константина. Сл. мои Южно-русскія былины, вып. 2-й, стр. 261—264.

Таковы первыя упоминанія Іереміи въ Сербской Александріи: онъ вступилъ въ права первосвященника Іаддуа у Іосифа Флавія (XI, 8)[1], разсказъ котораго о посѣщеніи Іерусалима Александромъ несомнѣнно послужилъ источникомъ для соотвѣтствующаго эпизода нашего текста, какъ и для другаго пересказа Псевдокаллисѳена въ архивскомъ спискѣ и эллинскомъ лѣтописцѣ. — Сербскій текстъ несомнѣнно сохранилъ память о Іаддуа — въ іереѣ Іодаѣ-Іодѣ-Іюдѣ, являющемся рядомъ съ Іереміей; Historia de preliis пространной редакціи (Zing. стр. 151) удержала имя Iaddus; Адоусъ, Авдоусъ въ старослав. переводѣ Амартола (А. Поповъ, Хронографы, I, стр. 39). — Какъ Евреи не хотятъ впустить Александра въ Іерусалимъ изъ боязни Дарія, такъ у Pseudocall. I, 43 Абдериты, а въ Bocados de oro жители Quila [2]).

Въ книгѣ II гл. 6 сербскаго текста Іеремія является во снѣ Александру и ободряетъ его къ битвѣ противъ Дарія: носи на головѣ камень съ именемъ великаго Бога Саваоѳа, который я далъ тебѣ въ Іерусалимѣ, и призывая Господне имя, иди въ бой: ты побѣдишь. Нов., стр. 57; сл. W, стр. 50, греческ. нар. кн. стр. 81—82 = болг. нар. кн. стр. 67 и выше стр. 241, 252.

Соотвѣтствія этому эпизоду у Псевдокаллисѳена я не встрѣтилъ, но для II, с. 13 оно есть, и чрезвычайно характерное: у Псевдокаллисѳена Аммонъ, явившись Александру во снѣ въ образѣ *Гермія* (ἐν σχήματι Ἑρμοῦ; въ Hist. de prel. краткой ред.: in forma Hermi, Landgraf, стр. 87: въ пространномъ текстѣ у Zing. стр. 183: in figura Mercurii), велитъ ему самому отправиться къ Дарію въ качествѣ своего собственнаго посла; Александръ идетъ, взявъ съ собою сатрапа. именемъ Эвмила или *Эрмила*. Въ сербскомъ текстѣ (Нов. стр. 63; сл. выше,

---

[1]) Другіе разсказы о посѣщеніи Александромъ Іерусалима (въ вавилонскомъ Талмудѣ, у Іосиппона и Абульфараджа) см. у Henrichsen, Das Verhältniss der Juden zu Alexander dem Grossen, Theolog. Studien und Kritiken. 1871, стр. 473—478.

[2]) Сл. Knust, l. c., p. 286. 438—439

стр. 244 и 254) это передано такъ: «*Александроу же въ тоу ношть ꙗви се пророкь кремія* съ философомь Іерусалимскымь»; вар.: с Пиникпем, Финеемь; рум. сп. 175: сь Финеесомь архиереемь иерлимскимь. Сл. W, стр. 50, греческ. нар. книга, стр. 90—91 = болг. нар. кн. стр. 76 (одинъ Іеремія), и выше Іеремію, какъ варіантъ къ Аммону.

Въ III-й книгѣ, послѣ эпизода съ Кандакой, гл. 14 (сл. Pseudocall. III, 24, C), Александръ возвращается въ «Персидоу» и оттуда въ Вавилонъ; снова является ему въ сновидѣніи пророкъ Іеремія и въ пространной рѣчи готовитъ его къ близкой смерти (гл. 17). Сл. Нов. стр. 126—7, греч. нар. кн. стр. 167—168; болг. нар. кн. стр. 144.

Въ III гл. 29 (Нов. стр. 144), въ день, когда отравленъ былъ Александръ, іереи изъ Іерусалима принесли ему «шаторъ великъ зѣло» и вѣсть о смерти Іереміи, сильно опечалившую царя. Въ то же время ему докладываютъ, что въ Александріи невозможно жить отъ великихъ змѣй, исходящихъ изъ Нила и уязвляющихъ людей. Александръ говоритъ: «идете въ Іерусалимь и кости кврейскога пророка Икремик възьм̓ше и на кресть сихь оу градь оузигкте (оу зьдь), того бо молитва кдь змиинь исцѣлить. И оть толѣ и до дньсь оу Алексан̓дріи змиы чловѣка оухапажти не можеть». Этой подробности нѣтъ ни въ вѣнскомъ текстѣ, ни въ новогреческой народной книгѣ и ея болгарскомъ (и сербскомъ?) переводѣ; румынская Александрія её знаетъ (рум. нар. кн. стр. 107—8; рум. К. 56/73 об.).

Разумѣется, мы не въ правѣ заключить изъ этого обстоятельства, что ея не было и въ томъ болѣе подробномъ текстѣ, съ котораго былъ сдѣланъ древній переводъ Александріи сербскаго извода, поддерживаемый, въ данномъ случаѣ, и старымъ румынскимъ пересказомъ. Я полагаю, напротивъ, что эпизодъ этотъ существовалъ уже въ оригиналѣ: онъ слишкомъ тѣсно связанъ съ его общимъ планомъ, съ характеромъ его особыхъ источниковъ. Мы видѣли, что роль въ немъ Іереміи опредѣлилась вліяніемъ апокрифической литературы; тѣмъ яснѣе это вліяніе

для интересующей насъ подробности. Приведемъ доказательства.

У Ефрема Сирина въ толкованіи на Іеремію о немъ говорится: «Hieremia Propheta ex Anathoth in Pharo(?) Aegypti lapidibus obrutus a populo, sepultus fuit in sepulcro Pharaonis, eo quod Aegyptii in summo eum honore haberent propter accepta ab eo beneficia. Ossa ejus ab Alexandro Rege Alexandriam translata et ingenti cum pompa ibidem condita fuerunt» [1]).

Въ Пасхальной хроникѣ [2]) помѣщена статья о пророкахъ, приписываемая то Дороѳею, то Епифанію, епископу Кипрскому, восходящая, вѣроятно, ко второй половинѣ V вѣка, воспринятая въ лѣтопись Симеона Логоѳета и въ наши прологи [3]). Статья

---

[1]) Assemani, Bibl. Orient. t. I, p. 72 a.

[2]) Ed. Dindorf, Bonn, I, стр. 274 и слѣд., II прим. къ стр. 274 и слѣд.

[3]) Профессоръ Петровъ, О происхожденіи и составѣ славяно-русскаго печатнаго пролога, стр. 19, говоритъ, что въ проложной біографіи пророка Іереміи вставлена замѣтка объ Александрѣ Македонскомъ, вѣроятно, заимствованная изъ «Слова сказательна о велицемъ Іереміи пророцѣ, о кончинѣ его и о принесеніи мощей его царемъ Александромъ Македонскимъ отъ Египта въ Александрію» (Опис. ркп. Толстова I, № 34, стр. 20). Но это слово — переводъ сообщаемой Епифаніевой статьи, извѣстной и составителю Святославова Сборника 1073 года (л. 257 об.—258 об.). Приведу начало его перевода для сличенія съ греч. текстомъ. «Иѥремиꙗс сн҃ъ Хел҄киꙗ ст҃итела бꙗаше отъ ѥѯанаѳома и въ Тафинѣхъ ѥгуп҄тьскъıихъ камениѥмь побьѥнъ отъ людии оум҄ре. лежить же близь домоу Фараона, ꙗко ѥгуп҄тане въславиша и бл҃годѣть имъ приимъıше· поли бо са и аспидъı ихъ осташаса и водьнии звѣриѥ ꙗже нарече Ѥгуп҄тѣне Менеѳоо, Ѥлине же крокодиль, имь же бѣахоу а оумаражита. и помоливъшжса пророкоу възбраненъ бы штъ земла тоꙗ родъ аспидьскъıи отъ рѣкъ такожде врѣдъ звѣрьскъıи· и ѥлико же ѥ вѣрьникъ бж҃ии до нъıнѣ молать са на мѣстѣ томь идеже лежитъ и въземлюште прьсть мѣста того оуханиꙗ аспидина исцѣлаꙗжть, и звѣра водьнъıꙗ прогонать. Мъı же слъıшали ѥсмъ отъ робъ Антигоновъ и Итолемеинъ старьць нѣкъıихъ ꙗко Ольѯан҄дръ Македонъ пришьдъ надъ гробъ пр҃очь и разоумѣвъ сжштаꙗ надъ нимь таинъı, въ Алеѯандриꙗ прѣнесе ѥго мошти опратавъ ꙗ славьнѣ, и възбраненъ бы отъ земла тоꙗ родъ аспидьскъ и отъ рѣкы также звѣрии» и т. д.—Краткій пересказъ этой легенды вставленъ въ славянскую Александрію Псевдокаллисѳеновскаго типа: Александръ приходитъ въ Мемфисъ, видитъ статую Нектанеба, котораго признаетъ своимъ отцемъ, дивится, какимъ образомъ жители столь укрѣпленнаго города могли уступить варварскому насилію, и требуетъ отъ нихъ дани. Передъ этимъ требованіемъ Син. ркп. № 86 (XVI в.) вставляетъ, совсѣмъ не у мѣста, слѣдующее: «Александръ видѣ гробъ Іеремиа

Епифанія была не разъ издана; Минь [1]) воспроизвелъ текстъ Петавія и напечаталъ статью еще по двумъ спискамъ Коаленевой библіотеки, №№ CXX и CCXXIV, десятаго вѣка. Слѣдующій эпизодъ жизнеописанія Іереміи сообщается по первой рукописи:

Ἱερεμίας ἦν ἐξ Ἀναθώθ, καὶ ἐν Τάφναις τῆς Αἰγύπτου λίθοις βληθεὶς ὑπὸ τοῦ λαοῦ ἀποθνήσκει. Κεῖται δὲ πλησίον τῆς οἰκίας Φαραώ, ὅτι οἱ Αἰγύπτιοι ἐδόξασαν αὐτὸν εὐεργετηθέντες δι' αὐτοῦ· ηὔξατο γάρ, καὶ αἱ ἀσπίδες αὐτοὺς ἔασαν καὶ τῶν ὑδάτων οἱ θῆρες, οὓς καλοῦσι οἱ Αἰγύπτιοι μενεφώθ, Ἕλληνες δὲ κροκοδείλους, οἳ ἦσαν αὐτοὺς θανατοῦντες· καὶ εὐξαμένου τοῦ προφήτου ἐκωλύθησαν ἐκ τῆς γῆς ἐκείνης τὸ γένος τῶν ἀσπίδων καὶ ἐκ τοῦ ποταμοῦ ὡσαύτως τὸ ἔνεδρον τῶν θηρίων. Καὶ ὅσοι εἰσὶν πιστοὶ Θεοῦ, ἕως τοῦ νῦν εὔχονται ἐν τῷ τόπῳ ὅπου κεῖται, καὶ λαμβάνοντες τοῦ χοὸς τοῦ τόπου, δήγματα ἀσπίδων θεραπεύουσιν, καὶ τὰ θηρία τοῦ ὕδατος φυγαδεύουσιν. Ἡμεῖς δὲ ἠκούσαμεν ἐκ τῶν παίδων Ἀντιγόνου καὶ Πτολεμαίου γερόντων τινῶν, ὅτι Ἀλέξανδρος ὁ Μακεδὼν ἐπιστὰς τῷ τάφῳ τοῦ προφήτου καὶ ἐπιγνοὺς τὰ εἰς αὐτὸν μυστήρια, εἰς Ἀλεξάνδρειαν μετέστησεν αὐτοῦ τὰ λείψανα, περιστείλας αὐτὰ ἐνδόξως (ркп. CCXXIV, согласно съ текстомъ Пасхальной Хроники и Симеономъ Логоѳетомъ: περιθεὶς αὐτὰ ἐνδόξως κύκλῳ)· καὶ ἐκωλύθη ἐκ τῆς γῆς τὸ γένος τῶν ἀσπίδων καὶ ἐκ τοῦ ποταμοῦ τὰ θηρία.

Рукопись CCXXIV прибавляетъ вслѣдъ за этимъ такую подробность: καὶ τότε ἐνέβαλε (Іеремія) τοὺς ὄφεις τοὺς λεγομένους ἀργολαίους, ὅ ἐστιν ὀφιομάχους, οὓς ἤνεγκαν ἐκ τοῦ Ἄργους τοῦ Πελασγικοῦ, ὅθεν καὶ ἀργολαῖοι καλοῦνται, τουτέστιν Ἄργους ἀριστεροί· λαιὸν γὰρ λέγουσι πὰν εὐώνυμον. Согласно съ этимъ въ

пророка бли[з] дому Фараѡна, и разѫмѣвъ бывающа[ѧ] таиныимъ, во Александрію принесе (ркп.—оша) мощи его, славоу сотвори и чть имъ. И погибе ѡтъ землѧ тъа рѡдъ аспидескъ и ѡтъ рѣкъ коркодилѣ». На подобную вставку въ Hist. de prel. пространнаго типа мы укажемъ далѣе.

[1]) Migne, Patrol. gr. v. XLIII. p. 393 слѣд. Сл. Fabricii Cod. pseudepigr. V. Testam. p. 1110 sqq.

выпискахъ у Свиды (Ἀργόλαι οὖν ἐκ τοῦ Ἄργους λαιοί; τοῦ Πελασγοῦ) и Симеона (οὗτος τοὺς λεγομένους Ἀργόλας, ὅ ἐστιν ὀφιομάχους, εἰς τὴν γῆν Αἰγύπτου, οὓς ἤνεγκεν ἐκ τοῦ Ἄργους τοῦ Πελασγικοῦ· ὅθεν καὶ Ἀργόλαι καλοῦνται, τουτέστιν Ἄργους εὐωνύμου· λαιὸν γὰρ πᾶν τὸ εὐώνυμον, τὸ δὲ Ἄργος ἐστὶν ἀνατολικόν). Иначе въ текстѣ Пасхальной Хроники: καὶ οὕτως ἐνέβαλεν τοὺς ὄφεις τοὺς λεγομένους ἀργολάους, ὅ ἐστιν ὀφιομάχους, οὓς ἤνεγκεν ἐκ τοῦ Ἄργους τοῦ Πελοποννησιακοῦ, ὅθεν καὶ ἀργόλαοι καλοῦνται, τουτέστιν Ἄργους δεξιοί· λαλιὰν δὲ ἔχουσιν ἡδυτάτην καὶ πανευώνυμον (?).

Текстъ рукописи CXX продолжаетъ: Οὗτος ὁ προφήτης σημεῖον δέδωκε τοῖς ἱερεῦσιν Αἰγύπτου, ὅτι δεῖ σεισθῆναι τὰ εἴδωλα αὐτῶν καὶ συμπεσεῖν τὰ χειροποίητα αὐτῶν, ὅταν ἐπιβῇ ἐν Αἰγύπτῳ παρθένος λοχεύουσα βρέφος θεοειδές (см. Іерем. гл. 43, стр. 12, 13). Διὸ καὶ ἕως νῦν τιμῶσιν παρθένον λοχοῦν (sic) καὶ βρέφος ἐν φάτνῃ τιθέντες προσκυνοῦσιν. Καὶ Πτολεμαίῳ τῷ βασιλεῖ πυνθανομένῳ τὴν αἰτίαν ἔλεγον, ὅτι Πατροπαράδοτον ἡμῖν ἐστιν μυστήριον, ὑπὸ ὁσίου προφήτου τοῖς πατράσιν ἡμῶν παραδοθέν, καὶ ἐκδεχόμεθα τὸ πέρας τοῦ μυστηρίου ἡμῶν.

Οὗτος δὲ πρὸ τῆς ἁλώσεως τοῦ ναοῦ ἥρπασεν τὴν κιβωτὸν τοῦ νόμου καὶ τὰ ἐν αὐτῇ, καὶ ἐποίησεν αὐτὰ καταποθῆναι ἐν πέτρᾳ, λέγων τοῖς παρεστῶσιν· Ἀπεδήμησεν Κύριος ἐκ Σιὼν εἰς οὐρανόν, καὶ πάλιν ἐλεύσεται ἐν δυνάμει. Καὶ σημεῖον ὑμῖν ἔστω τῆς παρουσίας αὐτοῦ, ὅτε ξύλον πάντα τὰ ἔθνη προσκυνήσωσιν. Τὴν δὲ κιβωτὸν ταύτην οὐδεὶς ἐκβάλλει εἰ μὴ Ἀαρών· καὶ τὰς ἐν αὐτῇ πλάκας οὐδεὶς ἀναπτύσσει ἱερέων ἢ προφητῶν εἰ μὴ Μωσῆς ὁ ἐκλεκτὸς τοῦ Θεοῦ. Καὶ ἐν τῇ ἀναστάσει πρῶτον ἡ κιβωτὸς τοῦ Θεοῦ ἀναστήσεται καὶ ἐξελεύσεται ἐκ τῆς πέτρας, καὶ τεθήσεται ἐν ὄρει Σινᾶ, καὶ τότε πάντες οἱ ἅγιοι συναχθήσονται ἐκεῖ ἐκδεχόμενοι τὸν Χριστόν. Ἐν δὲ τῇ πέτρᾳ ἐσφράγισεν τῷ δακτύλῳ αὐτοῦ τὸ ὄνομα τοῦ Θεοῦ, καὶ γέγονεν ὁ τύπος ὡς γλυφὴ σιδήρου, καὶ νεφέλη ἐσκέπασεν τὸ ὄνομα, καὶ οὐδεὶς νοεῖ τὸν τόπον ἕως τῆς συντελείας. Καὶ ἔστιν ἡ πέτρα ἐν τῇ ἐρήμῳ ὅπου πρῶτον ἡ κιβωτὸς γέγονεν μεταξὺ τῶν δύο ὀρέων ἐν οἷς κεῖται Μωσῆς καὶ Ἀαρών· καὶ ἐν νυκτὶ νεφέλη ὡς πῦρ γίνεται κατὰ τὸν τύπον τὸν ἀρχαῖον, ὅτι οὐ μὴ παύσηται ἡ δόξα τοῦ Θεοῦ

ἐκ τοῦ νόμου αὐτοῦ. Καὶ ἔδωκεν ὁ Θεὸς τῷ Ἱερεμίᾳ χάριν, ἵνα τὸ τέλος τοῦ μυστηρίου αὐτοῦ αὐτὸς ποιήσῃ, ὅπως γένηται κοινωνὸς Μωϋσέως [1]).

Нѣкоторыя подробности Епифаніевой легенды повторены, съ любопытными отмѣнами и развитіями, въ отреченной повѣсти «о плачѣ и о рыданіи пророка Іереміи и о запустѣніи Іерусалима», извѣстной мнѣ по русскимъ спискамъ [2]) и Всеобщей исторіи Дороѳея, митрополита Монемвасійскаго [3]).

---

[1]) Въ статьѣ о семидесяти ученикахъ І. Христа, напечатанной съ именемъ Дороѳея Тирскаго въ приложеніи VIII къ Пасхальной Хроникѣ (ed. Dindorf, II, стр. 120 и слѣд.), встрѣчаются подробности объ Іереміи, напоминающія Епифаніевскую статью. Сл. стр. 138: Εὕρομεν καὶ ταῦτα ἐν τοῖς ἱστορικοῖς συγγράμμασιν τοῦ λεχθέντος θείου ἀνδρὸς Δωροθέου .... ὅτιπερ ὁ Ἱερεμίας ἱερεὺς ὢν καὶ προφήτης θείῳ Πνεύματι προθεωρήσας καὶ τὴν τῆς Ἱερουσαλὴμ αἰχμαλωσίαν, μετὰ τὴν τελευτὴν Ἰωσίου τοῦ Βασιλέως Ἰουδαίας, ἄρας τὴν σκηνὴν τὴν Μωσαϊκὴν, καὶ τὴν κιβωτὸν τῆς διαθήκης, καὶ πάντα τὰ ἅγια τὰ ἐν αὐτῇ καὶ πάντα τὰ σκεύη ἃ Μωσῆς κατεσκεύασεν, ἐλθὼν εἰς τὸ ὄρος Ναβάου ἔνθα ὁ Μωσῆς αὐτὸς ἐτάφη, εὗρεν σπήλαιον, κἀκεῖ πάντα ἀπέθετο, καὶ ηὔξατο εὐχὴν, ὥστε μὴ φανερωθῆναι αὐτὰ ἕως συντελείας τοῦ αἰῶνος. Καὶ ἔκτοτε ὁ τόπος ἀγνώριστος ἐγένετο καὶ αὐτοῖς τοῖς ἱερεῦσιν ἅμα τῷ Ἱερεμίᾳ ἀποθεμένοις αὐτά. Слѣдуетъ непосредственно (стр. 138—140) преданіе объ Иродіадѣ, о которомъ мнѣ пришлось говорить въ Разысканіяхъ VII, стр. 221—222 и 429—430; къ свидѣтельству Никифора Каллиста слѣдуетъ присоединить теперь и слѣдующее: (Σὺν οἷς καὶ ταῦτα εὑρήκαμεν·) ἐπὶ ὑπατείας Γάλβου καὶ Σύλλα, ἐπὶ τούτῳ τῷ ὑπάτῳ ὑπὸ κρύους παγωθείσης τῆς λίμνης Γενησαρέτ, ἡ θυγάτηρ τῆς Ἡρωδιάδος κατὰ τέρψιν ἐπὶ τοῦ πάγους ἀπέβαινεν. Τοῦ δὲ πάγους διατρυβέντος, τὸ σῶμα αὐτῆς κατεπόθη ὑπὸ τοῦ πάγους ἄνωθεν ἐμφυέντος. Ἡ δὲ Ἡρωδιὰς ἐπὶ τῶν γονάτων αὐτῆς ἀποθεμένη τὴν κεφαλὴν τῆς θυγατρὸς, κλαίουσα, ὁμολόγει διὰ τοῦ αἰτήσασθαι αὐτὴν τὴν κεφαλὴν Ἰωάννου τοῦ Βαπτιστοῦ τοῦτο ὑπέμεινεν. Иродъ и Иродіада и ихъ четыре сына умираютъ, объѣденные червями; нѣтъ рѣчи о фантастической пляскѣ отрѣзанной головы, о которой говоритъ Каллистъ. Къ этимъ и подобнымъ «ивановскимъ» легендамъ я пытался привязать нѣкоторыя повѣрья и обряды на Ивановъ день. Сл. теперь Pitrè, *Archivio* I, 2, стр. 327: Nella notte di S. Giovanni i contadini del Napoletano mettevano fuori una secchia ripiena d'acqua per vedervi passare Erodiade e sua madre, che si rinfacciavano a vicende l'uccisione del Battista.

[2]) Сл. выше, стр. 331, прим. 1. Далѣе цитуется Хлудовскій текстъ съ указаніями разночтеній по тексту, напечатанному И. И. Срезневскимъ.

[3]) Βιβλίον ἱστορικὸν περιέχον ἐν συνόψει διαφόρους καὶ ἀξιακούστους ἱστορίας .... συλλεχθὲν .... παρὰ τοῦ ἱερωτάτου Μητροπολίτου Μονεμβασίας κυρίου Δωροθέου· и т. д. Ἐνετίῃσι, Αψξγ. Соотвѣтствующій эпизодъ пересказанъ у Gaster, Beiträge zu vergleichenden Sagen- und Märchenkunde, p. 81 слѣд., указавшаго на существованіе той-же легенды въ одной румынской хроникѣ начала XVII в.

Передъ плѣненіемъ Іерусалима Іеремія молитъ Бога: «сй нйнѣ разоумѣхь, ѩко прѣдакши гра^д свои вь роуцѣ врагомь ѥго, и̓ ѡ^тведоуть лю^ди вь Вавѵ̓лонь. како хощеши, камо ти ѥ̓ сьсоуды слоужьбные дѣти. и̓ рече ѥмоу г҃ь. вьзми и прѣдаждь ѥ̓ земли. и̓ р'ци, слыши землѥ гл҃сь сьз^давшаго те вь ѥствии вадь. и̓ запечатлѣвы те седмию печатїи седмию врѣмень. и потомь приимеши красотоу свою. сьхрани сьсоуды слоужьбные до пришьствиѣ вьзлюбленаато». Іеремія отправляется въ Вавилонъ съ плѣнными Израильтянами, которыхъ по прошествіи семидесяти лѣтъ снова выводитъ въ Іерусалимъ. Здѣсь однажды во время молитвы онъ обмираетъ (Тихонр.: «в'зѧта бы̑ дш҃а его изъ ѡстави тѣло мр҃тво вь жер'твеницѣ»). Варухъ и Авимелехъ, стоявшіе вмѣстѣ съ нимъ въ алтарѣ, начинаютъ горько плакать о смерти пророка, но голосъ съ неба вѣщаетъ, что онъ живъ, и не велитъ погребать его. Черезъ три дня онъ очнулся и начинаетъ пророчествовать о Христѣ: «Боудеть бо по врѣменехь сихь.... и̓ приидеть (Срезн. на землѧ) дрѣво животоу. саж^деноѥ посрѣ^д раѩ. и̓ сьтворить да в'си дрѣва не плоднаѩ створеть плодь. и̓ вьзрастоуть и̓ прозебноуть. и̓ прозебшаѩ и̓ величающаасе. и̓ г҃люща: вьдахомь пло^д свои, на весноу створить ѥ и̓ исхноуть высотою вѣтвьихь (Срезн. да исьхнѫтъ съ высотоѧ вѣтъвии ихъ). и̓ сьтворить (Срезн. — е) дрѣво оутврьженноѥ сьюженоу быти (Срезн. ѡсѫж^дению бытии). и̓ брощь ѩкы (Срезн. ѡброщъ ѩко и) вльна бѣль боудеть. и̓ снѣгь ѡчрьнит'се (Срезн. ѡчьрвл^енить се) великимь свѣтомь веселиа бж҃иѣ. и̓ бл҃вить ѡтокы да створеть пло^д словомь оусть ѥго. Самь вьнидеть и̓ изыдеть, и̓ изберетъ себѣ в҃і ап҃ла. да бл҃вестъ и̓ в'си ѥзыци (Срезн. бл҃говѣститъ въ ѩзыцѣхъ). ѥгоже азь видѣхь оукрашена вь в'семь мирѣ. на горѣ елеоньсцѣи...

Интересна замѣтка Гастера (р. 82—90), что тотъ-же разсказъ находится въ греческихъ печатныхъ Минеяхъ и въ ихъ румынскомъ переводѣ, подъ 4-мъ Ноября. Проф. Дестунисъ сообщаетъ мнѣ, что въ греческихъ Минеяхъ Аѳинскаго изданія Іеремія помѣщенъ лишь подъ 1-мъ Мая, но что въ старинномъ изданіи Житій Святыхъ (Венеція, 1685 г.) о немъ говорится и подъ 4-мъ Ноября (ветхозавѣтная исторія) и подъ 1-мъ Мая (по легендѣ Епифанія).

Раз'гнѣвашесе в'си люе и рекоше, си иже соуть пакы глы, речены исаіемь, сиомь амасовомь. глк, яко видѣхь ба и сна бжиа. придѣте оубо не оубиемь его сьмр'тию оного. нь каменіемь побиемь и». Іеремія велитъ Варуху и Авимелеху принести большой камень и молится: «Свѣте великь, створи камень да боудеть вь мой образь. дондѣже тайны еже видѣхь повѣствоую вароуxоу и авимелехоу. тогда камень, повелѣниемь бжиемь всприеть образь іеремиинь. и камениемь биахоу камень, мнеще іеремію. иеремиа же прѣдасть тайны еже видѣ вароуxоу и авимелехоу. и потомь приде и ста посрѣдѣ людіи, хоте скон'чати свое смотрение. Вьзоупи же камень глк, о боуи снове іилви. что ме камениемь биете мнеще, яко іеремія есмь. се иеремія стоить посрѣд вась. егда же видѣше и абие такоже нань. сь многомь камениемь, и скон'чаше (Срезн.—ль) смотрѣние его. и пришьдша вароухь и авимелехь, погребоста его. и прием'ша камень положиста на гробѣ его. написав'ше. сь е камень помощникь іеремиинь и в'са сила написана си ре вь епистолии вароуховѣ». Текстъ Тихонравова (по рки. XV в.) продолжаетъ: «сщен'ныя же съсуды, иже положи іеремія по повелѣнію бжію въ камени и запечатли пер'стомъ своимь имя бжіе и яко желѣзнымъ изваяниемь бы мѣсто облаку присѣняющю камень, знаему ради тому быти. естьже камень в пустыни. идѣже первѣе ковчегь со инѣми положися. и сіе ре іеремиа: на нбса гь от сиона взиде, но пакый приидеть посѣтити сиона. пришествія хва боудеть знаменіе. егда вси языцы древу поклонятся. славяще и блвяще ба. яко тому слава въ вѣкы аминь».

Преданіе о сокрытіи Іереміей Іерусалимскихъ святынь, встрѣченное нами и у Епифанія, основано, несомнѣнно, на Маккав. II, гл. 2, ст. 4—8 [1]); что-же касается легенды, упоминаемой уже

[1]) «Было также въ писаніи, что сей пророкъ, по бывшему ему божественному откровенію, повелѣлъ скиніи и ковчегу слѣдовать за нимъ, когда онъ восходилъ на гору, съ которой Моисей, восшедши, видѣлъ наслѣдіе Божіе. Пришедъ туда, Іеремія нашелъ жилище въ пещерѣ и внесъ туда скинію и ковчегъ и жертвенникъ кадильный, и заградилъ входъ. Когда потомъ

блаж. Іеронимомъ (Ad Jovin. II, 37: Ieremias captivitatem nuntians lapidatus a populo), Тертулліаномъ (Adversus gnosticos 8: Ieremias lapidatur), Грегенціемъ (Migne, Patrol. gr. t. LXXXVI, p. 636) и друг.: о побіеніи пророка камнями, то она сложилось, по всей вѣроятности, на основаніи слѣдующаго мѣста его пророчествъ, гл. 43, стр. 8—13: И было слово Господне къ Іереміи въ Тафнисѣ: *Возьми въ руки свои большіе камни*, и скрой ихъ въ смятой глинѣ при входѣ въ *домъ Фараона въ Тафнисъ*, предъ глазами Іудеевъ, и скажи имъ: такъ говоритъ Господь Саваоѳъ, Богъ Израилевъ: вотъ, Я пошлю и возьму Навуходоносора, царя Вавилонскаго, раба Моего, и поставлю престолъ его *на этихъ камняхъ, скрытыхъ Мною*, и раскинетъ онъ надъ нимъ великолѣпный шатеръ свой; и прійдетъ и поразитъ землю Египетскую: *кто обреченъ на смерть, тотъ преданъ будетъ смерти;* и кто въ плѣнъ, пойдетъ въ плѣнъ; и кто подъ мечъ, подъ мечъ. И зажгу огонь въ капищахъ боговъ Египтянъ; и онъ сожжетъ оныя, а ихъ плѣнитъ, и одѣнется въ землю Египетскую, какъ пастухъ надѣваетъ на себя одежду свою, и выйдетъ оттуда спокойно. И сокрушитъ статуи въ Веѳсамисѣ, что въ землѣ Египетской, и капища боговъ Египетскихъ сожжетъ огнемъ.

Библейское пророчество, бывшее въ *Тафнѣ*, указываетъ и на поводъ къ пріуроченію смерти Іереміи въ этой мѣстности не только въ статьѣ Епифанія, но и въ цѣломъ рядѣ другихъ свидѣтельствъ. Такъ у Исидора [1]) и Синкелла [2]) и въ Минологіи императора Василія [3]), повторяющемъ извѣстный намъ разсказъ

пришли нѣкоторые изъ сопутствовавшихъ, чтобы замѣтить входъ, то не могли найти его. Когда-же Іеремія узналъ о семъ, то, упрекая ихъ, сказалъ, что это мѣсто останется неизвѣстнымъ, доколѣ Богъ, умилосердившись, не соберетъ сонма народа. И тогда Господь покажетъ его, и явится слава Господня и облако, какъ явилось при Моисеѣ» и т. д. Объ этой горѣ говоритъ, между прочимъ, Титмаръ, Thietmari Peregrinatio ed. Laurent, p. 36, и друг.

[1]) Сл. Migne, Patr. lat. t. LXXXIII, p. 142—143; сл. p. 1278.

[2]) ed. Bonn., vol. I, p. 426, 435.

[3]) Migne, Patrol. graec. t. CXVII, p. 432.

о сокрытіи Іереміей скиніи завѣта, его пришествіи въ Египетъ, его пророчествахъ о Дѣвѣ и младенцѣ въ ясляхъ, побіеніи въ Тафнахъ и погребеніи вблизи Фараонова дворца. О перенесеніи его останковъ Александромъ нигдѣ нѣтъ рѣчи, но въ Лугѣ Духовномъ Іоанна Мосха это преданіе снова поминается: Іоаннъ и Софроній идутъ къ дому философа Стефана: ἔμενεν δὲ εἰς τὴν ἁγίαν Θεοτόκον, ἣν ᾠκοδόμησεν ὁ μακάριος πάπας Εὐλόγιος, τὴν ἐπονομαζομένην τῆς Δωροθέας. Они находятъ его спящимъ, а Іоаннъ говоритъ Софронію: Ἄγωμεν ἐν τῷ Τετραπύλῳ, κακεῖ μένωμεν. Ἔστιν δὲ ὁ τόπος τοῦ Τετραπύλου πάνυ σεβάσμιος παρὰ τοῖς Ἀλεξανδρεῦσι· λέγουσι γάρ, ὅτι τὰ λείψανα Ἱερεμίου τοῦ προφήτου ἀπὸ Αἰγύπτου Ἀλέξανδρος ὁ κτίστης τῆς πόλεως ἐκεῖ αὐτὰ κατέθετο. На Тетрапилъ указывается въ дѣяніяхъ седьмаго собора (act. 4) по поводу чудесъ Іоанна и Кира: εἰσελθε γοῦν εἰς Ἀλεξάνδρειαν καὶ ἐν τῷ μεγάλῳ Τετραπύλῳ νήστης καθεύδησον [1]).

Ту-же Александровскую легенду встрѣчаемъ позднѣе у Евтихія Александрійскаго [2]): «Ieremia autem propheta in Aegypto lapidatione e medio sublatus est, lapidibus petitus usque dum moreretur, [ibique] sepultus. Ferunt Alexandrum, cum Aegyptum ingressus esset, Ieremiae prophetae corpus Alexandriam translatum ibi sepeliisse». Такъ и у Абульфараджа: «deinde profectus est (sc. Ieremias) Aegyptum, ubi quidam e Iudaeis prehensum puteo incluserunt, deinde eductum lapidibus obruerunt, ita ut moreretur; sepultusque est in Aegypto, unde cum urnam ejus Alexander tempore suo in Alexandriam transtulisset, ibi sepultus est» [3]).

Тафна (Τάφνη, Τάφναι въ переводѣ 70-и. Сл. Іерем. 2, 16; 16, 14; 43, 7 слѣд.; 44, 1; Іезек. 30, 18; егип. Tachpanhes, копт. Taphnas), къ которой легенда Епифанія и слѣдующія за нею пріурочиваютъ мученіе Іереміи, была пограничная крѣпость,

---

[1]) Migne, Patrol. graec. t. LXXXVII, pars. III, p. 2929—32 (c. LXXXVII); Patrol. lat., t. LXXIV, p. 156; сл. p. 241, прим. 18 и Spicilegium romanum, t. III, p. 407—8.

[2]) Migne, Patrol. graec. t. CXI, p. 965.

[3]) Hist. compendiosa Dynastiarum autore Gregorio Abul-Pharajio, arabice edita et latine versa ab Eduardo Pocockio. Oxoniae, 1663, p. 46.

расположенная по обѣ стороны канала, соединявшаго Пелузійскій рукавъ Нила съ озеромъ Menzaleh. Итинераріи Антонина полагаетъ её въ 16-и миляхъ отъ Пелузія, а Бругшъ отождествляетъ её съ нынѣшнимъ Tell-Defenneh, лежащимъ между тѣмъ городомъ и Танисомъ. Здѣсь, по свидѣтельству Іереміи (43, 7 слѣд.), жили выселившіеся изъ своей родины Евреи; здѣсь-же находился дворецъ Фараона и печь для обжиганія кирпичей [1]).

Танисъ [2]), упомянутый выше, евр. Цоанъ (Zo'an), нынѣ рыбацкая деревня Ṣān на южномъ берегу озера Menzaleh, былъ, до обмелѣнія его гавани и Танитскаго рукава Нила и основанія Александріи, самымъ значительнымъ торговымъ портомъ Египта, въ прекрасной, плодородной мѣстности, названіе которой (sechet Tān = поле Цоанъ) еще знакомо Псалмопѣвцу (Псалм. 78, 12). О древнемъ значеніи и процвѣтаніи города даютъ понятіе археологическія находки [3]); особливо онъ поднялся при Фараонахъ 19-й династіи: Рамзесъ II и его сынъ Merenptaḥ (Menephthes) живали въ немъ, и тамъ-же, вѣроятно, происходили переговоры послѣдняго съ Евреями Гесема и ихъ вождемъ Моисеемъ.

Эти библейскія воспоминанія и близость Тафны могутъ объяснить, какимъ образомъ легенда объ Іереміи перенесена была изъ Тафны именно въ Танисъ. Такъ у западныхъ историковъ пятаго крестоваго похода. Взятіе Таниса (Thanis, Taphnis, Tampnis, Themise, Thenis, Taus, Campotaneos; у Жуанвилля: Tenis; Tenez въ провансальскомъ разсказѣ о взятіи Даміетты, изданномъ P. Meyer'омъ) крестоносцами въ 1218 году подробно описано въ продолженіи къ письмамъ Оливерія Схоластика [4]):

---

[1]) Brugsch, Dictionnaire géographique de l'ancienne Égypte. p. 931 слѣд. и p. 643; Riehm, Handwörterbuch des biblischen Alterthums a. v. Tachpanhes.

[2]) Сл. Riehm, l. c., a. v. Zo'an и Ramses.

[3]) О новѣйшихъ сл. Academy 1884 г., №№ за Мартъ 1, 15, Апрѣль 5, Май 3, 31, Іюнь 14, Іюль 12, 26 и т. д. Въ послѣднее время тамъ найдены были части колоссальной статуи Рамзеса II.

[4]) Объ исторіи текста Оливерія см. Zarncke, Ueber Oliver's Historia Damiatina und das sogenannte dritte Buch der Historia Orientalis des Jacob von Vitry, въ *Sitzungsberichte der k. sächs. Gesellschaft d. Wiss.*, philos. hist. Cl.

Non minori miraculo, immo maiori, donavit Dominus Christianis castrum Thanis mense Novembri in festo Clementis qui habet habitaculum suum in mari. Nam missi sunt exploratores numero quasi mille viri in naviculis per parvum fluvium, qui fluvius Thanis appellatus est, ut de casalibus tollerent sibi victualia, et situm loci praedicti diligenter explorarent. Saraceni qui erant in praesidio castri, visis christianis, putantes totum exercitum adventare, seratis portis fugierunt. Nostri vero solum Christum capitaneum ibidem habentes, erumpentes claustra intraverunt castrum. Testati sunt nobis redeuntes se nunquam in plano fortius vidisse castrum. Septem turres habet firmissimas testudinatas, insuper per gyrum duplici fossato et utroque murato cingitur, habens antemurale. Lacus se diffundit in latum per circuitum in tantum, ut aditus equitibus hieme sit impossibilis, aestate difficilis adeo, ut per nostrum exercitum obsidione nunquam caperetur. Lacus piscosus est valde, de cujus piscariis soldano Babilonis solvebantur annuatim quatuor milia marcarum argenti, sicut a senioribus indicatum est nobis; avibus insuper et salinis habundat; casalia multa per circuitum serviebant ei. Civitas ante castrum maior Damiata, olim famosa, nunc autem ruinosa, magnitudinem testatur aedificiorum. Haec est Tanis cujus campi meminit propheta: Coram pat(ribus) e(orum) f(ecit) m(iracula [1]), et Ysaias: stulti principes Taneos, sapientes consiliarii Pharaonis consilium insipiens dederunt [2]). Haec est Thanis

---

1875, p. 138—48. Разсказъ о взятіи Таниса, воспроизведенный нами по изданію Eckhard (Corpus Historiae medii aevi, Lips. 1823, 2-й томъ), внесенъ (съ пропусками) въ компиляцію Винценція изъ Бовэ (Specul. Hist. l. XXXI, cap. XCI: De captione Thanis et opulentia ipsius ac fortitudine) и въ хроники Wendower'a и Матвѣя Парижскаго. Сл. Matthaei Parisiensis, Monachi Sancti Albani Chronica majora, ed. Luard, v. III, Preface, p. VIII—IX и стр. 55—56, ad. a. 1219.

[1]) Псал. 77, 12: Онъ предъ глазами отцовъ ихъ сотворилъ чудеса въ землѣ Египетской, *на поль Цоанъ*; 43: сотворилъ въ Египтѣ знаменія свои и чудеса свои *на поль Цоанъ*.

[2]) Ис. XIX, 13: Обезъумѣли *князья Цоанскіе*, обманулись князья Мемфисскіе, и совратили Египетъ съ пути главы племенъ его.

in qua lapidatus asseritur Ieremias. Destructa enim Ierosolyma a Babiloniis et Gotholia ab Hismahele interfecto, reliquiae populi contra consilium Ieremiae profectae sunt in Aegyptum Ieremiam secum ducentes, qui mansit cum eis in Thanis. Et factus est sermo Domini ad Ieremiam in Thanis: Sume lapides grandes et absconde eos in cripta quae est sub muro latericio Domus Pharaonis etc. Postmodum locutus est eis Ieremias: Hoc dicit Dominus: Ego juravi in nomine meo magno, quia omnes viri Iuda, qui sunt in terra Aegypti, gladio et fame peribunt, donec penitus consumentur. Et insurrexerunt populi adversus Ieremiam et lapidaverunt eum lapidibus quos absconderat sub muro latericio. Aegyptii vero honoraverunt prophetam, sepelientes eum juxta tumulum regum, memores beneficiorum quae praestiterat Aegypto. Oratione enim sua fugaverat bestias aquarum, quas Graeci cocodrillos appellant. Alexander autem Macedo, veniens ad sepulchrum prophetae, cognoscens loci mysterium, transtulit ipsum in Alexandriam et sepelivit gloriose. — Сл. въ Liber bellorum... Domini: «quinquagesimus nonus articulus.... habet quatuor conclusiones: prima de captione Thannis cum lacu habundante piscibus, avibus et palmis (?), in quo fuit lapidatus et sepultus Ieremias, et post ab Alexandro in Alexandriam translatus; et de natura cocodrillorum»[1].

О церкви пророка Іереміи на островѣ передъ Даміатой говоритъ Яковъ de Vitry: insula ante Damiatam, quae sita est inter Nilum fluvium et mare prope ecclesiam S. Jeremiae prophetae qui defunctus est in Aegypto (Epist. II, p. 290); въ 3-мъ своемъ посланіи онъ называетъ этотъ островъ: Campus Tancos (p. 295).

Иныя воспоминанія привязываетъ къ этому острову (inter mare et fluvium Paradisi, qui dicitur Gion) Memoriale potestatum Reggensium: «in qua insula propheta Jeremias natus fuit; et quod hoc sit verum et credibile, potest cognosci, quia domus ejus

---

[1]) Archives de l'Orient latin, t. I (Paris, 1881), p. 304.

usque in presentem diem apparet, quae Jeremiae prophetae domus est dicta [1]).

Чудо, напророченное Іереміей въ легендѣ у Епифанія — объ идолахъ, имѣющихъ сокрушиться *въ Египтѣ* съ пришествіемъ Богоматери и Божественнаго Младенца, — разсказывается, какъ совершившееся въ той-же мѣстности, въ отреченномъ евангеліи псевдо-Матвея [2]): gaudentes et exultantes (то-есть, святое семейство) devenerunt in finibus *Hermopolis* et in unam ex civitatibus Egypti quae Sotrinen (Sotinen, Sihenen) dicitur ingressi sunt; et quoniam in ea nullus erat notus apud quem potuissent hospitari, templum ingressi sunt, quod capitolium Egypti vocabatur. In quo templo trecenta sexaginta quinque idola posita erant, quibus singulis diebus honor deitatis in sacrilegiis perhibebatur. Factum est autem, cum beatissima Maria cum infantulo templum fuisset ingressa, universa idola prostrata sunt in terram, ita ut omnia convulsa iacerent penitus et confracta in faciem suam; et sic se nihil esse evidenter docuerunt. Tunc adimpletum est quod dictum est per prophetam Isaiam: Ecce dominus veniet super nubem levem et ingredietur Egyptum, et movebuntur a facie eius omnia manufacta Egyptiorum (Esaiae 19, 1).

Эта апокрифическая легенда попала позднѣе къ путешественникамъ, между прочимъ, въ романъ-путешествіе Іоанна Witte de Hese (1389 г.), называющаго Гермополь — «capitalis civitas Aegypti, ubi beata virgo septem annis morabatur cum filio suo, domino nostro». Онъ описываетъ крылатыхъ рыбъ и змѣй Чермнаго моря; изъ нихъ послѣднія ядовиты, «contra quos habetur cinis de palma combusta, crescens ibidem et in terra sancta, et etiam quaedam herba, Coral nuncupata, crescens in mari rubro in loco, per quem Moyses perduxit populum Israheliticum.

---

[1]) Muratori, Script. Rer. Ital. VIII, 1085; сл. Iohannes de Tulbia въ Publications de l'Orient latin. Série historique, II: Quinti belli sacri scriptores minores, ed. Röhricht, p. 119.

[2]) Tischendorf, Evangelia apocrypha. p. 85—86, c. XXII—XXIII; Schade. Liber de Infantia Mariae et Christi Salvatoris (1869), p. 40. Текстъ по послѣднему изданію.

Et ille locus seu via agnoscitur per quatuor magnos lapides nigros stantes in ripa maris, duo ab una parte maris et duo ab alia parte. — Et in civitate Hermopolensi praedicta est ortus, in quo morabatur beata virgo.... Eciam in civitate praedicta est una ecclesia mirae magnitudinis, constructa in honore sanctae Trinitatis et gloriosae virginis, quae prius fuit templum ydolorum, in quod cum beata virgo primo venit ex metu Herodis in Aegyptum fugiendo, daemones fugierunt, et ceciderunt ydola in templo[1]). — Палладій (въ житіи св. Аполлонія, въ AASS. n. ed. Jan. III, a. d. XXV, p. 237) помѣщаетъ этотъ Гермополь въ Өиваидѣ, говоря о пришествіи туда Св. семейства и паденіи идоловъ согласно съ пророчествомъ Исаіи. Созоменъ (Hist. eccles. V, 21) удерживаетъ ту-же локализацію: καὶ δένδρον δὲ τῆς καλουμένης Περσίδος ἐν Ἑρμουπόλει τῆς Θηβαίδος φασὶ πολλῶν ἀπελάσαν τὰς νόσους, κάρφος ἢ φύλλον ἢ τοῦ φλοιοῦ μικρόν τι κάμνουσι προσαπτόμενον. Λέγεται γὰρ παρ Αἰγυπτίοις, ἡνίκα διὰ τὸν Ἡρώδην ἔφυγεν ὁ Ἰωσὴφ, παραλαβὼν τὸν Χριστὸν καὶ Μαρίαν τὴν ἁγίαν Θεοτόκον ἐλθεῖν εἰς τὴν Ἑρμούπολιν. Ἅμα δὲ εἰσιόντι παρὰ τὴν πύλην μὴ ἐνεγκὸν τοῦτο τὸ δένδρον μέγιστον ὂν τοῦ Χριστοῦ τὴν ἐπιδημίαν, ἐπὶ τὸ ἔδαφος κλῖναι καὶ προσκυνῆσαι.

Подъ Гермополемъ въ нижней Өиваидѣ, нерѣдко встрѣчающимся въ житіяхъ[2]), разумѣется Hermopolis Magna, егип. Xmunu, арабск. Aschmun, градъ восьми боговъ, съ храмомъ Тота—Гермеса[3]). Но едва-ли здѣсь не произошло смѣшеніе одного Гермо-

---

[1]) Zarncke, Der Priester Iohannes, 2-е Abhandlung, p. 162—163. О змѣяхъ Чермнаго моря см. Herod. II, 75—6. Сл. аллегорическое толкованіе слѣпой летучей змѣи, окунающейся въ Чермномъ морѣ, въ Grand St. Graal, ed. Hucher. v. II, p. 521 и слѣд.

[2]) Такъ, напр., въ житіи Онуфрія (Migne, Patrol. lat. t. LXXIII, p. 213 и 220, прим. 8), св. Асклы (AASS. n. ed. Jan. III, a. d. 23, p. 69); у Палладія, въ житіи Хризостома, онъ названъ, по имени епископа, градомъ Діоскора.

[3]) Сл. Maspero, Geschichte der morgenländischen Völker, übers. v. Pietschmann, Reg. a. v. Hermopolis (и тамъ-же карту Египта); Kiepert, Lehrbuch der alten Geographie, p. 201; Brugsch, Geschichte Egyptens unter den Pharaonen (Lpz. 1877), Namen-Register a. v. Achmun-Hermopolis и Hermopolis magna.

поля съ другимъ. Средневѣковой путешественникъ Филиппъ [1]), разсказывая эпизодъ о преклонившейся пальмѣ, называетъ *Гермополь*, но разумѣетъ, очевидно, *Геліополь*, егип. Annu, библ. On, въ $1\frac{1}{2}$—2 часахъ пути къ сѣверо-востоку отъ Каира, въ сосѣдствѣ съ нынѣшней деревней Materieh = Matarea арабскаго евангелія о дѣтствѣ Христовѣ (гл. 24), Матарія нашего Гогары [2]). Геліополь, собственно, — городъ Гора, который чествовался подъ именемъ Hormachu (Harmachu: Hormachis, Harmachis; Harmaïs); стало быть: Ὁρμούπολις? Такъ исправляетъ и Псевдокаллисоенъ, говоря о *маломъ Гермополѣ*: *οὐ καλεῖται δὲ Ἑρμούπολις, ἀλλὰ Ὁρμούπολις*: отбросивъ этимологію автора (отъ греч. ὅρμος), мы придемъ и здѣсь къ значенію: города Гора, какъ дѣйствительно и звался малый Гермополь: demài-en-Ḥur, копт. Timenhor, Timi-en-hor = градъ Гора, т. е. юнаго солнца, нынѣ Damanhour, къ югу отъ канобскаго (нынѣ розетскаго) рукава Нила, на желѣзной дорогѣ въ Александрію, въ 25 километрахъ на западъ отъ древняго Саиса; у Грековъ: Малый Гермополь, Hermopolis parva; въ одной коптской рки. парижской библіотеки: *Ermukaton* вм. Timenhor. — Другое названіе для города было Beḥud; оба: Beḥud и demài-(t)-enti-se-Ḥur служили также древнимъ обозначеніемъ для Эдфу, у грековъ Apollinopolis magna, что понятно изъ отождествленія Гора = Аполлона.— Замѣчу кстати, что егип. Annu = Геліополь (Гермополь Филиппа) было обозначеніемъ и другаго города въ Оиваидѣ = греч. Hermonthis [3]).

---

[4]) Philippi Descriptio Terrae Sanctae (Wien, 1872), p. 71.

[2]) **Сахаровъ**, Сказанія русск. нар., кн. VIII, стр. 115.

[3]) Сл. Brugsch, Dictionnaire géographique de l'Ancienne Égypte, p. 86 и слѣд. (àurī-āa), 521 (demàī-en-Ḥur), 540 слѣд. (Beḥud), 1269 (Beḥud-t); Félix Robiou, Géographie comparée du Delta. Étude sur l'identification des noms égyptiens des provinces et des districts avec les noms gréco-romains, coptes et arabes, въ Mélanges d'archéologie égyptienne et assyrienne, t. III, p. 107; Brugsch, Gesch. Egyptens, Namen-Register, a. v. Heliopolis, Annu, Hermonthis; Dümichen, Gesch. des alten Aegyptens p. 251; Tattam, Lexicon Aegyptiaco-Latinum, p. 828.— За указанія на интересовавшую меня литературу по египтологіи приношу мою благодарность консерватору азіатскаго музея Имп. Акад. Наукъ, О. Э. Лемму.

Въ первой обработкѣ этой главы [1]) я позволилъ себѣ вопросъ: не отвѣчаетъ-ли Sihenen «in finibus Hermopolis» отреченнаго Евангелія — нижнеегипетскому ному Seχem (греч. Προσωπίτης, къ западу отъ канобскаго рукава Нила), области Гора, «властителя Seχem'а»? [2]). Беру эту догадку назадъ ввиду болѣе авторитетнаго мнѣнія г. Лемма, сообщеннаго мнѣ письменно. Г. Леммъ предпочитаетъ чтеніе Sotrinen вм. Sihenen, отождествляя его съ VIII-мъ номомъ нижняго Египта: Sethroïtes, и понимаетъ текстъ (devenerunt in finibus Hermopolis et in unam ex civitatibus Egypti quae Sotrinen dicitur ingressi sunt) такимъ образомъ, что Sotrinen не лежалъ in finibus Hermopolis, а дѣло идетъ о двухъ различныхъ частяхъ нижняго Египта. «Если Вы взглянете на карту, Вы увидите, что рядомъ съ VIII номомъ Sethroïtes находится XV номъ Hermopolites, съ главнымъ городомъ Hermopolis (безо всякаго обозначенія: magna или parva). По египетски онъ назывался Pi-Dḥuti, т. е. домъ, жилище, городъ Тота, т. е. Гермеса = Hermopolis» [3]).

Отмѣченное нами выше смѣшеніе Гора и Тота въ названіяхъ мѣстностей могло совершиться на почвѣ ихъ греческаго обозначенія (Гормополь и Гермополь), вѣроятно, не безъ вліянія легендарной связи Тота-Гермеса съ Горомъ-Солнцемъ. Я имѣю въ виду легенду о борьбѣ послѣдняго съ исчадьемъ Сета-Тифона, обыкновенно являющимся въ образѣ крокодиловъ и змѣй, естественнымъ врагомъ которыхъ былъ ибисъ, символъ Тота. По свидѣтельству Плутарха, самъ Тифонъ убѣжалъ отъ Гора, принявъ личину крокодила, почему жители Аполлинополя = Эдфу истребляютъ и поѣдаютъ крокодиловъ, что̀ подтверждается и показаніемъ

---

[1]) Сл. Журн. Мин. Нар. Просв. 1884 г., Сентябрь, стр. 30—1.

[2]) Сл. Brugsch, Eine geographische Studie, въ Zs. f. ägyptische Sprache. XVII Jahrg. (1879), стр. 23 слѣд.

[3]) Онъ назывался также Bāḥu и упоминается у Евсевія, Praep. evang. p. 433, ed. Colon. 1688. Сл. Vocabularium Coptico-latinum et Latino-copticum e Peyroni et Tattami lexicis concinnavit G. Parthey (Berolini 1844), Appendix III: Index Aegypti geographicus Latino-copticus, p. 527: Hermopolis, Ἑρμοῦ πόλις, a Moyse conditum.

Страбона. Надпись въ храмѣ Эдфу разсказываетъ намъ о борьбѣ Гора съ вражьимъ отродьемъ: онъ сражается съ ними, обратившимися въ крокодиловъ и гиппопотамовъ, и побиваетъ ихъ въ виду города. Тотъ радуется побѣдѣ: «Ликуйте, боги неба и земли! Юный Горъ вернулся въ мирѣ, совершивъ необычайное въ своемъ походѣ, какъ сказано въ книгѣ о побѣдѣ надъ гиппопотамомъ» (= Тифономъ). Въ заключеніи Горъ обращается въ солнечный, крылатый дискъ, пріобщивъ къ себѣ «богинь юга и сѣвера, въ образѣ двухъ змѣй, дабы онѣ (своимъ огненнымъ дыханіемъ) сжигали живьемъ враговъ», обратившихся въ крокодиловъ и гиппопотамовъ [1]).

Въ другихъ памятникахъ, за которыми Шабасъ [2]) призналъ значеніе талисмановъ или амулетовъ противъ ядовитыхъ гадовъ и вредныхъ животныхъ, Тотъ является дѣйствительнымъ помощникомъ Гора въ его побѣдоносной борьбѣ. Изображеніе представляетъ юнаго бога Гора, нерѣдко стоящаго на крокодилѣ; въ рукахъ онъ держитъ змѣй, скорпіоновъ, льва или гиппопотама, либо газель — представительницу рогатыхъ звѣрей. Одна изъ молитвъ-заклинаній, сопровождающихъ изображеніе, обращается къ Гору и богу Тоту. Сообщаю отрывки ея содержанія по тексту такъ-называемой «Меттерниховской стелы» [3]). Онъ открывается

---

[1]) Brugsch, Die Sage von der geflügelten Sonnenscheibe. Göttingen, 1870. Другую надпись изъ Эдфу, съ легендой о рожденіи Гора и его борьбѣ съ Сетомъ, сообщилъ недавно Бругшъ въ Thesaurus inscriptionum Aegyptiacarum, III Abtheilung: Geographische Inschriften altaegyptischer Denkmäler (Lpz. 1884. стр. 607 слѣд.; переводъ стр. 611—618). Сл. еще Revillout, Un fragment de la légende osiriaque въ Rev. Égyptologique, 2-e année (1882), стр. 11—12, прим. 1

[2]) Chabas, Horus sur les Crocodiles, въ *Zs. für aegyptische Sprache* etc. VI. Jahrg. (1868), p. 99—106. Сл. ib. стр. 135 замѣтку Pierret, и XVIII (1880), стр. 54—56, замѣтку Эберса. Изображеніе Гора на крокодилахъ перешло впослѣдствіи, въ христіанскую пору, въ изображенія св. Мины. Сл. Wiedemann, Die Darstellung auf den Eulogien des heil. Menas, въ Actes du VI-e congrès international des orientalistes, tenu en 1883 à Leide, IV-e partie, Sect. 3: Africaine, p. 159 слѣд. — и въ Rev. Archéologique 1878 г. замѣтку Le Blant, p. 299 слѣд., и въ концѣ тома Pl. X.

[3]) Die Metternichstele in der Originalgrösse. zum ersten Mal hrsg. von W. Golenischeff, Lpz., стр. 6—7.

типическимъ воззваніемъ къ солнцу, вѣчно юному и древнему. «О старецъ, обновляющійся въ свое время, старикъ, обращающійся въ юношу! Да придетъ Dḥuti (Тотъ) на мой зовъ и отвратитъ отъ меня чудовище Neḥaḥir (вѣроятно, эпитетъ, Апописа; иногда переводится въ значеніи змѣя, либо крокодила, съ головою, обращенною къ хвосту)... Прочь отсюда, водные жители!.... Ра да запретъ вашу пасть, Seχt да запретъ глотку, Dḥuti пусть отрѣжетъ вамъ языкъ, Нека ослѣпитъ глаза».

Изъ другихъ надписей Меттерниховской стелы остановимся на легендѣ, географическая сторона которой мастерски объяснена Бругшемъ[1]). Сетъ убилъ Озириса, а Изиду заперъ; Тотъ даетъ ей совѣтъ удалиться и тѣмъ спасти и себя, и своего сына Гора, которымъ она была беременна: когда онъ возмужаетъ и окрѣпнетъ, онъ вернется, возсядетъ на престолъ отца и воцарится надъ верхнимъ и нижнимъ Египтомъ. Она выходитъ вечеромъ: семь скорпіоновъ (Tefen, Befen, Mestet, Mastetef, Petet, Ꝺetet, Matet) провожаютъ ее и показываютъ путь въ нижній Египетъ. Бругшъ опредѣлилъ мѣстности, куда направилась богиня: онѣ лежали между западнымъ, канобскимъ рукавомъ Нила и западными берегами озера Буто, нынѣ Brulos, въ области, гдѣ преобладалъ культъ крокодила и его божества Sebek. Изида принята недружелюбно: въ городѣ Deb жена правителя, завидѣвъ ее приближавшуюся, испугалась ея спутниковъ-скорпіоновъ и затворила передъ нею двери своего дома. Бѣдная женщина пріютила у себя богиню, а скорпіоны порѣшили отмстить за нанесенное ей оскорбленіе; одинъ изъ нихъ, Tefen, пробравшись въ домъ строптивой жены, смертельно укусилъ ея сына. Мать въ отчаяніи, безуспѣшно блуждаетъ по городу, ища помощи; но Изида сжалилась надъ нею и, возложивъ руки на бездыханнаго, произноситъ заклятіе (обращенное къ каждому изъ скорпіоновъ въ отдѣльности), и мальчикъ оживаетъ. Вскорѣ богиня родила Гора на одномъ островѣ болотистаго озера и спрятала его, изъ боязни,

[1]) Brugsch, Eine geographische Studie. *Zs. f. ägypt. Sprache.* XVII, Jahrg. 1879, стр. 8 слѣд.

чтобъ онъ не былъ укушенъ; но въ ея отсутствіе случилось то, чего она опасалась. Изида предается горю, окрестные жители приходятъ съ выраженіемъ своего сочувствія, но помочь не могутъ. Она молится. Солнце останавливается въ своей ладьѣ, является Тотъ и говоритъ: «Никакого зла не приключится дитяти Гору, ибо его благо зависитъ отъ ладьи Ра (солнца). Я сегодня прибылъ въ челнѣ солнца съ того мѣста, гдѣ оно вчера стояло. Если и царствуетъ тьма, свѣтъ побѣдитъ, чтобъ излѣчить Гора для его матери Изиды» [1].

Легенда эта интересна своею локализаціей: какъ Изида, прійдя въ окрестности озера Буто, родитъ здѣсь Гора на островѣ и прячетъ его отъ возможныхъ напастей, такъ классическіе писатели разсказывали о Латонѣ, что она воспитывала Аполлона, укрывая его отъ преслѣдованія враговъ, на островѣ, въ болотахъ, въ окрестностяхъ именно Буто. Къ этой параллели, указанной Бругшемъ, я присоединю и отреченное евангеліе псевдо-Матѳея, давшее намъ поводъ къ этому отступленію и снова возвращающее насъ къ Гермополю: Дѣва Марія также удаляется въ Египетъ, скрывая божественнаго младенца отъ преслѣдованій Ирода; драконы преклоняются передъ Іисусомъ, львы и леопарды указываютъ путь Святому семейству (гл. XVIII—XIX), какъ скорпіоны странствующей Изидѣ; есть и чудо съ змѣей, хотя оно совершается за предѣлами Египта: мальчикъ Христосъ исцѣляетъ брата Іакова, укушеннаго ехидной (гл. XLI); арабское Евангеліе Дѣтства Христова присоединяетъ къ этому чуду (гл. XLIII) и другое, подобное (гл. XLII). Послѣ этого возможенъ вопросъ: не слѣдуетъ-ли искать Гермополя апокрифической повѣсти въ той-же мѣстности, гдѣ издавна пріурочено было дѣтство Гора-Аполлона? Страбонъ, 1. XVI, с. 1, § 18, говоря

[1]) Сл. ту-же легенду, пересказанную по одному демотическому папирусу у Revillout, Rev. Égyptologique, 2-e année (1882): Un fragment de la légende Osiriaque, p. 11—13: юнаго Гора укусила насланная Сетомъ змѣя; Изида научаетъ его, какъ излѣчить рану — и этотъ миѳъ даетъ содержаніе для заговора отъ укушенія змѣй.

о Бутѣ, прибавляетъ: περὶ δὲ τὴν Βοῦτον καὶ Ἑρμοῦ πόλις ἐν νήσῳ κειμένη· ἐν δὲ τῇ Βούτῳ Λητοῦς ἐστι μαντεῖον. Еще, стало быть, мѣстность, освященная памятью Гора, нѣкоторымъ образомъ его городъ, носящій имя *Гермія*; новый Гермополь = Гормополь? [1]).

Меттерниховская стела, найденная въ Александріи, восходитъ къ 378—360 гг. до Р. Х., ко времени перваго царя послѣдней (XXX-й) египетской династіи: Next-Hor-χeb'a = греч. Νεκτανέβης. Самъ онъ изображенъ на лицевой сторонѣ памятника въ актѣ поклоненія солнечному диску, тогда какъ по другую сторону стоитъ Тотъ-Гермій. Послѣднимъ царемъ той-же династіи былъ Nachtnebef, греч. Νεκτανέβης, Νεκτάναβις [2]), Νεκτανεβῶ Псевдокаллисеена, дѣлающаго его отцомъ Александра Македонскаго. Онъ удаляется изъ Египта въ виду вражескаго нашествія; ὁ δ'ἐν τῷ ἀδύτῳ τοῦ Σεραπείου θεὸς αὐτῶν (то-есть, Египтянъ) λεγόμενος ἐχρησμοδότησεν αὐτοῖς εἰπών· «οὗτος ὁ φυγὼν βασιλεὺς ἥξει πάλιν ἐν Αἰγύπτῳ, οὐ γηράσκων, ἀλλὰ νεάζων, καὶ τοὺς ἐχθροὺς ἡμῶν Πέρσας ὑποτάξει (Pseudocall. I, 3). Онъ дѣйствительно возвращается не старымъ, а молодымъ, въ видѣ сына своего Александра — какъ солнце «старецъ, обновляющійся въ свое время, старикъ обращающійся въ юношу»; какъ Горъ онъ водворяется въ отцовскомъ наслѣдіи; у Гора помощникъ Тотъ-Гермій; Александру является, наставляя его, Аммонъ, принявшій образъ Гермія. Александрійская легенда объ Александрѣ была послѣднимъ выраженіемъ древняго миөа.

Мы вернулись къ Псевдокаллисөену и остановимся еще разъ на первой его книгѣ — на разсказѣ объ основаніи Александріи.

Въ кн. I, гл. 31 читаемъ: ἀπὸ οὖν τῆς Πανδύσεως μέχρι τοῦ καλουμένου Ἡρακλεωτικοῦ στόματος τὸ μῆκος τῆς πόλεως Ἀλέξαν-

---

[1]) По мнѣнію г. Лемма, приведенному выше (стр. 352), Гермополь евангелія псевдо-Матвея былъ бы дѣйствительно городомъ Гермеса—Тота (= Pi Tḥuti), и путь св. семейства, указанный нашимъ апокрифомъ, вѣроятнѣе, чѣмъ намѣченные у Созомена и въ арабскомъ евангеліи о дѣтствѣ Христовѣ.

[2]) Maspero, l. c., p. 562.

ὅρος ἐχωρογράφησε· τὸ δὲ πλάτος ἀπὸ τοῦ Βενδιδείου μέχρι τῆς μικρᾶς Ἑρμουπόλεως· οὐ καλεῖται δὲ Ἑρμούπολις, ἀλλὰ Ὁρμούπολις, ὅτι πᾶς ὁ κατερχόμενος ἐκ τῆς Αἰγύπτου καὶ ἀνερχόμενος ἐκεῖ προσορμεῖ. — Pseudocall. A (и Julius Valerius) прибавляютъ: ἀπὸ δὲ τῆς γῆς ἐπὶ τῆς θαλάσσης νῆσόν τινα ἐθεάσατο (Александръ) καὶ πυνθάνετο τίς καλεῖ τὴν νῆσον. Οἱ δὲ ἐγχώριοι εἶπον· Φάρον Προτεύς· αὕτη δὴ κατοίκησις τὸ μνῆμα τοῦ Πρωτέως ἐστὶν τὸ παρ' ἡμῖν θρησκευόμενον· ἐπί τινος ὑψηλοτάτου θρόνου ἤνεγκαν αὐτὸν εἰς τὸ νῦν καλούμενον ἡρῷον καὶ ἐπέδειξαν τὴν λάρνακα· Θύσας δὲ τῷ ἡρῴῳ ἐποπτεύει, καὶ ἰδὼν ἀπὸ τοῦ χρυσοῦ (στύλου?) καταπεπτοκὸς τὸ μνῆμα ἐκέλευσε αὐτὸ ταχέως ἀνορθῶσαι. — Въ гл. 32 редакція A (и Julius Valerius) продолжаютъ: Ἤρξαντο δὲ οἰκοδομεῖν τὴν Ἀλεξάνδρειαν ἀπὸ μέσου πεδίου, καὶ ἔσχε ὁ τόπος τὴν προσωνυμίαν ἄχρι νῦν διὰ τὸ ἀπ' ἐκεῖθεν ἄρξασθαι τὴν τῆς πόλεως οἰκοδομήν. Τὴν δὲ περὶ αὐτὸν τρεπομένην δράκων σύνηθος (ἐσίνετο ὃς?) παραγενόμενος ἐξεφόβει τοὺς ἐργαζομένους· Καὶ ἐκκοπὴν ἐποιοῦντο τοῦ ἔργου διὰ τὴν τοῦ ζώου ἐπέλευσιν. Μετεδόθη δὲ τῷ Ἀλεξάνδρῳ τοῦτο. Ὁ δὲ ἐκέλευσε τῇ ἐπερχομένῃ ἡμέρᾳ ὅπου ἂν καταληφθῇ χειρώσασθαι, ἑνὸς εἰργάζοντο (sic). Καὶ δὴ λαβόντες ἐπιτροπὴν παραγενομένου τοῦ θηρὸς κατὰ τῆς νῦν καλουμένης Στοᾶς, τούτον περιεγένοντο καὶ ἀνεῖλον. Ἐκέλευσε δὲ ὁ Ἀλέξανδρος ἐκεῖ τὸ τέμενος γενέσθαι, καὶ θάψας κατέθετο. Καὶ πλησίον ἐκέλευσε στεφάνους στέφεσθαι εἰς μνήμην τοῦ ὀφθέντος ἀγαθοῦ δαίμονος. Ἐκέλευσε δὲ μηδαμοῦ ἀλλαχοῦ βάλλεσθαι τὴν ὀρυγὴν τῶν θεμελίων εἰ μὴ εἰς ἕνα τόπον· καὶ ἐστὶν ἕως ἄρτι ὅρος μεταφαινόμενος, ὃ καλεῖται Κοπρία.

Далѣе тексты сходятся: Θεμελιώσας δὲ τὸ πλεῖστον μέρος τῆς πόλεως Ἀλέξανδρος καὶ χωρογραφήσας, ἐπέγραψε γράμματα πέντε Α. Β. Γ. Δ. Ε. τὸ μὲν Α Ἀλέξανδρος, τὸ δὲ Β βασιλεὺς, τὸ δὲ Γ γένος, τὸ δὲ Δ Διός, τὸ δὲ Ε ἔκτισε πόλιν ἀείμνηστον . . . ἱδρυμένου δὲ τοῦ Πυλῶνος τοῦ ἱεροῦ (A: τοῦ ἡρῴου), ἐξαίφνης πλὰξ μεγίστη ἐξέπεσεν ἀρχαιοτάτη πλήρης γραμμάτων, ἐξ ἧς ἐξῆλθον ὄφεις πολλοί, καὶ ἑρπύζοντες εἰσῆλθον εἰς τὰς ὁδοὺς τῶν ἤδη τεθεμελιωμένων οἰκιῶν.... ὅθεν τούτους τοὺς ὄφεις σέβονται οἱ θυρωροὶ ὡς ἀγαθοὺς δαίμονας εἰσίοντας εἰς τὰς οἰκίας· οὐ γάρ εἰσιν ἰοβόλα ζῶα; A при-

бавляетъ: ἀλλὰ καὶ τὰ δοκοῦντα εἶναι ἰοβόλα ἀπελαύνουσι καὶ θυσία τελεῖται αὐτῷ τῷ ἥρωι. Мюллеръ предлагаетъ читать: αὐτοῖς ἐν τῷ ἡρῴῳ.

Соберемъ нѣкоторыя подробности разсказа: городская черта Александріи начинается отъ *малаго Гермополя*, то-есть, города Гермія (и Гора), къ сторонѣ Египта; при началѣ постройки показывается *драконъ;* мѣсто, гдѣ его убили и похоронили, считается священнымъ (τέμενος) и послѣ называлось Стоа: когда сооружаютъ храмъ *герою* (ἡρῷον), являются *змѣи*, расползаясь по домамъ: жители чествуютъ ихъ, какъ безвредныхъ, онѣ прогоняютъ *ядовитыхъ;* а *герою* (въ храмѣ) *приносятъ жертвы.*

Передъ нами основныя черты легенды Епифанія: объ *Іереміи* и *змѣяхъ-арголахъ*, которыя переводятся словомъ ὀφιομάχοι; вѣроятно, и арголы ничего иного не означаютъ, какъ именно: отгоняющіе (ἐλαύνω) змѣй (ἀργῆς Hippocr.: родъ змѣй), какъ Et. Magn. толкуетъ ἀργειφόντης при Аполлонѣ въ значеніи убійцы змѣй: ἀργειφόντης и διάκτορος (прогоняющій, преслѣдующій) — извѣстные эпитеты *Гермія.* Гробницѣ Іереміи отвѣчаетъ у Псевдокаллисѳена ἡρῷον, имя *Іереміи* связано съ городомъ *Гермія*, то-есть, Гермія-Тота староегипетскихъ заклинаній, отгоняющаго ядовитыхъ гадовъ, помогающаго Гору въ борьбѣ съ ними, тогда какъ богини сѣвера и юга, въ образѣ двухъ змѣй (арголовъ Іереміиной легенды) палятъ ихъ огнемъ. Съ гробницей Іереміи я не прочь сблизить позднѣйшія арабскія свидѣтельства о гробницѣ Гермія въ одной изъ пирамидъ Гизэ, либо въ зданіи Каира, носившемъ названіе Abu-Hermes[1]). Если авторъ Климентиновскихъ Гомилій (Hom. V, c. 23), доказывая, что языческіе боги были простые смертные, тираны, ссылается на существованіе ихъ гробницъ: Сатурна, на Кавказѣ и т. д., Ἑρμοῦ δὲ ἐν Ἑρμουπόλει, то онъ,

---

[1]) Hermes Trismegistos nach ägyptischen, griechischen und orientalischen Ueberlieferungen dargestellt von D-r. R. Pietschmann (Leipz. 1875). p. 49, 54. Cl. Fabricii, Codex Pseudepigraphus II, p. 1111, прим.: Sepultum Ieremia in Aegypto tradi non procul Cairo magna urbe refert Paulus Lucas t. I. itinerarii sui, p. 37.

очевидно, имѣлъ ввиду то особое синкретическое представленіе Гермеса-Тота, сплоченное изъ египетскихъ и греческихъ элементовъ, отвлеченное и вмѣстѣ человѣческое, которое, сложившись въ александрійской средѣ, становится обычнымъ у классиковъ и получаетъ своеобразный колоритъ въ образѣ Гермеса Трисмегиста христіанской патристики. Одинъ изъ пяти Гермесовъ, принимаемыхъ Цицерономъ (De Natura Deorum III, 22, 56), — чествуемый Фенеатами, былъ убійцей Аргуса, вслѣдствіе чего бѣжалъ въ Египетъ, гдѣ преподалъ законы и науки Египтянамъ, назвавшимъ его Тотомъ. Лактанцій (ed. Fritsche I, p. 13) присоединяетъ къ этому, что онъ былъ основателемъ Гермополя. Въ такъ называемыхъ герметическихъ трактатахъ онъ характеризуется, какъ «βουλῆς ὁ πατὴρ παντων καὶ καθηγήτης», «πάντων ἔργων ὑπομνηματογράφος», а св. Кириллъ Іерусалимскій цитуетъ отрывокъ герметическаго-же діалога Асклипій въ доказательство, что Гермесъ вѣрилъ въ Троицу: толкованіе, перешедшее къ Свидѣ (εἰπὼν ἐν Τριάδι μίαν εἶναι θεότητα) и въ Пасхальную хронику, къ Іоанну Малалѣ и Антіохійскому и Кедрину. Нашъ Еллинскій Лѣтописецъ называетъ «Ермія тревеликаго» сыномъ Дія, бѣжавшимъ отъ преслѣдованія братьевъ изъ Италіи въ Египетъ, гдѣ его приняли съ великою честью; онъ былъ «мужъ хитръ и оумоуоученъ, иже изъобрѣте роудоу златоую, первѣе и ковати злато»; за его дивную мудрость Египтяне прозвали его Тревеликимъ; не вѣдая будущаго, онъ «Троицю единосущну исповѣда» [1].

Въ этой стадіи развитія Гермеса-Тота могло совершиться то сближеніе Гермія съ Іереміей, которое встрѣчалось намъ неразъ, бросая свѣтъ на сложеніе нашей Александріи. Но намъ предстоитъ остановиться еще на одномъ чередованіи этихъ именъ, хотя на первыхъ порахъ оно отвлечетъ насъ къ нѣкоторымъ общимъ вопросамъ [2].

---

[1]) Pietschmann l. c. p. 39, 36—7; сл. А. Поповъ, Обзоръ хронографовъ русской редакціи, вып. I, стр. 16 (сл. Malala ed. Bonn., p. 26—7; Ioann. Antioch., Fragmenta, въ Fragmenta Historic. graecor. ed. Müller, v. IV, p. 542).

[2]) Для слѣдующаго далѣе см. Weingarten, Der Ursprung des Mönchtums im

Извѣстно, что особый характеръ христіанскаго монашества въ Египтѣ стоитъ въ связи съ мѣстнымъ развитіемъ болѣе древняго созерцательнаго аскетизма, выработавшаго въ культѣ Сераписа и формы иноческаго житія. Серапей, стоявшій на возвышеніи у Мемфиса въ сосѣдствѣ съ храмомъ Эскулапа и бывшій главнымъ святилищемъ Сераписа въ періодъ Птолемеевъ и императоровъ, сталъ обителью отшельниковъ (*κάτοχοι, ἐγκάτοχοι*), удалившихся отъ свѣта и семьи, чтобы жить исключительно идеей Бога, стремленіемъ къ внутренней чистотѣ и *ἀπάθεια*, среди грезъ и видѣній и борьбы съ демонической силой. Они обитали въ кельяхъ (*καταλύματα, παστοφόριον*), общаясь съ мірянами лишь черезъ окно (*διὰ τοῦ θυριδίου*), называя другъ друга «братьями» или «отцами»; одѣвались въ черное (*μελανηφόροι*), но не брегли ни одеждой, ни чистотой, отпуская длинные волосы; соблюдали целибатъ и жили бѣдно, питаясь преимущественно, подаяніемъ. — Это, совершенно, образъ позднѣйшаго христіанскаго отшельничества; тѣмъ незамѣтнѣе совершился къ нему переходъ. Когда въ пору горячей религіозной борьбы, наполнившей IV—VI вѣка, поклонники древней религіи принуждены были покинуть свои храмы и обители, на ихъ мѣсто явились христіане: древнихъ языческихъ отшельниковъ замѣнили Сарабайты (Remuoth?) и Макарійцы, послѣдователи двухъ свѣточей египетскаго монашества, Макарія Египетскаго и Макарія Александрійскаго: Θивскія Мемноніи быстро преобразились въ христіанскіе монастыри;

---

nachconstantinischen Zeitalter, въ Zeitschrift für Kirchengeschichte hrsg. von Theod. Brieger, I B. (1877), стр. 1—35, 545—574. — Указаніемъ на слѣдующія сочиненія я обязанъ обычной любезности О. Э. Лемма: Silvestre de Sacy, Mémoire sur quelques Papyrus écrits en arabe et récemment découverts en Égypte, въ Journal des Savans 1825 г., стр. 462 слѣд.; E. Révillout, Huit papyrus Coptes du musée Égyptien du Louvre, provenant du monastère de St. Jérémie de Memphis, въ Congrès international des Orientalistes. Compte-rendu de la première session. Paris 1873, tome 2-e (Paris, 1876), p. 471 sqq. — Надгробную надпись изъ монастыря св. Іеремія см. у Stern'a, Sahidische Inschriften, въ Zs. f. ägyptische Sprache u. Alterthumskunde, hrgs. v. Lepsius. XVI Jhrg., (1878), стр. 26—7, прим. 1. Въ нѣкоторыхъ коптскихъ папирусахъ упоминаются: «Игуменъ монастыря св. Іериміи на Мемфійской горѣ»; «Святой монастырь Отца Іериміи горы Мемфійской».

св. Пахомій жилъ въ Серапеѣ Хиновоскія (Χηνοβόσκιον), прежде чѣмъ организовалъ иноческое житіе въ верхней Ѳиваидѣ, въ сосѣдствѣ съ Филами и храмомъ Изиды, гдѣ культъ Озириса и Сераписа держится до временъ Юстиньяна; въ Александріи кварталъ Серапея сталъ τόπος св. Іоанна Крестителя; мѣсто рожденія св. Антонія лежитъ у Гераклеополя, по близости Мемфисскаго Серапея, и уже въ концѣ IV вѣка Руфинъ говоритъ о множествѣ монаховъ въ окрестностяхъ Мемфиса, гдѣ сосѣдній Серапей превратился — *въ монастырь св. Іереміи.* Монастырь этотъ, существованіе котораго можно прослѣдить до 133 года гиждры, развивался на счетъ Мемфиса, уже при Юстиніанѣ являющагося деревушкой; въ арабскую пору отъ нея остались однѣ развалины. Но и обитель св. Іереміи вскорѣ исчезаетъ изъ исторіи: ее занесло песками и Abou-Schal не упоминаетъ ее въ своемъ описаніи церквей и обителей Египта. Въ XV вѣкѣ Calcaschandi († 821 гиждры) говоритъ объ одномъ изъ древнихъ египетскихъ царей, Peiçar ben Ham ben Nûh, что онъ соорудилъ одну изъ пирамидъ у Daschûr и самъ, достигши глубокой старости, былъ похороненъ въ большой пирамидѣ на западъ отъ монастыря Abu-Hermes = св. Іереміи; что до другой, ступенчатой, стоящей у того-же монастыря, то это гробница Karjaŝ'a, египетскаго витязя, который одинъ равнялся тысячѣ другихъ и былъ оплаканъ своимъ царемъ, велѣвшемъ похоронить его въ памятникѣ, нарочно для того сооруженномъ [1]).

Названіе монастыря по имени пророка *Іереміи* я объясняю въ связи—съ храмомъ Тота-*Гермія*, находившемся въ Мемфисскомъ Серапеѣ, имѣвшемъ цѣлый штатъ жрецовъ, пастофоровъ и священныхъ ибисовъ [2]).

Обитель св. Іереміи имѣла, несомнѣнно, свои дни блеска и процвѣтанія, передъ которыми умилился-бы Руфинъ. Описывая

---

[1]) Calcaschandi's Geographie und Verwaltung von Aegypten. Aus dem Arabischen von F. Wüstenfeld (Abhandl. der Kön. Gesellsch. der Wiss. zu Göttingen, B. XXV, 1879, p. 3—225), стр. 47 и 118.

[2]) Revue Égyptologique, 2-e année (1881), №№ II et III: Révillout, La requête d'un taricheute d'ibis à l'administrateur du Sérapeum, p. 76.

райскую прелесть Ѳиваиды (Historia monachorum 17), онъ говоритъ: «intrinsecus putei plures, horti irrigui, omnium quoque pomorum arborumque paradisi»; тамъ живутъ иноки «animi virtutibus pollentes, ut omnes signa faciant: et quod vere omnium mirificum signum est, nullus eorum aegritudinem cujusquam infirmitatis incurrit, sed cum unicuique vitae finis affuerit, omnimodis praenoscens et indicans ceteris fratribus suis de suo exitu atque omnibus vale dicens, ad hoc ipsum recubans, spiritum laetus emittit». Это — общее мѣсто въ изображеніи блаженнаго скитскаго житія. Такъ живутъ въ цвѣтущей природѣ блаженные «*макарійцы*» нашей Александріи, къ которымъ *Іеремія* напутствуетъ Александра изъ Іерусалима: «не живоуть дебелостию плътьскою обрѣменкн҃ии, ıакоже мыи, нь мир҃но нѣкако живоуть, близь бо аггельскаго житіа соуть»; такъ и Іереміины Рехавиты Зосимова Хожденія провидятъ время своей смерти. Макарійцевъ Псевдокаллисѳенъ С помѣщаетъ гдѣ-то въ Африкѣ, и невольно подсказывается сближеніе съ другими дѣйствительными Макарійцами, многочисленными послѣдователями св. Макарія египетскаго въ обителяхъ Нитріи (Abu-Maḳâr) [1].

И Макарійцы и Іеремія въ постановкѣ нашей Александріи указываютъ, быть можетъ, на среду, въ которой сложилась канва нашего романа, на интересъ къ мѣстнымъ, христіанско-аскетическимъ преданіямъ, давшій ему его особую окраску. Этими преданіями анонимный авторъ воспользовался своеобразно. Взявъ въ основу тотъ пересказъ Псевдокаллисѳена, типа С, который выдвинулъ на первый планъ эпизодъ Іерусалима, онъ сдѣлалъ Іеремію современникомъ Александра, пророчащимъ *не о немъ*, а ему самому, при первой встрѣчѣ въ городѣ, гдѣ первосвященникъ Яддуа Іосифа Флавія сократился въ іерея Іоду, а на первое мѣсто выступилъ ветхозавѣтный пророкъ. Напутствуемый имъ Александръ отправляется на войну съ Даріемъ; во снѣ и на яву Іеремія продолжаетъ наставлять Александра, причемъ для одного

[1]) О нихъ см. Butler, Ancient Coptic churches of Egipt (1884), I, p. 286 слѣд.

эпизода редакторъ пользуется созвучіемъ именъ Гермія = Іеремія, чтобы ввести въ разсказъ любимое имя. Іеремія умираетъ въ Іерусалимѣ, и Александръ велитъ перенести его прахъ въ Александрію, чтобы быть ей защитникомъ отъ змѣй и крокодиловъ.

Тѣсное сплоченіе Александровой и Іереміиной легендъ въ сербскомъ романѣ дѣлаетъ затруднительнымъ рѣшеніе вопроса объ источникахъ, знакомыхъ редактору ея оригинала. Смерть Іереміи въ Іерусалимѣ принадлежитъ-ли такому источнику, въ родѣ, напримѣръ, нашего апокрифа, или же явилась самостоятельно, какъ результатъ новаго внутренняго плана, по которому расположилось содержаніе Александріи? Обращу вниманіе лишь на одну черту: Александру приносятъ изъ Іерусалима «шаторъ великъ зѣло». Это не шатеръ-ли библейскаго пророчества: «и раскинетъ онъ (Навуходоносоръ) надъ нимъ (надъ престоломъ, поставленнымъ на камняхъ Іереміи) великолѣпный шатеръ свой?»

VIII.

ІЕРЕМІЯ АЛЕКСАНДРІИ И НАРОДНЫЯ ПРЕДАНІЯ ОБЪ АЛЕКСАНДРѢ.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о судьбахъ александрійской легенды объ Іереміи на почвѣ народнаго, спеціально восточно-европейскаго повѣрья. Въ этой легендѣ слѣдуетъ, по моему мнѣнію, искать источника южно-славянскихъ вѣрованій на 1-е Мая: о Іереміи, какъ гонителѣ змѣй. На тожество относящихся сюда пѣсенъ и обрядовъ съ соотвѣтствующимъ эпизодомъ Александріи указалъ уже Новаковичъ (l. c., стр. XXXI—II); я расхожусь съ нимъ лишь въ ихъ объясненіи.

«У Грбљу онај који је рад да му онога љета змије не досађују, на Јеремијев дан (1-го Мая) у јутру лупајући око куће у просуљу говори:

> Јеремије у поље
> А све змије у море».

(Караџић, Рјечн. a-v. Јеремијев дан). Миличевичъ говоритъ о существованіи того-же обычая въ восточныхъ областяхъ: Сѣницѣ, Зайчарѣ, Подибрѣ, Копаоникѣ: сельская молодежь, собравшись около какого-нибудь дома въ срединѣ деревни, начинаетъ справа обходъ жилищъ и полей, при чемъ бьютъ въ тазы и котлы, звонятъ въ колокольчики и поютъ слѣдующую пѣсню:

> Јеремије из поље,
> Бежте змије у море!
> Коя змија остала,

Очи своје избола
На два трна глогова,
На четири шипова.

(Гласник, XXII, 96; XXVII, 117—118).

Въ западной Болгаріи кладутъ огонь на ръжено-тъ (родъ кочерги съ круглой лопаткой на концѣ), а въ огонь подсыпаютъ сѣру, ударяютъ щипцами по ръжено-тъ и приговариваютъ:

Бѣ̂гай, бѣ̂гай, Еремия,
И то ти ќ гандурия,
Ќе ти мотатъ черева-та
Сосъ желѣзна мотовила.

Дѣлается-же это для того, чтобы въ домѣ не было змѣй. Въ другихъ мѣстахъ приговариваютъ иначе:

Бѣ̂гай, бѣ̂гай, погания
Ето ти го Еремия
Съ свѣтаго Николая....

(Каравеловъ, Памятники, стр. 221; то-же у Качановскаго, Сборникъ западно-болгарскихъ пѣсенъ, стр. 11; описаніе обряда изъ двухъ мѣстностей у Миладиновыхъ, Бѫлг. нар. пѣсни, стр. 522 и 524). Такъ и въ рукописномъ сборникѣ Пульевскаго: «сproти Еремия деца свекое во льева рока кья земетъ саанче, а въ десна кльучъ жельезенъ, та кья метаетъ возъ нивѣ, градинѣ и льивагьѣ, та на суштихъ саанчинья со кльучотъ, чукаешти емъ викаешти сльедуюштихъ зборови вельатъ говоратъ:

Бегай, бегай, поганиьо,
Ете ти го Еремия
Со святаго Танасия
Подъ потъ кърть,
Надъ потъ къртъ,
У горе къртъ,
У долу къртъ.

—

Бегай, бегай, гадориа,
Ете ти го Еремия,
Со копьиште краставо,

Со сабьиште исабено,
Кья те сачатъ, кья те кольатъ,
Да не ріешъ льиватьѣ, градинѣ и нивѣ,
Да не сушишъ тревѣ [1]).

Представленіе о Іереміи, отгоняющемъ змѣй и гадовъ, могло проникнуть въ южно-славянскую обрядность изъ проложнаго житія (Епифанія), но легко допустить и посредничество Александріи сербскаго типа. Ея популярность на славянскомъ югѣ была обширная: она сказалась въ легендахъ, мѣстныхъ преданіяхъ, пѣснѣ [2]); почему бы и не въ суевѣрной примѣтѣ? Хорошимъ доказательствомъ этой популярности можетъ служить слѣдующая проповѣдь на Іереміинъ день, являющаяся пересказомъ Александріи. Она произнесена была македонскимъ священникомъ и заимствована нами изъ рукописнаго сборника Пульевскаго:

«Братие миряни! Денешенъ денъ помянитъ е за това, оту уште отъ по потопотъ посльe као што сакалъ Господъ и Богъ нашъ. Мие каково сме се находилье отъ Ное та и отъ неговихъ синови, та черезъ греотъ нашъ Господъ по потопотъ посльe 700 години языците ни и раздѣльи на некольку строки како би еденъ со други да се не разбираме. Та као што не зборуваме еденъ ньозикахъ за да се разбираме мегьу себе. Таке наши дедовци и предедовци со друго язичници ни то еденъ Богъ не верувалье, току сѣкой язикъ за себе Богъ си ималъ и верувалъ.

«Мие овое найбльизу до наша Македония иноязичници смеималье Ельемени, та нашите верувалье Бога Амона, а Ельемените верувалье Бога Аполона; сироти реченихъ богови познаваме (се), оту со Ельемените несме еденъ народъ. Евреи и суштихъ се иноязичници, току Евреи уште отъ старо време тие верувалье Бога Израильева, Бога Аврамова, Бога Исакова. Току Евреи живувалье на юговосточнихъ страни въ Азия, дальеку отъ насъ.

---

[1]) Пѣсни на Іеремію сл. еще у Милоевича, Песне и обичаи укупног народа сербског (у Београду, 1869), стр. 171—173.

[2]) Сл. Новаковичъ, l. c.. стр. XXVII и слѣд.; Dozon, Rapports sur une mission littéraire en Macédoine (Paris, 1873), стр. 38, и въ концѣ настоящаго изслѣдованія экскурсъ: Болгарскія побывальщины объ Александрѣ Македонскомъ.

«Околу 348 льето предъ Христа, во время вельикаго царя нашего Альександра, спроти као што ни казуватъ сказания, по кралья Филипа и Демостена, као насльедникъ, заступи надъ Македония вельикій Альександеръ да повельатъ; та царъ Альександеръ нашъ со едно одельенпе войска го испрати Византа на Босфоръ, Буюгъ-дере, да чуватъ да не би напагьялье Персияни овамо. Византъ штомъ отиде со воӥската да чуватъ Босфоръ, тамо основа градъ Византия, денешенъ Константинополъ ильи Стамболъ. А самъ царъ Альександеръ со другихъ воӥводи и со войската науми да нападнетъ на Римъ за да го повладатъ. Штомъ Альександеръ приближи конъ Римъ, та Римяни въ место да му се противатъ суштихъ со найгольемъ честъ го пречекае и му се предадое подъ негови повельба. Вельикій Альександеръ штомъ повладалъ Римъ, го суредилъ, истокмилъ и наместилъ западенъ край Ильирски. Потомъ образува войска. Оту до Альександрово и во Альександрово врѣмя тольку имаше во Македония и въ полъостровъ Балкански само три разльични язици: перви язикъ горянски, втори язикъ готски, трети язикъ ельеменски, а комуни живувае Брашово, Буковинъ, Ердель.

«Альександеръ штомъ западни краӥ суредцемъ управи, потомъ се завръте та първинъ нападна на Ельемените, ги повлада емъ ги суреди, оту и тие се дельe на три дела: Шпарта, Атина и Кандия.

«Вельики Альександеръ штомъ ги повлада Ельемените, потомъ премина въ Египетъ. Току Египтяни отъ многу боеви со Персияни, оту бее отъ Персияните растроени, льесно ги повлада.

«Штомъ нашъ царъ Альександеръ Египтянихъ повладалъ та потомъ на вчасъ тргна со сета войска за Юдея въ престолни юдейски градъ Ерусальимъ. Во время оно бивши патриярхъ юдейски пророкъ Еремия безъ никакво противльение, уште не доиде къ вельики Альександеръ, му испратие апостольи, оту безъ никакво противсловие кья се поклонатъ и предадатъ.

«Штомъ вельикий Альександеръ со войската се приближи бльизу Ерусальимъ, а патриярхъ Еремия со све множество

свяштеническо ги ковчеже позлатено го изнесое та со свя свя-тость го пречекае и му се поклоние и предадое безъ никакво противльение.

«Штомъ вельики Альександеръ ступи въ Ерусальимъ, бивши патриярхъ Юдейски пророкъ Еремия Альександру изяви му за Бога Аврамова, Исакова емъ Израильева со свихъ чудотворении спроти стари завѣтъ, као што е писано. Та вельики Альександеръ и сета войска македонска, као што имъ исповѣда пророкъ Еремия, сви завѣрувае Бога Саваота.

«Та за това денешенъ денъ пророка Еремию празднуваме, оту сушти *пророкъ нашему царью* и нашимъ во врѣмя оношнихъ живущихъ дедовцамъ казалъ, та заверувалье Бога Творца неба и земли».

Вся Александрія прошла передъ нами въ этой странной проповѣди, въ широкихъ очеркахъ и въ освященіи македонско-болгарскаго патріотизма. Забытъ лишь послѣдній эпизодъ: о Іереміи и змѣяхъ; здѣсь на смѣну проповѣди явился знакомый намъ народный обрядъ, котораго я не нашелъ ни у Румынъ, ни у Грековъ [1]), между тѣмъ какъ его слѣды въ русскихъ повѣрьяхъ еще довольно ясны.

Обычно у насъ представленіе пророка «запрягальникомъ» или «запашникомъ», такъ какъ обыкновенно около дня его памяти начинается посѣвъ и пахота. Можетъ быть, побочнымъ поводомъ къ такому представленію послужило созвучіе имени *Іереміи* — съ *ярмомъ* и отчасти то обстоятельство, что онъ, по повелѣнію Божію, во дни своихъ пророчествъ носилъ на своей выѣ *узы древяны и клады* [2]). Важнѣе для насъ присловье, относящееся къ началу и концу посѣва: «Еремѣя подыми сѣтево» (1-го Мая) и «Еремѣя опусти сѣтево» (31-го Мая) [3]). Во второмъ случаѣ

[1]) На мои вопросы о существованіи Іереміина повѣрья въ новой Греціи отвѣтили отрицательно профессоръ Дестунисъ и Легранъ (послѣдній письмомъ отъ 8-го Марта н. ст., 1884 г.).

[2]) Калинскій, Церковно-народный мѣсяцесловъ, подъ 1-мъ Мая, стр. 399.

[3]) Петрушевичъ, Обще-русскій дневникъ, подъ 1-мъ Мая, стр. 45.

разумѣется Еремѣй «распрягальникъ», т. е. мученикъ *Ермій* или апостолъ (изъ числа 70-ти) *Ерма*, памятуемые 31-го Мая, вмѣсто которыхъ древніе синаксари помѣщаютъ пророка *Іеремію*, тогда какъ, наоборотъ, другіе упоминаютъ мученика Ермія 29-го Апрѣля, можетъ быть, также по смѣшенію съ Іереміей весеннимъ, 1-го Мая. Интересно при этомъ другое смѣшеніе, встрѣчающееся въ синаксарахъ подъ 31-мъ Мая: Ермія съ Исаакіемъ (30-го Мая) [1] — въ связи съ русскимъ повѣрьемъ, что на память св. Исаакія бываетъ *змѣиный праздникъ*: змѣи скопляются, идутъ поѣздомъ на змѣиную свадьбу, ходятъ по лѣсамъ станицею [2]). Я склоненъ отнести это повѣрье на счетъ отождествленія Ермія съ Іереміей, отразившемся, быть можетъ, въ *Ерусланѣ* Лазаревичѣ малорусскаго заговора [3]): ему подвластны всѣ ядовитыя змѣи; отъ него ожидаютъ, что онъ будетъ «из жовтої кости зуба винімати», какъ въ другихъ заклинаніяхъ отъ «змѣи-скорпѣи» требуютъ, чтобъ она нашла ту змѣю, что укусила раба Божьяго [4]), а по малорусскому повѣрью въ вирей принимаютъ лишь змѣй, никого не укусившихъ за лѣто. Это напоминаетъ арголовъ Іереміиной легенды. Изъ вирья вся тварь, а съ ними и гадюки, выходятъ весною, «на Варуха, якъ земля руха», и исчезаютъ на «Хреста», т. е. 14-го Сентября [5]). Варухъ извѣстенъ намъ въ сопоставленіи съ Іереміей; была-ли ему народная память весною? Церковь поминаетъ его 28-го Сентября и 15-го Ноября [6]); 4-го и 5-го Ноября греческая церковь памятуетъ апостола *Ермія;* не потому-ли въ старыхъ греческихъ

---

[1]) Сл. Martinov, Annus Ecclesiasticus Graecorum, подъ 29-го Апрѣля, 1-го и 31-го Мая. Сл. тамъ-же подъ 8-го Марта (Hermas), Acta Sanctorum подъ 8-го Апрѣля (Hermas) и 31-го Марта (Ἑρμείας) и Nilles, Kalendarium Manuale (Oeniponti, 1879) подъ 31 Мая, 8 Апрѣля и 4 Ноября.

[2]) Петрушевичъ, l. c., стр. 49.

[3]) Драгомановъ, Малорусскія народныя преданія и повѣрья, l. c., стр. 30; сл. Ягичъ, Archiv, VII, стр. 512.

[4]) Майковъ, Великорусскія заклинанія, №№ 178, 182, 186.

[5]) Драгомановъ, l. c., стр. 11; Петрушевичъ, l. c., стр. 70, подъ 12 и 14 Сентября (на Артамона змѣи уходятъ въ лѣса и вертепы).

[6]) Martinov, l. c., a. d.

сборникахъ житій святыхъ статья объ *Іереміи* помѣщается по сосѣдству, т. е. 4-го Ноября [1])?

Я полагаю, что рядъ приведенныхъ мною календарныхъ совпаденій достаточно указываетъ на существованіе и въ русскихъ повѣрьяхъ представленія о Іереміи, гонителѣ змѣй. Воспоминаніе-ли это христіанизованной Александріи, вліяніе проложнаго житія, или отраженіе южно-славянскаго повѣрья — я не знаю.

Къ сходнымъ источникамъ восходятъ, во всякомъ случаѣ, южно-русскіе разсказы о «рахманахъ».

Рахманы — христіане, живутъ гдѣ-то далеко, за далекими морями, подъ землею; *они не имѣютъ собственнаго счисленія времени, а потому празднуютъ пасху тогда, когда доплыветъ къ нимъ отъ насъ скорлупа пасхальнаго яйца.* Вслѣдствіе того существуетъ въ народѣ обыкновеніе выбрасывать въ великую субботу въ рѣку скорлупы яицъ, «крашанокъ», которыя доплываютъ къ Рахманамъ на Преполовеніе, и Рахманы тогда только празднуютъ пасху, «рахманьскый великдень» [2]). Въ этотъ день церковь соединяетъ воспоминаніе объ освященіи ангеломъ купели Силоамской съ воспоминаніемъ ученія Іисуса Христа о водѣ живой (Іоанн. 7, 38), при чемъ молится Господу о напоеніи всѣхъ жаждущихъ спасенія водами благочестія. На Руси освящаютъ воду на рѣкахъ и колодцахъ и существуетъ присловье: «въ Преполовеніе Богородица Волгу переплыла» [3]).

---

[1]) У Коптовъ память Іереміи совершается 30-го Апрѣля и 5-го Сентября; въ эѳіопскомъ календарѣ 21-го Генваря. Сл. Ludolphus, Commentarius ad historiam Aethiopicam. Francofurti a/M, 1681, стр. 415, 432 (Annotatio XXII).

[2]) Малороссы разсказываютъ, что гдѣ-то за-моремъ живетъ блаженный народъ *навы;* чтобы сообщить имъ радостную вѣсть о праздникѣ Воскресенія Христова, они бросаютъ въ рѣку скорлупы крашеныхъ яицъ, которыя приплываютъ къ навамъ въ зеленый четвергъ = Навскій великъ день (Аѳанасьевъ, Поэт. воззрѣнія I, 578).

[3]) Чубинскій, Труды этнограф.-стат. экспед. въ западн. Русскій край. Юго-западный отдѣлъ, Матеріалы и изслѣдованія, т. I, стр. 220; III, стр. 24 и 29; Купчанко, Пѣсни Буковинскаго народа, стр. 356; Аѳанасьевъ, Поэтическія воззрѣнія II, 141; III, 278; Калинскій, l. c., стр. 467—468; Петрушевичъ, l. c., стр. 48.

Въ Хожденіи трехъ иноковъ къ Макарію (сл. выше стр. 308) надпись Александра гласитъ: *всѣ воды міра приходятъ съ лѣвой стороны;* кто хочетъ выйти на свѣтъ, пусть пойдетъ на лѣво, т. е. вверхъ по теченію; *на право*, стало быть, *идя внизъ по теченію, доберешься до страны блаженныхъ*, къ пещерѣ Макарія. Крашанки, пущенныя въ воду, приплывутъ необходимо къ Рахманамъ. Замѣтимъ, что Рахманы Зосимы идутъ, слѣдуя указанію ангела, къ странѣ, гдѣ они и селятся; *идутъ по теченію рѣки:* «аможе идеть вода, идѣте и вы». Это—тотъ-же образъ; Рахманы Зосимы не «*знаютъ числа лѣтамъ*, ни годамъ, ни мѣсяцамъ, ни днямъ, но якоже единъ день, тако вси суть»; о наступленіи поста они узнаютъ потому, что деревья перестаютъ давать плодъ и съ неба падаетъ манна на пищу блаженнымъ; *когда же деревья снова принесутъ добровонный плодъ, они разумѣютъ, что наступило «новое лѣто» и приблизился день Воскресенія Господня* (сл. выше стр. 296—299).

Въ современномъ южно-русскомъ вѣрованіи и обрядѣ легко выдѣлить образы, навѣянные не народнымъ, а древнимъ литературнымъ преданіемъ.

У Молдованъ въ Бессарабіи 1-ое Мая посвящено памяти пророка Іереміи: Arminđinu или Арминдянъ, собственно, Ирминъ день (южноболгарск.), т. е. день Іереміи; въ этотъ день не работаютъ, и ласточки не вьютъ гнѣздъ[1]). Иначе: Armindenŭ — названіе не только 1-го (Іереміи), но и 31-го Мая: дня св. Гермія, котораго Tocilescu приравниваетъ къ *Меркурію-Гермію;* именно Меркурію Римляне посвятили мѣсяцъ Май[2]). Сближеніе можетъ быть удержано, но на почвѣ другого: Гермія = Іереміи, имя котораго могло вторгнуться въ готовый народный обрядъ безо всякаго отношенія къ легендѣ, отдавшей ему одно лишь имя. Перваго Мая румыны празднуютъ въ честь родимой звѣзды, вѣ-

---

[1]) Кишиневскія Епархіальныя Вѣдомости 1881 г., Отд. неоффиціальный, стр. 23; Сырку въ Извѣстіяхъ С.-Петербургскаго славянскаго благотворительнаго общества, 1884, № 10, стр. 36.

[2]) Сл. Foia societatii Romani-mulu, An. I (1870), Sept., № 6: Tocilescu, Poesia popularǎ a românilorŭ, p. 258.

шаютъ на окнахъ и дверяхъ дома вѣнки изъ дубовыхъ листьевъ и полевыхъ цвѣтовъ. Подъ вечеръ, когда начинаютъ показываться звѣзды, накрываютъ въ саду или рощѣ столъ бѣлымъ убрусомъ, ставятъ на немъ хлѣбъ, медъ и вино и призываютъ одного нищаго для угощенія. На столѣ противъ прибора, между двумя восковыми свѣчами, полагаютъ икону Патрона. Слѣдующая румынская пѣсня, упоминающая Арминдяна въ связи съ звѣздами, едва-ли не одолжена своимъ происхожденіемъ внѣшнему сочетанію обряда и имени:

Armindénu, Armindénu,
S'au suitu pe carucénu,
Pe carucénu de sórele,
Drept se duce la zodiile.
Hai! hai! Armindénu,
Nu me fa sirimanu,
Vaileu stéoa nascerei
Fara ochiul Armindénului! [1]).

(«Арминдянъ, Арминдянъ! сѣлъ на колесницу, на солнечную колесницу, и отправился прямо къ звѣздамъ. Ахъ! ахъ! Арминдянъ, не оставляй меня сиротою! Что мнѣ по родимой звѣздѣ безъ глаза Арминдянова!»).

Рядомъ съ этимъ образнымъ, почти миѳическимъ пониманіемъ Арминдяна отмѣтимъ другое его значеніе: зеленой вѣтки, которую въ день 1-го Мая втыкаютъ передъ домами, итальянскаго maggio. Происхожденіе этого обычая румынская легенда объясняетъ такимъ образомъ: когда Евреи усѣкли ап. Іакова, замыслили такъ поступить и съ ап. Филиппомъ и съ этой цѣлью отмѣтили его домъ, посадивъ передъ нимъ деревце; на другой день такія-же деревца очутились передъ всѣми домами Іерусалима [2]). Свв. апостолы Іаковъ и Филиппъ памятуются западною церковью

[1]) Александръ де Хиждеу, Румынскія народныя пѣсни, Телескопъ, кн. XIV (1833 г.), стр. 503—4. Указаніе П. А. Сырку.

[2]) Mannhardt, Wald- und Feldkulte, II, p. 216 прим. на стр. 215—216. Сл. такую-же нѣмецкую легенду у него-же, Mythologische Forschungen, стр. 13, прим. 1.

1-го и 2-го Мая; не лишне будетъ замѣтить, въ связи съ майскими повѣрьями о Іереміи, что отреченныя дѣянія ап. Филиппа въ Гіерополѣ наполнены его чудесами надъ змѣями и особливо надъ ехидною, которой поклонялись жители Офіоримы. Совпаденіе этой легендарной подробности и времени чествованія Іереміи и — ап. Іакова и Филиппа [1]) давало нѣкоторое право ожидать, что въ обрядности, пріуроченной съ календарному празднованію апостоловъ, мы встрѣтимъ параллели къ знакомой намъ южнославянской, Іереміевской. Ожиданія эти не оправдались. Въ Сициліи, въ день перваго Мая, когда по повѣрью черти выходятъ изъ своихъ логовищъ, возбуждая бурю и непогоду, противъ нихъ обращаются къ помощи ап. Якова и Филиппа:

Santu Fulippu e Japicu biati,
Apostoli putenti e putintati
Agnisdei, Agnisdei, Agnisdei,
L'ariu binidiciti ed annittati.

Сл. еще сициліанскую пѣсенку, которую поютъ въ день 1-го Мая при собираніи златоцвѣта (chrysanthemum), отгоняющаго отъ жилья дьяволовъ, но полезнаго и противъ клоповъ:

Ciuri di maju cògghiu
Cimici a la me'casa nu'nni vògghiu;
Ciuri di maju cògghiu a la campia,
Fora li cimici di la casa mia [2]).

На западѣ повѣрій и заклинаній, сходныхъ съ южно-славянскими майскими, и притомъ съ именемъ *Іереміи*, я не встрѣчалъ [3]),

---

[1]) Съ чередованіемъ Іереміи и ап. Филиппа и Іакова въ памятяхъ 1—2 Мая слѣдуетъ сравнить подобное-же чередованіе въ мѣстной Александрійской легендѣ: рядомъ съ Іереміей является другой палладіумъ города, гробница св. Марка, охраняющая его, по словамъ Прокопія Хартофилакса, отъ всякихъ бѣдъ, эпидемій и варварскаго разгрома.

[2]) Pitrè, Archivio, II, 3, стр. 422—4; IV, стр. 100—1.

[3]) Сходная обрядность встрѣчается въ Германіи и Франціи, но съ другимъ календарнымъ пріуроченіемъ. «In der untern Ortenau (Grossherz. Baden) besteht noch folgender.... Brauch: Am Vorabend von Petri Stuhlfeier (22 Febr.),... gehen die Knaben mit einer Schelle oder.... mit einem andern klingenden Gegenstande versehen von Haus zu Haus mit dem Gesuche, die *Schlangen und*

но сохранился слѣдующій суевѣрный рецептъ, восходящій къ XII вѣку, съ вменемъ Александра и водными змѣями, что невольно относитъ насъ къ воспоминаніямъ Іереміиной легенды. Вотъ текстъ заговора [1]):

«*Probatio Alexandri Magni ad matrem suam Olimpiam.* Appehende serpentem pluvialem sive aquaticum et vivum, suspende in tecto ligneo in tuto loco per caudam cum fune longo, capite insuper habenti, per dies VII, et ingredieris ad eum hora V noctis cum lucerna et stans a longe dic: Ego sum pro[to]plastus Adam in paradyso, da mihi lapidem, quem habes in ventre tuo». Змѣя извергнетъ камень, который окажется цѣлительнымъ — отъ водяной. Это указаніе заключается слѣдующими словами: «In multis enim medicinalibus libris alia et alia inveniuntur, nihil tamen mirabile probavi, nec tam cnatum, quam istud. Aliq. multi (sic) scripta legunt incredentes, sed nihil certius credas, quam quod Alexander rex manu sua scripsit».

Слѣдуетъ пожалѣть, что не записаны (или не сохранились?) греческія повѣрья объ Іереміи и вообще не собраны свѣдѣнія о жизни Александровой легенды на почвѣ греко-византійскаго вѣрованія. Они пролили-бы много свѣта какъ на исторію этой легенды вообще, такъ и на вопросы ея международнаго обращенія

Kröten jagen zu dürfen. Nach gegebener Erlaubniss.... springen dieselben dreimal um das bezügliche Haus herum unter stetem Rufen: «*Schlangen und Kröten zum Tor hinaus!*»... Für diese Mühewaltung erhalten die Knaben vom Eigenthümer ein kleines Stück Geld oder auch eine Gabe Brod (Bauer, Schlangen- und Krötenjagen, въ Zs. f. deutsche Philol. IV, стр. 70—1). Сл. Wuttke, Der deutsche Volksaberglaube, стр. 22, 79; сл. еще 118 и Scheffler, Die franz. Volksdichtung u. Sage, I, стр. 284 слѣд.: о святкахъ дѣти ходятъ съ зажжеными пучками соломы или хвороста, при чемъ поютъ слѣдующія пѣсенки:

Taupes et mulots,
Sors de mon clos,
Ou je te mets le feu sur le dos.

—

Barbassionne,
Si tu viens dans mon clos,
Je te brûle la barbe et les os.

[1]) Zingerle, Recepte aus dem XII Jahrhundert, въ Germania XII, стр. 468.

и локализаціи. Иные изъ относящихся сюда разсказовъ и суевѣрій могутъ восходить къ древнему времени, до воздѣйствія на народную фантазію Александрова романа, въ той либо другой его формѣ; другіе несомнѣнно стоятъ въ чертѣ или на границѣ его вліянія. Къ первымъ относится, вѣроятно, загадочный для насъ намекъ Климентинъ (Hom. VI, 22), что жители Родоса покланялись Александру (τὸν Μακεδόνα Ἀλέξανδρον Ῥόδιοι, т. е. προσκυνοῦσιν), и сообщеніе Златоуста, что въ его время суевѣрные люди привязывали къ головѣ и ногамъ мѣдныя монеты съ изображеніемъ Александра Македонскаго, приписывая имъ, очевидно, какую-то цѣлебную силу: «Τί ἄν τις εἴποι περὶ τῶν ἐπῳδαῖς καὶ περιάπτοις κεχρημένων, καὶ νομίσματα χαλκᾶ Ἀλεξάνδρου τοῦ Μακεδόνος ταῖς κεφαλαῖς καὶ τοῖς ποσὶ περιδεσμούντων; Αὗται αἱ ἐλπίδες ἡμῶν, εἰπέ μοι, ἵνα μετὰ σταυρὸν καὶ θάνατον Δεσποτικὸν εἰς Ἕλληνος βασιλέως εἰκόνα τὰς ἐλπίδας τῆς σωτηρίας ἔχωμεν;... Οὐ περίαπτα δὲ μόνον, ἀλλὰ καὶ ἐπῳδὰς σαυτῷ περιάγεις, γραΐδια μεθύοντα καὶ παραπαίοντα εἰς τὴν οἰκίαν σου εἰσάγων; καὶ οὐκ αἰσχύνῃ οὐδὲ ἐρυθριᾷς μετὰ τοσαύτην φιλοσοφίαν πρὸς ταῦτα ἐπτοημένος; Καὶ τὸ χαλεπώτερον τῆς ἀπάτης· ὅταν γὰρ παραινῶμεν ταῦτα καὶ ἀπάγωμεν, δοκοῦντες ἀπολογεῖσθαί φασιν, ὅτι Χριστιανή ἐστιν ἡ γυνὴ ἡ ταῦτα ἐπᾴδουσα, καὶ οὐδὲν ἕτερον φθέγγεται, ἢ τὸ τοῦ Θεοῦ ὄνομα. Διὰ τοῦτο μὲν οὖν αὐτὴν μάλιστα μισῶ καὶ ἀποστρέφομαι, ὅτι τῷ ὀνόματι τοῦ Θεοῦ πρὸς ὕβριν κατακέχρηται, ὅτι λέγουσα χριστιανὴ εἶναι, τὰ τῶν Ἑλλήνων ἐπιδείκνυται» [1]).

---

[1]) Сл. Migne, Patrol. gr. t. XLIX, стр. 240. Такимъ-же суевѣрнымъ почетомъ, какъ встарь монеты Александра, пользуются нынѣ въ греческомъ простонародьи золотые Константина Великаго (Κωνσταντινάτο): οἱ ἁπλοῖ τὰ σέβονται ὡς θαυματουργὰ, καὶ ἀγοράζουν ὡς τοιαῦτα ὄχι μόνον τὰ τοῦ Κωνσταντίνου, ἀλλ' ὅλων τῶν ὁμωνύμων του αὐτοκρατόρων τῆς Κωνσταντινουπόλεως. Ὁ Πτωχοπρόδρομος ἀναφέρει καὶ Μανουηλάτον τὸ ἐπὶ τῆς βασιλείας Μανουὴλ τοῦ Κομνηνοῦ νομιζόμενον. Сл. Βυζαντίου, Λέξικον τῆς καθ' ἡμᾶς Ἑλληνικῆς διαλέκτου, ed. 3, a. v. Κωνσταντινάτο. Про казну царя Константина, мѣсто нахожденія которой знаетъ лишь самый старый въ свѣтѣ орелъ, разсказываетъ болгарская сказка у Шапкарева, Български народни приказки и вѣрования, № 21; въ Сербіи его день чествуется цехомъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ (Караџиħ, Живот, стр. 85).

Относительно другихъ Александровскихъ преданій трудно рѣшить, какимъ теченіемъ они опредѣлилились: литературнымъ, или народнымъ, безсознательно переносившемъ на Александра все чудесное, грандіозныя постройки и замыслы, въ родѣ волшебнаго зеркала на александрійскомъ маякѣ (Масуди), или подземнаго прокопа между Чермнымъ и Сѣвернымъ морями (Даніилъ) [1]. Литературнымъ источникомъ, т. е. знакомствомъ къ какой нибудь версіей Александрова романа, объясняются, наоборотъ, такъ называемыя сказки объ Александрѣ, въ родѣ греческой, записанной у пастуховъ на Парнассѣ [2]), либо русской: о нечистыхъ народахъ [3]), или болгарской: о сестрѣ Александра. На отношеніе послѣдней и соотвѣтствующаго румынскаго преданія къ одному эпизоду Псевдокаллисѳена я указывалъ неразъ [4]); къ этимъ параллелямъ я присоединю теперь и новогреческія. На Закинѳѣ разсказываютъ, что властительница нереидъ была сестрою Александра Македонскаго [5]), и обращаются къ нимъ съ такимъ заклинаніемъ: «Χαιράμεναις, καλόκαρδαις! Μέλι καὶ γάλα 'ς τοῦ βασιλέα τὴν τάβλα! 'Σ τῇ ψυχὴ τοῦ βασιλέως τοῦ Ἀλεξάνδρου, κακὸ μὴ μοῦ κάμετε». Въ Македоніи, когда поднимается сильная буря, причиняемая, по повѣрью, нереидами, причитаютъ: «Μέλι καὶ γάλα (трижды) κἄπ 'απ' ἐδῶ πέρασεν ὁ βασιλεὺς Ἀλέξανδρος· ζῇ καὶ βασιλεύει (трижды)» [6]). Въ Черномъ морѣ въ той-же роли являются горгоны или и одна Горгона: чудовищная полуженщина, полурыба, останавливающая корабль, вопрошая пловцовъ: Живъ-ли царь Александръ? (Ζῇ ὁ βασιλιᾶς Ἀλέξανδρος?) Если тѣ отвѣтятъ, что да (Ζῇ καὶ βασιλεύει, либо: Ζῇ καὶ βασι-

---

[1]) Сл. мои Мелкія замѣтки къ былинамъ въ Ж. М. Нар. Просв. 1885, Дек., стр. 188—9; и тамъ-же, Май. Къ вопросу объ образованіи мѣстныхъ легендъ въ Палестинѣ, стр. 171—2.

[2]) Bernhard Schmidt, Griechische Märchen, Sagen etc.: Sagen, № 14.

[3]) Аѳанасьевъ, Нар. русскія сказки, № 183.

[4]) Сл. выше, стр. 221—222, 228—231, 271 и прим. 1; прим. 2 на стр. 289—290.

[5]) Bernhard Schmidt, Das Volksleben der Neugriechen I, p. 107; сл. p. 125.

[6]) Πολίτης, Δημώδεις μετεωρολογικοὶ μῦθοι, p. 42.

λεύει καὶ τὸν κόσμον εἰρηνεύει, или: *Ζῇ καὶ βασιλεύει καὶ ζωὴ νἄχετε καὶ σεῖς*), она исполняется радости, оборачивается красавицей, затягиваетъ подъ звуки лиры сладкозвучную пѣсню и утишаетъ море; если отвѣтятъ, что умеръ, приходитъ въ страшный гнѣвъ и высоко швыряетъ корабль, такъ что всѣ погибаютъ. Иначе говорятъ, что услышавъ печальный отвѣтъ, горгоны удаляются съ плачемъ, а ихъ слезы производятъ бурю, отъ которой кораблю нѣтъ спасенія.—Въ одной сказкѣ изъ Пароса Горгона—красавица съ бѣлокурыми волосами, показывавшаяся изъ моря и требовавшая себѣ человѣческой дани съ проходившихъ судовъ; «сынъ старухи», герой сказки, ослилилъ её и заставилъ навсегда отказаться отъ своихъ требованій. Она клянется — матерью-моремъ и — отцомъ Александромъ (*ὀρκίζομαι εἰς τὴ μάννα μου τὴ θάλασσα καὶ τὸν πατέρα μου τὸν Ἀλέξανδρον*) [1]).

Во всемъ этомъ отразился, несомнѣнно, одинъ и тотъ-же образъ Псевдокаллисѳеновской Калы, нереиды, но образъ, не остановившійся на стадіи сказки, а проникшій въ вѣрованія, какъ у румынъ онъ отложился въ представленія судицы, наречницы, феи. Естественно ставится вопросъ: совершился-ли этотъ переходъ самостоятельно — въ Греціи и Румыніи, или процессъ былъ односторонній, передавшійся въ готовыхъ формахъ изъ одной области въ другую? Развитіе Іереміиной легенды вызываетъ такія-же соображенія; хотя за отсутствіемъ греческихъ параллелей здѣсь меньше матеріаловъ для постановки вопроса, самое названіе 1-го Мая: Арминдянъ доказательно: *Ирминъ-день* можетъ принадлежать лишь славянской средѣ.

Чередованіе въ новогреческихъ повѣрьяхъ именъ Горгоны и нереиды, того и другого съ именемъ Александра, можетъ быть доказательно по другому вопросу. Въ русскихъ спискахъ Александріи мы отмѣтили (сл. выше, стр. 231 прим. 2) эпизодъ, не встрѣтившійся намъ ни въ югославянскихъ, ни въ греческихъ текстахъ: о встрѣчѣ Александра съ Горгоніей. Я попытался

[1]) Πολίτης, Μελέτη I, стр. 62—3 и его-же: Ὁ περὶ τῶν Γοργόνων μῦθος, стр. 2 и 11—12 оттѣльнаго оттиска, любезно доставленнаго мнѣ авторомъ.

истолковать его изъ смѣшенія и искаженія текста, но самое имя Горгоніи осталось необъясненнымъ. Не было-ли этого эпизода уже въ какомъ-нибудь южнославянскомъ, стало быть, и греческомъ спискѣ? Интересно, во всякомъ случаѣ, что какъ Горгонѣ новогреческое повѣрье приписываетъ сладко-звучную пѣснь, такъ и о Горгоніи въ русской Александріи говорится, что она, подобно Сиренѣ, привлекала къ себѣ животныхъ и людей.

IX.

ВОЙНА СЪ ПОРОМЪ. — АМАЗОНКИ И КАНДАКА.

Эпизодъ о Іереміи, существенный для всего плана сербской Александріи, отвлекъ насъ отъ послѣдовательнаго разбора ея содержанія, къ которому мы и возвращаемся — а именно къ войнѣ Александра съ Поромъ, непосредственно слѣдующей въ нашемъ текстѣ за походомъ въ невѣдомыя страны (сл. выше гл. II, стр. 223—4, 232).

Поръ или *Форъ*? Обѣ формы одинаково употребляются въ славянскомъ текстѣ; слѣдуетъ-ли объяснить это особенностью языка, свойственной одной группѣ памятниковъ, въ которыхъ *ф* въ именахъ собственныхъ и нарицательныхъ часто смѣняется въ *п*? Сл. въ нашемъ текстѣ: Фригія—Пригія, финикъ—пиникъ, фарижь (φαρίον) — парижь, Вуке*фалъ* — Дучи*палъ*, Клеофила — Клеопила; въ Троянской притчѣ: Прижіа (Phrygia), придежьскъ (phrygius) [1]); въ бѣлорусскихъ Тристанѣ и Бовѣ и, вѣроятно, въ ихъ южно-славянскомъ оригиналѣ: Пелишъ (Felis), Перемонтъ (Ferramonte), Лукаперъ (Lucaferro). Троянская притча знаетъ и обратный переходъ, *п* въ *ф*: Фарижь (Paris), Фелешь (Peleus), рядомъ съ Пелешь, какъ въ нашемъ памятникѣ Форъ рядомъ съ Поромъ — можетъ быть *Für* восточныхъ Александрій? Интересно при этомъ, что въ старыхъ славян-

---

[1]) Сл. сопоставленія въ моихъ Южно-русскихъ былинахъ, II, стр. 79—80.

скихъ повѣстяхъ объ увозѣ Соломоновой жены похититель зовется *Поромъ*, въ нѣмецкой поэмѣ о Соломонѣ и Морольфѣ — Pharo = Форъ? Въ вѣнской рукописи и новогреческой народной книгѣ Πόρος — Πῶρος Псевдокаллисѳена.

Въ сравненіи съ разсказомъ послѣдняго (С, III, 1—4) сербская Александрія представляетъ, помимо нѣкоторыхъ измѣненій послѣдовательности, новую роль Филона и письмо Александра къ Олимпіадѣ и Аристотелю, содержаніе котораго приведено было нами отчасти уже выше (сл. гл. II, стр. 224—5).

У Pseudocall. С, III, 3, Филонъ названъ лишь однажды, по случаю измѣны, готовившейся въ войскѣ, о чемъ онъ и докладываетъ Александру. Сербск. текстъ Новак. III, 3=Ягичъ, l. c. стр. 290 и новогр. нар. кн., стр. 128, называютъ въ этомъ эпизодѣ вмѣсто Филона — Птолемея; Александръ держитъ рѣчь, послѣ которой Македоняне каются, сваливая замыселъ предательства на невѣрныхъ и трусливыхъ Персовъ, которыхъ Александръ наказываетъ своеобразно: «вь жен'ске свитѣ облѣшти ихь повелѣ и плат'на жен'скаа на главахь носити повелѣ» (сл. Ягичъ, l. c., стр. 291; сл. новогр. нар. кн. р. 130: ἔνδυσαν τους γυναίκια ῥοῦχα, τυλίγωντας τὰ κεφάλιά τους μὲ κόκκινα μανδήλια, τὰ ὁποῖα φοροῦσιν ἕως τὴν σήμερον οἱ Πέρσαι).

Это черта лишняя противъ Псевдокаллисѳена, какъ и вся роль Филона (сл. выше стр. 248—249). Онъ сопровождалъ Александра въ его хожденіи по невѣдомымъ странамъ; дойдя до предѣловъ Индіи Александръ посылаетъ его въ Персію (Нов. III, 1, Ягичъ, l. c., р. 287), властителемъ которой онъ былъ ранѣе того назначенъ, и туда уже пишетъ ему (въ новогр. нар. кн., стр. 130: ему и Селевку) письмо, вызывая его къ себѣ на помощь съ войскомъ, съ которымъ онъ (новогр. нар. кн.: и Селевкъ) и является, бьется съ Поромъ на рѣкѣ Алфіонѣ (новогр. нар. кн., стр. 132: Ἀλφειός) и идетъ къ нему поклисаремъ, съ посланіемъ Александра и вызовомъ на единоборство (Нов. III, 4—5, Ягичъ, l. c., стр. 291—295). Сл. W, стр. 59 и прим. 1; новогр. нар. кн., стр. 130 и слѣд.

Что касается посланія Александра къ Олимпіадѣ и Аристотелю (Нов. III, 2 = Ягичъ, l. c., стр. 288—290; нѣтъ въ W и въ новогр. нар. кн.), то, какъ мы видѣли выше, оно отвѣчаетъ по плану такому-же посланію Pseudocall. C, II, 23 и слѣд., содержаніе котораго, лишенное своей эпистолярной формы и нѣсколько измѣненное, приняло въ сербской Александріи форму разсказа (сл. выше гл. II). Приведу здѣсь начало посланія для характеристики сентиментальности, свойственной нашему роману и особливо крѣпнущей, чѣмъ ближе мы подвигаемся къ развязкѣ. Вотъ уже четыре года, пишетъ Александръ матери и учителю, «оть нелиже вашемоу не вьз'вѣстисмо срьдолюбьствоу, и о семь вась много жалити м'ню, и многими за вась обьдрьжими ѥсмо скрьб'ми. И ви доушею болите много, м'ню, и мысльми мнозѣми обоуреваѥми ѥсте; ꙗкоже и корабь нѣкими вльнами обоуреваѥмь, тако и срьдца ваша потоплена соуть жалостию за нась. Многашти бо вь с'нѣ вась видѣхь и кь вамь срьдьчнима очима влѣкомь бѣхь, и жалост'нѣхь вась и радост'нѣхь видѣхь. Оумь вь с'нѣ многаа обьтечеть зрѣти и далеч'наа мѣста. И тако оть сна вьстаѥ и льжно мьчтаниѥ поустивь, и жалостьнь бывахь о семь, ꙗкоже вь ꙗвѣ растаѥ се сь вами мне. Се тебѣ страдати мати! Многашти бо вь с'нѣ зриши ме, и сь мною веселешти се радост'на ѥси, и, пакы оть сна вьстав'ши, прѣльст'наа оузнав'ши, не мало скрьбиши. Тако бо и в'си страждоуть, яже срьдьчноую любовь имѣють. Вѣмъ бо те, мати, неизречен'ноую любовь имѣти кь ѥдинородномоу сыноу, а вь дал'нихь землꙗхь соуштоу; тако бо и всѣмь матеремь подобаѥть за сынове своѥ болети. И твою любовь, юже кь мнѣ, моѥ извѣствоуѥть срьдце; срьдце бо срьдцоу жалость и радость оуказуѥть. Да о в'сѣмь овемь сьгрѣшению милостива боуди и сьгрѣшениѥ намь прости; не бо оть нелюб'ве вамь писати сьгрѣшихомь, нь пропоуштати кь вамь к'нигы не могохомь; сь вьстока бо доидохомь и вь Ин'діѥ ѥсмо. Ин'діа нась вьмѣсти, да, ѥлика намь прилоучише се, в'са ѥпистоліа вамь тази вьзвѣстить и вса. ꙗже о нась, кажеть. Вѣсте бо, ꙗкоже прѣжде писасмо, како Пер'сид'ско царство прѣехомь» и т. д. (сл. II-ю главу.

стр. 224—5 и посланіе къ Олимпіадѣ и Аристотелю у Новаковича II, 16).

За вычетомъ этой эпистоліи и всего эпизода о Филонѣ, соотвѣтствіе съ Псевдокаллисоеномъ, не дословное, а содержательное, представляется для нашего отдѣла въ слѣдующемъ:

1. *Посланіе Фора къ Александру и отвѣтъ послѣдняго* (Новак. III, 1 = Ягичъ, l. c., стр. 287—8, W, стр. 57—8: сокращено; греч. нар. книга, стр. 126—8; рум. нар. кн. стр. 74—5) = Pseudocall. C, III, 2. Сл. конецъ Александровой эпистоліи: онъ пишетъ Пору: Παρ' ἐμοῦ κατασχεθεὶς τοῖς ἐν σοι ἐξουδενωθήσῃ καὶ παραπεμφθήσῃ θεοῖς, οὐκ ἐν μακάρων χώρᾳ, ἀλλ' ἐν Ἅδῃ συνεῖναι Πλούτωνι καὶ Περσεφόνῃ = сербск. текстъ: не вь макарон'ски отокь послати те имамь, идеже богы твоѥ мнишп быти, нь вь адь дол'ни сь земльними моучити се, тамо бо суть они вь гекне, ıaкоже мнѣ Ѥвфан'ть макарон'ски царь сказа (Нов. l. c., стр. 95); греч. нар. книга, стр. 128: θέλεις ὑπάγει μὲ τοὺς θεούς σου ἀντάμα νὰ κολάζεσαι εἰς τὰ καταχθόνια τοῦ ᾅδου.

[2. Посланіе Александра къ Олимпіадѣ и Аристотелю, Нов. III, 2 = Ягичъ, l. c., стр. 288—290; о немъ см. выше, стр. 224—5 и 381 и рум. нар. кн. стр. 75—6: сокращенно].

3. *Поръ сбираетъ войско*, «и обрѣте .и. тисоуштъ и .і. тисоуштъ львовь, иже бѣхоу на брань наоучени» (вар.: войска «осам тисућ тисући и десет тисућ лавов). Въ войскѣ Александра готовится *измѣна*, о которой Александръ узнаетъ черезъ Птолемея. [Затѣяли ее Персы, находившіеся въ войскѣ Александра, который подвергаетъ ихъ унизительному наказанію, а самъ считаетъ свои силы: «.s. тисоуштъ тисоуштъ», и пишетъ Филону въ Персію, съ требованіемъ помощи]. *Бой съ Поромъ*: «Порь .і. тисоуштъ напрѣдь поусти львовь. Алексен'дрь же прѣмо ихь тисоуштоу биволь посла неоученехь; львове же сь ними сьразише се, и опеть вратише се оу свою войску». И Поръ и Александръ дѣлятъ свои рати на три части; у перваго убитыхъ «.о. (вар. .в.) тисоуштъ люди, а отъ Алексен'дровехь .лє. тисоуштъ, и отъ Макидоньнь

.е. сьть». Во второй разъ Поръ высылаетъ въ дѣло «.р. тисоушть клефан'ть», «пир'гове на нихь дрѣвѣне сьтвори, на конмь ждо пир'гоу .к. ороуж'никь постави, и тако на бои на Алексен'дра поусти. Алексен'дрь прѣма ихь на бои пошьдь, воие же .с. тисоушть поведе пешьць, и в'семь прапор'це (вар. прибавляетъ: на коне поставити) носити рече, и ноги слоновомь подсѣцати, слонове же, прапорьць звекь не видѣвше, оуплашив'ше се побѣгоше. И тоу одь Поровехь Алексен'дрь оуби тисоуштоу и четири ста и .н. (вар. тис. тисоушть; четира ста тисуħ), а одь Алексен'дровехь тисоушта и .ѕ. (вар. тисоушть .ѕ.) моужь». Нов. III, 3—4 = Ягичъ, l. c., стр. 290—292. Сл. W, стр. 58—9 (сокращено и многое опущено); греч. нар. кн. стр. 128—132: войска у Пора 50 милліоновъ, львовъ десять хиліадъ; измѣнники персы наказаны; войска у Александра шесть милліоновъ; онъ пишетъ въ Персію Филону и Селевку; противъ десяти хиліадъ львовъ онъ напускаетъ *τέσσαρες χιλιάδες βουβάλια καὶ βοΐδια ἀμάθητα. Ἐσμίχθησαν οἱ λέοντες μὲ τὰ βουβάλια καὶ βοΐδια καὶ ἐπνίγονταν.* — То-же дѣленіе войска на три части, съ той и другой стороны; «*ἐσκοτώθησαν ἀπὸ τοῦ Πόρου τὸ φουσάτον διακόσιαις χιλιάδες, καὶ ἀπὸ τοῦ Ἀλεξάνδρου χιλιάδες ἕξ ἥμισυ*». Слѣдуетъ та-же подробность о слонахъ съ башенками; Александръ велитъ *κάθε καβαλλάρην νὰ βάλῃ κουδούνια εἰς τὸ ἄλογόν του. Εἶχε καὶ πεζοὺς ἁρματωμένους διακόσιαις χιλιάδες, τοὺς ὁποίους ἐπρόσταξε νὰ κόψουν τὰ ποδάρια τῶν ἐλεφάντων*, которые, устрашенные звономъ колокольцевъ, пускаются бѣжать. Изъ войска Порова убито *χιλιάδες τριάντα*, изъ Александрова всего двѣнадцать. Сл. рум. нар. кн. стр. 76—78.

За исключеніемъ подробности о персахъ измѣнникахъ и Филонѣ (помѣщенной нами въ скобкахъ), все остальное встрѣчается, съ варіантами и въ нѣсколько иномъ порядкѣ, въ Pseudocall. C, III, 3: *Поръ собираетъ войско, множество слоновъ и иныхъ звѣрей* (лишнее: Александръ идетъ лазутчикомъ въ станъ Пора); *бой съ Поромъ:* его звѣрямъ Александръ противопоставляетъ мѣдныя, раскаленныя статуи; тогда индійцы выводятъ слоновъ, съ башенками и вооруженными людьми на нихъ. Македоняне устрашены,

у нихъ является замыселъ *измѣны;* Филонъ докладываетъ объ этомъ Александру, который держитъ къ войску рѣчь, а на другой день, когда показались слоны, велитъ своимъ гоплитамъ ἔμπροσθεν αὐτῶν ἀκοντίσαι σμικρότατα χοίρων βρέφη, крика которыхъ слоны пугаются и бѣгутъ.

Замѣтимъ, къ генеалогіи редакціи С: Вукефалъ погибаетъ въ битвѣ — согласно съ текстомъ В; а далѣе, въ той-же главѣ онъ же выноситъ Александра изъ сѣчи и умираетъ лишь при смерти своего хозяина, какъ въ сербскомъ изводѣ. Редакція С свела внѣшнимъ образомъ показанія В и того другого текста (С[1]), который и былъ источникомъ разбираемой нами рецензіи.

4. [Форъ удаляется за рѣку «Ал҆фионъ»; между тѣмъ Филонъ привелъ изъ Персіи вспомогательное войско и принесъ Александру «діадимоу многоцѣн҆ноу и стѣмоу многоцѣн҆ноу одь Роксан҆де царице, и тисоуштоу товарь злата *кк҆содоу спен҆зе*» (вар. ездоу и спеньзоу; ек҆одоу и спензы, ек҆содоу спен҆зе; въ текстѣ Ягича: тисућ товаров злата *страћеню*; сл. новогр. нар. книгу, стр. 133: τριάντα χιλιάδες καμήλια φορτωμένα χρυσάφι διὰ ἔξοδον. Спенза= итальянск. spesa ?). Онъ проситъ Александра—«Великыи хон҆кіаре и анасаре (вар. хокиаре и насаре) Алексен҆дре!» — дозволить ему вступить въ бой съ Поромъ; на его замѣчаніе, что рѣка Алфіонъ непроходима, онъ говоритъ: «макєдоніискымь конємь ни єдина рѣка не стоить нарокомь твоимь, Алексен҆дре, ни гори не стоєть, ни рѣкы, ни лоугове». Конница переправляется черезъ Алфіонъ, каждый всадникъ взялъ съ собою по пѣхотинцу; нападеніе было сдѣлано въ расплохъ, когда войско Пора обѣдало; слѣдуетъ сѣча и бѣгство Пора, который изъ Индиполя шлетъ посланіе «кь окол҆нимь єзыкомь», прося ихъ помощи. «Се же єзыци слышав҆ше, вьси иже на север҆ной странѣ, вьси кь Фороу на помощь пріидоше». Нов. III, 4 = Ягичъ, l. c., стр. 292—294; новогр. нар. кн., стр. 132—135: Филонъ и Селевкъ; рѣка Алфей; Поръ удаляется въ Геліополь. Въ W всего этого эпизода нѣтъ (сл. стр. 59 прим. 1); сл. рум. нар. кн., стр. 78—80: Филонъ; рѣка Евфратъ; Поръ бѣжитъ въ Индію].

[5. Войска Пора и Александра стоятъ другъ противъ друга; Александръ шлетъ Филона къ Пору *съ посланіемъ*, въ которомъ предлагаетъ ему рѣшить битву поединкомъ. Какъ эпистолія, такъ и бесѣда Пора съ Филономъ полны общихъ мѣстъ. Поръ предлагаетъ Филону четвертую часть Индіи и руку дочери, если онъ откажется отъ Александра; Филонъ отвѣчаетъ смѣло и на упрекъ Индійцевъ говоритъ: «сил'на господина вол'нь поклисарь и вѣр'нь слоуга соум'нѥ не имать»; также почти отвѣчаетъ персидскимъ вельможамъ самъ Александръ, пробравшійся подъ видомъ посла ко двору Дарія (сл. выше стр. 245).—Когда Филонъ вернулся, Александръ спрашиваетъ его: «Каковь юнакь есть Форь? Онь же кь нѥмоу глаголаше тако: Тела оубо велика ѥсть и дебела, ꙗко оубо зело, нь гнила» (вар. тила велика е, висок шест лакот, и дебела ника да гнила; Pseudocall. C, III, 4: ἦν γὰρ Πῶρος πηχέων πέντε). Сл. Pseudocall. C, III, 3, въ эпизодѣ, не воспроизведенномъ въ нашемъ текстѣ: объ Александрѣ — лазутчикѣ въ бесѣдѣ съ Поромъ, къ которому его привели: Πῶς ἔχει Ἀλέξανδρος; ὁ δὲ εἶπεν· ζῇ καὶ ὑγιαίνει, καὶ ἐπιθυμεῖ ἰδεῖν τὸν τοιοῦτον βασιλέα Πῶρον]. — Нов. III, 5 = Ягичъ, l. c., стр. 294—295; W, стр. 59 (кратко), греч. нар. книга, стр. 135—137; рум. нар. кн. стр. 80—81. Замѣтимъ начало эпистоліи въ W: Ὁ Ἀλέξανδρος ὁ βασιλεὺς καὶ μέγας γογγιάρης (греч. нар. кн.: αὐθέντης τῶν βασιλέων) = слав. Алексен'дрь насарь и великыи *хон'кіарь*. Варіанты послѣдняго слова даютъ формы: хон'карь, хонакар, хокнырь, хунарь, хонарь, что акад. Ягичъ сближаетъ съ персидскимъ hunar = юнакъ [1]).

Всему этому эпизоду отвѣчаетъ у Псевдокаллисѳена C, III, 4 лишь небольшое посланіе Александра къ Пору съ предложеніемъ единоборства.

6. *Единоборство Александра и Пора*, Нов. III, 5 = Ягичъ, l. c., стр. 295; W, стр. 59—60; греч. нар. книга, стр. 137

---

[1]) Jag. l. c. p. 215. Другой эпитетъ Александра: насарь (вар. анасарь, сл. выше, стр. 386) = W βασιλεὺς сближается съ арабск. nasr = защитникъ, покровитель. Сл. l. c. ib.

и слѣд., рум. нар. кн. стр. 81—3 —только болѣе развито противъ Pseudocall. C, III, 4. Въ греч. нар. кн. εἰς τοῦ Πόρου τὸ φουσάτον γίνεται θόρυβος (Pseudocall. l. c. θόρυβος οὖν γίγνεται ἄφνω εἰς τὸ τοῦ Πώρου στρατόπεδον), онъ оборачивается, а Александръ пользуется этимъ, чтобъ нанести ему ударъ. Это, очевидно, подновленіе изъ Псевдокаллисѳена, подобное другимъ, уже встрѣчавшимся намъ въ этомъ текстѣ. Въ сербск. Александріи Александръ обманно спрашиваетъ Пора: «такова-ли вера твоꙗ есть, Поре, воиска бо твоꙗ на помошти ти идеть?», что и заставляетъ обернуться противника. Такъ и въ W и въ рум. нар. книгѣ. — Въ единоборствѣ участвуетъ и Вукефалъ: «Доучипаль же кона Порова зоуби за врать похвативь, кь земли притиште» (=новогр. нар. кн., W, рум. нар. кн.).

Александръ ἐκέλευσε τὸν βασιλέα Πῶρον θάπτεσθαι βασιλικῶς, ὡς καὶ τὸν Δαρεῖον . . . ὡς δὲ τοῖς βασιλείοις Πώρου ὁ Ἀλέξανδρος εἰσέδυ, τὰ τίμια πάντα τοῦ παλατίου αὐτοῦ παρέλαβε (Pseudocall. C. III, 5). Это указаніе такъ развито въ нашей Александріи: «Тѣло-же Форово вьз'мь, на златѣ одрѣ положи, и вь стол'ныи градь вь Ин'диполь принесе. Царица-же ꙗго Клитимиштра (вар. Клетимишта), власи до земле распоустив'ши и крьзно многоцѣн'ное на себе раздьр'ши, и сь десеть тисоуштами ин'дїйскыихь владыкь, сь плачемь велицѣмь и риданиꙗмь тѣло Форово срѣтоше и жалост'но оплакаше. Алексен'дрь же поставити его на поли (поставити) повеле на златомь одроу, и стемоу великоу на главоу ꙗго; и тако сь в'сомь воискомь оплакавь ꙗго, и тако сь чьстию оукопати ꙗго повеле. И тоу .ві. дьни прѣстоꙗвь, Алексен'дрь же вь Ин'диполь отиде. Вьведоше ꙗго вь царствїа Форова, и толика тоу вьноутрь видѣ, ꙗже око не видѣ и оухо не слыша. Полата ꙗго бѣ велика на .д. стрѣлꙗ дльга (вар. прибавляетъ: и широка), златѣ ꙗи стѣнѣ бѣхоу, и покровь злать вьсь, и стльпове в'си злати, сь бисеромь и каменииꙗмь многоцѣн'нимь оукрашен'ны бѣхоу, .ві. мѣсець оу чловѣчехь образѣхь, къждо по своꙗмоу подобію, оу злаатоу свьтеше се изваꙗни бѣхоу; всѣхь-же великыихь царь боꙗве и .ві. добродѣтеліи чловѣчьскыихь (вар. прибавляетъ: жен-

скими) образи оу златѣ изваꙗни бѣхоу, и всако по своюмоу подобию; часовныкь месечны и имена лоун̓наа (вар. мина луне) врьхь полате теи». Слѣдуетъ описаніе другихъ Поровыхъ драгоцѣнностей, напоминающее сходныя, не разъ встрѣчающіяся въ нашемъ текстѣ. — Нов. III, гл. 5 = Ягичъ, l. c., стр. 295—296. Сл. греч. нар. книгу, стр. 138—139: тѣло Пора доставлено въ Геліополь; его оплакиваетъ жена его Κλιτεμνήστρα .... μὲ δέκα χιλιάδες ἀρχοντίσσαις τῆς Ἰνδίας; изъ описанія дворца: εἶχεν ἱστορισμένους εἰς τὸ παλάτι τοὺς πολέμους τῶν βασιλέων ὅλονῶν, τοὺς δώδεκα μῆνας εἰς πρόσωπα ἀνθρώπινα εὔμορφα κατὰ τάξιν· Ἔστεκαν ὁλόγυρα τοῦ παλατίου μανουάλια ἑκατὸν ὁλόχρυσα καὶ πάντοτε ἀναμμένα. W включаетъ, послѣ упоминанія мѣсяцевъ, и еще одну подробность, сходно съ слав. текстомъ: καὶ ταῖς ὥραις ὀρθωμέναις καθὼς τρέχει τοῦ καθενοῦ μηνός.

Описаніе Порова дворца встрѣчается a) въ Epistola Alexandri; b) въ Historia de preliis пространнаго типа [1]); слѣдующей выпиской изъ староиталіанскаго перевода Historia'и (Venezia, 1477), по экземпляру Британскаго музея, я обязанъ любезности бывшаго моего слушателя, Р. О. Ланге.

Alexander vero castra metatus est ibi et fecit diis suis victimas precepitque sepeliri tam Indos, qui in ipso prelio interfecti sunt, quam et suos. Altera autem die expugnavit ipsam civitatem Pori apprehendensque eam ingressus est palatium eius et invenit ibi que incredibilia humanis mentibus videbantur, id est quadringente columne auree cum capitellis aureis, et vinea pendebat inter ipsas columnas, que habebat folia aurea, et racemi illius erant alii de cristallo,

Alexandro messe li el suo campo e fece che li suoi feno sacrificii ali dei, e comandò che li Indi e Medi e Persi fosseno sepelidi. E l'altro zorno combate la zita de Porro e si la prese. Intrò in el palazo de Poro e trovoli cose che no parave credere li sentimenti humani, cioè quatrocento columne d'oro cum tutti suoi capitelli et intra queste columpne una vigna d'oro con tutte le sue folglie d'oro, e li graspi erano altri de cristallo, altri de smeraldi, altri de margarite

---

[1]) Kinzel, Zwei Recensionen, p. 22; Zingerle, l. c. стр. 32, стр. 205—6, текстъ котораго и приводится далѣе; другой, по доступнымъ ему текстамъ Historia, даетъ Kinzel въ Zeitschr. f. deutsche Philologie, XVII B., стр. 98 слѣд.: Zur Historia de Preliis.

alii de margaritis et unionibus, alii de smaragdis et onichitis. Et erant parietes illius palatii investiti de laminis aureis, quas incidebant Macedones, et inveniebantur grosse ad instar digiti hominis de manu, erantque ipsi parietes ornati ex margaritis et unionibus et carbunculis et e smaragdis et amethistis. Porte vero predicti palatii erant eburnee et lacunaria ebena et camere eius de lignis cipressinis, et in aula ipsius palatii erant posite statue auree et inter ipsas stabant platani aurei, in quorum ramis erant multa genera avium, et (invenit) unamquamque avem tinctam secundum suum colorem habebantque ungulas et rostra inaurata, et in auribus earum pendebant margarite et uniones et, quando volebat Porus rex, per musicam omnes melodificabant secundum suam naturam. Et invenit in ipso palatio multa vasa aurea et argentea, gemmea [seu] et cristallina ex omni genere facta, ad obsequium hominum pertinentia.—Deinde amoto exercitu venit ad Portas Caspias et castra metatus est ibi.

e diverse prede preciose. E la parede de quel palazo erano coperte cum lame d'oro si che tagliade parevano che fosseno grosse un dedo. Et erano le ditte parede ornade da prede preciose cioè de margerite, de carboncoli, de smaraldi et ametisti. E le porte del ditto palazo erano de avolio, le camere de ligni de cipresso. E nela sala de quel palazo era statue d'oro fate. intro le quale era platani d'oro, in li rami de le quale erano ucelli de molte generacione. E zashadun de quelli ucelli era depento secundo el suo natural color, li bechi e le unge si erano tutte d'oro finissimo. E quelle ucelle dognora che voleva Porro cantavano dolcemente per arte musica, e caschadun faceva el verso secundo la sua natura. E trovò en el dito palazo vasi d'oro innumerabili e geme cristaline de ogni generation fatte, pochi ne appareva de argento. E mosso lo suo exercito venne alle porte Caspie.

Ekkehardus Uraugiensis (начала XII вѣка) въ своей хроникѣ пересказалъ содержаніе Historia de preliis и описаніе Порова дворца въ сходномъ съ нею текстѣ, но въ иной связи, а именно— въ посланіи Александра къ Аристотелю, вѣроятно подъ вліяніемъ Epistola'ы, откуда этотъ эпизодъ попалъ и въ пространную редакцію Historia'и. Рядомъ съ выдержкой изъ Эккгарда[1]) я сообщаю тождественный отрывокъ изъ Посланія пресвитера Іоанна, по редакціи D[2]), съ цѣлью указать на одинъ изъ ея источниковъ.

[1]) Monumenta Germaniae historica, t. VIII, Script. t. VI, p. 70.

[2]) Zarncke, De epistola quae sub nomine presbyteri Iohannis fertur, p. 46.

Ekkehardus Uraugiensis.

Apprehendit enim (sc. Alexander) civitatem ipsius Pori et domum ejus magnificam, in qua fuerunt quadringenta columnae aureae cum capitellis aureis, et parietes domus erant vestiti laminis aureis, quae erant grossae in spissitudine sicut est digitus hominis, vinea quoque aurea et racemi cristallini, quibus interpositae erant gemmae ignitae et smaragdineae. Omnes etiam mansiones quae inerant ei, ornatae erant de margaritis et unionibus et carbunculis et januae habebant de ebore albo, et laquearia subfixa de ligno quod dicitur ebenum et est nigrum, nasciturque in India et Ethyopia, et camerae erant factae de cypressis. Foris autem extra domum erant statuae de auro positae et platani aureae et inter illas erant multa genera aucellarum varii coloris et habebant ungulas et rostra inaurata, et in auriculis pendebant margaritae et uniones. Multa quoque vasa gemmea et cristallina et aurea invenit ibi, argentea vero pauca.

Epistola.

(Habemus aliud pallacium, quod fuit Pori, regis Indorum....). Ibi sunt columpnae aureae cum capitellis aureis, et vites aureae dependent inter istas columpnas, habentes folia aurea et ramos alios de cristallo, alios de saphiris, alios ex margaritis, alios ex smaragdis, et parietes ejus sunt vitreae laminis aureis ligatae, quae sunt grossae quemadmodum humani digiti, qui parietes ejus sunt ornati ex margaritis et omni lapide precioso. Fores enim pallacii sunt eburneae et laminis aureis ligatae undique. Camerae nostrae sunt de lignis echim et omni opere, quod unquam potest fieri in auro et argento, et omni lapide precioso ornatae. In aula huius pallacii sunt XX magnae statuae aureae et infra ipsas sunt totidem magnae arbores argenteae, velut luna lucidissima, in quibus omnia genera avium aurea, et unaquaeque habet colorem suum secundum genus suum, et sunt ita per artem musicam dispositae, quod tantum Porus rex volebat, omnes secundum suam naturam cantabant, et unaquaque parte singulariter.

Описаніе Порова дворца въ сербской Александріи значительно разнится отъ сообщеннаго: я обращаю вниманіе на аллегорическія изображенія добродѣтелей и мѣсяцевъ, напоминающія таковыя-же въ средне-греческой поэмѣ о Ливистрѣ и Родамнѣ[1]):

801. Καὶ εἰς τὸ πλευρὸν τὸ ἀριστερὸν τὸ πρὸς τὴν πόρταν μέρος
εἶδα τὰς δώδεκα ἀρετὰς ἐκεῖ λατομημένας.
τὸ ἕναν χέριν τοῦ καθενὸς χαρτὶν μετὰ γραμμάτων,
καὶ ὅλαις τους ἦτον εἰς τὸ σχῆμαν τῆς καθεμιᾶς φεδοῦλας.

---

[1]) W. Wagner, Trois poèmes grecs du moyen âge inédits, p. 264—5, 267.

879. Καὶ εἰς τὸ ἄλλον πάλε τὸ πλευρὸν τῆς πόρτας τὸ ἀπέκει
τοὺς δώδεκα καὶ ἵστανται μῆνας λατομημένους,
χαρτία καὶ ἐκεῖνοι νὰ κρατοῦν ὅλοι μετὰ γραμμάτων.

Сл. еще изображенія мѣсяцевъ въ описаніи Александрова шатра во французской Александріи (ed. Michelant, стр. 55) и особливо въ испанской поэмѣ de Alejandro Magno [1]).

Поръ-Форъ убитъ, но съ его призракомъ Александръ еще встрѣтится въ эпизодѣ о Кандакѣ, сынъ которой, женатый на дочери индійскаго царя, напрасно пытается отмстить на Александрѣ смерть своего тестя. Я попытался связать съ этимъ объясненіе одного старофранцузскаго выраженія: vengier Forré, или la mort Forré, Fourré, Fouré. Вездѣ оно означаетъ нѣчто несбыточное, неисполнимое, что выражалось также оборотомъ: vengier Artu. Такъ издѣваются горожане надъ бѣдно одѣтымъ и плохо вооруженнымъ Aiol:

959. Vous vengerez Foure, quant tant en iert.

2518. Chis vengera anqui le mor Foure.

2607. Vos parens est Fores, queque nus die,
Devant Paris fu mors par estouchie [2]).

Сл. еще Octavian (ed. Vollmöller), v. 2277; въ Gaydon старикъ Riol, обращаясь къ Карлу, такъ смѣется надъ его недостойнымъ любимцемъ, Thibaut, побѣжденномъ въ судебномъ поединкѣ: Вонъ лежитъ твой пріятель и защитникъ, приголубь-же его,

Vostre oriflambe portera en esté
Quant vos irez vengier la mort Forré.

---

[1]) Объ этомъ сюжетѣ сл. статью D'Ancona, I Dodici mesi dell'anno nella tradizione popolare, у Pitrè, Archivio, II 3, стр. 261 слѣд., и тамже IV, 3, стр. 436 слѣд. (Finamore). Къ собраннымъ тамъ параллелямъ можно присоединить и русскій текстъ, воспроизводящій какой-нибудь южно-славянскій оригиналъ, въ Пам. стар. русск. лит., III, стр. 156—7.

[2]) Aiol et Mirabel ed. W. Foerster, въ примѣчаніяхъ къ тексту, а также въ введеніи стр. XXVI. Слѣдующіе далѣе примѣры въ замѣткѣ Tobler'a, Gött. Gelehrte Anz. 1875, p. 1081.

Тоблеръ указываетъ то-же выраженіе въ Vengeance de Raguidel, v. 4074, и въ Hist. des Ducs de Normandie p. 32 (цит. у Michel, Ch. Sax. II, 204), полагая, что въ основѣ его лежитъ разсказъ, сохраненный въ Karlamagnussaga и у David Aubert: о Fourré, царѣ Nobles'я или Noples'я, котораго Карлъ хотѣлъ взять въ плѣнъ живымъ, но Роландъ убилъ его противъ воли императора, за что и получилъ пощечину отъ дяди. Въ хроникѣ Турпина с. XVII (и согласно съ ней у Phil. Mousket) Forré — princeps Navarrorum, пораженный ad montem Garizim; по Gui de Bourgogne (p. 1) и Chanson des Saxons Боделя (II, 81) самъ Карлъ, взявъ Nobles, убилъ царя Forré. — Но при чемъ тутъ выраженіе: vengier Fouré? Fouré Карловингскаго эпоса не проливаетъ на него никакого свѣта, съ чѣмъ принужденъ согласиться отчасти и Тоблеръ. Я пытаюсь сблизить *Fouré, Foré* (прям. пад. Foures, Fores) съ *Форомъ* (= восточн. Fûr, *Pharo* Соломона и Морольфа) Александровой саги, убитымъ Александромъ — и не отомщеннымъ, хотя месть казалась и легкою, и возможною — какъ то представляется въ эпизодѣ о сынѣ Кандаки. Vengier la mort Foré означало-бы въ такомъ случаѣ: самоувѣренно обѣщать что-нибудь, разчитывая на несомнѣнную удачу — и неожиданно обсчитаться [1]).

Отдѣлъ Псевдокаллисѳена C, слѣдующій за разсказомъ о смерти Пора, обнимаетъ: 1) небольшой отрывокъ изъ *письма Александра къ Аристотелю* о чудесахъ Индіи, III, 17 (вѣщающія деревья солнца и луны), который является дублетомъ къ C, II, 44; въ первомъ случаѣ C согласенъ съ AVB, во второмъ съ подлинникомъ сербской Александріи = C[1] (сл. выше стр. 223—4); 2) *эпизодъ о Кандакѣ* (C, III, 18—24) и 3) *объ Амазонкахъ*,

---

[1]) Я выставляю это какъ гипотезу, противъ которой не говоритъ и отрывокъ изъ Doon de Nanteuil, изданный недавно P. Meyer'омъ (Romania, № 49)— упоминаніемъ о Porus и о Forré, какъ о двухъ отдѣльныхъ лицахъ. Такое различіе можетъ принадлежать позднѣйшему забвенію и диффіренціаціи; замѣчу кстати, что Forré поставленъ, очевидно, внѣ круга карловингскихъ воспоминаній: de *Porus* .... Et del roi Alexandre et del preu Tholomé .... Ou de Morgan la feé, d'Artur et de *Forré*.

Евримитрѣ и заключеніи нечистыхъ народовъ (C, III, 25—26); 4) часть *письма Александра къ Олимпіадѣ* (C, III, 27—29), вѣроятно, не находившагося въ C[1], слѣдствіемъ чего явилось въ гл. 29 повтореніе разсказаннаго въ § 3: о заключеніи нечистыхъ народовъ. — Тексты сербской Александріи не знаютъ §§ 1 и 4 и обусловленныхъ тѣмъ дублетовъ, а §§ 2 и 3 представляютъ въ обратномъ порядкѣ: Амазонки и — Кандака. Нѣчто подобное даетъ пространный текстъ Historia de Preliis, при чемъ необходимо имѣть въ виду особенности его разсказа о войнѣ съ Поромъ. Въ краткой рецензіи этого памятника Александръ и Поръ встрѣчаются лишь однажды, и война кончается ихъ единоборствомъ и смертью Пора [1]). Въ Epistola Alexandri Magni Поръ, разбитый Александромъ, бѣжитъ (описаніе его *дворца* и сокровищъ); Александръ направляется къ portae Caspiae; слѣдуетъ позже вторичное пораженіе Пора, который показываетъ Александру свою казну и, щедро одаривъ его и его войско, сопровождаетъ его въ его хожденіи по чудесамъ Индіи [2]). Вліяніемъ этого текста на предъидущій объясняется такая послѣдовательность пространной редакціи Hist. de prel.: Пораженіе и бѣгство Пора; Александръ велитъ похоронить павшихъ и на другой день вступаетъ въ столицу Пора, что̀ у Псевдокаллисѳена и въ сербск. Александріи онъ дѣлаетъ лишь послѣ его смерти. Ingressus est (sc. Alexander) palatium eius: приводится извѣстное намъ описаніе дворца; deinde amoto exercitu venit ad Portas Caspias et castra metatus est ibi.... Inde scripsit epistolam ad Talistridam (var. Thalistria) *reginam Amazonum*. Слѣдуетъ второй походъ Александра на Пора [3]), поединокъ съ нимъ и его смерть; затѣмъ: посѣщеніе оксидраковъ, статуи Иракла — и Амазонки; лишь далѣе,

---

[1]) Landgraf, l. c. стр. 106—7 = Pseudocall. III, c. 4.

[2]) Zacher, Pseudocallisthenes, стр. 151—2, 160.

[3]) Kinzel, Lamprechts Alexander p. XXVI, объясняя двойной походъ Александра на Пора вліяніемъ Epistola на пространный текстъ Historia'и, замѣчаетъ однакожь, что та-же двойственность встрѣчается и въ одной ркп. Юлія Валерія (Zacher, Epitome, стр. 54 прим.).

послѣ разныхъ встрѣчъ и эпизода о брахманахъ — *Кандака* [1]). Мы приходимъ къ такой-же, хотя не непосредственной послѣдовательности, какую представляетъ и нашъ текстъ: *Амазонки* — *Кандака*.

Сообщаю содержаніе двухъ послѣднихъ эпизодовъ по Псевдокаллисѳену С.

а) *Кандака*. Александръ намѣревается отправиться *ἐπὶ τῆς Σεμιράμεως βασίλεια*, въ *Βερόῃ*, гдѣ царила прекрасная Кандака. Его письмо къ ней; дружественный отвѣтъ и подарки Кандаки (III, 18). Она посылаетъ греческаго живописца тайно снять портретъ съ Александра, у котораго сынъ Кандаки, Кандавлъ, проситъ помощи противъ Эвагрида, царя Бебриковъ, похитившаго его жену. Александръ велитъ Птолемею назваться его именемъ, а самъ, явившись подъ именемъ Антигона, получаетъ отъ мнимаго царя приказаніе пойти войной противъ Эвагрида (III, 19). Война противъ Эвагрида; разбитый, онъ убиваетъ себя. Кандавлъ, исполненный благодарности къ Антигону-Александру, проситъ Александра-Птолемея отпустить съ нимъ къ матери того, кому онъ обязанъ освобожденіемъ своей жены. На пути къ Кандакѣ Кандавлъ указываетъ Антигону-Александру на *θεῶν μοναί* (гл. 20). Войдя туда Александръ «*ὁρᾷ ὀμίχλην ἀστεροφεγγῆ καὶ στίλβουσαν καὶ φαντασίαν εἰδώλων . . . . ὁρᾷ δὲ ἑστίαν καὶ τινας ἄνδρας ἀνακειμένους ἀπαστράπτοντας ἐκ τῶν ὀφθαλμῶν ὡς λυχνοφεγγεῖς*». Одинъ изъ нихъ называетъ себя Сезонхозомъ: «*βασιλεὺς ὁ κοσμοκράτωρ, ὃς τῇ παρ' ἐμοὶ δυνάμει ἐπαρθεὶς θεὸν ἐμαυτὸν ὠνόμασα, καὶ τῷ οὐρανῷ ἐπιβῆναι σπουδάσας τὴν τούτου ἐζήτουν ἀκρώρειαν. ἐλθὼν δὲ εἰς χώραν ἀγρίων ἀνθρώπων, ἐπανίσταντο ἐπ' ἐμὲ πλήθει πολλά, καὶ κατεδίωξαν μέχρις ὅπου φέγγος οὐκ ἦν ἡμέρας, καὶ πολλὰ πλήθη τοῦ σὺν ἐμοὶ ἀνεῖλον στρατοῦ. Μόλις δὲ τούτους διεκφυγὼν τὴν λίμνην ἣν ἑώρακας κατέλαβον, καὶ τῇ ἀθυμίᾳ συσχεθεὶς, θανασίμῳ περιέπεσον νόσῳ, καὶ τοῦ ζῆν ἄκων ἐστερήθην.*

---

[1]) Сл. изложеніе у Zingerle, l. c. стр. 32—45 и стр. 205 слѣд.; сл. выше, стр. 301.

Ἐνταῦθα δὲ παραπέμφθην δέσμιος, τοῖς ἐρήμοις πλανᾶσθαι τόποις· ὧδε γάρ εἰσι πάντες οἱ θεοὺς ἑαυτοὺς ὀνομάσαντες, τὴν ἡτοιμασμένην ἀπεκδεχόμενοι παρὰ θεοῦ δίκην». «Твое имя безсмертно» — говоритъ далѣе Сезонхозъ — «ты покоришь весь міръ, *κτίσας τὴν περιπόθητον ἐν Αἰγύπτῳ Ἀλεξάνδρειαν πόλιν. ἀλλ' εἴσελθε ἔνδον, ἵνα θεάσῃ τὸν προστάτην ἡμῶν*». Александръ видитъ далѣе Сераписа, который даетъ ему уклончивый отвѣтъ относительно его судьбы и пророчитъ славу Александріи. Кандавлъ радостно встрѣчаетъ вернувшагося Антигона-Александра; оба идутъ далѣе въ Амастриду, гдѣ Кандавлъ велитъ матери любовно принять его спасителя (гл. 21). — Описаніе роскошныхъ палатъ Кандаки, которая узнала Александра по портрету, но обѣщаетъ сохранить его тайну, дабы ея второй сынъ, женатый на дочери Пора, не причинилъ зла его убійцѣ (гл. 22). Кандака предлагаетъ Кандавлу и его женѣ (*Ἄρπυσσα*) наградить Антигона-Александра, но другой сынъ Кандаки, Дорифъ (*πρὸς Δορὴρ τὸν καὶ Θοάντα καὶ Φύρμαν καλούμενον*), хочетъ убить его, въ отместку за Пора, сраженнаго Александромъ. Братья вступаютъ другъ съ другомъ въ споръ, готовы сразиться, но Антигонъ-Александръ миритъ ихъ: имъ нѣтъ пользы въ его смерти, и онъ предлагаетъ привлечь къ нимъ самаго Александра. Кандака, удивленная его мудрою находчивостью, отпускаетъ его съ дарами (гл. 23).

b) *Амазонки.* Вернувшись къ войску, Александръ идетъ къ Амазонкамъ, извѣщая ихъ напередъ о мирныхъ цѣляхъ своего пришествія. Въ своемъ отвѣтномъ посланіи онѣ описываютъ ему свой образъ жизни: *ἐὰν δὲ πολεμίων κρατήσωμεν ἢ πάλιν φύγωσιν, αἰσχρὸν αὐτοῖς καταλείπεται εἰς ἅπαντα τὸν χρόνον ὄνειδος· ἐὰν δὲ ἡμᾶς νικήσωσιν, ἔσονται γυναῖκας νενικηκότες* (c. 25). Во второмъ письмѣ къ Амазонкамъ Александръ требуетъ отъ нихъ дани, какую онѣ положатъ, и ежегодно извѣстное количество вооруженныхъ всадниковъ. Второе отвѣтное посланіе Амазонокъ: онѣ обѣщаютъ ежегодно платить сто талантовъ золотомъ и посылать пятьсотъ всадницъ: побѣдителю мужей не подобаетъ обагриться кровью женщинъ; *ἄδηλα τὰ τῆς τύχης συναντήματα, καὶ μήπω*

τὸ περιβόητον τῶν ἀνδραγαθημάτων σου ἐν γυναικείᾳ ἀπολέσειας μάχῃ. Онѣ просятъ Александра прислать имъ свое изображеніе. Онъ дивится ихъ красотѣ и силѣ и посылаетъ имъ свое копье: *ἔστω ὑμῖν τοῦτο αὐτὸ Ἀλεξάνδρου.*—Война противъ Евримитра, царя Бебриковъ или Бельсировъ; Александръ преслѣдуетъ пораженныхъ «*μέχρις ὀρέων δύο τῶν μεγάλων ἐν τῷ ἀφανεῖ κόσμῳ, ἃ προσηγόρευον Μαζοῦς τοῦ Βορρᾶ*». По молитвѣ Александра онѣ сходятся и запираютъ за собою нечистые народы (с. 26) [сс. 27—29: письмо Александра къ Олимпіадѣ о своихъ подвигахъ: отъ хожденія къ Амазонкамъ — до эпизода о нечистыхъ народахъ; но въ этихъ границахъ, отвѣчающихъ сс. 25—26, содержаніе другое: *Амазонки*, страна чудовищъ, городъ солнца, Низейская поляна, дворецъ Кира и Ксеркса — и *горы сѣвера*].

Главное отличіе соотвѣтствующаго отрывка сербской Александріи отъ редакціи Pseudocall. C заключается въ перестановкѣ a и b: къ Амазонкамъ Александръ попадаетъ раньше, чѣмъ къ Кандакѣ. Такъ и въ новогреч. народн. книгѣ (стр. 140 и слѣд.; сл. рум. нар. кн. стр. 83 слѣд.).

a) *Амазонки* называются «амастронскими женами», несомнѣнно подъ вліяніемъ сосѣдней съ ними «Амастронской царицы» Кандаки, властвующей въ Βερόη = Μερόη (сл. выше, стр. 395), но живущей — въ Амастридѣ (Pseudocall. III, c. 21). Оставивъ Антіоха въ Индіи, Александръ идетъ войной на Амазонокъ; ихъ эпистолія къ Александру: «Весть нѣкаа вь оуши наши приде, о миродрьж'че, великы цароу Алексен'дре, ѩко вьсь прикмь свѣть и сь жен'скыимь плькомь бити се хоштеши. Да сик намь невѣр'но мнить се, тебе толико моудра знаюште. Не подобакть тебе сь нами бити се; не вѣси бо ч'то прилоучить ти се. Аште бо нась разбикши, малоу чьсть обрѣштеши; аште ли ми тебѣ разбикмь, то велика срамота тебѣ боудеть. Да молимо се тебѣ, мол'бе наше не прѣзри, нь образь свои оуписавь кь намь допусти, ѩко да намь мѣсто тебе царствоукть». Онѣ посылаютъ ему дары, вѣнецъ свой царицы Талистриды (вар. Клитерва, Плин'тер'ва, Плитьрева) и «дѣвиць р. прѣкрас'ныихь», красотѣ которыхъ дивится Алек-

сандръ. Въ отвѣтномъ посланіи онъ говоритъ: «Да не подабаше вамь жень благообраз'ныихь кь нама посилати. Мы бо вьсе моуже земельскыѥ побѣдихомь, како оть жень побѣдити се хотѣхомь? Дахь копиѥ моѥ вамь, ѩко да мегю вами царствуѥть мѣсто мене, и .л. тисоушть жень мене на помошть пош'лите, имамь бо ити на мер'сил'скога цара Іевромитра (вар. Евримитра), моимь не хотешта повиноути се властемь.—Потоломеи же тоу стоѥ воѥвода, глоуме се кь Алексен'дроу рече: цароу Алексен'дре, даи ми женами онеми царствовати; аште ли ми царство ихь не даси, даи ми, да и овехи р., да ихь вь царство ихь провогю! Алексен'дрь же, насміавь се, рече ѥмоу: аште и воѥвода силѣ моѥи ѥси, ѥдина оть нихь одолѣти ти имать. Потоломѣи же кь Алексен'дроу рече: ты векѥ оубоѩль се ѥси, него ли азь, ѥре ихь цѣлехь домомь поустиль ѥси» (Новак. III, гл. 6—7). Слѣдуетъ война противъ Еврнмитра (ib. III, гл. 8); «ѥзыци же северныѥ страны слышав'ше, оубоѩше се и кь сѣвер'нои побѣгоше странѣ», гдѣ Александръ запираетъ ихъ за «сѣверными холмами» (Нов., ib. гл. 9). — У Псевдокаллисѳена царица Амазонокъ не названа; у Клитарха fr. 9 и его отраженіяхъ ея имя Thalestria, Thalestris (Cedren. ed. Bonn. I, p. 267: Θαλεστρὴν τὴν Ἀμαζόνα σύμμαχον ἐδέξατο); въ Hist. de prel. пространной редакціи: Talistrida, Thalistria; оттуда во французскомъ романѣ (ed. Michelant) и у Fazio degli Uberti, Dittamondo l. IV c. 2: Talestri; въ источникѣ Intelligenza, строфа 225: Altalistre; въ Libro de Alejandro, строфа 1701: Calectrix; въ италіанской Александріи (ed. Grion, p. 113): *Calistra*. Греч. нар. книга не даетъ имени; въ рум. нар. книгѣ: Ѳалистрада = Thalestria; варьянтовъ, представляемыхъ славянскими текстами (Клитерва и т. д.) я объяснить не умѣю.

b) *Кандака* (Нов., гл. 10—14; греч. нар. книга, стр. 146 и слѣд.; рум. нар. кн. стр. 88 слѣд.). Царица амастронская (она царитъ въ Мастридѣ-Амастридѣ) посылаетъ изографа списать портретъ съ Александра: «Алексен'дрово бо оухиштрениѥ разоумѣла бѣше, како самь све градове сходить и землѥ, поклисарь творе се, обьхождаше». У Pseudocall. C, царица названа

Кандакой, т. е. просто титуломъ[1]); въ сербской редакціи: *Кандакія Клеофила* (Клеопила); греч. нар. кн. Κανδάκη; рум. нар. кн.: Клеофіла (рум. К., л. $^{45}{}_{61}$ обор.: Кандакія Клеофила); въ Hist. de prel. краткой редакціи Candacis (Landgraf, стр. 114 слѣд.), но въ нѣкоторыхъ текстахъ пространной: *Cleophilis Candacis* (сл. Zingerle стр. 241, въ варьянтахъ; такъ и въ текстѣ у Gagnier, въ изданіи Іосиппона); въ итальянскомъ романѣ у Grion (и, вѣроятно, въ его французскомъ подлинникѣ): Creofile Candacia. — Клеофила въ связи съ Александромъ находится уже у Орозія (Adv. Pag. 3, 19, 1): regnum Cleophilis reginae expugnavit (scil. Alexander), quae cum se dedisset concubitu regnum redemit [2]). Сл. Malala, ed. Bonn., стр. 195 (ἥτις Κανδάκη.... δέδωκεν ἑαυτήν).

Имя одного сына Кандаки, согласно съ С, Кандавлъ (Каньдавльсъ; Hist. de prel. Candaulis, Candaulus; греч. нар. кн. Κονταυλούσης; рум. нар. кн. Кандусал), другого, женатаго на дочери Пора: *Дорифъ* (вар. Дорифоръ; греч. нар. кн.: Δορυφόρος; рум. нар. книга: Дориѳ) и *Караторъ*, какъ въ Historia de Preliis (Carator) и ея европейскихъ отраженіяхъ[3]). — Въ общемъ эпизодъ о Кандакіи разсказанъ согласно съ Pseudocall. С; мы ограничимся указаніемъ на нѣкоторыя частныя отличія. Въ С Евагридъ

---

[1]) О такомъ значеніи «Кандаки», т. е. «царицы-матери» въ Эѳіопіи, сл. Wiedemann, l'Éthiopie au temps de Tibère et le trésorier de la reine Candace, въ Muséon, t. III, № 1, p. 117 и слѣд.; сл. Ed. Drouin, Deux chroniques éthiopiennes, ibid. t. III, № 2 (1884 г.), стр. 254. Въ Дѣяніяхъ апостольскихъ, 8, 27 и слѣд., апостолъ Филиппъ креститъ εὐνοῦχος δυνάστης, казначея царицы Кандаки; въ греческихъ Минеяхъ подъ 14-мъ Ноября Кандака обратилась въ πόλεις τῶν Κανδάκων!

[2]) Christensen, Beiträge zur Alexandersage (1883), p. 37. Сл. ibid. указаніе на разсказъ Курція и Юстина (восходящій къ Клитарху) о Cleophis, царицѣ Ассаковъ. См. Favre, Recherches sur les histoires fabuleuses d'Alexandre le Grand, въ Mélanges d'histoire littéraire, II, p. 75 прим.; Zingerle, l. c. стр. 64.

[3]) Сл. Grion l. c. стр. 152; Lamprecht, ed. Kinzel, v. 6229 слѣд. — Въ Hist. de prel. пространной редакціи (Zing. стр. 241) у Кандаки три сына: Candaulus, Marsippus и Carator. Marsippus, вѣроятно, искажено изъ Margissa (Pseudocall.: Μαγέρσα, Ἅρπυσσα; Jul. Val. Margie), какъ зовется невѣстка Кандаки въ Hist. de prel. краткой редакціи (Landgraf, стр. 119).

нападаетъ на Кандавла въ то время, когда тотъ съ женой и небольшой свитой отправлялся ἐνιαύσιον μυστήριον τελέσαι παρὰ τὰς Ἀμαζόνας (III, 19); въ сербскомъ текстѣ «Агримьски царь, Кандакие царице сынь, Каньдавльсь именемъ,... оть царствіа своего побегъ, сь женою и сь матерью ее, *оть Александрова страха* кь матери своеи Клеопили Кандаки оу Мастридоу бегаше»; въ это время и напалъ на него Эвагридъ (сл. греч. нар. кн., стр. 146; рум. нар. кн., стр. 88). Избѣгая одного зла, онъ, такимъ образомъ, нечаянно попалъ въ другое и, отвѣчая Антигону-Александру, можетъ примѣнить къ себѣ притчу, наиболѣе извѣстную по пересказамъ романа о Варлаамѣ и Іоасафѣ—о человѣкѣ, спасшемся на дерево отъ льва и увидѣвшемъ надъ собою зіяющаго змѣя [1]). — Разсказъ о посѣщеніи Александромъ пещеры боговъ наполненъ христіанскими мотивами, согласно съ характеромъ нашего текста:

«Вьшьдьшоу же емоу вьноутрь, мьчтаніа нека ѕверообразна срѣтоше его. Онь же име бога Саваоѳа призвавь, безь страха бивь, чоудна же и нека и див҆на вь пештери тое видѣ: чловѣкообразниь ѕвери и чловѣки многи свезани опако роукама видѣ. Тоу Араклию и Аполона позна, и Крона и Ерміа, ихь же Елини боге имахоу. Сихь Александрь видевь, свезанни бо бехоу вьси

---

[1]) Текстъ этой притчи сербской Александріи и нѣсколько объясненій къ нему см. въ моей замѣткѣ: О славянскихъ редакціяхъ одного аполога Варлаама и Іоасафа, Зап. Имп. Ак. Наукъ 1879, т. XXXIV, II. — Греч. нар. книга, стр. 148 (Сл. рум. нар. кн. стр. 89) поддерживаетъ, противъ кириллобѣлозерскаго списка, редакцію аполога, представляемую текстами Ягича и Новаковича: ἔπαθα ὡσὰν ἐκεῖνος ὁ ἄνθρωπος, ὁ ὁποῖος φεύγωντας ἀπὸ τὸν λέοντα, νὰ μὴ τὸν φάγῃ, εὑρῆκε δένδρον ὑψηλόν, καὶ ἐνέβη ἐπάνω, καὶ ὁ λέων ἐστάθη εἰς τὴν ῥίζαν τοῦ δένδρου, τὸ ὁποῖον εἶχεν εἰς τὴν ἄκραν λίμνην. Ἀπὸ τὸν φόβον τοῦ λέοντος νὰ μὴ τὸν βλέπῃ, ἐκύτταξεν ἐπάνω εἰς τὴν κορυφὴν τοῦ δένδρου καὶ εἶδεν ὄφιν μέγαν, ὁποῦ ἤρχετο ἐπάνω του. Ἐτρόμαξε καὶ ἐστράφη νὰ ἰδῇ εἰς τὴν λίμνην, καὶ εἶδεν εἰς τὴν ἄκραν τῆς λίμνης κροκόδειλον, ὁποῦ ἔχασκε πότε νὰ κατέβῃ κάτω νὰ τὸν καταπίῃ. Τότε εἶπε μὲ τὸν λογισμόν του· τί νὰ κάμω ὁ ἄτυχος; Ἐὰν κατέβω εἰς τὴν γῆν, ὁ λέων θέλει μὲ καταφάγει ζωντανόν, ἐὰν σταθῶ εἰς τὸ δένδρον, ὁ ὄφις μὲ θέλει καταπίει ἀπὸ ὀλίγον ὀλίγον· Κάλλιον νὰ πηδήσω εἰς τὴν λίμνην, καὶ ἂς με καταπίῃ ὁ κροκόδειλος διὰ μίαν, παρὰ νὰ βασανίζωμαι ζωντανός. Τότε ἐπήδησεν εἰς την λίμνην, καὶ ἐφαγώθη ἀπο τὸν κροκόδειλον.

веригами. Александрь же кь единомоу оть нихь пристоупль, о чюднихь онехь виденихь оупрашаше его. Свезани же царь они кь немоу рече: Александре цароу, царие сие, ихь же ти зриши, тии бехоу вь вьселенної царие, ѩкоже ти дьньсь, и за грьдиноу великоу и поностьство богоу небесномоу оуподобише се, и на сихь богь разгневи се, свезаньнихь вь пештероу сию рече привести; зде доуше ихь моучити се имоуть до сконьчаніа вѣка. Сконьчавьшимь се седмимь вѣкомь, вь тарьтарскоую геепоу имоуть поити, и тамо вь бесконьчни вѣкь моучити се имоуть. Александрь же кь немоу рече: Мноу, ѩко негдѣ видехь те. Онь же кь немоу рече: Аште на дивиѥ чловѣки ходиль еси, тоу на стльпе образь мои видель еси. Александрь же кь немоу рече: И како име тебѣ есть? Онь же кь немоу рече: Азь есмь Сьньхось иньдиски царь, иже некогда вьсь приехь светь, и грьдинею прѣвьзнесохь се, и на вьстокь на краи земле вьсхотехь поити; и вьсташе на ме диви чловѣци, и воискоу мою вьсоу оубише, и мене тоу погоубише. Аггели же дошьдьше, и доушоу мою свезаше, и вь сию ме пештероу приведоше. И здѣ моучити се имамь, ѩко за моѥ безоумьное прѣвьзнесениѥ; да пази и ти, Александре, ѩко да не прѣвьзнесь се, и ти зде приведень боудеши». Далѣе Александръ узнаетъ Дарія, который говоритъ ему между прочимъ: «о прѣмоудри вь чловѣцехь Александре, отъ коле богомь годе бити, ѩко да вьса незнаема оузнаеши, почекаи мало, и скажоу ти дивьна нека и чюдна, ѩже прилоучить ти се хотеть на поути. Вѣдомо да есть тебе, ѩко Кандакіа Клеофила амастридоньска царица образь твои прѣписала есть, и тако познати те имать, ноу походи, не соумьни се; богь бо, вь него же вероуеши, оть роукоу ее избавити те имать, и крьсмати же ты немои». Онъ разпрашиваетъ Александра о Персіи, о Роксанѣ, указываетъ на Фора, находящагося далѣе въ той-же пещерѣ. «О великы ин҆діискыи Форе», обращается къ нему Александръ, «како некогда богомь подоблѩше се, нынѩ же ѩко ѥдинь оть хоудихь чловѣкь моучиши се! Форь же кь нѥмоу рече: Тако страдати имоуть в҆си, иже превьзнесоше се зем҆льскою славою; нь блюди и ты, Алексен҆дре, ѩко

да не и ты, прѣвьзнесь се, свезань здѣ приведень боудешь. И сиқ поменоувь, чьсть жене моққ Клитемиштре сьблюди. Алексен'дрь же кь нқмоу рече: Боуди печалоуқ мрьт'выми, а о живыихь не пьци се». Жилище боговъ обратилось въ обитель наказанія за земную гордыню (сл. греч. нар. кн., стр. 153—156; рум. нар. кн., стр. 90—2: тамъ и здѣсь нѣтъ упоминанія Клитемнестры. Сл. выше, стр. 388—9) [1]).

Александръ спасается отъ угрозъ втораго сына Кандаки такою же хитростью, какъ и въ Pseudocall. C. Кандавлъ и Караторъ провожаютъ его до ожидавшей его стражи, гдѣ онъ объявляетъ имъ, что онъ и есть — Александръ. Если такъ, «то мы оумрьли қс'мо», говорятъ они, но онъ успокоиваетъ ихъ и отпускаетъ съ почетомъ.

Кстати замѣтка къ текстамъ Псевдокаллисѳена: въ III 26 C Александръ, воюя съ Евримитромъ, царемъ Бебриковъ-Бельсировъ, доходитъ до сѣверныхъ горъ, за которыми заключаетъ нечистые народы; мы видѣли (стр. 397), что письмо къ Олимпіадѣ (ib. гл. 27—9) также кончается эпизодомъ о горахъ; B присоединяетъ: *Διεχώρησα δὲ ἀνὰ μέσον* Τούρκων *καὶ* Ἀρμενίων . . ., *καὶ ἀπέκτεινα ἐν ῥομφαίᾳ ἅπαντας αὐτῶν καὶ τὸν αὐτῶν βασιλέα, καὶ ἐσκύλευσα τὰ μέλαθρα αὐτοῦ, τοῦ καλουμένου* Κάνου, *καὶ ἐπέβη εἰς τὰ αὐτοῦ βασίλεια*, гдѣ освобождаетъ плѣненныхъ—Кандавла и его жену! Кандавлъ разсказываетъ: Πρὸς *θήραν ἐξῆλθον, εὐθρανθῆναι βουλόμενος σὺν τῇ ἐμῇ γυναικὶ ἐπὶ χώρας ὁδεύοντες, ἔχων μετ' ἑαυτοῦ πεντακοσίους παῖδας μετὰ λεοντοπάρδων καὶ κυνῶν και ἱεράκων*; здѣсь онъ и былъ схваченъ. — Я полагаю въ этомъ эпизодѣ рядъ смѣшеній: Турковъ съ нечистыми народами за горами сѣвера, ихъ хана — съ Евримитромъ, царемъ Бебриковъ, войско котораго, преслѣдуемое Македонянами, заходитъ именно за эти горы; наконецъ Евримитра (= Хана) съ Евагридомъ,

---

[1]) Популярная на славянскомъ югѣ Александрія дала сюжетъ для одной фрески въ монастырѣ св. Георгія, близь Пирота: въ числѣ мучимыхъ въ аду являются *Дарій, Поръ*, но и—*Александръ*. Сл. Новаковичъ, l. c., стр. XXX—XXXI.

также царемъ Бебриковъ, похитившимъ, какъ мы видѣли, жену Кандавла. Въ италіанскомъ романѣ, въ эпизодѣ о Кандакѣ, Кандавлъ говоритъ, что его жена похищена царемъ Бебриковъ (Brebici; var. Atibeci), когда онъ «uscì fuora della città colla moglie e con alquanti di suoi fidel cavallieri per andarsi *diportando coi falconi* per la contrada (Grion, p. 146). Сл. Hist. de Prel. пространнаго типа: Candaulus exivit cum uxore sua et paucis fidelibus exercendi causa (Zing. стр. 242); въ одномъ варіантѣ: ut eorum animi gratularentur [1]).

---

[1]) Harczyk, Zs. für deutsche Philologie, IV, p. 169—170.

X.

Λόγοι Ἀλεξάνδρου.

Въ Pseudocall. C, III, 30, говорится, что, по возвращеніи Александра въ Вавилонъ[1]), рожденіе чудовищнаго ребенка было истолковано, какъ знаменіе скорой смерти Александра и судебъ, предстоящихъ его царству. Непосредственно затѣмъ разсказывается объ его отравленіи.

---

[1]) По поводу Вавилона, нѣсколько стушеваннаго въ нашей Александріи, замѣчу во французскомъ романѣ (ed. Michelant) намекъ на вавилонскую легенду, о которой я писалъ въ послѣдній разъ въ Archiv f. slav. Philologie, VIII, стр. 326—330. Александръ говоритъ Пору (стр. 315):

prendrai Babilone, se ma gens le conseille,
Que avoir voel la tor qui vers le ciel toreille,
S'ocirai le serpent c'on dist, qui tous jors veille.

Побѣдители вступаютъ въ Вавилонъ (стр. 500):

Sous les piés des cevaus fremist tiere et résonne;
Al dragon est li roi qui le mont emprisonne.
. . . .
Une aighe trespasèrent c'on apeloit Dordone,
En Babilone entrèrent entre vespres et nonne.

Вмѣсто Dordone варьянты даютъ: Bissone, Buconne (P. Meyer въ Romania, №№ 42—43, стр. 228) — вѣроятно Фисонъ, одна изъ четырехъ райскихъ рѣкъ, можетъ быть, отождествленная здѣсь съ Тигромъ, какъ въ другомъ случаѣ это имя стоитъ вмѣсто Нила (Епифаній, въ Allatii Συμμίκτα l. I, p. 55). Представленіе громаднаго змѣя, обвившаго Вавилонъ (qui le mont emprisone) и не усыпающаго, кромѣ извѣстнаго времени (entre vespres et nonne), хорошо знакомо изъ нашей повѣсти о вавилонскомъ царствѣ.

Сербская Александрія представляетъ здѣсь совсѣмъ особое развитіе. Сл. греч. нар. кн., стр. 165 и слѣд.; рум. нар. кн., стр. 97 слѣд.

Вельможи Александра встрѣчаютъ его радостно по его возвращеніи отъ Кандаки, просятъ вернуться въ Персію, и тамъ раздѣлить «господство» — «по достоꙗнию и по подобию» (Нов. III, гл. 15). Возвращеніе въ Персиду (на пути греч. нар. книга, стр. 166—167, разсказываетъ объ испытаніи Александромъ морской глубины, чего нѣтъ ни въ слав. текстахъ, ни въ рум. нар. книгѣ) и раздѣлъ власти (послѣдняго эпизода нѣтъ въ греч. нар. книгѣ), послѣ чего Александръ въ теченіе года пробылъ съ Роксаною «сь великою веселостию и радостию» (гл. 16). Онъ идетъ въ Вавилонъ; явленіе во снѣ Іереміи, который вѣщаетъ ему о близкой смерти; смущеніе Александра, котораго напрасно пытаются утѣшить и развлечь его вельможи (Новак. гл. 17—19; греч. нар. кн., стр. 167—168; рум. нар. кн., стр. 98—100). На пути къ Вавилону, онъ приходитъ на поле, «нарицаѥмоѥ Синарь, и вь зем҆лю, зовомоу Ав҆сидіа, идеже правед҆ныи Іовь богатіи жиль бѣше, и тоу царомь своимь ста, и сил҆ниѥ ѥго воиске по томь полю падоше. Велмоужиѥ же Алексен҆дрови, Алексен҆дра скрьб҆на зрѣште и жалости ѥго измѣнити хотеште, и на гороу ѥго височоу вь҆зведоше и, срьдце ѥго обьвеселити хотеште, воисцѣ ороужати се повелеше и на ѥдиномь мѣстѣ на поли ономь сьбрати се рекоше, и сихь позрѣв҆ше кь Алексен҆дроу рекоше: Алексен҆дре цароу, сил҆ныи господине, видиши ли? По ч҆то скрьбію срьдце своѥ потапляѥши? Зриши ли колицемь людемь дьньсь сьтвори те богь цара, да подобно ѥсть тебе веселити се и радовати зѣло? Алексен҆дрь же, просльзивь се и главою покимавь, рече: Зрите ли сихь всѣхь, и по .н. лѣтѣхь вьси подь зем҆лю заидоуть!» (греч. нар. кн., стр. 168—169; рум. нар. кн., стр. 100). Власти и князи съ востока и запада, сѣвера и юга приходятъ къ Александру съ многоцѣнными дарами (гл. 20), приходитъ съ посланіемъ отъ Олимпіады и Аристотель. Александръ принимаетъ его съ честію, разспрашиваетъ о матери, о македонской

землѣ (гл. 21). На торжественномъ пирѣ Аристотель подноситъ Александру и Роксанѣ подарки, присланные Олимпіадой, и ея письмо, въ которомъ она проситъ сына дать ей повидать себя, либо самому вернуться въ Македонію, либо дозволить ей придти къ нему (гл. 22). Сл. греч. нар. кн., стр. 169—171; рум. нар. книгу, стр. 100—102.

Прочтя эпистолію, Аристотель садится на свое мѣсто, Александръ возсѣдаетъ на высокомъ престолѣ Фора, и начинается тотъ отдѣлъ, который далъ намъ поводъ назвать весь слѣдующій эпизодъ текста: Λόγοι Ἀλεξάνδρου. Дѣло идетъ, очевидно, о мудрыхъ изреченіяхъ — судахъ Александра (Нов. III, гл. 23 = Jag. l. c., стр. 319—321; греч. нар. книга, стр. 171—174; рум. нар. кн., стр. 102—106).

1. «Вь ть дьнь човѣкь нѣкыи оукраде ромен'чоу златоу (греч. нар. кн. стр. 171: ἕνα κανάτι χρυσόν; рум. нар. кн. стр. 103: пъхар). Алексен'дрь сиѥ слышавь, рече: Кто любо ромен'чоу украде, где годе боудеть, Алексен'дрова се ѥ звати, а не оукрадшаго».

2. «И тогда Аристоѳель Алексен'дра выпрашаше, глаголѥ: како вьз'може толикаа сьтворити, ѥлика ниѥдинь човѣкь сьтворити можеть? Алексен'дрь же кь ѥмоу рече: тріи дроузи на сиѥ сьпоспѣш'ници быше мнѣ: роука подат'лива и вѣра непотвор'на и соудь правь» (Нов.). Иначе Jag.: «четири пріѣтели на ово помогоше ми: прво податливство, друго непотворно на ѣзику, трето помиловане, четрто прав суд» (греч. нар. кн., стр. 171—172: τέσσαρα καλὰ ἦσαν εἰς ἐμένα. πρῶτον, καλὸν χαιρέτημα· δεύτερον, ἀλήθεια. τρίτον, ἀπὸ τὸν λόγον μου νὰ μὴν εὐγαίνω· τέταρτον, ἡ κρίσις μου νὰ εἶναι δικαία, καὶ νὰ πιστεύω τὸν Θεὸν τοῦ οὐρανοῦ καὶ τῆς γῆς, ὁποῦ ἔπλασε τὰ πάντα; рум. нар. кн., стр. 103: авȣтам патрȣ ажȣторі кȣ міне: ȣнȣл кȣвѫнтȣл дȣлче, алтȣл мѫна ꙟтінсъ, алтȣл жȣдеката дрѣптъ, алтȣл ертарѣ ла грешіцї).

3. «Тогда ѥмоу сповѣдати начеть в'са, ѥлика по зем'ли видѣль бѣше, и како сил'ныихь царь господства раздроуши. Сіа

слышавь Аристоѳель, дивлꙗше се, и кь Алексен'дроу глаголааше, оупрашаѥ: Где соуть великаа скровишта, ꙗже по землꙗхь сьбраа? Алексен'дрь на властеле позрѣвь, рече: Любими мои дроузи, си соуть моꙗ скровишта, царска бо скровишта вь чловечьскыихь живоуть срьдцихь (греч. нар. книга, стр. 172; рум. нар. книга, стр. 103).

4. «Аристоѳель же кь нѥмоу рече: Потьшти се, Алексен'дре, чедо сьтворить, ꙗко да Макѥдонꙗномь по сьмрьти паметь оставиши! Алексен'дрь же кь нѥмоу рече: Не имамь вамь оставити сына, нь остав'лю вамь великыѥ моѥ подвигы и добраа моꙗ дѣла (сл. греч. и рум. нар. кн. l. c.).

5. «Тогда пристоупи кь Алексен'дроу нѣк'то оть любимыхь и рече: Добро ѥсть цароу царство обогатити. Алексен'дрь же кь нѥмоу рече: Криса лидон'скога цара ничто не пол'зова сребро и злаато, много бо злата сьбраль бѣше, нь дроузи того кѥр'досаше. Онь же кь Алексен'дроу рече: Пользно ѥ цароу векѥ даани оть зем'лѥ вьзимати. Алексен'дрь же кь нѥмоу рече: Ни врьтара не люб'лю ис корѣне зелиѥ истрьзаюшта (нѣтъ въ греч. нар. книгѣ; въ рум. нар. кн. стр. 103 нѣтъ второй части Александрова изреченія).

6. «И тоу Алексен'дрь Пер'сенина нѣкоѥго стара оузрѣвь, иже брадоу вап'саль бѣше, ꙗко да младь чловѣкомь оузпраѥть се. Видѣвь же ѥго Алексен'дрь рече: О любими мои Меликьн'сире (вар. Меликасиръ), аште пол'за оть вап'сала хоштеть бити, колене ногоу своѥю вап'саи, да оукрѣпеть се; аште ли вап'саломь старости оукрѣпити не можеши, не вап'саи себе, ꙗко да вап'сало тебѣ не прѣварить и, мне себе млада, вь старости напрасно оумреши. И о семь властеле смѣꙗше се много (греч. нар. книга, стр. 172: ὦ ἠγαπημένε μου Μελυκράσυρε; рум. нар. книга, стр. 103—4: Меркис).

7. «Дроугы же моужь велиѥь, ѥмоуже и томоу име бѣше Алексен'дрь, страшивь же бѣше сьи зѣло и сь в'сакого боꙗ бѣгаше, Алексен'дрь же кь нѥмоу рече: Чловѣче, или име из'мѣни,

или дѣло; моѥ бо име тобою срамот'но есть (греч. нар. книга, стр. 172—3 [1]); рум. нар. кн. стр. 104).

8. «И вь ть дьнь кь Алексен'дроу приведоше тисоуштоу гоусарьь, и рекоше кь нѥмоу властеле обѣсити ихь. Онь же кь нимь рече: Оть коле лице моѥ видѣли соуть, не имать никдинь оть нихь оумрѣти; соудіамь бо дан'но ѥсть оубивати, цароу же дан'но ѥсть миловати. И сотвори ихь Алексен'дрь лов'це себѣ» (греч. нар. книга, стр. 173: κλέπταις; рум. нар. кн. стр. 104).

9. «И вь ть дьнь приведоше кь Алексен'дроу чловѣка Ин'діанина, стрѣл'ца ѥго глаголахоу в'сегда бити [ѩко скрозе прьстень вьсегда стрелоу прометати емоу]. Алексен'дрь стрѣлити ѥмоу повеле. Онь же не вьсхоте стрѣлити. [И паки емоу повеле. Онь же не вьсхоте. И вьси ѥго ноудише много, да стрелить. Онь же не вьсхоте]. Алексен'дрь же главоу ѥмоу повеле отсѣшти. Ведомоу же, и нѣкомоу рек'шоу ѥмоу: По ч'то, о чловѣче, за ѥдино стрѣлѥниѥ животь свои оддаде? Онь же кь нѥмоу рече: .і. дьни имамь лоука не похвативь и оубоѩхь се, ѩко да прѣдь царемь не погрѣшивь, прьв'нѥга мога гласа не изгоуб'лю. Се же Алексен'дрь слишавь, и захвали ѥмоу много и сь чьстию ѥго отпоусти (греч. нар. кн. стр. 173; въ рум. нар. кн. нѣтъ).

10. «И тоу Алексен'дроу нѣкыи одь воиникь (греч. нар. кн., стр. 173—174: πτωχός, рум. нар. кн. стр. 104: Sн ом), пристоупивь, рече: Великыи цароу Алексен'дре, дьштерь ѥдинородноу имамь и дьньсь омоужити ю хоштоу, помози ми прикіомь. Алексен'дрь же тисоуштоу таланьть повеле дати ѥмоу злата; онь же кь нѥмоу рече: Много ми ѥсть, цароу. Алексен'дрь же кь нѥмоу рече: Царскаа даань многа трѣбоуѥть се».

Одаривъ Аристотеля и поставивъ его «василопатеромь», онъ отправляетъ его въ Македонію съ порученіемъ привести «Олим'-

---

[1]) Сл. стихотворную греческую Александрію, изд. Wagner'омъ (Trois poèmes grecs, v. 6058—60):

ἰδὼν γὰρ συνομώνυμον ἄνδρα πρὸς νεανίσκον
τινὰ δειλῶς μαχόμενον, εἶπε πρὸς τοῦτον τάχος·
«Ἢ σὺ τὴν τύχην ἄλλαξον ἢ τὴν ἐμὴν τὴν κλῆσιν.»

біадоу царицоу на стан'кь кмоу, вь *Іегуп'ть* великыи вь Палестин'ской зем'ли (въ рум. нар. книгѣ этихъ опредѣленій нѣтъ); самь же тоу оста» (гл. 24), здѣсь позже (гл. 31) и умираетъ.

Гл. 25 разсказываетъ о нахожденіи какимъ-то человѣкомъ сокровища у рѣки Тигра, о чемъ онъ и докладываетъ Александру. «Возьми себѣ; не мнѣ, а тебѣ дано оно Богомъ», говоритъ Александръ. «Я взялъ, что мнѣ на потребу, возьми себѣ остатокъ». Александръ находитъ громадное сокровище. «Не отъ Даріева ли?» спрашиваетъ онъ себя. Все войско беретъ себѣ вволю, «Алексен'дроу же сто коли оть нкго оста» (греч. нар. кн., стр. 174—175; въ рум. нар. кн., стр. 105 кладъ найденъ на берегахъ Евфрата въ «коморіле лȣї Іов богатȣл!). — Слѣдуетъ (гл. 26) описаніе торжественной встрѣчи Олимпіады, празднествъ и игрищъ. Въ греческой народной книгѣ ничего не говорится ни о порученіи Александра Аристотелю привезти мать, ни о пришествіи послѣдней.

Румынская народная книга (стр. 105—106) присоединяетъ къ этому анекдотъ объ Александрѣ и разбойникѣ, разсказанный Цицерономъ и блаж. Августиномъ, причисляя и его къ числу его λόγοι [1]).

Ни одна изъ извѣстныхъ мнѣ Александрій не представляетъ въ сообщенномъ эпизодѣ романа подробностей, знакомыхъ нашему тексту: ни одна не знаетъ о прибытіи Олимпіады и Аристотеля, являющагося какъ-бы затѣмъ, чтобы своимъ присутствіемъ оттѣнить мудрость Александра. Нѣкоторыя изъ изреченій, которыя ему приписаны и въ которыхъ, очевидно, лежитъ

---

[1]) Дȣпъ ачѣѧ адȣсеръ ȣн тѫлхаріȣ ла Алеѯандрȣ, ші гръі Алеѯандрȣ: Омȣле, къчі тѫлхърещі? Омȣл зисе: Де съръчіе тѫлхъреск еȣ, де ȣчіг кѫте ȣн ом, ші сѫнт сінгȣр, ші оаменії ↑м зік тѫлхаріȣ, ѩръ съ мъ ерці ↑пърате, къ тȣ ещі маї маре тѫлхаріȣ декѫт міне, къ тȣ учізі кѫте зѣче мії де оаменї ші таї пре тоці, ші ціе нȣ'ці зік оаменії тѫлхаріȣ, кьчї къ аї оаменї мȣлці чі ↑ці зік ↑пърат, ѩръ де ашї авѣ ші еȣ кȣм аї тȣ, ашї фі ші еȣ ка ші тіне. Алеѯандрȣ зісе: Дрепт гръещі, шіл ертъ, шіл ↑бръкъ, шіл пȣсъ къпітан престе о міе де оаменї маї маре.

главный интересъ всего этого эпизода, встрѣчаются и въ другихъ источникахъ, съ его именемъ и неизбѣжными разночтеніями. Разсѣянныя у древнихъ писателей, у Цицерона и Валерія Максима, Плутарха и Арріана, Діогена Лаэрція и др., они дали матеріалъ для тѣхъ сборниковъ апофтегмъ, любимыхъ въ средніе вѣка, въ которыхъ, очевидно, и нашелъ ихъ анонимный редакторъ нашего романа.

Начну съ афоризмовъ Александра у Стобея, Ἀνθολόγιον (ed. Meineke):

1. I, 116: Ἀλέξανδρος προτρεπομένων τινῶν αὐτὸν ἰδεῖν τὰς Δαρείου θυγατέρας καὶ τὴν κάλλει διαφέρουσαν εἰς γυναῖκα λαβεῖν, «αἰσχρόν, ἔφη, τοὺς ἄνδρας νικήσαντας ὑπὸ γυναικῶν ἡττᾶσθαι». Сл. Plutarchi Alexander, c. XXI, 3.

1. I, 170: Ἐν Ἰλίῳ θύοντι τῷ Ἀλεξάνδρῳ ἔφη ὁ ἱερεὺς δείξειν τὴν Πάριδος λύραν· ὁ δὲ «τὴν Ἀχιλλέως», εἶπεν, «εἰ ἔχεις, δεῖξον, καὶ πρό γε τῆς λύρας τὴν μελίαν».

1. I, 318: Ἀλέξανδρος νοσήσας μακρὰν νόσον, ὡς ἀνέρρωσεν, οὐδέν, ἔφη, διατεθῆναι χεῖρον· «ὑπέμνησε γὰρ ἡμᾶς ἡ νόσος μὴ μέγα φρονεῖν, ὡς θνητοὺς ὄντας».

1. II, 328: Ἀλέξανδρος ἐρωτηθεὶς ὑπό τινος, πῶς ἐν ὀλίγῳ χρόνῳ τῆς οἰκουμένης ἐκυρίευσεν, εἶπε·

Βουλῇ καὶ μύθοισι καὶ ἠπεροπηΐδι τέχνῃ

(Сл. нашъ № 2?).

1. IV, 272: Ἀλέξανδρος ἐρωτηθείς, ἐν τίνι ἔχει τοὺς θησαυρούς, δείξας τοὺς φίλους εἶπεν, «ἐν τούτοις» (сл. нашъ № 3).

У св. Максима, Loci communes [1]), изреченій Александра больше и являются новыя точки соприкосновенія съ нашими:

1. Ἀλέξανδρος αἰχμαλώτους λαβὼν τὰς Δαρείου θυγατέρας, ἐπειδὴ συνεβούλευον αὐτῷ οἱ φίλοι, εὐειδέσιν οὔσαις αὐταῖς συγγενέσθαι· Αἰσχρόν, ἔφη, ἐστὶν ἄνδρας νικήσαντας ὑπὸ γυναικῶν ἡττη-

[1]) Migne, Patrol. gr. t. XCI, p. 741, 745, 747, 773, 833, 895.

θῆναι (сл. выше Стобея l. I, 116 и Василія Великаго Περὶ σωφροσύνης, у Migne, Patrol. gr. t. XXXII, p. 1345) [1]).

2. Ὁ αὐτὸς εἰς Ἰλλυριοὺς παραγενόμενος, ἐν τῷ τοῦ Διὸς βωμῷ κατιδὼν γυναῖκα κάλλει διαφέρουσαν, ἐκπλαγεὶς αὐτῆς τὴν εὐμορφίαν, πολὺν χρόνον ἐθεᾶτο· τοῦ δὲ Ἡφαιστίωνος εἰπόντος, ὅτι εἰκός ἐστι παραλαβεῖν αὐτὴν ἐρωμένην, ἔφη· «Καὶ πῶς οὐ δεινόν, εἰ οἱ ἄλλων ἀκρασίας κολάζειν βουλόμενοι, δουλεύοντες ἀκρασίαις ὑπὸ τῶν ἐκτὸς ἀνθρώπων φωραθῶμεν».

3. Οὗτος παρακαλούμενος ὑπὸ τῶν φίλων νυκτὸς ἐπιθέσθαι τοῖς πολεμίοις, εἶπεν· Οὐ βασιλικόν ἐστι κλέπτειν τὴν νίκην. Сходно у Плутарха, Alexander, XXXI, 4, 5; согласно, съ разночтеніями, у Boissonade, Anecdota graeca: Γνωμικά τινα, t. III, p. 468: οὐ βασιλικὸν τὸ κλέπτειν νίκην [2]).

4. Θεασάμενος δέ τινα ὁμώνυμον αὐτοῦ δειλὸν ὄντα, ἔφη· Νεανίσκε, ἢ τὸ ὄνομα ἄλλαξον, ἢ τὸν τρόπον. Сл. Plutarchi, Alexander LVIII, 3 и нашъ № 7 [3]).

5. Παρακαλούμενος δὲ ὑπὸ τῶν φίλων τεκνοποιῆσαι, ἔφη· Μὴ ἀγωνιᾶτε· καταλείπω γὰρ ὑμῖν τέκνα, τὰς ἐκ τῶν ἀγώνων νίκας. Сл. нашъ № 4 [4]).

6. Τοῦ αὐτοῦ ἐξιόντος ἐπὶ τὸν πόλεμον, Ἀριστοτέλης ἔφη· Περίμεινον τὸ τέλειον τῆς ἡλικίας, καὶ τότε πολέμει. Ὁ δέ, Φοβοῦμαι, εἶπε, μὴ περιμένων τὸ τέλειον τῆς ἡλικίας τὴν τῆς νεότητος τόλμαν ἀπολέσω [5]).

---

[1]) Сл. въ древне-русской Пчелѣ (изд. Безсонова) то-же изреченіе Александра: въ числѣ его плѣнныхъ находится дочь Дарія, «и дружина велѧхуть ему совокупитися съ нею изрядныѧ красоты ради. И рече Александръ: Срамъ есть намь одолѣвшу мужемь многимь, а ныне отъ женѣ побѣжену быти (стр. 23—24).

[2]) Пчела l. c. стр. 29: Сеи молимъ сыи отъ дружины нощию напасти на сопостаты и рече: Не царскиѧ есть крѣпости побѣда.

[3]) Пчела l. c. стр. 29: Сеи видѣвь нѣкоего тезоименита страшлива суща и рече: Уноше, или имѧ или нрава измени.

[4]) Пчела l. c. стр. 29: Сеи молимъ отъ дружины прижити чада и рече: Не скорбите, ѡставлю бо вамъ чада побѣды ихъже добыхъ трудомъ своимъ.

[5]) Пчела l. c. стр. 29: Сему идущу на рать Аристотель рече: Дожди свершена возраста и тогда воюи. Онь же рече: Боюсѧ егда когда же свершена возраста и уностную крѣпость испущу.

7. Ξενοκράτει τῷ φιλοσόφῳ πεντήκοντα τάλαντα πέμψας, ὡς οὐκ ἐδέξατο, μὴ δεῖσθαι φήσας, ἐρώτησεν, εἰ μηδὲ φίλον ἔχει Ξενοκράτης· ἐμοὶ γάρ, ἔφη, μόλις ὁ Δαρείου πλοῦτος εἰς τοὺς φίλους ἤρκεσεν (нѣсколько иначе у Діогена Лаэрція, Vitae Philosophorum, ed. Cobet, l. IV, c. 2, 5).

8. Τινὸς δὲ τῶν αὐτοῦ φίλων αἰτήσαντος αὐτὸν εἰς προῖκα τῆς θυγατρός, ἐκέλευσε πεντήκοντα τάλαντα λαβεῖν· αὐτοῦ δὲ φήσαντος, ἱκανὰ εἶναι δέκα, Σοὶ μέν, ἔφη, λαβεῖν, ἐμοὶ δὲ οὐχ ἱκανὰ εἶναι δέκα δοῦναι. Сл. нашъ № 10.

9. Ὁ αὐτὸς πληρώσας ποτὲ ὀστέων πίνακα, ἔπεμψε Διογένει τῷ Κυνικῷ φιλοσόφῳ· ὁ δὲ λαβών, εἶπεν· Κυνικὸν μὲν τὸ βρῶμα, οὐ βασιλικὸν δὲ τὸ δῶρον.

10. Ὁ αὐτὸς εἶπεν, τῆς αὐτῆς ἁμαρτίας εἶναι, τὸ διδόναι οἷς μὴ δεῖ, καὶ τὸ μὴ διδόναι οἷς δεῖ.

11. Ἀλέξανδρος ὁ βασιλεὺς ἰδὼν Διογένην κοιμώμενον ἐν πίθῳ, ἔφη· ὦ πίθε μεστὲ φρενῶν· ὁ δὲ φιλόσοφος ἀναστὰς ἔφη· ὦ βασιλεῦ μέγιστε,

Θέλω τύχης σταλαγμὸν, ἢ φρενῶν πίθον,
Ἧς μὴ παρούσης, δυστυχοῦσιν αἱ φρένες.
Πρὸς ὃν τις ἀντέφησε τῶν φιλοφρόνων·
Ῥανὶς φρενῶν μοι μᾶλλον, ἢ βυθὸς τύχης,
Ἧς μὴ παρούσης δυστυχοῦσιν αἱ φρένες.

12. = Stobaei Anthol. l. I, 318 (сл. выше, стр. 411).

Другія соотвѣтствія предлагаетъ сборникъ Антонія Мелиссы [1]):

1. Ἀλέξανδρος ἀκούσας ὅτι Δαρεῖος τριάκοντα μυριάδας εἰς παράταξιν ἄγει, ἔφη· «εἷς μάγειρος οὐ φοβεῖται πολλὰ πρόβατα».

2. Ὁ αὐτός, κατασκόπου λέγοντος αὐτῷ, πλείους εἶναι τοὺς Δαρείου, ἔφη· «καὶ τὰ πρόβατα, πλείονα ὄντα, ὑφ᾽ ἑνὸς ἢ δευτέρου λύκου χειροῦνται». Сл. Нов. II, 5: ви же знаюте ѩко пер̓си ов̓це наричоуть се, македониѩне же вльци, и прѣдь юдинемь вльком

---

1) Antonii Melissae Loci Communes y Migne, Patrol. gr. t. CXXXVI, pars I, sermo XXXVII, LIII; pars II, sermo I, XI, LXXIV.

многе ов'це бегають; 6: многе коуч'ке мед'вѣда терають, нь малѣ оукдають.

3. Ἀλέξανδρος ἐπιστολὴν κατὰ τοῦ ἰατροῦ δεξάμενος, ὡς ἐπιβουλεύοντος, ἐπειδὰν ἔτυχεν ἐν αὐτῷ καιρῷ φάρμακον ὥστε πιεῖν, τοσοῦτον ἀπέσχε πιστεῦσαι τῷ διαβάλλοντι, ὥστε ὁμοῦ τε ἐπιστολὴν ἀνεγίνωσκε, καὶ τὸ φάρμακον ἔπινεν (Сл. Василія Великаго у Migne, Patrol. gr. t. XXXII, p. 1008).

4. Τὸν αὐτόν φασι διαβαλλομένου τινὸς τῶν συνήθων, τὴν μὲν ἑτέραν τῶν ἀκοῶν ἐπιμελῶς ἐπιφράξασθαι τῇ χειρί, ἀκεραίαν δηλονότι ταύτην διασώζοντα τῷ μὴ παρόντι (Сл. Василія Великаго у Migne, l. c. p. 297: τὴν ἑτέραν τῶν ἀκοῶν ἀκεραίαν ταμιευσόμεθα τῷ διαβαλλομένῳ).

5. Ἀλέξανδρος τοῦ οἰνοχόου αὐτοῦ ἀπολέσαντος φιάλην χρυσῆν, καὶ διὰ τοῦτο δυσθυμοῦντος, μαθὼν τοῦτο προσκαλεσάμενος αὐτὸν εἶπε· «Θάρσει, ὦ παῖ· ὅπου γὰρ ἂν εἴη, ἡμετέρα ἐστί». Сл. нашъ № 1.

6. Ἀλέξανδρος ἐρωτηθεὶς ποῖος βασιλεὺς ἄριστος, ἔφη· «Ὁ τοὺς φίλους δωρεαῖς συνέχων, τοὺς δὲ ἐχθροὺς δι' εὐεργεσίαν φιλοποιούμενος» (сл. нашъ № 2?).

7. Ἀλέξανδρος ὁ βασιλεύς, ἐρωτηθείς, τίνα μᾶλλον ποθεῖ, τὸν πατέρα Φίλιππον ἢ Ἀριστοτέλην· Τὸν διδάσκαλον, ἔφη· ὁ μὲν γὰρ τοῦ γενέσθαι, ὁ δὲ τοῦ καλῶς γενέσθαι αἴτιος.

8. Ὁ αὐτὸς βαρύ τι ἐπιταττούσης αὐτῷ τῆς μητρὸς Ὀλυμπιάδος, ἔφη· Ὦ μῆτερ, πικρόν με ἐνοίκιον τῆς ἐννεαμηναίου ἀπαιτεῖς.

9. = № 11 у св. Максима (см. выше, стр. 413).

Изъ анонимныхъ сборниковъ апофтегмъ, заключающихъ и Александровы, остановимся прежде всего на текстѣ, недавно изданномъ Е. Миллеромъ [1]), не измѣняя нумераціи изданія:

11. Παίξας (вар. σφαιρίσας) δὲ μετά τινος νεανίσκου ἐδωρήσατο αὐτῷ τάλαντον. Τῶν δὲ φίλων λεγόντων ὅτι πλέον τοῦ δέοντος ἔδωκεν, «Οὐχ ὅσον ἐκεῖνος ἄξιός ἐστι λαβεῖν δεῖ σκοπεῖν, ἀλλ' ὅσον ἐγὼ

---

[1]) Въ Mélanges orientaux, textes et traductions, publ. par les professeurs de l'école spéciale des langues orientales vivantes, à l'occasion du 6e congrès international des orientalistes réuni à Leyde. Paris, 1883, p. 217 слѣд.

δοῦναι». Сл. Plutarchi, Alexander, c. XXXIX, 3; S. Max. № 8 и нашъ № 10.

26 (= Melissa № 8).

49. Ὁ αὐτὸς εἰπόντος αὐτῷ τινος, ὅτι δύνανται αἱ πόλεις σου πλείονάς σοι παρέχειν προσόδους, ἔφη· «Καὶ κηπουρὸν μισῶ, τὸν ἐκ ῥιζῶν τέμνοντα τὰ λάχανα». Сл. нашъ № 5.

50. Ὁ αὐτὸς εἰπόντος Ἀναξιμένους· «Ἐὰν πᾶσι πολλὰ διδῷς, οὐκ ἕξεις τοῦτο ποιῆσαι διαπάντος», ἔφη· «Οὐδέ γε, ἐὰν παύωμαι, μόνος πάντα ἔχειν δυνήσομαι πολὺν χρόνον».

51. Ὁ αὐτὸς παρακαλούμενος ὑπὸ τῶν φίλων χρήματα συνάγειν, ἔφη· «Οὐδὲν ὠφέλησεν οὐδὲ Κροῖσον πολύχρυσον γεγονότα καὶ δέσμιον ἀπαχθέντα» (сл. нашъ № 5).

57. Ὁ αὐτὸς μέλλων εἰς τὴν Ἀσίαν διαβαίνειν, πυνθανομένου Φωκίωνος αὐτὸν ποίοις χρήμασι πεπιστευκὼς ἐπὶ μέγαν καὶ πλούσιον βασιλέα Δαρεῖον μέλλει στρατεύειν, ὑποδείξας τοὺς φίλους ἔφη· «Ἐν τούτοις». Сл. Stobaei, Anthol. l. IV, 272 и нашъ № 3; Миллеръ указываетъ на то-же, но болѣе краткое изреченіе въ сборникѣ Арсенія, ed. Walz, p. 74.

58. Ὁ αὐτὸς ἐν παρατάξει Πισίδας ζωγρήσας τρισχιλίους, [ὡς] ἠξίουν οἱ Μακεδόνες ἀποκτεῖναι πάντας διὰ τὸ πολλὰ κακὰ πεπονθέναι ὑπ'αὐτῶν πολλάκις· «Οὐ ποιήσω τοῦτο, οὐ γὰρ βούλομαι δήμιος ἀντὶ βασιλέως καλεῖσθαι» (сл. нашъ № 8).

59. Ὁ αὐτὸς παρακαλούμενος ὑπὸ τῶν φίλων συνάγειν χρήματα, εἶπεν· «Οὐδὲν ὀνήσω».

60. Ἀλέξανδρος ὁ βασιλεὺς παρακαλούμενος ἐπὶ τὰς Ἀμαζόνας ἀπελθεῖν καὶ στρατεύσασθαι, «Νικᾶν με γυναῖκας αἰσχρόν, [ἔφη], νικᾶσθαι δὲ ὑπὸ γυναικῶν αἰσχρότερον». Сл. Нов. III, гл. 6 въ посланіи Амазонокъ къ Александру: аште бо насъ разбиюши, малоу чьсть обрѣштеши; аште ли мы тебя разбиюмь, то велика срамота тебѣ боудеть. Ближе къ версіи Стобея l. I, 116 (= Plutarchi Alexander, c. XXI, 3), св. Василія и св. Максима (сл. выше № 1) слѣдующая за тѣмъ далѣе апофтегма подъ № 69. Сл. Boissonade l. c.

61. Ἀλέξανδρος ὁ βασιλεὺς ἰδὼν Δαρεῖον ἐπὶ παρατάξεως πεσόντα καὶ τὸ σῶμα γυμνωθέντα, ἄρας τὴν ἑαυτοῦ χλαμύδα ἐσκέπα-

σεν αὐτόν, ἐρωτώμενος δὲ ὑπὸ τῶν φίλων, «Τί τοῦτο ἐποίησας», εἶπεν· «Ἄνδρες φίλοι. οὐ τὸν νεκρὸν καλύπτω, ἀλλὰ τὴν ψυχὴν περιστέλλω».

62. = Мелисса № 2.

63. Ὁ αὐτὸς ἐρωτηθεὶς ὅτι «Πῶς τοσοῦτον ἐθνῶν ἐν ὀλίγοις ἔτεσιν ἐκράτησας;» ἔφη· «Μηδὲν εἰς τὴν αὔριον ἀναβαλλόμενος».

67. Ἀλέξανδρος Δαρείου προπέμψαντος αὐτῷ τόξον καὶ βέλη καὶ χρυσοῦν στέφανον, ἔφη· «Δέδεγμαι τὸν πόλεμον καὶ τὴν ἀπὸ τοῦ πολέμου νίκην».

68. Ἀλέξανδρος Δαρείου πρεσβευσαμένου πρὸς αὐτὸν δώσειν αὐτῷ τὴν θυγατέρα αὐτοῦ πρὸς γάμον, καὶ ἵνα δῷ (f. ἐπιδώσειν) χίλια τάλαντα, ἔφη· «Παυσάσθω Δαρεῖος τὰ ἐμὰ ἐμοὶ χαριζόμενος».

Нѣсколько Александровыхъ изреченій находится въ анонимномъ Florilegium мюнхенской библіотеки, напечатанномъ Meineke въ изданіи Стобея (v. II). Съ № 73 сл. № 57 Мюллеровскаго анонима; № 155 = S. Max. № 9; № 156 = S. Max. № 5; № 157: Ὁ αὐτός, ἐπεὶ Ἀντίπατρος αὐτῷ πολλὰ κατὰ τῆς μητρὸς ἔγραψεν, «ἀγνοεῖς ἔφη, Ἀντίπατρε, ὅτι μητρὸς ἓν δάκρυον πολλὰς διαβολῶν ἐπιστολὰς ἀπαλείφει». — №№ 158 и 159, очевидно, принадлежатъ къ одной апофтегмѣ, какъ позволено судить изъ приводимаго далѣе текста: № 158: Ὁ αὐτὸς παράγγελμα ἔλαβεν ὅτι «Ἐὰν δύνῃ ὁδεῦσαι, μὴ πλεύσῃς»; № 159: Καθ'ἑκάστην ἡμέραν διατίθου γυναικὶ ἀπόρρητα. — № 160: Ὁ αὐτὸς θεασάμενος γέροντα τὰς τρίχας βάπτοντα, ἔφη· «Μὴ τὰς τρίχας ἀλλὰ τὰ γόνατα βάπτε» = нашъ № 6.

Въ греческой рукописи Моск. Синодальной библіотеки № 298 (по Маттеи № 285), въ которой проф. Васильевскій открылъ Записки византійскаго боярина, помѣщенъ списокъ Псевдокаллисѳенова романа, а съ листа 109 об. и слѣд.: Ἀποφθέγματα καὶ γνῶμαι διαφόρων φιλοσόφων σὺν Ἀλεξάνδρῳ τῷ βασιλεῖ. Приводимъ лишь тѣ изъ нихъ, которыя приписаны Александру

(л. 109 v.—110 v.) Ἀλέξανδρος ὁ βασιλεὺς πληρώσας ποτὲ ὀστέων πίνακα ἔπεμψεν Διογένῃ τῷ κυνικῷ φιλοσόφῳ· ὁ δὲ λαβὼν εἶπεν·

«Κυνικὸν μὲν τὸ βρῶμα, οὐ βασιλικὸν δὲ τὸ δῶρον». Сл. S. Max. № 9, Floril. mon. № 155.

Ἀλέξανδρος ὁ βασιλεὺς ἰδὼν τὸν αὐτὸν Διογένην κοιμώμενον ἐν πίθῳ, εἶπεν· «ὦ πίθε μεστὲ φρενῶν»· Ὁ δὲ φιλόσοφος ἀναστὰς εἶπεν· «ὦ βασιλεῦ μέγιστε, θέλω τύχης σταλαγμὸν ἢ φρενῶν πίθον, ἧς μὴ παρούσης δυστυχοῦσιν αἱ φρένες». Сл. S. Max. № 11 (Замѣтимъ, по поводу этого и предыдущаго изреченія, особую роль Діогена въ аѳинскомъ эпизодѣ сербской Александріи).

Ἀλεξάνδρῳ τῷ βασιλεῖ ἀξιόντι ποτὲ ἐπὶ πόλεμον, Ἀριστοτέλης ἔφη· «Περίμεινον τὸ τέλειον τῆς ἡλικίας εἰς αὔξησιν τοῦ σώματος, καὶ τότε πολέμει»· ὁ δὲ Ἀλέξανδρος ἔφη· «Φοβοῦμαι μὴ περιμένων τὸ τέλειον τῆς ἡλικίας τὴν τῆς νεότητος τόλμαν ἀπολέσω». Сл. S. Max. № 6.

Ἀλέξανδρος ὁ βασιλεὺς παρακαλούμενος ὑπὸ τῶν φίλων νυκτὸς ἐπιθέσθαι τοῖς πολεμίοις, ἔφη· «Οὐ βασιλικόν ἐστιν κλέψαι τὴν νίκην»· Сл. S. Max. № 3.

Ἀλέξανδρος ὁ βασιλεὺς παρακαλούμενος ἐπὶ τὰς Ἀμαζόνας στρατεύσασθαι εἶπεν· «Νικᾶν γυναῖκας αἰσχρόν, νικᾶσθαι δὲ ὑπὸ γυναικῶν αἰσχρότερον». Сл. anon. Muelleri, № 60.

Ἀλεξάνδρῳ τῷ βασιλεῖ εἰπόντος τινὸς ὅτι Δαρεῖος τριάκοντα μυριάδας ἀνδρῶν εἰς παράταξιν ἄγει, ἔφη· «Εἷς μάγειρος οὐ φοβεῖται πολλὰ πρόβατα»· Сл. Melissa, № 1.

Ἀλεξάνδρῳ τῷ βασιλεῖ τοῦ κατασκόπου λέγοντος αὐτῷ πλείονας εἶναι τοῦ Δαρειοῦ, εἶπεν· «Καὶ τὰ πρόβατα πλείονα ὄντα ὑφ' ἑνὸς ἢ δευτέρου λύκου χειροῦνται»· Сл. Melissa, № 2.

Ἀλεξάνδρῳ τῷ τῶν Μακεδόνων εἰπόντος αὐτῷ τινος ὅτι δύνανται αἱ πόλεις σου πλείονας παρέχειν προσόδους, ἔφη· «Καὶ κηπουρὸν μισῶ τὸν ἐκ ῥιζῶν ἐκτέμνοντα λάχανα». Сл. anon. Muelleri, № 49.

Ἀλέξανδρος ὁ βασιλεὺς ἐρωτηθείς, ποῖος βασιλεὺς ἄριστος, ἔφη· «Ὁ τοὺς φίλους δωρεαῖς συνέχων, τοὺς δὲ ἐχθροὺς διὰ τῶν εὐεργεσιῶν φιλοποιούμενος»· Сл. Melissa, № 6.

Ἀλέξανδρος ὁ βασιλεὺς ἐρωτηθείς, ποῦ οἱ θησαυροὶ αὐτοῦ εἰσιν. ἐπιδείξας τοὺς φίλους ἔφη· «Ἐν τούτοις»· Сл. Stobaei Anthol. IV, 272: anon. Muell. № 57; anon. monac. № 73 и нашъ № 3.

Ἀλέξανδρος ὁ βασιλεὺς ἰδὼν ποτὲ ἐν τῷ πολέμῳ ὁμώνυμον αὐτοῦ στρατιώτην ὁμαλῶς καὶ παρακμαστικῶς[1]) μαχόμενον, εἶπεν· «Νεανίσκε, ἢ τοὺς τρόπους ἄλλαξον, ἢ τὸ ὄνομα»· Сл. S. Max. № 4 и нашъ № 7.

Ἀλέξανδρος ὁ βασιλεὺς ἐρωτηθείς, πῶς τοσούτων ἐθνῶν ἐν ὀλίγοις χρόνοις ἐκράτησεν, ἔφη· «Μηδὲν εἰς αὔριον ἀναβαλλόμενος»· Сл. anon. Muell. № 63.

(л. 112 v.). Ἀλέξανδρος ὁ τῶν Μακεδόνων βασιλεὺς παράγγελμα ἔλαβεν ὅτι· «Ἐὰν δύνῃ ὁδεῦσαι, μὴ πλεύσῃς· καθ' ἑκάστην ἡμέραν διατίθου· γυναικὶ ἀπόρρητα μὴ θαρρήσῃς καὶ ἐὰν ὀργισθῇς κατά τινος, μὴ ποιήσῃς ἐπεξέ(λευσιν) [2]) πρὶν ἀπαγγείλῃς τὰ. κδ΄. στοιχεῖα τοῦ ἀλφαβήτου». Сл. №№ 158 и 159 anon. monac.

Предложенное обозрѣніе Александровой апофтегмы раскрыло намъ греческія параллели къ 9 изъ 10 изреченій, сопоставленныхъ въ нашемъ романѣ (къ № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 10). На восточныя параллели я укажу лишь вскользь. Нѣкоторыя изъ нихъ собраны у D'Herbelot [3]); въ сборникѣ изреченій несторіанца Honein ben Ishak († 873), извѣстномъ въ еврейскомъ, армянскомъ и испанскомъ переложеніяхъ (El libro de los buenos proverbios), цѣлый отдѣлъ посвященъ Александру и особая глава его мудрости [4]). Памятникомъ этимъ пользовался въ концѣ XI или началѣ XII вѣка арабскій врачъ и философъ Abu'l Wafa Mobaschir Ibn Fatik, составившій сборникъ апофтегмъ, распространенный въ латинскомъ, староиспанскомъ и цѣломъ рядѣ другихъ переводовъ [5]). Авторомъ перваго названъ въ одной рукописи Іоаннъ изъ Прочиды, что̀ отнесло бы насъ въ Палермо, ко времени Фридриха II. Къ XIII-же вѣку относится испанскій пересказъ того-же памятника, извѣстные Bocados de Oro. Приведемъ изъ него нѣсколько

---

[1]) Ркп. παρακμας; поправка Дестуниса.

[2]) Дополнено В. К. Ернштедтомъ.

[3]) Выбраны оттуда Weissmann'омъ, Alexander, II, стр. 518—522, въ соотвѣтствіи съ нашими №№ 2, 4, 8; Mel. 7; S. Max. 3.

[4]) Knust, Mittheilungen aus dem Eskurial (141-ste Publication d. lit. Vereins in Stuttgart), стр. 1 слѣд.; особенно стр. 36 слѣд.; сл. стр. 524 слѣд.

[5]) Сл. Knust, l. c., p. 560 слѣд., 576.

изреченій Александра [1]), чтобъ указать на сходство ихъ типа съ изреченіями сербской Александріи.

Et circumstantes dixerunt ei: «In exercitu Darii sunt trecenta milia hominum». Quibus respondit Alexander: «Bonus cocus multis gregibus non terretur».—Et intrantes ad eum quidam sui patriarche dixerunt ei: «Ex quo vos Deus ampliavit in regnis ad hoc quod filios habeatis plures adquiratis uxores». Quibus respondit: «Non decet a mulieribus vinci qui homines superavit». — Et introivit quidam cum ruptis vestibus ad eum bene loquens et ad interrogata bene respondens. Cui dixit Alexander: «Si sicut tua raciocinacio sic tuus esset vestitus, quod juris esset, in ornamentis tuo corpori impendisses sicut anime quod meruit de sciencia contulisti». Cui respondit: «O domine rex, raciocinacionem adipisci valeo ex me ipso, vos tamen potestis vestimenta concedere». Et precepit dare ei aliquid ad vestitum. — Introduxerunt coram eo quendam latronem quem suspendi precepit, ad quem latro: «Me dolente quod egi commisi». Ad quem Alexander: «Te propterea te dolente suspendent». Et introivit ad eum quidam dicens: «O rex, [jubeatis] michi dari decem milia morabatinorum». Cui respondit: «Non meritus es». Dixit ei: «Si meritus non sum habere, vos dare meremini» . . . . . . Et dixit ei patriarcha: «Plures habemos captivos, tuos servos». Respondit: «Nolo servorum dominus esse qui dominus liberorum existo» . . . . Et quesiverunt ab eo quare sic juvenis existens tante (fuit) potencie. Respondit: «Quia conatus sum semper multos habere amicos et inimicis conferre, et taliter dominando factus sum potens» . . . . Et dixerunt Nichomacho: «Quomodo tam celeriter facti sunt homines obedientes Alexandro?» Respondit (eis): «Propter id quod viguit in eo justicie et bone conversacionis et regiminis vite excellentis» . . . . Et dixerunt (quidam ex suis): «Quomodo in etate tam tenera potuisti tot regna perquirere?» Respondit: «Quia reconcilians inimicos amicos feci et amicis benficiis satisfeci».

---

[1]) Knust, l. c., p. 307 слѣд., p. 480 слѣд.

Въ Bocados de Oro, какъ и въ латинской редакціи Изреченій, особая глава отведена мудрымъ изреченіямъ Гермеса [1]); въ текстѣ, откуда взяты приведенные выше отрывки, весь отдѣлъ объ Александрѣ приписанъ тому-же Гермесу: «De rege Alexandro et ejus origine, ex libro Hermeri de dictis philosophorum descripta; Dicta Alexandri ex libro ejusdem Hermeri [2]). Это, быть можетъ, Гермесъ Трисмегистъ; въ сосѣдствѣ Александра онъ невольно напоминаетъ мнѣ Гермеса-Іеремію нашей Александріи — и Гермеса, прадѣда Александра въ коптской генеалогіи послѣдняго [3]).

Назидательный характеръ нашего памятника достаточно выяснился изъ предъидущаго изложенія; онъ сознательно любитъ апофтегму: ею щеголяетъ и Дарій, и Поръ, но особливо Александръ, сложившійся уже у Плутарха въ типическій образъ царя-философа. бесѣдующаго съ брахманами-гимнософистами (Плутархъ, Псевдокаллисѳенъ, Палладій), съ мудрецами (Талмудъ), философами, не даромъ сходящимися у его гроба, чтобы задуматься надъ бренностью земнаго величія (Hist. de Prel., Buenos proverbios, Bocados de oro) [4]). Въ то время какъ средневѣковые жонглёры увлекались представленіемъ блестящаго, щедраго царя [5]), старая

---

[1]) Сл. Knust, p. 87 и слѣд.

[2]) ib. 569—570.

[3]) Сл. Pietschmann, Hermes Trismegistos, стр. 55.

[4]) Сл. Knust, l. c., стр. 45 слѣд., 301 слѣд.; сл. ib. прим. a на стр. 303—5 и Oesterley, Gesta Romanorum, прим. къ гл. 31.

[5]) «Податливая рука» Александра (Нов. стр. 45, прим. 2), основная тема похвалъ, расточаемыхъ ему средневѣковыми поэтами, восходитъ къ Плутарху (Alexander, XXXIX, 1: μεγαλοδωρότατος). Сл. у Юлія Валерія и въ армянскомъ переводѣ Псевдокаллисѳена переписку Зевксиса, Аристотеля, Филиппа, Олимпіады и Александра объ излишней расточительности послѣдняго; наконецъ, Cic. de Off. 2, 15, 53: Praeclare in epistula quadam Alexandrum filium Philippus accusat, quod largitione benevolentiam Macedonum consectetur (Zacher, Pseudocall. p. 115, гл. 16 и p. 92—3; сл. Val. Max. l. VII, c. II, ext. 10). Къ характеристикѣ легендарной щедрости Александра въ средневѣковой поэзіи сл. Zingerle, l. c., стр. 3—5 и прим.; Birch-Hirschfeld, Ueber die den provenz. Troubadours des XII—XIII Jhrhs. bekannten epischen Stoffe, p. 18 слѣд. (passim): французскую Александрію (ed. Michelant) passim, стр. 1, 3. 5, 9, 13, 16, 18, 128, 129, 184, 190, 221, 250, 261—2. 264, 313. 314—315, 358, 391, 413, 414, 460. 471, 489—90, 491, 501, 523, 530, 532, 537. 538, 539, 540, 541, 542, 543, 547. 549,

и новая новелла любила ставить его въ положенія, вызывавшія общіе вопросы и философскія сомнѣнія. Сл. разсказъ Цицерона (Tuscul. 5, 32) и Валерія Максима (IV, III, ext. 4) объ Александрѣ и Діогенѣ [1]); Цицерона (De republ. 3) и бл. Августина (De civit. Dei, 4, 4): о немъ-же и морскомъ разбойникѣ [2]); объ одномъ рыцарѣ Александра и жонглёрѣ [3]); о Евреѣ и язычникѣ на пути между Каиромъ и Вавилономъ: притча на тему «Правды и Кривды», которую Аристотель разсказываетъ Александру у Gower'а [4]), тогда какъ Buenos proverbios [5]) выводятъ самого Александра въ бесѣдѣ съ наслѣдникомъ древнихъ царей, отказавшимся отъ власти и проводящимъ все время — въ склепѣ, гдѣ онъ перебираетъ кости, стараясь узнать, какія изъ нихъ принадлежали царямъ, какія рабамъ — и не находя между ними никакой разницы [6]).

Этотъ идеализованный образъ Александра полюбился отцамъ церкви: Василій Великій, Григорій Назіанзинъ, Іоаннъ Златоустъ приводятъ примѣры его мудрости, справедливости, воздержанія и милосердія, и цитуютъ его изреченія. Его слабости и порочныя увлеченія не забыты, но не всегда ведутъ къ отрицательной характеристикѣ, какъ у Евсевія и Орозія [7]): чаще онѣ упоминаются какъ-бы затѣмъ, чтобы оттѣнить положительныя стороны идеала: и такого-то героя, мудреца одолѣлъ порокъ, скосила смерть!

Καὶ σὲ Δρακοντιάδη, μένος ἄσχετε, ὤλεσεν οἶνος,

---

550. Сл. еще Kuno Meyer, Irische version der Alexandersage (изъ сборника Dean of Lismore), стр. 5:

Alexander, der freigebige, grosse,
Er spendete Silber und Gold.

[1]) Сл. Oesterley, Gesta Rom., прим. къ № 183 и прим. D'Ancona'ы къ № LXVI Cento novelle antiche.

[2]) Сл. Oesterley, l. c. № 146.

[3]) Li romanz d'Alexandre, ed. Michelant, p. 222 = Cento novelle antiche № IV.

[4]) Confessio Amantis, ed. Pauli, b. VII, стр. 193 слѣд.

[5]) Knust, l. c., стр. 39—40 = Bocados de oro, ib. стр. 307—8.

[6]) Сл. еще Oesterley, l. c. № 9, 11, 96, 203 и друг. и тамже прим.

[7]) Orosii, Hist. adv. pag. III, 7, 5: gurges miseriarum atque atrocissimus turbo totius Orientis!

поетъ о немъ Григорій Назіанзинъ, а Косьма Іерусалимскій поясняетъ это такимъ образомъ [1]): «Δρακοντιάδης ἐστὶν ὁ Ἀλέξανδρος· ὁ γὰρ Ζεὺς ὄφει ἐξομοιωθεὶς τὴν Ὀλυμπιάδα τὴν Φιλίππου γυναῖκα ἐμοίχευσεν. Ὁ οὖν Ἀλέξανδρος ἐπιτηδειότητα πολλὴν ἐκ φύσεως κεκτημένος καὶ φρόνησιν, πάσης σχεδὸν τῆς οἰκουμένης ἐκράτησεν· ἦν δὲ καὶ σώφρων, ἀλλ' ὅμως οἰνόφλυξ. Οὗτος οὖν τοῦ ζῆν κακῶς ἀπηλλάγη, τῇ μέθῃ διαφθαρείς· τινὲς δέ φασιν, ὅτι καὶ τὸ σῶμα λελώβητο ὑπὸ τῆς τρυφῆς. Ὁ τοίνυν τοιοῦτος καὶ τοσοῦτος, φησὶν ὁ θεῖος Γρηγόριος, καὶ πάσης κρατήσας τῆς γῆς, οἰκτρῷ τέλει τὸν βίον κατέστρεψεν». — Это почти та-же идея, что въ нашемъ Преніи живота и смерти: «Александръ Македонскій и оудалой и храбръ и всей подсолнечной царь и государь былъ, да и того азъ взяла!», похваляется смерть [2]).

Это представленіе чего-то роковаго усиливалось, въ иной связи, тѣмъ мѣстомъ, какое выпало на долю Александра въ талмудическихъ и христіанскихъ толкованіяхъ Даніиловыхъ пророчествъ. Вся его историческая роль явилась въ фаталистическомъ освѣщеніи: побѣдитель персовъ, создавшій всемірное господство македонянъ, онъ пришелъ какъ-бы за тѣмъ, чтобы уготовить такое-же господство римскаго имени. Римляне славны уже тѣмъ однимъ, что переяли власть македонянъ, говоритъ Златоустъ въ одномъ мѣстѣ [3]), которое мы приводимъ, какъ особенно характерное для репутаціи Александра именно въ христіанской средѣ: «Ἃ γὰρ ὁ Μακεδόνων βασιλεὺς εἰργάσατο, πάντα ὑπερέβαινε λόγον, ἀπὸ μικρᾶς μὲν ὁρμηθεὶς πόλεως, τὴν δὲ οἰκουμένην καταλαβών. Διὰ τοῦτο καὶ πτηνὴν πάρδαλιν αὐτὸν ὁρᾷ ὁ προφήτης τὸ τάχος καὶ τὸ σφοδρὸν καὶ τὸ πυρῶδες καὶ τὸ ἄφνω που διαπτῆναι τὴν οἰκουμένην μετὰ τροπαίων καὶ νίκης δηλῶν. Λέγουσι δὲ, ὅτι καὶ φιλοσόφου τινὸς ἀκούσας λέγοντος, ὅτι ἄπειροι κόσμοι εἰσὶ, πικρὸν ἐστέναξεν,

---

[1]) Cosmae Hierosol. Comment. in S. Gregorii Nazianzeni carmina, у Migne, Patrol. gr. t. XXXVIII, стр. 434—5.

[2]) Пам. стар. русск. литер. II, стр. 439.

[3]) In Epist. I ad Thessal. c. I, homil. II, у Migne, Patrol. gr. t. LXII, стр. 399.

εἴ γε ἀπείρων ὄντων, μηδὲ ἑνός του κεκράτηκεν [1]). Οὕτως ἦν μεγαλόφρων καὶ μεγαλόψυχος, καὶ πανταχοῦ τῆς οἰκουμένης ᾔδετο. Τῇ γοῦν τοῦ βασιλέως φήμῃ συνανῄει καὶ ἡ τοῦ ἔθνους δόξα· Ἀλέξανδρος γὰρ ὁ Μακεδὼν ἐλέγετο· ὥστε διαβοωμένου ἐκείνου, εἰκότως καὶ τὰ ἐκεῖ γενόμενα πανταχοῦ ᾄδεσθαι· τῶν γὰρ ἐπισήμων οὐδὲν δύναται λαθεῖν».

Всё это указываетъ въ христіанскомъ обществѣ на своеобразный интересъ къ Александровой легендѣ, отрывочныя упоминанія которой у церковныхъ писателей даютъ матеріалъ для исторіи ея позднѣйшихъ версій. Такъ показаніе Златоуста [2]): Ἀλέξανδρον τρισκαιδέκατον ἐνόμισεν εἶναι θεὸν ἡ σύγκλητος Ῥωμαίων — относитъ насъ всего скорѣе къ римскому эпизоду нашей Александріи (= C[1]), тогда какъ прикладъ Григорія Назіанзина о великодушномъ поступкѣ Александра съ Поромъ [3]) указываетъ на точку зрѣнія Epistola и ея источниковъ.

Въ такой средѣ становится понятно сложеніе «христіанизованныхъ» Александрій, вродѣ нашей и включенной эпизодомъ въ житіе Макарія римскаго; понятна своеобразная историко-политическая идея Псевдо-Меѳодіевыхъ откровеній [4]), дѣлающая Олимпіаду-Хусиѳу матерью не только Александра, но и Византіи, сыновья которой властвуютъ въ Римѣ, Царьградѣ и Александріи, — какъ съ другой стороны насъ не поразятъ ни церковныя изображенія легенды о полетѣ Александра на грифахъ,

---

[1]) Сл. Val. Max. l. VIII, c. XIV, ext. 2.

[2]) In Epist. II ad Cor., Hom. XXVI, у Migne, Patrol. gr. t. LXI, p. 580.

[3]) Contra Iulianum I, c. XLI (Migne, Patrol. gr. t. XXXV, p. 565): «Καὶ ἅμα τὸ θαρρεῖν εἶχεν, εἰ δεῖ τὸ μεῖζον εἰπεῖν, οὐ τοσοῦτον ἐκ τῆς ἐκείνου πίστεως, ὅσον ἐκ τῆς ἰδίας δυνάμεως· ἢ μοι δοκεῖ καὶ Ἀλέξανδρος θαρρήσας ὁ πάνυ δοῦναι μὴ μόνον τὸ ζῆν ἡττημένῳ Πώρῳ, καὶ ταῦτα νεανικῶς οὕτως ἠγωνισμένῳ περὶ τῆς βασιλείας, ἀλλὰ καὶ τὴν βασιλείαν αὖθις Ἰνδῶν· ὡς τὸ μεγαλόψυχον οὐκ ἄλλως ἢ οὕτως ἐπιδειξόμενος, ᾧ κρατηθῆναι χεῖρον ἐνόμιζεν Ἀλέξανδρος ὢν ἢ τοῖς ὅπλοις· τοῦ δὲ εἰ κακὸν λάβοι, χειρώσασθαι πάλιν ἐπ' αὐτῷ τυγχάνοντος. Καὶ ἦν αὐτῷ ἡ περιουσία τοῦ θαρρεῖν τὸ φιλάνθρωπον». Сл. Plutarchi Alex. LX, 5; Justin. 12, 8; Oros. Hist. adv. pag. III, 19, 4; Malala ed. Bonn. 194; Cedren. ed. Bonn. I, 266.

[4]) Сл. мои Опыты по исторіи развитія христіанской легенды, I, I, 308.

примѣнительно къ Исайѣ гл. XIV [1]), ни помѣщеніе одного изъ чудесныхъ эпизодовъ Александріи въ цвѣтникѣ XVI в., среди чудесъ, совершившихся въ Печерской обители, съ заглавіемъ: А се иное чюдо Александра.

Александръ христіанизовался, хотя и не настолько, на сколько его совопросникъ въ романѣ: Гермій — Іеремія.

---

[1]) Извѣстны такія изображенія въ соборѣ св. Марка (Венеція), Дмитровскомъ — и въ монастырѣ Дохіарѣ. Сл. мои Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ, стр. 213—214, прим. 2; Сырку, Путешествія румынскихъ ученыхъ по славянскимъ землямъ, Журн. Мин. Нар. Просв. 1880 г. Окт., стр. 85; Meissner, Bildliche Darstellungen der Alexandersage in Kirchen des Mittelalters, въ Arch. f. das Studium d. neueren Sprachen, B. 68 (1882), стр. 181 слѣд.

XI.

КОНЧИНА АЛЕКСАНДРА.

Pseudocall. III, 31: τοῦ δὲ Ἀντιπάτρου ἐπαναστάντος Ὀλυμπιάδι τῇ μητρὶ Ἀλεξάνδρου, ἐποίησεν εἰς αὐτὴν ὅπερ ἐβούλετο. Καὶ τῆς μητρὸς Ἀλεξάνδρου πλεονάκις γραφούσης αὐτῷ περὶ τοῦ Ἀντιπάτρου (ἤχθετο γὰρ ὡς μήτηρ περὶ Ἀλεξάνδρου) καὶ βουλομένης αὐτῆς διελθεῖν εἰς τὴν Ἤπειρον, διεκώλυσεν αὐτὴν ὁ Ἀντίπατρος. Александръ узнаетъ объ этомъ изъ писемъ матери, а Антипатръ, боясь отвѣтственности, рѣшается отравить царя и посылаетъ съ своимъ сыномъ ядъ Александрову чашнику Іоллу (Ἰόλλας, Ἰούλλος), котораго тотъ незадолго передъ тѣмъ обидѣлъ, ударивъ его жезломъ по головѣ. Іоллъ сговаривается съ другимъ обиженнымъ, Мидіемъ (Μήδιος), который приглашаетъ Александра къ себѣ на пиръ, гдѣ Іоллъ подаетъ ему чашу съ отравой.

c. 32 (C) «καὶ εὐθὺς ὁ ἀὴρ ἐμελανοῦτο, καὶ οἱ ἀστέρες τὸ πραχθὲν μὴ φέροντες βλέπειν τὴν ἑαυτῶν ἤμβλυναν λαμπρότητα. Ἐγνωκὼς δὲ Ἀλέξανδρος τὸ εἰς αὐτὸν πραχθέν, οἰμώξας σὺν δάκρυσιν ἔφη τοῖς συνανακειμένοις· «Ἀνάστητε, λέγων, ὦ φίλοι μου, λοιπὸν τοῦ καθεύδειν· οὐκέτι Ἀλέξανδρος μεθ' ὑμῶν, οὐκέτι τῆς φωνῆς μου ἀκούσετε, οὐκέτι λοιπὸν σὺν ἐμοὶ ἔσεσθε. Οἴμοι, πρὸς ᾅδην κατεπείγομαι φθάσαι. Καί, ὦ Ρωξάνη, ἔφη, μικρὸν ἐμοὶ χάρισαι σεαυτήν». Καὶ ὑπ' αὐτῆς κατεχόμενος κατεκλίθη εἰς τὸ παλάτιον αὐτοῦ. Ταῦτα

Μακεδόνες ὡς ἤκουσαν, τοῦ δείπνου εὐθὺς ἐξανίσταντο, καὶ τὸν θρῆνον ἐκ πολλοῦ πόνου ἐλεεινῶς ἐποίουν, καὶ «Ὦ οἷόν τι γέγονεν, ἔλεγον, καὶ τίς ἡμῶν ἔσβεσε τῆς ἡμέρας τὸν λύχνον; Τίς τὴν τῶν Μακεδόνων καταλαβεῖν ἠθέλησε δύναμιν; Τίς δὲ καὶ τὴν ἡμῶν χαρὰν εἰς πένθος μετέστρεψε; Διὰ τί δὲ καὶ ἡ ἑσπέρα ταύτη γέγονεν ἡ παγκακίστη, ἡ φονεύτρια; Διὰ τί δὲ ὁ ταῦτα κατατολμήσας παραχρῆμα ἀνάρπαστος οὐκ ἐγεγόνει. ἀλλὰ τελευτήσαντος Ἀλεξάνδρου. αὐτὸς τοῖς ζῶσι συνεῖ;» Плачъ македонянъ; на другой день Александръ велитъ призвать къ себѣ Пердикку, Птолемея и Лисимаха; всѣ македоняне проходятъ мимо ложа, поставленнаго на возвышеніи; одинъ изъ нихъ обращается къ царю съ хвалебною рѣчью; Александръ подаетъ ему руку.

c. 33 (C) *Καὶ ταῦτα εἰπόντος τοῦ Ἀλεξάνδρου ὁ Βουκέφαλος ἵππος μέσον πάντων δρομαῖος εἰσῆλθε καὶ πλησίον Ἀλεξάνδρου ἐπιστὰς ἤρξατο τοῖς δάκρυσι καταλούειν τὴν κλίνην.*—Посланіе Александра къ Олимпіадѣ (повторяющее вкратцѣ предыдущія) и раздѣлъ власти: Птолемею-Филиппу онъ назначаетъ Египетъ, Филону-Визу Македонію; ему-же онъ поручаетъ отвести Роксану и ея мать къ его матери Олимпіадѣ. — Александръ прощается со всѣми македонянами; молодой Хармидъ, сынъ Поликрата, бросается къ нему на шею съ плачемъ. Распорядившись, чтобы тѣло его перенесено было въ Александрію, Александръ обращается съ прощальною рѣчью и къ Вукефалу, который, схвативъ прибѣжавшаго въ то время Іолла, убиваетъ его на глазахъ хозяина и самъ падаетъ мертвый. Слѣдуютъ чудесныя знаменія, появленіе большой звѣзды и т. п.; когда она скрылась, Александръ испустилъ духъ свой.

c. 34. Персы и македоняне спорятъ о томъ, гдѣ схоронить тѣло Александра; оракулъ вавилонскаго Зевса велитъ отвезти его въ Мемфисъ, откуда первосвященникъ мемфисскаго храма направляетъ его въ городъ, имъ созданный. *Εὐθέως οὖν ὁ Πτολεμαῖος ἄγει αὐτὸν εἰς Ἀλεξάνδρειαν καὶ ποιεῖ τάφον ἐν τῷ ἱερῷ τῷ καλουμένῳ Σῶμα [=Σῆμα] Ἀλεξάνδρου, κἀκεῖ τὸ σῶμα ἤτοι τὸ λείψανον Ἀλεξάνδρου καθίδρυσεν.* — c. 35 говоритъ о числѣ годовъ

жизни и царствованія Александра, о народахъ, имъ покоренныхъ, Александріяхъ, имъ созданныхъ, о днѣ рожденія и смерти.

У Юлія Валерія разсказъ объ отравленіи Александра сокращенъ; причина непріязни Антипатра передается иначе: «occasio moriendi talis fuit. Mater ejus ad eum scripserat super Antipatri et Divinopatri (?) simultatibus, petebatque ut ob id ipsum ad Epirum ire contenderet. Sed enim Alexander cum ad virorum jurgium deduci vellet, statuit Antipatrum ad sese venire ex Macedonia» и т. д. (Müller, Pseudocall. p. 144—145). Французскій романъ (ed. Michelant, стр. 501) удерживаетъ имена обоихъ измѣнниковъ, злоумышлявшихъ противъ Александра и вызванныхъ имъ вслѣдствіе извѣщенія матери. Въ интерполяціи французскаго текста, вслѣдъ за Хожденіемъ въ рай, разсказывается: Александръ обѣщаетъ подарить Граціану два города, по его выбору. Онъ указываетъ на Тиръ и Сидонъ, которыми владѣли измѣнники, Divinuspater и Antipater. Александръ предлагаетъ имъ въ обмѣнъ всю Халдею; они просятъ сроку на размышленіе, но въ тайнѣ негодуютъ и затѣваютъ отравить царя, который, вернувшись въ Вавилонъ, получаетъ посланіе Олимпіады [1]. — По Плутарху (Alexander LXXIV, LXXVII) у Антипатра сыновья Ἰόλας и Κάσανδρος; шесть лѣтъ спустя по смерти сына Олимпіада велитъ разметать прахъ Іола по подозрѣнію въ отравленіи Александра, которое Іолъ совершилъ, а затѣялъ Антипатръ по наущенію Аристотеля. У Юстина (l. XX, 14) Антипатръ посылаетъ ядъ съ своимъ сыномъ Кассандромъ, qui cum fratribus, Philippo et Iolla, ministrare regi solebat. Въ Hist. de prel. (Langraf, стр. 126—7; Zing., стр. 258—9) Олимпіада предупреждаетъ сына объ измѣнническихъ замыслахъ Антипатра въ Македоніи, послѣ чего онъ посылаетъ къ Александру сына Кассандра съ ядомъ, при помощи котораго онъ и его братъ Іолъ (Zing. ut loqueretur Hyolo fratri suo, qui vocabatur Iobas), уже находившійся въ услуженіи царя, должны отравить его.

---

[1]) P. Meyer, Études, p. 24—25.

Эта версія разсказа и эта двойственность именъ, перешедшія въ нѣкоторыя европейскія передѣлки Александріи [1]) и болѣе согласныя съ историческимъ преданіемъ [2]), чѣмъ разсказъ Псевдокаллисѳена, приближаютъ насъ къ сербской рецензіи, также говорящей о двухъ братьяхъ, но ихъ имена другія; Антипатра нѣтъ, причиной Александровой смерти является женщина, мать Левкадуша и Вринеуша. Откуда взялись эти имена — я не знаю, преданіе могло колебаться относительно ихъ. Въ отрывкахъ одного латинскаго стихотворенія объ Александрѣ, напечатаннаго по веронской рукописи и относимаго къ IX вѣку [3]), читаемъ:

> Fere morte dolus magnus—luctusque miserabilis,
> *at Spanus et Ginneus inierunt consilium*
> grifus prendidit altum ascensum, viditque mirabilia.

Цахеръ такъ предлагаетъ возстановить испорченный текстъ:

> Fertur modo dolus magnus ludusque mirabilis;
> iniit consilium, ut in sporta juncea
> gryphis prendat altum ascensum: vidit mirabilia.

Опытъ исправленія, очевидно, мотивированъ тѣмъ, что слѣдующая строфа (Hic in altum subiit) говоритъ о попыткѣ Александра вознестись на небо; но уже Царнке замѣтилъ, что въ строфѣ H говорится объ одномъ грифѣ, а не о многихъ, какъ въ F; кромѣ того, между строфами F и H выпала средняя—G (стихотвореніе принадлежитъ къ роду абецедаріевъ-акростиховъ). Въ виду этого полезнѣе воздержаться отъ излишней ломки текста, можетъ быть, сохранившаго въ своихъ испорченныхъ стихахъ случайные отрывки забытаго преданія. Въ самомъ дѣлѣ, первые

---

[1]) Сл. базельскую передѣлку поэмы Лампрехта, ed. Werner (Stuttg. litt. Verein t. CLIV, v. 4390 слѣд.); Grion, l. c., p. 168 слѣд.; франц. прозаическій романъ у Weissmann, Alexander, II, стр. 401.

[2]) Q. Curtius, 10, 10, 17; сл. Droysen, Alexander der Grosse, 88. Въ сирійскомъ переводѣ Псевдокаллисѳена (Woolsey, l. c. p. 369) Александръ отравленъ Антипатромъ и Кассандромъ.

[3]) Zarncke, Ueber das Fragment eines lateinischen Alexanderliedes in Verona, въ Berichte über die Verhandlungen d. k. sächs. Gesellsch. d. Wiss. zu Leipzig. Philol.-hist. Classe, 1877, I—II, p. 56—69; сл. p. 67.

два стиха строфы F, очевидно, говорятъ о злоумышленіи противъ Александра; Spanus и Ginneus напоминаютъ братьевъ сербской Александріи.

Двое братьевъ-македонянъ, Левкадушъ и Вринеушъ, смолоду воспитывались у Александра: первый былъ «конюш'ки чел'никъ», второй служилъ у него въ чашникахъ. Много лѣтъ, прошло съ тѣхъ поръ, какъ не видали они своей матери Минервы [2]), которая часто вызывала ихъ въ Македонію; «они-же любве Алексен'дрове оттрьг'ноути се не можахоу». И вотъ она «дѣло чюд'но сьтвори и достоино: отров'ныи ѥдь сь оухишт'рениѥмь оу гликиз'мо примѣси, ѥже наричеть се реф'не», и послала сыновьямъ; въ письмѣ къ нимъ она писала: «вѣдомо да ѥсть вама, сына моꙗ, ꙗко всако богатьство и слава вь своихь слад'ко, вь чоуждихь же вамь соуштимь злато ваше мрьтво лежить. Да клетвою заклинаю вась вь млеко, иже вьздоихь вась, ꙗко да придѣте видѣти ме. Аште ли Алексен'дрь не поустить вась, гликизмо вамь рефне оудахъ; и оть сего Алексен'дроу вькоусити дате, и вь ть чась вась поустить». Получивъ посланіе, Вринеоушь, не слушая отговоровъ брата, сохранилъ ядовитое зелье; былъ онъ «лоукавь и невѣр'нь на сердци своѥмь Алексен'дроу цароу. Просиль бѣше Алексен'дрова отьчьства Макѥдонию многашти. Алексен'дрь же кь нѥмоу рече: в'соу вьселѥн'ноу раздѣлити имамь, Макѥдонию же никомоу не дамь; до сьмрьти моѥѥ имамь владати самь: по сьмрьти же моѥи да владать номь, комоу да богь Алексен'дровь нарокь и крѣп'коу десницоу и остри мьчь». Шесть лѣтъ онъ таитъ про себя свою злобу, но красота Александра удерживала

---

[1]) W, стр. 61 (сл. прим. 1 на стр. 60) представляетъ здѣсь пропускъ и потому не знаетъ Левкадуша; Βρυονούσης — ὁ πικέρνης τοῦ Ἀλεξάνδρου. Сл. греч. нар. книгу, стр. 175: ὁ Λευκαδούσης ἦτον παραστάτορας τῶν ἀλόγων τοῦ Ἀλεξάνδρου καὶ ὁ Βρυνούσης ἦτον κερνάτορας, ὁποῦ ἐκέρνα μὲ τὸ χέρι του τὸν Ἀλέξανδρον. Мать не названа. Въ рукописной румынской Александріи (отрывокъ въ спискѣ П. А. Сырку), согласно съ сербскимъ текстомъ: Intr' acea vréme era la Macidonie o muiére pre nume *Venerca*, și era ré fórte, și avia doĭ feciorŭ, unulŭ pre nume Vreonuș, și Levcaduș. Сл. рум. нар. кн., стр. 108: Мінерва. Вреонус, Левкадус.

его отъ совершенія преступленія. Левкадушъ убѣждалъ брата, но донести на него не рѣшился (гл. 27). Такъ «ѥдіна оть лоукавыхь жень велико оубиство стьвори, ѥкоже и древ'лѥ раискиѥ пиште Іев'ви ради оулишихомь се» (приводятся примѣры Соломона, Самсона, Іосифа)[1]). — Однажды на пиру Вринеушь по неосторожности разбилъ дорогую чашу «самотвор'ноу оть ан'драк'са камена», за что̀ Александръ покаралъ его немного и тѣмъ еще сильнѣе возбудилъ его злобу; еслибы не Левкадушъ, онъ тотчасъ бы отравилъ Александра. «Тако бо си лоукавь и грьдѣливъ бѣше и алазоникь Вриноoушь, ѥко помиш'лѣше вь себе глаголѥ: ѥко аште Алексен'дра отроую, царь в'семоу свѣтоу быти имамь» (гл. 28). — Въ греческой народной книгѣ (стр. 175 слѣд.) весь этотъ разказъ сильно сокращенъ: мать вызываетъ къ себѣ обоихъ сыновей, но мысль объ отравленіи является не у ней, а у Врнуса, оскорбленнаго тѣмъ, что Александръ его ударилъ; о томъ, что Врнусъ просилъ у него Македонію, нѣтъ и рѣчи; этотъ мотивъ извѣстенъ вѣнскому тексту (W, 61): имъ открывается, послѣ большого пропуска, разказъ о смерти Александра. Въ славянскомъ переводѣ Вринеушь дважды обращается къ царю съ одной и той же просьбой, и лишь по вторичномъ отказѣ рѣшается на преступленіе. Легко предположить, что соотвѣтсвующій эпизодъ вѣнской рукописи относится ко второму отказу. — Греч. нар. кн., стр. 177, вводитъ въ разсказъ объ отравленіи, согласно съ Псевдокаллисѳеномъ, и нѣкоего Μήδης (= Μήδιος Pseudocall.).

Изъ Іерусалима приносятъ въ это время вѣсть о смерти Іереміи, котораго Александръ велитъ погребсти въ Александріи (нѣтъ ни въ вѣнской рукописи, ни въ греческой народной книгѣ;

---

[1]) Сл. Пам. старинн. русск. литер. II, 461 (Поученіе отца къ сыну): въ числѣ мужей, пострадавшихъ отъ «злой жены», упомянутъ и Александръ «Слыши, сыне мой, про царя Александра, яко храбръ бѣ, от палестинския страны от востока солнечнаго вся царствия мира сего своею храбростию къ себѣ приклониша, и от жены отравленъ бысть зелиемъ травнымъ і скончася». Очевидно, воспоминаніе изъ сербской Александріи.

рум. нар. кн. стр. 107—8 упоминаетъ этотъ эпизодъ въ другой послѣдовательности, тотчасъ по разсказѣ о торжественномъ пріемѣ Олимпіады). Сл. выше стр. 337.

Въ тотъ-же день какая-то жена приходитъ къ Александру съ жалобой на мужа за то, что караетъ ее много. «Алексен'дрь рече: всакои жене глава ѥсть моужь, мене нѣсть дано жене соудити прѣдь моужеми. А она же си моужа на оубіиство поноудити хотеше, рече: о цароу, мене биѥть, тебѣ же невѣр'нь ѥсть. Алексен'дрь же рече: нѣсть ти дан'но моужоу соудити; вь царстви бо моѥмь жены моужемь не соудеть, горе бо, рече, зем'ли, вь нѥи же жена обладаѥть, жена бо на ѥдиноу потрѣбу [оть Бога сьтвори се дѣтородства ради], моужу потрѣб'на ѥсть и подроуч'на. И се рекь Алексен'дрь ѥзика ѥи оурезати повеле». (Нѣтъ ни въ вѣнск. рукописи, ни въ греч. нар. книгѣ; въ рум. нар. кн. стр. 108 за эпизодомъ объ Іереміи).

Въ тотъ-же день приступилъ къ Александру «двородрьжица ѥговь Дан'дароушь» и говоритъ, что ему подобало бы отпустить своихъ властелей домой, гдѣ они не были въ теченіе долгихъ лѣтъ. Александръ отпускаетъ ихъ съ честью и подарками (гл. 29; нѣтъ ни въ вѣнск. рукописи, ни въ греч. нар. книгѣ; въ рум. нар. кн. стр. 108 вслѣдъ за предыдущимъ эпизодомъ, за которымъ впервые и начинается разсказъ о Вринеушѣ и Левкадушѣ).

Тогда же пришелъ къ Александру и Вринеушь съ прежней просьбой: дать ему въ господство Македонію. Тотъ отказываетъ, предлагая ему въ замѣнъ того другія владѣнія: «нь вьз'ми себѣ Ливию и Кіликію в'соу и великоу Ан'тіохію» (id. W, стр. 61). Вринеушь рѣшается дѣйствовать и, растворивъ ядъ, даетъ его Александру. Почувствовавъ вліяніе яда, Александръ обращается къ помощи врача Филиппа, тогда какъ Левкадушъ, услышавъ о злодѣяніи брата, бросается на свой мечъ (о смерти Левкадуша греч. нар. книга ничего не знаетъ, тогда какъ румынская, стр. 109—110, 112, называетъ вмѣсто Вринеуса—Левкадуса). Филиппъ не въ силахъ помочь Александру, онъ въ состояніи сдѣлать лишь одно, «ѩко да .г. дьни живь боудеши, дон'деже вса

царствіа оуредиши». Горькія сѣтованія Александра, размышленія о суетности человѣческой славы, обращеніе къ македонянамъ: «аште вьзмож̓но ви ѥсть сьмрьти отети се дьньсь, да сь вами в̓сегда боудоу, за мене дьньсь [сь] сьмрьтію бите се, похитити бо ме оть вась пришла ѥсть». Это возможно одному лишь Богу, отвѣчаютъ они: «нь ты на земли добрѣ пожиль ѥси, и сьмрьть твоꙗ поч̓тена ѥсть. Бол̓ша ѥсть нег̓ли иномоу животь. Походи оубо, Алексен̓дре, походи на оуготован̓ноѥ тебѣ оть бога мѣсто, на зем̓ли бо добрѣ царствоваль ѥси и тамо раꙗ наслѣдити имаши» (гл. 30).

Филиппъ продляетъ жизнь Александра, посадивъ его въ разсѣченную имъ «мьскоу» (сл. W, стр. 62, греч. нар. книга 180; рум. нар. кн. стр. 111). Александръ дѣлаетъ послѣднія распоряженія, поручая Олимпіаду и Роксану Птоломею и Филону (такъ и въ W, стр. 62; въ греч. нар. книгѣ, стр. 181: Пердикка; рум. нар. кн. стр. 111: Птоломей, Филонъ и Антіохъ) и повелѣвая похоронить себя въ Александріи. «Вѣдомо да есть вамь, говоритъ онъ, ꙗко на последникь летомь перьшане макѥдонꙗни обладати имоуть, ꙗкоже и міи Перьсидомь обладамо дьньсь» [1]). Прощаніе съ Роксаной. Александръ велитъ привести Дучипала, который, увидѣвъ умирающаго своего господина, «многожел̓но повишта [и много порьзавь], ногама зем̓лю копаѥ, Алексен̓дровь облобизаше од̓рь». Обращеніе къ Врииеушу: «о любимыи мои Врииеоушоу, не вѣси ли, колика благаа сьтворихь тебѣ? По что [зло за добро вьз̓даль ми ѥси, по что] отрав̓нога ѥда напоиль ме ѥси? Нь проклеть да ѥсть господарь, кои храни господскога оубіицоу и блоудника господске коукѥ; проклеть да ѥсть, к̓то хранить градоиздавчию. Нь зла оубіи, да се зло прѣкрати». Дучипалъ убиваетъ измѣнника, а Александръ говоритъ: «попи, брате Врииеоушоу, чашоу, юже ми послужиль ѥси. Потоломеи же п̓сомь рас̓сешти ѥго по-

---

[1]) Сл. W, стр. 62: то-же; въ греч. нар. книгѣ этой подробности нѣтъ; сл. рум. нар. кн., стр. 111 и румынскій текстъ Сырку: éră sciţĭ, fraţilorŭ, că in véculĭ de apoĭ vorŭ luóa *Turciĭ* Macidonia şi vorŭ fi Macidoneniĭ robĭ Turcilorŭ.

веле» (сл. W, стр. 62—63; греч. нар. кн., стр. 183—184; рум. нар. кн., стр. 112: Левкадусъ). Простившись съ своими вельможами, Александръ умираетъ: «оумрѣ вь земли нарицаеме *Герсемь*, въ странѣ *халдѣисцѣи*, близоу *Египта*, вь земли *Мѣгюрѣціи сирсціи*, на рѣцѣ *Нилѣ*, на мѣсте, идѣже Іосіфь прѣкрасніи .з. житниць *Фараону* царю сътворилъ бѣше». Греческая народная книга ничего не говоритъ объ Египтѣ въ этой связи; но что разумѣется именно эта мѣстность, намеки на то встрѣтились намъ и раньше: Александръ поручалъ Аристотелю привезти къ нему Олимпіаду *«вь Іегуп'тѣ великыи вь палестин'ской зем'ли»* (Нов. III, гл. 24). Вѣнскій текстъ сходится здѣсь съ славянскимъ: ἐξέψυξεν ὅπου ὀνομάζεται Γὲπ Σὲμ εἰς τὸν τόπον τῶν Χαλδαίων, κοντὰ εἰς τὴν Αἴγυπτον, εἰς τὸ ποτάμι τῆς Συρίας, ὁποῦ ὀνομάζεται χρυσὸς Νεῖλος[1]), αὐτοῦ, ὅπου εἶχεν ποιήσει ἀπὸ ὁρισμὸν τοῦ Φαραοῦ Ἰωσὴφ ὁ πάγκαλος ὡρία τοῦ Φαραὼ διὰ γέννημα (W, стр. 63); сл. рум. нар. кн. стр. 113: ѱ цара ІерȣсалімȣлȣЇ, апроапе де Егѵпт, ȣнде аȣ зідіт Іосіф чел прѣфрȣмос чѣле шапте жѫтніце але лȣЇ Фараон ѱпъратȣл. — Герсемъ, Γὲπ Σὲμ = *Гесем* Ягичева текста (стр. 328), библ. Goshen (въ греч. текстѣ: Γεσὲν и Γεσὲμ): область Египта, гдѣ поселился Іаковъ съ своимъ родомъ (Книга Бытія, гл. 45, ст. 10; гл. 46, ст. 28 слѣд. и далѣе). О Гесемѣ сл. Іудиѳь I, 8—10: до *«рѣки египетской и Тафны* и Рамессы и *во всей* землѣ *гессемской*, до входа въ верхній *Танисъ* и Мемфисъ». *Terram Gessen et campos Taneos* упоминаетъ Peregrinatio Sanctae Paulae (T. Tobler et Aug. Molinier, Itinera Hierosolymitana, Genevae, 1879, p. 39); позднѣе (въ концѣ XIII вѣка) Буркгардъ говоритъ о Даміатѣ: hec est terra *Jesse*, in qua olim filii Israel morabantur *Pharaoni* in luto et latere servientes. *In hac etiam postea lapidatus* est *Ieremias* (Laurent, Peregrinatores, p. 94). Александръ умираетъ,

---

[1]) Сл. выше стр. 199—201: златотечени Ниль, χρυσοτρεχάμενος, χρυσορρόας. Сл. Chrysoroan fluvium въ Verba Seniorum у Migne, Patrol. lat. t. LXXIII, p. 100; Chrysorroas (oppidum) на Нилѣ въ космографіи Юлія Гонорія (Riese, l. c., стр. 50, 51).

такимъ образомъ, въ той самой мѣстности, которую легенда связала съ памятью о смерти Іереміи: южную границу Гесема составлялъ каналъ, восходящій ко времени Сета I и, вѣроятно, назначенный соединить Нилъ съ Чермнымъ моремъ; на востокѣ защитой служили озера Суэцкаго перешейка и стоявшія между ними крѣпостцы; къ сѣверу болота, отвѣчающія нынѣ озеру Menzaleh; на западъ танитскій рукавъ Нила; въ этихъ границахъ извѣстны города: Tanis=Zoan=Ramses; Pithom; по коптамъ и 70-и толковникамъ еще и On = Heliopolis, Гермополь Филиппа [1]).

Подъ Египтомъ, въ сосѣдствѣ съ которымъ пріурочивается кончина Александра, несомнѣнно разумѣется египетскій Вавилонъ, персидская крѣпостца, построенная будто-бы Камбизомъ, получившая особое развитіе со времени римлянъ и лишь позже поступившаяся своимъ значеніемъ передъ арабскимъ Каиромъ [2]). По ту сторону Нила, нѣсколько южнѣе Вавилона, стоятъ пирамиды Гизэ—житницы Іосифа старыхъ путешественниковъ, между прочимъ и русскихъ. Такъ въ одной рецензіи (B) космографіи Юлія Гонорія (V—VI в.): inde pyramides quae «horrea Ioseph» dicuntur et palatium regis Thetharcis, id est Pharaonis [3]); у Бернарда (c. 870): «VII horrea adhuc manentia» [4]); у Епифанія: ἀπὸ τοῦ ἁγίου Μακαρίου, ὡς ἀπὸ ἡμέρων τεσσάρων, εἰσὶν αἱ ἀποθήκαι τοῦ Ἰωσὴφ αἱ τριάκοντα ἕξ· καὶ ἐκ τῶν ἐκεῖσε περνᾷς τὸν ποταμὸν τὸν Φισὼν εἰς γέφυραν βασταζομένην ὑπὸ ὀγδοήκοντα καράβων· καὶ ἐκεῖθεν εἰςέρχεσαι τὴν μεγάλην Βαβυλῶνα, εἰς τὸ βασίλειον τοῦ Φαραώ [5]); у Дикуила: «deinde in Nilo longe navigando septem horrea secundum numerum annorum habundantiae, quae sanctus Ioseph fecerat, de longinquo admirantes, tam quam montes viderunt, quattuor in uno loco ac tria in altero» [6]); у Веніамина Ту-

---

[1]) Ebers у Riehm, Handwörterbuch des biblischen Alterthums, a. v. Gosen.

[2]) Butler, The ancient Coptic churches of Egypt (1884), I, стр. 171 слѣд.

[3]) Riese, Geographi latini minores, стр. 51.

[4]) Itinera Hierosolymitana etc. ed. Tobler et Molinier, I, 312.

[5]) Allatii, Σύμμικτα l. I, p. 55.

[6]) Dicuili liber de mensura orbis terrae, ed. Parthey, p. 26.

дельскаго [1]): la nouvelle Misraim (Каиръ) est éloignée de deux lieues de l'ancienne Misraim (Вавилонъ) qui n'est plus qu'un désert. Il y reste cependant encore plusieurs vestiges d'anciennes murailles, aussi bien que de maisons, avec beaucaup de monuments, des greniers batis par Joseph, qui sont encore sur pié. Митрополитъ Эфесскій Даніилъ, упоминая о «житницахъ Іосифа», указываетъ и на настоящее значеніе пирамидъ: «по ту сторону Нила, напротивъ такъ называемаго стараго Египта, ... миль на семь къ югу, стоятъ и такъ называемыя пирамиды, то-есть житницы древняго Іосифа, сына Іакова; но онѣ, какъ я думаю, построены были сначала не для этой потребы, чтобъ служить житницами, но были большими и дорого стоющими гробницами [2]).

У Псевдокаллисѳена Александръ умираетъ въ Вавилонѣ; оракулъ вавилонскаго Зевса велитъ похоронить его въ Мемфисѣ, но мемфисскій первосвященникъ приказываетъ перенести его прахъ въ Александрію. — Въ нашемъ текстѣ Александръ умираетъ также возлѣ Вавилона — но Вавилона египетскаго: послѣднее изъ тѣхъ мѣстныхъ пріуроченій, которыми такъ богатъ нашъ романъ. — Тѣло царя переносятъ въ Александрію, εἰς τὴν Ἀλεξανδρίαν (W, стр. 62; такъ и въ греч. нар. кн., стр. 182), либо: εἰς τὴν Παλαιστίνην, εἰς τὸ κάστρο τὴν Ἀλεξανδρίαν (W, стр. 63—4), что отвѣчаетъ приблизительно опредѣленію славянскаго текста: «въ *Іегуп'ть* великыи вь *Палестин'скои зем'ли*». Надъ нимъ плачетъ Олимпіада, причитаетъ Роксана и, «парамахерь (W, стр. 64, греч. нар. кн. 186: παραμάχαιρον) Алексен'дровь вьзьм'ши и на нь налег'ши, врьхь Алексен'дра оубоде се». Птоломей и Филонъ положили ихъ тѣла въ золотомъ ковчегѣ, въ великомъ столбѣ, который сооружаютъ посреди Александріи, «идеже и до дьньсь тоу стоить». Въ Александріи воцаряется Птоломей—«по сьмрьти же Алексен'дрове на четири ста царствіа

[1]) Bergeron, Voyages, t. I, p. 60.

[2]) Разсказъ и путешествіе по Святымъ мѣстамъ Даніила, митрополита эфесскаго, изд., перев. и объяснилъ Г. Дестунисъ (изд. Православн. Палестинск. Общ., вып. 8-й, СПБ. 1884), стр. 28.

раздѣлише се и зем'лк. И никомоу, о човече, сы свѣть не боуди оу вѣкь, да блюди се да не замѣнишь за покои троудь»! (Нов. III, гл. 31).

Нельзя не признать въ послѣдней части сербской Александріи, то-есть, въ разсказѣ о смерти Александра, сознательной стройности плана. Александръ отказывается отъ борьбы съ Амазонками: побѣдитель мужей не желаетъ быть побѣжденнымъ женщинами — а въ бесѣдѣ съ Птолемеемъ говоритъ ему, что одна изъ нихъ въ состояніи его одолѣть (II, гл. 7). И женщина является впослѣдствіи причиной гибели македонскаго героя. Замѣтимъ въ концѣ романа искусное накопленіе знаменательныхъ эпизодовъ въ одинъ и тотъ же день: Вринеушь замышляетъ убійство; приходитъ вѣсть о кончинѣ Іереміи, духовнаго руководителя Александра; эпизодъ о женѣ снова даетъ Алексанру поводъ высказаться о «женской злобѣ»; Дандарушь и Вринеушь какъ бы нарочно сопоставлены передъ сценой отравленія.

Я попытался указать на художественныя стороны лишь одного небольшаго отрывка сербскаго текста; но я полагаю, что и взятый въ цѣломъ, онъ смѣло можетъ стать на ряду съ прославленными Александріями запада, съ поэмой Лампрехта и Libro de Alejandro.

XII.

НѢСКОЛЬКО ВЫВОДОВЪ.

Эти достоинства плана должны быть, разумѣется, вмѣнены подлиннику сербскаго текста. Что этотъ подлинникъ былъ греческій, въ этомъ не оставляетъ сомнѣніе сближеніе съ греческими, дошедшими до насъ пересказами Александріи того-же типа. Къ подобному выводу уже раньше пришелъ г. Ягичъ, опираясь на грецизмы славянскаго перевода. Нѣкоторыя изъ его объясненій упрочиваются либо видоизмѣняется и число примѣровъ можетъ быть умножено. Сл. у Ягича, l. c., стр. 214: *терьмса* нѣкоѥго надь ними постави *a*, етїарха *b*, етерићр'ха *m* — «i to je grčka riec ἑταιριάρχης?»; у Нововича, стр. 42 варіантъ *m*: етеріархоу; W, стр. 39: 'ταιρεάρχην (bis); греч. нар. книга, стр. 62: ἑταιριάρχης (сл. выше стр. 210) — Jagić, l. c., объясняя темное выраженіе: *подь кѥпаз'момь кор'кодиловемь* (вар. хакизмомь, хакїзмомь, кепазмомь, кеназномь; Jagić, Opisi I, 24, 25, 26: халкизмомь, хакузмь, хакизмы, хапзмы; Нов. 33: вар. халкизмомь) — указываетъ на греч. *χαλκισμός*; сл. W, стр. 30: *μὲ τοῦ κορκονδείλου τὸ σκέπασμα*, и тамъ-же: *ἄλογα.... σκεπασμένα, μὲ ὁλόχρυσα σκεπάσματα ἔμορφα* [1]. — *О енкардиѡсь енѡсись* (ἐγκάρδιος ἕνωσις) = W, *μία καρδία* сл. Jagić, l. c. и выше стр. 134 и 199—201.—Можетъ быть, недоразумѣніемъ славян-

---

[1] О коркодиловой, *коркондиловой* кожѣ сл. выше стр. 170.

скаго текста слѣдуетъ объяснить непонятное названіе камня *регетонскаго*, *реготоскоіо*, съ котораго Александръ свергаетъ Нектанеба (сл. выше стр. 152). То-же слово встрѣчается еще разъ въ варьянтахъ къ эпизоду о хожденіи Александра къ блаженнымъ (сл. текстъ Ягича, стр. 282): «отока никога доидоше висока, велика», вар.: «доћоше к ниекаму висаку *риганту*» (греч. нар. кн. стр. 116: εἰς ἕνα βουνὸν ὑψηλόν): греч. ῥηγμίν, ῥηγμός — или ῥαγάς? — *Стерна* (Jagić, Opisi I, 25: стернь), цистерна = греч. στέρνα (сл. выше стр. 256). — Ексодъ = ἔξοδος (сл. выше стр. 386). — Дучипалъ вм. Вукефалъ = Βουκέφαλος (Нов. стр. 33, 105, 148; но стр. 14, 31: вологлавый конь, 56, 67: великій). — Странное названіе для города: *Филипусъ* (Jagić, стр. 234; Рум. 175: кь Филиппусу граду), Филипоусть (Нов., стр. 21) не что иное какъ Acc. Plur. Φιλίππους: W, стр. 16 εἰς τοὺς Φιλίππους; сл. стр. 1 μὲ τοὺς Φιλίππους καὶ μὲ τὴν Φιλιππόπολιν, какъ Ѥѯерѯень = Artaxerxen (сл. выше стр. 141). — Вѣнская рукопись позволяетъ намъ удалить изъ обращенія вкравшееся въ славянскій тексты собственное имя: Нов., стр. 40: «и изнесоше ємоу вѣн'ць *єтривс госпоє*»; варіанты вмѣсто єтриве• кћере, тежде, тећере (сл. Jag. 250); можетъ быть: єтере? W: βασιλίσσης ἐκείνης (сл. выше стр. 207—8).

Въ словарѣ вѣнскаго текста попадаются, рядомъ съ реченіями восточнаго (сл. γογγιάρης, выше, стр. 387 и прим. 1) и славянскаго происхожденія (προβοδήζω, стр. 18, 45=Нов. 21 послю, 49: проводи вм. провиди; ζακόνια, стр. 29, 30 = Нов. 32 законы; βοηβόντας, стр. 34=Нов. 36: воеводоу и passim), средневѣковыя латинскія (πρωτοκαβαλλαραῖοι 12 = Нов. 15 витези; φουσάτο 17 и passim = Нов. 20 воиско; σκουτάρια 17 = Нов. 20 штиты; κάστρον passim; τοῦ παγονίου τὰ πτερὰ 36 = pavonis, Нов. 39 паоуновоу ... перію, Jag. 249 id.) и, несомнѣнно, италіанскія либо романскія: W, 13: πουτάνα = Нов. 16: блоуд'ница; μπαρμποῦται p. 18 (barbuta)=Нов. 21 шлемови; τόρτζα 30 (torcia)= Нов. 33 свѣште; κουβερτιασμένα 38 = Нов. 42 кипазма = σκέπασμα; τέντα 39 = Нов. 42 шаторъ; φλορὶ 39 = Нов. 42:

златица; τάβλα 39 = Нов. 42 трапеза, Jag., 251 столъ; φαλτζία 43 = falsia; ζούστρα 59 = giostra и т. п. — Эти романизмы и италіанизмы не совпадаютъ ни въ греческихъ текстахъ между собою (W, 4: βαγίτζαις = греч. нар. кн., 11 σκλάβαις; W, 13 τάβλα = греч. нар. кн. 23: τράπεζα; W, 18: σουσάνια καὶ μπαρμπούταις = греч. нар. кн. 31: σουσάνια ἤγουν σιδηροποκάμισα μὲ περικεφαλαίας; W, 18: λιζάτον = греч. нар. кн. 32: λιζάτον ἤγουν χαράτζι; сл. W, 21 = греч. нар. кн. 36; W, 19: πιττάκιν = греч. нар. кн. 33: ἐπιστολήν; W, 20: βίτζανα = греч. нар. кн. 35 βέργα и т. п.), ни съ встрѣчающимися въ текстахъ сербской Александріи, расходящихся въ свою очередь: таблица, мештръ (Jag. 228; Нов. p. 12: на кседесь, вар. кеньдосе, дьсце[1]); дидаскалъ), мештар (Jag., 222; Нов. 5: майстор; сл. Нов. 21: ковачи, вар. масторіе, W, 18: μάστορες, греч. нар. кн. 31 id.), турнати се (Jag., p. 230, Нов. 15; сл. W, 11); выраженія для башни: Jag., p. 242 у турне = Нов. p. 31 оу коулоу; Jag., 292 турне = Нов. p. 100 пир'гове; Jag. стр. 254: туран = Нов. 45: пир'гь, стльпь.— Балиштра (Jag. 241; вар. банестра, чага; сл. Нов. 29; К. Бѣл. л. 49 об. венетра; Jag. Op., I, 24 бенестра), вертуды (Jag., 244, Нов. 33 дѣйствія), баруни (Jag., 268; ib., 270 = Нов. 67 властели), штентати (Jag., 306, Нов. 119 крьс'мати), шпия (Jag., 312 = Нов. 135 на сходу), шкалина (Jag., 319 = Нов. 135 степень); спенза = страђене (сл. выше стр. 386); тарулев вар. блюдь (Jag., стр. 296); магерь (Jag. Opisi, I, стр. 26) = шафар (Jag., въ изд. текста, стр. 286) и друг. — Италіанизмы рудницкаго текста, изданнаго г. Ягичемъ, должны быть отдѣлены отъ того-же явленія, замѣченнаго нами въ греческомъ подлинникѣ, какъ фактъ болѣе поздній и мѣстный.

Особыя соображенія вызываетъ географическій и личный словарь греческой повѣсти по отношенію къ ея славянскому переводу.

---

[1]) Сл. выше стр. 150—1 и варьянтъ Рум. ркп. 175: слнце и луну узна накинтіи ськрасонь, Арись, Азродить, Ермись и вьса сія на дасце ношаше.

Ἀπὸ τὴν Ἐγκλητέραν, W, стр. 12 = неглиторскій Нов., стр. 15; τῆς Ἐγκλιτέρας стр. 33 (новогреч. нар. книга, стр. 55 εἰς τὴν Ἰγλητέραν) = Нов., стр. 36 вь Неглитор'ви, Jag., 246: у Инглитеру (сл. выше стр. 201—2).—О загадочной «*лакиміи*» (ꙗко въ лакиміахь твоихь конь чюд'нъ роди се, Нов. 13; Jag., стр. 229: у свиреппцах твоихъ, сл. Jag., стр. 213), въ которой Каппъ (l. c. стр. 54) усматривалъ названіе мѣстности, см. выше, стр. 152.—*Сивила* Нов. 33, Jag., 244 (у Ягича: южская царица) = W, стр. 30: τῆς βασίλισσας τῆς Σοβιλίας (сл. Marsobilia = Сивилла италіанской народной поэмы [1]).—Когда Александръ является въ Римъ, его встрѣчаютъ властители τῆς Ταρσίας καὶ τῆς Λακεδαιμονίας καὶ τῆς Σικελίας καὶ τοῦ Μωρέως (ὅλων) καὶ τῆς Πουλίας ὅλον τὸ ῥηγάτον καὶ οἱ Γότθοι ὅλοι (W, стр. 29); греч. нар. кн. 48: τῆς Λακεδαιμονίας καὶ τῆς Πουλίας, ὅλον τὸ Ῥιακὸν (? = ῥηγάτον) καὶ ἡ Γόλθη (sic) ὅλη (сл. выше стр. 188 и прим. 2; стр. 192, 194 и прим. 1). *Морейскіе, ѳракійскіе* (тракисци) и *далматинскіе* цари напоминаютъ нашу повѣсть о Вавилонскомъ царствѣ: Тевризъ вавилонскій *Мореистровичъ*, цари *траклинскіе* и *долматинскіе* [2]). Интересно, что Менелай, названный въ славянскихъ текстахъ царемъ лакедемонскимъ (Нов. 38, Jag. 248), является въ греческихъ съ опредѣленіемъ ἐκ τὴν Μωρέαν (W, стр. 35; греч. нар. кн. стр. 58). Сл. выше: τοῦ Μωρέως = моурепсци, мурипски. Въ особомъ пересказѣ троянской притчи, напечатанной Сырку, царь Сіонъ = Менелай, мужъ Егилуды, царитъ въ Аморіи, Аморeѣ, Мореѣ, гдѣ властвуетъ и его братъ Іогъ [3]); Морея греческой Александріи осложнилась воспоминаніемъ о библейской Аморреѣ. — *Фригія:* Φραγγία, Φρυγγία, Φαρυγκία; πρὸς τῆς Φραγγίας стр. 35—6 W = Нов. 37—38 къ стране придійской (= Jag., стр. 248), краля *африкійскаго* (Jag. l. c. *придийскога*),

---

[1]) См. мои Опыты по исторіи развитія христіанской легенды II, I, стр. 249; Sobilia въ Rinaldo da Montalbano.

[2]) Сл. мои Отрывки византійскаго эпоса въ русскомъ: Повѣсть о вавилонскомъ царствѣ, въ Слав. сборникѣ, II (1876 г.), стр. 129—130; сл. стр. 151.

[3]) Сл. мой отчетъ объ изданіяхъ Сырку въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1884 г., Январь, стр. 76—77.

африкіискоую землю (вар. *фиридискоу;* Jag. l. c. *придииску*). Сл. мою замѣтку въ Южно-русскихъ былинахъ, V, p. 80—1 и выше стр. 248: Пинику достается нѣмецкая земля «и *пажадско* господцтво» (Jag. стр. 312), вар. *франическо* (l. c. прим.), *парижьское* (Нов. стр. 126 прим.), *парижеское* (Jag. Opisi I, 26), *фарижеское* (Кир. Бѣл. сп., съ перенесеніемъ на Лаомедонта). Стало быть: Φρυγία (Африкія, Придія)=Φραγγία, можетъ быть, какъ отзвукъ преданія о троянскомъ (фригійскомъ) происхожденіи Франковъ? [1]). Фредегаръ разсказываетъ намъ о царѣ Фригѣ, при которомъ часть Троянъ переселилась въ Европу, отвѣчая призыву *македонскаго царя*, тѣснимаго сосѣдями. Въ благодарность за оказанныя услуги, они получили осѣдлость въ *Македоніи*, и еще подвиги *Филиппа* и *Александра Великаго* продолжали служить свидѣтельствомъ о древнихъ доблестяхъ *троянъ, смѣшавшихся съ македонянами*. Между тѣмъ, главная часть троянскаго народа, назвавшаяся, по имени короля, *фригійцами*, потянулась по Азіи и сѣла, наконецъ, на берегу Дуная. Здѣсь они снова раздѣлились. Одна часть пошла подъ предводительствомъ *Francio* и назвалась *франками*; другая осталась на берегахъ Дуная между Ѳракіей и Океаномъ и получила, отъ имени царя Turchot или Torquot, названіе Turci или Torqui. — Источникъ этой легенды Фредегара усматриваютъ въ хроникѣ бл. Іеронима, куда разсказъ о происхожденіи франковъ внесенъ былъ ея франкскимъ эксцерпторомъ. Уже въ этой болѣе древней версіи фригійцы, франки и македоняне — отрывки одного и того-же народа [2]); если имя Torquotus (Torcoth), эпонима турковъ, выведено изъ Торквата, упоминаемаго въ другомъ мѣстѣ хроники Іеронима, и вставлено не у мѣста, то едва-ли имена Филиппа и Александра у Фредегара слѣдуетъ объяснить такимъ-же

---

[1]) Сл. Новый взглядъ на Слово по Полку Игоревѣ, Журн. Мин. Нар. Просв. 1877, Августъ, стр. 297 и слѣд.

[2]) Сл. Liber Generationis (до 320 года): Filii Jafeth.... Cetthin, unde Troiani, Frigii et Macedones. Сл. Riese, Geographi latini minores, p. 161 и XXXII.

внѣшнимъ смѣшеніемъ, какъ-то дѣлаетъ Krusch [1]); они могли припомниться какъ показатели македонскаго народа.

Имена старой троянской саги, пересказанной въ эпизодѣ Александріи (въ греч. текстѣ): Ἑλένη, Μενελάος, Πριάμος, Ἀχιλλεύς и др. — сохранены въ обычной греческой формѣ, какъ и цѣлый рядъ другихъ. Но рядомъ съ этимъ являются странныя написанія: Καταρκούστης (W, 18; новогреч. нар. кн. Κανταρκούστης стр. 32) = Нов. стр. 21 Кан'дар'хоусъ, 70 Карданьвоушъ, Jag. 235 Кандаркус, 272 Кандракус; W Ἀρχηδονούστης, стр. 22, греч. нар. кн. 38 id. = Нов. стр. 25 Кархидонь, Jag. 238; Πολυκρατούστης W, l. c.; греч. нар. кн. l. c. Πολυκαρτούστης = Нов. стр. 25 Полоукратоушь, Jag. 238; Καλιστερνούστης W, стр. 12 = Нов. стр. 15 Калистеноушь, Jag. 230; Ἀρισβανούστης W, стр. 55, нар. греч. кн. 102: Ἀρισβαρζάνης = Нов. р. 70 Ариз'вар'нь, Jag. 272; Βριονούστης W, 61, греч. нар. кн. 175: Βρυνούστης = Врикноушь, Врипеоушь, Вриокушь Нов. стр. 148, Jag. 326; Селевкоушь (Нов. 20), Селевкоуша (ib. 22) = W, 17: Λευκούστης, греч. нар. кн. стр. 30 id. — Cyrus: род. падежъ τοῦ Κυρίσου (W, стр. 1): сыноу Куроусовоу (Нов. стр. 1). — Я не иначе объясняю себѣ эти формы, какъ латинскимъ, либо романскимъ прототипомъ греческаго подлинника, либо, что пока вѣроятнѣе, *начитанностью* пересказчика въ области, откуда онъ могъ заимствовать и такія имена, какъ Караторъ (Hist. de prel.), Минерва, и такія, какъ: *Candarchus, *Polycratus, *Callisthenus, *Brionus (?). Сл. Febusso e Breusso въ старо-италіанской поэмѣ того-же имени; собственныя имена въ Intelligenza: Bucifalasso, Erculesse, Accilles и Accillesse, Oetes и Oetesse, Ulissesse, Elinusso и др.; W, Ἀρκούτζης = Arcus (сл. выше стр. 274). Греческому переводчику принадлежатъ окончанія на ης: Candarchus—ης, Policratus—ης и т. п., что сохранила греч. народная книга: Βρυνούστης, Λευκαδούστης, тогда какъ славянскій текстъ представляетъ: Врипеушь,

[1]) Die Chronicae des sogenannten Fredegar. von Dr. Br. Krusch, въ Neues Archiv der Gesellschaft f. ält. deutsche Geschichtskunde, VII (1882), стр. 474; сл. стр. 439—41, 473—5.

Врикноушь, Левкадоушь, какъ Менелаоушь (Нов. 62, Jag. 248)—Menelaus, Μενέλαος, W, стр. 36; Прѣельмоужь, Прѣмоушъ, Приамушъ (Нов. 38, 39; Jag. 249)=Priamus, Πρίαμος, W, стр. 36; *Candarchus = Кандархоусь; *Policratus = Поликратоушь и др.: лат. конечное *s* передается черезъ *с*, *ш* (Поликратоушь; Ацилешь Нов. 38, Jag. 249 =Ἀχιλλεύς, W, стр. 36) и *ж* (Парижь Нов. 38, Jag. 248 = Πάρις, W, стр. 36); по аналогіи (?): Ѥлѣноуша Нов. стр. 38, Елена Jag. 248 = Ἑλένη, W, стр. 36, какъ бы отъ Helenus? Сл. Кашантуша (Xanthus), Веноуша (Venus), Тетиша (Thetis) въ Троянской притчѣ, стоящей на одномъ уровнѣ съ сербской Александріей по отношенію къ своимъ источникамъ, лексикону и ономастику. Ср. арматосати, фарижь, хоро, — и тента, кастель, габилота; — us, — es, — is, — as: Прѣимоужь, Менелаоушь, Тебоушь (и Тебоухъ); Нептенабоушь = Neptunus, при чемъ повліяла, вѣроятно, память о Νεκτέναβος Александріи, въ сербск. текстѣ: Нектенавъ; Анцидешь, Ацилешь; Парижь, Калкашь и друг. — Г. Ягичъ указалъ мнѣ въ южнославянскомъ переводѣ Григорія Двоеслова (ркп. XIII вѣка Имп. Публ. Библ.) форму: адвокатоушь = advocatus; сл. въ старо(бѣло)русскомъ Тристанѣ: Артіушъ (Artus), Паламидежъ (Palamides), Блерыжъ (Briobris), Лондрешъ (Londres); въ Римскихъ Дѣяніяхъ: Віргиліушъ, Макробіушъ, Плакидушъ.

Заключу указаніемъ на одно загадочное для меня выраженіе, освѣщающее отчасти исторію славянскихъ переводовъ Александріи. Въ эпизодѣ о посѣщеніи Александромъ Трои вѣнскій текстъ (не поддержанный въ данномъ случаѣ греч. народн. книгой) переходитъ отъ гибели столькихъ героевъ изъ за одной жены къ общимъ воспоминаніямъ (W, стр. 36): ὁ προπάπους μας Ἀδὰμ διὰ γυναῖκα ἐξεβλήθη τῆς τρυφῆς τοῦ παραδείσου, ὁ Σαμψὼν ὁ θαυμαστὸς καὶ ἀνδρειωμένος διὰ γυναῖκα κακὴ ἐχάθη, ὁ Σολομὼν ὁ θαυμαστὸς καὶ πανφρόνιμος τῆς οἰκουμένης ὅλης διὰ γυναῖκα τὸν Ἀδάνην ἠκολούθησε τὸν βασιλέα καὶ ἐξέπεσε. Какому это Адану послѣдовалъ Соломонъ? Преданія о послѣднемъ не отвѣчаютъ на вопросъ. Тотъ же царь Аданъ или Ан-

данъ, на этотъ разъ безъ связи съ Соломономъ, встрѣчается въ греч. народн. книгѣ, въ эпизодѣ, недостающемъ въ вѣнскомъ текстѣ. Въ бесѣдѣ съ Александромъ Эвантъ говоритъ ему (стр. 118): Ἀλέξανδρε ὅλονῶν ἡ κεφαλὴ, ὅταν θέλεις πάρει τὸν κόσμον ὅλον, θέλεις ἀκολουθήσει τὸν Ἀντάνην, что̀ болгарская нар. книга передаетъ дословно: *ще наслѣдитъ Андана.* Старый сербскій текстъ переводитъ въ первомъ случаѣ: прьвѣк бо Адамь женою прѣльштень бысть и паде, великыи и крѣп'кыи Самп'сонь женою погибе, и прѣмоудрыи вь чловѣцѣхь *Соломонь жены ради адь наслѣди* (Нов. стр. 48, Jag. 249); во второмъ: радоуи се вьсѣхь главь главо! кгда бо вьсь примеши мирь, и своего кь томоу не видиши отьчьства; нь кгда земльнаа вьса приобрѣштеши, тогда и *ада наслѣдиши* (Нов. 86, Jag. 283). Ἀκολουθεῖν τὸν Ἀνδάνην переведено: *ада на*-слѣдити; созвучіе несомнѣнно; но съ какой стороны было недоразумѣніе — вотъ вопросъ.

Въ предыдущемъ разборѣ источниковъ того типа Александріи, который я продолжаю называть сербскимъ, я не разъ обращался къ Псевдокаллисѳену C, какъ къ такому тексту, къ которому всего ближе примыкаетъ интересующая насъ редакція (= C[1]). Мнѣ кажется, теперь можно точнѣе опредѣлить исторію и пути ея развитія. Греческій источникъ сербской рецензіи, очевидно, не непосредственно выработался на греко-византійской почвѣ изъ какого-нибудь текста Псевдокаллисѳена C; послѣдовательное употребленіе романизмомъ и латинскій обликъ собственныхъ именъ указываютъ на знакомство редактора съ литературой западной романтики, если не на посредство или вліяніе какой-нибудь западной, нынѣ утраченной обработки, въ родѣ Historia de preliis [1]), пространный текстъ которой не разъ служилъ намъ комментаріемъ къ нашему роману (сл. выше стр. 233). Какъ

---

[1]) Еслибы въ латинскомъ или романскомъ текстѣ авторъ сказалъ намъ, что Александръ — имя греческое и такого-то значенія, мы нашли бы это вполнѣ естественнымъ; въ написанномъ первоначально по гречески такое толкованіе невольно поражаетъ. Сл. W, 1: ἐπωνόμασαν τὸ ὄνομα.... Ἀλέξανδρον ῥωμαϊκά, Нов. стр. 2: и нарече име емоу Александрь, по грьчьскому кзыкоу глаголеть се избрань моужь.

пересказана была по гречески, по одной изъ позднѣйшихъ европейскихъ передѣлокъ, византійская повѣсть о Floire и Blancefior, утраченная въ подлинникѣ, но сохранившаяся въ старо-французской поэмѣ, такъ вообще старые греческіе и византійскіе мотивы и разсказы, унесенные на Западъ, возвращались на родину въ новомъ освѣщеніи. Взятіе латинянами Константинополя (1203 г.), открывшее пути западному литературному вліянію, взятіе Даміэтты (1220 г.), обновившее память мѣстныхъ преданій о пророкѣ Іереміи, играющемъ столь видную роль въ сербской Александріи — таковъ terminus a quo сложенія и ея греческаго подлинника. Другую хронологическую грань представляютъ списки старо-славянскаго перевода, восходящіе къ XV вѣку; въ XIV—XV вв. могъ быть сдѣланъ и самый переводъ, что̀ отнесло бы время составленія греческаго подлинника къ XIII—XIV столѣтіямъ.

Нѣкоторыя подробности могли бы дать поводъ къ ближайшему хронологическому опредѣленію. Я разумѣю эпизодъ о куманахъ, война противъ которыхъ составляетъ одинъ изъ первыхъ бранныхъ подвиговъ Александра. Объ этомъ эпизодѣ подробно говорено выше (стр. 165 слѣд.). Извѣстны враждебныя отношенія кумановъ къ Византіи, окончившіяся ихъ окончательнымъ пораженіемъ въ 1095 году при Малой Никеѣ подъ личнымъ начальствомъ Алексѣя Комнина, послѣ чего они изъявили готовность жить въ мирѣ съ имперіей и служить императору — какъ куманы, пораженные Александромъ, принимаютъ отъ него царя и даютъ ему вспомогательное войско. — Замѣна Псевдокаллисѳеновыхъ скиѳовъ куманами, побѣжденными и замиренными, можетъ быть, отзвукъ близкаго, если и не непосредственнаго воспоминанія.

Другимъ terminus a quo, нѣсколько загадочнымъ, является «троянскій» эпизодъ нашей Александріи. Александру показываютъ древнія памяти павшихъ подъ Троей героевъ, причемъ вкратцѣ говорится и о нихъ самихъ. Убіеніе Ахилла Парисомъ-Александромъ указываетъ на Дарета и Диктиса, вѣроятнѣе,

на какой-нибудь посредствующій источникъ, изъ него заимствовавшій и ближе пока не опредѣлимый (сл., между прочимъ, средне-греческую Ахилліаду, изд. Саѳой и Вагнеромъ). Интереснѣе слѣдующія выраженія вѣнскаго текста (W, стр. 36—37): *ἤφεραν καὶ τῆς Βρυσιάδος τὸ μαντέλο ὅλον μὲ χρυσομάργαρον πολλὰ τετιμεμένο, ὅπου ἐξέστη πᾶσα ἄνθρωπος ἀπὸ τὴν ἐμορφάδα ὁποῦ εἶχεν, ὁποῦ ἀγάπα ὁ Τρώιλος τοῦ Καλκᾶ τῆς θυγατρός.* О любви Троила и Бризеиды говоритъ впервые въ половинѣ XII вѣка Benoit de Sainte-More; послѣ него и по его слѣдамъ Guido de Columna въ своей Historia destructionis Trojae (оконч. въ 1287 г.). Непосредственно за приведенными словами слѣдуетъ въ вѣнскомъ спискѣ: *καὶ ὁ Ἀχιλλεὺς ὁ θαυμαστὸς ἐσκοτώθη διὰ τὴν θαυμαστὴν Πολυξένην εἰς τὸν ναόν τους, τὴν θυγατέρα τοῦ βασιλέως τοῦ Πριάμου.* Въ соотвѣтствующемъ отрывкѣ славянскаго перевода Троилъ вовсе не упомянутъ, и вмѣсто Бризеиды является Кассандра: «Изнесоше ѥмоу на иконѣ написанъ образъ *Минерве* кралице (*т*: господе Минервы), на нь вьзираюшти троискаго краліа дьшти (*т.* Кашандра) вьса ѥллин̒ска Трою градоу прилоуч̒ша се разоумѣваше (*т.* вьса елика о Трои прорече). И изнесоше ѥмоу крьзно Поликсеніѥ госпоѥ, дьштере краліа Прѣмоуша, юже прьстеноваль бѣше Ацилешь Пер̒леоушевикь, ѥгда одь Грькь отврьже се и кь Трои пристоупи, ѥгоже оубише братіа въ полатѣ на вечери лоукав̒ствомь; *т.* и тоу его оубише братіа ее сь лоукавьствомь на вери вь *храме Аполона трьнога дельфильскога*, оуби же его Александрь и Дивоушь (сл. Нов. кн. I, гл. 24, стр. 39); Jag. l. c. стр. 249: и ту га убише братѣне Париж и Дивуш с влхавством у цркви Аполона Пебуша, на вери Приамуша крала. Сл. Daretis Phrygii, De excidio Troiae historia, ed. Meister XXXIV: Ахиллъ убитъ Александромъ-Парисомъ, in fano Apollinis Thymbraei. (сл. трьнога?); у Диктиса (Dictys Cretensis, ed. Meister, X—XI) мѣстность та-же, но въ убіеніи Ахилла участвуетъ, кромѣ Александра, и *Деифобъ* (слав. Дивуш?).

Въ описаніи троянскихъ воспоминаній и старинъ, которыя

показываютъ Александру, славянскій текстъ подробнѣе и связнѣе вѣнскаго, особенно неяснаго въ отрывкѣ, нами приведенномъ. Одно изъ двухъ: либо въ подлинникѣ славянскаго перевода не было подробности о любви Троила и Бризеиды, либо послѣдній эпизодъ выпалъ послѣ упоминанія Кассандры и несомнѣнно былъ болѣе внятенъ, чѣмъ соотвѣтствующій, сохраненный вѣнскимъ спискомъ.

Страннымъ въ нашей гипотезѣ о западномъ источникѣ или источникахъ греческаго подлинника сербской Александріи представляется то обстоятельство, что до сихъ поръ между европейскими пересказами романа не встрѣтилось ни одного съ характерными признаками нашей редакціи. Что нѣкоторые изъ ея отличительныхъ признаковъ извѣстны были и на Западѣ, я склоненъ заключить изъ слѣдующихъ указаній, не говорящихъ впрочемъ за существованіе цѣлаго романа такого именно состава. Дѣло идетъ о характерномъ для него эпизодѣ: о Іереміи и змѣяхъ, введеннаго (изъ Historia Scholastica, Liber Tobiae, c. III) и въ нѣкоторыя рукописи Hist. de preliis пространнаго типа[1]). Александръ строитъ Александрію, et statim praecepit edificari eam. Et tollens de Egipto ossa Jeremie prophete eaque recondens diligenter per girum ipsius civitatis, ut prohiberet de terra illa genus aspidum et de fluminibus serpentes, qui dicuntur ophiomachi et crocodilli. Factumque est. Ab illo itaque die illesa fuit civitas Alexandri a serpentibus. — Эта подробность перешла изъ Hist. de prel. въ Konung Alexander (v. 936 слѣд.), къ Рудольфу Эмсскому и во французскій прозаическій романъ, старопечатное изданіе котораго (1506 г.) замѣнило Іеремію — Іеронимомъ, тогда какъ рукописные тексты XIII—XV вв. удержали настоящее имя. Приведу отрывокъ изъ ркп. XIV в.[2]): Dont Alexandre fut molt lies et commanda ke l'en feist la cite. Et osta de .1. autre lieu (ркп. XIII в.: de .1. autre liu de Egypte; такъ

---

[1]) Zingerle, l. c., стр. 56—7, 74, 149 и прим. къ § 24.

[2]) За извлеченія изъ романа и рукописныхъ текстовъ Александріи по ркп. британскаго музея приношу благодарность Р. О. Ланге.

и въ двухъ ркп. XV вѣка и въ печатномъ текстѣ) les os de Jérémie le prophete et les fist mettre molt honoreement sor les murs de la cyte pour ce que Diex par les merites du beneoit prophete deffendist la cyte des serpens que l'en apele ypotames et cocodrilles. Et ainsi avint que de celui jour en avant fut la cite d'Alixandre delivre des serpens dent il en i avoit molt grant habondanche.

Болѣе значенія я готовъ придать роману объ Ugo d'Alvernia, отрывокъ изъ котораго мы сблизили выше (см. стр. 321—323) съ соотвѣтствующими эпизодами сербской Александріи и Макаріева житія. Я не далекъ отъ предположенія, что авторъ утраченнаго французскаго подлинника, изъ котораго пошли знакомые намъ франковенеціанскіе и тосканскіе тексты, имѣлъ передъ собою какую-нибудь христіанизованную Александрію, въ родѣ той, какую предполагаетъ легенда о Макаріи. Мы видѣли выше, что ея чистилищныя видѣнія (сл. эпизодъ о райскихъ птицахъ) и земной рай лежатъ по ту сторону столба, поставленнаго Александромъ: иноки видятъ его, вступая въ область чудесъ, и не минуютъ, выходя изъ нея. Въ Ugo d'Alvernia Андрея da Barberino распредѣленіе нѣсколько иное; но интересно двоякое появленіе столба съ надписью: въ первый разъ на границѣ земнаго рая (сл. выше стр. 323 и ed. Zambrini e Bacchi Della Lega, v. II, p. 36) и вторично передъ входомъ въ область ада, при чемъ Уго говоритъ: «Sarei io venuto dove fu *Alesandro magno?* certo sì, quelle lettere credo che dichino, che alcuno non vadia più innanzi». Онъ находитъ «quattro mostri e uccisegli. Questi feciono grande danno a *Alessandro e sua gente*» (ibid., II, p. 66—67). Страна чудесъ, гдѣ Уго находитъ и земной рай и мученія ада, локализована въ Египтѣ; но путь, по которому онъ добирается туда, у Андрея da Barberino несомнѣнно спутанъ: изъ Рима въ Апулію и Калабрію, затѣмъ моремъ въ Attene, оттуда въ Іерусалимъ и — въ Ливію. Весь военный эпизодъ объ Іерусалимѣ (l. c. v. I, стр. 145—174) представляется мнѣ позднѣйшей вставкой: первоначально путь могъ идти изъ Апуліи въ *Танисъ*: *Attene*

изъ *a Tene*, см. Tenez провансальскаго текста о взятіи Даміаты (сл. выше стр. 346); оттуда—въ Ливію. Сл. надписаніе гл. XIV: come Ugone si parte dal Papa e trova una galea, passata la Puglia, per ire *Atena* (l. c. I, p. 137); въ текстѣ: in Attene, verso Attene и т. д. Танисъ — мѣсто, освященное памятью Іереміи, гонящаго змѣй и чудовищъ; въ этой связи я обращаю вниманіе на одинъ эпизодъ романа, находящійся въ другой его части: Уго, преслѣдуя невиданное чудовище, скрывающееся отъ него въ море, восклицаетъ: *Per santo Geremia*, che se io ti posso giungere, ch'io ti menerò con meco (l. c. II, стр. 48). Совпаденіе, едва-ли случайное и получающее особое значеніе въ связи съ другими мотивами Александровой саги, указанными нами въ романѣ.

Но возвратимся къ сербской Александріи.

Для опредѣленія мѣстности, гдѣ составленъ былъ славянскій переводъ, важны своебразныя отраженія латинскихъ — us, — es въ окончаніяхъ собственныхъ именъ (сл. выше стр. 442—3) и, болѣе того, отмѣченный нами выше (стр. 381) перебой *ф* въ *п* и обратно; встрѣчаясь въ группѣ памятниковъ (Сербск. Александрія, Троянская притча, и др.), они указываютъ на извѣстныя діалектическія особенности, но и на установившійся пріемъ, грамматическую манеру—и возможность западнаго вліянія. Что до остальныхъ латинизмовъ и романизмовъ текста, то для рѣшенія о его древнемъ характерѣ они важны лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда совпадаютъ другъ съ другомъ въ различныхъ его спискахъ. Сопоставленія, предложенныя нами выше, указываютъ, что списки здѣсь наиболѣе расходятся: *мештар* (Jag. 222), *майстор* (Нов. 5), Кир. Бѣл. сп. л. 23 об.: *волхвъ; баруни* (Jag. 268, 270), *властели* (Нов. 67), *волможи* (Кир. Бѣл. л. 95 об.), *вельмѫжїе* (Jag. Opisi: II, p. 22); *balistra, balestra* сохранилось, съ искаженіями, въ цѣломъ рядѣ списковъ. — На *шпию* ходеh (Jag. 312), *на сходу* (Нов. 125), *на посолства* ходиши (Кир. Бѣлоз. л. 164 об.) и т. д. Иные италіанизмы рудницкаго текста могутъ принадлежать позднѣйшему переписчику, но отсутствіе ихъ въ извѣстныхъ случаяхъ можетъ быть и слѣдствіемъ замѣны однимъ

реченіемъ другого, менѣе понятнаго. Такое подновленіе касалось и другихъ сторонъ лексикона и шло параллельно съ искаженіемъ текста, казавшагося темнымъ. Въ томъ и другомъ отношеніи Кириллобѣлозерскій списокъ XV вѣка представляетъ убѣдительные образцы. Сл. W, стр. 2 συνορίτης = Нов. 3 крапшт'никь (Jag. 221) = Кб. 21 л. вѣстникъ. — Нов. 4: Нектанебъ «вь полатоу царскоу вьшьдь влышьбноую *лекановать* (λεκανομάντεια) начеть *творити*, златоу *роукомию* воды налиавь» (Jag. 222) = КБ. л. 22 об.: вниде в полатоу волшебноую *декомантїю терти* начатъ златоую, *роусимею рекше лоханю* наліавъ воды; Рум. № 175: вл҃ховно врачевание сьтвори. — Совѣтъ Нектанеба Олимпіадѣ — повременить разрѣшеніемъ отъ бремени искажается разнообразно: сл. выше стр. 144 прим. 1 и Рум. № 175: дондеже нбсніе планиты на уставу станутъ и стихіе преступленіе створеть. — Нов. 11: *дидаскаль*, Jag. 227 *учител*, КБ. 29 об. *оучитель*. — Нов. 11: *фер'нире* Алексен'дре, Jag. *френире* (= φρένηρης, сл. Jag. 213), КБ. л. 29 об.: *господине*; Рум. № 175: ѡ *храбрии Алеѯандре* — Нов. 13: въ *лакиміахъ*, Jag. *свирепицах*; КБ. л. 30 об. *стадехъ*. — Нов. 17: *накарады*, Jag. 232 *накарате* (nacchere), КБ. 35 об. *арганы*. — Нов. 28: *драгоману* (вар. тльмачю), Jag. Opisi I 24: *тлъмачю* и т. д.

Передъ нами исторія искаженія текста, являющаяся въ то-же время и исторіей его движенія съ юга на сѣверъ, съ попытками мѣстнаго, народнаго пріуроченія.

Я не имѣлъ ввиду прослѣдить позднѣйшія стадіи этого движенія, для которыхъ многочисленные русскіе списки Александріи дадутъ богатый матеріалъ и, можетъ быть, нѣсколько новыхъ вопросовъ — на разрѣшеніе (сл. выше стр. 378—9)[1]. Ограничивъ такимъ образомъ область изслѣдованія я, быть можетъ, въ

[1]) Ѳ. И. Буслаевъ любезно сообщилъ мнѣ эпизодъ о Горгоніи изъ находящейся въ его библіотекѣ Александріи, писанной въ два столбца такъ называемой «приказной» скорописью первой половины XVII вѣка (на 153 л.) и великолѣпно иллюстрированной. «О Горгоніи дѣвици» говорится на л. 137 въ слѣдъ за коротенькой статьею о «солнечномъ градѣ» — «И отшедше оттолѣ, и идохомъ по пути мъгляну 7 дней, ищущи пути перскія земли, якоже заблудили

другомъ случаѣ перешелъ его границы, постановленные вопросомъ: объ источникахъ сербскаго романа. Эпизодъ объ Іереміи грѣшитъ именно такой постановкой, но онъ увлекъ меня, потому что, казалось мнѣ, открывалъ новыя точки зрѣнія, на которыя до сихъ поръ мало обращали вниманія: библейскій пророкъ оказался привязаннымъ къ Египту такими-же узами, какъ и македонскій герой, издавна усвоенный ему не только генеалогической сказкой, но и эпитетомъ двурогаго, козла, указывающимъ на культъ эѳіопскаго Аммона [1]). — Изслѣдователю романтической саги объ Александрѣ такія неожиданныя точки зрѣнія еще представятся неразъ: стоитъ только постучаться въ ея съ виду извѣданную почву и можетъ повториться чудо, изображенное на русскомъ летучемъ листкѣ XVII вѣка: св. Антоній въ пустынѣ, ударилъ жезломъ о землю, и изъ нея выходитъ по поясъ вѣнчанная фигура, Александръ Македонскій, «иже Бога не знаше» [2]).

бяху. Глаголаху же ко Александру жители земли тоя: О владыко Александре, обратися въспять, да не злѣ погибнеши со всѣми вои своими во предѣлѣ семъ. Александръ призвавъ вопрошаше я, хотя извѣдати отъ нихъ сущее. Они же рѣша: Слыши, царю Александре: есть по земли сей ходитъ дѣвица нарицаемая Горгонія, имущи лице человѣческое, и перси и нозѣ, имѣетъ же хвостъ коневъ, на главѣ же за власъ мѣсто иматъ змія, выростоша всяцеми лици. Егда же начнетъ хотя гонитися, и начнетъ звати къ себѣ человѣки и звѣри и скоты, еще же и змія страшныя похоти ради. Разумѣетъ бо языки человѣческія и звѣрскія. И егда кто узритъ образъ ея, аще птица парящая, и абіе издохнетъ. Отвѣща имъ Александръ: Да вы како безъ вреда пребываете? Они же рѣша: Мы, царю, имаемъ жилища подъ землею, да не злѣ умремъ. Есть бо она рыщущи борзо, аможе хощетъ. Александръ же слышавъ и убояся и мыслише, егда ту ему скончатися, и оттолѣ пошедъ. И обрѣтохомъ тму, ни огня не видѣти на мѣстѣхъ тѣхъ. И ставшимъ ти намъ шатры и воспѣвшимъ (?), слышати бо бяше гласъ нѣкаковъ находящъ, и яко чюдитися самому Александру. Второе пришедшу и третіе тому-же гласу, слышахомъ яве Горгонію зовущу яве Александра на похоть единого». За себя Александръ посылаетъ волхва, одѣвъ его въ свои царскія ризы и корону и давъ ему свой мечъ. Волхвъ убиваетъ Горгонію, а ея голову приноситъ къ Александру. — При этой статьѣ четыре миніатюры.

[1]) Сл. объ этомъ интересныя соображенія Lauth'a: Alexander in Aegypten, въ Abhandl. d. philos. philolog. Cl. der kön. bayer. Ak. d. W. XIV B., 1-e Abth., p. 97 слѣд.

[2]) Сл. Ровинскій, Русскія Нар. картинки, кн. IV, стр. 733.

ЗАМѢТКА КЪ ГЛАВѢ VI [1]).

ХАНАНЕИ-КИНОКЕФАЛЫ И ИКОНОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗОБРАЖЕНІЯ СВ. ХРИСТОФОРА.

(Посвящается О. Э. Лемму).

Поль Мейеръ (*Romania*, № XXVII, стр. 441—444) выбралъ изъ памятниковъ старо-французской и провансальской поэзіи цѣлый рядъ указаній на загадочный народъ Chanelius, Chenelius, Canelius, Quenelius, Kanelier, Canineus и т. п. Къ упоминаніямъ, имъ собраннымъ [2]), присоединю еще и Renier:

Li Kanilier ne sevent chevauchier.
Tous vont à pié, li felon losengier;
Chascuns portoit ou macue ou levier,
En une flote sont plus de XX millier
En l'autre après sont li Pincenart fiier,
Tout sont cornu et devant et derrier.

Какъ здѣсь Kanelier сопоставлены съ Pincenart, такъ въ другихъ случаяхъ они являются рядомъ съ другими невѣрными, погаными народами:

Assez i ot paien et *Turc* de pute caingne,
1699 Et felons *Canelius* et *Mors de Morienne*
(Aie d'Avignon).

---

[1]) Сл. стр. 307, прим. 1.

[2]) Ch. de Rolant, Aye d'Avignon, Jérusalem, Girart de Roussillon; Chanson de Croisade, напис. ок. 1146 года; Vie de st-e Thaïs; Bodel, Jeu de st. Nicolas; Blancandin; Rutebeuf, Complainte d'outremer; Peire Vidal, Aimeric de Belenoi.

8130 Che sont et *Gauffre* et *Bogre* et *Cheneleu* pullent
(Jérusalem).
Et pire vie mainnent que *juif ne Sarrazin*
Et plus horz ne sont mie *Chaneliu barbarin*
(Vie de St-e Thaïs).
D'autre part vienent *cil de Tharse*,
Et Coramin et Chenilier.
(Rutebeuf).

Въ Jeu de st. Nicolas Боделя *li Kenelieu* упоминаются вмѣстѣ съ Achopart, въ которыхъ П. Мейеръ (l. c. p. 440) видитъ народную передѣлку Aethiops, и съ Gaians:

Va moi par tout semonre *Gaians et Quenelieu*;

они не говорятъ, а лаютъ:

7431 Chenelex oïssiez glatir et abaihier
(Jérusalem).

Форма имени: Canineus (Girart de Roussillon, Peire Vidal, Aimeric de Belenoi) и Caninieus = Chananaeus (Ex. XXXII), 2) въ краткомъ изложеніи священной исторіи на провансальскомъ языкѣ позволили автору не только угадать смыслъ caninera (ж. родъ отъ canineu) въ старо-провансальскомъ переводѣ Новаго Завѣта, приведенномъ у Ренуара, но и увидѣть въ франц. пров. Chanelius, Canineu отраженіе библейскаго Chananaeus. Неблагопріятная характеристика хананеевъ въ Библіи (Gen. 6, 4; сл. Isidori Etymolog. De portentis, § 14) едва ли могла сама по себѣ побудить средневѣковыхъ поэтовъ обобщить ихъ въ эпическихъ Cheneliu; пров. Canineu повело П. Мейера къ предположенію посредствующей народной этимологіи, связавшей Chananaeus съ canis; въ Jérusalem Cheneleu лаютъ, какъ собаки. Стало быть, отъ Chananaeus (Cananeus) къ canineus: мнѣніе, выраженное, по поводу легенды о Христофорѣ, уже Пиніемъ и недавно Гарстеромъ.

Уже въ послѣсловіи къ своей замѣткѣ Мейеръ сообщилъ, по указанію Г. Париса, отрывокъ изъ легенды о св. Макаріи

Римскомъ, которую мнѣ пришлось разобрать выше (гл. VI). Я указалъ (l. c. стр. 325), что составитель этой легенды воспользовался какою-то христіанизованною Александріей, восходящею къ одному изъ источниковъ Псевдокаллисѳена С. Сл. въ послѣднемъ текстѣ кн. II, гл. 31: Ἀνθρώπους μὲς εὗρεν (sc. Ἀλέξανδρος) εὐτελεῖς καί λίαν σμικροτάτους ὡς εἶναι τόν τέλειον ἄνθρωπον [οὐχὶ ἀλλὰ] πῆχύν τε καὶ ἥμισυ; далѣе с. 32 онъ встрѣчаетъ *великановъ* (ἄνθρωποι παμμεγέθεις), с. 33 дикихъ людей (ἄνθρωποι... ἄγριοι ἐπὶ πετρῶν καθεζόμενοι) и с. 34 *кинокефаловъ*: ὁ Ἀλέξανδρος κατέλαβε χώραν Κυνοκεφάλων; сл. с. 37: ἄνθρωποι κυνοκέφαλοι (сл. выше стр. 315).

Въ старо-славянскомъ переводѣ житія св. Макарія этому эпизоду отвѣчаетъ, какъ мы видѣли (выше стр. 307) слѣдующій: иноки, направляющіеся къ св. Макарію, вступаютъ въ землю *Песьихъ главъ*, которые ихъ не тронули: «по вса мѣста собѣ живуть, межи камень гнѣзда сносивше»; далѣе на востокъ страна *трепастокъ*. Въ латинскомъ текстѣ: itaque exeuntes inde terram *Chananaeorum* ingressi sumus, qui ab aliis *Cynocephali* dicuntur: трепясткамъ отвѣчаютъ Pichiti («ipsa vero gens in statura et altitudine sua non plus quam mensuram unius cubiti habebat») и *Pygmaei*.

Стало быть, хананеи = кинокефалы, Песьи главы; въ румынской Александріи: căpcăunĭ, cătcăunĭ. Развитіе можно бы предположить такое: кинокефалъ = Canineus, а далѣе, по созвучію, Chananaeus. Caneleus = кинокефалы старо-французскихъ поэмъ были бы такимъ же обобщеніемъ частнаго значенія, какое постигло и славянскія Песьи главы: подъ ними разумѣются просто невѣрные, чуждые народы, и въ этомъ значеніи Песьи главы фигурируютъ въ повѣсти о «послѣднихъ дняхъ» (въ Откровеніяхъ Меѳодія у Тихонравова, Пам. II, 218) и въ памяти объ освобожденіи Цареграда отъ нападенія иноязычныхъ [1]).

---

[1]) Сл. Срезневскій, Древніе славянскіе памятники юсоваго письма: изъ Слѣпченской книги апостольскихъ чтеній, календарь, стр. 112 (съ ссылкой на Мстиславово Евангеліе, Сербск. прол. XIV в. и др.).

I.

Всякій разъ, когда въ средневѣковыхъ памятникахъ, въ описаніи чудесъ далекой Азіи, мы встрѣтимъ сопоставленіе хананеевъ-великановъ — и пигмеевъ, мы въ правѣ говорить объ отраженіи христіанской Александріи Макарьевскаго типа.

Въ древней передѣлкѣ старой нижне-рейнской поэмы о герцогѣ Эрнстѣ (сл. Bartsch, Herzog Ernst, Wien 1869) мы находимъ пигмеевъ = Prechamê (l. c. p. 105, v. 4896 слѣд.; сл. v. 5324: Perkamêren lant; въ стихотвореніи Одона: Pricami, l. c. p. LXXI) и, въ сосѣдствѣ съ ними:

> 5014 ein *freislîch volc, hiez Cânâan,*
> bî Arimaspi dem lande.
> daz waren wîgande:
> Risen waren sie genannt.

Въ Рейнфридѣ Брауншвейгскомъ (l. c. стр. CXXXIII), сложенномъ по типу и подъ вліяніемъ поэмъ о герцогѣ Эрнстѣ, тѣ-же великаны Ханаана ведутъ войну съ пигмеями. Въ Walberan (Deutsches Heldenbuch I, Berlin, 1866) карликъ-пигмей этого имени властвуетъ гдѣ-то на востокѣ (Armeniâ, Sinâi, Judêâ, Kaukasas, Eufrates, Mambre):

> 52 ez hâte ouch mit gewalteger hant
> betwungen *Kanachas daz lant*
> *von dem die grôzen liut sint komen.*

Въ войскѣ, которое онъ ведетъ противъ Дитриха Бернскаго, находятся великаны — хананейцы (die von Kanane̊ 74). И въ этой поэмѣ усматриваютъ вліяніе географическихъ представленій поэмы о герцогѣ Эрнстѣ, которую упоминаетъ Ulrich von Eschenbach въ своемъ Alexander (Bartsch l. c. p. CXL): Александръ приходитъ въ страну, жители которой

> swenne sie zwei wort getunt,
> *daz drite sie bellent als ein hunt,*
> *als trûgen sie ouch houbet.*

swer des niht geloubet,
dise rede er besûche
in herzogen Ernstes bûche.

Въ поэмѣ о герцогѣ Эрнстѣ и ея отраженіяхъ хананеи — просто великаны, не песиглавцы. Если Ульрихъ отожествилъ ихъ съ кинокефалами Александріи и заставилъ лаять (сл. Cheneleu въ Jérusalem), то онъ, очевидно, могъ имѣть въ виду установившееся уже уравненіе: Canineus = Chananaeus, которое мы въ правѣ приложить и къ объясненію одного эпизода въ повѣсти Елисея (Zarncke, Der Presbyter Johannes, 2-е Abth. стр. 127): *terram Chananaeorum et Amazonitarum.* Именно Амазонки Александріи позволяютъ видѣть въ сосѣднихъ хананеяхъ—кананеевъ-кинокефаловъ; припомнимъ, кстати, что по Адаму Бременскому (IV, 19, у Pertz 9, 375) песиглавцы и происходятъ отъ амазонокъ.

Обратимся къ чередованіямъ кинокефала-кананея — и хананея въ легендѣ и иконографіи св. Христофора [1]).

Въ Минологіи императора Василія о немъ говорится: περὶ τούτου τοῦ ἁγίου λέγονταί τινα παρά τινων τερατώδη καὶ παράδοξα, ὅτι τε κυνοπρόσωπος ἦν πρότερον καὶ ἀνθρώπους ἤσθιεν, ὕστερον δὲ μετὰ τὸ πιστεῦσαι τῷ Χριστῷ μετεμορφώθη. οὐκ ἔστι δὲ τοῦτο, ἀλλά τινες αὐτὸν οὕτως ὑπενόησαν διὰ τὸ ἐθνικὸν εἶναι καὶ ἄγριον καὶ φοβερόν. Ὅμως δὲ ἦν ἐπὶ τῆς βασιλείας Δεκίου, καὶ κρατηθεὶς ἐν πολέμῳ παρὰ τοῦ Κόμητος, μὴ δυνάμενος λαλῆσαι Γραικιστὶ, ηὔξατο τῷ Θεῷ· καὶ ἀπεστάλη αὐτῷ Ἄγγελος λέγων· Ανδρίζου. Καὶ ἀψάμενος τῶν χειλέων αὐτοῦ ἐποίησεν αὐτὸν λαλῆσαι Γραικιστί. Εἰσελθὼν οὖν ἐν τῇ πόλει, ἐκήρυττε τὸν Χριστόν. Ἀποστέλλονται οὖν στρατιῶται κρατῆσαι αὐτόν· καὶ τῆς ῥάβδου αὐτοῦ βλαστησάσης, ἐπίστευσαν τῷ Χριστῷ καὶ σὺν αὐτῷ βαπτίζονται ἐν Ἀντιοχείᾳ ὑπὸ του ἁγίου Βαβύλα, ἔνθα καὶ Χριστοφόρος ὠνομάσθη.

---

[1]) О немъ см. Stadler und Heim, Vollständiges Heiligenlexikon I (Augsb. 1858), стр. 609 слѣд.; W. Harster, Walther von Speier (Speier 1877), стр. 29 слѣд.; прежде всего матеріалъ, собранный въ AASS., Julii VI, a. d. 25.

Εἶτα προσαχθεὶς τῷ βασιλεῖ καὶ πολλὰ βασανισθεὶς πρότερον, ὕστερον ἀπεκεφαλίσθη.

Такъ и въ славянскомъ прологѣ подъ 9-мъ мая, съ тою разницею, что о Христофорѣ сказано: «а преже имя семоу Репревъ» [1]).

Подробные греческіе акты св. Христофора, по рукописи XI вѣка, извѣстные дотолѣ лишь въ извлеченіи [2]) и лишь недавно напечатанные [3]), указываютъ на источникъ этого имени.

Въ четвертое лѣто своего правленія императоръ Декій воздвигъ преслѣдованіе на христіанъ. Въ то время какой-то комитъ взялъ въ плѣнъ Репрева, *στρατεύσας αὐτὸν ἐν τῷ νουμέρῳ τῶν Μαρμαριτῶν. Ἦν δὲ ὁ ἀνὴρ οὗτος φρόνιμος σφόδρα. ἵνα γνῶτε πάντες ὅτι ὁ φοβούμενος τὸν Θεὸν ἐν παντὶ ἔθνει δεκτὸς αὐτῷ ἐστιν, καὶ δοκίμους αὐτοὺς καθιστᾷ πρὸς τὴν αὐτοῦ γνώμην· εἰ γὰρ ἐκ τοῦ γένους τῶν κυνοκεφάλων ὑπῆρχεν, γῆς δὲ τῶν ἀνθρωποφάγων, ἀλλὰ πιστὸς ἦν τῷ φρονήματι, καὶ ἀεὶ τὰ λόγια μελετῶν τοῦ Θεοῦ. Οὐκ ἠδύνατο δὲ τῇ ἡμετέρᾳ διαλέκτῳ λαλεῖν* [4]). Видя преслѣдованіе, воздвигнутое на христіанъ, онъ опечаленъ и, выйдя изъ города, молится о ниспосланіи ему дара слова, дабы онъ могъ говорить подобно «симъ» во обличеніе мучителя. Мужъ въ лучезарной одеждѣ предсталъ ему, говоритъ, что его молитва услышана. Онъ коснулся устъ Репрева, трижды дохнулъ на него, и тотъ заговорилъ по гречески — идетъ въ городъ, гдѣ видитъ христіанъ, мучимыхъ въ тюрьмѣ. Онъ громко обличаетъ

---

[1]) Ждановъ, Къ литературной исторіи русской былевой поэзіи (1881), стр. 173—174.

[2]) AASS. l. c., p. 143 b.

[3]) Analecta Bollandiana, v. I (ed. Carolus de Smedt, Gulielmus van Hooff et Josephus de Backer), 1882, стр. 121 слѣд. Текстъ принадлежитъ къ одной рецензіи съ Папеброховскою рукописью, но съ отличіями; на нѣкоторыя изъ нихъ указано далѣе.

[4]) Papebroch: Ἀνὴρ δέ τις ἀβλαβής, τοῦ γένους τῶν κυνοκεφάλων.... οὗτος συλληφθεὶς ἀπὸ τῶν στρατιωτῶν τοῦ βασιλέως ἀπὸ τῆς ἐρήμου ἠνέχθη τῷ βασιλεῖ Δεκίῳ εἰς τέρψιν· ἐτέρπετο γὰρ ὁ βασιλεὺς τὸ εἶδος αὐτοῦ ὁρῶν ἐν τῷ ἀρίστῳ. ....Κατενύγη ὁ αὐτὸς ἀλλόφυλος ὑπὸ τοῦ ἁγίου πνεύματος.... διὰ τὸ μὴ δύνασθαι αὐτὸν λαλεῖν τῇ ἡμετέρᾳ διαλέκτῳ, καὶ μὴ ὑποφέρων τὴν πύρωσιν τοῦ ἁγίου Πνεύματος ἀπελθὼν ἐκάθισεν ἔξω τοῦ παλατίου, προσέχων τῆς κτίσεως τὸν εὐμορφίαν и т. д. AASS. l. c., p. 143 b.

язычниковъ; одинъ изъ нихъ ударилъ его. Κατέχομαι ὑπὸ ἐντολῆς τοῦ Χριστοῦ μου, καὶ οὐ δύναμαί σοι τί ποιῆσαι, говоритъ святой; — ἐὰν δὲ ἔτι πικράνῃς μου τὴν καρδίαν, σὺ παρ' ἐμοὶ οὐχ' ὑπάρξεις. Язычникъ идетъ съ докладомъ къ Декію: ἐφάνη ἐνώπιον τοῦ λαοῦ ἀνὴρ νεανίας, φοβερὸς τῷ εἴδει, καὶ ὑπερμεγέθης τῷ σώματι καὶ τῷ πάχει· οἱ ὀφθαλμοὶ αὐτοῦ ὡς ἀστὴρ ὁ πρωὶ ἀνατέλλων, καὶ οἱ ὀδόντες αὐτοῦ ὡς συάγρου ἐξέχοντες· καὶ τὰ λοιπὰ τοῦ εἴδους τῆς ὁράσεως αὐτοῦ διηγήσασθαί σοι οὐ δύναμαι. Οὗτος λαλεῖ ῥήματα βλάσφημα κατὰ τῶν θεῶν, καὶ τῆς θειότητός σου οὐχ ὑπακούει τὸ πρόσταγμα. Царь посылаетъ двѣсти воиновъ за Репревомъ, который между тѣмъ сѣлъ у церковной двери, ἐμπήξας τῇ ῥάβδῳ αὐτοῦ ἐν τῇ γῇ, τὰς δὲ τρίχας αὐτοῦ διαρρίψας ἔνθεν καὶ ἔνθεν, καὶ τὴν ὄψιν δὲ ἐπὶ τὰ γόνατα θείς. По его молитвѣ (δός, Κύριε, βλαστῆσαι τὴν ῥάβδον ταύτην τὴν ὡς ῥάβδον τοῦ Ἀαρών) посохъ пустилъ ростки; это чудо укрѣпило его, и онъ проситъ теперь: τὸ τέλειον φρόνημα τῶν χριστιανῶν καὶ γνωστικὸν μυστήριον τῆς ἀθανάτου σου ζωῆς συνέτισόν με, Κύριε Ἰησοῦ Χριστέ. Дѣвушка, вошедшая, по обычаю, въ садъ, чтобы нарвать розъ, видитъ молящагося и плачущаго Репрева и такъ испугана его видомъ, что выходитъ назадъ пятясь: ἔφυγον ὡς ἀπὸ προσώπου δράκοντος, говоритъ она, — и воины, посланные Декіемъ, находятъ такимъ образомъ Репрева. Кто онъ и почему плачетъ? спрашиваютъ они его. Εἶπεν δὲ αὐτοῖς· Κλαῦσαι δεῖ μοι ὑπὲρ πάντα ἄνθρωπον, ὅτι μὴ εἰδὼς Θεὸν οὐκ ἐνεκλήθην ποτέ· νῦν δὲ ἐπιγνοὺς τὸν Θεὸν τυραννοῦμαι· καὶ διὰ τοῦτο κλαίω, ὅτι τὸ καλὸν ὄνομα ἐπιγνοὺς ἀδικοῦμαι. Они говорятъ ему, что присланы, чтобъ отвести его къ Декію. Узникомъ имъ не удастся его отвести, отвѣчаетъ онъ: онъ самъ пойдетъ съ ними, пусть только подождутъ его. Но у нихъ почти вышелъ весь провіантъ, пока они искали его; имъ надо спѣшить; по молитвѣ Репрева является архангелъ Рафаилъ, благословляетъ остатки хлѣбовъ, и они чудеснымъ образомъ умножились. Воины увѣровали въ истиннаго Бога; Репревъ ведетъ ихъ въ Антіохію, гдѣ всѣ принимаютъ крещеніе отъ епископа Вавилы, положившаго Репреву имя Христофора.

Христофоръ велитъ воинамъ отвести его, связаннаго, во дворецъ. Царь при видѣ страшнаго пришельца, чуть не упалъ со страха, допрашиваетъ его о родѣ (τὸ δὲ γένος μου τὸ πρόσωπόν μου κατηγορεῖ), имени и вѣрѣ. Христофоръ заявляетъ себя христіаномъ, подверженъ мученіямъ; его запираютъ съ блудницами Калликой и Акилиной, которымъ поручено соблазнить его въ язычество; но онъ ихъ обращаетъ въ христіанство. Онѣ первыя умираютъ мученицами, за ними двѣсти воиновъ, обращенныхъ Христофоромъ, наконецъ самъ святой, тѣло котораго епископъ Аталіи, Петръ, переноситъ въ городъ, сосѣдній съ Антіохіей [1]).

Легенда эта вошла въ печатныя греческія минеи [2]) и извѣстна въ славяно-русскихъ пересказахъ [3]).

Общіе признаки греко-славянскихъ текстовъ житія — имя царя *Декія* и крещеніе Репрева *Вавилой въ Антіохіи*. Минологій Василія не знаетъ имени Репрева, несомнѣнно отвѣчающаго Репробу латинскихъ актовъ: Ῥέπρεβος (успенск. сборн. Репревъ) вм. Ῥέπροβος, какъ передано въ первомъ посланіи къ Коринѳ. 9, 27 греч. ἀδόκιμος [4]). Разумѣется, это *одно* еще не можетъ служить доказательствомъ зависимости греческаго мученія отъ латинскаго оригинала, а развѣ свидѣтельствуетъ о воздѣйствіи послѣдняго на редакцію перваго. Что же касается имени Offerus, Offorus, которое будто бы

---

[1]) Cл. Papebroch, AASS. l. c., p. 438b: вмѣсто Аталіи — Италія; τὸ δὲ ἅγιον μαρτύριον τοῦ ἀθλοφόρου Χριστοφόρου ἐκέλευσεν ὁ ἁγιώτατος ἐπίσκοπος Πέτρος εἰς τὴν ἀπόρροιαν τοῦ ποταμοῦ γενέσθαι, εἰς τὸ ἐπικείμενον εἰς τὴν πόλιν· ἔστι δὲ πεφυλαγμένη ἡ πόλις ἐκείνη μέχρι τῆς σήμερον ἡμέρας διὰ τῆς πρεσβείας τοῦ ἁγίου Χριστοφόρου.

[2]) Μηνιαῖον τοῦ Μαΐου ὑπὸ Βαρθολομαίου Κουτλουμουσιάνου, стр. 41—42 (по изданію 1862 г.).

[3]) Ждановъ, l. c. стр. 174—175. Къ славяно-русскимъ рукописямъ проложнаго и пространнаго житія, указаннымъ г. Ждановымъ, присоединимъ и слѣдующія: рукописи Троицкой лавры №№ 712 л. 225 (мученіе св. Христофора въ спискѣ 1497 г.); Имп. Публ. библ., рукопись Толстаго III, № 73, XVII в.; Чет. Минеи Макарія, мѣс. Май, по ркп. Синодальной библіотеки, № 994. О древнѣйшемъ текстѣ житія по сборнику конца XII-го вѣка библіотеки Московскаго Успенскаго собора см. замѣтку А. Попова въ Чтен. Имп. Общ. Ист. и Древн. 1879, I: Библіографическіе матеріалы, стр. 20—1.

[4]) Harster, Walter v. Speier, p. 43.

носилъ язычникъ Христофоръ по нѣкоторымъ западнымъ пересказамъ его легенды, то оно, можетъ быть, принадлежитъ этимологической игрѣ: Christ-*offorus* получилъ это имя послѣ того, какъ онъ перенесъ Христа, а прежде звался просто Offorus [1]). Но встрѣчается еще одно имя: Onufrus или Onuphrius [2]); варіантъ ли это къ Offerus или—Онуфрій?—Христофоръ вездѣ представляется *кинокефаломъ*, согласно съ его древнимъ изображеніемъ, противъ котораго протестуютъ наши подлинники. Такъ въ толковомъ подлинникѣ графа Строганова читаемъ: «Глава песія, въ бранѣхъ, крестъ въ рукѣ, а въ другой мечъ въ ножнахъ; исподъ празеленъ»; но въ подлинникѣ профессора Буслаева: «младъ, какъ Димитрій, риза баканъ, исподъ празелень. А индѣ пишется: песья голова, волосы по плечамъ, какъ у дѣвицы; вооруженъ въ доспѣхѣ; въ правой рукѣ крестъ, а въ лѣвой копье, а копье у него процвѣло; риза багоръ красенъ, исподъ лазорь». Сл. подлинникъ Долотова: «Христофоръ младъ, какъ Димитрій Солунскій, и волосы таковыжъ; ризы воинскія, верхняя багряная, исподняя празеленная, въ рукѣ крестъ, а въ другой мечъ въ ножнахъ. Нѣкоторые пишутъ его, главу имуща песью, подражая прологу. Но прологъ не утверждаетъ тако быти, но чужое нѣкое мнѣніе приводитъ и пишетъ тако: И о семъ прекрасномъ мученикѣ глаголется нѣкое чудно и преславно, яко песію главу имѣяше, отъ страны человѣкоядецъ: а съ чего сіе взято и кто изъ достовѣрныхъ историковъ сіе писалъ, о томъ не сказываетъ: и сіе мнится несправедливо» [3]).

Въ латинскихъ житіяхъ, къ обозрѣнію которыхъ мы перейдемъ, вмѣсто Декія названъ царь Dagnus, что едва ли слѣдуетъ

---

[1]) См. A. Maury, Essai sur les légendes pieuses etc. p. 53; стихотворныя легенды, изданныя Schönbach'омъ въ Zeitschr. f. deutsches Alterthum, t. XVII, p. 85 слѣд. (= B); ib. t. XXVI, стр. 20 слѣд. (= A).

[2]) Сл. Krauss, Real-Encyclopädie d. christl. Alterth. s. v. Christophori, безъ указанія на источникъ.

[3]) Сл. Буслаевъ, Очерки II, стр. 418; Русскій сводный иконописный подлинникъ XVIII вѣка въ Вѣстн. Общ. древне-русск. искусства 1876 г., вып. 11—12, стр. 102; Ждановъ, l. c., p. 174, прим. 3. Сл. Ровинскій, Русскія народныя картинки IV, стр. 772; III, 674: *волчья* голова.

непосредственно сближать съ хананейскимъ Дагономъ Библіи [1]), а скорѣе съ Dacianus — Даціаномъ отреченнаго мученія св. Георгія, съ Dacianus — Декіемъ легенды о Осми спящихъ [2]). Нѣтъ ни Антіохіи, ни упоминанія Вавилы; мѣсто дѣйствія — городъ Samos,-n, или Salmos,-n въ Ликіи или Сиріи; Репревъ-Христофоръ является кинокефаломъ, въ латинской передачѣ *Canineus*, но рядомъ съ этимъ вторгается и другой этническій эпитетъ — Chananaeus, а подъ вліяніемъ воспоминаній о хананеяхъ, великанахъ Библіи, особенное значеніе дается гигантскому росту Христофора. Въ греческихъ житіяхъ эта черта не выступаетъ; здѣсь она выдается, опредѣляя иконописныя и скульптурныя изображенія святаго, отражаясь неконецъ и въ описаніи его мощей [3]). Позже изчезаетъ и самый признакъ кинокефализма.

Латинскія житія св. Христофора распадаются на двѣ группы.

Разборъ первой я начну съ Passio, изданной болландистами [4]).

«In tempore illo, regnante Dagno in civitate Samo, homo venit de insula, *genere Canineorum*, et ostensum est ei a Domino, ut baptisaretur baptismo sancto... Ipse autem sanctus, ex toto corde orans, ecce nebula de caelo descendit et inluxit super eum; et venit ei vox de caelo dicens: Serve electe Dei, ecce accepisti baptismum in nomine Domini et sanctae Trinitatis. Et ingressus ipse sanctus intra Syriam, orabat dicens: Gloria tibi, Deus, qui convertis ignorantes et adducis in viam veritatis; *mutas linguas*

---

[1]) Сл. отчетъ о Harster въ Anzeiger für deutsches Alterthum und deutsche Litteratur, VI B. (1880), стр. 166.

[2]) См. мой отчетъ о книгѣ Коха въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1883 г., Ноябрь, стр. 155.

[3]) См. AASS. l. c., p. 129 a (dimidiam mandibulam tredecim vulgares libras 16 unciarum appendere), 129 b (dens portentosus), 134 a (dimensio autem pedis illius pertingebat a calcaneo hominis justae staturae ad axillam ejusdem). Сл. латинскій гимнъ у Mone (Lateinische Hymnen des Mittelalters III, стр. 248:

Salve, quem tam mire Deus
traxit, o Christophore,
Cananeus giganteus
es procerus corpore.

[4]) l. c., p. 146 b слѣд.; о рукописяхъ ib. p. 142 b слѣд. и Harster, Walther v. Speier, p. 38.

ferarum et das eis linguam humanam. Et ingressus in ipsam civitatem orabat». Женщина, вышедшая изъ города поклониться идоламъ, испугалась его вида, «et facies ejus mutata est, videns corpus hominis, caput autem canis». По ея призыву «exierunt turbae multae et videre ipsum sanctum stantem et orantem juxta ecclesiam; et respiciens ad illum populum orabat dicens: Domine Deus meus, fac virgam meam florere et ramos bonos habere et folia formosa, quomodo mutasti in Cana Galilaeae aquam in vinum». Чудо совершается, и 18 тысячъ человѣкъ увѣровали во Христа. О томъ доносятъ Дагну, который посылаетъ за святымъ двѣсти человѣкъ и затѣмъ еще столько же; заставъ его молящимся «et ipsi orare coeperunt cum eo». При видѣ Христофора царь свалился съ престола, «quoniam magnus erat»; далѣе его ростъ опредѣляется: «cubitorum duodecim». Обращаясь къ нему Дагнъ говоритъ: «Canine»: позже: «fera mala», «qui intra feras nutritus est». Спрошенный о своемъ имени, святой показываетъ: «Reprobus dictus sum, post baptismum sanctum Christophorus vocor», а Дагну говоритъ: «Vere bene vocatus es Dagnus quia tu es pars mortis» — игра словъ непонятная по признанію болландистовъ [1]); въ греческомъ житіи Христофоръ говоритъ Декію: Δικαίως ἐκλήθης Δέκιος· δεκτικὸς γὰρ εἶ τῆς ἐνεργείας τοῦ διαβόλου; въ греческомъ подлинникѣ славянскаго житія успенскаго сборника стояло, очевидно, δοκός: «въ правьдоу реченъ бысть Декии, бърьвьно бо ѥси диꙗволѥ». — Слѣдуютъ мученія и смерть: 400-хъ воиновъ, которые посланы были за Христофоромъ (они говорятъ о себѣ: nos autem semel baptizati sumus?), Акилины и Никеи (= Каллиника греч. текста), трехъ царскихъ совѣтниковъ, наконецъ самаго святого. Послѣднее мученіе его состоитъ въ томъ, что воины по повеленію царя стрѣляютъ въ него съ перваго часа до двѣнадцатаго, но стрѣлы останавливались въ воздухѣ по бокамъ, не трогая тѣла. Когда на другой день явился Дагнъ и сталъ глумиться надъ Богомъ Христофора, одна изъ стрѣлъ сорвалась

---

[1]) L. c., p. 148 a.

и угодила въ глазъ царю. Умирая, Христофоръ велитъ ему прійдти на мѣсто, гдѣ его погребутъ, взять персти, смѣшанной съ его кровью, и помазать глазъ. Дагнъ дѣйствительно исцѣляется и впредь запрещаетъ подъ страхомъ смерти кощунствовать противъ Бога христіанъ. Иначе въ греческомъ текстѣ, гдѣ нѣтъ чуда со стрѣлами, Христофоръ усѣченъ мечемъ, предрекая Декію злую смерть, которая и постигаетъ его.

Passio, напечатанная болландистами, можетъ служить образчикомъ того, болѣе древняго текста житія, который, помимо ея, сохранился въ цѣломъ рядѣ переработокъ и отраженій.

Въ X вѣкѣ Вальтеръ Шпейерскій дважды, стихами и прозой, пересказалъ легенду именно нашего типа, съ реторическими прикрасами и обусловленными тѣмъ отличіями, несущественными для критики. Я ограничусь разборомъ прозаическаго пересказа [1]).

Имена тѣ же: Reprobus, Dagnus, Samon въ Сиріи, Aquilina, Nicaea. Христофоръ «natione quidem et ritu exstitit *Chananaeus*, fidei vero et operum honesta conversatione apparuit Christianus... Quod autem hunc de terra Chananaea oriundum narrat historia, ratio non improbare videtur; nam et Simonem apostolum a Chana villa Chananaeum, id est, zeloten dici veritas habet, a quo et istius Chananaei religio non adeo distat. Ejusdem enim appellationis, licet non ejusdem loci ambo in terra sortiti vocabulum in coelo iam collegii societate fruuntur... Erant praeterea quaedam et in eo maxime non erubescenda conditionis humanae vestigia: longa enim, ut aiunt, et acuta facie *Cynocephalum*, id est *canini capitis* hominem praetendens interioris hominis formam bonorum operum studuit adornare constantia. Далѣе этотъ признакъ удержанъ: cynocephalici vultus... horrenda severitas; хотя женщина пугается лишь oculorum ejus gravitatem, и, явившись передъ Дагномъ, онъ всѣхъ поражаетъ, «cum staturae ejus proceritas ceteris emineret, radiis oculorum... reverendus apparuit», тѣмъ не менѣе царь обращается къ нему съ словами: canina facies,

---

[1]) Harster, Waltheri Spirensis Vita etc. стр. 102 слѣд.

canina imago, ferocissima bestiarum. Изъ отличій противъ Passio укажу лишь на немногое: вмѣсто virga *ferrea*, едва ли не принадлежащей описке, является просто baculus peregrinationis, причемъ чудо съ посохомъ сопоставляется съ чудомъ въ Канѣ Галилейской (Passio), но и съ разцвѣтаніемъ Ааронова жезла (греческое мученіе); за мученіемъ отъ стрѣлъ (Passio) слѣдуетъ еще усѣкновеніе Христофора (греческое мученіе). Отмѣтимъ въ началѣ легенды нѣсколько указаній на юность Христофора: онъ сынъ знатныхъ родителей-язычниковъ; съ молодости отличался добрыми нравами, нищелюбіемъ, презрѣніемъ къ языческимъ обрядамъ. Его связываетъ лишь уваженіе къ законамъ родной страны и страхъ родителей, и вотъ онъ берется за страннический посохъ и направляется въ Сирію «nudus quidem thesauro... non habens peram vel sacculum, quoniam caelestis sibi praebuit annona solacium».

Итакъ, Христофоръ — кинокефалъ, Canineus, но вмѣстѣ съ тѣмъ и *хананей*; сближеніе съ Симономъ *Кананеемъ* (изъ Каны) принадлежитъ ли измышленію Вальтера? Въ одномъ латинскомъ житіи, отрывокъ котораго приводится болландистами [1]), о Христофорѣ говорится: «ad hoc itaque sancti spiritus characterisma recipiendum per regenerationis lavacrum feliciter beatum apostolum Simonem, nomine Zelotem atque praenomine Chananaeum, adiit; cujus doctrina imbutus fideliter, tale in ipso purgationis fonte nomen sortitus est». — Въ Passio и у Вальтера Христофоръ чудеснымъ образомъ крещенъ въ облакѣ; форма: Cananaeus, вмѣстѣ съ указаніемъ на Симона, могла явиться на переходѣ отъ болѣе древняго: Canineus — кинокефалъ къ Chananaeus — хананей.

Легенду у Момбриція я знаю лишь по пересказу Шёнбаха [2]). Inc. Regnante Dano imperatore in civitate Samon in provincia Syrie venit quidam homo de insula (опущено: Cananeorum) ex genere Abnoch. — Alois Müller предполагаетъ въ Abnoch иска-

[1]) l. c., стр. 143 a.
[2]) Anzeiger, l. c.

женіе Anakim (великаны Библіи) подъ вліяніемъ такихъ именъ, какъ Abner, Abigail, Abimelech и пр. — Господь велитъ Репреву креститься, «et fugens ad ecclesiam Cristianorum gratiam baptismi consecutus est in nomine sanctae trinitatis». Онъ идетъ въ городъ; женщина пугается его вида: «videbat enim corpus hominis, *caput vero cananeum*»; и далѣе встрѣчается выраженіе: caput cananeum, ab illo capite cananeo — очевидно, вм. canineo; caput chananeum было бы безсмыслицей. Сл. въ молитвѣ Христофора къ Господу: mutas *linguas ferarum*, и обращеніе къ нему царя: *fera mala*. Разцвѣтающая палица является безъ эпитета: ferrea (Passio).

Изъ латинскаго житія вѣнской рукописи №. 550, начала X вѣка, Шёнбахъ (l. c.) сдѣлалъ лишь незначительныя выписки. Императоръ Dagnus; о кинокефализмѣ, кажется, нѣтъ рѣчи, ибо женщина поражается лишь ростомъ (statura) Христофора. Онъ и названъ не canineus, а Cananeus, въ смыслѣ народнаго прозвища и отвлеченнаго отъ него понятія язычника: dum Cananeus, Reprobus dictus sum, post baptismum Christophorus vocor.

Судя по указанію на крещеніе въ облакѣ можно предположить, что редакціей, сходною съ Passio болландистовъ, пользовался еще въ IX вѣкѣ Ратрамнъ въ посланіи къ Римберту о кинокефалахъ [1]), которые, по его мнѣнію, homines potius quam bestiae deputandi videntur. Huic intelligentiae non parum suffragari videtur libellus de martyrio Christophori editus. Quemadmodum enim in eo legitur, hoc de genere hominum fuisse cognoscitur... Nam et baptismi sacramentum divinitus illum consecutum fuisse, *nubis ministerio eum perfundente, sicut libellus ipse testatur, creditur*.

Въ слѣдующей группѣ житій *кананей*-кинокефалъ уступилъ мѣсто *хананею*, и является цѣлый рядъ моментовъ, не встрѣчавшихся намъ доселѣ.

---

[1]) Fritsche, Der Brief des Ratramnus über die Hundsköpfe, у Hilgenfeld'a Zs. f. wissenschaftliche Theologie XXIV Jahrg. (1881), стр. 63—64.

Такъ у Якова de Voragine (ed. Graesse, p. 430 слѣд.): «Christophorus gente Chananaeus procerrimae staturae vultuque terribili erat et XII cubitos in longitudine possidebat»; Дагнъ называетъ его: Chananaee malefice! либо говоритъ: inter feras nutritus es et tu non potes nisi opera feralia et hominibus incognita loqui. Кинокефалъ изчезъ, но въ самой легендѣ гораздо больше баснословнаго элемента, чѣмъ въ предшествующей. Начало совершенно сказочное: Христофоръ былъ на службѣ у какого-то хананейскаго царя, когда ему пришло на мысль «ut maiorem principem, qui in mundo est, quaereret et ad eumdem secum moraturus accederet. Venit igitur ad quemdam maximum regem, de quo generalis fama habebatur, quod majorem mundus principem non haberet. Quem rex videns libenter recepit et in sua curia manere fecit. Quodam autem die joculator quidam cantionem coram rege cantabat, in qua frequenter diabolum nominabat». Всякій разъ, при его упоминаніи, царь крестится, а на вопросъ Христофора, почему онъ это дѣлаетъ, отвѣчаетъ: «Quemcunque diabolum nominari audio, hoc signo me munio timens, ne in me potestatem accipiat mihique noceat». Какъ услышалъ это Христофоръ, рѣшилъ пойдти служить діаволу (ut ipsum mihi in dominum assumam), котораго встрѣчаетъ въ пустынѣ, въ образѣ воина (miles ferus et terribilis), окруженнаго другими воинами. У него онъ остается; однажды они шли вмѣстѣ по дорогѣ; увидя крестъ, діаволъ испугался и свернулъ въ сторону, увлекая съ собою Христофора. Когда онъ объяснилъ ему причину своего страха, тотъ заключаетъ, что Христосъ сильнѣе его хозяина и отправляется искать кого-нибудь, «qui sibi Christi notitiam indicaret». Пустынникъ, на котораго набрелъ Христофоръ, поучаетъ его: «Rex iste, cui servire desideras, istud requirit obsequium, quia frequenter jejunare oportebit». Но Христофоръ отказывается отъ этого, а что такое молитва, о которой говорятъ ему, онъ и не знаетъ. Тогда пустынникъ велитъ ему поселиться на рѣкѣ, опасной для переправлявшихся черезъ нее, и всѣхъ переносить на ту сторону: такъ онъ послужитъ Христу. Христофоръ такъ

и поступаетъ, и однажды, перенося на плечахъ мальчика-Христа, чуть не изнемогъ подъ его тяжестью: «In magno periculo, puer, me posuisti et adeo ponderasti, quod, si *totum mundum* super me habuissem, vix majora pondera praesensissem». На другомъ берегу Христосъ объявляетъ себя: «ut me verum dicere comprobes, cum pertransieris, baculum tuum juxta domunculam tuam in terra fige et mane ipsum floruisse et fructificasse videbis». Стало быть, то же чудо, что̀ и въ предшествующей легендѣ, иначе пріуроченное.

Той-же легендой, какъ и Яковъ de Voragine, пользовался авторъ средневѣковой нѣмецкой стихотворной повѣсти о Христофорѣ, изданной Шёнбахомъ (A). Онъ былъ «ein man des lîbes ungehiure» (v. 89), ein rise (v. 757), котораго не могла снести ни одна лошадь (v. 159); онъ поочередно служитъ у рыцаря, графа, короля, императора, папы; крестное знаменіе, которымъ ограждается папа отъ діавольской напасти, побуждаетъ его поступить въ услуженіе къ діаволу; но онъ вскорѣ покидаетъ его, когда видитъ его страхъ передъ крестомъ. Слѣдуетъ встрѣча съ пустынникомъ; Христофоръ переноситъ младенца Христа; эпизода о разцвѣтшей палицѣ нѣтъ въ этой связи, и то, что̀ слѣдуетъ далѣе, обращаетъ насъ къ редакціи Passio. Христофоръ вышелъ на берегъ, чудесный младенецъ изчезъ; *облако* осѣняетъ будущаго святого, и ангелъ велитъ ему итти въ Сирію, въ городъ Samône, къ королю Dagnus. Женщина, вышедшая изъ города, пугается Христофора, и совершается чудо съ разцвѣтшей жердью (v. 1075—1076: ein holz unmâzen grôz, — Ein dornenstap, der rinden blôz). О томъ, что Христофоръ — кинокефалъ или хананей, не говорится ни слова.

Средневерхне-нѣмецкая стихотворная легенда B, изданная тѣмъ-же Шёнбахомъ, придѣлала къ схемѣ de Voragine своеобразное введеніе. Отецъ и мать святого, живущіе въ Персіи или Аравіи (v. 78—79) — добродѣтельные люди, хотя и язычники; долгое неплодіе побуждаетъ мать къ обѣщанію стать христіанкой, если у нея будетъ потомство. Родится великанъ Offorus:

одного году отъ роду онъ былъ словно тридцатилѣтній и не удовлетворялся молокомъ десяти кормилицъ и болѣе (v. 163 слѣд.); когда ему было 20 лѣтъ, онъ всѣхъ превосходилъ въ силѣ и ловкости (v. 183 слѣд.); ни одинъ конь не выносилъ его (v. 216); онъ такъ великъ, что люди верхомъ доходятъ ему до плеча (v. 219 слѣд.). Онъ также ищетъ властелина, сильнѣе котораго нѣтъ на свѣтѣ, и скрывшись отъ родителей, приходитъ сначала къ лѣснику (waldman v. 392), затѣмъ встрѣчается съ охотникомъ, котораго переноситъ вбродъ черезъ глубокій потокъ (v. 473 слѣд.), и несетъ одинъ всю охотничью добычу (v. 513 слѣд.). Онъ поступаетъ на службу къ хозяину охотника, но уходитъ отъ него, увидѣвъ, что тотъ, зѣвая, перекрестилъ ротъ (v. 520 слѣд.), и узнавъ тому причину. Боязнь діавола передъ распятіемъ побуждаетъ его покинуть и второго господина, хотя тотъ принялъ его къ себѣ и даже сотворилъ гигантскаго коня, который могъ бы выдерживать его тяжесть (v. 605 слѣд.). Послѣдняя его встрѣча съ пустынникомъ, который принимаетъ Оффора и печетъ для него хлѣбъ; хлѣба выходитъ такъ много, что пустыннику хватило бы на мѣсяцъ (v. 785 слѣд.). Очутившись перевощикомъ на морѣ, Оффоръ вырываетъ дерево, чтобъ оно служило ему опорой при переходѣ въ бродъ (v. 894 слѣд.). Когда онъ переноситъ Христа и изнемогаетъ подъ ношей, пустынникъ видитъ съ берега, что надъ нимъ витаютъ ангелы (v. 1084). Младенецъ Христосъ креститъ его во время перехода по морю, и тутъ же совершается чудо разцвѣтанія палицы, находившейся въ рукахъ Оффора (v. 1113 слѣд.). Слѣдуетъ далѣе вторая часть легенды: мученіе, безъ обозначенія мѣстности и собственныхъ именъ, какъ нѣтъ и иконографической характеристики святого [1]).

---

[1]) Указанія на нѣкоторые пересказы и передѣлки легенды о Христофорѣ на народныхъ языкахъ см. у Schönbach, Anzeiger, l. c. p. 169; сл. Kolberg, Lud, ser. XIV, cz. VI, стр. 158—160. — Интересенъ народный сициліанскій разсказъ о св. Эльмѣ (Sant'Ermu) и Христофорѣ: въ старые годы жилъ въ Калабріи, въ пещерѣ, пустынникъ св. Эльмъ; жилъ онъ милостынею, но когда по смерти брата на его рукахъ остались семь сиротъ — племянницъ, онъ не

II.

Изъ предшествующаго обозрѣнія выяснилось, какимъ важнымъ признакомъ для распредѣленія редакцій легенды о Христофорѣ является его кинокефализмъ. Къ сожалѣнію, этотъ тератологическій признакъ географически колеблется.

Кинокефаловъ древніе помѣщали то въ Индіи[1]), то въ Африкѣ. Первые изображаются чѣмъ-то среднимъ между человѣкомъ и обезьяной: они живутъ охотой и держатъ стада, питаясь молокомъ и вяленымъ мясомъ; вымѣниваютъ у индійцевъ оружіе на янтарь и знаютъ выдѣлку пурпура; понимая индійскій языкъ, они вмѣстѣ съ тѣмъ не умѣютъ говорить, а воютъ и лаютъ (ὠρύονται), какъ собаки, и объясняются знаками; у нихъ клыки больше собачьихъ, когти длинные и острые и большіе пушистые хвосты ὑπὲρ τῶν ἰσχίων.

Такое же колебаніе между образомъ человѣка и обезьяны представляютъ преданія объ африканскихъ кинокефалахъ, которыхъ древніе писатели указываютъ то въ Ливіи, то въ Эѳіопіи[2]).

зналъ какъ быть и взмолился Богу. Господь послалъ къ нему великана Христофора съ фонаремъ, чтобы въ бурныя ночи свѣтить бѣднымъ контрабандистамъ. Такъ святой и сдѣлалъ; съ тѣхъ поръ не проходило дня, чтобы онъ не возвращался домой съ обильной милостыней, которая дала ему возможность прокормить и выдать замужъ племянницъ. Еще и теперь по молитвѣ моряковъ св. Эльмъ сходитъ съ неба съ своимъ фонаремъ и помогаетъ въ бурю (Pitrè, Meteorologia popolare siciliana, Archivio IV, fasc. 4). — *Фонарь* Христофора перевозчика соединился въ этой легендѣ съ представленіемъ о спасительныхъ *свѣточахъ* св. Эльма.

[1]) См. указанія у Fritsche, l. c. p. 59 слѣд.: Ктезій (Photius, Bibl. 72, ed. Bekker, p. 47 s.; Ctesiae operum reliquiae ed. Baehr, Franc. ad. M. 1824, 8⁰, p. 252—254 и прим. Бэра, p. 320 слѣд.), Эліанъ, De nat. an. 4, 46; Плиній, Hist. nat. 7, 2, 23; Авлъ Геллій, Noct. Att. 9, 4, 9.

[2]) См. Ehrenberg, Ueber den Cynocephalus der Aegyptier nebst einigen Betrachtungen über die aegyptische Mythe des Thot und Sphinx vom naturhistorischen Standpunkte, въ Abhandl. d. kön. Akad. d. Wiss. zu Berlin, 1833, стр. 337 слѣд.; Fritsche, l. c. p. 58—59. Свидѣтельства классиковъ объ африканскихъ кинокефалахъ: Herodot. 4, 191; Agatharchides у Фотія, Bibl. 250 ed. Bekker, p. 455 b; Diodor. Sicul. 3, 35; Plin. Histor. nat. 8, 54, 80; сл. 6, 2, 184; 7, 2, 31; Solinus ed. Th. Mommsen, Berol. 1864, p. 143; Aelian. De nat. an. 6, 10; 7, 19; 17, 8; 10, 25, 30; Strabo 774, 812; Lucian. Dial. mar. 7, 2, Toxaris 28; Horapollinis Hieroglyphica ed. Leemans, l. I, c. 14 и прим. — Сл. Pietschmann, Hermes Trismegistus, p. 6—7, 16, 21 слѣд., 38, 44—45; Parthey, Plutarch Ueber

По Плинію «gens Menisminorum» въ Эѳіопіи держала стада кинокефаловъ, питаясь ихъ молокомъ; у Эліана эѳіопскіе песиглавцы — κυνοπρόσωποι ἄνθρωποι, черные, волосатые, съ головой и зубами собаки и острыми когтями. Съ другой стороны при Птолемеяхъ упоминаются ученые кинокефалы, пляшущіе и играющіе на флейтѣ и т. п. Но особеннаго вниманія заслуживаетъ ихъ роль въ египетскомъ культѣ: кинокефалы посвящены лунѣ, являясь ея символомъ [1]); ихъ почитаютъ въ Гермополѣ (Strabo 812: τιμῶσι κυνοκέφαλον Ἑρμοπολῖται), гдѣ найдены были и ихъ муміи; они посвящены Гермію-Тоту (ἔτι δὲ καὶ τὸ ζῶον ἐπὶ Ἑρμῇ ἐνεμήθη τῷ πάντων μετέχοντι γραμμάτων, Horapoll. Hieroglyph. I, 14), почему кинокефалу, вводимому въ храмъ, δέλτον αὐτῷ παρατίθησιν ὁ ἱερεὺς, καὶ σχοινίον καὶ μέλαν, πειράζων εἰ ἐκ τῆς ἐπισταμένης

Isis u. Osiris, p. 195; Pierret, Le Panthéon égyptien (Paris 1881) p. 56, прим. 5; Lafaye, Histoire du culte des divinités d'Alexandrie: Sérapis, Isis, Harpocrate et Anubis hors de l'Egypte (Paris 1884) p. 260—261; сл. ibid. описаніе изображеній подъ №№ 76, 96, 97, 102, 103, 112 и др. — Я не касаюсь здѣсь вопроса о различной локализаціи кинокефаловъ у позднѣйшихъ путешественниковъ (Мандевилль, напримѣръ, помѣщаетъ ихъ на островѣ Накумерѣ: Мадагаскаръ и Коморо), ни сходныхъ преданій о происхожденіи того или другаго племени отъ смѣшенія женщинъ съ собаками. Такихъ преданій довольно много: они разсказывались о жителяхъ Пегу (Камоэнсъ, Os Lusiadas, X, 122), объ Айно (у японцевъ), при чемъ интересно напомнить слѣдующія этнографическія подробности: у Айно лицо плоское, четырехугольное, съ выступающими скулами и складкой, спадающей на верхнюю губу; женщины окрашиваютъ сокомъ растенія koutsi-kf'-sa полость рта, вокругъ котораго образуется широкая синяя полоса. Растительность волосъ на груди и спинѣ у Айно необычайная; они держатъ въ большомъ почетѣ собаку и почти боготворятъ ее (Hellwald, Naturgeschichte des Menschen, 52 Lief. p. 571—572). «Professor Rhys speaks of the Dog-men, sons and slaves of the Dog, an un-Aryan, un-Celtic, un-Teutonic nomenclature, peculiar to the prae-Celtic population of Great Britain, with whom the Northmen came into contact.... This phenomenon of nomenclature recalls at once the Hundings, Dogsons, of the Helgi Lays — Macbeaths and Maelbeaths, due, we have little doubt, to Iverian influence». Vigfusson and Powell, Corp. poet. boreale, I, стр. CXXII, прим. 1. Сл. родовыя названія: *Hundt* von Dorfheim, въ Pinzgau (Panzer, Bayerische Sagen und Bräuche I, 8), *Hund* von Wenkheim (Bechstein, Sagenschatz des Thüringerlandes, n. Aufl., IV, 199) и матеріалъ, собранный Либрехтомъ въ статьѣ: Romulus und die Welfen (Zur Volkskunde, стр. 17 слѣд.).

[1]) Сл. по этому поводу мои Замѣтки по литературѣ и народной словесности, IV: Къ вопросу объ апологахъ Кирилла, стр. 49 и слѣд. (l. I, c. 9) и 53.

ἐστι συγγενείας γράμματα (l. c.), какъ съ другой стороны тою же связью съ Герміемъ-Тотомъ объясняется образъ кинокефала, управляющаго вѣсами въ изображеніяхъ посмертнаго суда надъ покойникомъ. Какъ Гермій-Тотъ изображался кинокефаломъ (Lucian. Dial. mar. 7, 2: Ἑρμῆς ἀντὶ νεανίου κυνοπρόσωπος γεγένηται), такъ въ греко-латинскую пору Anubis смѣнилъ свою шакалью голову — головой собаки (Strabo 812: ἑξῆς δ' ἐστὶν ὁ Κυνοπολίτης νομὸς καὶ Κυνῶν πόλις ἐν ᾗ ὁ Ἄνουβις τιμᾶται), являясь въ роли Гермія Психопомпа (Ἑρμάνουβις, Plutarchi De Is. et. Osir. c. 61) въ изображеніяхъ погребенія и посмертнаго суда: онъ ведетъ души умершихъ на тотъ свѣтъ; совершая погребальные обряды, какъ бы уготовляетъ людямъ загробные пути, почему его зовутъ открывающимъ, уготовляющимъ пути. Изображенія греческой эпохи представляютъ его кинокефаломъ, съ мѣсяцемъ, либо двумя звѣздами надъ головой, съ кадуцеемъ и talaria Гермія на ногахъ, съ пальмовой вѣтью въ рукахъ: символомъ смерти, который Египтяне носили провожая покойника; иногда стволъ пальмы виднѣется сзади или съ боку или спереди; въ рукѣ — глобусъ (земной шаръ) или палица. Обыкновенно онъ одѣтъ въ тунику съ короткими рукавами, не доходящую до колѣнъ, охваченную по тальѣ поясомъ; съ плечъ спускается плащъ, либо откинутый назадъ, либо покрывающій всю фигуру. Такъ онъ изображается на барельефахъ, геммахъ, монетахъ и фрескахъ, и въ колоссальной статуѣ, найденной въ Порто и нынѣ находящейся въ капитолійскомъ музеѣ.

Къ какому изъ указанныхъ двухъ преданій о кинокефалахъ, индійскому или египетскому, примыкаетъ легенда о кинокефалѣ Христофорѣ? На это отвѣтятъ, быть можетъ, коптскія и эѳіопскія отреченныя Дѣянія апостоловъ Андрея и Вароѳоломея, вѣроятно, составленныя въ Египтѣ, такъ какъ распространеніе ихъ ограничилось коптскими и абиссинскими христіанами, и они не проникли ни къ сирійцамъ, ни къ грекамъ и латинянамъ [1]).

---

[1]) Сл. Lipsius, Die apocryphen Apostelgeschichten und Apostellegenden (1884), II, стр. 85—86; сл. для слѣдующаго ibid. стр. 76 слѣд.

Въ коптскихъ актахъ апостолы Андрей и Варѳоломей, направляясь къ парѳамъ, проповѣдуютъ слово Божіе у кадареновъ = казареновъ или мак918едановъ, въ городѣ Jericho = Rochon; ихъ подвергаютъ мученіямъ, а Господь посылаетъ имъ на помощь человѣка изъ страны кинокефаловъ, по имени *Christianus*. Въ театрѣ, гдѣ собрался народъ, онъ пожираетъ двухъ львовъ и наводитъ такой ужасъ на жителей, что они бѣгутъ изъ города, который, по молитвѣ апостоловъ, окружила огненная стѣна, и народъ бросается къ ногамъ Андрея и Варѳоломея. Они обращаютъ кинокефала въ скромнаго, тихаго мальчика; Варѳоломей даетъ ему новое имя Πιστός, обѣщая ему царствіе небесное и вѣчную славу за помощь, имъ оказанную въ обращеніи невѣрныхъ.

Арабскій Синаксарій переноситъ мѣсто дѣйствія въ страну берберовъ [1]); эѳіопскіе акты ведутъ апостоловъ Андрея и Варѳоломея сначала въ Azrianos (= Jericho, Rochon), упоминаютъ городъ Macedonia, Mactran (македаны коптск. т.), но чудо съ кинокефаломъ совершается, вѣроятно, по ошибкѣ, не въ Jericho, а въ Barthos, то-есть, у парѳовъ, куда и въ коптскихъ текстахъ направляются апостолы. Господь посылаетъ имъ на помощь *изъ города*, откуда ихъ изгнали, кинокефала; ангелъ направляетъ его къ нимъ, наставляетъ въ истинной вѣрѣ. Въ доказательство истины его словъ, нисходитъ съ неба пламя, окружающее кинокефала, не причиняя ему вреда; тогда ангелъ дѣлаетъ надъ нимъ знаменіе креста: тотчасъ звѣрное естество его покинуло, и онъ становится покорнымъ какъ овечка. Онъ идетъ къ мѣсту, гдѣ скрывались апостолы и ихъ ученики, Руфъ и Александръ; видъ его былъ ужасенъ: росту онъ былъ четырехъ аршинъ, голова точно большаго пса, глаза огненные, клыки какъ у медвѣдя или льва, ногти у пальцевъ на ногахъ, словно кривые садовые ножи, ногти у пальцевъ на рукѣ, точно львиныя когти, а волосы и борода спускались какъ львиная грива. Апостолы бѣгутъ отъ страха, но кинокефалъ удержалъ за руку Александра и Руфа и

---

[1]) См. Lipsius, l. c. p. 78 и I p. 621 (городъ: Garanius).

объясняетъ, зачѣмъ онъ къ нимъ присланъ. Тогда возвращаются и апостолы, и св. Андрей даетъ ему, вмѣсто прежняго его имени — Порока — новое: Христіанинъ. Вмѣстѣ они идутъ въ городъ, кинокефалъ — съ покрытымъ лицомъ; жители напустили на апостоловъ львовъ, онъ сорвалъ съ себя покрывало, его звѣриная натура вернулась къ нему: онъ бросается въ народъ и убиваетъ 603 именитыхъ мужей города. Всѣ обращаются къ истинной вѣрѣ и обнаруживаютъ желаніе выслушать въ театрѣ слово проповѣди; апостолы ведутъ съ собою и кинокефала, который по ихъ молитвѣ принимаетъ человѣческій образъ и мирно, точно овечка, ложится у ногъ святыхъ.

Соединяя коптскій съ эѳіопскимъ пересказомъ Дѣяній и сравнивая тотъ и другой съ данными Христофоровой легенды, мы получаемъ такое уравненіе: тамъ и здѣсь — кинокефалъ страшнаго вида, «Порокъ» или Reprobus (отверженный) по имени, и вмѣстѣ съ тѣмъ — избранный стать орудіемъ Божественнаго слова, вѣрнымъ (Πιστός), *христіаниномъ* (Christianus) — или Христофоромъ. Къ послѣднему имени, понятому конкретно, могла примкнуть легенда о вещественномъ, не только нравственномъ, несеніи Христа [1]. — Тамъ и здѣсь крещеніе Кинокефала совершается при особыхъ, несомнѣнно сходныхъ обстоятельствахъ: въ Дѣяніяхъ кинокефала окружаетъ небесное пламя, какъ Христофора — облако. Можетъ быть, и къ разцвѣтшему и принесшему плоды жезлу Христофора позволено усмотрѣть параллель въ легендѣ коптскаго Синаксаря о проповѣди ап. Варѳоломея въ египетскихъ оазисахъ [2]: проданный одному купцу, какъ искусный

[1] Извѣстно, что «несеніе» Христа въ легендѣ о Христофорѣ нерѣдко понималось въ отвлеченно-символическомъ значеніи — бремени вѣры. Мистическое видѣніе Аѳанасія Филипповича относитъ насъ къ такому именно пониманію. «Въ пустынной мѣстности встрѣтился мнѣ больной и слабый человѣкъ. Я взялъ его на свои плечи и несъ его не мало. Этотъ незнакомецъ раскрылъ мнѣ дивныя дѣла о тайнахъ божіихъ и наконецъ далъ знать, что ему было наисладчайшее имя Іисусъ Христосъ». Сл. Орестъ Левицкій, Аѳанасій Филипповичъ, игуменъ Брестъ-литовскій. Кіевъ. 1878 (оттискъ изъ Кіевскихъ универс. извѣстій 1878 г.), стр. 4.

[2] Lipsius, l. c. p. 86 слѣд.

виноградарь, Варѳоломей не занимается своей работой, а по ночамъ проповѣдуетъ въ городѣ; когда же хозяинъ потребовалъ отъ него отчета, онъ беретъ три лозы, прикрѣпляетъ ихъ крестообразно къ одному дереву, и онѣ тотчасъ покрываются ягодами.

Липсіусъ [1]) полагаетъ, что макedановъ, казареновъ или каdеренов и городъ Rochon, вѣроятно, искаженный въ Іерихонъ, слѣдуетъ искать въ Эѳіопіи. Если придержаться Іерихона, то можно бы сблизить макedановъ съ *Makkeda*, казареновъ съ Gaser, или Gazara — столицами языческихъ *хананейскихъ* царьковъ, какою являлся и *Іерихонъ*; именно изъ Іерихона (если подподставить его вмѣсто Barthos эѳіопскаго текста) выходитъ на встрѣчу апостоламъ помощный имъ кинокефалъ. Онъ, стало быть, такой же хананей, какъ и св. Христофоръ, и Canineus было бы только переводомъ кинокефала, въ фонетическомъ приспособленіи къ Chananeus? Именно въ виду коптскаго апокрифа и его возможной *связи* съ легендой о св. Христофорѣ такое развитіе значеній представляется болѣе вѣроятнымъ, чѣмъ предположенное выше: отъ Canineus = кинокефалъ къ Cananaeus. Это не мѣшаетъ намъ въ самомъ *образѣ* кинокефала, какъ онъ выразился въ легендѣ и апокрифѣ, видѣть слѣды египетскихъ представленій; одно изъ языческихъ именъ Христофора: Онуфрій — египетское: Un-nefer означаетъ; благое существо, ἀγαθοδαίμων [2]); его предрасположеніе къ христіанству напоминаетъ общія мѣста скитскихъ житій: такъ св. Антонію, отправлявшемуся искать пустынножителя Павла, служатъ руководителями въ пустынѣ Кентавръ и Сатиръ, который проситъ его помолиться о немъ и затѣмъ изчезаетъ. Сатиръ, Панъ и др. были у древнихъ такимъ же двойственнымъ, какъ и кинокефалъ, обозначеніемъ для обезьянъ, либо дикихъ народовъ, населявшихъ Эѳіопію и Аравію.

---

[1]) L. c. 84—85; сл. Riehm, Handwörterbuch des biblischen Alterthums, ad v. Geser, Jericho, Makkeda.

[2]) См. Parthey, Personennamen bei den Klassikern, in Papyrusrollen, auf Inschriften. Berlin 1864 (Onnophris, Oenuphis); Goodwin, Coptic and Graeco-Egiptian Names (Zs. f. Aegypt. Sprache u. Alterthumskunde 1868, p. 64—9); Lepsius. Die Chronologie der Aegypter I (Berlin 1849), p. 43, прим. 6 (сообщ. г. Леммомъ).

Въ заключеніе — вопросъ. Если Гермій-Тотъ отразился въ Іереміи сербской Александріи, а древнее изображеніе Гора на крокодилѣ — въ иконографіи св. Мены, то почему бы не допустить въ легендѣ у Якова de Voragine о песиглавцѣ Христофорѣ, переносящемъ черезъ рѣку странниковъ, съ палицей въ рукѣ, разцвѣтающей впослѣдствіи, изнемогающемъ подъ бременемъ Христа, точно на его плечахъ покоился *цѣлый міръ*, — почему бы не предположить во всемъ этомъ отраженіе египетскаго представленія о песьеглавомъ Анубисѣ, переводящемъ души (черезъ рѣку, отдѣляющую насъ отъ міра?), съ палицею въ рукѣ (или пальмой; либо пальмовымъ деревомъ въ сторонѣ) и глобусомъ, символомъ *міровой «тяги»*? Я оставляю это — вопросомъ.

Другимъ отраженіемъ древняго представленія является роль песиглавцевъ въ нашихъ изображеніяхъ страшнаго суда. Въ гностической Pistis Sophia, переведенной съ коптскаго Шварцомъ [1]), Богородица спрашиваетъ Христа: mi domine, quonam τύπῳ est caligo externa? Aut quot loca κολάσεως sunt in ea? Іисусъ Христосъ отвѣчаетъ: Caligo externa magnus δράκων est, cujus cauda in suo ore, est extra κόσμον totum et circumdat κόσμον totum. Sunt multi τόποι κρίσεως in eo, habentes duodecim ταμεῖα κολάσεως dura. Est ἄρχων in quovis ταμείῳ; est facies ἀρχόντων varia inter se invicem. Primus δὲ ἄρχων existens in primo ταμείῳ est faciei crocodili, cujus cauda in ore suo... Et ἄρχων qui est in secundo ταμείῳ, facie felis est... et ἄρχων qui est in tertio ταμείῳ *facies canis est*. Своимъ ученикамъ Христосъ велитъ проповѣдывать: ἀποτάσσετε κόσμῳ toti et ὕλῃ toti quae in eo atque ejus curis omnibus atque ejus peccatis omnibus... et sitis digni μυστηρίοις luminis, ut servemini a κολάσεσιν omnibus, quae in κρίσεσιν,... ut servemini *ab ardore faciei caninae*; и далѣе: a *fluviis ardoris faciei caninae, a fluviis fumi faciei caninae.* — Кинокефалы древне-египетскаго загробнаго суда могли обратиться въ карающихъ демоновъ христіанства.

[1]) Pistis Sophia, vertit M. G. Schwartze, ed J. H. Petermann. Berolini. 1851, стр. 319 и слѣд., 254 и слѣд.

ЗАМѢТКА КЪ ГЛАВѢ VIII [1]).

БОЛГАРСКІЯ ПОБЫВАЛЬЩИНЫ ОБЪ АЛЕКСАНДРѢ МАКЕДОНСКОМЪ.

Популярность Александріи на славянскомъ югѣ была обширная: она сказалась въ легендахъ, мѣстныхъ преданіяхъ, пѣсняхъ. Пѣсни подобнаго рода были собраны во Ѳракіи и Македоніи г. Верковичемъ, и содержаніе нѣкоторыхъ изъ нихъ было сообщено и объяснено Дозономъ въ его Rapport sur une mission littéraire en Macédoine (Paris 1873, стр. 38 слѣд.), В. Ѳ. Миллеромъ въ его замѣткахъ по поводу сборника г. Верковича (Ж. М. Нар. Просв. 1877 г., Октябрь, стр. 115 слѣд.) и, наконецъ, Гейтлеромъ (Poetické tradice Thráků i Bulharů. V Praze 1878). Въ самомъ сборникѣ, которымъ я могъ пользоваться въ рукописномъ экземплярѣ г. Сырку, нашлось нѣсколько любопытныхъ варіантовъ, которые и будутъ приняты во вниманіе. Говоря далѣе о пѣсняхъ, я удерживаю обозначеніе собирателя и его толкователей, хотя эти пѣсни не поются, а сказываются, какъ сказки (Dozon стр. 15, Geitler стр. 76), и ихъ метрика разрушена.

I.

Собственно говоря, только пѣсни о *рожденіи* Александра могутъ быть названы отраженіемъ книжной Александріи, въ другихъ же она сохранилась темными отзвуками, либо и однимъ именемъ героя, случайно попавшимъ въ пѣсню, не имѣющую ничего общаго съ преданіями о немъ.

---

[1]) Сл. стр. 367, прим. 2.

Въ одной изъ пѣсенъ о рожденіи, анализованной В. Ѳ. Миллеромъ (стр. 117—121), у стараго короля Фюлюше нѣтъ дѣтей, и онъ скорбитъ о томъ. Отправляясь на войну противъ арабскаго краля, онъ говоритъ женѣ, что если вернувшись, онъ не найдетъ ее съ ребенкомъ на рукахъ, то снесетъ ей голову. Жена плачетъ и молится; и Господь услышалъ ее и посылаетъ ей во время сна маленькую Дэву, которая, разбудивъ царицу, говоритъ ей, что пришла къ ней съ вѣстью съ неба: она родитъ мальчика по сердцу, который будетъ чудомъ на землѣ, исходитъ весь свѣтъ, погубитъ всѣхъ царей и станетъ первымъ надъ всѣми; у него на ногахъ будутъ три крыла, коса золотая; онъ пойдетъ въ землю «Шереніе», гдѣ человѣкъ не ступалъ, птица не залетала. Дэва говоритъ царицѣ, что къ ней ночью явится молодой змѣй-царевичъ, служитель бога на небѣ: лицо его свѣтится какъ солнце, на ногахъ крылья; пусть сойдется съ нимъ, и у нея родится мальчикъ по сердцу, котораго она назоветъ «Лесандра войвода». Все случилось, какъ сказала Дэва: черезъ три мѣсяца родился чудесный ребенокъ, который никого не страшился, а черезъ годъ уже скакалъ на «вологлавомъ» конѣ, на которомъ и выѣзжаетъ на встрѣчу отцу, недоумѣвающему, кто этотъ незнакомый юнакъ. Ему говорятъ, что это его сынъ, и онъ обнимаетъ его; тотъ говоритъ ему:

Йот' на' мен', тате, душмане на устави?
Чи язъ самъ юнакъ надъ сити юнаци!

(«Зачѣмъ, тятя, ты не оставилъ враговъ на мою долю? Вѣдь и я юнакъ надъ юнаками»). Отецъ успокоиваетъ сына и затѣмъ задаетъ пиръ, чтобъ отпраздновать его рожденіе. Семьдесять королей собралось, чтобы посмотрѣть на чудеснаго ребенка, поднести ему дары; но, Лесандру ихъ дары не нужны: онъ добирается до ихъ земель, обѣщаетъ завладѣть ими и стать первымъ царемъ на землѣ. Смутились короли этою отповѣдью, собираются во свояси, а арабскій царь приглашаетъ ихъ погостить у него, чтобы подумать, какъ имъ быть съ Лесандромъ. Они уже рѣ-

шили отправиться къ нему съ поклономъ; одинъ лишь Шеренина-крале не согласенъ на то, Лесандра онъ не боится: на его землю ни одинъ человѣкъ не ступалъ, ни одна птица туда не залетала; тогда короли обращаются къ вышнему богу съ молитвой, чтобъ онъ избавилъ ихъ отъ Лесандра. Явился молодой змѣй и говоритъ: пусть идутъ къ Лесандру съ дарами и мольбой, ибо когда онъ еще не родился, «ризницы» написали ему судьбу, что онъ исходитъ всю землю, погубитъ всѣхъ королей и будетъ первымъ царемъ на землѣ. — Семьдесятъ королей идутъ къ Лесандру, не явился къ нему лишь король земли Шереніе, противъ котораго онъ отправляется въ походъ и завоевываетъ его землю, равно какъ и земли семидесяти королей. Такъ сталъ онъ первымъ царемъ на землѣ (401 ст.).

Въ другой редакціи той же пѣсни («Борба Филиппова со Хиринска Крале»; сл. Dozon, l. c. стр. 42) вмѣсто Фюлюше является старый король Фелешина, у него жена Груздина. Завязка пѣсни та же: тотъ же наказъ мужа, отправляющагося въ походъ на Хиринскаго краля, то-же горе жены. И здѣсь небеснымъ посланникомъ является молодой Дэвъ, вѣщающій, между прочимъ, объ Илесандрѣ:

86 Ша си носи криле на мишници
Та ша фарка кату пиле на небе ту,
Я коса та ша си му е златна на глава та.

Ночью является къ Груздинѣ молодой змѣй-королевичъ, съ золотыми волосами и золотыми крыльями на ногахъ. Рожденіе Илесандра; какъ увидѣла его мать, начинаетъ плакаться:

243 Ой Боже ле мили Боже!
Даде си ми Боже мажку дете,
Какъ ни ми бе далъ,
Пакъ да ми ни дадеше,
Чи е дете йогневиту пламениту.
Лу какъ ша гу види мое парве либе,
Глава ша ми земе, млада ша ма погуби
Чи са самъ сфодила съ млада змее.

Услышавъ ея сѣтованія, молодой змѣй приходитъ и спрашиваетъ, почему она плачетъ:

Йот' на мене си ни казала
Чи е дете йогневиту пламениту,
И да ти самъ казала що ша чинишъ
Ютъ Бога да найдешъ,
Измами ма, излага ма,
Йоще млада ша си ма затруешъ. —
Та ютиде млада змее при дете ту;
Ега да види що да види:
Йогань си гурелу дуръ небе ту,
Та си гу пофати за десна та рока,
Лу си гу пофати йогань са загуби.
Ютъ ли ку му загрелу ясну сонце
Лу кой гу види си са чуди:
Име му турили Илесандра войвода,
Чи си фаркалу кату пиле на небе ту
И на Боге си изметъ чинилу.

Подросши, Илесандръ спрашиваетъ у матери: есть ли у него отецъ, и гдѣ онъ? «Онъ ужь два года какъ въ походѣ», отвѣчаетъ мать. Ей доносятъ о рожденіи чудеснаго жеребенка:

290 Ужребилу са коне бележита,
Криле има на ноги те,
Глава му е углевита,
Йочи има кату бела билевица,
Та ни може заптъ да си чини;
Варзали гу сасъ сребрена синжире
Па ни може никой да гу яхне.
Какъ ми чуе Илесандра войвода,
Си ми слезе долу фафъ ехуре,
Какъ ми виде малка коне бележита,
Ни ми стои ни са чуди,
Ютварза си сребрена синжире
Та си гу юткара на бинекъ таши,
И коніо си стои кату малка живетина
Та гу яхна Илесандра войвода

И два ма та фаркати си ми фаркатъ пу небе ту,
Та си фаркатъ малу млогу,
Малу млого три месеца.

Когда онъ вернулся къ матери и еще не успѣлъ слѣзть съ коня, Фелешина воротился съ похода. Встрѣча отца съ сыномъ та же, что̀ и въ предшествующей пѣснѣ. Фелешина говоритъ Илесандру:

370 Аку имамъ йоще душмане на земле та.
Та ша идешъ на юрдпе да ги пленишъ.
Ша ида, тате, йот' да ни ида,
Защо самъ юнакъ надъ юнаци.

Слѣдуетъ пиръ у короля Фелешина и отвѣтъ Илесандра семидесяти королямъ, что онъ не хочетъ ихъ даровъ, а возьметъ ихъ земли,

439 Чи ми са Наречници те написали
Сита земе да заптисамъ,
Да си бода първа крале на земе та.

И далѣе развитіе то-же, что въ предшествующей пѣснѣ: вмѣсто арабскаго царя, у котораго собираются короли, названъ «Пиревите крале» («Пиревита земе»), вмѣсто Шеренина-крале — «Крале Туркменина»; вмѣсто змѣя является молодой Дэвъ.

Пѣсня кончается разсказомъ о побѣдахъ Александра надъ Туркмениномъ и семидесятью королями. Была у Пиревита крале дочь красавица; на ней женится Александръ; у нихъ было семь сыновей, семь дочерей (627 ст.). У Dozon, l. с., имя дочери Пиревита Rojana; когда она говоритъ, у нея изо рта выходитъ жемчугъ.

Пѣсня о борьбѣ Александра «съ Краля Харапина» (кратко у В. Ѳ. Миллера l. с., стр. 123) отвѣчаетъ второй половинѣ предыдущихъ: двѣнадцать кралей гостятъ у «Харапине крале», когда загудѣла, затряслась земля, тряслась три дня и три ночи. Является юда-самовила и вѣщаетъ о рожденіи Александра («Лесандрие войвода»); крали молятся «на Коледа Бога», чтобъ онъ

избавилъ ихъ отъ Александра, та-же юда говоритъ имъ о его долѣ, написанной ему на роду наречницами. Далѣе содержаніе то-же; въ роли Шеренина крале (№ 1), крале Туркменина» (№ 2) является «Харапине крале». — Варіантъ этой пѣсни («Борба Александрова со Инке крале) отличается главнымъ образомъ новыми именами: Инке крале (сл. земе Инкеница) = Харапине крале; семьдесять королей названы «крале седемдесе муреника»; Илесандра войвода родится въ «Маенска та земе».

Отъ пересказанныхъ пѣсенъ отличается слѣдующая, наиболѣе пространная (945 ст., напеч. у Гейтлера l. c. стр. 81—99), введшая новый мотивъ именно въ эпизодъ о рожденіи Александра. Его отецъ названъ на этотъ разъ «Филипомъ»; у него нѣтъ дѣтей, и Господь, внявъ его молитвѣ, посылаетъ юду-самовилу: пусть пойдетъ въ золотую пещеру, гдѣ сидятъ три юды-самовилы

27 И писуватъ касмете ту на люде ту.

При помощи золотыхъ камней, которые даетъ ей Богъ, она наведетъ на нихъ сонъ, которымъ и воспользуется, чтобъ измѣнить въ книгѣ судебъ рѣшеніе о бездѣтности Филиппа — другимъ. Затѣмъ пусть отправится къ озеру, наберетъ тамъ «билька родувита», и пойдя «фъ градъ Белита» (далѣе: Бела града), броситъ то зелье на ложе, гдѣ покоится съ своей женой царь Филиппъ. Я опускаю пространно изложенный эпизодъ о томъ, какъ юда-самовила исполнила это порученіе. Царица забеременила; отправляясь въ походъ «на Мурени та земе», Филиппъ говоритъ женѣ: «Да ма дочекашъ съ мажку дете афъ роки те». Александръ (Олесандра войвода) родится съ такими же чудесными знаками, какъ и въ предшествующихъ пѣсняхъ; на пиръ, устроенный Филиппомъ, является и «Харапска-крале» и приноситъ въ даръ ребенку вологлаваго («глава му е волевита»), крылатаго коня; «та са никой ни наема — Да са яхне жребе нименлие». Къ удивленію отца, Александръ садится на него:

280 Та са фаркна дуръ на облаци те.
Съ облаци те са борба бори,

Та ги борба надбори,
Та са шета пу земе та
Я гу найде либе ни бендиса
И утиде на Харапска земе.

Слѣдующія затѣмъ похожденія Александра отзываются сказкой. Александръ отправляется къ арабскому кралю и обручается съ его дочерью; свадьбѣ быть черезъ три года. Онъ возвращается къ отцу, а здѣсь юда-самовила увлекаетъ его къ цѣлому ряду подвиговъ: онъ доходитъ до «Бактрата града», переправляется черезъ рѣку по мосту, сплетенному изъ косъ юды, беретъ въ плѣнъ жену «Бактринева крале», которому юда отсѣкаетъ голову. Далѣе путь идетъ въ «Ламита земе»; у короля послѣдней есть черный арабъ: коли ударишь его въ голову, у него выростаютъ семь головъ; Александръ убиваетъ его огненной стрѣлой, которую солнце выпросило для него у своей матери; убитъ и «Ламита крале». Какъ услышалъ арабскій краль о смерти чернаго араба, разсердился; велитъ дочери, невѣстѣ Александра:

679 Я ми дай негувъ никефъ
Сасъ татарче да му гу върна;

посылаетъ татарченка «на Ламита земе фъ Тирна града», пусть скажетъ, что его дочь «залибила друга крале». А дочь этимъ недовольна; тайнымъ образомъ она:

699 Фъ никефъ турила китка гременива:
Ега види Олесандра да познае
Чи гу мома йоще либе.

Пристрашенный Александромъ, татарченокъ разсказываетъ ему въ чемъ дѣло, и Александръ, побѣдивъ гдѣ-то на Дунаѣ «Арбалува крале», идетъ на арапскую землю («на Баба-града), гдѣ мирится съ своимъ зятемъ. Свадьба сыграна; Александръ возвращается съ женою къ себѣ: три мѣсяца шли до «Мафета земе» и добрались до «Белита града», гдѣ между тѣмъ Филиппъ уже умеръ. Пѣсня кончается разсказомъ о построеніи чешмы, воду въ которой заключила юда-самовила, пока не наказалъ ее за то Краль Марко.

Еще одна пѣсня, не находящаяся въ нашемъ сборникѣ, но пересказанная Дозономъ (l. c. стр. 40—41), относится къ разбираемому циклу.

Царю Фелише приводятъ вологлаваго коня, который не даетъ осѣдлать себя и проситъ держать его на конюшнѣ, кормя хлѣбомъ и виномъ, пока не родится у Фелиши чудесный сынъ—его будущій всадникъ. Фелише ищетъ себѣ невѣсты; служитель Бога (judnina reje) указываетъ ему на дочь царя янской земли (janska zeme), за которую онъ и сватается; но самъ judnina reje влюбился въ нее и даетъ ей испить зелья, вслѣдствіе чего она не будетъ матерью, пока не сойдется съ нимъ. — Слѣдуетъ отъѣздъ Фелише на войну (противъ царя Румина) и его извѣстное обращеніе къ неплодной женѣ. Черезъ три года judnina reje получаетъ отъ Бога позволеніе сойдти на землю и, явившись въ Златнина града, говоритъ царицѣ, что посланъ съ неба, чтобы сдѣлать ее плодною. Когда родится Александръ (съ крыльями за плечами), вологлавый конь ржетъ, срывается съ цѣпей и выбѣгаетъ изъ стойла; на немъ Александръ и выѣзжаетъ на встрѣчу отцу. На слѣдующемъ затѣмъ пиру банъ Ибрагимъ даетъ ему имя «Олесандра войвода», ибо онъ будетъ юнакъ надъ юнаками, а мальчикъ разсказываетъ, что во снѣ ему явилась юда-самовила и по золотой книгѣ предсказала, что онъ покоритъ всю землю. Арабскій царь, оскорбленный этими словами, уходитъ съ пира; на пути ламія совѣтуетъ ему противостоять Александру, который, возмужавъ, строитъ при помощи самовилы Бѣлый городъ, Бела града [1]). Побѣдивъ затѣмъ арабскаго царя, онъ отказывается войдти въ его гаремъ, гдѣ находилась и его дочь, ибо боится быть побѣжденнымъ дѣвушкой и стать предметомъ насмѣшки. Предоставивъ покоренную страну своему байрактару, онъ возвращается въ Бела града, гдѣ живетъ жизнью отшель-

---

[1]) Въ одной пѣснѣ сборника Верковича, которою пользовался Гейтлеръ (76), Филиппъ строитъ Филиппополь при помощи змѣинаго бога, въ честь котораго и ставитъ храмъ.

ника, отказавшись отъ брака и проводя время въ молитвахъ и славословіи.

Коротенькая пѣсня, бывшая въ рукахъ у Дозона (стр. 39) но отсутствующая въ нашемъ спискѣ, также относится къ юности «Александра», хотя не къ его рожденію: его отцу подарили воловлаваго коня; много царей собралось въ Бела-градѣ, пытаются сѣсть на коня, но удается это лишь Александру; удивились этому всѣ и поняли, что ему суждено покорить свѣтъ. Когда онъ возмужалъ, началъ воевать, дошелъ до Хиска земе, царь который вышелъ противъ него съ большимъ войскомъ. Въ битвѣ, побѣдоносной для Алексендра, его конь, тяжело раненый, упалъ, но снова поднялся, чтобы вынести своего господина, и свалился лишь тогда, когда спасъ его.

Гейтлеръ (74) сообщилъ черту еще одной неизвѣстной мнѣ пѣсни изъ собранія г. Верковича: Фелеша видитъ сонъ, будто изъ лона его жены выросла лоза, осѣнившая всю землю.

Таковы пѣсни, открывающіяся эпизодомъ о «рожденіи и юности Александра» и въ дальнѣйшемъ развитіи часто не сохраняющія никакой почти связи съ Александровымъ «романомъ». Тѣмъ болѣе это можно сказать о цѣлой группѣ слѣдующихъ пѣсенъ, имѣющихъ для насъ значеніе лишь по отношенію къ вопросу о составѣ всего этого эпическаго цикла. Я ограничусь ихъ краткою характеристикой.

Въ пѣснѣ, озаглавленной: «Александрова борба съ седемдесе краля» (сл. Миллеръ l. c. стр. 122—123), разказывается, что юда, возлюбленная краля Лесандра, приняла образъ птицы и въ этомъ видѣ ранена кралемъ Белой; излеченная своими сестрами, она спѣшитъ къ Лесандру, и тотъ летитъ на своемъ конѣ на Косу-рѣку, гдѣ Бела въ числѣ другихъ семидесяти королей занятъ молодецкими играми: метаніемъ камней. Лесандръ побѣждаетъ ихъ въ этой игрѣ, вслѣдъ за которою завязывается шестилѣтній бой. И въ немъ Александръ остается побѣдителемъ и женится на возлюбленной Белы. Ея имя: Руже Кичена.

Двѣ пѣсни, изъ которыхъ одна («Александровый войвода

Богое надвива Краля Дабеки») была вкратцѣ затронута В. Ѳ. Миллеромъ (l. c. стр. 123), другая пока не издана («Борба Александрова со Пиревита крале»), представляютъ одинъ и тотъ же сюжетъ съ разными именами и подробностями. Тамъ и здѣсь Александръ отходитъ на задній планъ: въ первой дѣйствуетъ его витязь Богое, вскормленный молокомъ юды-самовилы; только такой именно юнакъ могъ убить «Сура ламие», поглотившую Александра; онъ же убиваетъ огненною стрѣлой, которую даетъ ему юда, «Турска крале», завладѣвшаго «земе Шерение». Богое женится на его вдовѣ (Милихина), и Александръ ставитъ его царемъ. «Звезда Фленесита», являющаяся въ пѣснѣ, печалующаяся и плачущая, очевидно тожественна съ юдой «Пленевитой» второй пѣсни, гдѣ Богою отвѣчаетъ Йованъ, которому юда даетъ чудесную стрѣлу; ею онъ убиваетъ «Пире та крале», потому что въ этомъ варіантѣ походъ направленъ въ «пуста земе Пиревита». По смерти «Пире та крале» Йованъ также женится на его вдовѣ, и Александръ также ставитъ его на царство. Эпизода о ламіи нѣтъ; онъ уже встрѣтился намъ въ одной пѣснѣ, пересказанной Дозономъ — какъ встрѣчается и въ слѣдующей: о борьбѣ Александра «со Турска крале». Заглавіе пѣсни не отвѣчаетъ ея содержанію: Солнце любитъ Хенинку, а мать просватала ее за Римита крале, который является съ свадебнымъ поѣздомъ; во главѣ его Лисандра:

> 227 Криле има на мишници
> Та си фарка кату пиле пу поле ту,
> И си плива кату риба пу море ту,
> Утъ глава та ду ноги те злату коси.

Поѣздъ остановленъ на рѣкѣ «Сурой ламіей», о девяти головахъ и опашахъ, которую убиваетъ Александръ. Позднѣе Турскій краль идетъ на «Рими-та градъ» и уводитъ въ плѣнъ Хенинку, которую Александръ освобождаетъ и беретъ за себя.

Съ приведенною выше пѣсней о Богоѣ связывается общимъ именемъ героя другая: «Борьба Александрова со Енкула Рична крале». Богое ѣдетъ искать себѣ сверстницу-невѣсту; мать даетъ

ему огненную стрѣлу: она пригодится ему «на юдна земе», гдѣ на десятой планинѣ сидитъ юда-самовила у чешмы съ водой, ею заключенною. Богое убиваетъ ее и отправляется «на Енкулова земе». У Енкула семь братьевъ, семь сестеръ, младшая — красавица Красина; всѣхъ сватавшихся за нее Енкулъ сажалъ въ темницу. Богое увозитъ ее, но братья его преслѣдуютъ, онъ принужденъ поступиться своей добычей — и скачетъ одинъ въ Исандру, котораго подбиваетъ на походъ въ Енкулову землю. Бой на Косовомъ полѣ и пораженіе враговъ. Какъ увидѣлъ Александръ Красину, позарился на нее самъ, но Господь наказалъ его:

330 Ютъ небе сіи громъ падна
Та погуби Исандра.
И Богое си седна на стола
Та се либи мома Красина.

Изо всѣхъ пѣсенъ сборника г. Верковича, разобранныхъ выше, бо̀льшая часть относится, болѣе или менѣе близко, къ эпизоду о рожденіи Александра, три объединены именемъ Александрова витязя Богоя и тожественнаго съ нимъ Йована и съ Александровою сагой не имѣютъ ничего общаго. Можетъ быть, въ пѣснѣ о семидесяти краляхъ и метаніи ими камня въ запуски позволено видѣть, вмѣстѣ съ В. Ѳ. Миллеромъ (l. с. стр. 123), воспоминаніе объ олимпійскихъ играхъ Александра; только я указалъ бы по этому поводу не на Псевдокаллисѳена (I, с. 18), а на нашу Александрію, популярную на славянскомъ югѣ, гдѣ этотъ эпизодъ разработанъ по идеѣ дѣйствительнаго боя, какъ и въ пѣснѣ состязаніе переходитъ въ битву. Уже выше было замѣчено, что на сложеніе пѣсенъ о рожденіи Александра вліяніе книжной Александріи несомнѣнно; таково мнѣніе и г. Миллера. Рѣчь Филиппа, отъѣзжающаго на войну, къ бездѣтной женѣ совершенно воспроизводитъ такой же эпизодъ Псевдокаллисѳена и сербскаго романа; Нектенавъ послѣдняго, являющійся къ Олимпіадѣ въ образѣ бога Аммона, съ рогами василиска на головѣ,

опашью аспида и крыльями грифа, отвѣчаетъ царевичу-змѣю пѣсенъ, съ крыльями на ногахъ. Если и самъ Александръ представлялся крылатымъ, летающимъ по поднебесью (чи си фаркалу кату пиле на небе-ту), то это представленіе, вѣроятно, находится въ связи съ легендарнымъ испытаніемъ Александромъ небесной высоты и морской глубины; см. въ одной пѣснѣ: И си плива кату риба пу море ту. — Вологлавый конь (= Вукефалъ) — подъ стать чудесному ребенку, который ростетъ не по днямъ, а по часамъ, какъ герои ново-греческой и русской пѣсни, спрашиваетъ у матери, гдѣ его отецъ, какъ Армури средне-греческой былины и сынъ Саула Леванидовича въ былинѣ русской, и выѣзжаетъ на встрѣчу отцу, возвращающемуся изъ похода, на своемъ чудесномъ жеребенкѣ.

Таковъ остовъ Александріи или, лучше сказать, ея начала, схваченный пѣсней, которая привязала къ нему, какъ къ центру, цѣлый рядъ новыхъ подробностей, отдаляющихъ насъ отъ первоисточника. Все это, пока, въ стилѣ народной пѣсни, извлекающей изъ своего оригинала двѣ-три казовыя черты и минующей то, что въ оригиналѣ намъ показалось бы болѣе существеннымъ. Въ смыслѣ этого творчества и забвеніе именъ, и измѣненіе, и двойственность географической обстановки; насъ не поразятъ эти арабскіе и турецкіе крали, какъ и отсутствіе такого имени, какъ Дарій; если Роксанѣ отвѣчаетъ *Руже Кичена* (Миллеръ, стр. 123 прим. 1), то въ пѣснѣ о борьбѣ Александра къ Енкулой упоминается и *Росана*, подарившая Богою «златну руху». Росана какъ бы нарочно осталась, чтобы объяснить намъ *Руже Кичена*, какъ *Филиппъ* въ одной пѣснѣ — въ разъясненіи *Фюлюше* и *Фелешина* другихъ, *Пире* та крале — для *Пиревита* крале (Поръ?).

Подобное чередованіе можетъ быть объяснено a priori большею близостью однихъ варіантовъ къ своимъ источникамъ и вообще недревностью всѣхъ этихъ пѣсенъ, съ ихъ чередованіемъ литературныхъ и народныхъ формъ одного и того же имени. Источникомъ мы предположили Александрію, особливо ту ея редакцію, ко-

торая распространена и въ рукописяхъ и въ печатной народной книгѣ, греческой, сербской и болгарской. Именно такая широко распространенная повѣсть и могла вызвать народныя пѣсенныя обработки, и никакая другая. Какъ отнестись послѣ этого къ упоминанію въ пѣснѣ, удержавшей имя Филиппа, города *Бактрата*, «*Бактринева* крале» и «*Арбалува* крале»? Положимъ, что послѣдній локализованъ гдѣ-то на Дунаѣ, но имя несомнѣнно созвучно съ Арбелой, а Бактрата съ Бактрой — мѣстностями, хорошо извѣстными изъ исторіи Александра, только не его романической; онѣ не упоминаются ни въ Псевдокаллисоенѣ, ни въ сербской Александріи, ни въ нар. книгѣ (греч., сербск., болг.). Въ Плутарховомъ жизнеописаніи Александра V, 2, не въ романѣ о послѣднемъ, читаются и извѣстныя слова Александра, съ которыми въ пѣснѣ онъ обращается къ отцу: *ὦ παῖδες, πάντα προλήψεται ὁ πατήρ· ἐμοὶ δὲ οὐδὲν ἀπολείψαι μεθ' ὑμῶν ἔργον ἀποδείξασθαι μέγα καὶ λαμπρόν.* Замѣчу кстати, что если въ другой пѣснѣ Александръ мечетъ камнемъ въ запуски съ семидесятью *королями*, то идея вышла, быть можетъ, не изъ сербской Александріи, какъ мы предположили выше, и не изъ Псевдокаллисоена, а изъ Плутарха l. c. IV, 3, гдѣ на вопросъ, обращенный къ Александру, желаетъ ли онъ участвовать въ Олимпійскихъ играхъ, онъ отвѣчаетъ: *εἴ γε, ἔφη, βασιλεῖς ἔμελλον ἕξειν ἀνταγωνιστάς.*

Нежеланіе Александра войдти въ гаремъ сраженнаго имъ царя, гдѣ находилась и его дочь, чтобъ не быть побѣжденнымъ женщиной, находитъ себѣ параллель не въ сходномъ изреченіи у Псевдокаллисоена и въ сербской Александріи (тамъ и здѣсь по поводу Амазонокъ, сл. выше стр. 396—7), а въ томъ же Плутархѣ (XXI, 3) или, скорѣе, у кого-нибудь изъ позднѣйшихъ пересказчиковъ его апофтегмъ, напримѣръ, у св. Максима (сл. выше стр. 411).

Обратимъ вниманіе еще на одно сопоставленіе. У Псевдокаллисоена ред. В Вукефалъ погибалъ въ битвѣ Александра съ Поромъ; въ сербской Александріи и ея источникѣ, наоборотъ, онъ умиралъ при смертномъ одрѣ Александра; наконецъ въ ре-

дакціи Псевдокаллисѳена С обѣ данныя удержаны: Вукефалъ погибаетъ въ битвѣ; далѣе въ той же главѣ говорится, что онъ вынесъ изъ битвы Александра, а въ концѣ романа упоминается о его смерти въ пору Александровой кончины. Очевидно, здѣсь соединеніе двухъ различныхъ преданій, либо повѣстей о смерти Вукефала; одну изъ нихъ излюбила сербская Александрія, другую мы находимъ — въ пѣснѣ г. Верковича, гдѣ вологлавый конь также погибаетъ послѣ того, какъ вынесъ Александра изъ боя съ Хинскимъ царемъ.

Какъ объяснить себѣ эти параллели между пѣснями г. Верковича и письменными разказами объ Александрѣ? Къ этимъ параллелямъ Гейтлеръ (стр. 74) присоединилъ и еще одну: сближеніе Филиппова сна передъ рожденіемъ сына (лоза, выростающая изъ лона жены) съ Herod. I, 108 (о рожденіи Кира), выражая (стр. 72) предположеніе, что романъ объ Александрѣ вышелъ изъ *народныхъ* повѣстей о немъ, и что именно остатки этихъ повѣстей и сохранились въ нашихъ македонскихъ пѣсняхъ. Иначе смотритъ на дѣло г. В. Миллеръ, признавая въ послѣднихъ *народную* переработку письменной Александріи. Къ тому и другому изслѣдователю можно обратиться съ такими вопросами и недоумѣніями: какъ объясняютъ они себѣ въ пѣсняхъ Арбелу и Бактру, которыхъ нѣтъ въ Александріи и не могло быть въ народномъ *македонскомъ* преданіи? считаютъ ли они возможнымъ, чтобы вычурные апофтегмы Александра (напримѣръ, боязнь быть побѣжденнымъ женщиной) удержались въ народной памяти (по гипотезѣ Гейтлера), либо попали въ пѣсню изъ какого-нибудь письменнаго источника помимо сербской Александріи (гипотеза г. В. Миллера)? Въ стилѣ ли народной поэзіи глосса въ родѣ слѣдующей: что мальчика называютъ Александромъ, *ибо* онъ будетъ юнакъ надъ юнаками? Сл. въ началѣ сербской Александріи: «нарече име кмоу Алеѯеньдрь, по грьчкомоу ıезікоу зове се изьбраніи моужь».

Все это говоритъ не за исконное пѣсенное преданіе и не за народныхъ пѣвцовъ, опоэтизировавшихъ отрывки преданія ли-

тературнаго. Еслибъ и допустить послѣднее, то лишь при значительномъ воздѣйствіи ученыхъ или, скорѣе школьныхъ реминисценцій, и едва ли этому воздѣйствію не слѣдуетъ приписать рѣшающую роль въ происхожденіи всего этого пѣсеннаго цикла. Я не говорю здѣсь о поддѣлкѣ, а о взаимодѣйствіи школьнаго или домашняго чтенія (Александріи) и какихъ-нибудь мѣстныхъ памятей, которое необходимо имѣть въ виду при объясненіи генезиса того или другаго мѣстнаго преданія или легенды. Это взаимодѣйствіе ввело въ побывальщины Верковича городъ Белу, Белитъ = древнюю Пеллу. Въ редакціи A L Псевдокаллисѳена (I 3) Нектанебъ является εἰς Πέλλην τῆς Μακεδονίας; въ B и C: εἰς πόλιν; въ сербск. Александріи (Jagić. p. 322): къ Филипу и македонски *град*, который далѣе зовется *Филиппами*; греческіе, доступные намъ источники этого перевода разногласятъ: въ вѣнскомъ текстѣ стр. 3: εἰς τοὺς Φιλίππους εἰς τόπον τῆς Μακεδονίας; въ греч. народной книгѣ (стр. 10): εἰς τὴν χώραν τῶν Φιλίππων, ὀνομαζομένην εἰς τὸ παλαιὸν Πέλλα, которая находилась у нынѣшняго Alā-kilíssi, а у Анны Комнены V, 5 зовется Ἄσπραι Ἐκκλησίαι = Бѣлая церковь (= Бела градъ), въ побережьи при устьяхъ Вардара [1]).

Гейтлеръ полагаетъ (стр. 76), что разсказъ одной пѣсни о созданіи Филиппомъ Филиппополя, гдѣ онъ строитъ *церковь* во имя помощнаго ему змѣинаго бога, перенесъ къ новому мѣсту, что другая пѣсня говорила о построеніи Белы = Пеллы. Такое смѣшеніе понятно въ народной поэзіи, говоритъ авторъ; но я обращаю вниманіе на народную греческую книгу, гдѣ подобное смѣшаніе (Филиппъ съ Пеллой) совершилось — подъ вліяніемъ ли народной пѣсни, или въ свою очередь опредѣляя ея колебаніе?

Отъ Пеллы сохранились, какъ оказывается, не только развалины, но и преданія съ именемъ Александра македонскаго. «У пуливаковцевъ существуетъ преданіе, что они чистые маке-

---

[1]) Geitler l. c. p. 76; Иречекъ, Ист. Болгаръ, пер. Бруна и Палаузова· p. 276.

донцы и потомки Александра Великаго. Дольнополенцы, а особенно живущіе въ окрестностяхъ Пазара, гордятся древнею столицею, то-есть, городомъ Бѣлою (Бяла), отъ котораго уцѣлѣли только одна башня да стѣна вышиною въ 5 аршинъ. Горнополенцы, а особенно живущіе по правой сторонѣ города Водена, гордятся тѣмъ, что они македонскіе болѣри [1]); они вѣрятъ, что въ томъ городѣ находились лѣтніе дворцы македонскихъ царей, а также и ихъ столица до построенія города Бѣлы и называлась Ведица. Въ самомъ дѣлѣ и въ настоящее время находится тамъ небольшое село подъ именемъ Фетица на получасовомъ разстояніи отъ другаго села Царь Мириново, на мѣстѣ достойномъ для столичнаго или царскаго города, гдѣ искапывается довольно древностей [2]). Сл. недавнее сообщеніе Шапкарева, касающееся той же мѣстности [3]). «Три часа на истокъ отъ Вардарь-Енидже, на лѣво отъ пѫть-тъ къмъ Солунъ, има села Българское, наричано «Апостолъ»; а на самиі пѫть, малу къмъ югъ отъ село-то, има изобилна студена вода, коя-то тече по водопроводи и чешми. Това мѣсто сега се нарича «баньи»... Тамъ въ вода-та често се намирать мѣдни и сребърни Александрови монети. Широко-то равнище, на кое-то е разположено днесь рѣчено-то село «Апостолъ», казвать да е было мѣстоположенпе-то, на кое-то се гърдѣела нѣкогашна-та македонска столица Пела или Бела. Пьрсть-та на това мѣсто е *бѣликава*». Въ разстояніи часа на юго-востокъ отъ Гуменджe, близъ села Гургопикъ, видны развалины Габрова. «Тамъ, спорѣдъ стари прѣдания, запазени у мѣстни-тѣ жители, били вложени и се пазели съкровища-та на Александра Великий. И действително, и днесь още, кога-то пада силенъ дъждъ, и послѣдва порой, тамъ нахождать много ветхи пари, Александрови

[1]) Сл. Миладиновцы, Болг. нар. п. стр. 527: въ Воденѣ погребались македонскіе цари.

[2]) Верковичъ, Описаніе быта болгаръ, населяющихъ Македонію, стр. 27—28.

[3]) Руссаліи, древенъ и твърдѣ интересенъ блъгарскій обычай запазенъ и до днесь въ южна Македония. Нап. и изд. К. Л. Шапкаревъ. Пловдивъ 1884, стр. 21, 23—24. Объ Александровыхъ монетахъ с . выше стр. 376.

и Филипови монети. Въ сѫще-то село има пословица, коя-то е въ употрѣбление у селяни-тѣ: «Кого ки сѫ найдѫть габровски-тѣ маази, тогай турчинъ-тъ ки си насите на пари».

Какъ опредѣлить въ этихъ повѣрьяхъ долю дыйствительно мѣстной, не литературной саги — я не знаю; для рѣшенія слишкомъ мало данныхъ. Въ другомъ случаѣ оно представляется возможнѣе. Когда Дозонъ (l. c. p. 38) посѣтилъ развалины Драмы, между Сересомъ и мѣстоположеніемъ древнихъ Филиппъ, его проводникъ указалъ ему въ полу-горѣ, на которой высилась древняя крѣпость, линію утесовъ, которые онъ назвалъ яслями Александрова коня. Проводникъ этотъ, человѣкъ не безъ нѣкотораго образованія, представлялъ себѣ Александра и Дарія мѣстными царями, какъ въ Демиръ-Гиссарѣ какой-то турокъ предложилъ Дозону купить монету Александра, «краля Драмы». Едва ли нужно доказывать, что въ данномъ примѣрѣ мѣстную сагу создали грамотные или наслышанные люди. Въ сербской Александріи (Jagić, стр. 229—230) разсказывается о первомъ выѣздѣ Александра на Букефалѣ: выведя его изъ *конюшни* (= ясли мѣстнаго преданія), онъ опережаетъ верхомъ на немъ всѣхъ другихъ витязей. Тамъ, гдѣ онъ остановилъ коня *на честихъ изворель*, (я выбираю, исправляя, варіантъ, отвѣчающій греческому тексту), онъ построилъ городъ, который назвалъ «Драм, ере по србском езику потечишће», въ греческомъ текстѣ W, стр. 11: «*ὅπου εἶναι βρύσαις ἡ πολλαῖς* [1]). *καὶ ἐκεῖ ὥρισεν καὶ ἐποίησαν κάστρο καὶ ἐπωνόμασαν τὸ κάστρο ἐκεῖνο Δραμὴ καλὴ* = Драма; отсюда уже Александръ — краль Драмы.

---

[1]) Сл. Tomaschek, Ueber Brumalia u. Rosalia, въ Sitzungsber. d. philos. hist. Cl. d. kais. Ak. d. W. (Wien 1869, LX B. p. 381): Drama liegt $3^1{}_2$ Stunden nordwestlich von Filibeźik in einer quellreichen Gegend; Paul Lucas (a. 1705) bemerkt in seinem Reisebuch, c. XXVII; il passe dans cette ville plusieurs petits ruisseaux, dont l'eau est fort claire. Mitten am Wege an dem Gebirgsabhang liegt ein Weiler, Bunar-baśi, d. i. «Quellkoppe», so genannt, weil daselbst zahlreiche Quellen entspringen. Hier oder dort mag wohl im Alterthum die Pflanzstadt der Thasier Κρηνίδες gelegen haben, deren Einwohner zur Gründung von Philippi gezogen worden waren.

II.

Устраняя изъ области собственно народной литературы сборникъ г. Верковича, я не отрицаю сказанное въ началѣ этой замѣтки — о возможности перехода книжной Александріи въ дѣйствительно народно-поэтическій капиталъ, въ преданія и пѣсни. Подобныя преданія могли сложиться даже довольно рано, хотя я не думаю, чтобы Ризопъ былъ правъ, открывая подобныя мѣстныя преданія у Aimé de Varennes [1]).

Aimé de Varennes былъ на востокѣ во второй половинѣ XII вѣка: видѣлъ Дамьетту, Ипсалу (Escople), Адріанополь, Филиппополь, Галлиполи, гдѣ жилъ нѣкоторое время; ему знакомъ путь въ Грецію изъ Египта и изъ Сиріи (bras St. Jorge); онъ называетъ Avedon = Абидосъ и Boscadave = Bouquedavie Вильгардуена, мысъ при устьѣ Дарданеллъ. Онъ научился по гречески, хотя, очевидно, плохо. Филиппополь оказывается на рѣкѣ

> Qui est *Potamens* (ποταμός) appelés,
> Ensi a-il nom en grijois,
> Ne sai pas son nom en françois.

Французское ost авторъ переводитъ греческимъ словомъ sabato, означающимъ — говоритъ онъ — еще и людей близкихъ къ императору:

> *Proto* dist en français *le premier*,
> *Sabbato* c'est pour ostoier.

Разумѣется, очевидно, πρωτοσέβαστος, при чемъ σέβαστος повело автора, черезъ лат: augustus, къ старо-франц. aost, которое онъ и смѣшалъ съ ost. Кличка, которую даетъ себѣ одно изъ дѣйствующихъ лицъ, Flocart: Cacopédie — переводится

---

[1]) Объ Aimé de Varennes см. Rysop, Aimon de Varennes, въ Archiv für d. Studium der neuer. Sprachen, t. LXXIII, I. H. (1885) стр. 47 слѣд. Сл. P. Paris, Les Mss. franc. de la bibliothèque du roi, t. III, p. 9—53; Hist. litt. de la France, t. XV, p. 486—491 (Ginguené); t. XIX, p. 678—681 (A. Duval). О мѣстныхъ преданіяхъ у Aimé de Varennes сл. Rysop l. c. стр. 67 съ ссылкой на Rohde, Der griech. Roman p. 536 слѣд.; Ten-Brink, Engl. Lit. p. 212.

«mauvais garchon», что понятнѣе заявленія, будто имя Florimont по гречески будетъ Elenéos. Встрѣчаются и цѣлые греческіе стихи:

> Et en grijois escrient tuit:
> *O zeus ofemdam* (αὐθέντης) *calo,*
> *Salva tuto vassilio.*
> C'est en françois: Diex bon signor,
> Gardez hui nostre empereor.

Или:

> Ils crient tuit: *Metha Zio!*
> *Calo tuto vassilio!*
> Ice velt dire en françois:
> Si m'aïst Diex! bons est li rois.

Вернувшись во Францію, Aimes

> *porpensa soi d'une estoire*
> *Que il avoit en sa mémoire.*
> *Il l'avoit en Grèce veüe,*
> *Mais n'estoit pas par tout séüe.*
> *A Felipople la trova.*

Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что

> *Traist de grec l'histoire latine*
> *Et del latin fist le rouman.*

Здѣсь разумѣется романъ о Florimont, написанный имъ въ 1188 году, по существу довольно скучный roman d'aventure, интересный намъ не по своему измышленному содержанію, а по указаніямъ на нѣкоторые источники Александровой саги, которые авторъ могъ въ самомъ дѣлѣ найдти или услышать въ Филиппополѣ.

Содержаніе его слѣдующее: У Мадіана, египетскаго эмира (amiral), отъ жены, принесшей ему въ приданое Грецію, родились сыновья: *Селокъ* (Селевкъ?) и *Филиппъ Macétus.* Первому онъ оставляетъ въ наслѣдство Вавилонъ, то-есть, *египетскій*, второму Грецію. Филиппъ убиваетъ страшнаго льва гдѣ-то за Болгаріей; на мѣстѣ его логовища построенъ городъ, которому царь далъ

свое имя: Philipople. Уступая желанію своихъ бароновъ, Филиппъ женится на дочери африканскаго и варварійскаго царя Менея, Мордаліи (Mordaille); у нихъ дочь красавица Романадапла; по имени (Romanadaple), прочтенному на изворотъ, можно угадать другое, болѣе знаменательное: Plena d'amor; ее обучаетъ всему, что слѣдуетъ знать дѣвушкѣ, учительница Cipriane, съ острова Кипра. Она хорошѣетъ съ каждымъ днемъ и къ ней начинаютъ присватываться, между прочимъ Кандіобрасъ, страшный царь Болгаріи. Получивъ отказъ, онъ идетъ на Филиппа войною.

Рядомъ съ этою генеалогическою сказкой — другая: у албанскаго герцога Mataquas (у него городъ Duras = Durazzo) сынъ Florimont. Его первый подвигъ — бой съ страшнымъ чудовищемъ, пожиравшимъ ежедневно по меньшей мѣрѣ одного человѣка и одного быка. Флоримонъ его убиваетъ. На обратномъ пути онъ встрѣчается съ восхитительною дѣвушкой, властительницей Незримаго острова (Ile Celée): они полюбились другъ другу: она даритъ ему мечъ, обладатель котораго становился непобѣдимымъ, волшебный перстень, и совѣтуетъ извлечь изъ ранъ сраженнаго чудовища цѣлебную мазь, врачующую всякія раны. Оказывается, что чудовище гнѣздилось во владѣніяхъ нѣкоего Гарганея, властителя племени гигантовъ, пользовавшагося общественными бѣдствіями для введенія суровыхъ налоговъ, къ которымъ былъ обязанъ и отецъ Флоримона. Теперь, когда бѣды прекратились, а Гарганей по прежнему требуетъ дани, Флоримонъ убѣждаетъ отца отказать ему въ ней и принимаетъ вызовъ великана, отлично владѣвшаго палицей. Бой, побѣдоносный для Флоримона, происходитъ въ Капитанатѣ, у подошвы высокой горы, названной впослѣдствіи Monte Gargano.

Таинственная властительница Незримаго острова согласилась отдаться Флоримону лишь подъ условіемъ, чтобъ ихъ любовь была тайной, нарушеніе которой будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и концомъ ихъ взаимнаго счастія. Воспитатель Флоримона и его мать узнали о его страсти и нарушаютъ тайну. Влюбленные принуждены

разстаться; Флоримонъ опечаленъ, велитъ называть себя Pauvre perdu и ведетъ себя какъ рыцарь «печальнаго образа»; сѣтуетъ и дѣвушка, но по прошествіи трехъ лѣтъ выходитъ замужъ за племянника болгарскаго царя Кандіобраса. У нихъ сынъ — Нектанебъ:

Rois fu, tant fist d'enchantement:
La mer faisoit meller au vent
Qui en l'ile voloit entrer
Por mal faire ne por rober,
Les nés faisoit plungier sovent
En la mer par enchantement.

Между тѣмъ Кандіобрасъ все еще воюетъ съ Philippe Macémus, и ему пришлось бы плохо, если бы Risus, король Калабріи и Terre de Labour (старофр. Rise = Reggio; оттуда Risus) вмѣстѣ съ Флоримономъ не пришли къ нему на помощь. Кандіобрасъ разбитъ подъ Адріанополемъ; а тѣмъ временемъ Флоримонъ успѣлъ свидѣться и слюбиться съ Романадаплой, на которой и женится. Ихъ сынъ Филиппъ беретъ за себя дочь *кароагенскаго* эмира Олимпіаду и заявляетъ притязаніе на Ile Celée, во владѣніе которымъ вступилъ Нектанебъ. Поводъ къ притязанію тотъ, что первымъ возлюбленнымъ властительницы Незримаго острова былъ отецъ Филиппа, Флоримонъ. Нектанебъ изгнанъ изъ своего наслѣдья и, пріютившись при дворѣ побѣдителя, воспитываетъ его сына Александра.

La gent en disoient folie
Que Olimpias fu sa mie,
Qu'Alexandres ses fius estoit.
Mais cil se ment qui ce disoit,
Grant mençoigne dist qui le dit,
Quar Alixandres puis l'ocist.

О Филиппѣ и Александрѣ разсказывалось еще слѣдующее:

Cest Philipes que je vos di
De l'eritaige moult perdi
Et moult en ot de grans enuis,
Mais Alexandre conquist puis...

Asses plus qu'il n'en ot perdu,
Puis quist li rois de Macedoine
Por heritaige Babiloine,
Et en Babiloine fu mors,
Mais en fu grans pechiés et tort:
Cil qui le devoient servir
Le firent à dolor morir.

Въ другомъ мѣстѣ говорится:

De Philipon de Macedoine
Qui fut norris en Babiloine.

Свѣдѣнія объ Александровомъ романѣ, сообщаемыя романомъ о Флоримонѣ, интересны при всей своей отрывочности. Aimes de Varennes, какъ оказывается, раздѣляетъ отрицательный взглядъ автора древнѣйшей романской Александріи, Альбериха Безансонскаго, и его переводчиковъ, на фабулу Псевдокаллисѳена и его отраженій: о Нектанебѣ, какъ отцѣ Александра. Сл. Albéric de Besançon:

Dicunt alquant estrobatour
quel reys fut filz d'encantatour.
mentent fellon losengetour и т. д. [1]).

Онъ — сынъ Филиппа и Олимпіады, которая названа *африканскою* (карѳагенскою) царевной. Откуда явилась у нашего автора эта особенность, неизвѣстная изъ другихъ Александрій, — я не знаю. Можно было бы предположить знакомство съ Откровеніями Меѳодія, гдѣ Олимпіада является *эѳіопскою* царевной, дочерью Фола, какъ другая подробность его романа могла бы

---

[1]) См. Rysop, l. c. p. 54—55 прим. на стр. 54. Бастардомъ дѣлаетъ Александръ и Камоэнсъ въ отвергнутыхъ имъ самимъ строфахъ IV-й пѣсни Лузіадъ: незаконорожденныя дѣти были всегда талантливы, говоритъ онъ, — какъ Эдмундъ въ королѣ Лирѣ (1 дѣйствіе, 2 сцена) и Don John въ Донъ Карлосѣ Отвея; въ примѣръ приводятся, между прочимъ, Гомеръ и Орфей;

Pois se he certo o que a fama já escreveo,
Se muitos a Philippo nomearam
Por pae do Macedonico mancebo,
Outros lhe dao o manho Nectanebo.

быть истолкована изъ сербской Александріи. Я имѣю въ виду то указаніе, что Александръ *унаслѣдовалъ* Вавилонъ и тамъ же умеръ. Такъ какъ въ романѣ (судя по извлеченіямъ) упоминается лишь египетскій Вавилонъ, въ которомъ царили предки Александра по матери, то вопросъ о наслѣдствѣ объяснился бы самъ собою, а смерть въ египетскомъ Вавилонѣ нашла бы себѣ параллель въ соотвѣтствующемъ эпизодѣ сербской Александріи, приурочивающей кончину Александра именно къ этому городу. Вѣроятнѣе, впрочемъ, что авторъ въ послѣднемъ случаѣ имѣлъ въ виду Вавилонъ азіатскій и особую редакцію Александровой саги.

Это потребуетъ нѣкоторыхъ объясненій. У Юстина VIII, 6 и Орозія III, 11, Олимпіада — сестра Александра, царя Эпирскаго; такъ и у Alberic de Besançon: Et prist moylier... Sor Alexandre al rey d'Epir. Объ этомъ Александрѣ разсказываетъ Юстинъ XII, 2: Porro Alexander, rex Epiri, in Italiam a Tarentinis auxilia adversus Brutios deprecantibus, sollicitatus, ita cupide profectus fuerat, veluti in divisione orbis terrarum Alexandro, Olympiadis sororis suae filio, oriens, sibi occidens sorte contigisset; non minorem rerum materiam in Italia, Africa Siciliaque, quam ille in Asia et in Persis habiturus. Huc accedebat, quod, sicut Alexandro magno delphica oracula insidias in Macedonia, ita huic responsum Dodonaei Jovis circa urbem Pandosiam amnemque Acherusium praedixerat. Quae utraque cum in Epiro essent, ignarus eadem et in Italia esse, ad declinanda fatorum pericula peregrinam militiam cupidius elegerat... Здѣсь онъ бьется съ апулійцами, бруцціями и луканами, заключаетъ дружественные союзы съ метапонтинцами, педикулами и римлянами — и погибаетъ близъ Пандозіи и рѣки Ахеронта. Туріи выкупили его трупъ и похоронили.

Я позволилъ себѣ эту выписку, потому что италіанскія войны Александра Эпирскаго несомнѣнно отразились въ эпизодѣ объ италіанскомъ же походѣ его македонскаго соименника, и не только въ Псевдокаллисоенѣ и его отраженіяхъ. Александръ

Эпирскій вызванъ въ Италію тарентинцами; Псевдокаллисѳенъ въ указанномъ эпизодѣ Тарента не упоминаетъ, но въ греческомъ оригиналѣ сербской Александріи Дарій пишетъ Александру: ἦλθες καὶ εἰς τὴν Ἀσίαν καὶ εἰς τὴν Αγρίδαν καὶ εἰς τὰ Τάραντα (W, стр. 40), а въ житіи св. Панкратія, въ вводной повѣсти о Таврѣ и Меніи, тавромениты бьются съ македонянами ἐν Τερεντῷ.

Возвращаясь къ генеалогіи Олимпіады, замѣтимъ, что у Лампрехта въ его пересказѣ Альбериха Безансонскаго, Александръ названъ царемъ не Эпира, а *Персидскимъ*:

> Ze Perse heter daz lant (Vor. Alex. 96)
> Ze Persien het er daz lant (Strass. Alex. 114).

Кинцель (Lamprechts Alexander, стр. 399 прим. къ v. 112) предполагаетъ ошибку переводчика, прочитавшаго: deperse вм. depir; и это тѣмъ болѣе вѣроятно, что далѣе эти персидскія родственныя отношенія Александра вовсе не разработаны. Между тѣмъ они дѣйствительно существовали въ преданіи, въ особой переработкѣ Псевдокаллисѳена. Я разумѣю Шах-намэ. По Фирдуси Darab (Дарій) женился на дочери побѣжденнаго имъ Филиппа (Filicus), по имени Nahib, но послѣ первой брачной ночи изгоняетъ ее и отсылаетъ къ отцу. Здѣсь по прошествіи девяти мѣсяцевъ она родитъ Скандера-Александра; а у Дараба отъ дочери китайскаго хана родится другой сынъ (Дарій), который и наслѣдуетъ отцу. Такимъ образомъ въ слѣдующей далѣе войнѣ съ Даріемъ Александръ дѣйствительно достаетъ отцовское наслѣдье, какъ и у Aimon de Varennes онъ ищетъ

> Por heritaige Babiloine.

гдѣ, въ добавокъ родился и его отецъ, Филиппъ.

Предложенный разборъ (не изданнаго пока) Флоримона, на сколько можно судить о его содержаніи по пересказамъ и извлеченіямъ, бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на качество тѣхъ преданій, которыя Aimes могъ услышать или и найти (въ видѣ книги: à Felipople la trova?) въ Филиппополѣ. Если это заявленіе касается

всего разказа о предкахъ Александра, то онъ можетъ быть названъ традиціоннымъ лишь по отношенію къ общимъ мѣстамъ западнаго *roman d'aventures*, которыя авторъ вдвинулъ въ новую, знакомую ему обстановку, какъ такія же общія мѣста *сказки* изобилуютъ въ пѣсняхъ г. Верковича. Что касается воспоминаній объ Александрѣ, то въ то время какъ пѣсни г. Верковича отражаютъ, вмѣстѣ съ чертами Плутарховой біографіи, эпизоды греко-сербской Александріи, дѣйствительно популярной въ Македоніи и Болгаріи, у Aimon de Varennes нѣтъ ничего подобнаго. Единственный мотивъ (Вавилонъ, какъ Александрово наслѣдье), который мы могли услѣдить—не по отношенію къ его источнику, а къ его параллели—указываетъ на востокъ и восточную рецензію Александровой саги; могъ ли авторъ услышать ее во второй половинѣ XII вѣка въ Филиппополѣ? Слѣдуетъ ли заключить изъ этого обстоятельства, что греко-сербская Александрія, съ ея національно-египетскими отношеніями, еще не была въ то время извѣстна на греко-славянскомъ югѣ, или что все сказанное авторомъ объ «исторіи», найденной имъ въ Филиппополѣ, принадлежитъ его вымыслу? Послѣднее всего вѣроятнѣе, хотя при недостаткѣ матеріаловъ точное рѣшеніе здѣсь не возможно.

ПОПРАВКИ И ДОПОЛНЕНІЯ.

Къ стр. 31. Къ *литературѣ Климентинъ* сл.: Hilgenfeld, Ueber die clementinischen Recognitionen und Homilien, 1848; его-же: Ueber den Ursprung der pseudoclementinischen Recognitionen und Homilien, въ Theol. Jahrb. 1854, IV, стр. 483 слѣд. и въ Zs. für wissenschaftliche Theologie, 1858, III, стр. 408 слѣд.; 1864, IV, стр. 357 слѣд.; 1869, IV, стр. 353 слѣд.

Къ стр. 46 прим. 2: сл. Eusebius, πέ, 1017.

Къ стр. 137 и прим. 1. Въ № 55—56 Romania'и, стр. 621—629 мы только что прочли заявленіе, что издатель Vieweg готовится выпустить въ свѣтъ изслѣдованіе P. Meyer'a по исторіи Александровой саги на западѣ. Одинъ томъ занятъ текстами; Romania предлагаетъ ихъ перечень и перепечатываетъ краткое предисловіе автора о задачахъ и ходѣ его, давно затѣяннаго труда.

Къ стр. 141 (Артаксерксъ въ эпизодѣ о Нектанебѣ): сл. Zingerle, Die Quellen zum Alexander des Rudolf von Ems, стр. 22 прим. (ссылка на Hist. Scolast. Lib. Esther c. II; Hieronym. Chron. и Beda, De sex aetatibus mundi; Chron. Paschale ed. Dindorf, I, 319).

Къ стр. 141—142. Съ леканомантическими продѣлками Нектанеба (сл. Pseudocall. I, 1) сл. эпизодъ изъ житія св. Иларіона, Migne, Patrol. lat. t. LXXIII, прим. на стр. 197—8.

Стр. 305 слѣд.; 317 слѣд. *(Хожденіе трехъ иноковъ къ Макарію и эпизодъ о райскихъ птицахъ).* Интересную параллель къ легендамъ о Макаріи и Зосимѣ представляетъ «Съказаниѥ оц҃а нашего Агапиꙗ», изданное Пыпинымъ (Пам. Стар. русск. лит. III, стр. 134), по списку XIII в., и А. Поповымъ по сборнику библіотеки Московскаго Успенскаго собора, второй половины XII вѣка (Чтен. Москов. Общ. Ист. и Древн. 1879, I, Библіографическіе матеріалы, стр. 41—47). Агапій, шестьнадцать лѣтъ прожившій въ монастырѣ, молитъ Господа открыть ему: «чьсо ради оставлꙗють домы своꙗ и роды и въслѣдъ тебе идоуть». Голосъ свыше говоритъ ему, что его молитва услышана, велитъ выйти изъ монастыря и слѣдовать путемъ, который укажетъ ему орелъ. Орелъ приводитъ его къ лукамъ морскимъ, и Агапій не знаетъ, какъ ему перейти черезъ «морьскоую глоубиноу, бꙗше бо и звѣрь лютъ въ лоукахъ морьскыихъ, иже изѣдаше чл҃вкы». Святой видитъ корабль, въ немъ два мужа великихъ и малый дѣтищъ, который вопрошаетъ его о пути; онъ отвѣчаетъ: «не вѣмь мѣста ни нарока, камо хощю ити, нъ г҃ь б҃ъ мои поуть ѥсть». Его берутъ на корабль и во время сна переносятъ черезъ море; когда онъ проснулся, и корабль и дѣтищъ исчезли, а самъ онъ идетъ и пришелъ «вь мѣста нѣкаꙗ невѣдома, и обрѣте тоу дрѣва различьна и цвѣты цвѣтоуща различьны, и овоща различьны ихъ же не видѣ никътоже николиже. Сѣдꙗхоу же пътицѣ на дрѣвѣхъ тѣхъ различьны имоуща одежда, овѣмъ бꙗше ꙗко злато перие, а дроугыимъ багърꙗно, инѣмъ чьрьвлено, а дроугыимъ сине и зелено и различьными красотами и пьстротами оукрашены, дроугыꙗ же бѣлы ꙗко и снѣгъ; вьсѣхь бо гласи бꙗхоу различьни, и щьбьтахоу сѣдꙗще дроуга къ дроузѣ и поꙗхоу пѣсни различьны, ова великъмь гл҃ммь, а дроугыꙗ льгъкъмь гл҃ммь, а дроугыꙗ тънъкъмь гл҃ммь и пѣ-

ниемь, ины же дивьнъмь гламь, ꙗко бо кагажьдо по радоу ихъ и по подобию; пѣсни же ихъ и слава велика, ꙗко ꙗже никъто же слышалъ на семь свѣтѣ ни видѣти имать». Самъ Господь предсталъ передъ нимъ со своими апостолами и говоритъ: «мѣста же си раиская соуть, овоща же си пища апльская и правьдьныихъ дшь есть, пътица же ꙗже слышиши небесьныꙗ соуть, слава же ихъ и пѣниꙗ на нбса въсылаетьсѧ сѣдѧщоумоу на прѣстолѣ хѣроувимьстѣ». Очевидно, это земной рай, въ которомъ Агапію не позволено однакожъ остаться: онъ долженъ идти далѣе, дабы узрѣть «славоу бжьства», и Господь указываетъ ему на путь, по которому самъ пришелъ къ нему: «шьдъ приидеши къ стѣнамъ, ꙗже соуть ѿ землѣ до нбсе, и обрѧщеши стьжицю малоу и по стьжици тои идеши и обрѧщеши окъньце мало въ стѣнѣ и тълкнеши въ не, и изидеть къ тобѣ человѣкъ старь и поимъ тѧ въведеть въ стѣноу». Старецъ оказывается Ильей Өесвитяниномъ; перенесенный сюда Господомъ, онъ будетъ пребывать здѣсь до второго пришествія; онъ удивляется пришествію Агапія («члвкъ сьде не приходилъ въ плъти съ ни прѣже тебе ни по тебѣ имать прити») и вводитъ его внутрь. Агапій пораженъ невиданнымъ свѣтомъ («седмерицею свѣтлѣи сего свѣта»), видитъ крестъ, высившійся до небесъ, блестящій паче солнца; онъ преклонился передъ нимъ и началъ выносить свѣтъ. Илья ведетъ его «идеже стоꙗше одръ емоу и трьпеза оукрашена ѿ камениꙗ драгааго, и лежаше хлѣбъ на неи бѣлѣи снѣга . . . оу одра кладѧзь бѣлѣи млѣка и слажьи медоу, виногради же стоꙗхоу различьно имоуще грьздовие, ово багърано, ово чьрьвлено, ово бѣло, и овоща имоуща различьны и цвѣтьци». — Тѣ гроздья — души человѣческія, поясняетъ Илья, они представились тебѣ гроздіемъ, «поне бо живъ члвкъ не можеть видѣти дшь члвчьскъ. Сь же кладѧзь порода сѧ нарицеть и исходить въ дрѣва раискаꙗ, сь же свѣтъ англськъ есть и правьдьныихь дшь, сь же одръ и трьпеза творение роукоу гню, хлѣбъ же сь нбсьныи есть и правьдьныихъ дшь, источьникъ же сь англи пиють и правьдьнии члвци». Видѣлъ тамъ Агапій и другія брашна несказанной сладости, «простаꙗ же

ѣдь ѣко и млѣко и медъ». Илья даетъ ему вкусить отъ источника, и его умъ просвѣтился; даетъ отъ непочатаго, цѣлаго хлѣба, который, очевидно, оттого не уменшается: когда на возвратномъ пути Агапій, принятый на судно корабельщиками, немощными отъ голода, преломляетъ на четыре части укрухъ, данный ему Ильей, всѣ ѣли и насытилися, а четвертая часть, оставшаяся у него, снова стала такою-же, какъ до преломленія. Ею онъ оживляетъ впослѣдствіи умершаго.

Въ этой легендѣ представленіе земнаго и горняго рая смѣшаны, но такъ, что преобладаютъ знакомые намъ черты перваго. Къ нимъ принадлежитъ образъ чудеснаго вертограда съ «небесными» птицами: это, очевидно, эдемъ макарьевскаго житія, сербской Александріи и т. д. (сл. выше стр. 270—1, 309, 317 слѣд.)[1]); сюда изъ горнихъ селеній приходитъ по «стежицѣ» самъ Господь, какъ въ коптскихъ отреченныхъ дѣяніяхъ ап. Матвѣя (сл. выше стр. 285) онъ спускается на свѣтломъ облакѣ въ страну блаженныхъ, гдѣ находятся отроки, избіенные Иродомъ.—Другія черты, обычныя въ изображеніи земнаго рая, присвоены раю небесному, гдѣ пребываетъ Господь: таковъ образъ стѣны, возвышающейся отъ земли до неба, съ малымъ оконцемъ въ ней (сл. сербск. Алекс. выше стр. 271, 272; Iter ad paradisum, выше стр. 278; стѣна облачная въ житіи Зосимы, выше стр. 297; мѣдная стѣна въ Хожденіи къ Макарію, выше стр. 312; стѣна до небесъ въ St. Brandan, выше стр. 319); Илья, пребывающій тамъ до конца дней (сл. выше, стр. 320 и 323: Baudouin de Sebourc и Ugo d'Alvernia). Чудесный млекообразный источникъ, сладчайшій меда отвѣчаетъ отчасти такому-же въ Хожденіи къ Макарію (сл. выше стр. 310; сл. 324), неубывающій хлѣбъ — райскому плоду, который выносятъ изъ эдема посѣтившіе его (сл. выше стр. 321 прим. 1); кресту Агапіевой

---

[1]) Черныя птицы—души чистилища встрѣчаются еще въ видѣніи одного инока изъ монастыря Wenlok, въ X-мъ письмѣ Бонифація (Bibl. rerum germanicarum, ed. Jaffe III).

легенды — извѣстный въ средневѣковыхъ разсказахъ о земномъ раѣ (сл. мои Разысканія IV, стр. 60 слѣд., и выше стр. 327 прим. 2) образъ крестнаго древа, восходящій къ ξύλον τῆς ζωῆς Апокалипсиса (гл. XXII, 2) — и символическій крестъ въ житіи Андрея Юродиваго, представляющемъ нѣкоторыя спеціальныя черты сходства съ разбираемымъ [1]). Первое видѣніе то-же: чудесныя деревья въ цвѣту и плодахъ и поющія птицы («да любо ли п'тици се бѣахоу, любо ли ангели, Господь единъ да ся печеть тѣмъ»); вокругъ райской рѣки и по всему саду простерся виноградъ, «златомъ листвіемъ украшенъ, его-же лозіе имать образъ камени драгаго лух'нита, пер'ваго камени, рек'шаго дѣля: азъ есмь виноградъ истин'ныи»; затѣмъ «крестъ великъ красенъ и страшенъ вз'оромъ», котораго лобзаетъ святой. — Далѣе руководитель его, свѣтлый юноша, беретъ его за руку и начинается ихъ восхожденіе: выше второй тверди, гдѣ онъ видитъ два креста, и выше третьяго неба, гдѣ три креста возвышаются передъ дверями: три крестныхъ, едемскимъ древа славянскихъ легендъ и Анастасія Синаита [2]). — Еще далѣе страшная запона «ѩкоже пликторъ свѣт'ла и вел'ми честна»; её охраняютъ легіоны огненныхъ юношей, вооруженныхъ копьями: когда отнялась запона, Андрей узрѣлъ Сына Человѣческаго, сидящаго одесную Отца. — Запона отвѣчаетъ стѣнѣ отъ земли до неба, отдѣляющей горній Іерусалимъ отъ земнаго эдема въ Агапіевой легендѣ, какъ съ другой стороны ея стежечка, соединяющая эдемъ съ горнимъ Іерусалимомъ, напоминаетъ тропинки отъ перваго до втораго и третьяго неба (сл. три неба и въ житіи Андрея) въ одномъ изъ видѣній, описанныхъ Бонифаціемъ (ер. 112).

Подобную-же двойственность райскихъ представленій мы встрѣчаемъ уже въ Апокалипсисѣ ап. Павла [3]), если только она—

---

[1]) Сл. Великія Минеи Четіи, Октября 1—3 (изд. археограф. коммиссіи), стр. 99 слѣд.

[2]) Сл. мои Разысканія X, стр. 416—417.

[3]) Сл. Tischendorf, Apocalypses apocryphae p. 34 слѣд.; Тихонравовъ, Пам. отр. русск. лит. II, стр. 40 слѣд.

не кажущаяся. Ангелъ ведетъ его къ «мѣсту праведныхъ» (слав. текстъ: «на треͭее нб҃о»?); оно представляется городомъ, изъ золотыхъ воротъ выходитъ старецъ, привѣтствуя Павла: Энохъ (Исайя въ слав. т.). Ангелъ обѣщаетъ апостолу показать ему ту землю, *καὶ ἔστησέν με ἐπάνω τοῦ ποταμοῦ, οὗ ἡ ἀρχὴ ἐστήρικτο εἰς τὸν κύκλον τοῦ οὐρανοῦ· ὁ δὲ ποταμός ἐστιν οὗτος ὁ κυκλῶν πᾶσαν τὴν γῆν* = океанъ (въ слав. т., по смѣшенію съ слѣдующею далѣе подробностью: рѣка, текущая млекомъ и медомъ), на ней деревья, полныя чудесныхъ плодовъ. Что это? спрашиваетъ апостолъ. Καὶ *λέγει μοι· αὕτη ἐστὶν ἡ ἀχέρουσα λίμνη* (слав. т.: на езерѣ хѣрусипстѣмь; въ сир. переводѣ у Тишендорфа, l. c.: sea of Eucharista), *καὶ ἔσωθεν αὐτῆς ἡ πόλις τοῦ θεοῦ*, окруженный стѣнами, съ двѣнадцатью воротами, обтекаемый четырьмя рѣками. *ῥέοντες μέλι καὶ γάλα καὶ ἔλαιον καὶ οἶνον*; слав. текстъ толкуетъ: «имѧ рѣцѣ текущии медомъ Фисьнии (Фисонъ), имѧ рѣцѣ текущии виномъ Фиирь (тигръ), имѧ рѣцѣ текущии олѣемъ Гионій (Гіонъ), имѧ рѣцѣ текущии пшеномъ Ефратъ».—Передъ городскими воротами стоитъ безплодное дерево (далѣе: *δένδρα*) *καὶ ὀλίγους ἄνδρας ὑποκάτω αὐτοῦ, καὶ ἔκλαιον σφόδρα, καὶ συνέκοπτουν αὐτοῖς τὰ δένδρα.* Ангелъ поясняетъ: *διὰ τοῦτο εἰσιν τὰ δένδρα μὴ καρποφοροῦντα, διὰ τὸ μὴ ἀποστῆναι αὐτοὺς* (т. е. *τοὺς ἄνδρας*) *ἐκ τῆς ὑπερηφανίας*, тѣ-же люди пребываютъ внѣ города *δια τὴν πολλὴν ἀγαθότητα τοῦ θεοῦ, ἐπειδὴ ἔνθεν μέλλει ἔρχεσθαι ὁ Χριστὸς εἰς τὴν πόλιν, καὶ ἵνα συνερχόμενοι πρεσβεύουσιν ὑπὲρ τούτων, καὶ εἰσαχθήσονται σὺν αὐτοῖς.* — Далѣе апостолъ видитъ пророковъ, младенцевъ, избіенныхъ Иродомъ, Авраама, Исаака и Іакова — и Давида; видѣнія расположены по четыремъ символическимъ рѣкамъ, но пріуроченіе въ текстахъ спутано: въ греч. текстѣ молочная рѣка протекаетъ къ сѣверу (въ сирійскомъ: къ югу) отъ города, на ней избіенные Иродомъ младенцы; въ слав. эта черта выпала — и далѣе переходъ къ описанію мукъ совершается непосредственно. Иначе въ греч. т.: ангелъ вывелъ Павла *ἔξω τῆς πόλεως καὶ τῆς ἀχερούσης λίμνης καὶ τῆς γῆς τῆς ἀγαθῆς, καὶ ἔστησέν με ἐπάνω τοῦ ποταμοῦ τοῦ ὠκεανοῦ τοῦ βασ-*

τάζοντος τὸ στερέωμα τοῦ οὐρανοῦ .... καὶ ἦρέν με ἐκ δυσμῶν ἡλίου, καὶ ἦν ἡ ἀρχὴ τοῦ οὐρανοῦ τεθεμελιωμένη ἐπὶ τοῦ ποταμοῦ τοῦ ὠκεανοῦ. καὶ ἴδον ἐπέκεινα τοῦ ποταμοῦ, καὶ οὐκ ἦν ἐκεῖ φῶς, ἀλλὰ σκότος καὶ λύπη καὶ στεναγμός (спр. т.: he led me out without the city and brought me to the midst of those trees of the Eucharista.... There he lifted me up and carried me above the rivers of the sea and raised me above the sea of the ocean, which sustains the firmament of the lower heaven.... And he brought me towards the setting of the sun, and I saw there the end of heaven, made firm on a great river).

Слѣдуетъ видѣніе мученій, и ангелъ предлагаетъ апостолу повести его въ «раи едемьскып, кгоже испаде Адамъ и жена его»; здѣсь онъ видитъ великое древо, на которомъ почиваетъ Духъ Святой, изъ корней котораго истекаютъ четыре райскихъ рѣки (Физонъ, Геонъ, Тигръ, Евфратъ; слав. текстъ здѣсь не называетъ ихъ по имени); древо познанія добра и зла и древо жизни, охраняемое херувимами. На встрѣчу ему выходитъ Богородица; затѣмъ *Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ, пророки, Энохъ* (и Илья). Но онъ уже видѣлъ ихъ въ «мѣстѣ праведныхъ», съ его четырьмя символическими рѣками и такимъ-же деревомъ, напоминающимъ рѣки и священныя деревья эдема. «Мѣсто праведныхъ», можетъ быть, только дублетъ къ слѣдующему далѣе описанію эдема? По этому поводу замѣтимъ еще слѣдующее: не всякій можетъ войти въ «божій градъ», лежащій за «ἀχέρουσα λίμνη», говоритъ греч. текстъ, но лишь покаявшіеся передъ смертью и омытые арх. Михаиломъ въ водахъ того озера. Греч. апокалипсисъ Моисея[1]) говоритъ о томъ, что Адамъ похороненъ былъ εἰς τὰ μέρη τοῦ παραδείσου, т. е. близь эдема, но передъ тѣмъ арх. Михаилъ омываетъ его тѣло «εἰς τὴν ἀχέρουσαν λίμνην», послѣ чего Господь говоритъ ему: «ἆρον αὐτὸν εἰς τὸν παράδεισον ἕως τρίτου οὐρανοῦ καὶ ἄφες κἀκεῖσε ἕως τῆς ἡμέρας ἐκείνης τῆς μεγάλης καὶ φοβερᾶς ἣν μέλλω οἰκονομῆσαι εἰς

---

[1]) Tischendorf, l. c. p. 20—1: сл. мои Разысканія. III, стр. 45, прим. 2.

τὸν κόσμον». Слав. т. апокалипсиса ап. Павла помѣщаетъ, какъ мы видѣли, мѣсто праведныхъ и «херусійское блато» въ *третьемъ небѣ*, что согласно съ греч. апок. Моисея; и въ то-же время послѣдній памятникъ говоритъ о погребеніи Адама *у эдема*, какъ съ другой стороны греч. откровенія Павла пріурочиваютъ свое мѣсто праведныхъ и *τὴν ἀχέρουσαν λίμνην* не на небѣ, а на краю земли, тамъ гдѣ *ἦν ἡ ἀρχὴ τοῦ οὐρανοῦ τεθεμελιωμένη ἐπὶ τοῦ ποταμοῦ τοῦ ὠκεανοῦ*; согласно съ сирійскимъ текстомъ — гдѣ нибудь на крайнемъ востокѣ, ибо муки онъ помѣщаетъ на «заходъ солнца».

Къ стр. 331 прим. 1. Текстъ Паралипоменъ Іереміи = Повѣсть о плѣненіи Іерусалима въ сборн. конца XII в., принадлежащемъ библ. Московск. Успенск. собора, описанъ А. Поповымъ въ Чтен. Имп. Общ. Ист. и Древн. 1879 г., I: Библіографическіе матеріалы, стр. 9—12.

Къ стр. 346. О Танисѣ см. W. M. Flinders Petrie and T. Ll. Griffith въ Academy 1886 № 721 p. 154: we may safely write nome of Am Pehu = Tanite nome, and Am = Tell Neberheh or Tanis. M. Naville.... noticed that Horus was entitled «Lord of Am» (spelt with the two eyebrows). He suggested that this Am, capital of the XIX-th nome Am-Pehu, hitherto attributed to Buto, was at Tanis.... Now we hawe found in the temple here a piece of a limestone statuette mentioning «Hati lady of Am»; also a greater part of a fine statuette in green basalt, probably of Nektanebo by the style, naming «Horus lord of Am»; and thirdly in a tumb, a fine sarcophagus lid naming «Osiris Meriti Her Ab Am».

Къ стр. 374. О сициліанскихъ народныхъ повѣрьяхъ на 1-ое Мая (св. ап. Іакова и Филиппа) сл. еще Pitrè, Meteorologia popolare siciliana въ Archivio Pitrè, IV, fasc. 4, стр. 528—9.

Къ стр. 431—2. Нов., стр. 130: Филиппъ говоритъ Александру: «аште ли промысломь твоимь и врачевьскою хытростію пакы четири има истькнеть се кола, юже соуть сьстави, тог'да пакы тѣло съ дш҃ею здрав'ствоуѥть». Рум. № 175, об. л. 89 добавляетъ: «ѡгнь топлѣе обѣ земли сусѣ, вьздухь хракотина чрна желчь, ѡгнь и вьздухь противное, ѡгнь сьединение, и вьздухь земле мокрѣи ѡбѣ и студенѣ ѡбѣ, а се четиремь сьставомь имиже члв҃ческое состоитсе тѣло. Имѣеи умь да разумѣеть».

ΔΙΗΓΗΣΙΣ

ΚΑΙ

ΓΕΝΝΗΣΙΣ ΚΑΙ Ἡ ΖΩΗ ΤΟΥ ἈΛΕΞΑΝΔΡΟΥ.

ПО СПИСКУ ВѢНСКОЙ БИБЛІОТЕКИ.

АЛЕКСАНДРІЯ

ПО РУКОПИСИ ВѢНСКОЙ БИБЛІОТЕКИ

(Lambecius. Cod. theol. CCXCVII = Nessel CCXLIV).

— —

[26 r.] Διήγησις καὶ γέννησις καὶ ἡ ζωὴ τοῦ Ἀλεξάνδρου· τὸ πῶς ἐγεννήθη καὶ ἀνετράφην· καὶ περὶ τῆς ἀνδρείας αὐτοῦ καὶ τὴν μάθησιν καὶ τὴν χαράν του· ἦτον ἀπὸ τὸν θεὸν ὁρισμός· καὶ ἦτον φρόνιμος καὶ ἔμορφος, καὶ χαροποιὸς εἰς τοὺς αὐθεντάδες καὶ εἰς τὴν στρατίαν καὶ εἶχεν χέρι καλὸ νὰ φιλοδωρῇ καὶ νὰ στέκῃ εἰς τὸν λόγον του, νὰ μηδὲν σφάλῃ τοὺς ὅρκους του· καὶ μετὰ ταῦτα ἐβασίλευσεν ὅλον τὸν κόσμον.

Ἐπὶ ἔτους ͵ε ἐβασίλευσεν εἰς τὴν παλαιὰν Ῥώμην ὁ Ταρκιανὸς ὁ βασιλεύς, καὶ εἰς τὴν ἀνατολὴν ἐβασίλευσεν ὁ Δάρειος, ὁ υἱὸς τοῦ Κυρίσου καὶ ὅλα τὰ βασίλεια τοῦ κόσμου αὐτὸν ἐτελοῦσαν λιζάτον· καὶ εἰς τὴν Ἱερουσαλὴμ ἦτον αὐθέντης εἰς τοὺς Ἰσραηλίτας ὁ προφήτης Ἱερεμίας ἀρχιερεύς· καὶ εἰς τὴν Αἴγυπτον ἐβασίλευσεν ὁ πονηρὸς καὶ ἀστρονόμος Ἐκτέναβος, ὅλην τὴν Αἴγυπτον καὶ μὲ τὴν γῆν τῶν Ἀλατήνων· καὶ ὁ Φίλιππος ὁ Ἕλληνος ἐβασίλευσε τὴν Μακεδονίαν μὲ τοὺς Φιλίππους καὶ μὲ τὴν Φιλιππόπολιν. Τοῦ Φιλίππου τοῦ βασιλέως ἐγεννήθη τέκνον ἄρρεν· καὶ οὐδὲν ἦτον σπόρος ἐδικός του, ἐπεὶ ἦτον σπόρος ξένος, καθὼς τὸ θέλετε ἀκούσει· καὶ ἐπωνόμασαν τὸ ὄνομα τοῦ παιδίου εἰς ταις ἡμέραις Ἀλέξανδρον ῥωμαϊκά· καὶ εἶχεν ἀπὸ τῆς ἄνω προνοιας χάριν μεγάλην· λέγουν ὁ κόσμος ὅλος, ὅτι ἔναι υἱὸς τοῦ Φιλίππου τοῦ βασιλέως ὁ Ἀλέξανδρος· καὶ οὗτος ὁ λόγος ἔναι ψεῦδος, τὸ ἀληθὲς ἔναι τοῦτο· τοῦ βασιλέως τῆς Αἰγύπτου υἱὸς τοῦ Νεκτέναβου

τοῦ πονηροῦ καὶ ἀστρονομου, καθὼς τὸ θέλετε ἀκούσει τὴν διήγησίν του ὕστερα. Ὁ βασιλεὺς μὲ τὰ μαγικά του ἐκράτειεν τὸν τόπον τῆς Δαμασκοῦ, ὁποῦ ὀνομάζεται Αἴγυπτος.

Περὶ ὅταν ἐβαρέθηκεν ὁ κοσμος τὴν ἀστρονομίαν του καὶ τὰ μαγικά του καὶ ἐποίησαν βουλὴν νὰ τὸν διώξουν.

Ἐβαρέστησεν ὁ κόσμος ὅλος τὴν ἀστρονομίαν του καὶ τὰ μαγικά του· καὶ ἐποίησαν βουλὴν μὲ τὸν Δάρειον τῆς Περσίας καὶ ὁ βασιλεὺς τῆς Βερίας καὶ ὁ βασιλεὺς τῆς Λεντίας καὶ πολλοὶ ἕτεροι βασιλεῖς οὗτοι· «Ἂς[1]) ἐξέλθωμεν μὲ τὰ φουσάτα μας πρὸς τὸν μάγον νὰ τὸν διώξωμεν, τὸν μάγον καὶ Αἴγυπτον.» Καὶ ἐσύναξαν οἱ βασιλεῖς φουσάτα πάμπολλα ἀναρίθμητα· ἦτον δὲ εἰς τὸ σύνορον τῆς Περσίας ἕνα κάστρον καὶ εἶχαν αὐθέντην εἰς τὴν μέσην τους Αἴγυπτον, ὀνόματι Βερκαρίαν· ἰδόντας ὁ συνορίτης ὁ Βερβέρης φουσάτον πολλὸν μαζώμενον, ὁποῦ ἔρχονται καταπάνου τοῦ βασιλέως Αἰγύπτου τοῦ Νεκτέναβου, ἐπῆγεν εἰς αὐτὸν καὶ ὡμολόγησέ τον περὶ τὰ φουσάτα, τὸ ποσαις χιλιάδες ἔρχονται, καὶ εἶπεν τοῦ Νεκτέναβου· «ὅτι νὰ ἠξεύρῃς, ἔρχεται ὁ βασιλεὺς τῆς Περσίας, ὁ Δάρειος, ὁποῦ τὸν ἐμαυτόν του ὀνομάζει ἴσος μὲ τὸν θεὸν καὶ ἔφθασεν καὶ ἐσέβη εἰς τὸ σύνορόν σου μὲ τὰ φουσάτα του πολλὰ ἀναριθμητα καὶ μὲ ἄλλους βασιλεῖς ἑτέρους ἔρχονται καταπάνου σου, ὥσπερ ὅταν ἀγριέσουν τὰ κύματα τῆς θαλάσσης καὶ οὐδεὶς ἠμπορεῖ ἀριθμήσει αὐτά, εἰ μὴ εἷς θεός· τόσον φουσάτο ἔρχεται καταπάνω σου νὰ πολεμήσῃ». Ὁ βασιλεὺς ὁ Νεκτέναβος ἐγέλασεν καὶ εἶπεν· «σύρε ὀπίσω εἰς τὸ βασίλειόν σου καὶ κατανοει καλῶς καὶ πάλιν νὰ μοῦ ἀποστείλῃς λόγον ἐγλήγορα ἐπιστολὴν γραμμένην»· Καὶ ὁ βασιλεὺς ὥρισεν καὶ ἔγραψεν πιτάκια εἰς ὅλον τὸν τοπον [26 v.] τῆς Αἰγύπτου τὴν Δαμασκὸν καὶ ἀφὸν ἐπροβόδησεν ταῖς ἐπιστολαῖς εἰς ὅλον τὸν τόπον

Περὶ οταν ἐπιασεν τὸ χαρτὶν τῆς ἀστρονομιας καὶ τῆς λεκανομαντίας νὰ ἰδῇ τὸ πόσον φουσάτον ἔρχεται καταπάνω του.

Ὁ Νεκτέναβος ἠπῆρεν τὸ χαρτὶ τῆς ἀστρονομιας καὶ τῆς λεκανο-

[1]) ркп. ἂς.

μαντίας καὶ ἐσέβην εἰς τὸ παρακέλιν τὸ βασιλικὸν καὶ ἐγέμισεν τὸν ὀστράκινον πίνακαν νερὸν καὶ ἄνοιξεν τὸ βιβλίον του καὶ εἶδεν εἰς τὸ νερὸν δύο φουσάτα ὁποῦ ἔρχονται νὰ πολεμίσουν· καὶ εἶδεν τὸν θεὸν τῆς Αἰγύπτου τὸν Ἀπόλλωνα ὅτι ἐσέβη εἰς τὸ κάτεργον πρὸς τῆς μεριᾶς τοῦ φουσάτου τῆς Περσίας καὶ φέρνει τὸ φουσάτο τοῦ Δαρείου τοῦ βασιλέως καταπάνου εἰς τὴν Αἴγυπτον. ἰδόντας οὖν ὁ Νεκτέναβος ὅτι νικᾶται ὑπὸ τοὺς Πέρσιδας, ἐζαλίσθην ζάλην μεγάλην καὶ ἐσηκώθη ἀπὸ τὴν τρομάραν του καὶ ἔκλαυσεν πικρὰ καὶ εἶπεν· ὦ κάστρον τῆς Αἰγύπτου Δαμασκὸν καὶ ὄμορφον μὲ τοὺς πρωτοκαβαλαραίους καὶ χρυσοπτερνιστηράτους καὶ ἀνδρειωμένους τῆς Αἰγύπτου τοὺς πρώτους καὶ τὰ πάντερπνά σας καλὰ καὶ ὁ πλοῦτός σας καὶ ἡ ὀμορφάδα σας, ἔχετε τόσους πολλοὺς χρόνους μετ᾽ ἐμένα. καὶ τώρα χωρίζεσθε μὲ μεγάλην πικρίαν, ὥσπερ τίς τρώει τὸ φαρμάκι και σύντομα ἀποθνήσκει, οὕτως και ἐγὼ χωρίζομαι τὸ βασιλειόν μου. Ὁ βασιλεὺς Αἰγύπτου ὁ Νεκτέναβος οὐδὲν ἐδυνήθη νὰ πολεμίση μὲ τὸν Δάρειον τὸν βασιλέα τῆς Περσίας. ἀπὸ τὴν πολλήν του λύπην καὶ τὴν ἐντροπήν του ἐκούρεψεν τὰ γένειά του καὶ τὰ μαλία του καὶ ἐξέβην ἀπὸ τὸ κάστρον τῆς Αἰγύπτου καὶ ἔφυγεν εἰς ξένον τόπον, ὅπου οὐδὲν τὸν ἐγνώριζαν. καὶ ὑπῆγεν εἰς τοὺς Φιλίππους εἰς τὸν τόπον τῆς Μακεδονίας καὶ κανεὶς ἄνθρωπος δὲν τὸν ἐγνώρισεν καὶ ἔκαμεν τὸν ἐμαυτόν του μάγον, ἰατρὸν θαυμαστόν. εἴ τι ἄρα ἔλεγεν, ὅλα ἀληθίνευαν οἱ λόγοι του· ἡ στρατία καὶ τὰ φουσάτα, καὶ οἱ ἄρχοντες ἐσυνήχθησαν εἰς τὸ παλάτιν νὰ ποιήσουν βουλὴν μὲ τὸν βασιλέα τους, καθὼς εἶχαν συνήθειον. καὶ ἐγύρευσαν και οὐδὲν τὸν ηὗραν· καὶ μόνον ηὗραν ἕνα πιτάκιν γραμμένον. και ἔγραφεν οὕτως· ὅτι ἐγὼ οὐδὲν δύνομαι κατὰ πρόσωπα τὸν Δάρειον νὰ σταθῶ καὶ ὑπηγαίνω ἀπὸ ἐσᾶς γέροντας καὶ πάλιν θέλω ἔλθει πρὸς ἐσᾶς νέος χρονῶν λ' καὶ νὰ μοῦ ἱστορήσετε τὸ προσωπόν μου εἰς τὸν στύλον καὶ νὰ μοῦ βάλετε τὸ στεφάνι μου εἰς τὸ κεφάλιν τῆς ἱστορίας καὶ εἴ τις ἔλθη καὶ σταθῆ εἰς τὸν στύλον καὶ πέση τὸ στεφάνι μου εἰς τὸ κεφάλιν του, αὐτὸν τὸν ἄνθρωπον νὰ τὸν προσκυνήσετε· ὅτι αὐτος ἐστὶν ὁ υἱός μου καὶ αὐτός σὰς θέλει ἐλευθερώσει ἐκ χειρὸς τοῦ Δαρειου· καὶ ἔλαβον τὸ πιτάκιν τοῦ Νεκτενάβου με το στέμμαν του· καὶ ἔκαμαν στύλον εἰς τὴν μέσην τοῦ κάστρου καὶ ἔγραψαν τὸ προσω-

πον τοῦ βασιλεῶς καὶ ἔβαλαν τὴν ἐπιστολὴν καὶ τὸ στέμμαν του στὸ πρόσωπον ἐκεῖνον ὁποῦ ἱστόρησαν καὶ ἔκλαψαν πικρά. καὶ ὑπῆγαν εἰς τὴν ἐκκλησίαν τους εἰς τὸν θεόν τους τὸν Ἀπόλλωνα καὶ ἐπαρακάλεσαν αὐτόν, νὰ τοὺς ὁμολογήσῃ τὴν ἅπασαν ἀλήθειαν διὰ τὸν βασιλέα τους τὸν Ἐκτέναβον. ὅταν γοῦν διὰ νυκτὸς εἶδαν εἰς τὸν ὕπνον τους καὶ εἶπεν ὅτι πάλιν ὅταν πληρωθῶσιν χρόνοι λ', πάλιν θέλει γυρίσει πρὸς ἐσᾶς καὶ θέλει τζακίσει τὰ σπαθία τῆς δεξιᾶς χειρὸς τῆς Περσίας καὶ σᾶς θέλει ἐβγάλει καὶ θέλω σᾶς ἐλευθερώσει. Ὁ Νεκτέναβος εἰς τοὺς Φιλίππους ἔκαμεν λεκανομαντίαις μεγάλαις καὶ ὅλοι ἀληθίνευαν εἰς τὴν τέχνη του.

Περὶ τοῦ βασιλέως τοῦ Φιλίππου καὶ τῆς Ὀλυμπιάδος τὴν ἀτεκνίαν καὶ τὸ τί εἶπεν ὁ Φίλιππος τῆς Ὀλυμπιάδος.

Ὁ βασιλεὺς τῶν Μακεδόνων ὁ Φίλιππος εἶχεν γυναῖκαν ὡραίαν, τὸ ὄνομα αὐτῆς Ὀλυμπιάδα. καὶ πολλὰ ἦτον στεῖρα. καὶ ὁ βασιλεὺς οὐδὲν εἶχεν καλλὴ καρδίαν [27 r.] ποτὲ πρὸς τὴν βασίλισσαν διὰ τὴν ἀτεκνίαν της, διότι εἶχεν πλοῦτον πολὺν ὁ βασιλεὺς μὲ τὸν ἐμαυτόν του, τὸ πῶς θέλει ἀπομείνῃ τὸ βασίλειόν του ἔρημον καὶ ὁ πλοῦτος του· ἦτον γοῦν ὡραία ἡ Ὀλυμπιάδα καὶ ἐκ τὴν ἐμορφία της οὐδὲν ἤθελεν νὰ τζακίσῃ τὴν καρδίαν της. ἦλθεν γοῦν ὁρισμὸς τοῦ Δαρείου τοῦ βασιλέως νὰ ὑπηγαίνῃ ὁ Φίλιππος εἰς τὸ ταξεῖδι, καὶ εἶπεν τῆς γυναικός του τῆς Ὀλυμπιάδος· ὅτι μεγάλη κάκητα (κακότητα?) ἔχω ἀπὸ σέν, ὀμμάτια μου καὶ φῶς τῶν ὀφθαλμῶν μου, ψυχή μου, καρδία μου Ὀλυμπιάδα· ἐγὼ ὑπηγαίνω εἰς τὸ φουσάτο καὶ ἐὰν οὐδὲν εὕρω τέκνον ἀπὸ τὰ σπλάγχνα μου, ἀπὸ τὸν ἐμαυτον μου, νὰ ἠξεύρῃς ὅτι πλέον τοὺς ὀφθαλμούς (σιου οὐδὲν τὰ θέλω ἰδεῖ, ὁσὰν ἦσουν μαθημένη νὰ ἔλθῃς εἰς τὸν θρονον μου. λοιπὸν μὲ ὀνειδισμὸν ὑπῆγεν εἰς τὸ ταξεῖδιν ἐτοῦτο.

Περὶ τὸν λόγον ὁποῦ εἶπεν ὁ Φίλιππος τῆς Ὀλυμπιάδος καὶ ἦτον πικραμένη· ἦλθεν μία ἀπὸ ταὶς βαγίαις καὶ εἶπεν της διὰ τὸν Νεκτέναβον.

Μίαν γοῦν τῶν ἡμερῶν ἀπο ταις βαγιτζαις της εἶδεν την βασι-

λισσα πικραμένη καὶ εἶπεν της· μηδὲν πικραίνεσαι, ὦ βασίλισσα Ὀλυμπιάδα. ἐδῶ εἰς τὸ κάστρον ἐτοῦτο τῶν Φιλίππων ἔναι ἕνας ἄνθρωπος μάντις καὶ ἰατρὸς καὶ ἀστρονόμος· καὶ εἴ τι ἄρα λέγει ἀληθινεύουν. περὶ τὸ πῶς ἤκουσεν τοὺς λόγους τῆς βαγίτζας της, εἶπεν της· δράμε ἐγλήγορα καὶ φέρε τὸν ἄνθρωπον αὐτὸν εἰς ἐμένα, μὴ νὰ μὲ ποιήσῃ τίποτες εἰς τὴν τάλαιναν.

Περὶ ὅταν ἔβαλεν ἡ Ὀλυμπιάδα καὶ ἔκραξε τὸν Νεκτέναβον καὶ ἦλθεν εἰς τὴν βασίλισσα τὴν Ὀλυμπιάδαν.

Ὁ Νεκτέναβος ἦλθεν ἐγλήγορα εἰς τὴν Ὀλυμπιάδα. Καὶ ἐσύντυχεν καὶ εἶπεν του· ἄνθρωπε τῆς Αἰγύπτου, ἀλήθεια ἔναι ὅπερ ἠκούσαμεν διὰ τ' ἐσένα [1]); ἠμπορεῖς νὰ ποιήσῃς τίποτες μὲ τὰ βοτανικά σου εἰς ἐμένα, μὴν νὰ ποιήσω παιδὶ ἀπὸ τὰ σπλάγχνα μου; καὶ ἂν ποιήσῃς καὶ κάμω παιδὶ τοῦ μεγάλου βασιλέως Φιλίππου, θέλεις θεραπεύσει τὴν καρδίαν του καὶ θέλω δυναμώσει καὶ τὴν ἐδικήν μου τὴν καρδίαν πρὸς αὐτόν. καὶ μέγας νὰ ὀνομασθῇς ἀπὸ τὸν βασιλέαν καὶ ἀπὸ τοὺς αὐθεντάδες τῆς Μακεδονίας· καὶ ποίησε τὴν ἰατρικήν σου τέχνην ἐγλήγορα.

Περὶ ὅταν ἐσύντυχεν ἡ Ὀλύμπιάδα τοῦ Νεκτενάβου.

Ὁ Νεκτέναβος ἰδόντας τὴν Ὀλυμπιάδα, τὴν ὡραιότητάν της καὶ τὴν λαμπηδόνα τοῦ προσώπου της καὶ τὰ καλά της κάλλη, ἐτήρα την εἰς τοὺς ὀφθαλμοὺς ὀρθά, καὶ ἐδιέβην ὁ νοῦς του καὶ ἐξέστην· ἐκείνη ἐδοκήθη καὶ ἐπῆρε κρυφὰ νὰ τοῦ ἐρωτᾷ καὶ λέγει του· ὦ ἄνθρωπε, τί με καὶ ἐσὺ πόνους γεμίζεις; ἐὰν ἔχεις ὄρεξιν, ποίησον τὴν τέχνην σου, καὶ μηδὲν ἀργῇς. Καὶ ὡς ἤκουσεν τοὺς λόγους τῆς βασίλισσας, εἶπεν της καὶ ἐσίμωσεν σιμά της ὥστε ἐκόλλησεν [2]) τὸ πρόσωπόν του εἰς τὸ πρόσωπον αὐτῆς καὶ ἐκάην καὶ ἐτόξευσεν εἰς τὴν καρδίαν του ἀπὸ τὸν ἔρωτάν της. καὶ εἶπεν της· ὅτι ἐγὼ ἐβλέπω, ὅτι ὁ θεὸς θέλει μείνει μετὰ σένα ἢ ὁ Ἀμὼν ἢ ὁ Φιλογένης ἢ ὁ Ἀρκούτζης, ὁ θεὸς ὁ μέγας. Καὶ ἐὰν ποιήσῃς ὡσὰν σοῦ θέλω εἰπεῖ,

---

[1]) рукоп. διά τε σένα.

[2]) рукоп. ἐκώλυσεν.

παιδὶν θέλεις ποιήσει καὶ ἐσὺ μητέρα θέλεις ὀνομασθῇ, βασίλισσα τοῦ κόσμου ὁλουνοῦ· καὶ ὡς ἤκουσεν τοὺς λόγους του, ἐχάρη χαρὰν μεγάλη, διότι θέλει γενήσει παιδὶ ἀπὸ τὸν ἐμαυτόν της· καὶ εἶπέν του· ὡσὰν τριγόνα θλίβομαι, ὦ ἄνθρωπε· ἔλ' κοντὰ [1]) εἰς τὸ παλάτι τὸ βασιλικὸν νὰ σοῦ ποιήσω ἕνα σπιτόπουλον μικρόν· καὶ ὅταν ἔλθουν οἱ θεοὶ τῶν Ἑλλήνων ὁποῦ θέλουν 'σεβῇ πρὸς αὐτήν. ὁποῦ ἤβλεπεν εἰς τὸ νερὸν τῆς λεκανομαντίας.

Περὶ ὅταν ἐσέβη εἰς τὴν Ὀλυμπιάδα ὁ Νεκτέναβος.

[27 v.] Ὁ Νεκτέναβος ἔκαμεν τὸν ἐμαυτόν του μάγον με τὰ μαγικά του καὶ ἐσέβη εἰς τὸ παλάτι τῆς βασίλισσας νὰ μείνη μὲ τὴν Ὀλυμπιάδα εἰς τὸ πρόσωπον τῶν θεῶν τῶν Ἑλλήνων, τὸν Ἀμών. τὸ κεφάλιν του ἔκαμεν ὡς ἀετοῦ καὶ εἰς τὴν κεφαλήν του κερατόπουλα χρυσὰ καὶ οὐρὰν ὥσπερ τοῦ βασιλίσκου, τὰ ποδάρια του ἐποίησεν καὶ τοὺς ἐλάταις (sic) ὡσὰν τοῦ γρύψου καὶ τὰ πτερά του χρυσὰ καὶ μαῦρα. καὶ ἐσέβην εἰς τὴν βασίλισσαν τὴν Ὀλυμπιάδα μὲ φόβον καὶ μὲ τρόμον μέγαν. καὶ ἔμειναν οἱ δύο καὶ πάλιν ἐξέβη ὀπίσω μὲ πολλὰ ποιήματα· καὶ θαυμαστὸς ἐφάνη εἰς τὸ 'ξέβαν του. καὶ ὑπῆγεν εἰς τὸ σπιτόπουλόν του καὶ ἐπὶ τὴν αὔριον ὑπῆγεν εἰς τὴν βασίλισσαν καὶ εἶπεν της· τώρα εἶσαι εὐχαριστημένη εἰς ὅλαις ταῖς γυναῖκες, Ὀλυμπιάδα· σήμερον τοῦ κόσμου ὁλουνοῦ βασιλέα βαστάζεις παιδὶ ἄρρεν καὶ ὅταν θέλεις κάμη τὸ παιδί, νὰ στείλης διὰ τ' ἐμένα νὰ ἔλθω καὶ εἴ τι σου εἰπῶ οὕτως νὰ κάμης καὶ εἰς ποίαν ὥραν νὰ γεννήσης τὸ παιδί. ἐλθόντος γοῦν εἰς τὴν γέννησιν τοῦ παιδίου, ἔστειλεν καὶ ἔκραξεν τὸν Νεκτέναβον καὶ ἄνοιξε τὸ βιβλίον τῆς ἀστρονομίας, καὶ οὐδὲν ἦτον ὥρα καλὴ νὰ γεννήση τὸ παιδί· καὶ εἶπεν ταῖς γυναίκαις καὶ ἐσήκωσαν τοὺς πόδας τῆς βασίλισσας νὰ μηδὲν πέση τὸ παιδί· καὶ ὅταν εἶδεν ὅτι ἐπλάτυνεν ἡ νύκτα καὶ ἐδυνάμωσεν τὸ γύρισμα τοῦ οὐρανοῦ καὶ τὰ στοιχεῖα τῆς γῆς, καὶ εἶπεν καὶ ἄφηκαν τὴν βασίλισσαν, καὶ ἐγέννησεν τὸ παιδὶ τὸν Μάρτιον μῆναν ὥρας θ' τῆς νυκτός. καὶ ὅταν ἐγεννήθη τὸ παιδίον καὶ ἐξέβην εἰς τὸ φῶς τοῦ κόσμου καὶ ἔκλαυσεν καὶ εἶπεν· ὅταν σωθοῦν οἱ σαράντα χρόνοι

[1]) ркп. ἔλκοντα.

πάλιν θέλω γυρίση εἰς ἐσένα μητέρα ἐδική μου γῆς· καὶ εἶδεν πᾶς ἄνθρωπος καὶ ἐξενίσθη πῶς ἐσύντυχεν τὸ παιδάριον· ἡ Ὀλυμπιάδα παρευθὺς ἤπῆρεν τὸ παιδὶ καὶ ἐδιάβασέν το εἰς τὴν ἐκκλησίαν τὸν Δαφνιώνα τὸν Ἀπόλλωνα. καὶ ἤπῆρεν εὐχὴ ἀπὸ τὸν ἱερέαν τους καὶ ἐπαρακάλεσέν τον νὰ ἀνοίξη τὸ χαρτὶ τῆς ἀστρονομιάς νὰ τῆς δείξη διὰ τὸ παιδὶ ποταπὸς θέλει γένη· καὶ ἐπαρακάλεσεν τὸν θεόν της τὸν Ἀπόλλωνα νὰ τῆς φανῆ κατ᾽ ὄναρ. καὶ εἰς τὸν ὕπνον του τοῦ ἱερέως τῶν Ἑλλήνων ἐφάνη ὁ Ἀπόλλων καὶ εἶπεν περὶ τὸν Ἀλέξανδρον ὅτι θέλει γένη ὁλουνοῦ τοῦ κόσμου βασιλέας καὶ θέλει γένη δόκιμος καὶ φρόνιμος πολλὰ καὶ νὰ δωρῆ τοὺς αὐθέντας καὶ ἀκόμη καὶ τὸν βασιλέα τὸν ἐδικόν του τὸν πατέρα θέλει σκοτώση. καὶ ὅταν θέλουν πληρώση μ′ χρόνοι πάλιν θέλει γυρίση εἰς τὴν μάνα του τὴν γῆν ἔνθα ἐπλάστη.

Περὶ ὅταν ἐγύρισεν ὁ Φίλιππος ἀπὸ τὸ ταξεῖδι ὀπίσω.

Ὁ Φίλιππος ὅταν ἦτον εἰς τὸ φουσάτο τῆς Περσίας, ἤπῆρε συμπάθειον ἐκ τὸν Δάρειον καὶ ἐγύρισεν ὀπίσω. καὶ ὅταν ἐκατέλαβεν ἡ νὺξ εἶδεν εἰς τὸν ὕπνον του ὅτι τοῦ ἐφάνη ὁ θεὸς ὁ Ἀμὼν εἰς τὸ πρόσωπόν του ὡς λέοντας μὲ κερατόπουλα χρυσὰ εἰς τὸ κεφάλιν του. καὶ ἐκράτειεν τὸ παιδὶ τὸν Ἀλέξανδρον εἰς τὰς χεῖράς του καὶ εἶπεν τοῦ Φιλίππου· χαῖρε, βασιλέα τῆς Μακεδονίας. καὶ εὐφραίνου, ὅτι ἠπόκτησες υἱὸν τὸν Ἀλέξανδρον δόκιμον καὶ φρόνιμον καὶ ὡραιότατον. καὶ εἰς τὴν ἀνδρείαν ἀνδρειωμένος καὶ εὐτυχιάρης εἰς τὸ ριζικόν του· καὶ βασιλέας θέλει γένη τοῦ κόσμου ὁλουνοῦ. καὶ ὁ Φίλιππος ἐσηκώθη ἀπὸ τὸ στρῶμαν του καὶ ἐγείνη ἐξεστηκὼς ἀπὸ τὸ ὅραμα ὁποῦ εἶδεν εἰς τὸν ὕπνον του. καὶ ἐσέβην εἰς λογισμὸν μέγαν καὶ ἔκραξεν τὸν φιλόσοφον τὸν Ἀριστοτέλη καὶ ὡμολόγησέν του τὸ ἐνύπνιον ὅπερ εἶδε. καὶ εἰς αὐτὴν τὴν ὥραν ἦλθεν ἀετὸς μέγας ἀπανωθέον τὴν τέντα τοῦ βασιλέως καὶ ἀπόλυσεν αὐγὸν καὶ ἔπεσεν εἰς τὸν ὦμον [1]) τοῦ Φιλίππου. καὶ ἐξυπνήσθη ἀπὸ τὸν φόβον του καὶ ἀπήδησεν ἀπὸ τὴν κοίτην του, καὶ ἔπεσεν τὸ αὐγὸν εἰς τὴν γῆν καὶ ἐτζακίστη, καὶ ἐξέβην ὄφις [28 r.] μέγας καὶ ἐτριγύρισεν τὴν τέν-

---

[1]) ркп. νόμον.

ταν του ὀλόγυρα καὶ πάλιν ἐσέβην ὀπίσω ὅπουθεν ἦτον· καὶ εἶπεν ὁ Ἀριστοτέλης ὁ φιλόσοφος τὸν Φίλιππον· ἀληθινὸν ἦτον τὸ ἐνύπνιόν σου, βασιλέα. καὶ εἰς αὐτὴν τὴν ὥραν ἦλθαν μαντατοφόροι ἀπὸ τὴν Ὀλυμπιάδα διὰ τὴν γέννησιν τοῦ παιδίου τοῦ Φιλίππου. ὁ Φίλιππος ὡς ἤκουσεν ὑπῆγεν ἐγρήγορα εἰς τὴν Μακεδονίαν εἰς τὸ κάστρο του καὶ ἐχάρην χαρὰν μεγάλη. καὶ ἔβγαλαν οἱ ἄρχοντες τὸ παιδίον εἰς συναπάντησιν τοῦ βασιλέως· καὶ ἠπῆρεν τὸ παιδὶν εἰς τὰς χεῖρας του καὶ κατεφίλησέ το καὶ ἐστάθην ἡ καρδία του εἰς τὸν τόπον καὶ εἶπεν· δόξα σοι ὁ θεὸς ὅπου εἶδα καὶ ἐγὼ παιδὶ ἀπὸ τὰ σπλάγχνα μου· διότι ἔναι ἔμορφον ὡσὰν τὸν Ἰωσὴφ τὸν πάγκαλον· καὶ ὁ βασιλεὺς ἔμασεν .υ'. παιδία καὶ ἐπαρέδωκέ τα τοῦ Ἀλεξάνδρου διὰ νὰ μαθαίνουν τὴν τέχνην τοῦ πολέμου. καὶ τότε τὰ ὤρθωσεν ἔμορφα καὶ καλὰ ὁποῦ εἶδαν καὶ ἐθαύμασαν· καὶ ἀρχέρισαν τὸν πόλεμον· καὶ ὅποιο παιδὶ ἐξαιμάτωναν εἰς τὸν πόλεμον, ἐβγάναν το ὡσὰν νικημένον. καὶ ὁ Ἀλέξανδρος ἀπ' ὅλα τὰ παιδία ἔφθανέν τους, καὶ ἐπαρέδιδέν τους εἰς τὸ 'δικόν του κέρδος. καὶ ἐκέρδησεν ὅλα τὰ παιδιὰ τὰ .υ'. καὶ ἐπωνόμασαν τὸν Ἀλέξανδρον βασιλέα καὶ ἐφούμισάν τον ὅλοι· πολλὰ τὰ ἔτη τοῦ Ἀλεξάνδρου τοῦ βασιλέως καὶ τοῦ κόσμου ὁλουνοῦ. εἶδεν γοῦν ὁ διδάσκαλος τοῦ Ἀλεξάνδρου τὸ νῖκος τὸ πῶς ἐκέρδησεν τὸν πόλεμον, ἐθαύμασεν καὶ εἶπεν· τὸν ῥιζικάρη τὸν ἄνθρωπον οἱ θεοὶ καὶ οἱ διάβολοι τὸν βοηθοῦν, καὶ τοῦ κακορίζικου τοῦ ἀνθρώπου οὐδὲ θεὸς τὸν βοηθᾶ, οὐδὲ οἱ διάβολοι τὸν βοηθοῦν, μόνον καὶ οἱ ἀγαπημένοι του οἱ συντρόφοι ἀφίνουν τὸν καὶ φεύγουν. καὶ οὐδὲν δύνονται νὰ τὸν βοηθήσουν.

Περὶ ὅταν εὐφήμισεν ὁ Ἀριστοτέλης τὸν Ἀλέξανδρον.

Ὁ Ἀριστοτέλης ἐφήμισεν τὸν Ἀλέξανδρον καὶ εἶπεν του· ὦ φανερὲ ἥλιε Ἀλέξανδρε, ἐὰν ἐπάρῃς τὴν οἰκουμένην ὅλην καὶ ἐπονομασθῇς βασιλεύς, τὸ τί καλόν μοῦ θέλεις κάμῃ ἐμένα τοῦ διδασκάλου σου; ὁ Ἀλέξανδρος τὸν ἀπεκρίθη: ὑψηλότατε καὶ ἐνδοξώτατε, οὐ πρέπει νὰ συντυχαίνω ἐγὼ ἔμπροσθεν τοῦ διδασκάλου μου, ἐὰν ἐγὼ ὑψωθῶ ἀπὸ θεοῦ θελήματος, καὶ ἐσὺ μέγας ἄνθρωπος μετ' ἐμένα καὶ ὑψηλότερος νὰ γένῃς· τὸ κλῆμα οὐδὲν πλέκεται εἰς ξύλον ὁποῦ ἔναι μακρυὰ ἀπ' αὐτό, μόνον εἰς ξύλον ὁποῦ ἔναι κοντά του· ἔτζι

καὶ ὁ βασιλεύς, ὁποῦ τὸν [1]) γυρεύει νὰ ἐπάρῃ πολὺν ὁρισμὸν καὶ κάστρον καὶ χώρας, τὸν ἐδικόν του καὶ ἠγαπημένον ἐνεμπιστεύεται εἰς τὰς βουλὰς καὶ εἰς τὰς χαράς του καὶ εἰς τὴν θλίψιν του· οὕτως καὶ ἐγὼ θέλω εἶσθαι, ὦ μεγαλειότατε τῶν φιλοσόφων Μακεδονίας διδάσκαλε. τοῦ Ἀλεξάνδρου τὸ ζακόνι ἦτον ἀπὸ τὴν αὐγὴν ἕως τὸ γιῶμα, καὶ ἔμπροσθεν ἕως τὸ δειλινὸν ὑπήγαινεν εἰς τὸν Νεκτέναβον, εἰς τὸ πονηρὸν καὶ δόκιμον μάθημα. ἀπ᾽ αὐτὸν ἔμαθεν τῶν τρεχομένων ζώδιων τοῦ οὐρανοῦ ἐπὶ τὰς ζώνας καὶ τὰς καμάρας καὶ τοὺς ἑπτὰ πλανήτας ἀρχή· Κρόνος, Ἄρης, Ἀφροδίτης, Ἕρμης, Ἥρα, Δίας, Ἥλιος· καὶ ἔγραψεν εἰς σκέδον [2]) καὶ ἤφερεν τὸ καθὲν κατὰ δρόμον αὐτοῦ γεγραμμένον.

Περὶ τὸν θάνατον τοῦ Νεκτενάβου ἐκ τὸν Ἀλέξανδρον τῆς Μακεδονίας.

Εἶδε γοῦν ὁ Ἀλέξανδρος τὸν σκέδον γραμμένον καὶ εἶπεν τοῦ διδασκάλου του· δίδαξόν με, διδάσκαλε, τὸ πῶς τὰ μεγαλεῖα τοῦ θεοῦ τὸν χορὸν [3]) τοῦ οὐρανοῦ ἐποίησεν καὶ πῶς τὸν ἄνθρωπον τῆς γῆς ἐπιφαίνονται; αὐτὸς τὸν ἀπεκρίθη· ὁ θεὸς ὁ μεγαλοδύναμος τῶν ἀνθρώπων, ὁποῦ δὲν γνώθουν καὶ ὁποῦ εἶναι ἐπίγειοι, ἔρχεται πνεῦσις θεϊκὴ καὶ φωτίζει τὸν ἄνθρωπον καὶ οὐχὶ [28 v.] ὡσὰν ἐμένα τὸν ἄνθρωπον, ἀμὴ ὅπου θέλει ὁ θεὸς νὰ δώσῃ δώρημα, αὐτὸς ἐκ τῆς ἄνω προνόιας φωτίζεται· καὶ ἡμεῖς ἀπὸ τοὺς πρώην διδασκάλους ἐμαθητεύθημεν καὶ ἠξεύρομεν καὶ ποιοῦμεν. ὁ Ἀλέξανδρος εἶπεν· ὅλον τόσον μὲ εἶπες, διδάσκαλε, ἤκουσα, ὦ Νεκτέναβε, ὅτι τὸν θάνατόν σου ἠξεύρεις τὸ πῶς σοῦ θέλει γένῃ. Ὁ Νεκτέναβος εἶπεν τοῦ Ἀλεξάνδρου· ὡσὰν μὲ μαθαίνει ἡ ἀστρονομία ὁποῦ τρέχει, ἐγὼ ἀπὸ τὸν υἱόν μου θέλω ἐπάρῃ θάνατον καὶ θέλω σκοτωθῇ.

Περὶ τοῦ σκέδου γραμμένου.

Ὁ Ἀλέξανδρος οὐδὲν ἐπίστευσεν [4]) τοῦ λόγου του, ἔσπρωξέν τον [5])

---

[1]) Вѣроятно испорчено изъ ὁπόταν.

[2]) ркп. εἰς κέδον.

[3]) ркп. τὸν χωρῶν.

[4]) ркп. ἐπίστασεν.

[5]) ркп. ἔσπροσέν τον.

ἀπὸ τὸ σπήλαιον καὶ ἔπεσεν ἔμπροσθεν τὴν βασιλικὴν κρίσιν καὶ εἶπεν· ἀστόχησες, διδάσκαλε, τὴν τέχνην σου· αὐτὸς ἔπεσεν κάτω μὲ ὀλίγη ψυχὴν καὶ ἐλάλησεν πρὸς τὸν Ἀλέξανδρον καὶ εἶπεν· τρέχα, Ἀλέξανδρε, εἰς τὴν μητέρα σου τὴν Ὀλυμπιάδα καὶ θέλει σου δείξη τὸ νὰ εἶπας[1]) τὴν ἀλήθειαν. ἐγώ, υἱέ μου Ἀλέξανδρε, εἰς τὸ σκότος ὑπηγαίνω εἰς τὸν ἅδην ὅπου εἶναι οἱ θεοὶ τῶν Ἑλλήνων δεμένοι καὶ τυραννίζουνται εἰς τὸ τύραγνον παραδομένοι ἀπὸ τὸν θεὸν τοῦ οὐρανοῦ καὶ τῆς γῆς τὸν Σαβαώθ· καὶ αὐτὸ μόνον ἐσύντυχεν καὶ ἐξέψυξεν ὁ βασιλεὺς Αἰγύπτου ὁ Νεκτέναβος. Ὁ Ἀλέξανδρος ὡς ἤκουσεν τὸν λόγον τοῦ Νεκτενάβου, ἔπεσεν εἰς λογισμὸν μέγαν καὶ ἐντροπὴν καὶ ὑπῆρεν τον εἰς τὸν ὦμον[2]) του καὶ ἤφερέ τον εἰς τὴν μητέρα του. καὶ εἶδεν ἡ μητέρα του καὶ ἐξενίσθη καὶ εἶπεν· τί ἔναι τοῦτο, Ἀλέξανδρε, υἱούτζικέ μου; ὁ Ἀλέξανδρος τῆς ὡμολόγησεν τὸ πᾶν πρᾶγμα καθῶς τοῦ εἶπεν ὁ Νεκτέναβος· καὶ εἶπεν τῆς μητρὸς αὐτῆς τῆς Ὀλυμπιάδος· ἐὰν ἔναι ἀληθῶς ὁ πατήρ μου, δεῖξέ μου· καὶ ἡ μητέρα τοῦ ὡμολόγησεν τὸ πῶς ἐγείνη ἀπὸ τῆς ἀρχῆς ὅλον καθέναν λόγον· καὶ ὁ Ἀλέξανδρος ἤκουσεν τὸν λόγον τῆς μητρός του καὶ ἔκλαψεν πικρά· καὶ ὁ Φίλιππος τίποτες οὐδὲν ἤξευρεν.

Περὶ ὅταν ἔδειξεν ὁ θεὸς τὸν Βουκέφαλον τὸ ἄλογον.

Εἰς τὸν Φίλιππον τὸν βασιλέα αὐτὴν τὴν ὥραν ἦλθε του μαντατοφόρος καὶ εἶπεν του· νὰ ἠξεύρης ἡ βασιλεία σου, ἐγενήθην ἕνα πουλάριν εἰς τὴν λακινίαν σου θαυμαστὸν καὶ ἔμορφον πολλά· ἔχει εἰς τὴν δεξίαν του μερίαν εἰς τὸ μερὶ βουκέφαλον μὲ κέρατα καὶ μὲ αὐτία ἕναν πῆχαν· ὥρισεν ὁ βασιλεὺς καὶ ἤφεράν του τὸ πουλάριν, καὶ εἶδεν το καὶ ἐθαύμασεν τὴν ἐμορφάδαν του καὶ τὸ σημεῖον εἰς τὸ μερί· καὶ ὥρισεν καὶ ἐποίησαν σπιτόπουλον, κουβοῦκλιν σιδερένιο. καὶ ἔβαλέν το ἀπ' ἔσω· καὶ ἐριχνάν του τὴν τροφὴν ἐκεῖ καὶ κανεὶς οὐδὲν ἐκότα νὰ σταθῆ κοντά του. ὁ Ἀλέξανδρος καθ' ἣν ὥρα ὑπήγαινεν καὶ ἅπλωνεν ἀπὸ τὸ παραθύρι, καὶ ἐπίανέν το ἀπὸ τὸ ὠτίον· καὶ τὸ ἄλογον ἀγαλλίαζεν, ἐχλιμίτρα καὶ ἔγλειφεν τὸ χέριν τοῦ Ἀλεξάνδρου.

---

[1]) м. б. εἶπα σ' т. е. σου.

[2]) ркп. νόμον.

Περὶ ὅταν ἠθέλησεν διὰ νὰ καβαλικεύσῃ.

Ὁ Ἀλέξανδρος μία γοῦν τῶν ἡμερῶν ἐτζάκισεν τὴν κλειδονίαν τῆς θύρας καὶ ἐσέβην ἀπ' ἔσω εἰς τὸ κουβοῦκλι καὶ ἐπῆρε σέλα καὶ ἐσελοχαλίνωσεν τὸ ἄλογον ὡσὰν νὰ ἦτον μαθημένον· καὶ ἐκαβαλίκευσεν καὶ ἐκίνησεν ὅπου οἱ καβαλαραῖοι οἱ χρυσοπτερνιστηράτοι. ὅπου ἔπαιζαν τὰ κοντάρια ὡσὰν εἶχαν ζακονι, ἀπὸ τὸ γιῶμα καὶ ομπρὸς εἶχεν ζακόνι· καὶ ἐκάθετον εἰς τὸ παλάτιν τὸ βασιλικὸν καὶ ἔβλεπεν τὸ πῶς κροῦν ταῖς κονταρίαις. ὁ Ἀλέξανδρος ἐξέβην ἀπὸ τὸ κάστρον καβελάρης καὶ ἦσαν ὅλοι τῆς Μακεδονίας οἱ πρωτοκαβαλλαραῖοι. ἐπέζευσαν ὅλοι καὶ ἐπροσκύνησάν τον ὡσὰν τὸν βασιλέα τὸν Φίλιππον καὶ ἐθαύμασαν τὴν καβάλαν τοῦ Ἀλεξάνδρου· εἰς τὸ Βουκέφαλον τὸ ἄλογον ὡσὰν πρωτοκαβαλάρης ἔμορφα ἀνδρειωμένα ἔτρεχεν παρὰ ὅλους, ἔδραξέν τον τὸ ἄλογον καὶ μετὰ βίας τὸ ἐκράτησαν [29 r.] ὅπου εἶναι ἡ βρύσαις ἡ πολλαῖς, καὶ ἐκεῖ ὥρισεν καὶ ἐποίησαν κάστρο καὶ ἐπωνόμασαν τὸ κάστρο ἐκεῖνο· Δρομὴ Καλή· ὁ Φίλιππος ὁ βασιλεὺς ἐθαύμασεν διὰ τὴν μεγάλη ῥέντα τοῦ ἵππου. καὶ εἶπεν ὁ Φίλιππος. ὢ βουνοὶ καὶ κάμποι καὶ ὄρη· ὅτι τὸ σπαθὶν τοῦ Ἀλεξάνδρου μὲ τοὺς Μακεδόνας θέλει τζακίσῃ ὁλουνοῦ τοῦ κόσμου τὰ σπαθία. καὶ ἐγέλασεν καὶ εἶπεν· ἐγὼ τέτοιον ἔμορφον καβαλάρην ὡσὰν τὸν Ἀλέξανδρον. οὐκ εἶδα, μονον τὸν Ἡράκλιον τὸν βασιλέα ἔμορφον εἰς τὴν καβάλαν του. ἐκ ταύτην τὴν ἡμέραν ὥρισεν ὁ Φίλιππος καὶ ἔμασεν συνομηλίκους τοῦ Ἀλεξάνδρου χιλίους καὶ ἔδωκέν τους τοῦ Ἀλεξάνδρου νὰ παραδιαβάζῃ μετ' αὐτοὺς καὶ νὰ δοξεύουν μετ' αὐτὸν καὶ νὰ μαθαίνουν τῆς στρατίας τὴν τέχνην καὶ νὰ κροῦν κονταρίαις καὶ νὰ κυνηγοῦν εἰς τὴν Ὀλυμπιάδα. ἦτον μία τέχνη τῶν Ἑλλήνων, τροχοὶ καμωμένοι κοντὰ εἰς τὸν Δαφνιῶνα τὸν Ἀπόλλωνα. ἴσα τὸν τροχὸν ἀνέβαιναν ἀπὸ δ' καὶ ἀπὸ η' καὶ ἔκρουγαν μὲ τὰ κραμπιτζέλια ἕνας τὸν ἄλλον καὶ ἐγύρευεν ὁ κάθε εἷς τὴν τέχνην του καὶ τὴν τύχην του, τὸ πῶς θέλει γένῃ τῆς ἀνδρείας.

Περὶ ὅταν ἤθελεν ὁ Ἀλέξανδρος νὰ ὑπαγαίνῃ εἰς τὸ μέρος τῆς Ὀλυμπιάδος.

Ὁ Ἀλέξανδρος ὀρθόνετον νὰ ὑπαγαίνῃ εἰς τὸ μέρος τῆς Ὀλυμπιάδος καὶ ἔδειξε τοῦ Φιλίππου καὶ οὐδὲν τὸν ἄφινεν· ἀμὴ τὸν εἶπε· υἱέ

μου παμφίλτατε, μηδὲν ὑπαγαίνῃς ὅτι ἀκόμη εἶσαι μικρός, παιδὶ .ιβ. χρόνων νὰ μηδέν σε εὕρῃ τίποτες ἐκεῖ καὶ κάψῃς τὴν καρδίαν μου. ὁ Ἀλέξανδρος τὸν ἀποκρίθη· ἐγὼ ὑπηγαίνω εἰς τὸν θεὸν τῶν Ἑλλήνων τὸν Ἀπόλλωνα, διὰ νὰ προσκυνήσω καὶ νὰ ἰδῶ τὴν τέχνην καὶ τὰ ποιήματα τῶν τροχῶν, πῶς γυρίζουν καὶ παίζουν τὰ ἀφεντόπουλα. τότε ὁ Ἀλέξανδρος ἦπῆρεν τοῦ δρόμου τὸν ἔξοδον· εἴ τι ἄρα εἶχεν χρεία ἀπὸ τὸν βασιλέα τὸν Φίλιππον ἦπῆρεν καὶ βασιλικὰ σημάδια. καὶ ἐσέβην εἰς τὸ νησὶν τῆς Ὀλυμπιάδος· αὐτὸς ἦπῆρεν παιγνίδια δ' τῶν Ἑλλήνων. αὐτοῦ ἐδοκίμαζαν οἱ πρωτοκαβαλαραῖοι τὸ ῥιζικόν τους. καὶ αὐτοὺς τοὺς ἔκαμεν εἰς τὴν τάξι τὴν Πασιδόνα τὸν Ἀπόλλωνα. ὁ Ἀλέξανδρος ἦλθεν μὲ δύο ἀδελφοὺς ἀπὸ τὴν Ἐγκλητέραν, πρωτοκαβαλαραίους, τὸν Λαόνμετρον καὶ τὸν Καλιστερνούση. καὶ ἐσέβην ὁ Ἀλέξανδρος μὲ τὸν βοηθόντα τὸν ἐδικόν του τὸν Πτολομαῖον καὶ αὐτὸς εἰς τοὺς δύο τροχούς, ἐγύριζαν οἱ τέσσαροι πρωτοκαβαλλαραῖοι· ἐδώθησαν ἕνας τὸν ἄλλον, ὁ Ἀλέξανδρος τὸν Καλιστερνούσην ἐσκότωσε καὶ ὁ Πτολομαῖος τὸν Λαομετρούσην ἔριξεν. οἱ ἄνθρωποι αὐτουνοῦ τοῦ κάστρου ἔβλεπαν τὰ Ἀλεξάνδρου [1]) καὶ ἐθαύμασαν τὴν ἐμορφάδαν του, ὅτι τόσον ἦτον ἔμορφος. [2]) τὸ ὄνομά του ἦτον οὐράνιον· καὶ εἶπεν ὅτι ἡ φρόνησις καὶ ἡ ἀνδρεία οὐδὲν ἔναι πολλῶν χρονῶν τιμημένη ἀπὸ τὴν δύναμιν. εἷς φιλόσοφος ἐρώτησεν· ποῖος ἔναι τοῦτος καὶ πόθεν ἔναι Ἀλέξανδρος· καὶ εἶπαν του· υἱὸς ἔναι βασιλέως Μακεδόνων. ὁ φιλόσοφος εἶπεν· ἤκουσα ἀπὸ τὸν διδάσκαλόν μου, ὁποῦ ἐσύντυχεν καὶ εἶπεν, ὅτι θέλει σηκωθῇ ἀπὸ τὸν βασιλέα Μακεδόνων βασιλεὺς ἀπὸ τὸ κάστρον τοῦ Φιλίππου μὲ σπαθὶ καὶ θέλει σκοτώσῃ αὐθέντας καὶ τῆς δύσης τὰ βασίλεια θέλει χαλάσῃ καὶ τῆς ἀνατολῆς τὰ θέλει

---

[1]) ркп. τὰ Ἀλέξανδρον.

[2]) Эпизодъ объ Олимпійскихъ играхъ разсказанъ въ греч. народной книгѣ съ нѣкоторыми отличіями отъ нашего текста, который въ свою очередь поддерживается и исправляется въ слѣдующемъ отрывкѣ (τὸ ὄνομά του ἦτον οὐράνιον) при помощи соотвѣтствующаго славянскаго перевода: «И тоу стоѥ философь нѣкыи именемь Ураниѥ рече: моудрость и храбрость и т. д. Вьпроси же философь» и т. д. (Новаковичъ, стр. 15—16). Указаніе на эту подробность встрѣчается въ греч. нар. кн. далѣе, стр. 41—2, въ разсказѣ объ Аѳинскомъ погромѣ (ὁ Οὐράνιος ὁ φιλόσοφος τῆς Ὀλυμπιάδος); такъ и въ нашемъ текстѣ (сл. далѣе, стр. 23).

ἐπάρῃ. καὶ ἐὰν εἶσαι ἐσύ, ἔλα καὶ ᾽σέβα εἰς τὸ κάστρον μας, υἱὲ τοῦ Φιλίππου. ὁ Ἀλέξανδρος ἐγέλασεν καὶ εἶπεν· ὦ φιλόσοφε, οὐδὲν μου φαίνεται ὅτι ἐγὼ εἶμαι, ἀμὴ ἀπὸ τὸν θεὸν ἡ χάρις καὶ ἡ ἐλεημοσύνη νὰ γένῃ.

Περὶ ὅταν ἐγύρισεν Ἀλέξανδρος ὁ βασιλέας.

Ὁ Ἀλέξανδρος ἐγύρισεν ὀπίσω καὶ εὗρε τὸν πατέρα του τὸν Φίλιππον ὁποῦ εἶχεν ἀφήκῃ [29 v.] τὴν μητέρα του τὴν Ὀλυμπιάδα καὶ εἶχεν πάρῃ ἄλλῃ ἀντιτοπίαν αὐτῆς καὶ ἔκαμεν ὡσὰν γάμον· καὶ ἔρχεται ὁ Ἀλέξανδρος ἀπὸ γιῶμα καὶ ἀνέβῃ εἰς τὸ παλάτιν καὶ ὁ πατέρας του μετὰ χαρᾶς τὸν ἐδέκτῃ καὶ ἔβαλέν τον εἰς τὴν τάβλαν τὴν ἐδικήν του ἀντάμα· καὶ ἐσέβην ὁ Φίλιππος εἰς λογισμὸν τὸ τί εποίησεν· τότες εἶδαν οἱ συμπέθεροι ὅπου εἶχαν ἔλθει καὶ ἔδειξάν του· ἡ Ὀλυμπιάδα ἔστειλεν κρασὶ εἰς ἕναν ποτῆρι τοῦ Φιλίππου καὶ εἶπεν τον· πίε, χαίρου καὶ εὐφραίνου, βασιλέα Φίλιππε, καλλίτερα ἀπὸ τὴν πρώτην ἠπῆρες γυναῖκα,- ὅτι ἡ πρώτη σου ἡ γυναῖκα ἦτον πουτάνα [1]), ἀμὴ ἐτούτη ἔναι πολλὰ φρόνιμη· ἐτοῦτα τὰ λόγια ἤκουσεν ὁ Ἀλέξανδρος, ἐθλίβην καὶ ἐχολομάνησεν· καὶ ἡ μητέρα του ἡ Ὀλυμπιάδα εἶπεν· οὐδὲν εἶσαι ἐσὺ πατέρας τοῦ Ἀλεξάνδρου, Φίλιππε, ἐμένα ἐβλέποντάς με ζωντανὴ καὶ ἀφηκές με. ὁ Ἀλέξανδρος ὡς ἤκουσεν τοὺς λόγους τῆς βασίλισσας τῆς μητρός του, ὥσπερ λέων ἐβρυχήσθη καὶ ἀπήδησεν ἀπὸ τὴν τάβλα καὶ ἠπῆρεν ἕνα σκαμνόπουλον καὶ ἐσκότωσεν τρεῖς ἐξ αὐτουνοὺς ὁποῦ ἔκαμαν τὴν δουλεία. καὶ οἱ ἄλλοι ἀπήδησαν ἀπὸ τὸ βασιλικὸν παλάτι καὶ ἔφυγαν.

Περὶ ὅταν ἤκουσεν ὁ Φίλιππος ὅτι ἦλθαν οἱ Κουμάνοι καὶ Ἀλαμῖται.

Ὁ Φίλιππος ἔπεσεν εἰς ἀρωστίαν μεγάλην· ἤκουσαν τοῦ βορέως τὰ μέρῃ ὅτι ἀρώστησεν ὁ Φίλιππος, οἱ Κουμάνοι καὶ Ἀλαμίταις καὶ Σακουλάτοι ἐσυνάχθησαν φουσάτα νὰ ἔλθοῦν εἰς τὴν Μακεδονίαν ἕως ἑκατὸν πενῆντα ἁρματωμένοι ἤγουν χιλιάδες. καὶ ἐσέβησαν εἰς τὸ σύνορον τῆς Μακεδονίας καὶ ἦλθον οἱ ἄνθρωποι ἐγλήγορα καὶ εἶπαν

---

1) рки. πουτάνα

τοῦ Φιλίππου καὶ ἐσέβην εἰς μεγάλην πικρίαν καὶ ἀδημόνησεν καὶ ἔκραξεν τὸν Ἀλέξανδρον κοντά του καὶ εἶπεν του· ὦ ἠγαπημένε μου υἱὲ Ἀλέξανδρε, ἦλθεν καιρὸς νὰ ἐπάρουν τοῦ πατρός σου τὸν τόπον τὸ γονικόν μας, ἀμὴ ἔπαρε τὸ φουσάτο καὶ σύρε καταπάνου τῶν ἐχθρῶν μας καὶ ἡ βοήθεια τοῦ παντοκράτορος θεοῦ νὰ ἔναι εἰς ἐσένα·[1]) ὁ Ἀλέξανδρος ἠπῆρεν τὸ φουσάτο τῆς Μακεδονιάς ἕως λ' χιλιάδες καὶ ὑπῆγεν εἰς συνάντησιν τοῦ ξένου φουσάτου.

Περὶ ὅταν ὑπῆγεν ὁ Ἀλέξανδρος εἰς το ξένον φουσάτο.

Ὁ Ἀλέξανδρος αὐτὸς ἐπέζευσεν καὶ ἐκαταπάτησεν τὸ φουσάτο. καὶ ὅλοι ἀρματωμένοι ἔστεκαν καὶ ὅταν ἐβράδυνεν, ὑπήγαινεν μὲ τὸ φουσάτο του κοντὰ εἰς τοὺς ξένους καὶ ἐπέζευσεν καὶ ὥρισεν καὶ ἄψασιν ἱστίαις πολλαις ὁλόγυρά τους. ὥρισεν καὶ ἐκτύπησαν ὄργανα τοῦ πολέμου, καὶ οἱ Κουμάνοι ὡς εἶδαν ἐξαφνικον φουσάτο, ὅθεν οὐδὲν ἐπάντεχαν, ἐσκιάσθηκαν καὶ ἐσέβησαν εἰς λογισμὸν μέγαν, τὸ τί νὰ ποιήσουν. τὸ μεσάνυκτον ἔδωκαν εἰς τροπὴν φυγῆς[2]) ὀπίσω ὅσον νὰ δώσει ὁ ἥλιος. ἐσμίχθη τὸ φουσάτον τους μὲ τῆς Μακεδονίας τὸ φουσάτον καὶ ἐσκοτώθησαν ἀπὸ τους Κουμάνους καὶ Ἀλαμάνους χιλιάδες μ' καὶ ἐσκοτώθησαν ἀπὸ τῆς Μακεδονίας χιλιάδες δύο καὶ ἐσκοτώθησαν ἀπὸ τῆς Μακεδονίας ἀπὸ τὴν ἄλλη μερία ϛ̄· καὶ ἡ Μακεδονία τοὺς ἐδίωξαν τρεῖς ἡμέραις καὶ τρεῖς νύκταις. καὶ ἠπῆραν ἄλογα χίλια ῦ·. καὶ πρὸς την ἑσπέραν ἐγύρισεν ὁ Ἀλέξανδρος ὀπίσω πρὸς τὸν βασιλέα τὸν Φίλιππον καὶ ἔσυρνεν ζωντανους χιλιάδες δέκα καὶ τοὺς φέρνει εἰς τὸν Φίλιππον τὸν βασιλέα.

Περὶ ὅταν ἐλάλησεν τοῦ φουσάτου.

Ὁ Ἀλέξανδρος ὥρισεν καὶ ἦλθαν οἱ μεγιστάνοι του καὶ ὁ στρατός του καὶ εἶπεν πρὸς αὐτούς· ἴδετε, συντρόφοι ἐδικοί μου καὶ ἠγαπημένοι μου ἀδελφοί, τὴν δύναμιν τοῦ Θεοῦ, πῶς μας ἐβοήθησεν· καὶ ἐσεῖς, ἄρχοντες τῶν Κουμάνων, το πῶς σᾶς ἐπαράδωκεν [30 r.] εἰς τὰς χεῖρας τῶν Μακεδονων καὶ τὰ σπαθια τα ἐδικά σας ἐτζακιστη-

---

[1]) рки. εἰς σεσένα.

[2]) рки. φυγίου.

σαν καὶ τῶν Μακεδόνων ἀκονίσθησαν ἀπ' ἐσᾶς. καὶ τὸν βασιλέα τὸν ἐδικόν σας ἐσκότωσα καὶ ἐσᾶς τοὺς ἄρχοντας καὶ αὐθέντας ζωντανοὺς ἐπίασα· καὶ λέγω σᾶς ἂν θέλετε τὴν ζωήν σας, νὰ σμιγθῇ ὁ τόπος ὁ ἐδικός σας μὲ τὸν ἐδικόν μας τὴν Μακεδονίαν νὰ ἦσθεν ἐδικοί μου. ἐκεῖνοι ὡς ἤκουσαν τὸν ὁρισμὸν τοῦ Ἀλεξάνδρου, ἀπεκρίθησαν καὶ εἶπαν· βασιλέα Ἀλέξανδρε. ἀφὸν ὁ θεὸς τοῦ οὐρανοῦ καὶ τῆς γῆς σε ἐβοήθησε καὶ ἐσκότωσες τὸν βασιλέαν μας τὸν Ἀπλαμήστην, καὶ ἐμεῖς ἐδικοί σου εἴμεσθεν·[1]) καὶ ὁ Ἀλέξανδρος λέγει τοῦ Φιλίππου· σηκῶσου.

---

[1]) Пропуски, встрѣчающіеся въ вѣнскомъ спискѣ Александріи и, можетъ быть, находившіеся уже въ его подлинникѣ, отмѣчены въ моемъ изслѣдованіи. Образцомъ такихъ пропусковъ можетъ служить выпаденіе цѣлаго эпизода между словами: καὶ ἐμεῖς ἐδικοί σου εἴμεσθεν — и непосредственно слѣдующими, вслѣдствіи чего Филиппъ убиваетъ не Анаксарха, — а Куманскаго царя. (Сл. народн. греч. книгу, стр. 25—27: (καὶ ἡμεῖς ἐδικοί σου εἴμεθα). Πέμψαι μας αὐθέντην νὰ ἔχωμεν ἀπὸ τοὺς ἄρχοντάς σου, καὶ δῶσε μας συμπάθειον. Ἐπιστώθη ὁ Ἀλέξανδρος τοὺς λόγους καὶ τοὺς ὅρκους τῶν Κουμάνων. καὶ ἔκαμε βασιλέα τὸν ἐξάδελφόν του. ὅπου ἦτον πρῶτος κυνηγός. Ἐφιλοδώρησέ τους ὡς ἔπρεπε, καὶ ἄφηκέν τους νὰ πηγένουν ὀπίσω. διὰ νὰ εἶναι δοῦλοι τοῦ Ἀλεξάνδρου. — Ἀνάξαρχος. ὁ βασιλεὺς τῆς Πελαγωνίας, ἀκούσας ὅτι ὁ Ἀλέξανδρος λείπει μὲ τὰ φουσάτα εἰς τὴν Μακεδονίαν, ἔκαμε μίαν πονηρίαν. Ποτὲ καιρὸν ἤρχετο εἰς τὴν Περσίαν ὁ Ἀνάξαρχος ἀπὸ τὸ ταξείδιον καὶ διαβαίνωντας ἀπὸ τὴν Μακεδονίαν, ἐφίλευσέ τον ὁ Φίλιππος. καὶ μὲ δῶρα τὸν ἀπέστειλεν. Ὁ Ἀνάξαρχος εἶδε τὴν Ὀλυμπιάδα καὶ ἐτοξεύθη ἀπὸ τὸν ἔρωτα. Δὲν ἤκουσεν ὁ ἄθλιος τοῦ Σολομῶντος τοὺς λόγους, ὁποῦ λέγουν· ἄνθρωπε, ἂς εἶσαι εὐχαριστημένος καὶ ἀναπαυμένος εἰς τὴν ἀγάπην τῆς γυναικός σου καθὼς σοῦ ἔτυχε, καὶ μὴ εἰς ξένην γελασθῇς. ἵνα μὴ πάθῃς πλέον παρὰ ἐκεῖνα ὁποῦ πράξεις, χάνωντας τὴν ζωήν σου, ὁμοῦ μὲ τὸν πλοῦτόν σου. Λοιπὸν ὁ Ἀνάξαρχος ἐμάζωξε τὰ φουσάτα του χιλιάδες δώδεκα, καὶ ἐπῆγεν εἰς τὸ κάστρον τοῦ Φιλίππου, καὶ του εἶπεν· εἰς βοήθειάν σου ἦλθα βασιλεῦ· ἀλλ' ὁ σκοπός του ἦτον νὰ εὕρῃ ἄδειαν νὰ πάρῃ τὴν Ὀλυμπιάδα. — Ἦλθον μαντατοφόροι ἀπὸ τὸν Ἀλέξανδρον, λέγοντες τοῦ Φιλίππου, πῶς ὁ Ἀλέξανδρος ἐσκότωσε τὸν βασιλέα τῶν Κουμάνων, ἐπῆρε τὸν τόπον του καὶ ἔρχεται νικητής. καθὼς θέλει ἰδῇ αὐτός του. Ἐξέβη ὁ Φίλιππος μὲ τὴν Ὀλυμπιάδα νὰ προϋπαντήσουν τὸν Ἀλέξανδρον. Εἶδεν ὁ Ἀνάξαρχος τὴν Ὀλυμπιάδα ἔξω ἀπὸ τὸ κάστρον. καὶ ἁρπάζωντάς την. ἔφυγεν. Ὁ Φίλιππος εἶχεν ὀλίγον φουσάτον, μὲ τὸ ὁποῖον δὲν ἠδύνατο νὰ τὸν πιάσῃ, καὶ μάλιστα ἐλαβώθη ἀπὸ τὸν Ἀνάξαρχον. — Παρευθὺς ἔφθασε καὶ ὁ Ἀλέξανδρος. Ηὗρε τὸν Φίλιππον τὸν πατέρα του ἀποδαρμένον ἀπὸ τὸ ἄλογον μὲ μίαν σπαθίαν εἰς τὸ κεφάλι. Προχωρῶντας ὀλίγον. ἐρωτᾷ διὰ τὴν μητέρα του. Ὡσὰν ἔμαθε τὴν πονηρίαν τοῦ Ἀναξάρχου, παρευθυς ἐπῆρεν ὀκτακοσίους ἄνδρας διαλεκτούς. φθάνει τὸν Ἀνάξαρχον εἰς τὸν ποταμὸν τὸν λεγόμενον Μεστόν, καὶ τὸν πιάνει ζωντανόν. Φέρνωντάς τον σχεδὸν ἡμιθανῆ ἔμπροσθεν τοῦ Φιλίππου. εἶπε· σηκώσου, πάτησαι τὸν ἐχθρόν σου.

πατέρα Φίλιππε, καὶ πάτησε τὸν ἐχθρόν σου τὸν διάβολον καὶ σφάξε τον.

Περὶ ὅταν ἔσφαξεν ὁ Φίλιππος τὸν βασιλέα.

Ἀνέστη γὰρ ὁ Φίλιππος μὲ ὀλίγη ψυχὴ καὶ ἐπάτησέν τον εἰς τὸν σφόνδυλον καὶ ἔσυρε τὸ παραμάχαιρον καὶ ἔσφαξέ τον καὶ εἶπεν· ὅτι ἡ πικρία ἡ ἐδική μου ἐγύρισεν εἰς χαράν· καὶ εἶπεν· σύρε καὶ σύ, ψυχή, μετὰ τὸν ἀντίδικόν μου. καὶ εὐχήθη τὸν Ἀλέξανδρον καὶ εἶπεν τον· υἱέ μου, ἡ βοήθεια τοῦ ἀοράτου θεοῦ νὰ ἔναι βοηθός σου, τὰ κεφάλια τοῦ κόσμου ὁλουνοῦ νὰ σὲ προσκυνήσουν, καὶ τὸ χέρι τὸ ἐδικό σου νὰ γένῃ ἀπανωθέον ὁλουνοῦ τοῦ κόσμου. καὶ τόμου εἶπεν τὸν λόγον ἐξέψυξεν ὁ Φίλιππος εἰς τὴν Μακεδονίαν.

Περὶ ὅταν οἱ ἄρχοντες τῆς Μακεδονίας ἐτίμησαν τὸν Ἀλέξανδρον τὸν βασιλέα.

Ὁ Φίλιππος ὁ βασιλεὺς ἀπέθανεν, οἱ αὐθεντάδες καὶ οἱ ἄρχοντες τῆς Μακεδονίας ἤστεκαν καὶ εἶπαν· πολλὰ τὰ ἔτη τοῦ βασιλέως τοῦ Ἀλεξάνδρου. καὶ ἡ Ὀλυμπιάδα ἡ βασίλισσα τὰ μαλλία της ἀπόλυσεν ἕως τὴν γῆν καὶ τὸ πολυτίμητον φόρεμαν ἔσκισεν καὶ ἔκλαιεν τὸν Φίλιππον· καὶ χίλιες ἀρχόντισες ἦλθαν καὶ συναπάντησαν τὸν Φίλιππον μετὰ κλαθμὸν καὶ ὀδυρμόν, ἔβαλάν τον εἰς διάχρυσον ἀμάξι καὶ κρεββάτιν μὲ τὸ χρυσομάργαρον καὶ ἐδιάβασάν τον εἰς τὸ κάστρον μὲ θρῆνον καὶ μὲ κλαθμόν, ὁποῦ εἶδεν πᾶς ἄνθρωπος καὶ ἐξενίστην· ἔκλαυσαν τὸν βασιλέα πᾶσα ἄνθρωπος καὶ ὑπῆγεν εἰς τὴν μητέρα του τὴν γῆν ἔνθα ἐπλάστη.

Περὶ ὅταν ἐσύναξεν ὁ Ἀλέξανδρος ὁ βασιλέας τὸ φουσάτον του.

Ὁ Ἀλέξανδρος ὁ υἱὸς τοῦ Φιλίππου αὐτοκράτωρ ἐπωνομάσθη. ὥρισεν καὶ ἔγραψαν πιτάκια καὶ ἀπέστειλεν εἰς τὰ κάστρη ὅλα, ὅλοι νὰ συναχθοῦν εἰς τοὺς Φιλίππους, τοὺς Μακεδόνους καὶ τοὺς Πελαγονίτας καὶ τους Ἐλαδομίους μικρούς τε καὶ μεγάλους· ὁ Ἀλέξανδρος εἶπεν· ὦ ἀνδρειωμένοι μου ἀδελφοί, ὦ συντροφοί μου ἐδικοί μου καὶ ἠγαπημένοι μου ἀδελφοί, παρ' ὅλους Μακεδόνας μεγιστάνους

ἐγὼ βασιλεὺς ἐδικός σας εἶμαι, νὰ τὸ ἠξεύρετε· ὁ πατέρας ὁ 'δικός μου ὁ Φίλιππος ἀπόθανεν καὶ εἰς τὰς ζῶντας του (sic) μὲ ἔστεψεν βασιλέα καὶ ἐπαρέδωκεν τὸ βασίλειόν του εἰς τὰς χεῖρας μου· τώρα τί λέγετε ἄρχοντες;

Περὶ ὅταν ἐλάλησεν ὁ Φιλόνης.

Ἀρχὴ ἐσηκώθη ὁ πανφρόνιμος ὁ Φιλονης καὶ εἶπεν· ὦ Ἀλέξανδρε βασιλέα, πᾶσα ἄνθρωπος πρέπει νέους τοῦ ταξειδίου εἰς τὸν βασιλέα κοντά του νὰ ἦναι καὶ οἱ γέροντες εἰς τὴν βουλὴν τοῦ βασιλέως· ὁ Ἀλέξανδρος εἶπεν· οἱ γέροντες πολλὰ εἶναι τιμημένοι, ἀμὴ εἶναι ὀλιγόχρονοι. αὐτοῦ ἔστεκεν ὁ πρωτοστράτουρας ὁ Λευκούσης καὶ εἶπεν· Ἀλέξανδρε βασιλέα, τοῦ Σολωμοῦ τοῦ φρονιμωτάτου εἶπεν ἡ γραφή, ὅτι τὸ βασίλειον μὲ πολλοὺς ἀνθρώπους καὶ στρατία θέλει νὰ ἔναι· ὁ βασιλεὺς ὁποῦ οὐδὲν ἔχει [30 v.] βουλατόρους[1]) ἀξίους, πρέπει νὰ διδαχθῇ καὶ θέλεις καὶ ἐσὺ νὰ συμβουλευθῇς μετὰ τὸν κόσμον ὅλον καὶ αὐτοῦ στέκει. ὁ Ἀντίοχος ὁ μέγας πρωτοστράτορας εἶπεν· Ἀλέξανδρε, τοὺς γέροντες πρέπει παρὰ διαβασμοὺς μὲ τὸν βασιλέα νὰ στέκωνται καὶ νὰ μηδὲν λείπουν ἀπὸ τὸν βασιλέα, τὸ δὲ οἱ νέοι νὰ στρατεύουν εἰς τὸ ταξεῖδι ὅτι ἔχουν θάρρος εἰς τὴν νεότητάν τους καὶ ὅταν γεράσουν νὰ ἦναι ἀναπαμένοι. Αὐτοῦ στέκεται ὁ Ἀντιγὼν καὶ εἶπεν· ὦ Ἀλέξανδρε βασιλέα, πρέπει ἐμεῖς τοὺς βασιλεῖς τοὺς γειτόνους μας νὰ τοὺς κυνηγήσωμεν καταπάνου τους, ἔξαφνα, νὰ πιάσουν τὴν ἀνάγκην τὴν ἐδικήν τους καὶ νὰ ἀλησμονήσουν τὴν ἐδικήν μας, νὰ μὴν ποιήσουν δολον πρὸς ἐμᾶς. ἐτοῦται ἡ τέσσαρες βουλαὶς ἐγίνησαν τοῦ Ἀλεξάνδρου· ὁ ἠγαπημένος καὶ τὸ κοπέλι του ὁ Πτολομαῖος εἶπεν· κάλλιον ἔναι ἐμᾶς, βασιλέα Ἀλέξανδρε, τὸ φουσάτο ν'[2]) ἀλλάξωμεν εἰς ἅρματα λαμπρὰ καὶ εἰς τὰ σκουτάρια τους νὰ γράψουν σημάδι ἐδικόν σου, νὰ ἠξεύρῃς, τίνος ἔναι ἡ στρατία, νὰ ἠγνωρίζωνται, ποίου βασιλέως εἶναι καὶ νὰ μηδὲν καυχηθοῦν οἱ γειτόνοι μας, ὅτι ἐμεῖς ἀποθάναμεν μὲ τὸν βασιλέαν μας τὸν Φίλιππον. τούτη ἡ βουλὴ ἄρεσε τὸν Ἀλέξανδρον καὶ ὥρισεν εἰς τὸ βασίλειόν του ὅλον, διὰ νὰ ἔλθουν οἱ χαλκιάδες εἰς τους Φιλίππους καὶ

[1]) вѣроятно, συμβουλατόρους по ср. съ συμβουλευθῇς.

[2]) ркп. τὸ φουσάτον ἀλάξωμεν.

ὥρισεν σουσάνια καὶ μπαρμπούταις νὰ ποιήσουν· εἰς τὰ σκουτάρια ὥρισεν νὰ γράψουν κεφάλιν τοῦ λέοντος καὶ εἰς ταὶς μπαρμπούταις νὰ κάμουν τοῦ βασιλίσκου τὰ κερατόπουλα μὲ τῆς ἀσπίδας ταὶς ἐλάταις σμικτὰ νὰ ἦναι· καὶ ὥρισεν τοὺς μαστόρους τὴν καθὴν ἡμέραν νὰ ἀρματωθοῦν[1]) υ" ἀνθρώπους χωρὶς τοὺς χρυσοπτερνιστηράτους τῶν πρωτοκαβαλαραίων, ὥρισεν νὰ τοὺς κάμνουν ἀρματωσία τῶν ἀλόγων ἀπὸ τὸν κορκόνδειλον καὶ αὐτουνῶν σουσάνια λαμπρὰ περιχρυσωμένα· καὶ ἑτοιμάζεται νὰ κινήσῃ ὁ Ἀλέξανδρος εἰς τὸ ταξεῖδι.

Περὶ ὅταν ἔστειλεν ὁ Δάρειος ἐπιστολὴ εἰς τὸν Ἀλέξανδρον.

Ὁ Δάρειος ὁ βασιλεὺς τῆς Περσίας ἤκουσεν ὅτι ἀπόθανεν ὁ βασιλεὺς ὁ Φίλιππος. ἀπόστειλεν εἰς τὴν Μακεδονίαν ἀποκρισιαραίους μὲ τὴν ἐπιστολήν, καὶ λέγει· ὁ Δάρειος ὁ βασιλεύς, ἴσος μὲ τοὺς ἐπιγείους θεούς, εἰς ὅλην τὴν οἰκουμένην βασιλεύς, ὁποῦ λάμπω ὥσπερ ἥλιος, τῶν αὐθεντάδων βασιλεὺς εἰς τοὺς εὑρισκομένους τῆς Μακεδονίας γράφω· ἤκουσεν ἡ βασιλεία μου ὅτι ὁ βασιλεὺς ὁ Φίλιππος ἀπόθανεν, καὶ παιδὶ μικρὸν ἄφηκεν εἰς ἐσᾶς νὰ βασιλεύῃ. καὶ ἐγὼ διὰ τὸν θάνατον τοῦ Φιλίππου ἐπικράθηκα πολλά, καὶ διὰ τὸ παιδί του ὁποῦ οὐδὲν ἔναι ἄξιον νὰ βασιλεύῃ· διὰ τοῦτο ἐγὼ ἐλεημονήθηκα καὶ ὥρισα νὰ ἔλθῃ εἰς τὴν βασιλείαν μου, νὰ τὸ ἰδοῦμεν τὸ τί νοῦν ἔχει· καὶ πάλιν νὰ τὸ προβοδήσω ὀπίσω εἰς τοῦ πατρός του τὸ βασίλειον· καὶ τόμου ἰδῆτε τὴν γραφήν μου, ἄλλην ἐγλήγορα νὰ μοῦ στείλετε. καὶ τὸν Καταρκούσῃ ἔστειλα εἰς ἐσᾶς ἐνεμπιστεμένον, καὶ νὰ σᾶς ὁρίζῃ τὸν τόπον τὸν ἐδικόν σας ὅλον καλά· καὶ τὸ φουσάτον σας ὅταν ἔλθῃ ὁ καιρὸς τοῦ ταξειδίου νὰ στείλετε καλὸν στρατόν· καὶ τὸ λιζάτον νὰ μου τὸ στείλετε, καὶ τὸ παιδὶν τοῦ Φιλίππου. ἀκόμη εἶναι καὶ ἀλλουνῶν βασιλέων παιδία εἰς ἐμένα ἕως μ', ὁποῦ δουλεύουν· και ἂν τὸ[2]) ἰδῶ ὅτι ἔναι ἄξιον διὰ βασίλειον, ὀλίγον καιρὸν τὸ θέλω κρατήσῃ και πάλιν τὸ θέλω στείλῃ εἰς ἐσᾶς βασιλέα. εἰ δὲ μή, θέλω στείλει ἄλλον εἰς ἐσᾶς βασιλέα.

---

[1]) Чит. ἀρματώσουν.

[2]) въ рукоп. αὐτόν.

Περὶ ὅταν ἤφεραν τὴν ἐπιστολὴν τοῦ Δαρείου εἰς τὸν Ἀλέξανδρον.

Ὁ Καταρκούσης ἦλθεν εἰς [31 r.] τὴν Μακεδονίαν καὶ ἤφερεν τὸ χρυσόβουλλον χαρτὶ εἰς τὸν Ἀλέξανδρον· καὶ οἱ ἄρχοντες τῶν Μακεδόνων ἤφεράν το εἰς τὸν Ἀλέξανδρον· καὶ ἔπειτα τὸ ἠπῆγαν [1]) οἱ ἄρχοντες εἰς τὸν βοηθόντα τὸν Πτολομαῖον.

Περὶ ὅταν ἦλθεν ἀποκρισιάρης τοῦ Δαρίου.

Ὁ Ἀντίοχος ὁ προτοστράτουρας ἐσυναπάντησέν τον μὲ τὴν μπαρμποῦταν τοῦ Ἀλεξάνδρου· εἰς τὸ κοντάρι τὴν ἔβαλεν καὶ φέρνει την ἔμπροσθέν του καὶ εἶπεν του· προσκύνησε τὸ κοντάρι τοῦ Ἀλεξάνδρου· ὁ Καταρκούσης εἶπεν· ἐὰν ἐγὼ προσκυνήσω τὸ κοντάρι τοῦ Ἀλεξάνδρου, ἐσεῖς ἀποκάτου τὸ χέρι τοῦ Ἀλεξάνδρου εἶσθεν. οὐδὲ ἐγὼ θέλω τολμήσει νὰ ἰδῶ τὰ μάτια τοῦ Δαρείου. ὁ Ἀντίοχος εἶπεν· ἐὰν οὐδὲν προσκυνήσῃς τὸ κοντάρι τοῦ Ἀλεξάνδρου, ἐσὺ τώρα χάνεις τὴν ζωήν σου· καὶ ὡς ἤκουσεν τοὺς λόγους, ἐπροσκύνησεν τὸ κοντάρι τοῦ Ἀλεξάνδρου· καὶ ἦλθεν καὶ εἶδε τον εἰ[ς] σελλὶν ὑψηλὸν τὸν Ἀλέξανδρον, ὅλον μὲ τὸ χρυσάφιν καὶ μὲ λιθαρόπουλα· καὶ ἐπροσκύνησέν τον ὁ ἀποκρισάρης καὶ ἔδωκέν του τὸ πιττάκιν και αὐτοῦ ἤστεκεν καὶ ἐθαύμαζεν τὴν ἐμορφάδα τοῦ Ἀλεξάνδρου· και εἶχεν εἰς τὸ κεφάλιν του στέμμαν ἀπὸ λιθαρόπουλον ζαφεῖραν μὲ ῥεβιθάτον μαργαριτάρι [καὶ μὲ] τῆς μυρσύνης τὰ φύλλα πλεμένον· και ἀπὸ τὴν δεξιάν του μερίαν ἔστεκαν πάμπολλοι πρωτοκαβαλεραῖοι ὅλοι μὲ τὰ στεφάνια τὰ χρυσὰ εἰς τὰ κεφάλια· ὁ Ἀλέξανδρος ὡς ἤκουσεν τὴν ἐπιστολὴν τοῦ Δαρείου ἐθυμώθην πολλὰ καὶ μὲ ὀργὴν μεγάλην (εἶπεν) ἠπῆρε το πιττάκι καὶ ἔκοψέ το. καὶ εἶπεν πρὸς αὐτὸν μὲ θυμὸν μέγαν· οὐδὲν ἔπρεπεν τὸν Δάρειον τὸν βασιλέα, βλέποντας [μὲ] τὸ κεφάλι, να βουλε[ύε]ται μὲ τὰ ποδάρια· οὐδὲν εἴμεθεν ἀπὸ κεφάλιν, ὡσὰν φαντάζεται ὁ Δάρειος. καὶ αὐτὴν τὴν ὥραν ὥρισεν καὶ ἔγραψαν ἄλλον χαρτιν καὶ ἔστειλεν εἰς τὸν Δάρειον.

---

[1]) въ рукоп. ἠπῆραν.

Περὶ ὅταν ἔστειλεν ἐπιστολήν.

Ἀλέξανδρος, ὁ χρυσοπτερνιστηράτος καὶ πρωτοκαβαλάρης, ὁ βασιλεὺς τῶν Μακεδόνων, ὁ υἱός τοῦ Φιλίππου καὶ τῆς Ὀλυμπιάδος τῆς βασίλισσας· τὸ πιττάκι τὸ ἐδικό σου ἀναγνώσαμεν καὶ οἱ ἄνθρωποι οἱ ἐδικοί μας σὲ εὐχαρίστησαν ὅτι τοὺς ἐλεημονάσαι καὶ ἔστειλες καὶ διὰ τ' ἐμένα νὰ ἔλθω νὰ σὲ δουλεύω· καὶ νήπιον ὁποῦ νὰ θηλάζη τὴν μητέρα του οὐδὲν ἔναι ἄξιον διὰ νὰ δουλεύη τὴν βασιλείαν· ὥσπερ το ἴπωρον τὸ ἄγουρον μουδιάζον τοῦ ἀνθρώπου τὰ δόντια, ἀμὴ καρτέρεσέ με ὀλίγους χρόνους, νὰ ἐξεβῶ μὲ τὸ βασίλειόν μου νὰ ἔλθω πρὸς τὴν βασιλείαν σου. καὶ ἀπέστειλεν τὸν Καταρκούστη ὀπίσω εἰς τὸν Δάρειον. εἶπεν του· ἐσὺ τὸν ἀπέστειλες ἐδῶ νὰ βασιλεύη, καὶ πλέον μὴ δοκιμάσης νὰ τὸν στείλης. ὅτι οὐδὲν τὸν θέλεις ἰδεῖ πλέον. ὅτι οὐδὲν εἴμεθεν ἀκέφαλοι ὡσὰν σοῦ φαίνεται. καὶ ἐδώρησέ τον ἄρματα καλὰ καὶ μπαρμποῦτα μὲ τὸ σημάδι τοῦ Ἀλεξάνδρου. καὶ εἶπεν του· ὅταν θέλουν μαζωχθῆ τῆς Μακεδονίας τὰ φουσάτα μὲ τῆς Περσίας τὰ φουσάτα, αὐτὰ τὰ ἄρματα νὰ βαστᾶς, νὰ σὲ γνωρίσουν νὰ μηδὲν σὲ σκοτώσουν· καὶ ὑπῆγεν ὀπίσω ὁ ἀποκρισιάρης εἰς τὸν Δάρειον καὶ ἔδωκέν του τὴν ἐπιστολὴν τοῦ Ἀλεξάνδρου. καὶ ὥρισεν καὶ ἀνάγνωσάν την καὶ ἐγέλασεν πολλά. ὁ Καταρκούσης εἶπεν τοῦ Δαρείου· οὐδὲν πρέπει τέτοιαν ἐπιστολὴν νὰ γελᾶς. ἀμὴ ἐγὼ τὸν εἶδα χρόνον ὀλίγον καὶ πολλαὶς ἐμορφάδες γεροντικαὶς τοῦ εἶδα. τὸ δόντι ὁποῦ πονεῖ τὸν ἄνθρωπον, ἐγλήγορα θέλει νὰ τὸ ἐξεβγάλη νὰ μηδὲν κακοπαθῆ ἐκ [31 v.] τὸν πόνον του. τὸ κυπαρίσσι ὅπου ἔναι μικρὸν θέλει νὰ ἐξωριζωθῆ νὰ μηδὲν δυναμώση πολλά, καὶ τότε μονον πειράζεται ὁποῦ τὸ ἐβγάλη· καὶ οὐδὲν ἐπίστευσεν τους λογους τοῦ Καταρκούστη.

Περὶ ὅταν ἔστειλεν ἐπιστολή.

Ὁ Δάρειος ἀπέστειλεν ἕναν του ἠγαπημένον τὸν Κλητευούστη εἰς τὸν Ἀλέξανδρον μὲ ἐπιστολὴ και νὰ ἰδῆ καὶ τὴν φρόνεσίν του καὶ τὸ τί νοῦν ἔχει. ἔστειλέν του γουργουρίτζα ξύλινη καὶ βίτζανα, τὴν κρούη νὰ γυρίζη, παιδιακὸν παιγνίδιν, καὶ σεντούκια εὔκαιρα δύο καὶ συναπόσπορον δύο σακκία γεμάτα. καὶ ἡ ἐπιστολὴ ἔγραφεν οὕτως·

ὁ Δάρειος ὁ βασιλεὺς τῶν βασιλέων ὁλουνῶν καὶ τῆς Περσίας θεὸς εἰς τὸ παιδί μου τὸν Ἀλέξανδρον χαιρετῶ σας. μηδὲν σοῦ φαίνεται οὕτως εἰς ἐμένα καὶ σοῦ ἐκακοφάνη εἰς τὴν ἐπιστολήν μου τὴν πρώτην, τὸ πῶς ἔγραφεν οὕτως. νὰ ἠγνωρήσης, ὅτι αὐτοῦ σου στέλνω παιδιακὸν παιγνίδι νὰ παίζης καὶ δύο σεντούκια εὔκαιρα καὶ δύο σακκία συναπόσπορον· τὰ β' σεντούκια τὰ εὔκαιρα, νὰ τὰ γεμίσης τριῶν χρονῶν λιζάτον. καὶ τὰ σακκία τὸν συναπόσπορον, ἂν ἠμπορεῖς νὰ τὰ μετρήσης, νὰ τὸ ἠξεύρης, τόσον φουσάτον ἔχω ἀρίθμητον· καὶ τὸν λιζάτον ἐγλήγορα νὰ μοῦ τὸ στείλης καὶ τὸ φουσάτο νὰ ἔλθη νὰ δουλεύη ὡσὰν ἐδούλευεν καὶ ὁ πατέρας σου ἐμένα· εἰ δὲ μή, δεμένον σὲ θέλω φέρει ὀμπρός μου καὶ συμπάθειον οὐδὲν θέλεις ἔχει ἀπὸ ἐμένα. αὐτὴν τὴν ἐπιστολὴν ἤφερεν ὁ Κλητευούσης εἰς τὸν Ἀλέξανδρον καὶ ἔδωκέ του τὴν ἐπιστολὴν καὶ τὰ σεντούκια καὶ τὰ σακκία τὸν συναπόσπορον καὶ τὴν ξυλίνην γουργουρίτζα ἔβαλεν ὀμπρός του. καὶ εἶδεν τὸ παλάτιν ἐγκοσμισμένο καὶ θαυμαστὸν καὶ ἐπάρθην ὁ νοῦς του· ὁ Ἀλέξανδρος ἀνάγνωσεν τὴν ἐπιστολὴν καὶ ἔσεισεν τὸ κεφάλιν του καὶ εἶπεν του· ὦ παραθαρσιάρη[1]) καὶ ὑψηλότατε Δάρειε· ὡσὰν θεὸς γίνεσαι, καὶ ὡς ἄνθρωπος ἄτυχος θέλεις πέσει κάτω· ὡς τὸν οὐρανὸν ὑψώθης, καὶ ὡς τὸν ἅδην θέλεις πέσει κάτω. τὸν συναπόσπορον ἔφθυσέν τον καὶ τὰ σεντούκια ἐτζάκισέ τα καὶ ὥρισεν καὶ ἔγραψεν ἐπιστολὴν εἰς τὸν Δάρειον.

Περὶ ὅταν ἔστειλεν ὁ Ἀλέξανδρος ἐπιστολὴ εἰς τὸν Δάρειον καὶ ἔγραφεν οὕτως.

Ὁ Ἀλέξανδρος ὁ βασιλεὺς τοῦ Δαρείου τοῦ βασιλέως στέλλω· ἐσὺ ἐμένα παιδιακὸν παιγνίδιν με ἔστειλες ὁποῦ παίζουν τὰ παιδία· καὶ ἐσὺ αὐτοκράτορα τοῦ κόσμου ὁλουνοῦ ἔκαμες τέτοια σημάδια εἰς σ'ἐμένα·[2]) ὡσὰν τὸ γύρισμα τοῦ ξύλου ὁποῦ γυρίζει ἔμπροσθέν μου, οὕτως θέλω γυρίζει τὸν κόσμον ὅλον ἔμπροσθέν σου, καὶ εἰς σ'ἐσένα[3]) θέλω ἔλθη· καὶ τὸν συναπόσπορον ἐμάσησα καὶ ἔφθυσά τον, οὕτως καὶ τὸ φουσάτο σου μὲ τὸν θεὸν τοῦ οὐρανοῦ καὶ τῆς γῆς θέλω τὸ

---

[1]) ркп. παραφαρσιάρη.
[2]) ркп. εἰςσεμένα.
[3]) ркп. εἰς σεσέ να.

τζακίσει· καὶ τὰ σεντούκια ὁποῦ μας ἔστειλες ἐδέχθηκα μὲ τὰ καλὰ ὡς μέγα δῶρον· καὶ ὅπως[1]) ἐτζάκισά τα, οὕτως θέλω παραλάβει τὰ κάστρα σου ὅλα καὶ θέλω τὰ χαλάσει. καὶ λέγω σου· σώνει σου ἡ ἀνατολὴ νὰ ὁρίζῃς μὲ τὰ φουσάτα σου τὰ σκιαστάρικα· τὸ δὲ ἐκ τὴν δύσιν ἄπεχε ἀπὸ τὴν σήμερον· τὸν Κλητευούσην ἔστειλεν ὀπίσω εἰς τὸν ἀφέντη του τὸν Δάρειον καὶ ἐδώρησέ του δωρήματα καὶ ὑπῆγεν· ἔδωκέ του καὶ ἕνα μόδι πιπέριν καὶ εἶπεν του· ἐγὼ ἐμάσησα τὸν συναπόσπορον ὁποῦ μου ἔστειλες ἔμπροσθεν τοῦ ἀποκρισιάρη σου καὶ ἔφθυσά τον· καὶ ἴδες καὶ ἐσὺ τὸ σὲ στέλνω· ἡ δύναμις ἡ ἐδική μου ἔναι ὥσπερ τὸ πιπέριν εἰς τὴν ἀνδρείαν· πόσα συναπίου θέλουν σεβεῖ εἰς ἕνα σπυρὶ πιπέρι, οὕτως ἔναι τὰ φουσάτα μου ἀνδρειωμένα.

Περὶ ὅταν ἐλάλησεν ὁ Ἀλέξανδρος τοὺς Μακεδόνας.

Ὁ Ἀλέξανδρος ὥρισεν νὰ μαζωχθοῦν τὰ φουσάτα του ὅλα καὶ ἔγραψέν τα εἰς τὸν κάμπον τῶν Φιλίππων· καὶ ἐσυνάχθησαν καὶ ηὗρεν πεντακοσίαις χιλιάδες ἁρματωμένους· καὶ ἄφηκεν τριακοσίαις χιλιάδες ἁρματωμένους νὰ φυλάγουν τὸ κάστρον καὶ διακοσίαις χιλιάδες ἠπῆρεν μὲ τὸν [32 r.] ἐμαυτόν του· καὶ ἐκίνησεν[2]) εἰς τὸν βασιλέα Θεσσαλονίκης εἰς τὸν Ἀρχιδονούσην· καὶ ὡς ἤκουσεν ὅτι Ἀλέξανδρος ἔρχεται καταπάνου του ἐσκιάσθη· καὶ οὐδὲν ἠμπόρεσε νὰ τὸν ἀντισταθῇ εἰς πόλεμον· ἔστειλέ του ἀποκρισιαραίους μὲ χρυσάφιν πολὺ καὶ ἄλογα διαλεκτὰ ἕως ἑκατὸν καὶ ἁμάξιν χρυσὸν ἱστορισμένο καλὰ καὶ τὸν υἱόν του τὸν Πολυκρατούσην τὸν ἔστειλεν μὲ ἐπιστολὴ τοιάδε.

Περὶ ὅταν ἤκουσεν ὁ Ἀλέξανδρος διὰ τὴν ἐπιστολὴν τῆς Θεσσαλονίκης.

Ἀρχιδονούσης ὁ βασιλεὺς Θεσσαλονίκης εἰς τὸν Ἀλέξανδρον τὸν βασιλέα τῆς Μακεδονίας τὸν ἐνδοξώτατον· χαρὰν μεγάλην καὶ δῶρα καὶ συναπάντησιν. μὲ πολὺν ῥιζικὸν στέλνω τὴν αὐθεντία σου λιζάτον καὶ φουσάτον· καὶ ἐσένα ὁ θεὸς σοῦ ἐδώρησε νὰ ἦσαι αὐτοκράτορας

---

[1]) ркп. ὀπίω.

[2]) ркп. ἐκαύησεν.

τοῦ κόσμου ὁλουνοῦ· καὶ ἐγὼ σὲ προσκυνῶ μὲ τὸ βασίλειόν μου ὅλον καὶ εἶμαι ἀποκάτω τὸν ὁρισμόν σου, διότι ἐγὼ οὐδὲν ἠμπόρεσα νὰ σὲ ἀντισταθῶ· καὶ δια τὴν τιμήν σου ἀπέστειλα τὸν υἱόν μου τὸν Πολυκρατούσην, νὰ δουλεύῃ τὴν βασιλείαν σου μὲ πολυτίμητα δῶρα, ὅσα ηὑρίσκονται εἰς τὸ βασίλειόν μας. καὶ ἐμένα ἂν σὲ φανῇ, εἰς τὸ βασίλειον μου ἄφης με. καὶ εἴ τι ὁρίσῃς φουσάτο καὶ λιζάτο νὰ στέλνωμεν τὴν βασιλείαν σου· καὶ ποίησαι εἰς ἐμὰς ἐλεημοσύνη καὶ συμπάθειον καὶ ἄφες μας καλὰ ζάκονια, ἐὰν σου φανῇ, υἱὲ τοῦ Φιλίππου, ὅτι ἐστείλαμέν σου κανίσκιν ὀλίγον, δέξου τα εἰς πολὺν καὶ ἂν ὁρίσῃς νὰ ἔλθω ἐγὼ εἰς τὴν βασιλείαν σου, νὰ ἔλθω· ὁ Ἀλέξανδρος τὴν ἐπιστολὴν ἐδέχθη καὶ ὥρισεν καὶ ἀνάγνωσάν την καὶ ἐχάρη πολλά καὶ τὰ κανίσκια ἐδέχτη καὶ τὸν υἱόν του τὸν Πολυκρατούσην τὸν ἐφίλησεν ἐγκαρδιακὰ καὶ εἶπεν του· διὰ τὴν ἀγάπην τοῦ βασιλέως τοῦ πατρός σου νὰ ἦσαι ἀδελφός μου ἐγκαρδιακός. καὶ ὥρισεν καὶ ἔστειλεν ἐπιστολὴν πρὸς τὸν βασιλέα τῆς Θεσσαλονίκης.

Περὶ ὅταν ἐπερίλαβεν ὁ Ἀλέξανδρος τὴν Θεσσαλονίκην.

Ὁ Ἀλέξανδρος, τῶν Μακεδόνων βασιλεύς, εὐχαριστοῦμεν τὴν ἐπιστολήν σου ὅπερ [sic] μας ἔστειλες· οὐχὶ τόσα δῶρα ὁποῦ ἦλθαν μὲ τὸν υἱόν σου, ἀμὴ μὲ τὰ γλυκά σου λόγια καὶ μὲ τὴν 'πιδεξιοσύνη σου· καὶ κεφάλι ὁποῦ προσκυνᾶ σπαθὶ οὐδὲν ἠμπορεῖ νὰ τὸ κόψῃ· ἀμὴ ὁ υἱός σου ἔναι μετὰ 'μένα καὶ ἐσὺ κάθου εἰς τὸ βασίλειόν σου καὶ βασίλευε καὶ ἐμένα φουσάτο μοῦ δὸς εἰς βοήθειαν, δώδεκα χιλιάδες.

Περὶ ὅταν ἦπῆρε τὴν Ἀθήνα.

Ὁ Ἀλέξανδρος ἐσηκώθη ἀπὸ τὸ βασίλειον τῆς Σαλονίκης καὶ ἦπῆγεν εἰς τὴν Ἀθήνα· καὶ ἡ Ἀθήνα ἦτον κάστρον μέγα πολλά, μὲ πᾶσα πρᾶγμα ἦτον ἐγκοσμισμένο· τέτοιον οὐδὲν εὑρίσκετον· εἶχεν καὶ δώδεκα ῥήτορες ἀπέσω ὁποῦ τὸ ἐκρατοῦσαν· εἰς ὅλους τους Ἕλληνας ἦτον διδασκαλεῖον· καὶ ἡ φρόνησις τῶν Ἑλλήνων ἦτον ὅλο μὲ τὸ δίκαιον. καὶ ἤκουσαν ὅτι ἔρχεται ὁ Ἀλέξανδρος καταπάνου τους, ὥρισαν καὶ ἐποίησαν σύναξιν, καὶ ἐποίησαν βουλήν· ὅτι τὸν Ἀλέξανδρον νὰ μηδὲν τὸν δεκτοῦμεν εἰς τὸ κάστρο μας· ὁ Σοφονίας

ὁ φιλόσοφος εἶπεν· οὐδὲν πρέπει ἐμᾶς νὰ πολεμήσωμεν τὸν Ἀλέξανδρον· ὁ Ἀλέξανδρος ἀρχὴ ἐσκότωσεν τοὺς Κομάνους καὶ Ἀλαμάνους καὶ τὸν βασιλέα τῆς Πελαγονίας, καὶ ὁ ἕτερος ὁ βασιλεὺς τῆς Θεσσαλονίκης ἐπροσκύνησέν τον καὶ αὐτὸς μὲ δῶρα πολλά, καὶ ἐποίησέν του ζακόνια καλά, καὶ ἄφηκέν τον εἰς τὸ βασίλειόν του. ὁ Ἀντιστένος ὁ φιλόσοφος εἶπεν· ἀφ' οὗ ἐκτίσθην ἡ Ἀθήνα ἄλλος αὐθέντης οὐδέν την ἠπῆρεν· Διονύσιος ὁ βασιλεὺς τῆς Περσίας ἦλθεν καὶ ἀπέκλεισέ την, καὶ τίποτες οὐδέν της ἔκαμεν. ὁ Ἐξερξὲν ὁ ἕτερος βασιλεὺς τῆς Περσίας ἦλθεν καὶ ἀπέκλεισε τὴν Ἀθήνα μὲ τόσην δύναμιν καὶ φουσάτον πολλὸν καὶ ἐπολέμησέ την καὶ τίποτες οὐδέν της ἔκαμεν, ἀκόμη τζακισμένος ἠπῆγεν ἀπὸ ἐμᾶς καὶ εἰς ἕναν ποτάμιν τῆς Μακεδονίας ἐπνίγηκαν. καὶ οὐδὲν πρέπει ἐμᾶς μὲ τέτοιαν δύναμιν νὰ προσκυνήσωμεν τὸν υἱὸν τοῦ Φιλίππου. Διογένης ὁ ὑψηλότατος ἐξ ὅλους τοὺς φιλοσόφους [32 v.] εἶπεν· ἐγὼ ὀμπροτήτερα χρόνους τρεῖς ἠπῆγα εἰς τὸ νησὶν τῆς Ὀλυμπιάδος καὶ εἶδα τὸν Ἀλέξανδρον ὁποῦ ἦλθεν εἰς τὸ παιγνίδι τῶν Ἑλλήνων· καὶ ἔκρουεν κονταρίαις καὶ ἐγύρευεν τὸ ῥιζικόν του καὶ ἔρριξεν ἀτός του τεσσάρους πρωτοκαβαλαραίους αὐθεντόπουλα· καὶ ἐσήκωσαν οἱ αὐθεντάδες καὶ ἔκαμάν τον πρωτοκαβαλάρην χρυσοπτερνιστηράτον· καὶ Οὐράνιος ὁ φιλόσοφος τῆς Ὀλυμπιάδος εἶπεν πρὸς τὸν Ἀλέξανδρον τῶν ἀρχόντων· ὅτι ἐγὼ βλέπω μέγα σημεῖον εἰς τὸν υἱὸν τοῦ Φιλίππου, ὅτι ὑψηλότατος καὶ μέγας αὐθέντης θέλει γένη· καὶ θέλει νὰ τὸν ὁμιλήσωμεν λόγους εὐγενεῖς· καὶ ἦλθεν κοντὰ 'στὸν Ἀλέξανδρον καὶ εἶπεν τους· ὁ Ἀλέξανδρος ἐγὼ βλέπω ὅτι θέλει γένη φοβερὸς βασιλεὺς εἰς τοὺς βασιλεῖς ὅλους καὶ θέλει ἐπάρη τὴν οἰκουμένην ὅλην· καὶ τοῦτο μοῦ φαίνεται ἐμένα καλὸν καὶ συμβουλέυομαί σας, ἄρχοντες τῆς Ἀθήνας, τὸν Ἀλέξανδρον νὰ μηδὲν τὸν ἀντισταθοῦμεν εἰς πόλεμον, ὅτι ἔναι πολλὰ δόκιμος καὶ φρόνιμος καὶ ἀνδρειωμένος. ἐὰν ἔναι καὶ νέος, ἠπῆρεν μέγα ὄνομαν εἰς τὸν κόσμον· ἔχει καὶ φουσάτο πολλὰ ἀνδρειωμένο. καὶ κάλλιον μοῦ φαίνεται μετ' ἐσᾶς ὅλους νὰ ἐβγοῦμεν εἰς συναπάντησίν του νὰ τὸν προσκυνήσωμεν μὲ τιμὴν ἀκόμη καὶ μὲ δῶρα· ἔναι καὶ καλορίζικος αὐθέντης ὁ Ἀλέξανδρος ἀπὸ θεοῦ καὶ θέλει μας δεκτῆ καλὰ καὶ θέλει ἀφήκη καλὰ ζακόνια εἰς τὸν τόπον μας, καὶ ἀπ' αὐτοῦ θέλει ἠπαγαίνη εἰς τὴν Ρώμην.

τῶν Ἀθηναίων οἱ λόγοι δὲν τοὺς ἄρεσαν τῶν φιλοσόφων, ἀμὴ ὠνείδισάν τον καὶ ὕβρισάν τον ἄτιμα τὸν φιλόσοφον καὶ εἶπάν του· εἰς πᾶσα ἄνθρωπον φρόνιμον ἔναι καὶ λουλία πολλή. ὁ φιλόσοφος ἐλυπήθη τὸ πῶς τὸν ἀτίμωσαν μέσον τοῦ πλήθους τοῦ λαοῦ. καὶ ἐξέβην τὴν αὐτὴν ὥρα ἀπὸ τὸ κάστρον καὶ ἐδιέβην εἰς τὸν Ἀλέξανδρον καὶ ἔδειξέν τον τοὺς λόγους· καὶ ἐβουλεύτηκαν οἱ δύο.

Περὶ ὅταν ἔστειλεν ὁ Ἀλέξανδρος ἀποκρισιάρην εἰς τὴν Ἀθήνα.

Ὁ Ἀλέξανδρος ἐθυμώθη πολλὰ καὶ ὥρισεν καὶ ἁρματώθη τὸ φουσάτο του δυνατά. καὶ ἐποίησεν σύναξες καὶ ἐκίνησεν εἰς τὸν πόλεμον τὸ φουσάτον εἰς τὸ κάστρον τῆς Ἀθήνας καὶ ἐτέντωσεν κοντὰ εἰς τὴν Ἀθήνα· καὶ ὤρθωσεν ἕναν ἄρχοντα μέγαν εὐγενικὸν ἀπὸ τοὺς Κομάνους καὶ Ἀλαμάνους, ὀνόματι Ἀρφάδαξον, νὰ 'σεβῇ εἰς τὴν Ἀθήνα ἀποκρισιάρης· καὶ γλῶσσαν ῥωμαϊκὴν οὐδὲν ἤξευρε νὰ συντυχαίνῃ· καὶ ἐγύρευσαν οἱ Ἀθηναῖοι νὰ εὑροῦν δραγουμάνον νὰ συντυχαίνῃ καὶ μετὰ βίας ηὗραν ἕναν ἄνθρωπον καὶ ἤφεράν τον· καὶ εἶπεν τοῦ ἀποκρισιάρῃ· λέγε τοὺς λόγους σου τὸ τί ὥρισεν ὁ βασιλεὺς ὁ Ἀλέξανδρος· καὶ ὁ ἀποκρισιάρης ἀπεκρίθη· ὁρισμὸς ἔναι τοῦ Ἀλεξάνδρου τοῦ βασιλέως, ὅτι λιζάτο καὶ φουσάτο νὰ τοῦ δώσετε καὶ νὰ τὸν προσκυνήσετε καὶ νὰ ἔχετε εἰρήνην· εἰ δὲ τὸν ὁρισμόν του οὐδὲν ποιήσετε, ὁ τόπος ὁ ἐδικός[1]) σας θέλει πέσῃ κάτω· καὶ νὰ ἔχετε ἐσεῖς τὸ κρίμα. καὶ ὡς ἤκουσαν οἱ ἄρχοντες τῆς Ἀθήνας τόσους χοντροὺς λόγους, ἐσύντυχαν τοῦ ἀποκρισιάρῃ καὶ ἐγέλασαν πολλὰ καὶ ἀπόστειλάν τον ὀπίσω εἰς τὸν Ἀλέξανδρον· καὶ ἐπαράγγειλάν τον τοιούτους λόγους πρὸς τὸν Ἀλέξανδρον· ὅτι ἡ Ἀθήνα ἐσένα οὐδέν σε προσκυνᾶ νὰ γένῃς βασιλεὺς εἰς αὐτήν, ὅτι καὶ ἄλλοι βασιλεῖς καλλίτεροι ἦλθαν καταπάνου μας, καὶ οὐδὲν τοὺς ἐπροσκυνήσαμεν· ὅτι κάλλιον κάστρον καὶ δυναμώτερον φουσάτο οὐδὲν ηὑρίσκεται πούπετες· ἀμὴ ἐξέβα ἀπὸ τὸν τόπον μας καὶ βασίλευε τὴν Μακεδονίαν· εἰ δὲ δὲν θελήσῃς νὰ ἐξέβῃς μὲ τὴν τιμήν σου, θέλεις ἐξέβη ἀτίμητα. καὶ ἔκοψαν τὸ κεφάλι τοῦ δραγουμάνου ἔμπροσθεν τὸν ἀποκρισιάρην. καὶ ἦλθεν καὶ ὡμολόγησέν το τοῦ Ἀλεξάνδρου.

---

[1]) ркп. ἐδικόσας.

Περὶ ὅταν ἐδιάβηκεν ὁ Ἀλέξανδρος εἰς τὸ φουσάτο.

Ὁ Ἀλέξανδρος ὡς ἤκουσεν τοὺς λόγους τοῦ δραγουμάνου, ἐθυμώθη μεγάλως· ὥρισεν καὶ ἀρματώθη τὸ φουσάτο καὶ ἠπῆγεν εἰς τὸν πόλεμον· καὶ εἰς ταὶς τέσσαρες μεραὶς [33 r.] τοῦ κάστρου ἐδώκασιν τὸν πόλεμον· ἐποίησαν πόλεμον μέγαν. καὶ οἱ Κομάνοι τῆς Ἀλαμανίας ἐπολεμοῦσαν μὲ ταὶς σαγίταις, καὶ ἔπεφταν εἰς τὸ κάστρον ὥσπερ σύγνεφα ὁπόταν βρέχῃ· καὶ οὐκ ἠμποροῦσαν οἱ ἄνθρωποι τοῦ κάστρου ἔξωθεν νὰ ἐβλέπουν καὶ ἐβαρέθηκαν οἱ καστρινοὶ τὸν πολεμον καὶ ἄνοιξαν ταὶς πόρταις τοῦ κάστρου καὶ ἐξέβηκαν ἔξωθεν εἰς τὸν πόλεμον καὶ ἐσκότωσαν ἀπὸ τοὺς Κομάνους χιλιάδες δέκα καὶ ἀπὸ τοὺς Μακεδόνας ἀπὸ τὴν ἄλλην μερίαν πεντακοσίους ἀρματωμένους καὶ χίλιους πεντακοσίους στρατιώτας· καὶ ἐποίησαν καὶ τέχνην ἀπὸ τὸ κάστρον καὶ ἔρριξαν εἰς τὸ φουσάτο τοῦ Ἀλεξάνδρου ἰστία καὶ εἰς ὀλίγον ὅπου δὲν ἔκαιγαν τὸν Ἀλέξανδρον· καὶ τέτοιαν ἀνδραγαθίαν ἐποίησαν οἱ Ἀθηναῖοι τῷ καιρῷ ἐκείνῳ· καὶ ὅταν ἐκατέλαβεν ἡ νύξ, ὑπῆγεν ὁ Ἀλέξανδρος εἰς τὸ πέσιμόν του καὶ ὥρισεν καὶ ἦλθαν οἱ γέροντες καὶ οἱ ἄρχοντες καὶ ἐποίησαν βουλήν, τὸ τί νὰ κάμουν εἰς τοὺς Ἀγαρηνοὺς τοὺς πονηροὺς τοὺς Ἀθηναίους· ὅμως τὸν τόπον τους οὐδὲν ἐχαλάσαμεν, ἀμὴ ἤλθαμεν καὶ ἐπέσαμεν ἀποκάτου τὸ κάστρον τους καὶ ἀτιμώθημεν· τώρα γοῦν, ἄρχοντες, δότε με βουλὴν εἰς τοῦτο· ὁ φιλόσοφος ὁ Διογένης ἀπεκρίθη, ὁποῦ εἶχεν φύγῃ ἐκ τὴν Ἀθήνα καὶ ἦλθεν εἰς τὸν Ἀλέξανδρον· Ἀλέξανδρε βασιλέα, ἤξευρε ὅτι το κάστρον ἀπὸ σπαθὶ οὐδὲν πέρνεται, ὅτι ἔναι λαὸς πολὺς καὶ ἀνδρειωμένος τοῦ πολέμου ἕως δέκα χιλιάδες· ἀμὴ ποίησε τίποτες σκευή, μὴ νὰ τοὺς πλανέσῃς νὰ ἐξεβοῦν ἔξω ἀπὸ τὸ κάστρον εἰς πόλεμον, καὶ ἐμεῖς νὰ δώσωμεν εἰς τροπήν, καὶ αὐτοὶ μᾶς θέλουν διώξῃ, καὶ ἀφοῦ ἀπομακρύνουν ἀπὸ τὸ κάστρον, τότες εἰς τὰ καλὰ φαρία νὰ γυρίσωμεν ἀπάνω τους καὶ θέλομεν τοὺς σκοτώσῃ, καὶ τότε θέλομεν ἐπάρῃ τὸ κάστρον. καὶ ὡς ἤκουσεν ὁ Ἀλέξανδρος τοῦ φιλοσόφου τοὺς λόγους, τοὺς ἐπίασεν καὶ ἐποίησαν τέτοιαν τέχνη, ὥσπερ ὀκάποτες οἱ Ἕλληνες εἰς τὴν Τρωάδα· καὶ ἐσηκώθη ὁ Ἀλέξανδρος μὲ τὰ φουσάτα του καὶ ἔφυγεν ἀπὸ τὸ κάστρον, καὶ ἄφηκεν εἰς τὸ πέσιμόν του ἀγελάδια καὶ ταυρία παχεῖα ἀφ̈ καὶ πρόβατα διαλεκτὰ

ὃ καὶ ἔγραψεν ἐπιστολὴν καὶ ἄφηκεν ὅπου ἦτον ἡ τέντα του· καὶ ἔγραψεν οὕτως· ἐσεῖς, ἄνδρες τῆς Ἀθήνας, ἐγὼ τὴν δύναμιν τοῦ θεοῦ σας οὐδὲν τὴν ἤξευρα, καὶ ἦλθα ἀπάνου σας μὲ τόσην δύναμιν ὁποῦ εἴδετε καὶ ἐσεῖς· καὶ ἐθυμώθην ὁ θεός σας ὁ Ἀπόλλων καὶ ἔδωκέν σας τὴν δύναμιν καὶ ἐσκοτώσετε πολλοὺς ἀπὸ τὸ φουσάτο μου, ὅτι πολλὰ πονεῖ διὰ τ' ἐσᾶς. καὶ ἔδε [1]) ὁποῦ ἐξεβαίνω ἀπὸ τὸν τόπον σας καὶ ὑπηγαίνω, καὶ ἄφηκα εἰς τὸ πέσιμον μου ἀγελάδια, πρόβατα, καὶ ποιήσατε θυσίαν πρὸς τὸν θεόν σας, μὴ νὰ μὲ συμπαθήσῃ. καὶ ἐξέβην ὁ Ἀλέξανδρος ἀπὸ τὸ κάστρον μίλια ιβ. καὶ ἐκρυβήθηκεν εἰς ἕναν λόγκον· καὶ τὸ πρωὶ ἐξέβηκαν ἀπὸ τὸ κάστρο ἔξω καὶ ὑπῆγαν εἰς τὸ πέσιμον τοῦ Ἀλεξάνδρου καὶ ηὗραν τὴν ἐπιστολήν του γραμμένην. καὶ ἀνάγνωσάν την καὶ εἶπαν· ἀπὸ τὸν φόβον του ὁ υἱὸς τοῦ Φιλίππου ἔφυγεν. καὶ ἐξέβησαν μικροὶ μεγάλοι ἑκατὸν χιλιάδες καὶ ἀρχέρισαν νὰ τὸν διώχνουν κατόπισθεν· καὶ ὁκάποιοι ἄρχοντες πρωτοκαβαλαραῖοι Ἀθηνιόταις εἶπαν· στέκετε, μηδὲν διώχνετε τὸν Ἀλέξανδρον· ἐτούτην τὴν νύκτα βαρὺν ὄνειρον εἶδα, ὅτι τοῦ Ἀπόλλωνος ὁ ναὸς ἔπεσεν καὶ τοῦ κάστρου οἱ πύργοι ἐχάλασαν καὶ ἡ πόρταις ἡ μαρμαρένιαις τοῦ Δαρείου ἐχάλασαν. καὶ ὁ Ἀλέξανδρος ἐσέβην εἰς τὸ κάστρον καβελάρης, ἐπερπάτειεν ταῖς ρούγαις τοῦ κάστρου· καὶ εἶχεν ἐξεβῆ εἰς τὸ κάστρον μας σιτάρι οὔριμον καὶ ἄγουρον, καὶ οἱ στρατιώταις τοῦ Ἀλεξάνδρου τὸ ἐθέριζαν. ἐτοῦτο [33 v.] εἶπεν ὁκάποιος ὁ Πρόμαχος· καὶ οὐδὲν τὸν ἤκουσαν, ἀμὴ ὑπῆγαν διώχνοντας τὸν Ἀλέξανδρον· καὶ ὁ Ἀλέξανδρος τοὺς ἐκαρτέρεσεν εἰς τὸν λόγκον τῆς Μαστελείας καὶ ὤρθωσεν τὸ φουσάτο του ἀλάγια καὶ εἰς τὸν κάμπον τῆς Βηταλείας ἔσωσαν τὸν Ἀλέξανδρον· καὶ ἐκτύπησαν τὰ ὄργανα τοῦ Ἀλεξάνδρου μὲ ταῖς τρουμπέταις καὶ ἐξέβησαν τὰ φουσάτα ἐκ τοὺς λόγκους ὁποῦ ἦσαν κρυμμένοι. καὶ εἶδαν οἱ Ἀθηνιόταις τὸ φουσάτο τοῦ Ἀλεξάνδρου καὶ εἶπαν· τὸ τί μας ηὗρεν σήμερον, καὶ οὐδὲν θέλομεν ἐγλύσῃ. καὶ [μὲ] μέγαν φόβον ὑπῆγαν εἰς τὸν πόλεμον.

Περὶ ὅταν ἐπῆρεν ὁ Ἀλέξανδρος τὴν Ἀθήνα.

Ὦ μέγα θαῦμα καὶ παράδοξον ὁποῦ εἴδαμεν εἰς τὸ φουσάτο τῆς Ἀθήνας, καὶ πολλὴν θλίψιν καὶ κλαθμὸν ὁποῦ ἔγινεν· ἐκτύπησεν

[1]) ркп. ἔβι. Но на стр. 28, строкѣ 5 сверху: ἔδε; въ нар. ἰδού.

τὸ φουσάτο τοῦ Ἀλεξάνδρου τὸ φουσάτο τῆς Ἀθήνας καὶ ἐτζάκισάν τους καὶ ἔκοπτάν τους ὡσὰν καλλιεργάταις[1]) εἰς δασὺν χωράφιν· καὶ ἀλλουνοὺς ἐπατοῦσαν τὰ ἄλογα, ἀλλουνοὺς ἔσφαζαν· καὶ φεύγοντας ἐσμιγμένα τὰ δύο φου[σά]τα, ἐσέβην τὸ φουσάτο τοῦ Ἀλεξάνδρου εἰς τὸ κάστρον τῆς Ἀθήνας· ἔδε θλίψις καὶ κοπετὸς καὶ θρῆνος μέγας ὁποῦ ἐγείνη εἰς τὴν Ἀθήνα· ἡ γυναῖκες καὶ τὰ παιδία ἐξέβησαν νὰ συναπαντήσουν τοὺς ἄνδρες τους. καὶ ὁ σκοτωμὸς καὶ ἡ 'ματοχυσία ἀπὸ τοὺς ἄνδρες τῆς Ἀθήνας ἔτρεχεν ἐπὶ ταῖς ῥούγιαις, ὥσπερ ῥυάκια[2]) ὅταν βρέχει, καὶ ὁ θρῆνος καὶ ἡ φωναῖς τῶν γυναικῶν καὶ τῶν ἀνδρῶν ὑπήγαινεν ἕως τὸν οὐρανόν· ὁ Ἀλέξανδρος ἐκαβαλίκευσεν τὸ ἄλογό του τὸν Βουκέφαλον καὶ καβαλάρης ἐπὶ τὴν μέσην τοῦ κάστρου ἐπαρακάλειεν τὸ φουσάτο του νὰ σταματήσουν νὰ μηδὲν κόπτουν τοὺς ἀνθρώπους, καὶ οὐδὲν ἠμπόρειε νὰ τοὺς καταπραύνῃ· ἡ γυναῖκες καὶ τὰ παιδία ἵσταντο καὶ ἐθρηνοῦσαν ὀμπρὸς τὸν Ἀλέξανδρον καὶ ἐπαρακαλοῦσαν μὲ θρῆνον μέγαν μὴ νὰ τοὺς ἐλεημονηθῇ, νὰ παύσῃ ἡ θραῦσις τοῦ κοπετοῦ· καὶ ὁ Ἀλέξανδρος οὐδὲν ἠμπόρειεν νὰ τοὺς σταματήσῃ· ὥρισεν καὶ ἔβαλαν ἱστίαις, καὶ ἄψε τὸ κάστρον· ἡ γυναῖκες καὶ τὰ παιδία ἀνέβαινον ἀπὸ τοὺς πύργους μὴ νὰ ἐγλυτώσουν, καὶ ἄλλοι ἔδραμαν εἰς τὸν ναόν τους τὸν Ἀπόλλωνα διὰ νὰ ἐγλυτώσουν, καὶ ἀπὸ τὸν θυμὸν τῆς ἱστίας ἀπὸ τοὺς πύργους ἐγκρεμνίζονται· τότε καὶ ὁ ναὸς ὁ μέγας τοῦ Ἀπόλλωνος ὁ ὡραῖος ἐκεῖνος, ὅπου ἦσαν οἱ θεοὶ τῶν Ἑλλήνων, ἄψε καὶ ἐκάηκε μὲ ὅλους τοὺς θεούς· καὶ εἶπεν· ἐὰν ἦσαν ἀληθινοὶ οἱ θεοὶ τῶν Ἑλλήνων ἀπαντηθῆν ἤθελαν ἀπὸ τὴν ἱστίαν, ὅτι νὰ μηδὲν καγοῦν· καὶ ἐσύντυχεν καὶ εἶπεν μετὰ χαρᾶς καὶ μὲ θλίψῃ· σήμερον τῶν Μακεδόνων τὰ ἅρματα ἐκοκκίνισαν ἀπὸ τῶν Ἀθηναίων τὸ αἷμα, καὶ οὐδὲν ἔναι ἀπὸ ἐμένα τὸ πταίσιμον, ἀμὴ ἀπὸ τὴν ἀναγνωσίαν τους τὸ ἔπαθαν· καὶ αὐτοῦ ὁ Διογένης ὁ φιλόσοφος (καὶ) εἶπεν· ἐὰν οὐδὲν πάθῃ ὁ ἄνθρωπος, οὐδὲν ἠμπορεῖ νὰ μάθῃ, ἀμὴ καλὰ λέγει ὁ λόγος· τζάκισε τοῦ ἀνθρώπου τὸ κεφάλι, καὶ τότε νὰ πείθεται· ὅμως καλὰ λέγει ὁ Σολωμών· δίδου σοφοῦ ἀφορμὴ, καὶ σοφώτερος ἔσται· τότε ἡ Ἀθήνα ἐτρόμαξεν, τότε ἡ Θήβα ἐθρήνησεν, τότε τὰ νησία ὅλα ἤκουσαν, καὶ ἐτρόμαξαν, καὶ τὰ βασί-

[1]) ркп. καλλὴ ἐργάταις.

[2]) ркп. οὐράκια.

λεια τῆς Δύσης ἐθρήνησαν, τῆς Σικελίας καὶ τῆς Λακεδαιμονίας, καὶ ἔπεσαν εἰς φόβον μέγαν καὶ εἰς λογισμόν, τὸ τί νὰ ποιήσουν· ὁ Ἀλέξανδρος εἶπεν· τὸ κεφάλιν ἂν οὐδὲν τὸ τζακίσης, τὸν ὀμυαλὸν οὐδὲν ἠμπορεῖς νὰ τὸν φάγης· καὶ ἀπ᾽ αὐτοῦ ὤρθωσεν νὰ ἠπάγη πρὸς τῆς Ῥώμης τὸ βασίλειον· καὶ ἐμέτρησεν τὸ φουσάτο του, καὶ εὗρεν τετρακόσιαις [1]) [χιλιάδες] ἀρματωμένους καὶ ἐκίνησεν πρὸς τὴν Ῥώμην· τότε τὸν ἀπάντησαν ὅλοι οἱ βασιλεῖς καὶ οἱ ἀφέντες τῆς Γαρσίας καὶ τῆς Λακεδαιμονίας καὶ τῆς Σικελίας καὶ τοῦ Μωρέως (ὅλων) καὶ τῆς Πούλιας ὅλον τὸ ῥηγάτον καὶ οἱ Γοτθοι ὅλοι· καὶ ἦλθαν καὶ ἐσυναπάντησαν τὸν Ἀλέξανδρον μὲ δῶρον πολητίμητον· ἤφεράν του καὶ στέμματα βασιλικὰ μὲ πολιτίμητα λιθαρόπουλα καὶ φουσάτο καὶ λιζάτον τριῶν χρονῶν· καὶ ὅσοι ἦλθαν εἰς προσκύνησιν, καὶ ἔκαμέν τους ζακόνια καλὰ καὶ [τοὺς] ἀνάπαυσεν.

Περὶ ὅταν ἐπερίλαβεν ὁ [34 r.] Ἀλέξανδρος τὴν Ῥώμην.

Ὁ Ἀλέξανδρος ἐσηκώθη καὶ ἠπῆγεν καὶ ἕως τὴν Ῥώμην πλησίον. καὶ ἤκουσαν οἱ ἄρχοντες τῆς Ῥώμης τὸ πῶς ἔρχεται ὁ Ἀλέξανδρος καὶ ἐμαζώθησαν ὅλοι καὶ ἐποίησαν βουλήν, τὸ τί νὰ κάμουν. καὶ ἤκουσαν τὴν ἀνάλωσιν τῆς Ἀθήνας, καὶ ἔπεσαν εἰς λογισμὸν μέγαν, καὶ ἐποίησαν βουλήν, καὶ εἶπαν οἱ φιλόσοφοι, ὅτι τὸν Ἀλέξανδρον ἂς τὸν δεκτοῦμεν μὲ εἰρήνη καὶ ἀγάπη, νὰ ἔλθη εἰς τὸ κάστρον μας καὶ θέλει ποιήσει τὸ κάλλιον εἰς ἐμᾶς καὶ θέλει ἀφήκει καλὰ ζακόνια εἰς τὸν τόπον μας καὶ εἰς τὰ κάστρη μας· καὶ ἂς τὸν προσκυνήσωμεν μὲ δῶρα πολυτίμητα βασιλικά, κατὰ τὸ πρεπούμενον· καὶ ἐμαζώθηκαν, καὶ ἐδιάβησαν εἰς τὸν θεόν τους τὸν Ἀπόλλωνα, διὰ νὰ τὸν παρακαλέσουν νὰ τοὺς ὁμολογήσει τὴν ἀλήθειαν τὸ τί νὰ κάμουν καὶ τὸ τί νὰ ποιήσουν· καὶ ἐφάνη τους ὁ θεὸς ὁ Ἀμῶν κατ᾽ ὄναρ καὶ εἶπεν· νὰ ἠξεύρετε ἐσεῖς, ἄνδρες τῆς Ῥώμης, ἀπὸ τὸν Ἀλέξανδρον μηδὲν φοβάστεν, ὅτι αὐτὸς ἔναι υἱός μου ὁ Ἀλέξανδρος· καὶ κάμετε νὰ τὸν προσκυνήσετε καὶ νὰ τὸν δεχθῆτε μὲ μεγάλη τιμήν· ὁκάποτες εἶχα διαβῆ εἰς τὴν Μακεδονίαν καὶ ἐσμίχθηκα τὴν μάνα του, καὶ ἐγενήθη αὐτὸς ὁ Ἀλέξανδρος· καὶ νὰ τὸν δώσετε δῶρα

---

[1]) ркп. τετρακοσίους

πολητίμητα, καὶ θέλει κάμη καλὰ ζακόνια εἰς ἐσᾶς, καὶ εἰς ὅλους (πρὸς) ἐσὰς θέλει ποιήσει τὸ δίκαιον καὶ εἰς ὅλον τὸν τόπον σας. Ὁ Ἀλέξανδρος ἐζύγωσεν πλησίον τὸ κάστρο, καὶ ἐμαζώχθησαν οἱ ἄρχοντες ὅλοι καὶ ἐποίησαν σύναξιν νὰ δεκτοῦν τὸν Ἀλέξανδρον καὶ νὰ τὸν προσκυνήσουν ἔμορφα καλά. οἱ ἄρχοντες τῆς Ρώμης ὥρθωσαν τέσσαρες χιλιάδες ἀρχοντόπουλα μὲ χρυσὰ στεφάνια εἰς τὰ κεφάλια τους, ὅλα εἰς φαρία ἔμορφα, εἰς συνάντησι τοῦ Ἀλεξάνδρου, καὶ δύο χιλιάδες κορίτζια ἐκλεκτά, ὅλα μὲ στεφάνια χρυσὰ καὶ εἰς φαρία καλὰ καὶ τὰ ἄλογά τους σκεπασμένα μὲ ὁλόχρυσα[1]) σκεπάσματα ἔμορφα· καὶ ἄλλαις σαράντα χιλιάδες ἄνθρωποι ὅλοι με δάφνες εἰς τὰ χερία τους ἐβαστοῦσαν καβαλαραῖοι πλεμένα [sic] μὲ τὸ χρυσάφιν· καὶ τοῦ θεοῦ οἱ ἱερεῖς τῶν Ἑλλήνων μὲ δύο χιλιάδες γέροντες καὶ τόρτζαις ἀναμέναις ἐβαστοῦσαν εἰς τὰ χερία τους· καὶ ὅλοι ἐξῆλθαν εἰς συναπάντησιν τοῦ Ἀλεξάνδρου· ἔβγαλαν καὶ τὸ μέγα ἀπάνωφόρι τοῦ Σολωμῶντος, ὁποῦ εἶχεν πάρη ὁ βασιλεὺς ὁ Ναβουχοδονόσωρ ἐκ τὴν Ἱερουσαλήμ, καὶ δώδεκα σταγόνια πολυτίμητα λιθαρόπουλα, ὁποῦ τὰ εἶχεν βάλη ὁ Σολωμὼν εἰς τὴν ἁγίαν Σιὼν εἰς τὰ Ἅγια τῶν Ἁγίων, καὶ τὸ στέμα τοῦ Σολωμῶντος μὲ λιθάρια τρία, ὁποῦ ἔφεγγαν τὴν νύκταν, καὶ παρακάτου εἶχεν λιθαρόπουλα δώδεκα ὅπου ἦσαν οἱ μῆνες γραμένοι εἰς αὐτά, καὶ ἄλλα δώδεκα λιθαρόπουλα ἀπὸ ἀχαντήλη [sic] καὶ ἡ ἀντιγραφὴ εἰς τα λιθαρόπουλα· ἤφεραν καὶ τὸ στέμαν τῆς βασίλισσας τῆς Σοβιλίας ὅπου ἦτον τέτοιαν τέχνη ἁ [sic] ὀφθαλμὸς οὐκ εἶδεν· ἤφεράν του καὶ γριβὶν φαρὶν ἔμορφον μὲ τοῦ κορκονδείλου το σκέπασμα μὲ τα πολιτιμητα λιθαρόπουλα· ἤφεράν του καὶ τὰ ἅρματα τοῦ Πριάμου ὁποῦ ἦσαν βασιλικά, καὶ εἶχαν τα ἐπάρη εἰς τὴν Τρωάδα· ἠφέρασιν καὶ κοντάρια ἀλεφάντινα ἐγκοσμισμένα καὶ ἕτερα στέματα ἑπτά. ἤφεράν του σκουτάριν τοῦ Γαρκιανοῦ τοῦ βασιλέως ὁποῦ ἦτον τοῦ βασιλέως τῆς Ρώμης· μὲ τέτοιαν συναπάντησιν ἐπροσκυνησαν τὸν Ἀλέξανδρον· ὁ Ἀλέξανδρος ὡσὰν τους εἶδεν ἐχάρη χαρὰν μεγάλη καὶ ὥρισεν καὶ ὥρθωσεν τὰ ἐδικά του φουσάτα μὲ τιμὴν μεγάλην· τῆς Μακεδονίας τὸ φουσάτο σιμά του τὸ εἶχεν καὶ αὐτὸς καβελάρης εἰς τὸν Βουκέφαλον,

---

[1]) ркп. ὀξόχρυσα.

καὶ ἔβαλεν τὸ στέμα τῆς βασίλισσας τῆς Αἰγύπτου τῆς Κλεοπάτρας εἰς τὸ κεφάλιν του, ὁποῦ εἶχεν δώδεκα πολυτίμητα λιθαρόπουλα.

Περὶ ὅταν τοὺς ἐλάλησεν ὁ Ἀλέξανδρος τὰ φαρία τους νὰ τὰ σύρνουν.

Ὥρισεν τὰ ἄλογα καὶ τὰ [34 v.] φαρία συρτὰ ἔμπροσθέν του νὰ τὰ σύρνουν, ἀνακαράδες καὶ τρουμπέταις ὥρισεν νὰ λαλοῦν ἐκ ταὶς δύο μεραίς· καὶ ἐζύγωσαν οἱ πρωτοκαβαλαραῖοι τῆς Ῥώμης καὶ ἐπροσκύνησαν τὸν Ἀλέξανδρον· καὶ εἶπαν ὅλοι [μὲ] μίαν φωνή· πολλὰ τὰ ἔτη τοῦ βασιλέως τοῦ Ἀλεξάνδρου καὶ τοῦ υἱοῦ τοῦ Φιλίππου τοῦ βασιλέως καὶ τῆς Ὀλυμπιάδος τῆς βασίλισσας καὶ ὁλουνοῦ τοῦ κόσμου βασιλέας· καὶ ἦλθαν πάλιν τὰ κορίτζια καὶ ἐπροσκύνησαν· καὶ οὕτως τὸν ἐφούμισαν τὸν Ἀλέξανδρον· καὶ ἐδιέβησαν παράμερα· καὶ μετὰ ταῦτα ἦλθαν οἱ ἱερεῖς μετὰ λαμπάδων καὶ θυμιάματος, καὶ ἐπροσκύνησάν τον καὶ ἐθυμίασάν τον μὲ πολλὰ μυριστικὰ καὶ εἶπαν· πολλὰ τὰ ἔτη τοῦ βασιλέως τοῦ Ἀλεξάνδρου (καὶ) τῆς οἰκουμένης ὅλης· καὶ ἐσέβησαν ὁμοῦ εἰς τὸ κάστρον τῆς Ῥώμης· καὶ ὑπῆγαν εἰς τὸν μέγαν ναόν τους τοῦ θεοῦ τους τὸν Ἀπόλλωνα καὶ ἐπροσκύνησαν ὁμοῦ καὶ ὁ Ἀλέξανδρος· καὶ ἐδώρησέ του ὁ ἱερέας τῶν Ἑλλήνων τοῦ θεοῦ τοῦ Ἀπόλλωνος σμύρνον καὶ λίβανον, ὅτι αὐτὰ εἶναι δῶρα βασιλικά. καὶ ἔβγαλεν ἕνα χάρτιν γραμένον, καὶ ἔδωκέν το εἰς τὰς χεῖρας τοῦ Ἀλεξάνδρου· καὶ ἔγραφεν οὕτως· ἐπὶ ἔτους ε ἐξεβῆ θέλει τράγος μονοκέρατος καὶ θέλει διώξη τοὺς πάρδους τῆς δύσης ὅλης ὁποῦ μάχονται εἰς μὲ τὸν ἄλλον, ὁποῦ πολλα ὑφώνονται· καὶ πάλιν θέλειν γυρίσει πρὸς τὸν νότον καὶ θέλει πατάξη τοὺς λέοντας· ἔπειτα θέλει ὑπαγαίνη εἰς τὴν ἀνατολὴν καὶ θέλει εὕρη τὸν κριὸν τὸν θαυμαστόν, ὁποῦ ἔχει κέρατα μακρειά[1]), τὸ ἓν καθὲν κέρατον ἕως τὸν νότον ἀκουμπᾶ, καὶ τὸ ἕτερον κέρατον ἕως τὸν βορέαν· καὶ θέλει τὸν ἐκτυπήση ἀπέσω εἰς τὴν καρδίαν μὲ τὸ κέρατον καὶ θέλει τὸν σφάξη· καὶ ἀπ' αὐτοῦ θέλει τρομάξει ὁ λαὸς τῆς Φοινικίας καὶ τῆς ἀνατολῆς ὅλης οἱ βασιλεῖς καὶ ἡ γλῶσσαις ὅλαις, καὶ θέλει τζακίσει τὰ σπαθία τῆς Περσίας ὅλης καὶ θέλει ἔλθει εἰς τὴν Ῥώμην τὴν μεγάλη

[1]) ркп. μακρία.

καὶ θέλει ὀνομαστῇ ἄξιος βασιλέας τῆς οἰκουμένης ὅλης· καὶ ἔδωκεν ὁ Ἀλέξανδρος καὶ ἀνάγνωσαν τὸ βασιλογράφιν οἱ φιλόσοφοι καὶ εἶπαν τὴν διάλυσιν τοῦ χαρτίου· καὶ εἶπαν· Ἀλέξανδρε βασιλέα, εἰς τὴν ὅρασιν τοῦ προφήτου Δανιὴλ εἴδαμεν ὅτι τὰ βασίλεια τῆς δύσης ὀνομάζονται λέοντες, καὶ τὸν κρίον τὸν [δι]κέρατον οἱ βασιλεῖς τῆς ἀνατολῆς ὀνομάζονται καὶ τῶν Μηδῶν καὶ τῶν Φοινίκων, ὁ τράγος ὁ μονοκέρατος ὀνομάζεται τὸ βασίλειον τῶν Μακεδόνων· καὶ ὡσὰν μᾶς φαίνεται ἀκονισμένα σπαθία καὶ ἀνδρειωμένα ἦλθαν εἰς τὴν Ῥώμην· μὴ νὰ εἶσαι ἐσύ, ὦ Ἀλέξανδρε;

Περὶ ὅταν ἐπροφήτευσαν οἱ προφῆτες.

Καὶ ὡς ἤκουσεν ὁ Ἀλέξανδρος, ἐχάρη χαρὰν μεγάλην καὶ εἶπεν· ὡς ἔχει ὁ θεὸς τὸ θέλημα, οὕτως νὰ γένῃ, ὅτι οἱ δυνατοὶ ἔπεσαν κάτου, καὶ οἱ ἀδύνατοι ἐζώστηκαν δύναμιν, καὶ αὐτοῦ εἰς τὴν Ῥώμη χαίρεται τῆς Μακεδονίας τὰ φουσάτα μὲ τοὺς ἄρχοντες τῆς Ῥώμης ὁμοῦ· καὶ ἦλθαν τὰ βασίλεια ὅλα τῆς δύσης καὶ ἐπροσκύνησάν τον μὲ δῶρα πολλὰ καὶ ἐπαρακαλοῦσάν τον, νὰ τοὺς ἀφήκῃ καλὰ ζακόνια· ὁ Ἀλέξανδρος, ὡς ἤκουσεν τοὺς λόγους, ἐλεημονήθη τους καὶ ὥρισεν νὰ τὸν τελοῦν ιβ′ χρονῶν λιζάτον καὶ φουσάτο νὰ δίδουν· καὶ ὀκάποιον ἐδικόν του ἐνεμπιστευμένον ἀπὸ τὴν Μακεδονίαν ἐποίησεν αὐθέντην εἰς τὴν Ῥώμην καὶ ὥρισεν τοὺς βασιλεῖς τῆς δύσης νὰ τὸν ἀκούουν· χρυσάφιν καὶ φουσάτο ἠπῆρεν ὅσον ἠθέλησεν καὶ ἐγύρισεν πρὸς τὰ ἀνωτερικὰ[1]) μέρη, καὶ ἠπῆγεν καὶ στρατεύει, καὶ ἠπῆρεν καὶ βασίλεια πολλὰ εἰς τὸν κόσμον ἐκεῖνον καὶ δυνατά, ἐσκότωσεν, καὶ ἠπῆρεν καὶ κόσμον πολὺν [35 r.], ὥσθε κοντὰ εἰς τὸν Ἠκιανὸν ποταμὸν ἔφθασεν, ὁποῦ τρέχει ὁλόγυρα ὅλην τὴν γῆν.

Περὶ ὅταν ἐσέβηκεν ὁ Ἀλέξανδρος εἰς τοὺς ἐρήμους τόπους.

Ἐκεῖ ἐσέβην εἰς τους ἐρήμους τόπους καὶ εὗρε ζῶα θαυμαστά. τὸ πρόσωπόν τους εἶχαν ἀνθρώπινον καὶ ἦσαν δικέφαλοι, εἶχαν καὶ

---

[1]) ркп. ἀνωτερικά. — Народн. греч. кн., стр. 54: τοῦ νότου τὸ μέρος; изд. Новак. 35, пр. 3: m. юш'ке стране.

ποδάρια ὥσπερ τὸ φίδιν, καὶ ἐπολέμησεν μὲ τούτους, καὶ ἐνίκησέν τους. καὶ ἐκεῖνα τὰ ζῶα ἅρματα οὐκ εἶχαν καὶ ἐγλήγορα ἔπεσαν· καὶ ἀπ' αὐτοῦ ἐπῆγαν εἰς βουνὸν πετρωτόν, ὥσπερ σιδερένιον. καὶ ἐξέβησαν καταπάνου του τὸν Ἀλέξανδρον γυναῖκες καὶ ἐποίησαν πόλεμον μὲ τὸ φουσάτον καὶ ἐσκότωσαν αὐτὴν τὴν ὥραν ἐκ τὸ φουσάτο του στρατιῶτες ἑκατόν· ἡ γυναῖκες εἶχαν πτερὰ καὶ ἐλάταις καὶ εἶχαν ὀνύχια ὡσὰν δρεπάνια καὶ ἦσαν δυναταὶς πολλά. καὶ ἐπέτονταν ἄνωθεν τοῦ φουσάτου καὶ ἐτζουγγράνιζαν τὰ πρόσωπα τῶν ἀνθρώπων· καὶ εἶδεν ὁ Ἀλέξανδρος τὸ τί πολεμοῦν· ἦτον ὁ τόπος ἐκεῖνος ὅλο[ς] καλαμωτός· καὶ ὥρισεν καὶ ἅψαν τὸ χορτοκάλαμον. καὶ ἀπανωθέον τὴν φλόγα ἀπετόν της [1]). καὶ ἡ ἐλάταις τους ἐκαίονταν ἐκ τὴν φλόγα, καὶ ἔπιπτον εἰς τὴν γῆν. καὶ ἔσφαξέν ταις τὸ φουσάτο. καὶ ἐσκότωσαν πολλαὶς ἐξ αὐταὶς ἕως εἴκοσι χιλιάδες· καὶ ἦλθαν εἰς τὸν Ἠκιανὸν ποταμὸν καὶ ἀπ' αὐτοῦ ἐστράφησαν ὀπίσω εἰς τὸν κόσμον καὶ ἦλθαν εἰς τὸ κάστρον τῆς Ἐγκλιτέρας. καὶ ὥρισεν νὰ ἀναπαυτοῦν τὰ φουσάτα του· ἀτός του ὁ Ἀλέξανδρος ὥρισεν τριγύρου τοὺς αὐθεντάδες, νὰ ποιήσουν χοντρὰ ξύλα, κόκες καὶ κάτεργα χοντρὰ δώδεκα χιλιάδες, καὶ κάθε κάτεργο νὰ ἐπέρνη χιλίους ἀνθρώπους ἁρματομένους καὶ μὲ τὴν δίκισίν [2]) τους, καὶ ὥρισεν τὰ φουσάτα, νὰ ἠπαγένη τὸ καβαλλαρικὸν πρὸς τὴν Βαρβαρίαν ἐκ τὴν στερέαν, καὶ τὸν Φιλόνην καὶ τὸν Πτολομαῖον ἔμπροσθεν τοῦ φουσάτου· καὶ ἐτερμόνησέν τους (μετ' αὐτοὺς) νὰ ἀνταμωθοῦν μὲ τὸν Ἀλέξανδρον εἰς τὴν Αἴγυπτον· καὶ εἶπεν τους· ὁπόθεν διαβῆτε, κάστρη ἐπέρνετε καὶ νὰ σᾶς τελοῦν φουσάτον καὶ λιζάτον νὰ ἐπέρνετε.

Περὶ ὅταν ἔστειλεν ὁ Ἀλέξανδρος τοὺς βοηβοντάδες εἰς τους ἐρήμους τόπους.

Ἀτός του ὁ Ἀλέξανδρος ἐσέβην εἰς τὴν κόκα καὶ ἔρριξεν τα καράβια ὅλα εἰς τὴν θάλασσαν· καὶ ἀργέρισεν ἄνεμος δυνατὸς καὶ ὄρθωσαν πρὸς τὴν ἀνατολήν· καὶ εἰς τρεῖς χιλιάδες καράβια ἔβαλεν τὸν

[1]) Нар. греч. книга, p. 55: αὐταῖς ὡσὰν ἐπετοῦσαν ἄνωθεν τῆς φωτίας, ἐκαίονταν αἱ πτεροῦγές τους. M. б. ἀπετῶνταν.

[2]) Нар. гр. кн. l. c.: μὲ τὴν τροφήν τους. — Новак. сь всакою потрѣбою.

Ἀντίοχον, καὶ εἰς ἄλλας τρεῖς χιλιάδες καράβια ἔβαλεν τὸν Βυζάντιον, καὶ εἰς ἄλλας γ̄ καράβια ἔβαλεν τὸν Σελεύκιον, καὶ εἰς ἄλλας γ̄ καράβια ἦτον ὁ Ἀλέξανδρος· καὶ ἡμοίρασεν εἰς τέσσαρα μέρη διὰ τὴν θάλασσαν διὰ νὰ ὑπαγαίνουν· καὶ ἔπλευσαν εἰς τὴν θάλασσαν ἡμέραις λ΄ καὶ νύκταις λ΄. ὁ Ἀλέξανδρος ἔφθασεν εἰς τὴν Αἴγυπτον μὲ τὰ καράβια ὅλα, ὅπου ὁ χρυσοτρεχάμενος ποταμὸς τρέχει, καὶ αὐτοῦ ὥρισεν καὶ ἔκτισεν κάστρον, καὶ ἐπωνόμασέν του ὄνομα τοῦ κάστρου Ἀλεξανδρία· Σελεύκιος ὁ βοηβόντας μετὰ τῶν κατέργων αὐτοῦ ἦλθαν εἰς τὴν Κιλικίαν, καὶ ἔκτισεν καὶ αὐτὸς κάστρον καὶ ἐπωνόμασεν τὸ κάστρο ἐκεῖνον Σελευκία· ὁ Ἀντίοχος καὶ μέγας βοηβόντας τοῦ Ἀλεξάνδρου ἦλθεν μετὰ τῶν κατέργων αὐτοῦ εἰς τὸ στένωμα τῆς Μαύρης θαλάσσης, τῆς Θαρκίας[1]), καὶ ἔκτισεν καὶ αὐτὸς κάστρον καὶ ἐπωνόμασαν τὸ κάστρον ἐκεῖνον εἰς τὸ ὄνομά του Ἀντιόχεια· ὁ Βυζάντιος καὶ μέγας καπετάνος ἦλθεν εἰς τῆς Θαρσίας[2]) τὸ στένωμα, κατωθίων τοῦ Ἱέρκου, καὶ ἔπεσεν εἰς τῆς Μαύρης θαλάσσης τὸν λαιμόν, τῆς (Σ)κουτάρης κοντὰ καὶ ἔκτισεν καὶ αὐτὸς κάστρον καὶ ἐπονώμασέν το καὶ αὐτὸς εἰς τὸ ὄνομα τὸ ἐδικόν του Βυζάντια.

Περὶ ὅταν εἶχεν λογισμὸν μέγαν ὁ Ἀλέξανδρος διὰ τοὺς βοηβοντάδες.

Τῷ καιρῷ ἐκείνῳ ἦτον ὁ Ἀλέξανδρος πολλὰ πικραμένος διὰ τοὺς βοηβοντάδες, διὰ τὰ κάτεργά του τὸ πῶς ἄργησαν· καὶ εἶχεν λογισμὸν μέγαν τὸ τί τοὺς ὑπέπεσεν· καὶ ὅταν ἔφθασεν τὸ μεσημέριν, τὴν αὐτὴν ὥραν ἦλθεν ὁ Ἀντίοχος μὲ τὴν ἀρμάταν του ὅλη καὶ ἔδειξέν του τὸ [35 v.] πῶς ἔκτισεν κάστρον· τῇ αὐτῇ ὥρα ἦλθεν καὶ ὁ Σελεύκιος καὶ ὡμολόγησέν του ὅτι ἔκτισεν καὶ αὐτὸς κάστρον· τῇ αὐτῇ ὥρᾳ ἦλθεν καὶ ὁ καπετάνος ὁ Βυζάντιος μὲ τὴν ἀρμάταν του καὶ ὡμολόγησεν καὶ αὐτὸς ὅτι ἔκτισεν κάστρον εἰς ἔμνοστον τόπον τὴν Βυζάντια· καὶ ἀφόντις ἀνταμώθησαν ὅλοι ἐχάρησαν χαρὰν μεγάλην· καὶ εἰς τὴν σύνταξιν τοῦ τόπου ἐκείνου ἔκτισαν ἄλλον κάστρον καὶ ἐπωνόμασαν τὸ κάστρο ἐκεῖνο Μία Καρδία· καὶ εἰς τὸ κάστρον αὐτὸν ἐποίησαν μῆνες ἕξη ὥστε νὰ ἔλθη καὶ τὸ καβαλλαρικὸν τὸ

[1]) вмѣсто Θράκης.

[2]) вмѣсто Θράκης.

φουσάτον· τῷ καιρῷ ἐκείνῳ ἦλθαν μαντατοφόροι εἰς τὸν Ἀλέξανδρον ὅτι ἕως τὸ βραδὺ ἔρχεται ὁ Πτολομαῖος καὶ ἀνδρειωμένος ὁ Φιλόνης· καὶ ὅταν ἦλθεν ἡ ἑσπέρα, ἦλθεν ὁ Πτολομαῖος καὶ ὁ Φιλονης· καὶ ὅταν ἦλθαν, ἐφίλησαν τὸ χέρι τοῦ Ἀλεξάνδρου καὶ ἀρχέρισαν νὰ τοῦ δείχνουν τὰ παθήματά τους, τὸ τί τοὺς εὗρεν ἐπὶ τὸν κόσμον ὁποῦθεν ἐδιάβησαν, καὶ εἰς τί κόσμον ἐδιάβησαν καὶ εἰς τί τόπον ἐπολέμησαν μὲ τοὺς βασιλεῖς μὲ τὰ φουσάτα τους ἐπὶ τῆς Βαρβαρίας τὰ μέρη καὶ ἐπὶ τῆς Θεσπίας τὰ βασίλεια καὶ τὸ πῶς τοὺς ἐνίκησαν καὶ εἰς τὸν Ἀλέξανδρον τοὺς ἦφεραν. καὶ τομου τοὺς εἶδεν ὁ Ἀλέξανδρος. ὥρισεν καὶ ἔδωκέν τους ὅρκον φοβερὸν ἀόρατον· καὶ ἔμοσάν του καὶ ἐγίνηκαν ἐδικοί του ἐγκαρδιακοί, ὄντα τοὺς γυρεύσῃ, να ἔλθουν μὲ τὰ φουσάτα τους· καὶ ὥρισεν καὶ ἀπολυσέν τους, καὶ ἔδωκέν τους δῶρα πολλὰ καὶ φαρία σελοχαλινωμένα· καὶ ἠπῆγαν εἰς τὸν τόπον τους· καὶ ὥρισεν νὰ δίδουν δώδεκα χρονῶν λιζάτον καὶ ὁ κάθε εἷς ἐξ αὐτουνοὺς νὰ δίδῃ δέκα χιλιάδες φουσάτον ἁρματωμένο· καὶ ἀπ' αὐτοῦ ἐπῆγεν ὁ Ἀλέξανδρος πρὸς τὴν Ἀσίαν μὲ τὰ φουσάτα του καὶ αὐτοῦ ἔκτισεν κάστρον, καὶ ἐπωνόμασε τὸ κάστρον ἐκεῖνο Τρίπολι Πενταπολεον· καὶ ἦλθαν οἱ μεγιστάνοι τοῦ Ἀλεξάνδρου, νὰ ποιήσουν ἕτερον κάστρον, καὶ ὁ Ἀλέξανδρος ἐπλήσθη θυμὸν μέγαν καὶ εἶπεν· ὦ πολυανδρειωμένοι μου Μακεδωνίταις, οὐδὲν πρέπει ἐμᾶς ἀπὸ τὴν σήμερον ἡμέραν νὰ κτίσωμεν κάστρη καὶ τὸ ταξεῖδι μας νὰ τὸ ἀφήκωμεν. ὅτι εἰς τὰ κάστρη τίποτες δύναμιν οὐδὲν ἔναι οὔτε παντοχή, ἀμὴ ὁποῦ εἶναι φουσάτα πλήθεια καὶ δυνατά, αὐτοῦ ἔναι ὁ θάρρος καὶ ἡ δύναμις καὶ ἡ καρδία· ὅτι ἐμεῖς πολλὰ κάστρη δυνατὰ ἐπήραμεν μὲ τὸ σπαθὶ μας καὶ ἐχαλάσαμέν τα. καὶ ἐπὶ τὴν αὔριον ἐκίνησεν ὁ Ἀλέξανδρος καὶ ἠπῆγεν πρὸς τῆς Φραγγίας τὰ μέρη ἤγουν τῆς Τρωάδος· ἦλθεν εἰς τὸ κάστρο τὴν Τρωάδα καὶ ἐσέβην ὅπου τὸν κάποτε καιρὸν ἦλθαν οἱ Ἕλληνες καὶ τὴν εἶχαν πολεμίσει χρονους ιβ' καὶ τὴν εἶχαν ἐπάρη. καὶ ἐχάλασαν τὴν περιφούμιστον Τρωάδα διὰ μίας γυναικὸς τὴν ὡραιότητα [1]), τὸ ὄνομα αὐτῆς Ἑλένη· ἦτον γοῦν γυνὴ βασιλέως ἐκ τὸν Μωρέαν ἐκ τὸν τόπον τῆς Λακεδαιμονίας, τοῦ Μενελάου τοῦ βασιλέως· ὁ βα-

---

[1]) ркп. ὡραιοτάτην.

σιλεὺς ὁ Πρίαμος ἦτον βασιλεὺς τῆς Φαρυγκίας καὶ εἶχεν υἱὸν τὸν Ἀλέξανδρον τὸν Πάριν· καὶ ἠπῆγεν εἰς τὸν θεόν τους τὸν Ἀπόλλωνα εἰς τὴν Λακεδαιμονίαν νὰ προσκυνήσει· καὶ ὡς εἶδεν τὴν ὡραιοτάτην καὶ πάντερπνον Ἑλένη, ἔδραξέν την καὶ ἤφερέν την εἰς τὴν Τρωάδα, καὶ οὔτε τὸν βασιλέα τὸν Πρίαμον, οὔτε τοὺς Τρωαδίταις ἐφάνη καλὸν διὰ τὴν ἅρπαξιν τῆς Ἑλένης, καὶ ἀνευχάριστον ἐδέκτηκαν τὸν Πάριν· ὡς ἤκουσεν ὁ βασιλεὺς ὁ Μενέλαος τὴν ἅρπαξιν τῆς συμβίου αὐτοῦ, ἔμασεν τὸ φουσάτο του καὶ ἔστειλεν ἐπὶ τοὺς βασιλεῖς ὅλους τῶν Ἑλλήνων τῆς Κιλικίας καὶ τῆς Λαττωνίας καὶ τῆς Ἀταλίας· καὶ ἐσύναξαν οἱ βασιλεῖς ὅλοι τὰ φουσάτα τους καὶ ἦλθαν εἰς βοήθειάν του εἰς τὸν τόπον τῆς Φρυγγίας καὶ ἐκούρσευσεν καὶ ἐχάλασεν τὸν τόπον τῆς Τρωάδος· τῷ καιρῷ ἐκείνῳ οἱ πρωτοκαβαλαραῖοι τῆς Τρωάδος ἐσκοτώθησαν ἀπὸ τὸ χέρι τῶν Ἑλλήνων καὶ ἀπὸ τοὺς Ἕλληνας διὰ μίαν γυναῖκα μαγαρισμένη. ὁ προπάπους μας Ἀδὰμ διὰ γυναῖκα ἐξεβλήθη τῆς τρυφῆς τοῦ παραδείσου, ὁ Σαμψὼν ὁ θαυμαστὸς καὶ ἀνδρειωμένος διὰ γυναῖκα κακὴ ἐχάθη, ὁ Σολωμὼν ὁ θαυμαστὸς καὶ παν — [36 r.] φρόνιμος τῆς οἰκουμένης ὅλης διὰ γυναῖκα τὸν Ἀδάνην ἠκολούθησε τὸν βασιλέα καὶ ἐξέπεσεν· τῷ καιρῷ ἐκείνῳ εἰς τὴν περιφρούμιστον Τρωάδα οἱ ἀνδρειωμένοι ἔπεσαν διὰ μία γυναῖκα· καὶ τὸ ὕστερον ἐποίησαν σκευὴν δολερὰν καὶ ἠπῆραν τὸ κάστρον τὴν Τρωάδα, ὡς γράφει τὸ βιβλίον τοῦ Ὅμηρος·[1]) τῷ καιρῷ ἐκείνῳ ἦλθαν οἱ Τρωαδίταις καὶ ἐπροσκύνησαν τὸν Ἀλέξανδρον μὲ τιμὴν μεγάλην καὶ μὲ δῶρα πολλά· ἤφεράν του καὶ τοῦ υἱοῦ τοῦ Ἀχιλλέως τὸ σκουτάρι· ἦτον πετζομένο μὲ το πετζὶ τοῦ λέοντος καὶ ἦτον στορισμένον τὸ πρόσωπον του, ὥσπερ τὸ φέγγος εἰς τὸν οὐρανόν, οὕτως ἔλαμπεν, καὶ ὥσπερ τοῦ παγονίου τὰ πτερὰ ὁποῦ εἶναι χρυσὰ καὶ πράσινα καὶ κόκκινα, οὕτως ἔλαμπεν πάμπολλα θαυμαστόν· καὶ ὡς τὸ εἶδεν ὁ Ἀλέξανδρος ἐθαύμασεν· ἤφεραν καὶ τῆς Βρυσιάδος τὸ μαντέλο ὅλον μὲ χρυσομάργαρον πολλὰ τετιμημένο ὅπου ἐξέστη πᾶσα ἄνθρωπος ἀπὸ την ἐμορφάδα ὁποῦ εἶχεν· ὁποῦ ἀγάπα ὁ Τρώϊλος τοῦ Καλχὰ τῆς θυγατρος·[2]) καὶ ὁ Ἀχίλλευς ὁ θαυμαστὸς ἐσκοτώθη

[1]) ркп. ὅμοιρος.

[2]) ркп. θεγατερος. При ἀγαπα слѣдовало бы την θυγατερα; въ раннемъ текстѣ можетъ-быть находилось не ἀγάπα, а ἠραστη, требовавшее род. пад.

διὰ τὴν θαυμαστὴν Πολυξένην εἰς τὸν ναόν τους, τὴν θυγατέρα τοῦ βασιλέως τοῦ Πριάμου. καὶ ὅταν ἐπάρθη ἡ Τρωάδα, αἰχμαλωτίσθην ἀπὸ τοὺς Ἕλληνας, καὶ ἔσφαξέ την ὁ υἱός του ὁ Πύρος ἀπάνου εἰς τὸν τάφον τοῦ πατρός του τοῦ Ἀχιλλέως, καὶ ἀπόθανεν. καὶ ἐπαίνεσέ την πολλὰ ὁ Ἀλέξανδρος ὡς ἤκουσεν. καὶ ἐκαύχησε τὴν τιμήν της τῆς γυναικός ἐκείνης, ὅτι πῶς ἐκράτησεν τὴν τιμήν της, ὅπου ἄλλην γυναῖκα τέτοια δουλεῖα οὐδὲν ἐποίησε. καὶ ὅλοι τὴν ἐπαίνεσαν· ὁ Ἀλέξανδρος ηὗρεν τοὺς λόγους γραμμένους καὶ ἐξέστην ἀπὸ τὴν ἐμπιστοσύνη καὶ τὴν φρόνησιν τῆς Πολυξένης καὶ εἶπεν· ἀπὸ τὸν θεὸν ἔχει συμπάθειον καὶ ἀπὸ τὸν κόσμον ἔχει ἔπαινον ὁποῦ οὐκ ἠθέλησεν νὰ πάρη ἄνδρα, καὶ καλὸν ἐποίησεν, ὅτι ὁ θάνατος ὁ τιμημένος ἔχει τιμὴ μεγάλη περὶ τὴν ἄχρηστον ζωὴν καὶ τὴν ἀτιμωμένη· ἀκόμη ἔβγαλαν τῆς βασίλισσας ἐκείνης τὸ στεφάνι· καὶ ὅταν τὸ ἔβανεν εἰς τὸ κεφάλι του, τότε ἄφαντος ἐγίνετον ἀπὸ ὅλους τοὺς ἀνθρώπους· καὶ τὴν νύκταν ἔλαμπεν ὡς λαμπάδα. ἀκόμη τῆς ἔβαλαν ἀπανωκλίβανον, ὁποῦ τὸ ἔβανεν ἀπανωθέον τῶν ἀρμάτων, καὶ ἦτον ἐγκοσμισμένο μὲ πολιτίμητον λιθαρόπουλον καὶ μὲ χρυσομάργαρον. καὶ τὸ σκέπασμα ἦτον ἀπὸ τῆς ἀσπίδος τὸ πετζί· ἤφεράν του καὶ τὸ βιβλίον τοῦ Ὅμηρος ὁποῦ εἶχεν γράψη ἀπὸ τὴν ἀρχὴν τους πολέμους καὶ τὸν χαλασμὸν τῆς Τρωάδος ἐκ τὴν ἀρχὴν ἕως τέλος· καὶ ἠπῆρεν ὁ Ἀλέξανδρος τὸ βιβλίον καὶ ἄρχισεν νὰ το ἀναγνώθη· καὶ αὐτοῦ ηὗρεν τους πολέμους γραμμένους τῶν καλῶν καὶ ἀνδρειωμένων καὶ θαυμαστῶν καὶ μεγάλων ἀπελάτων· καὶ ἐθλίβην πολλὰ καὶ ἀκόμη ἐχάρη περὶ τῆς γραφῆς τῶν ἀνδρειωμένων, ὁποῦ ηὗρεν· καὶ τότε ἐσύντυχεν ὁ Ἀλέξανδρος καὶ εἶπεν· ὦ ποσοι ἀνδρειωμένοι[1]) ὑψηλότατοι καὶ ἐκλαμπρότατοι ἀπελάταις ἔπεσαν διὰ μίαν γυναῖκα μαγαρισμένη. τῷ καιρῷ ἐκείνω ἐσέβην καὶ εἶπεν[2]) τῆς Τρωάδος· ποῦ εἶναι τῶν ἀνδρειωμένων ἀπελάτων τὰ ὀνόματα; καὶ ἠπῆγαν τον οἱ ἄρχοντες ἐκεῖ ὅπου ἦσαν θαμμένοι· καὶ ἠπῆρεν σμύρνον καὶ λίβανον καὶ ἐθυμιάτησε τὰ μνήματά τους καὶ ἐλυπήθη καὶ ἔκλαυσεν μετὰ πολλῶν δακρύων καὶ εἶπεν· ὦ ἀνδρειωμένοι μου διαλεκτοί, ὁποῦ εἶσθεν τῷ καιρῷ ἐκείνω, Ἀχιλλέα καὶ Ἕκτορα, ἐὰν σᾶς ἤθελα εὕρη ζοντα-

---

[1]) ркп. πόσων ἀνδρειωμένων.

[2]) вѣроятно пропущено: τοὺς ἄρχοντες.

νούς, ἤθελα σᾶς τιμήσει μὲ δωρήματα πολλὰ καὶ ἤθελα σας ὑψώσει καὶ ἤθελα τιμηθῆ καὶ νὰ χαρῶ εἰς τὸν κόσμον μετ' ἐσᾶς· καὶ ἀφόντι[ς][1]) σᾶς ηὗρα ἀποθαμένους, τῶν ἀποθαμένων ἡ τιμή τους ἔναι λίβανον καὶ σμύρναν, καὶ σᾶς ἐθυμίαστα, καὶ ὁ θεὸς συγχωρέσει σᾶς μὲ τέτοιαις ἀνδραγαθίαις ὁποῦ ἐκάμετε, ὡς γράφει Ὅμηρος· καὶ ὡς ἤκουσαν οἱ φιλό [36 v.] σοφοι τὸν Ἀλέξανδρον, ὁ Μενέλαος καὶ ὁ Ἀριστοτέλης, εἶπαν τοῦ βασιλέως τοῦ Ἀλεξάνδρου· ὁ Ἀχιλλέας καὶ ἡ βασιλεῖα σου εἶστεν ἑνοῦ πατρὸς παιδία τῶν Ἑλλήνων. τὸν θεὸν τους τὸν Ἀμὼν εἶσθεν υἱοί· καὶ ἐμεῖς οἱ δύο τιμητικώτερα θέλομεν γράψη τὰ ποιήματά σου παρὰ τὸν Ὅμηρον τῆς Φραγγίας. ὁ Ἀλέξανδρος πάλιν ἐστράφην εἰς τὴν Μακεδονίαν μὲ τὸ φουσάτο του ὅλο καὶ μὲ τοὺς βασιλεῖς ὅπου εἶχεν ἐπάρη ἀπὸ τὴν δύσιν μὲ τὸ σπαθί του. τῷ καιρῷ ἐκείνῳ εἶχαν διαβῆ χρόνοι γ' ὅπου ἦτον εἰς τὸ ταξεῖδι· καὶ ἐπαράλαβεν κάστρη μὲ τὸ σπαθί του· καὶ ὡς ἦλθαν οἱ μαντατοφόροι εἰς τὴν μητέρα του, ἐκαβαλίκευσεν ἡ Ὀλυμπιάδα καὶ ὁ διδάσκαλός του ὁ Ἀριστοτέλης καὶ μὲ ταῖς ἀρχόντισσαις καὶ μὲ λαὸν πολὺν καὶ μὲ τὰ παιδία τους, καὶ ἐσυναπάντησαν τὸν Ἀλέξανδρον εἰς τὸ ποτάμι τοῦ (Σ)καμάνδρας καὶ αὐτοῦ τὸν ἐπροσκύνησαν μὲ τιμὴν καὶ μὲ δῶρα πολλά· καὶ ἀπ' αὐτοῦ ἐσηκώθησαν ὅλοι καὶ ἦλθαν εἰς τὸ κάστρον τους εἰς τοὺς Φιλίππους. καὶ αὐτοῦ ὁ Ἀλέξανδρος ἔκαμεν καταστολὴν τοῦ φουσάτου του· καὶ ὥρισέν τους νὰ ἀναπαυτοῦσιν μῆνες ϛ' καὶ νὰ θρέφετε τὰ ἄλογά σας καλὰ καὶ ἐκλαμπρύνετε τὰ ἅρματά σας καὶ ἂς ἦσθεν ἕτοιμοι, καὶ ὅταν ἔλθη ὁρισμός μου, νὰ κινήσετε εἰς τὸ ταξεῖδι· καὶ ὅταν ἦλθαν οἱ ἔξη μῆνες, ἐσύναξεν τὰ φουσάτα του καὶ ἐποίησεν ἁρματωμένους ὅλους σιδερένους νὰ στέκωνται κοντά του, ρ' ὅλους ἁρματωμένους σιδερένους, ὅλους ἀθέρα διαλεκτούς· καὶ ἄφηκε τὴν μητέρα του καὶ τὸν διδάσκαλόν του εἰς τὸν τόπον του· καὶ ἐποίησαν τὴν φορεσίαν ὅλοι ὅμοια καὶ τὰ ἅρματά τους ὅμοια, μὲ τοῦ βασιλίσκου τὰ κερατοπουλα ἡ μπαρμπούταις ἐγκοσμισμέναις, καὶ εἰς τὰ σκουτάριά τους ἦσαν στορισμένοι λέοντες μὲ τὰ πτερὰ πλεμένα τῆς ἀσπίδας· καὶ τὰ ἄλογά τους ἦταν κουβερτιασμένα ὅλα ἀπὸ πετζὶ κορκονδείλου·

---

[1]) Въ ркп. ἀφόντη; сл. стр. 34 строка четвертая снизу: ἀφοντις.

καὶ ὥρισέν τους ὅτι μὲ ταῖς τένταις του να πέφτουν τριγύρου ταῖς τένταις τοῦ Ἀλεξάνδρου· καὶ οὐδὲ κανεὶς ἐτόλμα εἰς τὴν τάξιν τῶν Μακεδόνων· ὥρισεν καὶ ἐδιάλεξαν ἔμορφαις γυναῖκες β. νὰ περπατοῦν μὲ τὸ φουσάτο τοῦ Ἀλεξάνδρου. ἡ πᾶσα μία μὲ τὴν ὄρθωσιν τοῦ προσώπου της, καὶ ὀκάποιον 'ταιρεάρχην ἔβαλέν τον ἀπανωθέον ταῖς γυναῖκες νὰ ἦναι εἰς τὸν ὁρισμον του· καὶ οταν εἶχεν ὁ στρατιώτης ζήτησιν γυναικος, ἐπήαινεν εἰς τὸν 'ταιρεάρχην καὶ ἔδωκεν ἕνα χρυσὸν φλορὶ καὶ ἔπαιρνεν γυναῖκα· καὶ οσαις νύκταις ἐκράτειεν τὴν γυναῖκα, τοσα φλορία ἔδιδεν τὸν 'ταιρεάρχην· καὶ πάντα οἱ ρ τῶν Μακεδόνων ἦσαν κοντά του, καὶ ὅλοι τὸ γιῶμα καὶ τὸν δεῖπνον εὑρίσκονταί τον εἰς τὴν τάβλα του· καὶ μὲ ταύτους ὡμίλειεν. καὶ ἀτός του ὁ Ἀλέξανδρος ἐγένετον μικροτερος ἀπο ὁλουνους. καὶ μὲ ταύτην τὴν τάξιν ἠπαινοῦσαν τὸν Ἀλέξανδρον· βοηβόντας μέγας πρωτοστράτουρας ἦτον ὁλουνῶν ὁ Πτολομαῖος. ἄνθρωπος ὀρθὸς καὶ δίκαιος εἰς τὴν κρίσιν του, καὶ εἰς ὅλα τὰ ποιήματα τοῦ Ἀλεξάνδρου ἦτον δόκιμος. καὶ όταν ἐσκοτώνετον ἀπὸ τοὺς στρατιώτας τῶν Μακεδόνων. ὁ Ἀλέξανδρος ἐδιάλεγεν κάλλιον καὶ ἔβανέν τον πάλιν εἰς τὸν τόπον ἐκείνου, διότι πάντα νὰ ἦναι ἑκατὸν χιλιάδες ἀρματωμένοι· καὶ ἀπ' αὐτοῦ ἐσηκώθην ὁ Ἀλέξανδρος καὶ ὑπῆγεν πρὸς τὴν ἀνατολὴ μὲ τὰ φουσάτα του· καὶ κάστρη ὁποῦ ἐπροσκυνοῦσαν μὲ τὸ θέλημάν τους εἶχαν μεγάλη τιμὴν καὶ συμπάθειον ἀπὸ τὸν βασιλέα. καὶ ὅσοι τὸν ἀντίστεκαν ὀλίγο, τὸν τόπον τους καὶ τὰ κάστρη τους τὰ ἐχάλα καὶ τοὺς ἀποκεφάλιζεν· ἀπ' αὐτὸν τὸ ἔργον ἤκουσεν ὁ κόσμος ὅλος καὶ ἐτρόμαξεν· ὅλοι οἱ βασιλεῖς καὶ οἱ αὐθέντες τῆς Παλαιστήνης καὶ τῶν Ἰουδαίων τὸ βασίλειον ἦσαν ἀποκάτου τὸν βασιλέα τῆς Περσίας τὸν Δάρειον, καὶ πολλοὶ ἀπὸ τὴν Περσίαν καὶ ἀπὸ τὴν Αἴγυπτον ἔδραμαν καὶ ὡμολόγησαν τοῦ Δαρείου [37 r.] τοῦ βασιλέως τὸ πῶς ἦλθαν ἔξαφνα ὁ Ἀλέξανδρος μὲ τὸ φουσάτο του· ὁ Δάρειος, τῆς Περσίας ὁ βασιλεύς, ὡς ἤκουσεν τοὺς λόγους, ὤρθωσεν ἕναν ἀποκρισιάρη καὶ ἀπέστειλέν τον μὲ τέτοιαν ἐπιστολήν.

Περὶ ὅταν ἔστειλεν ὁ Δάρειος ἐπιστολὴν εἰς τὸν Ἀλέξανδρον.

Ὁ Δάρειος ὁ βασιλεύς, τῶν βασιλέων ὁλουνῶν βασιλέας, ὁποῦ

εἶμαι τρανὸς πολλὰ καὶ ὑψηλότατος τοῦ κόσμου ὁλουνοῦ βασιλέας, ὁποῦ εἶμαι μέγας καὶ ὑψηλότατος τοῦ κόσμου ὁλουνοῦ καὶ τιμημένος ἀπὸ ὅλους τοὺς βασιλεῖς καὶ ἶσα μὲ τὸν θεὸν τοῦ οὐρανοῦ καὶ τῆς γῆς εἶμαι, καὶ λάμπω ὡς ὁ ἥλιος, καὶ ὁρισμός μου ἔναι εἰς ὅλην τὴν οἰκουμένην, ὥσπερ τοῦ ἡλίου οἱ ἀκτῖνες λάμπουν εἰς τὸν κόσμον ὅλον ἀπὸ τὴν ἀνατολὴν ἕως τὴν δύσιν (καὶ ἀπὸ τὸν βορέαν ἕως τὴν δύσιν), καὶ ἀπὸ τὸν βορέαν ἕως τὴν μεσημβρίαν. οὕτως[1]) ἔναι ὁρισμὸς ὁ ἐδικός μου εἰς ὅλα τὰ μέρη· ὁκάποιος[2]) λόγος μοῦ ἐσέβη εἰς τὰ ὦτα καὶ ἤκουσα, ὦ υἱὲ τοῦ Φιλίππου, ὅτι ὅλην τὴν Ἑλλάδαν ἐπαρέλαβες καὶ ἕως τὴν μεγάλην Ῥώμην ἦλθες καὶ ὅλα τὰ βασίλεια τῆς δύσης καὶ τοὺς ἀφεντάδες ἀνακάτωσες καὶ ἐχάλασές τους παντελῶς· ἀκόμη ἦλθες καὶ ἕως τὸν Οἰκιανὸν[3]) ποταμὸν καὶ οὐδὲν σε ἔσωσεν τόσον ὁποῦ ἦπῆρες, ἀμὴ ἦλθες καὶ ἕως τὸν τόπον τοῦ νότου καὶ τῆς Βαρβαρίας τὰ μέρη ἀκόμη καὶ εἰς τὴν Θεσπίαν ἦλθες καὶ ἐπαράλαβες τοῦ κόσμου ὁλουνοῦ τὰ βασίλεια, καὶ εἶναι εἰς ὁρισμόν σου ὁποῦ αὐτὰ μὲ τελοῦσαν λιζάτον, καὶ οὐδὲν ἐχόρτασες, ἀμὴ ἀποκότησες καὶ ἦπῆρες μου ὅλα τὰ λιζάτα καὶ ἦλθες καὶ εἰς τὴν Ἀσίαν καὶ εἰς τὴν Ἀγρίδαν καὶ εἰς τὰ Τάραντα κοντὰ εἰς τὸν τόπον μου ἐπάτησες μὲ τοὺς ἀτιμωμένους τοὺς ῥυμπαραίους τοὺς Μακεδόνας, τοὺς δούλους καὶ τελητάδες τοὺς ἐδικούς μου. ὁποῦ μὲ ἐδούλευεν ὁ πατέρας σου ὁ Φίλιππος καὶ ἤφερνέ μου τὸ λιζάτον, κάθεν χρόνον, καὶ ἐσὺ ἦλθες εἰς τὸν τόπον τῆς Περσίας νὰ δουλεύῃς· θαρρῶ οὕτως να γένῃ· καὶ λέγω σου· σώνει σου τὸ γονικόν σου, καὶ εἰς τὴν γενεάν σου νὰ ἀφεντεύῃς νὰ ἦσαι τιμημένος, ἀκόμη καὶ τὴν Ἑλλάδαν ἔχε την ἀποκάτω σου, καὶ τὰ ζακόνια καὶ τὸ λιζάτο. ὁποῦ ἤφερεν ὁ πατέρας σου ὁ Φίλιππος, συμπαθῶ σου τὸ νὰ τὸ ἔχῃς. καὶ ἐτούτην τὴν ἐλεημοσύνην σοῦ δίδω νὰ τὴν ἔχῃς καὶ διὰ τὴν παραφθαρσίαν καὶ λουλίαν ὁποῦ ἔχεις ἀτός σου καὶ μὲ τοὺς ῥυμπαραίους τοὺς Μακεδόνας, ὁποῦ εἶσαι καὶ ἐσὺ ὅμοιος αὐτονῶν. Ἀλέξανδρε· καὶ ἐὰν οὐδέν σου φανῇ καὶ στέρξῃς τοὺς λόγους μου, σηκωθῇ θέλω μὲ ὅλην μου τὴν δύναμιν τῆς Περσίας τὰ φουσάτα

[1]) ркп. ουτος.

[2]) Возстановлено по греч. нар. книгѣ, стр. 63; въ текстѣ: ὁ χξ̃

[3]) Сл. стр. 33 (четырнадцатая строка сверху): Ἠκιανόν.

καὶ οὐδέν σε θέλει χορέση πούπετες τόπος νὰ κρυβηθῇς ἀπὸ ἐμένα, καὶ ἀπὸ τὸ σπαθὶ τὸ ἐδικόν μου θέλεις παιδευτῇ ἀτός σου καὶ τὸ ῥυμπαρικόν σου.

Περὶ ὅταν ἐδέχτη ὁ Ἀλέξανδρος τὴν ἐπιστολὴν τοῦ Δαρείου.

Ὁ Ἀλέξανδρος ἐπῆρε τὴν ἐπιστολὴν τοῦ Δαρείου καὶ ἀνάγνωσέν την, καὶ τόμου τὴν ἀνάγνωσε ἔκοψέ την· ὁ Ἀλέξανδρος ὥρισεν καὶ ἔστειλέν τους πρὸς τὸν Δάρειον τὸν βασιλέα μὲ ἐπιστολὴν τοιαύτη γεγραμμένη οὕτως· Ἀλέξανδρος ὁ βασιλεὺς τῶν βασιλέων, τῆς γῆς βασιλεύς, πρὸς τὸν Δάρειον τὸν βασιλέα τῆς Περσίας στέλλω· τὸ πιτάκι τὸ ἐδικό σου ὁποῦ μας ἔστειλες ἐδέχθημάν το καὶ ἀναγνώσαμέν το, καὶ εἰς τὴν γραφήν σου ὁποῦ μας ἔστειλες οὐδέν σε εὐχαριστοῦμεν, ὅτι οὐδὲν ἦτον βασιλικὴ τάξη·[1]) καὶ λέγεις πῶς ἐπῆρα τῆς δύσης τὰ βασίλεια καὶ ἐχάλασά τα· καὶ διὰ τοῦτο νὰ ἠξεύρῃ ἡ βασιλεία σου, ὅτι πᾶσα ἄνθρωπος ἀπὸ χαμηλὰ θέλει νὰ ἀναβαίνῃ εἰς τὰ ὑψηλά· καὶ εἰς αὐτὸν τὸν λόγον νὰ ἠγνωρίσῃς, ὅτι ἀρχὴ τὴν δύσιν ἡπῆρα καὶ ἔρχομαι εἰς τὴν ἀνατολήν, καὶ ἐσὺ μᾶς φοβερίζεις, διότι ὅλη [ἡ]οἰκουμένη ἔμπροσθεν [37 v.] τοῦ προσώπου σου οὐδὲν ἠμπορεῖ νὰ σταθῇ· καὶ νὰ τὸ ἠξεύρῃ ἡ βασιλεία σου, ὅτι τὸ ὄνομα τὸ ἐδικόν μου ἐγέμωσεν ὅλος ὁ κόσμος· και ἤξευρε, βασιλέα Δάρειε, ὅτι τῶν Μακεδόνων ἡ στρατεία καὶ ἡ ἀνδρεία, ὁποῦ τοὺς λέγεις ἐσὺ ῥυμπαραίους καὶ κλέφταις, καὶ ἀκόμη λέγεις ὅτι νὰ μᾶς πιάσῃς· καὶ ἐμεῖς ἐρχόμεθεν εἰς τὴν βασιλεία σου· ἐὰν ἐσὺ μικροὺς καὶ ἀχαμνοὺς μᾶς λέγεις, ἐμεῖς εἴμεθεν ὥσπερ τοῦ πιπερίου ὁ σπόρος, θέλομεν φανῇ εἰς ἐσένα καὶ εἰς τὰ φουσάτα σου· ὡσὰν θέτῃ εἰς τὴν γλῶσσαν τοῦ ἀνθρώπου καὶ ἀμπουκόνει περισσόν, οὕτως ἔρχομαι ἐγὼ καταπάνου σου· καὶ νὰ ἠξεύρῃς· ἐμεῖς εἴμεσθεν ὥσπερ τὸ λιθάρι τὸ ἀδαμάντινον τὸ ἀκονητόν, οὕτως θέλομεν φανῇ εἰς ἐσένα καὶ εἰς τὰ φουσάτα σου· καὶ οὕτως ἔρχομαι ἐγὼ καταπάνου σου καὶ νὰ ἐπονομασθῶ τῆς Περσίας καὶ Ἀσίας βασιλεύς. οὕτως θαρρῶ ἐγὼ εἰς τὸν μέγαν θεὸν νὰ γένῃ, ὅπου ἐσὺ γίνεσαι ὅμοιος τῶν θεῶν· καὶ

---

[1]) ркп. βασιληκῆ τάξει.

μηδὲν θαρρεῖς τὸν ἐμαυτόν σου εἰς τοὺς Πέρσας νὰ ἐξεβῇς ἔμπροσθέν μου εἰς τὸν πόλεμον· ὅτι οἱ Πέρσαι εἶναι ὥσπερ γυναῖκες στολισμέναις καὶ εἶναι σκιαστεραῖοι εἰς τὸν πόλεμον, ἀμὴ τὸ φουσάτο τῆς Μακεδονίας εἶναι λέοντες· ἀμὴ λέγω σου· ἔβλεπε νὰ μηδὲν χάσης τὴν ζωήν σου καὶ προσκύνησέ με καὶ ἔχε τὸν τόπον τῆς Περσίας.

Περὶ ὅταν ἔστειλεν ὁ Ἀλέξανδρος ἐπιστολὴ εἰς τὸν Δάρειον.

Ὁ Δάρειος τὴν ἐπιστολὴν τοῦ Ἀλεξάνδρου ἠπῆρε καὶ ὥρισεν καὶ ἀνάγνωσάν την. καὶ ἐπλήσθη θυμοῦ μεγάλου καὶ πρὸς τοὺς ἀποκλισιαραίους εἶπεν ὁποῦ ἦσαν ἐκεῖ· δείξετέ μου πόσων χρονῶν ἔναι τῷ καιρῷ ἐτούτῳ ὁ Ἀλέξανδρος, καὶ πόσον φουσάτον ἔχει μὲ τὸν Φιλόνη, καὶ μὲ τὸν ἐμαυτόν του πῶς ἐγροικίσετε. καὶ αὐτοὶ τὸν ἀποκρίθησαν· εἶστεν θέλει λ' χρονῶν τὴν σήμερον ἡμέραν καὶ ἔναι ἔμορφος καὶ ἀνδρειωμένος πάμπολλα, καὶ ἔχει τὸ χέρι του νὰ δωρῇ τὴν ἅπασαν ἡμέρα, καὶ ὁ λόγος του ἔναι στερκτὸς καὶ ἀληθινός, καὶ μὲ τὴν φρόνησίν του βασιλεύει, καὶ ἔχει καὶ φουσάτο ἕως ῥ'. τόσον ἐδυνήθημαν καὶ ἐγροικίσαμεν· ὁ Σολωμὼν ὁ φρόνιμος εἰς τὰ χαρτία του ἔλεγεν· τοῦ στόματος τὸ γέλασμα καὶ τὸ περπάτημά του ἔχει βασιλικὸν ὁ Ἀλέξανδρος· οὕτως ὁμολογοῦμεν τὴν βασιλείαν του. ὁ Δάρειος ἔβαλεν κατὰ νοῦ του καὶ εἶπεν· ὅτι αὐτὰ τὰ σημάδια βασιλικὰ εἶναι, ἀμὴ φαίνεταί μου οὐδὲν ἔναι οὕτως [1]).

Περὶ ὅταν ἔστειλεν ὁ Δάρειος τοὺς ἀποκρισιαραίους του.

Ὁ βασιλεὺς ὁ Δάρειος ὥρισεν καὶ ἔγραψαν χαρτία εἰς ὅλον τὸν τόπον εἰς τὰ μέρη του ὅλα, νὰ συναχθοῦν ὅλα του τὰ φουσάτα ὁποῦ ὁκάποτε ἡ γλῶσσαις ἀρχέρισαν νὰ κτίζουν τὴν πυργοποιίαν· καὶ αὐτοῦ ὥρισεν ὁ μεγαλοδύναμος θεὸς καὶ ἐμοίρασεν ταῖς γλώσσαις ὅλαις καὶ ἐχωρίσθησαν ἐπὶ τὴν οἰκουμένην ὅλην· καὶ αὐτοῦ ἐσυνάχθησαν τὰ φουσάτα του Δαρείου· καὶ ἔγραφεν ἐπιστολὴν εἰς τὴν Ἰσραὴλ καὶ εἰς τὴν Αἴγυπτον καὶ ἀπόστειλέν τους καὶ εἶπεν τους· κρατείεσθεν δυνατά, νὰ μηδὲν παραδοθῆτε τοῦ Ἀλεξάνδρου,

---

[1]) ркп. οὗτος.

ότι ἐγὼ μὲ τὴν δύναμίν μου τὴν μεγάλην ἔρχομαι καταπάνου εἰς τὸν Ἀλέξανδρον καὶ ἐγλήγορα σᾶς θέλω ἐλευθερώσει ἀπὸ τὸ κακόν.

Περὶ ὅταν ἐπῆγεν ὁ Ἀλέξανδρος εἰς τοὺς ἐρήμους τόπους [1]).

Ὁ Ἀλέξανδρος ἦλθεν καὶ ἐσέβη μὲ τὸ φουσάτο του εἰς τὸν Ἰουδαϊκὸν τόπον, τὸ σύνορον τῆς αὐθεντίας τῶν Ἑβραΐδων, τὴν φρόνιμην [2]) καὶ εὐγενάδαν καὶ ἔμνοστον Ἱερουσαλήμ· τῷ καιρῷ ἐκείνῳ ἀφέντευεν ἀπέσω ὁ προφήτης Ἱερεμίας· καὶ ἐπαρακαλοῦσαν καὶ ὑμνοῦσαν τὸν θεὸν τοῦ οὐρανοῦ καὶ τῆς γῆς, τὸν Σαβαώθ, ἐπροσκυνοῦσαν καὶ ἔψαλλον νυκτὸς καὶ ἡμέρας κατὰ τὴν συνήθειάν τους. τῷ καιρῷ ἐκείνῳ ὁ Ἀλέξανδρος ἀποκρισιάρην [38 r.] ἔστειλεν εἰς τὴν Ἱερουσαλὴμ καὶ ἔγραφεν οὕτως εἰς τοὺς εὑρισκομένους Ἑβραίους τῆς Ἱερουσαλήμ· ὁποῦ ὁμολογεῖτε εἰς ἕνα θεὸν τοῦ οὐρανοῦ καὶ τῆς γῆς, πιστεύετε τὸν παντοκράτορα Σαβαώθ, ὁποῦ κατοικεῖται αὐτοῦ, Ἰσραηλῖτας, χαιρετῶ σας· καὶ ὡς εἶδαν τὸ πιτάκιν οἱ Ἑβραῖοι, ἔστειλαν μὲ ἕναν Ἑβραῖον ἐπιστολὴ εἰς τὸν Ἀλέξανδρον καὶ εἶπαν οὕτως· ἐμεῖς οἱ εὑρισκόμενοι Ἑβραῖοι τῆς Ἱερουσαλὴμ τὸν βασιλέα τὸν Ἀλέξανδρον προσκυνοῦμεν· ἐμεῖς ἀφὸν ἐδιέβημαν τὴν Ἐρυθρὰ θάλασσα οὐδενοῦ βασιλέως ἐγινήκαμεν δημεγέρταις, οὐδεμίαν φαλτζίαν ἐποιήσαμεν· τὸν παντοκράτορα Σαβαὼθ δουλεύομεν καὶ ὑμνοῦμεν καὶ ἐπταίσαμεν· καὶ ὀργίσθη μας ὁ θεὸς τοῦ οὐρανοῦ καὶ τῆς γῆς, καὶ ἔστειλέν μας εἰς τὰ χερία τῆς Περσίας τοῦ βασιλέως τοῦ Ναβουχοδονόσωρ· καὶ πολλοὺς χρόνους ἥμεσθεν εἰς αἰχμαλωσίαν· τῷ καιρῷ ἐκείνῳ ἦλθεν συμπάθειον ἐκ τὸν μέγαν θεὸν καὶ ἐγυρίσαμεν ὀπίσω εἰς τὸν τόπον μας καὶ ἤμεσθεν ἀποκάτου τὸν Δάρειον, ὁποῦ ὁ κόσμος ὅλος ἔναι ἀποκάτου του· καὶ ἂν σε παραδοθοῦμεν, Ἀλέξανδρε, ἔρχεται ὁ βασιλεὺς ὁ Δάρειος καὶ μᾶς χαλᾶ ὅλον τὸν τόπον μας τὸν ἔμορφον

---

[1]) Надписаніе этой главы и слѣдующее далѣе пророчество Іереміи о подвигахъ и приключеніяхъ Александра указываютъ на размѣры пропусковъ, находившихся, вѣроятно, уже въ подлинникѣ Вѣнскаго списка: пропущенъ походъ въ Египетъ и посѣщеніе невѣдомыхъ странъ. Объ этомъ говорено подробно въ моемъ изслѣдованіи.

[2]) ркп. φρόνεστιν.

καὶ ἔμνοστον, τὴν Ἱερουσαλήμ. καὶ ὁ Ἀλέξανδρος τὴν ἐπιστολήν τους ἀνάγνωσεν, καὶ ἄλλην ὥρισεν καὶ ἔγραψεν.

Περὶ ὅταν ἔστειλεν ὁ Ἀλέξανδρος ἐπιστολὴν εἰς τὴν Ἱερουσαλήμ.

Ὁ Ἀλέξανδρος τῶν βασιλέων βασιλεὺς εἰς ὅλους τοὺς εὑρισκομένους εἰς τὴν Ἱερουσαλὴμ στέλλω· ἐσεῖς γοῦν πολλὰ ὑψηλόφρονα μοῦ στέλνετε, καὶ εἶδα καὶ ἔμαθά το· καὶ οὐδὲν πρέπει ἐσᾶς, ὦ ἄνθρωποι, ὁποῦ εἴσθεν τοῦ θεοῦ τοῦ ζῶντος δοῦλοι, καὶ ἔναι εἰς ἐσᾶς ὁ θεὸς ὁ ποιητὴς τοῦ οὐρανοῦ καὶ τῆς γῆς, νὰ ἦσθεν δοῦλοι τῶν εἰδωλολατρῶν, νὰ τοὺς προσκυνήσετε, καὶ μηδὲν παντέχετε εἰς τὸν Δάρειον, νὰ τὸν πληρώσετε λιζάτον καὶ δόσιμον· ὅτι ἐγὼ ἂν οὐδὲν προσκυνήσω τὸν θεὸν εἰς τὴν Ἱερουσαλὴμ καὶ εἰς τὸν θεὸν εἰς τὴν ἁγίαν Σιών, οὐδὲν ἠπηγαίνω νὰ πολεμήσω.

Περὶ ὅταν ὁ προφήτης Ἱερεμίας ἐποίησεν σύναξιν.

Ὁ προφήτης Ἱερεμίας εἰς τὴν Ἱερουσαλὴμ ἤκουσεν ὅτι ἔρχεται Ἀλέξανδρος καὶ ἔμασεν τοὺς ἀνθρώπους ὅλους τῆς Ἱερουσαλήμ· καὶ ἐποίησαν βουλὴν καὶ εἶπαν· καλὸν ἔνει ἡμᾶς, δοῦλοι τοῦ θεοῦ, νὰ δεκτοῦμεν τὸν Ἀλέξανδρον καὶ νὰ σεβῇ εἰς τὸ κάστρον μας, ὅτι ἐγὼ εἶδα τον κατ᾽ ὄναρ μου τὸν Ἀλέξανδρον καὶ ἐσυντύχαινε μετ᾽ ἐμένα καὶ εἶπεν μου, ὅτι αὐτὸς ὁποῦ ἔρχεται εἰς ἐσᾶς, ἐγὼ λέγω, αὐτὸς σᾶς θέλει ἐλευθερώσει ἐκ χειρὸς τοῦ Δαρείου, καὶ ὅσην πείραξιν σᾶς ἔκαμαν οἱ Πέρσιδες, θέλει τὸ πληρώσει Ἀλέξανδρος μὲ τὸ σπαθί του εἰς αὐτουνούς. οὗτος ὁ λόγος ἄρεσεν τῶν ἀρχόντων ἀπὸ τὸ κάστρον· καὶ ὁ Ἀλέξανδρος αὐτὴν τὴν νύκταν εἶδεν ὄνειρον, καὶ ἐφάνηκέν του ὁ προφήτης Ἱερεμίας ἐνδεδυμένος ἀρχιερατικὴν στολὴν καὶ εἶπεν του· ἔρχου, τέκνον μου Ἀλέξανδρε, καὶ σέβα εἰς τὴν Ἱερουσαλὴμ καὶ σέβα εἰς τὴν ἁγίαν Σιὼν καὶ προσκύνησε τὸν θεὸν τοῦ οὐρανοῦ καὶ τῆς γῆς. καὶ ἀφὸν προσκυνήσεις, σύρε εἰς τὸν Δάρειον καὶ θέλεις τὸν ἐτζακίση μὲ τὰ φουσάτα του καὶ θέλεις τὸν πατάξῃ καὶ θέλεις γένη βασιλεὺς τῆς Περσίας· ὁ Ἀλέξανδρος ἀπὸ τοῦ ὕπνου ἀνέστη καὶ εἶπεν τῶν ἀρχόντων τὸ ὅραμα ὁποῦ εἶδεν· καὶ ὀρθὰ ἐκίνησεν εἰς τὴν Ἱερουσαλήμ. καὶ ὥρισεν ὁ προφήτης Ἱερεμίας ὅτι ἔφθασεν, καὶ ἐσυν-

ἄχθη ὅλος ὁ λαὸς μικροί τε καὶ μεγάλοι. καὶ εἶπεν τους νὰ ἐξεβοῦν εἰς συναπάντησιν τοῦ Ἀλεξάνδρου. καὶ ἐδύθην στολὴν τῶν ἱερέων ὁ προφήτης Ἱερεμίας καὶ ἄλλοι ἄνθρωποι ἑκατὸν χιλιάδες ἐνδύθησαν στολὴν τῶν ἱερέων, καὶ δέκα χιλιάδες ἄνθρωποι μὲ κερία καὶ λαμπάδες [1]) καὶ κανδήλαις καὶ θυμιατοὺς ἐσυναπάντησαν τον Ἀλέξανδρον καὶ ἐθυμίασάν τον· καὶ ὁ Ἀλέξανδρος ὡς εἶδεν τὸν προφήτην Ἱερεμίαν εἶπεν τῶν ἀρχόντων του· ὅτι ἐτοῦτον τὸν ἄνθρωπον εἶδα εἰς τὸν ὕπνον μου μὲ αὐτὴν τὴν φορεσίαν· καὶ εὐθὺς ἐπέζευσεν καὶ ἐπροσκύνησέν τον ἕως ἐδάφου τῆς γῆς· καὶ ὁ προφήτης Ἱερεμίας τὸν ἐθυμίασεν μὲ σμύρνον καὶ λίβανον, ὡς ἄξιον βασιλέα. καὶ εὐλόγησέν τον, καὶ ἀπὸ τὸ χέρι τὸν ἐπίασεν καὶ ἐσέβασέν τον εἰς τὴν Ἱερουσαλὴμ καὶ ἤπηγε τον [38 v.] εἰς τὴν ἁγίαν ἐκκλησιαν τὴν μεγάλην, καὶ ἐπροσκύνησεν τὰ ἅγια τῶν ἁγίων καὶ ἔδειξέν του τὸ πῶς τὴν ἔκτισεν ὁ Σολωμὼν ὁ βασιλεύς. ὁ Ἀλέξανδρος τὸν ἐρώτησεν· δεῖξέ μου, ποίου θεοῦ εἶστεν ἐσεῖς; ὁ προφήτης τὸν εἶπεν· ἐμεῖς ἕνα θεὸν πιστεύομεν καὶ ὁμολογοῦμεν, ὁποῦ ἐποίησε τὸν οὐρανὸν καὶ τὴν γῆν, καὶ ὅλους ὡρᾷ, καὶ αὐτὸν ὀφθαλμὸς οὐδὲν εἶδεν, οὐδὲ ὠτίον τὸν ἤκουσεν, καὶ εἰς καρδίαν ἀνθρώπου ἐσέβην· ὁ Ἀλέξανδρος ἐθαύμασεν καὶ εἶπεν· ὅτι ἀληθῶς ἐσεῖς ὑψίστου θεοῦ αἰχμάλωτοι καὶ δοῦλοι, καὶ πιστεύω καὶ ἐγὼ ἀπὸ τὴν σήμερον ἡμέραν αὐτὸν τὸν θεόν, καὶ προσκυνῶ καὶ ὑμνῶ καὶ ὁμολογῶ καὶ χαρίζω τὸ δῶρον καὶ τὸ λιζάτο, ὁποῦ ἤθελα πάρῃ ἀπὸ ἐσᾶς, ὡσὰν τὸ ὑπῆρα ἀπ' ὅλαις ταῖς γλώσσαις, δίδω τὸν θεόν σας νὰ ἔναι θεός μου νυκτὸς καὶ ἡμέρας εἰς βοήθειάν μου, καὶ ἡ ἀγάπη του καὶ ἡ ἐλεημοσύνη του νὰ ἦναι μεθ' ἡμῶν. καὶ ἐδώρησέν του χρυσάφιν, καὶ αὐτὸς οὐδὲν τὸ ἐδέκτη, ἀμὴ εἶπεν· ἂς ἔναι δώρημα τοῦ θεοῦ. καὶ ἐξέβην ὁ Ἀλέξανδρος ἀπὸ τὸν ναὸν καὶ ἐσίμωσεν πρὸς τὸν θεὸν τῆς Αἰγύπτου· καὶ ὁ προφήτης Ἱερεμίας τὸν ἐπροβόδισε ἕως τὸ μεσιμέρι καὶ ὅλον τὸν δρόμον ἐσυντύχαινεν τοῦ Ἀλεξάνδρου· καὶ εἶπεν ὁ προφήτης· λέγω, τέκνον, παρακάλειε τὸν θεὸν τοῦ οὐρανοῦ καὶ τῆς γῆς νυκτὸς καὶ ἡμέρας, ἔχε διὰ στόματός σου, καὶ αὐτὸς σοῦ θέλει γένῃ εἰς βοήθειαν. καὶ τὴν δύναμιν ὅλην τῶν Περσῶν θέλεις τζακίσῃ· καὶ

---

[1]) ркп. καιρία καὶ λαμπάδων.

ἐσύ, Ἀλέξανδρε, ὕπαγε εἰς τὴν Αἴγυπτον καὶ θέλεις τὴν ἐπάρῃ. καὶ τὸν Πῶρον τῆς Ἰντίας θέλεις σκοτώσει, καὶ τὸν Δάρειον τὸν θέλεις πάρῃ· καὶ λέγω σου, τέκνον, ὅτι ἐβλέπω, θέλεις εἶστεν ἀπανωθέον εἰς ὅλους τοὺς βασιλεῖς και κοντὰ εἰς τὴν παράδεισον θέλεις ὑπαγένῃ καὶ ἐκεῖ θέλεις εὕρῃ ἄνδρες καὶ γυναῖκες εἰς ἕνα νησὶν φυλακωμένους, ὁποῦ εἶναι τὸ φαί τους καὶ ἡ ζωή τους ἀπὸ ὀπώρα [1]). οὐχὶ ἄλλον τίποτε, καὶ ἡ ἐνδυμασία τους ἔναι τὸ πετζί τους μὲ τὸ μαλλί τους σκεπασμένη· καὶ κοντὰ εἰς τοὺς ἀγγέλους μὲ ἀγάπην εὐφραίνονται· καὶ τὸ ὄνομά τους εἶναι Μάκαροι ἀπὸ τὸν θεόν· καὶ ὅλα αὐτὰ θέλεις ἰδῇ Ἀλέξανδρε, ἀκόμη σε θέλουν ὁμολογήσει ἐκεῖ διὰ τὴν ζωήν σου καὶ τὸν θάνατόν σου· ἀμὴ παρακαλῶ σε μηδὲν μᾶς ἀφίνῃς νὰ ἔχωμεν λύπῃ· ἔπαρ' τίποτε ἀπὸ ἐμᾶς, Ἀλέξανδρε. καὶ ὁ βασιλεὺς εἶπεν· ὡσὰν ὡρίζῃς, πατέρα, οὕτως νὰ ποιήσω· καὶ εἶπεν ὁ προφήτης. καὶ ἤφεραν λιθαρόπουλον λυχνιτάρι, καὶ εἰς αὐτὸ τὸ λυχνιτάρι ἦτον γραμμένο τὸ ὄνομα τοῦ Σαβαώθ, καὶ αὐτὸ τὸ λιθαρόπουλον ἐβάστα εἰς τὴν μπαρμποῦτα του ὁ υἱὸς τοῦ Ναυῆ ὅταν ὑπαγαίνε νὰ πολεμίσῃ μὲ ἀλλόφυλα ἔθνη· ἤφεράν του καὶ τὸ σπαθὶ τοῦ Γολιὰθ τοῦ Ἕλληνος ὁποῦ τὸν [2]) ἐτρόπωσεν ὁ Δαυὶδ τῶν Ἑβραίων. ἤφεράν του καὶ τὴν μπαρμποῦτα τὴν διγαλὴν τοῦ ἀνδρειωμένου τοῦ Σαμψων μὲ τῶν ὀφιδίων τὰ ὀνύχια κολλημένη· ἤφεράν του καὶ τὸ κοντάρι τοῦ Σαμψοῦ, ἀδαμάντινον τὸ ξίφος, ὁποῦ κανένα σίδερο οὐδὲν ἠμπορεῖ νὰ τὸ κρατήσει· καὶ ἤφεράν του σκουτάρι σιδερένιον ἀπὸ ἄνικον [3]), ὁποῦ ἄλλον σίδερον οὐδὲν τὸ ἐπέρνα, ὁποῦ εἶχεν γένῃ τοῦ Υἱωπανθάνου [4]) τοῦ υἱοῦ τοῦ Σαοὺλ τοῦ βασιλέως· ἤφεράν του καὶ οἱ Ἑβραῖοι τοῦ κάστρου ἄλογα διαλεκτὰ ἑκατον, ὅλα μαγδάλια. καὶ ἐπροσκύνησάν τον· καὶ ἀπ' αὐτοῦ τὸν εὐλόγησεν ὁ προφήτης Ἱερεμίας καὶ εἶπεν, ὅτι οὐδένα κάστρο καὶ τόπος νὰ σταθῇ ἔμπροσθέν σου, Ἀλέξανδρε· καὶ ἀπέκει τὸν ἐφίλησεν καὶ ἐγύρισεν [5]). τοτε καὶ ὁ Δάρειος

---

[1]) ркп. ἤπορα. Нар. 71 πωρικά.

[2]) ркп. τό.

[3]) Новак. стр. 50: отъ *акінта* (вар. анита, анкиноа) гвоздіа. Въ греч. нар. кн., стр. 71—2, нѣтъ соотвѣтствія.

[4]) Новак. l. c. Анаѳана (вар. Иоаѳана).

[5]) Сл. греч. народную книгу (р. 72): τέλος τὸν εὐλόγησεν ὁ Προφήτης Ἱερεμίας καὶ ἄφηκέ τον νὰ ὑπάγῃ. Слѣдуетъ далѣе походъ Александра въ Еги-

ἔπεμψεν καταπατητάδες εἰς τὸν Ἀλέξανδρον καὶ ἡ βίγλα τοῦ Ἀλεξάνδρου ἐπίασέ τους· καὶ ὁ Ἀλέξανδρος ἐλεημονήθη τους καὶ ἀπόλυσέν τους· καὶ ὑπῆγαν εἰς τὸν Δάρειον καὶ ὡμολόγησάν του ὅσον εἶδαν καὶ τὸν Ἀλέξανδρον ἐπαινοῦσαν πάμπολλα· ἐθυμώθη ὁ Δάρειος καὶ ὥρισεν καὶ ἔκοψεν ταῖς γλώσσαις τους, νὰ μηδὲν ἀκούση τὸ φουσάτο καὶ σκιασθῆ· καὶ ἐποίησαν βουλὴν καὶ ὤρθωσεν νὰ κινήσουν εἰς τὸν πόλεμον· καὶ οἱ αὐθεντάδες τοῦ εἶπαν· βασιλέα Δάρειε, οὐδὲν πρέπει ἐσένα νὰ πολεμήσης μὲ τὸν Ἀλέ[39 r.]ξανδρον, ὅτι αὐτὸς ἔναι ῥυμπᾶς, ἀκόμη ἔναι καὶ μικρότερος καὶ ἀπὸ ὅλους τοὺς βασιλεῖς ὁποῦ ἔχεις ἀποκάτου σου. καὶ ἄρεσεν ὁ λόγος οὗτος τὸν Δάρειον· καὶ ὥρισεν καὶ ἔκραξαν τὸν μέγαν βοηβόντα τὸν πρωτοστράτουραν, ὁποῦ εἶχεν πρῶτον εἰς τὸ φουσάτον του ὅλον, ὀνόματι Μίμαντον, καὶ εἶπεν του· ἔπαρε φουσάτα ἀπὸ τοὺς Πέρσας χίλιαις χιλιάδες, ἔπαρε καὶ ἐκ τοὺς δήμους[1] ͵τ´ καὶ ἐκ τὴν Θεσπίαν ͵σ´ ἔπαρε καὶ δοξιότες[2] ͵ρ´, καὶ σύρε καὶ πέρασε τὸν Ἐφράτην ποταμόν, καὶ ὅπου εὕρης τὸν Ἀλέξανδρον, τὸν υἱὸν τοῦ Φιλίππου, νὰ τὸν φέρης εἰς τὴν βασιλείαν μου δεμένον· εἰ δὲ μὴ καὶ κάμη νὰ φύγη, νὰ τὸν διώξης ἐπὶ τὸν κόσμον ὅλον, ὥστε νὰ τὸν πιάσης· καὶ σύρε, καὶ ἐγώ, ὁ θεὸς τῆς Περσίας, νὰ ἔναι βοηθός σου· ὁ Μίμαντος ὑπῆρε τὸ φουσάτο ὅσον ὥρισεν.

Περὶ ὅταν ἀρματώθη τὸ φουσάτο τοῦ Ἀλεξάνδρου καὶ ἐποίησεν σύναξιν.

Ὁ Δάρειος ἐπέρασεν τὸν Ἐφράτην ποταμὸν καὶ εἶδε τὸ φουσάτο τοῦ Ἀλεξάνδρου καὶ ὤρθωσεν εἰς τὸν πόλεμον· ὁ Ἀλέξανδρος εἶδε τὸ φουσάτο τοῦ Μίμαντος, ὥρισεν καὶ ἀρματώθη τὸ φουσάτο του· καὶ ἐκαβαλίκευσαν ὅλοι· καὶ ἐλάλησεν ὁ Ἀλέξανδρος φωνῇ μεγάλῃ· ὢ θαυμαστοὶ καὶ φοβεροὶ ἀνδρειωμένοι μου Μακεδόνες καὶ Λακιδαιμονίτες, καὶ φῶς τῶν ὀφθαλμῶν μου, πρωτοκαβαλαραῖοι χρυσοπτερνιστηράτοι, ἠκούσατε· ὅτι ἡ σκέπη τοῦ θεοῦ τοῦ οὐρανοῦ καὶ

петъ, пропущенный въ нашемъ текстѣ, послѣ чего оба совпадаютъ на стр. 76 греч. нар. кн.: ἔστειλε (sc. ὁ Δαρεῖος) καταπατητάδες и т. д.

[1] ркп. δήμους; въ народ. греч. кн. 78 Μήδους, Новак. 54 Мидѣнь.

[2] Народ. греч. кн. 78 τοξότας.

τῆς γῆς, ἡ χάρη του καὶ ἡ ἐλεημοσύνη του ἦλθεν πρὸς ἐμᾶς· ὁποῦ ἐσεῖς εἴδετε τὴν βοήθειάν του, τὸ πῶς τὴν Ῥώμην ἠπήραμεν καὶ τὰ νησία ὅλα καὶ τὴν Ἱερουσαλὴμ, καὶ αὐτοῦ τὸν θεὸν ἐπροσκυνήσαμεν. καὶ μὲ τὴν δύναμίν του ἠπήραμεν τὴν Αἴγυπτον καὶ ἕως τὸν Δάρειον ἤλθαμεν, καὶ ἐὰν αὐτὸν τζακίσωμεν, θέλομεν γένη αὐθέντες καὶ οἰκοκύραι· εἰ δὲ αὐτὸς τζακίσει ἐμᾶς, εἰς ὅλον τὸν κόσμον θέλει μᾶς διώξη· καὶ κάλλιον ἔναι ἐμᾶς τὴν σήμερον ἡμέραν εἰς τὸν πόλεμον ν' ἀποθάνωμεν ὅλοι, ἀμὴ νὰ τὸ ἠξεύρετε ὅτι ἐγλήγορα θέλουν ἐφύγη, καὶ θέλομεν τοὺς τζακίσει· ὅτι ὁ βασιλεύς του [1]) δὲν ἔναι ἀντάμα μὲ τὸ φουσάτο του· καὶ ἐκαβαλίκευσεν τὸ ἄλογόν του τὸν Βουκέφαλον καὶ ἔβαλεν τὴν μπαρμποῦτα εἰς τὸ κεφάλιν του καὶ ὤρθωσεν τὰ φουσάτα του εἰς τρία λάγια. [2]) καὶ αὐτὸς ἔρχετον ἐξοπίσω μὲ τὴν σύνταξίν του, καὶ ἀπόστειλεν τὸν Ἀντίοχον καὶ τὸν Πτολομαῖον εἰς δύο σύνταξες· καὶ οὕτως ἐπῆγαν ἐγλήγορα ἀπάνου τους καὶ ἐκτυπήθησαν μὲ τὰ κοντάρια, καὶ ἐτζάκισαν τὰ κοντάρια, καὶ ἔσυραν τὰ σπαθία τους καὶ ἐκτυπήθησαν κατὰ πρόσωπα εἰς τὰ δόντια· οἱ Πέρσιδες οὐδὲν ἠμπόρεσαν νὰ βαστάξουν τὰ ἀκονιστὰ σπαθία τῆς Μακεδονίας καὶ οὕτως ἔδωκαν εἰς τροπὴν φυγῆς [3]), καὶ ὁ Ἀλέξανδρος μὲ τοὺς Πέρσας ἐσμίχθη καὶ ἦλθεν διώχνοντάς τους ἕως τὸ πέσιμον τοῦ Δαρείου· καὶ ὁ βασιλέας, ὡς εἶδεν τὸ φουσάτο του τζακισμένο, εἰς ἕνα ἐγλήγορον ἄλογον ἐκαβαλίκευσεν καὶ ἔφυγεν· καὶ ὁ Ἀλέξανδρος εἶπεν τους· εἰπὲ τοῦ Δαρείου τοῦ βασιλέως ὅτι ἐσκότωσα τὸν μέγαν τὸν βοηβόντα του τὸν Μίμαντον, καὶ δίδε φουσάτο καὶ λιζάτο καὶ ἔχε τὸν τόπον τῆς Περσίας.

Περὶ ὅταν ἠπῆγεν ὁ Ἀλέξανδρος εἰς τὸν Δάρειον.

Εἰς αὐτὴν τὴν νύκταν εἶδεν ὄνειρον ὁ Ἀλέξανδρος τὸν προφήτην Ἱερεμίαν· καὶ εἶπεν· υἱέ μου Ἀλέξανδρε, σύρε καὶ μὴν ἔχῃς καμμίαν ἔγνοιαν ἀπὸ τὸν Δάρειον ἂν ἔφερνεν πλεώτερον φουσάτο καταπάνου σου· σύρε καὶ μὴ σκιαστῇς, ὅτι ἐσὺ ἔχεις βοηθὸν τὸν θεὸν τοῦ οὐρανοῦ καὶ τῆς γῆς Σαβαώθ· καὶ βάλε εἰς τὸ κεφάλιν σου λιθαρόπουλον,

---

[1]) ркп. του; вѣроятно τους.
[2]) въ народ. греч. кн. 79 μέρη.
[3]) ркп. φυγίου. Ср. стр. 14, пр. 2.

όταν 'σεβῆς εἰς τοὺς ἀλλοφύλους εἰς τὸν πόλεμον, ἐκεῖνο ὁποῦ σοῦ ἔδωκα εἰς τὴν Ἱερουσαλὴμ, καὶ πάντοτε ἔχε τὸν νοῦν σου καὶ παρακάλειε τὸν θεὸν μὲ τὸ στόμα σου καὶ λέγε· ἕνας ἅγιος, ἕνας θεὸς, ἕνας κύριος καὶ ποιητὴς τοῦ οὐρανοῦ καὶ τῆς γῆς, ὁ ὑπὸ τῶν Σεραφὶμ ἀνυμνούμενος καὶ ἐπὶ τῶν Χερουβὶμ ἀναπαυόμενος Ἀδωναΐ, Σαβαώθ· καὶ ὅσο πλῆθος καὶ ἂν ἔρχεται καταπάνου σου, ἐσὺ τους θέλεις τροπώσει, Ἀλέ[39 v.]ξανδρε. ὁ Ἀλέξανδρος ἀνέστη ἐκ τὸ ὅραμα ὁποῦ εἶδεν καὶ ἐχάρη χαρὰν μεγάλην· καὶ τόμου ἔδωκεν ἡ αὐγή. ἐκίνησεν σύντομα πολλὰ μὲ ὅλην του τὴν προθυμίαν εἰς τὸν πόλεμον· καὶ ὥρισεν καὶ ἐλαλοῦσαν τὰ ὄργανα ἀπὸ ταῖς δύο μεραίς· καὶ ἐκτυπήθησαν μὲ τὰ κοντάρια, καὶ ἦτον ὁ ἔκτυπος τῶν κονταρίων καὶ τῶν σπαθίων. ὁ κουδουνισμὸς καὶ ὁ χλημιτισμὸς τῶν φαρίων καὶ ἡ φωναὶς τῶν ἀνθρώπων ἠκούστη ἕως τῶν νεφελῶν τοῦ οὐρανοῦ· τόσο μέγα [1]) ἐγείνη αὐτὴν τὴν ἡμέραν καὶ τόσος σφαγμὸς ἐγείν' ἀπὸ τὰ δύο μέρη· οἱ Πέρσιδες οὐδὲν ἐδυνήθηκαν [2]) τὸν πόλεμον καὶ ἔδωκαν εἰς τροπὴν φυγῆς [3]) ὀπίσω εἰς τὸν τόπον τους· καὶ ὁ Ἀλέξανδρος τοὺς ἐδίωχνεν τρεῖς ἡμέραις καὶ τρεῖς νύκταις· καὶ ἐσκοτώθησαν ἀπὸ τοὺς Πέρσιδας. ͵ρδ'. καὶ ἐκ τοῦ Ἀλεξάνδρου ͵κ., καὶ ἐπίασαν καὶ ζωντανοὺς ͵σ'. καὶ ἤφεράν τους εἰς τὸν Ἀλέξανδρον· ὁ Ἀλέξανδρος εἶπεν τοὺς πιασμένους· πλέον εἰς τὸν πόλεμον νὰ μηδὲν ἔλθῆτε· καὶ ἀπόλυσέν τους· καὶ ἐσὰς ἐλεημονήθηκα καὶ ἐχάρησά σας τὴν ζωήν σας. ὁ Δάρειος ὁ βασιλεὺς ἠπῆρεν ἑκατὸν καβαλαραίους ἐγλήγορους καὶ ἐγλύτωσεν, καὶ ἠπῆγεν εἰς τὸ κάστρον τῆς Περσίας· καὶ ὁ Ἀλέξανδρος ἦλθεν μὲ τὰ φουσάτα του εἰς τὴν Βαβυλῶνα· καὶ ὡς ἤκουσαν οἱ Βαβυλωνίταις, μικροί τε καὶ μεγάλοι, ἦλθαν καὶ τὸν ἐπροσκύνησαν καὶ οὕτως τὸν ἐφούμισαν τὸν Ἀλέξανδρον μεγάλη φωνῇ· βασιλέα τῶν βασιλέων καὶ τῆς οἰκουμένης ὅλης, πολλὰ τὰ ἔτη τὴν βασιλεία σου. καὶ ἤφεράν του προσκυνήματα, δῶρα πολλὰ πανθαύμαστα, ἃ ὀφθαλμὸς οὐκ εἶδεν καὶ οὖς οὐκ ἤκουσεν· ἐξέβαλάν του

---

[1]) Народ. греч. кн. 82 τόσον κοφιμον: это слово или подобное пропущено въ текстѣ.

[2]) Народ. греч. кн. 82 δὲν ἠμπόρεσαν νὰ βαστάξουν τον πόλεμον. несомнѣнно ошибочно глаголомъ и должно дополнить недостающее.

[3]) ркп. φηγίου.

καὶ τοῦ Δαρείου τοῦ βασιλέως τὸ χρυσάφιν ὁποῦ ἦτον αὐτοῦ β' χιλιάδες τάλαντα καὶ ἄλογα χίλια, ἤφεράν του καὶ τοὺς λεοντάδες τοῦ Δαρείου ἑκατὸν (χιλιάδες), ὅλους εἰς χρυσοὺς ἁλύσους· ἤφεράν του καὶ πάρδους τοῦ κυνηγίου ά., ἤφεράν του καὶ φαρία ἀράπικα πεντακόσια, ὁποῦ ἦσαν ἐγλήγορα ἀπὸ τοῦ κόσμου ὅλουνοῦ· ἤφεράν του σταγόνια χρυσὰ δύο χιλιάδες καὶ κούπαις ἐγκοσμισμέναις χίλιαις, καὶ ἀλόγων ἀρματοσίαις τρεῖς χιλιάδες ὁποῦ ἦσαν καμωμέναις ἀπὸ ὀψάρια· αὐτὰ τὰ πετζία σίδερον οὐδὲν τὰ ἐπέρνα· ἐξέβαλάν του καὶ τὸ ἀπανωφόρι τοῦ Ἐξερξένου τοῦ βασιλέως τῆς Περσίας ὁποῦ τὸ εἶχεν ἐγκοσμισμένο μὲ τοῦ ὀφιδίου τὰ ὀμμάτια καὶ μὲ πολύτιμα λιθαρόπουλα· ἤφεράν του καὶ τὴν τάβλα τοῦ Δαρείου τοῦ βασιλέως ἀπὸ τὴν ζαφύραν μὲ τὰ πολυτίμητα λιθαρόπουλα· καὶ ὅταν ἤσθιεν ἀπάνου της ποτὲ κακὴν καρδίαν οὐδὲν εἶχεν· καὶ ἐποίησαν εἰς τὴν Βαβυλῶνα τριάντα ἡμέραις· ὁ Δάρειος ὁ βασιλεὺς ὡς ἤκουσεν, ὅτι ὁ Ἀλέξανδρος ἠπῆρε τὴν Βαβυλῶνα, ἐπικράθη καὶ ἀναστέναξεν βαρεῖα καὶ ἐθλίβην πολλὰ καὶ ἔλεγεν· εἴ τις ἄνθρωπος ὑψηλοφρονᾷ καὶ γίνεται ἐπίγειος θεός, καὶ οὐδὲν καταδέχεται πᾶσα ἄνθρωπον νὰ συντυχαίνῃ, γυρίζει τον ὁ θεὸς ὁ οὐράνιος καὶ ποιεῖ τον εἰς τὰ καταχθόνια τοῦ ἄδου.

Περὶ ὅταν εἶδεν ὄνειρον ὁ Ἀλέξανδρος [1]).

Ὁ Ἀλέξανδρος αὐτὴν τὴν ὥραν ἤγουν τὴν νύκταν εἶδεν ὄνειρον· ὅτι ἦλθεν ὁ προφήτης Ἱερεμίας, καὶ ἦτον ἐντυμένος ἀρχιερατικὴν στολὴν καὶ εἶπεν του ἐγλήγορα· τέκνον Ἀλέξανδρε, σύρε καὶ γένου ἀποκρισιάρης εἰς τὸν Δάρειον καὶ καταπάτησέ τον αὐτὸν καὶ τὰ φουσάτα του καὶ τῆς Ἰνδίας ὁποῦ φέρνει καταπάνου σου· καὶ ἐάν σε ἐγνωρίσουν εἰς τὸν Δάρειον, ὁ θεὸς τοῦ οὐρανοῦ καὶ τῆς γῆς Σαβαὼθ σε θέλει φυλάξῃ καὶ θέλεις [2]) σωθῇ ἀβλαβὴς ἀπέκει· καὶ μὴ φοβηθῇς κανένα τίποτες· καὶ ὁ Ἀλέξανδρος ἐξύπνισεν καὶ ὥρισεν, καὶ ἦλθεν ὁ Πτολομαῖος καὶ ὁ Φιλονης καὶ ὁ Ἀντίοχος, καὶ ἔδειξέν τους τὸ

---

[1]) Между предъидущей и слѣдующей главой вѣнскій списокъ опустилъ: ободрительныя рѣчи Даріевыхъ вельможъ и эпизодъ объ Ависсѣ, Амвисѣ слав. перевода. Сл. греч. нар. кн. стр. 85—90.

[2]) ркп. θέλει.

ὅραμα καὶ εἶπεν τους· ἐὰν μοῦ πέσῃ κίνδυνος καὶ ἀποθάνω ἐκεῖ, ὅλα τὰ βασίλεια τοῦ κόσμου νὰ τὰ ἡμοιράσετε τοὺς ἐμαυτοῦ σας, καὶ τὸ σκαμνὶ τῆς Μακεδονίας νὰ τὸ φυλάξετε καλά. καὶ αὐτοὶ οὐδὲν τὸν ἀφίνουν νὰ ὑπαγαίνῃ· καὶ ἐγείνῃ θρῆνος μέγας· καὶ αὐτὸς τους ἀποκρίθη· ἐσεῖς οὐδὲν με ἀφίνετε νὰ ἡπηγαίνω· καὶ ἂν [40 r.] θέλῃ ὁ θεὸς ὅτι νὰ χαθῶ, ὅλουνοῦ τοῦ κόσμου τὰ χέρια οὐδὲν δύνονται νὰ μὲ βοηθήσουν· εἰ δὲ ὁ θεὸς θέλει ὅτι νὰ μὲ φυλάξῃ, ὅληνῆς τῆς Περσίας τὰ χέρια οὐδὲν δύνονται νὰ μὲ σκοτώσουν. ὁ Ἀλέξανδρος ὡσὰν ἀποκρισιάρης ἐγείνῃ καὶ ἡπῆγεν εἰς τὸν Δάρειον· καὶ ἡπῆρεν πιτάκι καὶ ἐδύθην φορεσίαν περσικὴν καὶ εἰς τὸ κεφάλι του εἶχεν χλαμοῦτζαν μὲ χρυσομάργαρον καὶ μὲ πολυτίμητα λιθαρόπουλα ἐγκοσμισμένη, καὶ ἀπάνου εἰς τὴν φορεσίαν του ἔβαλεν ταπάριν φοινικιότικον, καὶ ἦτον ἐγκοσμισμένο μὲ τῆς ἀσπίδας τὰ κερατοπουλα καὶ μὲ χρυσαὶς φόλαις μεγάλαις.

Περὶ ὅταν ἐγείνῃ ἀτός του ὁ Ἀλέξανδρος ἀποκρισιάρης.

Ὁ Δάρειος ἤκουσεν, ὅτι ἦλθεν ἀποκρισιάρης τοῦ Ἀλεξάνδρου καὶ ἐποίησεν σύναξιν μεγάλην καὶ φοβερή, διότι νὰ φανῇ τοῦ ἀποκρισιάρη ὑπερθαύμαστος φοβερός· καὶ ὁ Ἀλέξανδρος ἐσέβην εἰς τὸ παλάτιν τοῦ Δαρείου καὶ ἔδωκεν τὴν ἐπιστολὴν τοῦ βασιλέως καὶ τέτοια λόγια ἐσύντυχεν· ὁ ἀφέντης ὁ ἐδικός μου ὁ Ἀλέξανδρος, ὁ ὑψηλότατος βασιλεὺς ἐσένα πρὸς τὸν βασιλέα τῆς Περσίας πολλὰ χαιρετά· καὶ εἶπεν μου νὰ κρίσῃς νὰ ἀναγνώσουν τὴν ἐπιστολήν του καὶ ἄλλην ἐγλήγορα νὰ μοῦ δώσῃς νὰ ἡπηγαίνω· ὁ Δάρειος ἐκάθετον εἰς ἕνα θρονὶν ὑψηλὸν πολλά, καὶ ὁλόγυρά του ἦσαν ὡσὰν πρόσωπα ἀγγελικὰ καμωμένα, μὲ λαμπάδες ὡσὰν τῶν θεῶν [1]) στέκονται· ὅλον τὸ παλάτι ἀπέσω ἦτον ἁγνὸν χρυσάφιν ὅλον μὲ λιθαρόπουλα καὶ μαργαριτάριν ἐγκοσμισμένο· καὶ εἰς ταὶς τέσσαρες κώχαις ἔφεγγεν ὅλον τὸ παλάτιν ὡσὰν λαμπάδες· καὶ τοῦ Ἀλεξάνδρου τὴν ἐπιστολὴν ἐδέχτη ὁ Δάρειος καὶ ὥρισεν νὰ ἀναγνώσουν τὴν ἐπιστολήν του δυνατά· ἕνας ἀπὸ τοὺς Πέρσιδες ἤξευρε ῥωμαϊκὰ γράμματα καὶ ἀρχέρισεν νὰ τὴν ἀναγνώσῃ δυνατά. καὶ ἔγραφεν οὕτως·

---

[1]) рκп. τὸν θεῶν.

Περὶ ὅταν ἔστειλεν ὁ Ἀλέξανδρος ἐπιστολὴν εἰς τὸν Δάρειον.

Ὁ Ἀλέξανδρος ὁ βασιλεύς, ὁ υἱὸς τοῦ Φιλίππου τοῦ βασιλέως καὶ ὁλουνοῦ τοῦ κόσμου βασιλέας μὲ τὴν ἐλεημοσύνη τῆς ἄνω προνοίας τὸν θεὸν ὁποῦ εἶμαι χῶμα του· ἤξευρε καλά, Δάρειε τῆς Περσίας, ὅταν ἐπέρνες ἀπὸ τὸν πατέρα μου δόσια καὶ λιζάτον, καὶ τόμου ἀπόθανεν, αὐτὸς ἐμένα ἐμπρωτίτερα εἶχε με βασιλέα καμωμένον· καὶ ἐσὺ μὲ ἀτίμωσες ἀπὸ τὴν ὑψηλοφροσύνην σου, καὶ τὴν ἀδικήν σου τὴν κρίσιν καὶ ἀπέστειλες ἄλλον εἰς τὴν Μακεδονίαν νὰ ἀφεντεύγῃ καὶ ἐμένα ἔβγανες ἀπὸ τὸ γονικόν μου· καὶ ἐτοῦτο τὸ ἄδικον εἶδεν ὁ θεὸς ὁ ἀόρατος καὶ [ὁ] ὀφθαλμός του ὁ ἀκοίμητος, ὁποῦ νυκτὸς καὶ ἡμέρας[1]) θεωρεῖ τὸ ἄδικον καὶ τὸ δίκαιον καὶ τὰς καρδίας τῶν ἀνθρώπων γινώσκει· καὶ ἡ δικαία κρίση εἰς τὰ χέρια του ἔναι καὶ ἐσένα ἄρχοντα καὶ αὐθέντην ἐποίησε καὶ τὴν σήμερον ἡμέραν ὕψωσέ με ἐμένα ἀπὸ κοπρίας γῆς καὶ ἐποίησέ με βασιλέα εἰς ὅλον τὸν κόσμον· καὶ ἡ βασιλεία σου ὥρισεν νὰ μὲ φέρουν νήπιον παιδὶ εἰς τὴν αὐλήν σου νὰ δουλεύω· καὶ ἐγὼ ἀτός μου ἦλθα ἄνδρας πρὸς ἐσένα· καὶ σὰν ἦσουν ἐσυ τοῦ κόσμου ὁλουνοῦ βασιλέας καὶ εἰς τὸ γονικόν μου ἀνελεήμονας ἤγουν τὰ ἐδικό μου, ἀμὴ ἤξευρε ὅτι ἐγὼ οὐδὲν εἶμαι ἀνελεήμονας. ἀμὴ γύρισε τὴν καρδίαν σου τὴν παραφθαρσίαν καὶ πέσε προσκύνησέ με καὶ δίδε μου δόσια καὶ λιζάτο καὶ αὐθέντευε εἰς τὸν τόπον τῆς Περσίας· καὶ ἂν οὐδὲν σὲ ἀρέσῃ οὕτως, ἂς ἦσαι ἕτοιμος νὰ πολεμίσῃς ἀπάνου εἰς δεκαπέντε ἡμέραις εἰς τὸν ποταμὸν τῆς Ἀρσενίας μὲ ὅλον μου τὸ φουσάτο· καὶ ὁ Δάρειος εἶπεν πρὸς τους μεγιστάνους του· ἐπαντέτε ἐσεῖς τέτοιαν ὕψωσιν καὶ τόσην καύχησιν, νὰ ἐξέβῃ ἀπο τους Μακεδόνας προς ἐμᾶς; ὁ Ἀλέξανδρος ἔμπροσθέν του ἤστεκεν καὶ εἶπεν του· ὅτι ἐὰν οἱ Μακεδόνες ἀφεντέψουν τιποτες, θαυμαστὸν οὐδὲν ἔναι ὅτι αὐθεντεύουν. [40 v.] ὁ Δάρειος εἶπεν· διατί; καὶ αὐτος τοῦ ἀποκρίθη· διότι εἶναι ἐγκαρδιακοι καὶ φρονιμοι πολλα καὶ ἀνδρειωμένοι ἕως το ἄκρος· ἔχει καὶ φουσάτο πολυ ὡς το ἄκρος, καὶ ἔναι πολλοι[2]) ὡς τον ἄμμον τῆς

[1]) рки. ἥμερος.
[2]) рки. πολλά.

θαλάσσου καὶ ἔχουν καὶ ὁμόνοια μεγάλην εἰς τὴν μέσην τους· καὶ εἶπεν· δότε μου ἑτέρα ἐπιστολή· ὁ Δάρειος εἶπεν· ἄς ἦσαι ἕτοιμος εἰς τὸν δεῖπνον νὰ δειπνήσωμεν ἀντάμα, ὥστε νὰ γράψουν ἐπιστολὴν πρὸς τὸν Ἀλέξανδρον. ὁ Δάρειος ἐκάθετον εἰς τὸν δεῖπνον μὲ ὅλους τοὺς βασιλεῖς καὶ τὸν Ἀλέξανδρον ἐκάθισεν εἰς τὸν ἀποκρισιαρέων τὸν τόπον· καὶ ἤφεραν τὰ φαϊτὰ νὰ ἐσθίουν· καὶ ἀρχέρισαν νὰ κερνοῦν τὸν βασιλέα καὶ δεύτερον ἐκέρασαν τὸν Ἀλέξανδρον μὲ μαλαματένια κοῦπα· ἔπιεν τὸ κρασί ὁ Ἀλέξανδρος καὶ τὴν κοῦπα τὴν ἔβαλεν εἰς τὸν κόρφον του· ὁ κερνάτορας ἔδειξεν τοῦ Δαρείου· καὶ εἶπεν· κέρνα μὲ ἄλλην κοῦπα. καὶ πάλιν ἐκέρασαν τὸν Ἀλέξανδρον, καὶ ἐποίησεν ὡς τὸ πρότερον· ἕνας ἐκ τοὺς ἀφεντάδες εἶπεν· διατί εἰς τὴν βασιλικὴν τάβλα οὕτως ἐποίησας; ὁ ἀποκρισιάρης εἶπεν· πολλὰ μέγα καὶ φοβερὸν αὐθέντην ἔχω, καὶ τέτοιαν κατάστασιν (ἤθησιν)[1]) ἔχει εἰς τὰ ζακόνιά του ὁ βασιλεύς μου ὁ Ἀλέξανδρος, τὴν ά καὶ τὴν β' ὅταν πίνουν, κάθε ἄνθρωπος ταὶς πέρνει μὲ λόγου του· καὶ ἀπ' αὐτοῦ πίνουν μὲ ἄλλαις κούπαις· καὶ ὡς ἤκουσαν οἱ ἄρχοντες τῆς Περσίας τοὺς λόγους, ἐθαύμαξαν τὸ πῶς ἔχει καλὰ ζακόνια· ὁ Καταρκούσης ὀκάποτες εἶχεν τὸν ἀπεστείλη ὁ Δάρειος, ὅταν ἀπόθανεν ὁ Φίλιππος, νὰ ἀφεντεύη εἰς τὴν Μακεδονίαν, ἐσηκώθη ἀπὸ τὴν τράπεζα καὶ λέγει τοῦ Δαρείου κρυφά· νὰ ἠξεύρῃς, βασιλεύς, ὅτι τὴν σήμερον ἡμέραν ἐγείνη τὸ ἐδικόν σου τὸ θέλημα· ὁ Δάρειος εἶπεν· πῶς; ὁ Καταρκούσης τοῦ εἶπεν· ὅτι ὁ ἀποκρισιάρης οὗτος ἔναι ὁ Ἀλέξανδρος· ὁ Δάρειος ἐπλήσθη χαρὰν μεγάλην καὶ εἶπεν· ὅτι ὁ ἀποκρισιάρης οὗτος ἂν ἔναι ὁ Ἀλέξανδρος, ἐγείνηκα αὐτοκράτορας βασιλέας· ἀμὴ οὐδὲν πιστεύω τοὺς λόγους σου· ὁ Καταρκούσης τοῦ εἶπεν· ἡ τιμὴ καὶ ἡ δόξα μου νὰ τὴν ὑστερηθῶ, ἐὰν οὐδὲν ἔναι ὁ Ἀλέξανδρος. καὶ ὡς εἶδεν ὅτι βουλεύονται, ἐδοκήθην καὶ πρὶν νὰ τὸν πιάσουν, ἔβαλεν τὸ χέρι του εἰς τὸν καυτουργὰν καὶ ἔβγαλεν τὸ δακτυλίδι, ὁποῦ εἶχεν πάρῃ εἰς τὴν Τρωάδα, ὁποῦ εἶχεν λιθαρόπουλον πονηρόν. καὶ ἔβαλέν το εἰς τὸ δάκτυλόν του καὶ ἐγένετον ἄφαντος ἀπὸ τοὺς ἀνθρώπους ὁλουνούς· [2]) καὶ (ὁ Δάρειος) εἶπεν τοῦ ἀποκρισιάρη·

[1]) ἤθησιν б. м. объясненіе къ κατάστασιν.

[2]) Слѣдуетъ понимать, вмѣстѣ съ славянскимъ текстомъ, что перстень *вообще* дѣлалъ невидимымъ. Пока Александръ только *приготовилъ* его,

ὅτι πολλοί[1]) μοῦ δείχνουν ὅτι ὁμοιάζεις τὸν Ἀλέξανδρον, ὦ ἄνθρωπε· ὁ Ἀλέξανδρος τὸν ἀποκρίθη· ὦ βασιλέα Δάρειε, ἐγὼ διατὶ μοῦ παρομοιάζει ὁ Ἀλέξανδρος ὁ βασιλέας μου[2]), εἶμαι εἰς ἀγάπην πολλὴν εἰς αὐτὸν καὶ τιμὴν ἔχω παρ' ὅλους, καὶ πολλοὶ αὐθεντάδες λαθόνονται καὶ ἔρχονται καὶ φιλοῦν τὸ χέρι μου, καὶ φαίνεταί τους, ὅτι ἐγὼ εἶμαι ὁ Ἀλέξανδρος. καὶ ὡς ἤκουσεν (ὁ Δάρειος) τοιούτους λόγους, ἔπεσεν εἰς λογισμὸν μέγαν, τὸ πῶς νὰ κάμῃ νὰ μηδὲν ἐντροπιασθῇ ὕστερα· καὶ ἐσηκώθη ἀπὸ τὸ δεῖπνον καὶ ἠπῆγεν εἰς τὸ σαράγιν του καὶ ἠπῆρεν φανάρια καὶ λαμπάδες μεγάλαις· καὶ ὑπῆγαν μὲ τὸν Δάρειον· καὶ ὁ Ἀλέξανδρος ἐπέμεινεν εἰς τὸ παλάτιν μὲ τοὺς ἄρχοντες· καὶ ὁ Ἀλέξανδρος ἐγδύθη τὴν φορεσίαν του καὶ τὴν μπερέτα του, ὁποῦ εἶχεν ὡσὰν προσκέφαλον τάχα ὅτι ἐκοιμάτον· καὶ παρευθὺς ἐξέβη ἔξω καὶ ἔδραμεν ὅσον ἐδυνήθη τὴν ροῦγαν εἰς τὴν πόρτα τοῦ κάστρου· καὶ εἶπεν τοῦ πορτάρῃ· κράτει αὐτὴν τὴν κοῦπαν τοῦ βασιλέως σημάδι ὁποῦ μὲ ἔδωκεν· ὅτι μὲ ἔστειλεν ὁ Δάρειος νὰ ὀρθώσω ταῖς βίγλαις τοῦ φουσάτου· καὶ παρευθὺς τὸν ἄνοιξεν· καὶ ἔδραμεν εἰς τὴν ἄλλην μερέαν ἤγουν εἰς τὴν πόρταν καὶ ἔδωκε τὴν κοῦπα τὴν δεύτερη καὶ εἶπεν αὐτουνοῦ τοῦ πορτάρῃ· ἔπαρε αὐτὸ τὸ βασιλικὸν σημάδιν τοῦ Δαρείου καὶ ἄνοιξε τὴν πόρταν ἐγλήγορα, ὅτι ἀπόστειλέν με ὁ βασιλεὺς νὰ κράξω τοὺς βοηβον[41 r.]τάδες εἰς τὴν βουλὴν τοῦ βασιλέως, νὰ δυναμώσουν ταῖς βίγλαις· καὶ ἄνοιξέν του καὶ αὐτὸς τὴν πόρταν· καὶ αὐτὸς ἔφευγεν ὅσον ἐδυνήθην καὶ ηὗρεν τὸ ποταμὸ τῆς Ἀρσενίας παγωμένο, καὶ ἐπέρασέν το, καὶ ηὗρε τὸν Ἀντίοχον καὶ τὸν Φιλόνην καὶ τὸν Πτολομαῖον καὶ τοὺς ἔδειξε τὸ πῶς τὸν ἐγνώρισαν· ὁ Δάρειος ἠπῆγεν εἰς τὸ σαράγιν του καὶ εἶπαν οἱ βασιλεῖς· ὁ ἀποκρισιάρης οὗτος ἔναι ὁ Ἀλέξανδρος· ὁ Δάρειος ὥρισεν τὸν Καταρκούσῃ καὶ τὸν βασιλέα τὸν Κρίσῃ νὰ τὸν πιάσουν, καὶ οὐδὲν τὸν ηὗραν νὰ τὸν πιάσουν· καὶ ὡς εἶδαν τὴν πονηρίαν τοῦ Ἀλεξάνδρου, ἠπῆραν μὲ τὸν ἐμαυτόν τους τρακοσίους καβαλαραίους

чтобъ воспользоваться имъ *позднѣе*, о чемъ забыли упомянуть греческіе тексты, но разсказываютъ славянскіе.

[1]) ркп. πολλά.

[2]) Сл. нар. греч. кн., стр. 95: ἐγὼ διότι παραμοιάζω τὸν αὐθέντην μου τὸν Ἀλέξανδρον, εἶμαι и т. д.

καὶ ἠπῆγαν εἰς ταὶς πόρταις· καὶ οἱ πορταραῖοι εἶπαν· ἐτούτην τὴν ὥραν ἦλθεν ἕνας ἄνθρωπος καὶ ἄφηκεν ταὶς δύο κούπαις ταὶς χρυσαὶς τοῦ βασιλέως, καὶ ἂς στέκωνται, ὅτι μὲ ἔστειλεν ὁ βασιλέας νὰ ὀρθώσω ταὶς βίγλαις, καὶ ἀνοίξετε ἐγλήγορα· καὶ ἔδραμαν κατόπισθέν του καὶ ἕως τὸ ἔβγα τοῦ ἡλίου ἦλθαν εἰς το ποτάμι καὶ εἶδαν τὸν Ἀλέξανδρον πέρα τὸ ποτάμι καὶ ἔπεσαν εἰς ἐντροπήν. Ὁ Ἀλέξανδρος ἐλάλησεν· τί γυρεύετε ἐσεῖς, ἄνθρωποι; ἐσεῖς ἄνεμον διώχνετε, καὶ τὸν ἄνεμον κανεῖς οὐδὲν τὸν φθάνει· καὶ ἐσεῖς μὲ τὰ ὀμμάτια σας ἐβλέπετε ὅτι τῶν Μακεδόνων τὰ ἄλογα οὐδὲ βουνά, οὐδὲ λαγκάδια, οὐδὲ ποτάμια τὰ κρατοῦν· καὶ εἰπέτε τοῦ βασιλέα σας· ἕως τὸ πουρνὸν νὰ μὲ εὑρῆτε μὲ ὅλον μου τὸ φουσάτο· καὶ ἠπῆγαν, καὶ ὅσα τοὺς ἐπαράγγειλεν, ὅλα τοῦτα ἔσωσαν· [1]) καὶ ἐσυνάχθη τὸ φουσάτο τῆς Περσίας, καὶ ἔγραψάν το, καὶ εὗρεν χίλιαις χιλιάδες· καὶ ὀρθώθην εἰς τὸν Ἀλέξανδρον εἰς τὸν πόλεμον· καὶ τόμου ἐμαζώχθησαν τὰ δύο φουσάτα· ὁ ἥλιος ἀπὸ τὸν κονιορτὸν ἐσκοτίσθη, φόβος μέγας ἐγείνη εἰς τὸ φουσάτο· καὶ ἐκτυπήθησαν μὲ τὰ κοντάρια καὶ ἐτζάκισάν τα· ἡ βρονταὶς τῶν κονταρίων καὶ ἡ φωναὶς ἠκούονταν ἕως τὰ νέφη τοῦ οὐρανοῦ καὶ ἕνας ἐκ τὸν ἄλλον οὐδὲν ἠγνωρίζεται· τῇ αὐτῇ τῇ ὥρα ἔσυρεν ἄνεμος δυνατὸς καὶ ἐχάλασεν ὁ κονιορτός· τῇ αὐτῇ τῇ ὥρα δύο ἠγαπημένοι του (sc. Δαρείου) μεγιστάνοι, ὁ Καταρκούστης καὶ ὁ Ἀρισβανούστης, πολλὰ ἐγκαρδιακοὶ τοῦ Δαρείου, ἔσυραν τὰ σπαθία τους καὶ ἐκτύπησάν τον, ἕνας ἐκ τὴν μίαν μερίαν, καὶ ὁ ἄλλος ἐκ τὴν ἄλλην· καὶ ἔσφαξάν τον καὶ ἀπόδειράν τον ἀπὸ τὸ φαρίν του καὶ ἔγδυσάν τον τὰ ἄρματά του καὶ ἠπῆραν τα· ὁ Δάρειος μὲ ὀλίγη ψυχὴ ἐκείτετον εἰς τῶν ἀλόγων [2]) τὰ ποδάρια· καὶ ὁ Ἀλέξανδρος ἔρχετον μὲ τὴν σύνταξίν του τοὺς Μακεδόνας ἐπὶ τὸν κάμπον τῆς Περσίας· ἀκόμη εἰς τὸ κάστρον οὐδὲν ἔφθασεν, ηὗρεν τὸν Δάρειον εἰς τὴν γῆν ὁποῦ ἐκείτετον εἰς τῶν ἀλόγων τὰ ποδαρια εἰς τὸν κονιορτὸν μὲ

[1]) Слѣдуетъ въ новогреч. нар. книгѣ, стр. 98—100: сѣтованіе Дарія и его посланіе къ Пору о помощи. Совпаденіе начинается со словъ, стр. 100: ἐσύναξε καὶ ἐδικά του τὰ τῆς Περσίας; непосредственно за тѣмъ вѣнскій текстъ сокращаетъ изложеніе, противъ нар. книги и славянскаго перевода, быстро переходя отъ описанія битвы къ смерти Дарія.

[2]) ркп. τὸν ἄλογον, пониже τὸν ἀλόγον.

ὀλίγη ψυχή· καὶ ὁ Δάρειος ἐλάλησεν φωνῇ μεγάλῃ καὶ εἶπεν· Ἀλέξανδρε βασιλέα, πέζευσαι ἐγλήγορα καὶ ἔλα ν'ἀκούσῃς ἀπὸ τὸ στόμα μου λόγον· ὁ Ἀλέξανδρος ἐγύρισεν καὶ εἶπεν του· ποῖος εἶσαι ἐσύ, ἄνθρωπε, ὁποῦ κράζεις; ὁ Δάρειος τοῦ εἶπεν· ἐγὼ εἶμαι ὁ Δάρειος ὁ βασιλεύς, ὁποῦ μὲ ἐπροσκυνοῦσαν πολλαῖς χιλιάδες ἄνθρωποι· ὁ Ἀλέξανδρος ὡς ἤκουσεν τοὺς [λόγους τοῦ] Δαρείου, ἐλυπήθη καὶ ἐδάκρυσεν καὶ παρευθὺς ἐπέζευσεν, καὶ ἔβγαλεν τὸ ἀπανωφόριν του καὶ ἐσκέπασέ τον· καὶ ὥρισεν τοὺς Μακεδόνας, νὰ φέρουν τὸ ἀργυροάμαξον. καὶ ὥστε νὰ φέρουν τὸ ἀμάξι, ἔβαλάν τον εἰς ξύλα· καὶ ὑπῆρεν τὸ ξύλον ἀπὸ τὴν μίαν μερίαν ὁ Ἀλέξανδρος καὶ ἐβάσταξέν το εἰς τὸν ὦμον[1]) του πεζὸς ἕνα δοξόβολον· καὶ εἶπεν του· ἐγὼ βασιλικὴν τιμὴν σοῦ ἐποίησα, καὶ ἂν ζήσῃς, πολλὴν τιμὴν σοῦ θέλω δώσει· καὶ ἐσέβασάν τον εἰς τὸ κάστρον τὸ σαράγιν του· καὶ ὁ Ἀλέξανδρος ἐκάθισεν εἰς τὸ σελλὶν τὸ ἀργυρὸν διάχρυσον ἐγκοσμισμένο τοῦ Δαρείου τοῦ βασιλέως· ἦτον δ'. βήματα ὑ [41 v.] ψηλὸν ἀπὸ τὴν γῆν· καὶ ὁ Δάρειος εἶπεν, καὶ ἤφεραν τὴν θυγατέρα του τὴν Ῥοξάνδρα· καὶ ἐγέμωσαν οἱ ὀφθαλμοὶ του δάκρυα, καὶ ἐπεριλάμπωσέ την πανέμνοστα καὶ εἶπεν τοῦ Ἀλεξάνδρου· δέξου, Ἀλέξανδρε, τὴν σπλαγχνικήν μου θυγατέρα, ὅτι εὐδόκιμη πάμπολλα ἔναι· καὶ ὁ Ἀλέξανδρος ἀπὸ τὸ χέρι τὴν ἐπῆρε καὶ ἐφίλησέ την πανέμνοστα καὶ ἔβαλεν τὸ στέμμα τὸ βασιλικὸν εἰς τὸ κεφάλιν της· καὶ ἡ Ῥοξάνδρα ἔβγαλεν τὸ δακτυλίδι ἀπὸ τὸ χέριν της καὶ ἔβαλέν το εἰς τὸ χέρι τοῦ Ἀλεξάνδρου· καὶ εἶπεν ὁ Ἀλέξανδρος τοῦ Δαρείου· ἠβλέπεις, αὐθέντη βασιλέα, καὶ γύρισε τὴν πικραμένην τὴν καρδίαν εἰς χαράν, ὅτι μὲ μένα θέλει ἀφεντέψῃ τὴν γῆν ὅλην, μετ'ἐμένα, τὸν υἱόν σου τὸν Ἀλέξανδρον. καὶ ὁ Δάρειος εἶδεν καὶ ἐχάρη καὶ εἶπεν· γλυκυτάτη μου θυγατέρα, νὰ πέσουν οἱ ἐχθροί μας, νὰ προσκυνήσουν τὸν Ἀλέξανδρον, καὶ ἐσὺ νὰ βασιλεύῃς μὲ (τὸν Ἀλέξανδρον) τὸν ἀφέντη σου τὸν Ἀλέξανδρον· καὶ τόμου ἔσωσεν τοὺς λόγους, ἐξέψυξεν.

Περὶ ὅταν ἠπῆγεν ὁ Ἀλέξανδρος ἀπὸ τὴν Περσίαν νὰ ἠπηγαίνῃ εἰς τῆς Ἰντίας τὰ φουσάτα.

Καὶ ὥρισεν καὶ ἔθαψάν τον καθὼς ἔπρεπεν· καὶ ὥρισεν καὶ

[1]) ркп. τὸν νόμον.

ἔκραξαν τοὺς φονιάδες ὁποῦ εἶχαν σφάξη τὸν Δάρειον, καὶ εἶπεν· διατί ἐσφάξετε τὸν βασιλέαν σας; καὶ αὐτοὶ τὸν ἀποκρίθησαν· ὁ θάνατος αὐτουνοῦ ἐσένα ὕψωσεν. καὶ ὁ Ἀλέξανδρος τοὺς ἀποκρίθη· ἀφὴν τὸν ἀφέντη σας ἐσκοτώσετε, ὁποῦ εἴχετε τόσην τιμήν, ἐμένα τὸν ξένον χειρότερα μοῦ θέλετε κάμη. καὶ ὥρισεν καὶ ἐκρεμάσαν τους· καὶ εἶπεν τους· πίετε καὶ ἐσεῖς ποτήριον τὸ ἐκεράσετε. καὶ ὁ Ἀλέξανδρος ἡπῆγεν καὶ ἐστεφανώθη τὴν Ῥοξάνδρα· καὶ ἦτον ἀπὸ τοῦ κόσμου ταὶς γυναῖκες ὅλαις ἐμορφότερη, οὐχὶ μόνον μὲ τὰ κάλλη της, ἀμὴ ἦτον ἔμορφη καὶ πανφρόνιμη πολλὰ καὶ ψυχοδοτοῦσα ὅσον τὸ πρεπούμενον· καὶ ὅταν ἔσωσεν τὸν γάμον του ὁ Ἀλέξανδρος, ὥρισεν νὰ λογαριάσουν τὸ μάλαγμα τοῦ Δαρείου· ηὗρεν στέρναις γεμάταις ιβ' ὅλον χρυσάφιν ἀγνὸν καὶ εἴκοσι σπίτια ἀσήμι καὶ ιβ' πύργους χάραγμα φλορία, ὁποῦ οὐκ ἐμποροῦσαν να ποιήσουν λογαριασμόν· εὗρεν καὶ ἑκατὸν χιλιάδες ἄλογα θρεμμένα τοῦ σταύλου· εὗρεν καὶ χίλιες χιλιάδες ἄλογα εἰς τὴν λακινίαν χωρὶς ταὶς φοράδες· εὗρεν πετρίταις καὶ γρύψους τοῦ κυνηγίου α ὁποῦ ἦσαν μαθημένοι, καὶ πάρδους τοῦ κυνηγίου χύ''. καὶ αὐτοῦ εἰς τὸν κάμπον τῆς Περσίας ὅλα τὰ ἐκαταστίχωσεν· ὥρισεν καὶ ἠμοίρασεν τὰ φουσάτα του ὅλα τὰ γεγραμμένα ὅσα ἦσαν, καὶ ὥρισεν καὶ ἔγραψαν τὰ φουσάτα του, καὶ εὗρεν δ' φοραὶς χίλιες χιλιάδες καβαλαραίους· καὶ οὕτως ὁ Ἀλέξανδρος ὤρθωσεν καὶ ἡπῆγεν εἰς τῆς Ἰνδίας τὰ φουσάτα ἤγουν εἰς τὸν βασιλέα [1]).

Περὶ ὅταν ὁ Πῶρος [2]) ἔστειλεν ἐπιστολὴ πρὸς τὸν Ἀλέξανδρον.

Ὁ Πῶρος καὶ μέγας και ὑψηλότατος βασιλέας τῆς Ἰνδίας ὅλης· τοιούτως λέγει ἡ γραφή· ὅτι κἄτι ἤκουσα, Ἀλέξανδρε, ὅτι τὸν Δάρειον ἐσκότωσες καὶ ὑψώθης πολλὰ καὶ ἀπὸ τὴν ἀναγνωσίαν σου τὴν πολλὴν ἦλθες εἰς τὸ σύνορόν μου νὰ χαθῆς· καὶ ἀφοῦτις θυμωθῶ, ἀποκάτου τοῦ οὐρανοῦ ὅσοι εἶναι οὐδὲν ἠμποροῦν νὰ ἀντισταθοῦν τὴν

---

[1]) Слѣдуетъ въ новогр. нар. книгѣ (стр. 107—126) и соотвѣтствующемъ славянскомъ переводѣ: побѣда надъ Кризомъ и хожденіе Александра въ невѣдомыя страны. Все это опущено въ нашемъ текстѣ, совпадающемъ съ другими начиная съ посланія къ Пору.

[2]) ркп. Πόρος.

πολλήν μου τὴν δύναμιν· καὶ λέγω ὅτι ἡ πελελία σου ἔναι ἀρίφνητη· καὶ στεῖλε παρεκάλεσέ μας, νὰ ἐπάρης συμπάθειον ἀπὸ ἐμένα

Περὶ ὅταν ἔστειλεν ὁ Ἀλέξανδρος ἐπιστολή.

Ὁ Ἀλέξανδρος ἡπῆρεν τὸ πιτάκι καὶ ὥρισεν καὶ ἀνάγνωσάν το· καὶ ἔγραφεν οὕτως· ὁ Ἀλέξανδρος, τῶν βασιλέων ὁλουνῶν βασιλεύς· οὐχὶ μὲ τὸ [42 r.] ἐδικόν μου τὸ θέλημα καὶ μὲ τὴν ἀνδρεία μου, ἀμὴ μὲ θέλημα καὶ ὁρισμὸν τοῦ θεοῦ τοῦ οὐρανοῦ καὶ τῆς γῆς μὲ ὕψωσεν ὁ θεὸς ὡς ἄξιον βασιλέα· ὢ τὸν Πῶρον τὸν οὐδετιποτέρνιον[1]) τὸν γάδαρον! ἐσὺ ἐμένα ἔστειλες, ὅτι τὸν Δάρειον ἐσκότωσα, καὶ ὁ σκοτωμός ὁ ἐδικός του μὲ ὕψωσεν βασιλέα πολλά· ἀμὴ νὰ ἠξεύρης, ὁ Δάρειος ἐθεοποιεῖτον, ὡσὰν καὶ ἐσὺ τὴν σήμερον ἡμέραν, καὶ ἐσκότωσα αὐτὸν καὶ τοὺς θεούς του, καὶ ἔρχομαι ἐγὼ ἀπάνω σου μὲ τὰ φουσάτα μου καὶ μὲ τὴν δύναμιν τοῦ θεοῦ τοῦ οὐρανοῦ καὶ τῆς γῆς, Σαβαώθ· καὶ ἐσὺ λέγεις ὅτι εἶσαι [θεὸς][2]), κυρτρέλη, γάϊδαρε, ψεύτη· ἔλα μὲ τὴν δύναμίν σου ὅλη, μὴ νὰ δώση ὁ θεὸς τοῦ οὐρανοῦ καὶ τῆς γῆς, νὰ σὲ τροπώσω εἰς τὸν πόλεμον. ὁ Πῶρος ὥρισεν καὶ ἀνάγνωσαν τὸ πιτάκι· καὶ ὥρισεν καὶ ἐσύναξεν τὰ φουσάτα του ὅλα, ἀκόμη καὶ ἑτέρους βασιλεῖς μὲ τὰ φουσάτα τους[3]) ὅλα· καὶ ἔγραψέν τα. καὶ εὗρεν πενῆντα φοραὶς χίλιαις χιλιάδες καὶ λέοντας δέκα χιλιάδες, ὁποῦ ἦσαν μαθημένοι τοῦ πολέμου· καὶ ὡς εἶδαν τὸ φουσάτο τοῦ Πώρου, ἐδειλίασαν τοῦ Ἀλεξάνδρου τὰ φουσάτα [καὶ] ἐσκιάσθηκαν καὶ ἐποίησαν βουλὴν ὁκάποιαν πονηρίαν, νὰ παραδώσουν τὸν Ἀλέξανδρον· καὶ ὡς ἤκουσεν τὴν δουλίαν τὸ τί βουλεύουνται, ἦλθαν καὶ ὁμολόγησαν τοῦ Ἀλεξάνδρου· καὶ ὡς ἤκουσεν ὁ Ἀλέξανδρος, ὥρισεν καὶ ἐσύναξεν τὰ φουσάτα του ὅλα πρὸς τὸν Πῶρον· καὶ τόμου ἐμαζώχθησαν τὰ δύο φουσάτα, ὁ Πῶρος ἀπόλυσεν δέκα χιλιάδες λεοντάρια ἔμπροσθέν τους. ὁ Ἀλέξανδρος ἔστειλεν ὀμπρὸς τοὺς λέοντας τέσσαρες χιλιάδες ἀμάθητα βουβάλια καὶ ἀγελάδια· οἱ λέοντες ἐσμίχθησαν μὲ τὰ βουβαλόβοϊδα καὶ ἀρχέρισαν νὰ τὰ πνίγουν, καὶ ἐχόρτασαν καὶ

---

[1]) Народ. греч. кн., стр. 127: οὐτιδανός.

[2]) Народ. греч кн., стр. 127: λέγεις ὅτι εἶσαι ἀτός σου θεός, τρελὲ καὶ ἄγνωστε. Въ словѣ τρελὲ заключается, быть-можетъ, объясненіе слѣдующаго здѣсь темнаго слова κυρτρέλη (κὺρ τρελὲ?).

[3]) ркп. του.

ἐγύρισαν ὀπίσω·[1]) ὁ Ἀλέξανδρος εἶπεν τοῦ Φιλόνη· σύρε μὲ ἐπιστολὴ καὶ καταπάτησε καὶ τὰ φουσάτα του.

Περὶ ὅταν ὁ Ἀλέξανδρος [ἔγραψε?] ἐπιστολὴ εἰς τὸν Πῶρον.

Ὁ Ἀλέξανδρος ὁ βασιλεὺς καὶ μέγας γογγίαρης τὸν Πῶρον τὸν βασιλέα γράφω καὶ χαιρετῶ· νὰ ἠγνωρίσης καλὰ ὅτι προσκυνημένο [κεφάλι][2]) σπαθὶ οὐδὲν ἠμπορεῖ νὰ τὸ κόψῃ· καὶ ἂν ἀγαπᾷς καὶ θέλης, προσκύνησε καὶ δός μου δῶρα καὶ λιζάτο καὶ ἔχε τὸν τόπον σου καὶ τὸ βασίλειόν σου ὅλον. ταύτην τὴν ἐπιστολὴν ἠπῆρεν ὁ Φιλόνης καὶ ἠπῆγε την τοῦ Πώρου· ὁ Πῶρος ἐδέχθη τὴν ἐπιστολὴν καὶ ὥρισε καὶ ἀνάγνωσάν την δυνατά· καὶ ὁ Φιλόνης τοῦ εἶπεν· οὐδὲν πρέπει διὰ τὴν βασιλείαν σου καὶ διὰ τὸν Ἀλέξανδρον, νὰ ἐρημάξουν ὅλος ὁ κόσμος· ἀμὴ ὁ Ἀλέξανδρος σὲ καρτερεῖ νὰ πολεμήσετε οἱ δύο, καὶ τὰ φουσάτα σας ἂς στέκωνται παράμερα· καὶ ἐπαραπάρθη πολλὰ ὁ Πῶρος καὶ ἐχάρη πολλά. καὶ ὁ Φιλόνης ἠπῆγεν εἰς τὸν Ἀλέξανδρον· λοιπὸν εἰς τὸ μίσεμα εἶπεν τοῦ Πώρου· καβαλίκα, ὅτι ὁ Ἀλέξανδρος σὲ καρτερεῖ. καὶ ὁ Ἀλέξανδρος ἐδιέβη εἰς τὴν τζούστραν καὶ ἠρώτα τὸν Φιλόνη· τί ἄνδρας ἔναι ὁ Πῶρος, πῶς ἐγροίκησες τὴν καρδίαν του; ὁ Φιλόνης εἶπεν· τὸ κορμί του ἔναι μέγα πολλὰ καὶ ἔναι καὶ χοντρός, ἀμὴ ἔναι σάπια τὰ κριάτα του· καὶ σύρε, Ἀλέξανδρε, ὅτι τὸν θέλεις σκοτώσῃ· ὅτι τὸ ῥιζικόν σου ἔναι μέγα μὲ τὸν θεόν. καὶ οὕτως ἀρχέρισεν νὰ παρακαλῇ τὸν θεὸν Σαβαώθ· θεέ μου ὑψηλότατε ὁποῦ εἶσαι εἰς τοὺς οὐρανούς, καὶ σὲ ἐπροσκύνησα εἰς τὰ ἅγια τῶν ἁγίων· γένου βοηθός μου τὴν σήμερον ἡμέραν, στερέωσε τὴν καρδίαν μου καὶ τοὺς πόδας μου, ἵνα εὐχαριστήσω τὸ πανάγιον σου πνεῦμα. καὶ τόμου ἔστωσεν τοὺς λόγους, ἠπῆρε το κοντάρι του καὶ ὀμπρὸς τὸν Πῶρον ἐσέβην· ἰδόντας ἕνας τὸν ἄλλον ἔδραμαν τὰ ἄλογά τους οἱ δύο καὶ ἔσυραν τὰ σπαθία τους καὶ τὰ ἀπελατίκια τους· καὶ

---

[1]) Опущены въ нашемъ текстѣ, передъ битвой съ Поромъ, письмо Александра къ *отсутствовавшему* Филону; затѣмъ: прибытіе Филона, его битва съ Поромъ, посланіе послѣдняго къ царямъ сѣвера и помощь, имъ оказанная. Сл. греч. нар. кн. стр. 130—136 и соотвѣтствующій славянскій переводъ.

[2]) Нар. греч. кн., стр. 136: προσκυνημένον κεφάλι; Новак. 103 преклон'ноу главоу.

ἐκτύπησεν ἕνας ἐκ τὸν ἄλλον ἀπὸ .ιβ΄. φοραῖς· καὶ ἐζύγωσεν ὁ Ἀλέξανδρος κοντὰ τοῦ Πώρου καὶ εἶπεν του· τέτοιαν ἐμπιστοσύνη ἔχεις, Πῶρε; τὸ φουσάτο σου ἔρχεται νὰ σὲ βοηθήσῃ· ὁ Πῶρος ἐγύρισε νὰ σταματήσῃ τάχατες τὸ φουσάτον του, καὶ ὁ Ἀλέξανδρος ἐκτύπησεν τὸ ἄλογόν του δυνατὰ καὶ ἐπίδησεν πρὸς τὸν Πῶρον ἐγλήγορα, καὶ ἐκτύπησέ τον μὲ τὸν στόκον δεξιὰ μερία καὶ ἔσφαξέ τον· καὶ τὸ ἄλογόν του ὁ Βουκέφαλος ἐπίασεν τὸ ἄλογον τοῦ Πώρου εἰς τὸ ἀντικέφαλον καὶ ἔρρηξέν το κάτου εἰς τὴν γῆν· καὶ ἀποδάρθη ὁ Πῶρος ἀπὸ τὸ ἄλογόν του καὶ ἐξέψυξεν αὐτῇ τῇ ὥρα. καὶ τῆς Ἰνδίας τὰ φουσάτα ὡς εἶδαν, ἔδωκαν νὰ φύγουν· ὁ Ἀλέξανδρος κατόπισθεν τοὺς ἐδίωχνεν καὶ ἐσ [42 v.] κότωσεν .γ΄· καὶ τοῦ Πώρου τὸ λείψανον ἠπῆγαν το εἰς τὴν Ἡλιούπολιν καὶ μὲ τιμὴν μεγάλην τὸ ἔθαψαν· καὶ τόσον παράδοξον θαῦμα εἶδεν, ὁποῦ πούπετες ὀφθαλμὸς οὐκ εἶδεν, οὐδὲ οὖς οὐκ ἤκουσεν ὅσα εἰς τὴν αὐλὴν τοῦ Πώρου εἶδεν· τὸ παλάτι ἦτον μακρὺν δοξόβολα τέσσαρα, ὁ τεῖχος ἦτον χρυσός, τὸ σκέπασμα τῆς αὐλῆς ἦτον χρυσὸν καὶ οἱ στύλοι ὅλοι χρυσοί, καὶ ἦσαν ἐγκοσμισμένοι μὲ τρανὸν μαργαριτάρι καὶ μὲ πολιτίμητα λιθαρόπουλα· καὶ εἶχεν ἱστορισμένον τὸ παλάτιν τοὺς βασιλεῖς καὶ τους πολέμους καὶ τοὺς δώδεκα μῆνας εἰς πρόσωπα ἔμορφα ἀνθρώπινα, καὶ ταῖς ὥραις ὀρθωμέναις καθὼς τρέχει τοῦ καθενοῦ μηνός, καὶ μανάλια ἑκατὸν ὅλα χρυσά· καὶ ἤφεραν τοῦ Ἀλεξάνδρου ἑκατὸν χιλιάδες φαρία τοῦ σταύλου ὅλα ἀρματωμένα καὶ δέκα χιλιάδες λεοντάρια τοῦ κυνηγίου καὶ εἴκοσι χιλιάδες πάρδους καὶ χίλια ἅρματα περιχρυσωμένα καὶ τὸ στέμμαν τοῦ Πώρου τὸ πολυτίμητον καὶ σταγόνια ὁλόχρυσα ἑκατὸν χιλιάδες καὶ πεντήκοντα ποτήρια ἀπὸ κόκκαλα ἀλεφάντινα ἐγκοσμισμένα μὲ χρυσομάργαρον, ἃ ὀφθαλμὸς οὐκ εἶδεν· καὶ αὐτοῦ ἐποίησεν ὁ Ἀλέξανδρος χρόνον ά μὲ τὸ φουσάτον του καὶ ἦτον μὲ τοὺς βασιλεῖς του καὶ αὐθεντάδες· καὶ ἦλθαν οἱ αὐθεντάδες εἰς τὸν Ἀλέξανδρον μὲ πολιτίμητα δῶρα· ὁ Ἀλέξανδρος τὸν βοηβόντα τὸν Ἀντίοχον ἔκαμεν αὐθέντην τῆς Ἰνδίας [1]).

[1]) **Опущены въ нашемъ текстѣ эпизоды объ Амазонкахъ, Кандакѣ и** Λόγοι Ἀλεξάνδρου. Сл. греч. нар. кн. стр. 140—175 и **соотвѣтствующій эпизодъ славянскаго перевода.**

Περὶ ὅταν ἤθελεν ὁ Βρυονούστης δόλον νὰ δώσῃ τοῦ Ἀλεξάνδρου.

Τῷ καιρῷ ἐκείνῳ ἐζύγωσεν ὁ πικέρνης τοῦ Ἀλεξάνδρου, ὁ Βρυονούστης, ἠγαπημένος πολλὰ καὶ ἐνεμπιστευμένος ἕως τὸ ἄκρος· ἦτον δὲ σιμὰ πάντοτε εἰς τὸν Ἀλέξανδρον· καὶ εἶπεν τοῦ Ἀλεξάνδρου· δό μου τὴν Μακεδονίαν νὰ τὴν ἀφεντεύω· ὁ Ἀλέξανδρος τὸν ἀποκρίθη· ὢ ἠγαπημένε μου Βρυονουστη, ἐγὼ μὲ κράζουν βασιλέα τῆς Μακεδονίας, καὶ πῶς θέλω σου τὴν δώσῃ; ἀμὴ ἔπαρε νὰ ἔχῃς τὴν Κιλικίαν ὅλην και τὴν Λύβαν καὶ τὴν μεγάλην Ἀντιόχεια νὰ ἀφεντεύῃς. καὶ ὁ Βρυονούστης οὐδὲν το ἤθελεν, ἀμὴ ἔβανεν κατὰ νοῦ του δόλον μέγαν εἰς τὴν καρδίαν του· τοιούτως ἔλεγεν· ὅτι τόμου θέλει ἀποθάνῃ ὁ Ἀλέξανδρος, ἐγὼ θέλω γένῃ τοῦ κόσμου ὁλουνοῦ αὐτοκράτωρ βασιλέας· καὶ οὕτως ὤρθωσεν καὶ ἀνήλωσεν τὸ φαρμάκι εἰς τὴν κοῦπα καὶ ἐκέρασεν τὸν Ἀλέξανδρον· καὶ ἔπιεν τὴν κοῦπα, καὶ ἐψύχρανεν ὅλον του τὸ κορμὶ ὡσὰν κρύσταλλον· τῇ αὐτῇ ὥρα ἐγροίκησεν ὁ Ἀλέξανδρος, ὅτι τὸν ἐπότισεν τὸ φαρμάκι καὶ εἶπεν· ὢ ἠγαπημένε μου ἰατρὲ Φίλιππε, νὰ ἠξεύρῃς ὅτι εἰς τὸ κρασίν, ὁποῦ ἔπια τώρα, φαρμάκιν ἐγεύθηκα πικρόν, καὶ ποίησε τίποτες ἀπάνου μου.

Περὶ ὅταν ἔδωκεν γλύκημα ὁ Φίλιππος ὁ ἰατρὸς τοῦ Ἀλεξάνδρου.

Ὁ Φίλιππος ὡς ἤκουσεν, ἠπῆρεν τὸ στέμμα ἀπὸ τὸ κεφάλιν του και ἔρριψέν το εἰς τὴν γῆν· καὶ ἐσυκώθηκεν ἐγλήγορα καὶ ἔβαλεν τὸ βοτάνι τῆς θέρμης μὲ τὸ θυμίαμα το λιβάνιν καὶ ἐπότισεν τὸν Ἀλέξανδρον· καὶ ὡς τοῦτο ἔδωκεν εἰς ὑγείαν του, τὸν εἶπεν· ὢ Ἀλέξανδρε, ω τοῦ κοσμου ὁλουνοῦ βασιλέα, ὁποῦ θέλει ὁ θεὸς ἐκεῖ ἐστὶν και ἡ θλῖψις· οὐδὲν ἠμπορῶ νὰ σὲ βοηθήσω, ὅτι ἐκυρίευσεν τὸ φαρμάκι ὅλον σου τὸ κορμι. μόνον τοῦτο ἔρχεται ἀπὸ τὸ χέρι μου, νὰ ποιήσω νὰ ζήσῃς τρεῖς ἡμέραις ὥσθε να ὀρθώσῃς τὰ βασίλεια τοῦ κόσμου ὁλουνοῦ. και ὡς ἤκουσεν ὁ Ἀλέξανδρος, εἶπεν και ἔσεισεν το κεφάλιν του καὶ ἔκλαψεν πικρα καὶ εἶπεν· ω ἀτυχή μου δόξα, πῶς εἰς ὀλιγον καιρον ἐφάνης καλὴ και τετιμημένη καὶ εἰς μίαν ὥραν και ῥοπὴν χάνεσαι; καὶ καλὰ λέγει ἡ παραβολή, οὐδὲν ἔναι 'στὸν

κόσμον χαρά, ἂν οὐδὲν σμίξῃ καὶ θλίψῃ. ὁ Φίλιππος, ὁ ἰατρὸς τοῦ Ἀλεξάνδρου, μουλάριν ζωντανὸν ἔσκισεν καὶ ἐσέβασάν τον ἀπέσω· καὶ ὅλα τὰ βασίλεια τοῦ κόσμου ὁλουνοῦ τὰ ὤρθωσεν καὶ τοὺς ἄρχοντας τοῦ κόσμου ὁλουνοῦ. καὶ τὴν Ὀλυμπιάδα τὴν μητέρα του καὶ τὴν Ῥοξάνδρα τὴν βασίλισσα ἐπίασεν ἀπὸ τὸ χέρι καὶ ἔκραξεν τὸν Πτολομαῖον καὶ τὸν Φιλόνην καὶ εἶπεν· ὦ ἠγαπημένη μου δόξα καὶ περιπόθητοί μου ἀδελφοί, Πτολομαῖε καὶ Φιλονη, τὴν γυναῖκα μου καὶ τὴν μητέρα μου ἐσᾶς τῶν δύο ταις παραδίδω. διότι καὶ ἐμένα νὰ μὲ θυμᾶστεν· ὅτι ἐγὼ ἐγκαρδιακὴν ἀγάπην εἶχα πρὸς ἐσᾶς· καὶ ἂς ἔχω καὶ τιμὴ μεγάλη ἀπὸ ἐσᾶς ἕως τον θάνατον τους. καὶ τὸ βασίλειον τῆς Μακεδονίας νὰ ὀρθώσετε καλά, καὶ τὸ λείψανόν μου νὰ τὸ ἠπηγαίνετε εἰς τὴν Ἀλεξανδρίαν νὰ το θάψουν· καὶ πάλιν ἐμένα μὲ θέλετε ἰδῆ [43 r.] εἰς τὴν δευτέρα παρουσία ὅταν ἀναστηθοῦν ὅλοι οἱ νεκροί. καὶ ἄλλον νὰ ἠξεύρετε, ὅτι ὕστερα θέλουν ὁρίσει οἱ Πέρσιδες την Μακεδονίαν, ὡσὰν καὶ ἐμεῖς τὴν Περσίαν ὡρίσαμεν. καὶ τομου ἔσωσεν τοὺς λόγους, ἐπίασε τὴν Ῥοξάνδρα ἐκ τὸν σφόνδυλον καὶ νοστιμα τὴν καλολογὰ καὶ εἶπεν της οὕτως· ὦ θυγατέρα τοῦ Δαρείου καὶ ἐδική μου περιπόθητη γυνὴ Ῥοξάνδρα· καλὰ ἠξεύρῃς, ἀφὸν τὸ ῥιζικόν σου σὲ ἔπλεξεν μετ᾽ ἐμένα, ἐγώ σε ἐξωμολογήθηκα τὰ κρύφια τῆς καρδίας μου, ὁποῦ πούποτες[1]) ἄνθρωπος οὐκ εἶπεν τῆς γυναικός του· οὕτως καὶ ἐσυ ὁμολόγησε τὰ κρύφια τῆς καρδίας σου· ὅτι νὰ ἠξεύρῃς ὅτι τὴν σήμερον ἡμέρα ἡ ἀγάπη, ὁποῦ εἴχαμεν οἱ δύο, χωρίζεται· ἐγὼ ἠπηγαίνω εἰς τὸν ᾅδην καὶ ἐσένα ἀφίνω μὲ τὸν θεόν, ὦ ἠγαπημένη μου ἀγάπη. καὶ τόμου ἔσωσεν τοὺς λόγους, ἐφίλησέ την καὶ ἄφηκέν την. καὶ πάλιν ἔκραξε τοὺς ἄρχοντές του καὶ ἀρχέρισεν να τοὺς φιλῇ ἀράδα· καὶ ἀποχαιρέτησέ τους ὅλους καὶ εἶπεν τους· ὦ ἠγαπημένοι μου πρωτοκαβαλλαραῖοι τῆς Μακεδονίας, ὅλοι μικροί τε καὶ μεγάλοι, ἄλλον Ἀλέξανδρον οὐδὲν θέλετε ἰδῆ. καὶ ὡς ἔσωσεν τοὺς λογους, εἶπεν· φέρετέ μου τὸ ἄλογον μου τὸ Βουκέφαλον· καὶ ἤφεράν το· καὶ ὁ Βουκέφαλος, ὡς τὸν εἶδεν ὅτι ἀποθνήσκει, ἀρχέρισε νὰ δέρνεται, ὡσὰν ἄνθρωποι, καὶ να ἀναστενάζῃ καὶ συχνα χλημιτρίζῃ. καὶ ἀπὸ τοὺς ὀφθαλμούς του ἔτρεχαν

---

[1]) ркп. ὁπούπουτες.

δάκρυα, ὡσὰν ἀνθρώπου, καὶ μὲ τὸ ποδάρι του ἔσκαπτεν τὴν γῆν καὶ τὴν κλίνην τοῦ Ἀλεξάνδρου ἐτριγύριζε καὶ τὸν ἐκαταφίλειε· καὶ οὐδὲν ἐτόλμα ἄνθρωπος νὰ τὸν πιάσῃ· ὁ Ἀλέξανδρος εἶδεν τὸν Βρυονούση καὶ εἶπεν οὕτως· οὐδὲν ἠξεύρης τὸ πόσον καλὸν σοῦ ἐποίησα καὶ ἀνάθρεψά σε. διατί καλὸν φαρμάκι μὲ ἐπότισες; ὢ νὰ ἦναι ἀφορισμένος ἐκεῖνος ὁποῦ πονηρεύεται τὸν αὐθέντη του εἰς κακόν, καὶ νὰ ἦναι καὶ ἀφορισμένος ἐκεῖνος ὁποῦ προδίδει κάστρον καὶ τὸν θρέφει· ἀμὴ σκότωσε τὸν [1]) κακὸν νὰ κοπῆ τὸ κακόν. καὶ αὐτοῦ τὸ ἄλογόν του τὸ Βουκέφαλον τὸν ἐπίασεν μὲ τὰ ποδάρια του τὸν Βρυονούση καὶ ἐξέσκλησέ τον ἕως τὴν γῆν καὶ ἔσφαξέ τον μὲ τὰ ποδάρια καὶ ἐσκότωσέ τον· ὁ Ἀλέξανδρος εἶπεν· πίε καὶ ἐσύ, ἀδελφέ, ποτήριον τὸ ἐκέρασες. ὁ Ἀλέξανδρος ὥρισεν καὶ ὁ Πτολομαῖος, καὶ ἔρρηξάν τον τῶν σκυλίων, καὶ ἔφαγάν τον· ὁ Ἀλέξανδρος ἐγύρισε πρὸς τοὺς ἄρχοντές του καὶ εἰς τοὺς αὐθεντάδες καὶ ἔσεισεν τὸ κεφάλιν του καὶ εἶπεν· ὢ ἠγαπημένοι μου καὶ περιπόθητοί μου ὁλουνοῦ τοῦ κόσμου αὐθεντάδες καὶ πρωτοκαβαλαραῖοι· τὸ πῶς ἠπήραμεν ὅλην τὴν οἰκουμένην καὶ τὴν ἔρημον εἴδαμεν καὶ ἕως τὸν παράδεισον ἤλθαμεν, ὅπου εἶχεν ζήσει ὁ προπάπους μας Ἀδάμ, καὶ ἕως τὴν ἄκραν τῆς γῆς ὑπήγαμεν καὶ τὴν ὕψωσιν τοῦ οὐρανοῦ εἶδα καὶ εἰς τὰ βάθη τῆς θαλάσσης ἐσέβηκα καὶ ἔλεγα νὰ ἐγλυτώσω ἀπὸ τὸν θάνατον· ἀμὴ ὁ δρέπανος τοῦ θανάτου ἐξάφνισέ με ἀόρατα· καὶ αὐτοῦ ἐσεῖς βλέπετε, ἀποθνήσκω· ἀμὴ ἂς ἦσθεν εἰς τὸ ὄνομα τοῦ θεοῦ καὶ παρακαλῶ σας ὅλους, ἕως τὴν θανήν σας, νὰ μὲ ἐνθυμᾶστε· καὶ πάλιν ὅταν ἀναστηθοῦν οἱ ἀπὸ τοῦ αἰῶνος οἱ νεκροί, θέλομεν ἰδεῖ ἕνας τὸν ἄλλον εἰς τὸ φοβερὸν κριτήριον. καὶ τόμου ἔσωσεν τοὺς λόγους, ἐξέψυξεν ὅπου ὀνομάζεται Γὲπ Σὲμ εἰς τὸν τόπον τῶν Χαλδαίων, κοντὰ εἰς τὴν Αἴγυπτον, εἰς τὸ ποτάμι τῆς Συρίας ὁποῦ ὀνομάζεται χρυσὸς Νεῖλος, αὐτοῦ ὅπου εἶχεν ποιήσει ἀπὸ ὁρισμὸν τοῦ Φαραοῦ Ἰωσὴφ ὁ πάγκαλος ὡρία τοῦ Φαραὼ διὰ γέννημα· καὶ τόσος θρῆνος ἐγείνη καὶ κλαθμός, ὁποῦ πούπετε [2]) εἰς τὸν κόσμον οὐδὲν ἐγείνη οὐδὲ θέλει γένη· καὶ οὕτως ἐσήκωσαν τὸ λείψανόν του μὲ τιμὴν μεγάλην οἱ βασιλεῖς καὶ οἱ μεγιστάνοι ὅλοι ἀλλάζοντάς τους, καὶ ἤφεράν το εἰς τὴν Παλαιστίνην.

---

[1]) ркп. τὸ, что не даетъ смысла. Ср. Новак. нь зла оубiи, да се зло прекрати.
[2]) ркп. ὁπουπούπεται.

εἰς τὸ κάστρο τὴν Ἀλεξάνδριαν· καὶ ἔκλαψέ τον ἡ μητέρα του ἡ Ὀλυμπιάδα καὶ ἡ Ῥοξάνδρα καὶ οἱ βασιλεῖς καὶ οἱ αὐθεντάδες, ὅσοι ἦσαν, τὸ ἀρχοντολόγι, καὶ ἡ γυναῖκες καὶ τα παιδία· καὶ ἰδὲς ἀπροσεξία ὁποῦ ἐγείνη ἀπὸ τὰ τετράποδα τὰ ζῶα, τοὺς ἀγροικίστους ἀνθρώπους. τὸ πῶς τοὺς ἐλάθωσεν ἡ Ῥοξάνδρα· ἡ Ῥοξάνδρα ἡ βασίλισσα τὸ ροῦχο της τὸ πολυτίμητον ἔσκισεν ἀπὸ ἄνωθεν ἕως κάτω καὶ ἀπολυσεν τὰ μαλλία της τὰ χρυσὰ ἕως τὴν γῆν καὶ θλιβερὰ ἐλάλησεν τὸν Ἀλέξανδρον, ὡσὰν νὰ ἦτον ζωντανός· ὢ Ἀλέξανδρε βασιλέα καὶ ὑψηλότατε αὐθέντη! καὶ ἐχθρὸς ἐδικός μου ἦσουν, ὀμμάτια μου, καὶ πεισματάρη σὲ εἶχα ἐγώ, ἡ ταλαίπωρη ἡ ξένη, ὁποῦ μὲ ἤφερες εἰς ξένον τόπον καὶ ἄφηκές με ἐδῶ· καὶ ἐσὺ [43 v.] βασιλεύεις ὥσπερ ἥλιος ἐν τῷ οὐρανῷ. καὶ ἐσύ, ἥλιέ μου, αὐθέντη μου, ἐσέβης εἰς τὴν γῆν ἀποκάτου νὰ βασιλεύῃς· οἴμοι γῆς πικρή, ὄρη τε καὶ βουνοὶ καὶ σπήλαια καὶ κάμποι καὶ λαγκάδια, κόσμε, ἄρχοντες καὶ ἀρχοντόπουλα· τὴν σήμερον ἡμέραν κλαύσατέ με τὴν ἄθλιαν τὴν ξενούτζικην, νὰ μαζωθοῦν εἰς τὴν καρδίαν μου· ὥσπερ τὰ βουνὰ γέμουν ἀψιθία, οὕτως ἐγέμωσεν καὶ τὸ σκάφος μου πικρία ἀόρατη διὰ τὸν χρυσόν μου τὸν σταυραετόν μου τὸν Ἀλέξανδρον· καὶ τόμου ἔσωσεν τοὺς λόγους της, ἐπαρακάλεσεν καὶ εἶπεν τους, καὶ ἐξέβησαν καὶ ἄφηκάν την μοναχὴν κοντὰ εἰς τὸν Ἀλέξανδρον· καὶ ἐκολάκευέ τον καὶ ἐσυντύχαινέ τον, ὡσὰν να ἦτον ζωντανός· Ἀλέξανδρε βασιλέα τῶν Μακεδόνων, ἥλιε! κάλλιον τὸ ἔχω τὴν σήμερον ἡμέραν μετὰ σένα νὰ ἀποθάνω, περὶ να γενῶ γυνὴ ἀλλουνοῦ ἀνδρός· ἀμὴ οὐδὲν ἠμπορῶ ἀπὸ τὴν ἀγάπην σου νὰ χωριστῶ, αὐθέντη μου. τοιούτους λόγους εἶπεν, καὶ ἔσυρε τὸ παραμάχαιρον τοῦ Ἀλεξάνδρου, καὶ ἀκούμπησέ το εἰς τὴν καρδίαν της καὶ ἐσφάγην. καὶ ἐξέψυξεν αὐτὴν τὴν ὥρα ἀπάνου εἰς τὸν Ἀλέξανδρον· καὶ ὅταν ἐσέβηκαν, ηὗραν τὴν βασίλισσαν ἀποθαμμένη· ὁ Πτολομαῖος καὶ ὁ Φιλόνης ὥρισαν καὶ ἐποίησαν σεντούκια χρυσά, καὶ ἔβαλαν τὰ λείψανά τους· ἐκεῖ τους ἐκήδευσαν, ὅπου εἶναι ἕως τὴν σήμερον ἡμέραν· οἱ βασιλεῖς καὶ οἱ μεγιστάνοι ὑπῆγεν ὁ καθὲ εἷς εἰς τὸν τόπον του. ἡ Ἀλεξάνδρια ἀπεμεινεν εἰς τοῦ Πτολομαίου τὴν αὐθεντία· (ἐσμίχθην) καὶ ἀφοῦ ἀπόθανεν ὁ Ἀλέξανδρος καὶ ἐμοιράστηκαν τὰ βασιλεια τῆς γῆς ὅλης, ἐχωρήστηκαν εἰς σε ῡ̈ βασίλεια εἰς ὅλην την γῆν. Τέλος· ὁ βίος τοῦ Ἀλεξάνδρου

ЗАМѢТКИ КЪ ТЕКСТУ.

По соглашенію съ проф. Дестунисомъ, которому принадлежитъ главная роль въ установленіи напечатаннаго выше текста, написаніе подлинника было сохранено по возможности. Нормировано было, согласно съ принятымъ правописаніемъ, обычное въ позднихъ греческихъ рукописяхъ, смѣшеніе ε и αι; ει, οι, υ, η и ι, но и для послѣдней серіи сохранена двойственность подлинника, пишущаго въ сослагательномъ наклоненіи и въ будущемъ сложномъ то η, то ει; Κυρίσου возстановлено изъ Κηρίσου по указанію славянскаго Коурроус; λιζάτο, вм. ληζάτο, согласно съ среднелат. ligius. — Подписной йоты совсѣмъ не ставили, потому что ея нѣтъ и въ текстѣ, ни въ сослагательномъ наклоненіи, ни въ дательномъ падежѣ. — Придыханія удержаны обычныя; только въ ἰστία и ἄρματα употребили легкое придыханіе, въ первомъ случаѣ вмѣстѣ съ рукописью, противъ древнегреч. ἑστία (въ каппадокійскихъ народныхъ говорахъ: νησιά, νεσιά и ἡσιά), во второмъ, противъ рукописи и принятаго правописанія, согласно съ лат. arma. — Относительно удареній мы дозволили себѣ слѣдующія измѣненія: ставя удареніе тяжелое 1) въ χρυσὰ вм. χρυσᾶ, потому что въ ркп. употребительна форма χρυσός, а не χρυσοῦς; 2) въ род. пад. Φαραὼ, на основаніи перевода LXX; Φαραοῦ по аналогіи съ Φαραώ. Напротивъ: Σολωμοῦ, ибо это предполагаетъ имен. пад. Σολωμός; 3) въ βουλαὶς и т. п., въ томъ предположеніи, что эта форма произошла не отъ древняго дательнаго, а отъ именительнаго βουλαί. — Исправляя текстъ по требованію смысла, чтеніе рукописи ставили обыкновенно подъ строкой, за

немногими исключеніями, гдѣ измѣненія касались раздѣленія словъ, писанныхъ слитно, напр. стр. 48, 3 строка снизу: ἂν ἔφερνεν (ркп. ἀνέφερνεν); 49, 6 строка сверху: ἂν ἔρχεται вм. ἀνέρχεται.— Форма ἐγκοσμισμένος, послѣдовательно проведенная черезъ всю рукопись, оставлена безъ измѣненія: она составлена по аналогіи къ στολίζω, либо предполагаетъ форму κοσμίζω. — Имена собственныя писали, какъ принято, кромѣ тѣхъ, которыя въ текстѣ имѣютъ новую форму; вмѣсто Δάριος, какъ всюду въ подлинникѣ, рѣшились писать Δάρειος, не держась правильнаго ударенія, но всетаки измѣнивъ ι въ ει. Если написаніе одного и того-же имени измѣнялось въ текстѣ, то удерживали эти измѣненія и въ печати (напр. Ἠκιανόν и Οἰκιανὸν ποταμόν).

[ ] означаютъ: включить; ( ): выключить.

Ссылки на народную греческую книгу объ Александрѣ сдѣланы по венеціанскому изданію 1852 года (см. введеніе).

Замѣчу въ заключеніи, что, какъ оказывается изъ переписки Добровскаго, недавно изданной проф. Ягичемъ, нашъ вѣнскій списокъ уже въ 1826 году обратилъ на себя вниманіе Копитара. Въ письмѣ № 189 Добровскій сообщилъ ему начало сербской Александріи (по Рудницкому списку), замѣчая по этому поводу, что уже Павелъ Іовій говорилъ о славянской Александріи со словъ русскихъ пословъ въ Римѣ. «Der Anfang ihrer Alexandreïs ist seltsam», отвѣчаетъ Копитаръ (№ 190). «Ist es auch wirklich der Anfang des Werks, oder nur jetzt das erste Blatt, initio mutilum?... Auch wir (т. е. Импер. Вѣнская библіотека) haben einen Alexander im MS., der aber von *Tarkanios* (Tarquinius) anfängt, *Graecobarbare*. Wollen sie oder Hanka ihn drucken lassen?». Сл. начало нашего текста: Ἐπὶ ἔτους ε ἐβασίλευσεν εἰς τὴν παλαιὰν Ῥώμην ὁ Ταρκιανὸς ὁ βασιλεύς (слав. царствоующтоу великаго Рима *Таркинію* царю).

ПОВѢСТЬ О ТАВРѢ И МЕНИИ

ВЪ ДРЕВНЕСЛАВЯНСКОМЪ ПЕРЕВОДѢ И ПЕЧАТНЫХЪ ГРЕЧЕСКИХЪ МИНЕЯХЪ.

I.

ЭПИЗОДЪ О ТАВРѢ И МЕНІИ

въ древнеславянскомъ житіи св. Панкратія по списку XIII—XIV в.

(л. 109 об.). Чедо, принеси ми житиѥ Таурово, ѥже почита намь многащии, ѥже имать ѡ Ремал'дѣ и Мении и ѡ [А]кулинѣ цр҃и Калавриисцѣмь и како градь бысть и како Тауръ и Мениꙗ сѣмо придоста и како дръжаахоу прѣдѣль ихь, и повѣдѣ ти, чедо, ѡть почтениꙗ кыимь ѡбразомь ратьнiкь зачело приѥмь хощеть приiти сѣмо вьноукь Акулиновь, вьзискати, рече, хоте прьвыѥ рати ѡтьмыщениꙗ. Скоро оубо пославь Вонифантии принесе кныгы и вьш'дьше вь молитвьникь блаженыи Паньксратии и Вонифантии и азь с'ныма, повелѣше же ми почисти кныгы. Ставь оубо азь почтохь разлыч'ныиѥ рати и браны многы, словеса оубо кощоун'на [1]), рати же бесчисльныѥ. Глагола оубо ми блаженыи Паньксратии: ѡ Таурѣ и ѡ Акулинѣ и ѡ велицѣи рати ихь почьти. Тогда придохь вь ѡглавлениѥ Тарменьское Акулина и Ремал'да, каꙗ мѣста прѣдрьжаахоу кьждо ихь и кыѥ браны дроугь на дроуга сьставлꙗхоу.

Ремал'дь и Акулинь бѣше ин'дикта вь на(л. 110 л.)чело лѣтноѥ тако прѣдрьжеща: ѡть приморꙗ исьходи тоу Ригиломь мѣстомь

---

[1]) Ркп. коущьн'на.

кроуωдось тако нарицаюмоу и Пелоура горѣ вьсходеща из града Ветьхааго и Трафичьскыю и Турьскыю воды Ѥптаделфа Кара вышнѣише и доже и до того приморию Сал(л)иньскыихь: вса таа прѣдрьжаше иже нѣколі Ремал'дь; бѣаше же родомь страны ксантовы высокыхь зѣло и сил'ныкь. Акулинь же бѣ иже зѣло множьство мѣсть ии людиі дрьже и грады тврьды ωть приморию же до Приωньскыхь и ωть Тырьска града [до] потока Когхоула. Ремал'дь же хоудь бѣ противоу Акулиноу ѩкоже и дани юмоу даѩше; Акулинь же не приюмле дани Ремал'довы хотѣаше мѣста юмоу вьсхытити и богатьство и моуже юго сь Менпюю великою и свѣтлою и моудрою. Бѣаше же и таа Македоныни гор'нааго промысла помагати себѣ просещи. Честѣише же браны творѩахоу к себѣ вьпльченик. Бѣаше же оубо и Таурово начело сице. Тауръ сь иже великь вь пльтнѣи силѣ бѣаше же Хананѣωсь иже и вь тѣхь прѣдѣлѣхь Хамовѣхь родисе, вьноукь Невродовь (л. 110 об.): ωного Невроди рекоу, иже вь Родѣхь се прiноситъ, югоже повѣсти пишоущихь повѣстише томоу быти .і҃.-томоу родоу Тауровоу. Идоше оубо нѣколи юдиного поплѣнити Сурию и ωбьсѣдоше юдинь ть градь и ωт'еше и плѣнише и и приведоше и все люді [вь] Сирию; сии оубо Тауръ вь плѣнныцѣхь бѣ сь материю своюю .е҃і. лѣть. Тьгда оубо изиде плѣнь раздѣлити се подльгь кнезе, приде и Тауръ на срѣдоу; юдиноданець же равнанѩ, видѣвь ωтроче сь материю юго, поюмь ωтаи ωт'да и своимь рабомь себѣ. Оувѣдѣв же арьхирь кнезь ѩко ωтроче равнаюи поюк, бе-сласти имѣахоу, ѩкоже вѣри не схран'ше. Бѣаше же гребьцемь старѣи вь Сурии ωть великааго града Римьскааго творе своюк ωроудию. Глагола оубо старѣишина греб'чьска нѣкомоу ωть кнезь дати цѣноу на Таурѣ и поюти и к себѣ сь материю юго; и створивь старѣишина греб'чьскь свое на потрѣбоу коупль, изиде ис-Сирию, хоте прити вь Роумы; ѩкоже дьх'ноу липсь, не можаше италськыими пазоухами миноути и сниде вь Ригии, да степономь фараань прѣпловеть: двою бо поучиною (л. 111 л.) стѣш'нению на томь мѣстѣ иже нарекоше землемѣр'ци стенопь; югда бо вьздвигнеть моуть свои, кто сьтрьпить моуты

кго? Приставь оубо корабльникь на знаменитѣ мѣстѣ оузрѣн бы[сть] и ѡть тѣхь иже ѡ Ремал'дѣ, и видѣвше ложе корабльнок чюдишесе и поустив'ше скоротечьца, кь Ремал'доу приде. И приближивсе кь корыблю глаголаше: Радоуисе сьлоучею корабльныи, добро ти врѣме! Корыбльникь сь гребци: Радоуисе мѣстьныи кнеже, добрѣ иже ѡ тебѣ строктсе, промисль божьскыи схрани те! Мѣстьны же кнезь Ремал'дь к нимь: И что врѣме корабльнок?— Ѥже аще хощеши все добро имамь.—Таурь оубо бѣаше вь корабли ходе. Ꙗко же оузрѣ Ремал'дь ѡтрока на помѣстѣ корабль(н)нѣмь, глагола кь корыбльникоу: Кто кєть ѡтрокь сь? Сь же рабь [1]) твои коуписхь и.—Ремал'дь же даа .ѯ҇. златикь, оугостив же гребце выномь и брашны, ѡт'поусти к ѡт'плоути кгда боуде строино плоутик многовльниааго стонопа: бѣаше бо пронирвѣ с'вещаваксе. Бывшю же строиноу плути[ю] ѡт'плоуше. Ремал'дь же покмь Таура с матерню кго веде и вь ѡбласти Салиньскы [2]) (л. 111 об.) вь свои домь. Менина оубо ꙗко оузрѣ ѡтрока ѡстромь оумомь, рече кь Ремал'доу: Вѣсть горныи промисль ꙗко добрь ѡтрокь господинь мои коупии. Бѣаше же Менина .м҇. лѣть, зѣло же с'мысломь дивна и моудра; ꙗко оузрѣ матерь Тауровоу вьзревновавши кн, да не Ремал'дь похоти нѣкок створи сь нею, оуськорпвши дасть кн ѡтравоу и оумори ю. Видѣвь оубо Таурь смр'ть матере свокк, ѡть кроучины вьпаде вь кзоу, ꙗкоже глаголати всѣмь ꙗко ѡтрокь Хананѣинь оумиракть. И Ремал'дь ѡпечалисе. Менина оубо вьз'мьши ѡдрь и постелю мекькоу вьзнесе Таура на вышныцю нѣкотороую, имоущи ѡтроковици двѣ сь собою, и прикмьши главоу ѡтрокоу вь лонѣ глаголаше: Не толма ѡтроче пцисе, аще и мати ти оумрѣ, азь вь матере ти мѣсто боудоу: и азь юна и тыи ѡтрокь, и Ремал'дь [прѣди] оуходи нась. Тако глаголавши Менина кь ѡтрокоу, вьзесе матерьна паметь и-ср'дца кго и прил'пе Менин и вьспроси ꙗсти и пити. Менина же ѡбѣдь оухыщрень зѣль добрь младомь козлищемь створи и пода кмоу, и вьзьмь ꙗсть, и вьзможе и вьста

[1]) Ркп. рьбь.
[2]) Ркп. Салимьскы.

ѿть бо(л. 112 л.)лѣзни своѥѥ. Ремал'дь оубо, видѣвь ѡтрока ѡбразы моужьскы ѡдѣна, ѿтьда и вь коньникы оучитисѥ прѣтварꙗти седла конемь; и вь пети лѣтѣхь дроугыихь бысть Тауръ моужь высокь зѣло врьстою, зѣло же и нравы и дѣла творе вь ратнѣмь стрѣлꙗнии и пращьнѣмь метании, ꙗкоже глаголати Ремал'доу покои ѡбрѣтьшоу си ѡтрока сего паче ѡтрокь своихь всѣхь. Акулинь же, оувѣдѣвь моужьство ѥго на ратехь, выпрашаше навыкнути хоте нѣ ѿть кыхь, ѡстрооумныи ѿт'коудоу ѡтрокь иже прѣдь Ремал'домь ходиі, акы щоудовинь лоукь ѿт'тезаѥ. Сии же рекоше: ѿть Сурие коупи и. Сии оубо Тауръ всѣмі чюдымь бѣаше многыѥ ради крѣпости ѥго; лоука бо ѥго ѿт'тезаѥи не ѡбрѣташесе, или носивь на рамоу тако роукама въздвигноути і. Не тьчию крѣпость имѣаше, нь и ꙁѣло моудрь и побѣдникь бѣаше; многащии же сьбраасе множьство людиі на пири богь своихь и николи же равьна Тауроу при крѣпости или вь прічахь кощоунныхь не ѡбрѣщаахоу. Ꙗкоже ѥдиною снитисе множьствоу (л. 112 об.) воловь на водѣ Сал[ин]ьстѣи, бѣахоу вь нихь юньци .ї. лѣть и двою зѣло боуи, к нимьже николи же приближитисе чловѣкь не въз можe. Вьставь оубо прѣдь всѣми Тауръ ѥ большааго и боуѥишаго и акы агньца тако поврьже и, ꙗкоже быти и ѿть того имене Тауръ, ꙗкоже не бѣаше ѡбрѣсти дроугааго вь дьни тиі. То оубо послоутиѥ моужьства Таурова. Николи же моутѣ се примѣси ни вьспроси ложа женьскааго; крѣпости бо своѥѥ моудрыи ѡклеветаниѥ похоть блоудноую вь писани ѡбрѣташе быти. Вь дьни же ѡны приде Акулинь, поплѣни [и]же ѡ Ремал'дѣ, и бѣаше великь страхь вь ныхь. И вьзьмши моудраꙗ Мениꙗ своѥ имѣніѥ бѣжа вь мѣсто скровноѥ, моужии иже ѡ Ремал'дѣ сь нимь изидоше на срѣщоу Акулиноу; бѣаше же и Тауръ сь Ремал'домь. Ѥгда оубо сьвькоупишесе, ѡбративсе Тауръ ѿть Ремал'да избавити и хоте рат'ника, ꙗзвлень бысть Ремал'дь и паде. Ѡбративсе оубо Тауръ оузрѣ своѥго господина ꙗзвена и поврьжена на земли и попрана, и прѣклонивсе вьзе прьстень ѿть роукы ѥго и вьсѣдь на скорѣи конь бѣжа. И присташе (л. 113 л.) ѥмь нѣции, и ѡбративсе ꙗзвии ѿть нихь ко-

пиѥмь своимь до .л҃., и оубоꙗвьшесе бѣжаше ѡть лица ѥго. Приде оубо Тауръ идѣже бѣ Мениꙗ криющисе и повѣда ѥи ꙗко Ремал҆дь моужь, господинь мои, на рати паде; слышавши же Мениꙗ, ꙗко Ремал҆дь моужь ѥе оумрѣ, раздра ризы своѥ ѡть горы до низоу и вьсiпа прьсть на главоу свою. Тауръ оубо кь госпожи своѥи: ѡ госпоже моꙗ моудраꙗ, почто тако болѣзнь те напльнпi? Не твоꙗ ли молитва ѡть чисто кроучиньства ме избави и паметь матере моѥе сь моѥго ср҆дца стрѣби? Не ти ли ми рече: Азь юна ѥсмь, а тыи ѡтрокь? Сии же поменоувши глаголаноѥ кь Таурoу прѣста ѡть ѡбдрьжимиихь болѣзнии. Тогда рече кь Таурoу: Тако ѥсть, ѡ отроче, ꙗко прѣди оушьль бѣаше нась. Тауръ оубо кь своѥи госпожи: Изнеси ми сьворитыи поꙗсь господина моѥго и мьчь простии и щить ѥго вьльр҆митыи и копиѥ ѥго магеутьское. Сии же вьскорѣ изнесе то. И рече ѥи: Целоуп ме, госпожде моꙗ Мениѥ, ꙗко крьви Ремал҆дови излѣꙗнѣи на землю д҆несь идоу ѡтьмьстити, и иже ѡ Аку(л. 113 об.)линѣ п҆сѣ азь скроушоу и пращею. Мениꙗ оубо целовавши Таура рече ѥмоу: Иди, горьнии промысль помози ти, сь смотрениѥмь рать сьстави и да тебе не оубиѥть Акулинь. Тьгда оувѣдѣ Тауръ любьвь женьскоу, ꙗко тьчию кь оустомь приблiжисе. Поѥмь оубо ѡть остав҆шихь моужь рати акы до .ѕ҃. тысоущь, глагола имь: Идѣмь на Акулина. Моужi же к немоу: Да что творимь? Тауръ же к нимь: Да се боремь. Моужи же к немоу: Да что створить .ѕ҃. тысоущь моужь противоу ѡсмидесеть тысоущь? Тауръ же к нимь: Сего и ѡни помышлꙗють ꙗко мало ѥсть людиi, паче же ꙗко оумрѣ Ремал҆дь и бѣжаше людиѥ, и не боудоуть на нась; и аще [1]) и ѡбрѣщемь ѥ на ѥдиномь мѣстѣ вьзлегьше и створимь вь нихь ѥже аще хощемь. Сии же к немоу: Тако да боудеть, Тауре. Кто ни старѣишiна боуди и бран҆на лоучꙗи начьть не? Тауръ же к нимь: Вси выи искоусь брани имате, аще хощете азь ви боудоу старѣи и лоучаи бран҆н(л. 114 л.)ыи подамь. Моужи оубо к немоу: Ты, ѡ Тауре, аще и ѡ крѣпости тои прiлежишь, нь по-

---

[1]) Ркп. ѥще.

неже ѡтрокь ѥси, искоуса рати и лоучаꙗ невѣдыи даті. Тауръ оубо к нимь: Искоусите ме и азь пооустьнь боудоу на брань, и ꙗко же раставлю, тако створите, а ѥже ѡбрѣщоу побѣдоу приносе. Тьгда изидоше моужи и придоше ꙗко на пьприщи ѥдиномь ѡть Акулина. И глагола моужемь: Разлоучите се трии тысоуще ѡ десно и триі тысоуще ѡ лѣво, и ѡвы подгориѥ дрьжите, ѡвы примориѥ; идоу же и смотроу, что творетъ Акулинови моужи с нимь. И абиѥ Тауръ иде ѥдинь, и пришьдь близь кь мѣстоу оузрѣ источ'ныкь, и бѣахоу на немь. ѕ҃. моужь хранеще вьхьдь ратьныи. Таи нападе на не Тауръ, истрьгь мьчь свои оусѣкноу трьѥ, и дроугыѥ триі приведе вь .ѕ. тысоущь моужь. Аще бо се не бы было, то не быше се повиноули Тауроу и воѥвали на Акулина. Тьгда трьѥ моужи всоу силу Акулиновоу повѣда[ше] (л. 114 об.) тѣм же ѡ Таурѣ, ꙗко мнозѣмь се виномь оупили соуть и инѣхь стражи не имоуть. Дрьзость же приѥмьше оубо, вьпрегше колеснице своѥ, моуже оубо оусѣкноуше ꙗже бѣ Тауръ оуловиль. Ш'дь же оубо Тауръ ѥдинь срѣдныимь поутемь и моужи разлоучишесе на десно и на лѣво; ꙗко придоше на не, испоустии гласъ Тауръ, абиѥ тьма бысть иже ѡ Акулинѣ. Бѣаше же гласъ Тауровь акы львовь гласъ. Тьгда .ѕ҃. тысоущь моужь оубыше .н҃. тысоущь. Акулиноу не лоучисе пасти, нь з гонезьшими вьниде вь Мелонь градь. Тьгда моужи иже ѡ Таурѣ ѡбратишесе ѡть ратнааго сьвькоуплениꙗ, хвалеще Таоура, ꙗко же достоина власты имыи, и придоше радующесе кь Мении и глаголахоу: Госпож[д]е наша и моудра Мениѥ, мыи вси рабы ѥсмы Тауроу кнезоу нашемоу иже намь дасть день велиѥь ратьнии, ꙗко николиже наша ѡбласть имѣ. Дамь мыи вси любочьстиꙗ ѥго, вьсхощи же, госпож[д]е, сьвькоупитисе с нимь, да боудеть с тобою Тауръ и тыи с ныимь. И поѥм'ше Мению моу(л. 115 л.)жи и все ѥѥ ѥже имѣаше приношено на мѣсто скровно, придоше вь домь ѥе и вьсадивше ю на ѡдрь і ѥше Тауръ и сьвькоупише ꙗ. Тьгда оувѣдѣ зѣло любьвь женьскоу и тьчию ѡ Мении довольнь бывь, кь инои жени николи же примѣсисе сласти ради пльтьныѥ. Да оубо тако ѥсть сьвькоупленіѥ

Таура ни Менпк, и вь забытькь бысть Ремал'дь Роусыи. Акулинь же мышлѩше, что створить ѡ Таурѣ; шьдь оубо и сьбравь ѡть всѣхь градь Калаврпискыихь до .ѕ. сьть тысоущь приде на кдино мѣсто и поѩсь изьмь вражаныи, и поѩсь ѡбрѣте Таура ѡдолѣваки, и сьблюдаше день ѡбрѣсти ѩкоже сь Тауромь братисе. Оублюдьше же иже ѡ Таурѣ [силы] Акулиновы и видѣвше множьства .рѕ. тысоущь и оужасошесе и рекоше кь Тауроу: Бѣжимь ѡть лица Акулинова, ѩко не можемь противоу имь ничесоже створити понеже множьство много ксть. Тауръ же оугодив'си сь с'вѣтомь моужі своихь вьзьмь нощию напльни корабле свок и все имѣник свок и все моужи свок и прѣплоу вьскорѣ. Моудрии же Тауръ шьдь противоу людемь Аку(л. 115 об.)линовомь вьзгнѣти множьство ѡгнѩ велика, и тако вьзм'ше ѡт'идоше и идоуще слѣдь свои крпахоу да не вьскорѣ оувѣсть Акулинь камо се дѣ Тауръ. Тьгда приде Акулинь идѣже надѣашесе ѡбрѣсти Таура, и не ѡбрѣте. Прѣплоу же Тауръ сь всѣмь своимь [воискомь] и гонезь приде идѣже градь сь нашь нынѩ стоить, и приведь моуже оубо и расмотривь мѣсто и ѡбрѣть твръдь кго, створише ѡгражденик и водоважде и ѩмы великы и оутвьрьдишесе. Слышавьше се ѡкроуг'нкк ѡбласти помогоше Тауроу и помазаше и вь игемоньство кже власть имии. Тьгда все люди изьчьть ѡбрѣте до седьмидесеть тысоущь и вьзьмь имѣниѩ [1]) дасть имь многа, и принесьше п'шеницю и вино и напльнише градь. Акулинь же приде вь Тауровы домы и не ѡбрѣте ничесоже, надѣаше же се ѩко вь единои ѡть доубравьныхь горь ксть, и проиде вса мѣста Калаврпискаѩ ище Таура мѣсець кдинь ѡть приморнѩ Салиньскааго до [Кон]хоульскааго потока и Термона и до горь Туропольскыхь и доже и (л. 16 л.) до малааго и алименеутьскааго морѩ. И не ѡбрѣть кго ѡбратисе троудивь, многы ѡть людии своихь погоубивь. Зѣло прѣмоудраѩ Мениѩ Македонины, приведьши вльхва своего, рече: Ѡ вльшве мои, како роудныи ѡбразь ѡбрѣщемь?

---

[1]) Ркп. имѣник.

Шьдь же ѡбрѣте все ѥже тои ѥдинои показа. Призвавши же горнааго промісла бога створи злата чиста множьсьтво много и сребра до сытости и мѣдь и желѣзо, ѡлова же и коситерꙗ тьчию не ѡбрѣте створити. Тако оубо зѣло ѡбогативсе, ꙗкоже и зачело вьльр'ма оуказа [1]) всѣмь. **Ѥ**гда же все ѥже ѡ градѣ испльни се потрѣбь, слыша Акулинь ꙗко Таурь прѣплоувь створи градь твр'дь и ѥже на потрѣбоу все, и тоуже храбри приѡбрѣте помагати ѥмоу, и богатство много, поспѣши Акулинь створити рать и варити градь и ѥже погоубити Таура и ѥже ѡкр'сть ѥго храбры ꙗкоже ꙗзвы вьсе, ꙗкоже слыша радь быти на мѣстѣ ѥго и ѥти и и моудроую Мению. Вьѡроуживь сьборь ратьныи прѣплоу нощию и приде на поле и покри (л. 116 об.) всоу землю Тауровоу и вьсликноу гласомь крѣпкомь. **Ꙗ**коже оубо слышаше вьпль клицаниꙗ иже ѡ Таурѣ, раслабѣше и глаголахоу: Что ѥсть кличь ть? Оувѣ[дѣ]в же Таурь ꙗко Акулинь прѣплоу, призвавь ѡ себѣ моуже рече: Моужаитесе, Акулиновь гласъ ѥсть и моужь ѥго. Слышавше же паче оубоꙗшесе. Таурь оубо к нимь: Азь ѥдинь вьскличю на высоцѣ мѣстѣ, вѣсть бо горьны промысль ꙗко не боудемь побѣждени(имь) ѡть ныхь. И выш'дь Таурь на высость, вьзви гласомь акы моужь много ѥдинь: Здѣ ѥсмь азь Таурь, здѣ ѥсмь, и ѡть лица Акулинова не имамь бѣжати. За утра оубо пріде годь вьпльчениꙗ ратьнааго. Моужи оубо Таурови к немоу: Не вьпльчимсе противоу мыи, ѡ Тауре, Акулиноу, понеже множьство много ѥсть. Хотѣахоу же погоубити Таура и плѣненіѥ вьскровѣ ѥго створити и кь Акулиноу прѣдатисе и вьдати моудроую Мению и все богатьство ѥе, да боудеть ѥдино цр̃ство Калавриѥ и Сикилиѥ. Оувѣдѣвь оубо Таурь сьвѣть моужь, ꙗромь ѡкомь вьзрѣвь на не рече: Ѡ моужи, что сьвѣть вашь? Како створимь (л. 117 лиц.) брань нашоу на Акулина? Сице глаголавь прѣтвори с'вѣть моужь своихь. Сии же к немоу: **Ꙗ**ко сьвѣть твои имать ть? Тьгда глагола к нимь: Вьпрези кьждо вась

---

[1]) Рки. оукажи.

колеснице своѥ браннык и снимь на поле, и аще моужьства да не покажоу на полоучаи рат'нѣмь, тьгда сьвѣтованиѥ вами да се сконьчаѥть. И годѣ бысть слово Таурово моужемь, и снидоше на поле и став'ше ѡбои противоу себѣ, поусти Тауръ кь Акулиноу: Ты ли ѥси Акулинь, иже моужьствомь великь, и азь Тауръ малыи и не искоуснѣи вь ходожьствѣ рат'нѣмь, ѥго же ради и ѡтрокь се мню? Что приде ѩко погоубити чловѣкь мысль имоуще работати? Да все моѥ твоѥ, и створи миръ и не погоуби града ми ни людии моихь погоуби копиѥмь своимь. Вьсхощи же мною малімь Тауромь тыи, прѣвысокыи Акулинь, моужьство своѥ показати: изидѣвѣ на поле азь же и тыи ѥдина и оубии ме и тако, Акулине, вьзмеши все Менино добрѣ оухыщреноѥ ѥже на потрѣбоу ѡбрѣть. Акулинь же слышавь то вьзвѣсти Тауроу: Послоушаи, ѡ Тауре ѡтроче Ремал'до(л. 117 об.)вь, оу него же дани вьзимаахь акы силнь. Промысль великыхь богь ѩкоже многы побѣды подаѥ намь — не кльноу ти се горьныимь промысломь, аки ѥпаидь и скврьннаѩ Мениѩ — ѩко аще изидевѣ на поле и прѣможеши ме, Тауре, и вьзми и цр҃тво моѥ и все ѥже ѡ мнѣ. И годѣ бысть слово Акулиноу Таурово и Тауроу Акулиново. Доблии оубо Тауръ положивь все брѣме ѡроужьноѥ и вьзьмь вь пращи своѥи камиѥ литрь двоюдесетоу .д҃. и вьзврьтѣвь добрѣ намѣривь оудари Акулина вь прьси и скроуши всего. Видѣвше же иже ѡ Акулинѣ ѩко паде, ѡслабѣше и бѣахоу трепещоуще ѡть лица Таоурова. Вьзоупи оубо Тауръ кь своимь моужемь гласомь крѣпькомь: Сѣцѣте моуже оубоице Акулиновы, днесь бо великааго горьнѩаго промысла лоучаи ѡбрѣтохомь, ѩко же все врагы наше гор'ньии промысль вь роукоу нашею слоучи. Изьшьдьше .ӡ. тысоущь Тауровыхь исѣкоше тысоущь .рн҃е., вь море бо вьпадающе коньчаахоу се и вь **Ѥ**тничьскыѥ [1]) горы бѣжаахоу (л. 118 л.) ѩко моужи Акулинови гоубителе и крьволѣпце. Тьгда Тауръ ѡдрьже бысть ѡ всемь, и ѡдѣше и вь ѡкроиницю игемоньскоую [2])

---

[1]) Ркп. ѥтимичьскыѥ.

[2]) Ркп. игоуменьскоую.

и вь котыгоу упатьскоую и рекоше кмоу гласомь крѣпькомь: Живи Тауре строителю мѣстьныи, живи игѣмоне и моужьствомь упате! И ины хвалы множаише сихь глаголахоу кмоу. Тьгда прѣплоу Тауръ и плѣниие моужи кго вьсь домь Акулиновь и грады исказише юже прѣдръжааше. Быстъ же кдинодрьжавьць и многь Тауръ, юко же по подобию Невродовоу и н'равомь и видомь страшьнь, без мѣры высостию, стьбло велико, моужьска стегда, мыш'цама же бѣжааше акы львь, льккама же ногама акы срьна брьза. Тьгда имь се вьзгради вь Калаврии Таврианы Малык и каменик наложи вь корабле Акылиновы, везе к тамо юко же привое (sic) рекохь. Юко же приноситсе вь повѣстьныхь книгахь моудрыхь .ї. родь постизакть Тауръ Невродова. Лоукь же кго дрьжитьсе вь прѣтории, кгоже нѣци не могоше ѡтегноути николи же, и дрѣво копиинок юко слѣме хлѣвиньнок и акы присѣстьвь тькоущаго. Бѣюше же щить кго акы кроугь сежаны .д҃., поюсь же кго кто вьзложи на рамо коли? Си бо (л. 118 об.) великыи Тауръ бысть храбрь, кмоуже не ста противоу страна или цр҇тво страньскок коли, много же богатства вьслѣдова вь градь. Моудрии оубо сьвькоупише двѣ имени, положише, прозваше грады. И вь Салинѣхь вьзгради Тауръ по погоубленыи Акылиновѣ каменик кже прѣвезоше вь кораблихь Акилиновѣхь, нарече Таурииюнись. Створи же Тауръ болюромь своимь домы красны и бане и воды приводьнык и створи прѣстоль ѡть злата чиста и каменик. Все же ѡбласти приидоше и вдаюхоусе сами Тауроу и повиноваахоусе кмоу вси. Коньчасе ѡ Таурѣ слово до сихь имы оуставь [1]).

---

[1]) За пересмотръ текста приношу мою благодарность И. В. Ягичу.

II.

ЭПИЗОДЪ О ТАВРѢ И МЕНІИ ВЪ ПЕЧАТНЫХЪ ГРЕЧЕСКИХЪ МИНЕЯХЪ

Панкратій провидитъ «ὅτι ὁ βασιλεὺς Ἀκυλῖνος ἐπῆρεν ἑξακοσίας χιλιάδας φουσάτο, νὰ πολεμήσῃ τὴν Ταυρομενίαν». Объявивъ о томъ и успокоивъ всѣхъ обѣщаніемъ Божьей помощи, онъ проситъ Вонифатія «νὰ φέρῃ ἐκεῖ ἕνα βιβλίον ὅπου ἦσαν γραμμέναις ἡ ἀνδραγαθίαις τοῦ Ταύρου. ὅστις ἔκαμε πολλοὺς πολέμους μὲ τὸν Ἀκυλῖνον τὸν βασιλέα Καλαβρίας, ὁποῦ ἔπασχε νὰ φονεύσῃ τὸν κύριον τοῦ Ταύρου ὀνόματι Ῥέβινθον, νὰ τοῦ πάρῃ τοὺς τόπους του ἄδικα. Ὁ ὁποῖος Ῥέβινθος εἶχε γυναῖκα σοφωτάτην καὶ εὔμορφον Μενίαν ὀνόματι. Καὶ φονεύωντας ὁ Ἀκυλῖνος τὸν Ῥέβινθον, ὥρμησεν ὁ Ταῦρος ὡς ἀνδρειωμένος ὁποῦ ἦτον μὲ ἕξη χιλιάδας λαὸν, καὶ ἐφόνευσεν ἀπὸ τὸ φουσάτον τοῦ Ἀκυλίνου χιλιάδας πεντήκοντα· καὶ διὰ τὴν ἀνδραγαθίαν του ταύτην τὸν ἐπῆρεν ἄνδρα ἡ Μενία. Ἥτις ἐπῆρεν ὅλον της τὸν πλοῦτον, καὶ ἔφυγαν ἀπὸ τὴν πολιν τους καὶ ἔκτισαν ἄλλην, τὴν ὁποίαν ὠνόμασαν Ταυρομενίαν, εἰς τὴν ὁποίαν ἦτον Ἀρχιερεὺς ὁ Παγκράτιος καὶ Ἡγεμὼν ὁ Βονιφάτιος. Ὁ δὲ Ἀκυλῖνος ἐσύναξε πάλιν ἄλλον λαὸν εἰς τὴν Καλαβρίαν ἀμέτρητον, καὶ ἦλθεν εἰς τὴν Σικελίαν, ὅπου ἦτον ἡ Μενία μὲ τὸν Ταῦρον, τὸν ὁποῖον ἐβούλετο νὰ φονεύσῃ νὰ πάρῃ τὴν Μενίαν μὲ τὸν πλοῦτόν

της. Ὁ δὲ Ταῦρος ἐμονομάχησε μὲ τὸν Ἀκυλῖνον καὶ φονεύσας αὐτὸν, ἔμεινε νικητὴς, καὶ ἐξουσίασε τὴν Καλαβρίαν καὶ Σικελίαν, κατοικῶν εἰς τὴν ἐπώνυμον αὐτοῦ πόλιν, ἤγουν τὴν Ταυρομενίαν.— Τοῦτο τὸ βιβλιον ἀναγνώσας ὁ Ἅγιος, εἶπε πρὸς τὸν Βονιφάτιον· Βλέπεις, τέκνον, τοῦτον τὸν παλαιὸν πόλεμον θέλει νὰ ἐκδικήσῃ οὗτος ὁ νέος Ἀκυλῖνος.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XL, № 3.

ДРЕВНІЯ ПОУЧЕНІЯ

НА

ВОСКРЕСНЫЕ ДНИ ВЕЛИКАГО ПОСТА.

Е. ПѢТУХОВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1886.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Сентябрь 1886 г.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

СОДЕРЖАНІЕ.

I.

Покойный проф. Горскій въ 1858 г. въ XVII ч. «Прибавл. къ Твор. Св. Отц.» (стр. 49—64) напечаталъ два слова изъ «словъ на св. Четыредесятницу», именно на воскресные дни первой и второй недѣли поста — съ переводомъ на современный языкъ. Изданіе это сдѣлано имъ по двумъ спискамъ исх. XIV в. Тр.-Серг. Лавры, именно Сборнику № 10 (по нын. катал. № 9) и «Златой Цѣпи» (нынѣ № 11); ему предпослано обстоятельное введеніе подъ заглавіемъ «О древнихъ словахъ на св. Четыредесятницу», гдѣ Горскій 1) указалъ на цѣлый рядъ этихъ словъ, начиная съ недѣли мытаря и фарисея и кончая 5-й недѣлей поста, 2) высказался за не-греческое ихъ происхожденіе и притомъ отнесъ составленіе ихъ къ самому раннему времени христіанскаго просвѣщенія у славянъ и 3) усмотрѣлъ нѣкоторыя заимствованія неизвѣстнаго автора этихъ словъ изъ твореній отцовъ Восточной Церкви.

Почти всѣ эти поученія, какъ впослѣдствіи (въ 1862 г.) указалъ и самъ Горскій[1]) вошли въ печатный (Почаевъ, 1795 г.) «Златоустъ» (подъ такимъ именемъ извѣстенъ былъ особый типъ сборниковъ въ рукописной и потомъ печатной литературѣ русской, такъ какъ большая часть помѣщавшихся въ немъ поученій приписывалась Іоанну Златоусту), носящій слѣдующее заглавіе:

---

[1]) См. *Описаніе рукописей Моск. Синод. Б-ки*, II, 3, стр. 111.

«**Книга глаголемая Златоустъ, в нейже всяко оучищреніе бжественнаго писанія истолковано стымъ великимъ Іωанномъ Златоустомъ и стыми ωцы**». Здѣсь на лл. 1, 3, 11, 19, 38, 60 об., 108 об., 138 об. напечатаны поученія на воскресные дни недѣль: мытаря и фарисея, о блудномъ сынѣ, мясопустной, сыропустной, 1-й поста, 2-й, 4-й и 5-й, съ нѣкоторыми, иногда значительными, сравнительно со спискомъ Тр.-Серг. Лавры № 9 измѣненіями, но все таки именно тѣ, которыя находятся въ этомъ, указанномъ Горскимъ, спискѣ. На л. 81 об. этого печатнаго «Златоуста» находится поученіе на недѣлю 3-ю поста (нач.: «**Братіе, глаголахъ вамъ и нынѣ плача глю ω вразѣхъ крта хртова...**»); это уже не то слово, которое находится на соотвѣтствующемъ мѣстѣ въ Сборникѣ № 9. Кромѣ того, одно изъ ряда словъ на Четыредесятницу, указаннаго Горскимъ, именно слово въ недѣлю о блудномъ сынѣ, вошло въ печать ранѣе упомянутаго почаевскаго «Златоуста» — въ сборникъ особаго состава, напечатанный много разъ (напр. М. 1647, Почаевъ 1787, М. 1802) подъ заглавіемъ: «**Книга глемая Соборникъ**», гдѣ оно усвоено Григорію, папѣ римскому.

Въ виду того, что вопросъ о «Златоустахъ», куда, какъ объ этомъ будетъ ниже, первенствующими элементами вошли указанныя Горскимъ и предлагаемыя нами слова на Четыредесятницу, не можетъ быть нами совершенно обойденъ, мы скажемъ объ этомъ нѣсколько словъ, не позволяя себѣ однакоже судить тутъ съ совершенной увѣренностью, потому что вопросъ о «Златоустахъ» ждетъ себѣ спеціальнаго изслѣдователя.

Нужно различать «Златоустъ» какъ сборникъ поученій, предназначавшійся въ цѣломъ своемъ составѣ къ церковному употребленію отъ разнаго рода такихъ сборниковъ, въ составъ которыхъ кромѣ другихъ статей входили и такія, которыя помѣщались обыкновенно въ «Златоустѣ»; къ послѣднимъ принадлежитъ, напр., упомянутый выше Сборникъ Тр.-Серг. Лавры № 9, въ которомъ на лл. 1—141 об. находятся поученія съ недѣли мытаря и фарисея до недѣли всѣхъ святыхъ, а остальная часть

наполнена разными другими статьями (житія, поученія и пр.), не имѣющими къ церковному кругу никакого отношенія [1]); то же слѣдуетъ сказать и о Сборникѣ Тр.-Серг. Лавры № 142 (XVI в.) [2]). Но, намѣреваясь предложить здѣсь немногія соображенія о «Златоустахъ» на основаніи нѣкотораго числа разсмотрѣнныхъ нами этого рода рукописей, мы не станемъ вдаваться въ безполезный для нашей цѣли вопросъ о томъ, составленъ ли тотъ или другой данный сборникъ поученій съ цѣлію церковнаго употребленія или просто для частнаго чтенія и назиданія (въ послѣднемъ случаѣ въ него могли вставляться и разныя другія статьи, сообразно желанію составителя, писца или владѣльца рукописи) и, слѣд., нужно-ли его считать «Златоустомъ» или нѣтъ. Поэтому, принимая въ соображеніе указанныя ниже рукописи, заключающія въ себѣ поученія на годовой церковный кругъ (или часть его) мы получимъ слѣдующія выводы (какъ матерьялъ для болѣе спеціальнаго разслѣдованія типовъ «Златоустовъ», который можетъ быть пополненъ или измѣненъ сообразно новымъ даннымъ).

«Златоусты» по составу своему представляютъ два главныхъ типа: I) *пространный*, въ которомъ положены поученія на воскресные и нѣкоторые другіе дни *всего* года и II) *краткій* (такъ наз. «постный»), въ которомъ находятся поученія только на дни великаго поста.

Изъ перваго типа можно выдѣлить два главныхъ рода:

1) Наиболѣе простой родъ представляетъ рукоп. Новг. Соф. Б-ки (нынѣ Спб. Дух. Акад.) XV в. № 1265; это самый древній изъ извѣстныхъ намъ пространныхъ списковъ «Златоуста». Онъ представляетъ: л. 1—37 об. поученія на нѣкоторые дни съ недѣли мытаря и фарисея до новой недѣли (воскресные дни *всѣ* имѣютъ соотвѣтствующія поученія); затѣмъ л. 37 об.—206 поученія на воскресные дни съ недѣли новой до 36-й нед. по Пяти-

---

[1]) *Описаніе слав. рукоп. Тр.-Серг. Лавры.* М. 1878—79, стр. 11—14.
[2]) *ib.*, 102—109.

десятницѣ; съ л. 206 — до конца рукописи идутъ разныя другія статьи. Т. о., тутъ мы имѣемъ поученія на всѣ воскресные дни года, съ прибавленіемъ очень не многихъ поученій на дни промежуточные. Съ софійскимъ спискомъ сходны слѣдующіе: №№ 363 и 364 Библ. Солов. мон-ря (нынѣ Каз. Дух. Акад.), оба XVII в. [1]); Царскаго № 179, XVI в., въ которомъ кромѣ воскресныхъ поученій попадаются чаще, чѣмъ въ предыдущихъ спискахъ поученія на промежуточные дни съ недѣли мытаря и фарисея до недѣли всѣхъ святыхъ [2]); съ послѣднимъ сходны: № 233 Синод. Б-ки, XVII в. [3]) и № 181 Рум. Муз., XVI в. [4]).

2) Второй родъ близко подходитъ къ первому — въ томъ смыслѣ, что также заключаетъ поученія на всѣ воскресные дни года, но, тогда какъ «Златоусты» перваго рода имѣютъ очень не многія поученія на дни не-воскресные, «Златоусты» этого второго рода имѣютъ поученія на *всѣ* безъ исключенія *дни великаго поста*. Сюда относятся: Новг. Софійск. Б-ки № 1266 (XVI в.); Ундольск. №№ 533, 534 (оба XVI в.) [5]) и 535 (XVI — XVII в.) [6]), Публ. Б-ки F, I, № 236, Синод. Б-ки № 231 [7]), Унодольск. №№ 536 и 537 [8]) (всѣ XVII в.). Такого же состава и упомянутый выше печатный почаевскій «Златоустъ» 1795 г.

№№ 56 Хлудова [9]), 362 Солов. Б-ки [10]), 232 Синод. Б-ки [11]) (всѣ XVII в.) и 182 Румян. Муз. (XVI в.) [12]) относятся также

---

[1]) *Описаніе рукоп. Солов. мон.*, нынѣ Каз. Дух. Акад., ч. I, Казань 1881, стр. 617—633.

[2]) *П. Строевъ*, Рукоп. Царскаго, 132—143.

[3]) *Горскій* и *Невоструевъ*, Опис. рукоп. Моск. Синод. Б-ки, II, 3, стр. 119—127.

[4]) *Востоковъ*, Опис. рукоп. Рум. Муз., 227.

[5]) *Рукописи Ундольскаго*, М. 1870, стр. 382—388, 388—389.

[6]) *ib.*, 389.

[7]) *Горскій* и *Невоструевъ*, II, 3, стр. 83—111.

[8]) *Рукописи Ундольскаго*, 389—390, 390—391.

[9]) *А. Поповъ*, Опис. рукоп. Хлудова, М. 1872, стр. 68—80.

[10]) *Опис. рукоп. Солов. монаст.*, ч. I, 601—617.

[11]) *Горскій* и *Невоструевъ*. II, 3, стр. 111—119.

[12]) *Востоковъ*, Опис. Рум. Муз., 230.

къ этому роду, но представляются въ неоконченномъ видѣ: первые три, какъ кажется, намѣренно, четвертый — за утратою листовъ въ рукописи.

Есть нѣсколько списковъ, представляющихъ лишь части цѣлаго «Златоуста». Таковы: а) Ундольск. № 539 (XVII в.), заключающій въ себѣ поученія съ недѣли мытаря и фарисея до ѳоминой нед. включительно [1]); б) №№ 9 (XIV в.), 142 и 143 (оба XVI в.) Троиц.-Серг. Лавры [2]) представляютъ поученія съ недѣли мытаря и фарисея до Пятидесятницы; в) № 540 Ундольск. (XVII в.) [3]) даетъ поученія съ 1-й по 36-ю нед. по Пятидесятницѣ; сюда же слѣдуетъ присоединить и № 144 Тр.-Серг. Лавры (XVI в.), который на лл. 1—208 имѣетъ поученія съ 1-й по 36-ю нед. послѣ Пятидесятницы, а затѣмъ, л. 208 — до конца, съ недѣли мытаря и фарисея до Пасхи [4]), но, кажется, эту вторую прибавку нужно считать случайной, такъ какъ она противорѣчитъ обыкновенному порядку остальныхъ рукописей, гдѣ церковный годъ начинается съ недѣли мытаря и фарисея. Повторяемъ, что эти послѣдніе (нецѣльные) списки можно считать просто «сборниками», не предназначавшимися къ церковному употребленію, но, вѣдь, раньше окончательнаго рѣшенія вопроса о роли «Златоустовъ» въ древне-русской литературѣ можно и не устанавливать такой исключительной точки зрѣнія на нихъ [5]).

Что касается типа «Златоустовъ постныхъ», то намъ извѣстенъ одинъ лишь списокъ — № 180 Царск. (XVII в.), въ которомъ на л. 25—181 об. находятся поученія съ недѣли мытаря и фарисея сплошь на каждый день до среды цвѣтной не-

---

[1]) *Рукописи Ундольскаго*, 396.

[2]) *Опис. рукоп. Тр.-Серг. Лавры*, 11—14, 102—109, 109—110.

[3]) *Рукописи Ундольскаго*, 396.

[4]) *Опис. рукоп. Тр.-Серг. Лавры*, 110—113.

[5]) Впечатлѣніе особенной безпорядочности (въ отношеніи примѣненія къ церковному кругу) и того, что они не предназначались къ употребленію въ церкви производятъ: Публ. Б-ки F, I, № 215 (XVI в.) и Ундольскаго № 538 (XVII в.), наполненные разными вставками.

дѣли, а потомъ, съ л. 181 об. — до конца, поученія на нѣкоторые дни цвѣтной и страстной недѣли и на первый день Пасхи [1]).

Мы видѣли, что списки пространнаго типа «Златоустовъ» далеко не всѣ сходятся между собою: не только въ различныхъ спискахъ не одинаковый порядокъ дней, на которые положены поученія, но и въ опредѣленные дни назначены не одни и тѣже поученія и даже не одинаковое ихъ число (на одинъ день бываетъ иногда болѣе одного поученія) [2]). Изъ отсутствія соглашенія въ составѣ пространныхъ «Златоустовъ» само собою понятно то, что сокращенные «Златоусты» (которыхъ намъ извѣстенъ, какъ выше упомянуто, только одинъ списокъ) по составу своему не совершенно соовѣтствуютъ той части пространныхъ «Златоустовъ», которая обнимаетъ дни, занятые, «Златоустами» краткими [3]). Впрочемъ, можно полагать, что «Златоусты» краткіе въ своемъ возникновеніи предшествовали распространеннымъ и были для нихъ основой. Объ этомъ послѣднемъ мы встрѣчаемъ слѣдующія соображенія Горскаго по поводу одного поздняго (XVII в.) списка «Златоуста», именно № 231 (220) Синодальн. Б-ки: «первоначально составленъ рядъ поученій на воскресные дни св. Четыредесятницы съ недѣлями къ ней приготовительными, начиная съ недѣли о мытарѣ и фарисеѣ, и другой рядъ поученій на воскресные дни съ Пасхи до недѣли всѣхъ святыхъ» [4]). Первый рядъ — это слова, указанныя имъ въ статьѣ въ «Прибавл. къ Твор. св. Отцовъ», второй — извѣстныя слова Кирилла Туровскаго или ему приписываемыя.

---

[1]) *Строевъ,* Рукоп. Царск., 143—149.

[2]) Ср., напр., Царск. № 179 съ Ундольск. № 533—оба XVI в.; не сходны поученія въ недѣлю мясопустную (Царск. л. 10 об., Унд. л. 5), въ нед. 3-ю поста (Царск. л. 80, Унд. л. 64), въ нед. цвѣтную (Царск. л. 167, Унд. л. 153). Подобныя несходства легко замѣтить между тѣмъ же № 179 Царск. съ одной стороны и № 535 (XVI—XVII в.) Унд. и № 9 Тр.-С. Л. (исх. XIV в.) съ другой, а также этихъ двухъ послѣднихъ между собою.

[3]) Ср. Царск. № 179, л. 10 об. и Царск. № 180, л. 36 (поученіе въ нед. мясопустн.).

[4]) *Опис. рукоп. Моск. Синод. Б-ки,* II, 3, стр. 130.

«Съ теченіемъ времени — продолжаетъ Горскій — кругъ поученій великопостныхъ расширился назначеніемъ краткихъ словъ и на прочіе дни Четыредесятницы и на извѣстные дни седмицъ, ей предшествующихъ. Къ словамъ пасхальнымъ также сдѣланы дополненія, назначеніемъ особыхъ поученій на каждый день свѣтлой седмицы. Затѣмъ выбраны и назначены поученія и на прочіе воскресные дни, послѣ недѣли всѣхъ святыхъ до недѣли о мытарѣ и фарисеѣ, и такимъ образомъ составился полный годичный кругъ проповѣдей» [1]. Мы желали бы прибавить къ этому сомнѣніе въ томъ, что едва-ли ранѣе составленія поученій на воскресные дни *всего* года были составлены поученія на другіе (кромѣ воскресныхъ) дни великаго поста.

«Златоусты», какъ было упомянуто выше, принадлежатъ къ числу тѣхъ церковно-поучительныхъ сборниковъ, въ которыхъ поученія, пріуроченныя къ опредѣленнымъ днямъ года, служили для удовлетворенія нуждъ церковнаго богослуженія (а потомъ, вѣроятно, они примѣнены были и къ цѣлямъ частнымъ); подобное же назначеніе имѣли и другіе сборники, извѣстные подъ именемъ «Евангелія учительнаго» [2], «Торжественниковъ» [3] и др. Едва-ли не самой ранней книгой подобнаго рода были слова Константина Болгарскаго, не получившія, впрочемъ, значительнаго распространенія у насъ на Руси (б. м., они вытѣснены были другими возникшими сборниками, составленными съ тою же церковно-практической цѣлію) и сохранившіяся въ одномъ спискѣ XIII в. Синод. Б-ки № 163 [4].

Такимъ систематическимъ и съ опредѣленной цѣлью составленнымъ сборникамъ можно противопоставить сборники другого рода, не приспособленные къ употребленію въ церкви, но заключающіе въ себѣ подобныя же поученія для домашняго

---

[1] *ibid.*

[2] Соображенія о времени его составленія см. въ *Опис. рукоп. Синод. Б-ки*, II, 2, стр. 667 и *Опис. рукоп. Соловецк. мон-ря*, ч. I, 695, 696.

[3] См. *Опис. рукоп. Соловецк. мон-ря*, ч. I, 692—693.

[4] См. *Опис. рукоп. Синод. Б-ки*, II, 2, стр. 409 и слл.

чтенія и назиданія. Таковы были: «Златоструи» [1]), «Измарагды» [2]), «Маргариты» [3]), «Адріатисты» [4]).

Специальное изслѣдованіе должно опредѣлить связь и отношеніе между сборниками этого послѣдняго типа и тѣми, къ которымъ принадлежатъ «Златоусты», «Торжественники» и проч. Связь между «Измарагдами» и «Златоустами» видна, напр., изъ нѣкоторыхъ поученій, приписываемыхъ Кириллу Туровскому и имѣющихся въ обоихъ этихъ сборникахъ [5]); подобная же связь существуетъ и между «Торжественниками» и «Златоустами» [6]).

II.

Слова на воскресные дни Четыредесятницы съ недѣлями къ ней приготовительными существовали не только какъ элементы въ составѣ «Златоустовъ», но еще и отдѣльною группой. Въ послѣднемъ видѣ они заносились въ разнаго рода сборники очень рано. Уже Горскій кромѣ Сборника № 9 отмѣтилъ эти поученія въ «Златой Цѣпи», сборникѣ исх. XIV в. Тр.-Серг. Лавры № 11,

---

[1]) См. *В. Малинина*, изслѣдованіе Златоструя по рукоп. XII в. И. П. Б-ки. Кіевъ, 1878.

[2]) Самый древній списокъ XIV в. Рум. Муз. № 186; XV в. И. П. Б-ки Q, I, № 312; исх. XV в. Тр.-С. Л. № 91; XV—XVI в. Соловецк. Б-ки № 359; XVI в. Синод. Б-ки №№ 230 (пис. въ 1518 г.) и 996 (по стар. кат.), Тр.-С. Л. №№ 203, 204 и 794, Солов. Б-ки № 360, Царск. №№ 142 и 691, И. Б-ки F, I, № 225 (пис. въ 1509 г.); Q, I, № 213; Q, I, № 216; Q, I, № 308; Кирило-Бѣлоз. №№ отъ $^{38}/_{1115}$ до $^{41}/_{1118}$ включ.; Моск. Гл. Арх. М. И. Д. № 594 (1101); XVII в. Тр.-С. Л. № 202. И. П. Б-ки, Q, I, № 224; Моск. Гл. Арх. М. И. Д. № 609 (1117), Солов. Б-ки № 361.

[3]) XV в. Тр.-С. Л. № 147, Солов. Б-ки № 184; XV—XVI в. Солов. Б-ки № 185; XVI в. Тр.-С. Л., №№ 147, 148, 149 и 150; XVII в. Солов. Б-ки № 186.

[4]) Тр.-С. Л., №№ 151 (пис. въ 1596 г.), 152 (XVII в).

[5]) Ср. «Златоустъ» Рум. Муз. № 181 (пис. въ 1523 г.), л. 69 и «Измарагдъ» Синод. Б-ки № 230 (1518 г.). л. 73 об.; также лл. 117 об. и 297.

[6]) Напр., въ «торжественникахъ» Солов. Б-ки № 365 (XVI в.). л. 6 и № 363 (XVII в.), л. 1 положено то же поученіе, что и въ «Златоустѣ» Тр.-С. Л. исх. XIV в. № 9, л. 1; въ «Торжественникахъ» Солов. Б-ки № 363 слову на л. 11 об. соотвѣтствуетъ слово на л. 2 об. въ томъ же «Златоустѣ» Тр.-С. Л.

гдѣ на лл. 102—119 об. имѣются слова на воскресные дни четырехъ приготовительныхъ недѣль къ великому посту и самаго поста. Въ сборникѣ Царск. № 361 (также XIV в.), на лл. 192—209 и 215—217 об. находятся эти же поученія, предшествуемыя и сопровождаемыя, какъ и въ «Златой Цѣпи», статьями, совершенно не входящими въ составъ обыкновенныхъ «Златоустовъ». Надо полагать, что они тутъ разсматривались и читались (дома, а не въ церкви) какъ группа поученій отдѣльная и самостоятельная. Рядомъ съ этимъ во многихъ рукописяхъ съ XIV по XVII ст. встрѣчаются эти наши слова и въ разбитомъ видѣ, т. е. отдѣлены одно отъ другого какими-нибудь особыми статьями; тутъ слова на Четыредесятницу уже теряютъ свою цѣльность какъ особой группы и служатъ лишь расчлененными и самостоятельными (каждое поученіе въ отдѣльности) элементами для сборниковъ съ особыми (и притомъ разнообразными) планами [1]). Но что поученія на Четыредесятницу сохранились до XVII в. въ видѣ цѣльной и самостоятельной группы, на это указываетъ между прочимъ одинъ Сборникъ XVII в. Б-ки Моск. Синод. Типографіи № 1475 (444); одну изъ самостоятельныхъ частей этого сборника, сшитаго изъ нѣсколькихъ рукописей, составляетъ отдѣльная тетрадка (по общему счету лл. 308—338), заключающая въ себѣ именно наши слова на Четыредесятницу.

Изъ этого ясно, что Горскій отчасти былъ вправѣ разсматривать поученія на Четыредесятницу какъ отдѣльную и самостоятельную группу. Этотъ пріемъ его, б. м. случайный, по-

[1]) См. напр., «Измарагдъ» Рум. Муз. XIV в. № 186, л. 30—34 об., гдѣ находятся два нашихъ поученія: въ нед. мытаря и фарисея и въ нед. о блудномъ сынѣ; «Измарагдъ» Тр.-С. Л. XVI в. № 204, л. 277—287, гдѣ находятся пять нашихъ поученій на воскресные дни великаго поста; сборникъ XIV в. Тр.-С. Л. № 39, л. 25—51 об. (поученія на воскр. дни первыхъ пяти недѣль вел. поста). Ср. Сборникъ XV в. Рум. Муз. № 406 съ «Златоустомъ» Синод. Б-ки XVII в. № 231; въ томъ и другомъ находятся наши поученія на Четыредесятницу, но на промежуточные дни (почти всѣ) положены совершенно иныя поученія.

вліялъ на послѣдующихъ ученыхъ, касавшихся упомянутаго ряда поученій; всѣ они разсматриваютъ эти поученія такъ же независимо отъ «Златоустовъ» какъ и Горскій; по крайней мѣрѣ, они не высказываются объ отношеніи этихъ словъ къ «Златоусту», имѣя на это иногда самый опредѣленный поводъ.

Филаретъ Черниговскій, имѣя въ виду статью Горскаго, принимаетъ всѣ главные выводы послѣдняго; въ частности, что касается древности происхожденія этихъ поученій, на которую указалъ Горскій, Филаретъ, со свойственной ему смѣлостію, идетъ дальше послѣдняго и, на основаніи обращенія пастыря къ *новопросвѣщеннымъ* людямъ, говоритъ: «ясно, что поученіе говорено въ XI ст.» [1]).

Ученый авторъ «Описанія рукоп. Соловецкой Б-ки, нынѣ Каз. Дух. Академіи» при описаніи одного рукописнаго «Златоуста» касается и нашихъ словъ на Четыредесятницу. Также соглашаясь со всѣми положеніями Горскаго, онъ прибавляетъ отъ себя догадку о болгарскомъ происхожденіи этихъ поученій. «Кажется, не будетъ очень смѣлымъ — говоритъ онъ — предположеніе, что поученія эти болгарскаго происхожденія. Проповѣдническое дѣло въ Болгаріи послѣ принятія христіанства развилось сразу же гораздо шире, чѣмъ въ первыя времена христіанства въ Россіи. Кромѣ того, тамъ съ самаго же начала явилось стремленіе придать этому дѣлу именно правильное систематическое развитіе, а такого стремленія у русскихъ проповѣдниковъ мы не встрѣчаемъ до XVII вѣка. Климентъ Болгарскій составилъ, по словамъ жизнеописателя, проповѣди на всѣ праздники въ году, а отъ епископа Константина сохранился даже до насъ сборникъ поученій на всѣ воскресные дни. Поэтому, собраніе и происхожденіе поученій на дни св. Четыредесятницы не будетъ вполнѣ безосновательнымъ отнести именно къ первымъ временамъ христіанства въ Болгаріи» [2]).

---

[1]) *Обзоръ дух. литер.*, изд. 3-е, Спб. 1884, стр. 25.

[2]) *Описаніе рукоп. Б-ки Солов. монастыря*, ч. 1, стр. 634.

Полагаемъ со своей стороны, что этотъ важный вопросъ о происхожденіи словъ на Четыредесятницу долженъ оставаться еще открытымъ, за отсутствіемъ положительныхъ данныхъ того или другого рода; да и рѣшать его можно только въ связи съ вопросомъ о возникновеніи у насъ «Златоустовъ», ядро и основу которыхъ составляютъ эти поученія. Правда, извѣстенъ Сборникъ Рум. Муз. XV в. № 406, заключающій въ себѣ поученія на дни воскресные и простые съ недѣли о мытарѣ и фарисеѣ до недѣли всѣхъ святыхъ, гдѣ (лл. 1, 4, 11 об., 27, 70 об., 91, 119, 144, 171) находимъ наши поученія, и правописаніе этого Сборника *русское, перемѣшанное съ болгарскимъ* [1]. Но этотъ фактъ можно объяснять и не однимъ тѣмъ, что русскій писецъ имѣлъ передъ глазами болгарскій оригиналъ; съ конца XIV в., вслѣдствіе извѣстныхъ историческихъ причинъ, стало входить въ русскіе памятники болгарское правописаніе. Прибавимъ къ этому, что Востоковъ нѣкоторыя статьи изъ этого сборника склоненъ былъ считать русскими [2]; относительно одной изъ нихъ (л. 245 об.) съ нимъ соглашался и Срезневскій [3]).

Языкъ словъ по отношенію къ этому вопросу не далъ намъ никакихъ опредѣленныхъ указаній.

Проф. Е. Е. Голубинскій относитъ наши слова къ произведеніямъ письменности русской, отзываясь о нихъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «слова эти . . . представляютъ собою простыя поученія, но не весьма краткія, а довольно значительныя по объему, отчасти самостоятельно, отчасти на основаніи Отцовъ хорошо составленныя и хорошо отдѣланныя и вообще въ своемъ родѣ принадлежащія къ памятникамъ нашей литературы вовсе не худымъ и вовсе не послѣднимъ» [4]).

---

1) *Опис. рукоп. Рум. Муз.*, стр. 621.
2) *ib.*, 611, 615, 620.
3) *Извѣстія 2-го Отд. И. А. Н.* X, 166.
4) *Исторія Русск. Церкви*, т. I, перв. пол. М. 1880, стр. 679.

Разумѣется, излишне упоминать здѣсь, что обозначеніе этихъ поученій въ рукописи именемъ Іоанна Златоустаго не можетъ имѣть никакого значенія при опредѣленіи того, кто былъ ихъ авторъ, такъ какъ имя Іоанна Златоустаго было широко распространеннымъ псевдонимомъ, которымъ въ древне-русской письменности пользовались очень многіе (авторы и переписчики) съ цѣлію внушить читателямъ большее уваженіе къ тѣмъ или другимъ (своимъ или чужимъ) произведеніямъ.

III.

Итакъ, слова на Четыредесятницу съ недѣлями къ ней приготовительными можно разсматривать и 1) какъ основу и ядро «Златоустовъ» (объ этомъ послѣднемъ догадку Горскаго мы считаемъ вполнѣ вѣроятною) и 2) какъ самостоятельную и отдѣльную группу церковныхъ поученій. Предлагая ниже рядъ этихъ поученій по одному изъ самыхъ древнихъ списковъ, сохранившемуся въ не разъ упомянутомъ нами Сборникѣ № 9 Тр.-Серг. Лавры, мы полагаемъ, что они могутъ представить интересъ и съ той, и съ другой точки зрѣнія. Старыя изданія (см. выше) въ филологическомъ отношеніи неудовлетворительны и не представляютъ этихъ словъ въ ихъ цѣльной послѣдовательности.

Скажемъ объ этихъ поученіяхъ нѣсколько словъ какъ о группѣ самостоятельной.

Мы видѣли выше мнѣніе Горскаго и другихъ ученыхъ о томъ, что поученія на Четыредесятницу представляютъ не переводъ съ греческаго, а оригинальное произведеніе неизвѣстнаго славянскаго проповѣдника; вопросъ этотъ рѣшится въ связи съ вопросомъ о происхожденіи и составѣ «Златоустовъ». Но въ тоже время Горскій усмотрѣлъ и зависимость этого проповѣдника отъ отцовъ церкви восточной; онъ указалъ на заимствованіе отъ Іоанна Златоуста (Приб. къ Твор. Св. Отц. ч. XVII, 37) или вообще на сходство съ нимъ (ib., 39, 40), на

заимствованіе отъ Василія Великаго (ib., 43) [1]), Аввы Дороѳея (ib., 40—41) [2]), изъ сокращеннаго толкованія Евангелія Марка и изъ извѣстнаго «Евангелія учительнаго» (напечат. въ перв. разъ въ Заблудовѣ, 1569 г.).

Главнымъ источникомъ поученій нашего проповѣдника служило Св. Писаніе и въ частности Евангеліе, — послѣднее въ такой мѣрѣ, что, напр., цѣлое поученіе въ недѣлю о блудномъ сынѣ почти сплошь представляетъ пересказъ евангельскаго чтенія въ этотъ день (Луки, XV, 11—32), съ нѣкоторыми дополненіями и вставками, которыя проповѣдникъ дѣлаетъ отъ себя; въ словѣ въ нед. мясопустную вторая часть его есть также пересказъ чтенія евангельскаго въ этотъ день (Матѳ., XXV, 31—46); тоже должно сказать и о значительной части поученія въ нед. 5-ю поста (Ср. Марка, X, 32—45).

---

[1]) Для большей наглядности этого заимствованія приведемъ оба текста рядомъ:

«...алчбы же добрыꙗ ѹставъ не ѿложеніе брашьномъ токмо, но ѿверженье злыхъ дѣлъ и̂ разрѣшеніе всѧкого съѹза неправеднаго. Ѿстави ближнемѹ скорбь и ѿдаи же є̂мѹ долгъ; не на сѹды и на которы алчете. Мѧса ли не ꙗси, но брата своего клеветами ꙗси; питьꙗ ли осталъсѧ еси, но ѿ свара не ѹдержишисѧ; вечерѧ ли осталсѧ еси, но и до позднаго сѣдиши въ бесѣдѣ, всѣхъ ѡсѹжаꙗ».

(Сл. въ 4-ю нед.).

«...Пользу поста не ограничивай однимъ воздержаніемъ отъ снѣдей, потому что истинный постъ есть устраненіе отъ злыхъ дѣлъ. *Разрѣшай всякъ союзъ неправды.* Прости ближнему оскорбленіе; прости ему долги. *Не въ судѣхъ и сварѣхъ поститеся.* Не ѣшь ты мясъ, но пьядаешь брата. Воздерживаешься отъ вина, но не удерживаешь себя отъ обидъ. Вкусить пищу дожидаешься вечера, но тратишь день въ судебныхъ мѣстахъ.

(1-е сл. Вас. Велик. о постѣ, въ Тв. Вас. Вел. въ русск. перев., М. 1846, ч. 4, стр. 15).

Какъ Василій Велик. въ своемъ 1-мъ словѣ о постѣ ссылается для убѣжденія слушателей на библейскіе примѣры *Ноя*, *Моисея*, Исава, Самуила, *Илію*, Елисея, *Даніила* (см. Твор. Вас. Вел., ч. 4, стр. 5 и сл.), такъ и нашъ проповѣдникъ съ тою же цѣлію въ своихъ словахъ въ нед. сыропустную и отчасти въ нед. 2-ю поста приводитъ въ примѣръ Еноха, *Ноя*, Авраама, *Моисея*, *Илію*, *Даніила*.

[2]) Въ дополненіе къ соображеніямъ Горскаго см. *Опис. рукоп. Рум. Муз.*, 615.

Содержаніе словъ даетъ возможность думать, что по происхожденію своему они относятся къ очень раннему періоду христіанскаго просвѣщенія у славянъ. Въ словѣ во 2-ю недѣлю поста проповѣдникъ предваряетъ слѣдующими словами разъясненіе того, почему онъ назвалъ великій постъ десятиной цѣлаго года: «**сами же вѣсте добрѣ, аз же дѣтемъ и новопросвѣщенымъ скажю**» (см. Приб. къ Твор. Св. Отц., XVII, 54—54 и опис. рукоп. Синод. Б-ки, II, 3, стр. 89; наш. изд. стр. 19)[1]).

---

[1]) Изъ слова въ нед. о блудномъ сынѣ Горскій въ доказательство малообразованности проповѣдника приводитъ одну фразу изъ объясненій послѣднимъ смысла притчи о блудномъ сынѣ: *наимници суть оглашеніи и анагности цръковніи.* «Прибавивъ къ слову «оглашеніи» греческое слово *анагности*, что значитъ *чтецы* (проповѣдникъ) этимъ самымъ ясно показалъ, что не довольно былъ знакомъ съ его значеніемъ», замѣчаетъ Горскій (Приб. къ Твор. Св. Отц. XVII, 36). Филаретъ Черниговскій, допуская это предположеніе, дѣлаетъ отъ себя еще и другое: проповѣдникъ, б. м., этимъ «даетъ видѣть, что тогда чтецами были наемные люди, какъ это и было въ русской церкви въ домонгольское время и даже долго послѣ того» (Обзоръ, 25). Но едва-ли возможно подобное толкованіе; тутъ ни въ какомъ случаѣ «наемници» не можетъ имѣть прямого смысла, такъ какъ это слово взято изъ евангельскаго текста и метафорически поясняется въ поученіи; вѣдь, если бы принять это, то пришлось бы объяснять, почему проповѣдникъ оглашенныхъ называетъ «наемниками», т. е., по толкованію Филарета, наемными людьми. Изъ нашего изданія (стр. 6) видно, что тутъ текстъ Измарагда Рум. Муз. даетъ вмѣсто *анагности* варьянтъ *агности*, т. е. несвѣдующіе (отъ α и γιγνώσκω), если только возможно допустить существованіе рядомъ съ страдательнымъ значеніемъ прил. ἄγνωστος (неузнанный, неузнаваемый) еще и дѣйствительное (незнающій, несвѣдущій). Не есть ли форма *агности* болѣе первоначальная, и не испорченъ ли потомъ переписчиками текстъ постановкой вм. *агности* болѣе знакомаго по звуку, какъ обычнаго техническаго въ церковной практикѣ греч. церкви, слова *анагности*? Тогда не будетъ нужды прибѣгать къ неестественному предположенію, что проповѣдникъ не понималъ греческаго языка; это тѣмъ болѣе невѣроятно, что, какъ мы видѣли, онъ въ широкой мѣрѣ пользуется сочиненіями отцовъ греч. церкви и нужно доказать еще, были-ли для времени составленія словъ (которое намъ неизвѣстно) переводы этихъ отцовъ въ той мѣрѣ, въ какой ими пользуется нашъ проповѣдникъ. Въ одномъ изъ печатныхъ «Сборниковъ», въ которомъ находится наше слово въ нед. о блудномъ сынѣ въ этой фразѣ вм. *а(на)гности* стоитъ причє́тницы (изд. М. 1802, л. з̃), т. е. своеобразно переведенное и осмысленное *анагности.* Но невѣроятно, чтобы проповѣдникъ имѣлъ въ виду рядомъ съ оглашенными, т. е. низшей ступенью простыхъ міряпъ, причетниковъ, т. е. лицъ, входящихъ въ составъ церковнаго клира.

Въ пользу ранняго происхожденія этихъ словъ свидѣтельствуетъ также ихъ простота и близость къ главному источнику своему— Св. Писанію.

Проповѣдникъ часто пользуется пріемомъ сравненія, чтобы сдѣлать ту или другую мысль болѣе ясной для своихъ слушателей. Такъ, убѣждая ихъ выполнять волю божію, онъ говоритъ: аще бо ѿ земнаго кнѧзѧ како любо придеть слово къ подручнымъ его гражаномъ, то вси, съ страхомъ пришедше, послоушають его и, слышавъше, творѧть повелѣнаꙗ имъ (сл. въ нед. 3-ю поста; наш. изд. стр. 22). Предостерегая слушателей отъ праздныхъ разговоровъ въ церкви во время службы, проповѣдникъ поясняетъ это слѣдующимъ сравненіемъ: егда станоуть предъ земнымъ црмъ, то никто же смѣеть рещи простаго слова, ни очима инамо зрѣти и осѧзати (въ томъ же словѣ, стр. 23). Указывая на особенное значеніе седьмой недѣли сравнительно съ другими, онъ приводитъ въ поясненіе: ꙗко же бо црь болѣ есть кнѧзѧ, а кнѧзь воеводы, а воевода болѧрина, а болѧринъ сотника, а сотникъ пѧтьдесѧтника, а пѧтьдесѧтникъ слоуги. Размыслите, братье: аще бы кто хотѣлъ ѡроудовати ко црю, то милъ дѣетсѧ ѿ меньшихъ слоугъ и до послѣднихъ, кто бы ѡбѣстилъ его; аще в чемъ и съгрѣшилъ есть, то болма печалоуеть кимъ ѡправдитсѧ (слово въ 1-ю нед. поста, стр. 15). Это, впрочемъ, пріемы, весьма обыкновенные и у Іоанна Златоуста. Нашъ проповѣдникъ пользуется, кромѣ того, пріемомъ притчи, разсказывая, напр., въ словѣ на 1-ю нед. притчю о царѣ и семи дочеряхъ его, чтобы убѣдить слушателей въ необходимости одинаково чтить и соблюдать всѣ семь недѣль поста.

Взглядъ нашего проповѣдника на постъ выясняется изъ слѣдующихъ его выраженій: не ноужю васъ паче силы поститисѧ и бдѣти, но како кто можеть по силѣ; точью житискихъ печалии ѡхабитисѧ, корьчьмы, пьꙗньства, зависти и клеветы, помненьꙗ злоу, блоуженьꙗ и лихоиманьꙗ... (слово въ 1-ю нед. поста, стр. 17); почти тоже и въ другомъ мѣстѣ не ноужю

васъ никого же... и т. д. (стр. 20). Характеристику поста, нравственно пересоздающаго человѣка и устрояющаго ко благому его жизнь, можно найти въ словѣ въ 4-ю нед. поста: алчьба законоу свершитель... (стр. 25).

Въ поученіяхъ есть нѣсколько мѣстъ очень схожихъ между собою, б. м., вслѣдствіе заимствованія изъ одного какого-нибудь источника. Напр.

«...постився первое Моисии м҃. дни, и гл҃а къ Бу҃ лицемъ к лицю, и просвѣтися лице его яко и сл҃нце ѿ славы бжіа; и пакы Илья постися дроугоу м҃. дни, и не вкоуси смр҃ти, но взятъ бы҃ на колесницѣ ѿгнь нѣи вихромъ яко на нб҃о; и Данилъ пр҃ркъ постися, лъвы оукроти».

(Сл. въ нед. сыроп., стр. 13).

«...постом бо очицься Моисии, бесѣдова къ Бо҃у лицемъ къ лицоу и просвѣтися лице его аки сл҃нце; постися пр҃ркъ Илья, и огнь съ нб҃си на жертвоу приведе, и дождь жажющимъ людемъ испроси оу Ба҃; и Данилъ пр҃ркъ постомъ лвы оукроти, и мужь желанью нареченъ бы҃» [1]).

(Сл. во 2-ю нед. поста, стр. 18).

«...но боуди нынѣ намъ потроудившеся въ ст҃ыя сия дни постьныя и оуслышати ст҃ыи онъ гл҃а гл҃щь: придѣте, бл҃гвнии оц҃а моего, придѣте сн҃ве свѣта, алкавше и жадавше, и примѣте оуготованое вамъ цр҃тво изначала мироу; яже боуди всѣмъ намъ полоучити, о Х҃ѣ І҃сѣ

«...не боуди же вамъ тяжко послоужившимъ Бо҃у; поноужаемъ бо васъ на добръ подвигъ, да на вскр҃ніе оуслышимъ ст҃ыи онъ гл҃а Га҃ Ба҃ нашего, зовоуща праведныя и гл҃юща, придите, бл҃гословеніи оц҃а моего, приимите оуготованое вамъ цр҃тво, о Х҃ѣ І҃сѣ

[1]) Мы видѣли выше, что мѣсто это заимствовано отчасти изъ 1-го слова Василія Вел. о постѣ.

Гдѣ нашемъ, емоуже слава в вѣ».

(Конецъ поуч. въ нед. сыропустную, стр. 14).

Гдѣ нашемъ, емоуже слава в вѣки, аминь»[1]).

(Конецъ поуч. въ 3-ю нед. поста, стр. 24).

«. . . да елико есмы во все лѣто согрѣшили, то сими дньми постьныими да очистимсѧ, троужающе телеса своꙗ постомъ и бдѣніемъ и млтвами къ Бу приближающесѧ, слезами омывающе своꙗ грѣхи».

(Сл. въ нед. мясоп., стр. 8).

«. . . елико же бо есмы во все лѣто съгрѣшили или въ сварѣ, или въ блоудѣ, или въ клѧтвѣ, и во лжи, и во обьꙗденьи, и пьꙗньствѣ или въ какомъ злѣ дѣлѣ, то сими дньми постныими очистимсѧ и приближимсѧ къ Богу чтотою и постомъ, млтвами и слезами омываюше прегрѣшеніа наша».

(Сл. въ нед. сыроп., стр. 12).

При изданіи мы пользовались *четырьмя* пергаменными списками (всѣ XIV в.), изъ которыхъ три принадлежатъ Б-кѣ Троице-Сергіевой Лавры и одинъ — Румянцевскому Музею. Во всѣхъ словахъ за основой текстъ взятъ «Сборникъ Тр.-С. Л.» № 9, какъ наиболѣе исправный, а остальными списками («Златая Цѣпь» Тр.-С. Л. № 11, «Сборникъ Тр.-С. Л.» № 39 и «Измарагдъ» Рум. Муз. № 186) мы пользовались для варьянтовъ, причемъ для пяти словъ оказалось возможнымъ представить два варьянта, а для четырехъ остальныхъ — одинъ, т. к. составъ вышеупомянутыхъ сборниковъ не одинаковъ, и не всѣ они за-

[1]) Вторая половина этого извлечена изъ Матѳ., XXV, 34. Такое окончаніе вообще довольно обычно въ древнихъ поученіяхъ (см. *Прологъ Новг. Соф. Б-ки* XII—XIII в., № 1324, лл. 252 об., 294; *Русск. Историч. Библіот.*, т. VI. Спб. 1880, столб. 163).

ключаютъ полный рядъ нашихъ словъ на Четыредесятницу.

Укажемъ относительно каждаго слова въ отдѣльности, какими текстами пользовались при его изданіи:

1) Слово въ нед. о мытарѣ и фарисеѣ. *Основн. текстъ*: Тр.-С. Л. № 9, л. 1. *Варьянты*: Тр.-С. Л. № 11, л. 102; Рум. Муз. № 186, л. 30.

2) Слово въ нед. о блудномъ сынѣ. *Основн. текстъ*: Тр.-С. Л. № 9, л. 2 об. *Варьянты*: Тр.-С. Л. № 11, л. 103 об.; Рум. Муз. № 186, л. 32.

3) Слово въ нед. мясопустную. *Основн. текстъ*: Тр.-С. Л. № 9, л. 4. *Варьянтъ*: Тр.-С. Л. № 11, л. 105.

4) Слово въ нед. сыропустную. *Основн. текстъ*: Тр.-С. Л. № 9, л. 6. *Варьянтъ*: Тр.-С. Л. № 11, л. 107.

5) Слово въ 1-ю нед. поста. *Основн. текстъ*: Тр.-С. Л. № 9, л. 14. *Варьянтъ*: Тр.-С. Л. № 11, л. 109.

6) Слово во 2-ю нед. поста. *Основн. текстъ*: Тр.-С. Л. № 9, л. 16. *Варьянтъ*: Тр.-С. Л. № 11, л. 111 [1]).

7) Слово въ 3-ю нед. поста. *Основн. текстъ*: Тр.-С. Л. № 9, л. 18. *Варьянты*: Тр.-С. Л. № 11, л. 113 об.; Тр.-С. Л. № 39, л. 34 об.

8) Слово въ 4-ю нед. поста. *Основн. текстъ*: Тр.-С. Л. № 9, л. 20. *Варьянты*: Тр.-С. Л. № 11, л. 115 об.; Тр.-С. Л. № 39, л. 40.

9) Слово въ 5-ю нед. поста. *Основн. текстъ*: Тр.-С. Л. № 9, л. 26. *Варьянты*: Тр.-С. Л. № 11, л. 117; Тр.-С. Л. № 39, л. 48 об. [2]).

---

[1]) Можно бы и для словъ въ 1-ю и 2-ю недѣли представить по второму варьянту изъ Сборн. XIV в. Тр.-С. Л. № 39 (что мы сдѣлали для трехъ послѣдующихъ словъ), но нѣкоторыя практическія затрудненія не позволили намъ этого исполнить.

[2]) Слово въ 6-ю нед. поста (вербную), нач.: «Велика и ветха сокровища. . .», приписывается Кириллу Туровскому (въ «Зл. Цѣпи», л. 119 об. оно прописано Антіоху Іерусалимскому); слово это напечатано въ собраніи поученій Кирилла сначала *Калайдовичемъ* («Памятники росс. слов. XII в.», М. 1821, стр. 3—9), а потомъ *М. И. Сухомлиновымъ* («Рукописи гр. Уварова», т. II, вып. 1. Спб. 1858, стр. 3—10). Въ другихъ спискахъ «Златоуста» назначается, впрочемъ,

Мы старались воспроизвести текстъ съ возможной точностію и отмѣчали всякое сдѣланное нами отступленіе; отъ себя нами допущены только современные знаки препинанія (въ рукоп. кромѣ точекъ, и то не всегда кстати, знаковъ препинанія нѣтъ) и соотвѣтственная имъ постановка простыхъ и заглавныхъ буквъ; только въ варьянтахъ, если нужно было приводить цѣлыя фразы, мы не вводили современныхъ знаковъ. Нѣсколько разъ употребленныя нами скобки включаютъ въ себя то, что дополнено нами по соображенію сверхъ находящагося въ рукописи. Также старались мы сохранить индивидуальный характеръ тѣхъ списковъ, которыми пользовались для варьянтовъ; поэтому варьянты каждаго списка представили особо и отмѣчали по возможности тѣ случаи, когда оба списка, служившіе варьянтами, сходились *между собою*.

Въ заключеніе, считаемъ долгомъ выразить глубокую признательность Намѣстнику Троице-Сергіевой Лавры О. Архимандр. Леониду, много содѣйствовавшему появленію настоящаго изданія.

на этотъ день другое поученіе, напр., въ № 406 Рум. Муз. (л. 199): Сло҃ ст҃го ѿца нш҃е єп҃па Ѡфанасіа Олексанрьскаго, нач.: Страшна, взлюбленіи, тайна дн҃ь въ Іср҃лмѣ бы҃...; въ № 179 Царск. (л. 167) Поученіе Іоанна Златоустаго, нач.: «Ꙗко пучину морѧ постное се времѧ преидохомъ»... (См. то же Ундольск. № 533, л. 153; Синод. Б-ки № 231, л. 206); въ № 535 Ундольск. (л. 219 об.) Іоанна Златоустаго слово о слѣпцѣ, нач.: Тѧжелаꙗ нужда есть изрещи к вашей любви, братіе... и проч.

И[д] ѿ мытари и о фарисѣи, слово ст҃го Iѡ҃а златоѹстаго, патріарха црⷭ҇аграда, поѹченїе *.

Придѣте оѹбо днⷭ҇ь [а]), бра̑е; послѹшавше [б]) бжⷭ҇твенаго гл҃а х҃ва, бодрийши [в]) бѹдемь [г]). Притчю бо ѿ мытари ѿ фарисѣи [д]) нашего ра̑ [е]) сп҃ныи гл҃ть, н̓ бо сниде праведнꙑ ра̑, но грѣшныхъ [ж]) на покаянье̑ [з]). Ч҃лвка, р̑е, в҃. внидоста въ црк҃вь помолит̑ь — е̑динъ фарисѣи [и]), а дрѹгии [і]) мытарь. Ѿ начатка словеси познаѐмъ: кождо [к]) насъ в себѣ [л]) ѡба имѹще [м]). Црк҃вь разѹмѣѐмъ [н]) составленье̑ своѐго телесе [о]), якоже ап҃лъ гл҃ть: црк҃ы [п]) е̑смы Б҃а жива. Ч҃лвка же в҃. срⷣце и дш҃а, в неи же правда и грѣхъ; но правда оѹбо высокомысльѐмь низпадаеть, грѣх же смѣреньѐмь потреблѧет̑ь. Р̑е Дв҃дъ [р]), яко не(о)правдит̑ь пре̑ тобою всѧкъ живыи, и пакы [с]): смѣрихсѧ [т]) и сп҃ мѧ. Срⷣце оѹбо е҃ фарисѣи, и҃ не храни добродѣтелии [у]), но исправлении [ф]) величаѐть, на лѣнивѣишаꙗ [х]) възноситсѧ; не бо вѣсть ѿ собѣ написанаго: [ц]) не хвалитесѧ [ч]), ни гл҃те высокыи [ш]) в гордыни,

---

* Въ Злат. Цѣпи загл.: Поѹченіе в нⷣе ѿ мытари и ѿ фарисѣи, гн҃и бл҃гви. Начало поученія до словъ: възрѣти не хощеть.... (см. ниже) приводимъ лишь по списку Златой Цѣпи; 1-й листъ Сборника № 9, на которомъ находится начало этого поученія, поврежденъ отъ времени и употребленія.

---

* Въ Измар. Рум. Муз. загл.: Притча Iѡ҃а злаоѹст҃а, о мытари и о фаресѣи.

а) нѣтъ днⷭ҇ь б) послушаѐмъ в) бодрѣиша г) прибавл.: на покаянье̑ д) сию бо притчю е) дѣлма ж) праведнꙑ дѣлма, но грѣшныхъ ради з) да сп҃сть я и) фаресѣи і) дрѹгыи к) когождо л) в собѣ м) имамъ н) прибавл.: любимици о) телесѣ п) црк҃ы взято изъ Измар.; въ текстѣ стоитъ только: мы е̑смы р) прибавл.: дх҃мь с) прибавл.: р̑е т) смирихомсѧ; нѣтъ слѣдующ. и у) иже не хранить добродѣтели ф) о исправленьихъ х) лѣнивѣишаꙗ изъ Измар., въ текстѣ: лѣникшаꙗ ц) писанаго ч) прибавл.: р̑е ш) высокыхъ

да не ѝзидеть велерѣчье[щ]) ѝз оустъ вашихъ. Дш҃а же сама показаеть мытарь, понеже чт҃а Бм҃ь створена бъı, в телесѣ ѡскверньши: на нб҃о възрѣти* не хощеть, и[1], бьющисѧ свѣстью злыхъ дѣлъ, бежерельнъıми[2 ъ]) въздыханьи и[3] вопиеть[ы]): Бж҃е, помилȣи мѧ даромъ,[4 ь]) еже[5 ѣ]) есть: не въсхощи со мною створити[6] словеси[7] испытаніа[8]; тѣмъ и[9] приемлеть[э]) покааніемъ[10] оправданіе; сниде бо, рече, мытарь оправданъ паче, нежели фарисѣи[11 ю]). Но да никто же о семъ блазнитсѧ[12], помышьлаꙗ[13] раздѣлѧема[я]) на двое чл҃вка, но мысль ѿ словеси[14] ѿсѣкаемъ[15 а]); воюеть бо, рече[16], присно[б]) плоть на дш҃ю; два соупостата не престаета[в]) борющасѧ[17], въстаеть бо[18] несытость на постъ и[19] величаніе на смѣреномоудрье[20] и[21] блоудъ на чистотоу дш҃вноую[22 г]). Два коньника бъıста[д]) — мытарь и фарисѣи; спрѧже фарисѣи[23] два[е]) конѧ, да постигнеть[24] жизнь вѣчнȣю: единъ конь добродѣтель[ж]) и мл҃твȣ[25 з]), а дрȣгии конь гордость и[26] величаніе и[27] осȣженіе; запѧ гордость добродѣтели, и разбисѧ законьнаꙗ колесница, и погыбе самомнимъıи[28] всадникъ; ни кто же бо о себѣ[29 и]) чть приемлеть, но званъıи[30] ѿ Бг҃а; рече бо ап҃лъ: не хвалисѧ сѣдѧ на вѣтви[і]), не ты бо корень носиши[к]), но корень тебе. Спрѧже же и[31] мытарь два конѧ:

---

* Отсюда приводимъ текстъ по списку Сборника №9. Варьянты въ З. Цѣпи: [1] но [2] безъжерелнъıми [3] нѣтъ и [4] тȣне [5] ѝ [6] творити [7] словесе [8] испытаньꙗ [9] нѣтъ и [10] покаꙗньемь [11] нѣтъ: сниде бо... фарисѣи [12] блазнисѧ и далѣе прибавл. ꙗко [13] помъıслѧ [14] словесе [15] ѿсѣкаемъ изъ З. Ц.; въ текстѣ ѿсѣкаемсѧ [16] нѣтъ рече [17] непрестаньно борющесѧ [18] нѣтъ бо [19] нѣтъ и [20] цѣломȣдрье [21] нѣтъ и [22] телеснȣю [23] спрѧже фарисѣи добавлено изъ З. Ц. [24] постигнеть изъ З. Ц.; въ текстѣ постигнета [25] мл҃тва. Слич. выше варьянтъ 23. Далѣе прибавл. постъ мл҃тви [26] нѣтъ и [27] нѣтъ и [28] самомнивъıи [29] ѿ собѣ [30] взъıваемъи [31]) нѣтъ же и.

щ) велерѣчьꙗ ѝзъ оустъ вашихъ; далѣе приб.: рекше сваръ и клевета ъ) тѧшкими ы) ѝ немолчнъıмь гл҃мь вопиеть ь) какъ въ З. Ц. ѣ) ѝже э) приемлемъ ю) какъ въ З. Ц. я) вм. помъıшьлаꙗ раздѣлѧема стоитъ: ꙗко раздѣлѧема ѥста а) какъ въ З. Ц. б) нѣтъ присно в) непрестанно борющесѧ в насъ ѥста г) на добродѣтель величанье. на цѣломȣдрие пьꙗньство блȣд на дш҃вную пагȣбȣ. на любовь ненависть и гнѣвъ. на смиренье гордость. на ѝстинȣ лжа ѝ клевета и прочаꙗ злобы. д) ѥста е) передъ два стоитъ ѝ спрѧже фаресеи ж) добродѣтельнъıи з) какъ въ З. Ц. и) какъ въ З. Ц. і) вѣтвѣ к) подъдержиши.

единъ конь злаꙗ дѣла и грабленїе[32 л]) и нечистота и несытость[33], а дрꙋгии конь оукоризна[м]) и смѣренїе[34] и неѿчаꙗнїе; и спсе всадника смѣренаꙗ надежа; єдинѣмъ бо словомъ мытарь обрѣте[35] оправданїе[36], рекъ: Бе҃, оцѣсти мѧ грѣшнаго[н]) и помилоуи мѧ[37]! Добрѣ[38] рече пррк҃ъ: близь есть[39 о]) Гь҃ всѣмъ призывающимъ его[40] истиною. И[41] преможе слово дѣлꙋ, фарисеи бо праведници нарицахоусѧ[42 п]). Тѣмъ, слышаще[43] Ха҃ глющa: азъ придохъ взискатъ заблоужьшихъ[44 р]), но[45] укаряюще и[46] глахоу: еда кто ѿ князь вѣрова во нь или ѿ фарисѣи? и[47] не хотѧхꙋ бо приꙗти во общенїе[48 с]) каюшихсѧ. Тѣмъ и въ црькви осоужахоу мытаревъ[т]) и, своꙗ добродѣтели чтающе[у]), величахоусѧ[49]. Се же[50] слышавъ, мытарь аки не имѣꙗ дерзновеньꙗ[51], не хотѧ[52] ни очью възвести на нбо, но бьяшесѧ в перси, да подвигнеть дшю на покаанїе[53], срце на оумиленїе; ѿтоудꙋ[54 ф]) бо исходѧть злии помысли[55], и глаше: Бе҃, милостивъ бꙋди мнѣ![56] Бе҃, оцѣсти мѧ грѣшнаго[57 х]) и помилоуи мѧ! Тѣмъ же и мы[58], братье, подражаемъ сего мытарѧ; велико[59] добро смѣренїе, имже самъ Хс҃ъ смѣрисѧ и спсе[ц]) ны и всѣхъ[60 ч]) оучить смѣреномыслити[ш]), глѧ[61 щ]): наоучитесѧ ѿ мене, ꙗко кротокъ есмъ и смѣренъ срцемъ, и: ꙗко всѧкъ возносѧисѧ смѣритсѧ и҃

---

[32] лихоймьство [33] несытьство, при чемъ нѣтъ предшествующихъ повторяющихся союзовъ и, какъ и въ слѣдующемъ затѣмъ перечисленіи [34] смиреннё [35] ѿкрѣтъ [36] ѿправданьꙗ [37] нѣтъ и помилоуи мѧ [38] прибавл. бо [39] нѣтъ есть [40] нѣтъ его [41] нѣтъ и [42] нарѣцахꙋсѧ. Далѣе прибавл.: и весь законъ правѧще мнѧхꙋсѧ [43] слышавше [44] прибавл.: спсти погибшиꙗ завистью [45] н [46] нѣтъ и [47] нѣтъ и [48] ѿбщинꙋ [49] ѡсꙋжахꙋ лихоимци. и своеꙗ почитающе добродѣтели и величахꙋсѧ. [50] еже [51] дерьзновениꙗ [52] хотѧше [53] покаꙗньє. Далѣе прибавл. и [54] ѿ того [55] злыꙗ мысли. Нѣтъ слѣдующаго и [56] нѣтъ бе.... мнѣ [57] грѣшника [58] нѣтъ же и мы [59] прибавл. бо [60] всѧ [61] вмѣсто: глѧ наоучитесѧ.... и до конца — стоитъ только: ємꙋ же сл҃а.

л) какъ въ З. Ц. м) оукореньє. н) грѣшника о) какъ въ З. Ц. п) какъ въ З. Ц.; только вм. мнѧхꙋсѧ (З. Ц.) стоитъ во второй разъ нарѣцахꙋсѧ р) приб.: и спсти погыбшихъ. Далѣе: жидовьстѣи философи оукарѧюще.... с) какъ въ З. Ц. т) лихоимца у) поминающе ф) какъ въ З. Ц. х) какъ въ З. Ц. ц) нѣтъ спсе ч) какъ въ З. Ц. ш) прибавл. да полꙋчимъ вѣчнаꙗ блгаꙗ щ) такой же пропускъ, какъ въ З. Ц.

смѣрѧюсѧ вознесетсѧ, и: егда сътворите всѧ повелѣнаꙗ вамъ, гл҇ите, ꙗко ненадобнии раби есмѧ, и҃, еже должни бѣхомъ створити, и҃ створихомъ, и: ꙗко Гь҇ гордымъ противитсѧ, а смѣренымъ даеть бл҇годать. Бо҇у нашемоу слава в вѣкы :•

Н҇е ѡ блоудьнѣмъ с҇ну, поѹченїе ст҇го Иѡ҇а златооустаго, сказанїе еу҇лна ѿ луки*.

Възлюбленїи, послоушаите самого Ха҇, о покааньи оучаща насъ и[1 а]) гл҇юща притчю: чл҇вкъ, рече, нѣкто[2] имѣꙗ[3 б]) два с҇на. Кто есть[4] чл҇вкъ?[в]) чл҇вклюбець Бъ҇. Кто ли два с҇на? праведници и[5] грѣшници. Рече же меншии[6 г]) с҇нъ ко о҇цю: о҇че[7], даи же ми[8] достоинѹю[9] часть имѣньꙗ. Добрѣ[10] оубо[11] испроси самовластье[12 д]), никого бо не ноудить[13] Бъ҇[14] не хотѧщихъ[15] емоу работати[е]). Имѣнье же се есть н҇бо и землѧ; море и рѣки[16] и[17] всю тварь на работѹ намъ Бъ҇[18] далъ[ж]) есть; законъ и[19] пророки насъ ради послалъ есть[20]. Но меншии[21 з]) с҇нъ, приимъ ѿ о҇ца имѣнїе[и]), и погѹби[22] злѣ, створи собѣ[23] въ

---

* Въ Злат. Цѣпи загл.: Н҇е. пр҇е м҇ѧ п҇у. ꙗ, ѡ блудьнѣмь с҇ну, г҇и бл҇гви ѡ҇че.

[1] нѣтъ: оучаща насъ и [2] нѣкий [3] и҆мѣ [4] е҇ [5] нѣтъ и [6] менши [7] нѣтъ о҇че [8] даи ми же [9] достойну [10] д҇ [11] нѣтъ оубо [12] самъ власть [13] никого же бо нудить [14] нѣтъ б҇ъ [15] ни хотѧщаго [16] рѣкы [17] нѣтъ и [18] нѣтъ б҇ъ [19] нѣтъ и [20] посла [21] оуньйи [22] расточи [23] себе

---

* Въ Изм. Рум. Муз. загл.: Притча Іѡ҇а Златоу҇стаго, о҇ блуднемь сыну. а) какъ въ З. Ц. б) какъ въ З. Ц. в) опущенъ этотъ вопросъ, но, чтобы показать, что слѣдующее составляетъ объясненіе на не поставленный въ текстѣ вопросъ, стоитъ знакъ (т), т. е. толкованіе, толкъ; опущенъ и слѣдующій въ нашемъ текстѣ (№ 9) вопросъ, но новаго знака не поставлено, и это второе толкованіе связано съ предыдущимъ посредствомъ союза: а г) оу҇нии д) добрѣ бо изволиша собѣ грѣшници самовластье а не въздержаньѥ. попусти бо б҇ъ самовластьѥ и҆мѣти е) приб.: но по и҆зволенью си кождо ж) повинѹлъ з) оу҇нѣй и) б҇атьство и и҆мѣньѥ

твари боги [і]). Старѣи же сн҃ъ Б҃а и[24] творца твари не ѿстоупи. Меньшии [к]) же сн҃ъ ѿиде на странꙋ далече. Страна далеча [л]) есть ѡ телеси [25 м] попеченіе, похоти грѣховныꙗ [26] и лꙋкавое мироддержаніе; близь бо соущии [27] Б҃а тѣхъ [28 н]) не творꙗть. Аще ли ѿстꙋпимъ ѿ Б҃а [29], то погоубимъ [о]) б҃жіи даръ, пишет бо сꙗ: се оудалꙗющиисꙗ [30] ѿ тебе погибноуть, и пакы рече: гладъ бꙑ [31] на странѣ [п]) тои [р]), не гладъ хлѣба, но еже [с]) не принимати [т]) ст҃го причащеніа [32 у]); и нача [ф]) лиховатисꙗ [33 х]). Боꙗщии же сꙗ Г҃а не лишатсꙗ всꙗкого б҃га, ꙗко н҃ѣ лишеніꙗ боꙗщимсꙗ его [34 ц]). Лишающю же сꙗ емꙋ и гладомъ гибнꙋщю, и шедъ прилѣписꙗ къ [35] единомоу гражанинꙋ [ч]) землꙗ [36 ш]) тоꙗ, еже [37 щ]) сꙋть бѣси. И [38] посла его на село свое [39] свинеи [40] пастъ, сирѣчь оучить инѣхъ [41] злымъ дѣломъ; ꙗкоже бо [42] свиньꙗ не можеть вверхъ [43] смотрити [44 ъ]), тако и [45] согрѣшаꙗи не можеть помꙑслити [46] о [47] н҃бныхъ. Свинꙑѣ же пастоухи си соуть разбоиници и блоудници [ы]) и лихоимци [ь]) иже [48] инѣхъ [ѣ]) на [49] злое [50] ꙋчать; и хотꙗше, рече, сꙑтитисꙗ [51] ѿ [э]) рожець [52], ꙗже ꙗдꙗхꙋ [53] свиньи [54 ю]). Рожци [55] сꙋть [я]) грѣси; не имать же сꙑти [56 ѳ]) грѣхолюбець, но в малѣ насладитсꙗ и [57] къ вѣки [58] моученъ боудеть. Тѣхъ бо рожковъ [59] вкꙋсъ бридокъ [ѵ]).

---

[24] нѣтъ и [25] телесе [26] похоть грѣховнаꙗ [27] сꙋще [28] нѣтъ тѣхъ [29] ѿ страха б҃иꙗ [30] оудалꙗющисꙗ [31] нѣтъ бꙑ [32] причастьꙗ [33] лишатисꙗ, [34] вм. боꙗщии же сꙗ....его читаемъ: боꙗщимъ бо сꙗ н҃ѣ лишеніꙗ; слѣдующаго же предложенія: лишающю.... гибнꙋщю совсѣмъ нѣтъ [35] нѣтъ къ [36] страны [37] се же [38] прибавл. тъ [39] на своѥ дѣло [40] свиниꙗ [41] инѣхъ [42] нѣтъ бо [43] горѣ [44] зрѣти [45] нѣтъ и [46] смꙑслити [47] нѣтъ о [48] вм. свинꙑѣ же.... иже читаемъ: разбоиници блꙋдници лихоимьци. си сꙋть свинии пастꙋси [49] нѣтъ на [50] зло [51] насꙑтити [52] ѿ роженицъ. Смыслъ, очевидно, писцомъ не понятъ. [53] ꙗдꙗть [54] свиньꙗ [55] роженици же сꙋть. См. варьянтъ 52. [56] сꙑтости [57] нѣтъ и [58] вѣкꙑ [59] рожеть, ошибочно. См. вар. 52 и 55.

і) ѿ твари б҃ꙑ к) оуньѣи л) иностраньѥ м) телесноѥ н) того о) погоубили ѥсмꙑ п) на земли р) прибавл. крѣпокъ (т. е. гладъ) с) иже т) приꙗти у) ѡмканьꙗ ф) начатъ х) какъ въ З. Ц. ц) какъ въ З. Ц. ч) гражанъ ш) какъ въ З. Ц. щ) иже ъ) взирати на вꙑсотꙋ ы) прибавл. и клеветници ь) татьѥ. Далѣе приб.: рѣзоимци мꙑтоимци ѣ) инꙑꙗ э) нѣтъ ѿ ю) нѣтъ: ꙗже.... свиньи я) именꙋють ѳ) какъ З. Ц. ѵ) нѣтъ: тѣхъ бо.... бридокъ

Въ собѣ[60] же бывъ[61], рече: ѡ[62] колико ѹ наимникъ ѻца моего избывають са[63] хлѣби; азъ же нынѣ[64] сголода[65 а]) ѹмираю[66]; въставъ оубо идоу ко оцю моемоу и[б]) рекѹ[в]) емоу[67]: ѻче, согрѣшихъ на нбо и[68] прѣ тобою, и несмь достоинъ[69] нарещиса снъ твои; но створи ма ꙗко[г]) единого ѿ наимникъ твоихъ! Не токмо[д]) же помысливъ и изрече, но и дѣломъ створи[70]; не словомъ бо есть[71] покааніе[е]), но и[72] дѣломъ. Наимници же суть оглашеніи и[73] агности[ж]) црьковніи; егда оубо[74] грѣхи[75] ѻбать, и[76] вида хужьшихъ, иже[77] бжтвеныхъ наслажающаса[78] таинъ, собе же вида внѣ[79] црькви стоюща[з]), тогда к покааніе[80] оумиливса помыслить[81 и]): створи ма ꙗко единого ѿ наимникъ твоихъ[82 і]). Еще же емоу далече сущю, срѣте и ѻць и оухапи[83] выю его[к]), и облобыза и, и повелѣ рабомъ[84], да ѻблекѹть[85 л]) его в первѹю одежоу[86], и дати[87] перстень златъ[88 м]) на роуцѣ[89 н]) его, и сапоги[90 о]) на ноги[91 п]) его; и[92] повелѣ заклати телець оупитаныи[93], да ꙗдше, рече, възвеселимса. Тако ти бжье милосердье не ожидаеть каюшагоса троуда, но ѹсрѣтаеть[94 р]) и[95], прощенія[96] подаваꙗ[97 с]). Что[98 т]) же соуть раби? ереи служащии Бу; а перваꙗ ѻдежа оцѣщеніе ѿ грѣха[99 у]), перстень же ѻбрученіе[ф]) есть сто дха; сапоги же[х]) заповѣди оученія еванглкаго[100]; телець есть причащеніе[101 ц]) стхъ таинъ, его же ꙗдше праведници со англы ликовствують[ч]). Бѣ же ста-

---

[60] в себѣ [61] бѣ [62] нѣтъ ѡ [63] избывають [64] нѣтъ нынѣ [65] гладомь [66] гыбну [67] нѣтъ емоу [68] нѣтъ и [69] достоенъ [70] не точью словомь, но дѣломь створи [71] нѣтъ есть [72] нѣтъ и [73] нѣтъ и [74] нѣтъ оубо, но прибавл. кто [75] грѣхы [76] нѣтъ и [77] нѣтъ хужьшихъ иже, но прибавл. инѣхъ [78] наслажающе [79] внѣ [80] к покаянье [81] мыслить [82] нѣтъ: створи ма.... твоихъ [83] охапивъ [84] рабомь [85] ѿблещи [86] ѿдежю [87] дасть [88] нѣтъ златъ [89] руку [90] сапозѣ [91] на нозѣ [92] нѣтъ и [93] оупитѣныи [94] срѣтаеть [95] нѣтъ и [96] просвѣщенье [97] подаꙗ [98] кто [99] грѣхъ, безъ ѿ [100] заповѣдь, еуангльскаꙗ оученіꙗ. Далѣе прибавл. а [101] причастье

а) какъ въ З. Ц. б) нѣтъ и в) рекъ г) аки д) не точью е) исповѣданье ж) агности изъ Изм. Рум. Муз., а въ текстѣ стоитъ: анагности з) нѣтъ: собе.... стоюща и) какъ въ З. Ц. і какъ въ З. Ц. к) ѻхапивса ѻ выи его л) ѻблещи м) какъ въ З. Ц. н) какъ въ З. Ц. о) сапога п) на ногѹ р) какъ З. Ц. с) даꙗ т) какъ въ З. Ц. у) грѣховъ ф) блгть х) а сапога ц) причастье. Далѣе: именуеть (вм. соотвѣтствующаго есть) ч) ликують

рѣи сн҃ъ на селѣ и[102] слышавъ о семъ[ш]), и подиви[103][щ]) на о҃ца. Село есть законъ, его же не ѿстоупають праведници терпяще; не завидять же грѣшныхъ сп҃нію, но дивятся божьи бл҃гости[104][ъ]). Того ради Дв҃дъ гл҃ше[105]: доколѣ грѣшници, Г҃ди, доколѣ грѣшьници[106] въсхвалятся? и паки[107][ы]): почто пѹть грѣшныхъ спѣетса?[ь]) насадилъ ю еси, и[108] оукоренишася. Что же, рече, мнѣ ни козлища далъ еси, да с дрѹги[109] моими[110][ѣ]) възвеселилъся быхъ? Козлища суть грѣшници, иже гонять[111] праведниковъ[112][э]) и не попѹщаеть Б҃ъ злѣ погибноути[113][ю]) имъ[я]), да обьвеселятся[114] ѡ нихъ; козлищь[115] бѣ[116] Саоулъ, иже гоняше Дв҃да[117]; Илью же[118] Ахавъ, иже искаше пр҃рка[ѳ]). Рече же емоу о҃ць его: чадо, вся моя твоя суть[119], рекше[120]: законъ и пр҃рци и нб҃ное цр҃тво; братъ же твои сесь[121][ѵ]) мр҃твъ бѣ и оживе, изгиблъ[122] бѣ и обрѣтеся. Мр҃тва же[123] г҃ать работавша[124] діаволѹ[а]), языки поганыя[б]) невѣдоуща[125] Б҃а. Погибшая же[126] иже по кр҃щньи во многия грѣхи впадають[127][в]); вси же кающися[128][г]) прияти[129] суть Б҃мъ[д]). Тѣмъ же и мы покаемся грѣхъ[130] своихъ[е]), да бж҃ию мл҃ть полѹчимъ[ж]), о Х҃ѣ І҃сѣ Г҃ѣ :•

---

[102] нѣтъ и [103] ропташе [104] дивять въ бл҃гти [105] гл҃ть [106] нѣтъ: г҃и доколѣ грѣшьници [107] нѣтъ и паки [108] нѣтъ и [109] з други [110] своими [111] томять [112] праведныхъ [113] погыбнути [114] ѡвеселять [115] козлище [116] прибавл. дв҃дві [117] давыда [118] и илью. См. вар. 116. [119] прибавл. твоя моя [120] рекши [121] се братъ твой мертвъ бѣ [122] изъгыблъ [123] во [124] работающая [125] и невидущая [126] а погыбшая [127] впадшая грѣхы многыя [128] кающе [129] прияти изъ З. Ц., а въ текстѣ приятии [130] грѣховъ.

ш) бывающая щ) какъ въ З. Ц. ъ) бл҃гти ы) паче ь) пути нечтвыхъ спѣютса ѣ) какъ въ З. Ц. э) какъ въ З. Ц. ю) прибавл.: ожидая покаянья я) нѣтъ имъ ѳ) пропущено: козлищь.... пр҃рка ѵ) се а) вм. мр҃тва.... діаволѹ стоитъ: мр҃твыми же именуеть работающая дьяволу б) невѣрныя в) а погыбающихъ нарѣть иже.... впадающихъ г) приб.: к нему д) прощени бывають е) о своихъ грѣсѣхъ. Далѣе прибавл.: прилѣжно ѿ всего ср҃дца ж) обрящемъ.

Не҃. ма҃. пу҃. сл҃о ст҃го Іѡ҃а златоѹстаго, поѹченіе о второмъ пришествии Га҃ нашего Іс҃ъ Ха҃ на страшномъ судѣ[1].

Се приближися[2], братіе, время покаанию; се настають дн҃ье[3] оцѣщенію; се бо словеса страшна и грозы исполнена изрицаема[4] оустъ бж҃ими о страшьномъ дни, вонже придеть съ нбсе[5] соудии праведньи, сн҃ъ бж҃іи, Спсъ нашь Іс҃ъ Хс҃ъ, въздати[6] комоуждо по дѣломъ ихъ, цр҃емъ и княземъ[7], бг҃атымъ и нищимъ[8], рабомъ и гн҃омъ, праведнымъ и грѣшнымъ. Въ правдоу[9] судъ приемлеть[10]; самъ бо[11] любя ны и жадая нашего сп҃нья, приде на зе҃млю и въ плоть нашю облечеся, и собою ѡбразъ житья чт҃а показа намъ, и моукоу показа[12] грѣшникомъ; и[13] изрицая имъ, не веля никомоу же влѣсти в та мѣста моученія. Того ради и сия дн҃и постныя на оцѣщеніе грѣховъ нашихъ положи, да елико есмы[14] во все лѣто[15] согрѣшили[16], то сими дньми постными да ѡчистимся[17], троужающе[18] телеса своя постомъ и бдѣніемъ[19] и мл҃тками къ Бу҃ приближающеся, слезами омывающе своя грѣхи[20] и милостынями[21] двери цр҃твия нбс҃наго[22] ѿверзающе, миръ и любовь межю[23] собою имѣюще[24], въздыханьемъ скроушающе ср҃ца своя, якоже рече прр҃къ: раздрѣте[25] ср҃ца ваша, а не ризы ваша. И паки Исаиемъ прр҃комъ гл҃еть: егда постишися, раздробляй алчющимъ хлѣбъ свои, и нищая и бескровныя введи в домъ свои; и аще тако створиши, то с радостию Гв҃и предъстанеши въ страшныи днь, егда придеть въ славѣ своей Гь҃ и вси ст҃іи анг҃ли его[26]. И во мьгновеньи[27]

---

[1] Въ Злат. Цѣпи загл.: В не҃. ма҃. пу҃. ю, поучение Іѡана Злаоуста. Ги блгви ѿче. [2] пріближаетъ [3] днн [4] изрѣцаемы [5] с нбн [6] воздасть [7] княземь [8] оубогымъ [9] правъду [10] створити вм. приемлеть [11] нѣтъ бо [12] нѣтъ показа [13] нѣтъ и [14] нѣтъ есмы [15] всѣмъ лѣтомь [16] съгрѣшихомъ [17] ѿцѣстимся [18] оудержаще [19] прибавл. мл҃твею [20] грѣхы [21] мл҃твею же [22] двери райскыя [23] межи [24] имуще [25] раздерите [26] с нимь [27] в мегновеньи

ѿкa въстанеть[28] ѿ землѧ все естьство члвчкое[29], любо ли звѣри[30] снѣли[31], или рыбы раздробили, или птици[32] разънесли; ни власъ единъ не[33] погибнеть[34] ѿ нихъ. Тогда Гь разлѹчить ꙗ другъ ѿ дроуга[35], ꙗкоже пастоухъ разлоучаеть овца ѿ козлищь и поставить[36] овца ѡдесноую себе, сирѣчь кротъкиꙗ[37] и доброплоднꙑꙗ[38] праведники, иже кротостью своею всѧ възвеселиша, а козлища ѡшююю[39]; козлища[40] нарицаеть, иже скверньми дѣлꙑ житье свое[41] препроводиша[42], бѣсноующесѧ и скачюще во пьꙗньствѣ и во всѧкои неправдѣ и немилосердьи. Тѣмъ и[43] ѿвратить[44] Гь ѿ нихъ очи свои, и поставить ꙗ ошююю себе. Тогда реть црь соущимъ одесноую его: придѣте, блгвніи оца моего, придѣте, сне свѣта и моего цртвиꙗ[45] наслѣдници! примѣте[46] оуготованое вамъ цртвіе[47] преже сложеньꙗ мироу![48] Алкахъ бо, и накормисте мѧ[49]; вжадахъ, и напоисте мѧ; нагъ[50], ѡдѣсте мѧ; болѣхъ, посѣтисте мѧ; в темници, придосте ко мнѣ; страненъ бѣхъ, въведосте мѧ[51]. Ѿвѣщають емоу праведници, гліще: Ги, когда тѧ видѣхомъ алчьна, или[52] жадна, или нага, или болна, или странна, или в темници, и послоужихомъ тебѣ? Ѿвѣщавъ црь речеть имъ: право глю вамъ: понеже створисте симъ меньшимъ братьмъ[53] моимъ, мнѣ створисте[54]. Того ради[55] примите оуготованое вамъ цртво нбное; видѣхъ бо вꙑ млтвꙑ и щедрꙑ, и страннопримци[56]. Тогда речеть соущимъ олѣвоую[57]: ѿидите[58] ѿ мене, немлтвіи! идѣте ѿ мене, проклятіи, въ огнь вѣчныи, оуготованꙑи диꙗволѹ и англмъ его; понеже[59] вꙑ своею скоупостью[60] и нечистотою, и лѣностию дни своꙗ препроводисте; идѣте въ огнь негасимꙑи[61] противоу дѣломъ вашимъ. Ал-

---

[28] станеть [29] члвче [30] звѣрь [31] аще бѹть изьилъ [32] пьтици [33] нѣтъ не [34] погꙑбнеть [35] прибавл. противѹ дѣломъ [36] постави [37] кроткаꙗ [38] доброплоднꙑи [39] ѡшюю [40] прибавл. же [41] се [42] препроводѧть [43] тѣмь же [44] ѿвращь [45] цртва [46] приимите [47] цртво [48] ѿ сложениꙗ всего мира [49] дасте ми ꙗсти [50] прибавл. бѣ [51] вм. словъ: болѣхъ.... въведосте мѧ стоитъ: и прочее ꙗкоже въ еуангліи слꙑшасте [52] и [53] маломощнꙑмъ братомь; далѣе вставлено то [54] есть створили [55] тѣмже [56] страннопріемца [57] ѡшююю и далѣе прибавл. его [58] идите [59] вънже [60] скѹпостию; затѣмъ прибавл. немлрдьемь [61] вѣчнꙑи

ченъ[62] бѣхъ, и̂ не дасте ми ꙗсти; жаденъ[63], и не напоисте мене[64]; нагъ, и не одѣсте[65] мене[66]; страненъ и̂ боленъ, и в темници, и не посѣтисте мѧ. Тогда ѿвѣщають емꙋ оубозїи ти, иже[67] сами сѧ скоупостью лишиша[68] вѣчныхъ блгъ: Гй, когда тѧ видѣхомъ алчьна, или жадна, или нага, или странна, и[69] болна, и[70] в темници, и не послꙋжихомъ тобѣ?[71] Ѿвѣщавъ црь[72] речеть имъ: право глю вамъ: понеже не створисте единомоу ѿ сихъ меншихъ и маломощныхъ братъ моихъ[73], мнѣ не створисте; того ради ѿидѣте[74] во оуготованое вамъ мѣсто моученїꙗ, еже сами собѣ[75] оуготовасте, небрегше ѡ своемъ спсньи. Тѣмже оуже слышасте, братие, ѡсоуженїе то страшное, еже примоуть нечтвїи они, скоупии, немлтвїи во тъ часъ[76], идеже не поможеть ни оць споу[77], ни снъ оцю, ни мти дчери[78], ни братъ братꙋ, ни рабъ гпоу, но кождо свое бремѧ понесеть и̂ приметь мъздоу противоу своимъ[79] дѣломъ; да того ради молю вы, братїе, не лѣнитесѧ, ни льститесѧ телеснаꙗ оугодиꙗ творѧще, а̂ дшю[80] си погоублѧюще; слышасте бо, какоу[81] славоу и вѣньци[82] приємлють млтвїи, питавшии[83] нищаꙗ и телеса своꙗ въздержавшии[84] ѿ всѧкоꙗ сласти и постомъ троужавшїисѧ; таковым бо[85] оуготовано есть цртво нбное[86]; и̂ паки слышасте льстивыхъ и грѣшныхъ[87] страшное ѡсуженїе и моукоу вѣчноую. Тѣмже подвигнемсѧ постомъ[88] и млтвами и млтнѧми ѡчистити[89] дша и тѣлеса наша, и ѡчистимсѧ[90] до воскрныꙗ хва, миръ и любовь межю[91] собою имоуще[92], дхмъ горѧще[93] Гви работающе, срцемъ съкроушенымъ молѧщесѧ всегда[94] и милостынею[95] просвѣщающе[96]

---

[62] а̂льченъ [63] прибавл. бꙑхъ [64] мѧ [65] не ѡ̂блекосте [66] мѧ [67] нѣтъ иже [68] лишившесѧ, безъ предшеств. сѧ [69] или [70] или [71] тебѣ [72] гь [73] вм. единомоу.... моихъ стоитъ: симъ маломощнымъ братомь моимь. Далѣе прибавл. то [74] прибавл. ѿ мене [75] си [76] въ тъ ча [77] сйки [78] дщери. Далѣе прибавл.: ни дщи мтри [79] нѣтъ своимъ [80] дша [81] к [82] вѣнца [83] питавше [84] въздержавшеи̂ [85] тѣм бо [86] кйе [87] вм. льстивыхъ и грѣшныхъ только: нечтивыхъ [88] постомь и прибавл.: симь [89] ѿцѣстити [90] и чисти пребꙋдѣ [91] межи [92] и̂мѣю̂ще [93] дхмь горѧщимь. Далѣе: и, а гви работающе — пропущено. [94] войнꙋ (= вꙑнꙋ) [95] прибавл. и постомь [96] прибавл. си

дш҃а и тѣлеса, чающе бж҃твенаго[97] възданіа, поминающе второе пришествие х҃во, страшнъıи судъ, егда придеть соудити живымъ и м҃ртвъıмъ и въздати комоуждо по дѣломъ его; ıако томоу подобаеть всѧка слава, ч҃ть и покланѧніе съ безначалнъıмъ его оц҃мь и съ с҃тымъ[98] :·

В н҃е сыромстную сл҃о ст҃го Іѡа злаоустаго, поучение о постѣ, сказаніе ѿ еу҃ліа*.

Братіе, послоушаите, оумнъıи двери ѿверзъше и слоуха дш҃вныи ѿкрывше. Въ сласть приимемъ[1] ст҃го поста[2], како ти нынѧ легкимъ поутемъ ведеть Гъ Бъ нашь в бесконечное свое ц҃ртво, гл҃ѧ: аще ѿпоустите чл҃вкомъ согрѣшеньıа ихъ, то и ѡц҃ь вашь н҃бнъıи ѿпоустить[3] вамъ согрѣшеніа ваша; аще ли вы не ѿпѹстите, то и о҃ць н҃бнъıи не ѿпоустить вамъ согрѣшеніи вашихъ[4]; в нюже бо, р҃е[5], мѣроу[6] мѣрите, ѿмѣриться вамъ; гл҃ть бо ап҃лъ Іѡанъ бг҃ословъ: аще кто речеть: Бг҃а люблю, а брата своего ненавижю, ложь есть; брата бо[7], егоже[8] по вса д҃ни вида, не любить, а Бг҃а невида како можеть любити? Явѣ есть, ıако и Бг҃а не любить таковъıи[9], ни[10] словесъ бж҃іихъ хранить, и безъ оуспѣха таковъıи влазить въ ц҃ркьвь и тъщими словесы молитса, гл҃ѧ[11]: о҃че нашь[12], остави намъ долгы наша,

---

[97] исправл. по З. Ц.; въ текстѣ: бл҃жнаго [98] вм. поминающе второе.... и т. д. до конца — стоитъ: и пришествиа страшнаго г҃а б҃а нашего і҃са х҃а с нимьже славу вс҃ы ѡц҃ю і с҃ну.

---

* Въ Злат. Цѣни заглавіе: В н҃е сыропу. пооученіе. г҃и бл҃гви ѡ҃че.

[1] приимете [2] с҃тое се пооученье [3] ѡставить [4] нѣтъ аще ли вы не ѿпѹстите.... вашихъ [5] нѣтъ бо р҃е [6] миру [7] приб. своего [8] нѣтъ егоже [9] вм. а б҃а невидѧ.... таковый стоитъ: а б҃а како възлюбить, егоже николиже видѣти ıавѣ есть [10] ıако ни [11] гл҃ть [12] нѣтъ нашь

ꙗкоже и[13] мы оставлꙗемъ[14] должникомъ нашимъ. Таковъıи въ[15] милости мѣсто гнѣвъ б҃жiи наноситъ на главоу свою; безлѣпа[16] таковъıи поститсꙗ, рече во Г҃ь пр҃ркомъ: аще поститесꙗ въ сварѣхъ и в судѣхъ и въ гнѣвѣхъ[17], не такого поста избра Г҃ь[18]; но ѿверзи ѿ себе всю неправдоу и слово роптиво[19] извращено; но[20] д҃хмъ смѣренымь[21] и ср҃цмъ съкроушенъıмъ възови мꙗ и оуслышю тꙗ, и дам ти[22] прошенiа[23] ср҃ца твоего. Да аще придемъ истиною в покаанiе[24], не токмо ѿ брашенъ въздержащесꙗ, но и ѿ клеветы и[25] зависти, ѿ гнѣва и ꙗрости, ѿ блоуда и величанїꙗ, злопомненїа и ѿ всего зла оуимающесꙗ[26]; да аще сихъ останемсꙗ, то оуслъıшимъ Г҃а гл҃ща[27] к намъ: во времꙗ бл҃гоприꙗтьно[28] послоушахъ тебе и в д҃нь сп҃ньꙗ помогох ти. Се во нъı нынѣ[29] наста времꙗ бл҃гоприꙗтно[30], се же пришли суть[31] д҃нье сп҃нiю, сии ст҃ъıи постъ великъıи четверодесꙗтод҃нвнъıи[32], воиже входꙗще очистим си д҃шю и тѣло[33] ѿ скверныхъ помыслъ и̂ дѣлесъ[34]. Єлико же во[35] есмы во все лѣто[36] съгрѣшили или въ сварѣ, или въ блоудѣ, или въ клꙗтвѣ, и во лжи, и во обьꙗденьи, и пьꙗньствѣ[37] или въ какомъ[38] злѣ дѣлѣ, то сими д҃ньми постнъıми очистимсꙗ[39] и[40] приближимсꙗ[41] к Боу чт҃тою и постомъ, м҃лтвами и слезами омъıвающе прегрѣшенiа наша; не ч҃лвком же ꙗвлꙗюще пощенїꙗ нашего, но Г҃у, съвѣдоущемоу таинаꙗ ср҃ць нашихъ, дѣла[42] и мысли ср҃чныꙗ, ѡ нихъ же ѿвѣщати нъı есть въ страшнъıи д҃нь соудныи[43]; тѣмъ же, братье, потъщитесꙗ створити повелѣное Б҃мъ, н҃е во тꙗжело[44] гнѣва попрати, н҃е люто алчоущаго накормити, и нагаго одѣти, и̂ страннаго приꙗти; сих во ми-

---

[13] нѣтъ и [14] ѿставихомъ [15] нѣтъ въ [16] и̂ вездовь [17] а̂ще в свѣтѣ гнѣвающесꙗ постит҃ь [18] и̂збрахъ, а г҃ь пропущено. [19] сварливо [20] и̂ [21] исправл. по З. Ц.; въ текстѣ стоитъ: смѣремъ [22] нѣтъ ти [23] прошение̂ [24] а̂ще ли пребуде̂ во и̂стиннѣмь покаꙗньи [25] ѿ [26] и ꙗрости.... оуимающесꙗ пропущено. [27] х҃а пр҃ркмь гл҃ща [28] приꙗтно [29] нѣтъ нынѣ [30] приꙗтно [31] нѣтъ суть [32] нѣтъ великъıи четверодесꙗтод҃нвнъıи [33] ѿцѣстимъ д҃ша и телеса [34] дѣлъ [35] е̂лико оубо [36] во всемь лѣтѣ [37] пьꙗньстви [38] в коемь [39] нѣтъ то сими.... очистимсꙗ [40] да [41] прибавл. нынѣ [42] наша дѣла [43] въ страшнъıи ѿнъ д҃нь [44] тажко

лоущще и приемлюще[45], самого Ха҃ приемлемъ[46], иже насъ дѣлѧ[47] страненъ бы҃, ѿ нбси на землю и ѿ славы въ нищетоу приде, да насъ[48], оустраньшихсѧ ѿ него, паки хотѧ възвести[49] в первое бытьство[50], из негоже бѣхомъ[51] испали съвѣтомъ диаволимъ; и противоу ꙗзвѣ исцѣленіе намъ[52] положи сии стъи постъ[53]. Преже собою проѡбразивъ[54], постивсѧ[55] первое[56] Моисии м҃. днии, и гла къ Бу[57] лицемъ к лицю, и просвѣтисѧ лице его ꙗко[58] и слнце ѿ славы бжіа[59]; и пакы Илья постисѧ дроугоую м҃. днии и не вкоуси смрти, но взѧтъ бы҃ на колесницѣ ѡгньнѣи вихромъ ꙗко на нбо; и Данилъ пррк постисѧ, лъвы оукроти[60]. Такоже и инии праведници постившесѧ, великаꙗ и многаꙗ створиша чюдеса, и в памѧть сдѣꙗша[61] прочимъ родомъ. Послѣ же[62] тѣхъ всѣхъ постисѧ[63] самъ Гь Бъ нашь м҃. днии, не требоуꙗ пощеньꙗ, но намъ образъ даꙗ и побѣдоу на враги, и тѣмъ ѡцѣщаꙗ дша и тѣлеса наша, многими грѣхи ѡскверненa. Тѣмже и мы, възлюбленіи[64], постимсѧ, да будемъ[65] подобни онѣмъ[66] стмъ; постъ бо дшю очищаеть и тѣло просвѣщаеть и на нбо възводить, и англом равна творить, и къ Бу приближаеть, и в раи стъи вводить. Тѣмже и мы, братіе, оуслышимъ[67] самого Га еуангліемъ насъ оучаща и глюща: егда поститесѧ, не будите[68], ꙗко лицемѣры[69], члвкомъ ꙗвлѧюще[70] блѣды, дрѧхли, сѣтоующесѧ[71], да ѿ члвкъ славѧтсѧ[72], но боудите лицемъ свѣтли и срцемъ добраꙗ творѧще[73], млстню оубогимъ подающе[74]. О томъ бо ны Гь, поудѧ, гльть: не скрываите[75] собѣ[76] имѣніи вашихъ на земли, идеже моль и черви ꙗдѹть, и тлѧ тлить[77], и татье подъ-

[45] сй бо творѧще [46] приемлють [47] ра [48] ны [49] вести [50] мѣсто [51] бѣꙗху [52] ицѣлениѥ ны [53] се стоѥ пощениѥ [54] проѡбразова [55] пости бо сѧ [56] перьвоѥ [57] с бмь [58] акы [59] прибавлено: ꙗко не можаше никто же възрѣти нань, но оубрусомь закрывсѧ тако повѣдаше словеса бнꙗ [60] нѣтъ и Данилъ.... оукроти [61] ѡставиша [62] и послѣди же [63] постивше же сѧ [64] браё [65] и будемь [66] тѣмь [67] послушаёмъ [68] будете [69] лицемѣри [70] ꙗвлѧющё [71] сѣтующе [72] нѣтъ да.... славѧтсѧ [73] творѧщаіа [74] творѧще [75] не скрыите [76] нѣтъ собѣ [77] исправлено; въ текстѣ: тмить; въ З. Ц. червьё тлѧть

копъıваютъ, и крадоутъ; но скръıваите себѣ скровища на нбсѣхъ, идѣже негиблемо есть; сирѣчь милостъıню велитъ дати[78] нищимъ[79]; то бо скровище есть скръıвати[80] на небесѣхъ, ꙗко да дамъı е в рѹцѣ нищимъ и да ѻнамо ѡбращемъ преоумножено. Ѥи, братье, тѣмъ поревноуимъ[81] стмъ праведникомъ и таже дѣла да творимъ[82]; они бо таци[83] же бѣша[84], ꙗко[85] же и мъı, но попраша[86] всꙗкоу стрть, и гнѣвъ, и ꙗрость, и сласти плотьскиꙗ оумртвиша, и житье се лестное[87] презрѣша, а вѣчное възлюбиша[88]. Тѣми бо Гь[89] ѡсоудитъ нъı, гла[90]: почто си тако пожиша и добраꙗ створиша, а въı сократистеса[91]? но да не оуслъıшимъ того, братье, но боуди нъıнѣ намъ потроудившеса къ стъıꙗ сиꙗ дни постънъıꙗ и оуслъıшати[92] стъıи ѡнъ гла глщь: придѣте[93], блгвнїи оца моего, придѣте сиве свѣта[94], алкавше и жадавше, и примѣте оуготованое вамъ црство изначала мироу, ꙗже боуди всѣмъ намъ полоучити[95] о Хѣ Ісѣ Гдѣ нашемъ, емоуже слава в вѣ :•

К нє а҃.ю пѡ поучениє Їѡа златоустаго о постѣ*.

Видѣсте ли, възлюбленїи, ѿ самѣхъ[1] вещии ползоу постъноую[2]? Иже бо искоусилъса есть[3] в[4] сию недѣлю поста, то болма разѹмѣетъ свое къ Бу приближенїе и на прочаꙗ[5] недѣли подвизаетса постомъ; иже ли не приꙗлъ есть поста, тои[6] не вѣсть, ꙗже ѿ поста полза. Сладость бо сахара и смидалнаго брашна[7] како скажю невкоусившимъ того? аще бо и много

---

[78] творити [79] нѣтъ нищимъ [80] нѣтъ скрывати [81] поревнуемъ [82] створимъ [83] прибавл. чл҃вци [84] бъıша [85] ꙗцн [86] не поправиша [87] лестьное [88] възлюбше [89] ѣ҃ъ [90] ,рекъ [91] ѿвратистеса [92] ,оуслъıшимъ [93] прїдите [94] свѣту [95] нѣтъ ꙗже.... получити.

---

* Въ Злат. Цѣпи загл.: К нє а҃. ю пѡ поучениє Їѡа златоуста. гн блгви.

[1] самїхъ [2] постную ползу [3] йскуснлъ єси [4] нѣтъ к [5] да й прочаꙗ [6] то [7] хлѣба

хвалю, не[8] разоумѣють слъıшащии[9]. Постнѹю же доротѹ сами видите[10], ꙗко ни отъкоудоу[11] же свара[12], ни досадъı дрѹгѹ[13] ѿ дроуга; вездѣ молчаніе и тишина, зломоу ѻбычаю в насъ постомъ[14] и мл҃твою преставшю. Тѣм же не ѿложимъ, братье, начатаго поста; понеже оубо[15] первая недѣлѧ минула есть, да и на прочая недѣли[16] бодрѣиши[17] боудемъ[18], ꙗкоже достоить поспѣвати на бл҃гое. Послоушаите. Рече[19] бл҃жныи[20] Ап҃лъ: заднѧя забъıвающе, а на преднѧя[21] простирающеса[22]. Размъıслите[23], любимици: з҃. недѣль есть поста ст҃го, честнѣиши же всѣхъ есть з҃. я недѣлѧ, иже и великая нарицаетсѧ[24]; не множьствомъ[25] часовъ болши есть[26] инѣхъ недѣль, но иже[27] великъı[28] таинъı в неи[29] бъıша, гн҃ѧ[30], гл҃ю[31], страсти; такоже и си недѣли болша соуть первъıя[32]; ꙗко же во цр҃ь болѣ[33] есть кнѧзѧ, а кнѧзь воеводъı, а воевода болѧрина[34], а болѧринъ[35] сотника, а сотникъ пѧтьдесѧтника[36], а пѧтьдесѧтникъ[37] слоуги[38]. Размъıслите, братье[39]: аще[40] бъı кто хотѣлъ ѡроудовати ко цр҃ю, то милъ дѣетсѧ ѿ меньшихъ[41] слоугъ и до послѣднихъ[42], кто бъı ѻвѣстилъ его; аще[43] в чемъ и съгрѣшилъ есть, то болма печалоуеть, кимъ ѻправдитсѧ[44]. И мъı оубо, братье, не точью ꙗвитисѧ хотѧще цр҃ви неб҃омоу, но и въ[45] ср҃ци своемъ[46] пріяти его причастьемъ ст҃хъ таинъ, должни[47] есмъı сими ст҃ъıми недѣлѧми[48] постнъıми приближитисѧ к Бг҃оу. Хощю же въı притчю нѣкѹю гл҃ти. Цр҃ь бѣ нѣкто нѣвкоеи странѣ зѣло[49] бл҃гъ и бл҃гоподателивъ[50] и всѣхъ равно любѧще[51], аки[52] своя дѣти, и ѻ всѣхъ равно[53] промъıшлѧще, но и дш҃ами ихъ печашесѧ; бѣ же и землѧ та кипѧщи

[8] передъ не вставл. но [9] слъıшавшіи [10] вѣсте [11] ѿкѹдѹ [12] срамѧ [13] дрѹгъ [14] постомь; нѣтъ слѣдующ. и мл҃твою [15] оуже [16] нѣтъ недѣли [17] добрѣиши [18] бѹдемь [19] что р҃е [20] бж҃твныи [21] преднѧ [22] простирающе [23] прибавл. оубо [24] нарѣцѧѥтс҃ [25] множьство [26] е҃ [27] нѣтъ недѣль, но иже [28] великъıи [29] в ню [30] гн҃ь [31] нѣтъ гл҃ю [32] нѣтъ первъıя [33] боли [34] боярина; на верху строки, между буквами о и я, вставл. а современной, но, кажется, другой рукой [35] то же, что и въ предыдущ. варьянтѣ. [36] н҃. ника [37] н҃. никъ [38] слѹгъı [39] разѹмно же ѿ сихъ размъıшлѧѥте [40] ѥгда бо; а бъı поставл. послѣ хотѣлъ [41] меншихъ [42] дондеже и до великъıхъ [43] аще ли [44] ѿправдит҃и [45] во [46] ср҃це своѥмь [47] долъжни [48] д҃нми [49] з҃. [50] бл҃гъıи бл҃гдтель [51] любляше [52] акъı [53] вставл. приѥмлѧше не точью же ѿ телесѣхъ

ѻбильемъ бл҃гимъ[54], ꙗко же рече Дв҃дъ: и ѿ плода пшеница и вина и елѣꙗ[55] ихъ оумножишасѧ. Цр҃ви же[56] томоу дѣло бѣ еже подавати требоующимъ, но и заповѣдь[57] положи, да имѣющии неимоущимъ подають; ꙗкоже въ дѣꙗньихъ[58] ап҇лкыхъ пишетсѧ: ꙗко всемножьство бѣ ꙗко[59] дш҃а едина, и раздаваше[60] всѣмъ, чего кто требоуеть[61]; тако[62] же бѣꙗше[63] страна та, и такъ бѣ ц҇рь онъ[64]. Имѣꙗше же благъıи тъıи[65] ц҇рь з҃. дщерии зѣло[66] краснъıхъ[67] и заповѣда всѣмъ людемъ — хотѧше[68] же ꙗ искоусити, — да пришедше[69] почтѧть дщерен[70] его. Посадивъ ꙗ по естьствоу, меньшюю подалѣ[71], а большюю ближе оу собе: етери же почтиша всѣхъ равно и оугодиша цр҃ви; нѣции[72] же злѣ створиша: меньшюю почтиша добрѣ[73], а прочихъ, цѣлоующи ихъ токмо, миновахоу[74]. Видѣвъ же бл҃гии онъ ц҇рь, мл҃рдіе свое на гнѣвъ преложи, и повелѣ слоугамъ изгнаті ꙗ ѿ лица своего; не токмо же се, но и мч҇тлмъ повелѣ предати[75] ꙗ, да ихъ моучать. Или оубо не по правдѣ сіе[76] створи ц҇рь? Любимици, хощете ли оувѣдати, кто есть онъ ц҇рь? Бъıстрии оумомъ оуже оуразоумѣша[77], многихъ же ради рекоу[78] азъ. Ц҇рь есть бл҃гии всѣхъ Бъ҃; землѧ же кипѧщиꙗ[79] всѣми бл҃гими цр҇ки; вѣсте[80] бо вси, колико добра к ней есть, всего мира дш҃и в неи сп҃саютсѧ. Тоу бо есть законъ и пр҃рци и самъ Гь҃, иже[81] насъ ради сниде и бъı ч҃лвкъ намъ подобенъ, распѧтъсѧ за нъı, оумре, потомъ посла ап҇лъı своꙗ, тѣми[82] насъ зова[83] въ свое цр҇тво. Иже бо всегда ст҃ми евангилистъı[84] зоветь[85]: придѣте ко мнѣ вси троужающиисѧ, ѻбремененнии; азъ въı покою, и паки: грѧдоущаго ко мнѣ не изъженоу[86] вонъ. Что оубо[87] сеꙗ есть бл҃гти воле? А седмь[88] дщерии есть з҃. недѣль ст҃го поста,

---

[54] ѿбильемь бл҃гъıмь [55] пшеницѧ вина і ѿлѣꙗ своего [56] жь [57] заповѣда [58] в дѣꙗнньıхъ [59] ꙗкъı [60] раздоваху [61] требоваше [62] така [63] бѧше [64] тъ [65] тъ [66] з҃. [67] красни [68] хотѧ; нѣтъ слѣдующ. же ꙗ [69] пришедши [70] дщери [71] подале [72] нѣцѣи [73] велми [74] миловаху [75] вм. повелѣ предати стоитъ предасть [76] се [77] не (?) разумѣша [78] рьку [79] кипѧщи [80] вѣсть [81] нѣтъ иже [82] тѣмь [83] зва [84] еуангльи [85] вапиеть [86] ижену [87] да что [88] з҃.

ѩже[89] повелѣ намъ чтити, паче всего лѣта дн҃ии, постомъ и молитвою[90], м҃тнею. Да аще оубо первѹю недѣлю почтихомъ добрѣ, а меньшюю[91], ѩже ѡ҆далѐ ѡ҃ца[92] есть, како[93] инѣхъ прочихъ всѣхъ, миноути хощемъ просто[94]? Что ѿвѣщаемъ въ страшныи дн҃ь соудныи къ Гоу҃, и како ѿпримса, ѩко поне инѣхъ дн҃ии постныхъ не хощемъ хранити ч҃то[95]? Молю же вы, ѩко не тако моудрьствоуите[96], гл҃юще, ѩко не можемъ тако всѣхъ приꙗти. Хоудыи[97] есть извѣтъ и҆ полнъ вины. Аще бо ѿ того оного ѡ҆бьꙗденьꙗ и пьꙗньства первоую недѣлю постомъ приꙗхомъ[98], то колми паче повыкше на бл҃гое възможемъ весь постъ приꙗти[99], и Богоу оугодити, и своꙗ дш҃а сп҃ти[100] и ѡ҆ст҃ити? Не ноужю бо васъ паче силы постит҃и и бдѣти, но како[101] кто можеть[102] по силѣ; точью житискыхъ[103] печалии ѡ҆хабитиса, корьчьмы, пьꙗньства, зависти и клеветы, помненьꙗ злоу[104], блоуженьꙗ и лихоиманьꙗ; и бл҃тии[105] милостыню[106] творите паче инѣхъ дн҃ии, да с[107] чистою свѣстью х҃выхъ таинъ[108] доидемъ, и пр҃чтнаго тѣла и вѣчныихъ[109] животъ примете; оубогимъ же бл҃годаренье даите[110], иже за всѣхъ молатса къ Бо҃у непрестанно[110]. Си же не соуть тажка, аще хощемъ: токмо не ѡ҆блѣнимса, ни оуныемъ и[112] да не погоубимъ троуда, его же приꙗхомъ[113] въ первоую недѣлю. Бо҃у нашемоу слава, всегда и нынѧ и присно ⁘

---

[89] а [90] м҃тками [91] добри и҆ тоже меншюю [92] ц҃рѧ [93] а҆ [94] и҆нѣхъ всѣхъ минуе҄мъ просто буди было [95] ч҃тно [96] мудрьствуе҄мъ [97] худо то [98] придохомъ [99] тако пре҄йти [100] нѣтъ сп҃ти [101] к҃ [102] мога [103] житийскыхъ [104] злопомнианние҄ [105] нѣтъ б҃атии [106] м҃тнѧ [107] нѣтъ с [108] х҃вы ст҃рти [109] вѣчьныи [110] творите [111] и҆ б҃а непрестанно молите за всихъ [112] нѣтъ и [113] е҄же по҃ꙗхомъ.

Пѣ в. пѡ, сказанїе стго Іѡа златоустаго, поученіе ѡ стѣмъ постѣ*.

Придѣте, дроузи и братьꙗ[1], възлюбленое стадо Хво, да мало и еще нѣчто[2] изърекоу[3] вамъ ѡ семъ стомъ постѣ, егоже оуже двѣ недѣли преминоуста[4]. Десꙗтина оубо[5] всего лѣта сиі постъ есть; да подоблеть намъ, братье, десꙗтина[6] та всего лѣта чисто ѿтдавати[7] Бви[8], давшемоу намъ[9] животъ и навдꙗщемоу ны своею блгостью, ꙗко же и первии они моужїе[10] творꙗхоу, ихже въправдоу стми нарицаемъ[11]; прослави ꙗ бо Гь Бъ по всеи земли, понеже схраниша заповѣди его. Кто же си соуть? Первѣе[12] постисꙗ Єноухъ, и взꙗтъ бъі на нбса[13] съ плотью, и до нынѣ живъ есть; и по семъ Нои постисꙗ, и ѿ вселеньскаго[14] потопа спнъ бъі с рожьшимисꙗ[15] ѿ него дѣтми, и ѿ него же[16] нынѣшьнѣи миръ бъі; такоже постисꙗ Авраамъ[17], и дроугъ Бжіи наречесꙗ, и всѣмъ пркомъ и всѣмъ патриархомъ и оцмъ и инѣмъ всѣмъ оць бъі; постом бо очищьсꙗ[18] Моисии, бесѣдова къ Боу лицемъ къ лицоу[19] и просвѣтисꙗ лице его аки слнце; постисꙗ[20] пркъ Ильꙗ, и огнь съ нбси на жертвоу приведе[21], и дождь жажющимъ людемъ испроси оу Ба; и Даниилъ пркъ постомъ львы[22] оукроти, и мужь желанью[23] нареченъ бъі. Мнози же и в новѣмъ законѣ гни[24] остишасꙗ постомъ, и спасошасꙗ, ихже именъ[25] ни всего мира книги не исъпишють, единомоу Боу свѣдоущю своꙗ оугодники. Речеть же нѣкто в себѣ[26]: ти стіи были, крѣпци быша[27], а мы немощни и слаби есмы. Да аще немощни есмы и слаби, то поне десꙗтиноу[28] чистоу ѿдадимъ, южже самъ Гь

---

* Въ Злат. Цѣпи загл.: Сло Іоа злау. поучение въ к. ю нє. гн благви ѿ.

[1] браѥ [2] ничто [3] изорку [4] еже к. нє. оуже минусте [5] во [6] десꙗтину [7] ѿдати [8] бу [9] ны [10] мужи [11] нарѣцаѥть [12] первиє [13] нбо [14] селеньскаго [15] рожешимисꙗ [16] вставл. племене [17] аврамъ [18] ѡцѣщесꙗ [19] к лицю [20] постив же сꙗ [21] сведе [22] львы [23] желаньꙗ [24] хвѣ [25] нѣтъ именъ [26] рчете же в себѣ [27] крѣпци суть были [28] і. ну

Б҃ъ проси оу насъ[29]. Оставленоу бо лѣтоу т҃. ѯ҃. и е҃. ю днев҃ъ[30], и ѿ тѣхъ всѣхъ[31] нарече Г҃ь сиꙗ постьныꙗ дн҃и свою десꙗтиноу. Сами же[32] вѣсте добрѣ, аз же дѣтемъ и новопросвѣщенымъ скажю: л҃. и г҃.[33] дн҃и ѿ т҃. ѯ҃.[34] дн҃и, ѿ тѣхъ же изложимъ соуботоу и недѣлю; то бо соуть г҃ьстїи[35] праздници, ова покоꙗ ради дѣлъ б҃жїи, сиꙗ[36] же вскр҃нїꙗ г҃нꙗ; да в тѣхъ мѣсто приложимъ инѣхъ и҃.[37] дн҃и, да не погибнеть ѿ е҃. дн҃и б҃їа десꙗтина[38], но полоудн҃и[39] великъıꙗ соуботы да причтетьсꙗ[40] в постъ. Се оубо[41] расмотривше, ст҃їи о҃ци повелѣша[42] поститисꙗ до позднаго. Вса же си з҃. недѣль десꙗтина есть[43] б҃жїа; и[44] аще не ѿдамы ихъ что, что ѿвѣщаемъ Б҃ви? како ли[45] приимемъ прощенїе грѣховъ, аще всегда ѡбьꙗденье[46], и пьꙗньство, и лакомьство держаще, и[47] съ прочими похотми? Невъздержаньꙗ ради престоупленье бы законоу; престоупленьемъ смр҃ть в миръ[48] вниде. Не съхранилъ[49] бо Адамъ поста чт҃а, иже бѣ[50] заповѣдалъ емоу Б҃ъ, и приꙗтъ[51] телесную смр҃ть. Мы же по толицѣхъ казаньихъ[52] аще не можемъ[53] что схранити всѣхъ постныхъ дн҃и, то оумремъ дш҃евною смертью; смр҃ть бо дш҃и вѣчнаꙗ моука[54], ꙗкоже рече Павелъ: питающиꙗсꙗ вдова жива оумерла есть[55]. Вѣсте бо сами, коль бꙗхоу были мили Б҃ви изр҃льстїи людье, ихъже сквозѣ Чермное[58] море посоухоу проведе, и манноу с н҃беси[57] посла, и тмами чюдеса в нихъ створи, г҃лꙗ: из҃ль с҃нъ мои первенець[58] есть. Иже тѣхъ[59] не пощадѣ[60] не постившихсꙗ, г҃ла бо имъ Моисии[61] ѿ Б҃а, повелѣ: поститесꙗ м҃. дн҃и, ѡни же к҃. токмо постишасꙗ, и сѣдоша ꙗсти и пити[62], и всташа игратъ, и блоудиша; и приде на нꙗ гнѣвъ б҃жїи, и оумроша злѣ (к) и и҃. сотъ[63], а прочихъ огнемъ сожьже[64], и ласкосердь-

---

[29] просить ѿ насъ [30] треми ст҃ы і ѯ҃. и е҃. дн҃и [31] ѿ того всего [32] вставл. изътщите [33] л҃г. [34] т҃. и ѯ҃. [35] г҃ьстѣи [36] си [37] в҃і. [38] і҃. на [39] полъдн҃е [40] вочтетс҃ [41] бо [42] прибавл. в ту с҃у [43] суть [44] то [45] к҃. ли [46] ѡбьꙗденьꙗ [47] нѣтъ держаще и [48] въ римъ (!), очев., описка [49] схрани [50] нѣтъ бѣ [51] приꙗ [52] толицихъ оуказаньихъ [53] хощемъ [54] вм. смр҃ть.... моука стоитъ: в вѣчною муку [55] оумираёть [56] нѣтъ Чермное [57] с н҃бе [58] первѣнець [59] тоже и тѣхъ [60] пощади [61] моиси [62] ѣстъ и питъ; слѣдующ.: и всташа.... блоудиша пропущено [63] к҃. и в҃. [64] ѡгнь соже

ства[65] ради възненавидѣни быша: что оубо боудеть намъ, иже единоу токмо постивъшимся[66] недѣлю, и паки о лакомьствѣ печетеся[67]? Но молю вы, братье, не прелщаитеся, видяще[68] етеръıа въ бестрашьи б҃жiи живоуща и о телеси паче д҃ши[69] пекоущихся: ти бо не работають б҃оу[70], но своемоу чревоу. Льстять же г҃лы ложныя безлобивыхъ с҃рца, ихъже конець пагоуба. Тѣм же, братье, ıако же начасте ѿ перваго д҃ни[71] поститися, тако и до воскр҃нья г҃ня доидѣте[72]. Не ноужю бо васъ никого же чресъ[73] силоу держати постъ[74], но ıако же кто можеть по силѣ, токмо въ слабость себе не дадите. Зависти же и клеветы отъıноудь себе оставите[75], да не поломъ тѣла б҃а молите, а поломъ тѣломъ[76] гнѣвите его; но ѿ гнѣва и ıарости и свара и всякоıа неправды оудалившеся[77], въ терпѣнии[78] стяжите мьздоу вашю[79], о Х҃ѣ І҃сѣ Г҃ѣ нашемъ, емоуже слава ⁖

В н҃е . г҃ . ю п҃о пооучение І҃ѡа златоустаго ѡ с҃тѣмъ постѣ, на поклонение ч҃тнаго и животворящаго к҃рта[1 а]).

Братье[2], преполовльше[3 б]) нынѣ с҃тыя сия д҃ни постныя[4 в]), възрадоуемся[г]) д҃шею покланяющеся[д]) ч҃тномоу к҃ртоу и[е]), того насладившеся[5], подвигнемся на прочая д҃ни[ж]) къ х҃вѣ с҃трти[з]),

---

[65] ласкосердьства изъ З. Ц., а въ текстѣ: ласкордьства [66] постившеся [67] печемься [68] видящий [69] д҃ша [70] б҃ви [71] д҃не [72] идете [73] чресъ [74] поста [75] вм. себе оставите стоитъ ѿверзитеся [76] нѣтъ тѣломъ [77] оудалшеся [78] в терпѣньи [79] свою. Далѣе поученіе оканчивается такъ: славяще с҃тую т҃рцю ѡ҃ца и с҃на и с҃тго д҃ха и нынѣ и п҃рн.

[1] Въ Злат. Цѣпи загл.: Поуч҃ние въ г҃ . ю н҃е . п҃ота . г҃н . благ҃ви ѡ҃че [2] браıа [3] преплывше [4] ч҃тнаго поста [5] прибавл. и

а) Въ Сборн. № 39 загл.: Н҃лıа . г҃ . я с҃тго поста . пооучение іѡанна злау҃ б) преплувьше в) какъ въ З. Ц. г) възрадоуемься д) покьланяющися е) нѣтъ и ж) нѣтъ д҃ни з) страстѣ

чистѧще си телеса и дш҃а просвѣщающе[и]) прл҃тными[6] молитвами; и[і]) придемъ[7] непорочни[к]) на воскр҃ніе г҃не[8], се бо призываеть ны Гь҃ Бъ҃ нашь на свѣтлоую радость, держа вѣнца ӥвныꙗ алкавшимъ и жадавшимъ[9] его ради[л]) и троужающимсѧ[10] въ бдѣньи, въ подвизѣ дх҃вне[11]; да в семъ ст҃мъ пощеньи не мозѣмъ[м]) лишитисѧ[12] тоꙗ радости неизъреченьныꙗ[13] и тѣхъ вѣнець нетлѣнныхъ за малоую сию лѣность и ласкордьꙗ[н]) оутробнаго[14]. Єже[15] в малъ часъ[о]) насладимъ гортань свою[16 п]), и послѣдь же горьчае[17] золчи ѡ҆бращетсѧ[р]); ѡ семъ[18] възбранѧꙗ[19], Павелъ ап҃лъ[20] г҃лть[21 с]): да не блазнить васъ непрıꙗзнь ꙗденьемъ и питьемъ паче сытости, и паки[22]: не оупиваитесѧ виномъ, в немже ӥⷭ҇ѣ спⷭ҇ньꙗ. И[т]) самъ Гь҃ възбранѧеть ны, г҃лѧ: блюдитесѧ, да не ѡтѧгьчають ср҃ца ваша ѡ҆бьꙗденьемъ[23] и пиꙗньством[24] и печальми[у]) житїискими[ф]); и ст҃іи ѡ҆ци ѿ того же възбранѧють[25 х]), г҃лще: аще еси былъ вчера[26] многотрѧпезникъ, то дн҃ь постникъ крѣпокъ[27] ꙗвисѧ; аще вчера плотноугодникъ былъ еси[28 ц]), то дн҃ь дш҃и пр҃свѣтникъ[29 ч]) ꙗвисѧ. Не мозите[ш]), братье, словомь точью[30] хр҃тьꙗнѣ быти[щ]) но и дѣла покажемъ[ъ]), да не речеть к намъ[31] Гь҃ Бъ҃: си людье оусты точью[32 ы]) чтоуть[ь]) мѧ, а ср҃ца ихъ далече мене[33] ѿстоꙗть[ѣ]). Поистинѣ же[э]) тако

---

[6] прилѣжно [7] предъидемь [8] хв҃о [9] жадавъшимъ [10] нѣтъ его.... троужающимсѧ [11] дх҃внѣмь [12] да не можем сѧ лишити [13] неизреченьное [14] оутробнаꙗ [15] ꙗже [16] насладить насъ гортань [17] горчаꙗ [18] ѿ сем бо [19] възбранѧет вы и [20] нѣтъ ап҃лъ [21] г҃лѧ [22] прибавл. рⷱ҇е [23] ꙗденьёмь [24] питьёмь [25] прибавл. ны [26] нѣтъ вчера [27] нѣтъ крѣпокъ [28] нѣтъ былъ еси [29] просвѣщникъ [30] токмо [31] намъ, безъ предлога [32] с҃. вомь (т. е. словомь) токмо [33] ѿ мене

и) чистѧщесѧ дш҃оу и тѣло просвѣщающї прилѣжнымї мл҃твами і) нѣтъ и, какъ и въ З. Ц. к) не порочьно л) г҃а ра(дн) м) не можемъ н) ласкосердїѧ ради и лѣности о) в маломъ часѣ п) наслажають гортань нашь р) желъчи ѡбращеши с) възъбранѧеть ны павелъ ап҃лъ г҃лѧ т) нѣтъ не оупиваитесѧ.... сп҃ньꙗ и у) печалми, какъ и въ З. Ц. ф) житеискими х) бранѧть ц) нѣтъ еси ч) какъ въ З. Ц. ш) а не можемь щ) христьꙗни быти, а дѣлы горѣе невѣрнї ъ) прибавл. добраꙗ (къ предыд. дѣла) ы) токмо ь) чтѧть ѣ) ср҃це.... стоить э) по истинѣ бо

видимъ[34] васъ: аще бо ѿ земнаго князя како[ю]) любо[35] придеть слово[36] к подроучнымъ[я]) его гражаномъ, то вси[ѳ]), съ страхомъ пришедше[37 ѵ]), послоушають его[а]) и, слышавъше[38], творять повелѣнаꙗ[39] имъ. А Боу по вся дни зовоущю насъ к собѣ пр҃ркы и ап҃лы и святыми ѡ҃ци, паче же и своими оусты ст҃ми еуаліи[40 б]) на свѣтъ немерцающии, на радость бесконечноую и на цр҃тво[в]) нб҃ное, еже оуготова[41] творящимъ волю его; то же[г]) нѣ его, кто послоушаи и притекни[42 д]) к немоу, ни воля[43] его творя. Видите[44], братье, любовь бж҃ью, еже к намъ[45 е]); ꙗко не терпѣ[46] насъ зрѣти поработившихся[47] бѣсоу, бездоушнымъ коумиромъ[ж]) требоу полагающа[48]; тако бо бяхоу ѡслѣплена ср҃ца ихъ дьяволомъ, да ѡви сн҃ы своꙗ жряхоуть[49] имъ, ѡви[50 з]) же дщери своꙗ[51]. И того всего не терпя, Гь Бъ нашь приде на землю, да земныꙗ ѡбожить[52] и паки[53] на нб҃о възведеть; того ради и кр҃тися[и]), намъ даꙗ ѡбразъ ѡбращенью[і]) и се паки понавляꙗ[к]) крщеніе симъ ст҃мъ постомъ[л]). Еже есмы[м]) по крщніи съгрѣшили, да симъ очистимся[54]; тѣмже, препоꙗсавъшеся крѣпко оудержаньемъ, подвигнемся преполовльше[55] сиꙗ дни постныꙗ[н]). Аще ли и лѣностію преидосте, но поне бг҃оугодно ѿселѣ скончаите; не тяжько вы боуди къ црк҃ви їти на бж҃їе дѣло и слышати в неи ст҃ое писаніе и творіти добраꙗ дѣла[о]), да ос҃титься вы дш҃а и тѣло

---

[34] видѣмъ [35] что любо [36] с [37] притекше [38] оуслышавше [39] повелѣныꙗ [40] ст҃мь еуангльемь [41] прибавл. бъ [42] ни притекъшꙗ [43] воли [44] видѣсте ли [45] ꙗже ѿ насъ [46] стерпи [47] поработившꙗ [48] исправлено по З. Ц.; въ текстѣ: полагающимъ [49] жряху [50] ѡво — ѡво [51] нѣтъ своꙗ [52] вм. да земныꙗ ѡбожить стоитъ: воплоти ѿ пꙋтьꙗ дв҃ы да ѡбожить е҃ство ваше [53] нѣтъ паки [54] вм. крщеніе.... очистимся стоитъ: крщньемь согрѣшившаꙗ да симъ ѡцѣстимся [55] преплювше

ю) каково я) к подъроученымъ ѳ) вси ѵ) какъ въ З. Ц. а) слоушають словесь тѣхъ б) ст҃ымъ еуаліе в) царьство г) то д) какъ въ З. Ц. е) ѿ насъ ж) како терпіть ѡжидая ѿ насъ покаяниꙗ ѿ злыхъ дѣлъ. поработившеся безоумны (sic) коумиромъ з) ѡвы.... ѡвы и) кресьтися і) ѡбразъ крщеніꙗ к) ѡбновьляя л) пощеніемь м) есме н) препояшемъ чресла своя крѣпко на подвигы добрыя. въздержащеся ѿ всѣхъ злыхъ дѣлъ. да приидемь дни сия постныя съ чистотою о) исправлено по списку № 39; въ текстѣ стоитъ: кое вы есть тяжко бывше въ цркви тии. тако на все дѣло ити

свлюдетьсѧ Бгмъ[56]. Стоꙗщи[57] же, братіе[58], въ цркви да не бесѣдоуите ничто же ни с кимъ[59]; да не погоубимъ[п]) мьзды своеꙗ; иже бо аще[60] бестраха бесѣдоуеть въ црькви[р]) дроугъ ѡ дроузѣ[61]), то радость[62] неприꙗзни творить[63 с]). Ѿ сего бо разоумѣите: егда станоуть предъ земнымъ црмъ, то[64] никто же смѣеть[т]) рещи простаго[65] слова[у]), ни[66] ѻчима инамо зрѣти и осѧзати[67]; да аще тѣхъ чтемъ[68] и боимсѧ ихъ, тацѣх же сущее члвкъ[ф]), не паче ли подобаеть сугоубь съ страхомъ и трепетомъ Ба почтити[х]) и волю его творити[69]? Той владѣеть дшею и тѣломъ нашимъ[70], могый[71 ц]) оумертвити и оживити, и[72] оубожити[73], паки обатити, ꙗкоже глеть Соломонъ: Ѿ лица бия мнози цри цртвують и силнии держать землю[74], и азъ вѣнчаю славѧщихъ мѧ[75] и почетъшихъ мене. Того оубоимсѧ, Того съ[76] страхомъ прославимъ и трепетомъ. Поразоумѣимъ[77] слоужбоу црквноую: что сего есть пристрашнѣе, егда видиши[78] сна бжїа[79] закалаема и тѣло свое хлѣбомъ[80] претваражюща и кровь свою изливающа въ[81] ѿставленїе[ч]) грѣховъ? Тѣмь же съ страхомъ пристоупимъ къ стымъ таинамъ и приимемъ ꙗ[82] чтыми оусты[83] и срцмъ свѣтлымъ, всѧкоу враждоу поправши[84], да доидемъ[85] свѣтлаго[86] вскрнїꙗ хва[ш]) и тоꙗ радости насладимсѧ. Сиꙗ же стꙗ дни постныꙗ ѿселѣ чисто схранимъ.

---

[56] вм. бывше.... бгмъ стоитъ: бви молитв [57] и ставше [58] нѣтъ братіе [59] нѣтъ ни с кимъ [60] нѣтъ аще [61] съ дроугомь [62] нѣтъ радость [63] створить [64] нѣтъ то [65] праздна [66] или [67] вм. и осѧзати стоитъ: но стоꙗть акы свѧзании [68] чтмь. [69] Далѣе въ текстѣ стоитъ обрывокъ неоконченной фразы: понеже в часъ пѣныꙗ, который мы выпускаемъ. [70] нѣтъ нашимъ [71] исправл. по З. Ц.; въ текстѣ стоитъ: моги [72] нѣтъ и [73] ѿоубожити [74] пишють правду и мною держать землю [75] тѧ [76] нѣтъ съ [77] кончаемъ [78] видѣши [79] прибавл. тебе ради [80] сь хлѣбомь [81] на [82] нѣтъ ꙗ [83] чтьнами оустнами [84] поправше [85] доидемь [86] вм. свѣтлаго стоитъ чти

п) погоубите р) стоить въ церькви и бесѣдуеть с) то бга гнѣвить. а діѧволоу радость творнши т) никтоже не сьмѣеть у) празднословіѧ ф) члка смерьтна соуща х) прибавл. добрыми дѣлы ц) могы ч) на ѿставъленіе ш) да доидемъ свѣтло на въскресеніе хво

Не боуди же [87] вамъ тѧжко послоужившимъ [88] Бо҃у; поноужаемъ бо васъ [89] на добръ [щ]) подвигъ, да на вскр҃нїе оуслышимъ ст҃ыи онъ гл҃а Г҃а Б҃а нашего, зовоуща праведныѧ [90] и гл҃юща: придите [91], бл҃гословенїи ѡц҃а моего, примите оуготованое вамъ цр҃тво. О Х҃ѣ І҃сѣ Г҃дѣ нашемъ, емоуже слава в вѣки, аминь [92] :·

—

В не҃. д҃. по҃. поучение ст҃го ѡц҃а Їѡа҃на зла҃устаго, ѡ ст҃ѣмь пощеньи и м҃лтвѣ [1 а]).

Придите [2 б]) нынѣ, црк҃внаѧ чада, да ѡбычьное [3] пооученіе створю [в]) ѡ алчбѣ и о молитвѣ и ѡ м҃лтынѣ [4] к вашемоу собранью; се бо [5 г]) оуже болшаѧ часть поста преминоула есть, и кождо васъ вѣсть [6 д]) свои троудъ, имже сѧ подвизали есте [7 е]) въ д҃нь и в нощь [8] ст҃го поста и чаете [9] приѩти [10] мьздоу [ж]) ѿ животворныѩ десница Х҃вы [з]). Бес подвига бо [11] никто же вѣнчаетсѧ; да аще в лѣности пребысте [12 и]) донынѣ, то на прочаѩ д҃ни подвигнемсѧ постомъ и м҃лтвою [і]), творѧще м҃лтню [13], да постигнете [14] искони [15] троудившихсѧ [к]) постомъ; велико бо есть [16] к Бо҃у присвоенье м҃лтва [17], тою бо исправлѧетсѧ всѧка добродѣтель [18 л]), аще [19] ѿ тепла ср҃дца боудеть, ѩко бл҃гооуханїе

---

[87] прибавл. се [88] послужити [89] понужаю бо васъ любовью [90] пр҃вныѩ [91] придѣте [92] вм. о Х҃ѣ.... аминь стоитъ: того бо есть власть и цр҃тво з безначальнымъ ѡц҃мь и с пр҃тмъ д҃хмь и нынѣ пр҃и в в҃ѣ.

[1] Въ Злат. Цѣпи загл.: Пооуч҃е въ не҃. д҃. ю поста г҃и бл҃гви ѡ҃че [2] придѣте [3] ѡбычное [4] м҃лтни [5] и се [6] свѣсть [7] подвизалъсѧ есть [8] в нощи и во д҃ни [9] вм. и чаете стоитъ чаю [10] нѣтъ приѩти [11] нѣтъ бо [12] бысте [13] вм. творѧще м҃лтню стоитъ и м҃лтвею [14] постигнемь [15] исперва [16] нѣтъ есть [17] прибавл. м҃лтва [18] то бо исправлѧетъ всѧку добродѣтель [19] аще бо

щ) добрыи

а) Въ Сборн. № 39 загл.: В не҃. д҃. ю пооученїе ѡц҃а злау҃. б) какъ въ З. Ц. в) творю г) се оубо д) свѣсть е) подвизалъ есть ж) мъздоу з) Г҃нѧ и) пребыли і) молитвами к) прежни трудившихъсѧ л) добраадѣтель

къ Бо҃у въсходить; рече бо Дв҃дъ: да сѧ исправить мл҃тва моꙗ, ꙗко и кадило пре҃ тобою. Аще бо[20] не створиши крилоу молитвѣ[м]), не възлетить к Бо҃у; крилѣ же еста алчьба и милостыни. Алчьбы же добрыꙗ оуставъ не ѿложеніе брашьномъ токмо[21], но ѿверженье злыхъ дѣлъ и҆ разрѣшеніе[н]) всѧкого съоуза неправеднаго[22 о]). Ѡстави ближнемоу скорбь и ѿдаи[23] же е҆моу долгъ; не на соудъı и на которы алчете; мѧса ли не ꙗси[24], но брата своего клеветами[25] ꙗси[26]; питьꙗ ли осталъсѧ еси, но ѿ свара не оудержишисѧ[27 п]); вечерѧ ли осталъсѧ еси, но и до позднаго[р]) сѣдиши[28] въ бесѣдѣ[с]), всѣхъ ѡсоужаꙗ[29]. Не сицеваго[30] поста изъбрахъ азъ, гл҃ть Гс҃ь. Каꙗ бо есть полза тѣломъ алкати, а дш҃ею безъчисленъıꙗ злобы исполнꙗтисѧ[31 т])? но притецы свѣтло къ дароу алчьбномоу[32] и боуди собѣ[33] токмо соудьꙗ и обличитель; поищи крѣпльшаго оустава[34] о мл҃твѣ и[35] о алчьбѣ, и боуди емоу дѣломъ свершитель. Добра бо[36] съвѣтьница[37 у]) чл҃ќкоу алчьба; аще бы алкала ѿ древа Єѵга[38 ф]), не быхомъ алкали[39 х]) сеꙗ нынѣ алчьбы. Не бо требоують здравїи врача, но болѧщіи[40]; елма бо не алкахомъ, из раꙗ испадохомъ[41]; алчемъ нынѣ[42], да к немоу паки възвратимсѧ. Алчьба законоу свершитель, алчьба прр҃кы силны створѧеть, и дш҃и хранилище[ц]) бл҃го[43], тѣлоу сдержателница[44] крѣпка, на враги ороужье непобѣдимо, страстотерпцемъ о҆броученье[45 ч]); си искоусы ѿгонить бѣсовьскыꙗ; си помагаеть на благочестье; си цѣломоудрїю соужитница[46 ш]), нерѣемъ сверши-

---

[20] но а҆ще [21] далѣе стоитъ еще: истиннаꙗ алчьба, что̀ представляется лишнимъ въ текстѣ [22] всѧкомоу сооузу неправедномоу [23] даи [24] оубо мѧсъ ли не ѣси [25] клеветою [26] є҆си [27] възвержешисѧ (= въздержешисѧ?) [28] сидѣши [29] прешсоужаꙗ [30] сего [31] дш҃ею.... и҆сполнити [32] алчьномоу [33] себѣ [34] крѣпльшае҆го о҆ч҃ьскаго оустава [35] нѣтъ о мл҃твѣ и [36] нѣтъ бо [37] сверьстница є҆сть [38] є҆ѵга [39] не быхомь требовали [40] болѧщи [41] понеже не алкахомъ ѿтпадохомь раꙗ [42] нынѣ же а҆лчемь [43] хранителница бл҃га [44] здержателница [45] стр҃тмь о҆блегчание [46] служителница

м) молитвы н) разрѣшеніе о) какъ въ З. Ц. п) прибавл.: и҆ злобы и҆ гнѣва р) до позда с) въ бесѣдахъ т) бесчисьленыѧ злобы творити. Далѣе прибавлено: но а҆л҃чи ѿ всѧкои неправды у) съверьшенница ф) а҆дамъ и҆ є҆ѵга х) не быхо҆ бо сеѧ ныне требовалѣ а҆лъчбѣ ц) хранитель ч) крѣпость ш) какъ въ З. Ц.

тель[47]; нѣсть бо мощно на стоую слоужбоу бес тоя дерзноути; алчьба молитвоу на небо възноситьщ), аки крилѣ еи бывающи к горнемоу шествїю; алчьба и слоуги[48] в санъ въводить, и рабыъ) в честь [п]олагаеть[49]; алчьба здравью мти, а оуности вожь, старцемъ красота, благоспоутница поутникомъ[50], и вкоупѣ живоущимъ безьблазньнъıи соужитель; моужь же, въ алчьбѣ видя женоу свою[51] пребывающю, добрѣ хранитсѧ[52 ы]), и жена, видящи моужа своего[53] приемлюща алчьбоу, ревностью оуподобитсѧ емꙋ. Кто свои домъ охоуди пребъıвая въ алчьбѣ? алчьбою оупразнишасѧ повароvи ножи, ибо трѧпезы доволны бывають говьзиною[54 ь]); не работають дѣти алчебника, оси-рѣвше[55] заима ради оца; милостынѧми[56 ѣ]) и вѣрою очищаютсѧ[57 э]) грѣси; алчьбою же и мтвою спсетсѧю) ѿ всѧкого зла. Єлико бо алчьбою оуимаеши плоти[58 я]), толико[59] же твориши силноу дшоу къ Боу. Тѣм же, братье, послоушаите[60]) гламыхъ[61] и потъснѣтесѧ[62 о]) свершити постное теченїе, да[63] и сдѣ съ чистою свѣстьюѵ) насладимъсѧ бжтвныхъ таинъа), а[64] въ боудущемъ вѣцѣ вѣчныхъ благъ оулоучимъ[65 б]), о Хѣ Ісѣ Гдѣ нашемъ, емуже слава съ оцмъ :•

---

[47] йеркѣмъ свершенье [48] слугы [49] предлагають [50] блга путникомь спутница [51] нѣтъ свою [52] хранить ю [53] нѣтъ своего [54] вм. алчьбою.... говьзиною стоитъ: алчьбою все зло оупразнитсѧ. а благь оумножитсѧ. преста поваромь ножь. ибо трѧпеза подобна бываеть готовизною [55] ѿсн(ро)тѣвше [56] млтынею [57] ѿцѣщають [58] плоть [59] толику [60] внимайте [61] гламыихъ [62] но потщитесѧ [63] но да [64] и [65] получимъ

щ) възводить ъ) нѣтъ рабы ы) съхранить ь) поварове и ножеве и трапеза многая ѣ) какъ въ З. Ц. э) ѿцищаются ю) спасаются я) тончаеши плоть о) потоснитеся ѵ) съ чистотою а) писанiи б) нбныхъ благъ сподобимся.

В недѣлю е҃.ю великаго поста, поѹчениѥ ст҃аго ѿц҃а нашего Иѡа҃на златоѹстаго, сказаниѥ ѿ еѵⷢ҇льскї҃ словесъ*[а]).

Понеже оубо по малѣ[1] постъ сии[2б]) скончатисѧ[3] хощеть и҃[4] по малѣ дн҃и гн҃и ст҃рти приходѧть[5], того ради еже[в]) ѿ ст҃ртехъ чтетьсѧ[г]), да сѧ к нимъ приготовимъ[д]); ӕко да възможемъ кождо насъ г҃ати съ бж҃твенымъ[6] Дв҃дмъ[7е]): оуготовихсѧ и҃ не смоутихсѧ[8ж]). Понеже и[9] по страстехъ[10] распѧтье[11] и҃ погребеньѥ[12] и҃ по погребеньи[13] воскр҃сние, а по воскр҃снии ст҃хъ[14з]) таинъ причастиѥ[15], то должни[16] есмы[и]) готовитисѧ[і]). Но прикоснемъсѧ еѵ҃альскыхъ словесъ. Во ѡно время[17] поӕтъ Іс҃ъ ѡба на . г҃. оуч҃нка своӕ[к]) и҃ начатъ и҃мъ г҃ати хотѧщаӕ[18] быти: ӕко се въсходимъ въ Ер҃лмъ, рече, и҃ прочаӕ. Что ради преже повѣдаѥть имъ[19] хотѧщаӕ ѥмоу быти? да быша преже слышавше[л]), послѣди не съблазнилисѧ[20м]) ѿ гн҃и ст҃рти[н]), ӕко[21] да оувѣдѧть[22]. Кромѣ же ѿведъ оуч҃нки[23о]), ѡбаче аще и҃[24] скорбьнаӕ всѧ повѣдаеть и҃мъ, но ѡни[25] имѧхоу г҃ . и дн҃и воскр҃сниӕ[26] его; и҃ идоста[27п]) к немоу[28] Іӕковъ и Іѡа҃, сн҃а зеведѣева[р]), г҃лще: оучителю, хощева, да

---

* Въ Злат. Цѣпи загл.: Сл҃о іѡ҃а злаоустаго в н҃е . е҃ . поста . г҃и бл҃гви.

[1] прибавл. дн҃и [2] си [3] кончати [4] нѣтъ и [5] приходѧщи [6] въ текстѣ бж҃твенымъ; поправл. по З. Ц. [7] дв҃домь [8] смѧтохсѧ [9] оубо [10] ст҃рти [11] и҃ по распѧтьи [12] нѣтъ и҃ погребеньѥ [13] прибавл. и [14] бж҃твенъıхъ [15] причастьѥ [16] должни [17] во ѡн҃о [18] хотѧща ѥмоу [19] нѣтъ имъ [20] послѣ же зблазнилисѧ [21] нѣтъ ӕко [22] прибавл. ӕко волею стражеть [23] оуч҃нкы. Далѣе вставлено: г҃ать таинаӕ во бѣ ст҃рти и҃ подобаше своимь оуч҃нкомъ ѿкрыти и҃ того ра҃ варѧѥть на путь ѿходѧ. Ѿлучи ѿ иного ро҃ оуч҃нкы [24] нѣтъ аще и [25] прибавл. си оутѣхоу [26] въ третии дн҃ь въскр҃ньѥ [27] предъстаста [28] ѥмоу

а) Въ Сборн. № 39 загл.: В н҃е . е҃ . ю по҃ . сло҃ іѡаннна злаоуста҃ б) сеи в) ӕже г) прибавл. слово д) прибавл. добрыми дѣлы е) съ дв҃домъ пр҃ркомъ ж) какъ въ З. Ц. з) какъ въ З. Ц. и) есме і) приготовимсѧ к) своѧ л) видѣвше м) блазнилѣсѧ н) смерьти. о) То же, что и въ З. Ц.; только послѣднія слова вставки нѣсколько иначе:.... варѧѥть на поуть хотѧ ѿлучити.... и т. д. п) прідоста р) зеведѣѡва

егоже просива[29 с]), створиши[т]) нама. Ѡнъ же рє҃: что хощета, да створю вама? Ѡна же[30] гл҃аста[31] ѥмꙋ: хощева[32 у]), да единъ ѡ҆деснꙋю тебе, а другый[33] ѡшюю тебе сѧдева[34 ф]) въ славѣ твоей. Иѡа҃нъ же ѥ҆ѵ҃ꙋ҆листъ гл҃ть, ꙗко мт҃и ею пристоупи къ Іс҃ꙋ; достоꙗше бо ап҃лма[35] предъставити мт҃рь[х]), потомъ же и҆ самѣма[36] прити в таинѣ[37 ц]). Что же бѧше, егоже просиста? мнѧста бо, ꙗко цр҃тва ради грѧдеть[38] въ Ѥрл҃мъ и҆ по цр҃твии[39] пакы и҆ постражеть; ꙗко же рє҃: пострадати ми. Сихъ[40] бо мыслѧще, просиста[ч]) ѿдеснꙋю и҆ ѡшюю[41] сѣданиꙗ[42]. Тѣмъ Гс҃ь запрѣти и҆мъ[ш]), ꙗко не разꙋмно[43], что просѧща[44 щ]): вы бо мнита земное цр҃тво быти; не вѣдѧста[45] бо, ꙗко та вся паче оума суть; а ѥ҆же сѣсти ѡдеснꙋю мене, и҆[46] анг҃лкыхъ преходить чиновъ; вы бо[47] на славꙋ тщитася[48], азъ же зовоу[49] на см҃рть. Чашю бо и кр҃щние распѧтие нарицаеть[50], чашю оубо ꙗко на сонъ абьѥ бдѧщю[51], кр҃щенье же ꙗко ѿцѣщение творѧше[52 ъ]) дш҃мъ нашимъ. Ѡна же, не разꙋмѣвша[53] что гл҃ть, ѿбѣщастася[54] чашю и҆спити и҆ кр҃щнимъ кр҃титися, мнѧща[ы]) гл҃ти Гс҃ꙋ ѡ чювьственѣи чаши и҆ кр҃щнии. Іс҃ъ же рє҃ и҆ма: чашю, юже азъ пию, и҆спиета[ь]) и кр҃щнимъ кр҃титася, а ѥже сѣсти ѡдеснꙋю и҆ ѿшюю мене, нѣсть моѥ даньѥ, но и҆мъже оуготовася. Се двоѥ нѣчто и҆скомо ѥсть[ѣ]): ѥ҆дино — оуготовано, комꙋже сѣсти; другоѥ же — аще всѣ вл҃ка не можеть[55] сѣданиꙗ[56 э]) дати. Никто же бо ѿдеснꙋю его[57] сѧдеть и҆ли[ю]) ѿшюю, но аще и҆[58] многаждꙑ в писании сѣдалище слышиши,

---

[29] просивѣ [30] нѣтъ: ѿнъ же.... ѿна же [31] глꙗ҃ша [32] хощевѣ [33] другии [34] сѧдевѣ [35] прибавл. стыдѧщемасѧ [36] самима [37] втай [38] прибавл. хс҃ъ [39] по црс҃твѣ [40] си [41] ѿшюю [42] сѣдениꙗ [43] не разꙋмѣста [44] просиста; далѣе прибавл.: не вѣста рє҃ что просѧща [45] не вѣста же [46] нѣтъ и [47] оубо [48] тщитє҃ [49] взовꙋ [50] нарѣцаѥть [51] ꙗко слн҃це ѿ него приꙗста [52] творѧща [53] не разꙋмѣша [54] ѿбѣщаста же [55] не может лї [56] сѣдениꙗ [57] нѣтъ его [58] нѣтъ и

с) хощевѣ.... просивѣ т) прибавл. частица ли у) хощевѣ ф) ѡ҆ лѣвоую сѧдє҃ х) апостолома стыдѧщемасѧ. придоста видѣті мт҃рь ц) какъ въ З. Ц. ч) мысляша просиша ш) има щ) чего просита. Далѣе прибавл.: не вѣста во рече что просита ъ) ѡ҆цищеніе творѧщи ы) мнѧста ь) прибавл. частица ли ѣ) искомое ѥ҃ э) си ю) и҆

то не сѣдалище разумѣи, но честь пребольшю[59 я]); а еже[60] несть мое даные — тако разумѣи: не мое, но[61] праведнаго судии, дати вама[62 θ]) по бл҃ти честь[ѵ]); подвизавьшимся[а]) ѿнѣмъ[63] оуготована ч҃ть та[64]; яко же во ц҃рь нѣкто право судяи прибрани приступльшимъ[б]) к нему[65] другомъ его и рекшимъ: даи же намъ вѣнца, то[66] р҃еть[в]): подвизанте; иже во ѿдолѣеть[67], тому оуготоваеться вѣнець; тако[68] же и вы, зеведѣѡва[69 г]) с҃на, мучение примита[70]) за мя; аще ли кто ѿбращеться по вою с мученнемъ ину добродѣтель[71] имѣя[д]), и тъ[е]) паче ваю будеть. Слышавъше же і҃. начаша негодовати на[ж]) Иякова и на Ивана[72 з]); Ис҃ъ же призвавъ ихъ и[73] гл҃а имъ: вѣсте ли, яко же мняться ѿбласти[и]) языкомъ[74], ѡбладають ими; не такоже оу ва҃, но иже хощеть быти старѣи[75 і]), и буди[76] всѣмъ рабъ; ибо с҃нъ ч҃лвчь не приде, да ему послужать, но да послужить и дасть д҃шю свою избавление за многия[77 к]). Оученици, иже[78 л]) не приимше ст҃го ду҃а, ч҃лвчьски[79] роптиви бяху[80 м]) на ѡбою брату; но послѣдь разоумѣша вси, яко болии[81] есть служаи; егда бо кто оумреть, за него же служить, то сии болѣ[82 н]) всѣхъ е҃ть, но ѡбаче служба[о]) та[83] и[п]) смирение[84], высота и слава б҃ы тому и всѣмъ; преже бо въч҃лвчныя анг҃ломъ бѣ точью знаемъ, а понеже ч҃лвкъ быти[85] изволи и распятье, не точью[р]) ту славу имѣеть, но и другую приятъ и всеи вселенѣи ц҃ртвуеть. Смѣримся[86 с]) оубо и мы

---

[59] болшюю [60] иже [61] но прибавл. изъ З. Ц. [62] вамъ [63] ѿ немь [64] нѣтъ: оуготована ч҃ть та. См. варьянтъ 61 (изъ З. Ц.) и ѵ (изъ № 39) [65] нѣтъ к нему [66] вѣнця. и тъ [67] оудолѣеть [68] яко [69] зеведеёва [70] приимета [71] ины добродѣтели [72] вм. слышавъше.... на Ивана стоитъ: и оуслушавше Иякова іѡа и неготовати (sic) начаша [73] нѣтъ и [74] власти языкомь [75] старъи [76] да буд҃е [77] многы [78] прибавл. еще же [79] чл҃вчкы [80] прибавл. и негодовахуу [81] боли [82] болие [83] нѣтъ та [84] смѣреньё и [85] б҃ы; нѣтъ слѣдующаго изволи [86] смиримся

я) пребольшюю θ) вамь. ѵ) Далѣе въ текстѣ стоитъ но, которое опущено нами согласно списку № 39 а) подвизающимся б) приступьшимъ в) он же рече г) зеведіѡва д) и ины добрьдѣтели имѣя е) и тои ж) нѣтъ на з) іѡанна и) власти; слѣдующаго и нѣтъ і) великъ к) за избавленіе многихъ л) же м) роптаху и негодовахоу н) болін о) служьба п) таинъ р) а понеже ч҃лкъ быстъ и распятся не точію и т. д. с) какъ въ З. Ц.

й [87 т]) прославимъся. Аще бо не смиритсѧ кто, не можеть ктому [88 у]) прославитися. Понеже сна бжиꙗ слава смѣрениꙗ ради бы, тыми како можемъ инымъ путемъ высоци быти [89]? не высоко убо мыслимъ [ф]), възлюбленіи, ни судимъ судьямъ [х]), ни законоположници будемъ [90] законоположникомъ; но покаряйтеся старѣйшинамъ вашимъ и повинуйтеся, яко же рече блаженыи [91] апслъ [ц]), да ѡбѣщаныхъ благъ [92] улучимъ [ч]), ѡ Хѣ Исѣ Гдѣ нашемъ, емуже слава в вѣкы вѣкомъ, аминь:•

---

[87] да [88] нѣтъ ктому [89] исправлено по З. Ц.; въ текстѣ стоитъ: ради како быхомъ могли быти инѣмъ высоцѣ быша [90] нѣтъ законоположници будемъ [91] бжтвеныи [92] измѣнено по З. Ц.; въ текстѣ благо.

т) какъ въ З. Ц. у) какъ въ З. Ц. ф) смѣренія ради бысть. мы же како можемъ инѣмь поутемь высоцѣ быти. но высоко оубо мыслимъ х) и не ѡсоужаемь нікого же ц) нѣтъ: якоже.... апслъ ч) да нбсныхъ благъ сподобимся.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Нѣсколько замѣчаній о фонетическихъ, морфологическихъ и лексическихъ особенностяхъ словъ на воскресные дни великаго поста.

Что касается, прежде всего, глухихъ звуковъ, то они въ нашемъ памятникѣ [1]) въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ требовало произношеніе, замѣняются чистыми гласными: *ъ* — *о*, *ь* — *е*, такъ: **плоть**, **грѣхолюбець**, **слезами**; противоположны этому тѣ случаи, когда глухіе замѣняются чистыми гласными безъ нужды въ этомъ со стороны произношенія: **блгоподателикъ**, **вонѣ** (т. е. **вънѣ**); вообще же тамъ, гдѣ произношеніе не требуетъ постановки чистыхъ гласныхъ, глухіе обыкновенно опускаются: **вверхъ**, **никто**, **створи**, **вси**, **ничто**, хотя и это не вездѣ выполняется;

---

[1]) При обозрѣніи особенностей фонетическихъ и морфологическихъ мы исключаемъ первыя 17 строкъ перваго поученія, т. к. это мѣсто взято изъ другой рукописи, хотя и относящейся къ тому же времени; замѣтимъ, впрочемъ, что въ этомъ небольшомъ кускѣ нѣтъ ничего такого, что бы бросалось въ глаза сравнительно съ общимъ характеромъ всей остальной части нашего памятника.

такъ, встрѣчаемъ: **въстанеть**, **постьнъıми** (также **постъноую**), **мьгновеньи**; впрочемъ, м. б., въ послѣднемъ словѣ произношеніе требовало постановки мягкаго звука (ср. соотвѣтствующій этому слову варьянтъ: **мегновеньи**). Иногда выпаденіе глухихъ оставляетъ послѣ себя слѣдъ въ видѣ надстрочнаго знака ': **подвизавшим'сѧ**, **к' неи л'вы**. Встрѣчается смѣшеніе обоихъ глухихъ звуковъ между собою: **мъздоу** (но и **мьздоу**), **лъвы**, **обьвеселѧтсѧ**.

Нерѣдка замѣна *и* посредствомъ *ь*: **очью** (род. п. дв. ч.) и особенно въ существительныхъ средняго рода на *ие*: **смѣреномоудрье**, **дерзновенья**, **възд'ыханьи** и проч., хотя рядомъ съ этими формами не менѣе часто встрѣчаются и **сѣданиꙗ**, **величаніе**, **осѫженіе** и т. п.

И иногда стоитъ вмѣсто *е*: **евангилист'ы**; *ѣ* — вм. *е*: **кр҃тьꙗнѣ**, и на-оборотъ: **телесную**.

Е въ началѣ слова является и въ іотованномъ, и въ неіотованномъ видѣ; такъ, род. п. ед. ч. муж. р. мѣстоим. *и* пишется и **его**, и **кго**; 2 л. наст. вр. вспом. глаг. **еси** и **кси**, также **ѡставленіє**; впрочемъ, послѣднее (съ іотаціей) написаніе очень рѣдко.

Встрѣчается довольно много примѣровъ написанія не-іотованнаго *а* послѣ гласныхъ, — преимущественно въ род. п. ед. ч.: **испытаніа**, **причащеніа**, **възданіа**, **еѵ҃ліа**, **согрѣшеніа**, **злопомненіа**, **б҃жіа**; слово **покааніе** почти всегда пишется безъ іотаціи при второмъ *а*; также встрѣчаемъ: **диаколимъ** (тутъ это нѣсколько естественнѣе — какъ въ словѣ иностранномъ; встрѣчается и **диꙗколѹ**).

Переходя къ согласнымъ, мы прежде всего видимъ, что гортанные вполнѣ свободно и почти исключительно соединяются съ мягкими гласными (**слоуги** — род. ед., **рѣки**, **боги**, **враги** — вин. мн.); менѣе свободна постановка гортанныхъ передъ мягкими гласными въ формахъ, гдѣ гортанные должны переходить въ свистящіе: однако при формахъ **дроузи**, **оузозіи** встрѣчается **пастоухи** (им. п. мн. ч.).

Шипящіе и *ц* обыкновенно имѣютъ послѣ себя *ь*: **нашь, вашь, оц҃ь, вѣнець** и *ю*: **межю, ненавижю, вашю, чашю, притчю, алчющимъ** (только разъ **алчоущаго**), **лицю** (но и **лицоу**), **оц҃ю**, но *а*: **жаденъ, чающе, ѿвѣщають, вѣнца, овца** и *и*: **лишитися, алкавшимъ**. Интересенъ примѣръ: **помъышьлаю**.

Несмягченное *л* встрѣчается довольно часто: **болма, силноу, полза, доволны, елма, болша, болши, болна, прелщантеся**.

З подъ вліяніемъ слѣдующаго незвучнаго согласнаго переходитъ въ *с*: **бесконечноу, бес тою, исходять, влѣсти, чересъ**; есть примѣры совершеннаго выпаденія конечнаго *з* въ предлогѣ (или приставкѣ) *безъ* и прист. *раз* передъ словами, начинающимися съ *с* или *з*: **бестраха, бестрашьи, безлобивъıхъ, расмотривше**. По той же причинѣ вліянія незвучнаго согласнаго *ж* переходитъ въ *ш*: **тяшько** (но и: **рожковъ**). Не такъ легко незвучные согласные переходятъ въ подобныхъ же случаяхъ въ звучные; поэтому мы имѣемъ: **с голода, сдѣ**.

Вмѣсто *сч* имѣемъ *щ*: **щитающе**.

Что касается до губныхъ, то встрѣчаются примѣры удержанія въ окончаніи спрягаемаго причастія *л* послѣ *б*: **изгиблъ**. Выпаденіе *в* послѣ *б*: **обѣстилъ**.

Вмѣсто церк.-слав. *жд*, согласно русскому произношенію, является *ж*: **преже, вожь, осꙋженіе, гражанинꙋ, надежа, троужающе, наслажающася, поноужаемъ, жажющимъ**. Но насколько ярко эта черта русскаго произношенія выступаетъ здѣсь наружу, настолько же, на-оборотъ, прячется подъ вліяніемъ образцовъ старо-славянскихъ другая не менѣе несомнѣнная русская особенность — полногласіе; поэтому, мы имѣемъ множество такихъ формъ, какъ: **гладомъ, златъ, заклати, власъ, главоу, древо, бремя** (въ двухъ послѣднихъ словахъ не *ѣ*, а *е*), и только одинъ разъ: **с голода**.

При обычной и совершенно правильной съ точки зрѣнія русскаго произношенія постановкѣ глухихъ (или вмѣсто нихъ чистыхъ гласныхъ) въ сочетаніяхъ съ *р* и *л* въ нашемъ памятникѣ единственный примѣръ **црьковніи** является исключеніемъ.

Такихъ примѣровъ какъ **корьчьмы** (ст.-сл. *рѣ* передано черезъ *орѣ*) мы отыскали только одинъ.

Обращаясь къ формамъ, отмѣтимъ слѣдующія черты:

Встрѣчается им. п. ед. ч. **соудии**.

Въ род. п. мн. ч. существ. муж. р. рядомъ со старо-славянск. формами (въ родѣ **братъ**) имѣются гораздо чаще: **часовъ**, **рожковъ**, даже **днѥвъ**.

Винит. п. существ. муж. р., не говоря уже о единств. ч., и во множеств. принялъ форму родит. падежа: **гонѧть праведниковъ**, **осоужахоу мытаревъ**. Мягкое склон. имен. сущ. муж. р. еще удерживаетъ свою индивидуальность такими формами, какъ вин. п. мн. ч. **вѣнца** (вм. **вѣнцѧ**).

Въ твор. п. ед. ч. существ. муж. и средн. рода твердое окончаніе получило широкое распространеніе: **покааніємъ**, **гладомъ**, **словомъ**, и тѣмъ стерлось различіе этого падежа по формѣ отъ дат. мн. ч., который въ нашемъ памятникѣ еще не успѣлъ подвергнуться вліянію женскаго склоненія.

Въ женск. родѣ мы встрѣчаемъ еще въ им. п. ед. ч. **милостыни**.

Род. п. ед. ч. **землѧ**, вин. мн. ч. **дш҃а**, **овца** (а вм. ѧ) еще удерживаютъ старыя окончанія. Замѣны окончанія ѧ (*а*) въ этихъ падежахъ посредствомъ *е*, *ѣ* или *и* въ нашемъ памятникѣ не встрѣчается.

Въ существ. средняго рода согласныя основы еще сохраняются, но уже колеблются: **словеси**, **дѣлесъ** (но встрѣчается и: **словомъ**, **дѣлъ**); **ѡка**, **очи**, **очью**.

Что касается мѣстоименнаго склоненія, то оно въ косвенныхъ падежахъ представляетъ въ нашемъ памятникѣ только стяженныя формы (кромѣ одного раза: **вѣчныихъ**), въ имен. и род. п. ед. ч. окончанія *ый* и *аго* не получили вида *ой* и *ого*.

Изъ мѣстоименій можно указать на форму им. п. ед. ч. муж. р. **кождо** (вм. **къжждо**). Нѣкоторыя уклоненія отъ старославянскаго, въ родѣ отвердѣнія окончанія твор. п. ед. ч. муж. и средн. р. или употребленія формы р. п. въ знач. винит., мѣсто-

именія раздѣляютъ вмѣстѣ съ существительными. Слѣдуетъ отмѣтить: **собѣ**, **в собѣ**, **к собѣ**.

Вмѣсто формы **тъ** (им. п. ед. ч. м. р.) встрѣчается одинъ разъ **то**: **то же нѣ его** (т. е. Бога), **кто послоушаюи и притекии к немоу**.

Въ числительныхъ интересна форма **двое** (вм. **два**): **на двое члвка**.

Двойственное число употребляется въ нашемъ памятникѣ вполнѣ сознательно, но встрѣчаются и отступленія: **сапоги на ноги**.

Въ глагольныхъ формахъ, вспомогательный глаголъ **быти** встрѣчается въ 1 л. мн. ч. наст. вр. въ трехъ видахъ: **есмы**, **есмъ**, **есмѧ**.

Въ 3 л. ед. и мн. ч. употребляется мягкое окончаніе *ть*; *ь* обыкновенно выпадаетъ, когда къ глагольной формѣ присоединяется возвратн. мѣст. *сѧ*. Есть примѣръ мягкаго оконч. въ 1 л. мн. ч.: **боудемь**.

Нерѣдко прибавленіе *тъ* къ окончанію 3 л. аориста: **поютъ**, **начатъ**, **приютъ**, **распѧтъсѧ**.

Въ повелительн. накл. встрѣчаемъ и *и* и *ѣ*: **придѣте**, **доидѣте**, и **примите**, **ѿидите**.

Imperfectum вспом. глаг. **быти** является между прочимъ въ формѣ **бѣюше**.

Perfectum встрѣчается и съ вспомогат. глаголомъ, и безъ него: **есмы съгрѣшили**, **далъ еси**, **подвизали есте**, **послалъ есть**, **съгрѣшилъ есть**, **пришли соуть**; но и: **съхранилъ**, **снѣли**, **раздробили**, **разънесли** (формы 3-го л.).

Plusquamperf.: **изгиблъ бѣ**, **бѣхомъ испали**, **бѧхоу были**.

Прошедш. условн.: **възвеселилъсѧ быхъ**.

Достигат. накл.: **всташа игратъ**, **придохъ взискатъ**, **свинеи пастъ**.

Въ интенсивныхъ глаголахъ обыкновенно остается старославянское *а*: **оукарѧюще**, **покарѧитесѧ**, **помагаеть**, **покланѧющесѧ**, хотя (это гораздо рѣже) встрѣчается и: **створѧеть**.

Въ синтаксическомъ отношеніи можно указать на: частое употребленіе склоняемаго причастія въ значеніи verbum finitum: **дш҃а в телесѣ ѡсквернь[ш]ии**; **кождо насъ в себѣ ѡба** (т. е. мытаря и фарисея) **имущие**; **чл҃вкъ нѣкто имѣꙗ два сн҃а**; отдѣленіе частицами *бо* и *же* возвратнаго мѣстоименія отъ глагола (**пишет во сѧ, бοꙗщии же сѧ, лишающию же сѧ**) или глагола отъ отрицанія *не* (**н̑ бо снидε**), ср. также: **нѣвкоεи странѣ**; управленіе: **что ради**.

Есть примѣръ употребленія формы им. п. ед. ч. въ значеніи винит. при неопредѣлен. накл.: **десѧтина та ѿдавати**.

Соображая вышесказанное, мы не находимъ рѣшительныхъ данныхъ для того, чтобы опредѣлить мѣсто написанія нашего памятника. Правда, въ немъ отсутствуетъ отличительная черта сѣверныхъ памятниковъ — смѣшеніе *ц* и *ч* [1]), но такой (отрицательный) способъ доказательства, какъ извѣстно, имѣетъ мало силы, особенно если имѣть въ виду чрезвычайную консервативность нашего памятника въ пріемахъ правописанія [2]); русскія черты проявляются въ немъ недостаточно смѣло сообразно съ временемъ его написанія; писецъ, очевидно, имѣлъ въ виду старославянскую книжную традицію, которой и слѣдовалъ во многомъ въ своемъ трудѣ; м. б., тутъ оказало свое дѣйствіе начавшееся около конца XIV в. южно-славянское вліяніе, въ смыслѣ обращенія къ старому правописанію.

---

[1]) Одиночнымъ и потому ничего не доказывающимъ примѣромъ является одинъ разъ смѣшеніе *з* и *ж* въ словѣ **золчи**.

[2]) Все-таки отмѣтимъ здѣсь, въ видѣ предположенія, что отсутствіе смѣшенія въ нашемъ памятникѣ *ѣ* и *и*, приставка *тъ* въ 3 л. imperf. (**жрѧхоуть имъ**, стр. 22) и нѣкоторыя другія особенности (ср. *И. В. Ягича*, Четыре критико-палеографическія статьи, 88 и слл.) могутъ скорѣе говорить за югъ, нежели за сѣверъ; для окончательнаго рѣшенія этого вопроса слѣдовало бы подробнѣе изучить особенности языка всей рукописи, а на основаніи предлагаемыхъ нами отрывковъ опасно дѣлать какія бы то ни было заключенія въ этомъ отношеніи.

Нижеслѣдующій перечень имѣетъ цѣлію указать на слова или обороты въ нашемъ текстѣ, интересныя въ отношеніи словаря, синтаксиса или слога предлагаемыхъ поученій [1]):

агности црьковніи, 6.
не работають дѣти **алчебника**, 26.
алчьба, 25.
анг҃лкыхъ преходить чиновъ, 28.

бежерельнъıми въздыханьи, 2.
безлобивъıхъ, 20.
безлѣпа поститсѧ, 12.
безьблазньнъıи соужитель, 26.
нищаꙗ и **беспокровнъıꙗ** введи в домъ свои, 8.
въ **бестрашьи** б҃жіи живоуща, 20.
бесѣдова Моисии къ Б҃оу, 18.
блазнитсѧ, 2.
бл҃гъ и **бл҃гоподателивъ**, 15.
бл҃госпоутница поутникомъ, 26.
бл҃гоуханіе, 24.
блоуженьꙗ, 17.
ч҃лвкомъ ꙗвлѧюще **блѣдъı**, 13.
болма печалоуеть, 15.
болѧринъ, 15.
ѿ **брашенъ** въздержащесѧ, 12.
рожковъ вкѹсъ **бридокъ**, 5.
паки хотѧ възвести в первое **бытьство**, 13.

велерѣчье, 2.
вечерѧ ли осталсѧ еси, 25.
взѧтъ б҃ы **вихромъ**, 13.
вжадахъ, 9.
вкоупѣ живоущимъ, 26.
воевода, 15.
вожь, 26.
вонѣ ц҃ркви, 6.
врача, 25.
всеи **вселенѣи**, 29.
ѿ **вселеньскаго** потопа, 18.
възданіа б҃жтвенаго чающе, 11.
высокомъıсльемь, 1.

доволнъı бъıвають **гобьзиною**, 26.
к **горнемоу** шествію, 26.
д҃хмъ **горѧщие**, 10.
гражанинѹ, 5.
грѣхолюбець, 5.

далеча страна, 5.
нѣсть мое **даньк**, 28.
кротъкиꙗ и **доброплоднъıꙗ** праведники, 9.

---

[1]) Въ большинствѣ случаевъ при данномъ словѣ приводятся и тѣ слова, съ которыми оно находится въ связи въ цѣломъ предложеніи; эти послѣднія слова набраны гражданскимъ шрифтомъ; цифры указываютъ на страницы изданія.

поноужаемъ бо васъ на добръ **подвигъ**, 24.
подиви на оц҃а, 7.
к **подроучнымъ** гражаномъ, 22.
почто си тако **пожиша**, 14.
покланѧніе, 11.
да не **поломъ** тѣла Б҃а молите, а **поломъ** тѣломъ гнѣвите его, 20.
помненьꙗ злоу, 17.
всѧкоу враждоу **поправши**, 23.
поработившихсѧ бѣсоу, 22.
послѣди, 27.
посоухоу, 19.
достоить **поспѣвати** на бл҃гое, 15.
постнѹю добротѹ, 15.
потъснѣтесѧ свершити постное теченіе 26.
почто, 7.
право гл҃ю вамъ, 9.
честь **пребольшю**, 29.
достоꙗше бо **предъставити** м҃трь, 28.
болшаꙗ часть поста **преминоула** есть, 24.
преполовльше сиꙗ д҃ни постныꙗ, 22.
препоꙗсавъшесѧ крѣпко оудержаньемь, 22.
житье свое **препроводиша**, 9.
тѣло свое хлѣбомъ **претварѧюща**, 23.
прикоснемъсѧ еоуа҃льскыхъ словесъ, 27.
велико есть к Б҃оу **присвоенье** м҃лтва, 24.
что сего есть **пристрашнѣе**, 23.
поварови ножи, 26.
провѣтникъ, 21.
о всѣхъ равно **промъıшлѧше**, 15.
рещи **простаго** слова, 23.
миноути **просто**, 17.
пшеница, 16.
пьꙗньства, 17.
пѧтьдесѧтникъ, 15.

раздроблѧи алчющимъ хлѣбъ свои, 8.
размыслите, братье, 15.
рожци, ѿ **рожець**, **рожковъ**, 5.
слово **роптиво**, 12; **роптиви** бѧху, 29.

самомнимъıи всадникъ, 2.
сапоги на ноги его, 6.
сладость **сахара**, 14.
поститесѧ въ **сварѣхъ**, 12.
свершитель, 25.
с чистою **свѣстью**, 17. 26; **бьющисѧ свѣстью злыхъ дѣлъ**, 2.
тѣлоу **сдержателница** крѣпка, 25.
братъ же твои **сесь** м҃ртвъ бѣ, 7.
силнии держать землю, 23.

Начертаніе звука *у* въ нашемъ памятникѣ обыкновенно оу — въ началѣ (оукоризна), срединѣ (смѣреномоудрье) и концѣ (чи-

стотоу); рѣже **ѵ** (**сѵдъ**), иногда ȣ (**дрȣгии**, **молитвȣ**). Начертаніе *ы* встрѣчается какъ **ъı** и какъ **ы**, но первое чаще. **Ѕ** употребляется только какъ цифра; въ качествѣ же буквы встрѣчаемъ только одинъ разъ: **трапеѕъı**, но, м. б., это описка, тѣмъ болѣе что **многотрапезникъ** пишется черезъ *з*.

II.

Указаніе мѣстъ изъ Св. Писанія, приводимыхъ въ словахъ на воскресные дни великаго поста [1]).

Въ нашемъ изданіи они напечатаны разстановкой.

	на стр.		на стр.
Исх., IV, 22	19	Iерем., XII, 1—2	7
1 Царств., II, 3	1—2	Іоиля, II, 13	8
Псалм., IV, 8	16	Матѳ., VI, 12	11—12
» XXXIII, 10	5	» VI, 14—15	11
» LVIII, 5	25	» VI, 16, 17	13
» LXXII, 27	5	» VI, 19—20	13—14
» XCIII, 3	7	» VII, 2	11
» CXIV, 5	1	» XI, 28	16
» CXVIII, 60	27	» XI, 29	3
» CXL, 2	25	» XXV, 34	24
» CXLII, 2	1	Марк., X, 33	27
» CXLIV, 18	3	Луки, XIV, 11	3—4
Притч., VIII, 15—17	23	» XVII, 10	4
Исаіи, XXIX, 13	21	» XVII, 25	28
» XLIX, 8	12	» XXI, 34	21
» LVIII, 4, 6, 9	12	Іоанн., VI, 37	16
» LVIII, 7	8	» VII, 48	3

[1]) Нами упомянуто было (введ., стр. XIII), что поученія въ недѣлю о блудномъ сынѣ, мясопустную и 5-ю поста представляютъ во многомъ перефразировку текстовъ евангельскаго чтенія въ эти дни, и потому этихъ мѣстъ мы не имѣли въ виду при отыскиваніи соотвѣтствующихъ текстовъ изъ Св. Писанія.

ОПЕЧАТКИ.

Въ текстѣ. *Стр.* 2. 3 *снизу надо читать*: **никто**. — 6. 2 *сверху*: **с голода**. — 9. 2 *сн.*: **своꙗ**. — 14. 15 *св.*: **из начала**. — 15. 1 *сн.*: **промъішлꙗше**. — 16. 5 *св.*: **все множьство**. — 18. 5 *сн.* **и** (*вм.* **н**). — 23. 1 *сн.*: **ст҃ъіꙗ**.

Въ варьянтахъ. *Стр.* 22, 51 *вар.* **своꙗ**.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XL, № 4.

КЪ ВОПРОСУ
О
СЛАВЯНСКОМЪ ПЕРЕВОДѢ ЕВАНГЕЛІЯ.

КРИТИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА

Г. ВОСКРЕСЕНСКАГО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., д. 12.
1886.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Сентябрь 1886.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

Первымъ подвигомъ просвѣтительной дѣятельности свв. равноапостольныхъ Кирилла и Меѳодія былъ, какъ извѣстно, переводъ съ греческаго на славянскій языкъ Евангелія, и притомъ Евангелія, расположеннаго по церковнымъ чтеніямъ (апракоса). Древнѣйшіе списки Евангелія восходятъ къ XI вѣку; между ними нѣтъ ни одного четвероевангелія, по крайней мѣрѣ писаннаго кирилловскими письменами (на основаніи палеографическихъ данныхъ къ XI в. относятъ два глаголическихъ списка четвероевангелія: Зографскій и Маріинскій). Кирилловскіе списки четвероевангелія начинаются съ XII в. и древнѣйшій между ними, съ обозначеніемъ года, и лучшій списокъ — Галичское Евангеліе 1144 года. Евангелія-апракосы не представляютъ евангельскій текстъ въ его полнотѣ и первоначальномъ видѣ: въ началѣ чтеній они иное опускаютъ, другое прибавляютъ, иногда соединяютъ сказанное въ разныхъ мѣстахъ, даже у разныхъ евангелистовъ. Галичскій списокъ 1144 года, какъ представляющій полный текстъ всего четвероевангелія (каковою полнотою не могутъ похвалиться вышеупомянутые нами глаголическіе списки четвероевангелія) и притомъ текстъ, въ основѣ своей согласный съ древнѣйшими списками XI в. кирилловскими и глаголическими, съ удобствомъ можетъ быть положенъ въ основаніе при сравнительно-критическихъ изслѣдованіяхъ древняго славянскаго перевода Евангелія. И по своимъ фонетическимъ, морфологическимъ и лек-

сикальнымъ особенностямъ Галичское четвероевангеліе — драгоцѣнный памятникъ какъ древнеславянской, такъ въ частности древнерусской письменности. Давнее мѣстонахожденіе его въ мѣстечкѣ Крылосѣ, близъ Галича, въ связи съ нѣкоторыми особенностями языка, позволяетъ, по видимому, считать Галичское Евангеліе древнѣйшимъ памятникомъ письменности юго-западнорусской. Потому то изслѣдователи исторіи русскаго языка, желая прослѣдить въ древнерусской письменности черты русскихъ нарѣчій, отличающихъ нынѣ югъ отъ сѣвера и запада, останавливались главнымъ образомъ на Галичскомъ Евангеліи 1144 года. Понятно послѣ сего, какую громадную важность должно имѣть для изслѣдователя евангельскаго текста и исторіи русскаго языка точное, критико-палеографическое изданіе этого памятника. Неутомимый труженикъ въ области литературной археологіи, настоятель Московскаго Данилова монастыря архимандритъ Амфилохій предпринялъ въ 1882 году и окончилъ въ 1883 г. изданіе Галичскаго четвероевангелія, сличеннаго съ рукописями Евангелія XI—XVII в. и съ евангельскимъ текстомъ Острожской и Кіевской Библіи, параллельно съ греческимъ текстомъ 835 г., сличеннымъ въ свою очередь съ двумя греческими рукописями X—XI в., съ рукописями Евангелія 1144 и 1272 г. и съ двумя критическими изданіями Рейнекція (1737 г.) и Тишендорфа (1854 г.).

Въ виду важности самого предмета, мы взяли на себя не малый и чрезвычайно кропотливый трудъ сличить изданный текстъ Галичскаго Евангелія и разночтенія другихъ списковъ съ подлинными рукописями, руководясь исключительно научнымъ интересомъ изслѣдователей евангельскаго текста и желаніемъ исправить какія окажутся неточности въ изданіи о. Амфилохія и восполнить все существенное, что тамъ окажется пропущеннымъ.

I.

Для сличенія съ Галичскимъ Евангеліемъ, о. Амфилохіемъ принято шесть списковъ XI в., пять — XII в., два — XIII в., три

XIV в., тридцать семь — XV—XVII в., восемь отрывковъ изъ Евангелій и двѣ печатныхъ Библіи: Острожская 1581 г. и Кіевская 1788 г. (для евангелія Луки и Іоанна, кромѣ того, Кутеинскій Новый Завѣтъ 1652 г.). Но и при такомъ значительномъ количествѣ списковъ, трудъ о. Амфилохія не представляетъ, относительно документовъ, желаемой полноты: не привлечены къ сравненію глаголическіе списки XI в.: Ассеманіевъ и Маріинскій, древніе списки Евангелія, до XV в., Московской Синодальной библіотеки (кромѣ Константинопольскаго 1383 г.), нѣкоторые важные списки Евангелія Императорской Публичной библіотеки, Московскаго Румянцевскаго Музея, бывшей Хлудовской библіотеки и другихъ книгохранилищъ. Изъ позднихъ списковъ не привлечены къ сравненію Библія Геннадіевская 1499 г., съ которою такъ сходны весьма многочисленные списки Евангелія XV—XVII в. (въ собраніи о. Амфилохія ихъ 37, а сколько ихъ всѣхъ въ разныхъ библіотекахъ, русскихъ и заграничныхъ!) и печатная Московская 1751 г., въ которую нѣкоторыя исправленія текста вошли раньше, чѣмъ въ Кіевскую Библію 1788 г. Разночтенія изъ этихъ древнихъ и болѣе позднихъ рукописей и изъ печатной Библіи 1751 г., конечно, придали бы труду о. Амфилохія еще гораздо большую цѣнность. Въ интересахъ изслѣдователей евангельскаго текста мы приводимъ ниже разночтенія и изъ доступныхъ намъ рукописей Евангелія, не бывшихъ подъ руками у о. Амфилохія.

За тѣмъ, такъ какъ славянскіе списки Евангелія XI—XVII в. позволяютъ, при тщательномъ критическомъ изученіи ихъ въ сравненіи между собою и съ греческимъ текстомъ, различать нѣсколько отдѣльныхъ редакцій, представляющихъ послѣдовательное, проходящее чрезъ все Евангеліе исправленіе или новый переводъ текста (укажемъ хотя бы слѣдующія редакціи: древнѣйшую — въ Галичскомъ Евангеліи и въ другихъ спискахъ преимущественно до XIV в., кирилловскихъ и глаголическихъ, и позднѣйшія, содержащіяся въ Мстиславовомъ XII в. и другихъ сходныхъ съ нимъ евангеліяхъ, въ Новомъ Завѣтѣ святителя Алексія,

въ Евангеліи Константинопольскомъ 1383 г. и въ полныхъ спискахъ библіи), то ничего не можетъ быть естественнѣе желанія, чтобы при критическомъ изданіи евангельскаго текста постоянно имѣлись въ виду эти редакціи, такъ чтобы указывались разночтенія сначала редакціи древнѣйшей, за тѣмъ позднѣйшихъ. Разночтенія древнихъ славянскихъ списковъ Евангелія, сравнительно съ нынѣшнимъ печатнымъ текстомъ, заключаются въ варіантахъ, имѣющихъ себѣ основаніе въ разночтеніяхъ греческихъ списковъ и собственно въ переводѣ, т. е. когда одно и тоже греческое слово, выраженіе, форма передаются по славянски различно въ различныхъ спискахъ или въ одномъ и томъ же спискѣ въ разныхъ его мѣстахъ. Что касается варіантовъ, то какъ важнѣйшіе варіанты греческаго текста Евангелія состоятъ: 1) въ замѣненіи однихъ словъ другими, а также въ замѣненіи однихъ грамматическихъ формъ другими, 2) въ опущеніяхъ и прибавленіяхъ и 3) въ перестановкѣ словъ, такъ и въ славянскихъ спискахъ Евангелія, вообще дословно и буквально слѣдующихъ своему подлиннику, замѣчаются 1) замѣненія однихъ славянскихъ словъ другими, соотвѣтственно тѣмъ или инымъ греческимъ чтеніямъ, а также замѣненія однихъ грамматическихъ формъ другими, 2) опущенія и прибавленія согласно съ греческими списками и 3) различное словорасположеніе опять по тѣмъ или инымъ греческимъ спискамъ. Понятно, что въ критическомъ изданіи славянскаго евангельскаго текста, по разнымъ его спискамъ, на пространствѣ XI—XVIII вв., должны быть отмѣчаемы всѣ эти категоріи варіантовъ: замѣненія, опущенія и прибавленія, перестановки. О. Амфилохій, предпринимая свой трудъ, повидимому, не задавался задачею указать отличительныя особенности отдѣльныхъ редакцій славянскаго перевода Евангелія. Въ самомъ дѣлѣ, въ изданіи о. Амфилохія обыкновенно указываются списки (и то часто далеко не всѣ, какъ увидимъ ниже), отличные въ томъ или другомъ случаѣ отъ основнаго Галичскаго Евангелія, списки же согласные съ Галичскимъ Евангеліемъ большею частію совсѣмъ не приводятся. Между тѣмъ, для характеристики древнѣйшей ре-

дакціи евангельскаго текста совершенно необходимо, чтобы нарочито отмѣчались такія мѣста евангельскаго текста, которыя читаются во всѣхъ древнѣйшихъ спискахъ или по крайней мѣрѣ въ лучшихъ изъ нихъ совершенно одинаково, такъ какъ такія мѣста съ вѣроятностію могутъ быть относимы къ остаткамъ первоначальнаго перевода Евангелія. Заключать же, что списки, въ данномъ случаѣ не приводимые у о. Амфилохія, совершенно согласны съ Галичскимъ Евангеліемъ, невозможно уже потому, что въ нѣкоторыхъ спискахъ, за утратою листовъ, или въ апракосахъ, помѣщающихъ (какъ Остромирово Евангеліе) послѣ пятидесятницы только субботнія и недѣльныя чтенія, многія мѣста евангельскаго текста совсѣмъ не читаются. Кромѣ того, въ изданіи о. Амфилохія нерѣдко болѣе поздніе списки Евангелія, какъ, напр. Новый Завѣтъ святителя Алексія, Евангеліе Константинопольское и др. приводятся съ своими разночтеніями раньше древнѣйшихъ списковъ. Изъ указанныхъ выше категорій варіантовъ въ трудѣ о. Амфилохія приводятся замѣненія, опущенія и прибавленія, но перестановки большею частію совсѣмъ не отмѣчаются. Трудъ о. Амфилохія представляется поэтому сборникомъ множества отдѣльныхъ разночтеній, правда, весьма цѣнныхъ, но не приведенныхъ, какъ слѣдуетъ, въ должный порядокъ.

II.

Хотя о. Амфилохій въ предисловіи къ I-му т. (стр. II) и говоритъ, что при сличеніи онъ «не опускалъ ни одного разночтенія словъ и грамматическихъ оборотовъ», но тѣмъ не менѣе по справкамъ съ источниками оказывается, что въ его трудѣ не отмѣчены нѣкоторыя важныя разночтенія сравниваемыхъ у него списковъ, или перечислены не всѣ списки, имѣющіе указываемое разночтеніе, или, наконецъ, приведены совсѣмъ не тѣ разночтенія, какія на самомъ дѣлѣ содержатся въ спискахъ. Ниже предлагаемъ необходимыя, по нашему мнѣнію, исправленія и дополненія къ разночтеніямъ евангельскаго текста въ трудѣ о. Амфилохія.

Примѣчаніе 1. Кромѣ Евангелій, которыми пользовался о. Амфилохій при сличеніи, мы привлекаемъ здѣсь къ сравненію еще слѣдующіе списки:

Ас.[1] — Ассеманіево или Ватиканское глаголическое Евангеліе-апракосъ XI в. Издано глаголицей Фр. Рачкимъ въ Загребѣ 1865 г. и латинскими буквами И. Черничемъ (I. Črnčić) въ Римѣ, 1878 г.

Мар. — Маріинское глаголическое четвероевангеліе, изданное академикомъ И. В. Ягичемъ въ С. Петербургѣ, 1883 г.

Вол. — Евангеліе-апракосъ XII — XIII в. на перг. въ листъ, 152 л. (конца недостаетъ), русскаго письма, поступившее въ 1859 г. въ библіотеку Московской Духовной Академіи изъ рукописей Іосифова Волоколамскаго монастыря. Значится подъ № 1 (изъ Волоколамскихъ рукоп.).

Арх. 2. — Евангеліе-апракосъ Московскаго Архангельскаго Собора № 2, на перг. въ листъ, 259 л. XIII в.

Лавр. 5. — Евангеліе-апракосъ XIV в. на перг. въ листъ, 164 л. русскаго письма, библ. Троице-Сергіевской Лавры № 5.

Син. 21. 22. 23. 24. 25. 27. 28. 29. 30. 31. — Евангелія - апракосы XIV в. на перг. (только № 31 на бомбицинѣ) русскаго письма, хранящіяся подъ вышеуказанными №№ (по Оп. Горскаго и Невоструева) въ Московской Синодальной библіотекѣ.

Никон. — Четвероевангеліе XIV в. на перг. 199 л. въ 4-ку, русскаго письма; принадлежало препод. Никону Чудотворцу, какъ гласитъ подпись на 1-мъ бѣломъ листѣ: єѵ҃ӷє. д в по҃дѣ на хар҃ѣ никоно҃ское чю҃творца. Хранится въ библіотекѣ Московской Д. Академіи подъ № 138. Въ отношеніи евангельскаго текста этотъ списокъ весьма близокъ къ Константинопольскому Евангелію 1383 года.

Бѣлгр. — Еванг. на перг. въ малый листъ, не полное (безъ начала и конца), сербскаго письма, хранится въ Бѣлградской народной библіотекѣ. Варіанты изъ этого списка напечатаны Даничичемъ къ его изданію Никольскаго Евангелія (У Биограду, 1864).

Б. 1499. — Евангельскій текстъ, содержащійся въ полномъ спискѣ Библіи 1499 г., рукопись Московской Синодальной библіотеки № 1 (915).

Ак. 1. 2. 3. 17. — Списки Евангелія XV в. на бум. въ листъ, русско-болгарскаго письма, хран. въ библіотекѣ Московской Д. Академіи подъ №№ 1. 2. 3. 17. (изъ фундамент.).

Кут. — Новый Завѣтъ, вмѣстѣ съ Псалтирью, напечатанный въ Кутеинѣ 1652 г. Въ трудѣ о. Амфилохія варіанты изъ сего изданія Новаго Завѣта приводятся только для евангелій Луки и Іоанна. Приводимъ разночтенія Кутеинскаго Новаго Завѣта и для первыхъ двухъ евангелій.

Б. Моск. — Печатная Библія Московская 1751 г.

Примѣчаніе 2. — Евангелія, которыми пользовался о. Амфилохій при сличеніи, мы обозначаемъ сокращенно такъ:

Остр. — Остромирово Евангеліе 1056—1057 г.

Арх. 1092. — Архангельское Евангеліе 1092 г., поступившее въ 1877 г. въ собственность Румянцевскаго Музея.

Сав. — Саввино Евангеліе.

Рейм. — Отрывки изъ Реймскаго Евангелія. Въ III томѣ своего труда

[1] Списки Евангелія, впервые привлеченные нами здѣсь къ сравненію, — для отличія отъ тѣхъ, коими пользовался о. Амфилохій, набраны курсивомъ.

(стр.157) о. Амфилохій выражаетъ сожалѣніе, что по невѣдѣнію о подложности глаголической части Реймскаго Евангелія приводилъ и изъ нея варіанты.

Тур. — Отрывки изъ Туровскаго Евангелія.

Зогр. — Зографское глаголическое Евангеліе.

Мст. — Мстиславово Евангеліе.

Юр. — Юрьевское.

Тип. 6. — Евангеліе-апракосъ Типографской Синодальной библіотеки № 6.

Тип. 1. — Четвероевангеліе Типографской Синод. библіотеки № 1.

Добр. — Добриловское Евангеліе 1164 г.

Сим. — Симоновское 1270 г.

Карп. — Карпинское Евангеліе-апостолъ бывшей Хлудовской библ. № 28 (изъ собранія А. Ѳ. Гильфердинга).

Конст. — Константинопольское Евангеліе 1383 г.

Никол. — Никольское Евангеліе, изданное Даничичемъ въ Бѣлградѣ, 1864.

Чуд. — Новый Завѣтъ святителя Алексія, рукопись Чудова монастыря, въ Москвѣ.

Амф. 1. 2. 3. и т. д. всего 37 списковъ Евангелія XV — XVII вв., рукописи собранія архимандрита Амфилохія.

Острож. Б. — Острожская библія 1581 г.

Кут. — Новый Завѣтъ Кутеинскій 1652 г.

Кіев. Б. — Кіевская библія 1788 г.

Матѳ. III, 4 въ Мст. въ суб. предъ просв. 4 янв. читается **ѻдѣниѥ своѥ** (*τὸ ἔνδυμα αὐτοῦ*, Гал. **ризы своꙗ**).

III, 11 **тъ вы хр҃тіть дх҃мь ст҃ымь и огньмь**. Относительно сего мѣста Галичскаго списка о. Амфилохій замѣчаетъ: «въ Остр. Ев. и другихъ, слова: **огньмь**, нѣтъ». На самомъ дѣлѣ, слова: **и огньмь** не читаются въ Остр. *Ас.*[1]) Мст. *Арх. 2.* Тип. 1. Конст. *Никон. Ак. 1. 2. 3. 17. Б. 1499.* Напротивъ, согласно съ Гал. читается въ Зогр. Арх. 1092. *Деч.*[2]) Никол. Чуд. и въ печатныхъ библіяхъ: Острож. *Моск.* и Кіев., въ *Кут.*, какъ и въ нынѣшнемъ печатномъ текстѣ.

IV, 10 **иди за мꙗ сотоно** (Гал. **ѿиді сотоно**, съ опущ. *ὀπίσω μου* согласно съ древнѣйшими греческими кодексами) чи-

---

[1]) Курсивомъ набраны списки Евангелія, впервые привлеченные нами здѣсь къ сравненію, — для отличія отъ тѣхъ, коими пользовался о. Амфилохій.

[2]) Дечанское четвероевангеліе XIII в. болг. письма, Импер. Публ. библ. — Изъ этой рукописи акад. И. В. Ягичемъ напечатано Матѳ. I — V, 24, недостающее въ Маріинскомъ Евангеліи.

тается, кромѣ списковъ, указанныхъ у о. Амфилохія, и въ Мст. Конст. *Никон.*

V, 15 слѣдуетъ указать разночтеніе Мст. (20 нояб.) сиаѥть (λάμπει) и ст. 16. тако да сиаѥть (λαμψάτω, Гал. свѣтіть, да просвѣтитьсѧ).

V, 25 въ Конст. согласно съ Гал. и в темницю ввержеть тѧ (у о. Амфилохія ошибочно показано: ввержень боудеши). Въ *Б. 1499* въвръжень боудеши.

V, 43 слѣдуетъ указать разночтенія Зогр. подроуга и Остр. Сав. ближьнꙗаго (τὸν πλησίον, Гал. искрьнꙗго).

VI, 5 въ Острож. Б. въсприимѹть мздѹ свою (у о. Амфилохія ошибочно показано: оудалꙗють).

VI, 6 въ Конст. затвори (а не: затворивъ). Въ *Б. 1499. Ак. 3* затворивъ, но *Ак. 1. 2. 17* затвори.

VII, 10 въ Конст. і аще рыбы просить (у о. Амфилохія невѣрно: или. . . . егда).

VIII, 17 Мст. Юр. Тип. 6. *Арх. 2. Лавр.* и болѣзни подъꙗ (ἐβάστασεν, Гал. понесе).

VIII, 18 Острож. Б. повелѣ оученикѡ (приб.) ити на ѡнъ полъ.

IX, 6—7 въ Кіев. Б. (и въ *Моск.*) заключены въ скобки слова ст. 6: тогда гл҃а разслабленомѹ, и ст. 7: вземъ одръ свои.

IX, 18 въ Евангеліяхъ-апракосахъ (суб. 6 по пятид.) и въ Конст. опущены начальныя слова по Гал. списку: сице гл҃ющю емоу к нимъ. се...

XI, 19 Мст. Тип. 6. *Арх. 2. Лавр.* и гл҃ете. се чл҃вкъ ꙗдьца (Гал. гл҃ють, λέγουσιν).

XII, 21 *Моск.* и Кіев. Б. оукопати имѹть (Гал. оупъкають).

XII, 46 послѣ мати приб. его въ *Б. 1499.* Острож. *Кут. Моск.* Кіев.

XII, 50 Конст. Острож. *Кут. Моск.* Кіев. створить (ποιήσῃ, Гал. творить).

XIII, 38 ὁ ἀγρός перев. въ Мст. Тип. 6. нива (Гал. село).

Такъ и въ ст. 44. Въ семъ же 38 ст. Конст. сіѵѣе неприказьнии (у о. Амфилохія показано невѣрно: сіѵѣе лѹкавѣ).

XIV, 11 слѣдуетъ указать разночтеніе Никол. на мисѣ (ἐπὶ πίνακι, Гал. на блюдѣ).

XV, 15 въ Конст. не читается ги предъ словомъ скажи. У о. Амфилохія показаніе сдѣлано ошибочное.

XVI, 2 Мст. (ев. на случай бездождія, л. 212 об.) погараѥть бо нбо, и ст. 3. погараѥть бо дрѧхлоуꙗ нбо (πυῤῥάζει).

XVI, 3 въ Кіев. Б. въ скобкахъ поставлено искѹсити (у о. Амфилохія неточно: искоушати).

XVI, 11 Конст. . . . рѣхъ вамъ внимати по ѿ квасa фарисеиска и садѹкеиска (у о. Амфилохія разночтеніе этого списка невѣрно показано).

XVI, 15 начальныя слова гла имъ іис приведены о. Амфилохіемъ по Остром. (какъ замѣчено подъ строкою), — вѣроятно, ради написанія имени іис. Для избѣжанія недоразумѣнія, не мѣшаетъ отмѣтить, что и въ Гал. соотвѣтственныя слова не пропущены (читаются они такъ: гла имъ ісъ).

XVII, 19 Конст. пристоупиша (у о. Амфилохія не точно: пристоупльше).

XIX, 12-й стихъ въ Гал. читается сполна, безъ пропуска, о которомъ подъ строкою замѣчаетъ издатель. Именно, заимствованное издателемъ изъ Зогр. читается въ Гал. такъ: и соуть каженици иже исказиша члци. Дальнѣйшія слова этого стиха у о. Амфилохія приводятся изъ Гал., но пропущено слово сами послѣ словъ: иже исказишасѧ.

XX, 2 Конст. по сребреникоу по пѣнѧзю (ἐκ δηναρίου); въ ст. 9: по пѣнѧзю, 10: по сребреникоу.

XX, 6 «въ Конст. Ев. 1383 г. Остр. Библ., Библ. Кіев. . . . въ єдинонадесѧтыи же часъ». Но въ Конст. означенныя слова, вѣроятно, по оплошности писца, пропущены. Да если бы и не были пропущены, то написаны были бы не такъ, какъ показано у издателя.

XX, 7 праведно (δίκαιον, Гал. право) читается раньше Острож. и Кіев. Б. въ *Б. 1499. Ак. 1. 2. 17* (Ак. 3 правда).

XXI, 22 Конст. и҆ ѥлико аще въпросите (у о. Амфилохія неточно: вся елика аще въспр..).

XXI, 24 Конст. слово є҆дино (у издателя наоборотъ: єдино слово). Въ семъ же стихѣ Мст. Тип. 6. *Арх. 2. Лавр.* въ понед. страстн. нед. на утрени: иже а҆ще хощю҆ да повѣсте ми.

XXI, 26 согласно съ Никол. Чуд. читается имꙗа҆хоу, соотв. греч. вар. εἶχον, и въ Мст. Тип. 6. *Арх. 2. Лавр.* (въ понед. стр. н. на утр.). Гал. имоуть, ἔχουσι.

XXII, 2 раньше Острож. Б. читается бракы въ *Б. 1499. Ак. 1. 2. 17.* (*Ак. 3* бракь).

XXII, 32 Мст. *Арх. 2. Лавр.* опускаютъ начальныя слова по Гал. списку: азъ есмь.

XXIII, 10 согласно съ Гал. и въ *Мар.* не читается въ концѣ стиха слово х҃ртосъ.

XXIII, 18 Мст. въ вт. страст. нед. на утр. а҆ иже кльнеться въ даръ лежащии вѣрхоу его. ст. 22 — въ н҃бо. въ прѣстолъ б҃жии и въ сѣдꙗщааго на немь.

XXIII, 25 Мст. въ вт. стр. нед. вьноутрь же пълни соуть грабленинꙗ и несъітости (соотв. греч. вар. ἀκρασίας). Такъ же *Арх. 2* въ вторн. стр. н. и вторн. 10 н. и *Лавр.*

XXIV, 3 на ѥдинѣ (κατ' ἰδίαν) читается раньше Острож. и Кіев. въ *Б. 1499. Ак. 1. 2. 17* (*Ак. 3* ѥ҆диномоу, какъ въ Гал.)

XXIV, 9 Мст. Тип. 6. *Арх. 2.* въ пон. стр. н. на лит. и боудете ненавидими в҆сѣми чл҃овѣкы (Гал. только всѣми, Остром. и прочіе списки: всѣми ꙗзыкы, ὑπὸ πάντων τῶν ἐθνῶν).

XXIV, 48 Конст. медлить (у о. Амфилохія невѣрно: коснить).

XXIV, 51 Конст. *Никон. Б. 1499* и печатн. Библ.: с невѣрными, μετὰ τῶν ἀπίστων (Гал. съ лицедѣи, μετὰ τῶν ὑποκριτῶν).

XXV, 29 въ Остр. Тур. Мст. Тип. 6 — въ нед. 16-ю къ сему стиху прибавлены заключительныя слова: се г҃лꙗ възглаcи. имѣꙗ оуши слышати да слышить. Евангельское чтеніе въ нед.

16 въ сихъ спискахъ оканчивается 29-мъ стихомъ; въ спискахъ же *Вол. Арг. 2. Лавр.* написанъ — въ нед. 16-и ст. 30-й, но заключительныя слова опущены.

XXVI, 39 Конст. паде ниць на лици своемь (два перевода греч. словъ: ἐπὶ πρόσωπον αὐτοῦ). Въ изданіи о. Амфилохія показано только: на лици своемъ (—неполно, и съ ошибками противъ правописанія рукописи).

XXVII, 31 слѣдуетъ отмѣтить, что въ Остр. Сав. Зогр. Никол. (такъ же въ *Ас.* и *Мар.*) ἡ χλαμύς оставлено безъ перевода: съвлѣкоша съ него хламидѫ.

XXVIII, 2 Сав. отъвали камень отъ (Гал. двьрьи опущ.) гроба. Такъ же Мст. *Арг. 2.* У о. Амфилохія указано только Мст.

Марк. I, 4 согласно съ Сав. читается и въ Мст. крьщение на покаяние (*Арг. 2.* въ покаяние, βάπτισμα μετανοίας).

I, 11 раньше Конст. и другихъ позднихъ списковъ чит. о немь же въ Тип. 6 (6-го янв. на утр.).

I, 27 Мст. Тип. 6 яко съвъпрашатися къ себѣ глюще (слѣдующія за симъ слова Гал. списка: что оубо есть се опущены, какъ и въ нѣкоторыхъ греч. спискахъ опускаются слова: τί ἐστιν τοῦτο).

I, 44 Острож. Б. въ свѣтельство имъ (у о. Амфилохія неточно: въ съвѣдѣние).

II, 16 Мст. *Арг. 2. Лавр.* что яко съ мытари и грѣшникы оучитель вашь (приб.) ясть и пиеть.

II, 23 слѣдуетъ указать чтеніе Остр. Сав. Зогр. и другихъ списковъ: сквозѣ сѣяния (διὰ τῶν σπορίμων, Гал. сквозѣ нивы).

IV, 10 раньше Острож. и Кіев. Б. читается: о притчи въ *Б. 1499. Ак. 2. 17.* (*Ак. 1. 3* притчѧ, какъ въ Гал.)

VI, 4 Мст. (26 янв. и 19 іюня) ἐν τοῖς συγγενεῦσιν перев. въ ближьнихъ.

VI, 8 слѣдуетъ отмѣтить, что πήρα оставлено безъ перевода въ Остр. Зогр. и др. спискахъ (и въ *Мар.*).

VI, 33 Острож. Б. и видѣша и идѹща наро (прпб.). Такъ же *Кут.* (народи), *Моск.* и Кіев. (народы).

VI, 41 Конст. да полагають (у о. Амфилохія неточно: да прѣдлагаютъ).

VII, 8 въ Кіев. Б. противъ слова крещенїа на полѣ напечатано: ѡмовенїа. Такъ и въ *Моск. Б.*

VII, 16 въ Мст. въ ср. 16 нед.—Юр. Тип. 6. *Лавр.* стихъ 16-й въ своемъ мѣстѣ, въ срединѣ чтенія (VII, 14—23) опущенъ, а прибавленъ въ концѣ чтенія къ ст. 23-му, какъ сдѣлано и въ нѣкоторыхъ греческихъ евангеліяхъ-апракосахъ, по Маттею и Тишендорфу. Въ *Арг. 2.* (въ среду 16 нед.) 16-й стихъ также опущенъ, но не читается и въ концѣ 23-го стиха; въ Зогр. ст. 16-й читается на своемъ мѣстѣ, а также прописанъ и въ ст. 23-мъ.

VII, 30 Никол. согласно съ Гал. отроковицѹ. У о. Амфилохія ошибочно показано дщ (ерь?).

IX, 41 Мст. въ пят. 13 нед. иже-напоить вы чашѫ стѫдены (прпб.) воды, — ποτίσῃ ποτήριον ὕδατος. Гал. и прочіе списки безъ прибавленія.

X, 11 Гал. въ началѣ стиха: и гл҃а имъ. Непонятно, зачѣмъ понадобилось издателю эти слова заимствовать изъ Зогр., о чемъ замѣчено подъ строкою. Но и въ Зогр., по изданію акад. Ягича читается такъ: і гл҃а імъ.

X, 12 въ Кіев. Б. противъ слова мѹжа на полѣ напечатано: своего. Такъ и *Моск. Б.*

X, 21 *Мар.* и рече емоу единого еси не доконьчалъ аште хоштети съвръшенъ быти (прпб.). Такъ же Мст. Тип. 1. 6. *Вол. Арг. 2. Лавр.* — Прибавленіе это читается и въ Гал., но *передъ* словами: єдиного єси не докончалъ (такъ же Зогр. Никол. *Бълг.*). Соотвѣтственное тѣмъ и другимъ славянскимъ спискамъ словорасположеніе встрѣчается и въ греческихъ спискахъ и указано у Тишендорфа.

X, 22 въ Кіев. Б. противъ слова ѡ словеси на полѣ напечатано: семъ. Такъ и *Моск. Б.*

XI, 30 ѿкоудоу (по Гал.) не читается, кромѣ Чуд. и двухъ списковъ XV в. указываемыхъ о. Амфилохіемъ, и въ *Арх. 2.* Конст. *Никон. Б. 1499* и печатныхъ библіяхъ.

XII, 7 слова: видѣвъше и градоущь къ собѣ (Гал.) не читаются, кромѣ указанныхъ о. Амфилохіемъ Чуд. и № 2 XV в., и въ *Мар.* Тип. 1. *Вол.* Конст. *Никон. Б. 1499* и печатныхъ библіяхъ.

XII, 14 Зогр. рьци оубо намъ (приб.) достоитъ ли. кинсъ дати кесаревн. іли ни. Также *Арх. 2. Лавр. Бълг.* Эти четыре списка слѣдуетъ присоединить къ указываемымъ у о. Амфилохія спискамъ, имѣющимъ тоже прибавленіе.

XII, 24 Конст. прельщаѥтеса (у о. Амфилохія ошибочно: блждите).

XII, 32 только въ Острож. *Кут. Моск.* и Кіев. Б. читается по нынѣшнему: ꙗко ѥдинъ ѥсть бъ. Въ предшествующихъ спискахъ слово бъ не читается (въ Тип. 6 оно написано вверху и позднѣйшею рукою, о чемъ замѣчено и у о. Амфилохія).

XIII, 15 Гал. да не сълазить въ домъ (слѣдующія за симъ слова по нынѣшнему тексту: ни да вннидетъ взати чесо ѿ домꙋ своего опущ.) ѥго. Это ѥго, по всей вѣроятности, окончаніе послѣдняго, пропущеннаго, по сбивчивости, слова сво, и въ изданіи о. Амфилохія излишне, при полномъ написаніи слова своѥго по Зогр. списку.

XIV, 8 и въ Конст. повторена ошибка Гал. ѥже и мнѣ (вм. имѣ, ἔσχεν).

XIV, 65 въ Конст. опущены всѣ прибавленныя въ Гал. — противъ нынѣшняго текста — слова: намъ хе. кто ѥсть оударии тѧ (у о. Амфилохія неполно показано опущеніе).

XV, 16 слѣдуетъ отмѣтить, что въ Остром. Зогр. Конст. и другихъ спискахъ σπεῖρα оставлено безъ перевода.

XV, 22 Мст. Тип. 6. *Арх. 2* въ пят. мясоп. нед. ѥже ѥсть съказаѥмо главьноѥ мѣсто (κρανίου τόπος, Гал. краниѥво), но въ 6-мъ страстн. ев. Мст. лъбьноѥ, что и замѣчено у издателя.

XV, 44 Мст. въ 10-мъ стр. ев. **и призъвавъ кентѹріона** (κεντυρίωνα, Гал. **сътника**, какъ чит. и Мст. въ нед. 3-ю).

XV, 45 Остр. Мст. въ нед. 3-ю **оувѣдѣвъ отъ сътьника** (Гал. **ѿ кинтоурiона**). Конст. **ѿ сотника кентириѡна**.

Лук. I, 5 въ Остром. Зогр. и другихъ спискахъ ἱερεύς оставлено безъ перевода: **іерен** (Гал. **жрьць**, Конст. и *Б. 1499* **сщ҃ньникъ**). Въ этомъ же стихѣ о Конст. у издателя ошибочно сказано, что въ немъ (ἐξ) ἐφημερίας оставлено безъ перевода; въ Конст. читается: **ѿ дневныѧ чреды**.

I, 6 слѣдуетъ отмѣтить чтеніе Остром. Зогр. и другихъ списковъ **правьдьна** (δίκαιοι, Гал. **правьдіва**).

I, 15 слѣдуетъ отмѣтить, что въ Остром. и многихъ другихъ спискахъ σίκερα оставлено безъ перевода: **сикера** (Гал. **олоу**).

I, 29 *Арх. 2* **она же** (Гал. **слышавши** опущ.) **съмѧтеса**. Въ древнѣйшихъ греч. кодексахъ: Син. Ват. Кембр. и др. не читается ἀκούσασα (а также ἰδοῦσα, соотвѣтственно чему въ нынѣшнемъ печ. текстѣ: **вйдѣвши**).

I, 41 прибавленное въ Гал. послѣ **младеньць** слово **радоущѧми** не читается въ *Мар.* и Тип. 6., т. е. раньше указываемыхъ у о. Амфилохія списковъ: Конст. Чуд. и XV—XVII в.

I, 43 Остр. Зогр. *Мар.* и другіе древніе списки, Конст. и *Б. 1499* имѣютъ: **мати гд҃ моєго** (Гал. **мт҃і гнѧ**).

I, 48 *Моск.* и Кіев. Б. **оу҆блажа́тъ** (μακαριοῦσι, Гал. **блажѧть**).

II, 25 Конст. **и҆ чл҃къ сь̏. праведенъ и҆ бл҃гочтикъ го̏вѣ̏йнъ̏** (εὐλαβής). Поставленныя на послѣднемъ словѣ черточки должны означать, что оно излишне и внесено въ текстъ, вѣроятно, съ поля какой либо правленой рукописи. Въ изданіи о. Амфилохія ошибочно показано чтеніе Конст. списка: **бл҃гоговѣйнъ**.

IV, 4 **о вьсѣкомь гл҃ѣ бж҃іи** читается, кромѣ списковъ, указанныхъ у издателя, еще въ *Мар.* Тип. 1. *Вол. Син. 25.* Конст. *Никон. Б. 1499* и печатныхъ библіяхъ. Гал. **о всѧкомь гл҃ѣ исходѧщимь из оустъ божии**.

IV, 6 въ Мст. (11 янв. попраздн. просв.) опущены послѣднія слова стиха по Гал. **и кмоуже аще хощю прѣдамь ю**.

IV, 16 Конст. и въста чистъ чести (ἀναγνῶναι). У о. Амфилохія только: чистъ.

IV, 21 Конст. начень же гл҃ати к нимъ (у о. Амфилохія неточно: и начатъ).

V, 38 Кут. но вино новое к мѣхи новы вливати достоитъ (приб). Въ *Моск.* и Кіев. Б. противъ слова вливати на полѣ напечатано: подобаетъ.

VI, 6 послѣднія слова этого стиха по нынѣшнему печатному тексту (они же оумолчаша), взятыя изъ Марк. III, 4, опущены въ Гал. Остр. *Ас.* Зогр. *Мар. Вол.* Никол. *Бѣлгр. Никон. Лавр. Б. 1499. Ак. 1. 2. 3. 17.* Острож. Б. и Кут. Читаются же, кромѣ списковъ, указанныхъ у о. Амфилохія, еще въ *Моск.* и Кіев. Б.

VI, 24 Конст. яко ѿстоите въсприемлете (ἀπέχετε) оутѣшение ваше (у о. Амфилохія только: ѿстоите).

VI, 29 Конст. въ десноую ланитоу, т. е. согласно съ Гал. (у о. Амфилохія только: въ ланитоу); десноую не читается въ *Мар.* Тип. 1. *Вол. Никон. Б. 1499* и печатныхъ библіяхъ.

VII, 9 Конст. оудивися емоу чюдися емоу (ἐθαύμασεν). Въ семъ-же стихѣ аминь (Гал.) не читается въ Остр. *Мар. Вол. Лавр. Никон.* и въ печ. библіяхъ.

VII, 11 послѣ оученици его не читается едіни (какъ въ Гал.) или мнози (какъ въ нын. печ. текстѣ), кромѣ списковъ, указанныхъ издателемъ, еще въ *Тур. Ас.* Зогр. *Мар.* Никол. Бѣлгр. *Вол.* По нынѣшнему чит. мнози, раньше Конст. Евангелія, въ *Арх. 2* и *Лавр.*

VII, 28 Конст. согласно съ Гал. пррк҃ъ (у о. Амфилохія неточно: пррк҃а).

VII, 35 и оправдіся прѣмоудрость ѿ чадъ своихъ (съ опущ. всѣхъ) читается, кромѣ Гал., въ *Мар. Вол. Ак. 1. 3.*

VII, 38. Острож. Кут. *Моск.* и Кіев. Б. оумывати (Гал. мочіті, Б. 1499 ѡмывати).

VII, 41 Острож. Б. въ началѣ стиха: и рече. У о. Амфилохія: онъже рече. Но такъ (и то: 'онже рече) въ Острож. Б. въ концѣ

40-го стиха! — Въ Конст. въ началѣ стиха: ѓъ рє. Въ изданіи о. Амфилохія опять ошибочно показано, что въ Конст. означеннаго прибавленія нѣтъ. — Наконецъ, согласно съ нынѣшнимъ печ. текстомъ (Ісъ же рече) читается, кромѣ Кіев. Б., въ Тип. 6. *Моск. Б.*, а въ *Арх. 2* эти слова приписаны послѣ. Кут. согласно съ Острож. Б.: И рече.

VII, 50 Кут. *Моск.* и Кіев. Б. по нын. в миръ (ἐν εἰρήνῃ. Гал. въ миръ).

VIII, 2 Мст. (22 іюля) иж нѣкы же бѣси мнози изидоша (Гал. седмь бѣсъ изиде).

VIII, 23 Конст. плавающимъже имъ. идоущимъ же имъ (πλεόντων δὲ αὐτῶν). Въ изданіи о. Амфилохія показанъ только первый переводъ.

VIII, 24 Мст. (ср. 4 нед. и 14 дек.) наставъниче (другой разъ это слово опущено) погыбнемъ. Такъ же Тип. 6. *Арх. 2.* Никол. *Бълг. Вол. Лавр.*

VIII, 37 *Мар.* і молиша и вьсь народъ области гадаринъскыих (Вол. гардариньскыиа, Гал. гергесиньскыѧ). Въ изданіи о. Амфилохія указано первое чтеніе, но только по позднимъ спискамъ.

VIII, 45 Остр. народи оутнѣтають тѧ и гнетѫть тѧ (συνέχουσί σε καὶ ἀποθλίβουσιν, Гал. оутѣшнѧють тѧ и гнетоуть).

IX, 7 Конст. не домышлѧшесѧ, т. е. согласно съ Гал. (у о. Амфилохія ошибочно: недоумѣвашесѧ).

IX, 16 Конст. преломивъ (у о. Амфилохія: преломи).

IX, 18 Конст. кого мѧ глють народи соуща (у издателя: быти).

IX, 20 Мст. въ понед. 5 нед. хса сна (приб.) бжіа. Такъ-же Тип. 6. *Арх. 2. Лавр.*

IX, 52 Мст. (16 авг.) въ градъ самаренскъ. Гал. въ вьсь самарѧнскоу (такъ и Мст. въ четв. 5 нед.).

IX, 53 Мст. (16 авг.) ꙗко лице єго бѣ ида въ ієрслмъ (πορευόμενον, Гал. грѧдыи).

X, 11 раньше Конст. Евангелія, въ *Мар.* Тип. 1. *Вол.* чи-

тется по нынѣшнему, съ опущеніемъ прибавленныхъ въ Гал. словъ: въ ногахъ нашихъ.

X, 15 Конст. до небесъ вознесывыйся (у издателя неточно: иже до нбсъ вознесыися).

X, 24 напрасно замѣчено подъ строкою о пропускѣ въ Галичскомъ Евангеліи начальныхъ словъ, которыя въ семъ спискѣ читаются такъ: глю бо вамъ. Незачѣмъ, слѣд. было заимствовать эти слова изъ Зографскаго Евангелія.

XI, 13 Остром. *Мар. Бѣлгр. Лавр.* Конст. *Никон.* и печ. Библ. дхъ стъıи (Гал. дхъ благъ, соотв. греч. вар. ἅγιον и ἀγαθόν).

XI, 29 Зогр. родо сь. родъ лжкавъ естъ. У издателя напрасно показано, что въ Зогр. Ев. нѣтъ во второй разъ слова родъ. Но это слово не читается во второй разъ, кромѣ списковъ, указанныхъ у издателя, въ *Мар.* Тип. 1. *Арх. 2. Вол. Никон.* Съ Галичскимъ Евангеліемъ согласны Зогр. Мст. Тип. 6. Никол. *Бѣлгр. Лавр.*

XI, 33 Кіев. Б. въ скровѣ (у издателя неточно: въ скровнѣ. Такъ, дѣйствительно, въ Конст.).

XII, 50 раньше печ. библій чит. скончаются въ *Б. 1499.*

XIII, 4 въ *Б. 1499. Ак. 2. 17.* Острож. Кут. *Моск.* и Кіев. Б. читается по нынѣшнему, съ опущеніемъ прибавленнаго въ Гал. слова чл҇къ послѣ паче всѣхъ.

XIII, 35 раньше Конст. и списковъ XV—XVII в., чит. домъ вашь поустъ въ Тип. 1. 6. *Арх. 2. Вол. Бѣлгр. Лавр.*

XV, 21 прибавленныя въ Гал. въ концѣ стиха слова: створи мя яко единого ѿ наимникъ твоихъ не читаются, кромѣ списковъ, указанныхъ о. Амфилохіемъ, въ Остром. Тип. 1. *Мар. Вол.* Конст. *Никон.*

XV, 22 прибавленное въ Гал. скоро предъ словами: изнесѣте одежю не читается и въ *Мар.* Тип. 1. 6. *Арх. 2. Вол. Лавр. Никон.* и въ печ. библіяхъ.

XVI, 28 въ Конст. последнее слово стиха: моученое (у издателя: моученія).

XVII, 2 *Б. 1499. Ак. 2. 17.* и печ. библ. по нын. жерновъ ѡсельскы.

XVII, 37 въ Мст. въ вторн. 10 нед., Тип. 6. *Арх. 2. Лавр.* въ концѣ стиха прибавлено: ѡбаче снъ чл҃вчь пришьдъ аще обрящеть вѣроу на земли — согласно нѣсколькимъ греческимъ спискамъ — апракосамъ у Шольца и одному у Маттея.

XVIII, 8 Конст. мьщение (у издателя: ѿмщеніе).

XVIII, 12 Остром. кромѣ указаннаго разночтенія алча имѣетъ и другое, согласное съ Гал.: пощжся (въ нед. 17-ю; 1-е чтеніе въ мѣсяцесловѣ 31 октября).

XVIII, 26 Мст. въ среду 10-й нед., Тип. 6. *Арх. 2. Лавр.* рекоша же кмоу оученици кго. Вмѣсто общепринятаго чтенія *οἱ ἀκούσαντες* въ нѣкоторыхъ спискахъ у Шольца и въ одномъ у Маттея читается *οἱ μαθηταὶ αὐτοῦ.* Впрочемъ и Мст. въ нед. 13-ю согласно съ Гал. имѣетъ: слышавъшеи.

XIX, 15 Конст. гласиті, XX, 13 оусрамлаються, XX, 17 что оубо есть писаньное. Въ изданіи о. Амфилохія неточно: пригласити, оусраматся, есть писаное се.

XX, 26 дивишася въ *Б. 1499*, раньше печ. библ.

XXII, 22 Мст. Тип. 6. *Арх. 2* въ вел. чет. и *Лавр.* въ понед. сыроп. по повелѣноуоумоу (Гал. по нареченомоу. *κατὰ τὸ ὡρισμένον).*

XXII, 30 въ Мст. Тип. 6. *Арх. 2* въ вел. четв. опущены, противъ Гал. списка, слова: въ цр҃сьи моием, а далѣе читается съ прибавленіемъ: на двоунадесяте прѣстолж. Впрочемъ, въ понед. сыроп. нед. Мст. Тип. 6. *Арх. 2.* читаютъ согласно съ Гал. и нынѣшнимъ печ. текстомъ.

XXIII, 25 послѣ ѿпоусті же не читается имъ и въ Никол. *Никон.*; въ Зогр. и *Лавр.* чит. съ прибавленіемъ: отъпоусти же імъ вараавж (*Бълг.* имь разбоиника).

XXIII, 33 *Б. 1499. Ак. 2. 17* лобное (Гал. краниво, и такъ же *Ак. 1. 3*).

XXIII, 37 Конст. *Б. 1499* и гл҃ахоу (Гал. и гл҃юще).

XXIII, 38 Конст. книгами (у издателя: писмены).

XXIII, 40 въ Остром. въ вел. пят. на 6-мъ часѣ: **осѫжденъ еси** (другое чтеніе, показанное у о. Амфилохія, въ 8-мъ страстн. ев.: **осѫждении**).

XXIII, 42 Мст. *Арх. 2.* въ вел. пят. на лит. **помѧни мѧ гі҃ въ цр҇ствии твоємь** (съ пропускомъ; Гал. **єгда прідеши въ цр҇сьи твоємь**, ὅταν ἔλθῃς ἐν τῇ βασιλείᾳ σου).

XXIV, 1 раньше Кіев. Б. чит. **носѧще** въ *Б. 1499. Ак. 2. 17.* (*Ак. 1. 3.* **нєсѧще**, какъ въ Гал.).

XXIV, 15 **приближисѧ** чит. и въ *Б. 1499* (Гал. **пріближѣ**).

XXIV, 46 Мст. въ 6-мъ воскр. ев. **и въскрьсноути** (**ѿ мьр-твыхъ** опущ.), согласно Кембр. и нѣкоторымъ другимъ греч. спискамъ. Впрочемъ и Мст. имѣетъ согласно съ Гал. въ четв. 6-й нед. на Вознесеніе Господне.

XXIV, 48. Слѣдовало бы объяснить, откуда заимствованъ этотъ стихъ (за пропускомъ въ Гал. Евангеліи съ 47-го ст. до конца главы). На основаніи подстрочнаго примѣчанія къ ст. 47-му можно бы думать, что и 48-й ст. о. Амфилохій взялъ изъ Зогр. Евангелія. Но въ Зогр. онъ читается иначе, именно: **вы же єсте съвѣдѣтелѥ симъ**.

Іоан. I, 15 Остром. Мст. Тип. 6. *Арх. 2.* **съвѣдѣтельствова** (Гал. **съвѣдѣтельствоуєть**, μαρτυρεῖ).

I, 21 Тип. 1. Конст. *Никон.* и списки Библ. по нынѣшнему: **что оубо** (Гал. **что оубо ты єси**).

I, 31 *Моск.* Кіев. Б. **водою** (Гал. **въ водѣ**, ἐν τῷ ὕδατι); въ ст. 33-мъ также, кромѣ того въ *Б. 1499.* Острож. Б. и Кут.

I, 39 слѣдуетъ отмѣтить, что въ Остром. читается: **година бѣ ꙗко десѧтаꙗ**; такъ же *Син. 24. 28.* Конст. *Никон.* (**часъ де-сѧтыи**) и списки библіи.

II, 12 **прѣбышѧ** читается, кромѣ Конст. Евангелія, въ *Ас. Вол. Нижн.*

III, 17 Остром. Мст. во вт. 2-й нед. **єго ради**, въ мѣсяцесловѣ 13-го сент. **имь** (δι' αὐτοῦ, Гал. **сего дѣлѧ**).

III, 22 **съ ними** опущено и въ Остром. *Арх. 2.*

III, 33 Конст. **запечатлѣ** (у издателя напрасно показано:

вѣрова; такъ, дѣйствительно, читается въ *Б. 1499* и въ печ. библіяхъ; въ *Моск.* и Кіев. Б. противъ сего слова на полѣ напечатано: оутвердй).

IV, 33 Конст. оучнци его (у издателя напрасно сказано, что «въ Конст. его нѣтъ»).

V, 4 кромѣ Юр. и раньше списковъ XV в. читается съхожаше въ коупѣль въ Тип. 1. 6. *Бълг.* Конст. *Никон.*

V, 6 въ древнихъ спискахъ Евангелія, до XIV в., согласно съ Гал. не читается прибавленное въ нынѣшнемъ печатномъ текстѣ слово: въ недѣзѣ. У о. Амфилохія, слѣд. напрасно показаны огуломъ Евангелія XII — XVII в. какъ имѣющія нынѣшнее чтеніе.

V, 20 и въ Остром. *Ас.* Мст. *Арх. 2.* читается: и больша сихъ показаеть емоу дѣла (δείκνυσιν).

V, 45 Остром. Конст. оупокасте (у издателя: оуповаете; въ Зогр. чит. оупъваете, но этотъ списокъ у издателя не отмѣченъ).

VI, 23 хвалѫ въздавшю гоу читается, кромѣ Зогр. Конст. Чуд., еще въ Остром. Мст. *Арх. 2. Вол.* Никол. *Бълг. Никон.* Въ *Лавр. Син. 22. 23. 24. 25. 27. 29. 30. 31*: и хвалу вздаша бу.

VI, 27 Остром. списокъ, кромѣ чтенія, показаннаго у издателя (в живот вѣчьныи, въ суб. 2-ю), имѣетъ и другое, согласное съ Гал. Евангеліемъ (въ животѣ вѣчьнѣемь, въ вт. 3-й нед.).

VII, 29 отъвѣшта ис і рече имъ. Слова эти выписаны (хотя и не точно) о. Амфилохіемъ изъ Зогр. Ев. *за пропускомъ* ихъ въ Гал., какъ значится въ подстрочномъ примѣчаніи издателя. Между тѣмъ, никакого пропуска въ данномъ мѣстѣ Галичское Евангеліе не представляетъ; приведенныя выше слова читаются въ Гал. такъ: отвѣщаѧ ісъ и рече имъ. Читаются въ Галичскомъ Евангеліи и слѣдующія мѣста, о которыхъ издателемъ замѣчено, что они пропущены въ Гал. спискѣ. Іоан. VIII, 19 глахоу же емоу. къде есть оць твои (мѣсто это напечатано у о. Амфилохія по Зогр. Евангелію); XII, 30 отвѣщаѧ ісъ и рече и ст. 35 рече же имъ ісъ (оба мѣста взяты издателемъ изъ Остром.

Ев.); XXI, 23 **и не рече ісъ ѩко не оумреть** (мѣсто это въ текстѣ не восполнено никакимъ другимъ спискомъ). Во всѣхъ этихъ пяти случаяхъ Галичское Евангеліе *вовсе не представляетъ* пропусковъ евангельскаго текста, о которыхъ каждый разъ нарочито заявляетъ издатель.

VI, 38 въ Конст. не читается въ концѣ стиха слово **оца** (отмѣтка издателя невѣрна).

VI, 39 кромѣ Юр. и Никол. читается **въскрешю е** (αὐτό, — Гал. **и**, αὐτόν) въ *Никон. Вол. Б. 1499. Ак. 1.* Острож. Кут. *Моск.* Кіев. Б.

VI, 51 Конст. согласно съ Гал. имѣетъ: **живыи** (ὁ ζῶν). Издатель напрасно показалъ: **животьныи**; такъ, правда, читается въ Конст., но только въ стихахъ 35-мъ и 48-мъ, въ коихъ по греч. ὁ ἄρτος τῆς ζωῆς.

VII, 42 Никол. **града** (τῆς κώμης, Гал. **градьца**).

VIII, 4 Мст. 8 окт. **си жена ѩта есть (нынѣ оп.) въ любодѣѩнии.** Такъ же Тип. 6.

VIII, 6 согласно съ Гал. не имѣютъ въ концѣ стиха словъ: **не слагаѧ имъ**, и *Мар.* Тип. 1. 6. *Бѣлгр.*

VIII, 27 Остром. списокъ, кромѣ чтенія, указаннаго издателемъ (оно прописано въ пят. 4-й нед.) имѣетъ и другое, какое и въ Гал. Евангеліи, именно — въ суб. по Воздвиженіи подъ 14 сент.: **ѩко оца имъ глаше ба.** Прибавленіе этого слова имѣется такимъ образомъ въ Гал. Остром. (14 сент.); кромѣ того — въ *Ас.* Зогр. Никол. *Вол. Лавр.*, только въ *Ас.* и *Лавр.* вмѣсто **имъ** по ошибкѣ написано **имамъ**, и эту ошибку повторяетъ также *Никоновское* Евангеліе. Не имѣютъ сего прибавленія Остром. (въ пят. 4-й нед.), *Мар.* Конст. *Никон. Б. 1499. Ак. 1. 2. 3. 17* и печ. библіи.

IX, 6 Остром. **и помаза ему очи брьниемь.** Такъ же *Ас.* Зогр. Мст. Тип. 1. 6. *Арх. 2. Вол.* Никол. *Бѣлгр. Лавр.* (у о. Амфилохія относительно Остром. и Зогр. ошибочно показано: **слѣпомоу**).

IX, 9 въ Остром. пропущены начальныя слова стиха, по Гал.

списку: **ові глаголоу ѩко сь ѥсть**. Не читаются они также въ Мст. *Арх. 2. Лавр.* У издателя указано Мст. Евангеліе, но сбивчиво.

XI, 18 и въ Остром. **попьрищь**, согласно съ Юр. Мст. Добр. (Гал. **стадии**, σταδίων).

XI, 44 Конст. **не дейте**, т. е. какъ и въ Гал. (у издателя напрасно показано: **оставите**).

XI, 50 «въ Конст. Ев. 1383 г. — говоритъ о. Амфилохій — и почти во всѣхъ приводимыхъ Евв. **намъ**, вм. **вамъ**». На самомъ дѣлѣ, **намъ** читается въ *Мар.* Тип. 1. Конст. *Никон. Б. 1499* и въ печ. библіяхъ. Съ Галичскимъ же Евангеліемъ согласны почти всѣ древніе списки. Остром. *Ас. Зогр.* Мст. Тип. 6. *Арх. 2. Вол.* Никол. *Лавр.*

XII, 21 Мст. *Арх. 2.* въ среду страстн. нед. **молѧ́хоусѧ ѥмоу** (Гал. **молѧхоуть и**, ἠρώτων αὐτόν). Подобнымъ образомъ Іоан. XIX, 38 въ 11-мъ стр. ев. Мст. **молисѧ пилатоу иѡсифъ** (Гал. **молі пілата**, ἠρώτησεν τὸν Πιλάτον).

XII, 25 Мст. въ среду стр. н. на утр. и *Арх. 2* въ вт. 6-й и въ среду стр. н. **въ животъ вѣчьнъи**. У издателя съ такимъ чтеніемъ показана только Кіев. Б. 1788 г.

XII, 30 Мст. имѣетъ: **васъ ради** (Гал. **народа раді**) не только въ чтеніи подъ 23 февр. о чемъ замѣчено у издателя, но также въ вт. 6-й нед. и среду стр. н. на утр.; согласно съ Мст. читается въ Тип. 6. (вт. 6-й нед.), *Арх. 2* (ср. стр. н.), *Син. 21. 27. Никон.* Кут. Съ Галичскимъ Евангеліемъ согласны Тур. *Ас.* (въ Зогр. и Арх. 1092 слово **народа** соскоблено, и на его мѣсто написано **васъ**), *Вол. Син. 22. 25. 28. 29. 30. 31.* Никол. *Лавр.* Конст. *Ак. 1. 2. 3. 17. Б. 1499.* и печ. библіи.

XII, 32 **възнесоусѧ** читается въ Мст. въ среду стр. н. на утрени; но въ вторн. 6-й нед., 14 сент. и 23 февр. Мст. согласно съ Гал. имѣетъ: **възнесенъ боудоу**.

XII, 33 въ Мст. **ꙁнаменаꙗ** чит. въ вт. 6-й нед. по пасхѣ (у о. Амфилохія ошибочно напечатано: **ꙁнаменоуꙗ**, по пятидесятницѣ); въ чтеніи 23 февр. Мст. имѣетъ: **наꙁнаменаваꙗ** (у издателя опять опечатка **наꙁнаменоваꙗ**).

XII, 47 не съхранитъ іхъ (Гал. не сътворітъ ихъ) читается, кромѣ указанныхъ издателемъ Зографскаго и Добриловскаго списковъ, въ *Ас.Вол.* Никол. Съ Остромировымъ Евангеліемъ (и не вѣроуетъ) согласны Мст. Тип. 1. 6. Конст. *Никон. Ак. 1. 2. 3. 17* и всѣ списки библіи.

XIII, 13 Сав. глете (Гал. глашаюте, φωνεῖτε).

XIII, 37 2-е нынѣ въ *Моск.* и Кіев. Б. заключено въ скобки, какъ и въ нынѣшнемъ текстѣ (въ Кут. совсѣмъ опущено).

XIV, 3 Мст. въ 1-мъ страстн. Ев.: и аще идоу оуготовати мѣсто вамъ, въ пят. 6-й нед.: и аще идоу оуготовлю мѣсто вамъ. Издатель замѣчаетъ, что въ нѣкоторыхъ спискахъ, между ними и въ Мстиславовомъ сей стихъ такъ начинается: пакы придѫ и поимѫ вы къ себѣ, давая такимъ образомъ понять, что вышеприведенныя нами слова изъ 1-го страстн. ев. и изъ чтенія въ пят. 6-й нед. въ Мст. спискѣ опущены, что неправда. — Конст. и аще оуготовати мѣсто вамъ; но здѣсь оуготовати, по всей вѣроятности, ошибка писца, по смѣшенію съ ст. 2-мъ, гдѣ вмѣсто сего ошибочно написано: оуготовлю. За тѣмъ, въ ст. 3-мъ оуготовлю чит. въ *Никон. Б. 1499.* Острож. Б. Кут. Въ *Моск.* и Кіев. Б.: и аще (поиду и — на полѣ) оуготовлю мѣсто вамъ.

XIV, 16 Остром. Сав. въ суб. 6-ю: въ вѣкъ (Гал. въ вѣкы).

XIV, 24 Конст. согласно съ Гал. имѣетъ: слышите.

XIV, 28 Мст. кромѣ указаннаго разночтенія: яко рѣхъ идоу къ оцю (въ концѣ стиха) имѣетъ и другое, согласное съ Гал., съ опущеніемъ рѣхъ — въ понед. 7-й нед.; а первое чтеніе содержится въ 1-мъ стр. ев. и въ мѣсяцесловѣ подъ 11 окт.

XIV, 29 слѣдуетъ отмѣтить, что и Остром. Евангеліе не имѣетъ прибавленныхъ въ Гал. словъ: ѩко азъ рѣхъ вамъ.

XV, 15 и 20 въ 1-мъ стр. ев. Мст. Тип. 6. Юр. *Арх.* 2. *Лавр.* ὁ κύριος перев. господинъ (Гал. въ 15-мъ ст. гь, въ 20-мъ гна).

XV, 21 Остром. въ суб. 3-й нед. и въ 1-мъ стр. ев. имѣетъ

согласно съ Гал.: сътворѧть (у издателя показано: творѧтъ). Въ Зогр. творѧтъ, но этотъ списокъ у издателя не отмѣченъ).

XV, 26 Мст. въ чтеніи 21 сент. μαρτυρήσει перев. послоушьствоуѥть, ст. 27 μαρτυρεῖτε — послоушьствоуєте.

XVII, 21 Конст. *Б. 1499.* Кут. согласно съ Гал. имѣютъ въ началѣ стиха: соуть.

XIX, 5 Конст. *Б. 1499* багрѧноу (какъ и въ ст. 2-мъ).

XIX, 12 Конст. Кіев. Б. ѿ сего (у издателя ошибочно показано: ѿ сего часа).

XIX, 14 Мст. въ 9 стр. ев. часъ (Гал. година); въ чтеніи 14 сент. жидомъ (такъ и въ ст. 20-мъ), въ ст. 15-мъ старѣишины жьрьчьскы (Гал. архиереи).

XIX, 20 Конст. согласно съ Гал. имѣетъ: латыньскы (у издателя напрасно показано: римскы).

XIX, 23 Мст. въ вел. пят. на 9-мъ часѣ: коѥмоужьдо воиноу часть и котыгоу. бѣ же котыга (ὁ χιτών) не шьвена нъ отъ вышьнихъ истъкана.

XIX, 25 Мст. въ трехъ мѣстахъ (9-е стр. ев., вел. пят. на 9-мъ часѣ и 14 сент.) имѣетъ: стоꙗахоу оу крста іс҃ва, и одинъ разъ (8 мая): при крьстѣ, согласно съ Галич. Евангеліемъ.

XIX, 27 согласно съ Гал. (ѿ того дн҃е) читается въ Остром. Евангеліи подъ 14 сентября; всѣ же прочіе списки (и само Остром. Ев. въ вел. пят. на 9-мъ часѣ и 8 мая), какъ и печатныя библіи вм. дн҃е имѣютъ по нынѣшнему: часа. Такимъ образомъ замѣчаніе о. Амфилохія: «въ Ев. Зогр. и въ *большей части* приводимыхъ Евв. отъ того часа» не можетъ быть названо точнымъ: съ Галичскимъ согласно только Остромирово Ев., и то только въ одномъ изъ трехъ мѣстъ.

XIX, 28 въ Остром. *Ас.* Зогр. Тип. 6. Конст. *Никон.* и въ спискахъ библіи не читается прибавленное въ Гал. о немь послѣ слова: съвьршишѧсѧ. — За тѣмъ, замѣчаніе издателя: «въ О. Ев., Сав. Ев. XI в. и почти во всѣхъ приводимыхъ Евв. по недѣлямъ: да сь воу.. жѧжоу, нѣтъ», не точно: въ Остром. Ев. въ 9-мъ страст. ев. читается это мѣсто такъ: да съвѫдѫтьсѧ

кънигы. г҃ла жаждѫ, въ чтеніи же 14 сент. въ Остром. опущены не только эти слова, но и весь 29-й стихъ и начало 30-го ст. до слова: совершишася (по нын. тексту). Такое же опущеніе въ чтеніи 14 сент. представляетъ и Саввино Евангеліе, — только здѣсь уцѣлѣли два первыя слова: да събѫдѫтъся кънигы, а 9-е страстн. ев. въ Сав. утрачено.

XIX, 30 Мст. въ 9 стр. ев. и въ вел. пят. на 9-мъ часѣ: съвершишася вьсꙗ (приб.). *Арх. 2.* събышася вьсꙗ.

XIX, 36 Мст. въ тѣхъ же двухъ чтеніяхъ: кость не съкроушится его, соотв. греч. вар. αὐτοῦ. Такъ же *Мар.* (Гал. и остальные списки: ѿ него, ἀπ᾽ αὐτοῦ).

XX, 5 подъ словомъ едины въ Гал. Евангеліи поставлены три точки, означающія, что это слово излишне. Прибавленіе этого слова имѣется еще въ *Ас.* Мст. *Арх. 2.* (въ 7-ю воскр. ев.).

XXI, 17 Мст. въ 11-мъ воскр. ев. паси агньца моꙗ (впрочемъ, въ суб. 7-ю и Мст. согласно съ Гал. имѣетъ: овьца).

III.

Тщательное сравненіе Константинопольскаго Евангелія 1383 г. съ Галичскимъ 1144 г. показало намъ, что этотъ весьма важный списокъ четвероевангелія, представляющій новую сравнительно съ Галичскимъ и другими предшествующими списками редакцію евангельскаго текста, исчерпанъ въ трудѣ о. архим. Амфилохія далеко недостаточно. (Въ III-мъ томѣ своего труда, стр. 366—367, о. Амфилохій помѣстилъ «исправленія въ Константинопольскомъ Евангеліи 1383 г.» Но и за всѣмъ тѣмъ особенности этого списка остаются далеко неисчерпанными). Именно, кромѣ исправленій и дополненій изъ сего Евангелія, сдѣланныхъ нами въ предшествующемъ отдѣлѣ, въ изданіи о. Амфилохія не приведены слѣдующія разночтенія Константинопольскаго Евангелія 1383 г. *сравнительно съ Галичскимъ*, частію раздѣляемыя другими списками, частію же принадлежащія одному только этому списку:

Матѳ. III, 6 въ иерданѣ (Гал. въ иоръданьсцѣи рѣцѣ).

III, 7 рожениꙗ (γεννήματα, Гал. ищадьꙗ).

V, 29 въ геенноу огньноую (приб., Гал. безъ прибавленія).

V, 30 вверҗеться (βληθῇ, Гал. идеть).

VI, 15 ни отць вашь нбныи (приб.) оставить вамъ согрѣшении вашихъ.

VI, 18 въздасть тебѣ въ ꙗвленѣ (ἐν τῷ φανερῷ, Гал. ꙗвѣ).

VII, 14 въ началѣ стиха: что (Гал. коль).

VIII, 13 и възращьсꙗи[1]) сотникъ в домъ свои обрѣте кго здрава. Эти слова прибавлены въ концѣ 13-го ст. только въ семъ спискѣ. По Тишендорфу, въ Ефремовскомъ код. V в., Базельскомъ VIII в. и другихъ болѣе позднихъ читаются соотвѣтствующія слова: καὶ ὑποστρέψας ὁ ἑκατοντάρχος εἰς τὸν οἶκον αὐτοῦ εὗρεν αὐτὸν ὑγιαίνοντα.

VIII, 25 оучнци (кго опущ.).

VIII, 33 стадо все (свинок опущ.).

IX, 1 опущ. ісъ.

IX, 18 начальныя слова стиха по Гал. списку: сице глщю кмоу к нимъ. се опущены. Не свидѣтельствуетъ ли это о томъ, что Константинопольское Евангеліе списывалось съ апракосовъ, въ коихъ (суб. 6-я по пятидес.) также не читаются означенныя слова?

IX, 27 ісе (приб.) сноу двдвъ.

X, 34 не придохъ бо вложити смѣрениа, но мечь (βαλεῖν εἰρήνην, Гал. въврѣщь мира).

XII, 5 сщнци (Гал. иереи).

XII, 31 опущены слѣдующія слова Гал. списка: а иже на дхъ врѣдногланьк не отпоуститьсꙗ члкомъ.

XIII, 33 скры въ моучныхъ сита (sic!) три (εἰς ἀλεύρου σάτα τρία, Гал. въ моуцѣ трии сатъı).

XIII, 36 селнѣ (Гал. нівьнъıхъ).

XIII, 48 изъвлекоша (Гал. извълкъше).

---

[1]) Матѳ. X, 13 такъ же написано: възратитьсꙗ.

XIV, 22 оубѣди (Гал. поноуди).

XIX, 4 исперва (ἀπ' ἀρχῆς, Гал. искони).

XX, 12 и зной (τὸν καύσωνα, Гал. варъ).

XXI, 6 и створиша якоже повѣлѣ имъ ісъ (чит. ἐποίησαν? Гал. сътворшѧ, соотв. греч. чтенію ποιήσαντες).

XXI, 15 первосщнници (οἱ ἀρχιερεῖς, Гал. архиереи).

XXI, 20 и видѣвше оучнці его (приб.) дивишасѧ. Въ Гал. безъ прибавленія.

XXIII, 27 явлѧються красни (φαίνονται, Гал. соуть).

XXIII, 35 на земли (ἐπὶ τῆς γῆς, Гал. на землю).

XXIV, 5 глюще яко (приб.) азъ есмь хъ.

XXIV, 30 и (тъгда опущ.) въсплачються всѧ колѣнаꙗ(sic!) земнаꙗ.

XXV, 7 тогда въставше всѧ двы оныи (Гал. въсташѧ).

XXV, 16 в нихъ (ἐν αὐτοῖς, Гал. о нихъ).

XXV, 18 ископа в земли (ὤρυξεν ἐν τῇ γῇ). Гал. раскопавъ землю, соотв. греч. чтенію γῆν; варіантъ этотъ въ трудѣ издателя не указанъ.

XXV, 19 прииде — истѧзатисѧ с ними о словеси (Гал. приде — и сътѧзасѧ).

XXV, 20 е. (талантъ опущ.) приемыи. Въ этомъ же стихѣ: се дроугиꙗ. е (талантъ опущ.) приωбрѣтоухъ ими. По Тишендорфу, и въ греческихъ спискахъ встрѣчается опущеніе въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ слова τάλαντα.

XXV, 41 тогда реть и соущимъ ошююю (его опущ.).

XXVI 3 глемаго (τοῦ λεγομένου, Гал. нарицаемаго). Такъ и XXVII, 16, 17.

XXVI, 56 писаниꙗ (αἱ γραφαί, Гал. книгы).

XXVI, 75 алекторъ (ἀλέκτωρ, Гал. коуръ).

XXVII, 41 архиереи роугающесѧ емоу (приб.).

XXVII, 58 се пристоупи къ пилатоу (чит. προσῆλθε? Гал. пристоупль).

XXVII, 60 и положи (е опущ.) в новѣмъ своемъ гробѣ... и възвали камень велии (Гал. възваль).

Марк. I, 7 сапогъ (τῶν ὑποδημάτων, Гал. чревьимъ).

IV, 36 и ини же бѣхоу в корабли с нимъ (Гал. ини же корабли бяхоу съ нимь).

VI, 28 и дѣвца (дасть ю опущ.) мтри своей.

VI, 45-й стихъ читается согласно съ нынѣшнимъ печатнымъ текстомъ и отлично отъ Галичскаго списка.

VII, 18 не можеть ѡсквернити члвка (Гал. не можеть его осквьрніти).

VIII, 19 колико кошь исполнь приясте оукроухъ (расположеніе словъ — не согласное ни съ Галичскимъ Евангеліемъ, ни съ нынѣшнимъ печ. текстомъ).

IX, 46 идѣ червь ихъ не оусыпаеть (οὐ τελευτᾷ, Гал. не оумиракть).

X, 1-й и 16-й стихи читаются согласно съ нынѣшнимъ текстомъ и отлично отъ Галичскаго списка.

X, 21 опущены читающіяся въ Гал. Евангеліи слова: аще хощеши съвьршенъ быти.

XI, 5 и нѣции ѿ стоящихъ тоу, глхоу (има опущ.) и въ ст. 6-мъ заповѣда (имъ опущ.). Относительно ст. 6-го у издателя напрасно замѣчено, что въ Конст. заповѣда има.

XI, 28 опущено окончаніе стиха по Гал. списку: ли кто дасть область сію. да сице твориши. Въ Кембр. код. VI в. и нѣкоторыхъ другихъ опущены соотвѣтствующія греч. слова.

XIV, 19 ѡни же начаша скорбѣти и глати (емоу опущ.) единъ по единомꙋ.

XV, 20 съвлекоша его с прапроуды (ἐξέδυσαν αὐτὸν τὴν πορφύραν, Гал. съвлѣкоша съ него прапроудь).

XV, 34 бе (мои опущ.) бе мой вьчто мя ѡстави. У о. Амфилохія опечатка: во что.

XV, 35-й стихъ читается по нынѣшнему съ опущеніемъ прибавленнаго въ Гал. тоу послѣ слова ѿ стоящих и съ замѣною се вм. Гал. віжь.

XVI, 6 іса ищете назарянина пропятаго (въста опущ.) нѣ зде.

XVI, 14-й стихъ читается по нынѣшнему, съ опущеніемъ имѣющагося въ Гал. слова: из мьртвыхъ.

Лук. I, 5 свщ҃ньникъ (ἱερεύς, Гал. жрьць).

I, 26 посланъ бж҃ї архангл҃ъ гаврилъ (Гал. аггелъ).

I, 27 маріамъ (Μαριάμ; Гал. марию, Μαρία). Такъ и I, 30. 34. 46. 56; II. 16.

II, 17 сказаша ѿ гл҃ѣ гл҃аннѣмъ (имъ опущ.) ѿ отрочати семъ.

III, 5 в поуть гладъкий (Гал. въ поути гладъкы).

IV, 16 идѣже (ὅπου, какъ въ Кембр. и другихъ спискахъ? Гал. въ немьже, οὗ).

IV, 29 яко (приб.) да быша его низъриноули.

V, 12 падъ ниць молися емоу гл҃ѧ (Гал. паде ниць моляся и гл҃ѧ).

V, 20 и видѣвъ ис҃ъ (приб.) вѣроу ихъ.

VI, 36 боудѣте оубо мл҃рди, якоже и ѿц҃ь вашь неб҃ный (приб.) мл҃ръ есть.

VII, 1 гл҃ы своя (τὰ ῥήματα αὐτοῦ; Гал. гл҃ы сия, соотв. греч. вар. ταῦτα, вм. αὐτοῦ).

VIII, 47 повѣда емоу (приб.).

X, 22 и никтоже вѣсть (приб.) и кто есть ѿц҃ь токмо сн҃ъ.

XI, 50 да взыщется (ἵνα ἐκζητηθῇ, Гал. да мьстіться).

XXI, 5 етеромъ (τινῶν, Гал. нѣкымъ).

XXIII, 1 и въставше (вьсе опущ.) множьство ихъ.

XXIII, 13 пилатъ же созва архиерѣя и князи и лю҃ (Гал. съзвавъ).

XXIII, 43 дн҃е со мною еси в раи (ἔσῃ, Гал. боудеши).

XXIV, 6 еще живъ (приб.) сыи в галилѣи.

XXIV, 38 въсходять (ἀναβαίνουσιν, Гал. въходять).

Іоан. I, 39 часъ десятыи (Гал. година декятая). Греч. ὥρα перев. часъ и Іоан. V, 25.

I, 48 ѿ коудоу мя знаеши (πόθεν, Гал. како).

IV, 18 пять бо моужь (Гал. пять бо ихъ).

V, 28 оуслышать гласъ его (Гал. гласъ сн҃а бж҃ья).

V, 32 ꙗко истиньно есть свѣдѣтельсто его (приб.).

VI, 63 гл҃аахъ (λελάληκα; Гал. гл҃ю, λαλῶ).

XII, 14 ѡбрѣте же ісъ осла и вcase на не (Гал. обрѣтъ — въсѣде).

XIV, 25 сиꙗ гл҃ахъ (вамъ опущ.) въ васъ сыи.

XIV, 27 смїрение (εἰρήνην) ѡставлаю вамъ. Впрочемъ, далѣе въ семъ же стихѣ: миръ, какъ и въ Гал. Евангеліи.

XV, 14 елика (азъ опущ.) заповѣдаю вамъ.

XVII, 20 не ѡ сихъ же молю токмо, но и ѡ всѣхъ (приб.) вѣроующихъ. словесемъ ихъ в ма.

XVIII, 6 да ꙗкоже рѣ (имъ опущ.).

XVIII, 15 оучнкъ же тъ (бѣ опущ.) знаемъ архиерѣеви.

Не отмѣчены въ трудѣ архим. Амфилохія нерѣдкіе случаи двойного перевода греческихъ словъ въ семъ Евангеліи 1383 года. Въ предшествующемъ отдѣлѣ мы указали уже нѣкоторые случаи сего, именно Матѳ. XX, 2; XXVI, 39; Марк. XV, 45; Лук. II, 25; IV, 16; VI, 24; VII, 9; VIII, 23.

Отмѣчаемъ здѣсь и остальные случаи:

Матѳ. V, 44 и молите за творащиꙗ вамъ напасти пакостъ[1]) (ὑπὲρ τῶν ἐπηρεαζόντων ὑμᾶς).

V, 47 не ꙗзъчни (sic!) ли такоже творать. не ꙇмытытаре[1]) (sic!) ли такоже творать (соотв. греч. варіантамъ: ἐθνικοί и τελῶναι).

VI, 2 ꙗкоже лицемѣри покрити творать (οἱ ὑποκριταί).

IX, 3 сее хоулить се власфимисаеть (βλασφημεῖ).

XI, 25 въ тъ ча время[1]) (ἐν ἐκείνῳ τῷ καιρῷ).

XI, 27 ни ѡц҃а кто знаеть точию токмо (εἰ μὴ) сн҃ъ.

XIV, 1 въ то времѧ ѡно (ἐν ἐκείνῳ τῷ καιρῷ).

Марк. V, 22 и видѣвъ его паде на ногоу его на колѣноу его (πρὸς τοὺς πόδας αὐτοῦ).

---

[1]) Надъ словами пакостъ, мытытаре, времѧ, роженниꙗ поставлено по нѣскольку точекъ или черточекъ для означенія, что эти слова излишни или что они внесены въ текстъ съ поля правленой рукописи.

Лук. III, 7 изъчадьꙗ роженнꙗ[1]) ехиднова (γεννήματα).

IV, 9 верзися ѿсюдоу низъ долоу (κάτω).

V, 14 и тъ запрѣті заповѣда (παρήγγειλεν).

V, 27 и рѣ емоу гради иди по мнѣ (ἀκολούθει μοι).

VI, 41 а бервна еже есть во ѡчеси твоемь не видиши не чюеши (οὐ κατανοεῖς).

VI, 46 что же мѧ гл҃те зовете. г҃и г҃и (καλεῖτε).

VII, 6 еіце же емоу недалече соущоу. ѿ домоу его ѿ храмины (ἀπὸ τῆς οἰκίας).

VII, 27 иже оустроить оуготовить (κατασκευάσει) поуть твой предъ тобою.

Приведенныя нами разночтенія изъ Константинопольскаго Евангелія 1383 г., какъ и изъ другихъ списковъ, должны бы были, конечно, еще болѣе увеличить объемъ и безъ того обширныхъ томовъ изданія о. архим. Амфилохія. Но дѣло въ томъ, нѣтъ ли въ этомъ изданіи чего либо лишняго? Проф. и академикъ И. В. Ягичъ въ краткомъ отзывѣ о трудѣ архим. Амфилохія совершенно справедливо замѣтилъ, что «можно бы обойтись безъ подстрочнаго греческаго текста, тѣмъ болѣе безъ варіантовъ къ греческому тексту. Да и славянскіе варіанты содержатъ много лишняго: они могли бы быть сведены на половину (Archiv für slav. Philologie, 1883, VII: I, S. 153). Перечислять здѣсь все лишнее мы, конечно, не станемъ (а о греческомъ текстѣ рѣчь у насъ впереди). Но для образца приведемъ два-три случая. Матѳ. IX, 27: стоило ли указывать цѣлыхъ одинадцать списковъ изъ за того, что въ нихъ зват. п. с҃поу, тогда какъ въ Гал. Евангеліи с҃не? Или, Матѳ. XIII, 36—указывать пять списковъ изъ за того, что въ нихъ форма неполногласная: плевелъ нивънъихъ, а въ Гал. Евангеліи русская полногласная: половелъ нивьныхъ? Матѳ. XVI, 7 приводятся три списка съ написаніемъ: хлѣбь, хлѣ҃ (Гал. хлѣбъ). Къ чему? Всѣ подобныя особенности рукописей должны найти себѣ мѣсто въ филологическомъ ихъ описаніи. О. Архим. Амфилохій, впрочемъ, не предпосылаетъ изданію евангельскаго текста филологическаго описанія самыхъ рукописей. Въ предисловіи

къ 1-му тому (стр. XIV — XVI) приведены только записи изъ Галичскаго Евангелія. Здѣсь же сдѣлана ссылка на описаніе этой рукописи проф. Буслаева. Но къ удивленію своему здѣсь мы не встрѣтили упоминанія о классическомъ описаніи Синодальныхъ рукописей Горскаго и Невоструева, у которыхъ въ Отд. I, подъ № 20 значится Евангеліе Галичское 1144 г. Правда, большая часть древнихъ списковъ Евангелія уже описана, такъ что можно было бы ограничиться ссылками на авторовъ описанія. Но кромѣ древнихъ списковъ Евангелія о. Амфилохій приводитъ разночтенія еще изъ 37 болѣе позднихъ списковъ, XV—XVII в. своего частнаго собранія. По отношенію къ этимъ спискамъ мы, конечно, вправѣ желать отъ ученаго владѣльца ихъ болѣе или менѣе обстоятельныхъ свѣдѣній филологическихъ. О. Амфилохій ограничился (въ предисловіи къ I т.) только самымъ краткимъ означеніемъ своихъ рукописей, именно отмѣткою вѣка, формата и числа листовъ каждой рукописи.

IV.

Въ изданіяхъ важныхъ текстовъ главное дѣло точность. Что она въ трудѣ о. архим. Амфилохія далеко не представляетъ желаемой степени удовлетворительности, тому причиною, можетъ быть, служитъ то обстоятельство, что, какъ замѣчаетъ самъ издатель, «все напечатанное печаталось по исправленіи 1-й корректуры» (т. II, стр. 1000, подстрочн. прим.). Кто имѣлъ дѣло съ печатаніемъ церковнославянскихъ и греческихъ текстовъ, тотъ хорошо знаетъ, какъ трудно бываетъ и послѣ двухъ, иногда же и послѣ трехъ корректуръ, достигнуть вполнѣ безошибочнаго печатанія.— Столбцы опечатокъ греческаго текста помѣщены издателемъ въ концѣ II тома, славянскихъ—въ III томѣ. Но этимъ далеко не исчерпываются всѣ неточности изданія славянскихъ текстовъ,— неточности, конечно, не безразличныя для филолога. Представляемъ исправленіе замѣченныхъ нами опечатокъ въ изданіи текста Галичскаго Евангелія 1144 г. и другихъ списковъ.

Въ изданіи о. Амфилохія напечатано:	Въ рукописи Галичскаго Евангелія 1144 года:
Матѳ. I, 1 книгꙑ	книгꙑ
— 19 поуститі	поустіті
II, 4 архиереꙗ	арх҆иереꙗ
— въпришѧшесꙗ	въпрашаше ꙗ
III, 16 вїдѣхъ	відѣ
V, 19 миньи	мьн҆ьи
— 25 въвьржетьсꙗ	въвьржеть тꙗ
VI, 20 хранѧше	хранꙗше
IX, 20 прїнесоша	прінесошꙗ
X, 21 ѥси	ѥсі
XX, 1 запѧть	запꙗть
Марк. VI, 3 съ	сь
Лук. I, 41 вь чревѣ	въ чревѣ
V, 5 твоѥму	твоѥмоу
VIII, 56 ужасостасꙗ	оужасостасꙗ
XI, 13 оу него	оу нѥго
XII, 18 добро моѥ	доброѥ моѥ
XVII, 10 раби	рабі
XVIII, 8 дѣемѣ	дѣёмъ
XXII, 16 ѿ него	ѿ н҆ѥго
XXIII, 18 възъпїшꙗ	въз҆пішꙗ
— 40 въ том҆ же	в҆ том же
Іоан. X, 28 дамъ	даю
XII, 2 сътворшꙗ	сътворішꙗ
XIII, 4 въста	въставъ
XV, 15 вашъ	васъ
XVI, 4 вашъ	вамъ
— 18 гл҃аху же ѥсть	гл҃аху же что ѥсть
— 25 не обїноуꙗ сꙗ	не обіноуꙗ
XIX, 9 и іс҃ъ	иіс҃ъ
— 21 ако	ꙗко

Надстрочный значекъ҆, ставящійся часто надъ гласными и

согласными, въ изданіи о. Амфилохія почти вовсе не соблюденъ. Надъ гласнымъ і въ рукописи только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ ставятся двѣ точки; въ изданіи же о. Амфилохія і напечатано постоянно съ двумя точками на верху.

Предъ текстомъ Евангелія отъ Матѳея о. Амфилохій напечаталъ изъ Галичскаго списка 1144 г. «прѣдъсловьк стыхъ четъірь еѵалии». Въ этой статьѣ мы замѣтили слѣдующія опечатки противъ подлинника:

Въ изданіи о. Амфилохія:			Въ рукописи:
Стран.	Строк.		
XVII,	4 св.	радоватисѧ	радоватісѧ
—	12 св.	прѣдложь. ꙗко	прѣдъложь. ѧко
XVIII,	2 св.	съ котерою	съ котерою главою
—	13 св.	въ ніхже	въ ініхже [1])

Хотя о. Амфилохій въ предисловіи (стр. II, подстр. прим.) и говоритъ, что онъ соблюдалъ правописаніе словъ, выписываемыхъ изъ древнихъ Евангелій при разночтеніяхъ, но тѣмъ не менѣе въ его трудѣ не всегда соблюдается правописаніе и другихъ рукописей, кромѣ Галичскаго Евангелія. Такъ, кромѣ указанныхъ нами въ II отдѣлѣ опечатокъ,

		въ изданіи о. Амфилохія напечатано:	Въ рукописи написано такъ:
Матѳ. III,	4 Мст.	ꙗбредик	ꙗбрѣдик
VI,	17 —	елеимъ	елеимь
—	24 —	дроугаaго иметьсѧ	дръжгааго иметсѧ

[1]) Въ Предисловіи къ I тому изданія о. Амфилохія, вѣроятно, по ошибкѣ, невѣрно указаны годы печатныхъ изданій и рукописей. Такъ,

Стран.	Строк.	Напечатано:	Должно быть:
I	3 сн.	1571 *)	1581
V	12 сн.	1096	1092
—	9 сн.	1847	1846
VI	8 сн.	1854	1864
IX	9 св.	1387	1383

*) Тоже на стр. XIII, строк. 2 св. и въ самомъ заглавіи труда. Изданіе Новаго Завѣта Рейнекція въ заглавіи показано 1757 года (должно быть: 1737 года).

Матѳ. VI, — —	преобидить	прѣобидить
XI, 17 —	пипеловахомъ	пипелевахомъ
XVI, 27 —	за дш҃ѫ своѭ	за дш҃ю свою
XXV, 1 Сав.	приѩшѧ	приѧша
Марк. VI, 3 Зогр.	тектонь	тектонъ
X, 11 —	и гл҃а имъ	і гл҃а імъ
Лук. VIII, 45 Никол.	оутиснають	оутискають
XIX, 21 Мст.	ждѫже	оудоуже
XXIII, 40 Остром.	осоужении	осѫждении
XXIV, 43 —	ѣстъ	ѣсть
Іоан. III, 11 —	не прїемлете	не приѥмлете
VI, 9 Тип. 6	селицемъ	селицѣмъ
VI, 29 Зогр.	ї рече имъ	і рече імъ
VIII, 19 —	гл҃ахꙋ. . .оц҃ь твои	гл҃ахѫ. . . оц҃ь твоі
XI, 41 Остром.	идеже бо оумѣрꙑи лежа	идеже бѣ оумьрꙑи лежѧ
XII, 47 —	не вѣроуетъ	не вѣроуѥть
XXI, 15 —	овьцѧ моѧ	овьцѧ моѩ

Особенно часто не соблюдается правописаніе Константинопольскаго Евангелія 1383 г. Такъ,

въ изданіи о. Амфилохія напечатано:	Въ рукописи Константинопольскаго Ев. 1383 года:
Матѳ. IV, 6 [1]) сохранити тѧ	схранити тѧ
V, 32 ѿпоущаѧи	ѿпоущаѧи
VI, 34 дневи злоба	дн҃ии зло
VII, 2 возмѣритсѧ	възмѣритьсѧ
— 11 п҃всиꙑи	п҃выныи
— 14 скорбъныи	скоръбныи

---

1) О. Амфилохій въ разночтеніяхъ на это мѣсто замѣчаетъ: «въ Конст. Ев. 1383 г. и Ев. XV—XVII в. прибавлено: сохранити тѧ». Но когда нѣсколько списковъ имѣютъ одинаковое чтеніе, то текстъ принято приводить по первому изъ перечисляемыхъ списковъ. Это-то правило въ трудѣ о. Амфилохія не соблюдается. Впрочемъ, правописаніе Константинопольскаго Евангелія 1383 г. часто не выдержано и въ тѣхъ случаяхъ, когда приводится разночтеніе одного только этого списка.

VII, 15 ѿ ложныхъ	ѿ ложныихъ
VIII, 4 въ законѣ	в законѣ
— 8 подъ кровъ	подо кровъ
— 16 волѧщаѧ	волѧщаꙗ
— 17 исаиемъ г҃лющимъ	ӥсаемъ пр҃ркомъ глющемъ
— 27 къто сь	кто ѐсть се
— 28 гергесинскѹю	гергесиньскѹю
— 32 и се абие	ӥ абиѐ
IX, 4 лѫкаваѧ	лоукаваꙗ
— 9 г҃лемаго	г҃лема
X, 3 селевеи	селевѣи
XI, 7 колеблемъ	колѣблемъ
— 20 поношати	поносити
— 25 въ тъи ча҃	въ тъ ча҃
XII, 34 порожденїѧ	пороженниꙗ
XIII, 6 присвѣнѫ	присвѧноу
— 16 видѧтъ-слъıшатъ	видѧть-слышѧть
— 27 рѣшѧ	рѣша
— 35 ѿръıгноу	ѿриноу
XIV, 12 пришедше же	пришед'ше
— 15 въ ѡкрестныѧ веси	во веси ѡкр҃тныꙗ
— 36 въ скринию	въ скрынию
XV, 21 въ страны тγрскїѧ и сид...	въ страны тирьскыꙗ ӥ си-доскы (sic!)
XVI, 2 бъıвше	бывъше
— 24 грѧдетъ	грѧдѧть
XXI, 9 прѣдъходѧщіи емоу и въслѣдъствоующіи	предъходѧщей ѐмоу ӥ въслѣдъствоующей
XXIV, 36 б҃жии си	б҃ии си[1]
XXV, 5 кьснѧщоу	коснѧщю
XXVI, 39 на лици своиемъ	на лици своемь

[1]) Предъ б҃ии си въ рукописи оставлено немного мѣста (должно бы быть: н҃бнии!).

XXVI, 50 прїиде	прии́де
XXVII, 47 глашаѥть сьи	глашае́ть се
Марк. I, 9 въ днѣхъ онѣхъ	во ѡ́нѣхъ днехъ
— 21 въ сонмище	в сонми́ще
II, 10 нѫ не разоумѣете	но не разоумѣ́ете
III, 34 окрѫстъ себе сѣдѧщиꙗ	ѡ́крⷭ҇тъ себе сѣдѧщаꙗ́
IV, 8 всходѧщь	въсходѧщь
V, 7 возопи	възпи
VI, 50 смѧтошасѧ	смоутишасѧ
— 55 обтекше	ѡ́бытекъше
X, 9 сочета	сочта
— 19 не прелюбъı створиши... чьти	не прелюбы створиши... чти
XIV, 27 овьцѧ стадьнъıꙗ	ѡ́вца стадныꙗ́
Лук. I, 3 послѣдствовавшоу	послѣдьствовавшю
— 39 въ горнѧѧ	к̓ горнѧꙗ́
IV, 31 въ соуботоу	в соуботы
V, 5 въвергѫ	въвергоу
VII, 27 оуготовитъ	оуготовить
VIII, 24 вздвигоша, погибаемъ	въздвигоша, погыба́емъ
— 43 не возможе	не възможе
— 51 вънити	внити
IX, 19 ѿ дре́внихъ	ѿ древнии́хъ
— 25 пользоуетъ	пользоуе́ть
— 29 одѣѧнїе	ѡ́дѣа́ние́
X, 3 овца	ѡ́вца
XI, 7 не твори ми троудъı	не творї ми троуды
— 39 вноутрьнее... плъно грабленіꙗ и лоукавъства	вноутренее́ же ваше полно граблениꙗ́ и́ лоукавьства
XVIII, 5 троудъı	троуды
— 35 приближашасѧ	приближашесѧ
XIX, 17 благъıи рабе добрыи	бл҃гыи́ рабе и́ добрыи́
XX, 17 писаное се	писаньное́

XX, 31 не оставиша чѧдъ и оумроша	не ѡставиша ча҃ и҆ оумеръша
XXIII, 17 на всѧ҃ праздникъ	на всѧкъ празникъ
— 25 ѿпѫсти же	ѿпꙋстити же
— 41 воспрїемлевѣ... сеи же ни единого зла створи	въсприе́млевѣ. а си, ничтоже зла створи
XXIV, 43 въземъ... ѩстъ	въземъ... ѩ҆сть
Іоан. I, 28 въ вндаварѣ	въ виѳаварѣ
II, 6 водоноси, водоносци	водни҆ци
— 9 створшюѭсѧ	створъшюю҆сѧ
IV, 2 і҃с	і҃съ
— 23 въ дх҃ѣ	въ дс҃ѣ
— — таковыхъ... покланѧющихсѧ	тацѣхъ . . . покланѧющихъсѧ
— 34 да сътворю	да створю
— 35 бѣлы	бѣлы
V, 6 въ недоузѣ	в недоузѣ
— 15 сътворивыи	створивый
VI, 23 благодарившю го҃у	благодарившоу го҃у
— 25 здѣ бысть	зде бы҃
VIII, 10 наваждахоу	наважаа҆хоу
— 30 сиѩ	си
— 59 хождаше	хожаа҆ше
XI, 22 елико	е҆лика
— 48 и ѧзыкъ нашъ	и҆ ѩ҆зыкъ нашь
XIII, 16 посланникъ	посланъникъ
XIX, 13 сїє слово	се слово
XXI, 9 лежѧще	лежаще.

V.

Параллельно съ текстомъ Галичскаго списка, строка въ строку и стихъ въ стихъ, напечатанъ у о. Амфилохія греческій текстъ Евангелія по рукописи преосвящ. Порфирія 835 года; за тѣмъ, послѣ разночтеній славянскихъ списковъ Евангелія приводятся

греческія разночтенія по двумъ рукописямъ Евангелія X—XI в. гр. Орлова-Давыдова, принадлежащимъ теперь Московской Синодальной библіотекѣ, по спискамъ Евангелія 1144 и 1272 гг. и по печатнымъ изданіямъ Рейнекція (1737 г.) и Тишендорфа (1854 г.). Но въ означенныхъ рукописяхъ и печатныхъ изданіяхъ нѣтъ нѣкоторыхъ греческихъ варіантовъ (напр. Матѳ. VII, 8; VIII, 13; XIII, 20; XXV, 18, 20, 29; Марк. VII, 23, 30; Лук. IV, 8; XVII, 37: XVIII, 26; XXII, 30), служащихъ для объясненія славянскихъ разночтеній и указываемыхъ въ другихъ критическихъ изданіяхъ евангельскаго текста, каковы Миллія, Грійзбаха, Маттея, Шольца и особенно послѣднее Тишендорфовское изданіе (editio octava critica major, Vol. I, Lipsiae, 1869), въ которомъ однихъ древнихъ греческихъ кодексовъ не позднѣе X в. (codices unciales) принято пятьдесятъ два. Такъ какъ прямую задачу о. Амфилохія по отношенію къ греческимъ разночтеніямъ должно было составлять отысканіе такого греческаго текста, который послужилъ оригиналомъ для древняго славянскаго перевода, содержащагося въ Галичскомъ четвероевангеліи 1144 года и въ другихъ древнихъ славянскихъ спискахъ Евангелія, и затѣмъ отысканіе греческихъ варіантовъ, которыми руководствовались послѣдующіе исправители славянскаго перевода или новые переводчики, то пользованіе означенными выше критическими изданіями Евангелія и особенно послѣднимъ Тишендорфовскимъ, безъ сомнѣнія, только придало бы бо́льшую цѣнность труду почтеннаго археолога. Что касается отношенія Галичскаго Евангелія 1144 года къ греческому тексту 835 года, то нашъ списокъ нерѣдко расходится съ означеннымъ греческимъ Евангеліемъ, заставляя предполагать вліяніе другого рода греческихъ списковъ. И въ самомъ дѣлѣ, тщательное сличеніе Галичскаго списка и другихъ древнихъ рукописей Евангелія съ греческимъ текстомъ по разнымъ оного спискамъ (особенно въ послѣднемъ изданіи Тишендорфа) показываетъ, что вопреки мнѣнію еще Добровскаго, которому, впрочемъ, древнѣйшіе славянскіе списки Евангелія и не были еще извѣстны, славянскій переводъ въ разсматривае-

мыхъ рукописяхъ весьма часто слѣдуетъ чтеніямъ древнѣйшихъ греческихъ кодексовъ Евангелія IV—VI в.: Синайскаго, Александрійскаго, Ватиканскаго, Ефремовскаго и Кембриджскаго. Тоже самое замѣчено нами относительно древняго славянскаго перевода Апостола (въ нашемъ изслѣд. «Древній славянскій переводъ Апостола и его судьбы до XV в.» М. 1879). Послѣдующія славянскія редакціи Евангелія стоятъ уже гораздо ближе къ греческимъ спискамъ IX и слѣдующихъ вѣковъ. Исправители древняго славянскаго перевода Евангелія имѣли въ виду, между прочимъ, кажется, именно ту цѣль, чтобы привести славянскій переводъ въ возможно-большее согласіе съ греческими списками, бывшими въ ихъ время въ употребленіи въ церкви Константинопольской.

Отмѣтимъ греческіе варіанты, служащіе для объясненія славянскихъ разночтеній и въ изданіи архим. Амфилохія неуказанные:

Матѳ. VII, 8 ἀνοίγεται, по Тишендорфу, въ Ватик. код., коптск. и сирск. перев. (вмѣсто общепринятаго ἀνοιγήσεται), соотвѣтственно чему въ Галичск. Евангеліи чит. **и тлъкоущемоу ѿврзаетьсѧ.**

VIII, 13 въ концѣ стиха прибавлено: *καὶ ὑποστρέψας ὁ ἑκατοντάρχος εἰς τὸν οἶκον αὐτοῦ εὗρεν αὐτὸν ὑγιαίνοντα* — въ Ефрем. Баз. и нѣкоторыхъ другихъ кодексахъ, въ сир. и еѳ. перев., соотвѣтственно чему прибавлено въ Конст. Ев. 1383 года: **и възвращьсѧ и҆ сотникъ въ домъ свои ѡбрѣте кго здрава.**

XIII, 20 въ двухъ спискахъ по Шольцу читается λαμβάνει (вм. общепринятаго λαμβάνων), соотвѣтственно чему въ *Арх. 2.* Карп. Никол. и въ спискахъ Библіи, какъ и въ нынѣшнемъ текстѣ—**приємлеть.** Списки же Гал. Зогр. *Мар.* Мст. Тип. 1. 6. Конст. *Никон.* имѣютъ: **приємлѧ** (λαμβάνων).

XXV, 18 ὤρυξεν γῆν — въ Син. Ват. и другихъ кодексахъ (Гал. **раскопавъ землю**).

XXV, 20 опущено τάλαντα въ Син. и друг. кодекс., соотвѣтственно чему опущ. въ двухъ мѣстахъ слово **талантъ** въ Конст. Евангеліи 1383 г.

XXV, 29 прибавлено въ концѣ стиха: ταῦτα λέγων ἐφώνει ὁ ἔχων ὦτα ἀκούειν ἀκουέτω—въ нѣкоторыхъ греческихъ спискахъ, особенно апракосахъ (въ изданіи о. Амфилохія прибавленныя слова приводятся неполно, соотвѣтственно чему въ Остром. Тур. Мст. Тип. 6—въ нед. 16-ю прибавлено: **се гл҃ѧ възглаcи . имѣꙗ оуши слъıшати да слъıшить.**

Марк. VII, 23 въ концѣ стиха прибавлено въ нѣкоторыхъ греческихъ евангеліяхъ-апракосахъ: εἴ τις ἔχει ὦτα ἀκούειν, ἀκουέτω (сл. ст. 16), соотвѣтственно чему въ Мст. Юр. Тип. 6., также въ Зогр. и *Лавр.* прибавлено: **аще кто имать оуши слъıшати да слъıшить.**

VII, 30 εὗρεν τὸ παιδίον—въ Син. Ват. и другихъ кодексахъ, соотвѣтственно чему въ Гал. **обрѣте отроковицю** (нынѣ—**дщерь,** τὴν θυγάτερα, какъ читается въ Александр. и многихъ другихъ кодексахъ).

Лук. IV, 8 κύριον τὸν θεόν σου προσκυνήσεις (съ перестановкою противъ напечатаннаго греч. текста въ изданіи о. Амфилохія)—въ Син. Ват. Ефр. и въ очень многихъ другихъ спискахъ и древнихъ переводахъ, каковому словорасположенію слѣдуетъ Галичское Евангеліе.

XVII, 37 въ нѣсколькихъ спискахъ у Шольца и одномъ у Маттея въ концѣ 37-го ст. прибавлены послѣднія слова Лук. XVIII, 8, соотвѣтственно чему въ Мст. (вторн. 10-й нед.), Тип. 6. *Арх. 2.* и *Лавр.* къ послѣднимъ словамъ 37-го ст. прибавлено: **ѡбаче сн҃ъ ч҃лвчь пришьдъ аще обрѧщеть вѣроу на земли.**

XVIII, 26-й ст. въ нѣкоторыхъ спискахъ у Шольца и одномъ у Маттея начинается такъ: λέγουσιν αὐτῷ οἱ μαθηταὶ αὐτοῦ (вм. общепринятаго οἱ ἀκούσαντες), соотвѣтственно чему въ Мст. въ среду 10-й нед., Тип. 6. *Арх. 2.* и *Лавр.* читается: **рекоша же кмоу оученици кго.** Впрочемъ, и Мст. съ другими апракосами—въ нед. 13-ю имѣетъ тоже чтеніе, что въ Гал. **слъıшавъшеи.**

XXII, 30 опущенныя въ греческомъ спискѣ 835 г. у о. Амфилохія слова ἐν τῇ βασιλείᾳ μου читаются въ Син. Алекс. Ват. и въ весьма многихъ греч. кодексахъ (Гал. **въ цр҃сьи моемь**).

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XL, № 5.

ИЗЪ УЧЕНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ СПИРИДОНА ЮРЬЕВИЧА ДЕСТУНИСА.

ЕГО ПЕРЕВОДЪ

СРАВНИТЕЛЬНЫХЪ ЖИЗНЕОПИСАНІЙ ПЛУТАРХА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр. 9-я лин., № 12.
1886.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Декабрь 1886 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*

Нѣсколько словъ вступительныхъ.

Молодой грекъ, родомъ изъ Кефалоніи, бывшій студентъ Московскаго университета, находясь на службѣ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, перевелъ въ первой четверти нашего столѣтія съ греческаго языка на русскій Плутарховы «Жизнеописанія славныхъ мужей». Это былъ отецъ мой — Спиридонъ Юрьевичъ Дестунисъ. Означенный трудъ въ свое время обратилъ на себя благосклонное вниманіе правительства и журнальной критики. Дальнѣйшая судьба этого труда представляетъ много страннаго и вмѣстѣ характеристичнаго и не должна оставаться неизвѣстною. Самое произведеніе это, насколько мнѣ извѣстно, не подверглось, въ цѣлости своей, дѣльному гласному разбору, хотя оно того и заслуживало. Я вообще считаю своимъ долгомъ и передъ Россіей, которая уже болѣе одного столѣтія стала нашимъ отечествомъ, и передъ памятью нашего отца, который братьевъ моихъ и меня самъ и училъ и воспитывалъ, познакомить читателей, интересующихся памятниками прошедшаго, съ литературною дѣятельностью нашего отца. Начну съ перевода Плутарха, и во-первыхъ представлю извлеченіе изъ имѣющихся у насъ рукописныхъ свѣдѣній, присовокупляя къ нимъ и извѣстія печатныя, во-вторыхъ постараюсь познакомить читателей съ самымъ переводомъ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Свѣдѣнія о переводѣ жизнеописаній Плутарха С. Ю. Дестунисомъ — судьба изданія.

Въ «Дневникѣ», веденномъ моимъ отцомъ въ Москвѣ 1808 г., послѣ первыхъ словъ, въ которыхъ онъ даетъ самому себѣ отчетъ, для чего онъ началъ вести дневникъ, слѣдуетъ такое признаніе: «Я съ удовольствіемъ читаю Плутарха; нельзя найти болѣе важности, простоты и пріятности ни въ какомъ авторѣ». Дальше выписаны мѣста изъ этого писателя, то на русскомъ, то на греческомъ языкѣ, и замѣтки на нихъ составителя «Дневника» [1]). Да и вообще, бесѣдуя съ самимъ собою о разныхъ вопросахъ, занимавшихъ его молодую душу, онъ часто въ своемъ «Дневникѣ» 1808 г. переплетаетъ собственныя свои мысли и чувства съ мыслями и чувствами Плутарха. Значитъ, въ началѣ 1808 г., а вѣроятно и раньше того, Плутархъ былъ любимымъ писателемъ Спиридона Юрьевича, хотя ему тогда уже были извѣстны и классики грековъ и римлянъ, и мыслители новыхъ временъ. Глубокое сочувствіе къ Плутарху выражено С. Ю—чемъ шесть лѣтъ послѣ приведенныхъ замѣтокъ въ предисловіи къ полному изданію его перевода Жизнеописаній Плутарха [2]).

....«Въ сей эпохѣ, пишетъ онъ въ 1814 г., въ которой Омиръ, Виргилій, Тацитъ, Саллустій и другіе великіе писатели, образцовые въ своемъ родѣ, находятъ достойныхъ переводчиковъ [3]), удивительно, что забытъ Плутархъ, изо всѣхъ, можетъ быть, полезнѣйшій, Плутархъ, который прославилъ хорошаго переводчика, когда только его имѣлъ».

Изъ замѣтокъ, записанныхъ С. Ю—чемъ въ 1847 г., за годъ до его кончины, или въ 1848 г., въ послѣднемъ году его

---

[1]) Изъ начала книжки, писанной рукою отца, которую мы озаглавили его «Дневникомъ»; тамъ отмѣчено: «6 февраля 1808 г.. въ Москвѣ».

[2]) Собственно въ «Краткомъ Извѣстіи», помѣщенномъ въ началѣ 1-й части полнаго изданія Ж. Пл. 1814 г. См. стр. LXIII—IV.

[3]) Дѣло идетъ о Россіи и русской литературѣ. Г. Д.

жизни, узнаемъ, что «онъ осмѣлился предпринять переводъ на русскій языкъ Жизнеописаній Плутарха по совѣту людей, занимавшихся литературой. Предпріятіе конечно дерзкое, приписываетъ онъ вслѣдъ за тѣмъ, по огромности труда, по трудности автора, по множеству свѣдѣній, которыя надлежало имѣть и проч. и проч. По крайней мѣрѣ молодому человѣку нельзя отказать въ предпріимчивости, но отнюдь не въ предусмотрительности, ибо всякій принявшійся за переводъ тогда, какъ и теперь[1]), долженъ дать себѣ вопросъ: а что я буду дѣлать съ своимъ переводомъ? кто будетъ его печатать — кто будетъ наконецъ читать? здѣсь кстати повторить золотыя слова критика: *Трудъ всегда почтенъ, но при видѣ человѣка, трудящагося надъ дѣломъ, въ которомъ другимъ нѣтъ ни нужды, ни пользы — становится жаль потеряннаго труда и растраченныхъ силъ.* Но что будешь дѣлать, охота пуще неволи!»[2]).

Изъ приведенныхъ признаній старца мы узнаемъ, что въ этомъ предпріятіи его молодости онъ сначала не имѣлъ увѣренности въ томъ, что получитъ отъ кого-либо поддержку.

Однакожъ ему посчастливилось. Нашелся сильный покровитель въ лицѣ государственнаго канцлера, Николая Петровича *Румянцева*, подъ главнымъ начальствомъ котораго онъ служилъ, въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Въ рукописной статьѣ С. Юрьевича читаемъ:[3]) «Дѣло о переводѣ Плутарха не осталось безъ вниманія людей, въ то время значительныхъ и извѣстныхъ по своей любви къ просвѣщенію въ Россіи. Сынъ Задунайскаго героя былъ человѣкъ очень начитанный: Плутархъ былъ ему знакомъ. Переводъ нѣкоторыхъ жизнеописаній препровожденъ[4]) въ Министерство Народнаго Просвѣщенія для

---

[1]) *Тогда* въ 1808—9 гг.; *теперь* въ 1847 г. Г. Д.

[2]) Выписка эта сдѣлана нами изъ одной черновой статьи отца, вызванной одною выходкой Отечественныхъ Записокъ; мы будемъ называть его статью «Черновымъ Отвѣтомъ 1847 г.», хотя этотъ «отвѣтъ» можетъ-быть написанъ и въ 1848 г., т. е. въ послѣднемъ году его жизни. Г. Д.

[3]) Въ «Черновомъ Отвѣтѣ 1847 г.».

[4]) Дополняемъ: «изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ». Г. Д.

разсмотрѣнія. Министерство поручило Ивану Ивановичу Мартынову разсмотрѣть его. Въ это самое время переводчикъ узналъ, что Мартыновъ занимался переводомъ греческихъ классиковъ, въ томъ числѣ и Плутархомъ. Мартыновъ имѣлъ важное мѣсто и былъ чрезвычайно занятъ: держалъ переводъ долго. Бывъ съ нимъ нѣсколько знакомъ, переводчикъ былъ у него, дабы узнать, что онъ думаетъ о переводѣ. Иванъ Ивановичъ былъ человѣкъ кроткій, но довольно холодный. Онъ сказалъ переводчику, что *читалъ начало и что находитъ очень гладкимъ* (это были жизни Агесилая и Помпея, Кимона и Лукулла)[1]). Мартынова нѣтъ болѣе, словамъ переводчика можно вѣрить и не вѣрить, но офиціальный отзывъ существуетъ гдѣ-нибудь — и безъ этого одобрительнаго отзыва переводъ Плутарха остался бы до сихъ поръ въ рукописи. При этомъ случаѣ нельзя не замѣтить благородства души Мартынова. Онъ одобрилъ переводъ, который дѣлалъ ему подрывъ, хотя могъ уничтожить однимъ словомъ труды человѣка безъ имени въ литературѣ»[2]).

Изданіе, о которомъ тутъ говорится, относится къ 1810 г.; а въ 1812 г. графъ Румянцевъ, бывшій, какъ сказано, и главнымъ начальникомъ переводчика и покровителемъ его ученаго труда, вышелъ въ отставку. Отставка, какъ извѣстно, не помѣшала Румянцеву поощрять научныя работы: имѣя больше досуга, онъ могъ посвящать и больше вниманія «благому просвѣщенію»[3]). Предпріятія его въ области знанія составляютъ блестящую страницу въ исторіи русской образованности[4]). Между

---

[1]) Такъ какъ упомянутыя въ этомъ извѣстіи жизнеописанія помѣщаются въ 1-й и во 2-й частяхъ изданія 1810 г., то этотъ отзывъ Мартынова очевидно касался только этого изданія. Г. Д.

[2]) Черн. Отвѣтъ 1847 г.

[3]) Намъ памятна исчезнувшая съ бывшаго зданія Румянцевскаго музея, что̀ на Англійской набережной, надпись: «*Отъ Государственнаго Канцлера Румянцова на благое просвѣщеніе.*

[4]) Ученыя предпріятія его изложены между прочимъ въ сочиненіи А. Д. Ивановскаго: *Государственный Канцлеръ графъ Николай Петровичъ Румянцовъ. Біографическій очеркъ съ приложеніями.. Спб. 1871.* См. особенно стр. 29 44, 45. Объ Эллино-Русскомъ словарѣ тутъ не упомянуто.

нимп есть одно, очень мало извѣстное, но очень замѣчательное: Румянцевъ задумалъ составленіе «*Эллино-Русскаго словаря*» и поручилъ работу Дестунису. Книга эта была написана вся, на всѣ буквы греческой азбуки и министерствомъ народнаго просвѣщенія одобрена. Сверхъ того, отца же моего имѣлъ въ виду Румянцевъ для перевода «*Византійской Исторіи Льва Діакона Калойскаго*»: но вслѣдствіе отправки С. Юрьевича по службѣ за границу въ 1818 г. этотъ трудъ вмѣсто него былъ порученъ профессору Дмитрію Прокофьевичу Попову, который его и исполнилъ [1]).

Въ 1814 г. была напечатана 1-я часть полнаго изданія перевода Плутарховыхъ Жизнеописаній. Здѣсь, въ Краткомъ Извѣстіи, находимъ нѣсколько свѣдѣній, не лишенныхъ занимательности, которыя мы выпишемъ:

«За четыре года, пишетъ переводчикъ, я издалъ нѣсколько избранныхъ Жизнеописаній для опыта. Оныя были удостоены всемилостивѣйшаго Его Императорскаго Величества воззрѣнія, и многія особы, извѣстныя своею ученостію, не менѣе какъ и знаменитостію сана своего, увѣрили меня, что мой переводъ былъ имъ непротивенъ. Ободренный симъ благосклоннымъ отзывомъ, я получилъ новыя силы къ продолженію долговременнаго и труднаго занятія — я рѣшился перевесть, какъ жизнеописанія Плутарха, такъ и лучшія изъ другихъ его сочиненій. Я почитаю долгомъ благодарности трудиться для общества, которому обязанъ образованіемъ. Но при всей своей охотѣ перевесть сочиненія Плутарха — находясь почти на концѣ своего подвига, признаюсь, что для славы сего великаго человѣка, для пользы Россійской Словесности, для большаго удовольствія любителей чтенія, рѣ-

---

[1]) Эллино-Русскій словарь моего отца остался неизданнымъ и пропалъ. Второй трудъ, задуманный Румянцевымъ, вышелъ подъ заглавіемъ: *Исторія Льва Діакона Калойскаго и другія сочиненія Византійскихъ писателей, изданныя въ первый разъ и объясненныя примѣчаніями Карломъ Бенедиктомъ Газе; перевелъ съ греческаго Д. Поповъ. Спб. въ типографіи Академіи Наукъ 1820 г.* Мы намѣрены издать нѣсколько документовъ, касающихся этихъ двухъ предпріятій Румянцева.

шился бы, послѣ пятилѣтнихъ трудовъ, отстать отъ своего предпріятія, коль скоро бы удостовѣрился, что искуснѣйшій человѣкъ занимается таковымъ переводомъ» [1]).

Приведенная выписка нуждается въ поясненіи. Упомянутыя въ ней нѣсколько жизнеописаній, изданныя для опыта, — это то самое изданіе, о которомъ мы говорили (стр. 4, прим. 1): оно озаглавлено такъ: *Плутарховы сравнительныя жизнеописанія славныхъ мужей. Переводъ съ греческаго. Печатано по Высочайшему повелѣнію. Въ Санктпетербургѣ. Въ типографіи Шнора, 1810.* Всего *два тома* въ 8-ую. Въ 1-мъ томѣ такое посвященіе: «Его Величеству Императору и Самодержцу Всероссійскому Александру Павловичу съ благоговѣніемъ подноситъ начатки трудовъ своихъ вѣрноподданнѣйшій Спиридонъ Дестунисъ». Ни посвятительнаго письма, ни предисловія нѣтъ. Въ 1-мъ томѣ помѣщены: «Агесилай, Помпей, Алкивіадъ, Коріоланъ»; во 2-мъ томѣ: «Кимонъ, Лукуллъ, Аристидъ, Катонъ Цензоръ». Это изданіе, первое по времени, я буду называть *пробнымъ*. Изданіе же, изъ котораго заимствована послѣдняя выписка и котораго начало появилось въ 1814 г., я буду называть *полнымъ*. Оно озаглавлено слѣдующимъ образомъ: *Плутарховы сравнительныя жизнеописанія славныхъ мужей. Перевелъ съ греческаго Спиридонъ Дестунисъ, съ Историческими и Критическими примѣчаніями, съ Географическими картами и изображеніями славныхъ мужей. Печатано по Высочайшему повелѣнію. Санктпетербургъ.* Оно выходило съ 1814 г. по 1820-й; всего 13 частей, въ 8-ую; печаталось въ 4-хъ разныхъ типографіяхъ. Въ 1-й части находится прежде всего посвятительное письмо переводчика Государю Александру I, потомъ «Краткое Извѣстіе о сочиненіяхъ и жизни Плутарха (стр. I — LXXVI)». Изъ сихъ 13 частей первыя *шесть* печатались подъ наблюденіемъ самого переводчика до 1818 г.; а остальныя *семь* подъ чужимъ наблюде-

---

[1]) Изъ Краткаго Извѣстія о сочиненіяхъ и жизни Плутарха (помѣщеннаго въ началѣ I части полнаго изданія). Стр. LXVII—LXIX.

ніемъ, что̀ и отразилось на нихъ очень невыгоднымъ образомъ, какъ увидимъ ниже.

Дальше, въ сдѣланной нами выпискѣ говорится объ «особахъ, извѣстныхъ своею ученостію, не менѣе какъ и знаменитостію своего сана», одобрившихъ его трудъ. Мы можемъ назвать только Румянцева, о которомъ уже упомянули, и Оленина, о которомъ рѣчь еще впереди: другихъ мы не знаемъ; Стурдза еще самъ былъ молодымъ человѣкомъ, а Каподистрія, къ которому сейчасъ перейдемъ, не настолько знакомъ былъ съ русскимъ языкомъ, чтобъ самому быть цѣнителемъ этого труда со стороны его литературныхъ достоинствъ и недостатковъ.

Потомъ С. Юрьевичь пишетъ, какъ мы видѣли, что онъ «рѣшился перевесть, какъ жизнеописанія Плутарха, такъ и лучшія изъ другихъ его сочиненій». Переводъ «Жизнеописаній» былъ доведенъ имъ до конца; изъ другихъ же сочиненій Плутарха намъ извѣстно только одно имъ переведенное. Это то, которое было читано въ Обществѣ Любителей Словесности Наукъ и Художествъ 16 мая и 13 іюня 1812 г., подъ заглавіемъ: «*О щастіи Римлянъ, изъ сочиненій Плутарха вольный переводъ*». Эта статья, писанная рукою моего отца, найдена мною въ бумагахъ упомянутаго Общества, хранящихся въ Библіотекѣ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета. О томъ, что бумаги Общества находятся въ этой библіотекѣ, сообщилъ мнѣ г. библіотекарь ея Карлъ Германовичъ Залеманъ, благодаря которому я могъ разсмотрѣть бумаги Общества, за что приношу г. библіотекарю глубокую благодарность [1]).

Наконецъ въ томъ же отрывкѣ, взятомъ нами изъ Краткаго Извѣстія къ 1-й части перевода 1814 г., С. Ю—чь высказалъ, «что рѣшился бы послѣ пятилѣтнихъ трудовъ отстать отъ своего предпріятія, коль скоро бы удостовѣрился, что искуснѣйшій че-

---

[1]) Изъ бумагъ Общества я узналъ, что Спиридонъ Юрьевичь Дестунисъ былъ выбранъ членомъ онаго 28 Марта 1812 г.; между бумагами Общества есть еще четыре собственноручныя его работы, не имѣющія отношенія къ нашему предмету.

ловѣкъ занимается таковымъ переводомъ»[1]). Какъ понимать эти пять лѣтъ труда? такъ какъ авторъ напечаталъ свое Краткое Извѣстіе въ 1814 году, то начало перевода должно отнести къ 1809 г.; въ такомъ случаѣ на переводные отрывки изъ Плутарха, находящіеся въ его «Дневникѣ 1808 г.», нужно смотрѣть лишь какъ на плоды его досуга, еще не получившіе характера систематическаго предпріятія. И еще вопросъ: подъ искуснѣйшимъ человѣкомъ не разумѣетъ ли С. Ю—чь опредѣленное лицо? Сопоставляя приведенную мысль его съ упомянутымъ раньше свѣдѣніемъ, что Мартыновъ между прочими классиками переводилъ и Плутарха, можно предположить, что и здѣсь имѣется въ виду Мартыновъ. Не могъ С. Ю—чь такъ высоко цѣнить Сферина, своего помощника по составленію Эллино-Русскаго Словаря, чтобъ предвидѣть въ немъ будущаго переводчика такого энциклопедиста, какъ Плутархъ; и отнюдь не могъ намекать на Дмитрія Прокофьевича Попова, который, какъ мы ниже покажемъ, въ 1814 г. только кончалъ свой курсъ въ педагогическомъ институтѣ.

Два года спустя послѣ напечатанія 1-й части полнаго изданія перевода Плутарховыхъ Жизнеописаній, въ сентябрѣ 1816 г. представлена была статсъ-секретаремъ графомъ Иваномъ Антоновичемъ *Каподистріей* на Высочайшее имя докладная записка о вознагражденіи Дестуниса за переводъ, имъ уже оконченный и представленный. Этотъ документъ относится къ той эпохѣ политической дѣятельности Каподистріи, когда онъ, вслѣдствіе заслугъ, оказанныхъ имъ Россіи за все время ея трудной борьбы съ Наполеономъ, пользовался большимъ довѣріемъ Александра I.

С. Юрьевичь Дестунисъ сталъ лично знакомъ съ графомъ Каподистріей со времени пріѣзда послѣдняго въ Россію въ началѣ 1809 г. За два почти года перваго пребыванія Каподистріи въ Петербургѣ, онъ кромѣ греческихъ и молдавскихъ семействъ, здѣсь поселившихся, по собственному его признанію не

[1]) Краткое извѣстіе, полнаго изданія Плутарха 1814 г. Ч. I. стр. LXIX.

сдѣлалъ никакихъ другихъ знакомствъ. Скудость его средствъ, его плохое здоровье, а еще болѣе его любовь къ уединенной жизни и къ умственнымъ занятіямъ не позволяли ему искать разсѣяній въ обществѣ. Большую часть своего времени онъ проводилъ у себя въ комнатѣ за книгами[1]). Въ это самое время (1809—1811) между нимъ и С. Ю—чемъ установились глубокое взаимное довѣріе и искренняя пріязнь, впослѣдствіи никогда не поколебавшіяся. Сближенію ихъ, безъ сомнѣнія, содѣйствовали преданность ихъ интересамъ Россіи и надежда нравственнаго и умственнаго возрожденія грековъ при помощи этого ихъ новаго могущественнаго отечества.

Сдѣлавшись довѣреннымъ лицомъ Императора Александра I, Каподистрія сталъ оказывать ученымъ трудамъ своего подчиненнаго С. Ю—ча то покровительство, котораго почипъ принадлежитъ графу Румянцеву. Вотъ какъ гласитъ упомянутая докладная записка[2]).

«Его Величеству Государю Императору. Коллежскій ассесоръ Дестунисъ, служившій пять лѣтъ въ канцеляріи Департамента Иностранныхъ Дѣлъ, независимо отъ постояннаго усердія, съ какимъ онъ всегда исполнялъ свои обязанности, сверхъ того оказалъ заслугу Государству и литературѣ своимъ переводомъ Плутарховыхъ Жизнеописаній славныхъ мужей, который имъ нынѣ оконченъ, и составленіемъ Эллино-Русскаго Словаря, сочи-

---

[1]) См. *Записку графа Іоанна Каподистрія о его служебной дѣятельности.* Она написана имъ самимъ по-французски и помѣщена въ подлинникѣ и въ переводѣ К. К. Злобина въ Сборникѣ Русскаго Историческаго Общества, т. 3. Спб. 1868. См. стр. 168 и 169. Сравни: Notice biographique du comte Capodistrias, стр. 13 и 17, помѣщ. въ Correspondance du comte J. Capodistrias, Président de la Grèce. Genève, Paris, 1839, и русское изложеніе той же біографіи, нѣсколько отличающееся отъ французскаго: Воспоминанія о жизни и дѣятельности графа И. А. Каподистріи. Сочиненіе А. С. Стурдзы. Москва, 1864. на стр. 15 и 19.

[2]) Написанная на французскомъ языкѣ, она у меня находится въ копіи, сдѣланной рукою отца. Надъ запиской его же рукою надписано по-русски: Копія съ Докладной Записки статсъ-секретаря графа Каподистріи отъ ... Сентября 1816 года. Приводимый здѣсь переводъ сдѣланъ мною.

ненія, еще не изданнаго, каковое недоставало для воспитанія юношества въ Россіи, и которому Министерство Народнаго Просвѣщенія воздало письменно самое выгодное свидѣтельство [1]). Первое изъ сихъ произведеній, а именно переводъ Плутарха, печатается на счетъ казны и въ пользу переводчика. Но въ виду того, что изданіе подвигается лишь очень медленно и дошло еще только до четвертаго тома [2]), между тѣмъ какъ девять слѣдующихъ находятся доселѣ въ рукописи, коллежскій ассесоръ Дестунисъ, какъ въ воздаяніе за оказанныя имъ заслуги, такъ и по скудости своихъ средствъ, и въ виду обязанностей, возлагаемыхъ на него содержаніемъ его семейства, осмѣливается повергнуть Вашему Императорскому Величеству нижеизложенную всепокорнѣйшую просьбу: Дабы Ваше Величество повелѣть соизволили Вашему Кабинету озаботиться напечатаніемъ сего труда, съ тѣмъ чтобъ деньги, выручаемыя съ продажи тысячи экземпляровъ, изъ коихъ состоитъ сіе изданіе, достались Комитету Инвалидовъ. За вычетомъ же издержекъ печатанія, выгода отъ продажи была бы назначена въ пособіе инвалидамъ, что можетъ дойти до суммы довольно значительной, такъ какъ итогъ выручки могъ бы составить по меньшей мѣрѣ 40,000 руб., по 40 руб. экземпляръ, состоящій изъ 13 томовъ въ 8^0. Въ самомъ дѣлѣ Комитетъ Инвалидовъ обладаетъ по видимому многочисленнѣйшими способами зарекомендовать этотъ трудъ въ мнѣніи общественномъ, нежели тѣ, которые можетъ имѣть такое одинокое лицо безъ связей, каковъ переводчикъ. Въ вознагражденіе за сіе пожертвованіе переводчикъ желалъ бы получить отъ щедротъ В. И. В. отвода [3]) тысячъ десятинъ земли по своему выбору

[1]) Объ Эллино-Русскомъ словарѣ см. стр. 5 и прим. 1.

[3]) 4-я часть была разрѣшена цензоромъ 4 Февраля 1816 г. и въ этомъ же году напечатана; 5-я часть была пропущена цензоромъ 15 Марта 1817 г. и напечатана въ томъ же году; 6-я разрѣшена 9 Марта 1817 г. и напечатана въ 1818. См. эти части полнаго изданія. Г. Д.

[3]) Въ копіи, съ которой мы это списали, находится въ этомъ мѣстѣ пробѣлъ. Въ указѣ, который сейчасъ будетъ нами приведенъ, назначено 2 тысячи десятинъ земли.

въ одной изъ внутреннихъ губерній. Сверхъ того, такъ какъ означенный чиновникъ исполнилъ нынѣ старательно порученный ему мною переводъ на русскій языкъ донесенія объ Институтѣ г. Фелленберга, равно какъ и разныхъ статей касательно элементарнаго обученія, то я осмѣлюсь просить В. И. В. соизволить пожаловать ему, какъ недавно пожаловано его сослуживцамъ,— орденъ Св. Анны 2-й степени» [1]).

За этой докладной запиской послѣдовало въ томъ же 1816 году декабря 6-го отношеніе по поводу выдачи С. Ю. Дестунису 2 т. десятинъ земли за переводъ Плутарха, такого содержанія [2]).

«Его Императорское Величество снисходя на просьбу вѣдомства Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ коллежскаго ассесора Дестуниса, Высочайше повелѣть изволилъ, чтобъ Кабинетъ, состоящій подъ управленіемъ вашего высокопревосходительства, принялъ отъ него, Дестуниса, какъ тѣ части Плутарховыхъ жизнеописаній, кои уже отпечатаны, такъ и тѣ, кои еще въ рукописи, по мѣрѣ того, какъ онъ будетъ ихъ представлять Кабинету, который имѣетъ продолжать изданіе въ томъ видѣ, въ какомъ оно начато, предоставляя переводившему въ полное распоряженіе двѣсти экземпляровъ, кои имъ частію проданы, частію розданы. Что касается до тысячи остальныхъ экземпляровъ, то Е. И. В. угодно, чтобы оные выданы были Комитету Инвалидовъ и продавались подъ надзоромъ его, по пятидесяти рублей экземпляръ, съ тѣмъ чтобы выручаемыя деньги оставались въ пользу инвалидовъ, о чемъ по Высочайшему повелѣнію я отнесся къ его сіятельству гр. А. А. Аракчееву. Въ вознагражденіе же долговременной службы и трудовъ употре-

---

[1]) Этотъ орденъ пожалованъ былъ С. Ю—чу по указу 1-го Окт. 1816 г.

[2]) Издаю это отношеніе по копіи, сдѣланной рукою С. Ю—ча; въ первомъ столбцѣ написано его рукою: «Быть по сему. С.-Петербургъ, Декабря 6-го дня 1816 г.»; а на 3-мъ и послѣднемъ: «(собственною рукою Е. И. В.)». Указъ сенату о томъ же, подписанный Государемъ въ С.-Петербургѣ, 26-го Генваря 1817 г. приложенъ нами въ концѣ этой статьи.

бленныхъ при переводѣ сей книги К. А. Дестунисомъ, Его Императорское Величество указать изволилъ, чтобы ему отведены были въ вѣчное и потомственное владѣніе *двѣ тысячи* десятинъ земли, по его Дестуниса выбору».

Изъ всего здѣсь изложеннаго видно, что предпріятіе моего отца получило отъ правительства такую поддержку, какой онъ не могъ ожидать въ началѣ своего труда. Нужно ли прибавлять, что успѣшному ходу предпріятія содѣйствовало личное сочувствіе Александра I къ подобнымъ плодамъ умственной дѣятельности. Когда одно изъ лицъ, завѣдывавшихъ дѣлами въ комитетѣ инвалидовъ, испрашивало у Государя разрѣшенія продать кому-либо вышедшія части перевода, то Государь замѣтилъ ему, что каждое произведеніе должно быть продаваемо только лишь по окончаніи его изданія; что Плутархъ имѣлъ въ Англіи и во Франціи необыкновенный сбытъ, и что онъ можетъ имѣть подобный сбытъ и въ Россіи къ великой выгодѣ инвалидовъ. Таковы были мысли Государя, который «сдѣлалъ новому переводу честь тѣмъ, что самъ читалъ его» [1]).

Теперь упомянемъ объ отзывахъ журналистики, которой главными представителями въ тѣ времена были Вѣстникъ Европы и Сынъ Отечества.

Въ 1813 г. въ Вѣстникѣ Европы, издаваемомъ тогда Михаиломъ Трофимовичемъ Каченовскимъ, появилась рецензія самого редактора на тѣ два тома перевода Плутарха, которые вышли въ 1810 г. [2]). Итакъ рецензія Каченовскаго касается лишь этого пробнаго изданія, въ которомъ находилось

---

[1]) Это свѣдѣніе объ Александрѣ I мы заимствовали изъ письма Спиридона Юрьевича, обращеннаго (на фр. яз.) въ 1819 г. къ барону Строганову, бывшему его ближайшимъ начальникомъ, въ качествѣ русскаго полномочнаго посла въ Константинополѣ.

[2]) См. *Вѣстникъ Европы 1813 г., Ч. I, Отдѣлъ критики*, гдѣ помѣщенъ разборъ двухъ частей Плутарх. ж., пер. Дестуниса стр. 66—82. Подъ разборомъ подписано М.; что онъ принадлежитъ Каченовскому, это видно изъ «Черноваго отвѣта 1847 г.», писаннаго рукою отца, и изъ отзыва Греча, приведеннаго нами ниже. Помнится, что въ каталогѣ статей Вѣстника Европы упомянуто о томъ, что статьи, подписанныя *М.*, писаны Каченовскимъ.

всего 8 жизнеописаній[1]). Объясняя значеніе древнихъ писателей и пользу, происходящую отъ ихъ перевода на отечественный языкъ, авторъ рецензіи приходитъ къ такому заключенію:

«Итакъ всякой любитель здравой словесности, посвящающій время свое на переложеніе древнихъ сочиненій и слѣдственно распространяющій истинно полезныя свѣдѣнія между своими согражданами, имѣетъ справедливое право на уваженіе читателей. Почтенныхъ трудовъ его не должно ставить на ряду съ нѣкоторыми упражненіями другого рода, предпринимаемыми по различнымъ побужденіямъ, иногда невиннымъ, но бо̀льшею частію недостойнымъ уваженія». (Стр. 67). Затѣмъ Каченовскій приводитъ въ статьѣ своей біографическія свѣдѣнья о Плутархѣ и очень одобрительные о немъ отзывы свои и чужіе. (Стр. 67—73). Далѣе критикъ дѣлаетъ такое замѣчаніе: «Въ извѣстныхъ изданіяхъ на греческомъ языкѣ, говоритъ онъ, наблюденъ хронологическій порядокъ, и лица расположены, смотря по ихъ старшинству и древности; напримѣръ сперва *Ѳезей* и *Ромулъ*, потомъ *Ликургъ* и *Нума*, и такъ далѣе. Напрасно господинъ переводчикъ не держался такого же порядка, необходимо нужнаго, потому что Плутархъ въ послѣдующихъ жизнеописаніяхъ иногда ссылается на обстоятельства, о которыхъ говорено уже было въ жизнеописаніяхъ предыдущихъ (стр. 73—74). Такая перемѣна могла показаться Каченовскому напрасною, потому что ему еще не были извѣстны причины, побудившія къ ней переводчика. Онѣ были высказаны годъ послѣ отзыва Каченовскаго въ предисловіи переводчика къ полному изданію: разбираемыя Каченовскимъ жизнеописанія были тѣ, которыя переводчикъ отобралъ для перваго ознакомленія публики съ біографомъ. Изъ перечня, приведеннаго нами выше (стр. 6), который мы здѣсь повторимъ, можно увѣриться, что жизнеописанія выбраны переводчикомъ обдуманно: онъ представилъ публикѣ: Агесилая и Помпея, Алкивіада и Коріолана, Кимона и Лукулла, Ари-

---

[1]) См. здѣсь стр. 6.

стида и Катона цензора. Въ полномъ же изданіи, гдѣ переводчикъ слѣдовалъ тому распорядку житей, котораго принято держаться, мы находимъ такое поясненіе: «Можно предупредить нѣкоторыхъ читателей, сказано тамъ въ предисловіи, чтобы они не судили о всѣхъ сочиненіяхъ Плутарха по двумъ первымъ жизнеописаніямъ, которыя, будучи большею частію баснословны, не могутъ удовлетворить строгимъ любителямъ истины [1]). Значитъ, отецъ намѣренно началъ свой «опытъ» не съ Тезея и Ромула; только намѣреніе это не было имъ высказано. При этомъ возникаетъ вопросъ: вѣрно ли утвержденіе Каченовскаго, гласящее, что «въ извѣстныхъ изданіяхъ (Жизн. Пл.) на греческомъ языкѣ наблюденъ хронологическій порядокъ»?... «сперва *Өезей* и *Ромулъ*, потомъ *Ликургъ* и *Нума*, и такъ далѣе». Что жъ однако увидимъ *далѣе*? увидимъ и убѣдимся, что ни въ извѣстныхъ изданіяхъ, ни въ сохранившихся перечняхъ жизнеописаній Плутарха порядокъ хронологическій не выдержанъ [2]). Потомъ Каченовскій заявляетъ слѣдующія справедливыя требованія: «Для чего при русскомъ переводѣ нѣтъ ни предувѣдомленія, ни весьма нужныхъ примѣчаній; ничего не сказано о самомъ Плутархѣ, о достоинствѣ его сочиненій, о разныхъ его изданіяхъ, и о томъ, на какое изданіе болѣе полагался господинъ переводчикъ? Опять скажу, что книги сего рода, составляющія капиталъ хорошей библіотеки, требуютъ всевозможной тщательности; а господинъ переводчикъ, въ своихъ дарованіяхъ и свѣдѣніяхъ, извѣстныхъ рецензенту, имѣлъ всѣ нужныя посо-

---

[1]) Въ предисловіи къ полному изданію перевода жизн. Плут. стр. LXXVI. Двумя первыми жизнеописаніями были Тезеево и Ромулово.

[2]) Это замѣчено было критиками давнымъ давно. Стоитъ взглянуть на любое изданіе Ж. Плут. или на списокъ ихъ въ томъ обычномъ порядкѣ, какъ они издаются, помѣщенный въ Fabricii Bibliotheca Graeca, V. III, p. 344 sqq. (по изд. Harles 1796 г. Т. V. стр. 172 и далѣе и прим. g). И распредѣленіе Ламприя, сына Плутархова, тоже не хронологическое. О новыхъ опытахъ возстановленія Плут. жизнеописаній въ той послѣдовательности, въ какой они были написаны самимъ Плутархомъ, см. Rudolf Nicolai, Griechische Litteraturgeschichte in neuer Bearbeitung, Magdeburg 1877. II. B. 539—40 и 552.

бія къ удовлетворенію съ сей стороны своихъ читателей»[1]). Русскій переводчикъ г. Дестунисъ... хорошо понимаетъ своего автора; если же не вездѣ съ надлежащею правильностію выражается, то это происходитъ отъ недавняго пребыванія его въ Россіи. За то есть мѣста отличныя по красотѣ своей и выразительности, кои сдѣлали бы честь природному Россіянину». Далѣе рецензентъ приводитъ нѣсколько примѣровъ неправильностя языка: мы ими займемся во второмъ отдѣлѣ этой статьи. Въ заключеніе же онъ приводитъ два отрывка изъ разбираемой книги. «Но выпишемъ безъ всякихъ замѣчаній, говоритъ онъ, какое нибудь цѣлое мѣсто, по которому свѣдущіе читатели сами пусть судятъ о слогѣ переводчика. Вотъ какъ, напримѣръ, описываетъ Плутархъ гордыню Армянскаго Царя Тиграна, *весьма похожую на сатанинское высокомѣріе нынѣ бѣснующагося Корсиканца*»[2]).

Каченовскій, какъ мы видѣли, разобралъ одно лишь пробное изданіе 1810 г.; а другой критикъ того времени *Николай Ивановичъ Гречъ* написалъ рецензію только на I томъ полнаго изданія, напечатанный въ 1814 г.[3]). «Сія книга, говоритъ онъ, заслуживаетъ вниманіе просвѣщенной публики, предъ всѣми вышедшими въ нынѣшнемъ году. Г. Дестунисъ уже нѣсколько лѣтъ занимается переводомъ великаго греческаго біографа. За 4 года предъ симъ издалъ онъ въ двухъ частяхъ опытъ своего перевода, который такъ хорошо былъ принятъ нашими литерато-

---

[1]) Мы покажемъ ниже, что этимъ справедливымъ требованіямъ переводводчикъ удовлетворилъ въ своемъ полномъ изданіи. Каченовскому Дестунисъ былъ извѣстенъ лично, когда послѣдній былъ постояннымъ жителемъ Москвы т. е. до 1808 г. Съ живымъ взаимнымъ интересомъ свидѣлись они въ Москвѣ въ 1839 г., когда отецъ мой на нѣсколько дней туда заѣхалъ. «Много воды утекло, Спиридонъ Юрьевичъ, съ тѣхъ поръ какъ мы видались» — были первыя слова Каченовскаго.

[2]) См. стр. 78—80 статьи Кач., гдѣ это мѣсто выписано изъ разбираемой имъ книги, на которую тамъ есть слѣдующая ссылка: Пл. Жиз. 1810 г. Т. II. стр. 100. Потомъ Кач. приводитъ еще одну выписку изъ Плут. Т. II., стр. 74 о неудачахъ Митридата слишкомъ далеко заведшаго свои войска, *что забыто было героемъ нашего времени* (Кач. стр. 80—82).

[3]) Въ *Сынѣ Отечества 1814 г., Часть 16, № 37, стр. 135—6.* Курсивъ въ приводимой выпискѣ принадлежитъ Гречу.

рами и всею публикою, что переводчикъ рѣшился взяться за переводъ всего Плутарха, и издать оный въ такомъ видѣ, который его достоинъ, съ замѣчаніями, картами и изображеніями славныхъ мужей. Высочайшее повелѣніе напечатать сей переводъ на счетъ Кабинета доставило потребныя къ тому пособія, и нынѣ вышла 1-я часть *новаго* перевода, совершенно отличная отъ двухъ первыхъ и формою и содержаніемъ» [1]). Далѣе Гречъ показываетъ содержаніе предисловія и всей 1-й части [2]). «Всѣ темныя мѣста, почти всѣ древнія наименованія, немногимъ извѣстныя, имена собственныя, равно какъ и различное *чтеніе*, текста пояснены примѣчаніями. Тѣсные предѣлы библіографіи не позволяютъ намъ распространиться извѣстіемъ о сей полезной книгѣ, но мы съ величайшимъ удовольствіемъ помѣстили бы строгое и полное о ней разсмотрѣніе, увѣрены будучи, что оно послужитъ къ лучшему изложенію всѣхъ достоинствъ сего перевода, а между тѣмъ пожелаемъ почтенному переводчику здоровья, силъ и терпѣнія для довершенія начатаго имъ труда». «Въ Обозрѣніи Русской литературы 1814 г.» [3]) Гречъ между прочимъ говоритъ: «Труды г-на Дестуниса достойны вниманія и уваженія въ двухъ отношеніяхъ: вопервыхъ, онъ доставилъ намъ одно изъ важнѣйшихъ сочиненій о древней исторіи, а вовторыхъ, обогатилъ Русскій языкъ хоро-

---

[1]) Нѣтъ никакого сомнѣнія, что подъ литераторами, которыми было хорошо принято 1-е изданіе перевода, Гречъ разумѣетъ Каченовскаго и себя, такъ какъ еще до изданія выписываемой нами его рецензіи, онъ уже далъ публичный отзывъ въ рѣчи, произнесенной имъ въ Императорской публичной библіотекѣ. См. здѣсь пониже. Но Гречъ могъ имѣть въ виду и другихъ литераторовъ, если кто-нибудь изъ таковыхъ занялся разборомъ переводовъ моего отца: объ этомъ мнѣ ничего не извѣстно.

[2]) Это предисловіе или точнѣе «Краткое Извѣстіе» отца мы обозрѣваемъ въ началѣ 2-го отдѣла этой статьи.

[3]) *Сынъ Отечества, 1815 г., Часть 19, см. стр. 97—98.* Въ началѣ названнаго «Обозрѣнія» въ примѣчаніи читаемъ: «Сія статья написана» по порученію Его Превосходительства г. Директора Императорской публичной библіотеки Тайнаго Совѣтника А. Н. Оленина. Она прочитана была сочинителемъ 2-го Января 1814 г.». Изъ этого видно, что этотъ отзывъ о переводѣ Пл—ха написанъ былъ Гречемъ раньше той рецензіи, изъ которой представлены нами выдержки.

шимъ переводомъ классическаго писателя и тѣмъ въ полной мѣрѣ оправдалъ оказанное ему правительствомъ при изданіи сей книги вспоможеніе». Позже объ этомъ трудѣ упоминаетъ Гречъ и въ своей учебной книгѣ Россійской словесности [1]).

Такъ отнеслись къ переводу С. Ю—ча двое изъ представителей современной журналистики.

Въ недавно изданныхъ «*Археологическихъ трудахъ Алексѣя Николаевича Оленина*» находимъ нѣсколько словъ относительно занимающаго насъ предмета, хотя и изданныхъ въ 1881 г., но написанныхъ въ 1818. Стараясь доказать, что слово στεφάνη не употреблялось для обозначенія *опушки шлема* даже греческими писателями гораздо позже Омира и приводя для этого мѣсто изъ жизнеописанія Пирра (Плут. гл. 34), Оленинъ присовокупляетъ: «Это доказательство мнѣ было сообщено Г. Дестунисомъ, служащимъ въ Министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, окончившимъ недавно переводъ Плутарха съ Греческаго на Русскій. Г. Дестунисъ, одинаково свѣдущій въ языкѣ своихъ предковъ — будучи родомъ Грекъ — и въ нашемъ — будучи воспитанъ въ Россіи — обладаетъ всѣми средствами достигнуть у насъ той же извѣстности, которую пріобрѣлъ себѣ во Франціи Аміо» [2]). Одно изъ писемъ Оленина «о словахъ πῆχυς и γλυφίς«, при которомъ не означено имени того лица, къ кому оно обращено, этотъ любитель науки и искусства, оканчи-

---

[1]) *Учебная книга Россійской Словесности, 1819—1822. Николая Греча. С.-Петербургъ, См. въ послѣднемъ отдѣлѣ части IV на стр. 613* (*1-го изданія*) Тутъ между прочимъ ошибочно родиною С. Ю—ча названъ островъ Корфу, вмѣсто Кефалоніи; эта ошибка повторена и въ статьѣ «Дестунисъ, С. Ю.» въ Энциклоп. словарѣ, изд. Проф. Березинымъ. Въ послѣдующихъ изданіяхъ «Учебной книги» Греча (2-мъ 1830—31 и 3-мъ 1844) между переводчиками поименованъ и Дестунисъ.

[2]) *Археологическіе труды Алексѣя Николаевича Оленина. Т. I. вып. 2. Спб. 1881. См. стр. 13* въ разысканіи, написанномъ имъ въ 1818 г. подъ названіемъ: *Замѣтки на примѣчаніе въ сочиненіи подъ заглавіемъ: Изображенія на древнихъ вазахъ.* Оленинъ выражается совершенно точно, когда говоритъ въ 1818 году «окончившимъ недавно переводъ». Переводъ былъ дѣйствительно готовъ полностью и представленъ куда слѣдуетъ, но отпечатано было всего 6 частей. См. «Записку» графа Каподистріи на стр. 9—10 и наше примѣчаніе тамъ же.

ваетъ слѣдующими словами: «Пора мнѣ кажется кончить — я усталъ писать, а вы устанете мое мараніе читать, хотя впрочемъ усердіе ваше къ общей пользѣ и очень велико. Отверстыя хляби небесныя и ваши немощи воспрещаютъ вамъ выходъ изъ дома, но если завтра здоровіе ваше позволитъ, то позвольте за вами прислать и сію хартію или βιβλίον съ собою привезите»... «30 Іюня 1815 г.» [1]). Въ примѣчаніи къ этому письму, принадлежащемъ профессору Ивану Васильевичу *Помяловскому*, которому Имп. Археологическое Общество поручило редакцію упомянутыхъ трудовъ Оленина, сказано слѣдующее: «Это письмо, по содержанію сходное съ помѣщаемымъ ниже письмомъ къ Н. И. Гнѣдичу о словахъ ταρσός, πῆχυς и γλυφίς, писано А. Н. Оленинымъ одному изъ его друзей-эллинистовъ, съ которыми онъ нерѣдко совѣтовался относительно того или другого вопроса изъ области Греческаго языкознанія; *изъ бумагъ А. Н. видно, что онъ чаще всего обращался съ подобнаго рода вопросами къ проф. Д. П. Попову и С. Ю. Дестунису. Одному изъ этихъ лицъ и адресовано, какъ думается, настоящее письмо*». Профессоръ Помяловскій, какъ мы видѣли, предположеніе свое основываетъ на личномъ знакомствѣ съ бумагами Оленина: это для насъ важно: но въ выборѣ между Поповымъ и Дестунисомъ въ данномъ случаѣ, мнѣ кажется, надо остановиться на второмъ. Письмо Оленина писано 30 іюля 1815 г.; Поповъ же только за 10 мѣсяцевъ передъ тѣмъ читалъ свой переводъ изъ Мосха на испытаніи въ Педагогическомъ Институтѣ: [2]) къ недавнему студенту не могли относиться слова Оленина: «*усердіе ваше къ общей пользѣ очень велико*»; въ томъ же письмѣ читаемъ (близко къ началу): «Кажется мнѣ, будто мы нѣкогда условились, чтобъ въ случаѣ многихъ такъ называемыхъ

---

[1]) См. Арх. труды А. Н. Оленина. Т. I. вып. 1. Переписка его съ разными лицами по поводу предпринятаго Н. И. Гнѣдичемъ перевода Гомеровой Иліады. Спб. 1877. Письмо А. Н. О. о словахъ πῆχυς и γλυφίς. (Стр. 27 — 32).

[2]) *Надгробная пѣснь Мосха на смерть Біона (Переводъ съ греческаго, размѣромъ подлинника). Читана при публичномъ экзаменѣ въ Спб. Педагогическомъ Институтѣ 25 сентября 1814 года Д. Поповымъ.*

у почтенныхъ *Езуитовъ*: *cas de conscience* — (разумѣется у насъ, только по Греко-Эллинскому языку) *я бы могъ васъ обременять вопросами, а вы бы разрѣшали мои сомнѣнія по возможности, съ тѣмъ, чтобъ мои писаніи съ вашими отвѣтами, на той же самой бумагѣ или на другой возвращать мнѣ, дабы изъ сего рода полемики составить со временемъ нужныя весьма замѣчанія и объясненія къ безсмертнымъ твореніямъ Омира, особливо по мало еще обработаннымъ частямъ технологіи, обычаевъ, оружія, одежды и домашняго быта того времени*; — *которыя можно будетъ присовокупить къ симъ безсмертнымъ твореніямъ при изданіи оныхъ въ Россіи, съ буквальнымъ ихъ переводомъ* [1]) въ пользу учащихся и любителей истиннаго вкуса, чистаго, высокаго, простаго и пріятнаго, а не натянутаго, кудряваго и часто непонятнаго вкуса Германскихъ всѣхъ поколѣній. Вотъ въ чемъ мы кажется съ вами условливались; если же это все мнѣ возмечталось, то условимся о томъ теперь, и для опыта начнемъ симъ письмомъ»..... Такія условья едва ли могъ Оленинъ заключать съ едва окончившимъ высшій курсъ ученія студентомъ; да и французскому выраженію іезуитовъ тутъ не было бы мѣста. Притомъ со сходными вопросами въ томъ же мѣсяцѣ обращался Оленинъ къ Гнѣдичу: значитъ ему нужны были отвѣты лицъ авторитетныхъ, какимъ, въ то время, еще не могъ ему казаться Поповъ. Другое дѣло ссылка Оленина на Попова въ письмѣ къ Гнѣдичу въ 1819 году: тогда Дестуниса въ Петербургѣ больше не было, да и Поповъ былъ уже профессоромъ, а можетъ-быть и опытнымъ [2]). Въ словахъ Оленина въ разбираемомъ здѣсь письмѣ

---

[1]) Такой переводъ прозою Иліады и Одиссеи, исполненный по предложенію Оленина *Поповымъ*, хранится въ рукописи въ Имп. Публичной Библіотекѣ. См. Свѣдѣнія, доставленныя мною В. В. Григорьеву при составленіи имъ *Исторической Записки объ Имп. С.-Пет. Университетѣ. Спб. 1870.* Въ ссылкахъ, примѣчаніяхъ и дополненіяхъ, стр. 39.

[2]) *Археол. Труд. и проч. I, вып. 1. стр. 63 и 67.* — См. свѣдѣнія, сообщенныя мною В. В. Григорьеву о дѣятельности Дмитрія Прокофьевича Попова, котораго я имѣлъ счастіе быть ученикомъ въ первый годъ моего студенчества въ здѣшнемъ университетѣ въ 1834 — 5 г. (стр. 39 — 40 въ ссылкахъ, прим. и дополн).

его: «усердіе ваше къ общей пользѣ очень велико», мы видимъ оцѣнку не одной лишь готовности С. Ю—ча отвѣчать на ученые запросы Оленина; въ этихъ словахъ кроется намекъ на какую-то серьезную общественную заслугу: таковою и былъ переводъ Плутарха. Вотъ тѣ доводы, по которымъ мы признаемъ, что письмо Оленина писано къ нашему отцу, а не къ Попову.

Я представилъ извѣстные мнѣ факты, какъ о поддержкѣ, оказанной отцу моему правительствомъ, такъ и о вниманіи къ его труду образованныхъ современниковъ.

Казалось, все соединилось для успѣха книги, для нравственнаго и матеріальнаго удовлетворенія ея составителя. Но вскорѣ при ея изданіи явились независѣвшія отъ переводчика замедленія. Въ поздней неизданной статьѣ своей С. Ю—чъ записалъ: «Какъ уже замѣчено Плут—вы Ж. издаваемы были по Высочайшему повелѣнію. Но вспомните въ какое неблагопріятное для ученыхъ трудовъ время! въ то время, когда Россійскій Монархъ раздѣлялъ съ послѣднимъ ратникомъ и холодъ и голодъ и опасности! Итакъ можетъ-быть не удивительно, что я встрѣчалъ нѣкоторыя препятствія при печатаніи перевода.... все шло очень медленно. Вмѣсто того, чтобъ кончить изданіе въ 3 или 4 года — печатаніе тянулось 8 лѣтъ»[1]..... «Такая медленность была вредна для переводчика, ибо извѣстно, что какъ теперь[2], такъ и тогда публика неохотно подписывалась на неоконченныя изданія»...... Что же изъ этого вышло? Что изъ перевода давно уже отцомъ моимъ въ цѣлости оконченнаго и въ цѣлости переписаннаго на бѣло, къ тому времени, когда переводчикъ по дѣламъ службы долженъ былъ отправиться за границу, а именно къ 1818 году, издано было всего 6 частей, то есть меньше половины цѣлаго пе-

---

[1]) См. Черновой Отвѣтъ 1847 г.», стр. 22 и 23. — Провѣряя эту цифру, мы находимъ ее вполнѣ точною, ибо считая со времени представленія въ цензуру 1-й части полнаго изданія т. е. съ 1812 г. до 1820-го, стоящаго на 13-й части, и будетъ 8 лѣтъ. Годъ же 1821-й, читаемый на 7-й и 8-й частяхъ, очевидно ошибочный, такъ какъ начиная съ 9-й части до 13-й включительно, всѣ онѣ изданы въ 1820 г.

[2]) т. е. въ 1847 г.

ревода[1]). Это обстоятельство имѣло послѣдствія очень вредныя и для дѣла и для дѣлателя.

По отъѣздѣ С. Ю—ча возникли разныя обстоятельства, которыя онъ называетъ странными и для него самого непонятными. Онъ пишетъ: «Въ типографіи гдѣ печатался Плутархъ, корректоръ, т. е. человѣкъ знавшій русскую грамоту и болѣе ничего, вздумалъ говорить, что переводъ невѣренъ. Началось дѣло, пошла переписка. Изданіе П. касалось пользы Инвалидовъ. Особы, до которыхъ дѣло дошло, были въ государствѣ важнѣйшія. Извѣстно, что вездѣ, особливо при такихъ лицахъ, есть люди, которые выслуживаются и доказываютъ свое усердіе стараніемъ не распутать дѣло и представить его въ простомъ видѣ, а запутать съ похвальною цѣлью очернить другого[2]). Кромѣ этого затрудненія возникло требованіе, чтобъ С. Ю—чь представилъ какіе-то недоданные имъ экземпляры, о которыхъ пока онъ жилъ въ Петербургѣ и въ поминѣ не было[3]) «*Не желая, чтобъ даръ, пожалованный Государемъ Инвалидамъ оставался для нихъ безплоднымъ*», переводчикъ составилъ въ Смирнѣ актъ 20-го марта 1819 г., по которому онъ заложилъ Комитету Инвалидовъ 2,000 десятинъ пожалованной ему земли, обязываясь не закладывать и не продавать ихъ никому безъ позволенія Комитета, доколѣ не внесетъ въ оный той суммы, которой стоятъ недостающіе экземпляры[4]). Предложеніе это, вполнѣ обезпечивавшее интересъ инвалидовъ, было однако Комитетомъ отвергнуто.

---

[1]) 6-я часть напечатана въ 1818 г., какъ значится на самой этой части; паспортъ объ отправленіи С. Ю—ча генеральнымъ консуломъ въ Смирну подписанъ графомъ Нессельродомъ 31 іюля 1818 г. Отъѣздъ изъ Спб. послѣдовалъ въ августѣ того же года.

[2]) «См. Черновой отвѣтъ 1847 г.».

[3]) Число недостающихъ экземпляровъ, по оффиціальному извѣщенію 9 янв. 1824 г. было 53. Повѣренный же С. Ю—ча писалъ ему въ Смирну, что по его расчету, недостаетъ всего 24 экземпляра и что сперва по ошибочному счету доводили недостающіе экземпляры до 200. Объ этомъ сказано въ черновомъ письмѣ С. Ю—ча къ барону Строганову отъ 20 сент. 1819 г.

[4]) Изъ акта, написаннаго по-русски въ Смирнѣ 20 марта 1819 г. за подписью С. Ю—ча и засвидѣтельствованнаго тремя чиновниками русской службы.

О ходѣ этого дѣла можно отчасти судить по черновымъ письмамъ переводчика, обращеннымъ къ его ближайшему начальнику, русскому посланнику въ Константинополѣ, барону Строганову [1]). «Я очень благагаренъ, сказано въ одномъ изъ этихъ писемъ, за благорасположеніе Вашего Превосходительства и за участіе, принимаемое Вами въ моей репутаціи. *Я закладываю мою землю* [2]) *и если будутъ продолжать меня преслѣдовать, то я подамъ прошеніе Его Императорскому Величеству, откажусь отъ всякого права на эту землю, отъ которой я не получилъ ни гроша и спрошу мою книгу*». Изъ другого письма къ тому же лицу узнаемъ, что Комитетъ Инвалидовъ продолжалъ требовать уплату чистыми деньгами за недостающіе экземпляры, но что С. Ю—чь уплатить не могъ, потому что издержалъ въ Смирнѣ 4,500 піястровъ за наемъ и ремонтъ консульскаго дома (не считая мебели) [3]). «Чтобъ покончить съ этимъ непріятнымъ дѣломъ (fâcheuse affaire), сказано въ третьемъ письмѣ къ тому же лицу, я осмѣливаюсь приложить здѣсь прошеніе на Высочайшее имя, по которому я уступаю всѣ мои права на 2,000 десятинъ земли и испрашиваю возвращеніе моей книги. Эту жертву я приношу моему покою, который мнѣ дороже всѣхъ богатствъ въ мірѣ, и я покорнѣйше прошу В. Пр. поддержать оное, какъ только найдете это своевременнымъ, и дать въ настоящее время ходъ закладной для успокоенія Комитета Инвалидовъ. Кромѣ неудовольствія, которое принесло мнѣ это дѣло, я проникнутъ болѣзненнымъ чувствомъ за безпокойство, причиненное имъ В. Пр—ву» [4]).

---

[1]) Это письмо не имѣетъ при себѣ обозначенія числа и года; но по вѣрнымъ соображеніямъ можетъ быть отнесено къ 1819 г.: оно помѣщено въ такой тетради, въ которой содержатся черновыя отца только къ барону Строганову, служебныя и частныя. Оно писано по-французски.

[2]) Это, надо думать, указаніе на упомянутый Смирнскій актъ отъ 20 марта 1819 г.

[3]) Другое письмо къ Строганову, тоже по французски, отъ 20 сентября 1819 г.

[4]) Это третье письмо къ Строганову, писанное также по французски, должно принадлежать концу 1819 года, судя по тому, что оно очевидно написано позже письма того же лица отъ 20 сентября, и что въ немъ упомянуто о

Въ черновомъ письмѣ С. Ю—ча къ графу Ивану Антоновичу Каподистріи отъ 2-го января 1820 г. читаю: «Тяжело мнѣ, что я долженъ говорить о себѣ. Комитетъ Инвалидовъ, которому я оказалъ услугу, какъ то извѣстно Вашему Сіятельству, началъ меня *преслѣдовать*... Хотятъ заставить меня купить мой собственный трудъ, что̀ совершенно комично. *Мало того, что я заложилъ ему мою землю; хотятъ чистыхъ денегъ.* Во всемъ этомъ я вижу одну только неудачу (du guignon). По этому ничего нѣтъ справедливѣе какъ испросить мою книгу и уступить землю. Это и есть предметъ прошенія, обращеннаго мною къ Его Величеству; я буду всѣмъ доволенъ, лишь бы оставили меня въ покоѣ и не безпокоили моихъ начальниковъ»[1]). Упоминаемое въ приведенныхъ письмахъ прошеніе на Высочайшее имя сохранилось у меня вчернѣ. Сославшись на встрѣченныя по печатанію его книги затрудненія и остановки вслѣдствіе нахожденія его за границей по повелѣнію Государя, С. Ю—чь проситъ Е. В. дабы Ему угодно было повелѣть — право его на полученіе 2,000 десятинъ земли передать Инвалидамъ, а 1,000 экземпляровъ его перевода ему возвратить.

Несмотря на готовность С. Ю—ча такими убыточными для себя мѣрами обезпечить пользу Инвалидовъ,—по неизвѣстной намъ причинѣ, по настоянію Комитета производились вычеты изъ содержанія переводчика Плутарха. Деньги за трудъ *исправленія* VII и VIII частей перевода Плутарха 1000 р. асс., выданныя лицу, трудившемуся надъ симъ, удержаны были, по требованію Комитета, изъ жалованья переводчика, а въ обезпеченіе денегъ, требуемыхъ за недостающіе экземпляры, остановлено было ассигнованіе ему прибавочнаго жалованья[2]). Вслѣдствіе этого

томъ же прошеніи на Высочайшее Имя, о которомъ и въ письмѣ къ графу Каподистріи начала 1820 г.

[1]) Въ черновой тетради съ письмами С. Ю—ча надъ этимъ письмомъ стоитъ только: «А. С. Capod. 2 Janv.». Находится же оно передъ черновыми письмами и бумагами, отмѣче ными 1820-мъ годомъ: оттого и 2 января надо отнести къ тому же году.

[2]) Офиціальное извѣщеніе отъ 9 генв. 1824 г. за № 8, у меня сохранившееся.

С. Ю—чь составилъ новый закладной актъ въ Венеціи въ 1824 г.[1]). Полагая, что участокъ земли, ему пожалованный, долженъ имѣть по меньшей мѣрѣ ту же цѣнность, какъ и цѣлое сочиненіе, или же та тысяча экземпляровъ, которая была напечатана въ его пользу по Высочайшему повелѣнію, Дестунисъ, (такъ сказано въ актѣ) видитъ себя вынужденнымъ снова обезпечить интересъ Инвалидовъ болѣе вѣрнымъ способомъ: онъ закладываетъ тѣ права, которыя ему дарованы были указомъ Е. И. Величества[2])..., съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы выборъ и продажа пожалованной земли, могли произойти только лишь по продажѣ 950 экземпляровъ, уже находящихся въ распоряженіи Комитета, на случай, еслибъ онъ, Дестунисъ, не былъ въ состояніи до сбыта цѣлаго сочиненія пополнить недостающіе 40—50 экземпляровъ, отъ него требуемыхъ. Со стороны Комитета было бы справедливо, полагаетъ составитель акта, не обязывать его, чтобъ онъ первый уплачивалъ и продавалъ тотъ трудъ, надъ которымъ онъ трудился много лѣтъ, не получая отъ того доселѣ ни малѣйшей выгоды, и который былъ отданъ въ пользу Инвалидовъ вслѣдствіе его всеподданнѣйшаго прошенія. Онъ формально обязуется сдѣлать все отъ него зависящее до окончанія продажи труда, отыскать недостающіе экземпляры, или перепечатать ихъ на свой счетъ, или наконецъ выплатить взыскиваемую съ него сумму, такъ чтобъ не было необходимости налагать запрещеніе на его жалованіе. Такъ какъ онъ находится внѣ Имперіи по Высочайшему повелѣнію и не имѣетъ средствъ пользоваться всемилостивѣйше пожалованнымъ ему участкомъ земли, посему, если бы Комитету угодно было взять на себя выбрать участокъ земли въ Бессарабской Области или въ Крыму, кото-

---

[1]) Засвидѣтельствованная копія подлиннаго закладного акта, составленнаго на франц. языкѣ въ Венеціи $^{7}/_{19}$ апрѣля 1824 г., подписаннаго Россійскимъ Генеральнымъ Консуломъ въ Смирнѣ С. Ю. Дестунисомъ и засвидѣтельствованнаго Россійскимъ Генеральнымъ Консуломъ въ Венеціи Спиридономъ Наранци. — Сравни офиціальное извѣщеніе отъ 12 августа 1824 г., № 657.

[2]) Тутъ слѣдуютъ подробности о способѣ, какимъ могъ бы усвоить себѣ землю Комитетъ.

рый имѣлъ бы по меньшей мѣрѣ ту же стоимость, какую имѣли матеріальныя издержки книги, не принимая въ расчетъ внутренней цѣнности сочиненія и работы переводчика, то онъ не только былъ бы въ состояніи немедленно уплатить должную имъ Инвалидамъ сумму, но и обязался бы уступить въ ихъ пользу 10 процентовъ на сумму, какую получитъ Комитетъ, или въ какую будетъ оцѣнена земля, въ случаѣ цѣнности ея отъ 24 до 30 тысячь рублей, и 15 процентовъ, если бы оная стоила выше 30 тыс. р.

Таково содержаніе составленнаго въ Венеціи 1824 г. акта. Наконецъ Комитетъ Инвалидовъ изъявилъ свое согласіе на невычитаніе изъ жалованія С. Ю—ча денегъ за недостающіе экземпляры и на непродажу предоставленной послѣднимъ Комитету въ обезпеченіе земли, дотолѣ, пока не будутъ распроданы состоящіе въ вѣдѣніи Комитета всѣ полные экземпляры.

По окончаніи заграничной службы С. Ю—чь возвратился въ С.-Петербургъ, въ іюлѣ 1826 г. Въ слѣдующемъ году, на основаніи поданнаго имъ прошенія, пожаловано ему 10 тысячь руб. асс. (считая по 5 руб. асс. съ десятины), а въ слѣдствіе втораго прошенія, въ виду того, что 1,000 экземпляровъ продались въ пользу Инвалидовъ по 40 р. экземпляръ, пожаловано ему сверхъ того еще 10 тысячь р. асс., съ вычетомъ 10 процентовъ [1]).

По рукописной замѣткѣ С. Ю—ча, ему пришлось получить за свой переводъ по 50 р. асс. съ печатнаго листа. «Сколько переводчиковъ и сочинителей, прибавляетъ онъ, получили за отличные труды гораздо менѣе этого» [2])!

Здѣсь считаемъ нужнымъ упомянуть, что переводчикъ, по возвращеніи въ Петербургъ, увидавъ 7 частей, напечатанныхъ въ его отсутствіе, остался очень недоволенъ небрежностію, съ

---

[1]) Сравни: черновое прошеніе на Высочайшее имя 1827 г.; черновое прошеніе на имя директора Азіатскаго Департамента; копію Высочайшаго Повелѣнія Министру Финансовъ отъ 30 дек. 1827 г.; рукописную отмѣтку въ «Черновомъ отвѣтѣ 1847 г.».

[2]) Въ «Черн. Отв. 1847 г.».

какою онѣ были изданы. Представимъ его собственныя слова:.... «съ того времени (какъ онъ замѣтилъ разные недостатки) едва ли переводчикъ взялъ въ руки свой переводъ — онъ получилъ къ нему отвращеніе и если бы «Исторія лютни, китайской драмы», не завела критика до трехъ восклицаній, когда, какимъ слогомъ и какое изданіе[1]), то переводчикъ забылъ бы, что переводилъ Плутарха за 35 лѣтъ предъ симъ. Конечно можно бы было написать особливо книгу и выставить всѣ промахи — но гдѣ подлинникъ?.... Къ этому прибавилось столько постороннихъ неудовольствій, что переводчику было не до того. Такова участь русскаго перевода Плутарховыхъ жизнеописаній, одного изъ лучшихъ сочиненій древности. Если бы въ изданіи не было остановокъ, если бы издавалась каждая часть немедленно, если бы издавали въ годъ по крайней мѣрѣ по 3 части, то къ 1818 году, изданіе было бы кончено подъ надзоромъ самого переводчика»[2]).

Вотъ горькія слова, сорвавшіяся съ пера переводчика 38 лѣтъ позже того времени, когда онъ началъ свою работу, и за годъ или за полгода до его кончины. Въ чемъ состоятъ недостатки послѣднихъ 7 частей, это разъяснится ниже.

Но что это за критикъ, дошедшій до трехъ восклицаній? Это одинъ изъ критиковъ «Отечественныхъ Записокъ», написавшій разборъ на книгу: «*Исторія лютни, Китайская драма, сочиненіе Као-тонгъ-Кіа. Буквально перевелъ В. М. — Спб. 1847, въ 4-ю д. л. 104 стр.*»[3]). Критику стало жаль труда, потеряннаго на русскій переводъ Китайской драмы; онъ груститъ о томъ, зачѣмъ у насъ не являются классическія творенія разныхъ литературъ въ такомъ изящномъ видѣ, какъ на иностранныхъ языкахъ. «Зачѣмъ напр. *Плутархъ* не настольная книга нашего юношества? Зачѣмъ не его воспитатель и образователь? Правда и *Плутархъ* и *Тацитъ* переведены на русскій языкъ; но вспомните *когда, какимъ слогомъ и какъ они изданы*»!!! Послѣднія слова кри-

---

[1]) Эти три восклицанія сейчасъ будутъ объяснены.

[2]) «Чернов. Отвѣтъ 1847 г.».

[3]) Отечественныя Записки 1847, декабрь.

тика Отечественныхъ Записокъ вызвали отвѣтъ моего отца, написанный тогда же, либо въ концѣ 1847 г., либо въ началѣ 1848, и хранящійся у меня въ чернѣ.

Мы затронули давнишнюю бранную выходку безыменнаго критика Отечественныхъ Записокъ. Но вотъ еще недавно писатель, также не подписавшій своей фамиліи, выразился о занимающемъ насъ переводѣ слѣдующимъ образомъ: «Въ русской литературѣ кромѣ статей въ Журн. М. Н. П. (Дестунисъ, Спир. Юр.) извѣстенъ двумя важными переводами съ греческаго языка: 1) «Плутарха Жизн. сл. мужей, съ кр. и ист. замѣч.» 2) «Военная труба». Послѣднее родъ политическаго разсужденія неизвѣстнаго греческаго писателя. Эти переводы весьма вѣрные съ подлинникомъ, не отличаются чистотою и красотою русскаго языка, — и нынѣ даже во многихъ мѣстахъ непонятны». Спрашивается: по какимъ соображеніямъ сдѣланный съ новогреческаго языка переводъ прокламаціи «Военная труба» [1]) вызванной на свѣтъ злобою дня, помѣщающейся всего на одномъ печатномъ листѣ, — могъ попасть въ число *важныхъ переводовъ* рядомъ съ переводомъ одного изъ образцовыхъ произведеній древне-греческой литературы, переводомъ, занимающимъ до 320 печатныхъ листовъ? и какъ это понять, что вѣрные и важные переводы *нынѣ даже во многихъ мѣстахъ непонятны*? Небольшой же знатокъ чистоты и красоты русскаго языка критикъ, произнесшій этотъ приговоръ, если ему русскія книги первой четверти нашего столѣтія *нынѣ* кажутся непонятными [2]).

Не всѣ однакожъ такъ судятъ о трудѣ С. Ю—ча.

---

[1]) Σάλπισμα πολεμιστήριον, патріотическая прокламація, написанная Адамантіемъ Кораи, изданная, какъ будто въ Александріи, а въ самомъ дѣлѣ въ Парижѣ. Къ своему переводу (1807 г.) С. Ю—чъ приложилъ свои политическіе взгляды, направленные противъ Наполеона Бонапарте.

[2]) Къ крайнему нашему сожалѣнію эта безыменная статейка подъ заглавіемъ «Дестунисъ, Сп. Юр.», помѣщена въ «Энциклопедическомъ Лексиконѣ», (1873 и дал.) изданномъ нашимъ достоуважаемымъ профессоромъ и оріенталистомъ Ильею Николаевичемъ Березинымъ, который, само собою разумѣется, не могъ отвѣчать за каждую строчку своего обширнаго изданія.

По мнѣнію маститаго знатока древней греческой исторіи, заслуженнаго профессора Михаила Семеновича Куторги, С. Ю—чь оказалъ «незабвенныя услуги своимъ переводомъ жизнеописаній Плутарха и занялъ въ нашей литературѣ столь же почетное мѣсто какъ Аміотъ во французской» [1]).

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Обозрѣніе сдѣланнаго С. Ю. Дестунисомъ перевода Жизнеописаній Плутарха.

Разсказавъ читателямъ судьбу перевода, ознакомимъ ихъ и съ самымъ переводомъ.

1. *Вступленіе переводчика.*

Въ началѣ полнаго изданія, въ первой его части, стоитъ въ видѣ вступленія:

Краткое извѣстіе о сочиненіяхъ и жизни Плутарха (стр. II — LXXVI).

Оно начинается такимъ взглядомъ на Плутарха:

«Въ кругу просвѣщенныхъ и благовоспитанныхъ людей, пишетъ авторъ Извѣстія, мало такихъ, кои бы не читали сочиненій Плутарха, или, по крайней мѣрѣ, не имѣли бы достаточнаго о нихъ понятія. — Отъ слабыхъ началъ просвѣщенія новѣйшихъ временъ до величайшаго распространенія онаго, Плутархъ былъ любимый писатель всѣхъ великихъ мужей, и чтеніе его сочиненій равно услаждало Петрарка, Монтаня, Руссо. Многіе изъ луч-

---

[1]) *Новая книга о Периклѣ «Очеркъ государственной дѣятельности и частной жизни Перикла». П. Люперсольскаго. Рецензія М. Куторги. Москва, 1880.* См. отдѣльнаго оттиска стр. 43-ю.—Рецензія эта помѣщена въ Русскомъ Вѣстникѣ, 1880.

шихъ писателей ссылаются на него какъ на безпристрастнаго Историка, какъ на глубокомысленнаго мудреца, какъ на превосходнаго нравоучителя. Политики не мало пользовались его мыслями; любители ученыхъ разысканій находятъ въ его сочиненіяхъ обильные запасы къ умноженію своихъ познаній. Семнадцать вѣковъ уже протекло послѣ Плутарха; нравы, образъ правленія, народныя мнѣнія, самая религія народовъ претерпѣли важныя перемѣны, — между тѣмъ какъ Плутархъ, кажется писалъ для насъ. Древность оставила намъ много другихъ великолѣпныхъ и удивленія достойныхъ памятниковъ философіи въ сочиненіяхъ великихъ писателей: но ни одного изъ нихъ нѣтъ столь близкаго къ образу мыслей нашихъ временъ, сколь близки творенія мудреца Херонейскаго. Можно сказать о нихъ то, что самъ Плутархъ говоритъ о зданіяхъ, воздвигнутыхъ Перикломъ и существовавшихъ въ его время: «онѣ тогда уже по *красотѣ* своей были древни, по *прочности* же своей новы и по нынѣ». (Стр. I—III).

Въ этомъ мнѣніи автора «Краткаго Извѣстія» мы особенно выдвигаемъ то замѣчаніе, что изъ сочиненій древнихъ мыслителей «нѣтъ ни одного столь близкаго къ образу мыслей нашихъ временъ, сколь близки творенія мудреца Херонейскаго». Мы думаемъ, что, высказывая это замѣчаніе, отецъ имѣетъ въ виду тѣ глубокія общечеловѣческія воззрѣнія на добро и зло, тѣ человѣколюбивыя чувства, которыя характеризуютъ Плутарха и имѣютъ нѣкоторое сродство съ ученіемъ Христіанскимъ.

Далѣе авторъ «Краткаго Извѣстія», упоминая о почетномъ мѣстѣ, занимаемомъ П—мъ въ области метафизики, политики, физики, словесности, утверждаетъ, что онъ ни чѣмъ столько не заслужилъ уваженія и благодарности потомства, какъ описаніемъ жизни великихъ мужей греческихъ и римскихъ.... (Стр. III—IV). «Его жизнеописанія, такъ выражается переводчикъ, суть великолѣпная галлерея, въ которой изображены самыя блистательныя и достопримѣчательныя дѣянія великихъ мужей, равно какъ всѣ случаи, всѣ выразительныя черты, открывающія путь въ

глубину ихъ сердецъ, изъясняющія сокровенныя ихъ движенія и побудительныя причины дѣйствій, словомъ: все то что составляетъ нравственный характеръ человѣка. Самыя слова великихъ людей не оставлены безъ вниманія. «Свойства человѣка, говоритъ самъ Плутархъ, болѣе открываются въ словахъ и изреченіяхъ, нежели въ самыхъ дѣяніяхъ. Въ сихъ участвуетъ счастіе; но изреченія и слова, необдуманно вырывающіяся въ извѣстныхъ случаяхъ, въ страсти, даже въ шуткахъ и безъ предварительнаго размышленія, какъ бы въ зеркалѣ изображаютъ мысли и чувствованія» (Стр. IV — V).

Послѣ этого въ «Краткомъ Извѣстіи» говорится о достоинствахъ разсказовъ, описаній, нравоученій у Плутарха, о множествѣ приводимыхъ имъ выписокъ изъ поэтовъ, о томъ, что онъ сохранилъ для исторіи многія событія, которыхъ безъ него мы бы не знали (V — XII). Не пропущены и недостатки автора: сюда отнесены неумѣстныя отступленія, повторительные разсказы объ одномъ и томъ же происшествіи, неточности, противорѣчія, мѣстами растянутость и темнота слога (стр. XII—XV). Наклонность Плутарха вѣрить гаданіямъ, сновидѣніямъ и т. п. объяснена какъ одно изъ заблужденій его вѣка (стр. XVI). Переводчикъ превозноситъ чистоту понятій Плутарха о Богѣ: «понятія его о Богѣ столь совершенны, что онъ превзошелъ въ томъ самаго учителя своего Платона, который лучше всѣхъ древнихъ говоритъ о Богѣ» (стр. XVIII—XIX). Плутархъ признаетъ бытіе существъ, связующихъ Божественную природу съ человѣческою, которыя у древнихъ назывались демонами (стр. XIX); вѣритъ въ безсмертіе души и въ промыслъ Божій (стр. XX.), душевныя удовольствія предпочитаетъ тѣлеснымъ (стр. XXI—XXII), вездѣ силится онъ увѣрить людей убѣдительными доказательствами въ красотѣ, необходимости и пользѣ добродѣтели, въ безобразіи и вредѣ порока (стр. XXIII). «Мудрость Плутарха есть дѣятельная мудрость, продолжаетъ его переводчикъ. Во всѣхъ сочиненіяхъ своихъ онъ побуждаетъ человѣка быть полезнымъ обществу и служить ему. Жить только для себя, почитаетъ онъ низкимъ

для разумнаго существа и свойственнымъ единственно тому, кто предался совершенно поноснымъ удовольствіямъ. «Такого рода жизнь, говоритъ Плутархъ, имѣетъ нужду во мракѣ, въ забвеніи и неизвѣстности; но кто признаетъ Бога, Промыслъ, чтитъ законъ, общество, тому не должно скрывать себя. Недѣятельная, въ неизвѣстности и покоѣ проведенная жизнь, разслабляетъ не токмо тѣло, но и самую душу. Стоячая вода гніетъ: способности человѣка въ бездѣйствіи увядаютъ». (Стр. XXIV—XXV). Во всѣхъ сочиненіяхъ Плутарха обнаруживается истинное человѣколюбіе и состраданіе (стр. XXV — XXVIII). Авторъ «Краткаго Извѣстія» заканчиваетъ свое несовершенное (какъ онъ выражается) начертаніе духа Плутархова изложеніемъ нѣкоторыхъ его мыслей о законѣ и власти. «Законъ, говоритъ Плутархъ съ Пиндаромъ, есть царь безсмертныхъ и смертныхъ. Законъ управляетъ владыками. Не заключается онъ въ мертвыхъ книгахъ, но живетъ въ разумѣ государя и душу его никогда не оставляетъ безъ своего руководства; онъ внушаетъ ей, что должно дѣлать. Владыки, стараясь о благѣ человѣчества, служатъ Богу; они раздѣляютъ и охраняютъ блага низпосылаемыя Богомъ. Нельзя сими наслаждаться, ни употреблять ихъ безъ закона, безъ суда, безъ правителя. Судъ есть конецъ закона; законъ — дѣло правителя; правитель образъ Бога, все устрояющаго. Божество возвышаетъ того, кто подражаетъ ему въ благости и уподобляется ему въ добродѣтеляхъ и человѣколюбіи; оно дѣлаетъ его участникомъ въ своемъ правосудіи, въ своей истинѣ, кротости; божественнѣе чего не можетъ быть ни огонь, ни свѣтъ, ни тѣла небесныя. — Судъ не возсѣдаетъ, какъ говорятъ, на одномъ престолѣ съ Зевсомъ; самъ Зевсъ есть судъ и справедливость. Зевсъ самъ есть древнѣйшій и совершеннѣйшій законъ» (стр. XXIX — XXX). Подъ страницей въ печатномъ примѣчаніи къ этому мѣсту отецъ пояснилъ: «Я привожу сіе мѣсто тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что мысли нашего мудреца совершенно противорѣчатъ системамъ мудрецовъ прошедшаго вѣка».

Послѣ общаго взгляда на своего писателя переводчикъ опи-

сываетъ его жизнь: это описаніе занимаетъ 18 страницъ (стр. XXXI — XLIX).

Затѣмъ приведены выписки изъ писателей, высказавшихъ свое мнѣніе о Плутархѣ (стр. XLIX—LVII); перечень сочиненныхъ имъ жизнеописаній, какъ до насъ дошедшихъ и имѣющихъ быть изданными на русскомъ языкѣ[1]), такъ и до насъ не дошедшихъ (стр. LVIII—LIX); свѣдѣнія о переводахъ Плутарха на языки французскій, англійскій, нѣмецкій (стр. LIX—LXIII). Въ концѣ своего вступленія С. Ю. Дестунисъ разсуждаетъ о необходимости перевода классиковъ на русскій языкъ (стр. LXIII — LXIV), о своихъ побужденіяхъ при исполненіи своего перевода и объ оказанномъ ему сочувствіи и покровительствѣ (стр. LXV— LXIX)[2]). Вотъ что онъ пишетъ о трудностяхъ: «Излишнее было бы говорить о трудностяхъ, встрѣчающихся въ переводахъ съ древнихъ языковъ; оныя многоразличны и касаются болѣе ученыхъ. Важнѣйшая изъ нихъ происходитъ отъ различія нравовъ древнихъ отъ нашихъ. Хотя человѣкъ всегда человѣкъ — но въ разныя времена, при различныхъ обстоятельствахъ, понятія его о вещахъ, чувства и страсти, подвержены разнымъ измѣненіямъ, которыя представляютъ сего хамелеона какъ бы въ другомъ видѣ. Отъ сего происходитъ, что сочиненія другихъ народовъ, писанныя за нѣсколько вѣковъ, кажутся намъ странными; мы находимъ въ нихъ выраженія и мысли намъ непріятныя, потому только что они не *наши*; мы говоримъ, что въ нихъ нѣтъ вкуса, чистоты во нравахъ, ибо самолюбіе увѣряетъ насъ, что вкусъ нашъ есть самый лучшій»... (LXIX—LXX). Послѣднія замѣчанія автора касаются формы греческихъ и латинскихъ именъ въ русской письменности (LXXIII — V)[3]) и приложенныхъ къ русскому переводу географическихъ картъ (LXXVI).

---

[1]) Въ переводѣ, о которомъ у насъ идетъ рѣчь, они были изданы всѣ.

[2]) Выписки изъ «Краткаго Извѣстія», какъ о побужденіяхъ переводчика, такъ и объ указанномъ ему сочувствіи и покровительствѣ приведены въ этой статьѣ въ I Отдѣлѣ, стр. 5—6.

[3]) Къ этому предмету мы вернемся.

2. *Языкъ и слогъ переводчика.*

А. Выписки изъ переводнаго текста.

Теперь намъ нужно познакомить читателей съ характеромъ самого перевода. Прежде чѣмъ приступимъ къ тѣмъ сопоставленіямъ, которыя необходимы для этой цѣли, мы желаемъ, чтобъ читатели сами получили общее впечатлѣніе объ этомъ переводѣ. Пусть сперва составятъ о немъ сужденіе, какъ о русской книгѣ, вошедшей въ составъ литературы втораго десятилѣтія нашего вѣка. Для полученія такого общаго впечатлѣнія достаточно будетъ прочесть нѣсколько отрывковъ. Предлагаемъ здѣсь шесть отрывковъ, которые намъ показались интересными по содержанію. Начнемъ съ избранія Нумы на царство[1]).

«Нума наконецъ рѣшился. Принесъ жертвы Богамъ и отправился въ путь. Сенатъ и народъ Римскій, исполненные чрезвычайной къ нему любви, вышли во срѣтеніе. Женщины принимали его съ благословеніями; въ храмахъ приносимы были жертвы; всѣ радовались, какъ будто городъ принялъ не Царя, но Царство. По прибытіи ихъ на площадь, тогдашнихъ часовъ Интеррексъ (временный Царь) Спурій Веттій началъ собирать голоса гражданъ; всѣ единодушно подали въ пользу Нумы. Принесены были царскія украшенія. Нума велѣлъ остановиться, ибо нужно было, говорилъ онъ, чтобъ и божество утвердило его избраніе на Царство. Взявъ съ собою прорицателей и священниковъ, взошелъ въ Капитолію, которую тогда Римляне называли Тарпейскою скалою. Тамъ первенствующій между Авгурами (гадателями), обративъ Нуму къ полудню, и покрывъ лице его[2]), сталъ позади его

---

[1]) Заимствуемъ намѣренно только изъ *первыхъ шести частей*, такъ какъ онѣ однѣ были изданы подъ наблюденіемъ самого переводчика. Беремъ по одной выпискѣ изъ каждой части: печатаемъ слово въ слово съ точнымъ соблюденіемъ правописанія, знаковъ препинанія, скобокъ, курсива. — Этотъ отрывокъ взятъ изъ полнаго изданія. 1814 г. Ч. I. Нума, стр. 294 — 295 (это глава 7).

[2]) Или *покрывъ лице свое*. Сіе согласнѣе съ Титомъ Ливіемъ. *Пр. Пер.*

и положилъ правую руку ему на голову. Онъ приносилъ молитвы Богамъ и обращалъ повсюду взоры свои, дабы узрѣть то, что было предъявляемо полетомъ птицъ, или другими знаменіями. Невѣроятная тишина простерлась по площади, покрытой великимъ множествомъ народа. Всѣхъ мысли къ нему обращены были; всѣ колебались сомнѣніемъ о будущемъ. Наконецъ благовѣстныя птицы явились на правой сторонѣ и подтвердили избраніе. Нума облекся въ царскую одежду [1]) и сошелъ съ Тарпейской скалы на площадь. Народъ принялъ его съ громкими восклицаніями и осыпалъ радостными привѣтствіями, какъ благочестивѣйшаго и Богамъ любезнѣйшаго человѣка».

Перейдемъ къ торжеству Камилла надъ Галлами [2]):

«Наконецъ, по опредѣленію управляющихъ, военный Трибунъ Сульпицій имѣлъ съ Бренномъ свиданіе, въ которомъ положено: чтобъ Римляне заплатили тысячу фунтовъ золота [3]), и чтобъ Галлы, взявши оное, вышли немедленно изъ города и изо всей области. Учинена была съ обѣихъ сторонъ присяга; принесено золото. Галлы сперва скрытно обманули Римлянъ въ вѣсѣ; потомъ и явно наклоняли вѣсы въ свою пользу. Римляне на сіе негодовали. Бреннъ, какъ бы въ насмѣшку и ругаясь надъ ними, снялъ съ себя мечъ и съ поясомъ, и положилъ на вѣсы: «Что это значитъ, спросилъ у него Сулпицій»—«Что другое, отвѣчалъ Бреннъ, какъ—горе побѣжденнымъ»? [4]). Сей отвѣтъ потомъ вошелъ въ пословицу. Одни изъ Римлянъ негодовали, хотѣли тотчасъ удалиться, взявъ съ собою золото, и выдерживать осаду; другіе совѣтовали терпѣть столь малую обиду, не почитать безчестіемъ лишь то, что больше даютъ; ибо сія плата сама по себѣ постыдна, но необходима, по причинѣ дурныхъ обстоятельствъ.

«Между тѣмъ, какъ Римляне и Галлы такимъ образомъ спо-

[1]) Одежда сія называлась *Trabea*, и была красная. *Пр. Пер.*

[2]) Полнаго изданія Ч. II, 1815, стр. 306 — 309. Камиллъ (гл. 28 и 29).

[3]) Римская либра содержала 12 унцій или болѣе 11 унцій французскихъ. Сіе составляетъ около 250.000 рублей серебромъ или около 45 тысячъ ф. шт. *Пр. Пер.*

[4]) По латини: Vae victis! — *Пр. Пер.*

рили, Камиллъ съ войскомъ прибылъ къ воротамъ Рима. Узнавъ о происходящемъ, велѣлъ войску строемъ и медленно слѣдовать за собою; самъ спѣша съ отборнѣйшими воинами, пошелъ тотчасъ къ Римлянамъ. Они дали ему мѣсто, приняли его какъ Диктатора почтительно и въ глубокомъ молчаніи. Камиллъ, снявъ золото съ вѣсовъ, отдалъ его служителямъ, а Галламъ приказалъ взять вѣсы и гири и удалиться, сказавши: «что Римляне обыкновенно не золотомъ, а желѣзомъ спасаютъ отечество». Бреннъ на сіе негодовалъ; говорилъ, что онъ обиженъ нарушеніемъ договоровъ. Камиллъ отвѣтствовалъ: «Что договоръ сдѣланъ противъ законовъ и не можетъ быть дѣйствителенъ; что онъ уже избранъ Диктаторомъ; что кромѣ его, нѣтъ другаго законнаго начальника; что Бреннъ договорился съ людьми, не имѣвшими ни какой власти. Теперь, продолжалъ онъ, вы можете говорить, чего вы хотите; я прибылъ съ законною властію, или простить тѣхъ, кои прибѣгнутъ къ просьбѣ, или наказать виновныхъ, если не раскаются въ своихъ проступкахъ».

«Бреннъ воспылалъ яростію отъ сихъ словъ; онъ начинаетъ драку» и т. д.

Теперь о Греціи: вотъ первые шаги Перикла по принятіи имъ правленія въ Аѳинахъ [1]):

«По окончаніи сего раздора Республика сдѣлалась одною и успокоилась. Периклъ перевелъ, такъ сказать, къ себѣ Аѳины; принялъ во власть свою всѣ отъ Аѳинянъ завсящіе доходы, войско, корабли, острова, море, великую силу и владычество, которое имѣли надъ Греками и варварами, утвержденное покоренными народами, союзами и дружбою съ царями и съ владѣльцами. Уже не велъ онъ себя по прежнему; не столько былъ покоренъ народу, не легко угождалъ ему, не уступалъ его желаніямъ, какъ корабль дуновенію вѣтра. Онъ перемѣнилъ слабое и къ угожденію народа во многомъ склонное правленіе, какъ-бы мягкую и изнѣженную гармонію, въ Аристократическое и почти

[2]) Полнаго изданія Плут. ср. ж. 1815. Часть III, 44 — 6, Периклъ (гл. 15).

царское, и дѣйствуя имъ къ лучшему благоразумно и безпорочно, по большей части водилъ народомъ по его волѣ, убѣждая и наставляя его; не рѣдко употребляя принужденіе и насильственныя мѣры, заставлялъ повиноваться и слѣдовать противъ воли тому, что было для отечества полезно. Онъ подражалъ врачу, который въ болѣзни долговременной и подверженной различнымъ припадкамъ, то позволяетъ больному безвредныя удовольствія, то даетъ крѣпкія и непріятныя, но спасительныя для него лѣкарства.

«Въ народѣ, имѣющемъ столь великую власть, возникаютъ по необходимости многоразличныя страсти. Периклъ одинъ умѣлъ искусно ими управлять, надеждою и страхомъ, какъ бы уздою, то укрощая ихъ дерзость, то ободряя и одушевляя ихъ въ унынiи. Онъ доказалъ тѣмъ, что витійство, какъ говоритъ Платонъ, есть искусство управлять душами и что главное его дѣйствіе то, чтобы двигать склонностями и страстями, какъ бы струнами души, требующими весьма искуснаго прикосновенія и удара. Виною сему была не одна сила рѣчей его; но, какъ пишетъ Ѳукидидъ, слава его жизни, довѣренность народа къ мужу, самому безкорыстному и непобѣдимому деньгами. Хотя онъ городъ изъ великаго и богатаго сдѣлалъ величайшимъ и богатѣйшимъ; хотя могуществомъ превысилъ многихъ царей и владѣльцевъ, изъ коихъ многіе оставили дѣтямъ своимъ въ наслѣдство свое владѣніе: но онъ ни одною драхмою не умножилъ оставленнаго ему отъ отца имѣнія».

Здѣсь представимъ взглядъ Плутарха на значеніе біографій [1]):

«Описаніе жизней началъ я изъ угожденія другимъ, но уже продолжаю его и пребываю твердъ въ своемъ предпріятіи для себя самаго, стараясь въ Исторіи, какъ зеркалѣ, нѣкоторымъ образомъ исправить жизнь свою и образоваться добродѣтелями описываемыхъ славныхъ мужей. Сіе занятіе совершенно походитъ на сожитіе и тѣсное отношеніе съ кѣмъ либо, когда, какъ

---

[1]) Полнаго изданія Плут. ср. ж. Спб. 1816, Часть IV. стр. 91—92. Павлъ Эмилій (гл. 1).

бы угощая каждаго изъ тѣхъ мужей по очереди, принимаю къ себѣ чрезъ Исторію, разсматриваю *сколь былъ великъ онъ и какихъ свойствъ* [1]), и такимъ образомъ почерпаю изъ дѣяній его то, что въ нихъ превосходнѣе и къ познанію полезнѣе.

«Съ какою радостью сія сравнится радость?» Какое средство можетъ быть дѣйствительнѣе сего къ исправленію нравовъ»?

Предложимъ разсказъ о кончинѣ Филопимена [2]):

«Филопименъ, погруженный въ горести и безпокойствѣ, лежалъ тогда на своемъ плащѣ. Онъ не спалъ; увидѣвъ свѣтъ и стоявшаго близъ себя человѣка, держащаго чашу съ ядомъ, собравъ силы свои съ трудомъ, по причинѣ слабости своей, сѣлъ, принялъ чашу и спросилъ его: не знаетъ ли онъ чего-нибудь о конницѣ, наипаче же о Ликортасѣ? Когда служитель отвѣчалъ ему, что большая часть ихъ спаслась бѣгствомъ, то Филопименъ кивнулъ головою, взглянулъ на него кротко и сказалъ: «Это хорошо! я не совсѣмъ несчастенъ!» Онъ не произнесъ болѣе ни одного слова, не издалъ ни малѣйшаго крика, принялъ ядъ и опять легъ. Отрава не умедлила произвесть надъ нимъ свое дѣйствіе; онъ погасъ скоро, по причинѣ слабости своей [3]). Когда слухъ о смерти его распространился между Ахейцами, то всѣ города впали въ уныніе и горесть. Всѣ молодые люди и Провулы, собравшись въ Мегалополисѣ, ни на короткое время не отложили своего мщенія; они избрали Ликортаса полководцемъ своимъ, вступили въ Мессинскую область и опустошали ее до тѣхъ поръ, какъ Мессинцы, согласившись между собою, приняли въ городъ свой Ахейцевъ. Диновратъ успѣлъ умертвить самъ себя; равнымъ образомъ всѣ тѣ, кои давали свое мнѣніе умертвить Филопимена, сами себя умертвили. Но Ликортасъ ловилъ тѣхъ, кои хотѣли,

---

[1]) Каковъ и сколь великъ. Иліада, кн. 24, стихъ 629. *П. Пер.*

[2]) Полного изданія Плутарха ср. ж. Спб. 1817. Часть V, стр. 244—7. Филопименъ (гл. 20—1).

[3]) Смерть Филопимена послѣдовала въ 571 отъ н. Р. за 183 г. до Р. Х. въ 1-мъ году 149 Олимпіады. *П. П.*

чтобъ онъ былъ преданъ мученіямъ, дабы предать ихъ участи, какой они присуждали Филопимена.

«Ахейцы, предавъ огню тѣло своего полководца, собрали прахъ его въ урну, возвратились назадъ, не въ безпорядкѣ или какъ попало, но совокупивъ побѣдное шествіе съ погребальнымъ; ибо они были украшены вѣнками и въ то же время проливали слезы; за собою вели въ плѣнъ окованныхъ враговъ, — и урну, которая едва была видна отъ множества вѣнковъ и повязокъ; она несома была сыномъ Ахейскаго полководца Поливіемъ [1]), вокругъ котораго шли знаменитѣйшіе Ахейцы. Потомъ слѣдовали вооруженные воины на коняхъ, великолѣпно украшенныхъ; они не обнаруживали печали въ толикомъ бѣдствіи, и не гордились одержанною побѣдою. Жители всѣхъ городовъ и селеній, выходя имъ на встрѣчу, какъ будто бы принимали Филопимена, возвращающагося изъ походовъ, касались урны его съ почтеніемъ и сопровождали его до Мегалополиса. Къ нимъ присоединились старцы съ женщинами и малыми дѣтьми; жалобные вопли ихъ раздались по войску до самаго Мегалополиса, который былъ погруженъ въ горести, почитая потерю сего мужа лишеніемъ первенства своего надъ Ахейцами».

Приведемъ послѣднюю выписку нашу: рѣчь идетъ о судьбѣ Марія [2]).

«Марій нѣсколько отдохнулъ; онъ осмѣлился изъ острова сего [3]) перейти въ Кароагенъ. Преторомъ Ливіи былъ тогда Секстилій, Римлянинъ, которому Марій не оказалъ ни добра, ни зла. Марій ожидалъ, что онъ по крайней мѣрѣ изъ состраданія окажетъ ему пособіе. Но едва вышелъ на берегъ со своими друзьями, какъ посланный отъ Секстилія служитель предсталъ предъ него и сказалъ: «Преторъ Секстилій запрещаетъ тебѣ, Марій, выхо-

---

[1]) Поливій, греческій историкъ, коего сочиненія частію дошли до насъ: ему тогда было 22 года. *П. П.*

[2]) Полнаго изданія Плут. ср. ж. Часть VI. 1818, стр. 217—218. Марій (гл. 40).

[3]) Сициліи.

дить на берегъ Ливійскій; въ противномъ случаѣ, онъ, исполняя опредѣленіе Сената, поступитъ съ тобою, какъ съ врагомъ Римлянъ». Марій, услышавъ сіе, впалъ въ такую горесть и смущеніе, что не находилъ словъ отвѣчать ему. Долгое время пребылъ онъ въ покоѣ, бросая на служителя суровые взоры. Когда онъ спросилъ его, какой отвѣтъ прикажетъ дать Претору; то Марій, съ тяжкимъ вздохомъ отвѣчалъ: «Скажи, что ты видѣлъ Гаія Марія изгнанникомъ, сидящимъ на развалинахъ Кароагена!» Симъ отвѣтомъ весьма прилично представилъ онъ участь того города и превратности своей жизни, въ примѣръ и наставленіе другимъ».

По этимъ выпискамъ читатели могутъ сами составить себѣ нѣкоторое понятіе о языкѣ и слогѣ перевода, исполненнаго 70—77 лѣтъ тому назадъ.

Б. Мнѣніе переводчика о своемъ трудѣ.

Вотъ что̀ писалъ въ то время, еще въ молодости, о своемъ переводѣ самъ С. Ю—чъ [1]): «Сколь ни дуренъ мой переводъ, думалъ я, однако онъ довольно вѣренъ, по возможности близокъ къ оригиналу, достоинство не маловажное, особливо когда позволяется лучшихъ авторовъ, древнихъ и новыхъ, переводить съ французскихъ, не всегда хорошихъ переводовъ! Плутархъ самъ не избѣгъ жестокаго жребія—быть переведеннымъ съ французскаго перевода [2]). Сей переводъ не приноситъ никому ни пользы,

---

[1]) Въ «Краткомъ Извѣстіи». (Полн. изд. «Плут. ср. ж.» Ч. I. стр. LXV—LXVI).

[2]) Къ этому мѣсту принадлежитъ примѣчаніе С. Ю—ча, читаемое на стр. LXVI, въ которомъ онъ показываетъ нѣсколько самыхъ грубыхъ ошибокъ въ осьми жизнеописаніяхъ, изданныхъ въ 1765 г. Объ изданіяхъ своихъ современниковъ С. Ю—чъ не говоритъ ни слова. Мы разсматривали первую часть книги, имѣющей такое заглавіе: «Жизнь знаменитыхъ мужей, описанныхъ Плутархомъ. Переводъ съ Французскаго. Спб. Ч. I. 1812, Ч. II. 1816 г.». Здѣсь пропускаются цѣлыя страницы изъ Плутарха, при чемъ цѣль такихъ пропусковъ не объяснена и переводъ не названъ сокращеннымъ. Мы нашли здѣсь большія отступленія отъ подлинника.

ни удовольствія; но мои труды помогутъ какому нибудь искуснѣйшему переводчику перевесть Плутарха исправнѣе».

Въ старости о своемъ переводѣ высказался С. Ю—чъ слѣдующимъ образомъ [1]): «Переводъ Плутарха конечно не отличный—самъ переводчикъ чувствовалъ свои недостатки, однакожъ не такъ же дуренъ»... подразумѣвается, какъ отозвался о немъ критикъ Отечественныхъ Записокъ, и въ доказательство своихъ словъ переводчикъ дѣлаетъ ссылки на 25 мѣстъ, взятыхъ на удачу. «Переводчикъ исполнилъ свое дѣло добросовѣстно, продолжаетъ авторъ «Ч. Отвѣта», со всѣмъ возможнымъ стараніемъ; къ нему не должно отнести итальянскія слова traduttore traditore. И вотъ какъ онъ поступилъ: онъ собралъ разныя изданія подлинника; къ счастію его незадолго до того началъ издавать Плутарха въ Парижѣ извѣстный грекъ Кораисъ съ разными поправками и изъясненіями. Онъ собралъ разные переводы, а именно: латинскій, французскій, англійскій и нѣмецкій. Есть люди, которые скажутъ: такъ и Г. переводчикъ переводилъ съ французскаго или нѣмецкаго. Пусть всякой думаетъ, что хочетъ; переводчикъ замѣтитъ, что въ Плутархѣ, какъ и во всѣхъ древнихъ писателяхъ есть мѣста, которыя должно изъяснить по догадкѣ, по разнымъ соображеніямъ, и нерѣдко случалось, что коментаторъ исправлялъ въ авторѣ испорченное мѣсто по догадкѣ какого нибудь переводчика — и поправка была самая приличная. Послѣдній издатель Плутарха извѣстный Рейске исправлялъ многія мѣста въ самомъ подлинникѣ по переводу Аміо... Кораи признавался, что при изданіи Политики Аристотеля многія мѣста исправлялъ по переводу Аретина. Глупъ будетъ тотъ переводчикъ, кто не захочетъ пользоваться трудами своихъ предшественниковъ при переводѣ древняго автора! Онъ переводилъ жизнеописанія, держась какъ можно ближе къ подлиннику, не пропу-

[1]) См. «Черновой Отвѣтъ 1847 г.». О критикѣ От. Зап. мы говорили выше, стр. 26.

ская ни слова[1], не позволяя себѣ ни малѣйшаго отступленія. По переводѣ сличалъ опять переводъ свой съ подлинникомъ, чтобъ удостовѣриться, нѣтъ ли ошибки или пропуска — наконецъ читалъ свой переводъ одинъ и два раза и поправлялъ его. Такъ какъ въ первыхъ 6 частяхъ онъ самъ держалъ корректуру, то и при этомъ случаѣ онъ исправлялъ также свой переводъ и сколько могъ старался сдѣлать его глаже».

В. Нѣкоторыя свойства занимающаго насъ перевода.

Вотъ что̀ сообщилъ о своемъ переводѣ самъ переводчикъ въ молодости своей и что̀ въ старости своей. Сынъ же его, какъ лѣтописецъ, полагаетъ, что съ его стороны будетъ достаточно указать читателямъ на нѣкоторыя свойства его перевода: они будутъ видны изъ слѣдующихъ примѣровъ: Существительныя отвлеченныя обращены въ личныя: *πολλὰ καταμίξας ἀκοντίσματα καὶ τοξεύματα τοῖς θηρίοις* III, 25 Pyrrh. 2. = «поставивъ между слонами многихъ копіеносцевъ и стрѣльцевъ» VI, 65[2]).—Намѣренное двусмысліе слова греческаго выражено двумя словами русскими, изъ которыхъ одно представляетъ переводъ, а другое поясненіе: ἐπαριστέρους καλεῖσθαι Κάτωνας II, 292 Marc. Cato 19. = «называлъ *львыми*, т. е. неловкими Катонами» V, 146.—Греческое прозвище объяснено: ἑαυτὸν Ἐπαφρόδιτον ἀνηγόρευε III, 168 Sulla 34 = «называлъ себя (Силла) Эпафродитомъ (любимцемъ Венеры)» VI, 434.—Для большей ясности представленія переводъ прибавляетъ слово: ἔγραψε πόρπῃ III, 3 Pyrrh. 2 = «написалъ на ней [3]) шпенькомъ пряжки» VI, 6; или: ἐν μέσῳ τὸ παιδίον ἐπὶ τῆς γῆς κατέθεσαν III, 3, Pyrrh. 3 = «положили дитя на

---

[1]) Точнѣе было бы сказать: «не упуская изъ вида значеніе ни одного слова»; во всякомъ случаѣ отецъ не хотѣлъ сказать, что переводилъ слово въ слово.

[2]) Греческіе примѣры мы приводимъ по изданію Кораи: Πλουτάρχου βίοι παράλληλοι... Ἐν Παρισίοις..., ͵ΑΩΘ., указывая томъ, страницу и главу съ именемъ лица, чья біографія. Русскія ссылки по полному изд. Плут. ср. ж.

[3]) Т. е. на корѣ дуба.

полъ посреди чертога» VI, 7. — Греческое слово неблагопристойное обойдено: τὸν γαστέρα λέγων καὶ τὰ αἰδοῖα καὶ τὸν λαιμόν II, 6 Alcib. 6 = «желудокъ, горло и прочее» III, 197.—По образцу слова греческаго составлено слово русское: τῶν ἠγωνισμένων αὐτάγγελος II, 286 Marc. Cato 14 = «самовѣстникомъ своихъ подвиговъ». V, 131. — Вмѣсто двухъ синонимовъ греческихъ поставлено одно выраженіе русское: δημαγωγεῖσθαι καὶ στασιάζειν I, 245 Camill. 9 = «предавались крамоламъ» II 264. — Одно греческое слово, по требованію смысла, выражено двумя русскими: ἀρὰς θέσθαι τοὺς ἱερεῖς ἔγραψεν II, 250. Arist. 10 = «написалъ опредѣленіе, чтобъ жрецы прокляли V, 35. Вставка глагола въ предложеніи безглагольномъ: ὁ δ᾽ἀγὼν οὐχ ὑπὲρ χώρας μόνον II, 257 Arist. 16 = «намъ предстоитъ подвигъ не только за область свою» V, 52.—Дѣйствительный глаголъ съ зависящимъ отъ него винительнымъ переданъ глаголомъ возвратнымъ: ὀψὲ μὲν ἀμφότερα δ᾽ἅμα νοῦν ἐσχήκαμεν I, 221—2 Them. 18 = «хотя поздо, но оба вмѣстѣ мы образумились» II, 202. — Прошедшее выражено настоящимъ (о стремительности Кельтовъ): οὐδὲν ἐμποδὼν, ἐποιοῦντο τῆς σπουδῆς, ἀλλ᾽ ἐχώρουν παντὶ τάχει I, 252 Cam. 18 = ничто не останавливаетъ ихъ: они идутъ со всевозможною поспѣшностію II, 280. — Одно греческое предложеніе выражено нѣсколькими русскими: ἐκπεσόντος δὲ τῆς πόλεως αὐτοῦ, καὶ διατρίβοντος ἐν Ἄργει, τὰ περὶ Παυσανίαν συμπεσόντα κατ᾽ αὐτοῦ παρέσχε τοῖς ἐχθροῖς ἀφορμὰς I, 226. Them. 23 = «Ѳемистоклъ, по изгнаніи своемъ изъ Аѳинъ, жилъ въ Аргосѣ. Случившееся тогда съ Павсаніемъ подало поводъ непріятелямъ къ его обвиненію» II 215 [1]). Косвенная рѣчь часто замѣняется прямою: οὐκ ἔφη τὸν θάνατον ὀδύρεσθαι καὶ γὰρ ἐλθεῖν οἴκοθεν ὑπὲρ τῆς Ἑλλάδος ἀποθανούμενον ἀλλ᾽ ὅτι θνήσκει τῇ χειρὶ μὴ χρησάμενος II, 258. Arist. 17 = «Калликратъ.... умирая сказалъ: «я не жалѣю о томъ, что погибаю; ибо умереть за Грецію

[1]) Примѣры этого часты: ср. напр. греч. I 237. Cam. 2 = рус. II, 243; гр. III, 96 Lys. 3 = рус. VI 243—4.

пришелъ я сюда изъ своего дома — жалѣю только о томъ, что умираю, ничего не произведши»[1] V, 56. — Глаголъ переданъ нарѣчіемъ: Προσεποιεῖτο θαυμάζειν II, 279 Marc. Cato 8 = «притворно удивлялся» V, 112. и т. д. и т. д.

Здѣсь далеко не исчерпаны разнообразные способы перевода, замѣченные нами въ занимающемъ насъ трудѣ: выписанные выше примѣры даютъ о нихъ лишь приблизительное понятіе.

Г. Отдѣльные примѣры языка, въ переводѣ Плутарха.

Мы представимъ прежде рядъ такихъ словъ и формъ въ переводѣ Плутарха, которыя въ первой четверти нашего столѣтія еще были употребительны въ литературномъ изложеніи, но въ послѣдствіи времени понемногу выходили изъ употребленія, и въ нынѣшней письменности либо вовсе не встрѣчаются, либо очень рѣдко. Таковы слѣдующія слова и формы: *извитія*, *лавиринѳъ*, *махина* (и машина), *гласы*, *двѣсти*, *тридесятый*, *кои*, *приближились*, *заклалъ*, *везомый*, *стрегомый*, *вкупѣ*, *паки*, *наипаче*, *токмо* (и только) и т. п. Есть значенія словъ почти вовсе исчезнувшія: напр.: *непремѣнный* въ значеніи *неизмѣнный*, *пресловутый*—не въ ироническомъ смыслѣ. Прибавимъ и нѣсколько оборотовъ и конструкцій, которые со временемъ вывелись: личное мѣстоименіе въ 3-мъ лицѣ послѣ предлога иногда безъ *н*: между *ими* (но и съ *н*: противъ нихъ). Иногда при страдательномъ залогѣ стоитъ не творительный, а родительный съ *отъ*: оскорбленъ *отъ* него, основанный отъ, пойманъ отъ. Нерѣдко глаголъ ставится на концѣ. Встрѣчаются обороты: попадаться предъ глаза, приведеніе въ дѣйство и т. п.

Церковно-славянскія и вообще старинныя книжныя слова и формы встрѣчаются часто, но преимущественно при слѣдующихъ случаяхъ: 1) когда говорится о богахъ, лицахъ и предметахъ,

---

[1]) Примѣры такой конструкціи гр. II 256. Arist. 15 ср. съ рус. V 75; гр. II, 337. Flam. 5 съ рус. V 263; гр. II 324. Philop. 15 съ рус. V 231.

признававшихся за священные; напр.: *владыко*, въ отвѣтъ человѣка богу V, 39; «бога *вся* сохраняющаго» II, 225; «но ты, Аполлонъ, радуйся и дай мнѣ *благая*» IV, 133. 2) Когда говорится о событіяхъ и положеніяхъ торжественныхъ, трагическихъ или трогательныхъ: «самыя домашнія животныя, съ жалобными криками *провождавшія* своихъ *питателей*, трогали душу» II, 184; «доколѣ сіе свѣтило будетъ *тещи* тѣмъ же путемъ» V. 35. 3) При переводѣ стиховъ, вставляемыхъ авторомъ въ свой текстъ, какъ бы они ни были переведены — стихами или прозой: «изъ страны *чуждыя*» II, 38; «ужасенъ *логовъ* львинъ» VI, 233. Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что употребленіе церковно-славянскихъ и вообще старинныхъ книжныхъ словъ и формъ вызвано характеромъ предмета; однакожъ нѣтъ сомнѣнія, что слова и формы эти употреблены и въ такихъ мѣстахъ, которыя ни значеніемъ своимъ, ни тономъ, повидимому, не давали къ тому особеннаго повода; напр. *двѣсти* талантовъ II, 221—2; носятъ на рукахъ дѣтей своихъ *сестръ* II, 252; *пресѣкала* дорогу рѣка VI, 159. Уже въ старости своей переводчикъ, взглянувъ на давно прошедшее, далъ объясненіе только что отмѣченнымъ нами явленіямъ рѣчи. Сославшись на двадцать слишкомъ мѣстъ своего перевода, онъ выразился слѣдующимъ образомъ:

«Всѣ эти мѣста, взятыя на удачу, даютъ право переводчику сказать, что три восклицанія... какой слогъ!!! не могутъ отнестись къ переводу, сдѣланному за 37 лѣтъ, т. е. въ то время, когда не славянофильство, а славянщина была въ большой силѣ подъ эгидою Шишкова и другихъ извѣстныхъ въ литературѣ лицъ, которымъ молодые люди, въ томъ числѣ и переводчикъ Плутарха должны были вѣрить, какъ авторитетамъ» [1]).

Не смотря однако на это признаніе переводчика, нельзя отнести его къ школѣ Шишкова, хотя онъ и платилъ нѣкоторую дань той манерѣ, которой держался этотъ стилистъ.

Продолжаемъ свой перечень мѣстъ. Переводчикъ пользовался

[1]) См. «Черновой отвѣтъ 1847 года».

иногда выраженіями изъ языка разговорнаго и даже простонароднаго. Вотъ доказательства: *стельная* корова I, 313; взяли *въ полонъ* II, 107; *ущелины* II, 140; далеко *ото* всѣхъ; *потемнялъ* воздухъ V, 260; развернувъ тогу (Катонъ) нарочно *вывалилъ* изъ ней въ Сенатѣ Ливійскія фиги V, 171; схвативъ *ручонками* его за платье (о ребенкѣ) VI, 7. (*λαβόμενος τοῦ ἱματίου ταῖς χερσί* (3,3, Pyrrh. 3); *пришедши ...находишь* основаніе II, 239. *κάμψαντι... κρηπίς ἐστιν* 2. 239 Them. 32); пусть лучше тутъ останется, *чѣмъ ему* ходить V, 23; однако жъ теперь *смотри не дремать* VI, 435 (*ὥρα μέντοι σοὶ μὴ καθεύδειν* III, 168[1]), Sol. 34.

Не входя въ опредѣленіе и оцѣнку языка и слога, замѣчаемыхъ въ переводѣ Плутарха, я позволю себѣ однако сказать, что ни церковно-славянскіе и старокнижные, ни разговорные элементы не составляютъ характеристики языка и слога этого перевода.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ то стараніе, съ которымъ С. Ю—чъ исправилъ въ полномъ изданіи нѣкоторые недостатки пробнаго. Мы упомянули о томъ, что Каченовскій, при разборѣ пробнаго изданія перевода Плутарха, указалъ на нѣкоторыя неправильности языка[2]. Вотъ нѣкоторые изъ приведенныхъ имъ примѣровъ: У Каченовскаго отмѣчено: «Стр. 10: «*Во снѣ приснилось* ему». Такъ дѣйствительно въ пробномъ изданіи I, 10; но въ полномъ: «ему *приснилось*». По сличеніи всѣхъ мѣстъ, приведенныхъ Каченовскимъ изъ прежняго изданія, съ параллельными мѣстами слѣдующаго изданія, мы убѣдились, что замѣчанія критика не пропали безслѣдно для переводчика. Прибавимъ и тѣ наблюденія, которыя сдѣланы нами при взаимномъ сравненіи

---

[1]) Страннымъ образомъ по вольности перевода явилось въ немъ слово *смотри*, которому дословно соотвѣтствовало бы слово ὅρα; но никто конечно не подумаетъ, что переводчикъ смѣшалъ ὅρα и ὥρα. Притомъ слово ὥρα передано словомъ *теперь*.

[2]) См. стр. 15 нашей статьи и статью Каченовскаго въ Вѣстн. Евр. 1813. Ч. I., на стр. 77—78.

шести первыхъ частей полнаго изданія. Въ Т. I (204) читаемъ: «*влажныя* произведенія», а во II (43): «сухія и *жидкія* произведенія». Греческое φορεῖον переведено было сперва словомъ «*стулъ*», а потомъ два раза словомъ «*носилки*» (I, 69 и VI. 55 и 153 = греч. изд. Кор. I, 307 и III, 22 и 61 Mar. 17). Сперва читаемъ «мнасъ» (II 37), и тутъ же въ примѣч. 40: «по лат. *мина*; мнасъ въ славян. книгахъ»; а потомъ находимъ: «70 минъ» (V, 6 = ср. *τὴν μνᾶν* I, 157. Sol. 15; *μνᾶς ἑβδομήκοντα* II, 240 Arist. I.). Въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ въ жизни Агесилая, гдѣ находимъ по пробному изданію слово «ополченіе», въ полномъ поставлено «силы» или «войско» (I 1810: стр. 17, 21, 51, 71, 100; VIII, 1821: стр. 166, 171, 212, 237, 276). Такую перемѣну, я думаю, должно объяснить тѣмъ обстоятельствомъ, что послѣ войны 1812 г. слово «ополченіе» получило тотъ спеціальный смыслъ, который не ускользнулъ отъ вниманія переводчика, и который побудилъ его избѣгать этого слова при переводѣ своего классика.

Д. Способы передачи именъ собственныхъ и названій древнихъ предметовъ и устройствъ.

О написаніи именъ людей и мѣстъ самъ переводчикъ въ своемъ Краткомъ Извѣстіи даетъ слѣдующее объясненіе: «я долженъ нѣчто сказать, пишетъ онъ, объ употребленіи Греческихъ и Латинскихъ именъ. Россіяне принявъ отъ Грековъ вѣру, письмена и нѣсколько понятій Историческихъ, Философскихъ и проч. сохранили во всѣхъ иностранныхъ именахъ Греческій выговоръ 10 вѣка. Такъ напр. они говорятъ Авраамъ, а не Абрагамъ; Θеодосій, а не Теодозій, Киликія, а не Цилиція. Латинскія имена произносили по примѣру Грековъ, говоря Кесарь, вмѣсто Цезарь, Патрикіи вм. Патриціи. Такъ Россіяне употребляли сіи имена до 18 вѣка, когда начали заимствовать многія понятія у европейцевъ, придерживающихся Латинскаго выговора. Многіе начали употреблять Латинскій, но другіе слѣдовали Греческому, по примѣру Славянскихъ книгъ. Вскорѣ нѣкоторые, не заботясь ни о

Греческомъ ни о Латинскомъ, слѣдовали выговору Французскому; и сіи-то пишутъ *Симонъ, Эшилъ* и проч. Кто въ семъ выговорѣ узнаетъ Кимона или Цимона и Эсхила? Простительно ли портить имена и приводить въ замѣшательство читателя, который можетъ принять Кимона Аѳинянина за Симона Іудеянина? Такъ случиться можетъ, что въ Русской книгѣ найдемъ Сезарь, Тюсидидъ, Аристотъ, Амброазъ—и не узнаемъ сихъ великихъ мужей. Что до меня касается я послѣдовалъ выговору прежде Россіянами употребляемому, и отступалъ отъ него только въ такихъ случаяхъ, когда какое либо имя не иначе могло быть узнано, какъ по Латинскому выговору. Такъ напр.: пишу Тезей, Улиссъ, Аяксъ, и не Ѳисей, Одиссей, Эантъ. Во всѣхъ другихъ случаяхъ употреблялъ я Греческій выговоръ, хотя многимъ онъ уже кажется страннымъ. Впрочемъ тѣ, кои хотятъ, чтобы мы писали Демостенъ, Темистоклъ, Лесбосъ, пусть сами начнутъ писать Атены, Тебы и т. д. вмѣсто Аѳины, Ѳивы и проч.».

Выписанныя мною замѣчанія отца моего относятся къ именамъ людей и мѣстъ. Въ именахъ же греческихъ боговъ онъ рѣдко держится ихъ греческой формы, а большею частью воспроизводитъ ихъ въ формѣ именъ соотвѣтственныхъ имъ боговъ латинскихъ. Это должно объяснить установившимся у насъ еще раньше того времени обычаемъ держаться римскихъ названій боговъ преимущественно передъ греческими, хотя бы дѣло шло о богахъ греческихъ. Даже и тамъ, гдѣ переводчикъ сохранилъ греческія имена боговъ, они имъ поясняются поставленными въ скобкахъ именами римскими. Напр. Ἀθηνᾶ = Аѳина (Минерва), Ἄρης = Марсъ, Ἄρτεμις = Артемида, Діана, Ἀφροδίτη = Венера и т. д. Прозвища же греческихъ боговъ обыкновенно ставятся въ греческой ихъ формѣ съ переводомъ этого прозвища. Напр.: Ἀριστοβούλη (Ἄρτεμις ἣν Ἀριστοβούλην προσηγόρευσεν = Діана, которую назвалъ Аристовулою (благосовѣтная (II, 214. Ѳем. 22.—Ἐλευθέριος (Ζεύς) = Зевесъ Элевѳерій (освободитель) (V, 65, Арист. 20).—Εὔκλεια Ἄρτεμις = Артемида Эвклія (доброй славы) V, 68, Арист. 20.

Термины, относящіеся къ греческимъ учрежденіямъ, = иногда вносятся въ русскій текстъ въ ихъ греческой формѣ съ припиской или безъ приписки ихъ значенія, иногда же ставятся только въ переводѣ. Вотъ примѣры: ἀριστοκρατία = аристократія, δᾳδοῦχος = свѣченосецъ, δεκαρχία = десятиначаліе, ὀλιγαρχία = олигархія, малоначаліе, στρατηγία = полководство.

Перейдемъ къ міру римскому. Названія римскихъ боговъ оставлены въ ихъ латинской формѣ, не смотря на то, что въ подлинникѣ они имѣютъ большею частью форму греческую. Напр. Ζεύς = Юпитеръ, Ἥρα Юнона, Ἀφροδίτη = Венера. Имена римскихъ дѣятелей Греки писали большею частью въ измѣненномъ видѣ сравнительно съ латинскими ихъ именами; въ переводѣ же Плутарха возстановлены названія латинскія. Напр. Βίβλος = Бибулъ, Κέλερ = Целеръ, Κόϊντος Τίτιος = Тицій Квинтъ и т. д. Однакожъ, Cato, Cicero, Stolo переводчикъ пишетъ Катонъ, Цицеронъ, Столонъ, въ чемъ онъ держался установившагося гораздо раньше его времени обычая: еще Ломоносовъ писалъ Цицеронъ, Туберонъ, Пизонъ [2]). Въ названіяхъ римскихъ мѣстностей переводчикъ слѣдуетъ указаніямъ латинскаго языка: Капуя, Капуу, по Capua, а не по Καπύη; Аскулумъ по Asculum, а не по Ἄσκλον; Брундузіумъ по Brundusium, а не по Βρεντήσιον.—Учрежденія, принадлежащія къ міру римскому, Плутархъ обыкновенно передаетъ греческими терминами; переводчикъ же передаетъ ихъ иногда сходно съ ихъ латинской формой, приписывая большею частью по-русски ихъ значеніе, иногда же пишетъ одно только значеніе слова. Напр. ἀγορανομία = эдильская должность, ἀνὴρ δημοτικός = плебеянинъ, ἀνθύπατος = проконсулъ, βουλή или σύγκλητος = сенатъ.

Замѣтимъ, что переводчикъ Плутарха одно и то же греческое слово передаетъ различно, смотря по тому, означаетъ ли оно терминъ греческій, или римскій. Онъ въ этомъ держится выше приведенныхъ пріемовъ. Такъ δῆμος, принадлежа къ греческому

---

[1]) См. его Краткое руководство къ краснорѣчію, стр. 215, 216. Спб. 1748.

міру, переводится и *народоправленіе* и *мѣстечко*; принадлежа къ римскому переведено — *римскій народъ*; στρατηγία въ первомъ случаѣ передана *полководство*, во второмъ *преторство* и т. п.

Предметы изъ римской жизни, которые біографъ пишетъ обыкновенно въ греческомъ ихъ переводѣ, либо въ формѣ хотя и латинской, но эллинизованной, переводъ постоянно воспроизводитъ или въ формѣ, близкой къ латинской (иногда съ объясненіемъ), или въ переводѣ: δίφροι ἀγκυλόποδες = курульныя сѣдалища, θῆσσαι = тензы (по tensae), λίτυον = литуусъ (жезлъ авгуровъ) (по lituus), παλάτιον и παλάντιον = палаціумъ и палатіумъ, σπεῖρα = когорта (по cohors) и т. п.

3. Комментарій къ переводу.

О примѣчаніяхъ, приложенныхъ къ своему переводу С. Ю-чъ писалъ два раза. Въ первый разъ въ «Краткомъ Извѣстіи»: отзывъ этотъ относится слѣдовательно къ 1814 году; вотъ онъ:

«Желая сдѣлать сію книгу полезнѣе для читателей, пишетъ переводчикъ въ молодости своей, особливо для тѣхъ, кои не весьма знакомы съ древнею Исторіею, я обогатилъ его примѣчаніями Дасье, Мезерая, Клавье, Рюальда, Корая, братьевъ Лангхорнъ [1]) и нѣкоторыхъ другихъ. Моихъ замѣчаній очень мало. Надѣюсь, что и географическія карты, при семъ издаваемыя, не безполезны для молодыхъ читателей, которымъ древнія названія государствъ не извѣстны» [2]).

Второе свѣдѣніе далъ переводчикъ въ старости. Выражаясь о себѣ въ третьемъ лицѣ, онъ пишетъ слѣдующее:

«Наконецъ онъ обогатилъ свой переводъ хронологическими замѣчаніями, въ недостаткѣ которыхъ упрекаютъ Плутарха, также примѣчаніями географическими, миѳологическими, филосо-

---

[1]) Въ «Краткомъ Извѣстіи» по опечаткѣ читаемъ Лансгорнъ (стр. LXXVI); эта фамилія пишется Langhorne. *Г. Д.*

[2]) «Кратк. Извѣстіе», стр. LXXVI.

фическими, историческими, сравнивая описанія Плутарха съ описаніями другихъ древнихъ писателей; монеты и мѣры переведены по возможности на русскія. О мѣстахъ трудныхъ и сомнительныхъ приведены мнѣнія разныхъ ученыхъ и комментаторовъ или переводчиковъ Плутарха. Такихъ примѣчаній въ каждой жизни отъ 30 до 100 и болѣе; въ жизни Помпея 123, въ жизни Александра 139, Кесаря 112: они дѣльныя, и для людей, которые или немногому учились или иное забыли [1]), между этими примѣчаніями переводчикъ находитъ такія, которыя выражаютъ его тогдашній образъ мыслей и онъ не стыдится его. Вотъ между прочимъ въ жизни Катона одно примѣчаніе, въ которомъ онъ защищаетъ слова Сократа отъ нападенія этого чудака Катона. Часть V, стр. 159. Въ этомъ примѣчаніи молодой переводчикъ высказалъ свою душу» [2]).

Итакъ переводчикъ самъ называетъ свои примѣчанія заимствованными: имѣя въ виду большинство читателей, онъ не часто приводитъ источники и пособія, а когда и приводитъ ихъ, то рѣдко ставитъ при нихъ ссылки на изданіе, часть, страницу и т. п. Безпритязательность, съ какою онъ отзывается о своихъ примѣчаніяхъ, отнюдь не приписывая имъ ученаго значенія, снимаетъ съ насъ обязанность прослѣдить его источники.

Ниже, однако, мы покажемъ, что онъ по временамъ вносилъ въ примѣчанія и собственную критику; что она иногда касалась и самаго текста автора. Сверхъ того, находя въ «Дневникѣ» моего отца 1808 г. множество греческихъ выписокъ изъ Ксенофонта, Эліана, Суиды и другихъ, я готовъ видѣть въ этихъ выпискахъ матеріалъ, собираемый имъ для примѣчаній къ Плутарху, — тому писателю, который въ то время ужъ начиналъ охватывать не малую часть его умственной дѣятельности. Укажемъ на нѣкоторыя стороны его примѣчаній къ переводу, насъ занимающему.

---

[1]) Предложеніе не кончено въ черновомъ: можно бы дополнить его словами: полезны и необходимы. *Г. Д.*

[2]) Къ этому признанію мы воротимся. Эта выписка взята изъ «Черноваго Отвѣта 1847 или 1848 г.», стр. 19—20. *Г. Д.*

А. Примѣчанія по критикѣ текста.

Примѣчанія С. Ю—ча иногда заключаютъ въ себѣ оправданіе того или другаго чтенія въ текстѣ писателя. Мы не станемъ приводить тѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ слѣдуетъ своему знаменитому современнику и соотечественнику, Адамантію Кораи, котораго изданіе Плутарховыхъ жизнеописаній было въ то время лучшимъ [1]). Укажемъ на нѣсколько случаевъ несогласія переводчика съ чтеніемъ Кораи. Передъ Πορσήναν въ разныхъ спискахъ стоитъ то Κλάραν, то Λάραν. Кораи, не высказывая своего основанія, вноситъ въ текстъ Κλάραν; переводчикъ же пишетъ *Лару Порсенъ* [2]), тоже безъ объясненія такого предпочтенія. Извѣстно однако, что Діонисій Аликарнасскій пишетъ Λάρος Πορσίνας (5, 21), что Титъ-Ливій пишетъ Lartem Porsenam (II, 9), что по послѣдующимъ разысканіямъ lars по-этруски значитъ владыка или царь. Въ жизни Александра упоминается, что онъ «спѣшилъ очистить отъ непріятелей приморскія области до Финикіи и Киликіи». Въ прим. С. Ю—чь пишетъ: «Финикія здѣсь не прилично поставлена; по мнѣнію критиковъ надлежитъ разумѣть Памфилію: ибо Финикія далѣе въ Сиріи». Въ современныхъ русскому переводчику греческихъ текстахъ Шмидера и Кораи стоитъ безъ оговорокъ Φοινίκης [3]). Какимъ критикамъ послѣдовалъ авторъ русскаго

[1]) Сошлемся на нѣкоторыя поправки Кораи, которыхъ держался С. Юрьевичь въ своемъ переводѣ, и пояснялъ въ своихъ примѣчаніяхъ: ἐν τῷ [μὴ] μετρίῳ (μὴ прибавлено Кораи) Plut. Vitae, ed. Cor. I 188 = Плут. ср. ж. II, 114 (Публ. 12) и пр. 34.—Γυναῖκας ἀνδρῶν ἄλλας [οὐκ] ἀπήλλαξαν (οὐκ вставленъ издателемъ) Id. II, 124; рус. IV, 102 стр. 18. — Ἕλληνες, а не ἐλεῖν Id. II, 126 и проч. = рус. IV, 107 и проч. 26. — Φιλόνεικος есть имя личное, а не прилагательное Id. II, 157 и прим.; рус. IV, 193 и пр. 98. — Πόλεμων, а не πολεμίων Id. II. 10 и прим.; рус. III, 205 (Алек. 12).—Вставить ἐν Θετταλίᾳ Id. II. 22 и прим.; рус. III, 241 (Алекс. 23) и пр. 63. — Вмѣсто Гедросіи должна бы быть Караманія ed. Cor. IV, 255 и пр.; рус. пер. IX, 196 (Алекс. 67) и т. д.

[2]) Plut. Vitae, ed. Coraës I, 191 (Popl. 16); рус. II, 125.

[3]) Рус. пер. IX, 49 (Алекс. 17). — Schmieder, Plutarchi Vitae parallelae Alexandri et Caesaris. Halae Magd. 1804, 8°; Πλουτάρχου βίοι παράλληλοι . . . Ἐν Παρισίοις, 1812. Ч. IV, стр. 201. Это и есть изданіе Кораи.

примѣчанія — намъ неизвѣстно. Ограничимся этими примѣрами: они доказываютъ, что хотя переводчикъ, какъ мы видѣли, и не задался учеными цѣлями, однако не оставался равнодушнымъ къ состоянію текста переводимаго имъ автора.

Б. Примѣчанія объяснительныя.

Несравненно многочисленнѣе тѣ примѣчанія, въ которыхъ читатели находятъ объясненіе предметовъ и словъ: такія примѣчанія особенно нужны для большинства читателей. Вотъ примѣры. Переведши слова Плутарха τὴν ἄνω πόλιν «верхнимъ городомъ», С. Ю—чь поясняетъ въ прим.: «Верхнимъ городомъ назывались Аѳины въ отношеніи къ Пирею». Еслибъ не было дано такого объясненія, нѣкоторые читатели могли бы принять выраженіе «верхній городъ» за Акрополь [1]). Упомянуто въ текстѣ включеніе одного стиха въ Омирову «Некію» (Νεκυία) и приложено толкованіе: «такъ называется 11 кн. Одис. гдѣ повѣствуется о сошествіи Улисса въ царство мертвыхъ ст. 630» [2]). На той же страницѣ приведенъ стихъ Іона, и по этому поводу пояснено, что «Іонъ трагическій стихотворецъ который въ 80 Олимпіадѣ представлялъ въ Аѳинахъ свои трагедіи» [3]). Въ такомъ же родѣ, то короче, то длиннѣе и другія объяснительныя примѣчанія [4]). Больше, чѣмъ въ настоящее время, могли нуждаться въ такомъ коммента-

---

[1]) Plut. V., Cor. III., 141 = рус, пер. VI. 364 (Силла 12). см. прим. 29.

[2]) Plut. Vitae. ed. Cor. I (Thes. 20) = рус. пер. I, ст. 37. прим. 56.

[3]) Тамъ же пр. 57.

[4]) См. слѣдующія примѣчанія: о Ѳеоридѣ I, 53, п. 78; объ Илотахъ I, 183, п. 9; о словѣ ἀνήρ въ особенномъ юридическомъ значеніи, I. 204, п. 33; о трехстахъ мужахъ въ Лакедемонѣ I, 253, п. 80; о скиталѣ I, 267. п. 91; объ Идеяхъ Дактиляхъ I. 325, п. 65; о выраженіи: продавать дочерей II, 59, п. 58; о квесторской должности II, 116, п. 35; объ остракизмѣ II, 168, п. 27; о священномъ кораблѣ II. 174. п. 36; о выраженіи «поднять махину» II. 180. п. 45; о словахъ: царскія двери II, 224, п. 109; объ Ариманіи II. 228. п. 113; о словахъ: «мать боговъ» 233, п. 117; о цензорской должности II. 243. п. 6; о нѣкоторыхъ греч. монетахъ II, 284, п. 40; о метикахъ III. 194, п. 16; о выраженіи «поступить по критски» IV, 155, п. 73; о Македонской фалангѣ V, 270. п. 15; о трояком̃ъ личномъ имени у Римлянъ VI, 110, п. 2 и т. д.

ріи читатели того времени, когда не было еще порядочныхъ словарей, ни греко-русскихъ, ни латино-русскихъ, ни энциклопедическихъ, ни предметныхъ по классическому міру.

В. Примѣчанія дополнительныя.

Есть въ этомъ переводѣ и такія примѣчанія, которыя дополняютъ текстъ, сообщая читателю взятыя изъ другого источника свѣдѣнія о предметѣ, находящемся въ текстѣ; или же вдвигая какой либо частный фактъ въ ту общую связь событій, къ которой онъ принадлежитъ. Такъ, въ жизни Солона Плутархъ излагаетъ установленные этимъ политикомъ законы, главы 14—25; одно изъ примѣчаній переводчика, приложенныхъ къ этимъ 11 главамъ, пополняетъ перечень автора [1]). Въ другомъ мѣстѣ, по поводу дѣлъ, связанныхъ съ отправкой Ѳемистокла въ Спарту посломъ, разсказанныхъ Плутархомъ сжато, переводчикъ составилъ по Ѳукидиду обстоятельное ихъ описаніе [2]). Нельзя не видѣть, что поводы войны, завязавшейся между Аѳинами и Лакедемономъ, Плутархъ сообщаетъ не довольно обозрительно: въ примѣчаніи выставлены и требованія Лакедемонянъ и сдѣланный Периклом отпоръ [3]). Авторъ въ разсказѣ объ Аратѣ утверждаетъ, что онъ усилилъ Ахейскій союзъ; переводчикъ при этомъ даетъ общее понятіе обо этомъ союзѣ [4]).

---

[1]) Пл. ср. ж. II, стр. 68, прим. 71, заимствованное изъ Діогена Лаэртскаго.

[2]) Пл. ср. ж. II, 205—6 (Ѳем. 19), прим. 86.

[3]) Тамъ же III, 76—8 (Пер. 29—30), прим. 93.

[4]) Тамъ же V. 207 (Филоп. 8), пр. 15. — Къ такимъ дополненіямъ принадлежатъ и слѣдующія: объ Антеѣ I, 9, п. 31. (Тез. 11); о праздникѣ Осхофорій I, 9. п. 68 (Тез. 23); о пританеѣ I. 47. п. 69 (Тез. 24); о связи патроновъ съ кліентами I, 111, п. 42 (Ром. 13); объ установленіи Олимпійскихъ игръ I. 180, п. 3 (Лик. 1); о діархіи въ Лакедемонѣ I. 182, п. 7 (Лик. 2); о Терпандрѣ I. 244, п. 73 (Л. 21); о порчѣ нравовъ въ Лакедемонѣ I, 259, п. 85 (Л. 27): о наказаніи прелюбодѣя въ Аѳинахъ (выписка изъ Лисія въ переводѣ II, 58, п. 57 (Сол. 23); о паразитахъ II, 64, п. 65 (Сол. 25); о Ѳермопилахъ II, 177. п. 42 (Ѳем. 9); изреченіе Ѳемистокла по Цицерону II, 205. п. 84 (Ѳ. 19); о такъ называемыхъ латинскихъ праздникахъ II, 250. п. 12 (Кам. 4); о римскомъ гражданинѣ II. 332, п. 93 (Кам. 39); о предложеніи, сдѣланномъ народу сенатомъ III. 298, п. 11

Г. Примѣчанія по исправленію фактовъ.

Переводчикъ иногда предостерегаетъ читателей отъ невѣрной или неточной передачи фактовъ. Напримѣръ, біографъ утверждаетъ, что послѣднее сраженіе Камилла съ Галлами (въ 5-ую его диктатуру) «дано было 13 лѣтъ по взятіи Галлами Рима». На это комментаторъ замѣчаетъ: «Полагать должно 23 или 25 лѣтъ, а не 13» [1]). Авторъ говоритъ о богатомъ сиротѣ, опекаемомъ Арунсомъ, что онъ назывался Лукумономъ; комментаторъ замѣчаетъ: «Лукумонъ на Этрурскомъ языкѣ значилъ князь. Можетъ быть имя достоинства его Плутархъ принялъ за собственное» [2]). Въ жизни Нумы, при описаніи установленія весталокъ, авторъ, уклонившись въ сторону, разговорился о способѣ добыванія огня вогнутыми зеркалами. Переводчикъ, какъ бы опасаясь, чтобъ читатели не отнесли этого способа добыванія огня къ эпохѣ учрежденія весталокъ, дѣлаетъ въ примѣчаніи такую оговорку: «Вѣроятно, что до изобрѣтенія зажигательныхъ стеколъ Архимедомъ Весталки доставали огонь такъ, какъ пишетъ Фестъ, а именно: брали деревянную доску и протирая дыру зажигали. Одна изъ нихъ принимала сей огонь въ мѣдное рѣшето. Симъ образомъ достаютъ огонь всѣ дикіе народы [3]).

Плутархъ упоминаетъ о Палатіумѣ, какъ о центрѣ римской державы: это было во время Серторія. Комментаторъ обращаетъ вниманіе на то, что Плутархъ употребляетъ здѣсь выраженіе

Коріол. 6); о сатирическомъ представленіи у Аѳинянъ III, 13—4, п. 20 (Пер. 5); битва при Левктрахъ по Діодору IV, 260, п. 41 (Пелоп. 22); осада Сиракузъ по Титу-Ливію IV. 357. п. 43 (Марц. 14—18); изреченіе Архимеда IV. 347, п. 32 (Марц. 15); о писателѣ Кратерѣ V, 84. п. 57 (Арист. 26); о причинахъ успѣховъ Митридата VI, 361, пр. 26 и проч. и проч.

[1]) Плут. ср. ж. II, 339 (Кам. 41), пр. 88. — Если держаться обычнаго счета, т. е. что взятіе Рима Галлами произошло въ 390 г. до Р. Х., а побѣда Камилла (5-я дикт.) въ 367, то выйдетъ 23 года. Но, по мнѣнію. Моммзена первое событіе произошло въ 388 г. до Р. Х. (Mommsen, Röm. Gesch. I, 335 4-е изданіе): въ такомъ случаѣ промежутокъ будетъ въ 21 годъ.

[2]) Тоже II, 275 и пр. 38 (Кам. 15).

[3]) Тоже I, 306 (Нума 9) и п. 44.

того вѣка, въ который жилъ онъ самъ, а не того, когда жилъ Серторій [1]).

Д. Примѣчанія, въ которыхъ высказанъ взглядъ переводчика.

Сп. Юр—чь выходитъ иногда изъ предѣловъ комментарія, высказывая свое несогласіе съ нѣкоторыми политическими и нравственными взглядами автора или описываемыхъ имъ дѣятелей. Отношенія автора къ Спартѣ и Ликургу критикуются слѣдующимъ образомъ: «Подобно Ксенофонту онъ очень былъ пристрастенъ къ Спартанцамъ и ихъ нравамъ.... Ликурга почиталъ онъ истиннымъ мудрецомъ. Хотя его республика не можетъ служить образцомъ ни для какого народа, однакожъ она доказываетъ неоспоримо, какое вліяніе гражданскія постановленія могутъ имѣть на человѣческую природу» [2]). Въ другомъ мѣстѣ Плутархъ излагаетъ мнѣніе Ѳеофраста обо Аристидѣ въ такихъ выраженіяхъ: «Аристидъ вообще былъ чрезвычайно справедливъ въ дѣлахъ, касающихся до него и относительно къ своимъ согражданамъ, но въ дѣлахъ общественныхъ большею частію обращалъ вниманіе на то, что было полезно отечеству, какъ бы часто оно имѣло нужду въ несправедливыхъ поступкахъ». На это переводчикъ замѣчаетъ: «Итакъ справедливый Аристидъ почиталъ обманъ въ политикѣ позволительнымъ! Но не онъ ли уничтожилъ предложеніе Ѳемистокла, сказавъ, что оно полезно, но не справедливо? Впрочемъ было ли продолжительно владычество Аѳинянъ, утвержденное уже, не на довѣренности ихъ союзниковъ, но на притѣсненіи и несправедливости? Долго ли владычествовали Ла-

---

[1]) Тоже VIII. 65 (Серт. 24), п. 33. — Къ этому же разряду принадлежатъ слѣдующія примѣчанія: о Sardi venales I, 151, п. 82 (Ром. 26); о первомъ разводѣ мужа и жены I, 175, п. 95 (сравненіе Тез. съ Ромул.); о феціалахъ I, 314. п. 53 (Нум. 12); о вѣроятной причинѣ вторженія въ Италію Галловъ II, 274. п. 37 (Кам. 15); оправданіе историка Ираклида отъ нападка Плутарха II, 293 и п. 64 (Кам. 22).

[2]) Пл. ср. ж. I, 179, пр. 2 (Лик. 1).

кедемоняне надъ Греціею, послѣ того, какъ начали вѣроломнымъ образомъ брать крѣпости союзныхъ съ ними народовъ? Но всѣ примѣры предлагаемые намъ древностію ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что мы видѣли своими глазами. Двадцатипятилѣтнее могущество Франціи было такъ уже утверждено на несправедливости и угнетеніи — и двухъ походовъ было достаточно, чтобъ его испровергнуть. Лучшая подпора государствъ есть справедливость, въ гражданскомъ и политическомъ отношеніи»[1]). Въ жизни Катона Плутархъ приводитъ его мнѣніе о Сократѣ: «Сократъ ничто иное былъ, думаетъ Катонъ, какъ пустой говорунъ и безпокойный человѣкъ, старавшійся какими бы то ни было средствами сдѣлаться тираномъ своего отечества, испровергая отечественныя постановленія, обращая гражданъ ко мнѣніямъ, противнымъ законамъ». Къ такому отзыву не остался равнодушнымъ комментаторъ, и обратившись въ критика, провелъ между Катономъ и Сократомъ слѣдующую параллель: «Катонъ, по многимъ отношеніямъ, пишетъ онъ, заслуживаетъ великое уваженіе, однако не смѣемъ сравнить его съ Сократомъ, на котораго клевещетъ непростительнымъ образомъ; развѣ сдѣлаемъ сравненіе для показанія того, сколь различенъ одинъ отъ другаго: во-первыхъ Сократъ былъ всегда бѣденъ, а Катонъ, для обогащенія своего, между другими средствами, употреблялъ самое ненавистное лихоимство и самую жестокую торговлю — людьми. Во вторыхъ: Сократъ, служа отечеству и какъ воинъ и какъ судья, не токмо никого не преслѣдовалъ судомъ, но, напротивъ того, въ дѣлѣ невинно осужденныхъ на смерть полководцевъ, бывъ въ числѣ судей, онъ противился несправедливому рѣшенію и тѣмъ навлекъ на себя неудовольствіе народа. Катонъ, напротивъ того, полагалъ свою славу въ томъ, чтобъ быть доносчикомъ не токмо противъ дурныхъ, но и противъ лучшихъ гражданъ, каковъ Сципіонъ. Онъ доказалъ тѣмъ, что доносы его не столько справедливость имѣли цѣлію, сколько частную ненависть. Въ третьихъ:

[1]) Пл. ср. ж. V, 79—80, пр. 55 (Арист. 25).

добродѣтельной жизни Сократа, особливо съ того времени, какъ онъ предалъ себя философіи, можно противуставить невоздержаніе Катона въ самой старости, и соблазнительный примѣръ, даваемый молодому, новобрачному сыну своему. Наконецъ скромность одного составляетъ совершенную противоположность съ самохвальствомъ другаго: онъ думалъ, что знаетъ весьма мало; другой брался за все и залѣчилъ жену и сына до смерти. Столько-то онъ силенъ былъ въ медицинѣ! Сократъ, котораго Катонъ представляетъ человѣкомъ безпокойнымъ и нарушителемъ законовъ, опровергъ сію клевету сильнѣйшимъ образомъ, не захотѣвши убѣжать изъ темницы, но оставаясь въ оной въ ожиданіи вѣрной смерти, единственно изъ повиновенія законамъ своего отечества. Восклицанія Катона противъ истинной философіи доказываютъ, что онъ ее не зналъ, и притомъ что она была ему весьма нужна. Я увѣренъ, что Сократова и Плутархова философія удержала бы его отъ продажи старыхъ рабовъ и отъ торговли ими, отъ ненасытной скупости и отъ невоздержной жизни»[1]).

Объ этомъ-то примѣчаніи отецъ мой пишетъ, что онъ въ молодости своей вложилъ въ него всю свою душу, и что и въ старости не стыдится его[2]).

Выше мы сказали, что С. Ю-чь, по возвращеніи своемъ въ Петербургъ, увидавъ послѣднія 7 частей своего перевода, напечатанныя въ его отсутствіе, остался очень недоволенъ небрежностью, съ какою онѣ были изданы[3]). Неудовольствіе его выразилось въ тѣхъ горькихъ словахъ, которыя были имъ написаны за годъ или въ самый годъ его смерти, въ черновой, неисправленной, но собственноручной его замѣткѣ. Мы уже привели эти слова[4]). Но мы обѣщались разъяснить, въ чемъ состоятъ недо-

---

[1]) Пл. ср. ж. V, 159 и прим. 48.

[2]) См. выше стр. 50.

[3]) См. выше стр. 51.

[4]) Стр. 25—26.

статки послѣднихъ частей: выпишемъ сперва изъ той же замѣтки мнѣніе о томъ самаго переводчика:

«Первою мыслью его (то есть переводчика по пріѣздѣ въ Петербургъ) было видѣть изданіе его труда. Каково было его изумленіе, его негодованіе, видя, какъ много было ошибокъ и пропусковъ въ этомъ изданіи. Не говоря объ етотъ и ета и ентузіа и афины и проч., многія мѣста искажены: кто похвалитъ отца кого нещастный сынъ — въ жизни Серторія въ началѣ вставлено слово *общество* . . . . . имена собственныя исковерканы . . . съ того времени едва ли переводчикъ взялъ въ руки свой переводъ — онъ получилъ къ нему отвращеніе[1]) . . . .» и т. д.

Но это не единственная дошедшая до меня замѣтка самаго переводчика о состояніи текста изданной не подъ его наблюденіемъ доли его труда. На нашемъ экземплярѣ 12-й части я нахожу такія замѣтки, сдѣланныя карандашемъ рукою переводчика:

Стр. 24 (Части 12-й, напечатанной въ 1820 г.): «принимать Димитрія съ торжественными обрядами какъ Димитрія»; здѣсь рукою отца приписано: *ру*. Понятна мысль его: надо читать; «какъ Димитру» (богиню). И въ самомъ дѣлѣ въ греческомъ стоитъ: τοῖς Δήμητρος ξενισμοῖς (Demetr. 12). Ed. ster. Lips. 1820 T. VIII, p. 210.

Стр. 25 (тамъ же): «Димитрія и Антогона»; карандашемъ зачеркнуто *о* (послѣ *т*) и написано *и*: т. е. «Антигона» (Ἀντίγονον Demetr. 12). ib. 210.

Стр. 39 (тамъ же): «Филомиторъ»; зачеркнуто *ро*; т. е. должно быть «Филомиторъ» (Φιλομήτωρ Demetr. 20). ib. 219.

Стр. 40 (тамъ же) «куциту»; карандашемъ исправлено: «цикуту» (κώνειον Demetr. 20). ib. 219.

Стр. 41 (тамъ же): «Өлепсилисъ», приписано *о*; т. е. читай: «элеполисъ; въ пр. 18 тамъ же напечатано: Ἐφέπορις; подъ каждымъ ρ подписано по λ. Читай: «ἑλεπόλεις» (Demetr. 20, ib. 219.

[1]) Въ «Черновомъ Отвѣтѣ 1847 г.» или 1848 г. Приводимъ выписку со всѣми недописками подлинника.

Итакъ, отецъ отмѣтилъ 5 ошибокъ, искажающихъ слова до безмыслицы, всего на 17 страницахъ. Взглянули въ эту самую 12-ую часть и мы, и нашли въ ней тьму ошибокъ. Ограничимся 20-ю страницами, взятыми кряду: Стр. 123 саратоборцамъ, 124 Лнтеона (вм. Антеона), 124 грубой плащь (въ текстѣ, а въ пр. 10 о плащѣ сказано: «дабы *она*), 128 наделъ, 129 отечеству нанести (пропущено: войну), 130 не брегъ, 135 на свадьбы (вм. на свадьбѣ), 135 и-мимъ (вм. и мимъ), 137 отавивъ (вм. оставивъ). Итакъ, 9 ошибокъ на 20 страницахъ.

Посмотримъ теперь, какова 7-я часть, то есть та самая, съ которой началась оплачиваемая изъ жалованья переводчика чужая корректура?

Для краткости мы упомянемъ здѣсь только объ именахъ собственныхъ, хотя наши черновыя замѣчанія этимъ не ограничились.

Часть 7-я, стр. 10 Скапка ила (Σκαπτὴ ὕλη). 22 Дикелія (Δεκελία), 23 къ Тисію (Κτήσιον), 37 Аримандъ (Ἀριομάνδης), 47 Евтолпида (Εὐπόλιδος), 48 Исидоки (Ἰσοδίκη), 75 Лектрѣ (Λεκτοῦ) и т. д.

Однако у читателей, незнакомыхъ съ тою половиной изданія, которая печаталась подъ личнымъ наблюденіемъ переводчика, могутъ возникнуть нѣкоторыя сомнѣнія относительно исправности представленныхъ имъ перебѣленныхъ тетрадей, по которымъ печаталась вторая половина изданія. Эти перебѣленныя тетради не заключали ли въ себѣ тѣхъ самыхъ ошибокъ, которыя мы находимъ въ печати? Какъ разсѣять это сомнѣніе, когда самому переводчику не было извѣстно, гдѣ находится его подлинникъ [1]? Къ счастью я имѣю еще одно средство для обличенія *неисправности* такъ называемаго *исправленія* [2]), постигшаго трудъ моего отца: это сличеніе печатныхъ текстовъ, вышедшихъ въ свѣтъ по его отъѣздѣ, съ уцѣлѣвшими у насъ отрывками черноваго текста перевода.

---

1) См. выше стр. 26 этой статьи.

2) Въ офиціальныхъ бумагахъ употребленъ этотъ терминъ и исправленіе см. стр. 23 и примѣчаніе 2.

Въ той же 7-й части въ печати читаемъ стр. 240: «*Сего Іерона Никіасъ* употреблялъ въ тайныхъ совѣщаніяхъ съ прорицателями и между тѣмъ *разсѣвалъ* въ народѣ слухи, что *Никіасъ* ведетъ жизнь тягостную» . . . А въ черновомъ: «*Сей Іеронъ былъ употребляемъ* и т. д. и между тѣмъ *разсѣвалъ*» . . . . (Ср. Никіасъ гл. 5, Ed. Coraës, III, 266).

Тамъ же стр. 224 печ: два раза «Ксено*кратъ*», въ черновомъ «Ксен*архъ*» (Edit. Cor. III, 261: Ξέναρχος, Nic. 1).

Тамъ же стр. 227 печ.: «въ народныхъ опредѣленіяхъ *и* памятникахъ». Въ черновомъ же не *и*, а *или* (какъ въ греч. текстѣ: ἢ πρὸς ἀναθήμασιν, ἢ ψηφίσμασιν — Ibid. p. 262. Nic. 1). Тамъ же стр. 227 печ.: «Ѳираменъ, сынъ Агнана»; въ черн. сынъ «Агноновъ», какъ въ греч. ὁ Ἄγνωνος (тамъ же). На той же стр., Nic. 2.

Тамъ же стр. 253 печ.: «Войнѣ сей предопредѣлено продолжаться трижды *десять* лѣтъ» (то же повторено въ прим. 32). Въ черновомъ: «трижды *девять*» (въ греч. τρὶς ἐννέα, Ib. p. 271). Да и какъ было Плутарху и Спиридону Дестунису того не знать, сколько лѣтъ продолжалась Пелопонисская война?

Тамъ же стр. 265 печат.: «Ѳео*крастъ*;» въ черн. «Ѳео*фрастъ*» (Θεόφραστος тамъ же стр. 275, Nic. 11).

Тамъ же стр. 269 печат.: «племенемъ Э*гійск*имъ»; въ черновомъ: «племенемъ Э*геидск*имъ» (Αἰγηΐδος φυλῆς, греч. стр. 276, № 13).

Тамъ же, на той же стр. печатнаго текста о жрицѣ, сказано, что «она называлась Исих*ееею*»; въ черн. Исих*іею* (греч. Ἡσυχία, ib.).

Тамъ же на стр. 317 печ.: «Клеандри*тъ*»; въ черн.: «Клеандри*дъ*» (Κλεανδρίδης, Ib. p. 295, Nic. 28).

Итакъ, указанныя здѣсь ошибки печатнаго перевода (7-я часть, жизнь Никіи) не находятся въ сохранившемся у насъ отрывкѣ черноваго перевода: поэтому и нельзя допустить, чтобъ онѣ могли быть внесены Спиридономъ Юрьевичемъ въ представленный имъ перебѣленный экземпляръ.

Къ такому же выводу пришли мы вслѣдствіе сдѣланнаго нами сравненія печатнаго текста (изъ 9 и 10 частей) съ со-

хранившимися черновыми отрывками изъ жизни Александра и Арата. Но печатаніе этихъ сличеній въ этой статьѣ мы уже не считаемъ нужнымъ, послѣ вышеприведенныхъ доказательствъ. Назадъ тому 36 лѣтъ я высказалъ въ «Некрологѣ» моего отца, что отпечатанныя въ его отсутствіе части перевода вышли въ свѣтъ съ большими ошибками и пропусками [1]: въ настоящей же статьѣ я подтвердилъ это необходимыми доводами. Впрочемъ, вслѣдствіе долгихъ сличеній и я убѣдился, что эти ошибки и пропуски произошли не отъ какого-нибудь самонадѣяннаго поползновенія измѣнить переводъ и примѣчанія трудившагося, но отъ невѣжества и крайней неряшливости.

Приведенными въ этой статьѣ разысканіями нашими мы исполнили часть давно лежавшаго на насъ долга: разсказать по находящимся у насъ источникамъ исторію литературныхъ трудовъ нашего отца и познакомить читателя съ самыми трудами его. Вотъ что̀ мы знаемъ о переводѣ Плутарха: постараемся въ послѣдующихъ статьяхъ разъяснить и остальную его ученую дѣятельность.

Гавріилъ Деступисъ.

27-го Апрѣля 1886 г.

---

[1] «Некрологъ С. Ю. Деступиса», помѣщенный въ 1851 г. въ Запискахъ Одесскаго Археологическаго Общества, котораго С. Ю-чъ былъ членомъ, составленъ былъ мною и напечатанъ въ означенныхъ Запискахъ безъ малѣйшаго измѣненія. По какимъ соображеніямъ подписано подъ нимъ имя одного изъ членовъ Общества — мнѣ неизвѣстно. Приведенное свѣдѣніе помѣщено на 5—6 стр. отдѣльнаго оттиска того же Некролога.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Приложеніе 1.

Къ стр. 9—11 (см. тамъ примѣчанія).

Между бумагами моего отца я нашелъ слѣдующую копію, писанную его рукой:

Копія съ докладной записки Статсъ-Секретаря Графа Каподистріи отъ Сентября 1816-го года.

A. S. M. L' Empereur.

L' Assesseur de Collège Destounis, employé depuis cinq ans à la Chancellerie du Département des affaires étrangères, indépendamment du zèle assidu avec lequel il a toujours rempli ses fonctions, a de plus mérité de l'Etat et des Lettres par sa traduction des vies des hommes Illustres de Plutarque qu'il vient d'achever et pour[1]) la composition d'un Dictionnaire Grec-Russe, ouvrage encore inédit, qui manquoit à l'éducation de la jeunesse en Russie, et auquel le Ministère de l'Instruction publique a rendu par écrit le temoignage le plus avantageux.

La première de ces productions, savoir, la traduction de Plutarque, s'imprime aux frais de la couronne et au bénéfice du traducteur. Mais attendu que l'édition n'avance que très lentement et n'a encore atteint que le quatrième volume: tandis que les neuf suivans sont encore manuscrits: l'Ass. de Col. Destounis, tant à titre des services qu' il a rendu qu'à raison de la penurie de ses moyens et des devoirs que lui impose l'entretien de sa famille, ose soumettre à V. M. I. la très-humble demande, résumée ci-après:

Que V. M. daigne ordonner à Son Cabinet de soigner l'impression de l'ouvrage, à charge de commettre le débit des mille exemplaires, dont cette édition est composée, au comité des Invalides. Déduction faite des fraix d'impression, le bénéfice de la vente seroit destiné à secourir les Invalides, ce qui monterait à une somme assez considérable, puisque le total de l'éducation (?) produiroit pour le moins 40,000 Roubles à 40 r. l'exemplaire, composé de 13 volumes in 8°. Le Comité des Invalides semble en effet posséder plus de moyens pour accréditer l'ouvrage dans l'opinion, que n'en peut avoir un individu isolé et sans relation tel que le traducteur. Celui-ci aspireroit en compensation de ce sacrifice à obtenir de la muni-

---

[1]) Описка читай par.

ficence de V. M. I. la concession de . . . mille décétines de terre à son choix dans un gouvernement de l'intérieur. Cet employé venant en outre de s'acquitter avec zèle de la commission que je lui ai donné de traduire en Russe le rapport sur l'Institut de Mr. Fellenberg, ainsi que différentes pièces concernant l'instruction élémentaire, j'oserai supplier V. M. I. de daigner lui conférer, comme naguère à ses collègues, l'ordre de Ste-Anne de la 2 Classe.

Приложенie 2.

Къ стр. 11, пр. 2. въ дополненie къ изданному тамъ отношенiю помѣщаемъ здѣсь хранящуюся у насъ копiю съ указа:

Списокъ.

Указъ Правительствующему Сенату.

Вѣдомства Государственной Коллегiи Иностранныхъ дѣлъ Коллежскому Ассесору Дестунису въ вознагражденie долговременной его службы и трудовъ, употребленныхъ имъ при переводѣ Плутарховыхъ жизнеописанiй, Всемилостивѣйше жалуя въ вѣчное и потомственное владѣнie двѣ тысячи десятинъ земли, Повелѣваемъ отвесть ему оныя въ такихъ по его выбору губернiяхъ, гдѣ сверхъ положенной казеннымъ крестьянамъ пятнадцати десятинной пропорцiи находятся излишнiя порозжiя земли, исключа состоящiя въ оброкѣ изъ оклада и казеннаго вѣдомства съ того времени, когда во владѣнie его Дестуниса отвѣдены будутъ.

На подлинномъ подписано собственною Его Императорскаго Величества рукою

Александръ.

Въ С.-Петербургѣ
26 Генваря 1817-го.

Приложенie 3.

Закладная, составленная С. Ю. Дестунисомъ въ Смирнѣ, въ бытность его Россiйскимъ Генеральнымъ Консуломъ въ этомъ городѣ, писанная и подписанная его рукою и переписанная нами съ подлинника. О ней см. на стр. 21 и пр. 4.

Къ № 2560.

Смирна 1819 года Марта 20-го дня. Я нижеподписавшiйся Надворный Совѣтникъ Россiйскiй Генеральный въ Смирнѣ Консулъ и Кавалеръ Спиридонъ Юрьевъ сынъ Дестунисъ, симъ актомъ, который долженъ имѣть силу сдѣланной по формѣ закладной во всякомъ присутственномъ мѣстѣ Россiйской Имперiи и который по тому только не сдѣланъ по предписанному Россiйскими законами порядку, что составленъ въ иностран-

помъ Государствѣ, закладываю Комитету Высочайше учрежденному Августа 18-го дня 1814-го года всѣ безъ исключенія двѣ тысячи десятинъ земли Высочайше мнѣ пожалованныхъ Указомъ даннымъ Правительствующему Сенату 1817-го года Января [1]) дня, съ правомъ выбирать оную въ разныхъ губерніяхъ, каковую землю я до сихъ поръ не выбралъ, не продалъ никому и не заложилъ, обязываясь оныхъ 2000 десятинъ не закладывать, не продавать никому безъ позволенія онаго Комитета доколѣ не внесу въ оный той суммы, какую стоитъ 20 или болѣе экземпляровъ книги моего перевода подъ названіемъ Плутарховы жизнеописанія, полагая экземпляръ по 40 рублей ассигнаціями, какъ нынѣ продается оная книга моего перевода, каковые экземпляры недостаютъ изъ числа 1000 коихъ я обязанъ былъ доставить оному комитету. Въ чемъ и подписуюсь съ приложеніемъ герба моей печати въ присутствіи чиновниковъ сего Консульства. Надворный Совѣтникъ и Генеральный въ Смирнѣ Консулъ С. Дестунисъ. Conseiller de Collège Jean Baptiste Tomaggian Premier Interprète au Consulat Général de Smirne témoin. Locotenente Panagin Avierinó e Console in Scala nova testim. Antonio Candachidi Cancel.^{e} prvs.^{o} del Consolato Generale Imperiale Russo. testifico.—

Приложеніе 4.

На стр. 22 мы представили въ переводѣ нѣсколько выписокъ изъ трехъ черновыхъ писемъ С. Ю. Дестуниса къ барону Строганову, россійскому чрезвычайному посланнику въ Константинополѣ, относящихся къ дѣлу о переводѣ Плутарха. Здѣсь помѣщаемъ ихъ на французскомъ языкѣ по подлиннымъ черновымъ, писаннымъ рукою С. Ю-ча.

1. Отрывокъ изъ письма 1819 года. J'ai été très sensible à la bienveillance de Votre Excellence et à l'intérêt qu' elle prend à ma réputation. Sur ma connaissance il ne manque pas plus de 60 volumes dont le matériel ne vaut point 150 roubles; j'engage ma terre et si on continue à me persécuter je présenterai à S. M. I. une supplique, je désisterai de tout droit à cette terre dont je n'ai retiré un sou et je demanderai mon livre.

2. Черновое письмо 20 Сент. 1819 г. См. отрывокъ его на стр. 22 и прим. 3. 105. 20 Septembre.

V. E. a bien voulu me communiquer la copie de l'office du Comité des Invalides au Collège des Affaires étrangères, touchant les exemplaires qui manquent de ma traduction de Plutarque.

Ayant couvert l'intérêt du Comité de tout ce que je possède dans ce monde et qui est plus que suffisant à satisfaire à toutes les prétentions qu'on pourrait former sur moi, je ne m'empresserai pas à répondre tout de suite à la demande du Comité 1) parceque le nombre des exemplaires qui manquent n'est pas encore fixé, le Comité en demandant 50 exem-

---

[1]) Изъ Прил. 2 пополняю: 26.

plaires et mon commis ne les portant qu'à 24 tout au plus. Le même m'écrivait qu'il y a quelque tems par un faux calcul on en portoit le déficit à 200; 2) parceque je suis hors d'état de rien payer pour le présent, ayant dépensé 4500 piastres pour le loyer et la réparation de la maison du consulat (sans compter les meubles) et ayant contracté même des dettes ici pour subvenir aux fraix extraordinaires que j'ai dû rencontrer, n'ayant pas reçu jusqu'à présent les appointemens complets de mon poste; 3) enfin parceque je persiste toujours dans mon opinion de supplier S. M. I. de me rendre les fruits de mes veilles et d'allouer au comité la terre qui me fut gratifiée, en récompense de mes travaux et de mon service de 17 ans.

Par conséquent j'ose prier V. E. de me donner ou la permission de Lui envoyer la supplique que je crois présenter à S. M. I., ou, en cas qu' Elle ne le jugea à propos, celle de faire parvenir cette supplique par quelque autre voie, jusqu'au pied du Throne.

Je prévois que sans cette mesure indispensable je perdrai et ma terre et mon livre, ce qui seroit trop funeste pour moi.

3. Черновое письмо къ тому же лицу конца 1819 года См. здѣсь въ текстѣ стр. 22 и прим. 4. 54.

D'après la volonté de V. E. j'ai renouvelé mon rapport touchant l'affaire de Plutarque.

Je sentois moi-même les difficultés que doit rencontrer ma supplique d'obtenir une portion de terre ou un équivalent en Bessarabie; aussi pour donner une fin à cette fâcheuse affaire je prends la hardiesse de joindre ici une supplique au nom de S. M. I. par laquelle je cède tous mes droits aux 2 m. dessetines de terre et je demande la restitution de mon livre.

Je dois ce sacrifice à ma tranquillité qui m'est plus chère que toutes les richesses du monde, et je prie très humblement V. E. de l'appuyer, aussitôt qu'elle le croira à propos en donnant pour le présent cours à l'acte de l'hypothèque [1]), afin de tranquilliser le Comité des Invalides.

Outre le déplaisir que cette affaire m'a donné, je suis pénétré d'un sentiment douloureux pour l'embarras qu'elle a donné à V. E.

Приложенiе 5.

Отрывокъ изъ черноваго письма С. Ю. Д. къ графу Ивану Антоновичу Каподистрiи отъ 2 Января 1820 года. См. въ текстѣ стр. 23. и прим. 1.

«Au C. Capod. 2 Janv.

C'est avec peine que je dois parler de moi. Le Comité des Invalides auquel j'ai rendu un service, comme il est connu à V. S., a commencé à me poursuivre. Pour quelques livres dont le matériel ne vaut 100 roubles on demande de moi 2500. On veut me faire acheter mon propre ouvrage, ce qui est tout-à-fait comique. C'est peu que je lui ai hypothéqué ma

---

[1]) Это ссылка на закладную, приложенную здѣсь въ *Приложенiи 3.*

terre[1]), on veut de l'argent comptant. Je ne vois que du guignon dans tout cela. Aussi rien de plus juste que de demander mon livre et de céder la terre. C'est l'objet d'une supplique que j'ai adressé à S. M. I. [2]); je serais content de tout, pourvu qu'on me laisse tranquille et qu'on n'importune mes chefs.»

Приложенiе 6.

Засвидѣтельствованная копiя подлиннаго закладнаго акта, составленнаго С. Ю. Дестунисомъ въ Венецiи 7 (19) апрѣля 1824 года. См. статьи стр. 24. и прим. 1 и 2.—

Copie. Venise, le 7 (19) Avril 1824.

Къ № 517, 1824. Къ № 4689 (или 4089).

S'étant présenté à la Chancellerie de ce Consulat Général le Conseiller de Cour, et Chevalier Spiridion Destunis Consul Général de Russie à Smyrne a declaré par la présente que le nombre de mille (1000) exemplaires du livre intitulé: Vie des hommes Illustres de Plutarque en 13 volumes (ouvrage qui par ordre Suprême s'imprimait aux frais du Cabinet de S. M. I. en faveur de lui Destunis, depuis l'an 1811 [3]) et qui en 1817 fut mis à la disposition du Comité des Invalides en suite de la supplique du dit Destunis qui obtint pour cela de la munificence Impériale en récompense, le droit de se choisir deux milles dessetines de terre, qu'il a présenté au Comité des Invalides, n'ayant pas été trouvé complet à cause du déficit de 40 à 50 exemplaires des quatre premiers volumes de l'ouvrage, et ayant été sommé, Lui Destunis de les completer, ou de payer l'équivalent à raison de 40R. par exemplaire il a cru de son devoir dès l'an 1819 pour mettre en sureté l'intérêt des Invalides d'hypothéquer en force d'un acte privé son droit sur les deux mille *dessetines* de terre susmentionnées, au dit Comité, qui pour lors parut satisfait de cette hypothèque, mais dernierement Lui Destunis ayant appris qu'à la réquisition du dit Comité un sequestre fut mis sur ses appointements auprès du Collège Impérial des Affaires Etrangères, et considérant que la portion de terre qui Lui fut assignée doit valoir au moins autant que l'ouvrage entier ou les mille exemplaires qui ont été imprimés en sa faveur par ordre Suprême; il se voit obligé de mettre de nouveau à couvert d'une manière plus sûre, les intérêts des Invalides, non seulement en leur hypothéquant de la manière la plus formelle par le présent acte, le droit qui lui fut accordé par l'Oukaze de S. M. I. de choisir et de s'approprier une portion de terre dans tel Gouvernement de l'Empire que le dit Comité le croirait à propos, de la faire valoir, la louer, en disposer des revenus, la vendre,

---

[1]) См. приложенiе 3.

[2]) См. въ текстѣ стр. 23.

[3]) Эта цыфра не совсѣмъ точна по ошибкѣ памяти. 1-я часть полнаго изданiя этой книги пропущена цензурою 30 Апрѣля 1812 года (см. выше стр. 20 прим. 1).

ou l'aliéner selon qu'il conviendrait mieux aux intérêts des Invalides, comme si lui-même Destunis eût pû agir, à condition seulement que le choix et la vente de cette terre ne pourraient avoir lieu qu'après le débit des 950 Exemplaires qui se trouvent déjà à la disposition du Comité des Invalides, en cas que lui Destunis ne serait pas en état, avant le débit de l'ouvrage entier de compléter le déficit de 40 ou 50 Exemplaires qu'on demande de lui croyant bien qu'il serait de la justice et de l'équité du Comité des Invalides à ne point obliger Lui Destunis de payer et d'acheter, lui premier, un ouvrage sur lequel il travailla plusieurs années sans en avoir recueilli jusqu'à présent le moindre avantage. et qui fut assigné en faveur des Invalides en suite de sa très-humble supplique présentée à S. M. I. ne désespérant pas et s'obligeant formellement de faire tout son possible avant que l'ouvrage fut entièrement débité de trouver les exemplaires qui manquent ou de les faire réimprimer à ses frais, ou enfin de débourser la somme qu'on prétend de lui, sans qu'il soit nécessaire de séquestrer ses appointements.

Le Comparant a en outre déclaré que se trouvant hors de l'Empire par ordre Suprême, et n'ayant pas le moyen de profiter de la munificence Impériale par rapport à la portion de Terre qui lui fut très-gracieusement assignée, si le Comité des Invalides voudrait bien se charger d'en choisir une portion dans le Gouvernement de la Bessarabie ou de la Crimée qui valût au moins ce qu'a coûté le matériel de l'Ouvrage, c'est-à-dire le papier et l'impression, ce qui monte d'après le calcul de Lui Destunis, à 35 mille Roubles en assignations sans y comprendre le prix intrinsèque de l'ouvrage et le travail du traducteur; non seulement il serait mis par là tout de suite en état de rembourser la somme qu'il doit aux Invalides, mais il s'obligerait de céder en faveur d'eux sur la somme qu'il en toucherait, ou sur ce que la terre serait estimée, un 10 pour cent, et cela dans le cas que la terre valut de 24 a 30 mille Roubles et 15 pour cent, si elle valut au-dessus de 30 mille.

Le Comparant déclare enfin que tout ce qu'il a exposé et déclaré ci-dessus doit être regardé comme l'expression de sa volonté ferme, et comme une obligation formelle de sa part qui doit avoir son effet devant tout Tribunal de l'Empire.

(signé dans l'original)
S. Destunis.

Nous Spiridion Naranzi Conseiller d'Etat, Consul Général de Russie à Venise et Chevalier de l'Ordre de St. Anne de la seconde Classe

Faisons foi que la Copie ci-dessus a été fidèlement extraite de son original existant dans la Chancellerie de ce Consulat Général, ayant délivré la présente sur la demande de Mr. le Conseiller de Cour et Consul Général Destunis pour s'en servir partout où besoin sera.

Venise le 8 (20) Avril 1824.

(м. п.) Le Conseiller d'Etat et Consul Gnl. S. Naranzi.

Приложенiе 7.

Изъ актовъ, упомянутыхъ въ прим. 1. на стр. 25 этой статьи, помѣщаю здѣсь одну лишь копiю Высочайшаго повелѣнiя Министру Финансовъ отъ 30 Декабря 1827 года, писанную рукою моего отца.

Копiя съ копiи.

Гну Министру Финансовъ.

Снисходя на просьбу Статскаго Совѣтника Дестуниса о пожалованiи ему какой либо другой награды вмѣсто двухъ тысячь десятинъ земли, указомъ 26 Генваря 1817 года ему назначенной [1]) за переводъ съ Греческаго языка Плутарховыхъ жизнеописанiй славныхъ мужей, повелѣваю: сверхъ утвержденной уже мною въ 26. Окт. сего 1827 года выдачи изъ Государственнаго Казначейства по пяти рублей за десятину, выдать ему Дестунису особо, въ видѣ подарка, десять тысячь рублей, о чемъ и учините вы надлежащее распоряженiе.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

Николай.

С.-Петербургъ.
30 Декабря 1827.

На копiи написано вѣрно: Директоръ Канцелярiи Я. Дружининъ.

Вѣрно: Управляющiй 1-мъ Отдѣленiемъ Департамента Государственныхъ имуществъ М. Плисовъ.

Съ копiею читалъ Столоначальникъ Журавлевъ.

---

[1]) Этотъ указъ помѣщенъ во 2 приложенiи. Сравни также прим. 2 на стр. 11 этой статьи.

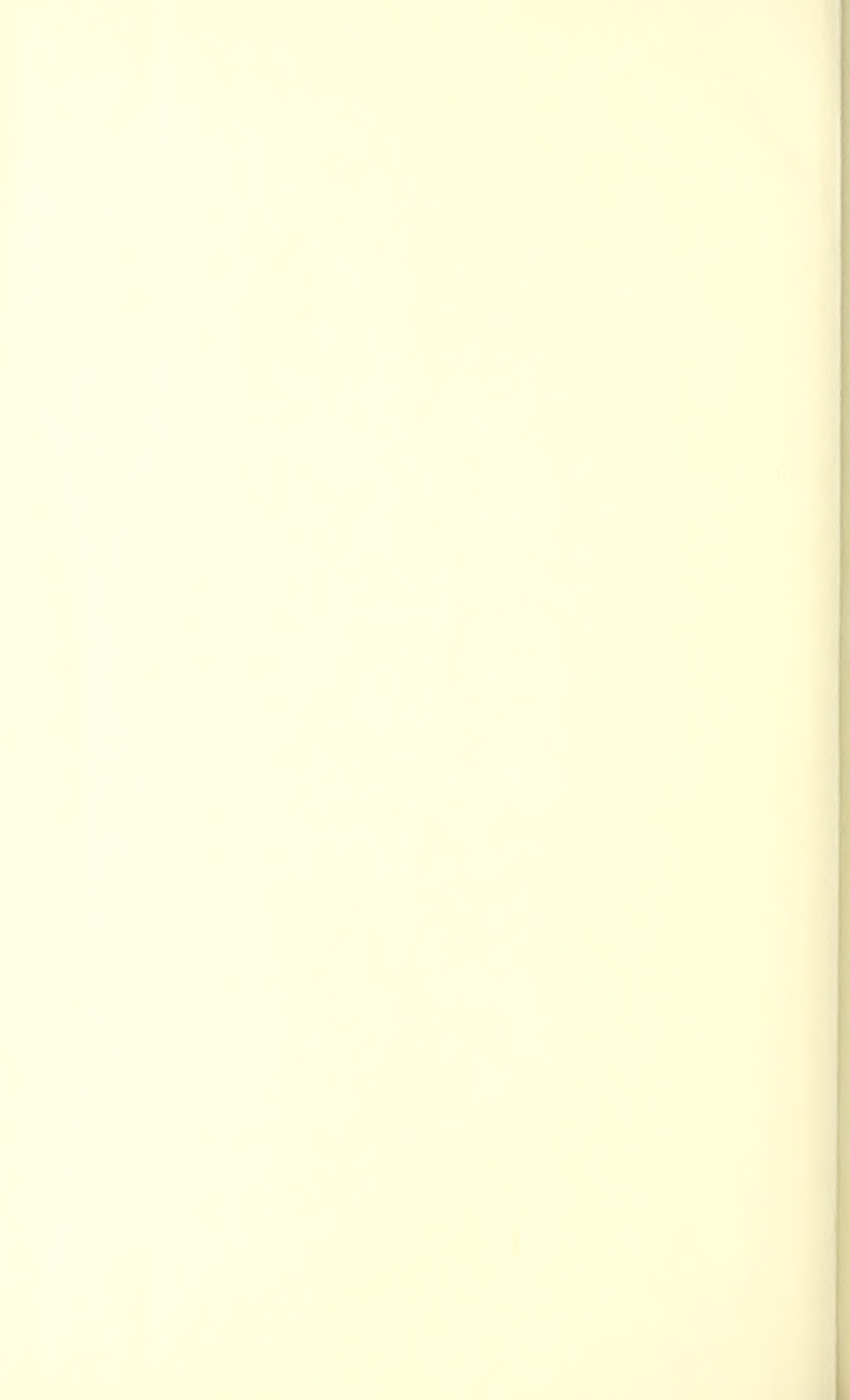
АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ИМЕНЪ И ПРЕДМЕТОВЪ,

упоминаемыхъ

ВЪ XL ТОМѢ СБОРНИКА ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

Римская цыфра означаетъ нумеръ статьи; арабскія же цыфры указываютъ на страницы каждаго отдѣльнаго нумера.



PG
2013
A65
t.40

Akademiia nauk SSSR. Ot
nie russkogo iazyka i sl
vesnosti
Sbornik

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY